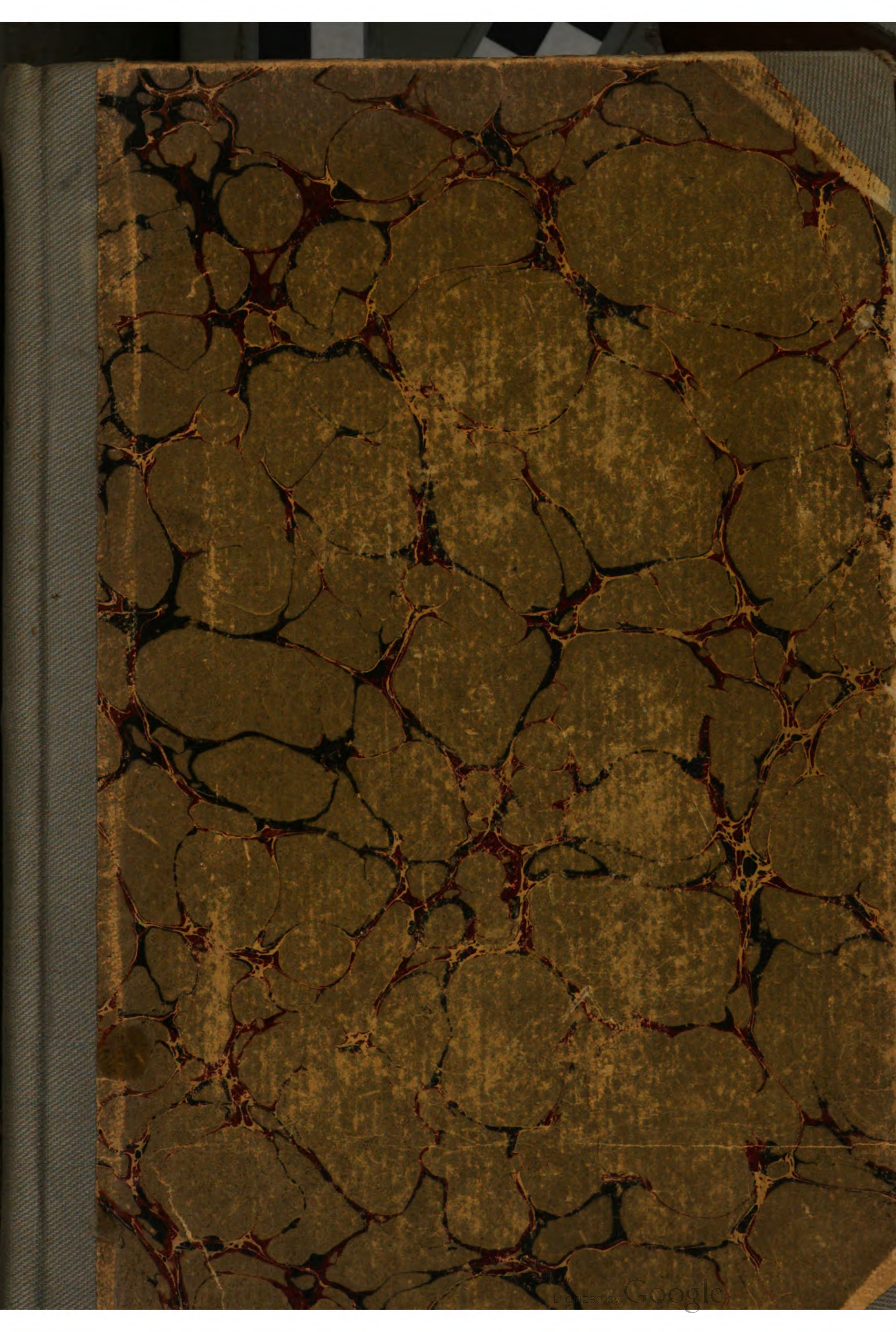
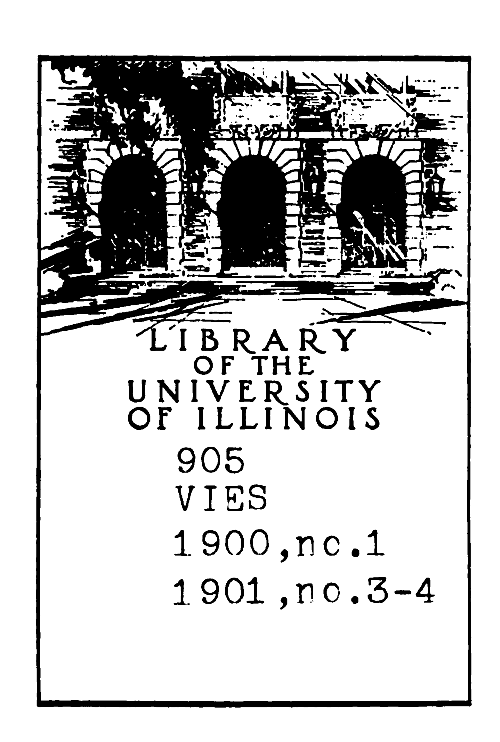

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
905
VIES
1900,no.1
1901,no.3-4

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

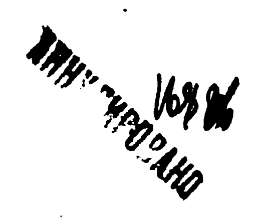
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

ДЕКАБРЬ

№ 1.

Второй годъ изданія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Столичная типографія. Гороховая, 12 (уг. В. Морской).
1900.

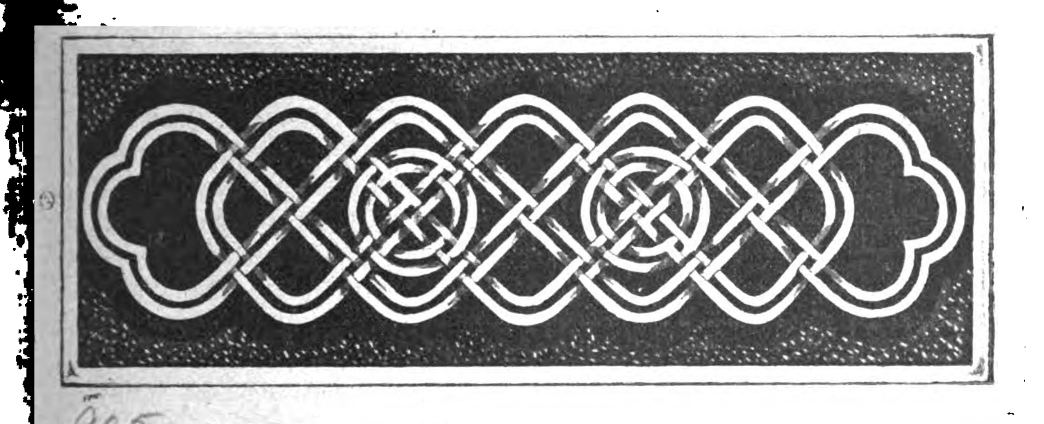
ОГЛАВЛЕНІЕ.

Безплатныя приложенія годовымъ подписчикамъ будутъ разосланы при январской книжкѣ.

Дозв. ценз. С.-Петербургъ 18 Декабря 1900 г.

Фридрихъ V, курфюрстъ Пфальца и король Богеміи.
По картинѣ Адріана ванъ-деръ-Верфа.
(Къ разсказу „Свадьба Зимняго короля").

Христина, королева шведская.

(Историко-психологическій очеркъ).

рирода чрезвычайно разнообразна въ своихъ прояленіяхъ. Сплошь и рядомъ тѣ или другія явленія, тщательно изученныя, считающіяся законообразными и закономѣрными, вдругъ порождаютъ изъятія и исключенія, которыя представляются рѣзкимъ противорѣчіемъ и даже противоположностью основному закону своего бытія. Такія противорѣчивыя явленія, вѣроятно, существуютъ во всѣхъ областяхъ знанія, между прочимъ, наблюдаются и въ медицинѣ. Такъ, напр., существуетъ болѣзнь, которая извѣстна подъ именемъ эпилепсіи. Она характеризуется приступами судорогъ и безсознательнымъ состояніемъ. А между тѣмъ есть случаи, въ которыхъ судорогъ не бываетъ,—и есть случаи, въ которыхъ судороги протекаютъ въ сознательномъ состояніи; однако и тѣ и другіе случаи будутъ явленіями эпилепсіи. Существуютъ случаи еще болѣе противорѣчивые. Сумасшествіе или душевныя болѣзни есть страданіе мозга, въ которомъ на первомъ планѣ поражается умъ. Это болѣзнь ума. А между тѣмъ существуютъ душевныя болѣзни, въ которыхъ умъ вовсе не поражается, и тѣмъ не менѣе это всетаки будетъ болѣзнь души. Существуютъ чрезвычайно интересные случаи, когда такіе больные мыслятъ правильно, логично, разумно, послѣдовательно, а дѣйствуютъ какъ сумасшедшіе и съ полнымъ правомъ признаются таковыми.

Не есть ли это противорѣчіе даннаго явленія въ самомъ себѣ? И не есть ли это абсурдъ природы?.. Едва ли!.. Едва ли природа даетъ абсурды. Абсурды являются недостаткомъ нашихъ знаній. Тщательное изученіе явленій во многихъ случаяхъ доказываетъ намъ, что нерѣдко то, что, по невѣдѣнію, считалось абсурднымъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается естественнымъ. И наступитъ моментъ бытія, когда абсурдовъ не станетъ. Но для этого человѣчеству нужно много открыть и многое изучить. Изученіе же идетъ очень медленно и самыми незамѣтными шагами. Приэтомъ фактическая сторона дѣла должна быть основою знаній.

Въ настоящемъ случаѣ я желаю напомнить одинъ историческій фактъ, который до нѣкоторой степени является страннымъ и разъясненіе котораго вполнѣ откроется дальнѣйшимъ развитіемъ науки. Такимъ страннымъ жизненнымъ фактомъ является жизнь Христины, королевы шведской. Это была женщина великаго ума, блестящаго образованія, высшаго положенія; но ея дѣйствія и поступки представляютъ рядъ странностей и дѣяній ненормальнаго, душевно больного человѣка. Ея жизнь напоминаетъ то состояніе, которое французы называютъ словомъ folie d'actions. Эти люди умно мыслятъ и безумно поступаютъ,—имѣютъ прекрасныя знанія и поступаютъ противно имъ,—обладаютъ высоконравственными теоріями и проявляютъ въ поступкахъ и дѣйствіяхъ полную безнравственность,—могутъ весьма умно объяснять свои поступки и безразсудно совершать ихъ.

Такова была и шведская королева Христина.

Отецъ Христины—шведскій король Густавъ Адольфъ. Это былъ человѣкъ высоко-даровитый, великій завоеватель и геніальный полководецъ, — человѣкъ, одаренный несокрушимой силой воли и отваги. Искренно религіозный человѣкъ, онъ всю свою жизнь отдалъ борьбѣ за религіозные принципы и погибъ въ битвѣ за протестантскую вѣру. Это былъ человѣкъ строгихъ нравственныхъ правилъ и суровой жизни. Крайности сходятся. Густавъ Адольфъ и жена его были двѣ крайности. Мать Христины, дочь курфюрста Іоанна Сигизмунда, была красавица, милое и граціозное существо, нѣжное, доброе и привязчивое до слабости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она была пуста, поверхностна, съ недалекимъ умомъ и неустойчивыми убѣжденіями. Она предавалась интригамъ и не брезгала для побѣдъ хитростію и обманомъ. Ея жизнь, поступки и дѣянія не пользовались симпатіями ни мужа, ни подданныхъ. Трудно

было найти большій контрастъ въ душевной жизни людей, какъ эти два—мужъ и жена. Оба родителя съ понятнымъ нетерпѣніемъ желали и ждали рожденія сына,—но, вопреки ихъ желаніямъ, родилась дочь. Это и была Христина. И такъ Христина явилась плодомъ сочетанія чрезвычайно противоположныхъ элементовъ. Въ ней соединились дубъ и роза, алмазъ и глина, левъ и двуутробка.

Изученіе закона наслѣдственности еще не даетъ намъ указаній, что происходитъ при сочетаніи такихъ разнообразныхъ элементовъ,—и не является ли дальнѣйшая абсурдность жизни такихъ дѣтей слѣдствіемъ совмѣщенія несовмѣстимаго и сочетанія несочетаемаго.

Отецъ очень любилъ Христину и отдалъ всю свою душу на воспитаніе этого единственнаго ребенка. Онъ слѣдилъ за ея развитіемъ и воспитаніемъ, направлялъ его и поддерживалъ по своему. А хотѣлъ онъ воспитать въ Христинѣ мальчика. Поэтому ее обучали всему тому, чему надлежало обучать наслѣдника престола. Ее учили гимнастикѣ, плаванью, верховой ѣздѣ и военнымъ пріемамъ. Часто отецъ бралъ Христину съ собою при объѣздахъ государства, и та молодецки выдерживала всѣ трудности и тяжести этихъ путешествій. Она принимала горячее участіе въ охотахъ, была лихимъ наѣздникомъ и прекраснымъ стрѣлкомъ. Словомъ, она вполнѣ оправдывала любовь и надежды отца. Но это продолжалось недолго. Ей было шесть лѣтъ, когда умеръ отецъ.

Теперь Христина поступила на руки безхарактерной матери и не менѣе безхарактерной тетки. Обстановка, ее окружавшая, рѣзко измѣнилась. Воины, мудрые совѣтники, вѣрные служаки родины, окружавшіе отца, смѣнились шутами, скоморохами, дурачками и придворными льстецами и прислужниками. Дѣвочка то предавалась со всей необузданностью своимъ прежнимъ занятіямъ,—то была наказываема и засаживаема чуть ли не въ карцеръ. Атмосфера была затхлая, и развивающійся цвѣтокъ не находилъ себѣ ни почвы, ни воздуха. Въ десять лѣтъ Христинѣ надоѣло все окружающее, и она всѣми силами своей пылкой и мощной души накинулась на ученіе и книги. Не менѣе двѣнадцати часовъ въ сутки она отдавала на изученіе иностранныхъ языковъ и математики. Она не имѣла у себя подругъ и сверстницъ и все время проводила въ обществѣ своихъ пяти учителей—профессоровъ.

Говорятъ, что она съ дѣтства уже не любила женщинъ и избѣгала ихъ общества. Въ семь лѣтъ Христина умѣла себя

держать въ придворномъ обществѣ и поддерживала разговоръ съ учеными. Въ шестнадцать лѣтъ она владѣла шестью языками и любимымъ ея чтеніемъ были Ѳукидидъ и другіе классики. Въ эту пору она была настолько умна и самостоятельна, что регентство убѣдило ее принять бразды правленія въ свои руки. Восемнадцати лѣтъ она держала рѣчи къ сенату, отдавала приказанія министрамъ, давала направленіе политикѣ королевства, была самовольна, самоувѣренна, властительна и надменна... Вообще она не терпѣла опеки надъ собою. Чужіе совѣты ей были непріятны, и несогласныя съ нею мнѣнія нетерпимы,—ея капризы должны были исполняться немедленно. Всю свою жизнь она, однако, отдавала государству,—она занималась внутренними дѣлами, направляла дипломатію, поддерживала международныя отношенія и т. д.

Втеченіе всего этого времени Христина была дочерью своего отца. Она любила звукъ пушечной пальбы, любила трудности и опасности походной жизни, любила величіе и всю обстановку, неразрывно связанную съ управленіемъ дѣлами государства или командованіемъ великой арміей. Ея любимыми собесѣдниками были выдающіеся государственные дѣятели, министры, полководцы и ученые. Наиболѣе привлекательнымъ предметомъ бесѣды были воспоминанія о славныхъ дѣлахъ отечества и воинскихъ его успѣхахъ. Она принимала личное участіе въ спорахъ съ лучшими людьми и отличалась начитанностью, пониманіемъ, острымъ и глубокимъ умомъ и правильностью взгляда. Все это способствовало тому, что ея совѣтники относились къ ней съ полнымъ почтеніемъ, послушаніемъ, преданностью.

До сихъ поръ она творила все великое. Природа одарила ее блестящимъ умомъ,—она любила и изучала литературу, музыку, языки и искусства, она была окружена выдающимися учеными и обладала полной возможностью развить какъ свои природныя, такъ и пріобрѣтенныя дарованія. Она съ большимъ успѣхомъ провела благія перемѣны и достигла лучшихъ результатовъ, нежели другіе правители, и, говорятъ, принимала большое участіе въ дѣлѣ прекращенія тридцатилѣтней войны. Она обладала обаятельнымъ обращеніемъ и блестящимъ разговоромъ. Ея руки многократно искали лица, занимавшія высокое положеніе въ Европѣ. Всякое желаніе ея всегда предупреждалось и по возможности точно исполнялось какъ министрами, такъ и народомъ.

До сихъ поръ мужской умъ отца царилъ въ головкѣ дѣвушки и властвовалъ въ ея натурѣ. Но должна была пробу-

диться женщина со свойствами матери. Это скоро и совершилось.

Въ двадцать—двадцать одинъ годъ она стала капризна, измѣнчива и пуста,—она стала увлекаться придворными интригами, завела фаворитовъ, задаривала ихъ царскими подарками,—стала болѣе мелочною и во многомъ воскресила въ себѣ мать. Но рядомъ съ этимъ въ ней проявились и великія свойства натуры отца. И такъ въ жизни одного человѣка воплотились двѣ несовмѣстимыя натуры и породили крайне взбалмошную и странную личность.

Въ дѣлахъ государственныхъ она стала лишать довѣрія людей—честныхъ и преданныхъ и приближала недостойныхъ и шарлатановъ. Она раздавала большія суммы сомнительнымъ личностямъ и тратила массу денегъ на покупку ненужныхъ предметовъ, приносимыхъ ими съ совѣтомъ купить. Театры и развлеченія для нея стали выше и интереснѣе, чѣмъ дѣла государства. Сомнительнаго свойства лейбъ-медикъ теперь замѣнилъ при ней мѣсто канцлера государства и главнаго совѣтника. Постоянныя, часто неосмотрительныя и неблагоразумныя траты совершенно раззорили финансы страны и поставили ихъ въ невозможное положеніе. Совѣты прежнихъ преданныхъ людей теперь принимались холодно и съ пренебреженіемъ.

Но и это все не удовлетворило молодую королеву. Ее стѣсняла внѣшность. Ее стѣсняла обстановка. Она искала свободы и независимости ни отъ кого и ни отъ чего. Поэтому она въ 22 года объявила, что оставляетъ престолъ и уѣзжаетъ изъ своей родины. Сказано—сдѣлано. Она начала готовиться къ отъѣзду, несмотря на мольбы министровъ и народа не дѣлать этого.

Покончивъ приготовленія, Христина въ торжественномъ засѣданіи произнесла блестящую рѣчь, выражая свою признательность исполнителямъ ея воли, она указала на то, что все, что она сдѣлала, она сдѣлала, благодаря имъ. Послѣ этого она сняла корону и объявила о передачѣ ея другому лицу. Затѣмъ она уѣхала въ Италію.

Сбросивъ съ себя оффиціальныя путы, Христина сразу пустилась въ разнузданную жизнь. Она стала слишкомъ веселой, слишкомъ свободной, слишкомъ откровенной. Ея рѣчи заставляли краснѣть окружающихъ,—а ея дѣянія заставляли молчать изъ уваженія къ полу. Немедленно по отъѣздѣ изъ Швеціи она забыла вѣру своего отца и быстро перемѣнила протестантизмъ на католицизмъ.

Вѣра, за которую ея отецъ сложилъ свою голову, была смѣнена съ легкомысліемъ, достойнымъ нигилиста, каковымъ и была Христина. Сама она сознавалась, что сдѣлала это изъ любезности къ странѣ, въ которой поселилась,—да и не придавала она никакого значенія дѣламъ вѣры. Она жила безъ вѣры, безъ высокой нравственности, даже безъ любви къ ближнему. Всюду, гдѣ она появлялась, правительство и народъ относились къ ней съ уваженіемъ, какъ къ представительницѣ видной державы,—но Христина мало отвѣчала этому отношенію. Она стала небрежна къ своей внѣшности, къ своему костюму и своему поведенію. Въ Римѣ она умѣла повздорить съ папой, который отнесся къ ней крайне внимательно и сочувственно. Во Франціи, изучая науку и искусства, она вмѣстѣ съ тѣмъ вела жизнь крайне легкомысленную, грубую и неприличную. Здѣсь она приговорила къ смерти одного изъ своихъ приближенныхъ и казнила. Говорятъ, что этотъ казненный, Мональдески, былъ жертвою ревности Христины... Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такого авантюризма ей пришло въ голову вновь занять престолъ Швеціи. Въ это время король шведскій умеръ. Христина стала искать престола. Большихъ денегъ это стоило ей и притомъ напрасно. Что она оставила добровольно, то ужъ трудно было вернуть. Ее постигла неудача.

Тогда она вновь вернулась въ Римъ. Здѣсь ея легкомысленный образъ жизни пошелъ еще шире. Она постоянно вела ссоры и интриги то съ папой, то съ лицами, вовсе даже неизвѣстными.

Вскорѣ освободился престолъ польскій. Христина пожелала занять его. Новыя траты денегъ. Новые происки. Но и это искательство осталось безрезультатнымъ.

Самая странная и самая безшабашная теперь началась жизнь у Христины. Съ одной стороны она не разрывала съ наукой и искусствами, причемъ она интересовалась музеями, библіотеками, мѣстами важными въ историческомъ отношеніи,—собирала научныя и художественныя коллекціи, устраивала ученыя учрежденія,—она сама писала и ея сочиненія составляютъ четыре солидныхъ тома,—съ другой стороны окружила себя авантюристами, проходимцами и людьми сомнительнаго достоинства и вела жизнь, несвойственную не только женщинамъ изъ царствующаго дома, но и вообще женщинѣ.

Въ послѣдніе годы своей жизни она написала слѣдующее изреченіе: «я хочу жить настолько весело, насколько это воз-

можно; смерть, приближеніе которой я чувствую, не пугаетъ меня,—я жду ее безъ желаній, но и безъ страха». Она умерла 19 апрѣля 1689 г. шестидесяти трехъ лѣтъ и передала свое состояніе кардиналу Azzolina. Христина завѣщала самую скромную надгробную надпись на своемъ памятникѣ: Vixit Christina sanno sexaginta tres.

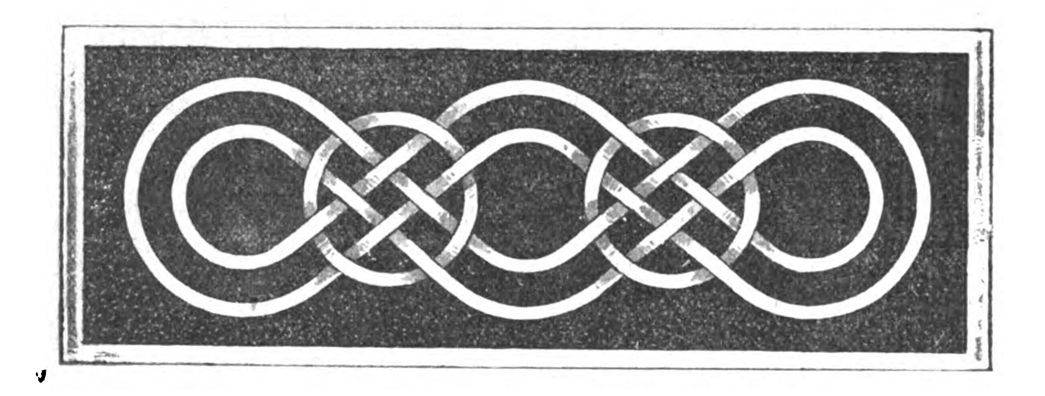
Такова была Христина, королева шведская.

Невольно является вопросъ: съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло? Со странностью... но это не отвѣтъ.

Несомнѣнно, въ образованіи столь причудливаго характера важнѣйшее вліяніе оказало сочетаніе двухъ крайне противоположныхъ свойствъ отца и матери въ одномъ человѣкѣ. Волевые наши поступки являются слѣдствіемъ двухъ силъ: нашего ума и чувства; преобладаніе того или другого въ тотъ или другой моментъ нашей жизни всецѣло отражается на нашихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Христина унаслѣдовала великій умъ отца и животную сторону матери. Даже отцовскій умъ дѣйствовалъ подавляюще на животную сторону жизни организма; но наступилъ моментъ, когда всплыла послѣдняя. И вотъ началась борьба двухъ началъ, совершенно противоположныхъ и понижающихъ другъ друга. Поэтому неудивительно, что у такого умнаго и интеллигентнаго человѣка проявлялись поступки безумные и несвойственные мыслящему человѣку.

Помимо наслѣдственности, нельзя не отдать должнаго и неправильно поставленному воспитанію. Неестественно мальчика заставить играть въ куклы и заниматься кукольнымъ домашнимъ хозяйствомъ, — какъ и неестественно заставлять дѣвочку вести образъ жизни воина. Организмъ можетъ выдерживать только до извѣстной степени напряженіе, послѣ чего въ немъ получатся поступки и дѣйствія, противорѣчащія здравому понятію и характеризующія состояніе folie d'actions.

П. И. Ковалевскій.

Венецейская Лагуна.

Историческій романъ В. Я. Свѣтлова.

I.

Блѣдныя тѣни далекой отчизны темнѣли съ такой-же быстротой, съ какой надвигалась безпросвѣтная тьма южной ночи. Черное небо, съ яркими и чрезвычайно крупными звѣздами, казалось безпредѣльной пустыней, по всѣмъ краямъ сливавшейся съ безбрежной пустыней моря.

Уныло и безмолвно было кругомъ; только тихое и мѣрное хлюпанье воды, разсѣкаемой носомъ голландскаго корабля, все еще продолжалось непрерывно, какъ днемъ; но оно почти не нарушало общаго впечатлѣнія покоя и тишины.

Царскіе посланники, стольникъ Чемодановъ и дьякъ Посниковъ, отправленные съ особымъ порученіемъ къ дуку Венеціанской республики, и прихватившіе съ собою, по обычаю, издавна установившемуся, государевы и патріаршіе товары на продажу, сидѣли въ эту теплую ночь наверху корабля и отдыхали душою и тѣломъ.

Они говорили вполголоса, изъ суевѣрнаго страха нарушить торжественное безмолвіе ночи, и вспоминали о томъ уже далекомъ времени, когда, въ началѣ осени, сѣли въ Архангельскѣ на голландское судно, чтобы отправиться въ опасную и невѣдомую даль.

— Дьяче, медленно поглаживая бороду, проговорилъ Чемодановъ,—вотъ мы уже близки къ окончанію пути... ка-

[illegible] тишь, да благодать Божія! Словно ночью въ степи. И [illegible]хъ тепелъ какъ лѣтомъ, а, между прочимъ, уже конецъ [illegible]бря, почитай...

— И то, отвѣтилъ Посниковъ, — дивны дѣла Господни! [illegible]нишь ты океанскую бурю?

— Какъ не помнить! Вѣкъ не забуду... Многія волны въ [illegible]рабль вливались, а въ верхнія жилья, въ окошки, валами [illegible].

— Много и рухляди нашей помочило.

— А въ среднемъ жильѣ было воды на локтя два и болѣе; даже наверху, вотъ гдѣ мы теперь съ тобой сидимъ и бесѣду ведемъ,—по поясъ человѣку.

— Изъ государевой казны двѣ бочки ревеню унесло и потопило.

— А плачъ и вопль были великіе. И мы и государевы люди пѣли молебенъ... Буря утихла. Одинъ Иванъ Шоринъ въ тѣ поры не испугался.

— Чего ему пугаться! У насъ остались жены и дѣти. Онъ—одинъ какъ перстъ.

— Хошь бы и одинъ, возразилъ, улыбнувшись, Чемодановъ,—живота своего рѣшиться никому не лестно.

— Храберъ, что и говорить! согласился Посниковъ. — И тогда труса не справдновалъ, когда насупротивъ Лизабона натолкнулись мы на четырнадцать кораблей, которые приняли за варварійскіе и изготовились къ бою. Шоринъ, не иной кто, началъ съ ними переговариваться...

Чемодановъ засмѣялся.

— Оказались разныхъ государствъ торговые нѣмцы изъ Гишпаніи. Да, братъ, дьяче! Струхнулъ, поди?

— А ты, небось — нѣтъ? насупившись спросилъ, въ свою очередь, Посниковъ.

— Бывало всякое, согласился стольникъ. — Однако, благодаря Божьему милосердію, все миновало и вотъ мы близки къ окончанію пути. А, Шоринъ, чай, спитъ?

— Про то мнѣ невѣдомо. Надо быть, спитъ.

Но Шоринъ не спалъ.

Онъ стоялъ на кормѣ и черный силуэтъ его сливался съ чернотою ночи. Задумчиво смотрѣлъ онъ на крупныя звѣзды южнаго неба и удивлялся ихъ величинѣ. Иногда отрывался онъ отъ этого безмолвнаго созерцанія и острымъ взглядомъ старался проникнуть въ даль, но кругомъ было темно какъ въ могилѣ.

Онъ не видѣлъ даже своихъ спутниковъ, слышалъ только ихъ голоса. Онъ улыбнулся, когда они заговорили о немъ. Да, и стольникъ и дьякъ были не очень то храбрые люди: когда торговые нѣмцы сказали имъ, что на Срединномъ морѣ, къ Ливорно, гуляютъ на корабляхъ турскіе люди, они порядкомъ таки струхнули.

И онъ припомнилъ, какъ, дѣйствительно, только что по выходѣ изъ Узкаго мѣста [1]), встрѣтились имъ три разбойничьихъ корабля.

Посланники, да и всѣ русскіе люди, видя нахожденіе и напускъ турскихъ воровскихъ людей, воздавали молебное пѣніе Всемилостивому Спасу и Пречистой Его Матери.

Стольникъ и дьякъ молились даже со слезами.

Разбойники исправились по вѣтру и, устремясь къ бою, гнались за ихъ судномъ быстрымъ ходомъ и почти что догнали его. Однако, увидавъ на кораблѣ государевыхъ людей, боевыя знамена и осторожность, не имѣли смѣлости напасть, а ночью и вовсе исчезли.

А кто-же все это сдѣлалъ? Онъ, Шоринъ. Онъ уговорилъ не пугаться, не пускаться въ бѣгство, выставить боевыя знамена. А они только молебны пѣли, да слезы точили!

Не любилъ Шоринъ дьяческаго сословія и въ своей боярской душѣ относился къ нему съ презрѣніемъ, несмотря на то, что дьяки были выдающимися людями въ московскомъ правленіи, принимали участіе во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, награждались деньгами и даже владѣли вотчинами. Однако, какъ ни важна была дьяческая должность, Шоринъ никакъ не могъ связать съ нею понятія о родословной чести и считалъ должность дьяка очень низкой. Да и Чемодановъ, пользуясь равнымъ съ Посниковымъ званіемъ царскаго посла, обращался съ нимъ «шутейно», и не упускалъ случая поднять его на смѣхъ.

Посниковъ, въ свою очередь, тѣмъ же нерасположеніемъ платилъ Шорину, и въ особенности за ту легкость, съ которой Шоринъ воспринималъ заморскіе свычаи и обычаи и усваивалъ чужеземные говоры, шатаясь въ Москвѣ по иноземнымъ торговымъ людямъ.

Посниковъ не хотѣлъ брать въ экспедицію Шорина, но это былъ, кажется, единственный человѣкъ, говорившій «по венецейски»; и хотя говорилъ онъ съ трудомъ и медленно,

[1]) Гибралтарскій проливъ.

однако, всетаки-же говорилъ, въ то время какъ самъ посланникъ, не только не говорилъ, но и съ превеликимъ трудомъ понималъ этотъ говоръ.

Посланники, поболтавъ еще немного, отправились въ среднее жилье спать и ихъ сладкое позѣвыванье слышалъ Шоринъ. Было уже поздно, далеко за полночь, но ему спать не хотѣлось и онъ остался на бортѣ корабля.

Смутныя чувства волновали его душу. Жизнь въ Москвѣ казалось ему унылой и безрадостной, его смолоду тянуло въ даль, въ тѣ невѣдомыя страны, разсказовъ о которыхъ онъ наслушался отъ иноземныхъ торговыхъ людей, пріѣзжавшихъ въ послѣднее время все чаще и чаще на Москву.

Въ юношескомъ возрастѣ приходилось слышать ему, что въ его жилахъ течетъ цыганская кровь, что его батюшка, нынѣ покойный, слюбился съ цыганкой, которая и была настоящей матерью Ивана. Однако, достовѣрнаго онъ ничего объ этомъ не зналъ; но его смуглое, красивое лицо съ черной какъ смоль курчавой бородкой и такими-же волосами, его темные глаза и алыя губы, наконецъ, порывистый, безпокойный нравъ, тоска по дальнимъ странамъ и жажда шатанія по свѣту и приключеній указывали, пожалуй, на то, что людская молвь была не безъ достаточной причины.

Все это смущало и тревожило его вначалѣ. Но потомъ онъ свыкся съ этой мыслью и, когда рѣшено было отправить посольство къ Венецейскому дуку, въ отвѣтъ на присланное въ Москву отъ республики посольство, онъ сдѣлалъ все, чтобы отправиться съ Посниковымъ и Чемодановымъ въ это далекое государство.

Теперь, жадно всматриваясь въ ночную тьму и ожидая разсвѣта, онъ вспоминалъ, съ какою легкою радостью покинулъ онъ свою вотчину и изготовлялся въ долгій и, какъ оказалось, опасный путь. Сердце его теперь билось тревожно: утромъ, какъ только станетъ свѣтать, ихъ корабль подойдетъ къ Ливорно. Они посѣтятъ Флоренцію и черезъ Феррару прибудутъ въ Венецію, этотъ волшебный городъ на водѣ, о которомъ ему говорили такъ много, и все, что говорили походило на сказки... Онъ вѣрилъ имъ и не вѣрилъ! И хотѣлось вѣрить, но все казалось такъ невѣроятнымъ...

Ему вспоминалось и Венецейское посольство.

Республика изнемогала въ непосильной борьбѣ своей съ турками и всюду искала помощи. Услышавъ объ успѣхахъ царскаго оружія въ польскихъ областяхъ, она отправила въ

Москву посланниковъ съ просьбою, чтобы царь велѣлъ донскимъ казакамъ пойти на турокъ и тѣмъ «развлечь» ихъ силы. Заодно просили они, дабы царемъ дозволено было вести венеціанамъ вольную торговлю въ Архангельскѣ.

Но царю въ это время было не до турокъ. Польская война приближалась къ концу, но возникала шведская. Денегъ тоже не было и умные посольскіе дьяки вздумали, въ свой чередъ, воспользоваться присылкой Венецейскаго посольства и попытать, нельзя ли занять денегъ у республики, которая до сихъ поръ, по старымъ еще слухамъ, слыла очень богатою.

И вышло, что оба государства другъ друга не поняли. Оба просили одно у другого помощи. Москва, не исполнивъ просьбы, посылала теперь Чемоданова и Посникова за деньгами въ Венецію.

«Какъ то мы будемъ приняты венецейцами?» думалъ Шоринъ и ему дѣлалось смѣшно при мысли о томъ, какіе придется ему вести разговоры съ дукой.

Ночь проходила; одна за другою гасли крупныя звѣзды; потянуло холодкомъ; надъ моремъ подымался туманъ; чуть брезжилъ разсвѣтъ; несло запахомъ берега. Голландскій корабль, побуждаемый вѣтромъ, поплылъ быстрѣе.

Шоринъ, не сходя въ среднее жилье, примостился тутъ-же на борту, и задремалъ сладкой, предъутренней дремой.

Около полудня корабль прибылъ въ Ливорно и посольство покинуло судно, послѣ долгихъ мѣсяцевъ пути.

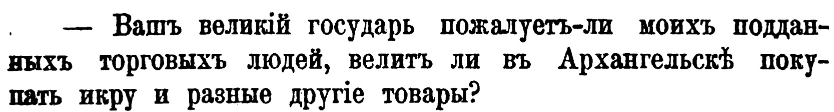
День выдался теплый и посланники были встрѣчены съ большими почестями; но они спѣшили во Флоренцію и потому не долго задержались въ этомъ портовомъ городѣ, о чемъ не очень жалѣлъ Шоринъ, такъ какъ всей душой рвался въ сказочную Венецію.

Во Флоренціи, однако, пришлось пробыть дольше, такъ какъ ихъ и тамъ ожидалъ торжественный пріемъ и посѣтилъ ихъ самъ герцогъ Фердинандъ.

Шоринъ присутствовалъ при этомъ свиданіи и переводилъ рѣчи герцога и царскихъ пословъ.

О герцогѣ Фердинандѣ Шоринъ еще въ Москвѣ наслушался разныхъ разсказовъ, и теперь, ставъ съ нимъ лицомъ къ лицу, съ жгучимъ любопытствомъ разсматривалъ его фигуру. Герцогу было подъ пятьдесятъ лѣтъ, улыбка его была заискивающая и голосъ тихій, вкрадчивый, медовый.

Онъ говорилъ:

— Вашъ великій государь пожалуетъ-ли моихъ подданныхъ торговыхъ людей, велитъ ли въ Архангельскѣ покупать икру и разные другіе товары?

Дьякъ Посниковъ обратился къ Шорину:

— Скажи ему, что врядъ-ли великій государь воспрепятствуетъ сему.

Шоринъ передалъ.

Улыбка герцога сдѣлалась еще льстивѣе и онъ сказалъ:

— Я радъ буду государскому жалованью и совѣту, а также, что великому государю въ моей державѣ годно, ни за что не стою и до скончанія живота радъ служить и помогать.

— Скажи, что благодарствуемъ на его милостивыхъ словахъ, проговорилъ Посниковъ.

Герцогъ предложилъ посольству остаться въ его городѣ, обѣщалъ показать всѣ дворцы и церкви и устроить въ честь пословъ великаго государя всенародное празднество.

Но послы отклонили эти предложенія. Они велѣли передать герцогу, что и безъ того зѣло замѣшкались въ пути и должны возможно скорѣе отправиться въ Венецію.

Герцогъ изобразилъ на своемъ лицѣ сожалѣніе, но не удерживалъ посольство и сказалъ, что распорядится поѣздомъ и сопровожденіемъ высокихъ гостей.

Онъ далъ имъ въ провожатые генерала, папскаго внука, и на другой же день посольство отправилось въ Феррару.

Въ Феррарѣ папскій внукъ остановилъ вниманіе высокихъ гостей, когда они поровнялись съ одной изъ городскихъ церквей.

— Вотъ храмъ св. Георгія, сказалъ онъ,—гдѣ довершенъ осьмой соборъ, начатый во Флоренціи, которую вы посѣтили.

Посниковъ поглядѣлъ на храмъ, ничего не сказавъ, но Чемодановъ обратился къ Шорину:

— Спроси у генерала, тотъ-ли это осьмой соборъ, котораго во Флоренскѣ не далъ довершить и разогналъ св. Маркъ Ефесскій?

Шорину было зазорно передавать такую фразу и онъ смягчилъ ее, насколько ему позволяло плохое знаніе чужеземнаго языка.

Генералъ хмуро и уклончиво отвѣтилъ:

— Я не знаю, зачѣмъ онъ во Флоренціи не довершенъ, только знаю, что онъ довершенъ здѣсь, въ этомъ храмѣ.

Послѣ этого отношенія между посольствомъ и папскимъ внукомъ сдѣлались натянутыми и генералъ, ограничиваясь самымъ необходимымъ, уже не сообщалъ больше никакихъ историческихъ справокъ.

Послы не задерживались въ Феррарѣ и Шоринъ былъ очень тому радъ, такъ какъ грубоватое поведеніе Посникова и Чемоданова ему очень не нравилось. Въ своихъ сношеніяхъ съ чужеземцами, жившими въ Москвѣ или посѣщавшими ее, онъ привыкъ къ болѣе утонченнымъ отношеніямъ; кромѣ того, каждымъ днемъ его тянуло все болѣе и болѣе къ тому волшебному городу, который назывался Венеціей.

И вотъ, наконецъ, этотъ городъ чудесъ!

Посольство прибыло въ него рано утромъ. Чуть брезжилъ разсвѣтъ; густой, утренній туманъ покрывалъ лагуну и въ сизой дымкѣ этого тумана, по мѣрѣ того какъ вставало солнце, становившееся прозрачнѣе, виднѣлись въ расплывчатыхъ очертаніяхъ зданія города. Вдали темнѣли островки и кочки, стальнымъ блескомъ сверкала вода. На горизонтѣ показалась узенькая желтая полоска; блеснуло нѣсколько искръ — вставало солнце.

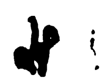
Еще мгновеніе—и завѣса тумана разсѣялась; дѣлалось свѣжѣе и свѣжѣе и зданія города обрисовывались все ярче и ярче. Куполы церквей, тяжелыя массы дворцовъ и горбатые мосты рисовались теперь во всей своей красѣ на начинавшемъ голубѣть небѣ.

Сколько ни слыхалъ разсказовъ объ этомъ странномъ городѣ Шоринъ, какъ ни усиливался представить его въ своемъ воображеніи, въ долгія одинокія ночи, на бортѣ голландскаго корабля, онъ долго не могъ придти въ себя отъ изумленія отъ того впечатлѣнія, которое онъ испытывалъ теперь, при видѣ Венеціи.

И сидя въ гондолѣ, ему казалось, что онъ спитъ и грезитъ.

У каменныхъ ступенекъ домовъ плескалась вода объ искрошенныя, покрытыя зеленоватой плѣсенью плиты; у каждаго дома подымались изъ мутной и холодной воды столбы, предназначенные для причаливанья гондолъ. Куда ни взглянешь—вода. Направо, налѣво, спереди, сзади—всюду вода!

Безконечные каналы, по обѣимъ сторонамъ которыхъ длинною вереницею выростали дома, церкви, дворцы и мосты; подъ горбатыми арками этихъ мостовъ плыли, несмотря на ранній часъ утра, гондолы. Множество празднаго люда толкалось на узкихъ площадкахъ и въ узенькихъ, похожихъ на щели, уличкахъ города.

Но самъ городъ спалъ въ это зимнее утро, походившее раннее весеннее утро въ Москвѣ—такъ тепелъ былъ воздухъ и такъ прозрачно было свѣтло-голубое небо, по которому быстро расползались въ разныя стороны обрывки и клочки высоко поднявшагося тумана.

Тихо было на каналахъ и гондола безшумно неслась по водамъ. Даже веслами такъ тихо всплескивалъ гондольеръ, что этихъ всплесковъ почти не было слышно.

Окна дворцовъ были заперты ставнями. Изрѣдка попадалась навстрѣчу черная гондола, съ балдахиномъ и гондольеромъ, одѣтымъ во все черное, и Шорину, сердце котораго билось усиленно и тревожно, стало казаться, что это развозятъ по многочисленнымъ венеціанскимъ каналамъ мертвецовъ, а не живыхъ людей.

И какъ бы въ подтвержденіе этой грезы, неслись издалека мѣрные, рѣдкіе звуки колокола, съ какой-нибудь кампаниллы или монастыря.

Жуткое чувство начинало охватывать Шорина: ему казалось, что онъ попалъ въ какое то водяное царство, въ причудливый городъ, завороженный русалками.

Живетъ-ли кто за этими заплѣснѣвшими и искрошенными стѣнами? Ступала-ли человѣческая нога по этимъ скользкимъ ступенямъ, по которымъ теперь изрѣдка пробѣгаетъ ярко-зеленая ящерица? Не разгнѣвался-ли водяной на свою столицу и не прекратилъ-ли жизнь своихъ подданныхъ? Или не пронеслась-ли надъ городомъ чума и не унесла-ли съ собой все, что жило, говорило и дышало?

Уныло и мертво кругомъ было въ это раннее венеціанское утро. Но Шорину хотѣлось говорить, хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своими мыслями.

Онъ взглянулъ на своихъ спутниковъ.

Оба посла мирно дремали на мягкихъ скамьяхъ гондолы и клевали носами, издавая легкій храпъ.

Шоринъ улыбнулся и пожалъ плечами.

Гондола свернула въ боковой канальчикъ и лодочникъ издалъ при поворотѣ странный крикъ, похожій на крикъ морской птицы. Шоринъ вздрогнулъ. Въ канальчикѣ было совсѣмъ жутко: солнце еще не проникло сюда и онъ казался погруженнымъ въ тьму. Было сыро и мрачно какъ въ погребѣ. Дома, выраставшіе изъ канальчика, были еще болѣе ветхи, еще болѣе грязны и казались еще болѣе молчаливыми.

Наглухо запертыя ставни казались черными пятнами на сѣрыхъ каменныхъ стѣнахъ и у Шорина появилось такое ощущеніе, какъ будто они съ любопытствомъ смотрятъ на него, съ нѣмымъ вопросомъ, съ нѣмою укоризною: зачѣмъ пріѣхали сюда эти люди тревожить ихъ волшебный сонъ, нарушать ихъ вѣковѣчный покой?

Послы плыли долго и наконецъ пристали къ старому дворцу, гдѣ, по указанію проводника, имъ было отведено помѣщеніе.

Послы проснулись и сладко позѣвывали.

Какой-то старикъ зацѣпилъ ихъ гондолу длинной палкой, на концѣ которой былъ желѣзный крючекъ.

Въ широкомъ вестибюлѣ встрѣтили пословъ греки съ низкими поклонами.

Одинъ изъ нихъ, въ длинномъ, монашескомъ одѣяніи, выступилъ впередъ и сказалъ:

— Наслышаны мы были давно о вашемъ прибытіи. Рады мы, что Богъ повелѣлъ намъ увидѣть посланниковъ такого великаго восточнаго государя, православнаго христіанина нашего закона.

Выступилъ вслѣдъ за нимъ и другой:

— Пожалуйте, сказалъ онъ, — велите намъ къ вашей милости приходить почаще, и пришли мы доложить, когда изволите посѣтить благочестивую обитель греческой вѣры?

Третій изъ монаховъ проговорилъ:

— Когда посѣтите насъ, мы къ тому времени велимъ изготовиться и станемъ пѣть молебенъ о государевомъ и царевичевомъ здоровьѣ.

— Молви имъ, сказалъ Посниковъ, обращаясь къ Шорину и посовѣщавшись съ Чемодановымъ,—что благодарствуемъ на привѣтѣ; уставши мы и не отдохнувши, молъ, послѣ долгаго пути. Помолиться вмѣстѣ съ ними зѣло рады, а дадимъ имъ объ этомъ знать, когда время будетъ.

Греки выслушали этотъ отвѣтъ и съ низкими, угодливыми поклонами удалились. Лица ихъ были нѣсколько разочарованными: они думали, что послы тотчасъ-же отвѣтятъ на ихъ приглашеніе и такое равнодушіе ихъ, видимо, удивило.

Послы отправились къ себѣ, въ приготовленные для нихъ покои и тотчасъ же полегли спать.

Шорину была отведена комната внизу, окнами на каналъ.

Окно было угловое, а за нимъ тянулась стѣна, за которою находился, на маленькомъ клочкѣ свободной земли, кро-

шечный, но густой и тѣнистый садъ. Деревья объ эту пору года стояли обнаженными отъ листьевъ; въ комнатѣ чувствовалась пронизывающая сырость и отъ этихъ толстыхъ каменныхъ стѣнъ, и отъ близости воды.

Шоринъ подошелъ къ широкому венеціанскому окну и выглянулъ въ него. Тотчасъ-же отъ стѣны дома отвалила гондола, въ которой сидѣлъ человѣкъ, завернутый въ темный плащъ. На лицѣ его была черная бархатная маска, изъ за глазныхъ прорѣзей которой блисталъ острый и любопытный взглядъ.

Шоринъ отошелъ отъ окна и сѣлъ противъ камина, въ которомъ весело потрескивалъ огонь. Въ комнатѣ начало распространяться тепло. Кресло, въ которомъ сидѣлъ Шоринъ, было широкое, глубокое, удобное, крытое кожей съ золочеными тисненіями. Тепло, распространявшееся отъ очага, точно окутывало Шорина чѣмъ-то мягкимъ и онъ задремалъ, уступивъ, наконецъ, настоятельной потребности отдыха.

II.

Венеція переживала въ эту эпоху безконечную войну съ турками; морское могущество непріятеля было сломлено и побѣда улыбнулась республикѣ, предоставленной самой себѣ; европейскія государства смотрѣли равнодушно на ея героическія усилія и только папа Александръ III оказалъ имъ нѣкоторую помощь: онъ уничтожилъ нѣсколько католическихъ орденовъ и конфисковалъ ихъ земли и капиталы, отдавъ ихъ государственной казнѣ Венеціи. Но эта незначительная матеріальная помощь, почти неощутимая въ громадной суммѣ военныхъ расходовъ страны, не дешево обошлась республикѣ: папа поставилъ непремѣннымъ условіемъ за оказанную имъ поддержку—возвращеніе іезуитовъ въ Венецію, изъ которой они были изгнаны въ 1606 году. Венеція, нуждавшаяся даже въ незначительныхъ средствахъ, должна была согласиться на это требованіе и іезуиты были вновь немедленно водворены въ городѣ.

Послѣ покоренія Лемноса наступилъ нѣкоторый отдыхъ отъ военныхъ дѣйствій и городъ ожилъ, принявъ свой обычный видъ и отдавшись съ удвоеннымъ увлеченіемъ своимъ обычнымъ торжествамъ и забавамъ.

Венеція быстро клонилась къ упадку и разложенію; нравы населенія портились, роскошь въ костюмахъ становилась угро-

жающей, гондолы украшались шелкомъ, золотомъ и бархатомъ; благородныя венеціанскія дамы соперничали съ куртизанками и подражали имъ; празднества слѣдовали за празднествомъ; богачи раззорялись, евреи-ростовщики наживались: монахи тщетно проповѣдывали въ церквахъ воздержаніе и скромность въ одеждѣ—ихъ подымали на смѣхъ.

Венеція веселилась особенно зимою, главнымъ образомъ во время знаменитаго карнавала. Маска пріобрѣла права гражданства и ношеніе ея было дозволено съ пятаго октября по шестнадцатое декабря; также въ день празднованія покровителя Республики, въ праздникъ Вознесенія, въ дни выборовъ дожа и въ другихъ народныхъ торжествахъ.

Въ день пріѣзда въ городъ посольства русскаго царя начался карнавалъ, при первомъ звукѣ вечерняго благовѣста.

Шоринъ, отдохнувъ и отоспавшись послѣ утомительнаго пути, навѣстилъ посланниковъ, которые занимались мирной бесѣдой въ своихъ просторныхъ покояхъ. Онъ отпросился въ городъ и они отпустили его, сами не пожелавъ двинуться съ мѣста.

Шоринъ сказалъ имъ, что вечеромъ начинается карнавалъ и что зрѣлище сіе зѣло любопытно для россійскихъ людей, никогда его не видавшихъ.

Но эти слова не произвели надлежащаго впечатлѣнія на пословъ, изготовившихся къ обильному ужину и къ еще болѣе обильной выпивкѣ.

Чемодановъ, махнувъ рукой, сказалъ Шорину:

— Нѣтъ, друже, ступай одинъ, коли тебѣ это занятно.

А Посниковъ, скосивъ на него глаза, наставительно замѣтилъ:

— Кому зѣло любопытно, а кому нечестивое сіе дѣйство—зазорно. Негоже намъ, царскимъ посламъ и православнымъ христіанамъ, въ семъ бѣсовскомъ шествіи принимать участіе. Я тебѣ не мѣшаю: ступай, коли хочешь; но чую, что не добромъ кончишь—голова у тебя горячая и неразумная. Иноземныя грѣховныя утѣхи соблазняютъ тебя зѣло. Ой, гляди, какъ бы тебѣ не запутаться въ прелестяхъ новизны.

Шоринъ выслушалъ нравоученіе, скрывъ улыбку, просившуюся на уста, и не зналъ, въ нерѣшительности какъ ему поступить.

Но за него вступился Чемодановъ.

— Дьяче, сказалъ онъ, обращаясь къ Посникову,—мы съ тобой люди старые, а онъ—молодой. Пущай себѣ тѣшится. Ступай, ступай! проговорилъ онъ, обернувшись къ Шорину.

Шоринъ вышелъ.

Гондола подвезла его къ ступенямъ площади св. Марка. Площадь имѣла праздничный видъ и была разукрашена флагами, цвѣтными матеріями и кое-гдѣ, несмотря на позднее время года, зеленью и даже цвѣтами.

Шумная, веселившаяся толпа, уже покрывала ее. Стоялъ гамъ и крикъ; веселые возгласы смѣнялись пѣснями; кое-гдѣ раздавалась брань, сыпались ругательства. Безпрерывное движеніе толпы походило на волны: онѣ то прибывали, то уменьшались и порой уносили за собой Шорина, глаза котораго разбѣгались и голова котораго кружилась отъ непривычки. Да, это была совсѣмъ не та толпа, какую онъ видѣлъ въ Москвѣ во время народныхъ празднествъ. Тамъ толпа была сѣрая, неприглядная, бурная; здѣсь все пестрѣло золотомъ и красками и веселье толпы было другое. Вотъ прошла мимо него процессія съ факелами, люди въ причудливыхъ костюмахъ, въ разноцвѣтныхъ плащахъ; вотъ промчалось шествіе масокъ съ оглушительными криками, съ неприличными шутками. Это шествіе чуть не сбило его съ ногъ и онъ еле удержался на нихъ, прислонившись къ столбу и охвативъ его обѣими руками.

Мимо него прошелъ какой то армянинъ, продававшій сласти; быстро пробѣжали за армяниномъ, громко болтая, gnaghe-мужчины, переодѣтые женщинами, а за ними прошелъ фокусникъ негръ. Поровнявшись съ Шоринымъ, онъ остановился, разложилъ коврикъ и сталъ показывать свои фокусы; вокругъ него начала собираться толпа,—много женщинъ, дѣтей и мужчинъ.

Какой-то арлекинъ нагнулся къ стройной дѣвушкѣ, закутанной въ домино, и сказалъ ей что-то на ухо. Она звонко расхохоталась и, легкая какъ пухъ, бросилась бѣжать изъ толпы.

Шоринъ, воспользовавшись свободнымъ пространствомъ, покинулъ свой столбъ и отправился вслѣдъ за нею, но вскорѣ, у зданія Прокурацій, долженъ былъ остановиться, потому что здѣсь было много народа. Домино скрылось,—точно сквозь землю провалилось.

Шоринъ не могъ пробраться дальше и сталъ смотрѣть на окна Прокурацій. На этихъ окнахъ сидѣли и лежали патриціанки, любовавшіяся началомъ карнавала, а подъ окнами стоялъ mattacino—человѣкъ въ маскѣ, одѣтый во все бѣлое, въ красныхъ чулкахъ. Онъ бросалъ въ окна яйцами, напол-

пенными душистой водой. Патриціанки ловили ихъ и бросали ему деньги. Нѣсколько яицъ разбилось и обдало благородныхъ дамъ духами; нѣкоторыя яйца падали обратно въ толпу и, разбившись о чью нибудь голову, окропляли близъ стоящихъ ароматной водой. Смѣхъ и шутки не прекращались.

Появился на смѣну Панталеоне,—король венеціанскаго карнавала, съ огромнымъ подбородкомъ, одѣтый въ узкую красную куртку и въ черный плащъ. Направо и налѣво онъ расточалъ свои вольныя шутки и остроты. Рядомъ съ нимъ другой представитель карнавала,—Бригелла, въ широкихъ бѣлыхъ шароварахъ, вышитыхъ зеленымъ шнуромъ, конкурировалъ съ Панталеоне въ остроуміи и задѣвалъ каждаго проходившаго какимъ нибудь мѣткимъ словцомъ.

Богатый венеціанецъ купецъ, толстый и неуклюжій, въ красной мантіи на плечахъ, съ любопытствомъ остановился не вдалекѣ и залюбовался косморамой; за нимъ, въ выжидательной позѣ, стоялъ дворцовый гондольеръ въ красной бархатной мантіи, вышитой золотомъ и въ албанскомъ беретѣ. Но, увидѣвъ проходившую дѣвушку, гондольеръ бросился за нею.

Шоринъ на все это смотрѣлъ съ жгучимъ любопытствомъ и сердце его испытывало тревожную радость: ему казалось, что онъ попалъ въ новый міръ, что онъ родился заново, что какое-то волшебство совершается вокругъ него. «Ужъ, полно, не сонъ-ли это?»—задавалъ онъ себѣ вопросъ и ему хотѣлось, чтобы кто нибудь заговорилъ съ нимъ, чтобы ему возможно было убѣдиться, что все это, дѣйствительно, происходитъ на яву.

Но его никто не трогалъ, никто не говорилъ съ нимъ.

Онъ отправился дальше.

Толпа знатной молодежи, судя по богатымъ одеждамъ и по гордой осанкѣ, пересѣкала ему путь. Горожане почтительно кланялись патриціямъ, а горожанки низко присѣдали. Молодые люди смѣялись, кивали имъ головами и шутливо говорили:

— Addo, caro vechio.

Одинъ изъ нихъ предложилъ пойти на мысъ, посѣтить casotti—балаганы, въ которыхъ показываютъ хищныхъ звѣрей, фокусниковъ и акробатовъ, и всѣ отправились туда.

Шоринъ немного усталъ. Шумъ, толкотня, движеніе толпы утомляли его. Онъ быстро, насколько могъ, покинулъ площадь св. Марка и углубился въ узенькую уличку, начинавшуюся подъ воротами Прокурацій.

Но и здѣсь было много народа, какъ впрочемъ и во всѣхъ тихъ уличкахъ и закоулкахъ. И вездѣ то же веселье, то же здничное, необузданное настроеніе.

Онъ проходилъ теперь мимо *мальвазіи*, кабачка, въ котоомъ продавались разныя вина. Мальвазія была полна кутивими. Входъ въ нее былъ убранъ разноцвѣтными фонарями, звѣшанными на гирляндахъ изъ зелени и живыхъ цвѣтовъ.

Рядомъ нѣсколько другихъ домовъ было украшено фонарями цвѣтами. Шоринъ зашелъ въ мальвазію и выпилъ кружку ипрскаго вина: ему сдѣлалось лучше и пересохшее горло его свѣжилось. Онъ пошелъ дальше и вошелъ въ двери одного ома, тоже украшеннаго разноцвѣтными фонариками.

Здѣсь какой то импрессаріо организовалъ танцы. Подъ звуки шпинета и скрипки нѣсколько паръ танцовало другъ противъ друга. Но вдругъ всѣ разступились; на середину залы выступила женщина въ длинномъ домино.

Шоринъ узналъ въ ней ту дѣвушку, которая бѣжала съ площади св. Марка отъ шутокъ арлекина.

Она сбросила домино и шопотъ удовольствія пробѣжалъ въ зрителяхъ. Это была стройная, гибкая танцовщица, которая начала танцовать «фурлану», венеціанскій танецъ въ очень быстромъ темпѣ, что-то въ родѣ тарантеллы. Это былъ лихой танецъ, полный граціи и вкуса, и танцовала невѣдомая танцовщица такъ, что вызвала бурю восторговъ. Она быстро, быстро перебирала маленькими ножками, дѣлая множество мелкихъ шажковъ, переходившихъ въ плавныя глиссады. И движенія рукъ ея были красивы и мягки.

Лица ея не было видно, потому что на немъ лежала маска; но по взглядамъ, которые дѣвушка кидала на публику, Шоринъ угадывалъ, что глаза ея должны быть чудесны. Костюмъ ея былъ роскошенъ.

Зрители приходили все въ большій и большій восторгъ, и, дѣйствительно, трудно было не восхищаться и ея молодой гибкой фигуркой и ея дивными танцами.

— Это — Лючіетта, сказалъ кто-то около Шорина.

— Ты думаешь?

— Я увѣренъ. Кто кромѣ нея можетъ танцовать такъ?

Шоринъ съ любопытствомъ и наслажденіемъ любовался молодой танцовщицей. Что-то радостное и смутное закрадывалось въ его сердце, какая то волна новаго, еще никогда неизвѣданнаго чувства охватывала его. Онъ не видѣлъ ея лица, скрытаго маской, но предчувствовалъ, что оно должно

быть чудесно. Этотъ жгучій взглядъ, этотъ полный ротикъ и ровные, какъ подобраныя жемчужины, зубы, и вырывавшіяся изъ подъ головнаго убора капризныя пряди темныхъ волосъ съ рыжеватымъ отливомъ,—все это говорило много его разгоряченному воображенію и видимыми штрихами дорисовывало невидимый образъ.

Но она вдругъ круто оборвала фурлану и, съ звонкимъ смѣхомъ, быстро смѣшалась съ толпой—и исчезла.

Шоринъ, храбро расталкивая публику, бросился за нею. Но ея давно и слѣдъ простылъ. Онъ вышелъ на улицу, все еще надѣясь найти ее, но тщетно. Его охватила толпа костюмированнаго народа. Здѣсь было все то же: старые и молодые, патриціи и плебеи, бѣдные и богатые,—все смѣшалось вмѣстѣ и представляло собою пеструю, причудливую картину. Даже дѣти, покоившіяся на рукахъ своихъ матерей, были завернуты въ цвѣтныя тряпки и на ихъ миніатюрныхъ личикахъ лежали смѣшныя, огромныя маски, изъ подъ которыхъ часто раздавался отчаянный дѣтскій плачъ. Въ толпѣ чувствовалась все болѣе и болѣе возраставшая жажда удовольствій, какая-то лихорадка, какое-то опьяненіе весельемъ.

Идя далѣе, Шоринъ наткнулся на потѣшные огни. Ракеты съ неистовымъ трескомъ взлетали на воздухъ и лопались на фонѣ черпаго неба яркими, фальшивыми звѣздами. А настоящія звѣзды казались теперь такими мелкими, такими блѣдными и спокойными! Точно съ сокрушеніемъ взирали онѣ съ своихъ недоступныхъ высотъ на эту жалкую землю, на праздникъ этихъ жалкихъ муравьевъ и на зарождавшееся въ нихъ безпричинное безуміе...

На маленькой площадкѣ, на которую Шоринъ попалъ, самъ не зная какъ, происходили игры Геркулеса, проходило шествіе мясниковъ въ странныхъ костюмахъ, а съ высоты кампанилы какіе-то работники спускали на толстой веревкѣ мальчика, переодѣтаго въ арлекина.

Шоринъ не зналъ, что ему дѣлать, какъ выбраться изъ этой толпы. Теперь ему вдругъ захотѣлось домой. Онъ чувствовалъ необыкновенную усталость; все, что такъ занимало его до этой минуты, стало ему казаться скучнымъ, утомительнымъ, безконечнымъ, такъ какъ все это было въ сущности одно и то-же: шумъ, гамъ, крикъ, хохотъ, пѣніе, толкотня.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по тому направленію, въ которомъ, по его мнѣнію, должна была находиться площадь св. Марка. Тамъ онъ возьметъ гондолу и вернется домой.

Его посланники, наужинавшись, должно быть, уже спятъ сладкимъ сномъ. «Что имъ дѣлать больше»! подумалъ онъ. Это люди тяжелые, неповоротливые, привязанные къ своимъ домамъ и семьямъ. Ничто ихъ не интересуетъ въ чужомъ городѣ и чужомъ государствѣ и все имъ кажется грѣховнымъ и постыднымъ. Они будутъ торопиться исполнить скорѣе порученіе къ дукѣ, и нетерпѣливо двинутся въ обратный путь.

При мысли о томъ, что и ему придется отправиться съ ними въ Москву и, можетъ быть, даже очень скоро, въ зависимости отъ того, какъ приметъ ихъ венецейскій дука, Шорину стало нехорошо на душѣ и въ его воображеніи неожиданно всплылъ соблазнительный образъ танцовщицы.

— Какъ ее зовутъ? припоминалъ онъ и, послѣ нѣкоторыхъ усилій, имя Лючіетты пришло ему на умъ.

Тоска охватила его. Никогда, видно, онъ больше не увидитъ ее, потому что не знаетъ, кто она и гдѣ ее ему искать... А и нашелъ бы,—такъ что толку? Ему казалось, что это была какая нибудь нарочно переодѣтая въ танцовщицу патриціанка, столько было благородства въ ея жестахъ и гордости въ осанкѣ ея небольшой фигуры.

Кто-то взялъ его подъ руку.

Шоринъ вздрогнулъ.

Это была женщина въ плащѣ до самой земли и въ маскѣ.

Сердце его забилось тревожно. Но, вглядѣвшись внимательно въ незнакомку, онъ убѣдился, что это не Лючіетта.

— Что тебѣ нужно? спросилъ онъ, и маска громко засмѣялась, угадавъ по его выговору иностранца.

— Forestiere! сказала она. — Ты одинъ безъ маски, но лицо у тебя настоящаго венеціанца. Одѣтъ ты странно, но я думала, что ты закостюмировался.

— Чего ты хочешь? спросилъ онъ ее опять.

— Твоей любви.

Она засмѣялась.

— Развѣ я не похожа на женщину, которая умѣетъ любить?

Она распахнула свой плащъ и онъ увидѣлъ подъ нимъ роскошный костюмъ, обнаженныя смуглыя руки и грудь.

Онъ чуть чуть отвернулся, до того ему зазорно было глядѣть на женское обнаженіе; женщины его далекой родины ходили укутанными съ ногъ до головы въ тяжелыя парчевыя одежды и мѣха.

Онъ догадался, что это была одна изъ тѣхъ соблазнительныхъ женщинъ, созданныхъ для мужской услады, которыми какъ онъ слышалъ, славилась Венеція.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ смущенно, чтобы что нибудь сказать.

— Карлоне, отвѣтила она. — Не правда-ли хорошенькое имя?

— Правда, сказалъ онъ, улыбнувшись, — но я знаю имя, еще лучшее.

— Какое?

— Лючіетта.

Она засмѣялась.

— Лючіетта, Лючіетта, повторила она, какъ бы вслушиваясь въ звуки этого имени, — чѣмъ же оно лучше? Оно идетъ дѣвочкѣ...

— Да, именно, задумчиво согласился онъ, — оно идетъ дѣвочкѣ.

— А ты любишь Лючіетту? задорно спросила она.

Онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой. Ему и хотѣлось говорить о Лючіеттѣ и... не хотѣлось, въ особенности съ этой полуобнаженной женщиной. Но желаніе лишній разъ произнести имя той, которая такъ внезапно завладѣла его воображеніемъ, превозмогло, и онъ сказалъ невольно дрогнувшимъ голосомъ:

— Я не могу ни любить ее, ни ненавидѣть. Я видѣлъ ее только разъ, въ первый же день моего пріѣзда въ твой городъ, сегодня. И я не видѣлъ ея лица. Но я видѣлъ блескъ ея глазъ, улыбку ея устъ, гибкость ея тѣла. И образъ ея глубоко запалъ мнѣ въ душу. Ты не знаешь ее?

Незнакомка удивленно взглянула на него и даже пріостановилась.

— Кого? спросила она.

— Лючіетту.

Карлоне расхохоталась.

— Какой ты смѣшной! сказала она. — Городъ нашъ большой, а въ настоящее время въ немъ много пріѣзжихъ изъ окрестностей. Многія дѣвушки носятъ имя Лючіетты. Какъ я могу знать ту, про которую ты говоришь? Среди моихъ подругъ я знаю двухъ Лючіеттъ. Такъ ты влюбленъ, бѣдный! Плохая вещь какъ для мужчины, такъ и для женщины. Зачѣмъ чувства? Можно любить безъ чувства и такую любовь я люблю! Любовный разговоръ, любовная шутка, свободная и

легкая; поцѣлуй въ тиши ночной, безсонная ночь въ объятіяхъ красиваго мужчины—все это очень хорошо! Но когда заговоритъ сердце, а съ нимъ вмѣстѣ печаль, ревность, томленіе и все другое, что идетъ рядомъ съ сердечною любовью,—нѣтъ, нѣтъ! Я этого не люблю и тебѣ совѣтую не допускать этого.

Надъ ними взвилась ракета и яркою звѣздою разорвалась на небѣ.

Карлоне испугалась отъ неожиданности и схватила Шорина за руку.

Потомъ, когда ракетная звѣзда разсыпалась въ мелкую огненную пыль, Карлоне сказала, успокоившись:

— Вотъ чѣмъ должна быть любовь!

— Чѣмъ? спросилъ онъ.

— Ракетой. Въ темную ночь должна она ярко вспыхнуть какъ эта звѣзда, что была сейчасъ на небѣ. Нежданно, внезапно! Въ одно мгновеніе должна она взвиться высоко, высоко, къ самому небу, погорѣть на немъ яркимъ пламенемъ, испугать своимъ шумомъ, ослѣпить своимъ блескомъ и также внезапно исчезнуть. Видишь, видишь, какъ она превращается въ золотую пыль? А вотъ теперь и слѣдовъ уже нѣтъ...

— Что же хорошаго?

— Много. То, что внезапно, всегда сильнѣе. То что, длится, всегда слабо. И потомъ, послѣ вспышки, человѣкъ остается свободнымъ какъ вѣтеръ. Знаешь что? Возьмемъ гондолу и поѣдемъ на Джіуденку или въ Мурано, куда хочешь... Проведемъ безсонную ночь, хочешь? Можетъ быть, и наша любовь вспыхнетъ подобно этой ракетѣ.

— А къ утру разсѣется пылью?

— Золотою, поправила она,—золотою пылью.

— На тебѣ и такъ много золота.

— Золота никогда не бываетъ много. И чѣмъ его больше, тѣмъ лучше. Человѣкъ дѣлается свободнѣе.

— Ты очень любишь свободу?

— О, больше жизни! Морская волна не свободна: море имѣетъ гдѣ нибудь границы и волну тянетъ къ берегамъ. И птица не свободна: ей нужна для отдыха вѣтка того дерева, которое растетъ на землѣ.

— Что-же свободно?

— Вѣтеръ. Безпредѣльно носится онъ надъ землею и перелетаетъ изъ страны въ страну. Сегодня онъ здѣсь, у насъ, въ Венеціи, а завтра, кто знаетъ, можетъ быть онъ будетъ

тамъ, въ твоей снѣгомъ покрытой Московіи. Я бы хотѣла быть свободной какъ вѣтеръ. Такъ поѣдемъ въ Мурано?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—я не поѣду. Я очень усталъ съ дороги и потомъ вотъ уже часть ночи, какъ я стою на ногахъ, любуясь вашимъ карнаваломъ. Я очень усталъ, повторилъ онъ и не успѣлъ онъ окончить этихъ словъ, какъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что она выпустила его руку и схватила проходившаго мимо нихъ человѣка.

— Развѣ я не похожа на женщину, которая умѣетъ любить? услышалъ Шоринъ вопросъ, обращенный Карлоне къ этому человѣку.

— Всякая женщина умѣетъ любить, а ты въ особенности, отвѣтилъ тотъ.

— Такъ поѣдемъ на Джіудекку?

— Куда хочешь, хотя бы въ монастырь.

Она засмѣялась.

— Ну, тамъ всѣ келіи заняты, проговорила она, и повернувшись всѣмъ корпусомъ къ Шорину, быстро проговорила:— Adio vecchio Giovane!

III.

Одна за другою гасли въ небѣ звѣзды и потянуло съ моря предутреннимъ вѣтеркомъ; небо быстро свѣтлѣло и на востокѣ окрашивалось въ пурпурный цвѣтъ. Съ нѣсколькихъ кампанилъ раздавались густые, низкіе звуки благовѣста.

Веселье на уличкахъ, площадяхъ и каналахъ давно уже кончилось, и только изрѣдка попадалась гондола, увозившая домой не въ мѣру закутившуюся компанію; но маски были сняты, костюмы истрепаны, голоса осипли и, при свѣтѣ загоравшагося дня, эти карнавальныя фигуры имѣли жалкій и непривлекательный видъ. Таинственная венеціанская ночь скрываетъ многое, что открываетъ во всемъ обнаженіи любопытное, какъ женщина, солнце. И теперь, видя передъ собою, въ розовыхъ лучахъ восхода, этихъ запоздавшихъ ночныхъ кутилъ карнавала, Шоринъ съ сожалѣніемъ и досадой вспоминалъ всю эту кутерьму, такъ поразившую его ночью.

Но прекрасный образъ Лючіетты не выходилъ изъ его головы и все еще казался обаятельнымъ. И весь, во власти усталости, не будучи въ силахъ противустоять охватившей

дремѣ, онъ грезилъ о молодой венеціанкѣ, явившейся ему ди шумнаго карнавала и исчезнувшей какъ сонъ.

Да, она исчезла, такъ же внезапно, какъ появилась, и, ечно, исчезла навсегда! Много дѣвушекъ носятъ ими Лю- ты, какъ сказала ему Карлоне, и гдѣ же ему, чужеземцу, ти ее въ этомъ большомъ и незнакомомъ городѣ?

Но, несмотря на тревожившія его чувства, онъ ощущалъ ое страшное утомленіе, что, еле добравшись до высокой и рокой венеціанской кровати въ своемъ покоѣ, онъ тотчасъ заснулъ крѣпкимъ, сладкимъ сномъ.

Однако, рано утромъ его разбудили и потребовали къ сникову.

Шоринъ употребилъ большое усиліе воли, чтобы встать; ъ ощущалъ великую потребность въ снѣ и отдыхѣ.

Но посланники легли рано, выспались вдоволь и встали съ пѣтухами.

Шоринъ явился въ ихъ покои.

Посниковъ встрѣтилъ его хмуро и зорко поглядѣлъ ему прямо въ глаза. Злобная усмѣшка бродила на его губахъ.

— Что, Иванъ, проговорилъ онъ,—такъ долго почиваешь, аль всю ночь провелъ гдѣ?

— Гдѣ же мнѣ ее было проводить? сердито отвѣтилъ Шоринъ.—Городъ мнѣ чужой, и никого я здѣсь не знаю.

— Про то мнѣ невѣдомо, гдѣ можно проводить здѣсь ночи, отвѣтилъ Посниковъ.—Чай, и здѣсь есть такія мѣста, какъ и у насъ на Москвѣ, и вино здѣсь зѣло доброе...

— Что вино? Ты самъ знаешь, я виномъ не балуюсь. А про то, доброе ли здѣсь вино, тебѣ, видно, лучше знать.

Посниковъ изготовился было къ словесному бою, потому что не переносилъ, когда ему намекали на его страстишку къ вину, хотя самъ любилъ укорять людей совершенно въ томъ неповинныхъ.

Но Чемодановъ, предвидя столкновеніе, быстро вступился.

— Дьяче! сказалъ онъ,—не гоже намъ о винѣ преніе заводить, когда намъ нужно дѣлать царское дѣло. Мы отпустили его сами, и вотъ онъ теперь во благовременіи передъ нами. Чего больше? А гдѣ онъ былъ и что пилъ и какихъ красотокъ видѣлъ, про то вѣдомо ему.

И вдругъ, перемѣнивъ тонъ, игриво спросилъ у Шорина:

— Видалъ ли венецейскихъ дѣвушекъ?

— Видалъ! отвѣтилъ, улыбаясь, Шоринъ.

— Хороши-ли? съ дѣловитымъ видомъ освѣдомился Чемодановъ.

— Куды лучше...

— Ой! съ сомнѣніемъ протянулъ Чемодановъ.—Ужъ не лучше-же нашихъ московскихъ?

— Про то не вѣдаю, бояринъ. Кому какъ...

— А въ тѣлѣ дородны?

— Не столь дородны какъ наши.

На лицѣ Чемоданова появилось разочарованіе.

— Ну вотъ видишь, сказалъ онъ съ упрекомъ.—И которыхъ иноземокъ видѣлъ я на Москвѣ, продолжалъ онъ, увлекаясь своей излюбленной темой,— а тѣ были недородны. Противъ нашихъ далече!

Онъ задумчиво помолчалъ, потомъ, измѣнивъ тонъ, прибавилъ:

— А съ лица пригожи-ли?

— И про то мнѣ невѣдомо, улыбаясь отвѣчалъ Шоринъ.

— Какъ-же такъ? искренно удивился Чемодановъ.

— А такъ... Лица ихъ сокрыты масками, по сему карнавальному времени.

— Глупо, рѣшилъ Чемодановъ, — и глупо и неблагочестиво. Ликъ данъ человѣку отъ Бога и есть его образъ и подобіе. Пошто же его скрывать отъ людского взора подъ бѣсовскою маскою?

— Таковъ карнавальскій уставъ.

— Про то я и говорю. Нечестивый уставъ.

— Однако, и сквозь маску видать, что есть весьма пригожія.

— Ой? съ любопытствомъ спросилъ Чемодановъ. — Что же видишь-то?

— И глаза видишь, и губы, и волосы.

— Такъ... задумчиво протянулъ Чемодановъ.—Пожалуй, что и все обличье видно, а румянца, красы дѣвушки, не увидишь.

— Это точно. Румянца не увидать.

— Ну и опять же неосновательно. Румянецъ есть лучшее украшеніе дѣвушки. И при семъ замѣчу...

Но здѣсь Посниковъ воспользовался случаемъ отомстить своему товарищу и прервалъ его рѣчь, подражая словамъ Чемоданова:

— Не гоже намъ о дѣвичьей красѣ преніе заводить, бояринъ, сказалъ онъ,—когда намъ нужно дѣлать царское дѣло.

— Суровъ ты, дьяче, добродушно отвѣтилъ Чемодановъ,— и зѣло нравомъ грузенъ. Одначе я не мѣшаю тебѣ. Говори.

Чемодановъ отошелъ къ окну и погрузился въ думы.

Посниковъ сказалъ Шорину, не глядя на него:

— Ступай къ правителю здѣшняго града, венецейскому дукѣ, и скажи приставамъ или его приближеннымъ, что посольство наше прибыло. Когда, стало, и гдѣ ему будетъ угодно принять насъ, для передачи ему царскаго слова?

— Пойду, сказалъ Шоринъ, собираясь выйти.—А только слышалъ я стороною, что дука недомогаетъ и по случаю карнавальскаго времени дѣлами не занимается.

— Про то мнѣ невѣдомо. И карнавальскаго времени для пословъ нѣту. Обязаны мы передать ему порученіе, а онъ обязанъ выслушать насъ и приличествующій отвѣтъ учинить. Про то и говорю, чтобы указалъ гдѣ и когда. Мало понятенъ ты сталъ и зѣло говорливъ, строго прибавилъ онъ.

Но Шоринъ ничуть не испугался его строгости.

— Я что знаю, говорить обязанъ; то и говорю. До прочаго не касаюсь. Порученіе твое исполню немедля. И не токмо мало понятенъ, а напротивъ того все отлично понимаю.

И не прибавивъ ни слова больше, онъ вышелъ.

Сѣвъ въ гондолу, онъ отправился къ площади св. Марка, къ дворцу дожа.

Чудный день вставалъ надъ лагуной; солнце ярко освѣщало теперь дворцы и каналы и тысячью красныхъ искръ играло на водѣ. Несмотря на зимнее время, на небѣ не было ни тучки, ни облачка и на воздухѣ было тепло, какъ на Москвѣ въ бабье лѣто.

Шоринъ любовался видомъ города, его каналами, замѣнявшими улицы, его домами, выраставшими прямо изъ желтовато-мутной воды, его горбатыми мостиками всевозможныхъ размѣровъ, которыхъ было безчисленное множество.

Онъ все еще не могъ привыкнуть къ этому странному городу, не могъ освоиться съ нимъ.

Венеція просыпалась лѣниво, неторопливо, послѣ безумно проведенной ночи. Плыли барки, нагруженныя провизіей, и люди, въ черныхъ плащахъ и маскахъ, сидѣли въ глубинѣ гондолъ, попадавшихся на встрѣчу Шорину. Кое-гдѣ раздавалось пѣніе и звуки струнъ. Чувствовалось, что карнавальное веселье чутко дремлетъ, отдыхая днемъ отъ бурной ночи, но при рожденіи на небѣ первой звѣзды, оно проснется съ новой силой, съ новымъ, еще болѣе неистовымъ напряженіемъ.

И на душѣ Шорина подымалось веселье и онъ зналъ, что какъ только его посланники улягутся спать, онъ опять будетъ здѣсь, среди веселящагося народа, среди этихъ криковъ, пѣнія и плясокъ.

Онъ ощущалъ, какъ этотъ смутный, безпокойный карнавальскій духъ проникалъ въ него, человѣка, пришедшаго изъ далекихъ и невѣдомыхъ здѣсь странъ, человѣка чуждаго и этимъ людямъ, и этому безумному веселью. Ему казалось, что онъ одѣтъ въ ветхія одежды и что эти одежды спадаютъ съ него и что онъ обновляется тѣломъ и духомъ. Онъ уже чувствовалъ себя венецейцомъ и, страннымъ образомъ, венецейскіе нравы и обычаи, съ которыми онъ успѣлъ уже ознакомиться, не только не стѣсняли его, но пришлись ему по плечу.

Гондола медленно подплыла къ ступѣнямъ Піацеты.

Шоринъ вышелъ изъ лодки и направился ко дворцу дожа.

Во дворцѣ все еще спало, и онъ еле могъ добиться свиданія съ привратникомъ.

Онъ потребовалъ пристава, но привратникъ отвѣтилъ ему, что пристава еще спятъ.

Тогда онъ отправился бродить по площади и по улицамъ города.

Когда онъ вернулся, было все еще рано и ему пришлось дожидаться. Наконецъ, онъ получилъ возможность говорить съ дворцовымъ приставомъ и изложить ему свое дѣло.

Пристава, выслушавъ Шорина, обѣщали обо всемъ доложить дожу и принести отвѣтъ посламъ.

И дѣйствительно, черезъ двое сутокъ, утромъ, явились къ посланникамъ пристава.

Чемодановъ и Посниковъ приняли ихъ въ большомъ покоѣ дворца, который занимали. Оба были одѣты въ свои лучшія одежды и приняли важный и надменный видъ, который казался имъ необходимымъ въ этихъ обстоятельствахъ.

Шоринъ встрѣтилъ приставовъ внизу, въ вестибюлѣ, широкой и высокой прихожей, называвшейся entrada, ворота которой выходили прямо на ступеньки, погруженныя въ воды канала. По стѣнамъ энтрады стояли высокія деревянныя скамьи изъ крашенаго дерева, а самыя стѣны были убраны пиками, алебардами и другимъ оружіемъ, а также большими фонарями съ галеръ, напоминавшими счастливыя времена удачныхъ походовъ бывшихъ владѣльцевъ палацо.

Шоринъ привѣтствовалъ посланныхъ низкими поклонами и повелъ ихъ по лѣстницѣ, черезъ антресоли, въ верхній этажъ,

въ которомъ былъ расположенъ залъ и другія, богато изукрашенныя парадныя комнаты.

Всѣ онѣ были въ стилѣ бароко; стѣны были увѣшаны аррасскими коврами и зеркалами изъ Мурано.

Но послы русскаго царя, поселившіеся здѣсь, внесли въ эти комнаты нѣкоторый живописный безпорядокъ: на высокомъ рѣзномъ стулѣ валялся кафтанъ Посникова, только что имъ скинутый; лари, которые они привезли съ собою, были открыты и внутри ихъ стоялъ хаосъ. Въ одномъ изъ покоевъ, прямо на полу, была постлана постель, такъ какъ Посниковъ никакъ не могъ привыкнуть спать на широкой венеціанской кровати, подъ пологомъ и даже считалъ этотъ пологъ чѣмъ-то въ родѣ оскорбленія его высокому званію посольскаго дьяка.

Пристава венеціанскаго правительства съ изумленіемъ и любопытствомъ оглядывали эти подробности и изрѣдка перешептывались между собою, но такъ, что Шоринъ не слыхалъ ихъ.

Въ одной изъ комнатъ, на блестяще навощенномъ паркетѣ, стояла лужа вина, которое было пролито наканунѣ и которую не успѣли еще прибрать; одинъ приставъ чуть не поскользнулся и произнесъ ворчливымъ голосомъ проклятіе.

Наконецъ, вошли въ залъ, стѣны котораго были украшены брокаровой матеріей нѣжнаго цвѣта и красивой мебелью, подъ бѣлый лакъ съ золотомъ. Огромный каминъ былъ облицованъ фарфоровыми плитками бѣлаго-же цвѣта, усѣянными нѣжно голубыми цвѣточками.

На двухъ креслахъ, прекрасной скульптурной работы, возсѣдали Чемодановъ и Посниковъ.

Пристава, войдя въ залъ, остановились и поклонились низко.

Послы встали съ креселъ, отдали истовый поклонъ и тотчасъ же сѣли.

— Говори, обратился Посниковъ къ Шорину.

Шоринъ началъ свою рѣчь:

— Послы великаго московскаго царя привѣтствуютъ васъ, посланныхъ отъ пресвѣтлаго дуки славной Венецейской республики, и желательно имъ вѣдать, въ какой день князь вашъ можетъ свидѣться съ ними, дабы они могли передать ему царскій привѣтъ и потолковать о дѣлахъ, для коихъ они сюда присланы.

— И мы привѣтствуемъ благородныхъ пословъ московскаго царя въ нашемъ городѣ, отвѣтили пристава опять низко кла-

няясь,—мы бы сдѣлали это и раньше, если бы были освѣдомлены о вашемъ пріѣздѣ. Но нашъ дожъ не можетъ васъ принять нынѣ, потому что боленъ ногами.

— Какъ же такъ? воскликнулъ Посниковъ.—Доколѣ-же ждать намъ его выздоровленія?

— Нашъ дожъ, Бертучіо Вальеръ, боленъ ногами, опять повторили пристава,—а когда онъ выздоровѣетъ, про то мы неизвѣстны.

— Скажи имъ, приказалъ Шорину Посниковъ, — что намъ не можно не видѣть ихъ дуку.

Шоринъ сказалъ, но лица приставовъ оставались безстрастными.

— О пріѣздѣ вашемъ, переводилъ ихъ отвѣтъ Шоринъ, — дожъ нашъ освѣдомленъ и прислалъ вамъ привѣтъ и добрыя пожеланія.

Послы встали, поклонились и сѣли.

— А такъ какъ, продолжали пристава,—неизвѣстно когда онъ перестанетъ страдать ногами, а вы стѣснены временемъ, то, вмѣсто него, васъ примутъ честные владѣтели.

— Какъ такъ? изумился Посниковъ.—Это вовсе даже не порядокъ.

— Такъ, продолжалъ переводить слова приставовъ Шоринъ,—а промежду честныхъ владѣтелей, въ княжомъ мѣстѣ сядетъ старшій изъ нихъ, которому вы и подадите грамоту.

Посниковъ, выслушавъ эти слова, пошептался съ Чемодановымъ и возмутился. Предупреждая его, Чемодановъ сказалъ:

— Этому быть невозможно. Посланы мы къ вашему князю, а не къ честнымъ владѣтелямъ, велѣно намъ его видѣть и грамоту, стало, подать ему, а не честнымъ владѣтелямъ, какъ вы неправильно говорите.

Теперь пристава стали переговариваться между собою, и старшій изъ нихъ произнесъ:

— Это все равно... Дѣла, о которыхъ писано въ грамотѣ къ князю, намъ-же ихъ дѣлать. Князь ихъ не дѣлаетъ и не вѣдаетъ ничего.

Но Посниковъ низачто не хотѣлъ нарушить, столь неприличнымъ образомъ, этикета и внушалъ Чемоданову никакъ не сдаваться на таковыя безумныя рѣчи венецейскихъ приставовъ.

И Чемодановъ гордо отвѣтилъ:

— Ежели князь вашъ не дѣлаетъ ничего, то на что-же онъ вамъ князь?

Шоринъ затруднялся перевести эти слова, которыя, будучи переданы дожу, могли бы возбудить нежелательныя дипломатическія осложненія, и быстро найдясь, смягчилъ неподобающій вопросъ.

Но Посниковъ уже ставилъ другой вопросъ:

— Ежели государствомъ правите вы, пристава, то почто вы, въ грамотѣ къ царскому величеству, не писали имена свои вмѣстѣ съ княжескимъ?

— Того нѣтъ въ обычаѣ, отвѣтили пристава.

— И у насъ нѣтъ въ обычаѣ подавать грамоту честнымъ владѣтелямъ, когда должны мы ее подать князю.

— Въ иное время да, отвѣтили пристава, — но ежели князь боленъ ногами и принять васъ не можетъ?

— Болѣзнь отъ Господа, заявилъ Посниковъ, — и отъ сырости, которой у васъ въ городѣ много. И удивительно мнѣ, что одинъ князь вашъ болѣетъ ногами, а не всѣ ваши жители. И я, поживши здѣсь нѣкоторое время, чувствую нѣкую ломоту въ ногахъ. Но болѣзнь, хотя бы и ножная, переходчива, и желая вашему князю выздоровленія отъ оной...

Пристава встали со стульевъ, разставленныхъ для нихъ, и поклонились, а Посниковъ продолжалъ:

— Мы онаго выздоровленія вынуждены ждать.

— Какое-же время? спросилъ главный приставъ, которому дано было дожемъ порученіе скорѣе покончить съ царскими посланными, такъ какъ содержаніе ихъ въ Венеціи стоило дорого и ложилось бременемъ на личный бюджетъ дожа.

— Такое время, какое понадобится.

— Князь нашъ не можетъ вамъ сказать, когда его освободитъ болѣзнь, чтобы онъ могъ достойно принять такихъ благородныхъ пословъ великаго государя, попробовалъ испугать приставъ.—Лучше было-бы передать вамъ грамоту старшему изъ честныхъ владѣтелей.

— Того невозможно и сіе отнюдь не лучше по нашему разумѣнію, упорно отвѣтилъ Посниковъ.

— Такъ что-же вы положили?

— Положили дожидаться выздоровленія вашего князя.

Пристава посовѣщались между собою. Послы и Шоринъ молчали.

Шоринъ ликовалъ въ душѣ такъ благопріятно складывавшимся для него обстоятельствамъ. Они должны будутъ, очевидно, долго еще прожить въ городѣ и возвращеніе въ оте-

3*

чество поневолѣ затянется на много недѣль, а можетъ быть, и мѣсяцевъ.

Но Посникову это совсѣмъ было не по душѣ, и потому веселый видъ и улыбка, которую не сумѣлъ скрыть Шоринъ, его сильно раздражили.

Онъ такъ торопился домой, а теперь, изъ-за болѣзни дуки, они должны сидѣть въ этомъ сыромъ и холодномъ дворцѣ невѣдомое время!

„И чему радуется, лихой человѣкъ!“ подумалъ Посниковъ и мрачно сказалъ Шорину:

— Вижу, Иванъ, любы тебѣ басурманскіе свычаи и обычаи... Ты-бы и вовсе радъ здѣсь остаться.

— Чего видишь-то? Я тебѣ не говорилъ объ этомъ.

— Насквозь тебя вижу! озлобленно крикнулъ Посниковъ.—Продать чорту свою душу... Ишь, глаза разгорѣлись. По мысли тебѣ съ распутными венецейскими бабенками путаться.

Но Чемодановъ удержалъ его отъ дальнѣйшихъ выговоровъ.

— Пристава говорить хотятъ, сказалъ онъ.

— Намъ больше нечего дѣлать, коли вы уже такъ рѣшили, сказали они.—А можетъ быть и передумаете?

— Не передумаемъ. Иначе тому не бывать. А ежели вашъ князь насъ не приметъ, мы и такъ уѣдемъ и вмѣстѣ съ грамотой.

Пристава откланялись.

— Мы передадимъ ваши слова князю.

Шоринъ отправился ихъ провожать до ступени энтрады.

„Какъ никакъ, а придется старому пожить здѣсь!“ злорадно подумалъ онъ о Посниковѣ.

Мысль о возможности увидѣть опять Лючіетту наполнила его сердце такою сильною радостью, что онъ изумился.

Съ чувствомъ простился онъ съ приставами, дождался, когда они усѣлись въ богато убранную и изукрашенную гондолу, и вернулся въ мечтательномъ настроеніи въ свою комнату.

Дрова весело трещали въ каминѣ, и по комнатѣ разлилось тепло, которое охватило его.

Онъ сѣлъ у окна и отдался мечтаніямъ. День обѣщалъ быть прекраснымъ, свѣтлымъ и солнечнымъ, и онъ рѣшилъ посвятить его поискамъ Лючіетты.

IV.

Тоскливо потянулась жизнь въ домѣ русскаго посольства. Посниковъ томился въ вынужденномъ бездѣліи и находилъ утѣшеніе только въ яствахъ и винахъ, которыхъ было въ изобиліи.

Онъ почти не выходилъ, потому что ему было не по душѣ плаваніе въ гондолахъ и ему не нравились узкія улички Венеціи. Не нравился ему и самый городъ, и народъ, и карнавальское навожденіе, которое онъ называлъ бѣсовскою утѣхою, и это движеніе и этотъ шумъ на площадяхъ и улицахъ.

Порой онъ чувствовалъ, сидя въ комнатѣ, какъ стужа, сырость охватывали его, и онъ спасался отъ нихъ только мѣхами, которые захватилъ съ собою изъ Москвы.

— Странный и удивленія достойный венецейскій народъ! брюзжалъ онъ.—Придумать выстроить городъ на водѣ! Что, у Господа Бога земли нѣтъ достаточно, что-ли?

Чемодановъ скучалъ. Онъ не зналъ языка и не отваживался увлекаться венецейскими дѣвицами, которыхъ встрѣчалъ на улицѣ и которыя ему нравились, несмотря на то, что въ нихъ не было настоящей московской дородности.

Оба посла ждали приставовъ съ новымъ извѣщеніемъ, но пристава какъ нарочно не шли. Очевидно было, что дожъ или дѣйствительно не могъ принять ихъ по болѣзни, или медлилъ по какимъ либо особымъ причинамъ.

А можетъ быть республикѣ было въ то время и не до пословъ царскихъ; хотя безпечный, жадный до празднествъ народъ и предавался веселью на улицахъ города, мало думая о томъ, что происходило за его предѣлами, но флотъ Венеціи все еще велъ упорную борьбу съ турками.

Лазарь Мочениго взялъ въ плѣнъ нѣсколько турецкихъ кораблей и готовился вступить въ бой съ остальными морскими силами врага. По возвращеніи своемъ съ Родоса онъ столкнулся съ вражескимъ флотомъ, атаковалъ, разбилъ его и завладѣлъ судномъ, на бортѣ котораго находился Мехметъ-паша съ четырьмя стами турками. Мочениго тотчасъ же направился въ Дарданеллы, гдѣ было мѣстопребываніе другой флотиліи турокъ. Жестокій бой возгорѣлся между двумя эскадрами, и вначалѣ судьба неблагопріятствовала венеціанцамъ: необыкновенной силы буря чуть не погубила ихъ кораблей, но Мочениго и Маркъ Бембо не потерялись, выказали удивительную находчивость и ловкость, и, въ концѣ концовъ, побѣда осталась за ними.

Мочениго ворвался со своими кораблями въ узкій проливъ и сѣялъ на пути смущеніе и смерть. Однако, жестокій ураганъ помѣшалъ венеціанцамъ окончательно истребить оттоманскій флотъ; какъ только стихъ вѣтеръ, Мочениго снова направился въ проливъ и прошелъ подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ орудій, которыя обстрѣливали его съ обоихъ береговъ. Новая побѣда была уже въ рукахъ венеціанцевъ, какъ вдругъ вражеская бомба ранила Мочениго осколкомъ прямо въ голову. Храбрый предводитель тутъ же скончался, а флотъ республики въ великомъ смятеніи удалился.

Смерть Мочениго измѣнила ходъ войны, и шансы венеціанцевъ поколебались. Командиры папской и мальтійской эскадръ удалились съ театра войны; Тенедосъ и Лемносъ, забранные венеціанцами, были вновь ими утрачены. Но и турки чувствовали себя усталыми и обезсиленными. Они сами начали переговоры о мирѣ; но такъ какъ они требовали во что бы то ни стало возвращенія Кандіи, то республика рѣшила продолжать войну.

Какъ бы то ни было, всѣ эти невзгоды, побѣды, пораженія и перемѣнное счастье мало отражались на внутренней жизни венеціанскихъ жителей, и они продолжали предаваться карнавальнымъ весельямъ и легкомысленно наполняли площади города, требуя развлеченій и зрѣлищъ.

Одинъ больной дожъ и честные правители съ приставами занимались государственными дѣлами и изыскивали способы и средства выйти побѣдителями изъ трудной войны. Остальнымъ же какъ будто и дѣла не было до нея.

Дожъ мало думалъ о русскомъ посольствѣ, имѣвшемъ пребываніе въ Венеціи. Узналъ-ли онъ стороною, что отъ этого посольства нечего ждать помощи, о которой онъ просилъ, или вообще не вѣрилъ въ возможность завязать серьезныя сношенія съ далекимъ государствомъ,—только онъ не спѣшилъ принять посланниковъ русскаго царя.

Одинъ Шоринъ отъ души радовался этому досадному для Посникова и Чемоданова промедленію.

Онъ вполнѣ освоился съ городомъ и мало-по-малу, изучилъ его. Денегъ у него было достаточно, ожидалъ онъ ихъ и еще больше, какъ только прибудетъ голландскій корабль, привезшій ихъ въ Ливорно, кружнымъ путемъ, въ Венеціанскую гавань. Тогда будутъ распроданы товары, которые онъ везъ на немъ, и онъ готовъ будетъ оставаться здѣсь хотя цѣлый годъ.

Время онъ проводилъ превесело. Въ его услугахъ не нуждался теперь Посниковъ и, рѣшивъ, что Шорину любы басурманскіе свычаи и обычаи, какъ будто махнулъ на него рукой и не обращалъ больше никакого вниманія.

Шоринъ былъ несказанно радъ этому. Онъ почувствовалъ полную свободу и проводилъ цѣлые дни и часть ночей на улицахъ, принимая участіе въ общемъ веселіи. Онъ пріобрѣлъ себѣ венеціанскій плащъ, остригъ бородку по мѣстному обычаю и сталъ походить по внѣшности на коренного жителя; такимъ образомъ, его перестали смущать общее вниманіе и любопытные взгляды.

Только еще по нѣсколько затрудненной рѣчи и по выговору узнавали въ немъ иноземца.

Зато Посниковъ, увидя его въ такомъ неблагопристойномъ видѣ, отплюнулся раза два и зловѣще проговорилъ:

— Тьфу, окаянный! Ой, Иване, прямо въ бѣсовскія лапы угодишь! Попомнишь ужо мои рѣчи...

Но Шоринъ не обращалъ вниманія на слова старика, никогда не благоволившаго къ нему, и продолжалъ вести себя по-прежнему.

Сколько улицъ и площадей исходилъ онъ за это время въ поискахъ за Лючіеттой, которая не только не выходила изъ его головы, но завладѣла всѣми его помыслами и сердцемъ!

Какъ и почему это случилось, онъ и самъ не зналъ и не мало удивлялся этому.

«И лица даже не видѣлъ ея»—говорилъ онъ себѣ, и ему казалось, что именно это-то обстоятельство и разожгло въ немъ жгучее любопытство.

Но Лючіетта точно въ воду канула.

Шоринъ посѣтилъ и мальвазію, въ которой онъ побывалъ въ первую ночь карнавала, и домъ, въ которомъ онъ увидѣлъ впервые прелестную танцовщицу, и пропасть всякихъ другихъ мѣстъ, гдѣ онъ могъ предполагать найти ее—нигдѣ ея не было.

И чѣмъ меньше успѣха было найти ее, тѣмъ болѣе и болѣе овладѣвало имъ желаніе увидѣть ее.

Однажды онъ скитался по городу, преслѣдуемый все одной и той-же мыслью, когда услыхалъ у дверей одного дома шумъ.

Онъ остановился.

Изъ дверей дома выходилъ знатный венеціанецъ и крѣпко бранился. Онъ называлъ разбойниками и пиратами тѣхъ, кто

держитъ этотъ домъ, и грозилъ жаловаться правительству, привести немедленно сбировъ республики, чтобы показать этимъ пиратамъ, что нельзя безнаказанно грабить благородныхъ людей.

Уже сталъ собираться народъ и движеніе, навѣрное, разрослось бы въ крупную уличную исторію, какъ вдругъ открылось одно изъ оконъ второго этажа и оттуда упалъ на улицу туго набитый деньгами кошелекъ.

Кошелекъ грузно упалъ къ самымъ ногамъ разсвирѣпѣвшаго венеціанца, весьма богато одѣтаго.

Чей-то голосъ прокричалъ изъ окна:

— Возьмите ваши деньги, но не являйтесь сюда болѣе! Мы васъ не звали, вы сами пришли, и развѣ мы виноваты, что вы проигрались?..

Венеціанецъ быстро подхватилъ кошелекъ и спряталъ его.

Гнѣвъ его почти тотчасъ-же утихъ и, хотя онъ еще проворчалъ раза два:

— Проклятые пираты! Турки!

Но уже голосъ его звучалъ не такъ рѣзко и онъ поспѣшилъ скрыться въ толпѣ, чтобы не быть узнаннымъ.

Шоринъ заинтересовался происшествіемъ.

— Что это за домъ? спросилъ онъ у стоявшаго около него человѣка.

Тотъ съ любопытствомъ оглядѣлъ его.

— Какъ, вы не знаете этого дома? Развѣ вы иноземецъ?

— Да, я иноземецъ.

— Это самый знаменитый домъ на улицѣ св. Моисея, насмѣшливо проговорилъ человѣкъ.—Называютъ его Ridotto.

— Что же это за домъ?

Тотъ засмѣялся.

— Это царство фараона, бирибиссо и наморими. Здѣсь благородные потомки венеціанскихъ патриціевъ и богатые сынки нашихъ купцовъ оставляютъ въ изобиліи цехины, собранные трудомъ или доставшіеся по наслѣдству ихъ дѣдамъ и отцамъ. Если у васъ были дѣды и отцы—а у кого ихъ не было?—и если они вамъ оставили приличное количество дукатовъ и цехиновъ,— насмѣшливо продолжалъ словоохотливый человѣкъ, — то совѣтую вамъ попытать счастья и войти въ нашъ знаменитый Ridotto.

— Чѣмъ же онъ знаменитъ?

— Какъ чѣмъ! Онъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ всѣхъ знаменитыхъ людей. Развѣ только одинъ дожъ не бывалъ въ

немъ. А то всѣ представители нашихъ знатныхъ фамилій оставили въ немъ свою дань. Право, попытайте-ка счастье!

— И что же выйдетъ изъ того?

— Изъ того ничего не выйдетъ, а вы можете выйдти отсюда или богачемъ, или нищимъ. Стоитъ вѣдь попытаться? Не правда-ли?

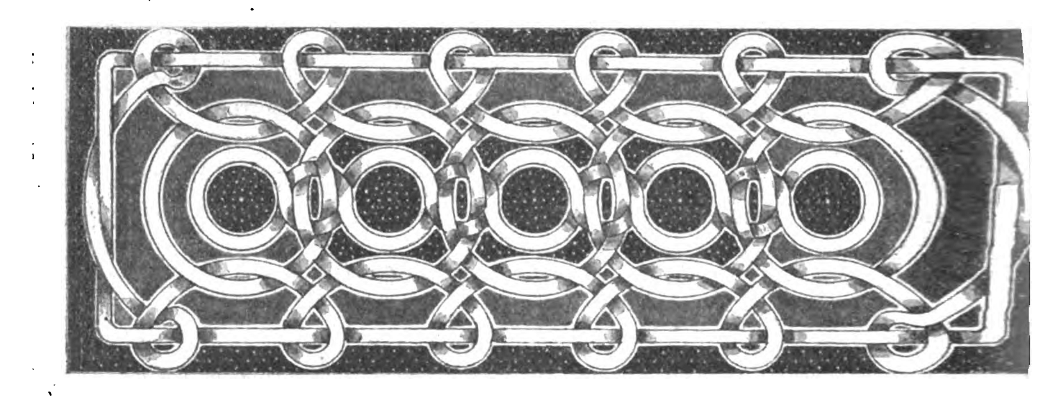
— Отчего и не попытаться! отвѣтилъ Шоринъ.

И онъ вошелъ въ Ridotto.

— Желаю вамъ успѣха! крикнулъ ему со смѣхомъ человѣкъ.—Только, когда проиграетесь, будьте добры не бросайтесь въ наши каналы. На днѣ ихъ и такъ много всякой дряни.

Шоринъ пожалъ плечами и сталъ подыматься по лѣстницѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Кюхельбекеръ и Пущинъ.

юхельбекеръ и Пущинъ принадлежатъ, какъ извѣстно, къ числу декабристовъ.

Вильгельмъ Карловичъ фонъ Кюхельбекеръ родился въ С.-Петербургѣ 10 іюня 1797 г., умеръ въ Сибири въ г. Тобольскѣ 11 августа 1846 г.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ родился въ 1798 году, умеръ, возвратившись изъ Сибири, 3-го апрѣля 1858 г. въ г. Бронницахъ.

Они оба поступили въ 1811 году въ только что открытый царскосельскій Лицей и были товарищами Горчакова, Корфа, Пушкина и Дельвига. Оба они приняли участіе въ возмущеніи 14-го декабря 1825 года, и оба были осуждены верховнымъ уголовнымъ судомъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и въ каторжныя работы. Но судьба ихъ послѣ осужденія не была одинакова. Пущинъ, вмѣстѣ съ другими декабристами, былъ сосланъ на каторгу. Кюхельбекеръ же вмѣсто каторги провелъ десять лѣтъ въ казематахъ разныхъ крѣпостей въ одиночномъ заключеніи. Эта гуманная мѣра была хуже каторги, потому что онъ былъ лишенъ общенья съ товарищами по несчастью и могъ бы одичать, какъ Батеньковъ, еслибы его не поддерживала поэзія и собственный поэтическій талантъ.

Пущинъ былъ закоренѣлый, убѣжденный со школьной еще скамьи, реформаторъ и политическій дѣятель.

Кюхельбекеръ же политикою не занимался и попалъ въ ...ны тайнаго общества неожиданно для себя, а участіе его ...возмущеніи 14-го декабря Пущинъ считалъ „похмѣльемъ въ ...омъ пиру!“ „Напрасно покойникъ Рылѣевъ, говоритъ Пу...ъ [1]), принялъ Кюхельбекера въ общество, безъ моего ...ома, когда я былъ въ Москвѣ. Это было незадолго до ...4 декабря. Еслибъ вамъ разсказать всѣ продѣлки Вильгельма ... день происшествія и въ день объявленія сентенціи, то вы ...росто погибли бы отъ смѣху, несмотря, что онъ тогда былъ на сценѣ довольно трагической и довольно важной“. Такова характеристика товарища и друга Кюхельбекера. Другой товарищъ его, бар. Корфъ (впослѣдствіи графъ), говоритъ, что Кюхельбекеръ имѣлъ эксцентрическій умъ, пылкія страсти, необузданную вспыльчивость, что онъ почти полупомѣшанный, всегда готовый на самыя „курьезныя“ продѣлки. Какъ поэта, онъ считаетъ его выше Дельвига, а въ отношеніи Пушкина ставитъ его непосредственно за нимъ [2]). Н. И. Гречъ, его хорошій знакомый, но посторонній ему человѣкъ, говоритъ, что онъ отличался необыкновеннымъ добродушіемъ, безмѣрнымъ тщеславіемъ, необузданнымъ воображеніемъ которое онъ называлъ поэзіею, раздражительностью, которую можно было употреблять въ хорошую и въ дурную сторону. [3]) Но всѣхъ сердечнѣе относился къ Кюхельбекеру его геніальный товарищъ, А. С. Пушкинъ. Онъ называлъ его нѣжными кличками „Виля“ и „Кюхля“. Для Пушкина онъ остался навсегда „лицейской жизни милый братъ“. Въ своемъ чудесномъ „19 октября 1825 г.“ („Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ“) Пушкинъ обращается съ слѣдующими двумя строфами къ Кюхельбекеру:

Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся—но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ, не то ль и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

* „ *

---

[1]) Письмо Ив. Ив. къ дирек. Лицея Е. А. Энгельгардту 26 Февр. 1845 г. изъ Ялуторовска. См. книгу Я. Грота «Пушкинъ, его лиц. тов». СПБ. 1899 г. стр. 181.

[2]) Записки Корфа. См. у Я. Грота: Пушкинъ, его лиц. тов. и т. д. стр. 244.

[3]) «Записки о моей жизни», Н. И. Гречъ. С.П.Б. 1883 г. изд. А.С. Суворина, стр. 383.

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ—
Приди: огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданія оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Сколько сердечности, задушевности и тонкихъ намековъ находится въ этихъ немногихъ строкахъ: бурные дни Кавказа намекаютъ на пощечину, которую Кюхельбекеръ влѣпилъ кому-то изъ начальствующихъ во время своей тамъ службы у Ермолова, за что долженъ былъ оставить Кавказъ; волшебные разсказы и сердечныя преданья—это любимая тема музы Кюхельбекера—семейныя, рыцарскія преданія, въ приподнятомъ, фантастическомъ родѣ; Шиллеръ—это его любимый авторъ, въ которомъ Пушкинъ охарактеризовалъ склонность Кюхельбекера вообще къ нѣмецкой поэзіи—къ Клопштоку, Геснеру и другимъ, которой самъ Пушкинъ не долюбливалъ.

Трагическая судьба Кюхельбекера и Пущина послѣ осужденія верховнымъ уголовнымъ судомъ вызвала трогательные стихи Пушкина: «19-го октября 1827 года»:

«Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ счастьѣ и въ житейскомъ горѣ,
Въ странахъ чужихъ, въ пустынномъ морѣ [1])
И въ темныхъ пропастяхъ земли».

Здѣсь я приведу разсказъ Кюхельбекера, какъ очевидца и участника возмущенія 14 декабря 1825 г. по его собственноручнымъ донесеніямъ слѣдственной комиссіи верховнаго уголовнаго суда, доступъ до которыхъ мнѣ былъ Высочайше разрѣшенъ для составляемаго мною спеціальнаго труда о Кюхельбекерѣ. Документы эти нигдѣ не напечатаны. О Пущинѣ же я коснусь только эпизодически, для характеристики одного загадочнаго факта этого дня.

Оба они, хотя и товарищи, но разныхъ направленій, идеаловъ, характеровъ. И это различіе отразилось и въ ихъ собственноручныхъ показаніяхъ.

Пущинъ какъ бы глумится надъ вопросами, задаваемыми ему слѣдственною комиссіею и отвѣчаетъ на все незнаніемъ и невѣдѣніемъ.

---

[1]) Намекъ на Ѳ. Ѳ. Матюшкина, находившагося въ кругосвѣтномъ путешествіи. См. также «Посланіе въ Сибирь». т. II, стр. 11.

Кюхельбекеръ же, напротивъ, послѣ первыхъ запирательствъ вполнѣ откровененъ, многорѣчивъ; старается самъ припомнить свои вины; боится что либо утаить; скорбитъ, если кого нечаянно вовлекъ въ отвѣтственность, старается его обѣлить и выгородить (какъ въ эпизодѣ со Львомъ Пушкинымъ); честность его доходитъ до комизма въ столь трагическій періодъ его жизни: онъ вспоминаетъ о неуплаченныхъ имъ долгахъ своему человѣку, за ѣду, портному....

Первый допросъ Кюхельбекера былъ снятъ съ него въ Варшавѣ, куда онъ бѣжалъ, и такъ какъ этотъ допросъ напечатанъ цѣликомъ въ «Русской Старинѣ» (1873 г. т. VII, апрѣль, стр. 462—471) въ перепискѣ великаго князя Константина Павловича съ Ѳ. П. Опочининымъ, то я его не буду касаться, а ограничусь *только* собственноручными донесеніями или показаніями Кюхельбекера, относящимися до *дня 14 декабря 1825 г.* и извлеченными изъ дѣлъ верховнаго уголовнаго суда.

«Нѣсколько [1]) дней спустя по полученіи извѣстія о смерти государя, Рылѣевъ мнѣ объявилъ, что въ государствѣ есть тайное общество, желающее измѣненія въ образѣ правленія. На предложеніе въ оное взойти я согласился, но не раздѣлялъ всѣхъ личныхъ мнѣній Рылѣева, частію даже мнѣ неизвѣстныхъ. Членами я никого не зналъ, ибо мнѣ сказано было, что постановленіе общества не позволяетъ оныхъ открыть. Живши вмѣстѣ съ Одоевскимъ, я догадался, что онъ къ оному принадлежитъ, въ чемъ онъ мнѣ признался. За недѣлю до 14-го числа, бывъ у Рылѣева, я у него нашелъ много лицъ, съ коими онъ имѣлъ тайные переговоры, отводя ихъ въ сторону. Въ чемъ заключались оные—мнѣ неизвѣстно. До 14-го числа болѣе я ни отъ кого ничего не зналъ и не слышалъ. 14-го числа поутру, я собирался ѣхать къ моему товарищу по лицею князю Эристову, когда Рылѣева человѣкъ пришелъ меня звать къ своему господину. Придя къ нему, я у него нашелъ Пущина и Штейнгеля. Они мнѣ сказали, что полки должны сего утра присягать государю Николаю Павловичу, что многіе изъ оныхъ на сіе не согласны, и чтобъ я отправился на площадь, гдѣ дождался пришествія войскъ, къ коимъ присоединившись, кричалъ бы ура Константину. Придя

---

[1]) Показаніе это не собственноручное Кюхельбекера, но писанное, вѣроятно, съ его словъ безграмотнымъ писаремъ.

на площадь и никого не найдя, я нѣсколько подождалъ и наконецъ пройдя домой, встрѣтился съ Одоевскимъ. Онъ мнѣ далъ одинъ пистолетъ изъ двухъ, коими былъ вооруженъ; потомъ пошли мы къ Рылѣеву. Здѣсь хотѣли меня послать, во первыхъ, въ конную артиллерію, гдѣ считали на офицеровъ Виламова и Малиновскаго; но потомъ рѣшили мнѣ ѣхать въ морской экипажъ. Пріѣхавъ въ оный, видѣлъ я Арбузова и брата, ужасавшихся происшествію московскаго полка, о буйствѣ коего было уже имъ извѣстно. Спросилъ ихъ, что они полагаютъ дѣлать? Они мнѣ сказали, чтобъ я узналъ на площади и въ московскомъ полку, что происходитъ. Ѣхавъ туда меня изъ саней выкинули у Синяго мосту въ снѣгъ, гдѣ пистолетъ мой выпалъ и смокъ. На площади я нашелъ уже толпу московцевъ, окруженную народомъ, откуда проѣхалъ въ московскій полкъ, и возвращаясь въ экипажъ, меня болѣе въ оный не пустили. Тутъ я нашелъ у воротъ финляндскаго полка, полагаю, Цебрикова, который меня взялъ съ собою на площадь. Оставя его у Синяго мосту, гдѣ онъ хотѣлъ отдать свою шинель, я пѣшкомъ дошелъ до толпы бунтующихъ и взошелъ въ оную. Здѣсь нашелъ я московскаго полка Щепина-Ростовскаго и Бестужева; прочихъ полковъ Одоевскаго, Бестужева 2-го и 4-го и Оболенскаго, во фракахъ, Коховскаго, Пущина, Глѣбова и неизвѣстнаго мнѣ статскаго совѣтника съ плюмажемъ на шляпѣ, котораго надѣюсь, что узнаю, и нѣсколько молодыхъ людей, изъ коихъ одного вооруженнаго шпагой, также мнѣ неизвѣстныхъ. Погодя нѣсколько пришла на площадь лейбъ-гренадерская рота, въ коей офицеровъ я не замѣтилъ, потомъ гвардейскій экипажъ и въ послѣдствіе время весь гренадерскій полкъ. Прежде пришествія экипажа Пущинъ посылалъ меня въ домъ Лаваля къ Трубецкому, коего я не нашелъ, и, вѣроятно, въ отсутствіе мое приключеніе графа Милорадовича исполнилось. Когда подходилъ къ толпѣ митрополитъ, кричали: подайте намъ Константина, тогда повѣримъ. Офицеры экипажа подходили къ преосвященному и просили его прислать Михаила Павловича, обѣщая его послушать. Когда же великій князь подъѣхалъ и люди начали слушать его слова, то Пущинъ спросилъ по-французски, вызвавъ меня съ другой стороны, гдѣ я стоялъ, хочу-ли я его изъ пистолета ссадить. Тутъ меня двинули впередъ, и я, зная по опыту (?), что мой пистолетъ замокши стрѣлять не можетъ, и сверхъ сего боясь, чтобъ на сіе другіе кто не рѣшился, прицѣлился; но люди гвардейскаго экипажа отвели руку мою

прочь. Послѣ его высочества подъѣзжалъ къ толпѣ еще Воиновъ, на котораго опять по требованію Пущина я также прицѣлился, но пистолетъ, какъ я былъ увѣренъ, осѣкся. Когда начали стрѣлять картечью, гвардейскій экипажъ первый разсыпался, и я съ онымъ отошелъ».

Давъ это первоначальное показаніе, Кюхельбекеръ спохватился, что, можетъ быть, сказалъ лишнее, нечаянно выдалъ знакомаго или товарища, и вотъ 3 февраля 1826 г. онъ пишетъ личное письмо генералъ-адъютанту Вас. Вас. Левашеву гдѣ между прочимъ говоритъ:

«Считаю обязанностію исправить вкравшуюся въ допросъ, сдѣланный мнѣ вашимъ превосходительствомъ, погрѣшность.

«Если только хорошо помню, я, кажется, показалъ, что виновники несчастнаго происшествія 14-го декабря *считали на содѣйствіе* [1]) офицеровъ гвардейской конной артиллеріи, Вилламова и Малиновскаго. Изъ сихъ словъ, какъ теперь вижу, могутъ вывесть заключеніе, что они, Вилламовъ и Малиновскій, находились, такъ сказать, въ заговорѣ или были членами тайнаго общества, чего я никакъ утверждать не хотѣлъ, не могу и не смѣю. Имена ихъ услышалъ я впервые отъ Пущина, когда 14 числа поутру во второй разъ зашелъ къ Рылѣеву. Разсказывая мнѣ, что происходитъ въ гвардейскомъ экипажѣ, въ московскомъ полку и такъ далѣе, онъ, Пущинъ, между прочимъ упомянулъ и объ конной артиллеріи и о томъ, что Вилламовъ и Малиновскій *не хотѣли присягать* государю императору.

«Сіе сопротивленіе, какъ ваше превосходительство сами усмотрѣть можете, могло прозойти отъ мгновенной, юношеской пылкости, отъ легкомыслія, конечно, весьма не извинительнаго, или даже просто отъ недоразумѣнія, безъ всякаго предварительнаго знанія о существующемъ заговорѣ, о коемъ я и самъ въ точности свѣдалъ не прежде 14 числа.

«Увѣренъ, что ваше превосходительство, по свойственному вамъ человѣколюбію и благородству души, примете сіи обстоятельства, мною неумышленно пропущенныя, въ разсужденіе къ облегченію участи несчастныхъ Вилламова и Малиновскаго».

Наконецъ, во имя этой же своей честности, онъ даже сознается въ такихъ дѣяніяхъ, о которыхъ его и не спрашиваютъ слѣдственные судьи. Вотъ что онъ пишетъ отъ 17-го февраля 1826 г. въ одномъ изъ самыхъ обширныхъ собственноручныхъ

---

[1]) Всѣ курсивы принадлежатъ Кюхельбекеру, какъ здѣсь, такъ и далѣе.

донесеній, гдѣ онъ также отвѣчаетъ на вопросы (числомъ 21), поставленные ему верховнымъ уголовнымъ судомъ.

«Нѣкоторыя подробности, забытыя мною при допросѣ, сдѣланномъ мнѣ его превосходительствомъ генералъ-адъютантомъ Левашевымъ.—а) Считаю обязанностію своею объявить, что кн. Оболенскій не по собственному желанію предводительствовалъ нами 14 числа на Сенатской площади; виною его избранія былъ я и вотъ какимъ образомъ:—видя безпорядки и неистовства, которымъ предавалась чернь, а частію даже солдаты, особенно московцы, принимавшіеся нѣсколько разъ стрѣлять по собственному произволу и худо внимавшіе нашему запрещенію и просьбамъ нашимъ, я почувствовалъ необходимость начальства надъ всѣми и предложилъ оное сперва Н. А. Бестужеву I, прибывшему на площадь съ гвардейскимъ экипажемъ; когда же онъ отъ себя отклонилъ таковое опасное первенство,—кн. Евгенію Оболенскому, который вслѣдъ затѣмъ и былъ объявленъ солдатамъ предводителемъ. Полагая, что сіе обстоятельство можетъ вмѣниться ему въ тяжкую и особенную предъ прочими вину, осмѣлюсь просить судей нашихъ, чтобы сія вина пала не на его, а на мою долю.—б) Гвардейскій экипажъ, кромѣ перваго зводу, не имѣлъ ни боевыхъ, ни холостыхъ зарядовъ.—в) Кн. Одоевскимъ и мною было объявлено солдатамъ при ожидаемомъ нападеніи на насъ конницы, чтобы они стрѣляли не въ людей, а лошадямъ въ морды.

«Вотъ три обстоятельства, которыя я теперь вспомнилъ и которыхъ при сдѣланномъ мнѣ допросѣ не думалъ утаить, а опустилъ истинно неумышленно; одно изъ нихъ значительно увеличиваетъ мою виновность; но я ни ложью, ни утайкою не хочу и не желаю облегчить жребій свой. И такъ, если въ послѣдствіи припомню еще что либо важное, всепокорнѣйше прошу настоящее опущеніе приписать не упорству, а дурной моей памяти. Сверхъ того обѣщаюсь чистосердечно и откровенно отвѣчать на всѣ вопросы, которые будутъ мнѣ сдѣланы и которые, статься можетъ, мнѣ самому напомнятъ то, что теперь мною забыто и опущено. На счетъ прежнихъ опусковъ и отступленій отъ истины, которыя, конечно, найдутся въ допросѣ, сдѣланномъ мнѣ въ Варшавѣ, осмѣлюсь замѣтить, что они всѣ очень не важны».

Объ участіи его и дѣятельности на Сенатской площади, гдѣ онъ такъ много „суетился“, какъ о томъ замѣтилъ также Пущинъ въ письмѣ къ Энгельгардту, верховный уголовный

судъ ставитъ ему рядъ вопросовъ, заключенныхъ въ одномъ вопросѣ, за № 12:

„Изъ собственныхъ словъ вашихъ и показаній другихъ видно, что въ день происшествія вы такъ много суетились и такое дѣятельнѣйшее принимали участіе въ предпріятіи членовъ тайнаго общества, что успѣвали быть въ разныхъ полкахъ, сзывать членовъ общества и дѣйствовать на Петровской площади. Слѣдственно вамъ особенно должны быть извѣстны многія подробности происшествія 14-го декабря, а потому объясните:

a) Кто началъ въ московскомъ полку возмутительныя дѣйствія и кто рубилъ и кололъ генераловъ: Фридрикса и Шеншина и полковника Хвощинскаго?

b) Кто открывалъ тѣ же дѣйствія въ другихъ мѣстахъ? Кто убѣждалъ и поощрялъ солдатъ идти на Петровскую площадь и кто ими предводительствовалъ?

c) Кто на самой площади поощрялъ солдатъ къ продолженію неустройства и возстановлялъ чернь къ буйству?

d) Ежели точно вы не видѣли, кто нанесъ смертельныя раны графу Милорадовичу и полковнику Стюллеру, то, конечно, слышали. Объясните о семъ откровенно и по совѣсти, что сами видѣли и что слышали.

e) Извѣстно, что Коховскій, Оболенскій, Пущинъ, Щепинъ-Ростовскій, Одоевскій, Пановъ, Цебриковъ и прочіе находились во все время неустройства или съ вами или въ виду вашемъ. Изложите всѣ дѣйствія каждаго изъ нихъ, показавъ, въ кого они сами стрѣляли и кто изъ нихъ особенно поощрялъ другихъ стрѣлять въ войска и начальниковъ?

f) Вы сказали, что бывшаго тамъ ст. совѣтника въ шляпѣ съ плюмажемъ можете узнать. Объясните съ возможною точностію слова и дѣйствія его, коими онъ поощрялъ другихъ и способствовалъ къ мятежу; долго-ли онъ былъ на мѣстѣ происшествія, чѣмъ вооруженъ былъ, въ кого стрѣлялъ, и когда скрылся?

g) Кромѣ пистолета, чѣмъ вы еще были вооружены?

h) Кому отдали на площади палашъ, отнятый у жандарма, и отъ кого вы получили оный?»

На этотъ рядъ вопросовъ Кюхельбекеръ отвѣчаетъ:

„Приступая къ вопросамъ, содержащимся подъ № 12, осмѣлюсь предварительно объяснить, почему я, зная столь мало о намѣреніяхъ общества, принялъ такое дѣятельное участіе въ происшествіяхъ 14 декабря.—Да проститъ мнѣ велико-

душно милосердіе государя императора! Я точно не вѣрилъ неслыханному въ исторіи событію; я точно не вѣрилъ, чтобы прежняя присяга моя его императорскому высочеству была съ воли и съ согласія его разрѣшена: въ семъ убѣдило меня *совершенно* только письмо его императорскаго высочества цесаревича къ князю Лобанову-Ростовскому [1]), что может засвидѣтельствать и господинъ Лавровъ, у коего я письмо сіе прочелъ въ 1-й разъ, и господинъ Гречъ [2]), у коего въ домѣ

---

[1]) См. Н. К. Шильдеръ: Междуцарствіе. Рус. Стар. 1897 г., т. февр., стр. 216, а также дневникъ П. Г. Давыдова. Рус. Стар., 1897 г., т. мартъ, стр. 466.

[2]) Вотъ, что говоритъ о Кюхельбекерѣ въ своихъ запискахъ Н. И. Гречъ: «Въ сентябрѣ онъ отъ меня выѣхалъ (все лѣто 1825 г. онъ жилъ у Греча, когда семейство послѣдняго было на дачѣ) и поселился въ домѣ Булатова, что нынѣ Китнера, на углу Почтамской улицы и Исаакіевской площади. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что онъ приступилъ къ обществу вмѣстѣ съ многими другими; потомъ, что его приняли послѣ полученія извѣстія о смерти Александра, или даже наканунѣ происшествія. Въ воскресенье, 29-го ноября, онъ обѣдалъ у меня, былъ тихъ, скроменъ, изъявилъ сожалѣніе о смерти Государя и прибавлялъ, улыбаясь: «добрый былъ человѣкъ Александръ Павловичъ; другой царь не такъ поступилъ бы со мною». 14-го декабря, когда я, въ собраніи моего семейства (изъ постороннихъ были притомъ Булгаринъ, племянникъ его, генеральнаго штаба подпоручикъ Демьянъ Александровичъ Искрицкій и маклеръ Толченовъ) читалъ манифестъ, раздался громкій звонъ колокольчика въ передней, и вошелъ Кюхельбекеръ, разстроенный, со взглядомъ театральнаго бандита и, не здороваясь ни съ кѣмъ, подошелъ и спросилъ меня:

— Qu'est ce que vous lisez là? Je crois que c'est le manifeste? (что вы здѣсь читаете? полагаю, что это манифестъ).

— Oui, c'est le manifeste. Ecoutez! (Да, это манифестъ. Послушайте!) отвѣчалъ я и продолжалъ чтеніе.

Когда я остановился на одномъ какомъ-то пунктѣ, онъ спросилъ по русски:

— А позвольте узнать, отъ котораго числа отреченіе Константина Павловича?

Я отвѣчалъ:

— Я и не видалъ. Посмотримъ: отъ 26 ноября.

— Отъ 26-го, возразилъ онъ,—хорошо, прощайте!

Булгаринъ, съ которымъ онъ въ то время былъ на ножахъ, сказалъ ему, подавая руку:

— Здравствуйте, Вильгельмъ Карловичъ!

Онъ отвѣчалъ: «здравствуйте и прощайте!» Съ этими словами онъ ринулся изъ комнаты. Матушка спросила у меня, что съ нимъ сдѣлалось:

— Ничего, отвѣчалъ я,—вѣроятно, пишетъ оду на восшествіе на престолъ.

Это было часу въ двѣнадцатомъ утра. Вскорѣ потомъ актеръ Каратыгинъ и еще кто-то встрѣтили его идущаго въ изступленіи къ Исаакіевской площади.

— Слышали ли вы, спросилъ одинъ изъ нихъ,—на Исаакіевской площади бунтъ.

— Знаю, отвѣчалъ Кюхельбекеръ,—это наше дѣло»! (Записки о моей жизни. Н. И. Гречъ. СПБ. 1886 г. Изд. А. С. Суворина, стр. 384—385)

Хотя цитата эта не вноситъ ничего существеннаго, но она подтверждаетъ во 1) слова Кюхельбекера, что онъ въ это утро былъ у Греча, и во 2) показываетъ намъ, въ какомъ нервномъ и психопатическомъ состояніи находился этотъ «взбалмошный и безтолковый хлѣбопекарь», какъ его называетъ Гречъ.

услышалъ я всѣ прочіе акты, кромѣ сего письма. Итакъ, присяга его императорскому высочеству не служила мнѣ просто предлогомъ: но была одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ, заставившихъ меня пристать къ виновникамъ бѣдственныхъ происшествій 14 декабря и принять отъ нихъ разныя порученія.— Я благодарю судьбу, что, можетъ быть, приближалось къ исполненію нѣкоторыхъ, хотя и не всѣхъ, политическихъ надеждъ и мечтаній моихъ (см. пунктъ 6) и вмѣстѣ могу остаться вѣрнымъ долгу подданнаго. — Присяга же въ моихъ глазахъ всегда была дѣйствіемъ чрезвычайно важнымъ и священнымъ [1]) и даже теперь въ моемъ заключеніи, судимый за мятежное возстаніе на законную власть, и даже теперь осмѣлюсь утверждать, что я не въ состояніи и никогда не былъ способенъ нарушить произнесенную мною однажды присягу, если только мои судьи благоволятъ не называть нарушеніемъ оной слишкомъ смѣлыя надежды, слова и предположенія, въ чемъ я, конечно, признаю себя весьма виновнымъ и отъ всей души молю Бога и государя объ отпущеніи мнѣ этого преступленія!

a) О возмущеніи въ московскомъ полку узналъ я впервые въ гвардейскомъ экипажѣ; о мнимой же смерти генерала Шеншина именно отъ брата моего, какъ я то и показалъ въ 1-мъ сдѣланномъ мнѣ еще въ Варшавѣ допросѣ. Кто же началъ сіе возмущеніе и кто нанесъ ударъ генералу Шеншину, мнѣ неизвѣстно. Про рану, полученную генераломъ Фридриксомъ, свѣдалъ я, кажется, уже на площади; отъ кого, не припомню; также не было мнѣ говорено, кто нанесъ оную. Имя же полковника Хвощинскаго я вовсе не слыхалъ.

b) Кромѣ находившихся на площади лицъ, о коихъ ниже,— упомянули при мнѣ Рылѣевъ, Пущинъ I и еще кто-то третій (но кто, не вспомню) слѣдующія имена: 1-ое полковника кн. Трубецкого, о которомъ Пущинъ вдругъ съ нетерпѣніемъ спросилъ: «Гдѣ же Трубецкой и прочіе?“ а потомъ меня послалъ за нимъ въ домъ Лаваля; 2-ое капитана Пущина II, о которомъ, не помню кто, сказалъ: „Пущинъ велѣлъ сказать, что конные саперы послѣдуютъ во всемъ примѣру измайловцевъ;“ 3-е штабсъ-капитана Якубовича, о которомъ на чей-то вопросъ: гдѣ онъ? Рылѣевъ отвѣчалъ: „Онъ тамъ нуженъ;“ и, наконецъ, 4-ое и 5-ое Вилламова и Малиновскаго, о коихъ уже со всею возможною подробностію объяснился я въ письмѣ,

[1]) Такъ думалъ я о присягѣ и въ продолженіе времени, непосредственно предшествовавшаго 14-му декабря. Ссылаюсь на Рылѣева.

которое касательно ихъ имѣлъ честь препроводить на имя его превосходительства господина генерала-адъютанта Василія Васильевича Левашева. Гдѣ-же находились сіи здѣсь мною названныя особы и что именно дѣлали, сказать не могу.

„Изъ лицъ же извѣстныхъ мнѣ предводительствовали на площади солдатами: Щепинъ-Ростовскій, братья Бестужевы 2-й и 3-й (Бестужевы же 1-й и 4-й находились на площади, но принимали весьма малое участіе во всемъ происходившемъ), Одоевскій, Оболенскій, Пущинъ, изъ лейбъ-гренадерскихъ офицеровъ нѣкто, кого въ лицо знаю, но фамиліи не помню, быть можетъ, Пановъ и, наконецъ, всѣ, сколько могъ замѣтить, оберъ-офицеры гвардейскаго экипажа. Кто же убѣдилъ солдатъ идти на площадь, не вѣдаю.

c) Въ продолженіе неустройства къ крику: «ура Константину!» поощряли солдатъ всѣ или почти всѣ вышесказанные, кромѣ однако же офицеровъ гвардейскаго экипажа и пришедшаго съ ними Бестужева I. Чернь же, когда приближалась къ рядамъ, мы всячески старались удалить, опасаясь разстройства солдатъ и напраснаго кровопролитія. Въ семъ случаѣ особенно назову Одоевскаго и, да простятъ мнѣ, если вспомню то, что меня хотя нѣсколько утѣшаетъ въ моемъ несчастіи,— самого себя. Находясь во всю мою бытность на площади при солдатахъ, не умѣю сказать, кто именно возстановлялъ чернь на буйство. Сначала, кажется, подошелъ ко мнѣ человѣкъ мнѣ вовсе незнакомый (небольшого росту, смуглый, худощавый, съ виду лѣтъ за сорокъ) и ломанымъ французскимъ языкомъ объявилъ себя предводителемъ всей толпы волновавшейся черни; на мой недовѣрчивый вопросъ, кто онъ? онъ отвѣчалъ, что онъ отставной ротмистръ (capitain de cavalerie) Розенталь или Розенбергъ [1]), хорошо не припомню,

---

[1]) Этотъ Розенталь или Розенбергъ не даетъ покоя бѣдному Кюхельбекеру и онъ старается все припомнить его настоящую фамилію. Такъ уже 25 февраля 1826 года онъ сообщаетъ:

«Человѣкъ, назвавшійся мнѣ 14 числа ротмистромъ Розенталемъ, Розенбергомъ или подобнымъ сходнымъ съ оными *нѣмецкимъ* именемъ, (*сколько помню*)—роста средняго, скорѣе малаго, чѣмъ большого; смуглъ, черноволосъ, худощавъ, съ виду лѣтъ за сорокъ; носъ у него былъ кажется, большой, глаза черные, весь очеркъ лица уроженца страны южной; въ одеждѣ былъ довольно поношенной, цвѣту (сдается мнѣ) темнаго. Но узнать его нынѣ не берусь: во 1-хъ, потому что его только тутъ и то мелькомъ видѣлъ; во 2-хъ, потому что на него могутъ быть похожи очень многіе полуденные нѣмцы, швейцарцы, итальянцы, греки, грузины, даже малороссіяне, которые всѣ болѣе, или менѣе, смуглы, худощавы, черноволосы.—Прежде, не помню, чтобы этотъ человѣкъ мнѣ гдѣ попадался: впрочемъ и не отрицаю того, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежитъ къ числу такихъ лицъ, которыя въ кондитерскихъ, въ трактирахъ, при аукціонахъ, въ театрахъ, на бульварѣ, на гуляніяхъ встрѣчаешь сотнями.

но признаюсь, по его наружности я и тогда думалъ и теперь полагаю, что онъ на себя взводилъ напраслину. Еще приступилъ, было, ко мнѣ пьяный приказный, котораго я насилу убѣдилъ отойдти отъ солдатъ.

д) Какимъ образомъ узналъ я о смерти графа Милорадовича, я имѣлъ уже честь объявить и здѣсь еще разъ повторяю мое показаніе. О смерти графа Милорадовича я впервые услышалъ отъ моего человѣка дорогою изъ С.-Петербурга въ Варшаву; ему о томъ сказывали проѣзжіе мужики; я это извѣстіе назвалъ ложью и не вѣрилъ оному, пока (у Лаврова) не прочелъ подтвержденіе онаго въ вѣдомостяхъ. Полагаю же, что совершилось это злодѣяніе въ то время, когда я уходилъ въ домъ Лаваля и вотъ почему: возвратясь и подойдя къ Пущину, стоявшему недалеко отъ памятника Петру I, я замѣтилъ въ сторонѣ къ дому Лобанова необыкновенное волненіе и сверхъ того какого то генерала въ голубой, кажется, лентѣ и, сколько помню, пѣшаго. Кто этотъ генералъ? Точно ли былъ въ голубой лентѣ или нѣтъ? Не могу сказать и тогда не любопытствовалъ. Теперь же думаю, что это, можетъ быть, былъ графъ Милорадовичъ, уже раненый и сошедшій съ лошади.

Про смерть же полковника Стюллера я слышалъ мимоходомъ (и то навѣрно не знаю гдѣ,—въ Петербургѣ ли, или Варшавѣ при первомъ моемъ допросѣ).

е) 1. Коховскаго 14-го числа въ первый разъ я видѣлъ,

«Примѣтъ особенныхъ, кромѣ вышесказанныхъ, не припомню.

«Но вотъ, что, можетъ быть, высочайше учрежденному комитету покажется достойнымъ нѣкотораго вниманія: онъ упоминалъ объ оружіи, будто бы у него собранномъ, и вызывался доставить оное во множествѣ. Вотъ, *если только не измѣняетъ мнѣ память*, его собственныя слова: J'ai là chez moi, si vous voulez, une quantité de sabres et tout ce qu'il faut (произнесены же были эти слова à l'allemande, т. е. ch за j—и такъ далѣе); считая его съ перваго взгляда хвастуномъ, я тогда же спросилъ его фамилію, которую онъ мнѣ тутъ и объявилъ».

Затѣмъ въ показаніи отъ 27-го марта 1826 г. онъ вновь возвращается къ этому:

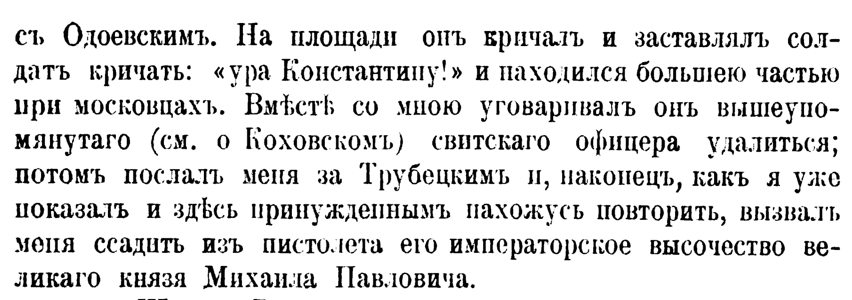
«Далѣе, считаю долгомъ объявить, что теперь мнѣ *кажется*, будто бы имя говорившаго со мною 14 декабря ротмистра не Розенталь, а Раутенфельдтъ. Однако же всепокорнѣйше прошу высочайше учрежденный комитетъ замѣтить, что мнѣ это только кажется и не болѣе, и что я теперь до того удрученъ скорбію и горестію, что никакъ не могу утверждать: я вспомнилъ его имя. По крайней мѣрѣ исполняю обязанность свою и объявляю все, что можетъ хотя въ чемъ нибудь удовлетворить требованіямъ высочайше учрежденнаго комитета. Легко даже статься можетъ, что сей человѣкъ не говорилъ со мною по французски, а по русски; а что мое воображеніе уже впослѣдствіи представило мнѣ сіе послѣднее обстоятельство. Да не осудитъ меня высочайше учрежденный комитетъ за сіи противорѣчія: они должны приписаться немощи, а не злой волѣ, разстроенному воображенію, а не недостатку искренности!»

идучи къ Рылѣеву и не зная еще ни о чемъ. Онъ проѣхалъ мимо меня къ Рылѣеву же, но не былъ къ нему впущенъ. Потомъ я увидалъ его, сходя съ крыльца офицерскихъ казармъ гвардейскаго экипажа: онъ бѣжалъ черезъ дворъ, а за нимъ гнались солдаты, которые, какъ онъ мнѣ потомъ самъ сказывалъ, сорвали съ него шинель. Далѣе, встрѣтилъ я его на площади, гдѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ въ народной толпѣ ранилъ кинжаломъ нѣкотораго свитскаго офицера. Оставивъ же площадь, я въ послѣдній разъ увидѣлъ Коховскаго, не доходя Синяго моста, и сталъ его распрашивать о прочихъ, но не получилъ отъ него никакого отвѣта.

Увѣряю предъ Всевышнимъ Богомъ, который да поможетъ мнѣ въ страшный часъ смерти и да помилуетъ мою грѣшную душу, что ударъ, нанесенный вышеупомянутому офицеру имъ, Коховскимъ, есть *единственное мною видѣнное своеручное* покушеніе *на чью либо* жизнь, предпринятое лицомъ мнѣ знакомымъ.

2. Оболенскаго 14-го числа я въ первый разъ увидѣлъ на площади. Онъ вмѣстѣ съ Одоевскимъ, Щепинымъ-Ростовскимъ, Бестужевымъ 3-мъ и, кажется, 2-мъ устраивалъ въ батальонъ-каре московцевъ и заставлялъ ихъ кричать: «ура Константину!» Потомъ, какъ я уже показалъ, онъ былъ назначенъ предводителемъ войскъ, находящихся въ возмущеніи. Когда же я услышалъ, что офицеры гвардейскаго экипажа просятъ преосвященнаго митрополита, чтобы убѣдилъ его императорское высочество великаго князя Михаила Павловича подъѣхать къ нимъ, я, подбѣжавъ къ Оболенскому, спросилъ: съ его ли это согласія? На что онъ отвѣчалъ мнѣ: нѣтъ. Осмѣлюсь требовать, чтобъ допросили его, Оболенскаго, безъ смущенія ли мною сдѣланъ былъ этотъ вопросъ? И тогда еще за четверть, много за полчаса до пріѣзда къ намъ его императорскаго высочества, свидѣтель мнѣ Богъ, я опасался онаго; опасался, ибо видѣлъ буйство черни и московцевъ, зналъ объ ударѣ, нанесенномъ генералу Шеншину и, наконецъ, усматривалъ не безъ ужаса, между прочимъ изъ примѣра Коховскаго, какому неистовству могутъ предаться заговорщики. Но какъ было мнѣ подозрѣвать, что *меня* изберутъ на совершеніе злодѣянія, котораго и тогда и теперь и въ самую минуту, когда цѣлился, душа моя гнушалась и гнушается?

«3. *Пущина I* встрѣтилъ я рано поутру у Рылѣева, гдѣ онъ первый объявилъ мнѣ о преднамѣреваемомъ возмущеніи; у Рылѣева же засталъ я его, зашедши туда и во второй разъ

съ Одоевскимъ. На площади онъ кричалъ и заставлялъ солдатъ кричать: «ура Константину!» и находился большею частью при московцахъ. Вмѣстѣ со мною уговаривалъ онъ вышеупомянутаго (см. о Коховскомъ) свитскаго офицера удалиться; потомъ послалъ меня за Трубецкимъ и, наконецъ, какъ я уже показалъ и здѣсь принужденнымъ нахожусь повторить, вызвалъ меня ссадить изъ пистолета его императорское высочество великаго князя Михаила Павловича.

«4. *Щепина-Ростовскаго* замѣтилъ я между московцами.

«5. *Одоевскаго* повстрѣчалъ я (онъ не ночевалъ дома, находясь наканунѣ во внутреннемъ караулѣ во дворцѣ) близъ адмиралтейства часу въ десятомъ въ исходѣ и воротился съ нимъ на общую квартиру, гдѣ взялъ у него одинъ изъ его пистолетовъ (былъ ли этотъ пистолетъ заряженъ или нѣтъ, я по сю пору не знаю и пусть по простому моему изложенію благоволитъ то рѣшить высочайше учрежденный комитетъ или допросить о томъ Одоевскаго); въ обоихъ пистолетахъ находился обвитый зеленымъ сукномъ шомполъ, который, сдается мнѣ, потерялъ я, когда извощикъ вывалилъ меня въ снѣгъ; далѣе, на полкѣ моего пистолета не было пороху, въ чемъ я удостовѣрился, когда, находясь внутри баталіона-каре московцевъ, вздумалъ осматривать оный; тогда же я нѣсколько разъ спускалъ курокъ, обратя пистолетъ дуломъ къ землѣ и выстрѣла не послѣдовало; бросилъ же его, идучи домой у самыхъ лѣсовъ Исаакіевской церкви, боясь, чтобы семеновцы, мимо которыхъ проходилъ, не примѣтили его въ рукахъ моихъ, потому что я тогда былъ въ одномъ фракѣ безъ шинели. Если полиція или кто-нибудь извѣстный правительству тутъ нашелъ оный, легко можно будетъ узнать, былъ ли онъ заряженъ или нѣтъ; то, что ни я, ни *при мнѣ* Одоевскій его не заряжалъ, въ томъ клянусь честью и совѣстью. Изъ дому пошли мы оба (Одоевскій и я) къ Рылѣеву; оттуда же отправился я въ гвардейскій экипажъ, а онъ намѣревался идти въ финляндскія казармы. На площади я съ нимъ снова увидѣлся. Находился онъ неотлучно при московцахъ; удалялъ чернь; не только не поощрялъ, но унималъ солдатъ, стрѣлявшихъ безъ спросу, а при ожидаемомъ на насъ нападеніи конницы увѣщевалъ ихъ мѣтить не въ людей, а лошадямъ въ морды; караульному же офицеру, который грозился велѣть выстрѣлить по насъ, обоихъ подошедшихъ слишкомъ близко къ сенатской гауптвахтѣ, онъ отвѣчалъ: Monsieur, on ne meurt qu'une fois; наконецъ, увидѣлъ я его, тѣснимый мимо его толпою бѣгу-

щихъ солдатъ гвардейскаго экипажа и замѣтилъ, какъ онъ снималъ султанъ съ своей шляпы.

«6) *Панова* полагаю видѣлъ я при приходѣ на площадь лейбъ-гренадерскаго полка.

«7) Съ *Цебриковымъ* или лучше сказать съ тѣмъ, кого считаю Цебриковымъ, встрѣтился я на крыльцѣ гвардейскаго экипажа, пришедъ туда въ первый разъ. Я не узналъ его; онъ же, назвавъ меня по фамиліи, сказалъ мнѣ: «enflummez!» (?) и уѣхалъ; во второй разъ попался онъ мнѣ у воротъ экипажа и подвезъ меня до Синяго мосту. На площади же, теперь вспомнилъ, я его точно видѣлъ. Помнится, онъ уговаривалъ Рылѣева еще разъ съѣздить въ финляндскій полкъ. Меня спрашивали при 2 допросѣ 9 февраля, что онъ со мною разговаривалъ? Помню только, что онъ бранилъ свой полкъ и что въ прочихъ рѣчахъ его я замѣтилъ какую-то смѣсь нерѣшительности и дерзости и будто бы даже раскаянія.

«Про статскаго совѣтника, о которомъ упомянулъ я, скажу, что онъ до прихода лейбгренадеровъ стоялъ довольно долго, завернувшись въ шинель близъ памятника передъ фрунтомъ московцевъ: сколько я могъ замѣтить, онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ и даже не кричалъ: «ура Константину!» Видѣть же его могли, кромѣ меня, еще Пущинъ и Оболенскій; а можетъ быть, и Коховскій и Одоевскій. Былъ ли вооруженъ, не знаю, равномѣрно не знаю, когда скрылся.

«g и h) Кромѣ пистолета далъ мнѣ кто-то изъ черни палашъ жандарма, котораго удалось намъ выручить изъ рукъ ихъ: отдалъ же я палашъ сей молодому Льву Пушкину, пришедшему однако же на площадь, какъ полагаю, изъ одного ребяческаго любопытства; вскорѣ потомъ увидѣлъ я его, Пушкина, безъ палаша: куда же онъ дѣлъ его, не спросилъ и не вѣдаю».

Сказавъ это, Кюхельбекеръ спохватился, что можетъ вовлечь невиннаго своего ученика, Льва Пушкина, и брата своего геніальнаго поэта Пушкина—и вотъ отъ 31 марта 1826 г. спѣшитъ съ слѣдующимъ своимъ дополнительнымъ показаніемъ.

«Да благоволитъ высочайше учрежденный комитетъ низойти къ страданію несчастнаго, который бы желалъ по крайней мѣрѣ совѣсть свою успокоить, и да не негодуютъ на меня судіи мои, занятые дѣлами важнѣйшими, въ сравненіи съ коими, конечно, судьба частнаго человѣка ничего не значитъ; да не негодуютъ они на меня, если обращу ихъ вниманіе на молодого Льва Пушкина, пострадавшаго, можетъ быть, черезъ

мое показаніе, *что я ему отдалъ палашъ, отнятый у жандарма чернію.*

«Уже въ моихъ отвѣтахъ (отъ 17 февраля) я сказалъ, что полагаю, что онъ, Пушкинъ, пришелъ на площадь изъ одного ребяческаго любопытства и что я вскорѣ увидѣлъ его безъ палаша; но сего мало: я долженъ былъ объявить, что я этотъ палашъ далъ ему *безъ предварительнаго его требованія*, взявъ его за руку и подведши къ кн. Одоевскому, которому я при томъ сказалъ: «prenons ce jeune soldat».

«Чувствую, что настоящее признаніе весьма поздно: но свидѣтель мнѣ Богъ, что только на дняхъ я сталъ думать объ этомъ моемъ неизвинительномъ поступкѣ и что, какъ скоро усмотрѣлъ всю опасность, коей мое неполное показаніе подвергаетъ его, Пушкина, я ни на мигъ не обинулся высказать все высочайше учрежденному комитету.

«Теперь, какъ ни силюсь найти еще что-нибудь, въ чемъ бы я долженъ признаться или что бы долженъ дополнить передъ высочайше учрежденнымъ комитетомъ, ничего не нахожу. И такъ нынѣ, я надѣюсь, не стану уже скучать (sic) оному, ниже обращать его вниманіе на себя: но въ тишинѣ и молитвѣ буду ожидать отъ милосердія монаршаго рѣшенія судьбы моей».

Вопросъ 13, предложенный слѣдственной комиссіею, состоялъ въ слѣдующемъ:

«При первомъ допросѣ вы сказали, что будто бы Пущинъ вызвалъ васъ ссадить изъ пистолета его высочество Михаила Павловича и что вы прицѣливались въ его высочество по двумъ причинамъ, потому, что пистолетъ вашъ, будто бы подмокшій, не могъ стрѣлять, и потому, чтобы другой кто на это не рѣшился. Сами вы должны согласиться, что слова сіи, какъ явная несообразность, не заслуживаютъ никакой вѣры. Вамъ извѣстно, что сознаніе есть важный шагъ исправленія проступка. Скажите голосомъ чести и совѣсти, не собственное ли побужденіе устремляло руку вашу на его высочество, и не правда ли, что самъ Богъ сохранилъ священную особу его высочества отъ угрожавшей ему изъ рукъ вашихъ опасности? Объясните, съ какимъ намѣреніемъ хотѣлось вамъ нанести ударъ прежде его высочеству Михаилу Павловичу, а потомъ генералу Воинову и какую отъ совершенія удара сего могли вы ожидать пользу для цѣли своего общества. Для успокоенія совѣсти своей скажите, въ кого еще стрѣляли вы?»

На этотъ вопросъ Кюхельбекеръ отвѣчаетъ слѣдующее:

«Приступаю къ важнѣйшему для меня пункту допроса. Да поможетъ мнѣ сердцевидецъ-Богъ убѣдить судей моихъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что не хочу ихъ обманывать! Меня заклинаютъ голосомъ чести и совѣсти сказать истину: благодареніе моимъ милосерднымъ судіямъ, что они во мнѣ не отчаяваются! Нѣтъ! никогда я не былъ и не буду глухъ для голоса чести и совѣсти. Въ продолженіи моей бурной и несчастливой жизни я не разъ подвергалъ ее опасности для спасенія не того, что теперь предъ лицомъ Бога и чуждый свѣтскихъ предразсудковъ называю *честію*, но для выручки того даже, чему приличіе, суетность и тщеславіе дали сіе священное имя. Между тѣмъ, тогда представлялись мнѣ вдали и надежды и желанія и обольщенія, я еще не отчаявался въ счастіи. Теперь же чего мнѣ ждать? Чего желать? Чего надѣяться? Сверхъ того милосердный Богъ приникъ ко мнѣ своею неизсякаемою любовью; онъ услышалъ вопль сердца моего: «Господи, помози моему невѣрію!» Въ глубинѣ души моей рождается живое упованіе на другую, лучшую жизнь — и да не вниду въ нее, обремененный лжесвидѣтельствомъ! Я желалъ бы теперь взять на одного себя все бремя, которымъ тяготитъ меня обвиненіе въ покушеніи на жизнь его императорскаго высочества, но не могу; сказанное мною въ семъ случаѣ о Пущинѣ къ несчастію *истинно*, — въ моемъ же объясненіи причинъ, заставившихъ меня цѣлить въ его императорское высочество, нѣтъ противорѣчія, ни несообразности: увѣренный въ томъ, что *пистолетъ мой не стрѣляетъ*, я хотѣлъ выиграть время, хотѣлъ умышленно неловкостію обратить на себя вниманіе его императорскаго высочества (отъ коего я находился въ очень недальномъ разстояніи и могъ быть имъ замѣченъ), сперва прицѣлился не въ него, а на клики: не туда! не туда! сюда! метался изъ стороны въ сторону; все это съ тѣмъ, чтобы *другой кто съ лучшимъ оружіемъ и съ большею готовностью не заступилъ моего мѣста*. Гдѣ тутъ явная несообразность, не заслуживающая никакой вѣры, и могу ли по совѣсти въ томъ сознаться? впрочемъ въ силахъ ли я теперь отдать ясный отчетъ во всемъ томъ, что тогда во мнѣ происходило? Но живо помню, что надѣялся на осѣчку пистолета; живо помню, что меня объяла жалость, когда всмотрѣлся въ лицо великаго князя; *что, когда солдатъ отвелъ* [1]) мою руку, у меня будто камень съ сердца свалился.

[1]) Отвелъ и не болѣе; а то, съ моими тогдашними чувствами и понятіями, я теперь, вѣроятно, уже находился бы предъ судомъ Божіимъ:

И такъ безъ сомнѣнія Богъ сохранилъ священную особу его императорскаго высочества; но, если какая опасность угрожала ему изъ рукъ моихъ, то не по волѣ и не по желанію моему. Еще разъ и несмотря на всѣ наружныя противу меня доказательства, торжественно увѣряю и повторяю, что у меня не было намѣренія нанести удара ни его императорскому высочеству, ни генералу Воинову и что я не ожидалъ и не могъ ожидать никакой пользы изъ сего для общества, которому имѣлъ несчастіе принадлежать.—Для вящаго подтвержденія истины сего моего показанія:

«Во 1-хъ, приведу мое добровольное, съ перваго слова признаніе въ томъ, что я цѣлился въ его императорское высочество (на счетъ же генерала Воинова меня даже никто и не спрашивалъ, я самъ то объявилъ). Если бы въ самомъ дѣлѣ совѣсть меня упрекала въ какомъ кровожадномъ намѣреніи, ужели бы я не употребилъ никакихъ усилій, ужели бы вовсе не старался скрыть того, что съ *перваго взгляду* доказываетъ оное? И почему же теперь такъ упорно стою на томъ, что не имѣлъ сего намѣренія?

«Во 2-хъ, прошу спросить сестру мою статскую совѣтницу Глинкину; она покажетъ, что на ея вопросъ, къ кому прибѣгнуть, чтобы испросить мое и брата моего помилованіе, я ей назвалъ великаго князя Михаила Павловича; его великодушныхъ чувствъ я тогда еще не зналъ, какъ ихъ теперь знаю: и такъ пусть рѣшатъ, понадѣялся ли бы я на его императорское высочество, если бы зналъ за собою преступленіе, въ которомъ обвиняютъ меня?

«Въ 3-хъ, я точно шелъ въ Варшаву къ его императорскому высочеству цесаревичу. Между тѣмъ я зналъ его горячую братскою нѣжность къ великому князю Михаилу Павловичу: рѣшился-ли бы я на этотъ шагъ, если-бы не чувствовалъ себя чистымъ отъ всякой кровной вины? на шагъ, который только въ семъ предположеніи могъ быть для меня и для другихъ не совершенно безполезнымъ?

«Въ 4-хъ, смѣю требовать, чтобы былъ отысканъ извощикъ, везшій меня изъ гвардейскаго экипажа сперва на площадь, потомъ въ московскій полкъ и, наконецъ, назадъ въ гвардейскій экипажъ. Онъ можетъ засвидѣтельствовать справедливо-

---

никакая сила не отвлекла бы меня отъ картечнаго огня; впрочемъ, пистолетъ остался же у меня въ рукахъ и я даже не покинулъ гвардейскаго экипажа. Ужели между сими обстоятельствами и показаніемъ *побившихъ меня* будто бы солдатъ нѣтъ никакой *несообразности*?

ли или нѣтъ мое показаніе о томъ, что онъ вывалилъ меня въ снѣгъ въ Вознесенской улицѣ близъ Синяго моста. Тогдашнія примѣты мои слѣдующія: я былъ въ круглой шляпѣ, въ новой темно-оливковаго цвѣту шинели съ бобровымъ воротникомъ и съ серебряною застежкою; нанялъ я его у воротъ гвардейскаго экипажа въ одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ часу и тамъ же отпустилъ; при расплатѣ же далъ ему цѣлковый. Про извощика же могу сказать, что онъ былъ среднихъ лѣтъ, бѣлокуръ, съ бородою, сани имѣлъ посредственныя сзади клещетыя, подъ темно-желтымъ лакомъ, а коверъ и лошадь были довольно дурные и старые.

«Сверхъ того, по совѣсти долженъ я объявить, что не смѣю рѣшительно утверждать, чтобы именно Пущинъ вызвалъ меня на второе убійственное покушеніе противу генерала Воинова. Оно послѣдовало непосредственно послѣ перваго и, надѣюсь, мнѣ повѣрятъ, что я отъ сего перваго не пришелъ еще въ себя; помню только, что меня взяли за руку, вывели изъ рядовъ гвардейскаго экипажа, что я слышалъ имя—*Воинова*; потомъ, сдается мнѣ, набрасывали на меня шинель, которую я механически надѣвалъ и скидывалъ и, наконецъ, бросилъ.

«Когда же я оглянулся, за мною стояли: Пущинъ, Коховскій, Одоевскій и нѣсколько мнѣ незнакомыхъ лицъ и меня кто-то изъ нихъ упрекалъ въ томъ, что я не выстрѣлилъ. Все это теперь передо мною, какъ будто бы было во снѣ: я не прежде очнулся, какъ когда услышалъ картечные выстрѣлы.

«Въ заключеніе увѣряю, что ни въ кого не стрѣлялъ 14-го числа и благодарю неизрѣченно благостнаго Бога, что Онъ меня, не взирая на безуміе, съ которымъ присталъ я къ мятежу, спасъ и избавилъ отъ смертоубійства и сохранилъ руки мои чистыми отъ всякой крови!»

На вопросъ 14-й слѣдственной комиссіи: «Когда послѣ картечныхъ выстрѣловъ толпы солдатъ гвардейскаго экипажа бросились на дворъ дома, пройдя Конногвардейскій манежъ, вы хотѣли построить солдатъ и вести ихъ на штыки, что побуждало васъ увлекать ихъ на явную гибель? Куда, съ какою мыслію и съ какими надеждами вы хотѣли вести ихъ?»—Кюхельбекеръ даетъ слѣдующее показаніе:

«На штыки хотѣлъ я повесть солдатъ гвардейскаго экипажа единственно потому, что бѣжать показалось мнѣ постыднымъ, и теперь душевно благословляю Господа за то, что они меня не послушались».

Кюхельбекеръ въ концѣ своего обширнаго показанія отъ 17 февраля 1826 года дѣлаетъ прибавленіе слѣдующаго содержанія;

«Насчетъ Пущина осмѣлюсь просить очной съ нимъ ставки: хотя въ душѣ я увѣренъ, что онъ былъ тѣмъ, кто меня вызвалъ на нанесеніе удара его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу, однако же сомнѣваюсь въ всегдашнемъ благоустройствѣ моихъ умственныхъ силъ и способностей, не считаю своего внутренняго убѣжденія достаточнымъ къ его обвиненію. Пусть и его спросятъ по чести и совѣсти; ужели онъ останется глухимъ для голоса ихъ? Если онъ оправдаетъ самъ себя, да оправдаетъ его Богъ: а я ни слова не произнесу уже въ свое защищеніе! Да будетъ воля Господня!»

Отъ 27-го марта 1826 г. онъ обращается въ верховный уголовный судъ съ слѣдующимъ показаніемъ:

«Препроводивъ 17 февраля въ высочайше учрежденный комитетъ отвѣты мои на различные пункты, содержащіеся въ сдѣланномъ мнѣ допросѣ, — я въ оныхъ отвѣтахъ руководствовался совершеннымъ чистосердечіемъ и молилъ Бога, да подкрѣпитъ Онъ меня въ семъ трудномъ подвигѣ.—Во всемъ, что касалось Пущина и меня, я, сколько могъ, старался его оправдать или уменьшить вину его: свидѣтель тому Тотъ, для Кого нѣтъ тайнъ въ человѣческомъ сердцѣ! Если же я не рѣшился умолчать имя Пущина и всю тяжесть преступленія взять на себя, то во 1-хъ потому, что сія утайка была бы отступленіемъ отъ истины (а я хотѣлъ быть совершенно искреннимъ), во 2-хъ потому, что не считаю себя въ правѣ жертвовать собою, когда съ моимъ несчастнымъ бытіемъ сопряжено спокойствіе злополучной моей матери, которой жизнь и безъ того я отравилъ горестію, за что и постигло меня тяжкое, но праведное Божіе наказаніе. И теперь, испытывая совѣсть свою, не встрѣчаю въ ней ни малѣйшей укоризны на счетъ моихъ показаній, касательно главнаго пункта существующихъ противу меня обвиненій.

«Между тѣмъ въ обстоятельствѣ менѣе важномъ, принадлежащемъ до него же Пущина, я впалъ (сколько помню) въ неумышленную погрѣшность. Если не ошибаюсь, я показалъ, что Пущинъ *послалъ* меня къ Трубецкому въ домъ Лаваля: всепокорнѣйше прошу добавить, что послѣ словъ его, Пущина: «Гдѣ же Трубецкой и прочіе?»—я, увлеченный тою суетностію, которая обладала мною во все это несчастное

время, сказалъ ему, что знаю гдѣ домъ Лаваля и *самъ* вызвался сходить туда за Трубецкимъ. Пущинъ же не прежде, какъ когда увидѣлъ нерѣшимость, которая объяла меня непосредственно за опрометчивымъ моимъ вызовомъ, повелительнымъ голосомъ сказалъ мнѣ: «Иди же!»

Вслѣдствіе выраженнаго желанія Кюхельбекера въ «прибавленіи» къ показанію 17-го февраля 1826 г. ему и Пущину была дана очная ставка 30-го марта 1826 г., потому что Пущинъ совершенно отрицалъ слова Кюхельбекера (Кюхельбекеръ ошибочно считаетъ ее 31-го марта). Вотъ документъ, относящійся до этого эпизода:

«1826 г. 30-го марта, въ присутствіи высоч. учрежд. комитета по отрицанію колл. асс. Пущина дана ему очная ставка съ колл. асс. Кюхельбекеромъ, который утвердительно показалъ, что во время происходившаго на Петровской площади 14 декабря неустройства онъ, Пущинъ, вызвалъ его ссадить изъ пистолета его высочество Михаила Павловича, въ котораго онъ и цѣлилъ, будучи увѣренъ, что пистолетъ его не могъ произвести выстрѣла, а потомъ, также по требованію Пущина и съ тою же увѣренностію, цѣлилъ и въ генерала Воинова. Пущинъ же напротивъ сего отвѣчалъ, что г. Кюхельбекеръ напрасно вышеизложенное показываетъ на него и что онъ никогда сего и въ мысляхъ не имѣлъ.

На очной ставкѣ утвердили:

Колл. асс. Кюхельбекеръ, уличая Пущина, что дѣйствительно вышепоказанное имъ сказано было г. Пущинымъ, утвердилъ сіе увѣреніями чести и клятвы, пояснивъ, что относительно Воинова онъ показанныя слова слышалъ и отъ другихъ ему неизвѣстныхъ. Коллежскій ассесоръ Кюхельбекеръ.	Колл. асс. Пущинъ, отрицая показаніе Кюхельбекера, утвердительно говорилъ, что сколько ни испытываетъ онъ память и совѣсть свою, но не можетъ сего взять на себя, ибо не имѣлъ о томъ и мысли. Коллежскій ассесоръ Пущинъ.

Ген. адьют. Левашевъ.

Въ показаніи отъ 15-го апрѣля 1825 г. Кюхельбекеръ возвращается къ инциденту съ Пущинымъ, но предпосылаетъ ему большое вступленіе, въ которомъ говоритъ:

«Не нахожу ни выраженій, ни словъ, чтобы достойно возблагодарить государя императора и тѣхъ, кому онъ пору-

чилъ рѣшеніе участи моей, за благодѣяніе, мнѣ оказанное: меня преступника благоволилъ высочайше учрежденный комитетъ обнадежить, что священникъ моего исповѣданія посѣтитъ меня и подкрѣпитъ меня на пути вѣры и терпѣнія, на пути, который я позналъ здѣсь въ моемъ заточеніи. «Исповѣдайтеся Господеви милости Его, и чудеса Его Сыновомъ человѣческимъ, яко насытилъ есть душу тщу и душу алчущу исполни благъ!» [1]). Къ святымъ Тайнамъ приступлю я такъ, какъ еще доселѣ не приступалъ: и Тотъ, Который испытуетъ сердца и утробы, услышитъ мою молитву за благоденствіе моего государя, непрестававшаго, и наказуя меня, быть отцомъ для меня сердобольнымъ и милостивымъ; за благоденствіе всего его августѣйшаго дома, въ особенности же высокой благодѣтельницы семейства моего, которая да проститъ мнѣ всю горькую неблагодарность мою!

«Смѣю надѣяться, что высочайше учрежденный комитетъ низойдетъ къ моей слабости; извинитъ меня, что я не воздержался отъ желанія высказать все то, что волнуетъ душу мою.—Нынѣ я себя такъ чувствую счастливымъ, что, если-бы мнѣ воспретили писать, я бы стѣнамъ сталъ разсказывать чувства свои!—Между тѣмъ да не забуду въ радости моей долга своего; да обращусь къ воспоминаніямъ горькимъ и тягостнымъ, да обращусъ къ нимъ съ тѣмъ, чтобы облегчить совѣсть свою отъ послѣдняго бремени, тяготящаго ее!»

Затѣмъ обращается къ инциденту съ Пущинымъ:

«При очной ставкѣ съ товарищемъ моихъ заблужденій и злополучія—Пущинымъ (31 марта) я далъ торжественную подписку въ томъ, въ чемъ *тогда совершенно былъ увѣренъ и теперь еще совершенно увѣренъ.* При семъ упомянулъ о немощи, которою три раза въ жизни страдалъ, и осмѣлился замѣтить, что по сему самому не считаю свое свидѣтельство достаточнымъ для обличенія его, Пущина. Но я забылъ присовокупить, что и въ здоровомъ состояніи или по крайней мѣрѣ въ такомъ, которое моими знакомыми и приближенными считалось здоровымъ, я до невѣроятія бывалъ разсѣянъ».

Затѣмъ онъ приводитъ изъ своей лицейской жизни два примѣра своей разсѣянности и заключаетъ свое показаніе слѣдующими словами: «Молю Бога, да сіи два разсказанные мною случая послужатъ въ пользу Пущина. Но что касается лично до меня, то я и нынѣ, ожидая страшныхъ и

[1]) Псаломъ 106, ст. 8 и 9.

святыхъ Тайнъ Господнихъ, остаюсь при моей подпискѣ, т. е. при прежнемъ мнѣніи насчетъ Пущина».

Отъ 20-го апрѣля 1826 г. онъ посылаетъ еще одно донесеніе или показаніе все о томъ же инцидентѣ, гдѣ пишетъ: «Считаю необходимо нужнымъ еще разъ наиторжественнѣйше повторить, что не смѣю и не могу обвинять Пущина ни въ чемъ въ разсужденіи генерала отъ кавалеріи Воинова и что мое показаніе касательно его, Пущина, простирается единственно на первый его вызовъ, который къ несчастію слишкомъ хорошо помню, чтобы по совѣсти могъ я отречься отъ моего насчетъ онаго показанія. Прошу Господа, да отпуститъ мнѣ тяжкое прегрѣшеніе, въ которое я впалъ, когда при первомъ мнѣ въ С.-Петербургѣ сдѣланномъ допросѣ несчастнаго моего товарища обвинилъ насчетъ генерала Воинова! Кто же меня пригласилъ къ этому второму злодѣянію, никоимъ образомъ сказать не могу, но клянусь, что я не самъ собою посягнулъ на оное. Надѣюсь, что мои милосердные судіи не найдутъ нигдѣ въ моихъ показаніяхъ *съ 17 февр.* противорѣчія этихъ двухъ злощастныхъ случаевъ. Да простятъ они мнѣ, что такъ часто говорю объ оныхъ: мнѣ бы желалось въ точности выполнить всѣ требованія моей совѣсти; въ уединеніи, въ которомъ нахожусь, она говоритъ громовымъ голосомъ и ужасно имѣть такую собесѣдницу!

«Въ свое же собственное—не оправданіе, но извиненіе скажу еще разъ: по истинѣ сердце мое чуждо было обоихъ сихъ ужасныхъ предпріятій. Богъ ослѣпилъ меня тогда за грѣхи мои; но Онъ—Богъ кающихся; Онъ видѣлъ слезы мои; въ рукѣ Его сердце царево».

Инцидентъ съ стрѣльбою въ генерала Воинова и великаго князя Михаила Павловича принялъ въ глазахъ судей размѣры чего то необычайнаго, хотя великій князь, нужно сказать, не придавалъ большого значенія этому эпизоду, который былъ, собственно говоря, только мнимымъ покушеніемъ. Гречъ, въ своихъ запискахъ, видитъ въ этомъ покушеніи особую неблагодарность Кюхельбекера къ великому князю Михаилу Павловичу, «которому былъ обязанъ своимъ воспитаніемъ: онъ былъ его пансіонеромъ, до вступленія въ лицей» (стр. 385). По словамъ же родственниковъ Кюхельбекера—сына его Михаила Вильгельмовича, дочери его—Юстины Вильгельмовны, въ замужествѣ Коссовой и племянницы его Александры Григорьевны Глинка,—Кюхельбекеръ въ лицеѣ былъ пансіонеромъ *своекоштнымъ*, а не великаго князя Михаила Павловича,

которому въ то время было только тринадцать лѣтъ. (Русск. Стар. 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 336). Безпристрастіе однако требуетъ замѣтить, что Гречъ вовсе и не говоритъ, чтобы Кюхельбекеръ воспитывался на счетъ Михаила Павловича, онъ говоритъ только, что Кюхельбекеръ «до вступленія въ лицей» былъ его пенсіонеромъ, а это могло быть и въ пансіонѣ г. Верро, гдѣ онъ воспитывался съ 1808 по 1811 г., чего родственники не опровергли. Вообще сообщенія родственниковъ грѣшатъ многими ошибками и невѣрностями. Но будемъ имъ благодарны и за то, что они дали, ибо теперешніе потомки Кюхельбекера отказали мнѣ даже въ сообщеніи какихъ либо свѣдѣній о ихъ дѣдѣ и тестѣ! Что же касается того, что 13-лѣтній великій князь платилъ за обученіе мальчика въ школѣ, то я не вижу въ этомъ ничего невозможнаго, къ тому же шуринъ Кюхельбекера г. Глинка былъ «кавалеромъ», т. е. воспитателемъ или дядькою у великихъ князей Николая и Михаила, а мать и отецъ были приближенными къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Отчего бы имъ не выхлопотать для Вильгельма субсидіи даже отъ 13-лѣтняго великаго князя!

Какъ бы тамъ ни было, но великій князь не придавалъ никакого значенія покушенію на свою жизнь отсырѣвшимъ пистолетомъ и даже впослѣдствіи оказывалъ помощь Кюхельбекеру.

Но не такъ смотрѣли судьи. Были найдены три свидѣтеля—матроса, которые показали слѣдующее:

«*Показаніе матроса гв. эк. Софрона Дорофѣева* (13 мая 1826 г.). Когда его высочество подъѣхалъ къ гвард. эк., то сзади фаса каре, въ которомъ я стоялъ, я услышалъ кѣмъ-то произнесенныя слѣдующія слова: «Есть-ли у тебя довольно пороху на полкѣ?»—Есть довольно, отвѣчалъ другой.—Ну такъ мѣть въ этотъ черный султанъ, этотъ самый и есть вел. князь».—Я сейчасъ обернулся и ударилъ по рукѣ Кюхельбекера, который цѣлилъ въ его выс—во; пистолетъ у него выпалъ, но онъ схватилъ, не допустивъ упасть на землю; съ нимъ были двое военныхъ, одинъ въ конно-гвардейской шинели, и при воротникѣ съ красною петлицею и зеленою пуговицею, и въ шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ, но султанъ онъ снялъ и спряталъ подъ шинель; другой былъ финляндскій офицеръ, похожій на служащаго въ гвардейскомъ экипажѣ Цебрикова; оружія у нихъ я не видалъ. Когда я вышибъ пистолетъ у Кюхельбекера, конно-гвардейскій офицеръ сказалъ:

«Погоди маленечко, скорѣе дѣло кончимъ». Товарищи мои ихъ отогнали.—Когда подъѣхалъ ген. Воиновъ, тѣ же самые—Кюхельбекеръ и финл. и конно-гвард. офицеры вышли впередъ, Кюхельбекеръ прицѣлился въ генерала и спустилъ курокъ, съ полки была вспышка, но пистолетъ не выпалилъ; послѣ того онъ опять насыпалъ пороху на полку, и опять прицѣлился, но пистолетъ тоже не выпалилъ, хотя онъ курокъ спустилъ. Послѣ сего я не знаю, куда они дѣлись. Кюхельбекера я знаю лично потому, что онъ бывалъ у брата своего, служащаго въ гвард. экипажѣ.

«*Показаніе матроса Матвѣя Федорова.* Кюхельбекеръ (котораго я знаю лично, ибо онъ братъ нашего офицера Кюхельбекера), подошедъ къ нашему фасу сзади, спрашивалъ у бывшаго съ нимъ офицера съ бѣлымъ султаномъ и финляндскаго полка Цебрикова (котораго я тоже лично знаю, ибо онъ братъ нашего офицера Цебрикова): «Который великій князь?» Ему отвѣчали: «Съ чернымъ султаномъ». Мы въ то время, т. е. Дорофѣевъ, Куроптевъ и я ..... [1]) съ товарищемъ и Дорофѣевъ вышибъ пистолетъ изъ рукъ Кюхельбекера, который уже въ его высочество прицѣлился; тогда одинъ изъ двухъ вышепоказанныхъ офицеровъ сказалъ: «Погодите, братцы, мы скорѣе дѣло кончимъ», но мы ихъ отогнали. Когда подъѣхалъ генер. Воиновъ, Кюхельбекеръ съ тѣми же двумя офицерами вышли впередъ, и Кюхельбекеръ два раза прицѣлился въ ген. Воинова, но пистолетъ его не выпалилъ, хотя съ полки была вспышка; пороху же ему насыпалъ на полку одинъ изъ бывшихъ при немъ партикулярныхъ людей, мнѣ не извѣстныхъ. Послѣ сего я не знаю, куда они дѣлись. Я же не слыхалъ, чтобы кто уговаривалъ Кюхельбекера ссадить вел. князя.

«*Показаніе матроса Алексѣя Куроптева.* Не видѣлъ и не слышалъ, чтобы кто вызывалъ Кюхельбекера и поощрялъ его стрѣлять въ вел. князя Мих. Павл. и въ г. Воинова. Когда его высочество подъѣхалъ къ гвардейск. экипажу, то сзади того фаса, къ которому онъ подъѣхалъ, подошелъ одинъ молодой человѣкъ высокаго росту, худощавый, съ пистолетомъ въ рукѣ (Кюхельбекеръ); съ нимъ было еще человѣкъ до пяти въ партикулярныхъ платьяхъ и одинъ молодой офицеръ въ шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ и въ шинели съ краснымъ воротникомъ; почти всѣ они были вооружены кинжалами. Кюхельбекеръ прицѣлился въ вел. князя, и въ ту-же минуту

[1]) Слово не разобрано.

матросъ Софронъ Дорофѣевъ вышибъ у него пистолетъ, а я и Алексѣй Федоровъ отогнали его прочь къ московскимъ; бывшіе съ Кюхельбекеромъ подняли его пистолетъ, а мы трое ихъ тоже отогнали; молодой-же офицеръ съ бѣлымъ султаномъ, когда вышибли у Кюхельбекера пистолетъ, сказалъ намъ: «Ребята, скорѣе бы дѣло кончали».

«Когда подъѣхалъ ген. Воиновъ, тѣ же самые люди вышли впередъ и Кюхельбекеръ прицѣлился въ ген. Воинова и спустилъ курокъ, съ полки была вспышка, но пистолетъ не выпалилъ, бывшіе около его вышепомянутые люди тотчасъ насыпали ему пороху на полку; гвардейскій же экипажъ закричалъ генералу, чтобы онъ уѣхалъ; послѣ сего я уже не знаю, куда дѣлся Кюхельбекеръ».

Показанія матросовъ вызвали со стороны суда бумагу съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ слѣдующаго содержанія:

„1826 г., 15 мая, отъ высоч. учр. комитета, г. колл. ассесору *Кюхельбекеру* вопросный пунктъ:

„Матросы гвардейскаго экипажа Дорофѣевъ, Федоровъ и Куроптевъ, которые лично васъ знаютъ, показываютъ, что во время происходившаго на Сенатской площади неустройства вы, подойдя къ ихъ фасу сзади, спрашивали у поручика финляндскаго полка *Цебрикова* [1]) и у *другого офицера* въ шинели и съ бѣлымъ султаномъ: «*который великій князь?*» — Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ вамъ: «*съ чернымъ султаномъ; есть-ли у тебя довольно пороху на полкѣ?*» — «*Есть довольно*», отвѣчалъ другой; «*ну, такъ мѣть въ этотъ черный султанъ; это и есть великій князь*». Вы прицѣлились въ его высочество; но Дорофѣевъ ударилъ васъ по рукѣ; пистолетъ выпалъ у васъ, но вы ухватили его, не допустивъ упасть на землю. Послѣ сего одинъ изъ означенныхъ двухъ офицеровъ сказалъ: «*Погодите, братцы, мы скорѣе дѣло кончимъ*». Но матросы отогнали всѣхъ васъ.

„Когда подъѣхалъ генералъ Воиновъ, то вы съ Цебриковымъ и тѣмъ же (по показанію одного матроса) конногвардейскимъ офицеромъ вышли впередъ. Вы прицѣлились въ ген. Воинова, спустили курокъ, съ полки вспыхнуло; вы снова прицѣлились и опять не было выстрѣла; тогда нѣкто, бывшій при васъ, въ партикулярномъ платьѣ, насыпалъ вамъ пороху на полку пистолета.

---

[1]) Подчеркнуто кѣмъ либо изъ судей.

„Въ семъ случаѣ спрошенный *Цебриковъ* отвѣчаетъ, 1) что онъ не видѣлъ, когда вы прицѣливались въ великаго князя и когда матросъ вышибъ у васъ пистолетъ, и не произносилъ означенныхъ словъ; 2), что онъ видѣлъ, когда вы спрашивали: «*который Воиновъ?*» Отвѣчалъ вамъ офицеръ въ шляпѣ, съ бѣлымъ султаномъ, одинъ изъ статскихъ въ бекешѣ и въ круглой шляпѣ и нѣкоторые изъ толпы: «*Въ генеральскомъ мундирѣ и съ бѣлымъ султаномъ*». 3) Что онъ (Цебриковъ) увидѣлъ въ рукахъ вашихъ пистолетъ, поспѣшилъ пройти толпу и слышалъ слова: «*Погодите, братцы, мы скорѣе дѣло кончимъ*». Слова сіи были сказаны тѣмъ же статскимъ въ бекешѣ; онъ довольно высокаго роста, плотный изъ себя и лицомъ бѣловатъ. Онъ, Цебриковъ, замѣтилъ, что сей человѣкъ говорилъ вамъ это, какъ знакомому человѣку.

„Противу сего комитетъ требуетъ истиннаго показанія вашего въ томъ:

a) Справедливо-ли вышеизложенное показаніе матросовъ?

b) Кто именно былъ означенный офицеръ: Одоевскій, или кто другой?

c) Кто произнесъ означенныя слова: „Погодите, братцы" и проч. Цебриковъ-ли или другой офицеръ, или же статскій въ бекешѣ, и кто онъ именно?

e) При какомъ случаѣ были сказаны показанныя слова: тогда-ли, когда вы прицѣливались въ великаго князя, или тогда, когда мѣтили въ генерала Воинова?

f) Кто и когда насыпалъ вамъ порохъ на полку?»

На эти вопросы Кюхельбекеръ отвѣчаетъ пространнымъ показаніемъ отъ 16-го мая 1826 года:

1) „Справедливо-ли показаніе матросовъ?" [1]).

a) Не помню, но не оспариваю, что я, можетъ быть, спрашивалъ: „Который великій князь"? Ибо точно не зналъ въ лицо его императорскаго высочества. — У кого же могъ о томъ спрашивать, по чести увѣряю, что не помню. — По чести и совѣсти увѣряю, что я словъ: „Есть-ли у тебя довольно пороху на полкѣ" и отвѣта на оныя вовсе не слыхалъ; однако же слово: *черный султанъ* исключаю! Мнѣ помнится, что кто-то мнѣ говорилъ, что в. к. съ чернымъ султаномъ.

---

[1]) NB. Несправедливость показанія матросовъ на счетъ означенныхъ ими офицеровъ явствуетъ еще изъ того, что изъ всѣхъ военныхъ бывшихъ на площади 14 декабря, кромѣ Николая Бестужева, брата моего и Одоевскаго, никто не могъ мнѣ говорить: *ты*. А я ни одного изъ нихъ тутъ не помню.

b) Меня никто изъ матросовъ не ударилъ по рукѣ, но одинъ изъ нихъ рукою коснулся ствола пистолетнаго и покачалъ головою; пистолетъ не выпадалъ у меня изъ руки, я остался въ рядахъ гвардейскаго экипажа; но сталъ взводить ниже (и то не скажу навѣрно; быть можетъ, я и остался на своемъ мѣстѣ.)—Не слыхалъ я ни одного слова ни отъ кого изъ матросовъ, которое бы могло бы меня заставить думать, что они хотятъ отогнать—меня ли, или другого кого.—Помню еще, что другой матросъ также покачалъ головою, тронувши меня за локоть руки: этого второго матроса я бы могъ узнать въ лицо. Въ первомъ моемъ показаніи я сказалъ, что пистолетъ *отвели* даже слишкомъ сильно; тотъ и другой матросы съ большою робостію изъявили свое несогласіе и, если бы я точно имѣлъ убійственное намѣреніе, ихъ едва примѣтное сопротивленіе никакъ не могло мнѣ воспрепятствовать въ томъ. Клянусь совѣстію и честью, что такъ все происходило, а не иначе. Прошу очной ставки съ матросами. — Прощаю несчастнымъ матросамъ, что они хотятъ на мой счетъ выслужиться; да проститъ имъ и Богъ!—Именъ ихъ я не знаю: но легко статься можетъ, что они меня знаютъ: я живалъ въ гвардейскомъ экипажѣ.

c) Цебрикова я вовсе не помню ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ. Я прицѣлился въ генерала Воинова; но съ полки не вспыхнуло; я прицѣлился только разъ, а не два. Никто мнѣ не насыпалъ пороху на полку пистолета. Клянусь честію и совѣстію, что все было такъ, а не иначе.

2) Кто именно былъ означенный офицеръ: Одоевскій-ли или кто другой? Я Одоевскаго, Коховскаго, Пущина, Бестужева 4 (адъютанта вице-адмирала Моллера) и одного свитскаго или инженернаго офицера (средняго росту, бѣлокураго, полагаю, что это Корниловичъ), помню при несчастномъ случаѣ съ генераломъ Воиновымъ; но никакъ не могу сказать, какое кто въ ономъ принималъ участіе, что я уже сказалъ на счетъ Пущина при очной съ нимъ ставкѣ.—При первомъ же случаѣ съ великимъ княземъ помню въ лицо *одного* Пущина; были и другіе, но кто? не знаю. — Именно слова: не тамъ! тамъ! были произнесены, кажется, не Пущинымъ.

3) Кто указывалъ мнѣ великаго князя и проч.?

Я къ пункту 1-му приписалъ, что помню слова: *черный султанъ*; но словъ: *мѣть въ него*,—не помню. Пущинъ мнѣ сказалъ: Voulez vous descendre *Michel* (не называя его императорское Высочества: *Grand Duc;* эту подробность я опустилъ въ

моемъ первомъ показаніи).— Вотъ все, въ чемъ я по совѣсти могу свидѣтельствовать; слова же сіи были произнесены Пущинымъ по-французски, вполголоса и не могли быть слышаны матросами.

„На счетъ Одоевскаго замѣчу, что онъ не былъ въ шинели, а просто въ сюртукѣ.

„4) Словъ: *Погодите, братцы*, и проч., я вовсе не слыхалъ, клянусь честію и совѣстію! Примѣты, означенныя Цебриковымъ, сходствуютъ съ Пущинымъ; но Пущинъ не былъ въ бекешѣ, а въ шинели.

„5) Я уже сказалъ, что никто не насыпалъ мнѣ пороху на полку.

„6) Слова на счетъ генерала Воинова: „Въ генеральскомъ мундирѣ и съ бѣлымъ султаномъ"—помню; но не знаю, кѣмъ были произнесены.

„Въ заключеніе скажу и повторю, что послѣ несчастнаго вызова Пущина я до того потерялся, что многое могло происходить вокругъ меня не замѣченное мною. Повторяю, что я очнулся не прежде, какъ когда услышалъ картечные выстрѣлы.

NB. Это мое безпамятство не пустая отговорка: любой изъ моихъ знакомыхъ, я бы желалъ сказать, *враговъ*, можетъ засвидѣтельствовать, что это могло быть.—Не скрываю, что мнѣ бы больно было назвать Одоевскаго, если бы я его помнилъ при случаѣ съ великимъ княземъ: но, назвавъ Пущина, съ которымъ я 15 лѣтъ знакомъ, съ кѣмъ я выросъ, съ кѣмъ я всегда былъ пріятелемъ, я бы назвалъ и Одоевскаго.

Какая бы меня ни ожидали участь, свидѣтель мнѣ Богъ, что не могу дать другого показанія, кромѣ даннаго мною здѣсь, ни въ чемъ важномъ не разнствующаго съ моимъ показаніемъ отъ 17 февраля. — Да поможетъ мнѣ Богъ! — 16 маія, 1826.—Колл. асс. Кюхельбекеръ".

Не довольствуясь этимъ, онъ на другой день 17-го мая 1826 г. спѣшитъ съ новымъ показаніемъ, въ которомъ говоритъ:

„При вызовѣ, сдѣланномъ мнѣ на счетъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича я помню одного только Пущина въ лицо: [1]) помню взглядъ его при томъ (смущенный и нѣсколько косящійся, потупленный), помню точныя слова его (Voulez (vous) faire descendre Michel), помню звукъ его голоса (невѣрный и запинающійся), помню мѣсто,

[1]) Были и другіе, но кто?—не знаю.

гдѣ этотъ несчастный вызовъ былъ мнѣ сдѣланъ (въ срединѣ проулка, находившагося между каре московцевъ и каре гвардейскаго экипажа); вотъ почему при допросахъ я показалъ и утверждалъ, что этотъ вызовъ былъ мнѣ сдѣланъ Пущинымъ.— Здѣсь еще разъ торжественно повторяю сіе мое показаніе. Но при томъ прошу вторичной очной съ нимъ ставки; прошу, чтобъ при оной былъ и Одоевскій; прошу, чтобъ эта бумага имъ обоимъ прочтена была. Если мои судіи во мнѣ предполагаютъ довольно черную душу, чтобы я могъ *умышленно взводить на Пущина небывалое*, то Одоевскій изобличитъ меня. Онъ не захочетъ, чтобъ за его, Одоевскаго, вину пострадалъ другой, невинный: повторяю, что *съ его* стороны высочайше учрежденный комитетъ не можетъ опасаться въ семъ случаѣ никакой утайки; сей злополучный юноша скорѣе собою пожертвуетъ другому, чѣмъ спасется гибелью невиннаго.

„Такъ! откровенно скажу: если бы я помнилъ Одоевскаго въ семъ случаѣ, я бы старался его спасти; но я не вовсе лишенъ великодушныхъ чувствъ, я бы пожертвовалъ собою; я бы сказалъ, что безъ всякаго посторонняго вызова самъ собою я посягнулъ на жизнь великаго князя. Къ чему бы мнѣ обвинять безъ *всякой* для себя пользы, безъ всякой пользы для Одоевскаго—невиннаго? Къ чему бы мнѣ теперь просить очной ставки, которая, если Одоевскій виноватъ, непремѣнно погубитъ его? Но я увѣренъ, что *онъ точно въ семъ случаѣ совершенно чистъ.* Къ чему бы, спрашиваю, скрывать мнѣ имя Цебрикова? Человѣка, мнѣ едва знакомаго? Одоевскаго я бы предпочелъ Пущину, но не Цебрикова.

„Если же, несмотря на мою твердую увѣренность въ невинности Одоевскаго и Цебрикова и виновности Пущина, окажется, что Пущинъ правъ, а они виноваты, да броситъ на меня камень первый тотъ, кто въ сердцѣ своемъ можетъ сказать: „я въ моихъ показаніяхъ былъ бы осторожнѣе и совѣстливѣе!" Пусть тогда осудитъ меня судъ человѣческій; есть другой судъ, предъ которымъ я надѣюсь въ семъ случаѣ оправдаться, судъ Бога гнѣвнаго, рука Коего на мнѣ слишкомъ тяжело отяготѣла и имя Коего страшусь употреблять всуе! Если окажется, что Пущинъ правъ, не крѣпость мое мѣсто, а домъ безумныхъ. — Коллежскій ассесоръ Кюхельбекеръ".

Иванъ Ивановичъ Пущинъ въ своемъ описаніи дня 14 декабря 1825 г., котораго я не касался, такъ какъ оно уже

напечатано [1]), ни словомъ не упоминаетъ о покушеніи на жизнь Михаила Павловича и генерала Воинова и хранитъ глубокое молчаніе о своемъ злосчастномъ товарищѣ Кюхельбекерѣ, упоминаетъ онъ о немъ только вскользь, говоря, что на Сенатской площади многіе изъ членовъ общества присоединились къ товарищамъ, и замѣчаетъ: „Вильгельмъ Кюхельбекеръ, издатель «Мнемозины», самый благонамѣренный изъ смертныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый неловкій въ своихъ движеніяхъ, расхаживалъ съ огромнымъ пистолетомъ“ (стр. 149). Наконецъ офиціальный исторіографъ восшествія на престолъ императора Николая I, баронъ Корфъ (будущій графъ), товарищъ Кюхельбекера по лицею, не лавируя между Сциллою и Харибдою, уже прямо обвиняетъ Кюхельбекера, хотя и не называя его по имени. Онъ говоритъ о немъ слѣдующее [2]):

„Въ то время какъ онъ (т. е. великій князь Михаилъ Павловичъ) увѣщевалъ матросовъ морского экипажа возвратиться къ порядку, между ними бродилъ, возбуждая ихъ, молодой человѣкъ, отставной гражданскій чиновникъ, одинъ изъ недавнихъ, но самыхъ уже фанатическихъ участниковъ заговора. Онъ вздумалъ воспользоваться благопріятнымъ въ его смыслѣ случаемъ и, въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, навелъ пистолетъ на брата своего царя...... Великій князь былъ спасенъ только мгновеннымъ движеніемъ трехъ матросовъ, стоявшихъ также въ рядахъ бунтовщиковъ. Замѣтя злодѣйское покушеніе, они всѣ трое бросились на преступника, съ криками: „что онъ тебѣ сдѣлалъ!“ вышибли у него изъ рукъ пистолетъ и стали бить его ружейными прикладами. Трогательное свидѣтельство, что, даже посреди всѣхъ увлеченій и разгара страстей, народъ нашъ гнушается всякимъ преступнымъ замысламъ противъ царственной семьи, искони являющейся предметомъ его любви и благоговѣнія!“ [3]).

Слѣдуетъ еще упомянуть о тѣхъ показаніяхъ соучастниковъ возмущенія, которыя были даны противъ Кюхельбекера:

---

[1]) Записки декабристовъ, выпускъ второй и третій. Лондонъ, 1863 г. «Четырнадцатое декабря». И. Пущина, стр. 157—163.

[2]) Восшествіе на престолъ Императора Николая I. Бар. Корфъ. Изданіе третье (первое для публики). СПБ. 1857 г., стр. 175.

[3]) Три матроса, спасшіе великаго князя и потомъ щедро имъ награжденные и навсегда обезпеченные, были Дорофѣевъ, Ѳедоровъ и Куроптевъ. Изъ обнародованнаго въ общее свѣдѣніе приговора верховнаго уголовнаго суда извѣстно, что мѣра наказанія злоумышленника, схваченнаго потомъ уже въ Варшавѣ, была смягчена, противъ опредѣленной строгостію закона, собственно по ходатайству великаго князя.

Примѣч. Корфа.

А. Бестужева, Сутгофа, Рылѣева, К. А. Пущина, кн. Одоевскаго, Малютина, Бодиско, Аляева и Глѣбова [1]).

1. *А. Бестужевъ*:—Кюхельбекеръ къ обществу не принадлежалъ до конца дѣла, думаетъ потому, что онѣ щитали его сумасброднымъ и вѣроятно К. Одоевскій принялъ ево. Ходилъ онъ тутъ съ пистолетомъ и помнитъ, что когда онъ скомандовалъ на плеча, онъ повторилъ команду, но онъ сказалъ ему, чтобъ онъ не мѣшался, что его послушаютъ, еще спросилъ онъ ево, гдѣ великій князь Михаилъ Павловичъ, потому, что онъ близорукъ и худо слышитъ, и что съ нимъ сдѣлалось совершенно не знаетъ.

2. *Судгофъ*:—Такъ какъ роты въ большомъ безпорядкѣ къ нимъ подошли, то Судгофъ приказалъ имъ строится по ротно, въ сію минуту услышалъ выстрѣлъ изъ пистолета, и видѣлъ Стюрлера бѣжавшаго назадъ поддерживая свой бокъ и преслѣдуемый нѣсколькими людьми во фракахъ со шпагами и пистолетами, между коими замѣтилъ Коховскаго и Кюхельбекера, во время сего произшествія многіе люди во фракахъ подстрекали людей.

3. *Рылѣевъ*:—Членъ общества—Вильгельмъ Кюхельбекеръ принятъ въ общество имъ, Рылѣевымъ.

4. *К. А. Пущинъ*:—Члена общества —Кюхельбекера видѣлъ на площади съ пистолетомъ при войскѣ. Когда кавалерія двинулась на чернь, тогда Пущинъ принялъ команду, а переднему фасу карѣ скомандовалъ взять ружья отъ ноги, при семъ случаѣ, Кюхельбекеръ подошелъ къ нему, и совѣтовалъ, чтобъ онъ надѣлъ какой-нибудь мундиръ и командовалъ, Пущинъ, отвѣчалъ, что предложеніе ево весьма странно.

5. *К. Одоевскій*. Кюхельбекеръ былъ боленъ и занималъ сырую квартиру, по обширности ево квартирѣ предложилъ ему у себя комнату и онъ перешолъ.

И въ малое время пребыванія его у нево ни о чемъ иномъ не говорилъ, какъ только о поэзіи, и ничего не дѣлалъ, какъ только писалъ стихи.

6. *Малютинъ*:—10-го или 11-го числа былъ вечеромъ у Рылѣева часа два, въ продолженіи которыхъ пріѣжжали къ нему, Оболенскій, Одоевскій, А. Бестужевъ, Кюхельбекеръ и Пущинъ.

7. *Бодиско 2-й*:—Былъ свидѣтелемъ Бодиско 2-й когда корпусной командиръ Воиновъ уговаривалъ людей, чтобы при-

---

[1]) Орѳографія этихъ показаній, принадлежитъ подлинникамъ, писаннымъ писарскою рукою.

пять присягу, то вышедшій изъ толпы Кюхельбекеръ цѣлилъ ево пистолетомъ, но къ щастію кремень осекся, и онъ скрылся въ толпѣ народа.

8. *Дивовъ*:—На площади между вооруженными людьми видѣлъ Кюхельбекера, который хотѣлъ выстрѣлить въ корпуснаго командира; но къ щастью кремень осекся и онъ скрылся въ толпѣ.

— Видѣлъ какъ Кюхельбекеръ раздавалъ пистолеты и цѣлилъ въ корпуснаго командира.

— Однажды пріѣхали изъ С.-Петербурга въ Кронштадтъ, Рылѣевъ, Бестужевъ 2-й, Одоевскій, Кюхельбекеръ 1-й, Заволишинъ и отставной гусаръ Оржицкій, приглашены были къ Кюхельбекеру 2-му обѣдать, но такъ какъ до ихъ ухода былъ тутъ же К. Л. Козинъ, то сіе можетъ быть удержало противъ правительства разговора, и послѣ обѣда осматривали гавань.

9. *Аляевъ*:—Видѣлъ какъ осекся у нево, Кюхельбекера, пистолетъ противъ генерала Воинова и онъ ушелъ.

10. *Глѣбовъ*:—Коховскій и Кюхельбекеръ кричали ура Константину Павловичу.

Наконецъ, отъ 1-го іюля 1826 г. Кюхельбекеръ пишетъ свое послѣднее показаніе, состоящее въ слѣдующемъ:

«Въ продолженіи всего времени, въ которое нахожусь подъ слѣдствіемъ, я старался во 1-хъ чистосердечнымъ признаніемъ въ моихъ заблужденіяхъ и преступленіяхъ заслужить милосердіе Божіе и государево, во 2-хъ быть въ моихъ показаніяхъ по возможности точнымъ, чтобы не быть неумышленно виновникомъ несчастія другихъ. Но иногда память измѣняла мнѣ, потому то я иногда принужденнымъ находился дополнять сказанное мною. Да проститъ высочайше утвержденный комитетъ больному болѣзнь его (иначе не могу назвать безпамятства моего) и да не назовутъ этого безпамятства злою волею! Въ послѣдній, надѣюсь на Господа, разъ прибѣгаю въ семъ отношеніи снисхожденію высочайше учрежденнаго комитета. Приступаю къ дѣлу. Во 1-хъ считаю необходимымъ торжественно объявить, что братъ мой Михайло Кюхельбекеръ *никогда* не раздѣлялъ моихъ заблужденій, онъ напротивъ всегда и во всякомъ случаѣ удерживалъ меня, всегда и во всякомъ случаѣ удерживалъ находившихся подъ его начальствомъ молодыхъ офицеровъ отъ рѣчей необдуманныхъ, а, гдѣ могъ, предостерегалъ и сверстниковъ. Сему я не разъ былъ свидѣтелемъ. Знаю, что здѣсь свидѣтельство мое можетъ

показаться сомнительнымъ, ибо я братъ ему; но ссылаюсь на весь корпусъ офицеровъ гвардейскаго экипажа.

«Во 2-хъ я долженъ объявить, что я вовсе не замѣтилъ, чтобы московскій незнакомый мнѣ офицеръ, съ которымъ я говорилъ въ казармахъ (на дворѣ оныхъ) московскаго полку одобрялъ происходившаго неустройства. Скорѣе я замѣтилъ противное, ибо выслушавъ меня и постоявъ съ минуту на своемъ мѣстѣ, онъ шагнулъ впередъ и сталъ говорить съ какимъ-то, если не ошибаюсь, преображенскимъ полковникомъ. Это самое и заставило меня удалиться въ опасеніи быть задержаннымъ. Сіе мое показаніе считаю особенно потому необходимымъ, что 9 февраля, когда я разсказывалъ сей случай въ присутствіи высочайше учрежденнаго комитета, мои слова произвели, если не ошибаюсь, невыгодное для вышесказаннаго офицера впечатлѣніе.

«Въ заключеніе, ибо уже не могу надѣяться, чтобы мнѣ еще позволено было писать въ высочайше учрежденный комитетъ, осмѣлюсь снова обратить вниманіе судей моихъ на разстройство способностей душевныхъ и тѣлесныхъ нижеподписавшагося, съ тѣмъ, чтобы сіе послужило въ пользу *не мнѣ самому* (за меня самого лучшій ходатай милосердіе моего всемилостивѣйшаго государя), но тѣмъ, которые бы могли пострадать отъ показаній моихъ.

«Первое между ними мѣсто занимаетъ Иванъ Пущинъ (коллежскій ассесоръ). Тяжело лежитъ онъ на душѣ моей; сто разъ я готовъ былъ взять назадъ мое о немъ показаніе; но слова его, мѣсто, гдѣ ихъ говорилъ, лице, движеніе, съ которыми онъ говорилъ—всякій разъ оживали предо мною: я вспоминалъ мать свою и чувствовалъ, что *не смѣю собою жертвовать.* При всемъ томъ признаюсь, что я бы долженъ былъ прежде, чѣмъ въ первый разъ назвалъ несчастнаго Пущина, вспомнить, какъ часто меня ослѣпляло мое воображеніе. Но меня спрашивалъ *на второй день* по моемъ пріѣздѣ въ С.-Петербургъ мой государь, котораго несказанную милость и здѣсь каждый день познаю опытомъ и благословляю! Онъ различитъ безумца отъ злодѣя, клеветника отъ того, который первый самъ обманутъ (если только въ семъ случаѣ обманутъ?). Итакъ не могу взять назадъ моего показанія на счетъ Пущина; я точно увѣренъ, что онъ мнѣ сдѣлалъ тотъ несчастный вызовъ, въ которомъ я его обвинилъ: но что значитъ *моя* увѣренность?

«Совѣсть мнѣ свидѣтельствуетъ, что я руководствовался

въ продолженіи всего времени, какъ нахожусь подъ судомъ, чистосердечіемъ; не раскаяваюсь въ ономъ, Господь ввѣрилъ судьбу мою государю милосердому.

Сего 1-аго іюля 1826 г. Кол. асс. Кюхельбекеръ».

Дѣти Кюхельбекера (сынъ и дочь), въ особенности много поработавшіе, какъ я уже сказалъ, для славы своего отца, сообщаютъ, что «14-го мая 1826 г. дана была очная ставка ихъ отцу съ Коховскимъ, застрѣлившимъ Милорадовича...» [1])

Хотя объ этой очной ставкѣ въ дѣлѣ о Кюхельбекерѣ ничего не говорится, но дѣти взяли этотъ фактъ изъ «Дневника» Кюхельбекера, гдѣ подъ «12-го мая 1840 г.» записано: «Сегодня ровно 14 лѣтъ моей очной ставкѣ съ К. (Коховскимъ?)—Чудный видѣлъ я сегодня поутру сонъ: будто я въ какой-то землѣ, гдѣ Рылѣевъ и Коховскій; въ добавокъ Р. будто тутъ живъ, а между тѣмъ мнѣ разсказали его смерть: онъ, говорили мнѣ, когда объявили ему его жребій, попросилъ надѣть бѣлую рубашку, и потомъ простился съ женою, дочерью въ какой-то комнатѣ, и съ тестемъ на дворѣ, куда старика привели въ кандалахъ. Дочь, при прощаньѣ, онъ взялъ на руки и сталъ поднимать все выше, выше до потолка, покуда ребенокъ не закричалъ. Спрашивалъ я: почему же и Коховскій не надѣлъ бѣлой рубашки? Ему позволили бы, и былъ отвѣтъ: «Да онъ объ этомъ не просилъ». — Тутъ мой (сынъ) Миша проснулся и разбудилъ и меня» (Рус. Стар. 1891 г., т. LXXII, октябрь, стр. 73).

Сильно же было впечатлѣніе, оставленное судомъ и очными ставками, если оно приснилось ему черезъ 14 лѣтъ.

Если въ дѣлѣ о Кюхельбекерѣ ничего нѣтъ объ этой очной ставкѣ, то изъ другихъ источниковъ оказывается, что дѣйствительно таковая была ему дана и вотъ что оказалось:

«1826 года 10 мая, въ присутствіи высочайше учрежденнаго комитета, по отрицанію поручика *Каховскаго* [2]) дана ему очная ставка съ коллежскимъ ассессоромъ *Кюхельбекеромъ*, который между прочимъ утвердительно показалъ, что въ день происшествія на Петровской площади, *онъ* былъ свидѣтелемъ, какъ *Каховскій* въ народной толпѣ ранилъ кинжаломъ нѣкотораго свитскаго офицера, и что ударъ сей, нанесенный *Каховскимъ*, есть единственное, имъ Кюхельбекеромъ видѣнное своеручное покушеніе на чью либо жизнь, предпринятое ли-

[1]) Рус. Стар. 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 349.
[2]) Слѣдуетъ Коховскій.

цомъ ему знакомымъ.—Противу сего Каховскій говоритъ, что не ранилъ никакого офицера.

«На сей очной ставкѣ коллежскій ассесоръ Кюхельбекеръ подтвердилъ свое показаніе, объясняя, что видѣлъ Каховскаго, который, стоя позади свитскаго офицера, замахнулся на него сзади кинжаломъ, офицеръ упалъ, и черезъ минуту Кюхельбекеръ увидѣлъ на головѣ возлѣ уха у него кровь. Въ это время стояли возлѣ кн. Оболенскій и кол. ассесоръ Пущинъ, который уговаривалъ сего свитскаго офицера итти съ площади домой.

«Поручикъ-же Каховскій—остался при своемъ показаніи.

«Подписалъ: ген. адъют. Бенкендорфъ.

Вслѣдствіе указанія Кюхельбекера на Оболенскаго и Пущина—ихъ спросили и вотъ ихъ отвѣты:

Князь Оболенскій отрицаетъ также все показанное Кюхельбекеромъ, но припоминаетъ, что одинъ свитскій штабъ-офицеръ въ бѣлыхъ панталонахъ начиналъ что-то говорить, но народъ окружилъ его и началъ срывать съ него шинель и эполеты. Когда Оболенскій подошелъ къ толпѣ, то увидѣлъ, что Пущинъ уговариваетъ толпу, тутъ былъ Кюхельбекеръ и Каховскій. Когда толпу удалось усмирить, то офицеръ ушелъ. Другой же свитскій оберъ-офицеръ стоялъ часъ или два на площади, не говоря ни слова; куда онъ дѣлся,—ему, Оболенскому, неизвѣстно (10 мая 1826 г.).

10 мая 1826 г. Пущинъ показалъ слѣдующее: «14 декабря, я видѣлъ толпою влекомаго свитскаго офицера безъ шляпы и мнѣ неизвѣстнаго, у котораго на лицѣ была кровь. Когда я подошелъ къ нему и распрашивалъ у бывшихъ около, «что это значитъ», то мнѣ отвѣчали многія незнакомыя мнѣ лица, что это шпіонъ и вели его въ каре. При семъ случаѣ я совѣтывалъ или его оставить и (или) просить его удалиться съ площади. Вотъ все, что я о семъ происшествіи знаю и что изустно объявилъ въ присутствіи комитета, когда былъ въ первый разъ въ оной призванъ 25 декабря. По чистой совѣсти объявляю, что не видалъ, кѣмъ былъ ему нанесенъ ударъ, и не знаю, упалъ-ли онъ отъ онаго. Къ сему показанію коллежскій асессоръ Пущинъ руку приложилъ.» Скрѣпилъ ген. адъют. Бенкендорфъ.

Возникаетъ невольно вопросъ: насколько былъ виновенъ Кюхельбекеръ?

Кюхельбекеръ присутствовалъ въ каре на Сенатской площади не сознательно, но подъ дѣйствіемъ гипноза, въ афектѣ.

Онъ расхаживалъ комически съ большимъ пистолетомъ и съ огромнымъ палашомъ, онъ игралъ, такъ сказать, навязанную ему роль театральнаго бандита, и нѣтъ мудренаго, что Пущинъ или кто другой посовѣтовалъ этой комической фигурѣ подстрѣлить кого-нибудь; онъ пошелъ бы стрѣлять, топиться или къ жерлу пушки—ему все равно, онъ не сознавалъ ничего. Какая цѣль могла быть у Кюхельбекера стрѣлять въ Михаила Павловича? Человѣкъ онъ ему былъ не чужой, его дядя былъ у него воспитателемъ, его родители вращались, хотя и въ низшихъ, но придворныхъ сферахъ, онъ самъ не только ничего не имѣлъ противъ Михаила Павловича, но даже былъ восторженнымъ его обожателемъ. Нельзя не повѣрить разсказу Кюхельбекера, столь чистосердечному, что онъ покушеніемъ своимъ съ нестрѣляющимъ пистолетомъ хотѣлъ отвратить отъ великаго князя руку дѣйствительнаго убійцы, какъ Коховскій напримѣръ. Принявъ эту версію, можно понять ту ажитацію, то безцѣльное перебѣганіе съ одной стороны каре на другое, наконецъ, ту суетливость, о которой упоминаетъ даже судъ; Кюхельбекеръ даже провозглашаетъ, за отсутствіемъ Трубецкого, диктаторомъ или калифомъ на часъ Оболенскаго, который также отсутствовалъ, онъ повторяетъ слова команды и его просятъ не мѣшаться не въ свое дѣло. Отчего не принять сумасбродную мысль— отъ сумасброднаго, впавшаго въ афектъ человѣка и можно ожидать дикихъ мыслей,--что всѣмъ своимъ поведеніемъ и даже стрѣляніемъ онъ спасалъ жизнь Михаила Павловича. О немъ онъ говоритъ слѣдующее: «Что же касается до великаго князя Михаила Павловича, я бы желалъ, чтобы Господь Богъ даровалъ мнѣ случай пожертвовать за него своею жизнію. Я любезнѣе и прекраснѣе не могу вообразить себѣ юнаго героя; слова его человѣку [1]), котораго считалъ желавшимъ его смерти: «я на васъ не въ претензіи!» во всей простотѣ своей высоки, рыцарски: такъ, воображаю, могъ говорить одинъ Ричардъ Львиное Сердце! Но повѣрь же, герой, я не хотѣлъ и не могъ хотѣть твоей смерти. Горькая необходимость и твоя собственная безопасность заставили, принудили меня взять на себя притворную, но и тутъ гнусную для меня роль Равальяка.—Боюсь прогнѣвить моихъ судей, но да низойдутъ они къ языку художника, къ языку поэта, незнающаго и неразумѣющаго той важности, которая требуется въ

[1]) Т. е. Кюхельбекеру, которому онъ эти слова сказалъ.

допросахъ и судилищѣ. Быть Блонделемъ [1]), спутникомъ въ жизни и пѣвцомъ Михаила Павловича, я бы счелъ величайшимъ для меня земнымъ счастіемъ, но чувствую, что увлекаюсь пустыми, нелѣпыми мечтами, оправдающими, можетъ быть, мнѣніе о помѣшательствѣ, въ коемъ полагаютъ разсудокъ мой. И мнѣ ли въ самомъ дѣлѣ преступнику, ожидающему казни и безславія, думать о славѣ и счастіи?.. [2])».

Черезъ нѣсколько строкъ, полныхъ лиризма, о своей судьбѣ, о своей поэзіи и о томъ, что останется послѣ него, онъ пишетъ: «Много я говорилъ о себѣ, а забылъ о вѣрномъ слугѣ своемъ, Семенѣ Балашевѣ [3]), не бросившемъ меня въ злополучіи. — Il se trouve à ce que j'ai entendu,— retenue à Grodno: j'ose le recommander à la bonté et la grace de son Altesse Imperial le Grand Duc Michel.—Qu'il Vous appartient, Monseigneur, recevez le, daignez le recevoir d'une main indigne et criminel; mais qui vous fait un don précieux, celui d'un serviteur fidel (оказывается, насколько я слышалъ, онъ задержанъ въ Гроднѣ; осмѣливаюсь рекомендовать его добротѣ и милосердію его императорскаго высочества великаго князя Михаила.—Пусть онъ принадлежитъ Вамъ, Ваше Высочество, примите его, удостойте принять его изъ рукъ недостойныхъ и преступныхъ, но дѣлающихъ Вамъ оченъ цѣнный подарокъ: вѣрнаго слуги). Онъ мой крѣпостный".

Михаилъ Павловичъ не только простилъ ему покушеніе на свою особу, но сдѣлался его ходатаемъ. Кюхельбекеръ, приговоренный къ смертной казни, былъ помилованъ, благодаря ходатайству великаго князя Михаила Павловича и смертная казнь была замѣнена ему пятнадцатилѣтнимъ (15 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ) заключеніемъ въ крѣпостяхъ, а по истеченіи этого

[1]) Блондель (Blondel) изъ Неля (Nesle), въ Пикардіи, старинный французскій авторъ пѣсенъ, жившій около конца 12 вѣка. По преданію, онъ былъ любимцемъ короля Ричарда I и спутникомъ его въ крестовомъ походѣ, предпринятомъ этимъ королемъ. Блондель спасъ короля изъ плѣна слѣдующимъ остроумнымъ образомъ: онъ сдѣлался кочующимъ пѣвцомъ и распѣвалъ пѣсенку въ городахъ и селахъ, которая была извѣстна только ему и королю. Когда въ Дюрренштейнѣ или Трифельедѣ (Trifels) король отвѣтилъ ему тою же пѣснью, то Блондель понялъ, что пропадавшій и плѣненный король, найденъ имъ. Основаніемъ преданія о Блонделѣ служитъ вновь изданная (Парижъ 1876 г.) де Вали (Waily) реймская хроника изъ второй половины 13 столѣтія. Этимъ сюжетомъ воспользовался Гретри (Grétrys) въ своей оперѣ: «Ричардъ Львиное Сердце», изданной въ 1784 году, либрето Седена (Sédaine). Нѣтъ сомнѣнія, что опера и либрето были знакомы Кюхельбекеру. 24 сохранившихся пѣсни Блонделя изданы Трарбе: Oeuvres de Blondel. Trarbé. Reims. 1862.

[2]) Показаніе отъ 17 февраля 1826 г.

[3]) Который сопутствовалъ ему во время бѣгства изъ Петербурга до Варшавы.

срока—пожизненною ссылкою въ Сибирь. Отсидѣвъ половину этого срока къ 12 октября 1833 года (ему оставалось отсидѣть еще до 12 октября 1841 г.), Кюхельбекеръ былъ отправленъ въ декабрѣ 1835 г. въ ссылку въ Сибирь. Здѣсь не мѣсто говорить, что было бы лучше: посадить ли его въ одиночное казематное заключеніе, или сослать на каторгу, но вмѣстѣ съ остальными его товарищами по несчастію. При его отъѣздѣ въ 1835 году на поселеніе въ Забайкальскую область, великій князь Михаилъ Павловичъ прислалъ ему прекрасную медвѣжью шубу, въ которой онъ и совершалъ многія тысячи верстъ пути отъ Свеаборга до Баргузина [1]).

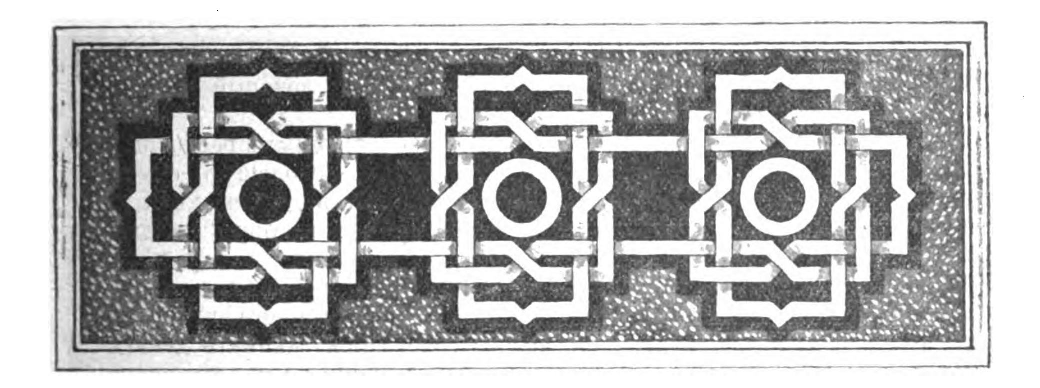
Въ заключеніе приведемъ слова товарища Кюхельбекера, Дельвига, изъ письма его къ Пушкину, весьма характерныя и живо рисующія несчастнаго Кюхельбекера: „Нашъ сумасшедшій Кюхля, какъ ты знаешь по газетамъ, въ Варшавѣ. Слухи въ Петербургѣ перемѣнились объ немъ такъ, какъ должно было ожидать всѣмъ, знающимъ его коротко. Говорятъ, что онъ совсѣмъ не былъ въ числѣ этихъ негодныхъ славянъ, а просто былъ воспламененъ, какъ длинная ракета. Зная его доброе сердце и притомъ любовь хвастать разными положеніями, въ которыя жизнь бросала его, я почти былъ въ этомъ всегда увѣренъ. Да онъ бы вѣрно кому нибудь изъ товарищей не удержался сказать всю свою тайну. Дай Богъ, чтобъ это была правда. Говорятъ, великій князь Михаилъ Павловичъ съ нимъ болѣе всѣхъ ласковъ. *Какъ отъ сумасшедшаго, отъ него можно всего ожидать; какъ отъ злодѣя—ничего* [2])».

Н. Гастфрейндъ.

---

[1]) Рус. Стар. 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 352.

[2]) Курсивъ нашъ. Письмо барона А. А. Дельвига къ Пушкину отъ 1826 года. Русскій Архивъ 1880 г. кн. II стр. 504.

Восточные кредиторы Карла XII.

(*Th. Westrin.* Anteckningar om Karl XII: s orientaliska kreditorer. Historisk tidskrift 1900).

I.

ъ іюлѣ 1709 года на берегу Днѣстра, въ виду Бендеръ, расположился лагеремъ еще не оправившійся отъ своей раны король Карлъ XII, сопровождаемый нѣсколькими сотнями шведовъ, послѣ бѣгства изъ Переволочны. Вблизи его расположился престарѣлый гетманъ Мазепа, который показывалъ дорогу бѣглецамъ и которому съ помощью большого количества сопровождавшихъ его казаковъ удалось не только самому спастись отъ преслѣдованія, но и спасти своихъ женщинъ и свои сундуки съ деньгами. Зато шведы, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, находились въ самомъ отчаянномъ положеніи. Частію при Полтавѣ, частію при переправѣ черезъ Днѣпръ и Бугъ, частію во время похода черезъ степь люди принуждены были оставлять свои деньги, платье и др. имущество или нарочно топить его въ водѣ, чтобы оно не досталось непріятелю.

То немногое, что у того или другого оставалось въ наличности, было потеряно у Очакова, гдѣ происходила переправа черезъ рѣку Бугъ, и во время похода отъ Очакова до Бендеръ. Дорогой приходилось расплачиваться за все чистыми деньгами, и это сильно истощало кассу, несмотря на то, что бендерскій сераскиръ Юсуфъ-паша, старинный другъ шведовъ, установилъ на предметы первой необходимости, нормальныя цѣны которыя подъ строжайшимъ наказаніемъ запрещено было переступать. Расходы короля во время перехода отъ Очакова до Бендеръ тоже были не малые: пашу перваго изъ этихъ городовъ только звономъ 2.000 дукатовъ можно было заставить согласиться напнреправу

шведскаго войска черезъ рѣку; кромѣ того 1.000 дукатовъ нужно было дать кіайѣ (церемоніймейстеръ) сераскира, который и пригласилъ короля въ Бендеры.

Въ Бендерахъ, для покрытія самыхъ необходимыхъ расходовъ, король приказалъ занять у разныхъ лицъ небольшую сумму денегъ, которая была раздѣлена. Однако этихъ денегъ хватило не надолго, такъ какъ той ничтожной суммы, которую каждый получилъ, едва хватало, чтобы запастись бѣльемъ, между тѣмъ большая часть шведовъ имѣли не болѣе одной рубашки, которую они носили на себѣ цѣлый мѣсяцъ. Скоро офицеры и прочіе вынуждены были опять для своего содержанія занимать деньги у турокъ, главнымъ образомъ у тѣхъ 500 янычаръ, которыхъ Юсуфъ-паша далъ королю въ качествѣ тѣлохранителей, у польскихъ, балканскихъ и итальянскихъ евреевъ, а также у греческихъ и персидскихъ (армянскихъ) купцовъ, которыхъ привлекла въ шведскій лагерь надежда на хорошій гешефтъ. Первое время можно было занимать деньги по нормальнымъ процентамъ.

Такъ какъ получить деньги изъ Швеціи было невозможно, то королю оставалось только добывать ихъ въ Турціи путемъ займа у отдѣльныхъ лицъ подъ залогъ вещей, домовыя обязательства или подъ векселя и у султана Ахмета III. Расходы состояли прежде всего въ содержаніи людей, число которыхъ мало по малу возростало; при королѣ находились, во первыхъ, его собственныя шведскія войска и, сверхъ того, въ началѣ 1710 года къ нимъ присоединились остатки арміи короля Станислава подъ предводительствомъ гетмана Потоцкаго. Много денегъ уходило на подарки разнымъ лицамъ, которые король раздавалъ съ изумительной щедростью. Такъ, напр., когда султанъ прислалъ ему 25 лошадей, изъ которыхъ одна стоила 100.000 риксдалеровъ, онъ наградилъ шталмейстера, доставившаго ихъ, 1.000 дукатовъ и каждому изъ конюховъ далъ по 200 дукатовъ. Деньги нужны были также на содержаніе посла и посольскаго персонала въ Константинополѣ, на содержаніе курьеровъ, на взятки, на научныя экспедиціи по Востоку—Лооса, Спарре, Юлленшеппа, Энемана и пр.

Большимъ подспорьемъ въ нуждѣ являлось то, что король со времени своего прибытія въ Бендеры получалъ отъ турецкаго правительства на содержаніе своего двора таинъ, который выдавался по большей части натурой и составлялъ 1 пунгъ, т. е. 500 риксдалеровъ по курсу въ день, сумма значительная, превышающая почти вдвое ту сумму, которую Швеція ассигнуетъ ежедневно на содержаніе двора короля Оскара. Изъ лицъ, снабжавшихъ деньгами короля въ первое время, прежде всего слѣдуетъ назвать казацкаго полковника Станислава-Андрея Войнаровскаго, племянника и наслѣдника Мазепы. Еще осенью 1709 г. онъ далъ королю взаймы 13.000 дукатовъ, 21 марта 1710 г. не менѣе 30.000 д. и 11 января 1711 г. еще 14.800 д. и 14.000 далеровъ; эти послѣднія суммы были употреблены частію на взятки крымскому хану, Девлетъ-Гирею, частію на „другія неотложныя надобности“.

Но главную надежду Карлъ возлагалъ на тѣ переговоры о займѣ, которые согласно инструкціи отъ 7 марта 1710 г. велись

въ императорскомъ казначействѣ въ Константинополѣ полковникомъ Томасомъ Функомъ, главнымъ кригс-комиссаромъ. 13 іюня 1710 г. король выдалъ Портѣ реверсъ на 800 пунговъ, т. е. 400.000 риксдалеровъ по курсу, съ условіемъ уплатить по немъ „лишь только дозволятъ обстоятельства", но не ранѣе какъ въ началѣ октября сумма эта къ всеобщей радости стала получаться въ Бендерахъ. Статсъ-секретарь Кастенъ Фейфъ, кригскомиссаръ Густавъ Солданъ и комиссаръ Петръ Вигманъ 5-го октября получили приказъ, въ виду того, что раньше въ Бендерахъ не имѣлось никакого кригс-комиссаріата,—„вести книгу приходовъ и расходовъ" и принять какъ ассигнованные 400.000 риксд., такъ и другія поступающія въ кассу суммы.

Изъ занятыхъ денегъ офицеры получили извѣстную сумму въ счетъ будущаго жалованья; но эта сумма пошла главнымъ образомъ на уплату долговъ. Долги, которые превышали только что полученную сумму, были уплочены, по приказу короля, комиссаріатомъ.

Потоцкому и польскимъ войскамъ дано было 60.000 риксд.; казакамъ въ Яссахъ даны были средства выкупить свое оружіе и обзавестись платьемъ; приэтомъ у нихъ образовались кое-какіе остатки и была отложена нѣкоторая сумма для нихъ и для находящагося въ Яссахъ шведскаго войска на случай, если въ будущемъ понадобятся средства для ихъ содержанія. Въ апрѣлѣ 1711 г., говоритъ Вигманъ, 400.000 рд. были израсходованы, причемъ офицеры и остальные служащіе не получили ничего сверхъ вышеупомянутой суммы. Поэтому они вынуждены были вновь, съ разрѣшенія короля, „прибѣгнуть къ испытанной уже разъ любезности турокъ и просить, чтобы они доставляли имъ все, что необходимо для ихъ содержанія, на что они соглашались тѣмъ охотнѣе, что видѣли, какъ аккуратно съ ними расплачиваются". Между тѣмъ время шло, а о займѣ не было ни слуху ни духу, и турки становились „скупѣе и несговорчивѣе". При содѣйствіи короля офицеры должны были вначалѣ писать векселя на сумму вдвое и даже больше превосходившую то, что они получали, и наконецъ они могли получить едва четвертую или восьмую часть того, что занимали. Между тѣмъ офицеры перестали давать или турки принимать королевскіе векселя, если они не были предъявлены и засвидѣтельствованы въ комиссаріатѣ. Этимъ хотѣли предотвратить случаи, чтобы какой-нибудь офицеръ не бралъ въ долгъ больше суммы получаемаго имъ на службѣ жалованья.

Такъ прошло два года, пока наконецъ королю удалось заключить новый заемъ, что случилось только въ 1712 году.

До этого времени королю приходилось искать кредита всюду, гдѣ только можно было его найти, и на какихъ угодно условіяхъ. Предложенія, которыя дѣлались со стороны разоренной и окруженной непріятелемъ Швеціи, королемъ были отвергнуты. Предложенія совѣта—обратить въ монету захваченныя на войнѣ пушки, король нашелъ и „неприличными и вредными". Начатые было переговоры съ Ганноверомъ относительно займа подъ залогъ Бременскаго округа совѣту приказано было пріостановить, такъ какъ кур-

фюрстъ „имѣлъ слишкомъ сильное желаніе удержать за собой этотъ залогъ“; мало того, Карлу-Густаву фонъ-Фризендорфу, посланнику при курфюрстѣ, поручено было, въ случаѣ если черезъ эту операцію деньги уже получены, возвратить ихъ, и генералъ-губернатору въ Бременъ-Верденѣ, графу Морицу Веллинку, запрещено было вступать въ какіе-либо переговоры съ Ганноверомъ насчетъ заключенія займа подъ залогъ земли,—„хотя можетъ случиться большая нужда въ деньгахъ“. Государственной конторѣ сдѣланъ былъ строгій выговоръ, когда она наложила руку на находившіеся въ казначействѣ королевскіе золотые кубки и прочія золотыя вещи и размѣномъ ихъ на деньги получила 1762 дуката,—мѣра, которая, по мнѣнію короля, „лишь обнаружила нашу нищету и не принесла никакой особенной пользы“. Напротивъ, въ цѣломъ рядѣ писемъ король требовалъ, чтобы государственная контора заплатила по векселямъ, которые даны были въ Турціи на нее или на почт-комиссара Бартольда Хусведеля и купца Греве въ Гамбургѣ и т. п. Въ большинствѣ случаевъ контора не могла выполнить этихъ требованій, иногда ей удавалось дѣйствительно посылать нѣкоторыя суммы для уплаты по гамбургскимъ векселямъ, и за это она получала благодарность отъ короля. Когда государственная контора для погашенія долга рѣшалась заключить заемъ даже до 12%, король давалъ свое соизволеніе на это, находя, что при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ процентъ въ нѣсколько лишнихъ далеровъ не составляетъ расчета.

Какъ бы то ни было, а королю приходилось искать помощи на Балканскомъ полуостровѣ. Послу въ Константинополѣ Томасу Функу, вице-капралу драбантовъ І. Эреншёльду и преданному другу короля, польскому генералъ-фельдцейхмейстеру Станиславу Понятовскому, удалось, правда по 17, 20 и 25%, достать денегъ у англійскихъ и французскихъ купцовъ въ Константинополѣ, какъ-то Дж. Кука, Давида Мажи и Г. ла-Маркъ, І. Ремюза и др. подъ векселя на вышеупомянутыхъ финансистовъ въ Гамбургѣ. Когда Хусведель не могъ погасить такихъ векселей, то король далъ ему право „дѣлать заемъ хотя за 30%, чтобы только не потерять кредита“. Когда вслѣдствіе постепеннаго паденія кредита сдѣлалось трудно получать деньги въ Константинополѣ, король поручилъ Функу и Понятовскому достать 60—70 тысячъ риксдалеровъ „по какимъ угодно процентамъ“.

Но тѣхъ средствъ, какія могли дать константинопольскіе купцы, далеко не хватало для нуждъ короля. Приходилось искать помощи по сосѣдству: у турокъ, евреевъ, грековъ, персовъ, арабовъ и въ окрестностяхъ Бендеръ; брали небольшими суммами, отчего, естественно, заемъ обходился дороже.

Экономическія затрудненія шведовъ усугублялись тѣми натянутыми отношеніями, граничащими съ открытой враждебностью, которыя установились между королемъ и великимъ визиремъ Балтаджи-Мухаммедомъ послѣ окончанія русско-турецкой войны 1711 года. Всѣ тѣ труды и расходы, которые шведы употребили на то, чтобы склонить турокъ къ нарушенію мира, пропали даромъ. Всѣ надежды, которыя Карлъ возлагалъ на это предпріятіе

и которыя были такъ близко къ осуществленію, рушились. Турецкій шовинизмъ былъ удовлетворенъ военными успѣхами, возвращеніемъ Азова, срытіемъ Таганрога и др. крѣпостей; но для „друга и гостя“ турокъ въ его стѣсненномъ положеніи заключеніе мира (по которому Петръ обязался не препятствовать выѣзду короля) было дѣломъ неоцѣнимой важности. Мало того: еще до начала войны король желалъ заключить въ Портѣ новый заёмъ въ 1.200 пунговъ (600.000 риксд.) для предстоящаго похода домой. Теперь это ходатайство было возобновлено въ виду крайней необходимости. „Шведы такъ страшно обнищали, писалъ англійскій резидентъ при Карлѣ Джефферсъ, что безъ денежной помощи со стороны Порты имъ шагу не ступить отъ Бендеръ“. Отказъ въ займѣ увеличилъ суровость визиря. Кредитъ палъ, и въ довершеніе всего въ августѣ 1711 года прекращена была выдача таина, которымъ пользовался король. Сама природа возстала противъ короля: Днѣстръ въ іюлѣ 1711 года вышелъ изъ береговъ, вслѣдствіе чего Карлъ долженъ былъ перенести свой лагерь въ Варницу, находившуюся неподалеку отъ Бендеръ. Здѣсь, въ ноябрѣ того же года, началъ онъ сооружать похожій на крѣпость королевскій дворецъ, знаменитый центръ калабалика, который онъ, при всей своей бѣдности, приказалъ роскошно отдѣлать. Между тѣмъ дѣла нѣсколько поправились, когда въ мартѣ 1712 г. король опять началъ получать таинъ. Вопросы о займѣ вновь были подняты королемъ между прочимъ во время разговора въ маѣ 1712 г. съ Измаиломъ-пашой въ Бендерахъ, крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ и султанскимъ капиджи-пашой (камергеромъ) Ахмедъ-агой. Въ письмѣ, привезенномъ этимъ послѣднимъ, султанъ обѣщалъ прислать деньги, лишь только въ Бендерахъ соберутся войска, назначенныя для эскорта, и король 23 іюня издалъ указъ о займѣ въ 1.200 пунговъ. Но и деньги, и войска заставляли себя ждать.

Джефферсъ 11 ноября 1712 г. сообщилъ татарскому хану, который находился въ двухъ миляхъ отъ Бендеръ и долженъ былъ прикрывать походъ Карла черезъ Польшу, что королю невозможно выступить, пока онъ не заплатитъ долговъ, которые его офицеры надѣлали у жителей. Ханъ возразилъ, что король могъ бы взять самыхъ главныхъ кредиторовъ съ собой и расплатиться съ ними по возвращеніи въ свое государство, послѣ чего они могли бы вернуться назадъ съ эскортомъ. Наконецъ въ ноябрѣ султанъ рѣшилъ дать королю, подъ условіемъ, чтобы тотъ немедленно уѣхалъ, 1,000 пунговъ (500.000 риксд.) въ дополненіе къ 100 п., взятымъ раньше въ томъ-же году, и король возобновилъ реверсъ на 1,200 пунговъ. Но еще до полученія этой суммы король просилъ 1,000 пун. Эту просьбу Карлъ возобновилъ въ письмѣ, отъ 29 декабря, причемъ напоминалъ, что полтора года тому назадъ онъ просилъ 1.200 п. и что до тѣхъ поръ онъ долженъ былъ брать въ долгъ деньги, причемъ иногда давалъ 100 риксд. за 20 и больше, чтобы содержать около 10,000 человѣкъ. Онъ категорически объявилъ, что полученными деньгами онъ не въ состояніи заплатить долговъ съ причитающимися процентами и въ то-же

время пріобрѣсти все нужное для похода, который по уговору долженъ начаться съ наступленіемъ зимы. Если же онъ получитъ 100 пунговъ и еще 1,000, то уѣдетъ тотчасъ-же. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ искренности этихъ увѣреній. Фабрисъ разсказываетъ 5 и 15 декабря, что Гроттхусъ былъ долженъ болѣе 250,000 риксд., которые онъ взялъ въ долгъ отъ имени короля, а Понятовскій половину этой суммы, что 1,200 пун. было недостаточно для выступленія въ походъ, что для пополненія недостающей суммы необходимъ былъ новый заемъ. Кригскомиссаръ Вигманъ говоритъ, что Гроттхусъ принялъ 500,000 риксд., но изъ нихъ въ комиссаріатъ внесъ онъ только 159,000 рд., которыми сейчасъ же былъ уплаченъ долгъ туркамъ. Но для уплаты прочимъ кредиторамъ, армянамъ, грекамъ и евреeямъ, денегъ не хватило, и они должны были удовольствоваться ликвидаціей, состоявшей въ томъ, что вмѣсто реверсовъ отъ отдѣльныхъ лицъ имъ выданы были таковые отъ кригскомиссаріата.

Значительная часть частныхъ долговъ осталась такимъ образомъ неуплаченной и кромѣ того не хватило денегъ на дорогу. Вскорѣ послѣ этой расплаты и ликвидаціи случился калабаликъ (1 фев. 1713 г.), вызванный отказомъ короля исполнить весьма неосновательное требованіе султана—оставить Варницу. Разныя причины заставляли короля медлить. Особенно указываютъ на незначительность обѣщаннаго эскорта и неувѣренность короля въ его надежности. Онъ часто говорилъ, что предпочитаетъ оставаться на мѣстѣ, чѣмъ брать конвой, который можетъ предать его въ руки непріятеля. Но не подлежитъ сомнѣнію, что финансовыя затрудненія были главной причиной промедленія.

Калабаликъ переполнилъ мѣру страданій несчастныхъ шведовъ. Польскіе магнаты со своими людьми и казаки во время столкновенія Карла съ турками отдали себя подъ защиту турокъ и бендерскаго паши и такимъ образомъ избѣгли участи шведовъ. Эти послѣдніе были обобраны догола турками и татарами и, кромѣ того, еще въ качествѣ военно-плѣнныхъ сдѣлались рабами своихъ побѣдителей. Къ счастію, неволя ихъ была непродолжительна. Король принялъ живѣйшее участіе въ бѣдственномъ положеніи своихъ молодцовъ. 6-го февраля, когда его, еще больного лихорадкой, везли изъ Бендеръ въ Адріанополь, окруженнаго нѣсколькими сотнями турецкихъ всадниковъ и въ сопровожденіи какой-нибудь сотни шведовъ „безъ пистолетовъ и ружей, верхомъ на какихъ-то клячахъ"—послѣднія его распоряженія касались освобожденія плѣнныхъ. Благодаря стараніямъ Фабриса, который до и послѣ калабалика помогалъ шведамъ значительными ссудами, и Джефферса, большинство плѣнныхъ получили свободу уже на 3—4 день послѣ отъѣзда короля, нѣкоторые безъ выкупа, другіе на болѣе или менѣе льготныхъ условіяхъ.

Въ числѣ освобожденныхъ находился 60-лѣтній генералъ-лейтенантъ баронъ Аксель Спарре. Ему король передалъ главное начальство надъ тѣми 1000 шведами, которые послѣ освобожденія изъ плѣна жили „въ предмѣстьѣ Бендеръ".

На его долю выпало „имѣть попеченіе о содержаніи людей и при помощи вице-капрала драбантовъ Эреншельда изобрѣтать для того нужныя средства“,—задача тѣмъ болѣе трудная, что кредитъ былъ окончательно поколебленъ, такъ какъ евреямъ, армянамъ и грекамъ не было заплачено за тѣ ссуды, которыя они дали за два предыдущіе года. Довѣріе уменьшалось еще болѣе втеченіе тѣхъ двадцати слишкомъ мѣсяцевъ послѣ калабалика, которые шведамъ пришлось пробыть въ Бендерахъ вслѣдствіе появлявшихся отъ времени до времени слуховъ о новыхъ несогласіяхъ между королемъ и Портою, подъ вліяніемъ которыхъ кредиторы „стали думать о томъ, нельзя-ли опять обратить злополучныхъ шведовъ въ рабство“.

Правда, Порта отпускала таинъ—мясо и хлѣбъ,—но онъ былъ ничтоженъ и выдавался неаккуратно, иногда и вовсе не выдавался. Такъ какъ Спарре не могъ добыть достаточной суммы на одежду и пищу, то офицеры и нижніе чины были вынуждены каждый за себя обращаться къ туркамъ за новыми ссудами, которыя выдавались часто на чудовищныхъ условіяхъ. Между тѣмъ поиски за деньгами дѣлались тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ сильнѣе давалъ себя чувствовать голодъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ къ королю Спарре изображаетъ подчасъ отчаянное положеніе ввѣренныхъ его попеченіямъ войскъ.

Но если Спарре со своими людьми терпѣли нужду въ Бендерахъ, то не слаще жилось и Карлу его и свитѣ въ Демотикѣ (отъ 17 март.—9 апр. 1713 и 3 ноября 1713—20 сент. 1714 г.) и Тимурташѣ (9 апр. — 3 ноября 1713 г.). Попрежнему король получалъ таинъ, и Гроттхусъ по прежнему раздавалъ направо и налѣво реверсы и векселя въ Адріанополѣ, Тимурташѣ, Демотикѣ и Константинополѣ. Но несмотря на все это, положеніе было ужасное. „У шведскаго короля, писалъ Джефферсъ 12 іюня 1713 г.: нѣтъ ни гроша и на содержаніе ему дается равно столько, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду“. Но король откладывалъ свой отъѣздъ по многимъ причинамъ. Онъ еще не терялъ надежды заинтересовать Порту своими планами, онъ ждалъ обѣщаннаго султаномъ сильнаго эскорта для слѣдованія черезъ Польшу, хотѣлъ до отъѣзда заплатить частные долги; кромѣ того ему представлялось еще возможнымъ заключеніе новаго займа у султана, безъ чего онъ не могъ удовлетворить своихъ кредиторовъ и двинуться въ путь.

Наконецъ, не видя никакой помощи со стороны Порты и зная, что его присутствіе необходимо въ королевствѣ, король рѣшилъ выступить въ маѣ 1714 года. Черезъ французскаго посланника въ Константинополѣ (послѣ смерти Функа, въ ноябрѣ 1713 г., въ Константинополѣ не было никакого шведскаго представителя) Карлъ вступилъ въ переговоры съ турецкими министрами относительно способа своего отъѣзда и свободнаго удаленія всѣхъ своихъ спутниковъ изъ Турціи. Затѣмъ была снаряжена блестящая делегація изъ 72 лиц для врученія султану письма короля, въ которомъ онъ благодарилъ его за гостемріимство и прощался съ нимъ. Однако назначеніе Гроттхуса главою делегаціи показывало,

что на нее смотрѣли какъ на нѣчто болѣе важное, чѣмъ простой актъ вѣжливости. Цѣлью ея было собственно воспользоваться услугами Гроттхуса, какъ знатока турецкаго характера и притомъ вообще ловкаго человѣка, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку достать денегъ. Согласно инструкціи отъ 10 іюля, онъ долженъ былъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобъ этотъ новый заемъ былъ какъ можно болѣе значительнымъ. Надѣялись получить 2000 пунговъ. Но скоро наступило разочарованіе. Уже во время оффиціальной аудіенціи, данной Гроттхусу великимъ визиремъ Али-пашой онъ узналъ отъ рейсъ-еффенди (министра иностранныхъ дѣлъ), въ какомъ положеніи находилась страна, и понялъ, что заключеніе займа на болѣе или менѣе значительную сумму сопряжено съ немалыми затрудненіями, „такъ какъ султанъ поставилъ себѣ цѣлію постепенно увеличивать, но отнюдь не уменьшать средства страны“. И первая аудіенція Гроттхуса у великаго визиря была рядомъ униженій и отказовъ. Визирь, спросивъ Гроттхуса, что требуется для выѣзда короля, т. е. не нужно-ли ему паспорта, лошадей, провіанта и фуража, но получивъ уклончивый отвѣтъ, прямо сказалъ, что слышалъ отъ рейсъ-еффенди, о желаніи шведовъ взять въ долгъ нѣкоторую сумму денегъ; что-де если они думаютъ получить ее, то сильно ошибаются, такъ-какъ его величеству уже дана большая сумма, и притомъ вопреки закону, который запрещаетъ предлагать деньги какому бы то ни было христіанскому государству“. Гроттхусъ старался выпутаться изъ затрудненія, увѣряя, что хотя онъ говорилъ съ рейсъ-еффенди объ этомъ дѣлѣ, но онъ никогда не желалъ и теперь не желаетъ никакихъ денегъ, и что король приказалъ ему только просить „о доставленіи всего необходимаго для немедленнаго выѣзда короля изъ Турціи“. Когда на вопросъ визиря, гдѣ король думаетъ встрѣтиться со своимъ войскомъ, Гроттхусъ указалъ на Бендеры, то визирь воспротивился этому, предлагая здѣсь попытку короля остаться тамъ и опять сдѣлать какую-нибудь безразсудную выходку. „Далѣе визирь хотѣлъ знать день отъѣзда короля, а въ заключеніе прибавилъ, что султанъ, по дружбѣ, можетъ быть, пошлетъ его величеству сколько-нибудь денегъ на дорогу“. Въ тотъ же день (3 августа), когда Гротхусъ писалъ объ этой аудіенціи Мюллеру, онъ сдѣлалъ объ ней нѣсколько менѣе подробный докладъ королю, а въ письмѣ, предназначенномъ только для Мюллера, на французскомъ языкѣ, сообщалъ по секрету, что великій визирь позволилъ себѣ „des discours les plus impertinantes du monde“.

Когда Карлъ прочиталъ письма Гроттхуса, какъ представленныя ему, такъ и адресованныя Мюллеру, то имъ овладѣло чувство сильнѣйшаго раздраженія: онъ схватилъ перо и далъ Гроттхусу приказъ о выступленіи въ письмѣ, стиль котораго доказываетъ, что авторъ его не былъ дипломатомъ. „Ни дня, ни недѣли мы еще не можемъ назначить, говорится въ этой бумагѣ отъ 7 августа: мы не видѣли также необходимости говорить о нашемъ отъѣздѣ отсюда; и чтобы показать, что мы не желаемъ быть въ тягость Портѣ или долѣе оставаться въ какой либо дру-

гой турецкой мѣстности, мы съ нашей свитой выйдемъ изъ Демотики, а наши остальныя войска изъ Бендеръ,—мы желаемъ, чтобы Порта впредь ни въ чемъ не утруждала себя ради дальнѣйшаго содержанія насъ и нашихъ людей или ради обезпеченія нашего похода, но требуемъ лишь одного,—чтобы султанъ издалъ повелѣніе о свободномъ пропускѣ насъ и нашей свиты черезъ турецкую границу, а также указалъ, по какой дорогѣ намъ лучше идти... Что касается денегъ на дорогу, которыя султанъ, можетъ быть, думалъ намъ предложить, то вы должны объяснить, что въ нашей странѣ не принято брать какіе-либо денежные подарки и что намъ поэтому не можетъ быть пріятно подобное предложеніе, кромѣ того этихъ денегъ было бы и недостаточно для насъ; поэтому вы не должны принимать никакихъ денежныхъ подарковъ, ни большихъ, ни малыхъ." Особенно непріятно было королю то, что визирь отнялъ у него всякую надежду на полученіе болѣе или менѣе значительной суммы отъ Порты.

По королевскому приказу Гроттхусъ просилъ визиря, чтобы въ прощальномъ письмѣ султана къ королю не упоминалось ни о какихъ дорожныхъ деньгахъ, хотя визирь и перемѣнилъ потомъ свое поведеніе и между прочимъ на обѣихъ аудіенціяхъ Гроттхуса у султана наговорилъ ему много любезныхъ вещей. Предложенная сумма, кажется, была до смѣшного ничтожна — 100 пунговъ. Зато Гроттхусъ счелъ себя обязаннымъ принять предложеніе на счетъ охраны. Король одобрилъ мѣры Гроттхуса на этотъ счетъ и согласился на предложеніе визиря назначить мѣстомъ встрѣчи Терговистъ. Дѣло о займѣ было окончательно потеряно.

Такимъ образомъ вопросъ объ отъѣздѣ былъ рѣшенъ, а шведы все еще сидѣли въ Турціи съ пустыми руками и по уши въ долгахъ. Получивъ полномочіе короля отъ 7-го августа, Гроттхусъ успѣлъ добыть въ Константинополѣ нѣсколько небольшихъ суммъ въ 2—4 тысячи риксдалеровъ, затѣмъ 40000 рд. у англичанъ Т. и І. Кукъ и 20000 рд. у французской колоніи въ Константинополѣ. Вѣсть о предстоящемъ выѣздѣ шведовъ, естественно, вызвала большое безпокойство кредиторовъ повсюду на Балканскомъ полуостровѣ. Янычары просили удовлетворить ихъ требованія, и король отвѣчалъ, что всѣмъ магометанамъ будетъ уплачено все сполна. Но они не были довольны этими увѣреніями, вслѣдствіе чего Гроттхусу пришлось войти съ ними въ соглашеніе, что нѣкоторые изъ кредиторовъ послѣдуютъ за шведами въ Померанію и тамъ получатъ и за себя, и за другихъ.

II.

14 сентября 1714 года король отдалъ приказъ Спарре немедленно выступить къ Терговисту со всѣми своими людьми и повѣренными бендерскихъ кредиторовъ, если эти послѣдніе не пожелаютъ, чтобы деньги имъ были присланы потомъ. Долгъ казацкому атаману Орлику приказано было отнести на счетъ короля. Въ то же время съ полковникомъ Сильверьельмомъ было послано

9,400 риксд. для раздачи офицерамъ Спарре на дорогу и меньшая сумма для раздачи шведской, польской и нѣмецкой прислугѣ Коскуля, Росохацкаго и Урбановича. Лошадей, провіантъ и фуражъ турецкое правительство должно было отпускать всѣмъ королевскимъ людямъ до самой границы. Но Спарре жалуется на скупость властей, по крайней мѣрѣ въ началѣ похода.

20 сентября король выступилъ изъ Демотики. Въ Тимурташѣ его ожидали палатки, 11 лошадей въ богатой сбруѣ и осыпанная драгоцѣнными камнями сабля,—подарокъ султана. Черезъ Рущукъ и Журжево, минуя Терговистъ, король пришелъ 8 октября къ городу Питешти, гдѣ 16-го числа того же мѣсяца къ нему присоединился Спарре со своими людьми, шведами, нѣмцами, поляками и казаками. Здѣсь простояли 16 дней. Сюда же собрались и кредиторы, для которыхъ устроена была ликвидація. Векселя, выданные частными лицами, были уничтожены и взамѣнъ того даны билеты Гроттхуса, которымъ больше довѣряли. Всѣ уплаченные частные векселя были положены въ ящикъ и увезены въ Штральзундъ. Сумма всего долга туркамъ, арабамъ, армянамъ, грекамъ, евреямъ и пр. частнымъ лицамъ достигала въ это время 444984 рд., т. е. 1156958 кронъ, если считать 1 рд.=2.60 кронъ. Число довѣренныхъ кредиторовъ, которые сопровождали шведовъ, слѣдуетъ считать въ 60—70 человѣкъ. Для слѣдованія черезъ Венгрію и Германію король раздѣлилъ своихъ людей на 5 отрядовъ, изъ которыхъ каждымъ командовалъ генералъ, и въ каждомъ было по 3 меньшихъ отряда по 100 человѣкъ подъ командой полковниковъ. Кредиторы были распредѣлены по этимъ отрядамъ и должны были получать содержаніе наравнѣ со всѣми.

Деньги, занятыя въ Константинополѣ, скоро кончились, и для продолженія похода пришлось уже въ Питешти подумать о новомъ займѣ: 11 октября Ереншельдъ былъ уполномоченъ занять 100,000 рд. и ему удалось получить у начальника Семиградской области генерала Штейнвилля 50000 флориновъ и затѣмъ въ Вѣнѣ заключить заемъ въ 100000 рд. съ фонъ-Радомъ и фонъ-Хеслиномъ по 9%. Деньги нужны были не только на путевыя издержки. Нужно было вознаградить свиту, данную королю султаномъ. Мустафа-агѣ, который провожалъ короля до границы, король назначилъ 30000 рд. новыми блестящими шведскими дукатами. Когда Мустафа изъ страха передъ султаномъ и чувства деликатности предъ королемъ отказался отъ этого дара, то на другой же день получилъ королевскій приказъ о выдачѣ 7000 дукатовъ ежегодной пенсіи ему и его наслѣдникамъ.

25 октября первый отрядъ выступилъ изъ Питешти, а 26—28 числа потянулись за нимъ и остальные, всѣ подъ начальствомъ Спарре. 26-го король со свитой изъ 24 лицъ оставилъ войско. Чтобы лучше скрыть свой отъѣздъ, онъ провелъ ночь въ сельскомъ домикѣ близъ Питешти. На слѣдующій день въ 11 часовъ утра, переодѣтый, въ сопровожденіи ген.-адъютанта ф. Розена и полковника Дюринга, онъ сѣлъ на лошадь, давъ приказаніе свитѣ слѣдовать за нимъ черезъ 24 часа. Король ѣхалъ инкогнито, подъ именемъ капитана Петра Фриска. Это разстроило планъ австрій-

скаго императора, который несмотря на то, что король не просилъ его оффиціально о свободномъ пропускѣ, приказалъ подлежащимъ властямъ подобающимъ образомъ встрѣтить и проводить короля до границъ имперіи, чѣмъ возбудилъ недовольство многихъ знатныхъ лицъ, которыя понапрасну истратились на то, чтобы какъ слѣдуетъ принять высокаго гостя. Специально прикомандированному къ королю Begleitungskomissar'у, генералу графу Вильчеку, не удалось даже видѣть короля. Король съ Дюрингомъ проѣхали черезъ Ротентурмъ въ Семиградіи въ Германштадтъ и Мюльбахъ, откуда, пересѣвъ въ почтовую карету, продолжали путь къ Будапешту и Вѣнѣ. Изъ Вѣны они выѣхали, вѣроятно, 3 ноября и 11-го между 3—4 часами утра прибыли въ Штральзундъ. Такимъ образомъ путь отъ Вѣны, въ 168 нѣм. миль, они сдѣлали въ 8 сутокъ, что составляетъ 21 милю въ сутки—бѣшенная скачка, которая покажется еще болѣе изумительной, если принять во вниманіе трудности предшествующей части пути, позднее время года, плохое состояніе дороги и качество лошадей.

Держась болѣе восточнаго направленія, чѣмъ король, вступило въ Семиградію и шведское войско, всего 1.168 человѣкъ, съ 1.625 лошадьми, 85 собственными и 62 нанятыми въ Валахіи экипажами. По прибытіи въ Szilagy-Somlyo, въ Венгріи, по приказу короля всѣ пять отрядовъ, которые сначала шли въ разстояніи одного дня пути одинъ отъ другого, должны были соединиться въ два отряда, чтобы меньше причинять безпокойства странѣ. Шведское начальство не одобрило этого порядка. Но упомянутый выше ген. Вильчекъ, который здѣсь встрѣтилъ и затѣмъ провожалъ войско до Баваріи, настаивалъ на исполненіи королевскаго приказа. Наконецъ ген. Хорду удалось добиться разрѣшенія провести войско тремя отрядами. Пришлось сдѣлать большой крюкъ къ Токаю, чтобы дойти до Будапешта. Вблизи Вѣны шведы встрѣтили новый годъ. Императорское правительство не только въ Семиградіи, Венгріи и Австріи, но и въ Баваріи снабжало ихъ въ достаточномъ количествѣ провіантомъ и фуражомъ.

Отношеніе населенія ко всѣмъ, особенно къ офицерамъ, было самое дружественное. Но войска были худо одѣты и много терпѣли отъ дурной погоды и отъ распутицы. Въ письмахъ къ королю Спарре очень живо описываетъ ихъ жалкое состояніе, а Буренстамъ въ своемъ сочиненіи цитируетъ письмо датскаго министра въ Вѣнѣ Вейберга, который видѣлъ два шведскихъ отряда близъ Вѣны и между прочимъ пишетъ слѣдующее: „еслибъ какой-либо художникъ захотѣлъ изобразить нѣчто странное и оригинальное, то онъ не нашелъ бы лучше образца... Большая часть изъ нихъ турки, валахи, казаки, татары и поляки. Каждый одѣтъ по своему, всѣ верхами, генералы на болѣе или менѣе хорошихъ лошадяхъ, но всѣ прочіе, даже офицеры, на жалкихъ татарскихъ, казацкихъ и др. клячахъ, которые не больше крестьянскихъ лошадей въ Шелландѣ... Они ѣдутъ толпой безо всякаго порядка. Въ Венгріи къ нимъ пристали было цыгане, но австрійскія власти приказали прогнать ихъ...“

Отъ Вѣны войска шли, обходя города, черезъ Австрію и Баварію, гдѣ переправились черезъ Дунай близъ Нейштата. Тутъ вошли въ предѣлы Франконіи. Далѣе путь шелъ черезъ епископство Эйхштадское, маркграфство Аншпахъ, городъ Нюрнбергъ и епископство Вюрцбургское, причемъ переправились черезъ Майнъ у Швейнфурта и Заалу у Киссингена. Миновавъ Гессенъ, войско вступило въ Ганноверъ; здѣсь произошла задержка, потому что курфюрстъ Георгъ ни зачто не хотѣлъ пропустить всей массы шведскаго войска черезъ свои владѣнія, и лишь послѣ долгихъ переговоровъ Хорду удалось настоять на томъ, чтобы имъ дозволено было прослѣдовать черезъ Ганноверъ небольшими партіями, въ качествѣ проѣзжающихъ. Вслѣдствіе этихъ затрудненій, эта часть пути обошлась дороже, нежели весь остальной путь отъ Турціи. Между 7 и 18 марта наконецъ добрались до Штральзунда.

Кредиторы во время пребыванія въ Помераніи получали по 1 далеру въ день, причемъ имъ давалась готовая квартира. Но въ Помераніи имъ еще не было ничего заплачено, если не считать небольшой суммы въ 26.400 рд. Зато имъ пришлось вынести осаду и бомбардировку Штральзунда датско-прусскими войсками. Когда стало очевиднымъ, что спасти городъ нельзя, король приказалъ рано утромъ 11 ноября 1715 г. оставить его и моремъ отправляться въ Швецію. Но при этомъ онъ не забылъ про чужестранцевъ и не хотѣлъ предавать ихъ въ руки непріятеля. За нѣсколько часовъ до отъѣзда онъ велѣлъ полякамъ, казакамъ и мусульманамъ изъ Турціи снарядить двѣ яхты и ѣхать въ Швецію. Это путешествіе и само по себѣ довольно трудное, было особенно страшнымъ для жителей жаркаго юга. Море уже успѣло покрыться льдомъ. Подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, которымъ 10 человѣкъ было убито и нѣсколько ранено, яхтамъ пришлось катиться по льду, пока онѣ вошли въ открытое море. Здѣсь втеченіе 2—3 дней противный вѣтеръ не позволялъ имъ двигаться впередъ. Наконецъ они были замѣчены шведской эскадрой, шедшей къ Висмару, которая и доставила ихъ въ Юстадъ 29 декабря. Отсюда ихъ перевезли въ Карлсхамнъ (въ январѣ 1716 г.), гдѣ имъ пришлось пробыть болѣе 3 лѣтъ.

III.

Послѣ возвращенія Карла Швеція представляла пеструю смѣсь самыхъ разнообразныхъ націй. Въ городахъ жили тысячи плѣнныхъ русскихъ, датчанъ, поляковъ, англичанъ и голландцевъ. Страна была переполнена бѣглецами изъ Финляндіи и Прибалтійскихъ провинцій. Нѣмецкіе и польскіе офицеры служили подъ шведскими знаменами. Здѣсь жилъ, спасаясь отъ царскаго гнѣва, казацкій гетманъ Орликъ съ женой и дѣтьми и съ цѣлой толпой своихъ земляковъ. Голштинскіе министры и чиновники распоряжались финансами. Сюда съѣхались французскіе, англійскіе и итальянскіе кредиторы изъ Константинополя, сюда наконецъ самъ король притащилъ съ собой кредиторовъ въ тюрбанахъ и халатахъ,

чтобы разсчитаться съ ними за оказанную ему помощь. Здѣсь хотѣлъ на время поселиться „претендентъ" Яковъ и здѣсь же дѣйствовали его тайный эмиссаръ и депутація отъ пиратовъ Индійскаго океана, стараясь вызвать знаменитаго героя на новые подвиги, первый безуспѣшно, вторая съ большимъ успѣхомъ. А въ Цвейбрюккенѣ у Карла сидѣлъ „свой" король, Станиславъ Лещинскій, о которомъ тоже нужно было заботиться. И все это ждало отъ истощенной, раззоренной и голодающей Швеціи защиты, хлѣба или денегъ. И Карлъ, уповая на Бога и съ твердой вѣрой въ торжество своего дѣла, топалъ ногой, ожидая, чтобы изъ земли выросла новая армія, и въ то же время отдавалъ приказы объ оказаніи помощи просителямъ, объ уплатѣ или содержаніи кредиторамъ.

Расквартированные въ Карлсхамнѣ мусульмане не были желанными гостями. Еще 2 янв. 1716 г. адмиралтейство ходатайствовало о переселеніи ихъ изъ Блекинге въ Енкёпингъ или въ Крунубергъ, такъ какъ на ихъ содержаніе употребляли контрибуціонныя суммы, ассигнованныя для адмиралтейства. Но король не уважилъ этого ходатайства и 20 янв. повелѣлъ ландсхевдингу въ Блекинге Класу Бунде расходовать тѣ суммы, какія имѣются въ его распоряженіи, не стѣсняясь тѣмъ, что онѣ, можетъ быть, уже предназначены на что-нибудь другое. 1-го февраля начальнику Карлсхамна, Скуге, приказано было выдать 10,514 рд. съ тѣмъ, чтобы часть этой суммы была употреблена на покрытіе расходовъ, сдѣланныхъ Бунге, другая же часть на содержаніе кредиторовъ. На каждаго кредитора выходило въ день по 1 рд., но многіе изъ нихъ имѣли при себѣ женъ дѣтей и прислугу, которыхъ тоже нужно было содержать. Такъ, наприм., одинъ еврей Маркъ Бетцель долгое время получалъ содержаніе не менѣе чѣмъ на 9 душъ. Общая сумма расходовъ на содержаніе кредиторовъ составляла въ мѣсяцъ около 100 риксд. Претензіи многихъ изъ мусульманъ были столь скромны, что ихъ содержаніе втеченіе двухъ лѣтъ далеко превышало сумму долга. Секретарь Солданъ въ мартѣ 1719 года докадывалъ совѣту, что „здѣсь есть турки, которымъ выдано на содержаніе 2,000 рд., тогда какъ получить имъ слѣдуетъ всего 500 рд."

Кредиторы кромѣ того пользовались даровыми квартирами хотя эти послѣднія не всегда были исправны, такъ что Скугэ получилъ отъ короля приказъ „заботиться какъ объ ихъ квартирахъ, такъ и обо всемъ прочемъ, ибо король желаетъ, чтобы у нихъ ни въ чемъ не было недостатка". Доказательствомъ этой заботливости короля была уплата долговъ; такъ, въ октябрѣ 1718 г., вице-директору въ Карлскронѣ, ф. Розену, было приказано уплатить мусульманамъ 1.000 рд. Деньги должны были быть распредѣлены такимъ образомъ, чтобы каждый получилъ поровну, не зависимо отъ суммы долга, такъ какъ всѣ они нуждаются въ одеждѣ и др. предметахъ.

Для приведенія въ ясность всей суммы долга въ іюлѣ 1718 г. кригскомиссаромъ Шварцкоппомъ и Вигманомъ въ Карлсхамнѣ и Карлскронѣ произведена была новая ликвидація, причемъ имѣлось

въ виду лишь то, чтобы владѣльцы векселей предъявили ихъ и получили удостовѣреніе. Приэтомъ обнаружились разныя мошенничества. Между прочимъ былъ предъявленъ вексель на 1.500 и другой на 1.741 рд., которые первоначально были написаны на 500 и 741 рд. Реверсъ на 5.290 рд., предъявленный евреемъ Меркомъ Марковицемъ, оказался фальшивымъ, но отказать ему не рѣшились, такъ какъ онъ пользовался покровительствомъ Понятовскаго, и можно было опасаться, что при его посредствѣ король признаетъ его дѣйствительнымъ. Деньги на содержаніе по-прежнему выдавались этимъ лицамъ изъ чувства состраданія.

Всѣхъ восточныхъ кредиторовъ было около 60, изъ нихъ болѣе половины были мусульмане, затѣмъ больше всего было евреевъ. Упомянутый выше Меркъ Марковицъ присталъ къ шведской арміи въ Украйнѣ, въ качествѣ проводника, и былъ родомъ изъ Польши. Оттуда-же былъ и Маркъ Бетцель, который въ 1711 году явился въ Бендеры, сдѣлался толмачомъ у короля и 14 сент. 1714 г. въ Демотикѣ получилъ должность переводчика на жалованьѣ. Эти два еврея всегда были въ ссорѣ. Какъ толмачъ, Бетцель сдѣлался самымъ вліятельнымъ между т. наз. турецкими евреями (которые въ Турціи вошли въ сношенія со шведами) и старался получить перевѣсъ надъ Марковицемъ, который считался самымъ важнымъ между т. н. шведскими евреями (которые пришли въ Турцію со шведами). Въ Бендерахъ у нихъ завязалась настоящая битва, въ которой они дрались оружіемъ. Въ 1719 г. году Марковицъ возбудилъ въ Стокгольмѣ скандальный процессъ противъ Бетцеля, обвиняя его въ похищеніи двухъ большихъ сундуковъ съ королевскимъ серебромъ, которое онъ захватилъ во время калабалика, и затѣмъ продалъ въ Польшѣ, а также въ присвоеніи разныхъ вещей, которыя король дарилъ туркамъ и получалъ отъ нихъ. Бетцель нѣкоторое время сидѣлъ въ тюрьмѣ, но затѣмъ дѣло разъяснилось, и Марковицъ былъ присужденъ къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и трехдневному заключенію въ тюрьмѣ. Вскорѣ послѣ того Бетцель получилъ отставку отъ своей должности и въ началѣ 1720 г. уѣхалъ обратно, получивъ сполна всю сумму долга. Марковицу же пришлось пробыть въ Швеціи дольше, чѣмъ кому-либо изъ кредиторовъ. Его претензіи были, какъ выше сказано, довольно неопредѣленны, и для полученія денегъ онъ возбудилъ процессъ въ 1719 г.; дѣло прошло черезъ всѣ инстанціи, и лишь 2 апр. 1742 г. вышелъ королевскій вердиктъ, по которому Марковицъ получалъ половину заявленной суммы. Не задолго передъ тѣмъ онъ ослѣпъ и умеръ, имѣя отъ роду болѣе 90 лѣтъ.

Большая часть кредиторовъ умерла въ Швеціи (одинъ турокъ былъ убитъ своимъ землякомъ, одинъ еврей засѣченъ до смерти какимъ-то польскимъ ротмистромъ) въ ожиданіи ликвидаціи. Нѣкоторые не могли ждать и уѣхали домой. Нѣкоторые достигли столь преклоннаго возраста, что почти непонятно, какъ они рѣшились отправиться въ такой длинный и опасный путь. Кредиторы не жили безвыѣздно въ Блекингѣ. Бетцель и „Maître Jacques“ переѣхали въ Лундъ въ качествѣ толмачей при королѣ. Турокъ Халилъ-паша посѣщалъ библіотеку въ Лундѣ, прочиталъ

тамъ массу турецкихъ книгъ и просилъ короля подарить ему нѣкоторыя изъ нихъ. Марковицъ одно время варилъ кофе наслѣдному принцу Гессенскому. Одинъ арабъ, Хаджи-Юсуфъ, родомъ изъ Іерусалима, занимался все время приготовленіемъ палатокъ въ Лундѣ, Гётеборгѣ и Стрёмстадѣ и съ помощью семи другихъ арабовъ сдѣлалъ множество палатокъ, сѣделъ и мѣховъ для воды. Одинъ изъ этихъ арабовъ умеръ въ Швеціи, другой захотѣлъ перейти въ христіанство и учился шведскому языку у магистра Едда.

Весной 1719 года всѣ кредиторы переселились въ столицу. Одною изъ первыхъ заботъ правительства послѣ смерти Карла XII былъ вопросъ о томъ, какъ быть съ кредиторами, такъ какъ ихъ содержать было обременительно для государства. Послѣ долгихъ преній въ государственномъ совѣтѣ было постановлено, что самое лучшее поскорѣе расплатиться съ кредиторами, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, и съ этой цѣлью камеръ-коллегія получила приказъ произвести новую ликвидацію.

Положеніе кредиторовъ въ это время было самое отчаянное. Деньги на содержаніе и тѣ ничтожныя суммы, которыя имъ выдавались въ уплату долга, выходили ассигнаціями. Курсъ ихъ уже давно упалъ. Совѣтъ, не желая платить кредиторамъ изъ тѣхъ суммъ, которыя такъ были нужны для арміи и для флота, единогласно постановилъ, возвратить дѣло кредиторовъ въ секретную комиссію. Требованіе турокъ обмѣнять ассигнаціи на настоящія деньги встрѣтило яраго противника въ лицѣ члена совѣта Тессина. „Какъ можемъ мы сдѣлать это, говорилъ онъ, когда государство не можетъ оплатить ассигнацій даже шведскихъ подданныхъ?“ Солданъ въ свою очередь указывалъ на то, что если кредиторовъ лишить помощи, то они умрутъ съ голоду; они терпятъ крайнюю нужду, такъ какъ они издержались во время переѣзда изъ Карлскроны и въ Стокгольмѣ въ виду дороговизны квартиръ вошли въ долги; они говорятъ, что ихъ хотятъ держать здѣсь до тѣхъ поръ, пока они не умрутъ отъ голода, и со слезами умоляютъ отпустить ихъ домой, даже если-бы имъ пришлось дорогой просить милостыню; въ отчаяніи они протѣснились въ пріемную залу совѣта и умоляли королеву и членовъ совѣта о выдачѣ имъ настоящихъ денегъ, такъ какъ ассигнаціями они не могутъ пользоваться. Статсъ-секретарь Хёпкенъ, котораго они осаждали и дома и на улицѣ, разсказывалъ въ совѣтѣ, что въ своемъ отчаяніи они хотятъ идти къ королевѣ, положить къ ея ногамъ свои бумаги и на глазахъ ея величества лишить себя жизни. Королева въ страхѣ умоляла помочь имъ какъ-нибудь.

Между тѣмъ камеръ-коллегія произвела ликвидицію и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ 8 іюня 1719 года представила результатъ ея. Вся сумма долга составляла 453.074 рд., но отсюда нужно было исключить 190.212 рд. въ виду неосновательности претензій или въ виду смерти многихъ турецкихъ кредиторовъ отъ чумы и другихъ болѣзней. Такимъ образомъ оставалось всего 262.862 рд. Изъ нихъ 54.380 рд. составляли долгъ казны, остальное—жалованье офицерамъ и гражданскимъ чинамъ. Большимъ облегченіемъ было то, что кредиторы требовали уплаты только ихъ соб-

ственнаго долга и долга ближайшимъ родственникамъ. Благодаря этому, первоначальная цифра долга понизилась до 134.747 рд. Изъ этой суммы 12 евреевъ имѣли получить 59.588, 19 турокъ 56.048 и 6 армянъ 19.110 рд. Нѣкоторые векселя были на ничтожныя суммы: 3, 2 и даже $1^1/_2$ рд. И эти-то кредиторы пять лѣтъ ждали уплаты своего долга и государство втеченіе 5 лѣтъ ихъ содержало! Однако казна не имѣла въ своемъ распоряженіи даже и этой сравнительно небольшой суммы въ 134.747 рд. Нужно было откуда-нибудь добыть ее. Риксдагъ постановилъ расплатиться съ кредиторами изъ суммъ, вырученныхъ отъ продажи трофеевъ (пушекъ), о чемъ уже шли переговоры съ амстердамскими купцами. Но такъ какъ турки просили отпустить ихъ поскорѣе, то совѣтъ предложилъ имъ взять эти пушки in natura и продать самимъ. Но они не соглашались на это: „мы—янычары, а не торгаши, говорили они,—и не знакомы съ этимъ дѣломъ". Тогда совѣтъ рѣшилъ употребить на уплату долга французскую субсидію, которая собственно была предназначена на военныя операціи. Но и ею удовлетворить всѣхъ кредиторовъ было невозможно. Изъ политическихъ соображеній рѣшили удовлетворить прежде всего турокъ. Покинутые Европой въ борьбѣ съ Россіей, шведскіе государственные люди надѣялись найти поддержку у правителя невѣрныхъ.

10 и 27 ноября туркамъ и ихъ ближайшимъ родственникамъ были уплачены причитающіеся имъ 56.048 рд., а 2 декабря и остальные получили сполна свои 11.455 рд. Имъ даны были также деньги на дорогу до Карлскроны, откуда они въ началѣ 1720 г. черезъ Любекъ и Бреславль отправились въ обратный путь.

Упомянутые выше арабы, получившіе жалованье за три мѣсяца въ счетъ путевыхъ денегъ, отправились на англійскихъ судахъ въ Алжиръ, откуда разошлись по домамъ. Оставались 4 армянъ и 9 евреевъ. Со слезами на глазахъ смотрѣли они на отъѣзжающихъ турокъ и умоляли отпустить поскорѣе и ихъ. Секретная комиссія постановила, что нужно войти съ ними въ сдѣлку. При посредствѣ одного еврея удалось уговорить ихъ отказаться отъ части своихъ требованій, и наконецъ, въ апрѣлѣ 1724 г., черезъ 10 лѣтъ послѣ того какъ они покинули родину, пробилъ и для нихъ часъ свободы. Армянамъ было уплачено 17.165 рд., евреямъ 70.236 рд., тогда какъ на самомъ дѣлѣ слѣдовало уплатить 31.778 и 85.211 рд.

Такимъ образомъ были удовлетворены кредиторы, находившіеся въ Швеціи. Но скоро пришлось имѣть дѣло и съ другими. Опасенія Солдана сбылись: подстрекаемые удачей земляковъ, прочіе кредиторы тоже потянулись въ Швецію за полученіемъ своихъ денегъ.

Даже претензіи умершихъ кредиторовъ, которыхъ считали навсегда погребенными, всплыли вновь на свѣтъ Божій. Весною 1722 г. въ Стокгольмъ прибыли трое янычаръ. Двое изъ нихъ предъявили долговыя обязательства, данныя Гроттхусомъ на сумму 9.222 рд., третій вексель на 1.750 рд. и претензію одного умершаго турка въ 870 рд. Съ ними вошли въ такое же соглашеніе,

какъ съ армянами и евреями. Первые двое получили 5.920 рд. третій—2761 рд.

Между тѣмъ постоянно прибывали все новыя и новыя толпы кредиторовъ. Не успѣли уѣхать только что упомянутые янычары, какъ ужъ осенью 1724 года явились новые 13 турокъ, которые предъявили выданные Спарре векселя на сумму 44.844 рд. Чтобы разъ навсегда отбить у турокъ охоту къ подобнымъ путешествіямъ, государственная комиссія предложила имъ 25% всей суммы. При содѣйствіи одного изъ нихъ, которому тайно была дана взятка въ 100 дукатовъ, операція удалась, и въ мартѣ 1725 г. имъ было уплачено 21.039 рд.

Однако, весной 1726 г. явились еще два паши и одинъ ага съ векселями на сумму 8.860 рд. Они дежурили каждый день около зданія совѣта и были такъ бѣдны, что имъ нечего было ѣсть, вслѣдствіе чего имъ стали выдавать деньги на содержаніе. Наконецъ секретная комиссія вошла съ ними въ сдѣлку, и они удовольствовались по примѣру своихъ предшественниковъ 25%. Послѣ этого всѣ были увѣрены, что ни одинъ турокъ больше не покажется въ Швеціи. Но въ октябрѣ 1731 года пріѣхали три янычара, которые сразу объявили, что отказываются отъ процентовъ и путевыхъ денегъ, но требуютъ уплаты капитала и суточныхъ. Эти послѣдніе имъ были выданы тотчасъ, но уплата долга произведена была лишь въ маѣ 1732 г., причемъ они получили вмѣсто 11.968 рд. всего 5.610 рд.

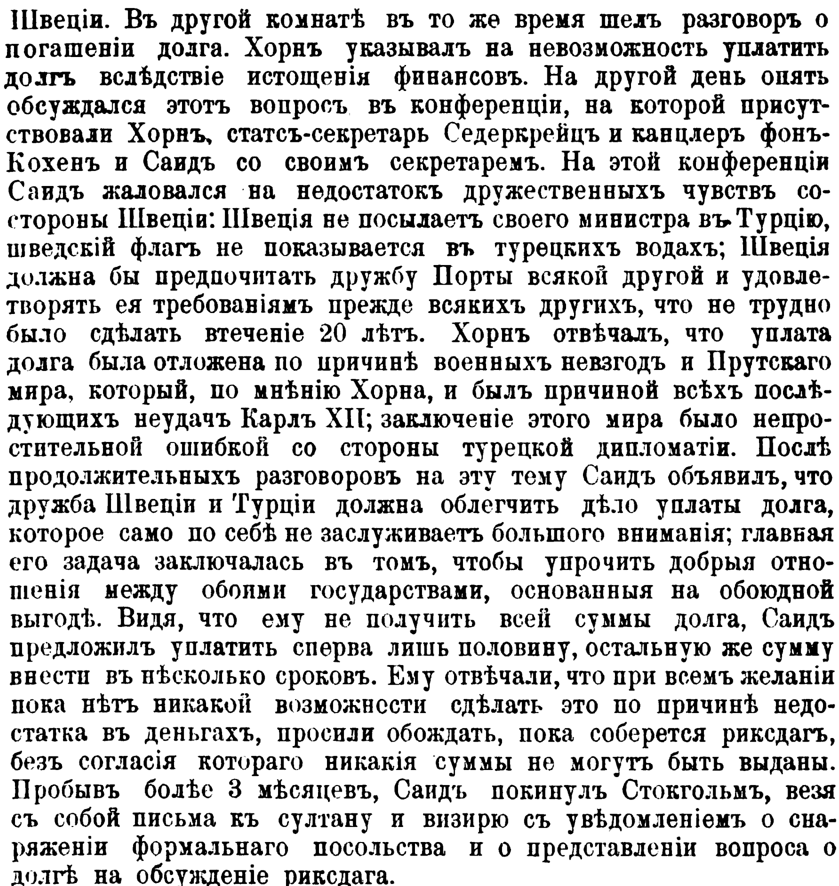
Между тѣмъ самая крупная сумма долга, именно долгъ Войнаровскому, все еще не была уплачена. Казацкій полковникъ Войнаровскій, заклятый врагъ Петра Великаго, 12 октября 1716 г. былъ схваченъ въ Гамбургѣ среди бѣлаго дня по распоряженію русскаго резидента. Послѣ семилѣтняго заключенія въ Петербургской крѣпости, отъ котораго онъ чуть не сошелъ съ ума, онъ былъ отправленъ въ Якутскъ; жена его Анна бѣжала въ Стокгольмъ. Карлъ XII въ 1718 году возобновилъ долговое обязательство, данное Войнаровскому въ 1713 году, на сумму болѣе чѣмъ въ полтора милліона далеровъ, сдѣлалъ распоряженіе объ аккуратной уплатѣ процентовъ и взялъ семью Войнаровскаго подъ свое покровительство. Послѣ его смерти риксдагъ ассигновалъ вдовѣ Войнаровскаго 4.000 д. ежегодно, но деньги выдавались неаккуратно, и иногда ей приходилось продавать или закладывать свои платья. Наконецъ правительство въ маѣ 1724 г. приказало государственной комиссіи вступить съ Войнаровской въ переговоры относительно условій, на которыхъ возможна уплата долга. Она объявила, что готова отказаться отъ процентовъ и отъ 80.000 дол., въ разное время выданныхъ королю ея мужемъ, но требуетъ, чтобы 20.000 рд. ей были уплачены немедленно, чтобы немедленно, согласно обѣщанію, ее ввели во владѣніе имѣніемъ Тюннельсё, чтобъ 400.000 рд. уплачено было въ 6 лѣтъ, чтобы вмѣсто пенсіи въ 4.000 рд. ей были предоставлены проценты съ остающагося капитала и чтобы ей дали письменное удостовѣреніе, что она будетъ безпрепятственно владѣть имѣніями, несмотря на то, что она сама и ея семья исповѣдуютъ католическую вѣру. Имѣніе

Тюннельсё она получила немедленно; вскорѣ также было уплачено ей 20.000 рд. Но весь остальной долгъ былъ выплаченъ только въ 1731 году.

Самыми счастливыми изъ всѣхъ кредиторовъ оказались французскіе и англійскіе капиталисты изъ Константинополя, такъ какъ они получили безъ особенныхъ проволочекъ всю занятую у нихъ сумму, которая была не мала. Джемсъ Кукъ получилъ въ 1715—17 г. 332.280 рд., Ремюза 146.236 рд., Мажи и ля-Маркъ 300.802 рд., всего 779.318 рд. Радъ и Хёсслинъ также получили причитающіяся имъ 90.000 рд. Хорнебю получилъ сполна 17.000 только въ 1732 году.

Когда въ совѣтѣ 3 октября 1726 г. многіе изъ членовъ настаивали на томъ, чтобы не платить болѣе восточнымъ кредиторамъ, Тессинъ сказалъ: „Мы должны опасаться, что такая суровая мѣра можетъ повести къ еще большимъ требованіямъ со стороны турокъ". Не прошло и шести мѣсяцевъ послѣ этого, какъ получена была отъ посланника въ Петербургѣ барона Седеркрейца депеша, что туда прибыло турецкое посольство проѣздомъ въ Стокгольмъ, которое имѣетъ цѣлью переговоры о долгѣ Карла XII. 9 іюня 1727 г. Мустафа-ага прибылъ въ Стокгольмъ со свитою изъ 23 лицъ. Онъ привезъ королю письма отъ султана и великаго визиря и письмо великаго визиря предсѣдателю канцеляріи графу Хорну, въ которомъ говорилось о дружественномъ пріемѣ, оказанномъ Портою Карлу XII, и выражалось желаніе получить занятые имъ 2.000 пунговъ (1 милліонъ риксдалеровъ). Въ другомъ письмѣ отъ великаго визиря къ Хорну рѣчь шла о тѣхъ выгодахъ, которыя могло бы принести заключеніе торговаго трактата между обоими государствами и присутствіе шведскаго министра въ Константинополѣ. Такимъ образомъ посольство имѣло не только финансовыя, но и политическія цѣли. Ага былъ встрѣченъ съ большой помпой. Онъ былъ принятъ и при дворѣ и въ обществѣ. Но онъ оказался слишкомъ дорогимъ гостемъ для государства. Онъ пробылъ 1¼ года и за все это время получалъ на содержаніе себя и свиты по 30 рд. въ день, не считая готовой квартиры и расходовъ на разъѣзды по странѣ. Его помѣщеніе стоило около 40.000 рд. Предложеніе о назначеніи шведскаго министра въ Константинополь не встрѣтило препятствій. Что касается уплаты долга, то король вручилъ Мустафѣ письмо къ султану, въ которомъ выражалось сожалѣніе, что, въ виду плохого состоянія государственныхъ финансовъ, уплата долга не можетъ быть пока произведена.

Въ апрѣлѣ 1733 года прибылъ въ Стокгольмъ въ качествѣ посла президентъ казначейства Мухамедъ-Саидъ-еффенди со свитой изъ 43 лицъ и съ богатыми подарками королю и королевѣ. Въ письмѣ, которое Мухамедъ привезъ отъ султана, не было никакого упоминанія о долгѣ, зато о немъ трактовалось въ письмѣ великаго визиря къ графу Хорну. Хотя денежный вопросъ былъ, очевидно, главной цѣлью посольства, однако на первый планъ была выдвинута политика. Боясь воинственныхъ замысловъ Россіи въ Азіи и Польшѣ, Порта искала поддержки со стороны

Швеціи. Въ другой комнатѣ въ то же время шелъ разговоръ о погашеніи долга. Хорнъ указывалъ на невозможность уплатить долгъ вслѣдствіе истощенія финансовъ. На другой день опять обсуждался этотъ вопросъ въ конференціи, на которой присутствовали Хорнъ, статсъ-секретарь Седеркрейцъ и канцлеръ фонъ-Кохенъ и Саидъ со своимъ секретаремъ. На этой конференціи Саидъ жаловался на недостатокъ дружественныхъ чувствъ со стороны Швеціи: Швеція не посылаетъ своего министра въ Турцію, шведскій флагъ не показывается въ турецкихъ водахъ; Швеція должна бы предпочитать дружбу Порты всякой другой и удовлетворять ея требованіямъ прежде всякихъ другихъ, что не трудно было сдѣлать втеченіе 20 лѣтъ. Хорнъ отвѣчалъ, что уплата долга была отложена по причинѣ военныхъ невзгодъ и Прутскаго мира, который, по мнѣнію Хорна, и былъ причиной всѣхъ послѣдующихъ неудачъ Карлъ XII; заключеніе этого мира было непростительной ошибкой со стороны турецкой дипломатіи. Послѣ продолжительныхъ разговоровъ на эту тему Саидъ объявилъ, что дружба Швеціи и Турціи должна облегчить дѣло уплаты долга, которое само по себѣ не заслуживаетъ большого вниманія; главная его задача заключалась въ томъ, чтобы упрочить добрыя отношенія между обоими государствами, основанныя на обоюдной выгодѣ. Видя, что ему не получить всей суммы долга, Саидъ предложилъ уплатить сперва лишь половину, остальную же сумму внести въ нѣсколько сроковъ. Ему отвѣчали, что при всемъ желаніи пока нѣтъ никакой возможности сдѣлать это по причинѣ недостатка въ деньгахъ, просили обождать, пока соберется риксдагъ, безъ согласія котораго никакія суммы не могутъ быть выданы. Пробывъ болѣе 3 мѣсяцевъ, Саидъ покинулъ Стокгольмъ, везя съ собой письма къ султану и визирю съ увѣдомленіемъ о снаряженіи формальнаго посольства и о представленіи вопроса о долгѣ на обсужденіе риксдага.

Но еще до открытія риксдага вопросъ о долгѣ успѣлъ вступить въ новый фазисъ. Оккупація Польши русскими войсками и завоеванія въ Азіи подняли цѣнность шведской дружбы въ глазахъ Порты. Турецкій дипломатическій оракулъ того времени, ренегатъ Бонневаль (Ахмедъ-паша), убѣдилъ великаго визиря, что никакого тѣснаго союза съ Швеціей не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока долгъ не будетъ уплаченъ, такъ какъ шведы не посылаютъ министра изъ боязни, какъ бы его не арестовали за долгъ. Онъ настаивалъ на томъ, что половину долга слѣдуетъ простить, а другую половину взять натурой, напр. пушками. Въ апрѣлѣ 1734 г. Бонневаль увѣрилъ шведскихъ коммерческихъ стипендіатовъ фонъ-Хёпкена и Карлсона, что Порта согласилась на его предложеніе. Тѣ тотчасъ же написали объ этомъ въ Стокгольмъ. Сначала шведское правительство отнеслось недовѣрчиво къ этому извѣстію, но послѣ новыхъ, еще болѣе заманчивыхъ предложеній, секретная комиссія рѣшила отправить въ Константинополь министра и назначила Хепкена и Карлсона chargés d'affaires для улаженія дѣла ко времени его прибытія. Имъ удалось заключить трактатъ, въ силу котораго Швеція въ уплату

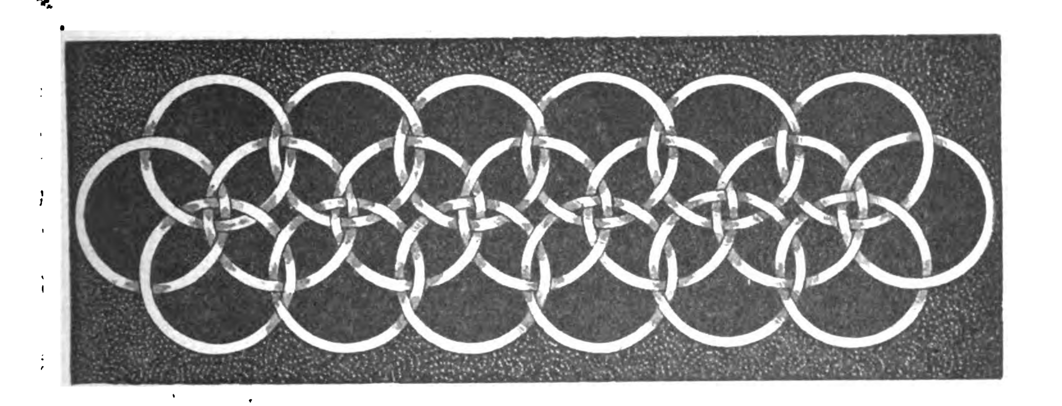
своего долга обязывалась прислать въ Константинополь вполнѣ снаряженный 72-пушечный корабль, 30.000 ружей со штыками и 6 двѣнадцатифунтовыхъ металлическихъ пушекъ.

Порта въ свою очередь отказывалась отъ 200.00 рд. долга, на самомъ же дѣлѣ лишь отъ 150.000, такъ какъ Карлъ XII на реверсъ въ 1.200 пунговъ получилъ не болѣе 1.100 пунговъ.

29 марта 1738 г. король поручилъ особой комиссіи изъ нѣсколькихъ членовъ совѣта, адмиралтействъ-коллегіи, государственной канцеляріи и конторы земскихъ чиновъ разсмотрѣть вопросъ о долгѣ. Эта комиссія, называвшаяся „турецкой", пріобрѣла, снарядила и отправила лѣтомъ того же года 72-пушечный корабль „Швецію", который обошелся въ 400.000 рд. На другомъ кораблѣ „Патріотѣ", принадлежавшемъ Левантской компаніи, было отправлено 10.000 ружей. Первое изъ этихъ судовъ потерпѣло крушеніе около Кадикса, второе же благополучно прибыло въ Константинополь 11 февраля 1739 года. Порта изъявила желаніе вмѣсто погибшаго судна взять „Патріота" со всѣмъ его грузомъ, за который шведское правительство впослѣдствіи уплатило компаніи 260 000 рд. и объявило, что остальные 20.000 ружей могутъ быть присланы потомъ. Изъ этого числа были присланы лишь 7.000. Всего въ уплату долга получено султаномъ около 300.000 рд., т. е. приблизительно третья часть всей занятой суммы.

Существуетъ мнѣніе, что долги, сдѣланные Карломъ XII и его сподвижниками въ Турціи, никогда не были уплачены. Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что подобный взглядъ не находитъ себѣ подтвержденія въ фактахъ. Долгъ Карла XII достигалъ $2^1/_2$ милліоновъ риксдалеровъ, т. е. около 19—20 милл. кронъ или 10 слишкомъ милліоновъ рублей,—сумма чудовищная сама по себѣ, но казавшаяся еще болѣе чудовищной въ то время, когда весь годовой доходъ королевства едва равнялся этой суммѣ, а дефицитъ болѣе чѣмъ вдвое превышалъ ее. Правда, раздавались отдѣльные голоса, предлагавшіе не платить восточнымъ кредиторамъ, но шведское правительство никогда, даже въ самые трудные моменты, не уклонялось отъ выполненія своихъ обязательствъ по отношеніи къ восточнымъ кредиторамъ, и такимъ образомъ частію еще при жизни Карла XII, частію въ послѣдующее время выплатило болѣе 1,400.00 рд., не считая расходовъ на содержаніе турецкихъ кредиторовъ и посольствъ, что составляло около 100.000 риксдалеровъ.

Н. Я.

Бошнякъ. — Майборода. — Шервудъ.

(По запискамъ декабриста кн. С. Г. Волконскаго).

I. Бошнякъ [1]).

ошнякъ — въ донесеніи слѣдственной коммисіи скрытый подъ названіемъ *агента графа Витта* — былъ человѣкъ умный и въ свое время считался даже человѣкомъ передовымъ, онъ былъ помѣщикомъ Херсонской губерніи, жилъ въ своемъ имѣніи, невдали отъ Елисаветграда и былъ въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ съ графомъ Виттомъ, командиромъ херсонскихъ военныхъ поселеній. Графъ Виттъ, человѣкъ весьма пронырливый, догадался о существованіи тайнаго общества и, разговаривая съ тѣми, кого полагалъ въ немъ участниками, открыто осуждалъ дѣйствія правительства. Этимъ онъ надѣялся войти въ довѣрчивость и цѣлью его было вступить въ общество и разузнать составъ, цѣль и средства онаго, чтобы о всемъ донести правительству и черезъ то выслужиться у своего покровителя Аракчеева. Онъ пригласилъ Бошняка содѣйствовать ему въ достиженіи этой цѣли. Онъ догадывался, что служащій въ военныхъ поселеніяхъ генеральнаго штаба офицеръ Лихаревъ, человѣкъ молодой, образованный, пылкій душою — принадлежалъ къ обществу. Онъ направилъ на него Бошняка, который, представляя изъ себя врага правительства, вкрался

---

[1]) О Бошнякѣ намъ извѣстно еще нѣсколько страницъ въ книгѣ X. Korczak-Branicki „Les Nationalités slaves“. Paris. 1879 г.

въ довѣріе Лихарева, предложилъ себя въ члены общества и былъ принятъ, въ началѣ 1825 г. Вступивъ въ такую тѣсную связь съ Лихаревымъ, Бошнякъ все болѣе и болѣе вкрадывался въ его довѣріе, показывалъ себя готовымъ на все и наконецъ объяснилъ, что Виттъ желаетъ войти въ общество и, командуя всѣмъ херсонскимъ военнымъ поселеніемъ, готовъ съ оружіемъ въ рукахъ содѣйствовать цѣли общества. Лихаревъ сообщилъ объ этомъ предложеніи Тульчинской думѣ, которая возъимѣла сильныя сомнѣнія въ искренности предложенія Витта, но вмѣстѣ съ тѣмъ приняла въ соображеніе всѣмъ извѣстное обстоятельство, что по южнымъ военнымъ поселеніямъ суммы весьма значительныя были Виттомъ не только неправильно израсходованы, но еще употреблены на собственныя нужды, что это воровство уже было извѣстно строгому и неумолимому Аракчееву, что Виттъ былъ поставленъ чрезъ то въ положеніе весьма затруднительное и долженъ былъ питать справедливыя опасенія за свое будущее. Соображая все это, члены Тульчинской думы предписали Лихареву затянуть дѣло принятія Витта, не оказывая ему явнаго недовѣрія и отсрочивая это принятіе до кіевскихъ контрактовъ 1826 года, но такимъ образомъ, чтобы отсрочка эта не доказывала бы недовѣрія къ Витту и не подала бы повода броситься въ противоположную сторону, а между тѣмъ доставила бы обществу возможность убѣдиться въ большей или меньшей искренности его, слѣдя постоянно за нимъ.

Бошнякъ, содѣйствуя намѣреніямъ Витта, вошелъ въ сношенія съ однимъ изъ членовъ общества, капитаномъ вятскаго пѣхотнаго полка Майбородою.

Бошнякъ, полагаю, дѣйствовалъ изъ честолюбія. При его образованности, умѣ и жаждѣ дѣятельности, помѣщичій бытъ представлялъ ему кругъ слишкомъ тѣсный. Онъ хотѣлъ вырваться на обширное поприще—и ошибся. Что съ нимъ стало впослѣдствіи—мнѣ неизвѣстно.

II. Майборода.

Майборода, сынъ херсонскаго помѣщика, изъ мелкопомѣстныхъ, началъ свою службу въ московскомъ гвардейскомъ полку. Офицеры этого полка принудили его перейти въ армію, причина мнѣ неизвѣстна, но само собою разумѣется не можетъ принести чести Майбородѣ. Онъ перешелъ въ вятскій пѣхотный полкъ, коимъ командовалъ тогда знаменитый Пестель. Майборода былъ человѣкъ весьма хитрый, весьма ловкій,

весьма вкрадчивый и, въ качествѣ бывшаго гвардейца, былъ докою фрунтового дѣла. Пестель поручилъ ему первую гренадерскую роту, которую онъ поставилъ на прекрасную ногу по фрунтовой части. Желая вкрасться въ довѣренность Пестеля, онъ, въ управленіи своей ротой, съ величайшимъ тщаніемъ слѣдовалъ правиламъ, человѣколюбія и попечительности о солдатахъ, правиламъ, введеннымъ Пестелемъ въ вятскомъ полку. Поэтому онъ и былъ принятъ въ члены общества. Экономическія деньги вятскаго полка Пестель не клалъ себѣ въ карманъ, подобно большей части полковыхъ командировъ, а употреблялъ на благосостояніе нижнихъ чиновъ. Майборода, человѣкъ весьма разсчетливый, указалъ ему возможность увеличить сумму, столь благородно Пестелемъ употребляемую, слѣдующимъ средствомъ: принимать предназначенныя для полка вещи по срокамъ, но не въ балтской комиссаріатской комиссіи, къ коей приписалъ былъ вятскій пѣхотный полкъ, а въ московской комиссаріатской комиссіи. Онъ получилъ отъ Пестеля это порученіе, съ правомъ входить, въ Москвѣ, въ сдѣлки съ комиссіонерами и, принимая деньги, покупать по вольнымъ цѣнамъ... По возвращеніи Майбороды изъ Москвы, Пестель при осмотрѣ вещей и при разсмотрѣніи счетовъ открылъ плутни Майбороды и грозилъ отдать его подъ судъ. Майборода, чтобы избѣгнуть заслуженной кары, и зная объ отношеніяхъ общества къ Бошняку и къ Витту, вступилъ съ Виттомъ въ переговоры для открытія правительству существованія тайнаго общества. На совѣщаніи между Виттомъ, Бошнякомъ и Майбородою положено было, что Майборода отправитъ письменный доносъ государю, находившемуся тогда въ Таганрогѣ, а Виттъ напишетъ къ государю письмо, прося дозволенія прибыть лично въ Таганрогъ, для сообщенія весьма важной тайны и для представленія необходимыхъ объясненій. Виттъ надѣялся, оказавъ своимъ предательствомъ столь важную услугу, обезпечить себя и ускользнуть изъ рукъ Аракчеева.

Доносъ Майбороды и письмо Витта получены были государемъ въ одно время. Онъ никому ихъ не сообщилъ, но послалъ Аракчееву, оставшемуся въ Петербургѣ, приказаніе пріѣхать въ Таганрогъ, куда велѣно было явиться и Витту. Ни тотъ, ни другой не успѣли исполнить этого повелѣнія. Аракчеевъ бѣсновался послѣ убіенія его дворовыми людьми жестокой съ нимъ любовницы его Анастасіи (извѣстной по всей Россіи подъ именемъ Наськи); Виттъ занемогъ горячкою и въ теченіе нѣсколькихъ дней находился при смерти, а вскорѣ

скончался и государь, послѣ самой кратковременной болѣзни. По смерти государя, бумаги, лежащія на его столѣ и получаемыя на его имя, были разсмотрѣны начальникомъ главнаго штаба барономъ Дибичемъ, который пригласилъ содѣйствовать ему въ этомъ разборѣ князя Петра Михайловича Волконскаго, состоявшаго при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Дибичъ и Волконскій нашли и письмо Витта, и доносъ Майбороды и немедленно сообщили объ нихъ: въ Варшаву, великому князю Константину Павловичу, и въ Петербургъ, великому князю Николаю Павловичу. Они послали изъ Таганрога въ Тульчинъ, главную квартиру второй арміи, товарища начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанта Чернышева (впослѣдствіи бывшаго военнымъ министромъ и предсѣдателемъ государственнаго совѣта), для арестованія Пестеля и маіора вятскаго полка Лорера. Чернышевъ поѣхалъ не прямо на Тульчинъ, а объѣздомъ черезъ Елисаветградъ и Умань. Цѣлію проѣзда его чрезъ Умань было узнать, что дѣлается въ этомъ мѣстечкѣ, въ коемъ находилась главная квартира первой бригады девятнадцатой пѣхотной дивизіи. Этою бригадою, состоявшею изъ полковъ азовскаго и днѣпровскаго, командовалъ генералъ-маіоръ князь Сергій Григорьевичъ Волконскій, одинъ изъ главныхъ членовъ общества и задушевный другъ Пестеля. Цѣлію проѣзда Чернышева чрезъ Елисаветградъ было свиданіе съ Виттомъ. Чернышевъ имѣлъ съ собою нѣсколько фельдъ-егерей. Не доѣзжая до Тульчина, онъ остановился въ Гайсинѣ и послалъ агента-еврея, предварительно указаннаго ему Виттомъ, за Майбородою, рота коего расположена была въ близости Гайсина. Допросивъ Майбороду и взявъ его съ собою, Чернышевъ прибылъ въ Тульчинъ, гдѣ остановился у начальника штаба второй арміи, Павла Дмитріевича Киселева. Переговоривъ съ главнокомандующимъ арміею графомъ Петромъ Христіановичемъ Витгенштейномъ, Чернышевъ, какъ лицо облеченное полномочіемъ Дибича, принялъ слѣдующія мѣры. Графъ Витгенштейнъ вытребовалъ въ Тульчинъ, будто бы по дѣламъ службы, Пестеля, который жилъ въ главной квартирѣ вятскаго полка, мѣстечкѣ Линцы, невдали отъ Тульчина. Между тѣмъ Чернышевъ и П. Д. Киселевъ поѣхали, будто-бы въ гости, къ шурину П. Д. Киселева, графу Ярославу Потоцкому, имѣніе коего находилось отъ Линецъ верстахъ въ пятнадцати. Они вытребовали къ себѣ маіора вятскаго полка Толпыгу. Потомъ Чернышевъ и П. Д. Киселевъ нагрянули въ Линцы, откуда Пестель, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, отбылъ въ

Тульчинъ, по вызову графа Витгенштейна. Чернышевъ и П. Д. Киселевъ арестовали маіора Лорера и ввѣрили начальство надъ вятскимъ полкомъ Толпыгѣ. На квартирѣ у Пестеля произведенъ былъ подробнѣйшій обыскъ: подняты были всѣ половицы половъ; бумаги его были опечатаны и, вмѣстѣ съ его деньщикомъ, отправлены въ Петербургъ, подъ конвоемъ офицера изъ дежурства второй арміи, Давыденки.

Пестель, между тѣмъ, прибылъ въ Тульчинъ и явился къ Витгенштейну, который арестовалъ его и отдалъ подъ караулъ дежурному генералу второй арміи, Ивану Ивановичу Байкову, на дому у коего Пестель и жилъ нѣсколько дней, до отправленія въ Петербургъ, куда повезли его два фельдъ-егеря.

Въ одно время съ Пестелемъ вытребованы были въ Тульчинъ командиры полковъ казанскаго и уфимскаго, Аврамовъ и Бурцовъ, и имъ велѣно было явиться въ Петербургъ, для объясненій по дѣламъ службы. По пріѣздѣ въ Петербургъ, они явились къ дежурному генералу, Алексѣю Николаевичу Потапову, который повезъ ихъ къ государю. На вопросы Аврамовъ отвѣчалъ съ достоинствомъ и былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, откуда его сослали въ Сибирь. Бурцовъ бросился на колѣни, плакалъ, изъявлялъ о раскаяніи, молилъ о пощадѣ, обнималъ ноги государя и не былъ сосланъ. У него только отняли полкъ и перевели его въ колыванскій полкъ, а оттуда на Кавказъ, гдѣ Паскевичъ, его любившій, скоро доставилъ ему команду и генеральскій чинъ. Бурцовъ былъ убитъ въ кампанію 1829 года.

Правительство непремѣнно хотѣло добыть проэктъ конституціи, составленный Пестелемъ и названный имъ *Русскою Правдою*. Эта конституція была республиканская-федеративная, между тѣмъ какъ конституція, составленная Никитою Михайловичемъ Муравьевымъ, была монархическая и провозглашала единство имперіи. Когда Пестель былъ арестованъ, *Русская Правда* находилась въ чтеніи у Крюкова младшаго и у Заикина, вмѣстѣ жившихъ въ Тульчинѣ. Они зарыли ее возлѣ деревни Хлѣбани, въ семи верстахъ отъ Тульчина. Но послѣ, во время суда, Заикинъ сдѣлалъ указаніе мѣстности, въ коей зарыта была *Русская Правда*, и Заикинъ отправленъ былъ изъ Петербурга, съ адъютантомъ Чернышева, Слѣпцовымъ и съ двумя жандармами въ Хлѣбань, чтобы вырыть драгоцѣнную рукопись и доставить ее въ Петербургъ, въ слѣдственную комиссію, что и было исполнено.

Ему тамъ дали полкъ, но вѣрный своимъ началамъ, онъ

сталъ страшно воровать; это дошло до начальства; у него отняли командованіе полкомъ; нарядили слѣдствіе, и Майборода, видя бѣду неминуемую, перерѣзалъ себѣ горло бритвою [1]).

III. Шервудъ.

Въ одной пустой книжонкѣ, изданной подъ заглавіемъ „Шервудъ“ и подписанной: „генералъ-маіоръ Б. П.“ самъ Шервудъ будто-бы объясняетъ свое предательство, увѣряя, что онъ побужденъ былъ къ тому какими-то романическими обстоятельствами. Правда-ли это или ложь, не знаю, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Шервудъ явился предателемъ изъ разсчета, и во всю жизнь свою дѣйствовалъ самымъ гнуснымъ образомъ. Пустая книжонка, о которой я упоминаю, наполнена ошибками явными и смѣшными, которыя доказываютъ въ составителѣ этой книжонки совершенное незнаніе и дѣйствующихъ лицъ, и подробностей происшествій.

Шервудъ, сынъ англичанина машиниста, поселившагося въ Москвѣ, поступилъ въ военную службу вольноопредѣляющимся въ третій украинскій уланскій полкъ и находился у полко-

[1]) О Майбородѣ намъ извѣстна еще одна замѣтка И. А. Ильина въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1872 г., іюль, стр. 412—413 „Изъ событій на Кавказѣ“).

„Въ 1842 году Апшеронскимъ полкомъ командоваль полковникъ Симборскій. Почувствовавъ себя больнымъ, онъ испросилъ отпускъ на Пятигорскія воды и сдалъ полкъ старшему штабъ-офицеру полковнику Ясинскому, оставивъ сто тысячъ рублей ассигнаціями на сдачу полка въ случаѣ смерти своей, которая и послѣдовала въ томъ же году въ Пятигорскѣ. Ясинскій командовалъ около года, всѣ думали, что онъ будетъ утвержденъ командиромъ полка, какъ вдругъ читаемъ въ Высочайшихъ приказахъ: „Полковникъ Майборода назначается командиромъ Апшеронскаго полка“.

Пріѣхалъ Майборода. Высокій ростъ, короткая талія и длинныя ноги дѣлали его некрасивымъ, хотя лицо было не дурно; но темная кожа лица, синія полосы отъ просвѣчивающей бороды на гладко выбритыхъ и лоснящихся щекахъ, строгій взглядъ, сухой тонъ разговора до крайности, медленность движеній и неуклюжесть ихъ, расположили къ нему всѣхъ антипатично.

Дома, во время обѣда, на который приглашались имъ офицеры, онъ былъ не разговорчивъ. Жена и свояченица его молчали во весь обѣдъ, не зная куда дѣвать глаза, когда кто-нибудь изъ насъ заговаривалъ съ ними, и офицеры, сострадая къ загнанному положенію женщинъ, какъ подозрѣвали они, чувствовали себя за обѣдомъ у Майбороды ничуть не веселѣе, какъ за столомъ на поминкахъ.

Майборода принималъ полкъ весьма медленно. Онъ находилъ недостаточными оставленные 100,000 руб. на сдачу полка, и къ полковнику Янишевскому предъявилъ какія-то претензіи, такъ что назначено было генераломъ Клугенау произведеніе учета хозяйственной части полка, и дѣло дошло до корпуснаго командира. Тутъ завязалась четырехмѣсячная драка съ Шамилемъ, и окончательный пріемъ полка, въ хозяйственномъ отношеніи, затянулся.

Блокада поставила насъ къ Майбородѣ почти во враждебное положеніе. Мы не видали его на валу форштадта. Онъ былъ молчаливъ и медленъ одинаково, тогда какъ командиру полка было о чемъ похлопотать. На выручку Пассека и Ясинскаго онъ не пошелъ, предоставивъ батальоны своего полка штабъ-офицерамъ.

Въ январѣ Пассекъ вступилъ въ командованіе полкомъ, и Майборода очистилъ богатый домъ командира полка, перейдя въ нанятую имъ на новомъ форштадтѣ небольшую квартиру“.

вого командира, полковника Еревса, на порученіяхъ гораздо болѣе домашнихъ, чѣмъ служебныхъ. Въ книжонкѣ, о коей мы упомянули, сказано, будто Шервуду поручено было исправленіе водяной мельницы въ Каменкѣ, имѣніи Давыдовыхъ, въ кіевской губерніи, будто онъ жилъ тамъ нѣкоторое время и успѣлъ подслушать происходившее въ еженедѣльныхъ, по субботамъ, собраніяхъ Южнаго Общества, въ коихъ Лихаревъ велъ протоколъ засѣданіямъ. Все это ложь: Лихаревъ никогда протоколовъ не велъ, по весьма простой причинѣ, что въ засѣданіяхъ Обществъ, и Южнаго, и Сѣвернаго, и Соединенныхъ Славянъ, *протоколовъ никогда не было*. Еженедѣльныхъ собраній въ Каменкѣ также никогда не бывало, да и быть не могло, по той причинѣ, что большая часть членовъ Южнаго Общества удержана была своими служебными занятіями, въ разныхъ губерніяхъ, и никакъ не могла съѣзжаться еженедѣльно. Мѣстныя подробности въ книжонкѣ перепутаны; никому нельзя было прокрасться въ комнаты Василія Львовича Давыдова, не бывъ замѣченнымъ, или гостями, или прислугою, которая, конечно, вытолкала бы Шервуда въ шею. Шервудъ точно бывалъ въ Каменкѣ, но вотъ какимъ образомъ.

Александръ Львовичъ Давыдовъ, женатый на дочери герцога де-Грамонъ, былъ, какъ всѣмъ извѣстно, большой гастрономъ и охотникъ до устрицъ. Однажды, разговаривая съ командиромъ третьяго украинскаго уланскаго полка, полковникомъ Гревсомъ, коего полкъ стоялъ въ Новомиргородѣ, верстахъ въ шестидесяти отъ Каменки, онъ изъявилъ ему сожалѣніе, что не можетъ послать въ Крымъ за устрицами на курьерскихъ, прибавляя, что охотно заплатилъ бы прогоны. Гревсъ отвѣчалъ ему: „не горюйте, я вамъ доставлю человѣка, который съ казенной подорожною слетаетъ въ Крымъ. Вы ему дайте только прогоны и кой-что подарите, а меня попотчуйте устрицами съ шампанскимъ“. Давыдовъ съ радостью согласился. Гревсъ прислалъ къ нему Шервуда, коему Давыдовъ далъ прогоны, денегъ на покупку устрицъ и денегъ на водку: Шервудъ слеталъ въ Крымъ и возвратился въ Каменку съ устрицами.

Что-же касается до съѣздовъ Южнаго Общества, то они происходили два раза въ годъ: въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Каменкѣ, въ чигиринскомъ уѣздѣ, кіевской губерніи, и январѣ мѣсяцѣ въ Кіевѣ на контрактахъ, и члены Южнаго Общества съѣзжались на нихъ по возможности. Для явнаго доказательства, что *еженедѣльныхъ* съѣздовъ быть не могло, я назову здѣсь

членовъ Южнаго Общества по азбучному порядку и съ означеніемъ служебныхъ занятій ихъ. Кстати упомяну и о постигшей ихъ участи.

Аврамовъ [1]), Павелъ Васильевичъ, полковникъ и командиръ казанскаго пѣхотнаго полка; былъ сосланъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; впослѣдствіи поселенъ на рѣкѣ Ононѣ.

Аврамовъ, Иванъ Борисовичъ, поручикъ генеральнаго штаба во второй арміи. Сосланъ въ Читу; потомъ поселенъ въ Туруханскѣ, гдѣ отравленъ мѣстнымъ засѣдателемъ, желавшимъ овладѣть его небольшимъ капиталомъ.

Барятинскій, князь Александръ Петровичъ, лейбъ-гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ и адъютантъ главнокомандующаго второю арміею графа П. Х. Витгенштейна. Сосланъ въ Читу; потомъ въ Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ близъ Тобольска, и тамъ умеръ въ 1844 году.

Басаргинъ, Николай Васильевичъ, поручикъ лейбъ-егерскаго полка и старшій адъютантъ главнаго штаба второй арміи. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; впослѣдствіи поселенъ въ Ялуторовскѣ; женился на Ольгѣ Ивановнѣ Мендель; возвращенъ въ 1856 году [2]).

Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Павловичъ, подпоручикъ полтавскаго пѣхотнаго полка; повѣшенъ въ Петербургѣ 13 іюня 1826 года, двацати духъ лѣтъ отъ роду.

Бобрищевы-Пушкины, Павелъ Сергѣевичъ и Николай Сергѣевичъ, оба находились поручиками; генеральнаго штаба во второй арміи; оба сосланы были въ Читу потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселены близъ Тобольска. Возвращены по восшествіи на престолъ нынѣшняго государя [3]) прежде коронаціи, по болѣзненному своему состоянію [4]).

Булгари, графъ, поручикъ лейбъ-кирасирскаго полка, лишенъ правъ состоянія и сосланъ въ крѣпостную работу.

Бурцевъ, Иванъ Григорьевичъ, см. выше въ статьѣ о Майбородѣ.

Вадковскій, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, прапорщикъ нѣжинскаго конно-егерскаго полка, не задолго передъ тѣмъ переведенный въ этотъ полкъ изъ кавалергардскаго за стихи на Александра I. Сосланъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; поселенъ въ селѣ Айокѣ, въ тридцати верстахъ отъ Иркутска, и тамъ умеръ.

Волконскій, князь Сергій Григорьевичъ, генералъ-маіоръ и командиръ первой бригады девятнадцатой пѣхотной дивизіи. Сосланъ въ нерчинскіе рудники; потомъ въ Читу; потомъ въ Пе-

---

[1]) Печатая списки декабристовъ съ біографическими о нихъ данными, мы обращаемъ вниманіе читателей на то, что они составлены кн. П. Долгоруковымъ на основаніи опросовъ многихъ декабристовъ и провѣрены кн. С. Волконскимъ. Это придаетъ спискамъ кн. Долгорукова огромный интересъ и значеніе.

[2]) Скончался въ 1861 г. *Кн. Долгоруковъ.*

[3]) Т. е. императора Александра II.

[4]) О возвращеніи Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ имѣлъ благородство ходатайствовать тульскій губернскій предводитель дворянства Александръ Николаевичъ Арсеньевъ.
Кн. Долгоруковъ.

тровскій заводъ; поселенъ въ селѣ Урикѣ, въ девятнадцати верстахъ отъ Иркутска. Возвращенъ въ 1856 году. Супруга его Марія Николаевна, дочь знаменитаго генерала Раевскаго, сопровождала его всюду и была съ нимъ неразлучною.

Вольфъ, Фердинандъ Богдановичъ, штабъ-лѣкарь при главной квартирѣ второй арміи. Сосланъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; поселенъ въ селѣ Урикѣ, потомъ получилъ разрѣшеніе жить въ Иркутскѣ.

Враницкій, полковникъ квартирмейстерской части во второй арміи. Сосланъ, съ лишеніемъ правъ состоянія, въ Курганъ, гдѣ и умеръ.

Давыдовъ, Василій Львовичъ, бывшій лейбъ-гусаръ, полковникъ въ отставкѣ. Сосланъ въ нерчинскіе рудники; потомъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ Красноярскѣ, гдѣ умеръ въ 1855 году. Супруга его, Александра Ивановна Таринова, сопровождала его въ Сибирь и возвратилась оттуда лишь послѣ кончины мужа.

Загорѣцкій, Николай Васильевичъ, поручикъ квартирмейстерской части во второй арміи. Сосланъ былъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; поселенъ въ деревнѣ Бурейтѣ, близъ Александровскаго завода на рѣкѣ Ангарѣ. Просился ѣхать солдатомъ на Кавказъ, гдѣ храбростью выслужилъ офицерскій чинъ; уволенъ въ отставку и живетъ въ Тульской губерніи.

Заикинъ, подпоручикъ квартирмейстерской части во второй арміи. Лишенъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе.

Ивашевъ, Василій Петровичъ, отставной ротмистръ кавалергардскаго полка; бывшій адъютантъ главнокомандующаго второю арміей. Сосланъ въ Читу, куда пріѣхала Эмилія Петровна Ледантю, чтобы выйти за него замужъ; переведенъ потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ Туринскѣ, гдѣ и онъ, и супруга его скончались.

Корниловичъ, Александръ Осиповичъ, гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ, поступилъ въ общество весьма незадолго до 14-го декабря. Сосланъ въ Читу; тамъ, ночью схваченный жандармами, отвезенъ въ Шлиссельбургъ, безъ всякой на то извѣстной причины. Нѣсколько лѣтъ просидѣлъ въ Шлиссельбургской крѣпости, а потомъ выпущенъ былъ на свободу.

Крюковъ, Николай Александровичъ, отставной поручикъ квартирмейстерской части. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ Минусинскѣ; тамъ женился и умеръ.

Крюковъ, Александръ Александровичъ, младшій братъ предыдущаго, поручикъ кавалергардскаго полка и адъютантъ главнокомандующаго второю арміей. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; поселенъ въ Минусинскѣ; тамъ женился; возвращенъ въ 1856 году.

Лихаревъ, Владиміръ Николаевичъ, подпоручикъ квартирмейстерской части во второй арміи. Сосланъ въ Читу; потомъ поселенъ въ Курганѣ, откуда отпросился въ солдаты на Кавказъ, и на Кавказѣ умеръ. Былъ женатъ, и жена его въ Сибирь не поѣхала.

Лореръ, Николай Ивановичъ, маіоръ вятскаго пѣхотнаго полка. Сосланъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; переведенъ солдатомъ на Кавказъ; храбростью выслужился въ офицеры и уволенъ въ отставку.

Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй Ивановичъ, отставной подполковникъ. Приговоренъ къ каторгѣ, но сосланъ на поселеніе въ Якутскъ, откуда переведенъ въ Семипалатинскъ, гдѣ женился, и, наконецъ, въ Ялуторовскъ. Возвращенъ въ 1856 году; живетъ въ Твери.

Муравьевъ-Апостолъ, Сергѣй Ивановичъ, братъ предыдущаго, подполковникъ черниговскаго пѣхотнаго полка. Повѣшенъ въ Петербургѣ 13 іюня 1826 года.

Муравьевъ-Апостолъ, Ипполитъ Ивановичъ, младшій братъ двухъ предыдущихъ, прапорщикъ квартирмейстерской части; убитъ въ сраженіи подъ Устиновкою 9 января 1826 года.

Муравьевъ, Артамонъ Захарьевичъ, находясь въ Петербургѣ полковникомъ кавалергардскаго полка, былъ членомъ Сѣвернаго общества, а съ назначеніемъ своимъ полковымъ командиромъ ахтырскаго гусарскаго полка перешелъ въ Южное Общество. Сосланъ въ нерчинскіе рудники, потомъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ селѣ Большой Развозной, въ пятнадцати верстахъ отъ Иркутска, и тамъ умеръ. Жена его, Вѣра Алексѣевна Горяйнова, за нимъ въ Сибирь не поѣхала.

Норовъ, Василій Сергѣевичъ, отставной подполковникъ. Лишенъ правъ состоянія и сосланъ въ Бобруйскъ въ крѣпостную работу.

Пестель, Павелъ Ивановичъ, полковникъ и командиръ вятскаго пѣхотнаго полка. Повѣшенъ въ Петербургѣ 13 іюля 1826 года.

Повало-Швейковскій, Иванъ Семеновичъ, полковникъ и командиръ саратовскаго пѣхотнаго полка. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ Курганѣ, гдѣ умеръ.

Поджіо, Александръ Викторовичъ, отставной подполковникъ. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ селѣ Ускудѣ, на рѣкѣ Ангарѣ, въ двадцати-шести верстахъ отъ Иркутска; женился на одной изъ классныхъ дамъ дѣвичьяго института восточной Сибири. Возвращенъ въ 1856 году.

Поджіо, Іосифъ Викторовичъ, братъ предыдущаго, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ. Лишенный правъ состоянія, восемь лѣтъ просидѣлъ въ Шлиссельбургской крѣпости; потомъ отправленъ на поселеніе въ село Ускуду. Умеръ въ Иркутскѣ. Жена его въ Сибирь не поѣхала и вышла замужъ за князя Ал. Ив. Гагарина, того самого, который, находясь генералъ-губернаторомъ кутаисскимъ, убитъ былъ княземъ Дадишкиліаномъ.

Поливановъ, полковникъ въ отставкѣ, умеръ въ Петропавловской крѣпости во время слѣдствія.

Тизенгаузенъ, Василій Карловичъ, полковникъ и командиръ полтавскаго пѣхотнаго полка. Сосланъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ Ялуторовскѣ. Въ 1855 году, по ходатайству князя Ал. Аркад. Суворова, возвращенъ, и въ

самый день пріѣзда къ семейству, несчастный страдалецъ, съ радости пораженъ былъ умственнымъ разстройствомъ.

Фалленбергъ, Петръ Ивановичъ, подполковникъ и старшій адъютантъ главнаго штаба второй арміи по квартирмейстерской части. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петропавловскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ деревнѣ Шушѣ, въ Минусинскомъ уѣздѣ, Енисейской губерніи. Въ 1858 году не захотѣлъ возвратиться и остался въ Сибири. Жена его за нимъ въ Сибирь не поѣхала и вышла за другого.

Фохтъ, Иванъ Федоровичъ, штабсъ-капитанъ азовскаго пѣхотнаго полка. Лишенный правъ состоянія, поселенъ въ Курганѣ, гдѣ и умеръ.

Черкасовъ, баронъ Алексѣй Ивановичъ, поручикъ по квартирмейстерской части во второй части. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; затѣмъ поселенъ въ Курганѣ; переведенъ солдатомъ на Кавказъ, гдѣ выслужилъ офицерскій чинъ.

Юшневскій, Алексѣй Петровичъ, генералъ-интендантъ второй арміи. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ деревнѣ Малой Развозной въ трехъ верстахъ отъ Иркутска. Пріѣхавъ въ село Айоку на похороны своего друга Ѳ. Ѳ. Вадковскаго, Юшневскій, въ церкви, во время отпѣванія тѣла, внезапно упалъ мертвымъ. Схороненъ въ селѣ Большой Развозной, гдѣ на его могильномъ камнѣ вырѣзана любимая поговорка его: „мнѣ и здѣсь хорошо“. Супруга его Марія Казиміровна Кругликовская поѣхала за нимъ въ Сибирь. Задушевный другъ Пестеля, Юшневскій былъ человѣкомъ высокаго ума, благороднѣйшей души, энергическій и безкорыстный. Когда онъ впалъ въ несчастіе, правительство всѣми силами старалось отыскать какіе-нибудь безпорядки въ интендантскомъ управленіи второй арміи, и не нашло ничего, къ чему-бы могло привязаться. Столь строгою честностью отличался Юшневскій [1]).

---

[1]) Кромѣ Юшневскаго и Артамона Зах. Муравьева въ Большой Развозной схоронены оба брата Борисовы, Андрей Ивановичъ и Петръ Ивановичъ, которые были поселены въ деревнѣ Малой Развозной. По истинѣ трогательная судьба этихъ двухъ братьевъ, одаренныхъ замѣчательнымъ умомъ и прекраснѣйшими качествами. Андрей Ивановичъ помѣшался въ разсудкѣ: Петръ Ивановичъ ухаживалъ за нимъ и берегъ его; вдругъ, въ 1854 году, Петръ Ивановичъ заболѣлъ и умеръ; несчастный сумашедшій, при видѣ бездыханнаго трупа своего брата, зажегъ домъ и сгорѣлъ живой вмѣстѣ съ братнимъ трупомъ!

Деревня Малая Развозная находится въ 3 верстахъ отъ Иркутска на востокъ, по дорогѣ къ Байкалу. Тамъ былъ поселенъ нѣкоторое время Александръ Ивановичъ Якубовичъ, впослѣдствіи переведенной въ какую-то деревню на берегу Енисея, близъ нынѣшнихъ золотыхъ пріисковъ, гдѣ и умеръ.

Въ 12 верстахъ отъ деревни Малой Развозной, по той же дорогѣ къ Байкалу, находится село Большая Развозная, а еще въ 8 верстахъ далѣе Лосевскій хуторъ, на коемъ нѣкоторое время поселенъ былъ Николай Алексѣевичъ Пановъ.

Къ сѣверу отъ Иркутска, по подорогѣ въ Якутскъ, находится, въ 22 верстахъ отъ Иркутска, деревня Хомутовка, гдѣ нѣкоторое время поселены были Сутгофъ и и Андр. Андр. Быстрицкій. 8 верстъ далѣе, по Якутской же дорогѣ, село Айока, гдѣ схороненъ Ѳед. Ѳед. Вадковскій, и гдѣ нѣкоторое время поселенъ былъ кн. Серг. Петр. Трубецкой.

Въ 19 верстахъ отъ Иркутска, на сѣверо-западъ по дорогѣ къ Александровскому

Янтальцевъ, Андрей Васильевичъ, подполковникъ и командиръ 27-й конно-артиллерійской роты. Сосланъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; вслѣдъ затѣмъ поселенъ въ Березовѣ, наконецъ, переведенъ въ Ялуторовскъ. Супруга его Александра Васильевна Лисовская была съ нимъ въ Сибири.

заводу, лежитъ село Урикъ, гдѣ схороненъ былъ Никита Михайловичъ Муравьевъ, и гдѣ поселены были кн. Серг. Григ. Волконскій и Ф. Б. Вольфъ. Тамъ-же поселенъ былъ Мих. Серг. Лунинъ, который, написавъ записки свои на французскомъ языкѣ, отправилъ ихъ печатать въ Парижъ. Объ этомъ узнало русское посольство въ Парижѣ, подкупило типографщика, достало рукопись, и Лунинъ, въ ночь на страстной четвергъ 1841 года, былъ схваченъ и отвезенъ въ Акатуй, гдѣ умеръ. Въ ту самую ночь, когда схватили Лунина, Никита Муравьевъ, изъ предосторожности, сжегъ свои записки и свои комментаріи на Сводъ Законовъ. Отъ Урика до Хомутовой прямою дорогою 12 верстъ, а до Айоки прямою дорогою отъ Урика 16 верстъ.

Въ 7 верстахъ на западъ отъ Урика, на берегу Ангары, лежитъ село Ускуда, гдѣ нѣкоторое время поселены были Петръ Ал. Мухановъ (сперва находившійся на поселеніи въ Братскомъ острогѣ) и оба брата Поджіо. Далѣе по Ангарѣ къ сѣверу находится Тельминская суконная фабрика, гдѣ нѣкоторое время поселенъ былъ кн. Ал. Ив. Одоевскій, скоро переведенный въ Курганъ, гдѣ умеръ.

Въ Иркутскѣ схоронены: на православномъ кладбищѣ: Петръ Ал. Мухановъ и Ник. Алексѣевичъ Поповъ; на католическомъ кладбищѣ Іосифъ Викторъ. Поджіо: въ иркутскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая.

На Петровскомъ заводѣ схоронены: Ал. Сем. Пястовъ и Александра Григорьевна Муравьева, рожденная графиня Чернышева, супруга Никиты Муравьева. Надъ ея могилою выстроена часовня.

Въ Красноярскѣ схоронены Вас. Льв. Давыдовъ, Мих. Фотьевичъ Митьковъ и Мих. Матвѣевичъ Спиридовъ.

Въ Тобольскѣ схоронены Сем. Григ. Краснокутскій и Ал. Мих. Муравьевъ, умершій за нѣсколько дней до присылки бумаги о дозволеніи возвратиться.

Въ Курганѣ схоронены Ив. Сем. Повало-Швейковскій и Ив. Фед. Фохтъ. Въ Курганѣ же находились на поселеніи: Ал. Ѳед. фонъ-деръ-Бригенъ, Мих. Мих. Нарышкинъ, кн. Ал. Ив. Одоевскій, Петръ Ник. Свистуновъ и баронъ Алексѣй Ивановичъ Черкасовъ.

Въ Ялуторовскѣ схороненъ Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ: тамъ же находились на поселеніи: Ник. Вас. Басаргинъ, кн. Евг. Петр. Одоевскій (сперва поселенный въ деревнѣ Ятангѣ, за Байкаломъ). Ив. Ив. Пущинъ, Вас. Карловичъ Тизенгаузенъ, Ив. Дм. Якушкинъ, и Андр. Вас. Янтальцовъ (прежде бывшій на поселеніи въ Березовѣ).

Вас. Петр. Ивашевъ и супруга его схоронены въ Туринскѣ. Ив. Бор. Абрамовъ и Ник. Влад. Лисовскій схоронены въ Туруханскѣ, гдѣ были отравлены тамошнимъ засѣдателемъ. Ник. Ал. Бестужевъ и Конст. Петр. Торсонъ схоронены въ Селенгинскѣ.

Мозголевскій, Ник. Ал. Крюковъ и Алексѣй Ив. Тютчевъ схоронены въ Минусинскѣ.

Мих. Карловичъ Кюхельбекеръ схороненъ въ Баргузинѣ: Петръ Ѳед. Громницкій, въ деревнѣ Бѣльскѣ, иркутской губерніи; Сухиновъ на нерчинскихъ рудникахъ, гдѣ онъ удавился въ тюрьмѣ, ночью передъ тѣмъ днемъ, въ который его хотѣли провести сквозь строй за намѣреніе бѣжать; намѣреніе, принятое имъ вмѣстѣ съ другими каторжными (не изъ декабристовъ) и открытое начальству однимъ изъ участниковъ, наканунѣ самаго дня исполненія.

Мих. Ник. Глѣбовъ, другъ Рылѣева, поселенный въ какой-то деревнѣ за Байкаломъ, былъ отравленъ мужемъ своей любовницы, и тамъ схороненъ.

Ник. Петр. Рѣпина и Андреева везли на поселеніе въ Енисейскую губернію. Въ дорогѣ, ночью, разбойники зажгли избу, гдѣ они почевали, и оба сгорѣли.

Нѣкоторые декабристы не захотѣли возвратиться въ 1851 году, и остались въ Сибири, а именно: Мих. Ал. Бестужевъ—въ Селенгинскѣ, Влад. Ал. Бечасновъ—въ Иркутскѣ, Дм. Иринарх. Завалишинъ въ Читѣ, Петръ Ив. Фалленбергъ и Ал. Филипповичъ Фроловъ, бывшій на поселеніи вмѣстѣ съ Фалленбергомъ.

Кн. Долгоруковъ.

Прочитавъ этотъ списокъ, можно убѣдиться, что еженедѣльныхъ съѣздовъ въ Каменкѣ не было и быть не могло.

Село Каменка, въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, принадлежало Екатеринѣ Николаевнѣ Давыдовой, сестрѣ извѣстнаго екатерининскаго генералъ-прокурора графа Самойлова. Екатерина Николаевна была въ первомъ бракѣ за Раевскимъ и была матерью знаменитаго полководца Ник. Ник. Раевскаго. Овдовѣвъ, она вышла за Льва Денисовича Давыдова и была матерью Петра, Александра и Василія Львовичей Давыдовыхъ. Василій Львовичъ былъ однимъ изъ членовъ Южнаго общества. Ежегодно, къ 24 ноябрю, дню именинъ старушки Екатерины Николаевны, члены Южнаго Общества съѣзжались въ Каменку, гдѣ проводили нѣсколько дней; обѣдали ежедневно у Екатерины Николаевны, и вечеромъ собирались для своихъ бесѣдъ и переговоровъ, въ комнатахъ Василія Львовича, во флигелѣ, куда ни Шервудъ, и никто незванный не нашелъ бы никакой возможности доступа. Пробывъ нѣсколько дней въ Каменкѣ и обсудивъ свои дѣла, они отправляли одного изъ членовъ посломъ въ Москву и Петербургъ, для переговоровъ съ членами Сѣвернаго общества. Этотъ посолъ возвращался къ 15-му январю въ Кіевъ, куда, подъ предлогомъ веселиться на кіевскихъ контрактахъ, съѣзжались члены Южнаго общества.

Первое понятіе получилъ, или, правильнѣе говоря, впервые догадался Шервудъ о существованіи тайнаго общества, въ Харьковѣ, изъ неосторожнаго съ нимъ разговора графа Булгари, отца декабриста. Молодой Булгари, декабристъ, плѣненный возгласами Шервуда противъ правительства и въ пользу свободы, далъ ему письмо въ Курскъ къ Вадковскому, коего вышеупомянутая книжонка ошибочно называетъ артиллеристомъ. Въ декабристской исторіи замѣшано было двое Вадковскихъ. Одинъ, подпоручикъ 17-го егерскаго полка, весьма поверхностно слышалъ о заговорѣ и наказанъ лишь мѣсяцемъ крѣпости и переводомъ въ моздокскій гарнизонный баталіонъ. Другой, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вадковскій, къ коему Шервудъ имѣлъ письмо отъ Булгари, былъ человѣкъ молодой, замѣчательнаго ума, большой энергіи, отлично образованный. Онъ переведенъ былъ изъ кавалергардскаго полка, за стихи на...., тѣмъ же чиномъ въ нѣжинскій конноегерскій полкъ, стоявшій въ Курскѣ. Онъ сдѣлался немедленно членомъ Южнаго Тайнаго Общества и однимъ изъ заговорщиковъ самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ вліятельныхъ.

Къ нему то, Θедору Θедоровичу Вадковскому, явился Шервудъ съ письмомъ отъ графа Булгари. Ловкій, хитрый, вкрадчивый, Шервудъ представилъ себя гонимымъ судьбою, любителемъ свободы и готовымъ на все, чтобы произвести революцію. Онъ объяснилъ Вадковскому, что бывалъ въ Каменкѣ, умалчивая, что дѣло шло лишь о покупкѣ устрицъ въ Крыму, намекая на свои мнимыя сношенія съ главнѣйшими лицами заговора, и такъ ловко умѣлъ направлять рѣчи, что Вадковскій, не совсѣмъ ему высказываясь, имѣлъ однако неосторожность сообщить разныя подробности, о коихъ вовсе не слѣдовало говорить Шервуду: напримѣръ, онъ признался Шервуду, гдѣ находятся его важнѣйшія бумаги. Вадковскій былъ страстнымъ музыкантомъ и весьма хорошо игралъ на скрипкѣ. У него была отличная, дорогая скрипка, въ большомъ футлярѣ, въ коемъ сдѣланъ былъ потаенный ящикъ, и въ этомъ ящикѣ хранились его вѣрнѣйшія бумаги, его переписка и списокъ заговорщиковъ. Когда Вадковскаго арестовали, правительство, руководимое доносомъ Шервуда, овладѣло скрипкою и нашло тамъ всѣ эти бумаги, которыя много содѣйствовали розысканіямъ слѣдственной комиссіи.

По доносу Шервуда, Вадковскій былъ арестованъ въ самыхъ послѣднихъ дняхъ жизни Александра Павловича и отправленъ въ Шлиссельбургъ, откуда, тотчасъ послѣ 14-го декабря, перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость.

Заключеніе Вадковскаго въ Шлиссельбургскую крѣпость по именному повелѣнію Александра I подаетъ поводъ предполагать, что Александръ не далъ бы тайнымъ обществамъ: Южному, Сѣверному, Соединенныхъ Славянъ и Польскому, той гласности, которая дана имъ была Николаемъ, и вѣроятно главныхъ членовъ всѣхъ этихъ обществъ заключилъ бы въ Шлиссельбургскую крѣпость, куда при немъ иногда заключали людей на всю жизнь.

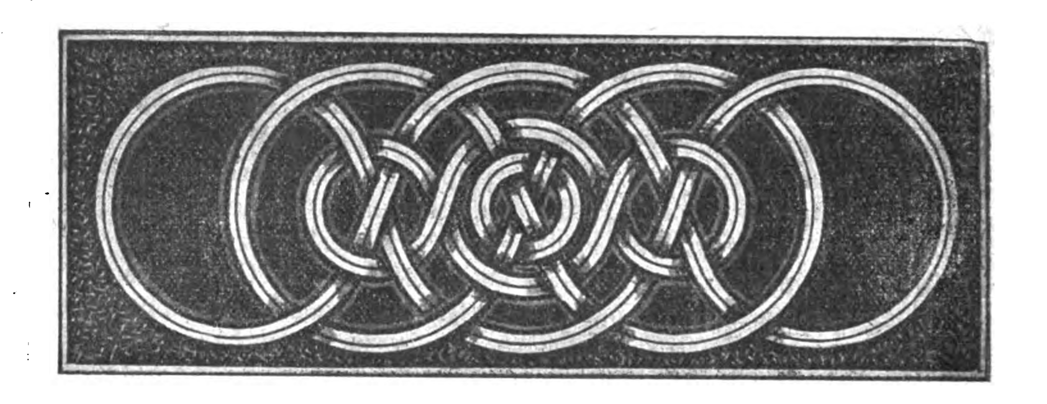
При Александрѣ I было много узниковъ въ Шлиссельбургѣ. Почти въ началѣ его царствованія тутъ былъ посаженъ Ярошинскій, рѣзко выразившій свои мнѣнія на дворянскихъ выборахъ въ Каменецъ-Подольской губерніи. Послѣ 1815 года въ Шлиссельбургъ же былъ заключенъ полковникъ Бокъ, за свои смѣлыя дѣйствія противъ остзейскаго генералъ-губернатора маркиза Паулуччи и за рѣзкія письма къ государю.

Возвратимся къ Шервуду. Императоръ Николай вызвалъ его въ Петербургъ; велѣлъ себѣ представить, пожаловалъ по-

ручикомъ лейбъ-драгунскаго полка, наградилъ значительною суммою денегъ и велѣлъ потомственно называться *Шервудомъ-вѣрнымъ*. Но его прозвали *Шервудомъ-сквернымъ*. Видя себя всѣми оттолкнутымъ, Шервудъ просилъ о переводѣ своемъ въ жандармскій корпусъ. Его опредѣлили по жандармской части въ Смоленскую губернію. Тамъ, вѣрный своему характеру, онъ продолжалъ играть роль доносчика. Въ Смоленскѣ жилъ старикъ Иванъ Борисовичъ Пестель, бывшій генералъ-губернаторъ Сибири и бывшій членъ государственнаго совѣта. Шервудъ донесъ, что у старика хранятся бумаги сына его Павла Ивановича и хранится копія Русской Правды. По доносу Шервуда, къ старику Пестелю нагрянула полиція; произведенъ былъ строжайскій обыскъ—ничего не найдено. Другіе доносы еще дѣланы были Шервудомъ—и оказались ложными. Правительство отчислило его отъ должности, и онъ, съ чиномъ полковника, былъ назначенъ состоять по жандармскому корпусу.

Возвратился Шервудъ въ Петербургъ въ концѣ 1833 г. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, богатый заводчикъ Баташовъ умеръ, оставивъ сыновей отъ перваго брака и малолѣтняго сына отъ второго брака съ своею крѣпостною женщиною. Сыновья отъ перваго брака старались уничтожить доказательства второго брака, чтобы лишить правъ на наслѣдство своего малолѣтняго единокровнаго брата, коего записали въ дворовые. Объ этомъ узналъ Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, который въ то время уже утратилъ свое прежнее вліяніе при дворѣ, но все еще, въ чинѣ генерала отъ инфантеріи и въ званіи генералъ-адъютанта, засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ и владѣлъ огромнымъ состояніемъ. Онъ принялъ молодого Баташова подъ свое покровительство, повелъ его дѣло и выигралъ, а между тѣмъ поселилъ молодого человѣка у себя въ домѣ, пріучилъ его вести большую игру: вмѣстѣ съ Шервудомъ поилъ его, опаивалъ, обыгрывалъ и заставлялъ подписывать векселя. Сдѣланъ былъ доносъ: произведено слѣдствіе: Балашовъ въ 1834 году уволенъ отъ службы, а Шервудъ посаженъ въ эту самую Петропавловскую крѣпость, въ которую, за девять лѣтъ предъ тѣмъ, столь многіе почтенные люди заключены были по его доносу...

Что потомъ стало съ Шервудомъ — никто не знаетъ.

На рубежѣ XIX вѣка.

ослѣ люневильскаго мира, по которому Австрія вышла изъ большой коалиціи, въ войнѣ съ Франціей, Испаніей и Голландіей оставались еще Англія, Неаполь и Португалія. Россія не заключила еще съ Франціей формальнаго мира. Чувствовалась всеобщая потребность въ мирѣ, такъ какъ страны, опустошенныя войной, хотѣли отдыха и такъ какъ выяснилось, наконецъ, что побѣдить Францію невозможно.

Неаполь вскорѣ заключилъ миръ въ виду того, что Бонапартъ приказалъ генералу Мюрату вступить въ эту страну и возстановить партенопейскую республику. Неаполитанскій дворъ, еще недавно чинившій жестокую расправу надъ республиканцами и еще преслѣдовавшій ихъ, обратился къ императору Павлу съ просьбой о заступничествѣ. Это заступничество увѣнчалось успѣхомъ и помѣшало республиканцамъ отмстить за нарушеніе капитуляціи 1799 г. 21 марта 1801 г. былъ заключенъ миръ во Флоренціи; по этому миру преслѣдованія республиканцевъ должны были прекратиться и неаполитанская гавань должна была оставаться закрытой для англичанъ. 1200 французовъ заняли Неаполь, правительство должно было содержать ихъ и сверхъ того платить ежемѣсячно 500,000 франковъ. Партенопейская республика не была возстановлена, такъ какъ основаніе новыхъ республикъ было уже не въ интересахъ Бонапарта. Это показало также и образованіе изъ тосканскаго великаго герцогства такъ называемаго королевства Этруріи. Но Бонапартъ теперь снова господствовалъ надъ Италіей: всѣ итальянскія государства были въ полной зависимости отъ Франціи.

Португалію принудили къ миру. Ея правительство испугали новымъ объявленіемъ войны, хотя война съ нею давно велась. Испанцы и французы вторгнулись въ Португалію и разогнали португальцевъ. 6 іюня 1801 между Испаніей и Португаліей былъ заключенъ миръ, по которому пограничный округъ Оливенца перешелъ къ Испаніи. Миръ между Португаліей и Франціей заключенъ былъ въ сентябрѣ въ Мадридѣ и португальскія гавани должны были до заключенія всеобщаго мира оставаться закрытыми для англійскихъ кораблей.

Замѣчательно, что отношенія между французской республикой и Россіей долго оставались хорошими. Преемникъ Павла, Александръ I, поддерживалъ дружественныя отношенія съ первымъ консуломъ; они поняли другъ друга. Конечно, уже тогда у нихъ была мысль, которую впослѣдствіи они пытались осуществить: раздѣлить между собою вліяніе въ Европѣ. Они тайно заключили мирный договоръ въ Парижѣ 6 октября 1801 г.; Франція вознаградила короля сардинскаго и вывела свои войска изъ Неаполя. Она признала курьезную республику Іоническихъ острововъ, состоявшую подъ покровительствомъ Россіи и Турціи и, наконецъ, Франція и Россія соединились, чтобы *общими силами регулировать вознагражденіе германскихъ и итальянскихъ государей.* Этотъ послѣдній пунктъ показывалъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находилась Германія.

Затѣмъ, и Англія заключила миръ послѣ того, какъ Питтъ втеченіе девяти лѣтъ велъ войну, чтобы уничтожить французскую республику, грабилъ и опустошалъ города и страны, захватывалъ флоты и колоніи. Благодаря расходамъ этой войны государственный долгъ Англіи возвысился съ 246 до 597 фунтовъ стерлинговъ. Крупные купцы, конечно, получили свою прибыль, но народъ, которому приходилось платить проценты по государственному долгу, только терпѣлъ отъ послѣдствій войны и радостно привѣтствовалъ миръ. Сверхъ того, война между Англіей и Франціей причинила большія потери въ людяхъ и судахъ. Такимъ образомъ, состоялся прелиминарный мирный договоръ въ Лондонѣ; окончательный миръ заключенъ 27 марта въ Амьенѣ. Англія возвратила всѣ свои завоеванія, въ томъ числѣ и Мальту обязалась возвратить мальтійскому ордену, и удержала за собой только острова Тринидадъ и Цейлонъ. Турція заключила миръ съ Франціей въ іюнѣ 1802 г. въ Парижѣ.

Этими мирными договорами закончились собственно революціонныя войны. Договоры эти не произвели значительныхъ измѣненій въ политической картѣ Европы, они большею частью лишь подтвердили тѣ измѣненія границъ, которыя совершились во время самыхъ войнъ.

Оставалось еще рѣшить такъ называемый германскій вопросъ о вознагражденіи. Германская имперія, столь пестрая и разрозненная, была избрана для печальной роли—дать вознагражденіе государямъ, потерявшимъ свои земли и подданныхъ вслѣдствіе революціонныхъ войнъ. И негерманскіе государи тоже должны были получить вознагражденіе изъ германскихъ земель, — точно

въ Германіи того времени населеніе жаждало еще чужеземныхъ государей, когда въ ней и своихъ было болѣе, чѣмъ достаточно, и когда, съ другой стороны, германская имперія казалась какой то безхозяйной землей. Имѣлась въ виду, главнымъ образомъ, секуляризація духовныхъ владѣній и медіатизація многихъ карликовыхъ государствъ, покрывавшихъ Германію въ видѣ вольныхъ имперскихъ городовъ.

Можно было бы думать, что конгрессъ германскихъ имперскихъ князей въ Регенсбургѣ, обыкновенно называемый регенсбургскимъ имперскимъ сеймомъ, устроитъ это дѣло, такъ какъ оно было ему передано. Имперскій сеймъ избралъ чрезвычайную имперскую депутацію изъ своей среды, состоявшую изъ представителей имперскихъ земель (Reichsständen): Баваріи, Богеміи, Бранденбурга, Вюртемберга, Гессенъ-Касселя, Майнца и великаго магистра нѣмецкаго ордена.

Но имперскому сейму и имперской депутаціи была отведена лишь призрачная роль, потому что измѣненія въ Германіи были рѣшены Франціей и Россіей. Первый консулъ и царь сами рѣшили, какія изъ самостоятельныхъ государствъ Германіи должны существовать и какія нѣтъ. И новое раздѣленіе Германіи вполнѣ соотвѣтствовало желаніямъ перваго консула и царя и ихъ фаворитовъ. На интересы же самой Германіи не было обращено ни малѣйшаго вниманія.

Къ тюльерійскому двору явились цѣлыя толпы такъ называемыхъ просителей земель, имперскихъ рыцарей, сенаторовъ имперскихъ городовъ и всевозможныхъ пословъ изъ Германіи, которые вымаливали клочки земель и третировались Бонапартомъ и его министромъ Талейраномъ очень высокомѣрно. Эти представители пагубной старинной нѣмецкой разрозненности не принесли чести своей родинѣ. Своеобразная судьба Германіи привела тогда къ тому, что разорванность и разношерстность могли быть уменьшены лишь благодаря иностранному вліянію; регенсбургскій сеймъ не достигъ бы и этого.

Какъ царь и первый консулъ относились къ имперскимъ князьямъ въ Регенсбургѣ, лучше всего видно изъ парижской ноты отъ 25 августа 1802 г., въ которой въ рѣзкихъ выраженіяхъ объявлялось, что имперскіе чины (Reichsstände) были не въ состояніи осуществить люневильскій мирный договоръ — что было вовсе не ихъ дѣло — и что поэтому Россія и Франція представили планъ, на основаніи котораго должны быть регулированы внутреннія дѣла Германіи. Имперскіе чины должны были уладить весь этотъ вопросъ втеченіе двухъ мѣсяцевъ и это — говорилось далѣе — тѣмъ болѣе возможно, что *воля его величества императора русскаго и перваго консула такова, чтобы въ постановленныхъ ими рѣшеніяхъ по вопросу о вознагражденіи не производилось никакихъ измѣненій.*

Такъ распоряжались двое иностранныхъ автократовъ германскими дѣлами и имперская депутація покорно исполнила ихъ волю. Впрочемъ, государи при первой возможности сами заняли земли, назначенныя имъ въ вознагражденіе, вооруженной рукой и главное постановленіе имперской депутаціи, состоявшееся 25 февраля

1802 г., отъ котораго обыкновенно производятъ эти измѣненія въ Германіи, лишь подтвердило совершившійся фактъ. Такимъ образомъ, главное постановленіе имперской депутаціи было, собственно говоря, лишь запоздалой комедіей.

На лѣвомъ берегу Рейна, перешедшемъ къ Франціи, исчезли курфюршества и епископства майнцское, кёльнское и трирское: они были секуляризированы. Нѣкоторые вольные имперскіе города здѣсь тоже потеряли свою самостоятельность. На правомъ берегу Рейна осталось лишь шесть вольныхъ имперскихъ городовъ, именно: Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Нюрнбергъ и Аугсбургъ. Всѣ остальные имперскіе города были медіатизированы и ихъ территоріи, вмѣстѣ съ духовными владѣніями, употреблены на вознагражденіе государей. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь конфискацію церковныхъ имуществъ,— какъ и во Франціи во время революціи, съ тою разницею однако, что во Франціи эти имущества были конфискованы въ пользу націи, въ Германіи же въ пользу владѣтельныхъ особъ,—именно, въ пользу тѣхъ лицъ, которыя подняли такой вопль по поводу конфискаціи церковныхъ имуществъ во Франціи и выставили ее причиной войны съ Франціей.

Наибольшее вознагражденіе получила Пруссія, чему можетъ быть, не мало способствовали ея мирныя отношенія съ Франціей за послѣдніе годы. Она получила области: Падерборнъ, Гильдесгеймъ, Мюнстеръ, Эссенъ, Ферденъ, Эрфуртъ, Кведлинбургъ, Мюльга́узенъ, Госларъ и Нордга́узенъ — въ общемъ, около 240 квадратныхъ миль, тогда какъ потеряла она на лѣвомъ берегу Рейна всего 46 квадратныхъ миль. Баденъ получилъ Пфальцъ, Констанцъ и нѣкоторыя части епископствъ; Вюртембергъ получилъ нѣсколько имперскихъ городовъ и церковныхъ владѣній; Баварія же — области: Вюрцбургъ, Бамбергъ и Фрейзингъ. Курфюрстъ Майнцскій получилъ Регенсбургскую область, Ашаффенбургъ и Ветцларъ. Вюртембрегъ, Баденъ и Гессенъ-Кассель стали свѣтскими курфюршествами; новыхъ церковныхъ курфюршествъ не было создано. Затѣмъ, бывшее епископство Зальцбургское было дано прежнему великому герцогу тосканскому; герцогъ моденскій получилъ Брейсгау. Наконецъ, бывшій генералъ-штаттгалтеръ голландскій получилъ секуляризованное епископство Фульду.

Такъ раздѣлили Германію царь и первый консулъ. Они уменьшили историческую раздробленность, сдѣлавшую Германію предметомъ насмѣшекъ Европы; но они всетаки оставили ее въ достаточной степени для того, чтобы Германія была слабой и безпомощной.

На этой слабости Германіи первый консулъ и царь основывáли завоевательные планы, занимавшіе ихъ. Что царь могъ регулировать новое распредѣленіе Германіи по своему усмотрѣнію, это было однимъ изъ первыхъ плодовъ раздѣла Польши, въ которомъ такъ много повинны Пруссія и Австрія.

Честолюбіе Бонапарта гнало его все дальше и дальше впередъ. Его фактическая власть не удовлетворяла его, онъ хотѣлъ окружить себя и внѣшнимъ блескомъ. Общественное мнѣніе, встревоженное конкордатомъ и почетнымъ легіономъ, онъ успокоилъ до нѣкоторой степени, повелѣвъ ученымъ составить гражданскій кодексъ. „Единственно полезная и нужная свободная конституція есть хорошій гражданскій кодексъ", сказалъ онъ однажды. Бонапартъ позаботился также о просвѣщеніи, основавъ политехническій институтъ. Проведеніе каналовъ и дорогъ, сооруженіе мостовъ, основаніе естественныхъ и художественныхъ музеевъ нравилось французамъ.

Обладая государственной властью, Бонапартъ, хотя у него и не было непосредственныхъ наслѣдниковъ, хотѣлъ прикрѣпить ее къ себѣ. Камбасересъ уже давно зондировалъ среди вліятельныхъ политиковъ и теперь сенату дано было понять, что слѣдуетъ представить первому консулу новое доказательство національной признательности. Сенатъ продлилъ консульство Бонапарта на десять лѣтъ, такъ какъ пожизненное занятіе должности, чего хотѣлъ Бонапартъ, онъ не могъ считать согласнымъ съ конституціею.

Но Бонапартъ остался недоволенъ этимъ доказательствомъ національной признательности; онъ безусловно не желалъ подвергаться случайностямъ выборовъ на мѣсто главы государства. Оскорбленный, онъ хотѣлъ уже отклонить постановленіе сената, какъ Камбасересъ сдѣлалъ предложеніе, которое показалось ему подходящимъ. По предложенію Камбасереса, Бонапартъ принялъ назначеніе его первымъ консуломъ на десять лѣтъ, но съ условіемъ, чтобы этотъ вопросъ былъ переданъ на народное рѣшеніе. Государственный совѣтъ назначилъ народное голосованіе, но поставилъ вопросъ такъ, что народъ долженъ былъ рѣшить, быть ли Бонапарту *пожизненнымъ* консуломъ? Этотъ фокусъ, въ которомъ насиліе было такъ же мало прикрыто, какъ и коварство, былъ выполненъ посредствомъ яко-бы демократической комедіи плебесцита. Народъ, чувствовавшій себя спокойнѣе при консульствѣ, чѣмъ раньше, рѣшилъ въ пользу Бонапарта: изъ 3.577,259 гражданъ, участвовавшихъ въ голосованіи, 3.568,885 высказались за пожизненное консульство. Тогда сенатъ, сожалѣвшій, что не угадалъ желаній Бонапарта, исправилъ свой поступокъ и принялъ такое постановленіе.

„Французскій народъ назначаетъ и сенатъ объявляетъ Наполеона Бонапарта пожизненнымъ консуломъ. Статуя мира съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной рукѣ и декретомъ сената въ другой будетъ свидѣтельствовать передъ потомствомъ о признательности націи. Сенатъ представитъ первому консулу выраженіе довѣрія, любви и изумленія французскаго народа".

Когда Бонапартъ достигъ такого увеличенія своей власти, думали, что онъ на нѣкоторое время успокоится. Но ошибочность такого мнѣнія не замедлила обнаружиться: Бонапартъ замѣнилъ конституцію VIII года конституціей X года, въ которой уничтожилъ почти всѣ конституціонныя ограниченія своей власти, при-

близивъ свое положеніе и по формѣ къ абсолютизму, какимъ оно уже давно было по существу.

Изобрѣтенные Сіейесомъ списки нотаблей Бонапартъ уничтожилъ. Ихъ мѣсто заняли теперь пожизненныя избирательныя коллегіи, что называли возстановленіемъ избирательнаго права, такъ какъ избирательныя коллегіи назначались на основаніи общаго списка гражданъ. Народу казалось совершенно безразличнымъ, есть ли это избирательное право, или нѣтъ. Раболѣпный сенатъ былъ увеличенъ 40 членами и имѣлъ теперь право измѣнять конституцію посредствомъ такъ называемыхъ органическихъ постановленій сената; онъ могъ также распускать законодательный корпусъ и трибунатъ. Трибунатъ же, время отъ времени позволявшій себѣ противодѣйствовать деспотизму Бонапарта, былъ сведенъ до 50 членовъ и его засѣданія стали закрытыми.

Всѣ консулы назначены были пожизненно; первый консулъ получилъ еще право помилованія, тогда какъ сенатъ могъ отмѣнять приговоры судовъ, если находилъ ихъ вредными для государства.

Первый консулъ могъ по своему усмотрѣнію объявлять войну и заключать миръ. Затѣмъ онъ могъ назначить себѣ преемника, чѣмъ была возстановлена наслѣдственность высшей власти въ государствѣ. Теперь Бонапартъ держалъ себя уже какъ неограниченный монархъ и велѣлъ чеканить монету со своимъ изображеніемъ и надписью: *„Наполеонъ Бонапартъ, первый консулъ"*.

Можно было бы думать, что „человѣкъ съ нѣкоторымъ талантомъ и небольшимъ честолюбіемъ", какъ характеризовалъ себя Бонапартъ, удовлетворится столь необычайно-властнымъ положеніемъ. Путемъ преступленія противъ конституціи, путемъ государственнаго преступленія сталъ онъ во главѣ государства; но все-таки передъ нимъ была прекрасная и оригинальная роль, если бы онъ удовлетворенія своего честолюбія искалъ въ счастьѣ Франціи. Онъ могъ сдѣлать великое дѣло не только для Франціи, но и для всей Европы, для всего человѣчества, если бы онъ создалъ установленія, которыя могли бы служить основой свободнаго и народнаго государства. Но насколько блестящъ былъ его геній, настолько же мелка была его душа. Онъ искалъ удовлетворенія лишь въ безпрестанномъ увеличеніи блеска своей власти, которую онъ довелъ почти до азіатскаго деспотизма. Мыслителей и философовъ онъ съ презрѣніемъ называлъ *„идеологами"*. Народъ подъ его владычествомъ оставался приблизительно въ столь же печальномъ положеніи, какъ и раньше, но онъ съумѣлъ занять массу своими войнами. Кого не поглощала война, тѣхъ занималъ онъ предпринятыми имъ общественными сооруженіями. Ни одного имени во Франціи не слышно было уже рядомъ съ его именемъ и правленіе его вскорѣ стало столь же абсолютнымъ, какъ и правленіе Людовика XIV.

На прекрасномъ островѣ Гаити или Санъ-Доминго, послѣ ожесточенной борьбы между черными, цвѣтными и бѣлыми, при участіи французовъ и англичанъ, постепенно образовалась негрская республика, во главѣ которой стоялъ негръ Туссэнъ ля-Увертюръ,

пользовавшійся сильной диктаторской властью. Этотъ Туссэнъ, человѣкъ умный и энергичный, возвысившійся до своей властной роли изъ низкаго положенія раба, подражалъ во многихъ отношеніяхъ консулу Бонапарту, что, можетъ быть, не особенно нравилось этому послѣднему. Негры боготворили Туссэна, какъ освободителя ихъ расы.

Бонапартъ съ самаго же начала былъ недоволенъ диктатурой Туссэна, но ничего не предпринималъ противъ него до начала мирныхъ переговоровъ съ Англіей. Тогда, когда море снова стало свободнымъ, онъ бросилъ жадные взоры на этотъ островъ. Франція никогда формально не признавала независимости Гаити и на этомъ Бонапартъ обосновалъ свое предпріятіе. Сенатъ долженъ былъ объявить, что цвѣтомъ кожи природа установила различіе между людьми и что черные не могутъ имѣть тѣхъ правъ, какія имѣютъ бѣлые. Этой безсмыслицей хотѣли оправдать насильственную политику Бонапарта.

Туссэнъ, употреблявшій всѣ усилія, чтобы остаться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціей и оказавшій ей раньше большую услугу своей борьбой съ англичанами, не хотѣлъ подчиниться рѣшенію Бонапарта, по которому островъ Гаити изъ самостоятельнаго государства превращался въ колонію Франціи. Бонапартъ рѣшилъ занять островъ оружіемъ.

Во французскихъ гаваняхъ западнаго берега адмиралъ Вилляре-Жуайезъ собралъ сильную эскадру, которая съ 25,000 солдатъ отплыла къ Гаити. Начальствованіе надъ этой арміей поручено было молодому генералу Леклеру, отличившемуся во время походовъ въ Германіи, а также 18 брюмэра и женатому на сестрѣ Бонапарта, легкомысленной Полинѣ.

Однако покорить островъ оказалось не такъ легко, какъ полагали въ Парижѣ. Туссэнъ ля-Увертюръ и предводители негровъ: Якобъ Дессалинъ и Генрихъ Кристофъ защищали свою родину отъ французовъ съ большой храбростью. Въ открытомъ полѣ они часто должны были отступать передъ преобладавшей силою французовъ, но побѣдить ихъ было невозможно и они вели кровавую партизанскую войну со своими врагами. Французы сильно страдали отъ климата Гаити и Леклеръ понялъ, что въ открытой борьбѣ онъ не достигнетъ своей цѣли. Поэтому онъ пустилъ въ ходъ всѣ постыдныя средства подкупа и обмана и, дѣйствительно, ему удалось устроить такъ, что остальные вожди негровъ оставили Туссэна. Когда Туссэнъ увидѣлъ, что дальнѣйшее сопротивленіе французамъ невозможно, онъ заключилъ съ Леклеромъ капитуляцію, состоявшуюся въ маѣ 1802 г. Туссэнъ покорился и призналъ верховную власть Франціи, причемъ ему были оставлены его имѣнія, чинъ генерала и свобода. Затѣмъ, Туссэнъ спокойно жилъ въ своемъ имѣніи Эннэри, не прекращая сношеній съ неграми. Но французы считали его слишкомъ опаснымъ для того, чтобы оставить его на свободѣ, и рѣшили погубить его. Обманомъ преданъ былъ предводитель негровъ въ руки французовъ. Леклеръ пригласилъ его на свиданіе подъ предлогомъ, будто онъ желаетъ узнать, какія мѣстности Гаити болѣе

здоровы. Не подозрѣвая ничего дурного, Туссэнъ принялъ предложеніе и, такъ какъ онъ былъ нѣсколько тщеславенъ, то отправился даже съ удовольствіемъ. „Бѣлые все-таки не обойдутся безъ стараго чернаго Туссэна“, говорилъ онъ. Съ нѣсколькими неграми онъ прибылъ на мѣсто свиданія. Леклеръ сейчасъ же велѣлъ сильному отряду французскихъ солдатъ напасть на Туссэна, обезоружить его и доставить на бортъ приготовленнаго къ отправкѣ судна, которое затѣмъ отплыло съ плѣнникомъ во Францію.

Туссэнъ зналъ, что онъ погибъ, и переносилъ тяжелый ударъ съ величественнымъ презрѣніемъ къ постыдному поведенію французовъ. Когда его доставили на корабль, онъ сказалъ: *„Со мною палъ лишь стволъ дерева свободы черныхъ. Но корни остались: они дадутъ новые побѣги, потому что они глубоки и многочисленны“*.

Бонапартъ велѣлъ заключить плѣннаго негрскаго генерала безъ всякаго суда и слѣдствія въ глубокіе и страшные казематы форта Жу, въ которыхъ сидѣлъ нѣкогда Мирабо. Такъ возобновилъ Бонапартъ деспотизмъ стараго строя. Съ Туссэномъ обращались крайне сурово и буквально замучили его. 5-го апрѣля 1803 г. смерть избавила его отъ мучителей.

Французы старались оправдать это постыдное дѣло, приписывая Туссэну письмо, въ которомъ говорилось о предстоящемъ возстаніи негровъ. Но негровъ—поступокъ съ Туссеномъ привелъ въ ярость: образовался сильный заговоръ, и когда стало извѣстнымъ, что французы на нѣкоторыхъ Антильскихъ островахъ снова ввели рабство, вспыхнуло въ 1803 г. предсказанное Туссэномъ возстаніе негровъ. Французы, страшно страдавшіе отъ желтой лихорадки, увидѣли, что всѣ цвѣтные возстали противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и въ начавшейся затѣмъ кровопролитной партизанской войнѣ не могли уже управиться съ неграми. Леклеръ самъ умеръ отъ желтой лихорадки и остатки французскаго войска должны были оставить Гаити, послѣ чего жестокій Дессалинъ, предводитель негровъ, объявившій себя впослѣдствіи императоромъ Гаити, устроилъ всеобщее избіеніе бѣлыхъ.

Такъ Франція навсегда потеряла этотъ прекрасный островъ, и предательское насиліе надъ Туссэномъ ля-Увертюромъ дорого обошлось французамъ.

Директорія, къ которой послѣ изгнанія русскихъ и австрійцевъ перешло управленіе Швейцаріей по конституціи 1798 г., состояла, послѣ выхода изъ нея базельскаго демократа Петра Окса, изъ Лагарна, Оберлина, Секретана, Дольдера и Савари. Первые трое были республиканцы по убѣжденію, Дольдеръ же и Савари были сторонниками Бонапарта. Они хотѣли преобразовать Швейцарію по образцу консульскаго правленія во Франціи. 7-го января 1800 г. они произвели свое восемьнадцатое брюмэра; трое республиканскихъ директоровъ были насильственно устранены отъ должности и мѣсто директоріи занялъ исполнительный совѣтъ изъ семи членовъ, что было одобрено Бонапартомъ. Ничего не имѣлъ онъ также и про-

тивъ уничтоженія обѣихъ палатъ, служившихъ по конституціи 1798 г. швейцарскимъ народнымъ представительствомъ. Савари и Дольдеръ опирались при этомъ на французское оружіе и думали, что устранены всѣ препятствія, мѣшавшія введенію въ Швейцаріи консульской конституціи. Но въ самомъ исполнительномъ совѣтѣ возникъ большой разладъ, потому что трое изъ членовъ ея, хотя и были противниками конституціи 1798 г., но хотѣли возстановить старое кантональное устройство Швейцаріи. Составлено было нѣсколько проектовъ новой конституціи Гельвеціи, но всѣ они были отвергнуты, чему много содѣйствовало вліяніе Бонапарта. Швейцарія находилась въ состояніи крайней неурядицы и неизвѣстно было, какимъ способомъ установить порядокъ.

Такое положеніе, очевидно, было желательно Бонапарту и теперь онъ вмѣшался въ швейцарскія дѣла. Онъ хотѣлъ организовать Швейцарію не какъ цѣльное, а какъ федералистическое государство, чтобы легче сломить ея самостоятельность. Сторонники Франціи снова произвели въ Бернѣ государственный переворотъ и установили временный сенатъ изъ 28 членовъ, который взялъ правленіе въ свои руки.

Въ 1802 г. изъ Парижа прислана была для Швейцаріи конституція, составленная Бонапартомъ и бывшая вполнѣ федералистической. Кантоны снова получали верховную власть; возстановленъ также старый сеймъ, президентъ котораго, съ титуломъ ландаманна, долженъ бы являться до нѣкоторой степени центральной властью. Сенатъ принялъ эту конституцію и обнародовалъ ее. Но швейцарцы не хотѣли и слышать о ней и, когда, вслѣдствіе всеобщаго мира, французскія войска оставили Швейцарію, взялись за оружіе. Бернское правительство должно было бѣжать въ Лозанну. Распря стала всеобщей, потому что и сторонники единства созвали въ Бернѣ собраніе нотаблей и объявили конституцію 1802 года уничтоженной, чтобы замѣнить ее новой по образцу 1798 года Противъ этого опять поднялись сторонники конституціи 1802 года и среди этой всеобщей неурядицы Бонапартъ, котораго просили о вмѣшательствѣ обѣ партіи, объявилъ себя «посредникомъ» въ Швейцаріи. Въ своей прокламаціи онъ упрекалъ швейцарцевъ, что они немогутъ установить порядокъ, — а между тѣмъ онъ самъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы увеличить безпорядокъ. Онъ объявилъ, что вмѣшательство его необходимо. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ созвалъ въ Парижѣ собраніе нотаблей, которые должны были выработать тамъ новую конституцію. Но такъ какъ въ Швейцаріи все еще было сильное противодѣйствіе стремленіямъ Бонапарта осчастливить эту страну, то въ нее вступила французская армія изъ 40,000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Нэя, которая подавила здѣсь всякое сопротивленіе. Швейцарецъ Алонсъ Редингъ, предводитель возстанія въ пользу возстановленія стараго кантональнаго строя, былъ захваченъ и посаженъ въ тюрьму въ Ааргау.

Въ Парижѣ была составлена новая конституція, которая получила названіе посредническаго акта. Она была объявлена 11

февраля 1803 г. и введена назначенной Бонапартомъ комиссіей изъ семи членовъ. Эта конституція признавала Бонапарта покровителемъ Швейцаріи. Затѣмъ онъ составилъ новыя учрежденія по своему вкусу, причемъ особенное предпочтеніе было оказано патриціямъ.

По новой конституціи, которою подъ давленіемъ военной силы Бонапарта была осчастливлена Швейцарія, страна эта состояла изъ 19 кантоновъ. Кантоны эти были слѣдующіе: Ааргау, Аппенцель, Базель, Фрейбургъ, Гларусъ, Леманъ (Ваадтъ), Люцернъ, Реція (Граубюнденъ), Шаффгаузенъ, Швицъ, Золотурнъ, Сенъ-Галленъ, Тессинъ, Тургау, Унтервальденъ, Ури, Цюрихъ и Цугъ. Аристократическо-демократическая конституція объединяла эти кантоны общимъ сеймомъ (Tagsatzung), на который каждый кантонъ посылалъ одного представителя. Сеймъ, составлявшій общее правительство Швейцаріи, засѣдалъ ежегодно по очереди въ Базелѣ, Бернѣ, Фрейбургѣ, Люцернѣ, Золотурнѣ и Цюрихѣ и бюргермейстеръ того города, кантонъ котораго былъ въ данномъ году на очереди, являлся въ качествѣ ландаманна главой центральнаго правительства.

Швейцарія должна была заключить съ Бонапартомъ договоръ, по которому она обязалась давать 16,000 человѣкъ въ войско Бонапарта и покупать у Франціи ежегодно 20,000 центнеровъ соли.

Такимъ образомъ, Швейцарія осталась федеративной республикой лишь потому, что всемогущій покровитель ея въ Парижѣ полагалъ, что федералистическая Швейцарія будетъ слабѣе централизованной, и онъ, конечно, не ошибся.

Конституція 1803 г. не содержала ничего особенно прогресивнаго. Сохраненіе же ея было достаточно обезпечено штыками Бонапарта.

Въ Англіи была партія, которая лишь противъ воли мирилась съ прекращеніемъ войны съ Франціей, хотя Англію эта война ввергла въ настоящую бездну долговъ. Это была партія Питта и его товарищей, которые надѣялись образовать съ помощью англійскихъ денегъ новую коалицію. Англійская политика съ ея алчностью и коварствомъ принесла гораздо большій вредъ мирнымъ интересамъ Европы, чѣмъ честолюбіе Бонапарта. Нарушивъ амьенскій миръ, Англія прежде всего вызвала начавшійся теперь рядъ страшныхъ войнъ, которыя опустошили Европу до 1815 г.

Первый консулъ не затруднилъ англичанамъ нарушенія амьенскаго мира. Онъ сталъ теперь полнымъ самодержцемъ и пріобрѣлъ все высокомѣріе, а также и всю чувствительность, свойственную человѣку въ этомъ положеніи. Онъ получилъ теперь цивильный листъ въ шесть милліоновъ. Чѣмъ больше приближался онъ къ монархіи, тѣмъ больше оскорбляло его всякое противорѣчіе. Насмѣшки и издѣвательства надъ первымъ консуломъ, ежедневно появлявшіяся въ англійской прессѣ, вызывали гнѣвъ властелина, что было довольно мелочно. Онъ предъявлялъ жалобы англійскому правительству на нападки прессы и на заговоры эмигрантовъ и, такъ какъ онъ не могъ получить удовлетворенія, какое ему казалось нужнымъ, то вскорѣ снова установились натянутыя отношенія между обѣими державами.

Чтобы вызвать новую войну, Англія совершила постыдное и ничѣмъ неоправдываемое нарушеніе своего обязательства. По амьенскому договору Англія торжественно обязалась возвратить о. Мальту, но не сдѣлала этого. Англія удержала Мальту и на всѣ настоянія Бонапарта отвѣчала пустыми увертками. Она ссылалась на поведеніе Бонапарта относительно Швейцаріи, на докладъ генерала Себастіани и на иныя обстоятельства, которыя нисколько не могли измѣнить того факта, что удержаніе Мальты являлось нарушеніемъ договора и мира. Бонапартъ требовалъ соблюденія *„всего амьенскаго договора"*.

Очевидно, онъ искренно желалъ тогда мира, потому что онъ хотѣлъ еще больше упрочить свое владычество внутри страны. Поэтому онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы уладить конфликтъ относительно Мальты мирнымъ путемъ. Онъ хотѣлъ вывести свои войска изъ Швейцаріи и Голландіи, хотѣлъ дать Англіи, вмѣсто Мальты, иной островъ—все было напрасно. Англійская алчность желала войны и война поэтому была неизбѣжной.

Что Бонапартъ былъ раздраженъ, это вполнѣ понятно. Когда онъ узналъ, что Англія снова вооружается, онъ обратился съ жесткими словами къ англійскому послу Уайтворту (Whitworth) на одномъ собраніи въ Тюльери 13 марта 1803 г.

— Такъ вы хотите войны?

— Нѣтъ, отвѣтилъ англійскій дипломатъ.

— Нѣтъ, сказалъ Бонапартъ, — мы пятнадцать лѣтъ воевали другъ съ другомъ,—вы хотите воевать еще пятнадцать лѣтъ и хотите принудить меня къ войнѣ. „Англичане", обратился Бонапартъ къ посламъ другихъ державъ, „хотятъ войны; но если они первые обнажатъ мечъ, то я буду послѣднимъ, который вложитъ его снова въ ножны". Затѣмъ, онъ опять обратился къ англійскимъ посламъ: „Къ чему эти вооруженія? Противъ кого принимаются всѣ эти мѣры предосторожности? У меня нѣтъ ни одного линейнаго корабля во всѣхъ французскихъ гаваняхъ, но если вы вооружаетесь, то стану вооружаться и я; если вы готовитесь къ войнѣ, то приготовлюсь и я; вы можете разрушить Францію, но не устрашить ее".

Англійскій посолъ далъ на это лицемѣрный отвѣтъ:

— Мы не хотимъ ни того, ни другого; мы хотимъ жить въ добромъ согласіи съ Франціей.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Бонапартъ, — вы должны соблюдать трактаты. *Горе тѣмъ, которые позволяютъ себѣ нарушать ихъ; они отвѣтственны за это передъ всей Европой.*

Первый консулъ былъ здѣсь безусловно правъ; но англійская наглость еще никогда не заботилась о томъ, на чьей сторонѣ право. Нарушеніе амьенскаго мира было очевиднымъ; но столь же очевидной была и вздорность тѣхъ предлоговъ, которыми англійская дипломатія старалась прикрыть свою безсовѣстность и жадность.

Послѣ нѣсколькихъ призрачныхъ попытокъ рѣшить вопросъ мирно, англійскій посолъ уѣхалъ изъ Парижа и 18 марта 1803 г. Англія объявила войну Франціи.

Сейчасъ же началось обычное грабительство Англіи, обнаруживая истинный характеръ англійской политики. Еще раньше, чѣмъ объявленіе войны стало извѣстнымъ, англійскіе крейсеры уже начали охоту на французскіе торговые и транспортные корабли. Въ отвѣтъ на это Бонапартъ велѣлъ считать военноплѣнными и задержать всѣхъ англичанъ, живущихъ или путешествующихъ во Франціи. Распоряженіе Бонапарта вызвало много шума въ Англіи и дружественныхъ ей странахъ, такъ что даже Камбасересъ совѣтовалъ отмѣнить это мѣропріятіе. Изъ англичанъ задержаны были лишь тѣ, которые принадлежали къ англійской милиціи, и путешествовали по порученію своего правительства. Они даже не были заключены въ тюрьмы, а только помѣщены на честное слово во французскихъ крѣпостяхъ.

Изъ этого можно видѣть, какъ безтолково часто бываетъ общественное мнѣніе; въ данномъ случаѣ оно приняло сторону Англіи, коварное поведеніе которой должно было бы вызвать всеобщее возмущеніе, если бы общественное мнѣніе было справедливымъ.

Бонапартъ былъ до крайности раздраженъ поведеніемъ Англіи и задумалъ теперь серьезное нападеніе на Британскія острова. О побѣдѣ англійскаго флота въ открытомъ морѣ послѣ опытовъ при Сенъ-Винцентѣ и Абукирѣ и думать было невозможно; закрыть для англійской торговли европейскій материкъ, для этого Бонапартъ не имѣлъ достаточно силы; такимъ образомъ онъ рѣшилъ уничтожить страшнѣйшаго врага Франціи въ его же собственномъ жилищѣ.

Этотъ планъ представлялъ большія трудности; надо было ожидать отчаяннаго сопротивленія англичанъ; надо было также разсчитывать, что преобладающій англійскій флотъ поставитъ величайшія и опаснѣйшія препятствія французской арміи при переправѣ черезъ каналъ. Но если бы Англія была завоевана, что пришлось бы сдѣлать съ этой страной, которая навѣрное никогда не подчинилась бы вполнѣ французамъ и навсегда осталась бы источникомъ новыхъ смутъ, заговоровъ и возстаній?

Но Бонапартъ думалъ, что его энергія можетъ преодолѣть всѣ трудности и составилъ грандіозный планъ высадки въ Англію. Этотъ проектъ, выполнявшійся совершенно открыто, былъ очень популяренъ во Франціи, такъ какъ французамъ пріятно было бы, еслибы удалось проучить англичанъ за ихъ враждебное отношеніе къ французской республикѣ. Добровольно собраны были значительныя денежныя средства для покрытія расходовъ экспедиціи и итальянскія республики по собственному почину дали четыре милліона для снаряженія кораблей.

Близъ Булони, откуда должна быть отправиться экспедиція въ Англію, устроенъ былъ огромный лагерь, тянувшійся на нѣсколько часовъ пути вдоль морского берега. Здѣсь предполагалось собрать 150,000 челов., 10,000 лошадей и 400 орудій; 2,000 транспортныхъ кораблей должны были перевезти эту армію въ Англію. Работы велись съ чрезвычайнымъ усердіемъ. Устраивали особые шанцы для прикрытія лагеря отъ безпрестанныхъ нападеній англійской

эскадры: предпринята была постройка огромной гавани, сборнаго пункта для флота. Придуманы были новыя суда для перевозки войска, лошадей и баттарей.

Адмиралы Декрэ и Брюи руководили этими приготовленіями къ высадкѣ, которыя вскорѣ приняли такіе размѣры, что морской берегъ у Булони былъ покрытъ настоящими военными колоніями. Бонапартъ самъ часто являлся туда, чтобы ускорить работы. Одновременно съ этимъ онъ велѣлъ занять курфюршество Ганноверское, состоявшее въ личной уніи съ Англіей, и теперь снова возстановленное Пруссіей. Въ маѣ 1803 г. генералъ Мортье вступилъ въ Ганноверъ. Ганноверская армія подъ начальствомъ Вальмодена не довела дѣла до битвы, а капитулировала, такъ какъ ганноверцы не имѣли особеннаго желанія проливать кровь за свою принадлежность къ британскому государству. 3 іюня 1803 г. заключена была въ Золингенѣ капитуляція, въ силу которой ганноверская армія отступила за Эльбу, обязавшись честнымъ словомъ не принимать участія въ настоящей войнѣ, Ганноверъ же предоставить французамъ. Георгъ III пришелъ въ такую ярость, когда министръ представлялъ ему этотъ договоръ, что бросилъ его въ лицо министру. Онъ отказался дать ему свое утвержденіе. Но ганноверцы, для которыхъ было совершенно безразлично, принадлежать ли Англіи, или Франціи, разъ они должны принадлежать иностранной державѣ, сложили оружіе и разошлись по домамъ. 30,000 французовъ заняли Ганноверъ, имѣвшій сверхъ того еще контрибуцію. Ганноверскія сѣверныя гавани были закрыты, что причинило чувствительный вредъ англійской торговлѣ.

Хотя англичане и похвалялись, что ни одинъ французъ не вступитъ на англійскую почву, имъ стало жутко, когда они увидѣли, какъ успѣшно идутъ работы въ Булонскомъ лагерѣ. У нихъ не было сухопутной арміи, которая могла бы устоять противъ французовъ. Но Питтъ, при этихъ критическихъ обстоятельствахъ, снова вернувшійся къ власти, вспомнилъ, что иностранныя державы въ долгихъ революціонныхъ войнахъ такъ часто продавали за англійское золото кровь своихъ народовъ. Теперь снова обратились къ этому испытанному средству и Питтъ образовалъ третью большую коалицію, чѣмъ ему удалось отвратить отъ Англіи грозившее ей нападеніе и ограничить войну европейскимъ материкомъ.

Чѣмъ больше Бонапартъ вводилъ монархическія установленія, тѣмъ сильнѣе становилась оппозиція его планамъ. Въ арміи было еще много республиканскихъ элементовъ и во главѣ ихъ стоялъ генералъ Моро. Побѣдитель при Гогенлинденѣ, какъ мы видѣли, имѣлъ мужество смѣяться надъ монархическими выходками Бонапарта; Бонапарта это очень раздражало и будущій самодержецъ не легко прощалъ оскорбленія, какъ всѣ тщеславные люди, и меньше всего могъ выносить насмѣшки. Онъ предварительно сдѣлалъ попытку расположить Моро въ свою пользу. Но Моро оставался холоднымъ и сторонился человѣка, старавшагося основать на

развалинахъ республики самодержавіе. Когда однажды Моро былъ у Бонапарта и Карно принесъ пару прекрасныхъ пистолетовъ для перваго консула, этотъ послѣдній сказалъ: „они какъ разъ хороши для Моро!“ Моро принялъ подарокъ съ такимъ выраженіемъ лица, точно съ нимъ случилось что-то очень непріятное. Позже Моро не пожелалъ явиться на одно изъ празднествъ перваго консула, что очень не понравилось Бонапарту и онъ не пригласилъ Моро на другое оффиціальное празднество. Насмѣшка Моро надъ почетнымъ легіономъ довела натянутость отношеній между обоими знаменитыми полководцами до вражды. Вокругъ Моро, считавшагося главой республиканцевъ въ арміи, собрались всѣ недовольные уничтоженіемъ демократическихъ установленій Бонапартомъ, и такимъ образомъ Моро, можетъ быть, противъ собственной воли сталъ главой партіи. Это былъ человѣкъ честный и мужественный, но ему не доставало рѣшительности и серьезнымъ соперникомъ Бонапарта онъ, конечно, никогда не могъ бы стать. Сверхъ того, онъ слишкомъ поддавался вліянію своей жены, женщины честолюбивой и имѣвшей аристократическія наклонности.

Когда въ арміи образовывалась республиканская оппозиція Бонапарту, роялисты тоже усердно вели свое дѣло. Эмигрировавшіе французскіе принцы устроили обширный заговоръ, цѣлью котораго было убійство Бонапарта. Британское правительство поддерживало этотъ заговоръ и нѣкоторые изъ его пословъ, какъ впослѣдствіи было доказано, много содѣйствовали ему, именно, послы въ Мюнхенѣ и Штуттгартѣ. Хотѣли вызвать роялистическое возстаніе и герцогъ Энгьенскій, внукъ принца Кондэ, поселился близъ французской границы, въ Эттэнгеймѣ на баденской территоріи, чтобы имѣть возможность сейчасъ же стать во главѣ роялистическаго возстанія.

Но главныя нити этого большого заговора сходились въ Лондонѣ. Тамъ къ этому времени поселился знаменитый завоеватель Голландіи, генералъ Пишегрю, сосланный, какъ роялистъ, послѣ переворота 28 фрюктидора 1797 г. въ Кайену, и бѣжавшій оттуда. Онъ вступилъ въ сношенія съ другимъ бѣглецомъ, жившимъ въ Лондонѣ, необузданнымъ предводителемъ бретанскихъ бандъ, Жоржемъ Кадудалемъ, устроившимъ покушеніе съ адской машиной. Англійское правительство давало деньги на это предпріятіе, потому что Питтъ въ средствахъ сжить со свѣта столь ненавистнаго ему Бонапарта былъ гораздо менѣе разборчивъ, чѣмъ Бонапартъ въ средствахъ достиженія власти. Наблюдали тщательно за настроеніемъ въ Парижѣ и Пишегрю надѣялся вовлечь въ заговоръ генерала Моро. Въ этомъ онъ долженъ былъ разочароваться.

Пишегрю и Кадудаль приблизительно съ тридцатью рѣшительными роялистическими заговорщиками прибыли во Францію. Среди заговорщиковъ находились также братья Полиньякъ, одинъ изъ которыхъ впослѣдствіи игралъ нѣкоторую роль въ качествѣ министра Карла X. Англійскій капитанъ Райтъ (Whrigt) высадилъ заговорщиковъ въ Монбіанѣ на сушу. У нихъ

были хорошія связи и они устроили своего рода этапную дорогу отъ морского берега до Парижа.

Кадудаль хотѣлъ придать дѣлу нѣсколько рыцарскую окраску, чтобы предохранить себя отъ обвиненія въ тайномъ убійствѣ. Онъ хотѣлъ открыто напасть во главѣ сотни рѣшительныхъ шуановъ на перваго консула, когда тотъ отправится со своей лейбъ-гвардіей изъ Парижа въ Мальмэзонъ. Затѣмъ, онъ разсчитывалъ собственноручно убить Бонапарта въ единоборствѣ. Этимъ онъ думалъ придать покушенію видъ битвы. Такое предпріятіе вполнѣ соотвѣтствовало натурѣ необузданнаго и презиравшаго смерть Кадудаля.

Пишегрю и Кадудаль скрывались въ Парижѣ такъ искусно, что объ ихъ прибытіи не было ничего извѣстно. Вскорѣ Пишегрю удалось войти въ тайныя сношенія съ Моро и Моро имѣлъ неосторожность сноситься со старымъ товарищемъ по оружію. Пишегрю устроилъ свиданіе его съ Кадудалемъ, дикій фанатизмъ котораго могъ лишь оттолкнуть Моро. Моро гнушался покушеній и не хотѣлъ ничего и слышать о Кадудалѣ, который въ свою очередь отзывался очень презрительно о Моро и называлъ его трусомъ. Моро, повидимому, не имѣлъ желанія вмѣшиваться въ роялистическіе планы, какъ ни сильна была его ненависть къ Бонапарту. Но онъ достаточно скомпрометировалъ себя сношеніями съ Пишегрю, чтобы его не могли привлечь къ отвѣтственности.

Выполненіе покушенія замедлилось, потому что Кадудаль хотѣлъ, чтобы какой нибудь изъ французскихъ принцевъ былъ при томъ, какъ онъ зарубитъ Бонапарта на пути въ Мальмэзонъ, Эти принцы, искусно умѣвшіе держать въ безопасности свои высокія особы, когда ихъ сторонники умирали за нихъ, понятно, не имѣли охоты принимать участіе въ опасномъ приключеніи.

Тѣмъ временемъ заговоръ былъ открытъ полиціей. Три роялистическихъ агента, ходившихъ изъ Парижа къ морю и обратно, были заподозрѣны полиціей и, такъ какъ уже до нея дошли темные слухи о предпріятіи Кадудаля, то эти три человѣка были подвергнуты пыткѣ. Они были признаны агентами Кадудаля и военный судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни. Имъ обѣщали даровать жизнь, если они выдадутъ своихъ сообщниковъ. Но двое изъ осужденныхъ были разстрѣляны, никого не выдавъ; третій упалъ духомъ передъ ружьями, направленными на него, и выдалъ. Такимъ образомъ, полиція узнала, что Кадудаль и Пишегрю уже давно живутъ въ Парижѣ съ цѣлью убить перваго консула.

Получивъ такія свѣдѣнія, полиція разузнала вскорѣ и дальнѣйшія подробности. Однако ей не легко было захватить заговорщиковъ и Кадудаль былъ такъ хитеръ и смѣлъ, что, говорили, будто онъ, переодѣвшись слугой, проникъ въ Тюльери, чтобы убить Бонапарта, но случайно не нашелъ его. Разслѣдованія полиціи оставались безъ результатовъ, пока Бонапартъ не принялъ строжайшихъ мѣръ. Онъ велѣлъ закрыть парижскія заставы и строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы никто не могъ выйти изъ города.

Особымъ закономъ назначена была смертная казнь каждому, кто дастъ убѣжище заговорщикамъ; кто зналъ ихъ мѣстопребываніе и не донесъ объ этомъ, тотъ подлежалъ шестилѣтнему тюремному заключенію въ цѣпяхъ. День и ночь обыскивались дома. Пишегрю выдали и онъ былъ арестованъ. Кададуль, не могшій уже найти никакого убѣжища, дни и ночи ѣздилъ въ дрожкахъ, пока его, наконецъ, не выслѣдили двое полицейскихъ. Когда они задержали его экипажъ, онъ застрѣлилъ одного изъ нихъ, но тѣмъ не менѣе былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму.

Въ то же время былъ арестованъ и Моро въ своемъ имѣніи, гдѣ онъ совершенно спокойно жилъ. Арестъ его вызвалъ сильные толки въ Парижѣ, причемъ говорилось мало лестнаго о первомъ консулѣ. Большинство не вѣрило, что Моро участвовалъ въ такомъ заговорѣ, другіе же утверждали, что вся эта исторія вымышлена Бонапартомъ съ цѣлью погубить генерала Моро, военная слава котораго мѣшала ему. Въ трибунатѣ нашлись рабскія души, которыя, желая угодить первому консулу, признали вину Моро доказанной. Когда же братъ Моро протестовалъ противъ этого, то надъ нимъ издѣвались. Рабскія души показали себя во всей своей наготѣ.

Первый консулъ получилъ отъ своихъ креатуръ самыя краснорѣчивыя увѣренія въ ихъ радости по поводу того, что онъ спасся отъ столь страшнаго комплота. Самъ же Бонапартъ выразилъ свой гнѣвъ противъ Пишерю и особенно противъ Моро. „Я расправлюсь съ Моро“, воскликнулъ Бонапартъ,—„такъ-же какъ со всякимъ инымъ, потому что онъ входитъ въ комплоты, которые по своимъ цѣлямъ гнусны, а по сношеніямъ, необходимымъ для нихъ, постыдны“. Заговорщику 18 брюмэра не слѣдовало бы говорить ни о гнусности, ни о постыдности.

Слѣдствіе установило, что одинъ бурбонскій принцъ, имя котораго не было названо, руководилъ комплотомъ и готовъ былъ явиться, чтобы присутствовать при убійствѣ Бонапарта Кадудалемъ. Это не могъ быть ни кто иной, какъ графъ д'Артуа. Бонапартъ, еще недавно тщетно сносившійся съ Бурбонами относительно того, не пожелаютъ ли они отказаться отъ своихъ притязаній за какое либо вознагражденіе, былъ исполненъ сильной ненависти къ Бурбонамъ и поклялся отомстить имъ. Онъ изливался въ яростныхъ выраженіяхъ противъ Бурбоновъ. Онъ говорилъ: „Эти Бурбоны воображаютъ, что мою кровь можно пролить, какъ кровь какой нибудь скотины! Но моя кровь такъ-же дорога, какъ и ихъ. Я имъ покажу страхъ, который они хотятъ внушить мнѣ. *Перваго изъ этихъ принцевъ, какой только попадется въ мои руки, я безъ милосердія велю разстрѣлять.* Я имъ покажу, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Какой нибудь Бурбонъ значитъ для меня не больше, чѣмъ Моро или Пишегрю,—даже гораздо меньше. Эти принцы, считающіе себя неприкосновенными, не задумываясь губятъ массу несчастныхъ и затѣмъ прячутся за море. Пусть же они берегутся: я такъ-же безпощадно пролью кровь какого нибудь Бурбона, какъ и кровь послѣдняго шуана“.

Этотъ взрывъ ярости бросаетъ яркій свѣтъ на то, что затѣмъ случилось съ герцогомъ Энгьенскимъ.

Этотъ молодой принцъ служилъ въ корпусѣ эмигрантовъ во время революціонныхъ войнъ и состоялъ на жалованьи у англичанъ. Теперь онъ жилъ въ Эттингеймѣ, въ баденскомъ герцогствѣ, на англійскія деньги. У него была здѣсь любовная связь съ графинею де Рогонъ-Рошфоръ. Въ общемъ, это былъ человѣкъ довольно незначительный. Непосредственнаго участія въ заговорѣ онъ, навѣрное, не принималъ. Думалъ ли Бонапартъ, что герцогъ Энгьенскій и есть тотъ принцъ, участіе котораго въ заговорѣ было открыто, или нѣтъ, онъ рѣшилъ показать примѣръ на этомъ герцогѣ, чтобы отучить Бурбоновъ отъ дальнѣйшихъ заговоровъ.

Герцогъ жилъ на нейтральной территоріи, нейтралитетъ которой нужно было нарушить для того, чтобы завладѣть имъ. Но какое же значеніе могъ имѣть для Бонапарта нейтралитетъ маленькаго государства, состоявшаго въ мирѣ съ Франціей! Коленкуръ, покорное орудіе Бонапарта, получилъ простой приказъ схватить герцога Энгьенскаго и доставить въ Парижъ. Ночью 15 мая 1804 г. Коленкуръ съ 300 драгуновъ подъ начальствомъ полковника Орденэ переправился черезъ Рейнъ. Городишко Эттенгеймъ былъ окруженъ и французы вторглись въ жилище герцога. Онъ сперва хотѣлъ было защищаться, но затѣмъ увидѣлъ, что это невозможно, и сдался. Его доставили сперва въ страсбургскую цитадель, затѣмъ въ Парижъ, а оттуда въ Венсеннъ. Тамъ нарядили надъ нимъ военно-судную комиссію, предсѣдателемъ которой былъ генералъ Бюлленъ, участвовавшій во взятіи Бастиліи. Герцогу не могли доказать, что онъ принималъ участіе въ заговорѣ. Но онъ подлежалъ еще дѣйствію закона объ эмигрантахъ, по которому эмигранты, участвовавшіе въ войнѣ съ Франціей, могли быть приговорены къ смертной казни. Принцъ призналъ передъ военно-судной комиссіей, что онъ, состоя на англійскомъ жалованьи, воевалъ съ Франціей. Комиссія присудила его къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе и этотъ приговоръ былъ безпощадно немедленно же исполненъ подъ руководствомъ генерала Савари при свѣтѣ факеловъ въ ночь на 22 марта 1804 г. Могила, въ которой похоронили трупъ, была вырыта еще во время разбора дѣла.

Этотъ случай вызвалъ чрезвычайное возбужденіе, которымъ враги Бонапарта пользовались всѣми силами. Правда, международное право было нарушено здѣсь далеко не такъ нагло, какъ при убійствѣ пословъ въ Раштадтѣ, но реакціонеры въ подобныхъ случаяхъ всегда проявляютъ непостижимое искусство. Сверхъ того, жертвой здѣсь былъ Бурбонъ, въ Раштадтѣ же простые смертные.

Бонапартъ самъ держалъ себя въ дѣлѣ герцога Энгьенскаго со свойственной ему двусмысленностью; впослѣдствіи онъ увѣрялъ, что казни онъ собственно не желалъ и лишь вслѣдствіе излишней поспѣшности его подчиненныхъ она была произведена такъ быстро, что онъ не могъ воспрепятствовать ей. Но этому противорѣчатъ всѣ обстоятельства дѣла; если бы онъ не хотѣлъ показать примѣръ на Бурбонѣ, то незачѣмъ было бы нарушать

международное право вторженіемъ въ баденскую территорію. Впрочемъ, Бурбоны съ этихъ поръ, повидимому, уже не составляли заговоровъ на жизнь Бонапарта.

22 марта былъ разстрѣлянъ герцогъ Энгьенскій, а 7 апрѣля генералъ Пишегрю былъ найденъ мертвымъ въ своей тюрьмѣ. Онъ, очевидно, былъ удавленъ. Вокругъ шеи Пишегрю былъ завязанъ черный шелковый платокъ, въ который была продѣта палка. Говорили, будто онъ вертѣлъ эту палку до тѣхъ поръ, пока не потерялъ сознанія и не задохся. Но въ публикѣ не вѣрили этому объясненію и разсказывали, будто Бонапартъ велѣлъ задушить своего бывшаго учителя въ Бріенской военной школѣ. Смерть завоевателя Голландіи такъ и осталась невыясненной, и тотъ взглядъ, будто онъ былъ убитъ, удержался, хотя съ другой стороны, Бонапартъ могъ быть вполнѣ увѣренъ, что раболѣпные судьи обвинятъ Пишегрю. Вскорѣ послѣ этого и англійскій капитанъ Райтъ (Whrigt), привезшій заговорщиковъ во Францію и затѣмъ взятый въ плѣнъ въ одной морской стычкѣ, былъ найденъ мертвымъ въ своей тюрьмѣ. Это еще болѣе усилило слухи о тайныхъ убійствахъ въ тюрьмахъ.

Кадудаль со своими товарищами держалъ себя передъ судьями Бонапарта гордо и энергично. Этотъ неукротимый шуанъ сохранилъ мужество до послѣдняго мгновенія и осыпалъ своихъ судей ѣдкими насмѣшками. Президента суда, извѣстнаго прежняго якобинца Тюріо (Thuriot), предсѣдательствовавшаго 9 тэрмидора въ конвентѣ, онъ называлъ не иначе, какъ monsieur Tue-roi!—господинъ цареубійца! Двадцать заговорщиковъ приговорены были къ смертной казни, но семь изъ нихъ, среди которыхъ былъ и Арманъ де-Полиньякъ, помилованы. Кадудаль и его шуаны пошли на смерть безъ всякаго страха; неукротимый заговорщикъ повелъ своихъ товарищей на эшафотъ, точно на бой. Бонапартъ могъ лишь тогда свободно вздохнуть, когда навсегда освободился отъ этого страшнаго врага.

Съ Моро управиться не такъ было легко: общественное мнѣніе въ народѣ и арміи стояло за славнаго генерала, который служилъ своему отечеству въ столь многихъ кризисахъ съ полнымъ самопожертвованіемъ и самоотверженіемъ. Судьи хотѣли оправдать его, такъ какъ можно было доказать лишь то, что онъ два раза имѣлъ свиданіе съ Пишегрю. Однако боялись, что оправданіе подвергнетъ Моро мести Бонапарта и такимъ образомъ судъ приговорилъ Моро къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Вслѣдствіе различныхъ ходатайствъ, въ которыхъ принималъ очень живое участіе и Фуше, этотъ приговоръ былъ замѣненъ изгнаніемъ и Моро отправился въ Сѣверную Америку. Политическая и военная роль его была окончена. Онъ увезъ съ собой славу храбраго солдата, чистаго характера и благороднаго человѣка. У французовъ онъ омрачилъ свою память тѣмъ, что въ 1813 г. примкнулъ къ русскому императору изъ ненависти къ своему смертному врагу, Бонапарту, и трагическая смерть его въ битвѣ близъ Дрездена доставила ему лишь нѣкоторое почтеніе со стороны Бурбоновъ.

Послѣ подавленія этого послѣдняго опаснаго заговора роялистовъ, Бонапартъ не встрѣчалъ уже препятствій на пути къ верховной власти въ желанной ему формѣ. Онъ хотѣлъ доставить своему положенію блескъ, сіяющій втеченіе многихъ вѣковъ, и протянулъ руку къ коронѣ, чтобы возложить ее на свою голову. Блескъ его короны ослѣплялъ его самого, можетъ быть, больше, чѣмъ его современниковъ.

Занятіе Ганновера привело къ сближенію Пруссіи съ Россіей, такъ какъ Александръ I, человѣкъ исполненный честолюбія, автократизма и фантастическихъ воззрѣній, желалъ играть роль третейскаго судьи. Англія не желала его суда и поэтому онъ заключилъ личную дружбу съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III прусскимъ, причемъ онъ лишь плохо могъ скрыть свою эгоистичную политику. Александръ хотѣлъ образовать противовѣсъ единовременно и противъ Англіи и противъ Франціи. Но Пруссію онъ не могъ побудить къ рѣшительнымъ шагамъ; она требовала отъ Бонапарта лишь освобожденія ганноверскихъ гаваней на Сѣверномъ морѣ. Бонапартъ отклонилъ это требованіе, но предложилъ Пруссіи союзъ противъ Англіи и курфюршество Ганноверское. Хотя разумный прусскій министръ Гаугвицъ (Haugwitz) совѣтовалъ принять это предложеніе, что, вѣроятно, предохранило бы Пруссію отъ пораженія въ 1806 г., но оно было отклонено подъ вліяніемъ Россіи. Бонапартъ, желавшій прикрыть союзомъ съ Пруссіей свой планъ для предполагаемаго нападенія на Англію, не могъ найти опоры въ колеблющейся прусской политикѣ; поэтому онъ обратился къ Испаніи и заключилъ съ нею договоръ, по которому она обязалась платить ему ежемѣсячную субсидію въ шесть милліоновъ франковъ.

Тѣмъ временемъ англійскимъ торгашамъ, несмотря на всѣ ихъ похвальбы, стало жутко при видѣ вторженія Бонапарта въ Булони. Англійская армія изъ 130.000 человѣкъ, навербована была въ разныхъ странахъ; она состояла изъ гессенцевъ, швейцарцевъ, ганноверцевъ, ирландцевъ, шотландцевъ и мальтійцевъ и была раздѣлена между Англіей, Ирландіей, Британской Америкой, Индіей и Египтомъ. Въ Англіи собрана была резервная армія изъ 50.000 человѣкъ, въ которую, однако, сыновья зажиточныхъ и богатыхъ людей могли нанимать замѣстителей, потому что англійскіе купцы, хотя и охотно загребали барыши, доставляемые имъ хищническими набѣгами англійскаго золота, но не имѣли желанія отдавать своихъ сыновей въ военную службу: для этого были дѣти бѣдняковъ. Обнародовано было также воззваніе, приглашавшее образовать армію добровольцевъ, въ которую приглашались волонтеры, имѣвшіе отъ 17 до 55 лѣтъ. Эти добровольцы имѣли особую форму, собирались еженедѣльно на нѣсколько часовъ для военныхъ упражненій, въ остальное же время занимались своими дѣлами.

Но страхъ англійскихъ торгашей достигалъ крайней степени, когда они думали о возможности борьбы въ ихъ же странѣ съ

испытанными въ бояхъ войсками Бонапарта. Этотъ страхъ и былъ причиной того, что англійское правительство не затруднилось поддерживать заговоръ Пишегрю и Кадудаля на жизнь Бонапарта. Но когда этотъ заговоръ не удался, въ Англіи пришли къ мысли, что все же лучше, чтобы другія державы на англійскія деньги вели борьбу съ Франціей на европейскомъ материкѣ. Питтъ, вышедшій передъ амьенскимъ миромъ въ отставку, теперь легко снова сталъ во главѣ правительства съ порученіемъ образовать новую коалицію противъ Франціи.

Третья коалиція образовалась сравнительно легко, такъ какъ для подстрекательства дворовъ воспользовались казнью герцога Энгьенскаго. Въ этомъ поступкѣ Бонапарта дворы видѣли лишь одно изъ проявленій французской революціи. Казнью герцога Энгьенскаго старались пользоваться также для подстрекательства народовъ. Но Бонапартъ сдѣлалъ противъ этого ловкій ходъ; онъ обнародовалъ попавшія въ его руки письменныя доказательства того, что англійскіе послы Дрэкъ (Drake) въ Мюнхенѣ и Спенсеръ въ Штуттгартѣ принимали непосредственное участіе въ заговорѣ Кадудаля и что англійское правительство снабжало заговорщиковъ деньгами. Это измѣнило настроеніе общественнаго мнѣнія. Но развѣ автократы тѣхъ дней смущались общественнымъ мнѣніемъ? Когда Бонапартъ становился въ Парижѣ императоромъ французовъ, въ Европѣ всѣми средствами уговоровъ и дипломатическихъ подвоховъ, въ особенности же съ помощью англійскихъ денегъ, составлена была третья коалиція, которая должна была имѣть страшныя послѣдствія.

Густавъ IV, король шведскій, свергнутый впослѣдствіи дворцовой революціей за его безумныя выходки съ престола, какъ заклятый врагъ Бонапарта, заключилъ договоръ съ Англіей за наличныя деньги. Пруссія заняла болѣе умное положеніе; правда, она прервала переговоры съ Бонапартомъ о Ганноверѣ, но тщательно соблюдала нейтралитетъ, хотя вошла въ тайныя соглашенія съ Россіей. Дѣйствительно, Пруссіи не было основанія впутываться въ новую опустошительную войну съ Франціей лишь потому, что Англія боялась нашествія французовъ.

Австрія пока изъ осторожности оставалась спокойной; она выжидала блестящаго момента. Александръ I наложилъ трауръ при своемъ дворѣ по случаю разстрѣлянія герцога Энгьенскаго. Это раздражило французскаго самодержца и онъ послалъ Александру особое объясненіе относительно насилія надъ герцогомъ Энгьенскимъ. Въ этомъ объясненіи говорилось, что Бонапартъ совершилъ свой поступокъ лишь для самозащиты, и что Россія въ подобномъ случаѣ сдѣлала бы то же самое. Пришлось снести и это оскорбленіе со стороны Бонапарта.

Питтъ, съ которымъ царь сносился относительно своихъ регенераціонныхъ идей, сдѣлалъ видъ, будто соглашается съ нимъ, заключилъ съ Россіей такъ называемый концертный договоръ и объявилъ войну Испаніи, союзницѣ Франціи. По концертному договору армія въ 500,000 человѣкъ должна была вытѣснить французовъ изъ Ганновера, Голландіи и Италіи, Англія должна

была платить за каждые сто тысячъ солдатъ четыре милліона фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Къ коалиціи присоединился Неаполь, а вскорѣ затѣмъ и Австрія, которой была обѣщана Ломбардія.

Хитрая Англія снова устроила такъ, что половина Европы соединилась противъ Франціи. Она щедро раздавала деньги. Кабинеты получали деньги, народы же думали, будто въ этой борьбѣ дѣло дѣйствительно идетъ о томъ, чтобы осуществить прекрасную идею прочнаго мира и дать Европѣ такое устройство, которое обезпечило бы ей лучшее будущее. Они и не предчувствовали, что совмѣстное дѣйствіе Англіи и Россіи уже тогда заключало въ себѣ нѣкоторое соперничество за всемірное господство, и дѣйствительно повѣрили, будто свобода Европы нуждается въ защитѣ хищной Англіи и варварской Россіи отъ революціонной Франціи. На самомъ же дѣлѣ, Питтъ достигъ чего ему надо было: опасность высадки французовъ въ Англію была предотвращена и война, грозившая разыграться на англійской территоріи, опустошала теперь страны материка. Англійскія деньги снова достигли цѣли.

Наполеонъ Бонапартъ потому является столь великимъ, что онъ такъ долго могъ держаться въ этой титанической борьбѣ, опустошившей цѣлую часть свѣта.

Въ это время, послѣ изгнанія Моро, казни Пишегрю и Кадудаля, во Франціи не было уже партій, которыя могли бы стать опасными первому консулу. Тогда онъ сдѣлалъ послѣдній шагъ къ внѣшнему упроченію своей власти и совершенно порвалъ съ республиканскими формами, вынесенными изъ революціи.

Фуше, всегда необходимый, ловкій и никогда не попадавшій въ затрудненіе министръ полиціи, долженъ былъ тщательно подготовить общественное мнѣніе къ появленію новаго императора, хотя это уже никого не могло поразить. Каждый легко могъ видѣть, что дѣло клонится къ тому, чтобы Наполеону Бонапарту стать императоромъ по формѣ, каковымъ онъ былъ уже на дѣлѣ.

И въ различныхъ собраніяхъ, между которыми раздроблена была законодательная власть, тоже велась оживленная агитація и подготовлялось предложеніе объявить Наполеона Бонапарта императоромъ французовъ. Титулъ „король" былъ тогда не популяренъ у очень значительнаго числа французовъ. Императоръ же являлся властелиномъ могучаго государства и этотъ титулъ долженъ былъ льстить національному честолюбію французовъ. Онъ напоминалъ объ античныхъ цезаряхъ.

Комедія, предшествовавшая облаченію перваго выскочки революціи въ мантію цезарей, была столь же прозрачна, какъ и противна. Но она удалась.

Организованъ былъ наплывъ адресовъ. Власти, выдающіяся лица, къ которымъ примкнула масса гражданъ, заявляли первому консулу о необходимости сдѣлать его власть наслѣдственной, чтобы обезопасить Францію отъ происковъ ея враговъ внутри

страны и за-границей. Будто наслѣдственность власти могла достигнуть этой цѣли! Бонапартъ, будучи впослѣдствіи уже императоромъ, самъ удачно опровергъ этотъ взглядъ, сказавъ однажды, что его престолъ ничего не значитъ,—это лишь дерево, обтянутое бархатомъ: дѣло все въ томъ, кто сидитъ на немъ!

Но адреса привели въ движеніе раболѣпный сенатъ. 27 марта— т. е. черезъ пять дней послѣ разстрѣлянія герцога Энгьенскаго,— сенатъ обратился къ первому консулу съ посланіемъ, въ которомъ онъ высказывалъ, что его наслѣдственное владычество необходимо для счастья Франціи.

„Гражданинъ первый консулъ", говорилось въ этомъ рабскомъ посланіи: „вы полагаете основаніе новой эпохѣ. Но вы должны также и упрочить ее. Блескъ—ничто безъ долговѣчности. *Мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что вы останавливались уже надъ этой великой мыслью, такъ какъ творческій геній вашъ обнимаетъ все и не забываетъ ничего.* Вы находитесь подъ давленіемъ времени, событій, заговоровъ, честолюбцевъ и безпокойства, которое смущаетъ французовъ. Вы можете господствовать надъ временемъ, овладѣть событіями, обезоружить честолюбцевъ, успокоить всю Францію, если вы дадите ей установленія, которыя укрѣпятъ ваше сооруженіе и упрочатъ за вашими дѣтьми то, что вы сдѣлали для отцовъ. Гражданинъ первый консулъ, будьте увѣрены, что сенатъ обращается къ вамъ отъ имени всѣхъ гражданъ".

Первый консулъ, понятно, принялъ это раболѣпіе со всей серьезностью и не уступилъ въ притворствѣ сенату. Онъ тоже сдѣлалъ видъ, будто благосостояніе Франціи зависитъ отъ того, будетъ ли его власть наслѣдственной. Въ этомъ смыслѣ составленъ и его отвѣтъ, полученный сенатомъ. Въ немъ говорилось:

„Ваше обращеніе не выходило изъ моихъ мыслей. *Оно было предметомъ моихъ безпрестанныхъ размышленій.* Вы признали наслѣдственность высшаго сана въ государствѣ необходимой, чтобы обезопасить народъ отъ комплотовъ нашихъ враговъ и отъ смутъ, вызываемыхъ честолюбіемъ соперниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вы находите, что нѣкоторыя установленія наши нуждаются въ усовершенствованіи, чтобы навсегда обезпечить *побѣду равенства и общественной свободы* и дать какъ націи, такъ и правительству, двойную гарантію, въ которой они нуждаются. Чѣмъ больше вниманіе мое обращается на эти великіе предметы, тѣмъ больше я чувствую, что мнѣ при этихъ столь же новыхъ, какъ и важныхъ обстоятельствахъ нуженъ вашъ мудрый совѣтъ и ваша опытность, чтобы осуществить всѣ мои идеи. Поэтому я приглашаю васъ высказать мнѣ вашу мысль вполнѣ откровенно".

Лицемѣріе его зашло такъ далеко, что въ тотъ моментъ, когда онъ завершалъ чисто азіатскую военную монархію, онъ еще говорилъ о побѣдѣ „равенства и свободы". Теперь понятливый сенатъ зналъ, какъ упрочить „счастье Франціи", и постановилъ: „Сенатъ убѣжденъ, что для французскаго народа въ высшей степени важно *передать правленіе республикой первому консулу, какъ наслѣдственному императору*".

3 мая это постановленіе сената поступило въ трибунатъ.

Кюрэ, хорошо выдрессированная рабья натура, началъ обычныя восхваленія, которыя владыка Франціи привыкъ слышать отъ этихъ поклонниковъ его успѣховъ. „Настало время“, говорилъ онъ,—„отказаться отъ политическихъ иллюзій. Внутреннее спокойствіе Франціи снова возстановлено, миръ съ иностранными державами обезпеченъ блестящими побѣдами. Наши финансы снова упорядочены, наши кодексы обновлены и снова установлены. Настало время обезпечить за націей пользованіе этими благами и на будущее время“.

Настоящее море лести, преклоненій и унизительныхъ раболѣпныхъ фразъ показало первому консулу рабскую преданность этой пресловутой корпораціи. Это наводненіе чрезмѣрной лояльности, казалось, устранило всякую оппозицію. Но поднялся одинъ голосъ противъ новаго цезаризма. Карно, непреклонный республиканецъ, былъ еще здѣсь и онъ тутъ произнесъ ту знаменитую рѣчь, которую называютъ *послѣднимъ вздохомъ свободы великой революціи.*

„Я далекъ отъ желанія“, говорилъ Карно,—„умалять славу, воздаваемую первому консулу. Но какія бы услуги не оказалъ гражданинъ своему отечеству, есть границы, которыя честь и разумъ полагаютъ національной признательности. Если этотъ гражданинъ возстановилъ общественную свободу, если онъ спасъ свое отечество, то развѣ можно предлагать ему въ вознагражденіе эту же свободу? Не значитъ ли это уничтожать собственное дѣло, если онъ превращаетъ отечество въ свою наслѣдственную собственность?—Съ того момента, когда французскому народу предложено было высказаться относительно пожизненнаго консульства, каждый легко могъ понять, что за этимъ еще что-то скрывается. Послѣдовалъ рядъ явно монархическихъ установленій. Сегодня наконецъ, открываютъ цѣль столь многихъ временныхъ мѣропріятій. Мы приглашены высказаться относительно формальнаго предложенія возстановить монархію и передать наслѣдственное императорское достоинство первому консулу. *Неужели свобода была лишь показана человѣку затѣмъ, чтобы онъ никогда не могъ пользоваться ею? Нѣтъ, я никогда не могу согласиться считать простой иллюзіей это благо, предпочитаемое людьми всѣмъ остальнымъ благамъ. Сердце мое говоритъ мнѣ, что свобода возможна, что царство ея легче и прочнѣе, чѣмъ какое бы то ни было царство произвола.* Я съ своей стороны, голосовалъ противъ пожизненнаго консульства; также и теперь я голосую противъ возстановленія монархіи“.

Эта рѣчь не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія. Но разлившійся уже потокъ раболѣпія прорвалъ всѣ преграды; каждый изъ этихъ достопримѣчательныхъ трибуновъ хотѣлъ первымъ опровергать Карно. Три дня продолжались эти отвратительныя пренія; затѣмъ, трибунатъ почти единогласно высказался за императорское достоинство.

Карно сошелъ съ политическаго позорища и жилъ въ гордой и удивительной бѣдности, чтобы затѣмъ снова предложить свои услуги, когда отечество его было занято войсками союзныхъ монархій.

18 мая 1804 г. (30 флорэаля) сенатъ постановилъ объявить перваго консула Наполеона Бонапарта императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона I. Полный и противорѣчивый императорскій титулъ Наполеона былъ таковъ: *„Наполеонъ I, Божіею милостію и установленіями республики императоръ французовъ“*.

Народъ принялъ прокламацію новаго императора безъ особеннаго возбужденія, потому что ему было безразлично, назывался ли неограниченный властелинъ, попиравшій Францію, первымъ консуломъ или императоромъ. Но тѣмъ сильнѣе было движеніе среди военныхъ и господствующихъ классовъ. Все спѣшило воздать почести новому императору и выскочки революціи повергались въ прахъ передъ нимъ. Иностранныя державы тоже не замедлили принести свои поздравленія могучему корсиканцу,—за исключеніемъ Англіи, Россіи и Швеціи. Старымъ дворамъ легче было сноситься съ монархомъ, чѣмъ съ главой республики. Мелкіе нѣмецкіе государи, чувствовавшіе опасность предстоявшей несомнѣнно новой войны, поспѣшили принести императору свои поздравленія и просить его благосклонности. Новый плебисцитъ утвердилъ имперію; $3^1/_2$ милліона гражданъ высказались за нее. Наполеонъ сталъ презирать людей, когда онъ увидѣлъ все у своихъ ногъ. Если посмотрѣть на все, что пресмыкалось теперь передъ нимъ, то надо только удивляться, что онъ вообще еще умѣлъ сдерживаться, что его успѣхи и его власть не опьянили его еще больше, что онъ не проникся еще большимъ презрѣніемъ къ людямъ.

Онъ устроилъ теперь свой дворъ совершенно въ стилѣ старой монархіи и велѣлъ послѣ тщательныхъ изслѣдованій установить этикетъ двора, дабы во всемъ этомъ маскарадѣ не оказалось никакого недочета; родственники Бонапарта превращены были въ императорскихъ принцевъ и принцессъ, генералы—въ маршаловъ имперіи, высшія должностныя лица—въ сановниковъ. Необозримая толпа камергеровъ, придворныхъ дамъ, пажей и лакеевъ всякаго рода, какъ водится при дворахъ, вдругъ точно изъ земли появилась, а надъ нею и надъ зѣвающимъ народомъ возвышалось въ облакахъ китайской недоступности величество бывшаго лейтенанта артиллеріи, Наполеона Бонапарта,—нынѣ наслѣдника великой революціи и императора французовъ. Неограниченная императорская власть, установленная теперь, вернулась назадъ гораздо дальше конституціи 1791 г. и по абсолютизму превзошла даже монархію Бурбоновъ до 1789 г. Революція точно описала кругъ и вернулась къ своей исходной точкѣ.

Чтобы окружить себя всѣмъ великолѣпіемъ, Наполеонъ назначилъ на 2 декабря 1804 г. свое торжественное коронованіе. Соборъ Парижской Богоматери, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ богослуженіе старой монархіи и служеніе Разуму временъ парижской коммуны, увидѣлъ теперь и то, какъ сынъ корсиканскаго судьи и жена его, дочь вестъ-индскаго капитана гавани, короновались, какъ императорская чета.

Папа Пій VII, конечно, не могъ не послѣдовать желанію На-

полеона присутствовать при его коронаціи; желаніе сильнаго есть приказъ для слабаго. Онъ прибылъ и вмѣстѣ съ нимъ явилось все духовенство, новая знать, всѣ высшіе сановники и послы иностранныхъ державъ. Наполеонъ съ Жозефиной ѣхалъ въ церковь въ императорской каретѣ на шести лошадяхъ, одѣтый въ коронаціонную мантію, расшитую пчелами. Помазавъ его предъ алтаремъ и благословивъ знаки императорскаго достоинства, папа хотѣлъ возложить ему на голову корону, но Наполеонъ быстро взялъ ее и самъ возложилъ на свою голову. Также онъ самъ короновалъ и Жозефину, ставшую на колѣни предъ алтаремъ; затѣмъ, императорская чета въ своемъ облаченіи взошла на престолъ. Наполеонъ далъ передъ евангеліемъ установленную присягу и затѣмъ, герольдъ возгласилъ: „*Всеславнѣйшій и всепресвѣтлѣйшій императоръ французовъ короновался и вступилъ на престолъ.—Да здравствуетъ императоръ*“!

Присутствовавшіе воскликнули: „Vive l'empereur!“—„да здравствуетъ императоръ“—восклицаніе, которому суждено было втеченіе десяти лѣтъ раздаваться по Европѣ. А за стѣнами церкви громъ орудій возвѣстилъ французамъ, что ихъ цезарь сталъ и по всей формѣ императоромъ.

---

2 декабря 1804 г. революція закончила свой кругъ. Абсолютный монархъ снова стоялъ во главѣ французскаго государства и правилъ огромнымъ царствомъ со своими родными и знатью, которымъ онъ раздавалъ короны и титулы, какъ другіе государи раздаютъ золотыя табакерки. Интересно видѣть Европу подъ владычествомъ всѣхъ этихъ выскочекъ. Эти маршалы, побѣдители въ сотняхъ битвъ,—Мюратъ, Ней, Сультъ, Массена, Ожеро, Даву, Бернадоттъ, Лаппъ, Бертье и Мармонъ, подобно своему императору, возвысились, большею частью, во время бурь революціи изъ низшаго положенія; иные изъ нихъ были раньше простыми ремесленниками или рабочими. Они властвовали не лучше, но и не хуже, чѣмъ старыя династіи. Они наполнили міръ лязгомъ оружія, небывалымъ до тѣхъ поръ; они превратили свое время въ рядъ битвъ, опустошеній, насилій и грабительствъ. Міръ дрожалъ подъ ихъ желѣзными шагами. Но какъ ни могучъ былъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности,—всѣ они далеко отступали передъ фигурой царя битвъ, человѣка въ маленькой треугольной шляпѣ и простомъ мундирѣ, какъ запечатлѣлся его историческій образъ въ памяти народовъ. И долго еще будутъ помнить его, этотъ историческій образъ, точно бурей пронесшійся надъ человѣчествомъ.

И всетаки,—этотъ цезарь, какъ ни самовластенъ, повидимому, онъ былъ, долженъ былъ только выполнить историческую миссію, которую не самъ онъ избралъ себѣ, а навязали ему обстоятельства.

Въ медовые мѣсяца революціи французы, казалось, имѣли лишь одну страсть,—страсть къ свободѣ. Все дышало воодушевленіемъ, энтузіазмомъ, самопожертвованіемъ, идеализмомъ. Какое то без-

граничное, чарующее опьяненіе овладѣло этимъ народомъ, который своимъ спокойствіемъ, своимъ достояніемъ и своей кровью радостно жертвовалъ для свободы.

Воодушевленіе исчезло, когда народная масса увидѣла, что ея жизнь и дѣятельность, хотя и подняты взмахами революціи, всетаки остаются въ тѣсномъ кругу лишеній. Воодушевленіе буржуазіи исчезло, когда вмѣсто борьбы за идеи началась борьба за интересы. Борьба за конституцію 1791 г. была еще полна идей. Но паденіе феодализма очистило во Франціи мѣсто для буржуазнаго общества и новая эпоха была исполнена буржуазныхъ интересовъ. Мы видѣли, какъ попытка установить чистую демократію не удалась, благодаря доктринерству вождей демократіи. Почтенное гражданство стало господствующимъ классомъ во Франціи и масса преклонилась предъ его господствомъ, какъ нѣкогда третье сословіе гнулось подъ господствомъ феодализма.

Этотъ господствующій классъ, новая буржуазія, опиралась ли она на движимую или недвижимую собственность, скоро отбросила всѣ идеалы, какъ негодный хламъ. Для этой буржуазіи, основанной Наполеономъ, французскій банкъ съ его кредитомъ былъ важнѣе, чѣмъ всѣ теоріи стараго и новаго міра. Для нея революція имѣла значеніе лишь настолько, насколько она измѣнила отношенія собственности. То-же самое было и съ многочисленными землевладѣльцами и крестьянами. Они пріобрѣли во время революціи земли духовенства и эмигрантовъ и теперь спокойно сидѣли на своихъ участкахъ. Они боялись лишь одного,— какъ бы эмигранты и старая династія не вернулись во Францію и не потребовали назадъ своей собственности. Могучая военная сила Наполеона давала имъ извѣстную гарантію противъ возвращенія стараго режима,—оттого-то этотъ классъ упорнѣе всѣхъ и стоялъ за него. Наполеонъ былъ солдатскимъ и крестьянскимъ императоромъ. Плебисцитный императоръ прекрасно зналъ, что при плебисцитахъ онъ можетъ вполнѣ положиться на крестьянъ.

Землевладѣльцы и буржуазія хотѣли спокойствія, необходимаго для накопленія капитала; крестьяне хотѣли мирно обрабатывать свою землю. Вслѣдствіе этого имъ было совершенно безразлично, что Наполеонъ соорудилъ надъ буржуазнымъ обществомъ надстройку деспотично-іерархическаго военнаго государства,—лишь бы онъ внутри страны поддерживалъ спокойствіе, которое обезпечивало бы новыя отношенія собственности, и отражалъ нападенія иностранныхъ державъ, стремившихся къ возстановленію стараго строя во Франціи. Это опредѣлило миссію Наполеона; его войны были защитительными войнами новаго, буржуазнаго соціальнаго строя во Франціи.

Лишь при поверхностномъ наблюденіи можетъ показаться, будто наполеоновскія войны вызывались исключительно честолюбіемъ современнаго цезаря. Онѣ вызывались тѣмъ, что старыя феодальныя державы продолжали бороться противъ гражданскаго преобразованія Франціи. Но суровость войны не позволяетъ побѣдителю оставить побѣжденному его прежнюю силу. Онъ дол-

женъ ослабить побѣжденнаго и самъ усилиться на его счетъ. Изъ этой необходимости возникаютъ завоеванія. Завоеванія Наполеона были для него постояннымъ источникомъ новыхъ войнъ, такъ какъ побѣдитель не можетъ оставить завоеванной имъ области безъ борьбы, не ослабляя этимъ самого себя. Наполеонъ долженъ былъ завоевывать, чтобы сохранить свои завоеванія. Такъ бросался этотъ могучій человѣкъ отъ войны къ войнѣ и расточалъ свои силы на основаніе и защиту государствъ, которыя не въ состояніи были держаться,—онъ, геній и энергія котораго могли бы сдѣлать его страну счастливѣйшей въ Европѣ.

Его мирную дѣятельность всетаки нужно признать довольно великой, если мы вспомнимъ, что за все его царствованіе оружіе никогда не выпускалось изъ рукъ. Его строительная дѣятельность была грандіозна. Онъ провелъ болѣе 7000 миль шоссе и дорогъ и устроилъ болѣе десяти каналовъ, соединяющихъ судоходныя рѣки Франціи. Развитію сношеній онъ вообще содѣйствовалъ въ широкой степени и устроилъ большія дороги черезъ Симплонъ, Монъ-Сенисъ и Монъ-Женевръ. Велико число устроенныхъ имъ гаваней, плотинъ, шлюзовъ и т. д. Собственно Парижъ обязанъ ему цѣлымъ рядомъ улучшеній и украшеній; имъ сооружены здѣсь мосты, общественныя площади, магазины, бойни, крытыя галлереи для рынковъ и много величественныхъ общественныхъ зданій. Половину рабочаго населенія онъ занималъ своими сооруженіями, а другая стояла въ полѣ. Такимъ образомъ, недовольство массъ было мало замѣтно или вовсе незамѣтно.

Его пять кодексовъ, которымъ дано общее названіе „Наполеонова Кодекса“, были вскорѣ закончены и введены. Они еще и теперь считаются во многихъ отношеніяхъ образцовыми. Это— гражданскій кодексъ, уставъ гражданскаго судопроизводства, торговый кодексъ, уставъ уголовнаго судопроизводства и уголовный кодексъ.

Едва Наполеонъ возложилъ на свою голову императорскую корону, какъ снова уже долженъ былъ идти на войну.. Онъ двинулся противъ Австріи и Россіи. При Ульмѣ онъ взялъ въ плѣнъ австрійскую армію подъ начальствомъ Мэкка, а 2 декабря 1805 г. взошло для него солнце Аустерлица. На морѣ, правда, побѣдительницей оставалась Англія, но за побѣду при Трафальгарѣ Нельсонъ заплатилъ своей жизнью.

Послѣ пораженія Австріи, вступила въ коалицію Пруссія. Но Наполеонъ управился съ коалиціей. Страшное пораженіе при Іенѣ уничтожило Пруссію и нужно было много времени, чтобы ей оправиться.

Наполеонъ прошелъ до русской границы и въ Тильзитѣ продиктовалъ миръ, ослабившій Пруссію. Гигантская борьба съ Англіей приняла тогда новую форму; Наполеонъ велъ ее посредствомъ такъ называемой континентальной системы. Онъ закрылъ для англійской торговли всѣ страны, находившіяся подъ его вліяніемъ. Этимъ онъ, несомнѣнно, принесъ громадный вредъ британскимъ торгашамъ, но едва ли не меньшій вредъ и европейскому материку.

Своимъ братьямъ и роднымъ онъ раздавалъ королевства и герцогства, какъ и когда хотѣлъ. Назначеніе новаго короля было у него лишь семейнымъ событіемъ, въ которомъ міръ долженъ былъ принимать соотвѣтствующее участіе. Братъ его, Жозефъ, сталъ королемъ неаполитанскимъ; вскорѣ онъ замѣнилъ его своимъ шуриномъ, Мюратомъ, а Жозефъ сталъ королемъ испанскимъ. Другой братъ его, Людовикъ, сдѣланъ былъ королемъ голландскимъ.

Государственныя способности Наполеона были огромны, хотя проявленіе ихъ стѣснялось его эгоизмомъ.

Подъ давленіемъ владычества Наполеона пала Германская имперія. Относительно Германіи императоръ не могъ стать выше той мысли, которую отчасти имѣлъ уже Людовикъ XVI. Онъ основалъ Рейнскій союзъ, сдѣлалъ курфюрстовъ баварскаго и вюртембергскаго королями, превратилъ Баденъ въ великое герцогство. Основанное имъ королевство Вестфалію онъ далъ брату своему Жерому, королю „morgen wieder lusti!g“ Такъ онъ старался ослабить и раздробить Германію, полагая, что сила Франціи обусловливается слабостью Германіи.

Подъ французскимъ владычествомъ въ Германіи была сдѣлана масса улучшеній и этимъ объясняется то почитаніе Наполеона, которое еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ можно было встрѣтить у стариковъ. Послѣдствія германской раздробленности ложились такимъ тяжелымъ бременемъ на народъ, что Наполеонъ могъ казаться ему избавителемъ. Онъ внесъ много облегченій въ тѣ части Германіи, которыя находились подъ его властью и его вассаловъ: введеніемъ французскаго законодательства, уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ и проч. Но тяготы его владычества вскорѣ перевѣсили облегченія. Вѣчныя передвиженія войскъ, насилія его солдатъ, вымогательства его генераловъ и агентовъ, его контрибуціи и войсковые контингенты, его полиція и система шпіонства создали въ Германіи ту ненависть къ французскому владычеству, которая должна была низвергнуть Наполеона. Затѣя уничтожить самостоятельность такого большого народа, какъ германскій, сдѣлать невозможность его возвращенія къ естественному единству была столь же безумна, какъ и дерзка, и она могла съ такимъ же успѣхомъ возникнуть въ головѣ какого-нибудь азіатскаго деспота. Насилія, какъ разстрѣляніе книгопродавца Пальма, увеличивали въ Германіи тлѣвшую ненависть къ французамъ.

Объ отношеніяхъ Германіи къ Франціи втеченіе различныхъ фазисовъ революціи и во время имперіи никто не высказалъ болѣе интересныхъ и достопримѣчательныхъ мыслей, чѣмъ знаменитый Карно въ своемъ посмертномъ сочиненіи, которое было найдено лишь внукомъ его, покойнымъ президентомъ третьей французской республики.

„Со времени первыхъ нашихъ движеній“, говоритъ Карно,— „инстинктъ нѣмецкаго народа чувствовалъ, что совершается явленіе, въ которомъ заинтересовано все человѣчество. Ничто не показываетъ этого лучше, какъ тотъ всеобщій откликъ, который встрѣтило

взятіе Бастиліи. Уничтоженіе народнымъ возстаніемъ государственной тюрьмы, событіе, которое при другихъ условіяхъ считалось бы лишь случайнымъ, имѣющимъ только мѣстное значеніе, получило значеніе символа,—символа уничтоженія тираніи. Не стѣны были здѣсь уничтожены,—здѣсь была уничтожена идея. Потому-то взятіе Бастиліи и прославлялось на всѣхъ языкахъ, представлялось на сценѣ и изображалось карандашемъ и кистью. Нѣмецкій художникъ-граверъ Ходовецкій талантливо характеризовалъ это событіе, изобразивъ солнце, поднимающееся надъ развалинами знаменитой крѣпости". Затѣмъ Карно указываетъ, что самые блестящіе умы Германіи открыто выражали свое сочувствіе освободительному движенію, какъ Клопштокъ, Виландъ, Шубертъ, Фоссъ, Гёте, Шиллеръ, Кантъ, Генрихъ Кампе, Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, Фихте, Варнгагенъ, Форстеръ, Бюргеръ и Бетховенъ. И дальше онъ говоритъ: „Благороднѣйшіе умы Германіи были увлечены французскимъ движеніемъ. Нападая на насъ, нѣмецкій народъ повиновался вовсе не чувству національной антипатіи и не желанію подавить революцію: это желаніе было лишь у союзныхъ монарховъ. Даже сама война не вызвала ненависти, проявившейся впослѣдствіи съ такой силой. Когда явились надежды на миръ, ихъ радостно привѣтствовали на обоихъ берегахъ Рейна. Правда, конечно, что многіе иностранцы, сочувствовавшіе нашей революціи, отвратились отъ насъ, при видѣ нашихъ заблужденій,—но они сдѣлали это не вслѣдствіе объявленія новыхъ принциповъ. Исторія показываетъ, что чрезмѣрная національная ненависть,—я говорю здѣсь не о преступленіяхъ, осуждаемыхъ всѣми,—почти всегда являлась отвѣтомъ на угрожающіе вызовы: заговоры внутри страны, сношенія съ непріятелемъ, происки, подвергавшіе опасности существованіе не только нашей республики, но и нашей націи; извнѣ же оскорбленія, нападенія, подстрекательство къ гражданской войнѣ, употребленіе гнусныхъ и постыдныхъ средствъ, отвергаемыхъ самымъ простымъ чувствомъ приличія (напр., поддѣлка бумажныхъ денегъ)—все это направлялось противъ гордаго народа, который не проявилъ желанія посягнуть на свободу какого-либо иного народа, а хотѣлъ лишь отстоять свою свободу. При учрежденіи консульства какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, была надежда, что это новое правительство будетъ благопріятно новымъ идеямъ, но громадное разочарованіе вызвало недовольство друзей свободы въ обѣихъ странахъ. Затѣмъ, политическое раздробленіе Германіи учрежденіемъ Рейнскаго союза и нашествіе Наполеона на Пруссію, но больше всего тѣ обиды, которыя побѣдитель наноситъ побѣжденному, оттолкнули отъ насъ сердца нѣмцевъ, исполненныя до тѣхъ поръ сочувствіемъ къ намъ. Патріоты вмѣнили себѣ въ обязанность, во что бы то ни стало, избавить свою страну отъ позора. Страстно взывали они къ національному чувству и на это воззваніе послѣдовалъ страстный отвѣтъ: народъ, который до тѣхъ поръ не былъ настроенъ враждебно къ намъ, даже когда онъ воевалъ съ нами, систематически воспитывали къ ненависти, довели его до пароксизма и онъ сталъ нашимъ непримиримымъ

врагомъ. *Это, можетъ быть самый большой упрекъ, какой философія, исторія и политика могутъ сдѣлать памяти Наполеона*".

Когда Наполеонъ создавалъ себѣ такимъ образомъ въ Германіи непримиримаго врага, когда онъ ослаблялъ Пруссію и раздроблялъ Германскую имперію, между нимъ и Александромъ I продолжалась та странная дружба, о которой нельзя сказать, искренна ли она была.

Дружба распалась, потому что Александръ, наконецъ, всетаки заподозрилъ Наполеона въ желаніи возстановить Польшу.

Въ Испаніи, совершенно занятой Наполеономъ, возникло то противодѣйствіе, котораго Наполеонъ никогда не могъ одолѣть; Испанія постоянно оставалась зіяющей язвой его имперіи. Когда Англія пришла на помощь Испаніи съ военной силой, ихъ уже невозможно было побѣдить и Англія пріобрѣла то, чего у нея не было,—испытанное въ битвахъ сухопутное войско.

Въ 1809 г. вліяніе Англіи снова побудило Австрію обнажить оружіе. Австрія сочла Германію созрѣвшей для возстанія и издала воззваніе, въ которомъ говорилось, что „*свобода Европы бѣжала подъ знамена Австріи*". Но Германія не поднялась и Австрія была разбита; страшная битва при Ваграмѣ рѣшила ея судьбу.

Наполеонъ стоялъ на вершинѣ своего могущества и честолюбіе побудило его теперь взять себѣ въ жены принцессу изъ первостепеннаго царствующаго дома. Онъ по политическимъ соображеніямъ развелся съ Жозефиной, которая не родила ему наслѣдника, и женился на Маріи-Луизѣ, во всѣхъ отношеніяхъ ничтожной дочери австрійскаго императора. Въ 1811 г. она родила сына, которому Наполеонъ далъ титулъ короля римскаго. Въ величественныхъ титулахъ у него никогда не было недостатка.

Между тѣмъ какъ Пруссія готовилась посредствомъ реформъ Шарнгорста къ неизбѣжной борьбѣ съ завоевателемъ, а „тугендбундъ"—„союзъ добродѣтели" вездѣ разжигалъ ненависть къ французамъ, произошелъ конфликтъ между Наполеономъ и Александромъ, который поставилъ подъ оружіе всю Европу противъ Франціи. Огромная военная машина Наполеона не могла оставаться въ бездѣйствіи, а Александръ еще задѣлъ его тѣмъ, что не принялъ континентальной системы противъ Англіи. Соперники за владычество надъ Европой должны были помѣряться силами и Наполеонъ двинулся на Россію.

Судьба Карла XII должна была бы предостеречь его. Завоевать Россію невозможно. Но Наполеономъ въ это время овладѣло то помраченіе величія, которое привело его къ гибели. Во времена старой римской имперіи онъ, не задумываясь, объявилъ бы себя богомъ. Говорилъ же онъ еще на о. св. Елены, что большая комета 1811 г. появилась лишь ради него!

Съ большой арміей, огромнымъ войскомъ свыше 500,000 человѣкъ, въ которое должны были поставить свои контингенты всѣ вассалы и союзники Французской имперіи, Наполеонъ вступилъ въ 1812 г. въ Россію. Правое крыло его арміи направилось въ южную Россію; лѣвое пошло къ Петербургу. Центръ разбилъ русскихъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ и

при Бородинѣ подъ Москвой и Наполеонъ вступилъ въ Москву. Но русскіе подожгли Москву. Наполеонъ долженъ былъ предпринять отступленіе, во время котораго вслѣдствіе суровости русской зимы погибло все его войско.

Эта неудача произвела подавляющее впечатлѣніе; невольные или вольные союзники Наполеона большею частью отпали отъ него. Пруссія вступила въ союзъ съ Россіей и Англіей; Австрія тоже присоединилась къ нимъ. Италія и Рейнскій Союзъ держались Наполеона. Большая борьба 1813 г. произошла въ Саксоніи; послѣ перемѣнчиваго военнаго счастья, Наполеонъ въ трехдневной гигантской битвѣ подъ Лейпцигомъ былъ подавленъ преобладающей силой союзниковъ и бѣжалъ за Рейнъ, послѣ чего отъ него отпали и государи Рейнскаго Союза. Въ 1814 г. союзники перешли Рейнъ и послѣ кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ снова обнаружилось все блестящее военное искусство Наполеона, взяли Парижъ. Наполеонъ отрекся въ Фонтенебло отъ престола и получилъ островъ Эльбу съ титуломъ императора.

Графъ Прованскій, братъ Людовика XVI, былъ призванъ союзниками на французскій королевскій престолъ съ именемъ Людовика XVIII. Онъ вернулся во Францію съ остатками стараго режима, какъ онъ говорилъ, „въ девятнадцатомъ году своего царствованія". Для этаго Бурбона было сущимъ пустякомъ вычеркнуть изъ исторіи республику и имперію.

Но хотя онъ далъ „конституціонную хартію", въ качествѣ конституціи, которая была болѣе конституціонной, чѣмъ далайламовская конституція имперіи, недовольство во время этой первой реставраціи было всетаки чрезвычайно велико. Народъ озлоблялъ гнетъ налоговъ, наполеоновскіе офицеры терпѣли униженія и когда въ Вѣнѣ конгрессъ союзниковъ обсуждалъ преобразованіе Европы, во Франціи образовался сильный заговоръ бонапартистовъ. Въ мартѣ 1815 г. Наполеонъ бѣжалъ съ Эльбы, высадился во Франціи и тріумфальнымъ шествіемъ направился въ Парижъ, такъ какъ всѣ войска переходили къ нему. Людовикъ XVIII бѣжалъ въ Гентъ. Наполеонъ возстановилъ всѣ свои учрежденія и далъ дополнительный актъ къ своей конституціи. Однако онъ, давшій при своемъ возвращеніи много либеральныхъ обѣщаній, но не исполнившій ихъ, вскорѣ вызвалъ недовольство, такъ какъ онъ правилъ въ прежнемъ самодержавномъ духѣ.

Союзники объявили Наполеона внѣ законовъ. Въ ихъ прокламаціи говорилось: *„Наполеонъ Бонапартъ, какъ врагъ и нарушитель спокойствія мира, поставленъ внѣ всѣхъ гражданскихъ и общественныхъ отношеній и преданъ общественному преслѣдованію"*.

Среди великихъ державъ, объявившихъ его внѣ законовъ, не было ни одной, которая не нарушала бы мира въ такой же степени, какъ и Наполеонъ.

Войска союзниковъ двинулись черезъ Рейнъ, но рѣшеніе судьбы произошло въ Бельгіи, гдѣ Наполеонъ сперва разбилъ пруссаковъ при Линьи, но затѣмъ, при Ватерлоо или Белль-Альянсѣ 18 іюня 1815 г. безуспѣшно напалъ на англичанъ и, благодаря прибытію пруссаковъ, былъ совершенно разбитъ. Армія

его была уничтожена. Вскорѣ войско союзниковъ во второй разъ явилось подъ стѣнами Парижа. Наполеонъ отрекся отъ престола и сдался англичанамъ, которые отнеслись къ нему, какъ къ военноплѣнному и сослали его на уединенный скалистый островъ святой Елены. Тамъ жилъ Наполеонъ послѣ своей титанической карьеры еще шесть лѣтъ, снѣдаемый гнѣвомъ и досадой вслѣдствіе мелочныхъ прижимокъ англійскихъ торгашей. Онъ умеръ 5 мая 1821 г.

Вторая реставрація разразилась надъ Франціей, какъ опустошительная буря. Съ Людовикомъ XVIII прибыли всѣ представители стараго режима и съ жаждой мести обрушились на всѣхъ, кто только чѣмъ нибудь скомпрометировалъ себя во время ста дней, которые Наполеонъ царствовалъ по возвращеніи съ Эльбы. Кровавая расправа учинена была надъ рядомъ храбрыхъ людей и за нею послѣдовала масса дикихъ оргій мести со стороны роялистической черни, которымъ власти не препятствовали и не преслѣдовали ихъ зачинщиковъ. Рядъ выдающихся бонапартистовъ отправленъ былъ въ ссылку; всѣ жившіе еще и не перешедшіе къ роялизму члены конвента также были изгнаны изъ Франціи, какъ „цареубійцы". „Бѣлый терроръ" свирѣпствовалъ во Франціи среди мира не меньше, чѣмъ нѣкогда красный терроръ въ пылу гражданской войны.

Такимъ образомъ, по внѣшнему виду политическій строй Франціи, существовавшій до революціи, былъ въ общемъ снова возстановленъ. Была конституція, которая не имѣла особеннаго значенія, потому что безъ конституціи уже не рѣшались править Франціей; для этого Франція всетаки осталась слишкомъ современной. Но и экономическихъ измѣненій, вышедшихъ изъ революціи, тоже невозможно было уничтожить. Это произвело бы всеобщее замѣшательство. Собственниковъ національныхъ имуществъ, отчужденныхъ во время революціи, нельзя было экспропріировать безъ всякихъ околичностей. Имущества за это время часто переходили въ другія руки, многіе изъ первоначальныхъ владѣльцевъ ихъ умерли за-границей, а иные уже не предъявляли своихъ претензій. Стараго феодальнаго зданія уже нельзя было возстановить и реставрація должна была страшиться раздраженія многочисленнаго класса мелкихъ крестьянъ, которые хотя и давно отреклись отъ самой революціи, но всѣми фибрами держались за землю, освободившуюся отъ феодальныхъ тяготъ или пріобрѣтенную ими во время революціи.

Легко представить себѣ, какъ безпрерывно осаждался дворъ толпами эмигрантовъ, требовавшихъ вознагражденія за свои имущества, такъ какъ самихъ имуществъ имъ уже нельзя было возвратить. Карлъ X, вступившій на престолъ въ 1824 г., наконецъ, уступилъ и въ 1825 г. палатамъ былъ предложенъ законъ относительно вознагражденія эмигрантовъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и принятый ими. По этому закону эмигранты получали вознагражденіе въ одинъ милліардъ въ видѣ трехъ-процентной ренты—ежегодно 30 милліоновъ. Но послѣ іюльской

революціи 1830 г. взглянули на этотъ вопросъ иначе и въ 1831 г. рента была снова отмѣнена.

Такъ феодализмъ поплатился за свою историческую роль огромными потерями и не могъ уже снова водвориться во Франціи, потому что сила его основывалась на его собственности и привиллегіяхъ. Собственность и привиллегіи отняла у него революція и реставрація не могла ихъ возвратить ему.

„Свободный крестьянинъ“ остался прочнымъ пріобрѣтеніемъ французской революціи. Но былъ ли онъ дѣйствительно свободенъ? Нѣтъ,—свободенъ онъ не былъ, онъ все-таки оставался glebae abscriptus, человѣкомъ прикрѣпленнымъ къ землѣ, хотя ему и не надо было давать большую часть своего дохода землевладѣльцу. Мы уже указывали на то, какую пагубную ошибку сдѣлала революція раздробленіемъ земельной собственности на участки. На время эта мѣра достигла цѣли, потому что она привязала массу мелкихъ землевладѣльцевъ къ революціи. Мы видѣли, какъ держали себя участковые крестьяне въ различные фазисы революціи. Они были самой прочной опорой имперіи и приверженцами всякой реакціи, если только она обезпечивала имъ ихъ состояніе и гарантировала ихъ отъ конфискаціи ихъ имуществъ. Поэтому-то и реставрація вела дѣло такъ осторожно и вознагражденіе, назначенное ею эмигрантамъ, заставила выплачивать не однихъ только владѣльцевъ прежнихъ національныхъ имуществъ, а всю французскую націю.

Но участковая система шла своимъ неизбѣжнымъ путемъ; землевладѣніе раздроблялось все больше и больше и положеніе французскихъ крестьянъ ухудшалось. Если наставали особенно плохія времена, то налоги, который крестьянинъ долженъ былъ вносить государству уже наличными деньгами, конечно, давили его не меньше, чѣмъ нѣкогда сборы натурою, дававшіеся имъ землевладѣльцу.

Объ это крестьянство, чуждое всякихъ идеаловъ, всякихъ интересовъ, кромѣ интересовъ своей земли, разбилось также возстаніе 1848 г. во Франціи, а наполеоновская легенда сдѣлала остальное, чтобы во второй разъ возвести на престолъ крестьянскаго императора въ лицѣ Наполеона III. Все совершилось по образу 1799 г. и 2 декабря 1851 г. было лишь новымъ изданіемъ 18-го брюмэра 1799 г.,—хотя по своимъ причинамъ и результатамъ и очень ухудшенное изданіе.

Но тѣмъ значительнѣе было нормальное дѣйствіе французской революціи. Она придала обществу ту демократическую черту, которую уже невозможно изгладить. Уничтоживъ сословія, она объявила равенство, которое на практикѣ превратилось въ равноправность или равенство предъ закономъ. Для того времени это было огромнымъ шагомъ впередъ и составило основу новаго буржуазнаго общества. Буржуазное общество вмѣсто стараго сословнаго господства ввело господство классовое, преобладаніе имущихъ классовъ надъ неимущими, которое является первоначально не основанной на законѣ, но фактической привиллегіей и потому отражается также на современномъ законодательствѣ. Задача

нашего времени состоитъ въ устраненіи противорѣчій, на которыхъ основывается классовое господство. Задача эта занимаетъ насъ въ видѣ того, что въ наши дни называютъ *соціальнымъ вопросомъ.*

Французская революція является, можетъ быть, самой интересной изъ всѣхъ историческихъ эпохъ и изученіе ея въ высшей степени поучительно. Какая масса блестящихъ интересныхъ фигуръ, какое благородство и какая пошлость, какіе герои и какія рабскія натуры, какіе потоки крови и какія блага! Мы, нѣмцы, съ ужасомъ отворачиваемся отъ кровавыхъ катастрофъ, отъ массовыхъ избіеній безоружныхъ, что не въ нашей натурѣ. Это больше въ характерѣ романскихъ народовъ проявлять жестокость и безпощадность къ побѣжденнымъ; наша исторія показываетъ, что мы менѣе жестоки, такъ какъ у насъ было мало избіеній безоружныхъ, а въ новѣйшей исторіи нашей ихъ вовсе не было. Большая война въ верденскомъ лѣсу, когда Карлъ Великій велѣлъ избить 4000 плѣнныхъ саксовъ, совершилась болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ; подобныя жестокости мы могли бы еще представить себѣ развѣ лишь во время тридцатилѣтней войны, когда всѣ націи Европы свирѣпствовали на нѣмецкой землѣ. Кровавыя жестокости гражданскихъ войнъ во Франціи, Италіи, Испаніи и Южной Америкѣ противорѣчатъ натурѣ германцевъ, которая мягче и покладистѣе, и не такъ поддается необузданнымъ страстямъ, какъ согрѣтая солнцемъ юга кровь романцевъ.

Но многочисленныя привлекательныя и интересныя явленія французской революціи создали также особаго рода *революціонную романтику,* которая часто уже оказывала пагубное вліяніе. Есть мечтатели и фанатики, которые считаютъ свою жизнь потерянной, если они не пережили подобной же бурной эпохи. Они вѣрятъ, будто исторія есть лишь вѣчное повтореніе до мелочей и съ ребяческой вѣрой ждутъ того часа, когда настанетъ и „ихъ“ революція.

Кто долго пробылъ въ одномъ мѣстѣ и затѣмъ оставилъ его, у того воспоминанія объ этомъ мѣстѣ обыкновенно принимаютъ совершенно иной видъ. Все непріятное, противное и тягостное, существующее въ этомъ мѣстѣ, обыкновенно болѣе или менѣе изглаживается изъ нашей памяти или представляется намъ издали болѣе сноснымъ. Все же пріятное, прекрасное и возвышенное, пережитое нами тамъ, встаетъ въ нашихъ воспоминаніяхъ удвоенной силой. Но если мы снова вернемся въ то мѣсто, исполненные пріятныхъ воспоминаній, то насъ постигнетъ разочарованіе, когда мы увидимъ передъ собой голую дѣйствительность.

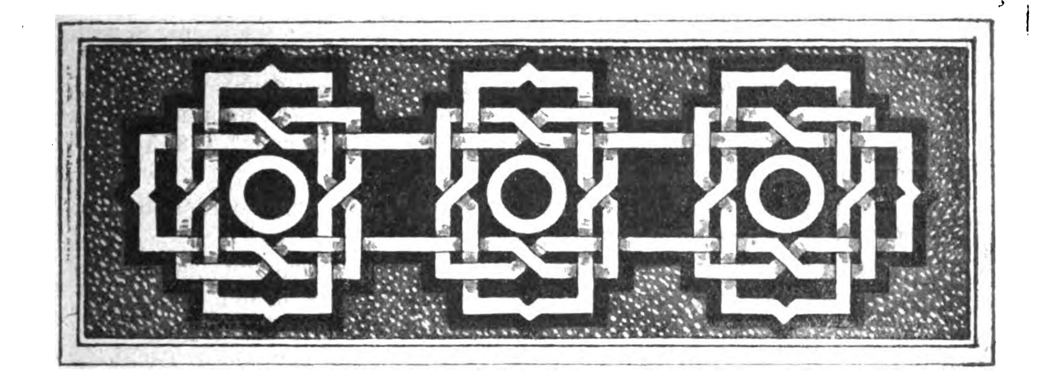
То же самое и съ историческими эпохами. Если мы разсматриваемъ ихъ лишь поверхностно, лишь издали, мы видимъ въ нихъ только интересное и пріятное. Если же мы углубимся въ ихъ причины и слѣдствія, то рядомъ съ интересными и возвышенными явленіями, мы увидимъ и ихъ тѣневыя стороны. Ихъ не надо игнорировать, ибо иначе представленіе будетъ ложнымъ. Романтики же обыкновенно отчасти или даже совершенно игнорируютъ эти тѣневыя стороны.

Одинъ уважаемый нами историкъ какъ-то сказалъ, что внушать народу революціонную романтику столь же преступно, какъ и давать мореплавателю невѣрныя карты. Онъ правъ — и мы старались слѣдовать его указанію. Поэтому-то мы и останавливались на экономическихъ условіяхъ во время переворота. Изъ нихъ видно, что народъ долженъ вытерпѣть при столь большомъ переворотѣ, какія жертвы онъ долженъ нести своимъ достояніемъ и кровью, какія страданія долженъ онъ перетерпѣть,—между тѣмъ какъ плоды усилій всѣхъ, почти всегда достаются на долю лишь нѣкоторыхъ, немногихъ.

Вы видите, что истинныя улучшенія для всего общества пріобрѣтаются въ исторіи лишь медленно и постепенно. Гдѣ проявляется чрезмѣрная поспѣшность, тамъ неизбѣжно наступаетъ реакція; исторія французской революціи учитъ насъ этому на сотняхъ примѣровъ.—Быстрое развитіе нашего времени быстрѣе также поведетъ насъ на пути къ лучшему. Цѣлый вѣкъ отдѣляетъ насъ отъ того всеобъемлющаго переворота и за это время совершилось еще не одно преобразованіе. Наше образованіе увеличилось, наши нравы улучшились, вся наша жизнь стала требовательнѣе. *Сила мысли* повсюду увеличилась и становится выше *силы кулака*. Идея человѣчности проложила себѣ дорогу. Это позволяетъ намъ надѣяться, что преобразованія, зрѣющія въ лонѣ будущаго, примутъ болѣе мягкія и человѣчныя формы.

Если правда, что будущее принадлежитъ демократіи, то иначе и быть не можетъ. Храмъ демократіи, говоритъ одинъ великій мыслитель, составляютъ науки. Съ ихъ помощью демократія, столь сильно проявляющаяся теперь особенно въ рабочемъ мірѣ, должна приблизиться къ рѣшенію вопросовъ времени. Гдѣ царятъ науки, тамъ нѣтъ мѣста царству жестокости.

Исторія складывается не по желаніямъ романтиковъ. Лишь въ томъ случаѣ, если мы тщательно и честно изучаемъ прошлое, намъ позволительно дѣлать заключенія относительно перемѣнъ въ будущемъ.

Памяти А. К. Михайлова-Шеллера.

I.

Русская литература понесла тяжкую утрату 21 ноября въ лицѣ скончавшагося на 63 году извѣстнаго писателя Александра Константиновича Шеллера (псевдонимъ А. Михайловъ). Изъ біографическихъ свѣдѣній о немъ мы узнаемъ, что онъ родился въ Петербургѣ 30 іюля 1838 года и по отцу былъ эстонецъ, а по матери русскій. Отецъ его въ ранней молодости былъ привезенъ изъ Аренсбурга въ нашу столицу и скоро совершенно обрусѣлъ. Сначала онъ игралъ въ театральномъ оркестрѣ, а потомъ былъ придворнымъ служителемъ. Мать шила платья и, такимъ образомъ, Александръ Константиновичъ провелъ молодость въ простой и весьма бѣдной семьѣ. Тѣмъ не менѣе, его родные были достаточно умными людьми, чтобы внушить сыну вѣру въ могущество просвѣщенія и честныхъ правилъ въ жизни. Шеллеръ описалъ ихъ въ своемъ романѣ „Гнилыя болота" подъ фамиліей Рудые. Они употребили послѣднія средства на научное образованіе своего сына, помѣстивъ его первоначально въ Анненскую школу и потомъ поддерживая его дальнѣйшее пребываніе въ университетѣ, гдѣ онъ былъ вольнослушателемъ. Наиболѣе серьезно занялся Александръ Константиновичъ изученіемъ соціальныхъ вопросовъ за границей, куда онъ поѣхалъ въ качествѣ домашняго секретаря при графѣ Апраксинѣ. Въ Парижѣ онъ собиралъ матеріалы для будущихъ своихъ блестяще написанныхъ имъ научныхъ компиляцій по рабочему вопросу: „Ассоціаціи" и „Пролетаріатъ во Франціи".

Первоначальную свою дѣятельность А К. Шеллеръ началъ въ 1859 году въ „Весельчакѣ“ Плюшара, подписываясь въ немъ анаграммою А. Релешъ, и въ „Современникѣ“, гдѣ первые его романы: „Гнилыя болота“ (1864 г.) и „Жизнь Шупова“ (1865 г.) сразу создали громкое имя автору.

„Гнилыя болота“ и „Жизнь Шупова“ въ художественномъ отношеніи безукоризненны.

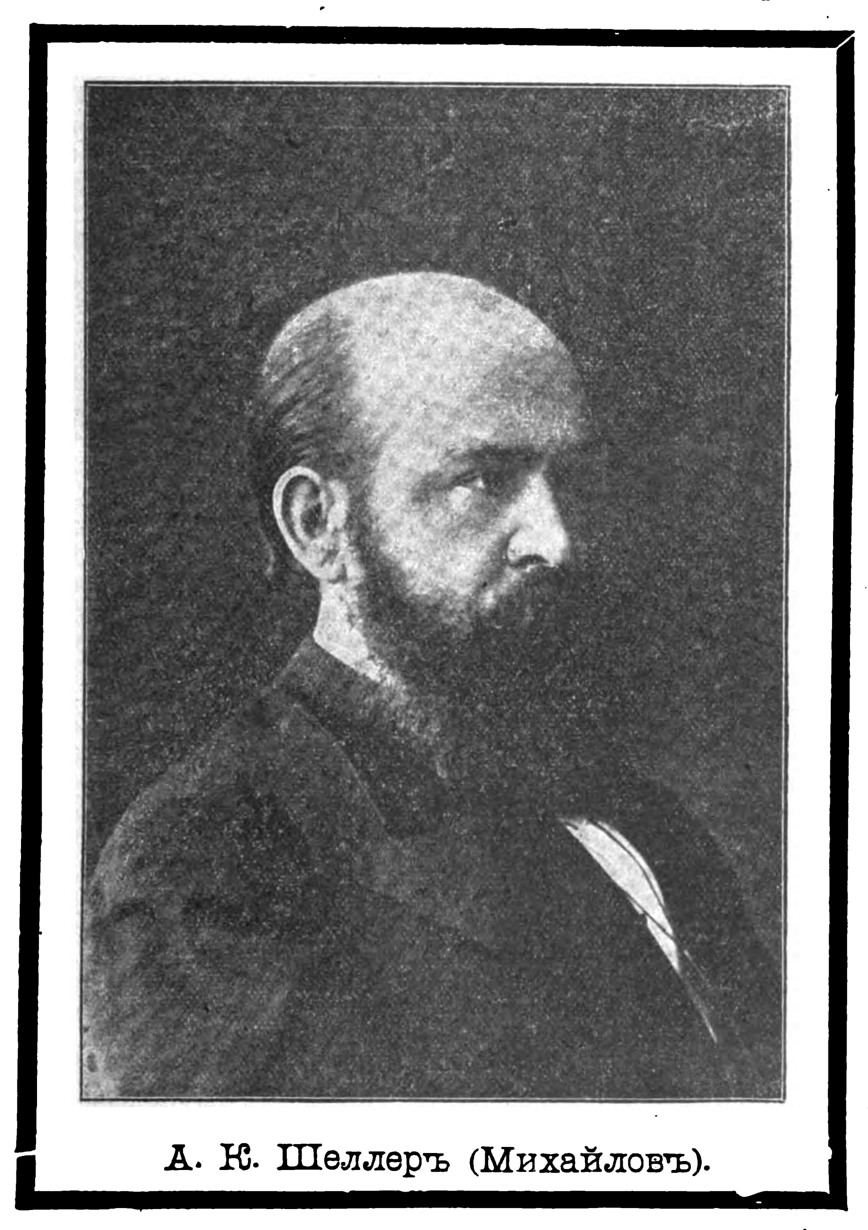
Въ послѣдующемъ романѣ „Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ“ шестидесятники (одинъ изъ Прохоровыхъ) провѣряютъ самихъ себя и приходятъ къ скорбному заключенію о своей непрактичности и частомъ преобладаніи въ ихъ жизни громкихъ словъ вмѣсто дѣла... Дѣти вчерашнихъ крѣпостниковъ по своимъ привычкамъ оказались безсильными жить согласно указаніямъ разума и новыхъ идеаловъ. Какъ прежде въ ихъ поведеніи многое покоилось исключительно на либеральныхъ убѣжденіяхъ, такъ теперь все стало оправдываться „обстоятельствами“ и недостатками характера. Тенденціозный періодъ русской жизни ослабѣлъ, уступая ходу вещей, и т. д. Сообразно этой перемѣнѣ дальнѣйшія произведенія Шеллера отражаютъ наступающее умственное и политическое оскудѣніе жизни.

Въ романѣ „Паденіе“ выведенъ уже народившійся типъ глумящагося индиферентиста (Серпуховъ) надъ идеалами минувшаго прошлаго. Въ близкомъ будущемъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, этотъ добродушный и безпечный ренегатъ превращается въ активнаго и злобнаго реакціонера въ лицѣ „Ртищева“. Не только въ общественной, но и въ своей личной жизни новый герой всюду видитъ одну подлость и только о себѣ самомъ держится высокаго мнѣнія. Не только литература, общество и земство, по его мнѣнію, продажны, но даже простые его знакомые и пріятели идутъ къ нему только чтобы его объѣдать... Собственной женѣ необходимо жить въ четырехъ стѣнахъ и только принаравливаться къ мужу...

— Всѣ эти барышни и барыни, скачущія съ лекціи на лекцію, отъ товарокъ къ товаркамъ, отъ новостей къ новостямъ—самая худшая изъ породъ... Идутъ по торной дорожкѣ къ разврату,— говорилъ онъ про всѣхъ учащихся дѣвушекъ.—Сегодня бѣгаютъ на курсы, завтра къ студентамъ за совѣтами, послѣ завтра на ночлегъ къ любовникамъ. Мужская молодежь—эти „мальчики безъ штановъ“—праздно болтаютъ о высокихъ предметахъ. Политика не ихъ дѣло и не имъ играть спокойствіемъ народа. А самый народъ безъ узды немыслимъ, и эта узда—его религіозность.

Вотъ къ какимъ взглядамъ на жизнь пришли въ 80-хъ годахъ новые люди, уже свободные отъ идеализма прошлаго и его разочарованій. На свой страхъ и безъ сомнѣній, они затягивали все крѣпче и крѣпче узелъ общественной жизни и не боялись испытаній, которыя могутъ выпасть на долю каждой страны, въ видѣ голодовокъ, войны, финансовыхъ затрудненій или фанатизма непросвѣщенныхъ массъ...

Вѣрующіе въ самихъ себя и исключительно въ свой геній, они самоувѣренны и смѣло берутъ судьбы родины на свою отвѣтственность. Этотъ любопытный типъ самоувѣреннаго дворянства

А. К. Шеллеръ (Михайловъ).

въ реакціонную эпоху воспроизведенъ Шеллеромъ вполнѣ художественно въ романѣ „Ртищевъ".

Вслѣдъ за паденіемъ либеральнаго направленія, появляется въ русской общественной жизни, почти одновременно со „Рти-

щевымъ", и буквальное вырожденіе обѣднѣлыхъ дворянъ, выведенныхъ Шеллеромъ въ его позднѣйшихъ романахъ. „Семья Муратовыхъ"—это цѣлая серія романовъ изъ эпохи оскудѣнія. Начинается дѣло съ дѣлежа наслѣдства между братьями Муратовыми. Уже при дѣлежѣ имущества видно, что братья готовы перегрызть другъ другу горло. Это дѣти неумѣлыхъ крѣпостниковъ, ханжи-матери и пьяницы-отца. Они воспитывались внѣ дома на казенныхъ хлѣбахъ или у петербургскихъ аристократовъ родственниковъ. Общаго между ними нѣтъ ничего. Одинъ братъ, Аркадій Павловичъ, отупѣвшій петербургскій чиновникъ, живущій не по средствамъ, мирится ради выгодъ и съ ролью мужа-рогоносца и съ ролью человѣка, обдѣлывающаго нечистыя дѣла іерусалимскихъ дворянъ, скупающихъ земли въ Западномъ краѣ. Петръ Павловичъ, гвардейскій хлыщъ и прожигатель жизни, сводитъ весь ея интересъ къ одному вопросу: гдѣ бы достать денегъ? Ради денегъ онъ соблазняетъ глуповатую жену стараго ростовщика и въ то же время разсчитываетъ жениться на богатой честной и милой дѣвушкѣ. Романъ съ женою ростовщика Зиминой доходитъ въ сущности до уголовщины, до поддѣльныхъ векселей, до насильственной смерти Зимина, задушеннаго женой. Опомниться легкомысленнаго человѣка заставляетъ только то, что онъ видитъ, какъ погибаютъ на скамьѣ подсудимыхъ люди, подобные ему, отправляясь послѣ великосвѣтскихъ баловъ въ мѣста не столь отдаленныя („Безпечальное житье"). Другая участь (романъ „И золотомъ и молотомъ") ждала Данила Павловича Муратова, трактирнаго героя, жившаго въ провинціи и ближе знавшаго народъ и кулачество. Очутившись на своихъ ногахъ, онъ увидѣлъ, что надо сдѣлаться кулакомъ, чтобы спастись. И вотъ, женившись на дочери своего крѣпостного, теперь купца и подрядчика, онъ проходитъ тяжелую школу желѣзнодорожнаго строителя, моритъ людей, не брезгуетъ никакими средствами и наконецъ добивается „и золотомъ и молотомъ" своего, т. е. богатства. Максимъ Павловичъ—неудачникъ, которому суждено кончить жизнь „внѣ жизни", безъ толку, пострадавъ „за идеи"; сестра Софья Павловна, (ром. „Совѣсть"), послѣ „ложнаго шага" среди свѣтскаго общества, идетъ въ монастырь, гдѣ дѣлается довольно видной дѣятельницей въ роли игуменьи, но эта дѣятельность напоминаетъ карьеру извѣстной матушки—Митрофаніи. „Старыя гнѣзда" посвящены общей характеристикѣ всѣхъ этихъ героевъ, которымъ суждено на разныхъ поприщахъ дѣйствовать въ эпоху оскудѣнія. Интересными являются у Шеллера въ этихъ романахъ и старые типы дворянъ, неумѣющихъ принаровиться къ новой жизни безъ крестьянъ, какъ напримѣръ старый баринъ Платонъ Николаевичъ Баскаковъ, умирающій отъ удара при первомъ же столкновеніи со своимъ бывшимъ крѣпостнымъ, или его братъ Александръ Николаевичъ Баскаковъ—мотъ и кутила, носящійся вѣчно съ какими то неосуществимыми планами, дѣлающійся домостроителемъ въ Петербургѣ во время строительной горячки восьмидесятыхъ годовъ и умирающій совершенно раззореннымъ нищимъ, настроивъ громадные дома для другихъ. Еще тяжелѣе

остается впечатлѣніе о несчастныхъ „оскудѣнышахъ" по прочтеніи романа „Бездомники" или разсказа „Конецъ Бирюковской дачи", съ барышнями-помѣщицами, у которыхъ мѣстный кулакъ отбираетъ за долги ихъ усадьбу. Неприготовленныя ни къ какому труду и не нашедшія себѣ жениховъ, онѣ должны очутиться „на улицѣ", исключая той изъ нихъ, которая ушла въ избу мужика и стала жить съ нимъ, „опростившись" до него. Но среди вырождающихся дворянъ въ „декадентовъ жизни" и преступниковъ, Шеллеръ не забылъ среди нихъ и „Побѣдителей", представителей нарождающейся у насъ буржуазіи на мѣстахъ упраздненнаго дворянства.

Не стало крестьянъ, открылись новыя мѣста, новыя учрежденія, возникли десятки желѣзныхъ дорогъ и банковъ, и теперь явился новый способъ сдѣлать карьеру или пріобрѣсти доходное мѣсто.

«Новыя учрежденія,—говоритъ г. Шеллеръ—потребовали цѣлыя полчища новыхъ людей. Этихъ людей пришлось поневолѣ вербовать не среди привилегированныхъ классовъ, захватывавшихъ прежде все только въ свои руки, а гдѣ попало среди мѣщанъ, среди недоучекъ, среди голяковъ. Изъ этихъ людей сразу создался новый классъ разночинцевъ; ихъ можетъ быть, неловко было спрашивать объ ихъ происхожденіи, о степени ихъ образованія, но ихъ нельзя было не принимать въ лучшихъ кружкахъ, потому что они ворочали дѣлами и имѣли денежныя средства».

Представителями этого «хамоваго отродья», оттѣснившаго «золотую молодежь» отъ пирога, являются у Шеллера въ городахъ Орловы изъ романа „Голь", а въ деревняхъ Кожуховы изъ романа «Алчущіе».

Всѣ позднѣйшія произведенія Шеллера, въ которыхъ онъ касается вліянія на русскую жизнь новыхъ экономическихъ условій, проникнуты глубокимъ пессимизмомъ. Въ первоначальныхъ его романахъ, несмотря на глубокую скорбь за русскую семью и школу, авторъ былъ жизнерадостнымъ. Онъ имѣетъ полное право говорить по своему адресу:

«Счастливъ читатель, который окончилъ чтеніе хотя одного романа и не потупилъ въ отчаяньи головы, но поднялъ ее и бодро и весело устремилъ свои взоры за героями въ ихъ будущую, неизвѣстную ему, читателю, жизнь, въ страну вымысла, созданную его пробужденнымъ воображеніемъ. Въ этой странѣ свѣтлые образы навсегда останутся свѣтлыми, и никакого пятна не наложитъ на нихъ наша грязная жизнь. Свѣтлое настроеніе охватитъ душу читателя и промелькнетъ въ его головѣ мысль: «еще можно жить на свѣтѣ, еще есть хорошіе люди, они мнѣ какъ будто знакомы...» Знакомы, читатель, знакомы! Хорошихъ, простыхъ людей много, умѣйте только ихъ искать; сами о себѣ они не кричатъ: это тихіе, но гордые люди. Дурные дѣлаютъ больше шуму».

Позднѣе, чѣмъ торопливѣе мы шли на выучку къ капитализму, тѣмъ исключительнѣе выводилъ Шеллеръ въ своихъ романахъ

типъ торжествующаго безсердечнаго буржуа, замѣщающаго всюду упраздненныя ваканціи, съ специфической философіей о безсиліи моральнаго элемента въ исторіи русскаго общества и торжествѣ надъ личностью матеріальныхъ условій жизни.

Мрачныя картины нашей общественной жизни нисколько не изгладились въ наблюденіяхъ романиста и тогда, когда за послѣдніе годы въ обществѣ появились новые люди, извѣстные подъ именемъ „толстовцевъ". Въ книгѣ, появившейся 1900 года, въ дополненіе къ „Полному собранію сочиненій" А. К. Шеллера, собраны его романы „Школа жизни" и двѣ повѣсти „Глухая рознь" и „Послѣ насъ". Въ послѣдней изъ нихъ авторъ, хотя и и нѣсколько блѣдно, выводитъ типъ людей, которые проповѣдуютъ воду, а сами пьютъ вино и которые для этой „воды" готовы изломать чужую жизнь, какъ бы носитель ея не былъ мало пригоденъ для идеала съ водой и чернымъ хлѣбомъ.

Леонидъ Николаевичъ пріѣзжаетъ въ усадьбу скончавшагося отца и узнаетъ, что у покойнаго остался незаконнорожденный сынъ и мать послѣдняго. Какъ передъ пріѣздомъ своимъ въ усадьбу Леонидъ Николаевичъ не пожелалъ ее видѣть, такъ и за послѣдовавшимъ самоотравленіемъ ея онъ велѣлъ покойницу „отправить въ больницу" и пообѣщался «не бросить ея мальчишку».

— Онъ изъ своей части долженъ помочь мальчику, такъ какъ это несомнѣнно сынъ его отца. Но какъ? Деньги иногда ни что иное, какъ страшное зло...

Разсуждая, такимъ образомъ, онъ рѣшилъ:—Придется добывать хлѣбъ работой, на костюмчики нельзя будетъ тратиться, а отвыкать отъ того, что вошло въ плоть и кровь, послѣ будетъ трудно... Надо теперь же приняться за перевоспитаніе мальчика.

У него въ головѣ давно уже созрѣлъ планъ, какъ онъ устроитъ свою жизнь вдали отъ развратныхъ большихъ городскихъ центровъ въ простой крестьянской обстановкѣ, научившись черному труду, съ ограниченіемъ всѣхъ своихъ потребностей.

Онъ прямо заявилъ старику лакею, который нянчилъ «Бориньку», что мальчику уже пять лѣтъ и въ какомъ нибудь особенномъ уходѣ онъ не нуждается. „Онъ поселится здѣсь гдѣнибудь со мной, и когда подростетъ, я увижу, что надо будетъ сдѣлать изъ него... къ чему будутъ способности. Вы, Михаилъ Матвеевичъ, человѣкъ старый и многаго вамъ не объяснить... Вы вотъ баловали мальчика, какъ князька какого, а ему, можетъ быть, въ будущемъ-то сапожникомъ или столяромъ придется быть... будущее неизвѣстно".

— Это сыну то Николая Даниловича? воскликнулъ Михаилъ Матвѣичъ и махнулъ рукою.—Что вы, сударь, шутить изволите, значитъ, надо мной, старикомъ...

— Вы ошибаетесь, началъ Леонидъ Николаевичъ.—Борисъ незаконный сынъ и дѣлать изъ него привередливаго барченка я вовсе не желаю... и не имѣю права...

— Батюшка, Леонидъ Николаевичъ, молящимъ голосомъ воскликнулъ старикъ.—Дитя малое, значитъ, отца и матери разомъ

лишилось, зачѣмъ же еще вы и меня то отъ него, значитъ, отнимаете... разомъ то привыкнуть дитяти будетъ трудно, одинъ одинешенекъ останется... Ничего мнѣ, значитъ, не надо, ни жалованья, ни куска хлѣба, оставьте только, значитъ при немъ...

Леонидъ Николаевичъ разрѣшилъ старику только „навѣщать" мальчика, нуждавшагося въ любящемъ сердцѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ воспитательныхъ теоріяхъ по заказу.

А между тѣмъ онъ запретилъ старику даже иногда помочь ребенку надѣть чулки и сапоги, несмотря на то, что любовь старика къ ребенку только и могла выразиться въ мелкихъ услугахъ послѣднему. „Сладкаго куска" нельзя было дать, такъ какъ у Леонида Николаевича „на все, значитъ, резоны свои..."

Хуже всего бывало въ тѣ минуты, когда Михаилъ Матвѣичъ заставалъ Бореньку одного, и тотъ, прижавшись головкой къ старику, тихо-тихо начиналъ плакать, не умѣя даже объяснить, о чемъ онъ плачетъ, о томъ-ли, что къ нему не идутъ папа и мама, о томъ-ли, что ему не даютъ сластей и игрушекъ, о томъ-ли, что складывать кубики ему вовсе не весело, или просто о томъ, что къ Леониду Николаевичу нельзя вотъ такъ прижаться головкой, какъ къ дядѣ Мишѣ.

Съ своей стороны и „толстовецъ" Леонидъ Николаевичъ судилъ о старикѣ въ томъ духѣ, что ему еще долго придется противодѣйствовать этому глупому старику, умѣющему только баловать, неумѣнью быть самостоятельнымъ и бабьей плаксивости. Онъ не помнилъ себя въ этомъ возрастѣ, но ему казалось, что онъ всегда самъ одѣвался, всему самъ научился, до всего дошелъ самъ, всегда былъ бодръ и серьезенъ, стоя выше всѣхъ окружавшихъ его людей. Онъ мысленно давалъ себѣ обѣщаніе:

— Я его такимъ и сдѣлаю въ деревнѣ, только бы этотъ выжившій изъ ума старикъ удалился поскорѣе въ богадѣльню.

А старикъ и самъ сознавалъ, что и „ему не долго жить, что и Боренька, ангелъ Божій, едва ли проживетъ долго — уморитъ его Леонидъ Николаевичъ".

Такимъ „камнемъ", а не гуманнымъ и глубокимъ человѣкомъ, выведенъ Шеллеромъ „толстовецъ", котораго, конечно, нельзя ставить на счетъ Л. Н. Толстого, но который всецѣло свидѣтельствуетъ о грубости нашего общества и грубости нашего примѣненія къ жизни истинъ, возвышающихъ насъ. Оказывается, что мы способны скомпрометировать самыя простыя истины, и поэтому немудрено, что Леонида Николаевича прозвали „поврежденнымъ" и „блаженнымъ", несмотря на то, что самъ онъ непремѣнно хочетъ быть „оракуломъ", „прорицателемъ" или „судьею..."

Грустнымъ наблюденіемъ надъ русской жизнью закончилъ А. К. Шеллеръ свои послѣднія работы. Втеченіе болѣе тридцати лѣтъ онъ далъ намъ о перемѣнахъ въ общественной жизни нѣсколько избранныхъ романовъ („Гнилыя болота", „Жизнь Шупова", „Паденіе", „Ртищевъ", „Бездомники", „Голь", „Алчущіе"), которые надолго переживутъ автора и обезпечатъ за нимъ извѣстность гуманнаго и просвѣщеннаго художника. Слѣдуетъ замѣтить, что покойный писатель не ограничивался одними беллетристиче-

скими работами, но былъ также прекраснымъ компиляторомъ и по научнымъ вопросамъ. Его „Пролетаріатъ во Франціи", „Ассоціаціи", „Революціоный анабаптизмъ", „Царство двухъ монаховъ", „Мечты и дѣйствительность", „Основы образованія" и „Наши дѣти" значительно помогаютъ читателю въ выработкѣ политическаго міросозерцанія, столь необходимаго каждому изъ насъ.

II.

Послѣ краткаго обзора литературной дѣятельности А. К. Шеллера, намъ хочется сдѣлать о немъ тотъ выводъ, что его беллетристическія произведенія отражаютъ типичныя проявленія нашей общественной жизни за послѣднія ея тридцать лѣтъ. Выведенныя имъ лица представляются вполнѣ живыми, а не кустарными иллюстраціями „богомаза" къ его излюбленнымъ теоріямъ, какъ аттестовалъ Шеллера недавно критикъ изъ „Міра Божьяго". Чтобы нашъ протестъ не былъ голословнымъ, мы сошлемся какъ на публику, которая, по библіотечной статистикѣ, требуетъ Шеллера наряду съ лучшими литературными именами, такъ и на цѣлый рядъ имѣющихся у меня въ распоряженіи письменныхъ доказательствъ того, что избранныя произведенія Шеллера останутся надолго художественными памятниками русской жизни и будутъ читаться въ русскихъ семьяхъ смѣло еще 40-50 лѣтъ. Я говорю о письменныхъ доказательствахъ, которыя Шеллеръ получалъ въ 25 и 30-лѣтніе юбилейные дни своей литературной дѣятельности и, которыя по своему сердечному и интимному тону, не оставляютъ сомнѣнія въ искренности авторовъ. Эти письменныя доказательства литературнаго значенія А. К. Шеллера исходятъ очень часто отъ крупныхъ литературныхъ именъ, и мы охотно сохранимъ ихъ для литературы.

Заканчивая статью о Шеллерѣ письмами о немъ многихъ лицъ, мы охарактеризуемъ его нѣсколькими словами: это былъ гуманный и просвѣщенный художникъ въ области романа, западникъ—въ научныхъ работахъ по соціальнымъ вопросамъ.

А. Фаресовъ.

Москва, Кисловка, 17 окт. 88.
д. и номера Базилевскаго.

Многоуважаемый Александръ Константиновичъ! Мнѣ крайне досадно и обидно, что мой скромный голосъ не присоединился къ согласному хору русскихъ писателей, чествовавшихъ свѣтлый праздникъ Вашей долгой и плодотворной дѣятельности. Я былъ въ Константинополѣ и только сегодня вернулся въ Москву, гдѣ въ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей" мнѣ передали о Вашемъ юбилеѣ. Еще разъ—мнѣ больно, душевно больно, что я отсутствовалъ тамъ, гдѣ, мнѣ кажется, я по праву могъ бы разсказать, съ какою сердечною теплотой, съ какимъ искреннимъ участіемъ

Вы всегда относились ко всему молодому и начинающему. Я хорошо помню—какимъ добрымъ словомъ Вы одобрили меня, когда растерянный и смятенный я вернулся въ Петербургъ. Я никогда не забуду, какъ бы ни складывались впослѣдствіи наши литературныя отношенія, что многимъ и многимъ въ своей энергіи труда въ ту тяжелую пору,—я былъ обязанъ Вамъ. И я ли одинъ! На моихъ глазахъ проходили тогда цѣлыя вереницы — начинавшихъ товарищей — къ которымъ Вы ни разу не отнеслись съ холоднымъ высокомѣріемъ сдѣлавшаго себѣ большое имя писателя. Напротивъ, Вы были истиннымъ другомъ каждому—и многіе изъ насъ, можетъ быть, не разъ жалѣли, что не прислушивались внимательно къ Вашимъ добрымъ совѣтамъ. Вы именно были всегда благожелательны къ самымъ слабымъ росткамъ таланта. У Васъ для нихъ находилось и время, и охота. Многихъ и многихъ ужъ чествовали у насъ, какъ высокоталантливыхъ писателей, какъ свѣточей русской мысли и русской поэзіи — но едва ли не Васъ одного можно сверхъ сего привѣтствовать, какъ истиннаго друга, добраго товарища, какъ сердце и душу, всегда открытыя тѣмъ, кому было трудно и жутко. Съ нами, пробивавшимися тяжело и болѣзненно впередъ, Вы связали себя прочною душевною связью. Сдѣланное тогда — не забывается впослѣдствіи. Я повторяю: какъ бы судьба ни разводила насъ въ разныя стороны—Вашъ свѣтлый литературный и человѣческій обликъ будетъ мнѣ всегда дорогъ—потому вы поймете, какъ тяжело мнѣ теперь, что на Вашемъ праздникѣ отсутствовалъ я, не разъ и многимъ Вамъ обязанный. Еще разъ привѣтствую Васъ не только какъ высокоталантливаго писателя, какіе были и будутъ, но какъ высокую душу, честное и горячо бьющееся сердце, какъ дорогого друга всѣмъ тѣмъ, кому трудно и жутко... Въ этомъ отношеніи — Вы въ очень маломъ обществѣ и едва ли даже не одиноки, и съ тѣмъ болѣе глубокимъ и благодарнымъ чувствомъ я заочно жму Вашу руку и отъ всего сердца желаю Вамъ еще долгаго, плодотворнаго труда и достойнаго Васъ успѣха, некрушимыхъ силъ и душевной ясности.

Весь Вамъ искренно преданный

Вас. Немировичъ-Данченко.

---

9 окт. 88.

Многоуважаемый Александръ Константиновичъ! Нездоровье помѣшаетъ мнѣ, къ сожалѣнію, принять личное участіе въ Вашемъ юбилеѣ. Но мнѣ никакъ не хочется пропустить этого дня безъ нѣсколькихъ словъ къ Вамъ. Мнѣ случилось нѣкогда быть свидѣтелемъ Вашихъ первыхъ начинаній, и теперь, черезъ многіе годы, видѣть, что Вы всегда, какъ при первомъ вступленіи на литературнае поприще—среди всѣхъ пережитыхъ тревогъ — остались вѣрны поставленной себѣ задачѣ — служить обществен-

ному сознанію картинами нашей жизни, за которыми стояло всегда хорошее общественное и задушевное нравственное чувство.

Примите мои искреннія пожеланія—еще долгой плодотворной дѣятельности и добраго здоровья.

Вамъ всегда душевно преданный

А. Пыпинъ.

В. О., Ср. пр., 29.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! Наконецъ то и Вамъ пришлось переживать тотъ день, отъ котораго, къ счастію, вѣетъ не одною старостью, но и молодостью воспоминаній и сознаніемъ, что не все посѣянное нами поросло лебедой или побито градомъ, что и нашъ посѣвъ могъ когда нибудь и какъ нибудь пригодиться алчущимъ или хоть на время дать имъ нравственное удовлетвореніе.

Въ этотъ юбилейный день не поздравлять Васъ надо, а благодарить за то, что слишкомъ четверть вѣка Вы терпѣливо и не безплодно ратовали на пользу намъ родной литературы, за то, что, воодушевленные самыми лучшими намѣреніями, Вы дорожили не столько судомъ нашихъ литературныхъ корифеевъ, сколько сочувствіемъ своихъ многочисленныхъ читателей. Къ числу благодарныхъ голосовъ присоедините мой слабѣющій голосъ и не взыщите, если мнѣ лично не удастся присутствовать на Вашемъ праздникѣ—не всегда могу я:

Съ изнеможеніемъ въ кости
За новымъ племенемъ брести...

Пятьдесятъ лѣтъ не только литературной, но и какой хотите жизни—это такая тяжесть, отъ которой не только тѣло, но и душа болитъ. Поймите это и, какъ сердцевѣдецъ, великодушно извините

Васъ глубокоуважающаго и неизмѣнно преданнаго

Я. Полонскій.

1888 октябрь. С.-П.-Б.

Великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю, всея Русіи самодержцу и многихъ государствъ государю и благодѣтелю.

Бьетъ челомъ и плачетца и являетъ нищей твой государевъ сирота и богомолецъ, недостойный протопопишко Аввакумка.

Явка мнѣ, государь, на злодѣя твоего государева, на книжнаго воровсково атамана на Олексашку на Шеллерова, по разбойному его прозвищу — на Михайлова. Въ лѣто отъ рождества Господа и Спаса нашего Іисуса Христа тысяща осьмъ сотъ шестьдесятъ въ третье, божіимъ попущеніемъ и діавольскимъ навожденіемъ, забывъ страхъ божій и крестное цѣлованье, учалъ онъ, злодѣй твой государевъ, книжный воровской атаманишко Оле-

ксашка, непотребный сынъ Шеллеровъ, гнюсныя и любострастны книжницы, романами именуемыя, денно—нощно слагать и тисненію предавать на соблазнъ и погибель благочестивыхъ мужей и женъ, отроковъ, паче же отроковицъ и убѣленныхъ сѣдинами старцевъ и даже до ссущихъ младенцевъ. И оные, государь, мужи и жены, отроки же и отроковицы и ветхіе денми старцы, забывъ Бога и Пречистую его матерь, аки оглашенные, извѣся языки и распустивъ слюни сладострастія, тѣ непотребныя книжицы чтутъ въ-засосіе. И стало, государь, отъ того веліе на Руси умовъ шатаніе, женъ и отроковицъ даже доссущихъ младенцевъ паденіе, божественныхъ же книгъ конечное забвеніе. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи,—вели, государь сію мою явку и челобитье оному злодѣю твоему государеву, книжному воровскому атаману Олексашкѣ, непотребному сыну Шеллерову, всенародно вычесть, и, бивъ батоги нещадно, ноздри оному злодѣю вырвать, а книги ево на Конной площади сжечь всѣ безъ остатку, самово же злодѣя, Олексашку, заточить въ Пустозерскъ на вѣчныя времена безъ мотчанія. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Къ подажію подлежитъ въ твой государевъ приказъ, цензурою именуемый, чрезъ подателя сего, черкасково воровсково казака Данилку Мордовцева.

Сердечно поздравляю и желаю еще 30 лѣтъ злить протопопа

Аввакума.

10 октября 1888 года.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! Мнѣ, человѣку, начавшему работать во времена лучшихъ литературныхъ традицій, особенно дорого, уже помимо художественныхъ достоинствъ Вашихъ произведеній, то честное и задушевное направленіе, которое съумѣли Вы сохранить такъ свято, несмотря на всѣ невзгоды. Это такая рѣдкость въ эти четверть вѣка метаморфозъ людей и мнѣній, такая великая Ваша заслуга, которой никогда не должна забыть исторія нашей литературы; въ этомъ Вы поучительный примѣръ не только для начинающихъ дѣятелей мысли и слова, но и для насъ стариковъ. Какъ педагогу, мнѣ особенно дорого то великое воспитательное значеніе, которое Вы всегда имѣли для молодежи, и дай то Богъ, чтобы Вы, сохранившій незыблемо всю жизнь лучшія сокровища:—вѣру въ добро, любовь къ родинѣ и честь писателя, еще долго, долго такъ же неутомимо и задушевно продолжали работать на пользу нашего общества, сѣя въ немъ благотворныя сѣмена добра и правды:—этого отъ всей души желаетъ Вамъ, вмѣстѣ съ множествомъ Вашихъ почитателей.

Всегда глубоко Вамъ преданный старый педагогъ и литераторъ

Викторъ Острогорскій.

Дерптъ. 9 октября 88 г.

Многоуважаемый Александръ Константиновичъ! Завтра исполнится двадцатипятилѣтіе Вашего служенія русскому обществу и русской литературѣ, — служенія неустаннаго и плодотворнаго въ теченіе цѣлой четверти столѣтія,—позвольте же и мнѣ присоединится къ хору голосовъ Вашихъ почитателей и людей обязанныхъ многимъ Вашимъ произведеніямъ и тѣмъ хорошимъ свѣтлымъ мыслямъ, которыя Вы постоянно проводили и распространяли въ нихъ. Совѣсть безпристрастнаго наблюдателя, уважаемый Александръ Константиновичъ, заставляетъ каждаго признать въ Васъ пѣвца и выразителя печалей и радостей среднихъ классовъ нашей родины,—тѣхъ классовъ, откуда такъ много выходитъ всѣхъ „оскорбленныхъ и униженныхъ“, которымъ такъ тяжело живется на бѣломъ свѣтѣ и типичнымъ представителямъ которыхъ Вы всегда такъ тепло и радушно давали пріютъ и мѣсто на страницахъ Вашихъ, ярко рисующихъ бытъ общества, романовъ. Тѣсно связанный съ тѣми слоями нашего общества, бытописаніемъ и анализомъ которыхъ Вы занимались 25 лѣтъ съ такою любовію и участіемъ, я могу лично засвидѣтельствовать правду и теплоту тѣхъ отношеній, какія установились между Вами, какъ авторомъ и Вашими читателями. Тамъ въ далекой глухой провинціи, куда такъ рѣдко и съ такимъ трудомъ проходятъ лучи свѣта, гдѣ всякое слово добра и правды звучитъ для многихъ и многихъ слушателей единственнымъ призывомъ къ иной, новой и разумной жизни, гдѣ горячее и искреннее слово писателя находитъ сочувствіе, откликъ и падаетъ, по большей части, не на каменистую почву,—тамъ Вашъ голосъ не пропадалъ безслѣдно, тамъ Ваши „Гнилыя болота“, „Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ“, „Чужіе грѣхи“ и др. произведенія дѣлали неуклонно свое глубокое важное дѣло, воспитывая подрастающія поколѣнія, заставляя задумываться старшее и всюду внося свѣтъ, разумъ и тепло.

Простой средній читатель—человѣкъ Васъ искренно полюбилъ и старался, на сколько хватало его силъ и умѣнія передать эту любовь и своимъ дѣтямъ. Правду моихъ словъ лучше всего рисуетъ и потверждаетъ отчетъ общественныхъ городскихъ библіотекъ, ясно указывающій кого изъ русскихъ писателей болѣе всего спрашиваетъ для чтенія публика. Заканчивая свое неумѣлое привѣтствіе Вамъ съ наступившимъ днемъ Вашего 25-лѣтняго юбилея и искренно желая, чтобы Вы, многоуважаемый Александръ Константиновичъ, еще долго—долго работали для русскаго общества, я не могу не замѣтить, что радъ возможности высказать Вамъ все, что давно накопилось, тѣмъ болѣе, что Вы имѣете для меня значеніе не только какъ писатель для читателя, но и какъ умѣлый опытный мастеръ слова, не отказавшій мнѣ въ помощи и давшій мнѣ возможность вступить, хотя въ качествѣ самаго младшаго члена, въ русскую литературную семью. Примите же, уважаемый Александръ Константиновичъ, мой поклонъ и горячій привѣтъ въ день Вашего юбилея. **Мих. Лисицынъ.**

Многоуважаемый Александръ Константиновичъ! Я, быть можетъ, болѣе, чѣмъ всѣ остальные, празднующіе Вашъ юбилей, горячо и оскренно люблю Васъ и желаю Вамъ еще долго и долго работать для Россіи. Говорю „можетъ быть болѣе всѣхъ", потому что никогда не забывалъ и не забуду того тяжелаго, ужаснаго времени, когда вы одни явились мнѣ поддержкой и путеводной звѣздой въ далекой глуши.

Я сохранилъ къ Вамъ теплыя чувства, и не только какъ къ человѣку лично мнѣ безконечно дорогому, но и какъ къ писателю, произведенія котораго освѣтили мою юность своими чистыми, человѣческими, глубоко-воспитательными лучами.

Глубоко преданный

Л. Оболенскій.

---

9 окт. 1888.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! Съ ранней юности я зачитывался Вашими произведеніями, гдѣ столько сердечной теплоты, ума, добрыхъ и честныхъ идей. Познакомившись съ Вами лично, я больше и больше полюбилъ Васъ! Теперь, читая Ваши произведенія — я вижу, что въ нихъ одинъ герой честный неутомимый, разумный, котораго я люблю и уважаю; котораго любятъ и уважаютъ всѣ читатели, — и этотъ герой самъ авторъ, этотъ герой—Вы! Желая по мѣрѣ силъ почтить имянины Вашей литературной дѣятельности, я посвящаю Вамъ стихотвореніе. Можетъ быть оно слабо, не полно выразило мою мысль, но все же я буду счастливъ, если привлеку Ваше вниманіе, хоть на минуту, своимъ письмомъ и стихами.

Сердечно преданный Вамъ

Константинъ Фофановъ.

1888 г. 10 октября.

10 окт. 1888. С.-П.-Б.

Александръ Константиновичъ! 25 лѣтъ литературнаго творчества и почти столько же редакторской убійственной, отнимающей силы и время работы—это рѣдкое явленіе въ русской жизни и литературѣ! Вы работали на пользу общую, Вы не сѣяли сѣмянъ племенной ненависти, Вы—между прочимъ—заставили меня (сами того, можетъ быть, на зная) полюбить и высоко цѣнить русскую рѣчь и русскую литературу. За первое благодаритъ Васъ вся Россія, за второе искренній и преданный Вашъ другъ

Генрихблинскій.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! Только сегодня узнала, изъ газетъ, что вчера исполнилось тридцать лѣтъ Вашей литературной дѣятельности. Я никого не знаю изъ лите-

ратурнаго міра, мнѣ не отъ кого было узнать раньше. Не всѣмъ позволяется оригинальничать, мнѣ меньше многихъ, но простите, не могла удержаться и пишу Вамъ. Если бы я видѣла Васъ лично, едва ли бы я осмѣлилась сказать Вамъ то, что думаю: я только мысленно произношу длинныя рѣчи, да перо мое не въ мѣру смѣло и словоохотливо. Много трудовъ, много тяжелыхъ минутъ видѣла Ваша дѣятелность за тридцать лѣтъ. Но если кажется Вамъ порой, Александръ Константиновичъ, что жизнь дала Вамъ только тяжелыя минуты, вѣрьте, что онѣ пережиты не даромъ, что пойдутъ онѣ на пользу цѣлыхъ поколѣній. Вы много сдѣлали, много сдѣлаете въ будущемъ. Вы человѣкъ души, человѣкъ, забывающій себя для ближняго, Вамъ чуждъ эгоизмъ, и Васъ мысль эта можетъ утѣшить—Годъ тому назадъ я Васъ увидѣла, увидѣла, такимъ, какимъ воображала автора Вашихъ произведеній, „узнала“ Васъ. Даже хорошія, добрыя мысли и слова такъ часто расходятся съ дѣломъ, что, увидѣвъ Васъ, я написала восторженное письмо своему лучшему другу—Татьянѣ Л., въ которомъ писала ей о Васъ. Ея отвѣтъ теперь у меня передъ глазами, это не критика, это мнѣніе, а мнѣніе вѣдь можетъ, долженъ имѣть каждый. Не говорите: „Какое мнѣ дѣло до Вашихъ дѣтскихъ сужденій?“ не сочтите за обиду то, что я осмѣлюсь привести отрывокъ изъ письма, я это дѣлаю, потому что мнѣ хочется убѣдить Васъ, какъ глубоко запали Ваши мысли въ сердце молодежи, какъ цѣнитъ Васъ она, хочется чтобы Вы повѣрили что она только молчала, но слушала, все время слушала Васъ и, дастъ Богъ, возмется за дѣло. Добро не можетъ погибнуть; но вотъ и отрывокъ:

„Онъ (простите, это Вы Александръ Константиновичъ) заставляетъ думать, поднимаетъ или старается поднять вопросы, давно потонувшіе — это хорошо и полезно для молодежи, а особенно для нынешней, которая, къ сожалѣнію, мало его читаетъ. А было время (мы съ тобой захватили только кончикъ его) когда Михайловъ читался на расхватъ, о немъ говорили, спорили, чуть не дрались. Теперь иные времена и нравы, а жаль за него, и за насъ, и большое ему спасибо за то, что онъ написалъ! Его время прошло, но оно можетъ и еще разъ вернутся, и это будетъ хорошее время!“ Вернется, скоро вернется! Уже начинаетъ возвращаться, да и не прошло еще, нѣтъ, хотѣло уйти и вернулось съ полдороги. Спасибо вамъ Александръ Константиновичъ, спасибо и отъ тѣхъ, кто мыслитъ, и отъ тѣхъ, за которыхъ мыслили и ратовали Вы!

Съ глубокой признательностью, глубокимъ уваженіемъ.

К. Гумбертъ.

11-го октября 1893 г.

10-го Октября 1888 г.

Милостивый Государь Александръ Константиновичъ! Какъ и многіе другіе, я съ самой юности зачитывался Вашими произве-

деніями и съ тѣхъ поръ съ Вашимъ именемъ у меня неразрывно связано представленіе о честныхъ, хорошихъ убѣжденіяхъ; о трудномъ, трудовомъ, но всегда прямомъ жизненномъ пути. Поздравить такого юбиляра, какъ Вы—есть долгъ.

Примите увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи

Алексѣй Альмедингенъ.

Я вижу въ Вашемъ юбилеѣ
Живой идеи торжество;
Ея друзья сошлись тѣснѣе,
Чтобы братски чествовать того,
    Въ комъ бьется сердце человѣка,
    Не очерствѣлое враждой,
    Кто молодежи четверть вѣка
    Былъ путеводною звѣздой,
    Кого не старѣютъ невзгоды,
    Чьи мысли чисты, какъ кристалъ,
Кто знамя правды и свободы
Ни передъ кѣмъ не преклонялъ
И кто въ заоблачныхъ высотахъ
    Безсмертной славы не искалъ,
    Но на землѣ, въ „Гнилыхъ Болотахъ“,
Посѣялъ лавры и пожалъ.
Привѣтъ горячій юбиляру!
    Пусть грянетъ тостъ во всѣ края,
Пусть за него подымутъ чару
    Всѣ правды истинной друзья.

Ольга Лепко.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! 10-го октября исполнилось 30 лѣтъ служенія Вашего русской литературѣ. Будучи воспитаны на великихъ традиціяхъ лучшихъ годовъ, Вы втеченіе своей литературной дѣятельности оставались вѣрными этимъ традиціямъ и въ своихъ произведеніяхъ проводили дорогія Вамъ и мыслящей части общества идеи. Вы знакомили въ удобопонятной для всякаго читателя формѣ наше общество съ обездоленной „голью“, съ угнетенными классами народа, какъ русскаго, такъ и западно-европейскаго; Вы пробуждали искреннее участіе къ тѣмъ, „кто сиръ, и нагъ, и бѣденъ, кто подъ ярмомъ нужды поникъ; чей скорбный ликъ такъ худъ и блѣденъ“; своими произведеніями Вы способны вызвать на серьезную умственную работу, натолкнуть на „проклятые вопросы“, дать здоровую пищу уму, жаждущему свѣта. Ваше имя будетъ стоять въ ряду почетныхъ именъ доблестныхъ служителей „бѣдной русской мысли“. Вы глубоко вѣрили и вѣрите въ молодежь и были, какъ писатель, ея преданнымъ воспитателемъ, по мѣрѣ своихъ силъ, и вѣрнымъ ея другомъ. И мы шлемъ Вамъ, глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ, задушевный привѣтъ и горячо желаемъ Вамъ

увидѣть еще ту „зарю новыхъ дней“, „зарю святаго обновленія“, во имя которой Вы втеченіе 30 лѣтъ подвизались на поприщѣ родной литературы.

Студенты Харьковскаго Ветеринарнаго Института.

Телеграма № 14624.

10-го Октября.

Привѣтствую писателя идеалиста, до сѣдины оставшагося вѣрнымъ завѣтомъ свѣтлой и чистой юности. Да здравствуетъ авторъ „Жизни Шупова, его родныхъ и знакомыхъ“.

Е. Карповъ.

20-го Октября 1898 г.

Глубокоуважаемый и Многочтимый
Александръ Константиновичъ,

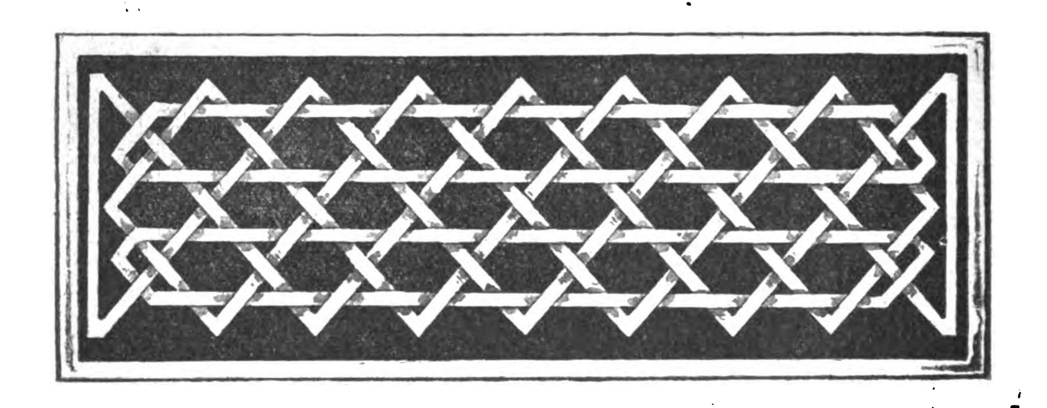
Простите, что пишу Вамъ заднимъ числомъ, что происходитъ, ни отъ невниманія, ни отъ забывчивости. Я, какъ искренняя Ваша почитательница, помнила день тридцатипятилѣтней годовщины Вашей литературной дѣятельности, и сердечно хотѣла высказать Вамъ самую искреннюю благодарность за все то доброе, что Вы посѣяли за эти тридцатпять лѣтъ въ сердцахъ читающей Васъ публики, въ сердцахъ отзывчивой на все, и горячо любившей и чтившей Васъ, молодежи! Если я не написала Вамъ во время, то отчасти, изъ за женской нерѣшительности, отчасти, изъ боязни написать слишкомъ много, а злоупотребить Вашимъ временемъ, въ такой торжественный, и вмѣстѣ съ тѣмъ, хлопотливый для Васъ день, считала—неприличнымъ; ограничиться же бональной телеграммой, я не хотѣла; не могла. Я слишкомъ многимъ обязана Вамъ! Вы воспитали меня Вашими произведеніями и сдѣлали изъ меня отзывчиваго человѣка. За это шлю Вамъ, многочтимый Александръ Константиновичъ, мое большое русское спасибо! И это „спасибо“ вмѣстѣ со мною, скажетъ Вамъ много сотенъ голосовъ изъ молодежи моего времени. Мы воспитали себя на Вашихъ Сочиненіяхъ; мы зачитывались ими! Вы были нашъ любимый наставникъ; нашъ любимый руководитель! На всѣ волновавшіе насъ вопросы, мы находили разрѣшенія въ Вашихъ сочиненіяхъ. Если Вы показывали намъ отрицательныя стороны жизни, то рядомъ указывали и на положительныя; если Вы говорили „такъ поступать нельзя“, то тутъ же показывали, какъ поступать надо; Вы никогда не оставляли насъ въ потемкахъ! Вы пробуждали въ насъ душу, будили умъ, заставляли вникать въ самихъ себя, въ окружающую жизнь, сочувствовать горю ближняго и быть отзывчивымъ; а Вашей правдивостью, честными взглядами, нравственной чистотой и искренностью—Вы всецѣло завоевывали и покоряли юныя сердца наши.—Вотъ впечатлѣнія моей юности... И Вы, еще можете говорить что, подводя итогъ всему, что Вы сдѣлали, Васъ пугаетъ мысль: „Не пошло ли все на смарку“?

Но развѣ можетъ пойти на смарку то, что переживается цѣлыми поколѣніями.?! Ваше письмо въ Редакцію „Новаго времени", отъ 11-го октября, подстрекнуло меня написать Вамъ. Хотя я не имѣю удовольствія быть лично знакома съ Вами; но по сочиненіямъ Вашимъ, у меня составился свой собственный образъ Шеллера-Михайлова, который я люблю, уважаю, чту, и на котораго смотрю, какъ на высоко-нравственнаго, правдиваго человѣка! Я вѣрю, что, задавая себѣ вопросъ: „Не пошло ли все на смарку"? Вы были искренни; но неужели Вы не подозрѣвали того громаднаго вліянія, которое имѣли на читающую публику, и то высоко нравственное воспитательное значеніе, какое имѣютъ Ваши произведенія для молодежи? Неужели Вы думали, что Ваши сочиненія могутъ когда нибудь устарѣть, потерять интересъ и значеніе?—Мои впечатлѣнія юности я Вамъ уже вызсказала. Въ настоящее время мнѣ сорокъ шесть лѣтъ, почти старуха; мать семейства; многое пережила, переиспытала... Много читала, перечитала почти все выдающееся въ нашей и иностранной беллетристической литературѣ, всѣхъ выдающихся нашихъ писателей,— и все же, Шеллеръ-Михайловъ остается, и по сіе время, однимъ изъ любимѣйшихъ моихъ, друзей-писателей! Его произведенія перечитывались мною по многу разъ и въ различномъ возрастѣ, и каждый разъ, по прочтенію ихъ, я выносила новый интересъ, самое отрадное одобряющее впечатлѣніе и особенный нравственный подъемъ духа! Читая Ваши произведенія, Александръ Константиновичъ, чувствуешь въ себѣ приливъ чего то хорошаго, чистаго; дѣлаешься, или вѣрнѣе, хочешь быть—лучше, добрѣе, честнѣе! А отчего?—Отвѣтьте сами.

Глубокоуважающая и почитающая Васъ.

Е. Пароменская.

Кронштадтъ. Морское
Инженерное Училище.

Историческія драмы Стриндберга.

вгустъ Стриндбергъ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ и оригинальныхъ представителей современной шведской литературы. Трудно отнести его къ какой либо литературной школѣ. Шведская литература вообще не переживала тѣхъ крайнихъ направленій, которыя наблюдаются въ исторіи другихъ европейскихъ литературъ. Народный эпосъ почти непосредственно смѣняется въ Швеціи, въ эпоху возрожденія, классическимъ направленіемъ, которое въ свою очередь въ семидесятые годы уступило мѣсто натуральному, и представителемъ послѣдняго ближе всего можетъ быть названъ А. Стриндбергъ.

Родившійся въ 1849 году, прошедшій суровую жизненную школу, испытавшій и роскошь и бѣдность еще въ самомъ отрочествѣ, Стриндбергъ съ трудомъ кончаетъ свое образованіе въ Упсальскомъ университетѣ; онъ пробуетъ счастье на различныхъ жизненныхъ поприщахъ, начиная съ актера и до ученаго включительно и, наконецъ, получивъ мѣсто младшаго библіотекаря королевской библіотеки въ Стокгольмѣ, посвящаетъ себя всецѣло литературѣ. Это было въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Въ 1881 г. появляются его первые историческіе труды; это былъ сборникъ историческихъ очерковъ подъ заглавіемъ „Судьбы и приключенія Швеціи“, обратившія общественное вниманіе на Стриндберга, какъ историческаго писателя. Въ наибольшемъ блескѣ литературный талантъ Стриндберга показалъ себя съ 1886 по 1891 годъ; къ этому времени относятся его лучшія произведенія: „Женитьбы“ (въ русскомъ переводѣ названо „Въ гору“) „Обитатели Гемсе“ [1]), „На взморьѣ“, „Утопія“, „Жизнь въ шкерахъ“ и т. д.

[1]) Русскій переводъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ 1891 году.

Въ настоящее время талантъ Стриндберга не такъ уже блестящъ. Но тѣмъ не менѣе литературную дѣятельность этого талантливаго писателя далеко еще нельзя считать законченною. Между прочимъ Стриндбергомъ написано болѣе десятка драматическихъ произведеній, и нѣкоторыя изъ нихъ надѣлали не мало шума, хотя въ общемъ Стриндбергъ, какъ драматическій писатель, стоитъ ниже бытописателя и философа. Въ настоящемъ же году появился сразу цѣлый циклъ новыхъ его историческихъ драмъ, подтверждающихъ, что талантъ Стриндберга еще далеко не угасъ.

Натуралистомъ мы назвали Стриндберга лишь вслѣдъ за Брандесомъ, который не жалуетъ Стриндберга, какъ не жалуютъ его даже многіе шведскіе писатели, несогласные съ его политическими взглядами, философскими доктринами и идеалами, проводимыми имъ въ его произведеніяхъ. Въ сущности, Стриндбергъ сочеталъ въ себѣ два, повидимому, несовмѣстимыхъ направленія; съ одной стороны являясь строгимъ поборникомъ непосредственной правды, съ другой-же онъ всегда сохраняетъ въ своемъ художественномъ творчествѣ оригинальный идивидуализмъ, и всѣ его произведенія проникнуты этимъ субъективнымъ элементомъ. Отношеніе Стриндберга къ явленіямъ окружающей жизни имѣетъ часто отрицательное направленіе; если-же къ этому прибавить крайній реализмъ, до котораго доводитъ онъ свое стремленіе соблюсти правду, и рядомъ значительную тенденціозность большинства его произведеній, то становится понятно, почему Стриндбергъ вызываетъ такіе разнообразные о себѣ толки. Въ одно и то же время его называютъ анархистомъ, ретроградомъ, фанатикомъ, ригористомъ и даже порнографическимъ писателемъ... [1]) Его считаютъ женоненавистникомъ и врагомъ новѣйшаго общества, интеллигенціи и всей вообще современной культуры, которая представляется ему какимъ-то болѣзненнымъ наростомъ, искаженіемъ и униженіемъ природы. И тѣмъ не менѣе Стриндбергъ оказываетъ огромное вліяніе какъ на общественную жизнь, такъ въ особенности на шведскую литературу, въ которой не мало его подражателей, доводящихъ своеобразныя особенности таланта Стриндберга до крайности. Философская доктрина Стриндберга дѣйствительно чрезвычайно своеобразна. Онъ съ презрѣніемъ относится къ тому направленію, по которому идетъ человѣческая цивилизація и культура; оно благопріятствуетъ развитію худыхъ сторонъ человѣческой природы; интеллигентный человѣкъ, по мнѣнію Стриндберга, стоитъ очень низко, ибо онъ въ своемъ переразвитіи, растратилъ душевныя силы, потерялъ чувство мѣры, и справедливости и способность къ отзывчивости. Современная культура, говоритъ Стриндбергъ, „насилуетъ законы природы“, но „природа умѣетъ мстить за себя“—и Стриндбергъ предсказываетъ современному обществу полнѣйшее почти вырожденіе въ будущемъ.

Первою изъ четырехъ новыхъ драмъ Стриндберга является „*Сказаніе о Фолькунгахъ*“ [2]). Въ слѣдующей драмѣ—„*Густавъ Ваза*“

[1]) см. «Книжки Недѣли» 1894 г.—«Шведскій беллетристъ—отрицатель».
[2]) Фолькунги—древній родъ, изъ котораго вышло нѣсколько королей.

уже отчетливо выясняется основная мысль поэта. Яркая и характерная личность короля плѣнила, повидимому, Стриндберга; особенный интересъ проявилъ онъ къ анализу взаимоотношеній душевной, внутренней жизни короля къ его внѣшней, государственной дѣятельности. Обѣ названныя пьесы въ смыслѣ сценической эфектности стоятъ значительно выше слѣдующей затѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ драмы, „*Эрикъ XIV*", но зато эта послѣдняя отличается удивительной тонкостью психологическихъ мотивовъ, обусловливающихъ главнѣйшіе моменты. Наконецъ, послѣдняя драма Стриндберга—„*Густавъ Адольфъ*" представляется, подобно драмѣ „Густавъ Ваза", произведеніемъ глубоко тенденціознымъ и въ то же время проникнуто настолько субъективнымъ настроеніемъ поэта, что невольно заставляетъ вспоминать его „Сказаніе о Фолькунгахъ". Авторъ, повидимому, задался цѣлью обрисовать постепенное преобразованіе юнаго, полнаго вѣры въ свое высокое призваніе короля, увлекающагося военной славой съ безпечностью молодости, въ терзаемаго сомнѣніями и нерѣшительностью скептика, совершенно извѣровавшагося въ своей миссіи и въ своихъ силахъ. Задавшись такой цѣлью, Стриндбергъ не могъ уже удержаться, чтобы не сблизить душевный міръ своего героя со своимъ собственнымъ, чтобы не отразить въ драмѣ своего собственнаго душевнаго разлада.

Субъективизмъ Стриндберга, болѣе умѣстный въ его беллетристическихъ произведеніяхъ, въ историческихъ драмахъ ведетъ къ тенденціозному искаженію общей исторической картины, и необходимъ, дѣйствительно, большой талантъ Стриндберга, чтобы при такихъ даже условіяхъ не убить въ читателѣ интереса къ драмѣ и держать какъ-бы въ плѣну его мысль и воображеніе.

Возьмемъ, напримѣръ, драму „Густавъ Ваза". Собственно драмы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, мы здѣсь не встрѣчаемъ. Наоборотъ, получается такое впечатлѣніе, какъ будто Стриндбергъ хочетъ убѣдить своего читателя, что въ человѣческой жизни не существуетъ какой-либо постепенной и раціональной послѣдовательности, а все происходитъ фатально, по предопредѣленію свыше, безъ видимой причинной связи поступковъ и ихъ послѣдствій. Могущественной рукой короля, несмотря на кажущійся произволъ всѣхъ его дѣйствій, руководитъ высшая мудрость, незримо направляя властную волю монарха къ заботѣ о благѣ его государства. Такъ же фатально, по желанью провидѣнья, разрушаются и всѣ созданные усиліями людей планы и намѣренія. Такимъ образомъ Стриндбергъ проводитъ смѣлую параллель между отношеніемъ короля къ подданнымъ и Царя Небеснаго къ людямъ. Увлекшись этой аналогіей, Стриндбергъ даже облекаетъ короля, владыку земного, въ шляпу и плащъ Одина, прибавивъ къ этому въ видѣ атрибута и молотъ Тура, подчеркивая, такимъ образомъ, свою мысль чисто внѣшними средствами.

Густавъ Ваза рѣшается проучить жителей Дарлекарліи за ихъ возстаніе. Моментъ выбранъ для этого вполнѣ удобный. Христіанъ не опасенъ ему болѣе; не боится онъ также присоединенія къ нему дарлекарловъ. Но въ это самое время, какъ снѣгъ на

голову, неожиданно появляется новый врагъ въ лицѣ Нильса Дакке, организовавшаго крестьянскій бунтъ въ южныхъ провинціяхъ Швеціи. Въ началѣ своей драмы Стриндбергъ, не жалѣя красокъ, обрисовываетъ недовольство крестьянъ въ Дарлекарліи, вызванное жестокостью по отношенію къ нимъ Густава Вазы. Авторъ даже посвятилъ отдѣльную сцену изображенію того, какъ странствующій инкогнито по Стокгольму король попадаетъ на скамью подсудимыхъ и воочію видитъ несправедливость и жестокость наказаній, которымъ подвергались дарлекарлы.

Дакке со своими мятежниками идетъ на Стокгольмъ съ юга, а съ сѣвера къ столицѣ двигаются полчища дарлекарловъ. Уже слышенъ стукъ ихъ деревянной обуви: они проходятъ по сѣверному мосту. Король приходитъ къ убѣжденію, что его дѣло проиграно; онъ начинаетъ готовиться къ отреченію отъ трона и къ смерти. Онъ убѣжденъ въ своей гибели, такъ какъ здравый смыслъ долженъ подсказывать ему, что угнетаемые дарлекарлы не преминутъ воспользоваться его стѣсненнымъ положеніемъ, чтобы отомстить ему за всѣ несправедливости и обиды.

Но что-же оказывается? Дарлекарлы пришли не для того, чтобы поддержать возстаніе даккейцевъ, а напротивъ того, чтобы помочь Густаву Вазѣ подавить это возстаніе. Вотъ въ эту-то самую минуту король произноситъ знаменательныя слова: *„О, Боже, ты наказалъ меня, и я благодарю Тебя!“*

Такова мораль драмы, такова этическая ея сторона. Добрыя намѣренія короля, но не его поступки, примиряютъ его съ совѣстью, примиряютъ съ людьми, примиряютъ съ Богомъ. Въ цѣломъ рядѣ сценъ, гдѣ Густавъ Ваза бесѣдуетъ со своей совѣстью и съ Богомъ, авторъ подчеркиваетъ эту основную свою мысль.

Но помимо совершенно неожиданной, дѣланной развязки, Стриндбергъ въ жертву основной идеѣ приноситъ даже историческую правду. Такъ, онъ сопоставляетъ въ драмѣ третье возстаніе въ Дарлекарліи, бывшее въ 1533—году, съ борьбой Густава Вазы съ Дакке, происходившей въ 1542—1543 годахъ. Такой анахронизмъ въ драмѣ, не вызываемый вовсе технической ея стороной, можетъ быть объясненъ развѣ желаніемъ Стриндберга болѣе рельефно выдвинуть свою основную мысль. Подобная-же тенденція въ свою очередь объясняется современными религіозно-философскими возрѣніями Стриндберга. Автору нужна была такая неожиданная, ни съ чѣмъ логически не связанная развязка, ему необходимо было закончить драму чудомъ.

Этотъ анахронизмъ въ драмѣ не единственный, но всѣ другіе могутъ быть разсматриваемы, какъ неизбѣжная уступка сценической и драматической техникѣ. Хотя „Густавъ Ваза“, какъ драматическое произведеніе, составляетъ одно цѣлое, вполнѣ законченное, тѣмъ не менѣе его можно разсматривать какъ трилогію, совмѣщающую въ себѣ сказаніе о Вазахъ, начинающуюся мастеромъ Олавомъ и кончающуюся Эрикомъ XIV; съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ появленіе въ драмѣ „Густавъ Ваза“ принцевъ Эрика и Іогана, а также Герана Персонъ и Карины Монсдоттеръ; эти послѣднія лица, какъ извѣстно, начинаютъ играть

выдающуюся роль только при Эрикѣ XIV, а слѣдовательно въ драмѣ „Густавъ Ваза“ можно было бы вовсе не выводить ихъ, но, принимая во вниманіе, что Стриндбергъ допускаетъ очевидный анахронизмъ, представляя въ это время принцевъ Карину взрослыми, появленіе всѣхъ этихъ лицъ въ „Густавѣ Вазѣ“ слѣдуетъ объяснить желаніемъ создать цѣлый поэтическій циклъ для того, чтобы въ *„Эрикѣ XIV“* вполнѣ закончить трагическое сказаніе о Вазахъ, основанное на глубокомъ семейномъ разладѣ. Натянутыя отношенія Эрика къ отцу и братьямъ находятъ себѣ здѣсь естественное объясненіе въ томъ, что Эрикъ сознаетъ тягость своего положенія, какъ пасынка, въ семьѣ, а при этомъ условіи его несдержанность и эксцентричность получаютъ трагическій оттѣнокъ, именно благодаря этому сопоставленію съ его дѣтскими, непосредственными впечатлѣніями. „Зачѣмъ мнѣ сердце?— говоритъ онъ королевѣ въ одной изъ сценъ: — Мое сердце давно похоронено въ одномъ изъ склеповъ подъ соборомъ вмѣстѣ съ моей матерью. Мнѣ было всего четыре года, когда это произошло, но тѣмъ не менѣе это произошло, и говорятъ, что у нея на головѣ была рана отъ молота Тура. Но я этого не видѣлъ; на похоронахъ, когда я просилъ позволенія взглянуть въ послѣдній разъ на мою мать, крышка гроба оказалась уже привинченою... Тамъ вотъ и лежитъ мое единственное сердце, другого-же мнѣ дано не было“.

Точно также воспользовался Стриндбергъ возможностью объяснить источникъ католическихъ симпатій принца Іогана. Хотя реформація только что передъ тѣмъ, подобно урагану, пронеслась надъ Швеціей, сметая на своемъ пути католицизмъ, тѣмъ не менѣе теща короля-реформатора—Эбба Леонхуввудъ, оставалась ревностною католичкой, и въ стѣнахъ самаго дворца поэтому не переставала раздаваться католическая месса. Впечатлительная юношеская душа принца, сформировавшаяся при такихъ обстоятельствахъ, не осталась равнодушной къ этому явленію, и въ ней навсегда остался глубокій слѣдъ въ видѣ симпатій къ католицизму, послужившихъ источникомъ тяжелыхъ терзаній впослѣдствіи.

Несмотря на всѣ недостатки, свойственныя, вообще, крупному дарованію Стриндберга, драма „Густавъ Ваза“ является однимъ изъ лучшихъ его драматическихъ произведеній. Не такъ давно эта драма была поставлена на сценѣ Гельсингфорсскаго шведскаго театра и прошла съ огромнымъ успѣхомъ; въ сценическомъ отношеніи драма эта, несмотря на встрѣчающіяся длинноты, чрезвычайно эффектна и обстановочна.

Новая пятиактная драма Стриндберга — *„Густавъ-Адольфъ“* почти вдвое обширнѣе драмы *„Густавъ Ваза“*, такъ что для постановки на сценѣ она потребуетъ значительныхъ сокращеній.

Она состоитъ изъ 15 картинъ, въ которыхъ представлена цѣлая панорама, изображающая вторженіе шведовъ въ Германію въ 1630 году, окончательно взбаламутившее жизнь этой страны, уже безъ того расшатанной долгой и напряженной религіозной борьбой. Эта борьба двухъ исповѣданій приняла съ самаго начала характеръ борьбы изъ-за господства и ради грабежа. Грабежъ стоитъ на

первомъ планѣ: протестанты сражаются въ рядахъ католиковъ, а эти послѣдніе проливаютъ кровь на сторонѣ лютеранъ. Короче говоря, религіозныя убѣжденія не играютъ почти никакой роли: у каждаго здѣсь своя вѣра. Военоначальники берутъ контрибуцію со своихъ единовѣрцовъ наравнѣ съ еретиками. Религіозная терпимость въ народной массѣ подчеркнута авторомъ въ первыхъ же словахъ пьесы. Протестантъ-мельникъ, въ первой же сценѣ, высказываетъ полное уваженіе, или вѣрнѣе равнодушіе, къ религіознымъ обрядамъ своей жены-католички, проводя мысль, что каждый долженъ молиться по своему. Мысль, что не религіозныя убѣжденія, а личныя только выгоды руководили въ то время дѣйствіями и взглядами большинства дѣйствующихъ лицъ, проведена въ драмѣ красной чертой.

При такихъ-то условіяхъ происходитъ появленіе на театрѣ кровавой борьбы въ Германіи шведовъ, пришедшихъ освободить отъ гнета своихъ единовѣрцевъ. Передъ зрителями проходитъ цѣлый рядъ молодыхъ генераловъ Густава-Адольфа; кто они такіе— читатель узнаетъ изъ отзывовъ бойкаго и смышленнаго фельдфебеля. Стриндбергъ, какъ послѣдовательный реалистъ, не щадитъ красокъ на изображеніе грубости этихъ генераловъ, ссорящихся между собою, произносящихъ безъ всякаго стѣсненія проклятія и вовсе не похожихъ на молодыхъ героевъ.

Вслѣдъ за ними появляется на сценѣ и самъ король. Густавъ-Адольфъ сіяетъ молодостью, энергіей и увѣренностью въ побѣдѣ. Онъ производитъ впечатлѣніе увлекающагося военной славой героя, стоящаго на порогѣ своей via triumphalis, не знающаго сомнѣній и непризнающаго никакихъ трудностей. Однако, упоеніе военной славой продолжается не долго. Вскорѣ Густавъ-Адольфъ убѣждается, что дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ тому, что онъ себѣ представлялъ, вступая на германскую почву; что предпріятіе его сопряжено съ большимъ рискомъ и вовсе не похоже на простую военную прогулку по Германіи. Обстоятельства вынуждаютъ его на первыхъ же порахъ наложить контрибуцію на дружественныя ему нѣмецкія государства для того, чтобы имѣть возможность содержать свою огромную армію. Это вызываетъ противъ него понятный ропотъ народа. Мало того, Густавъ-Адольфъ вынужденъ даже занимать деньги у еврея Маркуса, этого индиферентиста въ религіозныхъ вопросахъ; онъ, освободитель протестантовъ, принужденъ принимать, заглушая голосъ совѣсти, вопреки всѣмъ своимъ убѣжденіямъ, субсидію отъ Франціи, которая являлась естественной представительницей интересовъ католицизма. А тутъ еще новые удары. Густава-Адольфа поражаетъ полнѣйшее равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ большинства, своекорыстіе, какъ главный импульсъ, въ дѣятельности наиболѣе видныхъ представителей обоихъ лагерей, всякій сбродъ, переполняющій враждующія арміи, въ массѣ котораго совершенно тонутъ болѣе свѣтлыя личности, встрѣчающіяся нетолько между протестантами, но и между католиками.

Такимъ образомъ Стриндбергъ выдвигаетъ въ своемъ героѣ, какъ основной мотивъ драмы, глубокій душевный разладъ: въ мо-

лодомъ королѣ происходитъ съ одной стороны напряженная борьба между вѣрой въ свое призваніе, какъ освободителя угнетенныхъ протестантовъ, и сознаніемъ религіознаго равнодушія тѣхъ, за кого обнажилъ онъ свой мечъ, между вѣрой въ себя и сознаніемъ своего безсилія при непосредственномъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Вотъ почему Густавъ-Адольфъ въ пьесѣ является постоянно колеблющимся и нерѣшительнымъ человѣкомъ; генералы называютъ его великимъ полководцемъ и въ то же время обращаются съ нимъ весьма безцеремонно, а иногда даже неучтиво; король же оказываетъ имъ слишкомъ большое снисхожденіе; подавленный происходящей въ немъ внутренней борьбой, смущенный противорѣчіями, на которыя онъ всюду наталкивается Густавъ - Адольфъ, „просящій совѣта у всѣхъ, но не слѣдующій никакимъ совѣтамъ“, держитъ себя крайне непослѣдовательно, производя порой даже впечатлѣніе пустого искателя приключеній, не прочитывающаго даже подписанныхъ имъ договоровъ съ иностранными державами. Только послѣ Брейтенфельда начинаетъ, повидимому, приходить въ себя молодой король, обладающій „божественнымъ легкомысліемъ“ и глубоко убѣжденный, что „всѣ его поступки справедливы“. И вотъ, когда все вокругъ него окончательно перепуталось, онъ, наконецъ, сознается, что не понимаетъ происходящихъ событій, но тѣмъ не менѣе не унимается. Онъ еще не научился управлять собою въ томъ вихрѣ страстей, въ борьбу которыхъ былъ вовлеченъ самой судьбой; онъ еще не можетъ ихъ осилить. Когда же наконецъ онъ понялъ, что „въ домѣ Отца моего обителей много“, онъ спѣшитъ домой, чтобы посвятить себя мирнымъ заботамъ объ устроеніи своей страны. Но на обратномъ пути на родину онъ гибнетъ, убитый подъ Люценомъ.

Такой исходъ драмы самъ по себѣ обусловливаетъ тотъ скептицизмъ, которымъ проникнута пьеса Стриндберга. Всѣ герои драмы—шведы, начиная съ короля и кончая самымъ мелкимъ изъ персонажей, являются скептиками, чувствующими свое превосходство, а потому и относящимися критически ко всему, что имъ приходится встрѣчать и наблюдать въ Германіи. Эта черта настолько рѣзко проведена черезъ всю драму, что получается даже нѣкоторая натянутость, и читатель склоненъ думать, что шведы въ культурномъ отношеніи въ то время едва-ли не походили на нашихъ современниковъ.

Сообразно съ указаннымъ основнымъ мотивомъ драмы, дѣйствіе въ пьесѣ развивается слѣдующимъ образомъ. Убѣдившись въ равнодушіи своихъ единовѣрцевъ въ Германіи къ цѣли его предпріятія, Густавъ-Адольфъ начинаетъ подъискивать себѣ болѣе надежныхъ союзниковъ для того, чтобы довести до конца дѣло, за которое онъ взялся. Изъ полководца онъ обращается въ дипломата, но окружающіе его генералы, добрые вояки, но плохіе политики; они не одобряютъ образа дѣйствій своего короля, между королемъ и его сподвижниками устанавливаются далеко не тѣ откровенныя и простыя отношенія, какія были раньше. Они какъ-бы сторонятся своего короля, не довѣряютъ ему и, не имѣя

возможности открыто высказать ему свое мнѣніе, отвѣчаютъ холоднымъ безмолвіемъ. Но вотъ картина нѣсколько мѣняется; счастье войны улыбнулось Густаву-Адольфу, Магдебургъ взятъ войсками Тилли; германскимъ князьямъ ничего больше не остается, какъ присоединиться къ шведамъ. Сраженіе подъ Брейтенфельдомъ и пораженіе Тилли сплетаютъ Густаву-Адольфу вѣнецъ побѣдителя. Слава вскармливаетъ честолюбіе короля; онъ начинаетъ увлекаться мечтой о величіи. Болѣе опытные и благоразумные изъ приближенныхъ короля отлично сознаютъ, что Швеціи слѣдуетъ воспользоваться моментомъ и кончить съ честью походъ, но король и слышать объ этомъ не хочетъ. Теперь ему грезится уже борьба съ римской имперіей, горизонты расширяются, масштабъ увеличивается, чисто-религіозный споръ отступаетъ на задній планъ; Густавъ-Адольфъ становится искателемъ военной славы, военоначальникомъ, котораго нисколько уже не смущаетъ, что тысяча католиковъ изъ рядовъ разбитаго войска Тилли перешли теперь подъ его знамена. Такое настроеніе короля особенно рельефно сказывается въ сценѣ съ Акселемъ Оксеншерной, когда король сознается, что ему грезятся новыя короны, что Швеція уже тѣсна для него. Мудрый канцлеръ замѣчаетъ ему по этому поводу: „можетъ ли быть тѣсно въ такой обширной странѣ, о размѣрахъ обитаемаго пространства которой еще никто не имѣетъ понятія, гдѣ на квадратную милю приходится по одному жителю, вынужденному тосковать вслѣдствіе отсутствія сосѣда!.. Нѣтъ, эта страна достаточно велика для того, кто обладаетъ настолько великой душой, чтобы ею объять всѣ эти обширныя пространства и заселить пустыню высокими помыслами.“

Однако военная слава и величіе достались Густаву-Адольфу не дешево: онъ понялъ жизнь, пріобрѣлъ умудряющій опытъ, но зато въ немъ совершенно исчезло былое „божественное легкомысліе“, душевное равновѣсіе было нарушено, утеряна была вѣра въ свое дѣло и увѣренность въ своихъ силахъ. Изъ мечтательнаго юноши онъ обратился въ зрѣлаго скептика. Онъ слишкомъ глубоко заглянулъ въ міровую жизнь, слишкомъ много испыталъ, познавая человѣческую душу, и чувствовалъ теперь утомленіе, тяготился своимъ одиночествомъ, наступала реакція. Пуля, ранившая его подъ Ингольдштадтомъ, служила мрачнымъ предвѣстіемъ. Съ этого момента въ Густавѣ-Адольфѣ начинаетъ проявляться стремленіе къ мистическимъ размышленіямъ о предназначенномъ ему отъ Бога жребіи, о значеніи всей его дѣятельности; вспоминаются ему смертныя казни и муки, произведенныя по повелѣнію его отца; вспоминаетъ онъ и собственныя свои прегрѣшенія въ молодые годы; его преслѣдуютъ тѣни казненныхъ приверженцевъ короля Сигизмунда, передъ нимъ рисуется образъ сына Сигизмунда и Маргариты Кабиліо, ему мерещится Нильсъ Врахе съ глазами сестры своей Эббы. Густавъ-Адольфъ мучится упреками совѣсти и страшится, что Господь отвернулся отъ него, лишилъ его своей защиты. Король обращаетъ свои взгляды къ далекой родинѣ. Его тянетъ туда къ мирной дѣятельности.

„Всѣ стремятся домой“—говорится въ небольшой прекрасной сценѣ, изображающей трогательный разговоръ въ тихую звѣздную ночь между молодымъ пажемъ Лейбельфингомъ, на рукахъ котораго впослѣдствіи скончался Густавъ-Адольфъ, и маленькимъ барабанщикомъ изъ Вестергетланда, стоящими одновременно на часахъ у палатки короля.

Къ смертному одру короля въ Витенбергѣ друзья и недруги, знатные и простолюдины, люди различныхъ вѣроисповѣданій, несутъ печальные вѣнки, но для болѣе дальновидныхъ, смотрящихъ въ грядущую даль исторіи, уже мерещится заря новой жизни, обѣтованный край просвѣщенія и братства.

Безъ сомнѣнія, оригинальный талантъ Стриндберга со всѣми его своеобразными особенностями и крайностями глубоко отразился въ его новомъ произведеніи; вся драма проникнута субъективнымъ настроеніемъ и личными взглядами автора, иногда даже въ ущербъ исторической правдѣ, но, если и можно это поставить въ вину даровитому писателю, то во всякомъ случаѣ нельзя отказать пьесѣ въ интересѣ и талантливости.

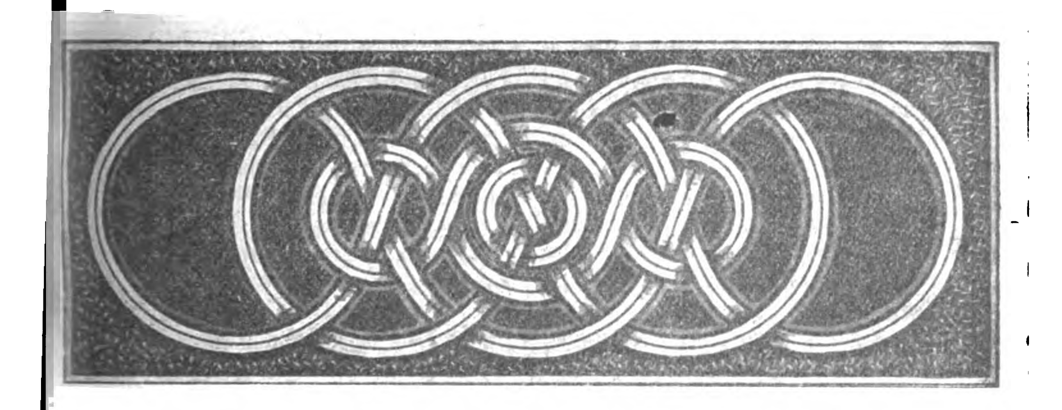
Сандръ.

Елизавета, королева Богеміи.

По картинѣ Адріана ванъ-деръ-Верфа.

(Къ разсказу „Свадьба Зимняго короля“).

Свадьба Зимняго короля.

(Пер. съ нѣмецкаго **З. М. Спировой**).

РЕДИ нѣмецкихъ княжескихъ дворовъ начала семнадцатаго столѣтія наибольшей пышностью отличался пфальцскій дворъ въ Гейдельбергѣ. Длинные корридоры и покои обширнаго зданія при Іеттенбюелѣ оглашались голосами многочисленныхъ слугъ, отправлявшихъ свои обязанности; на широкомъ балконѣ только что достроеннаго дворца Фридриха проводили время дамы княжескаго дома и, принимая своихъ знатныхъ гостей, показывали имъ великолѣпный каменный фасадъ, съ его роскошными украшеніями, или же водили ихъ внизъ, въ садъ, смотрѣть недавно поставленныя оранжереи, первыя еще тогда въ Германіи; мужчины же въ это время любовались княжескими конюшнями или гуляли въ ближайшемъ лѣсу на горѣ, забывая даже объ интересахъ высшей политики.

Съ того момента, какъ Пфальцъ сталъ во главѣ протестантской партіи, высокія ворота дворца стали пропускать одно за другимъ посольства. Здѣсь они собирались на совѣтъ вмѣстѣ съ единомышленными и единовѣрными князьями. Веселый Пфальцъ не могъ скромно принимать столь дорогихъ гостей и подавать имъ скудное угощеніе. Дѣлалось все возможное для ихъ развлеченія и удовольствія: танцы смѣнялись пирушками, охота—бѣгами на призы и т. д. и т. д., всѣ были веселы, оживлены и доходы съ владѣній быстро исчезали такъ-же, какъ и запасы кладовыхъ и глубокаго погреба, уже тогда прославившагося своей громадной бочкой.

Средоточіемъ этой шумной придворной жизни былъ курфюрстъ Фридрихъ IV, пфальцграфъ Рейнскій. Осиротѣвъ еще въ дѣтствѣ, онъ выросъ подъ надзоромъ своего дяди Іоанна Казиміра, извѣстнаго пристрастіемъ къ спиртнымъ напиткамъ. Курфюрстъ, добродушный молодой человѣкъ, любившій весело пожить и предоставившій управленіе страною своему совѣту, съ одинаковою готовностью выслушивалъ наставленія придворнаго проповѣдника, какъ и доклады каммермейстера, послѣ чего, не задумываясь, отправлялся пользоваться днемъ. Какія-либо эстетическія тонкости были чужды этому человѣку; на своихъ пирахъ онъ менѣе обращалъ вниманіе на качество, чѣмъ на количество подаваемыхъ блюдъ. Какъ во всей Германіи въ то время, такъ и въ Гейдельбергѣ страсть къ вину достигла своего апогея: напиться пьянымъ за княжескимъ столомъ считалось верхомъ удовольствія и подагра была тогда модной болѣзнью. Положимъ, изрѣдка, когда очень уже плохо приходилось послѣ попойки, многіе проклинали пьянство и даже былъ основанъ орденъ умѣренности подъ покровительствомъ самого курфюрста; но ни это похвальное намѣреніе, ни французскіе придворные обычаи, проникшіе въ Гейдельбергъ, не могли измѣнить установившагося порядка, даже никакого вліянія не могла оказать высокообразованая курфюрстина, дочь Вильгельма Молчаливаго, героя войны за освобожденіе Нидерландовъ.

Курфюрстъ Фридрихъ какъ бы спѣшилъ истратить ничтожныя силы страны; уже во время регентства Іоанна Казиміра Пфальцъ неуклонно слѣдовалъ по пути финансоваго раззоренія. Годовой доходъ не превышалъ ста тысячъ рейнскихъ гульденовъ, а расходъ былъ ровно вдвое; дорого стоющія великолѣпныя постройки въ Гейдельбергѣ и Мангеймѣ, безграничное гостепріимство, слишкомъ многочисленный штатъ придворныхъ только разрушали благосостояніе этой маленькой страны такъ-же, какъ и политика, поставившая Пфальцъ во главѣ протестантскихъ князей.

Тогда то именно, въ 1608 году, пфальцскимъ государственнымъ людямъ удалось, наконецъ, послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ, соединить нѣкоторыхъ протестантскихъ князей Германіи для оборонительнаго союза, такъ называемой уніи, которая тотчасъ же вошла въ сношеніе съ другими протестантскими силами Европы, главнымъ образомъ, съ Англіей и Генеральными штатами. Въ союзъ вошла также и Франція, король которой считалъ себя защитникомъ свободы протестантскаго вѣроисповѣданія внѣ своей страны. Всѣ они опасались возраставшаго вліянія испанско-габсбургскаго дома и рѣшили всѣми силами отстаивать религіозную и политическую свободу Европы.

Въ то время вся Европа уже смутно догадывалась о предстоящихъ крупныхъ перемѣнахъ, ожидался большой всемірный пожаръ, горючій матеріалъ для котораго давно уже былъ заготовленъ, однимъ словомъ, предчувствовалась неминуемая въ Германіи война. Неудивительно поэтому, что католическіе князья Германіи составили контръ-союзъ, лигу, хотя и имѣвшую цѣлью

поддержаніе религіознаго и свѣтскаго мира, но тѣмъ не менѣе своимъ возникновеніемъ сдѣлавшую невозможнымъ возвращеніе стараго государственнаго строя.

Обѣ партіи входили въ задоръ, распуская самые невозможные слухи о намѣреніяхъ противника; какъ въ самой Германіи, такъ и за ея предѣлами уже вербовались единомышленники; вскорѣ обѣ стороны выставили уже вооруженную силу, — какъ вдругъ въ маѣ 1610 года во Франціи Равальякъ ударомъ кинжала убиваетъ Генриха IV, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя умираетъ и курфюрстъ Фридрихъ IV, — положимъ, менѣе славной смертью, такъ какъ она была слѣдствіемъ подагры. Управленіе пфальцскими владѣніями и главенство въ протестанской уніи перешло въ это бурное время, вмѣстѣ съ курфюршескимъ достоинствомъ, къ Фридриху V, пятнадцатилѣтнему мальчику, болѣе извѣстному въ исторіи подъ именемъ Зимняго Короля.

Онъ былъ первый сынъ Фридриха IV, родился 26-го августа 1596 г. и самое раннее дѣтство провелъ при дворѣ отца въ Гейдельбергѣ, гдѣ мало заботились о его воспитаніи какъ будущаго правителя. Семи лѣтъ его отправили ко двору французскаго вассала въ Седанъ, гдѣ въ то время находился одинъ изъ поборниковъ протестантизма во Франціи, честолюбивый герцогъ Бульонскій, укрывшійся отъ гнѣва своего короля. Здѣсь маленькій Фридрихъ провелъ все время до преждевременной кончины отца, вслѣдъ за которою и возвратился въ Гейдельбергъ. Въ Седанѣ его воспитаніемъ занялись герцогъ со своей супругой (герцогиня была сестра пфальцской курфюрстины), а надзоръ за нимъ былъ порученъ нѣмецкому гувернеру, Ахацу Дона. Фридрихъ здѣсь усвоилъ себѣ вѣроисповѣданіе Кальвина, изучилъ бывшія тогда въ ходу науки, освоился вполнѣ съ французскимъ языкомъ и придворными обычаями и укрѣпился спортомъ и гимнастическими упражненіями.

Регентство надъ несовершеннолѣтнимъ наслѣдникомъ и управленіе страной было поручено, согласно волѣ покойнаго курфюрста, двоюродному брату, пфальцграфу Іоанну Цвейбрюкенскому, совмѣстно со вдовствующей курфюрстиной и княземъ Христіаномъ Ангальтскимъ, самымъ пылкимъ фантазеромъ среди всей уніи.

Понятно, что теперь не могло быть и рѣчи о наступательной политикѣ, которой до сихъ поръ держался Пфальцъ, тѣмъ болѣе, что съ теченіемъ времени все яснѣе и яснѣе выступали финансовыя затрудненія. Вслѣдствіе этого регенство рѣшило укрѣпить и обезопасить положеніе курфюршескаго дома и всей уніи при помощи выгодныхъ союзовъ съ державами. Прежде всего нашли нужнымъ привязать къ интересамъ протестантскихъ князей въ Германіи короля Англіи, Іакова I, который выказывалъ довольно подозрительныя симпатіи къ ненавистной имъ Испаніи; государственная же наука указывала одинъ вѣрный способъ для этого, а именно соединеніе посредствомъ брака дома Стюарта съ домомъ Пфальцъ-Виттельсбахъ, что обѣщало вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальныя выгоды.

Въ тотъ самый годъ, когда родился Фридрихъ V, даже въ

тотъ же день, у короля Іакова (бывшаго еще тогда только владѣтелемъ Шотландіи) и его супруги Анны датской родилась дочь. Назвали ее въ честь великой королевы Англіи, ея крестной матери,—Елизаветой. Красивой наружностью она сильно напоминала свою несчастную бабушку, Марію Стюартъ. Первые годы своего дѣтства она провела въ Эдинбургѣ въ Фальккландскомъ дворцѣ; а послѣ смерти королевы Елизаветы послѣдовала въ Лондонъ за отцомъ, который теперь соединилъ въ своихъ рукахъ три королевства. Но она росла не въ шумной столицѣ и не на глазахъ своихъ родителей, а воспитывалась въ тихомъ уединеніи въ Комбъ-Аббеѣ, въ красивомъ Уорвикшайрѣ и подъ надежнымъ наблюденіемъ лорда и лэди Гаррингтонъ,—такъ какъ придворная жизнь въ Вайтголѣ и Соммерсетъ-Паласѣ представляла еще менѣе благопріятную почву, чѣмъ Гейдельбергъ, для воспитыванія въ княжескомъ достоинствѣ, несмотря на то, что самъ король Іаковъ считалъ себя въ этомъ смыслѣ образцомъ.

Этотъ Соломонъ,—по скромности своей, онъ любилъ, чтобы его такъ называли,—писавшій теологическія разсужденія, охранявшій грамматику со строгостью педанта-учителя, умѣвшій говорить обо всемъ, во все вмѣшивавшійся, былъ не только ученѣйшимъ дуракомъ Европы, говоря словами Ришелье, но и самымъ пустымъ фатомъ изъ всѣхъ когда-либо носившихъ корону.

Маленькій, невзрачный, съ безпокойными, суетливыми движеніями, онъ совсѣмъ не напоминалъ властителя; ему казалось, что отъ его проницательности ничто не скроется, а между тѣмъ онъ легко поддавался самой грубой лести, награждая льстецовъ по-царски, тогда какъ къ истиннымъ заслугамъ питалъ только недовѣріе и не имѣлъ ни малѣйшаго чувства благодарности, какъ это обыкновенно бываетъ у низкихъ натуръ. Король этотъ не цѣнилъ людей по способностямъ или по характеру, и потому-то въ его царствованіе при англійскомъ дворѣ было столько фаворитовъ; никогда прежде не подымалось столько ничтожныхъ людей на высоту, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, какъ при этомъ королѣ, тоже довольно темнаго происхожденія.

Своей неловкостью и безтактностью въ отношеніяхъ къ своимъ новымъ англійскимъ подданнымъ онъ пріобрѣлъ въ ихъ средѣ не мало враговъ. Пороховой заговоръ былъ слѣдствіемъ обманутыхъ надеждъ католиковъ, расчитывавшихъ, что Іаковъ будетъ на сторонѣ пуританъ, тогда какъ онъ предпочелъ епископальную церковь. Затѣмъ, своимъ стремленіемъ къ неограниченной власти, онъ вооружилъ противъ себя парламентъ. А между тѣмъ, ему-то и не слѣдовало расходиться съ парламентомъ, такъ какъ онъ постоянно нуждался въ деньгахъ и даже не могъ заплатить за воспитаніе своей дочери. Годовой расходъ превышалъ доходъ почти на двѣсти тысячъ ф. стерл., и сумма эта никого не удивитъ, если принять во вниманіе, что послѣ порохового заговора парламентъ согласился выдать четыреста пятьдесятъ тысячъ ф. стерл. на торжественныя празднества, устроенныя Іаковомъ въ Лондонѣ въ честь своего тестя, Христіана IV, короля Даніи. Но на дальнѣйшія субсидіи не удалось склонить нижнюю палату, которая

требовала, чтобы король сначала удовлетворилъ духовныя и свѣтскія нужды страны. Тогда Іаковъ постарался при помощи политики мелкихъ средствъ наполнить свою постоянно пустѣвшую кассу: онъ продавалъ титулы и чины, государственныя права и королевскія земли, назначалъ высокіе денежные штрафы и конфисковалъ имущества; все это, конечно, еще болѣе возстановляло всѣхъ противъ него и вызывало всеобщее озлобленіе. Можно сказать, что Іаковъ самъ съ перваго дня своего вступленія на престолъ отточилъ топоръ, который впослѣдствіи обезглавилъ его сына.

Непомѣрная расточительность и испорченные нравы характеризуютъ эпоху этого царствованія. Придворные такъ держали себя въ присутствіи величества, какъ будто они были въ кабакѣ, а не во дворцѣ. Обѣднѣвшее земское дворянство съ женами и дочерьми стремилось попасть въ этотъ кругъ, чтобы какъ-нибудь направить и на себя хоть малую струю той золотой рѣки, которая разливалась для любимцевъ короля.

Ко всему этому еще скандальный бракоразводный процессъ графини Эссекской далъ немало поводовъ къ сплетнямъ; замѣшаны были имена многихъ придворныхъ дамъ, самой королевы и въ особенности короля, что довольно странно, такъ какъ женщины для него не имѣли никакого значенія.

Молодая принцесса рѣдко появлялась при дворѣ; ее видѣли только при исключительныхъ торжествахъ, но всѣ видѣвшіе ее были очарованы ея миловидностью. Кромѣ такихъ случайныхъ похвалъ, о юности ея неизвѣстно ничего положительнаго. Занятіями ее не очень утруждали; зато жизнерадостная дѣвушка скоро прославилась какъ отважная наѣздница, увлекавшаяся охотой. Повидимому, къ родителямъ она не питала особеннаго расположенія, но своего старшаго брата, Генриха, принца Уэльскаго, она нѣжно любила, насколько это допускала ея холодная натура.

Скоро появились и женихи: Генрихъ IV думалъ женить дофина, овдовѣвшій король Испаніи хотѣлъ жениться самъ, даже старый подагрикъ Матвѣй, король Венгріи и Богеміи, просилъ ея руки; особенно-же усердствовалъ герцогъ Савойскій, задавшійся цѣлью устроить двойную свадьбу между своими дѣтьми и дѣтьми Іакова. Королю Іакову очень хотѣлось выдать дочь замужъ за Филиппа III и такимъ образомъ заключить союзъ съ Испаніей, тѣмъ болѣе, что тщеславная королева сильно стояла за этотъ бракъ. Но ему пришлось отказаться отъ мысли имѣть зятемъ католика, вслѣдствіе все возраставшей враждебности его англійскихъ и шотландскихъ подданныхъ къ папистамъ и явнаго противодѣйствія со стороны епископовъ и большинства тайнаго совѣта, въ особенности-же принца Уэльскаго.

Къ счастью, не было недостатка и въ женихахъ протестантскаго вѣроисповѣданія: однимъ изъ первыхъ былъ Густавъ Адольфъ шведскій, въ то время еще не успѣвшій прославиться; поэтому сватовство было для него столь-же неудачнымъ, какъ и для герцога Фридриха-Ульриха Брауншвейгскаго, пфальцграфа Вольфганга-Вильгельма Нейбургскаго или ландграфа Оттона Гессенъ-

Кассельскаго. Все-таки лучшей партіей былъ тогда Фридрихъ V, курфюрстъ пфальцскій, на котораго король уже обратилъ вниманіе лѣтомъ 1610 года, причемъ къ этому браку его склоняли и политическія соображенія. За англо-пфальцскій бракъ стояла не только нѣмецкая унія, но и Франція и Генеральные штаты, которымъ тѣсный союзъ Англіи съ Испаніей былъ въ высшей степени невыгоденъ. Итакъ, съ начала 1611 года дипломатамъ пришлось считаться съ этимъ планомъ. Принцъ Морицъ Оранскій, намѣстникъ соединенныхъ нидерландскихъ провинцій, тоже поддерживалъ намѣреніе Пфальца (тѣмъ болѣе, что онъ находился даже съ нимъ въ родствѣ, будучи дядей принца), помогая совѣтомъ и дѣломъ. Одинъ изъ князей нѣмецкой уніи и герцогъ Бульонскій, снова возвратившій свое вліяніе благодаря регентству во Франціи, взялись вести переговоры въ Гаагѣ и въ Лондонѣ, но все-таки прошелъ еще цѣлый годъ, прежде чѣмъ торжественное посольство, со старымъ графомъ Филиппомъ-Людовикомъ во главѣ, отправилось изъ Ганау-Мюнценберга въ Англію сватать принцессу.

Король хорошо принялъ посланныхъ; затрудненія явились только при подписаніи брачнаго контракта, такъ какъ не могли сговориться насчетъ приданаго. Столь расточительный обыкновенно, король Іаковъ оказался въ данномъ случаѣ скупымъ, онъ согласился дать только сорокъ тысячъ ф. стерл., которые должны были быть внесены втеченіе двухъ лѣтъ послѣ свадьбы; съ своей стороны онъ поставилъ условіемъ, чтобы его дочь въ случаѣ вдовства получала сто тысячъ ф. стерл. въ годъ, и ежегодно пятнадцать тысячъ ф. стерл. на карманные расходы; ко всему этому принцъ долженъ былъ взять на себя расходы англійской свиты, назначенной для сопровожденія принцессы въ Германію. Пфальцъ согласился на всѣ эти требованія и даже заложилъ для этого четыре своихъ лучшихъ округа. Съ экономической точки зрѣнія партія эта не могла считаться выгодной для Пфальца и за честь быть зятемъ короля пришлось дорого заплатить. По поводу этихъ соглашеній въ Гейдельбергѣ многіе громко высказывали свои мысли; одинъ изъ старыхъ и вѣрныхъ слугъ пфальцскаго дома, Фабіанъ Дона, узнавъ о положеніи вещей, воскликнулъ съ грустью: „О, дорогой Пфальцъ, съ тобой все кончено!“ Но оптимисты Гейдельберга, главнымъ образомъ, князь Христіанъ Ангальтскій, иначе смотрѣли на дѣло, думая только о политическихъ выгодахъ этого союза, о будущемъ блескѣ дома и утѣшая себя обманчивыми надеждами, полагали, что отцовское сердце позаботится и о дальнѣйшемъ снабженіи дочери. Этими доводами удалось успокоить осторожнаго опекуна, съ трудомъ согласившагося на эту сдѣлку.

Послѣ возвращенія посольства въ Германію, между принцемъ и англійской принцессой завязалась правильная, хотя и не частая переписка, часть которой, а именно письма Фридриха V, сохранились въ Мюнхенской государственной библіотекѣ. Конечно, въ этихъ письмахъ, написанныхъ крупнымъ, прямымъ, почти дѣтскимъ почеркомъ, нечего искать выраженія глубокаго

душевнаго движенія или сильной сердечной привязанности. Въ этихъ аккуратно выведенныхъ словахъ, въ красивыхъ оборотахъ рѣчи о страстномъ ожиданіи, о сильномъ нетерпѣніи любящаго сердца и т. д., которые были заимствованы изъ моднаго романа того времени Astrée (написаннаго д'Урфе), замѣчается явное вліяніе ловкаго гофмейстера принца, Ганса Мейнгарда изъ Шенбурга. Поэтому не было большимъ несчастіемъ, что нѣсколько писемъ Фридриха, назначенныхъ принцессѣ, попали къ ея брату.

Между тѣмъ, въ Гейдельбергѣ дѣлались уже приготовленія для свадебной поѣздки принца. По мнѣнію матери и опекуновъ шестнадцатилѣтній женихъ долженъ былъ въ Лондонѣ только обручиться, а свадьба предполагалась нѣсколько лѣтъ спустя; приэтомъ расчитывали, что король Іаковъ отпуститъ принцессу послѣ обрученія въ Германію, чтобы она здѣсь подъ руководствомъ курфюрстины—вдовы могла посвятить себя изученію нѣмецкихъ нравовъ и обычаевъ.

Предпринята была большая, такъ называемая „англійская" пристройка, примыкающая къ большой башнѣ Гейдельбергскаго дворца, такъ какъ увеличивали штатъ придворныхъ, и для этого необходимо было новое помѣщеніе. Въ то-же время занялись окончательной шлифовкой воспитанія молодого курфюрста, котораго съ этого времени уже такъ называли, несмотря на его несовершеннолѣтіе: онъ усердно упражнялся въ верховой ѣздѣ, въ игрѣ въ мячъ и въ танцахъ у учителя, спеціально выписаннаго для него изъ Штутгарта. Для внѣшняго блеска пріобрѣтены были роскошныя одежды, множество ливрей; изъ Парижа и Гааги выписаны были экипажи, сѣдла и другія принадлежности для ѣзды. Гораздо труднѣе было достать необходимыя средства на издержки свиты и на дальнюю поѣздку. Наконецъ, собравъ съ трудомъ сто пятьдесятъ тысячъ гульденовъ, рѣшили, что исходъ найденъ.

Въ послѣднихъ числахъ сентября 1612 года курфюрстъ двинулся въ путь; его сопровождало 190 человѣкъ, среди которыхъ было много графовъ и всякихъ совѣтниковъ. Отвѣтственность и заботу о юномъ повелителѣ взяли на себя гроссгофмейстеръ Пфальца, Іоаннъ-Альбрехтъ графъ Солмскій, и вышеупомянутый гофмейстеръ Гансъ Мейнгардъ Шенбургскій, единственный изъ свиты знакомый съ англійскимъ языкомъ; съ ними-же находился и гейдельбергскій придворный проповѣдникъ М. Авраамъ Скультетусъ, пользовавшійся впослѣдствіи большимъ вліяніемъ.

Черезъ двѣ недѣли пути, проведеннаго главнымъ образомъ на водѣ, курфюрстъ достигъ, наконецъ, перваго остановочнаго пункта—Гааги, гдѣ онъ былъ встрѣченъ намѣстникомъ, своимъ дядей и двоюроднымъ братомъ, графомъ Нассаускимъ, которые очень радушно приняли его. Сначала намѣчено было продолжительное пребываніе курфюрста въ Нидерландахъ, чтобы онъ могъ воспользоваться обществомъ высокообразованнаго дяди и расширить такимъ образомъ свой кругозоръ. Но приближавшійся періодъ бурь и нетерпѣніе молодого жениха заставили поспѣшить отъѣздомъ, и менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли курфюрстъ отчалилъ на

кораблѣ и при попутномъ вѣтрѣ 26-го октября 1612 года достигъ англійскаго берега у Гравсенда.

Здѣсь не ожидали его такъ рано и для встрѣчи еще не все было готово; прошло три дня, прежде чѣмъ герцогъ Ленокcъ и другіе англійскіе вельможи могли присоединиться къ свитѣ Фридриха. Но зато торжественнымъ былъ въѣздъ въ Лондонъ: вся Темза была покрыта кораблями; на шестнадцати разукрашенныхъ баркахъ находились курфюрстъ со свитой, ихъ сопровождало шесть военныхъ кораблей и безчисленное количество болѣе мелкихъ судовъ. На обоихъ берегахъ стояла такая густая толпа народу, какой пфальцскимъ жителямъ никогда не приходилось видѣть; во всѣхъ окнахъ и даже на крышахъ домовъ стояли любопытные и криками своими заглушали даже пушечные выстрѣлы, доносившіеся съ Тоуэра; курфюрстъ, несмотря на дурную погоду, съ самаго начала велѣлъ поднять навѣсъ своей барки, чтобы дать возможность лондонцамъ насмотрѣться въ волю. Миновавъ Тоуэръ и проѣхавъ подъ мостомъ, барки поднялись вверхъ по теченію и остановились у Вайтгольскаго дворца. Курфюрстъ, не успѣвшій еще перемѣнить дорожнаго костюма, былъ встрѣченъ у пристани младшимъ сыномъ короля, Карломъ Іоркскимъ, который провелъ его черезъ густую толпу въ тронный залъ дворца, гдѣ его ожидали король съ королевой, принцъ Уэльскій и принцесса.

Это былъ моментъ тягостнаго ожиданія для обѣихъ сторонъ. Король слышалъ много неблагопріятнаго о курфюрстѣ, о которомъ недоброжелатели распространили басни, что онъ горбатъ, хромаетъ, невзраченъ и т. д.; но юноша, какъ онъ ни былъ ошеломленъ окружающимъ великолѣпіемъ, стоялъ передъ королемъ стройный, молодой и свѣжій. Король поднялся съ трона и, сдѣлавъ навстрѣчу нѣсколько шаговъ, обнялъ его и съ ласковыми словами подвелъ къ королевѣ, которая, не теряя своего достоинства, холодно выслушала робкія слова привѣта. Обезкураженный этой холодностью, курфюрстъ подошелъ наконецъ къ принцессѣ, которая неподвижно сидѣла на своемъ мѣстѣ и даже не поднимала глазъ на жениха. Глубоко преклонился передъ нею курфюрстъ; отвѣтивъ ему такимъ же глубокимъ поклономъ, принцесса протянула ему, улыбаясь, свои уста для поцѣлуя; тогда только онъ нашелся прошептать ей нѣсколько словъ любви. Эта робость очаровала всѣхъ зрителей, кромѣ королевы, которая попрежнему была настроена противъ „пфальцграфченка“, какъ она презрительно называла жениха дочери.

Курфюрстъ со своей свитой остановился въ Эссексъ-Гоузѣ; но въ скоромъ времени ему отвели помѣщеніе въ Вайтголѣ, чтобы быть ближе къ королю, желавшему постоянно видѣть его около себя и бравшаго его даже съ собой на охоту въ Ройстонъ и Сантъ-Теобольдъ. Короткіе осенніе дни въ Лондонѣ проходили незамѣтно для молодого курфюрста: постоянные взаимные визиты, посѣщенія принцессы, потомъ обѣдъ съ королевской фамиліей, послѣ чего онъ или игралъ съ невѣстой въ alla primiera (родъ лото), или присутствовалъ на спектаклѣ.

Король съ теченіемъ времени привязывался все больше и

больше къ будущему зятю, и ни онъ, ни тѣмъ менѣе принцесса не хотѣли и слышать объ отсрочкѣ свадьбы. Несмотря на разумные доводы, онъ настойчиво стоялъ на томъ, чтобы послѣ назначеннаго на Рождество обрученія свадьба послѣдовала уже на масляницѣ; ему хотѣлось скорѣе отпраздновать торжественную свадьбу, на которую онъ ассигновалъ сто тысячъ ф. стерл. и которою онъ хотѣлъ удивить всѣхъ, такъ какъ Англіи давно уже не приходилось присутствовать на свадьбѣ королевскихъ дочерей.

Пфальцскіе совѣтники изъ свиты курфюрста сильно недоумѣвали: имъ казалось, что ихъ шестнадцатилѣтній господинъ слишкомъ еще юнъ для того, чтобы быть супругомъ; кромѣ того ихъ смущали финансовые вопросы. Дѣло въ томъ, что король высказалъ желаніе, чтобы Пфальцъ съ своей стороны крупной суммой способствовалъ блеску грандіозно задуманнаго торжества, а пріѣзжіе успѣли уже замѣтить, какъ быстро расходовались здѣсь деньги, съ такимъ трудомъ собранныя на родинѣ. Большая часть взятой съ собой суммы была уже истрачена, а еще предстояло заплатить за всѣ пріобрѣтенія въ Парижѣ и Гаагѣ и за работу ювелировъ и позолотчиковъ. Кромѣ того отовсюду протягивались къ курфюрсту руки, которыя надо было наполнять, чтобы поддержать свою честь; маленькими дарами нельзя было отдѣлаться въ дорогомъ Лондонѣ и при испорченныхъ нравахъ двора. Скоро совѣтниковъ отовсюду стали серьезно предостерегать по поводу ихъ скупости, говоря, что число ихъ друзей уменьшается, но зато растетъ число враговъ, которые, несмотря на твердость короля, не теряютъ надежды разстроить этотъ бракъ. Дѣйствительно, пребываніе въ Англіи савойскаго посланника, несмотря на пріѣздъ курфюрста, должно было казаться подозрительнымъ. Противъ курфюрста была не только та партія, которая склонялась къ Испаніи и папистамъ, но вообще большинство англичанъ, недовольныхъ тѣмъ, что королевская дочь выходитъ замужъ за какого-то пфальцграфа, который даже не былъ милордомъ. Англійскіе путешественники, проѣзжавшіе черезъ Гейдельбергъ и пользовавшіеся радушнымъ пріемомъ во дворцѣ, отблагодарили тѣмъ, что, возвратясь въ Англію, писали и говорили только о бѣдности курфюршескаго двора, гдѣ даже не было достаточно гобеленовъ, чтобы завѣсить ими стѣны; разсказывали о незначительности и скудости ихъ земли и о грубости нравовъ самихъ жителей. Въ Пфальцѣ, узнавъ объ этомъ, поспѣшили написать возраженіе и, спасая честь своей родины, понятно, наговорили о себѣ много лишняго.

Болѣе серьезнымъ случаемъ, чуть не разстроившимъ всѣ планы или по крайней мѣрѣ угрожавшимъ отодвинуть ихъ на неопредѣленное время,—была смерть принца Генриха Уэльскаго. Онъ давно уже чувствовалъ себя плохо, а нѣсколько дней спустя, послѣ пріѣзда курфюрста, простудился, играя въ мячъ, слегъ въ постель и черезъ нѣсколько дней, 16 ноября 1612 года умеръ отъ тифа; послѣднія его слова относились къ горячо любимой имъ сестрѣ. Преждевременная кончина принца Генриха, бывшаго на три года старше курфюрста, была жестокимъ ударомъ для Англіи, въ осо-

бенности для тѣхъ, которые ожидали отъ будущаго многихъ перемѣнъ во внутренней политикѣ. Генрихъ, носившій имя славнаго короля, властителя Англіи, пользовался любовью народа настолько же, насколько отецъ—ненавистью. Высоко цѣнили его за то, что онъ сумѣлъ побороть шотландскихъ фаворитовъ короля, за то, что онъ былъ явнымъ врагомъ Испаніи и папистовъ, и за его упорное сопротивленіе браку съ принцессой католическаго вѣроисповѣданія; онъ даже выразилъ желаніе сопровождать сестру въ Германію и выбрать себѣ супругу среди дочерей многочисленныхъ протестантскихъ князей. Его окружающіе увѣряли, что онъ задавался широкими планами въ будущемъ.

Смерть принца была также тяжелой потерей и для курфюрста, лишившагося въ немъ одного изъ главныхъ сторонниковъ своего брака. Число враговъ зато увеличилось, такъ какъ многіе, указывая на болѣзненность второго сына, Карла, находили неудобнымъ выдавать принцессу Елизавету замужъ за-границу, ибо могло настать время, когда она была бы призвана занять престолъ Англіи. Но король Іаковъ не далъ убѣдить себя этимъ доводомъ и только назначилъ свадьбу послѣ окончанія траура, не ранѣе мая 1613 года, вслѣдъ за чѣмъ молодые еще продолжительное время должны были оставаться въ Англіи. Мотивомъ къ тому, должно быть, послужило его нежеланіе подчинить дочь регентству Гейдельберга, а можетъ быть и воспоминаніе о собственной свадебной поѣздкѣ въ Онсло (у норвежскихъ береговъ), откуда онъ съ молодой королевой выѣхалъ глубокою зимою и переправляясь черезъ горы, покрытыя снѣгомъ, черезъ замерзшія воды, долженъ былъ всетаки просидѣть мѣсяцъ въ Копенгагенѣ, такъ какъ морскіе штормы не позволили скорѣе возвратиться на родину; эта забота дочери была, кажется, единственной симпатичной чертой въ жизни такого себялюбца, какъ король Іаковъ. Пфальцская свита и въ особенности честный, прямой Сольмсъ были совсѣмъ въ отчаяніи отъ подобнаго положенія дѣлъ. Они давно уже отказались отъ мысли отложить свадьбу на нѣсколько лѣтъ, но и дальнѣйшее пребываніе въ чужой странѣ, требовавшее такихъ невозможныхъ денежныхъ затратъ отъ Пфальца, не особенно имъ улыбалось. Уже были посланы на родину письма, въ которыхъ они просили прислать имъ по меньшей мѣрѣ еще двѣсти тысячъ гульденовъ, необходимыхъ для покрытія расходовъ по свадьбѣ и на поѣздку назадъ. Скрѣпя сердце, полный мрачныхъ предчувствій написалъ домой и Сольмсъ, доказывая, что разъ взявшись за дѣло, надо съ честью выйти изъ него.

Вообще положеніе пріѣзжихъ въ Лондонѣ не было завиднымъ. Заботились о нихъ, положимъ, по-царски, король выдавалъ на нихъ ежедневно пятьсотъ гульденовъ, хотя часто упоминалъ о необходимости сбереженій. Незнаніе языка и обычаевъ страны приводило къ постояннымъ несогласіямъ между слугами курфюрста и людьми короля, причемъ англичане никогда не уступали. Приближался уже новый годъ, требовавшій раздачи богатыхъ подарковъ. Но несноснѣе всего было то, что король, считая

себя великимъ политикомъ, притязалъ на право знать малѣйшія подробности, касающіяся Пфальца и нѣмецкой уніи, и чувствовалъ себя призваннымъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Германіи, конечно, съ тѣмъ глубокимъ пониманіемъ континентальныхъ отношеній, какимъ отличается британская политика.

Въ декабрѣ 27-го числа (стар. ст.) король отпраздновалъ торжественное обрученіе, что по англійскимъ понятіямъ уже скрѣпляло союзъ жениха и невѣсты. Торжество произошло въ присутствіи многочисленнаго собранія, среди котораго, однако, замѣтно было отсутствіе королевы, не желавшей принять въ этомъ обрядѣ никакого участія. Но такъ какъ курфюрстъ не вполнѣ владѣлъ англійскимъ языкомъ, то король велѣлъ перевести на французскій языкъ слова торжественнаго обѣта: „держаться другъ друга съ этого дня на всю жизнь, при хорошихъ и дурныхъ обстоятельствахъ, въ богатствѣ и бѣдности, при здоровьи и болѣзни, любить и уважать другъ друга до самой смерти“; секретарь же, которому это было поручено, такъ хорошо исполнилъ свою задачу, что всѣ присутствующіе, несмотря на серьезность дѣйствія, едва могли удержаться отъ смѣха, и только рѣчь архіепископа Кентерберійскаго снова возвратила соотвѣтствующее настроеніе.

Съ этого дня курфюрстъ сталъ считаться членомъ королевской семьи и за него молились въ англійскихъ церквахъ, и противники теперь уже не надѣялись на успѣхъ.

Судя по началу новаго 1613 года, судьба стала благопріятствовать курфюрсту; уже одно то, что пфальцы съ честью вышли изъ необходимости дѣлать подарки; положимъ, что имъ понадобилось на одинъ только придворный штатъ принцессы три тысячи пятьсотъ ф. стерл., что составляло пятую часть всѣхъ доходовъ Пфальца, а кромѣ того пришлось еще дѣлать дорогіе подарки королевской семьѣ: уборъ изъ драгоцѣнныхъ камней, поднесенный курфюрстомъ своей невѣстѣ, стоилъ тридцать пять тысячъ ф. стерл. Но самъ король положилъ конецъ дальнѣйшимъ расходамъ.

Еще большій успѣхъ принесъ съ собой новый годъ; а именно, король наконецъ согласился съ доводами окружающихъ и рѣшилъ тотчасъ послѣ свадьбы, назначенной на февраль мѣсяцъ, отпустить молодыхъ въ Пфальцъ.

При такихъ обстоятельствахъ, слѣдующія недѣли быстро прошли въ приготовленіяхъ къ предстоящему празднеству; всѣ придворные поэты сидѣли и строчили на этотъ случай стихи, инженеры и машинисты пустили въ ходъ всѣ свои познанія по техникѣ, чтобъ новыми изобрѣтеніями и приспособленіями оживить спектакли. Король Іаковъ въ это время былъ занятъ измышленіями какъ бы поднять подать въ пользу приданаго невѣсты, чтобы имѣть отъ этого побольше дохода; кромѣ того распространившіеся слухи о враждебныхъ намѣреніяхъ папистовъ заставили его позаботиться о своей безопасности въ Лондонѣ и заняться необходимыми на этотъ случай приготовленіями.

Свадьба, для которой отложенъ былъ трауръ, началась съ грандіознаго фейерверка на водѣ. Черезъ два дня послѣ этого

состоялось сраженіе на Темзѣ; оба представленія, на которыхъ истребили громадное количество пороха, обошлись въ пятнадцать тысячъ стерл. Для свадьбы былъ назначенъ день св. Валентина, 14-го февраля (ст. ст.). Церемонія вѣнчанія происходила въ Вайтгольской часовнѣ, и такъ какъ по ограниченности мѣста туда могли попасть только избранные, то, чтобы не лишать народа зрѣлища, безконечная свадебная процессія должна была сдѣлать порядочный обходъ по комнатамъ дворца. Говорятъ, что среди слугъ, одѣтыхъ въ красныя ливреи и длинной вереницей шедшихъ передъ женихомъ и невѣстой, находился и Шекспиръ.

Трудно описать всю роскошь, обнаруженную въ тотъ день. Женихъ и невѣста были одѣты въ бѣлыя атласныя одежды, шестнадцать дамъ высшаго англійскаго дворянства несли ея дорогой шлейфъ. Въ послѣдній разъ распущенные волосы принцессы, были полны драгоцѣнныхъ камней; король оцѣнилъ на другой день эти украшенія въ четверть милліона ф. стерл. Другія дамы старались по возможности не отстать отъ этой роскоши: лэди Воттонъ заплатила за аршинъ матеріи своего шлейфа пятьдесятъ ф. стерл.

Брачное благословеніе совершалъ архіепископъ Кентерберійскій. Вопросы и отвѣты происходили на этотъ разъ на англійскомъ языкѣ, и всѣ хвалили курфюрста за то, что онъ такъ хорошо усвоилъ себѣ эти важныя слова. На этотъ разъ присутствовала и королева, упрямство которой наконецъ удалось сломить. Участвовали на церемоніи также посланники дружественныхъ державъ, а остальные не явились подъ предлогомъ нездоровья. Послѣ церковнаго торжества слѣдовалъ роскошный обѣдъ, въ построенномъ Иниго Іонесомъ залѣ, стѣны котораго покрыты были гобеленами съ изображеніями дѣяній временъ Елисаветы. За столомъ молодая курфюрстина сама заняла первое мѣсто, а ея супругъ долженъ былъ удовольствоваться мѣстомъ ниже. День закончился маскарадомъ, исполненнымъ труппой лордъ-каммергера, но не особенно понравившимся публикѣ. Въ слѣдующіе дни молодымъ пришлось выслушивать всевозможныя аллегорическія похвалы, исполненныя въ лицахъ, причемъ, конечно, главную цѣнность представляли не стихи, а костюмы.

Болѣе цѣннымъ даромъ Англіи была послѣдняя пьеса Шекспира „Буря“, поставленная въ день свадьбы, но написанная имъ, повидимому, еще къ обрученію Зимняго Короля. Только благодаря вставленнымъ двумъ сценамъ маскарада можно предположить, что это серьезное произведеніе написано для такого торжества; деликатный писатель не позволилъ себѣ никакихъ непосредственныхъ намековъ. Во всякомъ случаѣ, курфюрстъ могъ узнать себя въ лицѣ Фернандо, неаполитанскаго принца, переѣхавшаго море и остановившагося на островѣ, такъ же, какъ и принцесса—въ Мирандѣ, проживающей въ полномъ уединеніи со своимъ умнымъ отцомъ Просперо, изгнаннымъ Майландскимъ герцогомъ; какъ контрастъ чистоты и невинности Миранды, представленъ Калибанъ, олицетвореніе всего дурного. Въ Просперо, который правитъ въ царствѣ духовъ, которому не чуждо ни одно

человѣческое знаніе, подчинены всѣ силы природы, и уста котораго открываются только для мудрыхъ изреченій—надо видѣть короля Іакова, не такого, конечно, каковъ онъ въ жизни, но какимъ желательно, чтобы себѣ его представляли. Но Шекспиръ не былъ грубымъ льстецомъ, онъ сумѣлъ приблизить идеалъ, какимъ онъ изображалъ короля, болѣе къ дѣйствительности, чѣмъ на первый взглядъ кажется. Если всмотрѣться въ этого мудраго Просперо, то видно то-же благоговѣніе передъ церемоніями, та-же любовь поучать и въ общемъ та-же пустота, которая характеризуетъ короля Іакова. Собственно, судьба изгнаннаго герцога должна была бы напоминать ему, что не слѣдуетъ слишкомъ много находиться въ мірѣ духовъ, если не желательно потерять подъ собой почву земной власти.

Представленіе этой фантастической сказки приводило зрителей въ тяжелое и мрачное настроеніе, такъ какъ здѣсь говорилось только о превратностяхъ судьбы, невѣрности счастья и измѣнчивости всего земного. Какъ будто авторъ видѣлъ уже, какъ въ этомъ праздничномъ сіяніи, „въ этомъ шаткомъ зданіи блеска" скользили кровавыя тѣни будущаго, точно онъ предчувствовалъ уже легкое дыханіе предвѣстника бури, которая разнесетъ престолъ Стюартовъ и смѣшаетъ съ пылью цвѣтъ великаго времени Англіи. Сейчасъ послѣ свадьбы свита Фридриха стала уговаривать короля отпустить молодыхъ домой. Дѣла Пфальца, нѣмецкой уніи и вообще Германіи, гдѣ въ апрѣлѣ собирался рейхстагъ, требовали присутствія курфюрста. На этотъ разъ Іаковъ легко согласился, тѣмъ болѣе что и ему хотѣлось освободиться отъ дорого стоющихъ Англіи гостей. Елизавету тоже ничто уже не привязывало къ родительскому дому послѣ смерти брата. Въ особенности-же радъ былъ курфюрстъ, довольный, что можетъ скоро избавиться отъ гувернерскихъ поученій педантичнаго тестя.

Но всетаки надо было еще переждать весеннія бури. Пока курфюрстъ проводилъ время въ путешествіи по Англіи, король по своему занялся приготовленіями къ поѣздкѣ молодыхъ. Въѣздъ его дочери въ Германію долженъ былъ надѣлать по возможности больше шума; во главѣ должно было идти небольшое войско, а сопровождать англійскій кавалерійскій полкъ, къ которому Генеральные штаты должны были присоединить еще второй. Намѣреніе короля, не оставшееся тайнымъ, подняло сильное движеніе въ западной Германіи, въ особенности у нижняго Рейна; громче всѣхъ взывалъ о помощи противъ угрожающаго британскаго нашествія городъ Кельнъ, тотъ самый, который когда-то указалъ англійскимъ королямъ дорогу въ Германію. Но, къ счастію, Генеральные штаты отговорили короля отъ этого намѣренія, ибо иначе, при томъ внутреннемъ состояніи Германіи, оно легко могло сыграть роль воспламеняющей искры.

Ровно полгода спустя послѣ пріѣзда курфюрста въ Англію, а именно 20-го апрѣля 1613 года, внизъ по теченію спустилась флотилія барокъ, на этотъ разъ со всей королевской семьей на палубѣ. Опять прогремѣли съ Тоуэра пушечные выстрѣлы, опять

воздухъ огласился радостными криками толпы: на этотъ разъ это было прощаніе. Прошло еще двѣ недѣли, прежде чѣмъ англійская эскадра, принявшая молодыхъ съ ихъ свитой, могла сняться съ якоря; затѣмъ, только 8-го мая, совершивъ трехдневный бурный переѣздъ, курфюрстъ со своей молодой супругой вступилъ на континентъ въ Остенде.

Генеральные штаты и принцъ Морицъ всѣми силами старались оказать возможно больше почестей высокимъ гостямъ; курфюрстину буквально осыпали подарками; говорятъ, что ея недолгое пребываніе въ Гаагѣ обошлось Генеральнымъ штатамъ въ милліонъ брабантскихъ гульденовъ, но зато доставило имъ очень выгодный союзъ съ нѣмецкой уніей. Въ Гаагѣ Фридрихъ разстался со своей супругой и поспѣшилъ съ нѣсколькими провожатыми впередъ въ Пфальцъ, чтобы самому слѣдить за приготовленіями для пріема Елизаветы на родинѣ; курфюрстина въ это время медленно продолжала свой путь вверхъ по Рейну. Въ свитѣ ея было болѣе трехсотъ человѣкъ (изъ нихъ сто сорокъ англичанъ); для перевозки вещей нужно было триста телѣгъ и шестьсотъ лошадей—что было немалымъ испытаніемъ для мѣстностей, которыя они проѣзжали. Въ Мангеймѣ, выше Кельна, на встрѣчу курфюрстинѣ были высланы изъ Пфальца снаряженные корабли—цѣлая эскадра; Елизавету приняло самое большое и красивое судно, обитое дорогими матеріями и со стоящей на носу статуей Фортуны, катящейся на шарѣ.

Въ Бахарахѣ, гдѣ ее ожидалъ супругъ, Елизавета впервые вступила на пфальцскую землю; отсюда оба они послѣдовали по приглашенію курфюрста Майнцскаго въ его столицу, послѣ чего уже поѣхали дальше въ экипажѣ черезъ Оппенгеймъ и Франкенталь. Всюду устраивались тріумфальныя арки, встрѣчи, процессіи и т. д., но все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало курфюрстину въ Гейдельбергѣ.

Городъ и университетъ соревновали съ дворомъ. Мрачный, угловатый городокъ превратился въ веселый лѣсъ, обставленный зелеными березками, надъ которыми возвышались тріумфальный арки, украшенныя аллегорическими изображеніями и произведеніями поэзіи профессоровъ. Всѣ дружественные князья уніи находились здѣсь со своими большими свитами, изъ всего Пфальца было созвано ленное дворянство, ежедневно при дворѣ обѣдало до пяти-шести тысячъ человѣкъ; внѣ города, въ Ланденбургѣ, стянуто было порядочное войско,—однимъ словомъ, сдѣлано было все, чтобы показать гордой королевской дочери весь блескъ, могущество и вкусъ ея новой родины.

Среди довольно обычныхъ празднествъ, устроенныхъ въ слѣдующіе дни, какъ то — фейерверковъ, турнировъ, состязаній на призы, особенно выдѣлилась аллегорическая процессія во вкусѣ поздняго ренессанса, изображавшая возвращеніе аргонавтовъ изъ Колхиды. Представлено это было самими князьями съ ихъ свитой. На Арго, подвигаемомъ потайными колесами, стоялъ курфюрстъ Фридрихъ—герой Язонъ. Какъ уже тогда замѣтили, это не было благопріятнымъ предзнаменованіемъ: золотое руно не было при-

везено, такъ же, какъ отъ снившихся богатствъ Англіи ничего не попало въ Пфальцъ, кромѣ небольшого приданаго, которое даже не покрывало расходовъ по свадебной поѣздкѣ. Закончились торжества большой охотой, впервые видѣнной въ Германіи и устроенной на англійскій образецъ. Мало-по-малу разъѣхались всѣ гости и большая часть англійской свиты возвратилась на родину, причемъ гейдельбергцы, прощаясь, не особенно жалѣли объ отъѣздѣ надменныхъ британцевъ.

Пока на рейхстагѣ въ Регенсбургѣ кончали со старымъ режимомъ государства, курфюрстъ со своей супругой спокойно проживали въ охотничьихъ замкахъ богатаго лѣсами Оденвальда. Молодые супруги были вполнѣ счастливы, въ особенности-же послѣ того, какъ въ первый день новаго 1614 го года пушечные выстрѣлы возвѣстили о рожденіи сына и наслѣдника. Какія надежды, какія пожеланія высказывались у колыбели ребенка! Одни уже видѣли пфальцскаго льва, соединеннаго на одномъ гербѣ съ англійскимъ леопардомъ, другіе вспоминали о старомъ, никогда не умиравшемъ сказаніи о третьемъ императорѣ Фридрихѣ, который явится, чтобы свергнуть папство и установить миръ на много лѣтъ, и при этомъ указывали на молодого отца. Но судьба устроила иначе! Положимъ, чешская королевская корона украшала голову Фридриха втеченіе одной зимы; былъ даже моментъ, когда казалось, что Пфальцъ сниметъ съ Фердинанда Габсбургскаго императорскую корону; но въ одно ноябрьское утро разлетѣлись всѣ надежды.

Битвой при Бѣлой Горѣ кончается счастье Пфальца. По поводу бѣжавшаго Зимняго Короля уличные мальчишки слагали насмѣшливыя пѣсни, а гордая королева не имѣла уголка, гдѣ-бы преклонить голову. Съ этого момента, не имѣя болѣе родины, имъ оставалось только вмѣстѣ со своими дѣтьми переходить изъ страны въ страну; Гейдельбергъ былъ оставленъ на произволъ непріятелей и Пфальцъ раззоренъ войсками, проходившими по нему взадъ и впередъ. Первенецъ, такъ много обѣщавшій принцъ Фридрихъ-Генрихъ, шестнадцати лѣтъ утонулъ, катаясь въ лодкѣ по Гарлемскому морю; нѣжно любящій, мягкосердечный отецъ съ этого дня замѣтно чахнетъ и умираетъ недалеко отъ родины, въ Майнцскомъ дворцѣ, едва достигнувъ тридцати шести лѣтъ. Еще больше пришлось пережить курфюрстинѣ: изъ оставшихся сыновей, старшій, принцъ Карлъ-Людвигъ, разошелся съ матерью; принцъ Рупрехтъ всю свою жизнь принужденъ былъ скитаться по чужимъ землямъ и отдаленнымъ морямъ, сражаясь за погибающее дѣло Стюартовъ; третій, принцъ Морицъ, появившійся на свѣтъ во время бѣгства изъ Праги, сдѣлался невольникомъ морскихъ разбойниковъ. Кромѣ всего этого Елизаветѣ пришлось еще пережить кровавую кончину своего брата Карла, истребленіе приверженцевъ ихъ дома, потерять самой все свое имущество и пользоваться гостепріимствомъ своихъ голландскихъ друзей. Затѣмъ, много лѣтъ спустя, когда ея племяннику Карлу II удалось снова возстановить монархію Стюартовъ, она вернулась въ Англію, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, всѣми

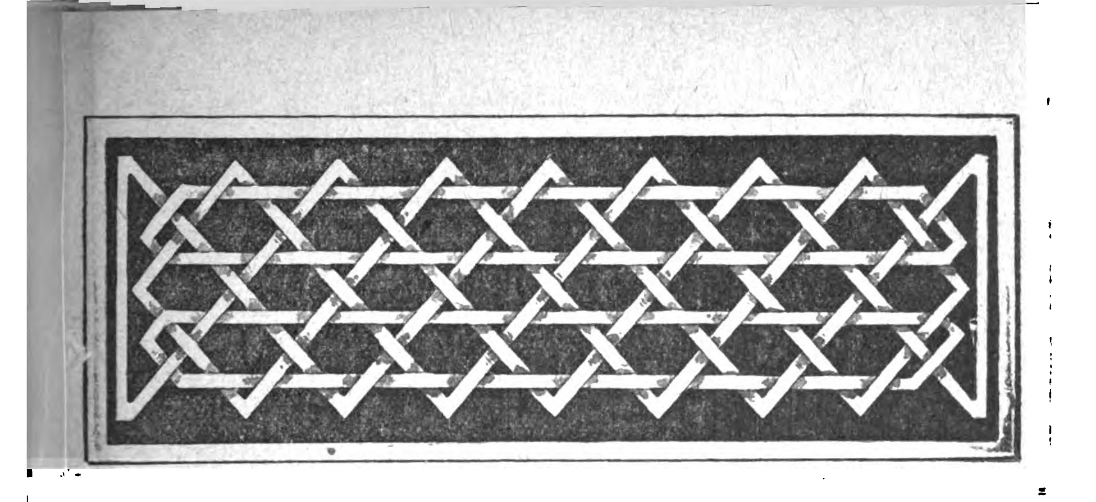

забытая и покинутая, умерла какъ-разъ въ вечеръ наканунѣ пятидесятилѣтія со дня своей свадьбы.

Каждое несчастіе предполагаетъ въ прошедшемъ какую либо вину или по меньшей мѣрѣ ошибку. Въ даннномъ случаѣ потомство строго осудило курфюрстину: ея безграничному честолюбію приписываютъ роковой походъ Пфальца въ Богемію, а ея безумную расточительность выставляли какъ причину ослабленія и безоружности страны въ минуту нужды. Подобный взглядъ ставитъ, однако, слишкомъ высоко вліяніе курфюрстины, бывшей на самомъ дѣлѣ натурой поверхностной, не глубоко чувствующей и пассивной, скорѣе нуждавшейся въ побужденіи со стороны, чѣмъ направлявшей къ чему-нибудь другихъ. При различныхъ политическихъ обстоятельствахъ, она ни разу не повліяла и даже не пробовала повліять на своего супруга, продолжавшаго страстно любить ее и еще глубже привязавшагося къ ней послѣ несчастія. А ей такъ было безразлично все происходившее въ Германіи, что она даже во всю свою жизнь не изучила нѣмецкаго языка. День ея уходилъ на охоту, чтеніе романовъ, театръ, игру въ карты и т. п. пустяки; духовные интересы не коснулись ея, даже несчастіе не повліяло на нее облагораживающимъ образомъ.

Конечно, нельзя отрицать, что долги курфюрстины, ея страсть къ расточительности, дѣлали окончательные разсчеты Пфальца съ каждымъ днемъ все хуже и хуже; не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что сама свадьба, своими чудовищными требованіями, могла пошатнуть финансовое равновѣсіе Пфальца; затѣмъ извѣстно, что, надѣясь на поддержку Іакова, курфюрстъ пускался все въ болѣе рискованныя политическія предпріятія, и наконецъ ясно, что самъ Пфальцъ сильно способствовалъ своему паденію плохимъ веденіемъ государственнаго хозяйства и чрезмѣрнымъ напряженіемъ своихъ слабыхъ силъ для занятія виднаго положенія среди великихъ державъ, что оказалось несбыточной мечтой.

Итакъ, вовсе не одна свадьба Зимняго Короля была причиной гибели Пфальца, какъ обыкновенно привыкли думать, а всѣ эти причины вмѣстѣ взятыя.

Общественныя отношенія во Франціи къ концу прошлаго вѣка.

РАНЦУЗСКАЯ революція дала толчокъ такому пониманію исторіи, которое сдѣлало возможнымъ объективное изученіе какъ этого, такъ и всѣхъ иныхъ общественныхъ явленій: она дала понять, что движущую силу историческаго развитія надо искать прежде всего не въ желаніяхъ людей, а въ общественныхъ отношеніяхъ, которыя—по крайней мѣрѣ, при системѣ товарнаго производства — независимы отъ нихъ, выше ихъ, даже господствуютъ надъ ними. Какъ ни склонны историки французской революціи считать ее дѣломъ, съ одной стороны философовъ — Вольтера и Руссо,—съ другой,—ораторовъ національнаго собранія—Мирабо и Робеспьера, но и они не могли обойти того факта, что конфликтъ, приведшій къ революціи, возникъ изъ той противоположности, въ которой стояли два первые класса къ третьему. Они видѣли, что эта противоположность не была случайной и скоро-преходящей, что она дѣйствовала въ генеральныхъ штатахъ 1614 года и еще раньше такъ же, какъ и въ 1789 году, что она служила существеннымъ элементомъ историческаго развитія — именно, въ дѣлѣ упроченія неограниченной королевской власти.

Основанное на этомъ положеніи пониманіе исторіи многими еще и теперь оспаривается. Но почти всѣми давно признано,

что французская революція была результатомъ классовой борьбы третьяго сословія съ двумя высшими. Задача сторонниковъ этого взгляда состоитъ теперь не столько въ томъ, чтобы защищать его, какъ въ томъ, чтобы предохранить его отъ опошленія. Многіе, сводя историческое развитіе къ борьбѣ классовъ, склонны думать, что въ обществѣ вообще существуетъ только два лагеря, два класса, борющіеся другъ съ другомъ, двѣ прочныя, однородныя массы—революціонная и реакціонная, что въ немъ есть только «стоящіе вверху и стоящіе внизу». Если бы это было вѣрно, задача историка была бы чрезвычайно легкой. Но въ дѣйствительности дѣло далеко не такъ просто. Общество—чрезвычайно сложный организмъ, —онъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ все болѣе и болѣе осложняется,—организмъ съ самыми разнообразными классами, самыми разнообразными интересами, которые, смотря по обстоятельствамъ, могутъ группироваться въ самыя разнообразныя комбинаціи.

II.

При поверхностномъ обзорѣ событій начала французской революціи «реакціонеры» и «революціонеры», «привеллигированные классы» и «народъ» кажутся тѣсно сплоченными массами со строго-опредѣленными цѣлями и средствами борьбы. Но ничего подобнаго не было въ дѣйствительности. Не только третье сословіе содержало въ себѣ самые противоположные элементы, но и первые два распадались на враждебныя другъ другу группы, несмотря на внѣшнюю, кажущуюся солидарность, несмотря на относительно незначительное число членовъ этихъ сословій [1]).

Но какъ ни незначительно было число дворянъ и духовенства,—только часть этого числа—и ни въ какомъ случаѣ не самая большая—вела ту роскошную, блестящую жизнь, предавалась той пышности и расточительности, которыя считаются характеристической чертой привиллегированныхъ классовъ до революціи. Только верхніе слои дворянства и духовенства, владѣвшіе громадными землями, могли позволить себѣ

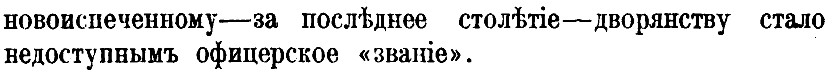
[1]) Тэнъ опредѣлялъ число дворянъ и духовныхъ вмѣстѣ приблизительно въ 270,000. Онъ насчитывалъ 25—30,000 дворянскихъ семействъ съ 140,000 член. и 130,000 членовъ клира; въ числѣ этихъ послѣднихъ было до 60,000 приходскихъ и викарныхъ священниковъ, 23,000 монаховъ и 37,000 монахинъ (Taine. Les origines de la France contemporaine. I. 17,527).

эту роскошь и расточительность, могли соперничать другъ съ другомъ въ блескѣ салоновъ, пышности празднествъ, великолѣпіи построекъ—въ этой единственной области, остававшейся открытой для соревнованія дворянства. Дворянство давно уже стало слишкомъ лѣнивымъ и безхарактернымъ для соревнованія въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ рѣшаютъ дѣло личныя достоинства. Соперничать же другъ съ другомъ въ томъ, кто въ состояніи больше дѣлать расходовъ, а слѣдовательно—какъ надо было заключать—кто располагаетъ большими доходами,—это вполнѣ соотвѣтствовало характеру товарнаго производства, въ область котораго дворянство въ значительной части вступило. Но дворянство того времени еще далеко не на столько примѣнилось къ новой формѣ производства, какъ это имѣетъ мѣсто, напр., теперь. Швырять деньгами оно научилось очень скоро, но увеличивать свои доходы посредствомъ торговли шерстью, хлѣбомъ, спиртными напитками и т. п. такъ ловко, какъ это дѣлаютъ члены этого сословія теперь, оно еще не умѣло. Располагая только своими феодальными доходами оно залѣзло по уши въ долги. Но если такая участь постигла высшее дворянство, то что ужъ и говорить о среднемъ и низшемъ! Вѣдь множество дворянскихъ фамилій едва могли извлекать изъ своихъ помѣстій 50, а то и 25 ливровъ годового дохода! Чѣмъ беднѣе были дворяне, тѣмъ большія требованія предъявляли они. Но это помогало мало. Займы оказывали только временную помощь: они приводили къ еще большему обѣдненію. Единственную прочную помощь могло оказать государство. Всѣ доходныя должности, какими располагалъ король, стали достояніемъ дворянъ. Но число раззорившихся и близившихся къ раззоренію дворянъ съ каждымъ годомъ возрастало, поэтому должно было возрастать и число соотвѣтствующихъ должностей: измышлялись самые курьезные предлоги, чтобы дать какому-нибудь захудалому дворянину право кормиться на счетъ государства. Само собою разумѣется, что рядомъ съ захудалыми не была забыта также задолжавшаяся и алчная высшая аристократія.

Самыми заманчивыми синекурами стали прежде всего придворныя должности. Онѣ оплачивались лучше всѣхъ остальныхъ и менѣе всѣхъ требовали знанія и труда; онѣ вели прямо къ источнику всѣхъ благъ и наслажденій. При дворѣ состояло до 15,000 человѣкъ, большинство изъ нихъ имѣло единственное назначеніе—подъ приличнымъ титуломъ получать приличную сумму денегъ. Десятая часть государственныхъ до-

13*

ходовъ, свыше 40 милліоновъ ливровъ (что соотвѣтствуетъ при теперешней стоимости денегъ почти 100 милл. франковъ), уходила на кормленіе этой толпы. Но дворянство этимъ не ограничилось. Въ администраціи были самыя разнообразныя должности: были между ними и такія которыя требовали извѣстнаго образованія и значительнаго труда. Такія должности умѣренно оплачивались и предоставлялись мѣщанству: фактически онѣ заключали весь трудъ управленія государствомъ. Но рядомъ съ ними существовали и такіе посты, единственственнымъ назначеніемъ которыхъ было «представительство»: пріятное времяпрепровожденіе было единственной обязанностью, лежавшей на лицахъ, занимавшихъ эти посты. Такія должности щедро оплачивались и удерживались для дворянъ. Согласно одному ордонансу 1776 г. такими должностями были: 18 генералъ-губернаторскихъ мѣстъ въ провинціи съ окладомъ въ 60,000 ливровъ каждое, 21 съ окладомъ въ 30,000 ливровъ; 114 губернаторскихъ съ окладомъ 8—12 ливровъ; 176 намѣстниковъ въ городахъ съ окладомъ 2—16 ливровъ. Въ 1788 г. учреждено было еще 17 должностей оберъ-комендантовъ съ окладомъ 20—30000 ливровъ и 4—6000 ливровъ въ мѣсяцъ квартирныхъ. Затѣмъ слѣдовали коменданты. При назначеніи офицеровъ въ армій встарину обращали вниманіе прежде всего на заслуги. Въ царствованіе Людовика XIV въ арміи можно было найти офицеровъ какъ изъ мѣщанъ такъ и изъ дворянъ. Лишь въ мирное время предпочитались послѣдніе. Но чѣмъ болѣе нуждалось дворянство въ государственныхъ должностяхъ, тѣмъ настойчивѣе старалось оно превратить высшіе офицерскіе чины въ свою сословную привиллегію. Унтеръ-офицеры, на которыхъ лежали очень тяжелыя обязанности, могли рекрутироваться и изъ «черни», но хорошо оплачиваемыя и главное, не требующія много труда—особенно въ мирное время—и знаній, мѣста офицеровъ стали привиллегіей дворянства. Содержаніе офицеровъ стоило ежегодно 46 милліоновъ ливровъ,—вся же армія должна была довольствоваться 44 милліонами. Чѣмъ задолженнѣе становилось дворянство, тѣмъ ревностнѣе оберегало оно свою привиллегію занятія офицерскихъ мѣстъ. За нѣсколько лѣтъ до революціоннаго взрыва (1781 г.) появился королевскій эдиктъ, предоставлявшій мѣста офицеровъ только *старому* дворянству. Желавшій получить чинъ офицера долженъ былъ доказать, что у него (по мужской линіи) было не менѣе четырехъ предковъ-дворянъ. Такимъ образомъ, всему

новоиспеченному—за послѣднее столѣтіе—дворянству стало недоступнымъ офицерское «званіе».

Въ церкви высшія и лучше оплачиваемыя мѣста частью были издавна предоставлены дворянству, частью же фактически находились въ его распоряженіи, такъ какъ назначенія на эти мѣста производились королемъ, который все чаще и чаще оставлялъ ихъ исключительно за дворянами. Здѣсь тоже не задолго до революціи права на занятіе всѣхъ хлѣбныхъ мѣстъ были признаны исключительно за дворянствомъ, хотя это и не объявлялось. 1,500 богатыхъ бенефицій, которыми располагалъ король, предоставлялись исключительно дворянамъ, какъ и каѳедры епископовъ и архіепископовъ. Между ними были дѣйствительно теплыя мѣста. Французскіе епископы и архіепископы въ числѣ 131 чел. получали вмѣстѣ свыше 14 милліоновъ ливровъ годового дохода,—болѣе 100,000 на брата. Кардиналъ Роганъ, архіепископъ страсбургскій, въ качествѣ князя церкви, получалъ болѣе милліона ливровъ.

Но всѣ эти, такъ прекрасно оплачивавшіяся, мѣста въ церкви, въ арміи, въ государственномъ управленіи, при дворѣ не могли удовлетворить задолжавшагося дворянства. Короля безпрестанно осаждали настойчивыми просьбами о выдачѣ экстраординарныхъ вспомоществованій дворянамъ изъ государственной казны. Такимъ образомъ, только съ 1774 по 1789 г. было выдано изъ государственнаго казначейства въ видѣ пособій, подарковъ и т. п. 228 милліоновъ ливровъ; изъ этой суммы 80 милл. взято членами королевской семьи. За нѣсколько лѣтъ до революціи, въ виду страшнаго дефицита, грозившаго государственной казнѣ, министръ финансовъ Калонъ купилъ увеселительный замокъ Сенъ-Клу за 15 милліоновъ ливровъ и Рамбулье за 14 милліоновъ—для короля. Семейство Полиньякъ, пользовавшееся особенной благосклонностью Маріи-Антуанеты, получило однихъ пенсіоновъ на сумму 700,000 ливровъ. Герцогъ Полиньякъ, сверхъ того, получилъ пожизненную ренту въ 1.20,000 ливровъ и единовременный презентъ для покупки имѣнія въ 1.200,000 ливровъ.

Мы говорили до сихъ поръ о дворянствѣ. Это собственно неточно. Значительная часть дворянства, но во всякомъ случаѣ только меньшинство его, не только не принимала въ этомъ хищеніи никакого участія, но даже была имъ въ высшей степени возмущена. Это было мелкое и среднее дворянство экономически-отсталыхъ провинцій, въ которыхъ феодальное хозяйство сохранилось во всей своей силѣ, какъ Вандея и отчасти Бре-

тань. Феодалы этихъ областей, вмѣсто того, чтобы переселяться въ Парижъ или Версаль, жили по старому въ своихъ замкахъ, среди своихъ крестьянъ: они сами были тѣ же крестьяне только высшаго пошиба. Грубы и необразованны были они, но сильны и полны сознанія собственнаго достоинства; потребности ихъ, состоявшія главнымъ образомъ въ томъ, чтобы хорошо поѣсть и попить, легко удовлетворялись тѣмъ, что они получали натурою отъ своихъ крестьянъ. Долги не угнетали ихъ, не на что было имъ бросать бѣшеныя деньги; у нихъ не было причины увеличивать повинности, лежавшія на крестьянахъ, или слишкомъ строго требовать ихъ исполненія. Они были съ своими крестьянами далеко не въ дурныхъ отношеніяхъ. Совмѣстная жизнь при одинаковыхъ условіяхъ—одного уже этого достаточно для развитія нѣкоторой симпатіи. А феодалъ въ отсталыхъ провинціяхъ еще не былъ безполезнымъ эксплуататоромъ и паразитомъ, какимъ онъ сталъ уже въ областяхъ болѣе прогрессивныхъ. Въ этихъ послѣднихъ все болѣе и болѣе переходили въ вѣдѣніе королевской бюрократіи всѣ административныя, полицейскія и судебныя обязанности, которыя исполнялись раньше феодаломъ. За феодаломъ, наконецъ, осталось только то, что не имѣло никакого значенія ни для порядка, ни для общественной безопасности въ странѣ: вмѣсто того, чтобы содѣйствовать ея благосостоянію, онъ могъ и долженъ былъ только увеличивать ея тяготы. Судебные и полицейскіе чиновники въ помѣстьяхъ не получали никакого жалованья. Мало того, они должны были *покупать* свои мѣста; понятно, что они покупали вмѣстѣ съ тѣмъ и право высасывать доходы для себя.

Совершенно иначе было въ отсталыхъ феодальныхъ областяхъ. Помѣщикъ здѣсь еще управлялъ и принадлежавшей ему территоріей: онъ заботился о путяхъ сообщенія, о безопасности дорогъ; онъ рѣшалъ споры между своими подчиненными, наказывалъ ихъ проступки и провинности. Онъ даже иногда пользовался своимъ стариннымъ правомъ—защищать своихъ подчиненныхъ отъ внѣшнихъ враговъ,—конечно, не отъ непріятельскихъ армій. Врагомъ дѣлавшимъ время отъ времени хищническіе набѣги на эти захолустья, были сборщики податей. Сохранились примѣры, что феодалы-помѣщики попросту прогоняли этихъ господъ, если ихъ набѣги были ужъ слишкомъ буйны. Дворяне этой категоріи отнюдь не были склонны безусловно подчиняться королевской власти. Придвор-

ное дворянство съ своимъ хвостомъ въ арміи, церкви и высшей бюрократіи имѣло всѣ основанія ратовать за усиленіе неограниченной королевской власти. Чѣмъ сильнѣе была власть, тѣмъ произвольнѣе она могла выжимать налоги, но тѣмъ больше могла она также отвлекать государственные доходы отъ удовлетворенія государственныхъ нуждъ и расточать ихъ на своихъ ставленниковъ. Это было не по вкусу мѣстному дворянству. Отъ двора помѣстнымъ дворянамъ не перепадало никакихъ милостей, да они въ нихъ и не нуждались. Но чѣмъ напряженнѣе дѣйствовала податная машина, тѣмъ больше бѣднѣли ихъ подчиненные; чѣмъ больше судебная, административная и полицейская власть переходила въ руки королевской бюрократіи, тѣмъ больше силы и значенія теряли они въ своемъ раіонѣ. Они были проникнуты старо-феодальнымъ духомъ и считали себя чуть ни равными королю. Для нихъ король, какъ и во времена феодализма, былъ только самый крупный изъ землевладѣльцевъ, «первый среди равныхъ», который не смѣлъ предпринимать никакихъ измѣненій въ государствѣ безъ ихъ согласія, которому они настойчиво противуставляли свои исконныя права и вольности,— въ чемъ они, понятно, далеко не всегда имѣли успѣхъ. И тѣмъ больше основаній имѣли они для своей оппозиціи, чѣмъ болѣе увеличивались потребности государственной казны, чѣмъ больше вводилось новыхъ налоговъ, которые отчасти падали и на дворянство, несмотря на его старинную свободу отъ податей, такъ что помѣстное дворянство должно было нести государственныя тяготы, не принимая участія въ дѣлежѣ добычи. Поэтому все громче и громче, кричало оно о бережливости въ государственномъ хозяйствѣ, о реформахъ въ финансовомъ управленіи, о контролѣ надъ нимъ со стороны сословнаго представительства.

Мы видимъ, что дворянство распалось на два враждебныхъ другъ другу лагеря: на придворную аристократію и ея приспѣшниковъ—въ этомъ лагерѣ было высшее дворянство и значительная часть средняго и низшаго; онъ безусловно стоялъ за неограниченную королевскую власть;—и на помѣстное дворянство, въ составъ котораго входили средніе и низшіе дворяне экономически неразвитыхъ мѣстностей; этотъ лагерь настаивалъ на созывѣ сословныхъ представителей для контроля надъ государственнымъ управленіемъ.

Захолустный дворянинъ относился къ буржуа съ той ненавистью, которую питаютъ обыкновенно крестьяне къ горо-

жанамъ, люди натуральнаго хозяйства—къ людямъ хозяйства денежнаго, необразованные — къ образованнымъ, «исконные жители» данной мѣстности—къ разнымъ выскочкамъ неизвѣстнаго происхожденія. Понятно, онъ встрѣчалъ буржуа чрезвычайно рѣдко въ своихъ захолустьяхъ, зато никогда въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ онъ не скрывалъ своего презрѣнія къ нему. Городское дворянство, напротивъ, быстро сближалось съ частью, по крайней мѣрѣ, буржуазіи. Конечно, къ какому-нибудь портному или перчаточнику придворный аристократъ относился еще высокомѣрнѣе—если это возможно,—чѣмъ его деревенскій собратъ. Совсѣмъ иное отношеніе было къ тузамъ финансоваго міра. У нихъ въ избыткѣ были деньги, въ которыхъ такъ настоятельно нуждалась знать: отъ нихъ зависѣло, объявить ли ее банкротомъ, или поддерживать и впредь ея существованіе. За исключеніемъ нѣсколькихъ фамилій, всѣ придворные аристократы отъ короля до самаго послѣдняго пажа были неоплатными должниками финансистовъ. Съ ними, понятно, надо было вести себя осторожно. Людовикъ XIV, этотъ надменный «король-солнце», однажды при пріемѣ еврея Самуеля Бернара оказалъ ему въ присутствіи всего двора истинно царскія почести: что тамъ ни толкуй, а у этого жида было 60 милліоновъ! Могли-ли слуги короля держать себя неприступнѣе, чѣмъ ихъ господинъ?! Финансовая аристократія все болѣе и болѣе уподоблялась аристократіи родовой; она покупала дворянскіе титулы, дворянскія помѣстья. Нерѣдко тотъ или иной обнищавшій дворянинъ старался подновить свой износившійся гербъ посредствомъ брака съ какой-нибудь аристократкой денежнаго мѣшка. Въ подобныхъ случаяхъ утѣшались каламбуромъ, что самое лучшее поле необходимо время отъ времени унаваживать. И дворянство тѣмъ временемъ все болѣе и болѣе погружалось въ навозъ. Салоны финансовой аристократіи ни въ чемъ уже не уступали салонамъ аристократіи родовой, Продажныя женщины были въ такой же степени доступны для бонвивановъ изъ третьяго сословія, какъ и для графовъ, герцоговъ и епископовъ.

Нѣкоторые писатели, какъ, напр., Бокль, видѣли во все увеличивающемся сближеніи аристократіи съ людьми денежнаго мѣшка проявленіе „демократическаго духа", который передъ революціей проникъ дескать во всѣ головы, къ какому бы классу ни принадлежали ихъ обладатели. Жаль только, что какъ разъ въ это время „демократическіе" дворяне увеличили аристократическія требованія относительно предковъ для

соискателей офицерскихъ чиновъ, отмежевали въ пользу дворянства церковныя имѣнія и создавали въ бюрократіи новыя синекуры исключительно для себя. Не демократическія идеи, а матеріальные интересы уничтожали—и очень замѣтно—грань, отдѣлявшую денежную аристократію отъ аристократіи земельной, въ то время, какъ эта послѣдняя старалась, возможно больше, обострить исключительность своихъ правъ на занятіе государственныхъ должностей. Эта «свобода отъ предразсудковъ» парижскаго дворянства въ области общественныхъ сношеній приводила въ ужасъ захолустныхъ дворянъ. Еще ужаснѣе казалась имъ его «свобода отъ предразсудковъ» въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи. Помѣстный дворянинъ, все еще жившій въ условіяхъ феодальнаго строя, строго держался соотвѣтствовавшаго ему міровоззрѣнія, религіи своихъ отцовъ. Для парижскаго дворянина религія казалась уже ненужной, и необходимой лишь для массъ, для черни. Рука объ руку съ распространеніемъ вольнодумства въ аристократическихъ салонахъ шелъ упадокъ старыхъ нравовъ, которые тоже лишились своей матеріальной основы. Для феодальнаго господина его домашнее хозяйство, достоинства и недостатки госпожи имѣли огромное значеніе: безъ правильнаго, прочнаго домашняго хозяйства могъ остановиться весь механизмъ производства. Прочный бракъ, строгая семейная дисциплина при такихъ обстоятельствахъ—необходимы. Но для придворнаго, у котораго, кромѣ развлеченій и разбрасыванія денегъ на всѣ стороны, не было рѣшительно никакого дѣла,—бракъ, семья были совершенно излишни: они стали неудобоносимымъ бременемъ, которому хотя и подчинялись внѣшнимъ образомъ—надо же было имѣть законныхъ наслѣдниковъ—но перестали строго держаться этихъ формъ. Помѣстное дворянство такъ же возмущалось этой «свободой отъ предразсудковъ» городского дворянства, какъ и его расхищеніемъ государственныхъ финансовъ; на него въ свою очередь сыпались упреки въ грубости, невѣжествѣ и непокорности. Оба лагеря относились въ высшей степени враждебно другъ къ другу. Конечно, когда основы феодальнаго строя, общая почва, на которой только и могли существовать какъ тѣ, такъ и другіе, подверглись серьезной опасности,—враждующіе братья соединились. Но соединеніе обоихъ слоевъ аристократіи произошло только тогда, когда это было уже слишкомъ поздно, когда уже ничто не могло остановить побѣдоносное шествіе третьяго сословія.

Рядомъ съ этими двумя слоями аристократіи было не мало

дворянъ, которые въ критическую минуту перешли къ врагу и потрясли феодальную систему въ самомъ ея основаніи. Именно въ рядахъ низшаго, окончательно обнищавшаго дворянства оказалось много такихъ лицъ, которымъ была не по вкусу духовная карьера, которые не могли пристроиться въ арміи, не сумѣли пробраться ко двору или даже попали почему бы то ни было въ немилость; были здѣсь и такіе, у которыхъ такое же отвращеніе возбуждало ничтожество придворнаго дворянства, какъ и грубость и ограниченность захолустныхъ дворянъ,—которые считали неизбѣжнымъ паденіе господствующей системы и глубоко скорбѣли о народныхъ бѣдствіяхъ. Эти люди стали на сторону третьяго сословія: они соединились съ его интеллигенціей, его памфлетистами, журналистами, сила и значеніе которыхъ съ каждой побѣдой третьяго сословія быстро возрастали. Такимъ образомъ, на сторону третьяго сословія перешли изъ рядовъ аристократіи самые интеллигентные, энергичные, неустрашимые и сильные духомъ члены ея. Они переходили сперва въ одиночку, но когда побѣда третьяго сословія стала несомнѣнной, они устремились къ нему цѣлыми толпами и самымъ чувствительнымъ образомъ ослабили свой собственный классъ въ тотъ именно моментъ, когда ему необходимо было напречь всѣ силы, чтобы хоть отсрочить, по крайней мѣрѣ, свою гибель.

Въ это же время измѣнили старому строю и тѣ двѣ опоры, на которыя онъ всего болѣе разсчитывалъ: духовенство и армія.

Высшіе посты какъ въ церкви, такъ и въ арміи занимали дворяне; третье сословіе давало унтеръ-офицеровъ и приходскихъ священниковъ; какъ тѣ, такъ и другіе имѣли одну задачу—дѣлать изъ людей, къ которымъ они были приставлены, безсмысленныя машины, которыя бы безъ разсужденій повиновались всякому приказанію свыше. Но люди, которые должны были такимъ образомъ воспитывать рабовъ господствующаго класса и руководить ими, сами принадлежали къ эксплуатируемымъ. Церковь была чрезвычайно богата. Пятая часть французскихъ земель принадлежала ей и это была самая лучшая часть: стоимость ея далеко превосходила стоимость всѣхъ остальныхъ земель. Стоимость церковныхъ имѣній опредѣляли въ четыре тысячи милліоновъ ливровъ: они давали сто милліоновъ дохода [1]. Сверхъ того, десятина давала духовенству 123 милліона ежегодно. Изъ этихъ громадныхъ суммъ, не говоря уже о доходахъ съ движимыхъ имуществъ, принад-

лежавшихъ различнымъ церковнымъ корпораціямъ; львиную долю получали высшіе сановники церкви и монастыри [2]): приходскіе же священники жили въ страшной бѣдности, въ жалкихъ лачугахъ, едва обезпеченные отъ голода. И тѣмъ не менѣе на нихъ именно лежали всѣ церковныя обязанности. Этимъ людямъ даже въ голову не могло придти, что они принадлежать къ привиллегированному сословію. Тѣсно связанные посредствомъ семейныхъ отношеній съ третьимъ сословіемъ, лишенные всякой надежды на выходъ изъ своего положенія, бѣдные, заваленные работой, эти люди жили среди полунищаго населенія и были гораздо ближе къ этому населенію, чѣмъ къ привиллегированному сословію.

Чѣмъ больше возрастала притязательность и алчность дворянства, чѣмъ болѣе захватывали дворяне исключительно въ свою пользу всѣ лучшія мѣста въ арміи и церкви, тѣмъ болѣе оттѣсняли они унтеръ-офицеровъ и приходскихъ священниковъ къ третьему сословію. Власть имущіе, конечно, не замѣчали этого явленія и его неизбѣжности, благодаря той обязанности безусловнаго повиновенія, которая возлагалась на субалтерновъ арміи и церкви. И тѣмъ безпощаднѣе былъ ударъ, полученный ими въ рѣшительную минуту, когда противъ нихъ обратились тѣ силы, на которыя они разсчитывали, въ которыхъ они именно въ эту минуту всего болѣе нуждались!

Въ собраніи генеральныхъ штатовъ 1789 г. былъ поднятъ съ самаго же начала вопросъ первостепенной важности: должно-ли голосованіе производиться по числу депутатовъ, или по сословіямъ. Третье сословіе стояло за первое рѣшеніе этого вопроса, такъ какъ число его представителей было вдвое больше числа представителей первыхъ двухъ сословій. Дворянство же надѣялось одержать верхъ съ помощью духовенства и, если бы было принято голосованіе по сословіямъ, генеральные штаты были бы въ его рукахъ. Духовенство обмануло ожи-

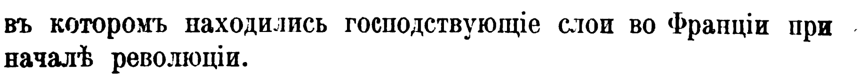
---

[1]) Въ 1791 году депутатъ Амело (Amelot) оцѣнивалъ проданные и назначенные къ продажѣ церковныя земли и лѣса въ 3,700 милліоновъ.

[2]) 399 членовъ ордена премонстратовъ получали ежегодно болѣе милліона; клюнійскіе бенедиктинцы, числомъ 298 чел.—1.800,000 ливровъ, бенедиктинцы монастыря св. Мора (St. Maur)—1672 челов., получали чистаго дохода 8 милліоновъ, не считая приблизительно такой же суммы, поступавшей ежегодно ихъ аббатамъ и номинальнымъ пріорамъ, получавшимъ ежегодно приблизительно такую же сумму. Прибавьте къ этому указанные нами выше доходы епископовъ и архіепископовъ, и вы поймете ту благочестивую ревность, съ которой дворянство, рядомъ съ престоломъ отстаивало и алтарь: первый открывалъ ему дорогу къ сундукамъ государственнаго казначейства, отъ второго ему перепадали такіе жирные кусочки!

данія дворянъ. Среди его представителей было 48 епископовъ и архіепископовъ, 35 аббатовъ и декановъ и 208 приходскихъ священниковъ. Большинство этихъ послѣднихъ перешло на сторону третьяго сословія, что во многомъ способствовало тому, что было принято голосованіе по числу депутатовъ. Армія должна была поправить дѣло дворянъ. Дворъ придумывалъ важныя военныя мѣропріятія, которыя были явно разсчитаны на государственный переворотъ. При дворѣ надѣялись, что если Парижъ будетъ раздавленъ, то съ національнымъ собраніемъ, въ которое превратились генеральные штаты, управиться будетъ не трудно. Возстаніе легко было вызвано отставкой Неккера (12 іюля), но ему не суждено было окончиться въ пользу двора, давшаго ему первый толчокъ. Полки отказывались стрѣлять и офицеры должны были отозвать ихъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не дождаться измѣны и этихъ полковъ. 13 іюля парижане вооружились; 14 же іюля, когда распространился слухъ, что пушки Бастиліи угрожаютъ Сентъ-Антуанскому предмѣстью и что изъ Сенъ-Дени идутъ въ Парижъ свѣжія войска,—парижане въ союзѣ съ французской гвардіей взяли ненавистную крѣпость-тюрьму. «Измѣна» приходскихъ священниковъ и гвардіи—это важнѣйшіе моменты французской революціи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ моментъ революціоннаго взрыва вся «реакціонная масса» французовъ была глубоко разъединена и распадалась на самыя разнообразныя группы. Одна изъ нихъ была ненадежна, другая—открыто играла въ руку врага; та—глубоко консервативна, но не хотѣла мириться съ неограниченной монархіей и настойчиво требовала реформъ въ дѣлѣ финансоваго управленія, другая была достаточно «просвѣщенна», но слишкомъ сроднилась съ злоупотребленіями господствующей системы, такъ что всякая финансовая реформа равнялась для нея смертному приговору; та упорно держалась за свои привиллегіи: она была энергична, но невѣжественна, загрубѣла и неспособна къ управленію государствомъ; другая—гораздо образованнѣе, знакома съ искусствомъ государственнаго управленія, но труслива и безхарактерна; та—высокомѣрна и склонна къ насиліямъ; другая—слаба, робка и готова на уступки... Эти противоположные элементы напряженно боролись другъ съ другомъ, взваливая одинъ на другого всю вину въ томъ, что дѣло зашло такъ далеко. Дворъ подпалъ самымъ противоположнымъ вліяніямъ: сегодня его довѣріемъ овладѣвали одни, завтра—другіе... Вотъ картина того состоянія,

въ которомъ находились господствующіе слои во Франціи при началѣ революціи.

Но и третье сословіе было не менѣе разъединено.

III

Даже тотъ классъ, который теперь называютъ преимущественно третьимъ сословіемъ, въ противуположность четвертому—классу неимущихъ пролетаріевъ—классъ капиталистовъ далеко не представлялъ изъ себя сплоченнаго, замкнутаго отряда. На верху его стояли крупные финансисты. Они, въ качествѣ главныхъ кредиторовъ государства были заинтересованы въ томъ, чтобы должникъ не раззорился окончательно и въ этомъ смыслѣ, желали нѣкоторыхъ реформъ. Они были кредиторами не только короля, но и всего задолжавшагося дворянства. Экономисты вполнѣ убѣдительно доказали, что доходъ съ земледѣльческаго хозяйства значительно повысится, если оно будетъ вестись не на полу-феодальныхъ, а на чисто капиталистическихъ началахъ. Для того-же, чтобы переходъ этотъ могъ совершиться, необходимъ былъ извѣстный капиталъ для различныхъ приспособленій, для обзаведенія скотомъ, земледѣльческими орудіями и т. п. Этимъ капиталомъ располагала только самая незначительная часть дворянъ. Уничтоженіе феодальныхъ повинностей грозило сдѣлать ихъ полными банкротами. Ихъ кредиторы, понятно, не имѣли никакихъ причинъ содѣйствовать этому. Высшія сферы буржуазіи, какъ мы уже видѣли, все болѣе и болѣе сближались съ дворянствомъ и въ общественномъ отношеніи. Мало того, всякая радикальная финансовая реформа должна была привести къ замѣнѣ откупной системы системой государственныхъ пошлинъ. Цѣлый рядъ важнѣйшихъ государственныхъ доходовъ какъ налогъ на соль, на спиртные напитки, таможенные сборы, табачная монополія отдавались на откупъ. За все это откупщики платили государству (въ послѣдніе годы передъ революціей) 116 милліоновъ ливровъ, выжимали же изъ народа, может быть, вдвое большую сумму. Откупная система была для нихъ самой выгодной системой—неужели господа финансисты могли добровольно отказаться отъ нея!

Тѣмъ не менѣе финансисты, невольно, конечно, стали сильными политическими агитаторами: они именно способствовали тому, что мирные обыватели стали политиками, стали вздыхать о свободѣ. Крупный капиталъ былъ тѣмъ каналомъ, по которому государственныя долговыя обязательства расходи-

лись въ народъ, по которому, съ другой стороны, на приманку быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ займовъ, стекались средніе мелкіе капиталы.Средніе и мелкіе капиталисты все болѣе и болѣе становились кредиторами государства. Буржуа этого сорта обыкновенно нисколько не интересуются правительствомъ и его дѣятельностью. Филистеръ считаетъ политику пустымъ дѣломъ, которое не приноситъ никакой выгоды и даже можетъ стоить времени и денегъ. Но дѣло совершенно измѣнилось, когда онъ сталъ кредиторомъ государства, когда появилось опасеніе государственнаго банкротства. Теперь политика перестала быть пустымъ дѣломъ: она стала чрезвычайно важнымъ занятіемъ. Буржуа вдругъ проникся глубокимъ интересомъ ко всѣмъ вопросамъ государственнаго управленія. Онъ знать не хотѣлъ никакихъ привиллегій и воспылалъ страстною любовью къ свободѣ и равенству.

И не только въ качествѣ государственнаго кредитора онъ долженъ быть стать въ оппозицію къ привиллегировваннымъ классамъ: онъ не могъ поступить иначе также въ качествѣ купца и промышленника. Высшія мѣста въ арміи и флотѣ занимались исключительно дворянствомъ, подвергшимся значительному оскудѣнію и военная сила Франціи все болѣе и болѣе падала. Въ теченіе всего 18-столѣтія Франція не вела почти ни одной войны, которая не поставила бы ее торговлю въ крайне невыгодныя условія или не привела ея къ потерѣ колоній: стоитъ припомнить утрехтскій миръ (1718), ахенскій (1748), парижскій (1763), версальскій (1783). Но выгодная колоніальная политика—одно изъ важнѣйшихъ условій процвѣтанія внѣшней торговли. Внутренняя же торговля Франціи была крайне стѣснена старинными феодальными ограниченіями. Нѣкоторыя провинціи представляли собою, такъ сказать, государства въ государствѣ: онѣ были разобщены съ остальными частями государства посредствомъ особаго права, дѣйствовавшаго въ нихъ, особаго управленія, таможенныхъ заставъ и т. п. Если мы прибавимъ къ этому еще подсудность торговыхъ мѣстъ феодаламъ, взимавшіеся ими налоги за мѣста, занимаемыя торговцами, дорожные, мостовые сборы и т. п., мы легко поймемъ, отчего внутренняя торговля во Франціи крайне подавлена. Товары, приходившіе во Францію изъ Японіи или Китая, провозились по отдаленнымъ, бурнымъ морямъ, кишѣвшимъ пиратами,—повышались въ цѣнѣ только въ три—четыре раза. Вино же, привозившееся изъ Орлеана въ Нормандію, дорожало, по меньшей мѣрѣ въ *двадцать* разъ, вслѣдствіе

разныхъ налоговъ, взимавшихся съ товаровъ [1]). Именно торговля виномъ,—одна изъ главнѣйшихъ отраслей французской торговли, была особенна стѣснена. Такъ, владѣльцамъ виноградниковъ въ окрестностяхъ Бордо была воспрещена продажа всякаго вина въ этомъ городѣ, за исключеніемъ того, которое было собрано съ ихъ собственныхъ виноградниковъ. Такимъ образомъ, у самыхъ богатыхъ въ этомъ отношеніи мѣстностей: Лангдока, Перигора, Аженуа, Кирси, рѣки которыхъ текли подъ самыя стѣны Бордо, было отнято право сбыта ихъ продуктовъ въ пользу владѣльцевъ бордосскихъ виноградниковъ. При этомъ и пути сообщенія во Франціи были въ крайне жалкомъ состояніи. На ремонтъ дорогъ не отпускалось никакихъ суммъ, натуральная же дорожная повинность крестьянами не выполнялась. Для того, чтобы торговля могла процвѣтать, необходимо было отмѣнить привиллегіи дворянъ, реорганизировать армію и флотъ, уничтожить партикуляризмъ отдѣльныхъ провинцій, отмѣнить пошлины, взимавшіяся съ товаровъ внутри страны какъ короной, такъ и феодалами: словомъ, интересы торговли требовали „свободы и равенства“.

Но не одни купцы преклонялись передъ этимъ лозунгомъ. Самымъ любимымъ способомъ до-революціоннаго королевства разживаться деньгами была монополизація той или иной отрасли торговли или промышленности, продажа этой монополіи нѣсколькимъ счастливцамъ или дѣлежъ съ ними доходовъ, получаемыхъ отъ эксплуатаціи потребителей. Самыми выгодными были монополіи большихъ торговыхъ обществъ въ колоніяхъ. Но рядомъ съ ними существовали въ разныхъ городахъ еще другія торговыя монополіи, принадлежавшія различнымъ корпораціямъ, организованнымъ на подобіе цеховъ. Одна изъ такихъ замкнутыхъ корпорацій пережила даже реформы Тюрго: это цехъ торговцевъ виномъ въ Парижѣ. Не удивительно, что люди, пользовавшіеся этими привиллегіями, хотя они и принадлежали къ третьему сословію, стояли за старый государственный строй. Промышленность подверглась со стороны стараго строя не меньшимъ стѣсненіямъ, чѣмъ и торговля. Конечно, это происходило вовсе не отъ желанія правительства подавить ее; напротивъ, оно старалось ей всячески покровительствовать. Цвѣтущая капиталистическая промышленность считалась однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ богатства

1) Louis Blanc. Histoire de la Révolution. III. т. 3 гл. (стр. 156, въ брюссельскомъ изданіи 1847 г.).

государства и потому ей оказывали покровительство и поддержку. Такъ какъ ремесленные цехи старались всѣми мѣрами ставить разныя помѣхи капиталистической промышленности, конкурренція которой имъ была очень непріятна,—то короли взяли ее подъ свое покровительство. Конечно, уничтожить цехи и такимъ образомъ навсегда устранить эти помѣхи королямъ и въ голову не приходило: съ уничтоженіемъ цеховъ они, какъ мы увидимъ ниже, потеряли бы значительный источникъ доходовъ. Но они давали различнымъ мануфактурамъ грамоты, избавлявшія ихъ отъ налоговъ и всякихъ цеховыхъ и феодальныхъ стѣсненій. Мануфактура, получившая такую привиллегію, называлась «королевской мануфактурой». Короли на этомъ не остановились. Для достиженія того, чтобы мануфактуры производили товары самаго лучшаго достоинства, предприниматели обязательно должны были знать лучшіе пріемы производства и примѣненіе этихъ пріемовъ было строго предписано особыми регламентами. Возможно, что въ дѣтскомъ состояніи мануфактурнаго производства эти мѣры были для него полезны, но совсѣмъ иначе стало во второй половинѣ 18 столѣтія, когда мануфактурная промышленность начала быстро развиваться и поднялась на болѣе высокую ступень. Для новыхъ предпріятій было очень не удобно, что только королевская привиллегія могла защитить ихъ отъ разныхъ придирокъ и процессовъ со стороны ремесленныхъ цеховъ. Всякіе-же регламенты стали положительно невыносимы. Изъ средствъ для распространенія лучшихъ пріемовъ производства они выродились въ средства для удержанія самыхъ худшихъ и устарѣлыхъ и на будущее время. Съ шестидесятыхъ годовъ 18 вѣка началась та техническая революція, которая замѣнила мануфактуру фабрикой и должна была создать крупную промышленность нашего времени. Раньше, въ мануфактурной промышленности пріемы и орудія производства измѣнялись крайне медленно. Теперь-же всякое новое изобрѣтеніе быстро вытѣснялось другимъ, новѣйшимъ: эти изобрѣтенія и усовершенствованія немедленно примѣнялись въ Англіи. Для того, чтобы Франція могла выдержать конкурренцію съ Англіей, она должна была также быстро слѣдовать за техническимъ прогрессомъ. Устраненіе цеховыхъ ограниченій и бюрократическихъ регламентовъ не было уже вопросомъ пользы и выгоды: оно стало вопросомъ жизни и смерти для французскаго капиталистическаго производства. Но напрасно Тюрго пытался въ 1776 г. устранить эти остатки старины. Привиллегирован-

ные прекрасно понимали, что дѣло реформы, разъ оно будетъ начато, на этомъ не остановится. Они свергли Тюрго и разстроили его дѣло. Чтобы устранить препятствія къ развитію крупной промышленности была необходима реформа.

Не малая часть капиталистовъ-промышленниковъ была заинтересована въ сохраненіи стараго режима съ его привиллегіями. Капиталистическая промышленность, также какъ и торговля, служила вначалѣ преимущественно роскоши — тѣмъ болѣе, что она была такъ сказать, придворной промышленностью. Важнѣйшія мануфактуры Франціи производили шелковыя матеріи, бархатъ, кружева, ковры, фарфоръ, пудру, бумагу, (бумага сто лѣтъ тому назадъ была еще предметомъ роскоши) и т. п. Эти предпріятія находили самый большой спросъ среди высшихъ сословій. Уменьшеніе доходовъ этихъ сословій должно было сильно подорвать дѣла значительной части капиталистовъ-промышленниковъ. Поэтому революція не могла вызвать у нихъ особенно горячихъ симпатій. Знаменательно, что когда въ 1793 году взялась за оружіе контръ-революція, во главѣ ея, рядомъ съ одной изъ мѣстностей Франціи, въ которой еще сохранилось во всей силѣ феодальное хозяйство—Вандеей, стоялъ и самый промышленный городъ государства, знаменитый своими шелковыми издѣліями и золотымъ шитьемъ, Ліонъ. Еще въ 1790 г. тамъ была сдѣлана духовенствомъ и дворянами попытка произвести возстаніе и долго послѣ этого Ліонъ служилъ оплотомъ легитимизма и католицизма. И въ 1795 г., когда пало господство якобинцевъ, парижская буржуазія нисколько не скрывала своихъ роялистическихъ, антиреспубликанскихъ симпатій. Если-бы только за нею была остановка, — она еще тогда возстановила бы легитимную монархію и позаботилась бы о возвращеніи на родину аристократическихъ эмигрантовъ.

IV.

Не меньшія противоположности, чѣмъ въ классѣ капиталистовъ господствовали и среди ремесленниковъ.

Цеховая организація уже давно окаменѣла и превратилась въ средство монополизаціи ремесленнаго производства въ пользу немногихъ избранныхъ, а званіе мастера — въ исключительную привиллегію и чѣмъ меньше и тѣснѣе былъ кругъ этихъ привиллегированныхъ, тѣмъ легче и выгоднѣе была для нихъ эксплоатація подмастерьевъ и потребителей. Пробраться подмастерью въ сословіе мастеровъ стало почти невозможно, если

онъ не былъ сыномъ или зятемъ какого-нибудь мастера или не женился на вдовѣ мастера. Полученіе правъ мастера кѣмъ-либо постороннимъ не только было стѣснено множествомъ разнообразныхъ условій, но и обставлено такими требованіями, которыя сплошь и рядомъ дѣлали его совершенно невозможнымъ. Нерѣдко даже цехъ просто объявлялся замкнутой организаціей съ разъ навсегда установленнымъ числомъ членовъ. Но мастера очень заблуждались, если они думали, что могутъ, въ тогдашнемъ государствѣ, вести свою монополію на свой собственный рискъ и страхъ и исключительно въ свою пользу. Право давать дипломы на званіе мастера—и самое главное, понятно, за хорошую плату—было объявлено привиллегіей короны. Корона также оставила за собой право назначать членовъ цехового управленія. Если цехи хотѣли удержать эти привиллегіи за собой, они должны были платить за нихъ коронѣ огромныя деньги; платить приэтомъ приходилось не разъ навсегда опредѣленную сумму, а суммы различныя [1]. Цеховые мастера были, естественно, очень заинтересованы въ сохраненіи привиллегій и стараго государственнаго строя: они, какъ самые слабые изъ всѣхъ привиллегированныхъ, должны были первые пасть жертвой реформаціонной политики. На нихъ дѣйствительно и былъ направленъ первый ударъ реформъ Тюрго. Въ рѣзкой противоположности къ нимъ стояли ихъ подмастерья. Званіе подмастерья не было уже переходной ступенью къ званію мастера: подмастерья стали отдѣльнымъ сословіемъ съ особыми сословными интересами. Они относились очень враждебно къ *цеховымъ* мастерамъ; тѣмъ не менѣе они ничего такъ не желали, какъ сами стать мастерами и чувствовали себя за одно съ мастерами, *не принадлежащими къ цехамъ*, представляющими изъ себя многочисленное и быстро увеличивавшееся сословіе.

Въ до-революціонномъ королевствѣ нѣкоторыя мѣстности пользовались привиллегіей свободы отъ всякихъ цеховыхъ ограниченій. Первоначально даже само учрежденіе цеховъ существовало только въ городахъ и не распространялось на села и деревни. Но нѣкоторыя подгородныя села быстро разростались, слились съ городами и стали предмѣстьями, сохраняя часто свою свободу отъ цеховыхъ ограниченій и на послѣдующее время. Когда въ царствованіе Людовика XIV развилась страшная нищета среди ремесленниковъ, не принадлежав-

[1]) Еще Генрихъ III въ 1581 г. объявилъ ордонансомъ, что никто не можетъ стать мастеромъ, не представивъ на испытаніе образца своей работы или *не купивъ диплома* на званіе мастера.

шихъ къ цехамъ и ненависть ихъ къ цехамъ значительно возрасла, правительство пыталось успокоить волненіе умовъ тѣмъ, что расширило эти привиллегіи предмѣстій, нѣкоторымъ же мѣстностямъ дало ихъ вновь. Въ Парижѣ особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи предмѣстьямъ: Сентъ-Антуанскому и du Temple [1]). Всѣ подмастерья, мечтавшіе о самостоятельности и не имѣвшіе никакихъ надеждъ стать цеховыми мастерами, устремились въ эти предмѣстья. Масса мелкихъ мастеровъ едва могли перебиваться въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ, не смѣя сбывать своихъ произведеній внѣ опредѣленной черты, и чѣмъ больше увеличивалось ихъ число, чѣмъ больше возрастала конкурренція, которую они дѣлали другъ другу,—тѣмъ съ большимъ недовольствомъ подчинялись они ограниченіямъ, налагаемымъ на нихъ государствомъ, тѣмъ сильнѣе было чувство обиды, вызывавшееся у нихъ сравненіемъ ихъ крайней нищеты съ самодовольной зажиточностью цеховыхъ мастеровъ сосѣднихъ кварталовъ. Но въ мѣстностяхъ, свободныхъ отъ цеховыхъ ограниченій, охотнѣе всего и капиталисты устраивали свои мануфактуры: здѣсь они скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, могли найти то, въ чемъ они всего болѣе нуждались—большое предложеніе умѣлыхъ рукъ, которыя имъ можно было эксплоатировать безъ всякихъ стѣсненій. Поэтому, рядомъ съ множествомъ мелкихъ мастеровъ и подмастерьевъ мы находимъ въ предмѣстьяхъ массу наемныхъ рабочихъ капиталистической промышленности; они рекрутировались частью изъ ремесленниковъ, частью изъ сельскаго населенія. Рядомъ съ обученными рабочими капиталистическая промышленность уже все больше и больше занимала и необученныхъ поденьщиковъ, къ которымъ примыкали многочисленные пролетаріи и нищіе Парижа, доходившіе до шестой части его населенія. Этотъ элементъ и составилъ ядро революціонной массы.

Торжество буржуазіи началось 9 термидора (23 іюля 1794 г.) паденіемъ Робеспьера и было подписано 4 преріаля (24 мая 1794 г.).

Якобинцы и жители парижскихъ предмѣстій потерпѣли крушеніе потому, что реальныя общественныя отношенія не представляли никакой почвы для революціи въ пользу мелкаго мѣщанства и пролетаріата, дѣлали недѣйствительными всѣ мѣры, какія эти послѣдніе придумывали для остановки революціи капиталистической.

---

[1]) Сравн. объ этомъ, между проч., Tocqueville, L' ancien Régime et la Revolution, Paris, 1859. Стр. 139.

Но революціонная борьба французскаго и преимущественно парижскаго мелкаго мѣщанства, хотя и кончилась пораженіемъ его, не прошла для него безслѣдно. Громадная сила, обнаруженная имъ въ революціи, дала ему то самосознаніе, ту политическую зрѣлость, которыя не могли исчезнуть безслѣдно.

V.

Между тѣмъ какъ дворянство, духовенство, государственная и городская бюрократія и весь болѣе или менѣе зажиточный слой населенія были совершенно или, по крайней мѣрѣ, отчасти свободны отъ прямыхъ государственныхъ налоговъ, они всей своей страшной тяжестью ложились на крестьянъ, масса которыхъ была разрознена. Нерѣдко они поглощали у крестьянина 70 процентовъ чистаго дохода, въ среднемъ же крестьянинъ платилъ въ видѣ прямыхъ государственныхъ налоговъ 50 процентовъ чистаго дохода. Военная служба лежала преимущественно на крестьянахъ, для нея набиралось ежегодно въ ополченіе 60000 человѣкъ. Дворянство, напротивъ, было свободно отъ воинской повинности. Оно оправдывало свою свободу отъ податей «налогомъ крови»; между тѣмъ, въ дѣйствительности этотъ «налогъ крови», насколько вообще дворянство теперь несло его, превратился изъ полной опасности и тяжелой обязанности въ выгодную привиллегію эксплоатаціи отечества. Упрекъ, что несправедливо подвергать рекрутскому набору однихъ только крестьянъ, защитники этого порядка думали *совершенно* устранить соображеніемъ о «налогѣ крови». Натуральныя дорожныя повинности (corvées) несли только крестьяне; на нихъ же лежали квартирная и подводная повинность при размѣщеніи войскъ. Содержаніе современнаго государства все болѣе и болѣе увеличивало тяготы крестьянина, но рядомъ съ ними сохранились во всей силѣ и тяготы феодализма, которыя были не только тяготами, но и узами, мѣшавшими всякому улучшенію производства, такъ какъ всякое улучшеніе въ этомъ отношеніи обязательно должно было привести къ ихъ уничтоженію.

Крестьянинъ не смѣлъ культивировать того, что онъ считалъ нужнымъ; десятина взималась съ урожая лишь издавна извѣстныхъ растеній, а не нововведенныхъ, какъ напр., картофель, люцерна. Культура ихъ, поэтому, неоднократно воспрещалась. Всякое улучшеніе полеводства, вродѣ перехода отъ трехпольной системы къ плодоперемѣнной, было чрезвычайно затруднено. Остатки общиннаго строя, особенно обяза-

тельный сѣвооборотъ, конечно, еще въ большей степени препятствовали развитію земледѣлія. Каждую минуту, во время самыхъ спѣшныхъ полевыхъ работъ, крестьянина могли потребовать на барщину. Не успѣлъ онъ хоть сколько нибудь освободиться отъ обязательныхъ работъ на господина, на него наваливались новыя тяжести въ видѣ натуральной дорожной повинности, подводной повинности—особенно при транспортировкѣ войскъ. Когда выросталъ на полѣ хлѣбъ или овощи, крестьянинъ былъ лишенъ почти всякой возможности обезопасить его отъ господской дичи, голубей, кроликовъ. Право охоты принадлежало исключительно дворянамъ; дворянство также имѣло исключительное право держать стада кроликовъ, голубятни и широко пользовалось этимъ правомъ. Содержать этихъ животныхъ и птицъ должны были крестьяне, предоставляя имъ, конечно, недобровольно, опустошать свои поля. Иногда крестьянъ прямо обязывали сѣять только такія растенія, которыя любитъ дичь. Особые надсмотрщики за дичью имѣли право застрѣлить каждаго, кто бы осмѣлился убить кролика или зайца. Тэнъ находитъ страннымъ, что по мѣрѣ того, какъ «смягчались нравы», какъ «возрастало просвѣщеніе», возрастало также и варварство въ постановкѣ охоты. Но охота служила для дворянства настолько же потѣхой, насколько и средствомъ эксплоатаціи. «Смягченіе нравовъ» проявлялось только въ отношеніяхъ господъ между собой и къ финансистамъ. Что же касается охоты, то дворянство все болѣе и болѣе размножало дичь, и приэтомъ нерѣдко — самую вредную: въ Клермонтѣ, въ имѣніяхъ принца Конде воспитывались и заботливо выкармливались молодые волки, зимой ихъ выпускали на волю и охотились на нихъ.

Однимъ изъ регламентовъ 1762 года запрещено было огораживать крестьянскія угодья во всѣхъ королевскихъ охотничьихъ раіонахъ, чтобы дичь могла безпрепятственно разгуливать по полямъ и огородамъ; запрещено также было всѣмъ, не исключая и хозяевъ, ходить по полямъ съ 1 мая по 24 іюня, чтобы не тревожить куропатокъ во время высиживанія яицъ. Пусть сорныя травы за это время совершенно заглушатъ культурныя растенія—это пустяки! Еще въ 1789 году, когда возстаніе противъ феодальной системы было уже въ полномъ ходу, въ одной только мѣстности королевскаго раіона, Фонтенбло, было вновь насажено 108 рощъ для зайцевъ и куропатокъ, несмотря на всѣ протесты заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ.

Если крестьянину удавалось, несмотря на всѣ эти препятствія, дождаться жатвы, онъ все еще не могъ безъ помѣхъ убрать свой хлѣбъ. Сжатый хлѣбъ долженъ былъ оставаться на поляхъ до тѣхъ поръ, пока не явится сборщикъ податей, не сосчитаетъ снопов и не опредѣлитъ соотвѣтственно урожаю суммы натуральныхъ повинностей. Если за это время наставало ненастье, — весь урожай погибалъ. Но, наконецъ, вся уборка окончена; крестьянинъ не имѣлъ права распоряжаться урожаемъ по своему усмотрѣнію. Онъ долженъ былъ выдѣлывать вино изъ своего винограда на господскомъ заводѣ, молоть свое зерно на господской мельницѣ, печь свой хлѣбъ въ господской печи. Онъ не смѣлъ обзавестись и даже ручнымъ жерновомъ, не купивъ себѣ на это права за дорогую цѣну. Заводъ для выдѣлки вина, мельница, хлѣбная печь, принадлежавшіе помѣщику, отдавались на откупъ и были, какъ и слѣдовало ожидать, въ самомъ плачевномъ состояніи: они работали медленно и плохо. Всѣ эти учрежденія не только облегчали эксплоатацію крестьянина, но и уменьшали его доходъ до минимума. Если же онъ всетаки ухитрялся получить какой либо излишекъ, онъ не могъ отправить его на рынокъ безъ всякихъ околичностей. Свое вино онъ могъ продавать только спустя 4—5 недѣль по окончаніи сбора винограда. Монополія продажи вина въ это время была предоставлена господину. Пути сообщенія были въ самомъ жалкомъ состояніи, провозныя пошлины, рыночные поборы—чрезвычайно высоки. Крестьянинъ долженъ былъ радоваться, если онъ выручалъ отъ продажи своихъ «избытковъ» сумму, достаточную на покрытіе расходовъ по ихъ перевозкѣ. И какъ рѣдко въ сущности могъ онъ говорить объ избыткахъ! Но всѣ эти притѣсненія, на которыя мы могли только указать, такъ какъ одно перечисленіе ихъ потребовало бы цѣлыхъ реестровъ (Ваксмутъ въ своей «Geschichte Frankreichs in Revolutionszeitalter» приводитъ не менѣе 150 названій различныхъ феодальныхъ правъ, уничтоженныхъ безъ всякаго вознагражденія въ ночь 4 августа 1779 года)—все это было только каплей въ морѣ. Его жилище, скотъ, орудіе, поле были въ высшей степени жалки. Если же крестьянину, дѣйствительно, удавалось зашибить какую-нибудь копѣйку, онъ крѣпко держалъ ее въ рукахъ. Деньги тратились крестьяниномъ самое большее на покупку новаго клочка земли и никогда не употреблялись на улучшеніе производства: всякое увеличеніе дохода съ земли влекло за собой немедленное возвышеніе поборовъ.

Но у большинства крестьянъ жалкое состояніе хозяйства было неизбѣжнымъ результатомъ необходимости: лишь немногимъ удавалось сколотить и припрятать незначительную сумму денегъ. Пашни не удобрялись, почва быстро истощалась; неурожаи все чаще и чаще посѣщали страну. О запасахъ, конечно, не было и рѣчи: выпадалъ неурожайный годъ и немедленно начинался неизбѣжный голодъ. Для многихъ въ такихъ случаяхъ дальнѣйшее веденіе хозяйства становилось невозможнымъ. Земледѣльцы оставляли родину, и деревни все болѣе и болѣе пустѣли. Уже въ 1750 году Кенэ говорилъ, что четверть земли, годной къ земледѣлію, остается заброшенной; непосредственно передъ революціей Артуръ Юнгъ сообщалъ, что запущена *треть* пахотной земли (болѣе 6 милліоновъ гектаровъ!). По сообщеніямъ Реннскаго сельско-хозяйственнаго общества въ Бретани пустовало въ это время *двѣ трети* всей пахатной земли.

Но, несмотря на то, что число земледѣльцевъ уменьшалось, общая сумма налоговъ быстро увеличивалась, которые такимъ образомъ, распредѣлялись между все меньшимъ и меньшимъ числомъ душъ. Неудивительно, что, наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ все населеніе грозило разбѣжаться. Но куда? Эмиграція за-границу была тогда для крестьянъ почти невозможной; земледѣльцы направлялись въ города въ качествѣ поденьщиковъ, но здѣсь снова наталкивались на феодальныя стѣсненія, на цеховыя монополіи, которыя становились тѣмъ невыносимѣе, чѣмъ быстрѣе шло превращеніе земледѣльческаго населенія въ пролетаріатъ; они переполняли свободныя отъ цеховыхъ стѣсненій предмѣстья и болѣе всего способствовали образованію той толпы, которая здѣсь быстро зрѣла для санкюлотства. Многіе вербовались въ армію, но большинство опускалось до положенія голытьбы, Власть имущіе тогда, какъ теперь, воображали, что неимѣніе опредѣленнаго мѣста жительства, отсутствіе опредѣленныхъ занятій излечиваются наказаніемъ «провинившихся». Но хотя ордонансъ 1764 г. опредѣлилъ за нищенство, даже за простое отсутствіе опредѣленныхъ занятій, наказывать трехлѣтними работами на галерахъ,—всетаки въ 1777 году насчитывали 1.200,000 нищихъ [1]). Намъ неизвѣстно, откуда взято это именно число, но даже если оно выражаетъ только простую догадку, то тѣмъ не менѣе показываетъ, до какихъ страшныхъ размѣровъ развилось нищенство въ странѣ [2]). Но

[1]) Louis Blanc. La Revolution. 149.

[2]) Ср. «Капиталъ» т. I гл. VIII стр. 47. О пролетаріатѣ во Франціи передъ революціей; Н. Карѣевъ: «Крест. и крест. вопросъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ» М. 1879 г.

люди болѣе сильные, люди съ болѣе смѣлымъ характеромъ презирали нищенство, на долю котораго доставалась только безъисходная нужда и позоръ. Они собирались въ вооруженныя шайки и силой забирали все, въ чемъ нуждались. Разбои стали страшной и неизлѣчимой язвой страны.

Но и среди крестьянъ, еще «крѣпкихъ землѣ», все болѣе и болѣе развивался духъ возмущенія. Правительственные чиновники и феодалы все чаще и чаще наталкивались на сопротивленіе. Эти разрозненныя, спорадическія волненія подавлялись однако безъ всякаго труда. Но послѣ того, какъ неурожай, страшно суровая зима [1]) и, наконецъ, выборы депутатовъ въ генеральные штаты довели волненіе умовъ до самой высшей степени, взятіе Бастиліи объединило недовольныхъ. И когда въ знаменитую августовскую ночь всѣ отказывались отъ привиллегій, — уже отказывались отъ того, что, на самомъ дѣлѣ, перестало существовать.

К. Каутскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Градъ и засуха сильно подорвали доходъ земледѣльческаго хозяйства въ 1788 году; въ концѣ декабря этого года температура въ Парижѣ понизилась до $18^{3}/_{4}$° R; въ одномъ только Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ насчитывали тогда 30,000 чел., нуждающихся въ помощи.

Памфлетъ на русскую литературу.

«A. History of Russian Literature, *by K Waliszewski. London 1900.* W. *Heineman*».

РИСКОРБНОЕ впечатлѣніе производитъ эта „Исторія“ на русскаго читателя... Случалось вамъ видѣть плохую ремесленную фотографію съ близкой и дорогой вамъ особы? Предъ вами знакомыя черты лица: кажется, и глаза и носъ и губы— все на мѣстѣ, а между тѣмъ требуется извѣстное напряженіе, чтобы признать сходство между фотографіей и живой личностью. Ремесленная фотографія, схвативъ внѣшній обликъ, не въ состояніи была передать того дуновенія жизни, которое освѣщаетъ лицо и дѣлаетъ его дорогимъ для васъ. Эта параллель невольно пришла на мысль намъ при чтеніи труда г. Валишевскаго. Предъ нами мелькаютъ знакомыя даты, знакомыя имена, но напрасно мы будемъ искать въ книгѣ г. Валишевскаго того дуновенія жизни, которое дается лишь глубокимъ безпристрастнымъ изученіемъ и любовью къ изображаемому предмету; напрасно вы будете отыскивать въ ней объясненіе могущественнаго вліянія, оказаннаго въ послѣдніе годы русской литературой на европейскія литературы; напрасно вы будете доискиваться:—что новаго внесла въ сокровищницу всемірной литературы Россія, въ чемъ отличительныя, характерныя черты русской литературы? Г. Валишевскій не дастъ вамъ отвѣта на эти интересные вопросы. Самое большее, что онъ сможетъ дать, это—кое-какіе факты и даты. Но и съ этими данными нужно обращаться очень осторожно и не особенно довѣрять аккуратности автора, такъ какъ его „Исторія“ не отличается даже той трудолюбивой точностью, которая можетъ сдѣ-

лать книгу, при всѣхъ ея недостаткахъ, полезнымъ справочнымъ пособіемъ.

Мы не будемъ останавливаться на первыхъ главахъ книги, такъ какъ въ нихъ авторъ задался совершенно неисполнимой задачей: на пространствѣ 150 маленькихъ страницъ изложить исторію русской литературы отъ... „The Dawn of Christianity“ до.... Пушкина включительно! О какой нибудь оригинальности въ этихъ главахъ книги нечего и говорить: это просто очень сжатый, въ высокой степени небрежный и неточный пересказъ капитальной работы г. Пыпина.

Неаккуратность г. Валишевскаго часто принимаетъ комическіе размѣры. Говоря напр. о журналахъ, издававшихся въ 1794—99 гг. Карамзинымъ („Аглая и Аониды“), онъ считаетъ нужнымъ „съ ученымъ видомъ знатока“ прибавить: „Въ нихъ Пушкинъ помѣщалъ свои юношескія произведенія“. Какимъ образомъ Пушкинъ, родившійся въ 1799 г., могъ сотрудничать въ этихъ журналахъ, остается тайной автора. (Очевидно, онъ смѣшалъ В. Л. Пушкина съ А. С. Пушкинымъ). Подобными же курьезами кишитъ вся работа г. Валишевскаго: онъ очень любитъ вводить въ изложеніе различныя мелочныя подробности съ цѣлью показать, что онъ чувствуетъ себя въ области русской литературы „какъ у себя дома“, и почти всегда именно эти подробности обнаруживаютъ глубокое невѣжество автора.

Да и вообще Пушкину не повезло въ работѣ г. Валишевскаго. Какъ напр. вы думаете объясняетъ г. Валишевскій ссылку (1820) Пушкина? Пушкинъ написалъ въ юности скабрезную поэму „Гавриліада» (которую г. Валишевскій почему-то называетъ „Sabriélid), и вотъ она-то, по мнѣнію г. Валишевскаго, и послужила главной причиной ссылки Пушкина. „Какъ его біографы ни стараются замаскировать этотъ фактъ,—пишетъ г. Валишевскій,—но несомнѣнно, что немилость къ Пушкину въ 1820 г. была въ значительной степени связана съ „Гавриліадой“. Къ сожалѣнію, г. Валишевскій не указываетъ источниковъ, изъ которыхъ онъ почерпнулъ этотъ любопытный фактъ.

Больше того,—восторгъ, вызванный среди русской публики юношескими стихами Пушкина, приписывается г. Валишевскимъ все той-же „Гавриліадѣ“, ибо „русскіе современники Пушкина были склонны смѣшивать свободу съ распущенностью“. Это говорится о русскомъ обществѣ въ концѣ царствованія Александра I!

Оппозиціонное настроеніе Пушкина въ періодъ ссылки г. Валишевскій приписываетъ... Но мнѣ положительно стыдно цитировать г. Валишевскаго! Пушкинъ, по его словамъ, „былъ готовъ въ это время перевернуть вверхъ дномъ весь міръ, потому что его ссылкѣ предшествовало *тѣлесное наказаніе* (!!), причемъ распространившіеся въ публикѣ слухи о наказаніи, *болѣе чѣмъ само наказаніе*, приводили его въ бѣшенство!“ Вотъ въ какомъ свѣтѣ выставляетъ г. Валишевскій поэта, котораго толки о якобы понесенномъ имъ тѣлесномъ наказаніи возмущали, по его словамъ, болѣе чѣмъ само наказаніе, которому его подвергъ добросовѣстный „историкъ“ русской литературы.

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что г. Валишевскій негодуетъ на часто проводимую параллель между Байрономъ и Пушкинымъ. „Байронъ никогда не былъ ни бреттеромъ, ни игрокомъ",—говоритъ г. Валишевскій, намекая на то, что у Пушкина было нѣсколько дуэлей и что онъ въ молодости былъ любителемъ картежной игры.

Трагическая судьба Пушкина, задыхавшагося подъ надзоромъ Бенкендорфа, обязаннаго посылать каждую написанную строчку на просмотръ высочайшему цензору, ненавидимаго чиновной аристократіей и убитаго рукой чужеземца,—судьба эта нисколько не трогаетъ г. Валишевскаго. Говоря о смерти Пушкина, г. Валишевскій замѣчаетъ: „этотъ трагическій конецъ вовсе не лишилъ Россію великаго поэта".

Насколько несправедливы отзывы автора о личности Пушкина, настолько же несправедливы и пристрастны его отзывы о произведеніяхъ Пушкина, которыхъ мы не будемъ приводить и которые всѣ сводятся къ тому, что Пушкинъ, дескать, былъ лишь блестящій версификаторъ, „граціозный" (graceíuf) поэтъ, лишенный оригинальности. Въ другомъ мѣстѣ своей книги г. Валишевскій именуетъ Пушкина... „патріотомъ дикой силы" (patriot of brutality)!

Вообще, вся глава, посвященная Пушкину въ книгѣ г. Валишевскаго, дышетъ желаніемъ развѣнчать великаго поэта. Сначала не понимаешь: почему? и, лишь вспомнивъ, что г. Валишевскій—полякъ, а Пушкинъ, къ несчастью, авторъ стихотворенія „Клеветникамъ Россіи" (являющагося въ сущности случайнымъ эпизодомъ въ его поэтической карьерѣ), начинаемъ понимать причину холодности г. Валишевскаго къ Пушкину. Странно только, что г. Валишевскій счелъ „Исторію русской литературы" наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для сведенія національныхъ счетовъ. Во всякомъ случаѣ англійскій читатель, ознакомившійся съ Пушкинымъ лишь по „Исторіи" г. Валишевскаго, вѣроятно, будетъ искренно недоумѣвать: почему Россія съ такимъ воодушевленіемъ праздновала 100-лѣтній юбилей рожденія Пушкина и за что этому „бреттеру и картежнику" Россія воздвигла памятникъ?

Не менѣе суровы приговоры г. Валишевскаго и о другихъ свѣтилахъ русской литературы. Вотъ напр. его отзывъ о безсмертной комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума", стихи которой обратились въ пословицы: „комедію эту,—говоритъ г. Валишевскій,—я считаю немыслимой для исполненія на сценѣ, болѣе того, она даже читается съ трудомъ" .

О другой великой русской комедіи, о „Ревизорѣ" г. Валишевскій говоритъ: „Съ чисто артистической точки зрѣнія „Ревизоръ" не обладаетъ большими достоинствами и совершенно *не оригиналенъ*". Что-же касается „Мертвыхъ душъ",—одного изъ самыхъ оригинальныхъ произведеній русской литературы,—то оно, по мнѣнію г. Валишевскаго, лишь подражаніе... Сервантесу и Диккенсу! Г. Валишевскаго нисколько не смущаетъ то обстоятельство. что „Вечера на хуторѣ близь Диканьки", „Старосвѣтскіе помѣщики", „Шинель" появились въ началѣ 30-хъ годовъ

(„Ревизоръ" въ 1836), а первое юношеское произведеніе Диккенса было напечатано лишь въ 1834 г. (въ „Old Monthly Magazine"), т. е. когда Гоголь былъ въ расцвѣтѣ таланта и когда онъ уже успѣлъ обнаружить тѣ отличительныя черты своего великаго таланта, которыя сдѣлали его родоначальникомъ русскаго реалистическаго романа.

Болѣе близкій нашему времени драматургъ, Островскій, также не вызываетъ особенной симпатіи г. Валишевскаго. Вотъ его отзывъ о пьесахъ Островскаго: „Произведенія Островскаго не даютъ публикѣ ничего, надъ чѣмъ можно было бы посмѣяться или поплакать". Что же касается оригинальности Островскаго, то... идутъ указанія на Чиккони, Гольдони, Лери и т. п., о которыхъ, вѣроятно, Островскому и не снилось, когда онъ живописалъ „жестокіе нравы" Замоскворѣчья.

Казалось бы, Тургеневъ, пользующійся всемірной извѣстностью, долженъ обладать оригинальностью. Но, увы! Его „Записки Охотника" напр.: „Въ этомъ произведеніи нѣтъ ничего оригинальнаго"—съ развязностью заявляетъ г. Валишевскій и указываетъ на Жоржъ-Зандъ и Ауэрбаха, какъ на образцы, у которыхъ Тургеневъ заимствовалъ концепцію „Записокъ Охотника". Далѣе, г. Валишевскій находитъ, что Тургеневу въ его знаменитыхъ романахъ не удалось даже изобразить „характерныя черты его современниковъ". Дальше этого критическая самоувѣренность, кажется, уже не можетъ идти. Объ оригинальности Тургенева, конечно, не можетъ быть и рѣчи. „Работа Тургенева, какъ артиста, цѣликомъ, какъ правило (as a rule), покоится на подражаніи великимъ англійскимъ романистамъ Теккерею и Диккенсу". Главное достоинство Тургенева опять таки заключается въ *стилѣ*. Хорошій стилистъ и больше ничего! Значеніе его, какъ писателя, г. Валишевскій суммируетъ такъ: „Произведенія Тургенева не обнимаютъ ни историческихъ моментовъ, ни великихъ событій современной жизни, болѣе того, въ нихъ вы не найдете даже изображеній какого либо общаго, понятнаго всѣмъ характера, которыя бы остались на долго". (Насколько внимательно этотъ суровый критикъ читалъ Тургенева, можно судить по тому, что Елена Тургеневскаго „Наканунѣ" фигурируетъ въ его „Исторіи", какъ *кузина* болгарина Инсарова!). Словомъ, англійскому читателю опять остается недоумѣвать: почему этотъ подражательный писатель пріобрѣлъ всемірную славу? Изъ этого затрудненія его, впрочемъ, выведетъ полное собраніе сочиненій Тургенева, появившееся недавно въ художественномъ переводѣ г-жи Гарнеттъ.

Но вотъ Достоевскій. Кажется, ужъ онъ-то оригинальный писатель. Увы, онъ подражатель... Диккенсу, Евгенію Сю и неизбѣжной Жоржъ-Зандъ. Въ своей маніи отыскивать въ русскихъ писателяхъ подражателей г. Валишевскій доходитъ до смѣшного. Напр. герой романа „Бѣсовъ" Ставрогинъ, по мнѣнію г. Валишевскаго, представляетъ изъ себя и загадочную и малопонятную фигуру, сильно окрашенную романтизмомъ; черты его характера, кажется, заимствованы авторомъ отовсюду: изъ „Корсара" Бай-

рона, изъ „Эрнани" В. Гюго, изъ аристократическихъ демагоговъ Жоржъ-Занда, Евгенія Сю, Карла Гуцкова и Шпильгагена"... Что же касается таланта Достоевскаго, то „вы не найдете мастерства въ произведеніяхъ Достоевскаго. Ничего деликатнаго и высоко-законченнаго не вышло изъ-подъ его пера". Мы не приводимъ отдѣльныхъ отзывовъ г. Валишевскаго о произведеніяхъ Достоевскаго, о которыхъ онъ (за исключеніемъ „Братьевъ Карамазовыхъ") отзывается очень сурово. Тѣмъ неожиданнѣе внезапный отзывъ его въ концѣ главы: „Достоевскій былъ великій писатель". Читатель, послѣ вышеприведенной характеристики, вправѣ спросить: въ чемъ же его величіе? Курьезнѣе всего, что этотъ подражатель Жоржъ-Зандъ, Сю, В. Гюго создалъ школу именно во Франціи (романисты Бурже, П. Маргеритъ и Э. Родъ, по признанію французскаго критика, находились подъ вліяніемъ Достоевскаго).

Съ наибольшей снисходительностью отнесся Валишевскій къ Толстому и еслибы не его неприличное обращеніе къ самому Толстому, въ которомъ онъ уговариваетъ его бросить философію и заняться беллетристикой, то мы-бы назвали эту главу лучшей въ книгѣ Валишевскаго. Впрочемъ, читатели глубоко ошибутся, если подумаютъ, что Толстой оригинальный писатель. Онъ подражатель Жоржъ-Зандъ и... Жанъ-Жака Руссо...

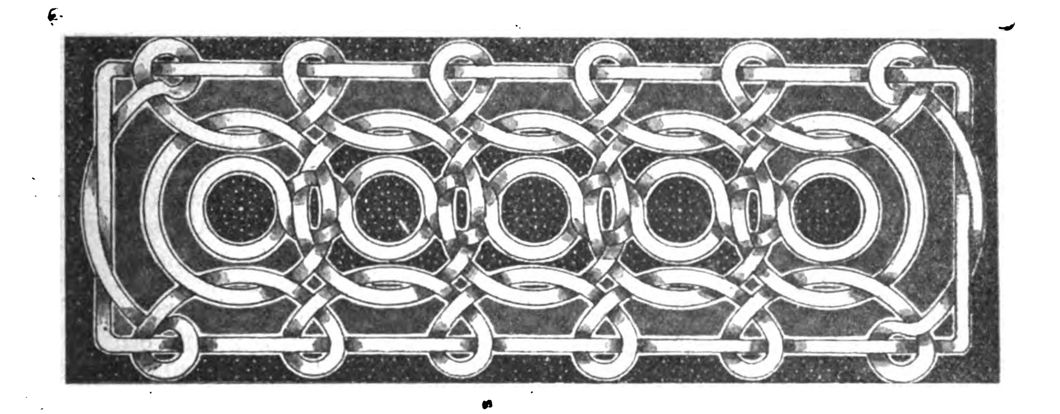
Впрочемъ, довольно, кажется. Почти половина книги г. Валишевскаго посвящена вопросу объ оригинальности русскихъ писателей, и въ погонѣ за этой неблагодарной цѣлью онъ пропустилъ такихъ крупныхъ писателей, какъ Глѣбъ Успенскій и Златовратскій. Вообще о народникахъ и народничествѣ въ русской литературѣ въ книгѣ г. Валишевскаго почти нѣтъ никакихъ указаній. Зато г. Валишевскій рекомендуетъ англійской публикѣ своихъ друзей: г. Онѣгина (автора нѣсколькихъ библіографическихъ замѣтокъ о Пушкинѣ), какого-то подающаго большія надежды г. Щукина (?) и... г. Скальковскаго, который, по словамъ г. Валишевскаго, пользуется большимъ уваженіемъ среди русской читающей публики... Г. Скальковскій извѣстенъ, даже слишкомъ извѣстенъ какъ сотрудникъ „Новаго Времени", авторъ скабрезной книги „О женщинѣ", пикантныхъ изслѣдованій о балетѣ, но сказать о немъ, что онъ пользуется большимъ уваженіемъ русской публики, едва-ли возможно.

Приведемъ еще одинъ образчикъ безбрежнаго невѣжества г. Валишевскаго. Дѣло идетъ о русскихъ литературно-общественныхъ теченіяхъ 70—90-хъ годовъ. Вотъ какъ живописуетъ ихъ г. Валишевскій: „Послѣ 1871 г. образовалась новая группа радикальныхъ диссидентовъ, принявшихъ въ руководство ученіе Карла Маркса" (Это въ 70-хъ то годахъ!). Группа эта, по увѣренію г. Валишевскаго, пользовалась большимъ вліяніемъ вплоть до 1881 г., вслѣдъ затѣмъ наступила реакція и апатія. Изъ этой апатіи вывелъ русское общество „недородъ" и дѣятельность Л. Н. Толстого. Началось оживленіе, выразившееся полемикой редактора журнала „Русское Богатство" г. Воронцова (?), Пыпина и... Вл. Соловьева"... „Образовались новыя группы: „новыхъ

коллективистовъ“ подъ предводительствомъ г. Воронцова, „индивидуалистовъ“ школы Маркса и Энгельса и „индивидуалистовъ“ школы В. С. Соловьева“... Какъ вамъ нравится, читатель, эта „Исторія“ 70—90-хъ годовъ?

И вотъ человѣкъ, вооруженный такими знаніями, берется за „Исторію русской литературы“. Помимо невѣжества и недобросовѣстности, г. Валишевскій внесъ въ свою „Исторію“ громадный запасъ національной нетерпимости и шовинистскаго задора. Мы вполнѣ понимаемъ патріотическія чувства г. Валишевскаго и, пожалуй, даже отнеслись бы къ нимъ съ извѣстнымъ сочувствіемъ, если бы онъ для проявленія ихъ избралъ другое поле, а не исторію русской литературы, вовсе неповинной въ лицѣ ея лучшихъ представителей въ патріотической скорби автора. Въ настоящемъ случаѣ книга является злостнымъ политическимъ памфлетомъ, а не добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ: русской литературѣ она не повредитъ, а имени ея автора можетъ повредить въ значительной степени.

В. Б—скій.

Странички прошлаго.

Къ портрету М. П. Погодина.

ремя остужаетъ наши отношенія къ отошедшимъ въ вѣчность личностямъ. Вотъ, вѣроятно, почему пресса весьма сочувственно помянула покойнаго историка Михаила Петровича Погодина, со дня рожденія котораго 11 ноября исполнилось сто лѣтъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ теперь былабы возможна и вполнѣ безпристрастная оцѣнка заслугъ покойнаго историографа, о которыхъ все еще принято говорить въ повышенномъ тонѣ. Къ сожалѣнію, такой оцѣнки до сихъ поръ не появилось. Разумѣется, о безпристрастіи не можетъ быть и рѣчи, если взять колоссальный трудъ о жизни и трудахъ Погодина, принадлежащій перу г. Барсукова. Это даже и не біографія историка, а малосвязная исторія его эпохи, весьма, впрочемъ, цѣнная въ виду собранныхъ въ ней многочисленныхъ ненапечатанныхъ или забытыхъ литературныхъ документовъ.

Не будемъ перечислять забытыхъ трудовъ Погодина. Въ русской историографіи они займутъ свое опредѣленное мѣсто, но среди неспеціалистовъ Погодинъ останется памятнымъ, главнымъ образомъ, какъ защитникъ варяжской теоріи. По своему складу Погодинъ былъ ученый стараго московскаго типа, съ огромнымъ запасомъ знаній, съ усидчивостью, трудолюбіемъ и упорствомъ въ отстаиваньи даже своихъ заблужденій. Онъ не способенъ былъ къ широкимъ обобщеніямъ и не далъ ни одного широкаго по замыслу и исполненію труда. Притомъ, въ свои отношенія къ наукѣ Погодинъ вводилъ извѣстнаго рода оффиціальность, которая, разумѣется, шла вразрѣзъ съ задачами свободнаго изслѣдованія. Одною изъ заслугъ Погодина считается то, что онъ составилъ

огромное собраніе очень важныхъ и цѣнныхъ рукописей, поступившее затѣмъ въ публичную библіотеку. При тогдашней косности ученыхъ и вандализмѣ различнаго рода учрежденій, гдѣ случайно обрѣтались эти рукописи, эта заслуга предъ потомствомъ немаловажна, но Погодинъ воспріялъ уже при жизни благодарность за этотъ трудъ въ видѣ солидной суммы денегъ, за которую онъ уступилъ свое собраніе правительству.

Другой заслугой Погодина выставляется его „служеніе зарубежному славянству“, какъ сказано въ одной изъ юбилейныхъ статей. Справедливость однако заставляетъ умалить и эту его заслугу. Симпатичную окраску славянофильство пріобрѣло съ выступленіемъ на сцену „молодой редакціи“ „Москвитянина“, именно тогда, когда Погодинъ фактически отстранился отъ своего журнала. Погодинъ, можно сказать, даже чуждъ того славянофильства, которое сопровождалось гоненіями на его современниковъ; его славянофильство гораздо ближе къ позднѣйшему теченію, принявшему это имя,—тому теченію, принадлежность къ которому является оффиціальнымъ признакомъ полной благонамѣренности.

Прилагаемый портретъ Погодина изображаетъ его въ послѣдніе годы жизни. Черствое старческое лицо довольно вѣрно отражаетъ характеръ этого человѣка, какъ представляютъ послѣдній свидѣтельства современниковъ.

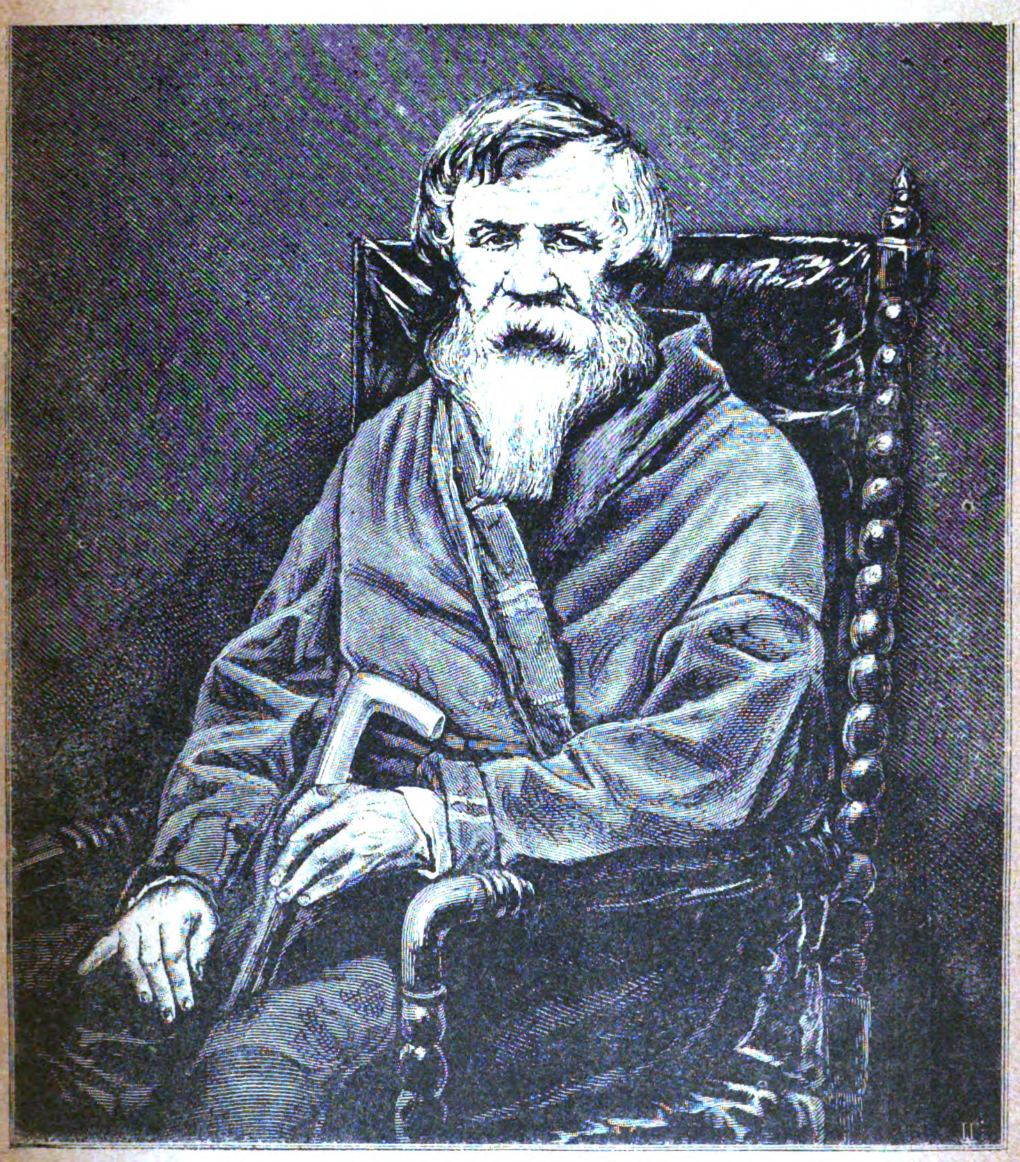
Курьезы административныхъ архивовъ.

Архивы различныхъ административныхъ учрежденій—губернскихъ правленій, управленій областныхъ и т. п., неисчерпаемый источникъ любопытнѣйшихъ документовъ, живо характеризующихъ прошлое мѣстнаго общества, нравы бюрократіи, административные навыки и пріемы и т. п., вслѣдствіе чего особенно жаль, что эта богатая историческая нива не находитъ „дѣлателей“ и что вопросъ объ упорядоченіи мѣстныхъ архивовъ далекъ у насъ отъ правильной постановки.

Здѣсь мы приведемъ нѣсколько курьезовъ, проникшихъ случайно въ провинціальную печать и подтверждающихъ вышесказанное.

Прошеніе чиновника 8 класса.

Разбираясь, напр., въ дѣлахъ архива мѣстнаго управленія калмыцкимъ народомъ г. Иванову (Астрахань) пришлось натолкнуться на «дѣло», озаглавленное «объ увольненіи чиновника 8-го класса Дубасова отъ должности попечителя Большедербетовскаго улуса». По первому взгляду, заглавіе, ничего особеннаго не сулящее. Ну что въ томъ, что «дѣло объ увольненіи»? Мало-ли увольнялось и увольняется чиновниковъ не только 8 класса, а и выше? Словомъ, заглавіе самое ординарное. Однако, при перелистываніи дѣла объ увольненіи Дубасова выяснилось, что какъ по своему содержанію, такъ и по изложенію, встрѣчаются въ этомъ дѣлѣ прелюбопытнѣйшія особенности. Чтобы судить о всей прелести

М. П. ПОГОДИНЪ.

Къ столѣтію со дня рожденія.

этого любопытнаго «историческаго документа» мы приведемъ его цѣликомъ.

«Его высокопревосходительство господинъ м-ръ внутр. дѣлъ прошлаго 1835 г. іюля 25-го числа, на основаніи Высочайше утвержденнаго, въ 24 день ноября 1834 г. штата объ управленіи калмыцкимъ народомъ, который находится подъ высшимъ управленіемъ вашего превосходительства, назначилъ меня на службу въ оной; согласно воли господина министра, департаментъ полиціи исполнительной отправилъ меня въ августѣ м-цѣ въ Астрахань и велѣлъ явиться къ вашему превосходительству, куда я прибылъ 23 ноября, и за отсутствіемъ вашимъ явился къ господину управляющему губерніею и въ астраханскую комиссію калмыцкихъ дѣлъ, которая зачислила меня въ свое вѣдомство впредь до приведенія вышеупомянутаго штата въ дѣйствіе. — Между тѣмъ того жъ года 29 декабря, назначила меня къ исправленію времянно должности пристава большедербетовскаго улуса, въ которой я прибылъ 31 генваря сего года и вступилъ *поверхностно* въ Управленіе дѣлами, до коль коллегскій регистраторъ Дидакторовъ не сдастъ мнѣ свою обязанность на законномъ основаніи. — Минувшаго марта 26 числа за № 90, имѣлъ я счастіе въ ходить съ представленіемъ къ вашему превосходительству о увольненіи меня по разнымъ стѣсненнымъ обстоятельствамъ, какъ по службѣ, такъ и по домашнимъ, но не удостоился получить отъ вашего превосходительства разрѣшенія. — По чему нынѣ осмѣливаюсь вторительно прибѣгнуть къ высокой особѣ вашего превосходительства съ нижайшей просьбою, какъ къ начальнику и отцу подчиненныхъ, *окажите ваше человѣколюбіе и милосердіе мнѣ несчастному увольте меня отъ сей обязанности*, ибо я не въ силахъ болѣе продолжать службы по нижеизъясненнымъ придчинамъ: 1-е *нахожусь въ преклонныхъ лѣтахъ*, и въ продолженіи 34-лѣтней дѣйствительной службы моей *лишился отъ письменныхъ дѣлъ зрѣнія глазъ*, а *отъ бывшей ногтоѣдной боли на большомъ пальцѣ правой руки*, съ трудомъ могу писать [1]). 2-е Былъ комиссіонеромъ 18 лѣтъ, развозилъ денежную сумму въ комиссіи и комиссаріатства провіантскіе и комиссаріатскія, такъ же разнымъ лицамъ коей доставилъ: ассигнаціями безъ малаго 38 милліоновъ: золотомъ 576 т. червонныхъ и серебромъ 581 т. рублей, съ коею объѣздилъ 170 т. в. отъ чего потерялъ здоровье; 3-е. Должность пристава большедербетовскаго улуса весьма обширна, которую я исполняю съ большимъ трудомъ одинъ безъ писаря и наконецъ 4-е, Дабы безъ винно не подпасть подъ отвѣтственность за упущеніе должности, *что крайне вынуждаетъ меня оставить службу.*

Ваше Превосходительство Всемилостивѣйшій Государь, позвольте еще предъ особою вашею объясниться, *можноль служить безъ силъ, не имѣвъ совершенно зрѣнія глазъ и чувствуя душевную болезнь.—Хотя я и посвящалъ себя на службу въ калмыцкой штатъ, но не могъ предвидѣть, что займу должность не соотвѣтствующую*

---

[1]) Все прошеніе написано прекраснымъ по тогдашнему времени писарскимъ почеркомъ лично просителемъ.

своимъ лѣтамъ, и бывъ въ чинѣ штабъ-офицера сдѣлаюсь писцомъ.— За великое благодѣяніе и счастіе почелъ-бы себѣ служить подъ высокимъ начальствомъ вашимъ, *но никакъ не могу*, на что имѣю честь ожидать отъ Вашего превосходительства милостиваго разрѣшенія». (19 мая 1836 г.).

Этому удивительному въ своемъ родѣ прошенію, въ которомъ самъ чиновникъ признаетъ себя никуда негоднымъ, что большая рѣдкость среди чиновничества, ибо какъ-таки самому отказаться отъ возможности получать жалованье и признавать свою непригодность,—наконецъ вняли, и тогдашній губернаторъ Тимирязевъ сдѣлалъ распоряженіе объ увольненіи Дубасова отъ службы...

Пока шла по этому поводу канцелярская волокита, отъ Дубасова, *черезъ мѣсяцъ времени* послѣ подачи только что цитированнаго прошенія, вдругъ получается новое, еще болѣе поразительное. Дубасовъ писалъ: «Болѣзнь, имѣвшаяся по продолженной службѣ полученная, пользованіями медицинскихъ чиновниковъ, совершенно окончилась къ пользѣ моей и лудчшему здоровью на будущее, а самая должность мною несомая по усердному старанію и неусыпному попеченію о устройствѣ общаго спокойствія въ улусѣ мнѣ подвѣдомомъ приведена гораздо въ лутчее противъ прежняго существованіе, отклоняя дѣйствіемъ своимъ раздоры несогласія между калмыцкими племенами, продолжавшіеся до вступленія моего въ обязанность несомую».

Итакъ, въ мѣсяцъ, совершенно никуда негодный чиновникъ, самъ въ томъ признавшійся, вдругъ обращается и въ зрячаго, и сильнаго, и съ обширными административными способностями!.. Было чему удивляться даже въ мірѣ чиновничества...

Далѣе Дубасовъ въ силу вышеприведенныхъ данныхъ просилъ оставить его на прежней должности.

Начальство уважаетъ и эту просьбу и 16 іюня посылаетъ Дубасову извѣщеніе о томъ...

Едва успѣлъ получить Дубасовъ это извѣщеніе, какъ черезъ недѣлю, очевидно испугавшись того, что онъ наговорилъ о себѣ во второмъ своемъ прошеніи, шлетъ 3 іюля третье прошеніе и уже окончательно проситъ уволить его. Начальство, уставшее, очевидно, возиться съ г. Дубасовымъ, немедленно, уже безъ всякихъ проволочекъ, исполнило его просьбу и водворило на мѣсто Дубасова какого-то штабсъ-капитана Жеребцова...

Проектъ обезпеченія населенія отъ голода.

Другой курьезъ—документъ извлеченный изъ генералъ-губернаторскаго архива въ Одессѣ, представленный гр. Воронцову въ 1833 году подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

„Мысль русскаго дворянина, живущаго Слободско-Украинской губерніи въ Валковскомъ уѣздѣ, обезпечить поселянъ въ жизненномъ довольствіи при неурожаяхъ и имѣть способъ къ платежу казенныхъ податей“.

Авторъ проекта, нѣкто Николай Горчаковъ, подробно останавливается на характеристикѣ экономическаго быта населенія

генералъ-губернаторства и, между прочимъ, яркими красками рисуетъ печальныя послѣдствія несправедливостей со стороны волостныхъ чиновниковъ: „вдовы нерѣдко съ многочисленными семействами претерпѣваютъ бѣдствія, не находя никакого способа къ пособію, иногда одна мать имѣетъ до шести и болѣе дѣтей, изъ коихъ старшему нѣтъ десяти лѣтъ,—какое средство къ содержанію ихъ? Что находитъ для себя бѣдный сирота? Лишенный родителей, за кусокъ хлѣба скитается по полямъ, пасетъ стадо въ изорванномъ рубищѣ, безъ пріюту, безъ призору въ нравственности, проведя юныя лѣта развращается, и тогда волостной чиновникъ, составивъ сходку, дѣлаетъ рѣшительный приговоръ отдачи въ рекруты и защищаетъ очередь богатаго, весьма часто пользуясь слабостью, нанимаетъ за свое семейство или своего родного, всегда ли услышенъ гласъ притѣсненнаго? Приговоръ написанъ—какая надобность и если (есть-ли) когда входить кому въ разбирательство справедливъ ли онъ?“ Авторъ предвидитъ возраженіе, что сельскія власти подчинены контролю, что въ каждомъ уѣздѣ есть стряпчій, исправникъ; но, занимая должность уѣзднаго судьи, авторъ самъ видѣлъ, что этого контроля недостаточно. Стряпчіе сами злоупотребляютъ своей властью; нужды нѣтъ, что въ одномъ уѣздѣ стряпчій былъ преданъ суду за разныя злоупотребленія и устраненъ отъ должности: должность была нужна ему прежде, когда онъ не имѣлъ никакого состоянія, „но когда теперь съ ста двадцати рублей годового жалованья, собралъ недвижимаго имѣнія тысячъ на двадцать и, кромѣ того, капиталъ,—то пойдетъ ли онъ стряпчимъ: сволоча богатство и его состоянію (?), когда мѣсто свое передалъ мужу своей дочери“. Что касается исправника, то у него столько занятій, что врядъ ли онъ можетъ обратить должное вниманіе на положеніе крестьянъ.

Очевидно, дѣятельность исправника авторъ, при всей своей прямотѣ, считалъ неудобнымъ критиковать въ запискѣ, поданной начальнику края.

Молебствіе о нерѣшенныхъ дѣлахъ.

Любопытенъ документъ изъ не-очень глубокой старины опубликованный въ „Олонец. Губ. Вѣд.“. Это сообщеніе о благодарственномъ молебствіи по распоряженію губернатора по случаю... *уменьшенія нерѣшенныхъ дѣлъ.*

„По случаю уменьшенія по сему правленію дѣлъ до крайней возможности и бумагъ, почти не остающихся уже въ нерѣшеніи, такъ что не только каждый мѣсяйъ, но и каждая недѣля сама себя очищаетъ,—его превосходительство считаетъ первымъ долгомъ, за таковый примѣрный успѣхъ, воздать благодареніе Господу Богу. А чтобъ сіе могло быть совершено на самомъ мѣстѣ ежедневной, постоянной дѣятельности нашей и въ совокупномъ присутствіи его превосходительства сотрудниковъ, то его превосходительство предлагаетъ отправить молебствіе въ самомъ правленіи. Между тѣмъ, какъ олонецкое губернское правленіе, чрезъ примѣрную дѣятельность, достигло возможности посвящать (чего до-

селѣ, за множествомъ дѣлъ, нельзя было сдѣлать) свободный часъ (по предписанію устава благочинія, статьи 55 и указа 1724, генваря 20) для чтенія законовъ, то его превосходительство предлалагаетъ таковое чтеніе открыть первоначально тотчасъ послѣ молебствія".

Молебствіе было совершено въ соборѣ, а затѣмъ совѣтникъ Глинка прочиталъ „вступленіе къ чтенію законовъ" и секретарь—„изъ устава управы благочинія 55 статью, указъ 1724 г., апрѣля 17 дня, и изъ генеральнаго регламента главы 2, 25 и 54".

Два литературныхъ документа.

Первый изъ этихъ документовъ напечатанъ въ „Новомъ Обозрѣніи"—это письмо Д. И. Писарева къ И. С. Тургеневу. Принадлежитъ письмо г. Н. Макарову, а къ нему перешло отъ лица, близкаго къ И. С. Тургеневу. Письмо имѣетъ несомнѣнный литературный интересъ. Помѣчено оно 18 (30) мая 1867 года. Первыя строки—личнаго характера. Далѣе читаемъ:

„Буду говорить теперь о вашей послѣдней повѣсти. Вы спрашиваете: какое впечатлѣніе произвелъ „Дымъ" на меня и на мой кружокъ? Вы, вѣроятно, удивитесь, если я вамъ скажу, вопервыхъ, что у меня нѣтъ кружка. Я никого не вижу и не знаю изъ тѣхъ людей, которыхъ считаютъ и называютъ моими послѣдователями. Даже о существованіи такихъ людей я знаю только потому, что о нихъ не разъ говорили печатно мои противники. Въ томъ журналѣ, въ которомъ я работалъ прежде, и въ томъ, въ которомъ работаю теперь, есть сотрудники, которыхъ я уважаю, и которыхъ мнѣніями я дорожу,—но эти люди разбросаны по разнымъ концамъ Россіи и Европы, и почти ни съ кѣмъ изъ нихъ я даже не нахожусь въ перепискѣ. Словомъ, я стою одинъ и могу подѣлиться съ вами только моимъ личнымъ мнѣніемъ. Такъ было и прежде. Мое мнѣніе объ „Отцахъ и дѣтяхъ" было также моимъ личнымъ мнѣніемъ, съ которымъ, въ первое время послѣ появленія романа, не соглашался никто изъ моихъ сотрудниковъ.

„Я, по всей вѣроятности, не буду писать о „Дымѣ",—по крайней мѣрѣ, теперь. Не буду по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, мнѣ необходимъ нѣкоторый просторъ, чтобы я могъ высказать тѣ мысли, на которыя меня наводитъ ваша повѣсть. А этого простора у меня нѣтъ, потому что на моемъ журналѣ лежитъ рука предварительной цензуры. Во-вторыхъ, я нахожу, что объ васъ надо писать хорошо и увлекательно, или совсѣмъ не писать. А я все это время, уже около полугода, чувствую себя неспособнымъ работать такъ, какъ работалось прежде, въ запертой клѣткѣ. Вся моя нервная система потрясена переходомъ къ свободѣ, и я до сихъ поръ не могу оправиться отъ этого потрясенія. Вы видите сами, какъ нескладно написано это письмо, и какъ дрожитъ моя рука. Я подожду писать о „Дымѣ", пока не буду чувствовать себя спокойнѣе и крѣпче. Но я передамъ вамъ теперь, насколько сумѣю, основныя черты моего взгляда на вашу повѣсть. Изъ этого очерка вы увидите сами, почему мнѣ дѣй-

ствительно необходимъ просторъ. Сцены у Губарева меня нисколько не огорчаютъ и не раздражаютъ. Есть русская пословица: дураковъ въ алтарѣ бьютъ. Вы дѣйствуете по этой пословицѣ, и я съ своей стороны ничего не могу возразить противъ такого образа дѣйствій. Я самъ глубоко ненавижу всѣхъ дураковъ вообще, особенно глубоко ненавижу тѣхъ дураковъ, которые прикидываются моими друзьями, единомышленниками и союзниками. Далѣе, я вижу и понимаю, что сцены у Губарева составляютъ эпизодъ, пришитый къ повѣсти на живую нитку, вѣроятно для того, чтобы авторъ, направившій всю силу своего удара направо, не потерялъ окончательно равновѣсія и не очутился въ несвойственномъ ему обществѣ красныхъ демократовъ. Что ударъ дѣйствительно падаетъ направо, а не налѣво, на Ратмирова, а не на Губарева,—это поняли даже и сами Ратмировы. При всемъ томъ „Дымъ“ меня рѣшительно не удовлетворяетъ. Онъ представляется мнѣ страннымъ и зловѣщимъ комментаріемъ къ „Отцамъ и дѣтямъ“. У меня шевелится вопросъ вродѣ знаменитаго вопроса: Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?—Мнѣ хочется спросить у васъ: Иванъ Сергѣевичъ, куда вы дѣвали Базарова?—Вы смотрите на явленія русской жизни глазами Литвинова, вы подводите итоги съ его точки зрѣнія, вы его дѣлаете центромъ и героемъ романа, а вѣдь Литвиновъ—это тотъ самый другъ Аркадій Николаевичъ, котораго Базаровъ безуспѣшно просилъ не говорить красиво. Чтобы осмотрѣться и оріентироваться, вы становитесь на эту низкую и рыхлую муравьиную кочку, между тѣмъ какъ въ вашемъ распоряженіи находится настоящая каланча, которую вы же сами открыли и описали. Что же сдѣлалось съ этою каланчей? Куда она дѣвалась? Почему ея нѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ числѣ тѣхъ предметовъ, которые вы описываете съ высоты муравьиной кочки? Неужели же вы думаете, что первый и послѣдній Базаровъ дѣйствительно умеръ въ 1859 году отъ порѣза пальца? Или неужели же онъ, съ 1859 года, успѣлъ переродиться въ Биндасова? Если же онъ живъ и здоровъ, и остается самимъ собою, въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, то какимъ же образомъ это случилось, что вы его не замѣтили? Вѣдь это значитъ не замѣтить слона, и не замѣтить его не при первомъ, а при второмъ посѣщеніи кунсткамеры, что оказывается уже совершенно неправдоподобнымъ. А если вы его замѣтили и умышленно устранили его при подведеніи итоговъ, то, разумѣется, вы сами, de propos délibéré, отняли у этихъ итоговъ всякое серьезное значеніе. Не скрою также отъ васъ, что меня удивила и сильно покоробила въ самомъ концѣ „Дыма“ одна глубокофальшивая и неожиданно-сладкая рулада. Вы, безъ сомнѣнія, поймете, о чемъ я говорю. Это, конечно, мелочь, но я рѣшительно не могу себѣ объяснить, какъ это вамъ удалось написать такую странную фразу. Извините меня: въ отвѣтъ на ваше любезное письмо, я написалъ вамъ нѣсколько такихъ вещей, которыя, пожалуй, можно принять за дерзости. Я не желалъ бы, чтобы вы приняли ихъ такимъ образомъ. Я старался только сказать вамъ искренно и

добросовѣстно то, что я думаю. Если вы можете выслушивать такія мнѣнія безъ раздраженія и безъ огорченія, то знакомство и переписка наши будутъ продолжаться къ нашему обоюдному удовольствію. Si non—non. C'est a prendre ou à laisser..

Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга *Д. Писаревъ*".

Таково единственное письмо Д. И. Писарева къ И. С. Тургеневу.

Второй документъ относится къ самому недавнему прошлому и нигдѣ не былъ опубликованъ.

Это привѣтъ умершему недавно „Словцу" неизвѣстнаго автора, въ стихахъ.

„Словцу"
Я совсѣмъ не поэтъ—я читатель
и мечтатель...
Наканунѣ двадцатаго вѣка
Я мечталъ о правахъ человѣка...
Я мечталъ и мечталъ безъ конца.
Мнѣ казалось—дождусь я вѣнца
Для „великаго" нашего вѣка
Всѣхъ священнѣйшихъ правъ
человѣка:
Для печати—свободнаго слова!
Что-жъ оно... не таё... не готово?
Такъ начнете съ другого конца—
со „словца"?
Что-жъ—спасибо на томъ:
Порой быть мудрецомъ гордецомъ
Хуже чѣмъ поразить врага
острымъ словцомъ!
Что-жъ—спасибо на томъ...

Стихотвореніе это подписано иниціалами „*М. В. Г.*"

Грузинскій пергаментный манускриптъ 1042 года объ осадѣ Царьграда русскими въ 626 году.

Въ церковный музей грузинскаго экзархата, какъ сообщаетъ г. М. Джанашвили въ газ. „Кавказъ", поступило 16 манускриптовъ изъ тифлисскаго Сіонскаго собора. Изъ числа этихъ манускриптовъ особенно важное значеніе имѣютъ двѣ рукописи на пергаментѣ, изъ коихъ одна—роскошно иллюстрированный синаксарій, переписанный Захаріемъ [1]), грузинскимъ епископомъ *Алашкерта* и *Кагизмана*, и другой манускриптъ, появившійся въ свѣтъ по заботамъ знаменитаго грузина-перелагателя Георгія въ 1042 году.

Эта рукопись—громадный сборникъ, состоящій изъ 322 листовъ (начало и конецъ книги утеряны). „Осада и штурмъ великаго и

---

[1]) Этотъ ученый іерархъ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ императора Василія съ царемъ Георгіемъ I-мъ (1014—1027).

святаго града Константинополя *сквиөами* (*сквиөъ—скиөъ*), *которые суть русскіе*" помѣщена въ послѣдней части сборника (стр. 284—322). Въ этой же статьѣ изложена подробная исторія походовъ императора Ираклія (610—642) въ Персію вмѣстѣ съ союзникомъ его Джибгу (Забелемъ), царемъ хазарцевъ.

Въ 602 году вступилъ на престолъ императоръ Византіи узурпаторъ Фока, солдатъ — невѣжда, незнавшій ни законовъ, ни военнаго дѣла. Онъ скоро расточилъ всю государственную казну, попралъ всѣ священные законы царей и совершилъ множество злодѣяній, напр., имъ былъ убитъ императоръ Маврикій и обезглавленъ знаменитый полководецъ Нарсесъ, персъ по происхожденію.

Этимъ Маврикіемъ былъ усыновленъ персидскій шахъ Хосрой II-ой, который, узнавъ, что Маврикій убитъ въ Халкедонѣ и сынъ его Өеодосій, поѣхавшій въ Персію, погибъ въ Никеѣ отъ руки Фоки, выступилъ мстить за своего благодѣтеля. Фока послалъ противъ врага огромное войско, но оно было опрокинуто Хосроемъ, который приступомъ взялъ города и крѣпости: Мердину, Дару, Амиду, Эдессу, Гіерополь, Халкиду, Алеппо и Антіохію. Въ это время въ самой Византіи возгорѣлась революція, которая закончилась смертью Фоки и вступленіемъ на престолъ Ираклія (въ 610г.).

Между тѣмъ, Хосрой, взявъ Антіохію и плѣнивъ множество грековъ и отправивъ ихъ въ Персію, самъ пошелъ въ Палестину и, взявъ Іерусалимъ, сжегъ и разрушилъ храмы Гроба Господня и др., избивъ 90.000 христіанъ. Животворящій крестъ и патріарха отослалъ въ Персію. Самъ же пошелъ въ Египетъ и, покоривъ его, вернулся обратно, взялъ Халкедонъ и сталъ станомъ въ виду Константинополя. Войска его завоевали также островъ Родосъ. Близость Хосроя навела страхъ на византійцевъ. Императоръ Ираклій, будучи угрожаемъ Хосроемъ съ юга и дикими племенами „сквиөовъ" съ сѣвера, хотѣлъ было оставить Царьградъ и переселиться въ Карөагенъ. Но онъ раздумалъ и примирился съ Хосроемъ, которому предложилъ 1.000 талантовъ золота, 1.000 шелковыхъ одеждъ, 1.000 коней и 1.000 дѣвушекъ.

Казалось, что наступаетъ послѣдній часъ существованія Царьграда и слава всемірныхъ императоровъ уже отдается поруганію варваровъ. „Однако Влахернская Божья Матерь появилась щитомъ св. города", и дѣло приняло другой оборотъ.

Въ 622 году Ираклій за большую сумму денегъ уговорилъ „сквиөовъ, которые суть русскіе", не тревожить имперію и потомъ отправился отомстить Хосрою. На Иссѣ, т. е. тамъ, гдѣ Александръ Македонскій разгромилъ Дарія, произошло ожесточенное сраженіе. Ираклій одержалъ блистательную побѣду и отбросилъ назадъ персовъ. Ираклій, прогнавъ персовъ изъ Малой Азіи, перешелъ чрезъ Трапезондъ и призвалъ къ себѣ воиновъ изъ Грузіи и изъ всѣхъ областей, лежащихъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Императоръ взялъ множество городовъ, освободилъ 50.000 христіанъ, плѣненныхъ Хосроемъ, и, обремененный добычею, вернулся въ Амиду и отсюда послалъ въ Византію извѣщеніе о своихъ славныхъ побѣдахъ (въ 625 г.).

Но Хосрой, который считалъ себя владѣтелемъ всего подне-

бесья, не унывалъ. Онъ вызвалъ воиновъ изъ всѣхъ провинцій Персіи и во главѣ огромнѣйшаго войска выступилъ противъ врага. Его главнокомандующій Сарваронъ склонилъ „русскаго хагана" сдѣлать общее нападеніе на Константинополь [1]). Это предложеніе онъ принялъ.

Хаганъ посадилъ своихъ воиновъ на лодки, которыя выдолблены были изъ цѣльныхъ деревьевъ и которыя на ихъ „варварскомъ" языкѣ назывались „моноксвило" [2]). Хаганъ причалилъ къ Царьграду и осадилъ его съ суши и съ моря. Воины его были мощны и весьма искусны. Ихъ было столь много, что на одного царьградца приходилось 10 русскихъ. Тараны и осадныя машины стали дѣйствовать. Хаганъ требовалъ сдаться, оставить „ложную" вѣру во Христа. Однако, угрозы его не подѣйствовали, а только подняли духъ горожанъ. У стѣнъ города произошла страшная свалка. Свобода Царьграда уже висѣла на волоскѣ. Патріархъ Сергій послалъ хагану громадную сумму денегъ. Подарокъ былъ принятъ, но свобода обѣщана была только тому, кто въ одеждѣ нищаго оставитъ городъ и уберется, куда хочетъ. Но опять явилась помощь Влахернской Богородицы. Ираклій прислалъ съ востока 12.000 воиновъ, которые, будучи вспомоществуемы Матерью Іисуса, не допустили городъ до паденія. Хаганъ осаждалъ городъ (въ 626 г.) «съ предшествующей субботы [3]) дня Благовѣщенія», дѣлалъ ожесточенные приступы, билъ стѣны города таранами, но напрасно; Влахернская Богородица оказалась непоколебимой, и воины ея сломили мужество хагана и его ратниковъ. Наконецъ, русскіе, потерявъ надежду взять городъ, сѣли въ свои «моноксвило» и вернулись во-свояси.

Ираклій, который въ это время оборонялся отъ персовъ на р. Фазисѣ, былъ обрадованъ уходомъ русскихъ. Онъ пригласилъ противъ персовъ царя хазарцевъ Джибгу, обѣщавъ ему сдѣлать его своимъ зятемъ. Императоръ и Джибгу, у котораго было 40.000 воиновъ, встрѣтились въ Тифлисѣ. Отсюда они отправились берегомъ Аракса и Тигра и одержали славную побѣду въ Ниневіи. Императоръ двинулся далѣе, всюду сокрушая силу персовъ. Богатѣйшія сокровища шахскаго дворца въ Дастаджердѣ сдѣлались достояніемъ Ираклія. Хосрой убѣжалъ въ Ктезифонъ, но былъ схваченъ его же сыномъ Сируэ и убитъ. Сируэ заключилъ миръ съ императоромъ, уступилъ ему всю Малую Азію, Египетъ и вручилъ Животворящій крестъ, который самимъ Иракліемъ былъ доставленъ въ Іерусалимъ и положенъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ [4]).

---

[1]) Этотъ хаганъ еще при Маврикіи дѣлалъ нападеніе на имперію и однажды плѣнилъ 12.000 грековъ и требовалъ отъ императора, чтобъ онъ ихъ выкупилъ, давъ за душу по драхмѣ.

[2]) Это слово не варварское, а греческое и значитъ судно изъ «одного дерева» (monoksilon).

[3]) Этотъ день, по словамъ автора, назначенъ праздникомъ въ память избавленія имперіи отъ нашествія варваровъ.

[4]) Георгъ Финлей въ своей «Греція подъ римскимъ владычествомъ» пишетъ (стр. 432): «Доказательствомъ тому, что не произошло перемѣны

Въѣздъ императора Ираклія въ Царьградъ былъ величественнымъ.

Далѣе манускриптъ передаетъ (въ той же главѣ) исторію появленія пророка Магомета.

Магометъ, сказано въ манускриптѣ, былъ бѣднымъ человѣкомъ. Онъ пасъ верблюдовъ и занимался торговлею. Мечтательность составляла свойство его души. Онъ страдалъ меланхоліей, за что сталъ получать укоры со стороны своей богатой жены. Однако, Магометъ увѣрилъ ее, что онъ страдаетъ не меланхоліей, а ангелъ призываетъ его быть пророкомъ. Тутъ же былъ одинъ монахъ-*несторіанецъ*. Открыли ему тайну видѣній, и онъ увѣрилъ супруговъ, что Богъ ставитъ Магомета на путь апостольскихъ дѣяній. Магометъ начинаетъ проповѣдь. Ученіе его быстро распространяется. Съ своими приверженцами онъ отправляется въ Іерусалимъ и встрѣчаетъ тамъ импер. Ираклія, у котораго испрашиваетъ землю для устройства своей колоніи. Императоръ даетъ ему таковую. Проходятъ послѣ этого нѣсколько лѣтъ, у Константинополя появляются грозные сарацины... (Далѣе листы утеряны).

Гербарій Петра Великаго.

Петръ I былъ не только великимъ реформаторомъ, воиномъ, администраторомъ и вообще практическимъ дѣятелемъ, но питалъ любовь и къ чистой наукѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ собранный имъ гербарій, совершенно забытый до настоящаго времени. Недавно, по словамъ „Прав. Вѣстника", получено изъ Москвы сообщеніе, что гербарій Петра Великаго находится переплетеннымъ вмѣстѣ съ другими письмами этого Государя въ особую папку въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Форматъ его, приблизительно, in quarto; состоитъ весь гербарій изъ двадцати листковъ бумаги, сшитыхъ въ видѣ тетрадки. Что касается растеній, то между листами вторымъ и третьимъ и третьимъ съ четвертымъ, находятся цвѣточныя вѣточки какого-то расте—нія fumaria officinalis, какъ предполагаетъ, не будучи ботаникомъ, московскій корреспондентъ; между остальными листиками сохранились еще два цѣлыхъ и одинъ поврежденный листочки какихъ-то растеній; мѣстами на бумагѣ видны отпечатки лежавшихъ на ней ранѣе листьевъ.

Этотъ гербарій былъ найденъ Малиновскимъ въ 1812 году. Въ III томѣ „Записокъ Императорскаго московскаго общества естествоиспытателей" находится изображеніе этого гербарія. Самое сообщеніе общества относительно гербарія въ переводѣ гласитъ слѣдующее:

въ мѣстоположеніи послѣ разрушенія церкви Гроба Господня персами въ 614 г. можетъ служить то, что иверійцы, сопровождавшіе Ираклія въ его походахъ, имѣли до вторженія персовъ обыкновеніе ходить на богомолье къ св. Гробницѣ и посылать патріарху деньги на святыя мѣста, и что они продолжали дѣлать это и послѣ магометанскаго завоеванія».

„Петръ Великій, славный предокъ его величества Александра I, былъ основателемъ первой въ Россіи академіи; онъ любилъ науки и уважалъ тѣхъ, которые ими занимались. Науки естествовѣдѣнія были для него предметомъ, имѣвшимъ наибольшее значеніе. Извѣстно, съ какимъ энтузіазмомъ принималъ онъ каждое открытіе, даже такое, какъ простой кусокъ мрамора, находимый въ его владѣніяхъ.

„Но что онъ задумалъ лично собирать растенія, во время своего послѣдняго путешествія за границу, это фактъ неизвѣстный, достойный занесенія въ лѣтописи, достойный сообщенія потомству обществомъ, которое имѣетъ своимъ предметомъ распространеніе естествознанія въ Россіи.

„Мы тѣмъ болѣе гордимся этимъ сообщеніемъ, что оно разрѣшено его величествомъ Александромъ I.

„Самый гербарій находится въ архивахъ Москвы, и извѣстіемъ о немъ мы обязаны одному изъ нашихъ наиболѣе усердныхъ членовъ, г. дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Малиновскому.

„Этотъ гербарій того-же формата, какимъ онъ изображенъ на заглавномъ листѣ, гдѣ воспроизведены нѣсколько словъ, написанныхъ его (Петра I) собственною рукою на первой страницѣ. Большинство растеній утеряны. Здѣсь можно видѣть еще вѣточку дымянки (fumaria officinalis), листокъ березы и отпечатокъ нѣкоторыхъ другихъ листьевъ. *Г. Фишеръ*“

(ректоръ московскаго университета, тогдашній предсѣдатель общества).

Желательно извлечь знаменитый гербарій изъ архивной пыли. Лучшей мѣрой была-бы перевозка его въ Петербургъ, въ музей академіи наукъ.

Образъ баллотированія.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ воспроизведенъ хранящійся въ канцеляріи военнаго министерства документъ временъ Петра Великаго, въ которомъ преподаны правила баллотировки, разработанныя Государемъ подъ названіемъ: „Образъ баллотированія, какъ въ ономъ поступать подлежитъ“. Правила эти заключаются въ слѣдующемъ.

1) „Когда сойдутца для оного, тогда надлежитъ выслушать дѣло, о семъ (т. е. о которомъ) имѣются бросать балы (т. е. шары) и когда все выразумѣютъ:

2) тогда въ особливой каморѣ надлежитъ стулы поставить вкругъ такъ далеко другъ отъ друга, чтобъ рукою одному до другова достать было нельзя, а столу съ ящикомъ, въ которой балы кидаютъ, и чаша з балами, стоятъ на срединѣ.

3) Когда войдутъ въ ту камору, надлежитъ всѣмъ приступить къ столу, гдѣ балы, и открыть ящикъ, нѣтъ ли въ немъ балловъ, и когда ничего не найдутъ, паки закрыть и сѣсть по стуламъ въ епанчахъ и чтобъ по осмотрѣ никто не подходилъ къ баламъ.

4) Потомъ честь (т. е. читать) подтвержденіе присяги, еже-

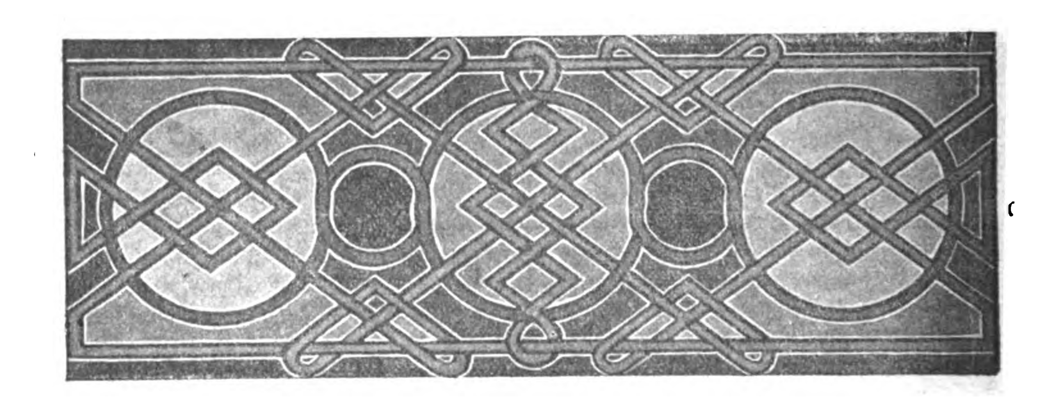
ли выборъ какой, или иное дѣло, а ежели дѣло креминальное, или нужное государству, то чинить полную присягу и потомъ ту или другую подписать всѣмъ.

5) Потомъ велѣть носить чашу открытую з балами и чтобъ явно всякой бралъ по одному балу, который надлежитъ быть въ чашѣ столько, сколько персонъ будетъ баллатировать, а не болѣе, такожъ, чтобъ балы были ис холста, или иной мягкой матеріи, а не деревянные или иной тяшкой матеріи.

6) Потомъ велѣть носить ящикъ кругомъ, начать отъ президента, въ которой долженъ всякъ, вложа руку, класть балы въ бѣлой или черной ящикъ, по своей совѣсти и присягѣ съ прикрытіемъ епанчи, дабы другой, или кто держитъ ящикъ, не видалъ, куды рука погнетца.

7) И когда всѣ положатъ, то, кто носилъ, поставитъ оной ящикъ на столъ, потомъ приступить всѣмъ къ столу и открыть перво у бѣлого ящика снизу, а потомъ у чернаго, дабы каждые въ особой разгородокъ на столъ высыпались, а потомъ счесть оныхъ, сколько изъ бѣлаго и сколько изъ черного высыпалось и осмотрѣть въ ящикѣ не осталось-ли что и что буде осталось, положить туды жъ, гдѣ было самой упасть надлежало и велѣть записать секретарю и оную записку всѣмъ заручить и вершить то дѣло такъ, какъ *указъ о балатированьѣ* повелѣваетъ. Носить балы и ящикъ, чтобъ не всегда одному, не перемѣняяся и чтобъ не зналъ тотъ кому прикажутъ носить заранѣе".

Не съ особеннымъ довѣріемъ относился Великій Преобразователь къ нашимъ избирателямъ начала прошлаго вѣка!

Изъ области археологіи.

Международный конгрессъ доисторической археологіи и антропологіи въ Парижѣ.

Вопросы доисторической археологіи обсуждались во время парижской выставки какъ въ засѣданіяхъ 29 конгресса Ассоціаціи движенія наукъ, такъ главнымъ образомъ и въ засѣданіяхъ „международнаго конгресса доисторической археологіи и антропологіи“.

Ходъ занятій конгресса и впечатлѣнія, произведенныя имъ, подробно изложены были княземъ П. А. Путятинымъ въ одномъ изъ засѣданій антропологическаго общества при Спб. университетѣ.

Конгрессъ продолжался 7 дней, съ 20 по 26 августа.

Первый день конгресса посвященъ былъ выборамъ. Въ число вице-президентовъ конгресса избраны были: предсѣдатель Имп. Археологической комиссіи графъ А. А. Бобринскій, а въ члены совѣта князь П. А. Путятинъ. Президентомъ конгресса былъ директоръ Сенъ-Жерменскаго музея академикъ Александръ Бертанъ.

Общее число членовъ конгресса доходило до 250 человѣкъ, но прибывшихъ оказалось не болѣе 100 человѣкъ; изъ русскихъ, кромѣ вышеуказанныхъ лицъ, присутствовали проф. Цагарелли, Г. Г. Могилянскій и Волковъ.

Первое засѣданіе конгресса и выборы происходили въ большой залѣ дворца Конгрессовъ. Второе и послѣдующія засѣданія были посвящены общимъ и частнымъ вопросамъ доисторической археологіи и происходили въ „Collége de France“.

Прочитанный на второмъ засѣданіи 21 августа рефератъ Л. Ремона „1.200,000 лѣтъ человѣчества и возрастъ земли“ служило отчасти подтвержденіемъ идей Родье и Габріэля де-Мортилье, от-

носящихъ существованіе человѣка къ отдаленнѣйшимъ эпохамъ жизни земли.

Докладъ Вольдемара Шмидта „Доисторическое время въ Даніи и послѣднія открытія“ возбудилъ чрезвычайный интересъ сообщеніемъ о найденныхъ на остаткахъ гончарныхъ издѣлій первобытнаго человѣка признакахъ современной ему растительности.

Второй отдѣлъ вопросовъ, разбиравшихся конгрессомъ, долженъ былъ относиться къ эпохѣ каменныхъ отбивныхъ орудій.

На первомъ мѣстѣ стоялъ докладъ кіевлянина В. В. Хвойко о загадочныхъ глиняныхъ площадкахъ и о находкахъ на нихъ.

Объ этихъ площадкахъ, въ виду ихъ особаго интереса, мы скажемъ особо, на основаніи обстоятельнаго изслѣдованія ихъ, А. А. Спицинымъ.

Докладъ В. В. Хвойко прочтенъ былъ г. Волковымъ, такъ какъ самъ референтъ на конгрессъ не явился.

Изъ дальнѣйшихъ рефератовъ, относящихся къ палеолитической эпохѣ, отмѣтимъ докладъ проф. Томаса Вильсона, проведшаго параллель между періодомъ, который признанъ палеолитическимъ въ Сѣверной Америкѣ, и тѣмъ же періодомъ Западной Европы. Въ результатѣ референтъ пришелъ къ заключенію, что въ Сѣверной Америкѣ не существовало палеолитическаго періода.

Проф. Ами сдѣлалъ докладъ о „каменномъ вѣкѣ у западныхъ негровъ“.

Вопросъ о четвертичной эпохѣ былъ обиленъ докладами. Къ этому отдѣлу вопросовъ отнесенъ былъ и рефератъ князя П. А. Путятина „о расколотыхъ кремняхъ и о первыхъ шагахъ въ техникѣ вторичной оббивки (каменныхъ орудій)“. Основная мысль референта заключается въ томъ, что осколки треснувшихъ или расколовшихся кремней послужили впослѣдствіи для созданія новыхъ орудійныхъ типовъ. При этомъ референтъ высказалъ мнѣніе, что климатъ эпохи примѣненія вторичной оббивки орудій былъ холодный, поверхность земли представляла собою сплошную тундру. Во время доклада демонстрировалась и коллекція каменныхъ орудій, найденныхъ княземъ близъ Бологое.

Горячія возраженія вызвалъ докладъ доктора Канкалона „О сохраненіи стоянокъ четвертичной эпохи“. Канкалонъ предполагалъ подать министру народнаго просвѣщенія и художествъ петицію объ охраненіи мѣстностей указанныхъ стоянокъ отъ раскопокъ.

Слѣдующимъ вопросомъ, которому были посвящены рефераты конгрессистовъ, была переходная эпоха отъ палеолитическаго періода (отбивныхъ каменныхъ орудій) къ неолитическому (шлифованныхъ орудій). Эпоху эту, названную французами Кампиньенскою, характеризуютъ рѣзаки, ломики и пр.; связываются съ нею и такъ называемыя „основанія хижинъ“.

Изъ невошедшихъ въ программу докладовъ интересенъ рефератъ доктора Отто Шотенсокке „О жезлахъ начальниковъ магдаленовой эпохи“. Загадочнымъ издѣліямъ изъ кости или рога въ видѣ палочки приписывали роль жезловъ, какъ символовъ власти начальниковъ первобытнаго населенія. Но докладчикъ далъ дру-

гое объясненіе назначенію этихъ палочекъ. По его мнѣнію, это былъ родъ длинныхъ булавокъ для прикрѣпленія на груди одеждъ. Какъ пережитокъ далекаго прошлаго, эти палочки употребляются еще и въ настоящее время у эскимосовъ.

Другую поправку сдѣлалъ г. Капитэнъ: каменныя кольца давно уже принимались за круги для бросанія, въ настоящее время и они причисляются къ принадлежностямъ одежды.

Пятый вопросъ конгресса: „описаніе открытыхъ въ разныхъ мѣстахъ Европы сооруженій на сваяхъ, подобныхъ озернымъ жилищамъ Альпъ“, вызвалъ лишь одинъ докладъ, принадлежащій барону де-Лое: „Новыя открытія, сдѣланныя въ Бельгіи“.

Что касается экскурсій членовъ конгресса, то несмотря на всю кратковременность его дѣятельности, конгрессисты успѣли осмотрѣть: музей національныхъ древностей въ Сенъ-Жерменѣ, антропологическую выставку въ музеѣ Трокадеро, коллекціи антропологическія и палеонтологическія въ музеѣ. Группы предметовъ доисторической жизни человѣка на выставкѣ въ Трокадеро образуютъ нѣскольких отдѣловъ. Первый отдѣлъ посвященъ былъ искусству первобытнаго человѣка: скульптурѣ и рѣзьбѣ изъ кости и рога; въ этомъ же отдѣлѣ фигурировали и росписные камни (голыши). Изображалъ первобытный обитатель земли преимущественно животныхъ, сѣвернаго оленя и другихъ, а также и разнообразные орнаменты. Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщена была цѣлая серія превосходныхъ вазъ и другихъ находокъ изъ кургановъ. Затѣмъ слѣдовали памятники доисторической архитектуры и ремесленнаго производства. Образцы послѣдняго чрезвычайно многочисленны. Огромныя коллекціи проф. Капитэнъ, Д. Эванса, Адріэна, де-Мортиме даютъ ясное представленіе о постепенномъ развитіи формъ первобытныхъ орудій каменнаго и бронзоваго вѣковъ.

Подъ руководствомъ профессоровъ Ами и Годри членами конгресса осмотрѣны были также антропологическія и палеонтологическія коллекціи въ музеѣ. Здѣсь также были сосредоточены и памятники первобытной археологіи, но коллекціи ихъ состояли почти исключительно изъ находокъ на территоріи Франціи. Было однако и небольшое собраніе находокъ, привезенныхъ изъ Россіи барономъ де-Бай.

Кіевскія кирпичныя площадки. А. А. Спицинымъ сдѣланъ былъ на засѣданіи русскаго отдѣленія археологичсскаго общества докладъ о загадочныхъ кирпичныхъ площадкахъ, полахъ какихъ то таинственныхъ хижинъ, какъ предполагали, открытыхъ В. В. Хвойко.

Площадки представляютъ совершенно новый сюжетъ въ русской археологіи. Въ Галиціи подобное открытіе было сдѣлано въ 1877 году, но забыто и мало изслѣдовано. А. А. Спицынъ самъ произвелъ раскопки нѣкоторыхъ площадокъ и сдѣлалъ о нихъ собственные выводы.

Площадки разсѣяны въ Кіевскомъ уѣздѣ въ большомъ количествѣ. Это рядъ пластовъ, лежащихъ одинъ на другомъ. Въ нихъ и въ землѣ подъ площадками найдены цѣлые и полуразрушенные

сосуды, подъ нѣкоторыми площадками обнаружены таинственные погреба, глубиною до 4 аршинъ. На днѣ ихъ находятся также сосуды со слѣдами зеренъ и золы. Возлѣ площадокъ найдены загадочные столбы. Судя по тому, что сверху эти столбы отшлифованы, что возлѣ лежатъ кости животныхъ, быка и барана, статуетки людей — можно предположить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ алтарями. Форма площадокъ весьма разнообразна. Пласты нѣкоторые окрашены.

Находки В. В. Хвойко: глиняные сосуды орнаментированные весьма древней росписью и съ большимъ разнообразіемъ, немного предметовъ каменнаго и мѣднаго вѣковъ, наконечники стрѣлъ, клинья и мѣдный молотокъ.

По изслѣдованію А. А. Спицина, глина, изъ которой приготовлены площадки, искусственнаго состава, иногда смѣшана съ оболочкой хлѣбныхъ зеренъ. Сверху она очень хорошо обожжена.

А. А. Спицинъ не соглашается съ принятымъ мнѣніемъ, что площадки представляютъ полы какихъ то жилищъ. Обыкновенно жилища имѣютъ опредѣленную форму и размѣръ. Здѣсь же въ этомъ отношеніи полное разнообразіе. Обмазка половъ находится иногда даже не на брусьяхъ, какъ это чаще всего встрѣчается, а на битой посудѣ. Поражаетъ обиліе сосудовъ на площадкахъ, что также едва ли возможно было бы, если бы это были жилища. Иногда посуда вмазана въ глину.

Вслѣдствіе цѣлаго ряда соображеній А. А. Спицинъ приходитъ къ выводу, что площадки не остатки какихъ нибудь жилищъ, а скорѣе остатки какихъ то сооруженій, имѣвшихъ религіозное значеніе. Время, къ которому относятся площадки, референтъ относитъ къ глубокой древности, къ домикенской эпохѣ (третье—четвертое тысячелѣтіе до Р. Х.).

Точныхъ, аналогичныхъ кіевскимъ площадкамъ находокъ въ другихъ странахъ не было, но встрѣчались нѣсколько схожихъ съ этой культурою, напр. въ Венгріи.

Пантикопейскія Ніобиды. С. А. Жебелевъ въ докладѣ, сдѣланномъ въ одномъ изъ засѣданій И. Р. А. О., сообщилъ объ особомъ типѣ изображеній, наблюдаемыхъ на боковыхъ стѣнкахъ, открытыхъ при раскопкахъ саркофаговъ. Служили эти изображенія украшеніями саркофаговъ и, представляя собою фигуры Ніобы и членовъ ея семьи, иллюстрировали исторію ихъ жизни.

Фигуры Ніобы съ младшею дочерью, братьевъ, отца съ сыномъ, педагога, кормилицы, слугъ встрѣчаются въ различныхъ комбинаціяхъ, такъ напр. на одномъ саркофагѣ изображено до 14 фигуръ. Техника фигуръ не одинакова, но вообще она не высока и носитъ ремесленный характеръ. Относятся эти изображенія ко времени не ранѣе половины III вѣка до Р. Х. Образцами для нихъ могли служить рельефы на римскихъ саркофагахъ, гдѣ часто встрѣчается напр. изображеніе „Гибели дѣтей Ніобы“. Замѣтное сходство пантикопейскія фигуры имѣютъ съ монументальными памятниками V вѣка до Р. Х. Оригиналомъ для пантикопейскихъ фигуръ могла служить также и древняя живопись на вазахъ.

Классификаціи доисторической культуры. На первомъ общемъ собраніи членовъ Археологическаго института Г. М. Болсуновъ выступилъ вновь, какъ и въ прошломъ году, съ своими критическими воззрѣніями на существующія научныя классификаціи при изученіи доисторической культуры первобытнаго человѣка.

Первый докладъ его служитъ какъ бы введеніемъ въ рядъ рефератовъ, въ которыхъ онъ предполагаетъ критически изслѣдовать всѣ установившіяся системы классификацій доисторической культуры, основанныя на данныхъ наукъ: геологіи, палеонтологіи, антропологіи, этнологіи, а также и на данныхъ вещественныхъ археологическихъ памятниковъ.

Опредѣляетъ Г. М. Болсуновъ классификацію какъ научный пріемъ, при помощи котораго случайныя, нерѣдко безсознательныя эмпирическія обобщенія обращаются въ логическія слѣдствія другихъ обобщеній высшаго порядка. Заключается классификація въ соединеніи отдѣльныхъ предметовъ въ группы, этихъ группъ въ еще большія группы и т. д., причемъ процессъ ведется на основаніи одного или нѣсколькихъ признаковъ, общихъ отдѣльнымъ предметамъ. Отсюда, наилучшей классификацій является та, въ основаніе которой положены самые общіе основные признаки.

Приводя затѣмъ доводы противниковъ научныхъ обобщеній въ доисторической археологіи, въ виду ихъ преждевременности, референтъ съ своей стороны, находитъ, что несмотря на недостаточность добытыхъ наукою точныхъ познаній о жизни первобытнаго человѣка, весьма полезно было бы отъ времени до времени оглядываться на пройденный наукою путь, опредѣляя такимъ образомъ пробѣлы нашего знанія, чтобы не упустить существеннаго, гоняясь за блестящими мелочами.

Необходимость классификаціи обусловливается еще и тѣмъ, что сырой матеріалъ археологическихъ находокъ все увеличивается и обнять его въ цѣломъ становится еще труднѣе.

Но критическое отношеніе къ существующимъ системамъ и классификаціямъ также необходимое условіе для правильнаго развитія науки, иначе системы поработятъ умъ и задержатъ естественную эволюцію человѣческаго знанія.

Успѣхъ и быстрое развитіе археологіи за послѣднее полустолѣтіе объясняется примѣненіемъ эволюціоннаго метода, связавшаго въ одно цѣлое длинный рядъ явленій и вызвавшаго естественное стремленіе найти между ними закономѣрную послѣдовательность.

Не признаетъ референтъ дѣленій археологіи и исторіи, какъ на науки, изъ которыхъ первая изучаетъ прошлое съ точки зрѣнія статики, вторая же съ точки зрѣнія его движенія (динамики). Культурную исторію, подтверждая положеніе И. Е. Забѣлина, референтъ относитъ къ области археологіи.

Объемъ доисторической археологія—это изученіе жизни первобытнаго человѣка отъ появленія его на землю въ третичномъ періодѣ (современника мамонта и другихъ допотопныхъ животныхъ) и до перехода каждой отдѣльной народности къ формамъ государственной жизни и съ образованіемъ среди нея коллективной

духовной культуры, принимающей участіе въ общей жизни человѣчества. Въ послѣднемъ, т. е. въ границѣ области доисторической археологіи, референтъ также уклонился отъ обычнаго опредѣленія конца доисторическаго періода — возникновеніемъ письменности.

По своему характеру доисторическая археологія признается референтомъ наукою „естественно-историческою".

Интересный камень. Въ непродолжительномъ времени будетъ доставленъ въ Россію рѣдкій памятникъ семитической эпиграфики II вѣка но Р. Х. Это огромный камень, носящій названіе „Пальмирскій таможенный тарифъ" съ надписями на греческомъ и арамейскомъ языкахъ. Открытъ онъ въ 1882 г. дѣйствительнымъ членомъ Русскаго археологическаго общества княземъ С. С. Абамелекъ-Лазаревымъ. По инціативѣ члена того же общества П. К. Коковцева, археологическое общество обратило вниманіе на этотъ камень академіи наукъ, и благодаря ходатайству академіи, по сношеніи съ турецкимъ правительствомъ, камень былъ уступленъ Россіи. Право на научное изданіе этого памятника общество оставляетъ за собою, храненіе же его предположено въ залахъ Императорскаго Эрмитажа.

Сношенія нашего посла въ Константинополѣ съ турецкимъ султаномъ по вопросу о камнѣ происходили въ сентябрѣ. Султанъ подарилъ камень Россіи. Но доставка камня представляетъ значительныя затрудненія въ виду его огромной тяжести. Нашимъ археологическимъ институтомъ въ Константинополѣ было снаряжено нѣсколько экспедицій къ камню, причемъ съ него сдѣланы были фотографическіе снимки. Предполагается еще экспедиція съ цѣлью открыть и вторую сторону камня, до сихъ поръ еще не изслѣдованную, а также произвести раскопки возлѣ камня. Вѣсъ камня до 500 пудовъ. Доставка его, вѣроятно, будетъ поручена драгоману нашего консульства въ Іерусалимѣ. По всей вѣроятности, придется доставить его въ распиленномъ видѣ въ телѣгахъ до Бейрута и далѣе морскимъ путемъ въ Одессу.

Пятое евангеліе. Интересное открытіе въ области древней письменности сдѣлано недавно тремя профессорами страсбургскаго университета: Шпигельбергомъ, Шмидтомъ и Якоби. Названнымъ ученымъ посчастливилось найти въ папирусахъ, пріобрѣтенныхъ въ Каирѣ для библіотеки страсбургскаго университета, два отрывка изъ пятаго евангелія. Сначала эти папирусы возбудили нѣкоторое подозрѣніе, но затѣмъ, тщательныя изслѣдованія, сдѣланныя египтологами, подтвердили ихъ подлинность и, въ связи съ нею, ихъ важность. По мнѣнію профессора Шмидта, въ этихъ рукописяхъ находится коптскій переводъ (сдѣланный въ V столѣтіи по Рождествѣ Христовомъ) евангелія, написаннаго по-гречески во II вѣкѣ. Эти новооткрытые отрывки, по Шмидту, могутъ принадлежать одному изъ недошедшихъ до насъ евангельскихъ текстовъ. Профессоръ Якоби склоненъ думать, что данные отрывки принадлежатъ именно „евангелію отъ египтянъ", о которомъ говорятъ блаженный Іеронимъ, Оригенъ, греческій историкъ Ѳеофилактъ, а также имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія въ твореніяхъ св. Ипполита и св. Стефанія Кипрскаго. Въ одномъ изъ отрывковъ, пріобрѣтен-

ныхъ страсбургскимъ университетомъ, заключается новая версія евангельскаго повѣствованія о Іисусѣ Христѣ въ Геѳсиманскомъ саду; другой отрывокъ содержитъ повѣствованіе, къ сожалѣнію, очень неполное, о воскресеніи Спасителя. Извѣстный ученый, профессоръ Гарнакъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ комментаторовъ и знатоковъ библейскаго текста въ Германіи, уже раньше высказалъ мнѣніе, что папирусъ, заключавшій „изреченія Христа" (найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ), могъ представлять извѣстную часть или отрывокъ изъ „Евангелія отъ египтянъ". Профессоръ Якоби также склоненъ къ принятію этой гипотезы. Онъ именно предполагаетъ, что папирусъ съ „изреченіями Христа" и новооткрытые отрывки евангелія происходятъ изъ одной и той-же рукописи, которую продавцы, въ цѣляхъ наживы, раздѣлили на нѣсколько частей. Въ виду этого, профессоръ Якоби въ настоящее время усиленно занятъ разысканіемъ остальныхъ листовъ рукописи.

Античныя геммы. (A. Furtvängler. Die Antiken Gemmen. 1900 г.). „Античныя геммы" представляютъ огромный капитальный трудъ нѣмецкаго ученаго Адольфа Фуртвенглера. Изданъ онъ, несмотря на огромныя затраты, на средства частной фирмы. Цѣна его 250 марокъ. На засѣданіи классическаго отдѣленія русскаго археологическаго общества трудъ Фуртвенглера разсмотрѣнъ былъ спеціалистами археологами по докладу секретаря отдѣленія С. А. Жебелева. Задуманъ трудъ Фуртвенглеромъ болѣе 12 лѣтъ тому назадъ, впродолженіе которыхъ появился рядъ его предварительныхъ на ту же тему научныхъ работъ. Трудъ Фуртвенглера имѣетъ большую важность какъ съ точки зрѣнія классической археологіи, и такъ въ отношеніи историческомъ.

Въ первомъ томѣ помѣщено 3600 сюжетовъ различныхъ геммъ въ натуральную величину. Второй томъ заключаетъ описаніе и разборъ геммъ. Описаны, между прочимъ, геммы восточныя, греческія, архаическія скарабеи, сардинскія, геммы среднихъ вѣковъ и византійскія.

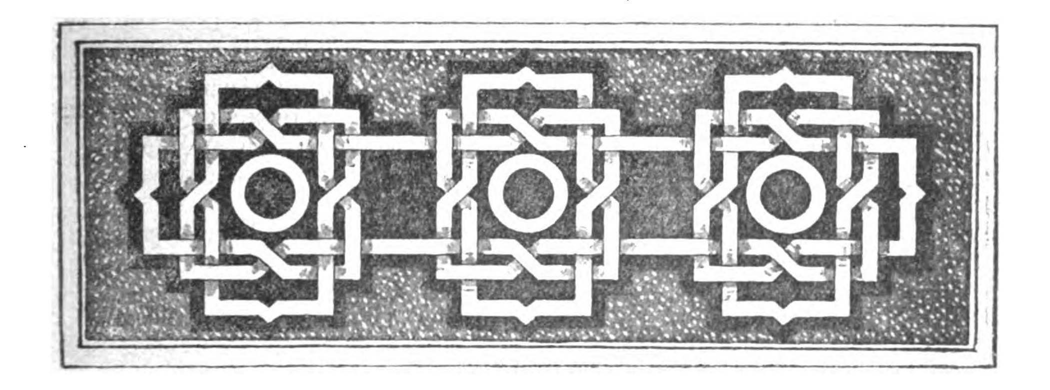
Третій томъ содержитъ изложеніе исторіи развитія искусства геммъ. Этотъ отдѣлъ очень обширенъ и важенъ. Авторъ прослѣдилъ развитіе искусства начиная съ Микенской эпохи, изложилъ технику геммъ, литературу о нихъ и выяснилъ ихъ мѣсто въ общей исторіи искусства.

Особенно интересенъ отдѣлъ, касающійся исторіи древнѣйшей эпохи греческаго искусства—Микенской. Наслѣдіе ея—іоническое искусство VII вѣка до Р. Х. Въ древне-греческомъ искусствѣ отмѣчены авторомъ два художественныхъ теченія: одно—идущее отъ первобытнаго греческаго населенія, другое—принадлежащее племенамъ сѣверной Греціи.

Удивительная неослабѣвающая энергія автора „Античныхъ геммъ" дала ему возможность выпустить и второй также прекрасно исполненный трудъ: „Griechische Wasenmalerei". Въ этомъ художественномъ изданіи помѣщена лишь живопись, находящаяся на вазахъ, относящихся къ эпохѣ высшаго расцвѣта греческаго искусства. Для общей исторіи развитія греческой живописи вазовые рисунки имѣютъ большое научное значеніе.

А. Мироновъ.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

Полемика о «Знаменіяхъ времени».—Идеи англійскихъ экономистовъ.—Переворотъ въ образованіи русской женщины.—Европейскій романъ и его судья.—Популярность Надсона и его раннія произведенія.—Жизнь въ началѣ вѣка.

За послѣдніе три мѣсяца между журналами „Міръ Божій“ и „Русское Богатство“ возникъ и обострился споръ по поводу новаго изданія романа г. Мордовцева „Знаменія времени“. Романъ первоначально былъ напечатанъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ тогдашнемъ журналѣ „Всемірный Трудъ“, и обратилъ на себя усиленное вниманіе читателей, преимущественно молодежи. Это послѣднее обстоятельство въ свою очередь повело къ тому, что романъ возбудилъ какія-то опасенія и отдѣльное изданіе его состояться не могло; романъ перешелъ въ разрядъ почти запрещенной литературы, а нумера „Всемірнаго Труда“, гдѣ онъ печатался, сдѣлались библіографическою рѣдкостью. Спросъ на эти нумера журнала, какъ намъ достовѣрно извѣстно, никогда не прекращался. Слѣдовательно, въ романѣ есть что-то такое, что сообщаетъ ему постоянный интересъ. Авторъ „Критическихъ замѣтокъ“ въ „Мірѣ Божьемъ“, г. А. Б., отмѣчая появленіе романа вновь, совершенно упустилъ изъ виду этотъ неослабѣвшій къ произведенію г. Мордовцева интересъ и удивляется появленію романа такъ же, какъ удивился бы воскресшему изъ мертвыхъ человѣку. „Воскрешеніе такихъ произведеній, говоритъ онъ, является для нихъ не воскресеніемъ, а скорѣе вторичными похоронами. Люди переживаютъ нерѣдко свое время и настроеніе, выдвинувшее ихъ когда-то, но время не повторяется. Довлѣетъ бо дневи злоба его, и у каждаго дня своя печаль, у каждаго времени — свое знаменіе. Что прошло, того не будетъ вновь. Requiescat in pace“.

Это—трюизмъ, съ которымъ нельзя не согласиться.

Но это — такой трюизмъ, такая общая мысль, которая одинаково приложима и къ г. Мордовцеву съ его „Знаменіями времени“, и къ г. Гомеру съ его „Иліадой“, и къ г. Матвѣю Маркову, автору романа, извѣстнѣйшаго всей грамотной и безграмотной Россіи—„Англійскаго Милорда Георга“.

Существуетъ многое множество историческихъ, проблематическихъ и фантастическихъ именъ прошлаго, которыя до сего времени встаютъ передъ нами какъ живыя, мы разговариваемъ объ нихъ другъ съ другомъ, споримъ, раздражаемся и расходимся какъ враги. Къ числу такихъ именъ, которыхъ въ дѣйствительности никогда не было, а если бы были, такъ теперь уже умерли бы, и которыя всетаки продолжаютъ насъ интересовать, и не только изъ любознательности или простого любопытства, но какъ живые люди, принадлежатъ и герои романа «Знаменія времени“. Легко сказать: покойтесь въ мирѣ! но не легко намъ самимъ успокоиться. Достаточно сказать, что персонажи романа „Знаменія времени“ были не кто иные, какъ олицетворенія шестидесятыхъ годовъ. Вотъ почему знакомство съ такими романами, какъ „Знаменія времени“ Мордовцева, „Трудное время“ Слѣпцова, „Шагъ за шагомъ“ Омулевскаго, „Николай Негоревъ“ Кущевскаго, „Что дѣлать?“ и пр. и пр., несмотря на то, что эти романы лишены художественности, сдѣлалось обязательнымъ для каждаго только что вступившаго въ жизнь молодого человѣка обоего пола. Въ этихъ романахъ брошена почти вскользь, затронута масса животрепещущихъ вопросовъ, которые постоянно такую молодежь волнуютъ и раздражаютъ.

Авторъ „Критическихъ замѣтокъ“, мало того, что не видитъ въ этомъ романѣ интереса для нашего времени, но и безотносительно ко времени онъ, кажется, недоволенъ романомъ. Онъ видитъ въ немъ грубость изложенія, недостатокъ художественности, рѣжущую прямолинейность, аляповатость формы и т. п. недостатки, присущіе всѣмъ нашимъ романамъ шестидесятыхъ годовъ. Въ каждомъ изъ героевъ романа онъ видитъ пародію на державинскаго богатыря:

„Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на бездны—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Башни руками за облакъ бросаетъ“.

Однако авторъ статьи самъ замѣчаетъ, что въ этомъ романѣ прямолинейно и рѣзко подчеркнуты ходячія идеи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Но эти идеи, по его мнѣнію, уже насъ, людей конца вѣка, болѣе не интересуютъ. То, на что въ романѣ указывалось какъ на глубокое и важное, насъ теперь поражаетъ какъ бредъ. Всѣ эти рѣчи о страданіяхъ человѣчества, проекты о спасеніи его—кажутся до нельзя наивными. Тогдашній читатель, можетъ быть, упивался такими рѣчами и проектами, а мы, отдаленные отъ него тридцатилѣтіемъ, можемъ теперь только, посмѣяться надъ этимъ идеализмомъ, которому уже не удастся насъувлечь.

Интересуютъ или не интересуютъ теперь насъ эти идеи—это вопросъ совсѣмъ иной; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы романъ потерялъ уже всякій интересъ. Если романъ до сего времени читается, то надо считаться съ тѣмъ, почему онъ до сихъ поръ интересуетъ публику.

Замѣтки г. А. Б. о романѣ г. Мордовцева обратили на себя вниманіе г. Михайловскаго въ „Русскомъ Богатствѣ“. Онъ соглашается съ г. А. Б., что романъ потерялъ злободневный характеръ, что романъ перешелъ въ разрядъ *историческихъ*, что къ роману можно отнестись и такъ: „Да почіетъ въ мирѣ“ и это будетъ образчикомъ истинно спокойнаго отношенія къ произведенію, насчитывающему тридцатилѣтнюю давность, и къ тому настроенію, которое въ немъ отразилось. Остается только одно: выдержать такое отношеніе, и тогда всѣ преклонятся передъ Ѳемидой г. А. Б. Но отчего же, продолжаетъ г. Михайловскій, въ статьѣ г. А. Б. слышится какое то сдержанное волненіе, довольно таки сердитое? Отчего это волненіе мѣстами доходитъ до того, что въ идеяхъ одного изъ героевъ „Знаменій времени“ г. А. Б. видитъ „кончикъ ослинаго уха“, а „мы“, современные новые люди, съ г. А. Б. единомысленные, относимся къ прошлому „съ насмѣшкой горькою обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ“? Если— requiescat in pace, то горькая насмѣшка по малой мѣрѣ не нужна, если не безстыдна. „Мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій“. А между тѣмъ современные „новые люди“ еще недавно, можно сказать, на дняхъ, наровили, а отчасти и теперь, вотъ какъ г. А. Б., наровятъ при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ пнуть покойника ногой.... Отчего это?

Г. Михайловскій на этотъ вопросъ отвѣчаетъ во-первыхъ краткимъ изложеніемъ содержанія романа (что напрасно, — потому что, повторяемъ, романъ достаточно извѣстенъ), во-вторыхъ довольно подробно и обстоятельно характеризуетъ бурное время шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, какъ оно отразилось въ тогдашней печати. Напомнивъ, какъ „властители думъ“ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ отнеслись къ своему времени: одни спокойно, безъ смѣха и гнѣва, другіе — съ запальчивостью и обличеніемъ, рубя спереди и сзади, не разбирая ни правыхъ, ни виновныхъ:— кто не за насъ, тотъ противъ насъ,—г. Михайловскій замѣчаетъ, что въ этомъ нестройномъ концертѣ роль второстепенныхъ и третьестепенныхъ дѣятелей литературы была крайне трудной. Имъ приходилось, во что бы то ни стало, каждую черту выдумывать, изобрѣтать, потому что подъ руками ничего не было или не знали, гдѣ взять, пускать въ ходъ невѣроятныя краски, преувеличенія, выдумки. Подлиннаго во всемъ этомъ была только подкладка настоятельной жажды общественной совѣсти въ великомъ, сильномъ и честномъ. И будущій историкъ русскаго общества сумѣетъ усмотрѣть эту подкладку подъ разнообразными вышитыми на ней комическими и нелѣпыми узорами. Да и теперь ужъ, черезъ тридцать-то, сорокъ лѣтъ, можно бы, кажется, это сдѣлать. Вотъ въ чемъ состоитъ задача совре-

менной критики такихъ романовъ, ставшихъ историческими, и не слѣдуетъ ограничиваться горькой усмѣшкой по ихъ адресу.

Мы обращаемъ вниманіе читателя на обстоятельно написанную статью г. Михайловскаго. То, о чемъ онъ говоритъ: „Можно бы это сдѣлать", имъ въ данной статьѣ и сдѣлано—спокойно и безпристрастно. Но это спокойствіе и безпристрастіе прежде всего не понравилось г. А. Б. Въ октябрской книжкѣ „Міра Божьяго" онъ обвиняетъ г. Михайловскаго какъ разъ въ обратныхъ качествахъ и приписываетъ своему противнику печальные полемическіе пріемы, употребляемые имъ не только противъ него, г. А. Б., но и противъ всѣхъ, несогласно мыслящихъ съ г. Михайловскимъ.

Что же въ отвѣтъ на это сказалъ г. Михайловскій? Недоумѣваю, говоритъ онъ между прочимъ; — г. А. Б. пишетъ о моей нетерпимости, что я привыкъ всѣхъ несогласно мыслящихъ обвинять въ измѣнѣ... Измѣна слишкомъ громкое слово. Не измѣна, а просто такъ—легкость мыслей. „Припоминая статьи о Писаревѣ и нѣкоторыя другія, въ разное время напечатанныя въ почтенномъ журналѣ („Міръ Божій"), я нашелъ бы, можетъ быть, не измѣну, а напротивъ—большую послѣдовательность".

Нигдѣ экономическая наука не получала такого быстраго, обширнаго и глубокаго развитія, какъ въ Англіи. Адамъ Смитъ, Мальтусъ, Рикардо, Сеніоръ, Д. С. Милль и Кернсъ—имена, которыя говорятъ сами за себя. Экономическая наука казалась до такой степени прочно установленной этими изслѣдователями, что объ измѣненіи основъ ея не возникало вопроса. Самъ Марксъ, поколебавшій и разрушившій многіе ея столбы, не коснулся ея фундамента. Законъ производства и распредѣленія продуктовъ потребленія—вотъ основа всей экономической науки. Если смотрѣть на экономическую науку чисто теоретически, то въ основу ея другого закона нельзя и положить. Однако, англійскіе экономисты, какъ люди дѣла, а не одного слова, не забывали и другого положенія, что хотя законъ производства и покоится на неизмѣнныхъ естественныхъ основаніяхъ, но законъ распредѣленія находится въ зависимости отъ существующаго общественнаго строя. Поэтому, развитіе этого положенія сводилось въ дальнѣйшемъ къ изслѣдованію организаціи распредѣленія въ связи съ измѣненіемъ общественныхъ формъ.Но давно уже стало очевидно, что и производственная часть находится въ зависимости отъ общественнаго прогресса или регресса. Милль, послѣдній изъ правовѣрныхъ крупныхъ экономистовъ, помнится, первый замѣтилъ этотъ новый факторъ, который долженъ скоро ворваться въ экономическую науку. Онъ дѣйствительно ворвался и пошатнулъ всѣ ея старые законы. Милль, а за нимъ и Кернсъ доказали, что наука, разработкой которой они до сего времени занимались, гипотетична, она имѣетъ дѣло не съ реальнымъ человѣкомъ, а съ воображаемымъ, съ существомъ, цѣль жизни котораго заключается единственно въ томъ, чтобы „добыть деньги". Дѣло не въ деньгахъ, даже не въ законахъ

производства и распредѣленія, а въ возможности фундаментальныхъ улучшеній общественной организаціи и въ полномъ удовлетвореніи общественныхъ потребностей. Пророкъ новой экономической науки скоро нашелся. Это былъ молодой энтузіастъ Арнольдъ Тойнби (1852 — 1883). Онъ объявилъ, что существующая экономическая наука должна быть исправлена, пересмотрѣна и приведена въ связь съ жизнью; иначе, на нее слѣдуетъ смотрѣть, какъ на доказанный умственный обманъ. Міросозерцаніе Тойнби и перваго его послѣдователя, Томаса Грина, основывалось главнымъ образомъ на благородныхъ порывахъ человѣческаго сердца и требовало филантропической дѣятельности просвѣщеннаго общества. Много вышло въ Англіи замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, воспитавшихся на идеяхъ Тойнби, и образовалась новая школа англійскихъ экономистовъ: Сидней Веббъ, Бернардъ Шо, Оливеръ, Клеркъ, Гидламъ — все имена, которыя въ настоящее время даже русская публика постоянно встрѣчаетъ въ печати, не подозрѣвая, можетъ быть, что имена эти уже извѣстны въ Англіи около двадцати лѣтъ и составили эпоху въ экономической наукѣ. Школа ихъ называется *исторической.*

Обратимся къ статьѣ г. Климентова („Русская Мысль"), „Англійскіе экономисты—просвѣтители" и посмотримъ, въ чемъ заключаются основныя положенія этихъ новыхъ экономистовъ, которыхъ онъ называетъ „просвѣтителями".

Современная культура, которая породила много отрицательныхъ явленій, необходимо должна вызвать работу человѣческаго мозга надъ ея улучшеніемъ. Послѣдовательныя мирныя реформы должны быть необходимыми проявленіями современной государственной и общественной дѣятельности. Но важно, чтобы общество сознавало происходящее вокругъ него движеніе жизни. Старая ортодоксальная политическая экономія, убѣждавшая общество въ ненарушимости абстрактныхъ принциповъ, обратилась въ апріорныя схоластическія построенія. Общественную жизнь надо изучать въ ея послѣдовательномъ историческомъ развитіи. Всякая идея, всякое явленіе, всякое общественное движеніе связывается съ прошлымъ длинною цѣпью причинъ, безъ которыхъ немыслимо никакое проявленіе исторической жизни человѣчества. Наука не рисуетъ теперь идеальнаго общества, какъ вѣчно покойнаго инертнаго существованія. Человѣческія идеи и стремленія есть лишь динамическія, постоянно измѣняющіяся силы. Необходимость безпрерывнаго роста и развитія общественнаго организма сдѣлалась аксіомою. И при изученіи современной экономической науки необходимо оглянуться назадъ. Изученіе прошлаго въ связи съ настоящимъ выяснитъ значеніе каждаго фактора въ современномъ развитіи человѣчества, выдѣлитъ положительныя стороны и отрицательныя стороны общественнаго прогресса.

Это историческое изслѣдованіе поможетъ общественному сознанію бороться съ отрицательными явленіями экономической жизни путемъ государственно-хозяйственныхъ реформъ. Необходимо собирать и изслѣдовать факты, освѣщающіе анархію произ-

водства и машинной индустріи современной индивидуалистической системы хозяйства. Болѣе детальный анализъ хозяйственной жизни въ ея цѣломъ доказываетъ изслѣдователю о возникновеніи новыхъ факторовъ человѣческой культуры, зародыши новой эпохи, новаго движенія общества по пути къ государственно-хозяйственному строю.

Съ идейной стороны, замѣчаетъ авторъ, новые англійскій экономисты являются эволюціонистами; ихъ взгляды носятъ характеръ продуманнаго критическаго міросозерцанія. Несмотря на пессимистическое отношеніе ко многимъ сторонамъ современной хозяйственной дѣйствительности, новая англійская наука согрѣвается твердой убѣжденностью въ положительныхъ результатахъ современнаго общественнаго прогресса. Въ каждой эпохѣ есть залогъ будущаго развитія человѣчества.

Идеи Тойнби и его послѣдователей называютъ филантропискими. Однако, искаженное понятіе, соединенное съ этимъ словомъ, требуетъ поправки. Англійская просвѣтительная школа экономистовъ не только отметаетъ всякое понятіе о благотворительности, какъ случайномъ порывѣ, прихоти, палліативѣ, но съ особенной силой и остроуміемъ возстаетъ противъ слѣпой вѣры въ частную инициативу, въ безграничный индивидуализмъ въ промышленности. Школа имѣетъ въ виду филантропію государственную, общественную, послѣдовательную, строго выдержанную, заколачивающую тѣ отверстія, въ образованіи которыхъ виноватъ не отдѣльный человѣкъ, а весь строй общества, а главная цѣль школы заключается въ томъ, чтобы достичь такого общественнаго устройства, при которомъ уклоненія отъ справедливости сдѣлать невозможными.

Можетъ возникнуть такого рода опасеніе, что экономисты-просвѣтители стремятся къ тому совершенному устройству общества, осуществленіе котораго убьетъ въ человѣчествѣ всякую общественную энергію. Дѣйствительно, принципъ просвѣтительной школы—„Salus populi suprema lex!“ Но это не то спокойствіе, которое погружаетъ людей въ спячку. Подъ спокойствіемъ школа разумѣетъ только... *правовой порядокъ*. Для дѣятельности людей остается обширное поле на проявленіе энергіи въ поддержаніи порядка. Такая трата энергіи производительнѣе и пріятнѣе, чѣмъ трата на борьбу съ порядкомъ.

Это — задача будущаго XX вѣка, которую онъ едва-ли даже разрѣшитъ. Поэтому, до наступленія блаженнаго времени еще далеко. Авторъ приводитъ выдержки изъ произведеній новой экономической школы, рисующія отрицательныя явленія современной англійской жизни въ ужасныхъ краскахъ. Напр., существуетъ съ давняго времени рабочая форма производства, называемая „системою пота“. При этой системѣ заработная плата не превышаетъ 3 шиллинговъ въ сутки, срокъ работы ограниченъ изнеможеніемъ, всякое санитарное состояніе отсутствуетъ.

Одно время нѣкоторая часть нашего общества сильно заблуждалась въ взглядахъ на ходъ, размѣры и качество жен-

скаго образованія въ Россіи, особенно по сравненію того же образованія въ другихъ европейскихъ странахъ. Полагали, что мы въ этомъ отношеніи опередили Европу и стали во главѣ. Между тѣмъ, въ 60-хъ годахъ у насъ даже не заикались о предоставленіи женщинѣ средствъ къ высшему образованію. Только въ началѣ названныхъ годовъ открыли доступъ женщинѣ въ университетъ, но черезъ годъ университетская дверь была вновь закрыта. До того же времени, начиная съ Екатерины II, всѣ работы по этому дѣлу сводились къ предоставленію дѣвицамъ, преимущественно благороднаго происхожденія, укрѣпиться черезъ науку въ добродѣтели и стать доброй женой и полезной матерью семейства. Впослѣдствіи эта скромная программа была значительно расширена; къ ней присоединили еще эстетическія тенденціи. Дѣвушкѣ изъ хорошей семьи необходимо было прежде всего привлекать, нравиться; и вотъ на первый планъ были выдвинуты салонные таланты—музыка, танцы, иностранные языки, преимущественно французскій, на которомъ преподавались и науки. Развитія ума, въ смыслѣ пріобрѣтенія женщиной какой либо самостоятельности, боялись чуть не всѣ поголовно, даже такіе люди, какъ Сперанскій. Боялись особенно того, чтобъ не сдѣлалась женщина писательницей. Поэтесса Бунина совершенно серьезно, хотя въ стихахъ, давала такой совѣтъ:

„Ты женщина! учись быть въ юности покорна,
Въ своихъ желаньяхъ неупорна;
Упорство въ женщинѣ порокъ,
Упорство ей къ напасти!
Надъ нами всюду власти“.

Карамзинъ восторженно, въ слащавыхъ выраженіяхъ, воздѣвая глаза къ небу, со вздохами и умиленіемъ, рисуетъ такой портретъ идеальной женщины: „Она никогда не упражнялась въ авторствѣ, но ея письма украшены легкимъ слогомъ, исполнены чувствительности, философіи; христіанская набожность, безъ суевѣрія, есть первая ея добродѣтель. Вы примѣтите въ церкви на глазахъ ея слезы, которыя она украдкой обтираетъ. Но не думайте, чтобъ не было въ ней и кокетства; напротивъ, и она любитъ тонкимъ образомъ обращать на себя вниманіе. Къ увѣнчанію похвалы ея скажу, что она совершенная послѣдовательница оптимизма; какая бы ни случилась ей непріятность, задумается... и всегда скажетъ потомъ: можетъ быть это къ лучшему“.

Авторъ статьи въ „Русской Мысли“ (Н. Мировичъ—„Изъ исторіи женскаго образованія въ Россіи XVIII—XIX вв.“). въ сжатомъ изложеніи даетъ достаточно полное представленіе объ этихъ основныхъ тенденціяхъ женскаго образованія въ дореформенное время и затѣмъ переходитъ къ исторіи его за послѣднія сорокъ лѣтъ.

Новое теченіе, выразившееся въ 60-хъ годахъ, конечно, не явилось изъ ничего. Уже въ 30-хъ и 40-хъ годахъ начало проглядывать сознаніе на неудовлетворительность соціальныхъ и семейныхъ устоевъ, что до извѣстной степени стали приписывать отсутствію образованія у женщинъ. Но до 60-хъ годовъ этого

вопроса почти нельзя было касаться. Освободительное теченіе, пробудивъ къ жизни лучшіе элементы нашего общества, разбудило и женщину. Она, можетъ быть, впервые „почувствовала себя не только вспомогательнымъ существомъ, придаткомъ, но человѣкомъ—индивидуальной личностью, съ обязанностями, интересами и цѣлями, присущими всѣмъ человѣческимъ существамъ. Рядомъ съ этимъ стремленіемъ явилось и стремленіе къ духовному развитію, которое одно могло дать женщинѣ силу и мощь стряхнуть съ себя узы многовѣкового рабства". Возбужденъ былъ вопросъ о томъ, чтобы положить въ Россіи начало высшему женскому образованію. Это именно и былъ самообольщенный ошибочный взглядъ, что, дескать, достаточно начать дѣло, а ужъ оно потомъ само благополучно разовьется. Вся послѣдующая исторія высшаго женскаго образованія въ Россіи представляетъ собою калейдоскопъ унылыхъ картинъ, изрѣдка чередующихся съ отрадными.

Послѣ продолжительныхъ хлопотъ и стремленій, были основаны въ Москвѣ въ 1869 г. первые женскіе курсы подъ названіемъ Лубянскихъ. Программа ихъ состояла изъ предметовъ классическихъ гимназій, хотя въ дѣйствительности нѣкоторые предметы читались въ объемѣ университетскаго курса, что къ 1881 г. окончательно упрочилось и получило надлежащую санкцію. Но еще въ 1872 г. курсы эти выдѣлили изъ себя предметы словесно-историческіе, преподаваніе которыхъ всецѣло перешло на открывшіеся въ это время курсы проф. Герье, а на Лубянскихъ курсахъ остались математическіе и естественные предметы. Такимъ образомъ, въ Москвѣ возникъ полный университетъ. Какъ тѣ, такъ и другіе курсы возникли безъ всякихъ субсидій со стороны правительства и все время существовали на частныя субсидіи, сборы со спектаклей и на плату за обученіе (50 р. въ годъ). Въ организаціи курсовъ встрѣчается одна своеобразная черта: „право избранія преподавателей, извѣстныхъ своею опытностью въ дѣлѣ преподаванія, предоставлялось самимъ слушателямъ", какъ равно и веденіе хозяйственной части и всей отчетности. Учебное дѣло, основанное на началахъ самоуправленія, явилось въ то же время для слушательницъ общественной школой: женщина пріучалась здѣсь къ самостоятельности, развивалась въ общественномъ отношеніи, привыкала искать и находить опору въ себѣ и въ своихъ силахъ.

Но уже въ 1878 г. появились признаки приближенія грозового облака, которое въ то время принимали за свѣтлую точку, предвѣщавшую блестящую перспективу. На возбужденное ходатайство о присвоеніи курсамъ названія „Женскихъ курсовъ при московскомъ университетѣ", подъ контролемъ послѣдняго, съ надеждой на предоставленіе курсамъ впослѣдствіи *правъ*, полученъ отказъ. Предлагалось только составить проектъ правилъ для производства особыхъ при университетѣ спеціальныхъ испытаній для лицъ женскаго пола, желающихъ пріобрѣсти права преподаванія во всѣхъ классахъ гимназій и институтовъ. Но все окончилось однимъ проектомъ. Дальнѣйшаго развитія курсы не имѣли, а въ

1886 г., по распоряженію правительства, всѣ такъ называемые «высшіе женскіе курсы» были закрыты. Наступилъ двѣнадцатилѣтній перерывъ въ развитіи высшаго женскаго образованія въ Россіи. Говорить о высшихъ женскихъ курсахъ въ другихъ городахъ Россіи значитъ повторить исторію московскихъ курсовъ.

Конечно, всѣ высшіе женскіе курсы въ Россіи представляютъ изъ себя привлекательную, но очень маленькую страницу въ исторіи женскаго образованія, которая и вся-то до крайности мала.

Достаточно сказать, что при существованіи *курсовъ* русская женщина все время массами принуждена была искать за границей средствъ къ всестороннему, основательному изученію тѣхъ или другихъ наукъ. Въ то время, какъ у насъ писалась эта крохотная страница исторіи, которая будто-бы говоритъ о нашемъ передовомъ посту, за этотъ періодъ въ Западной Европѣ не прекращался постепенный прогрессъ въ этомъ дѣлѣ. Въ Англіи женщинѣ давно уже открытъ доступъ въ университетъ; также во Франціи, Германіи, Италіи, Голландіи, Даніи, Швейцаріи, Норвегіи и Швеціи, гдѣ женщины, наравнѣ съ мужчинами имѣютъ право занимать университетскія каѳедры.

Авторъ выражаетъ надежду, что скоро и у насъ то же будетъ.

Потрудился писатель на нивѣ отечественной литературы сорокъ лѣтъ, выпустилъ въ свѣтъ болѣе сорока томовъ своихъ сочиненій, каждый читатель установилъ свой опредѣленный взглядъ на такого писателя, а когда при *случаѣ* наступила нѣкоторая потребность объ этомъ писателѣ столковаться между собою, опредѣлить общій взглядъ на него, то не оказалось въ наличности у людей, заинтересованныхъ въ такомъ опредѣленіи, ни одной общей точки прикосновенія, и всѣ вновь разбрелись въ разныя стороны, каждый при собственномъ взглядѣ. Писатель этотъ—г. Боборыкинъ, нынѣ юбиляръ за сорокалѣтнюю литературную службу. Послѣдняя его работа носитъ названіе „Романъ на западѣ за двѣ трети вѣка"; объ этомъ произведеніи теперь очень много говорятъ въ печати, и говорятъ именно такъ, какъ сказано выше, всѣ разно и розно: Что такое изъ себя представляетъ г. Боборыкинъ, какъ писатель, соціологъ ли онъ (какъ Тургеневъ), или натуралистъ (какъ Зола), или тенденціонистъ (какъ наши шестидесятники)? Наконецъ, народникъ ли онъ, или буржуа?... Либералъ, или консерваторъ?.. И то и другое, и третье и четвертое, все что хотите, но не что нибудь одно. Въ дополненіе ко всей этой смѣси г. Боборыкинъ называетъ самъ себя эстетикомъ, чѣмъ противорѣчитъ, за малыми исключеніями, всей своей литературной дѣятельности и тѣмъ вноситъ въ представленіе о немъ самую невообразимую путаницу. Съ точки зрѣнія этой своей эстетики онъ и разсматриваетъ *романъ на западѣ за двѣ первыя трети вѣка.*

Неблагодарную роль принялъ на себя авторъ статьи („Западный романъ передъ судомъ эстетика") г. Коганъ. Онъ взялся доказать г. Боборыкину, что эстетическая точка зрѣнія послѣдняго не приложима къ роману на западѣ, что самый эстетическій методъ г. Боборыкина прямо несостоятеленъ.

Г. Боборыкинъ заявляетъ о себѣ, что онъ не только эстетикъ, сторонникъ самостоятельности красоты, какъ понятія, но и эволюціонистъ. Красота, по его мнѣнію, есть нѣчто совершенно обособленное, стоящее независимо, почти не связанное ни съ какими другими элементами. Затѣмъ, какъ эволюціонистъ онъ говоритъ, что до сихъ поръ большинство критиковъ довольствуется пріемами оцѣнщиковъ, которые позволяютъ себѣ безповоротно судить, произносить похвалы или порицанія, что эволюціонный принципъ могъ бы очистить критику отъ такого рода пріемовъ. По г. Боборыкину, эволюціонному принципу присуще исключительно объективное отношеніе къ предмету. Но ставъ на такую точку зрѣнія, г. Боборыкинъ тотчасъ же пошатнулся на этой опорѣ. Прежде всего въ западной литературѣ онъ не нашелъ ни одного романа, который бы удовлетворялъ безусловно его эстетическимъ требованіямъ; затѣмъ, при желаніи *совершенно* объективно отнестись къ дѣлу, ему пришлось *совершенно* произвольно раздѣлить всю западную литературу на двѣ части, изъ коихъ одна будто бы застыла въ своей формѣ и содержаніи, другая прогрессировала. Разумѣется, эту только послѣднюю онъ и признаетъ за желательную и заслуживающую вниманія.

Какой же *романъ* считаетъ онъ удовлетворяющимъ *истиннымъ* принципамъ искусства? Тотъ, который не проводитъ никакихъ идей, не слѣдуетъ никакимъ направленіямъ, не зависитъ въ своемъ творчествѣ отъ жизни, довлѣетъ самъ себѣ. Обозрѣвая всю западную литературу, г. Боборыкинъ, однако, не нашелъ такого романа, который бы всецѣло этимъ требованіямъ удовлетворялъ. Г. Боборыкинъ беретъ извѣстныхъ авторовъ и каждаго изъ нихъ развѣнчиваетъ, обращая въ полнѣйшее ничтожество. Такъ, по его мнѣнію, „истинное завоеваніе творческаго романа въ работѣ Шпильгагена сводится, въ сущности къ весма малому, если цѣнить всего больше художественныя завоеванія романа“. Романы Ауэрбаха, оказываются, тоже не представляютъ собою истинныхъ завоеваній художественнаго творчества. Гуцковъ могъ бы оставить произведенія цѣнныя по лучшимъ работамъ художественнаго труда, если бы онъ былъ свободенъ отъ тенденціозности. Характеризуя соціальные романы Жоржъ-Зандъ, къ которымъ романистка перешла отъ апологіи правъ женщинъ на равенство и свободную любовь, г. Боборыкинъ усмотрѣлъ въ фактѣ этого перехода весьма немного.

Такимъ образомъ, Шпильгагенъ, Ауэрбахъ, Гуцковъ, Жоржъ-Зандъ и проч. и проч. суть такіе писатели—романисты, которые застыли въ формѣ и въ содержаніи и, мало того, по г. Боборыкину, прямо таки внесли въ творчество вредные отрицательные элементы, потому что ихъ романы были идейны, слѣдовали опредѣленному направленію, зависѣли всецѣло отъ жизни; романы ихъ были только формою для выраженія извѣстныхъ убѣжденій. Словомъ, г. Боборыкинъ побѣдоносно проѣхалъ по всему западноевропейскому роману и оставилъ послѣ себя *поле, усѣянное мертвыми костями.* Гдѣ же тотъ романъ, который долженъ быть названъ эстетико-эволюціоннымъ? Онъ встрѣчается у многихъ писателей,

но въ зачаточномъ видѣ, и ни у одного—въ законченномъ. Это романъ будущаго. Но г. Боборыкинъ, должно быть, шутитъ.

Авторъ статьи, г. Коганъ, такъ характеризуетъ романъ XIX столѣтія. „Романъ сыгралъ огромную роль въ исторіи мысли XIX в. Онъ помогъ европейскому обществу понять и осмыслить сложную работу, которой отмѣчено новѣйшее время, онъ далъ неоцѣненный матеріалъ въ руки мыслителей, онъ помогъ художественной литературѣ расширить сферу своихъ владѣній до невиданныхъ предѣловъ, именно, онъ вывелъ ее изъ сферы чистой красоты, сблизилъ съ другими формами выраженія человѣческой мысли; апостолы новыхъ идей выбирали эту форму для своей пропаганды; публицисты, философія и политическая экономія одинаково укладывались въ эту эластичную, гибкую, всеобъемлющую форму". „Европейскій романъ XIX вѣка! Цѣлый міръ идей и чувствъ, мыслей и настроеній, цѣлое море страстей и интересовъ связано съ этимъ краткимъ, но многозначительнымъ заглавіемъ! И тягости меттерниховскаго режима, и революціи, словно разъяренныя волны, носившіяся по европейскому материку, и медленная, но упорная борьба новаго класса, грозно оспаривающая у буржуазіи ея права на господство—всѣхъ бурь вѣка никогда не понять, не уяснить историку безъ европейскаго романа". „Романъ далъ то, чего не могли дать ни филосфоскіе трактаты, ни экономическія системы, ни самая добросовѣстная фактическая научная работа. Въ вѣкъ, когда масса начинала управлять своей судьбою, онъ сильнѣе всѣхъ говорилъ этой массѣ и освѣщалъ ей общественныя отношенія. Прослѣдить эволюцію романа XIX в.—значитъ прослѣдить эволюцію взаимныхъ отношеній всѣхъ группъ европейскаго общества, эволюцію идей, выросшихъ на почвѣ этихъ отношеній, короче говоря, охватить всю жизнь Европы въ ея развитіи. Эволюція новѣйшаго романа менѣе всего допускаетъ примѣненіе эстетической точки зрѣнія".

Но „жалкое зрѣлище представляетъ европейскій романъ при свѣтѣ эстетической критики! Книга г. Боборыкина ясно показываетъ, что ни эстетическій вкусъ, ни обширная начитанность не въ состояніи привести къ удовлетворительнымъ результатамъ при изслѣдованіи явленій художественнаго творчества, если искусственно отдѣлить послѣднее отъ жизни, если разсматривать его какъ нѣчто независимое и самостоятельное. Исторію литературы нельзя изучать внѣ другихъ общественныхъ наукъ".

Въ заключеніе позволительно спросить, что же представляютъ изъ себя романы самого г. Боборыкина? Отражали ли они общественную жизнь, или они были только авторскимъ вымысломъ, отрѣшеннымъ отъ жизни?... Своимъ послѣднимъ словомъ г. Боборыкинъ самъ подъ себя подкопался.

Къ произведенію г. Боборыкина относится г. Спасовичъ („Вѣстникъ Европы") снисходительнѣе предыдущаго автора, но и онъ, между прочимъ, отзывается такъ: „Я полагаю, что П. Д. Боборыкинъ имѣлъ собственно въ виду не то, что написалъ, и отсюда вышло недоразумѣніе". Такъ, авторъ „Романа XIX столѣтія", не признавая за романомъ и вообще за искусствомъ, права на какое бы то ни

было служебное отношеніе къ добру, морали и тому подобнымъ необходимымъ условіямъ жизни, вполнѣ, конечно, послѣдовательно, требуетъ и отъ критики соотвѣтствующаго отношенія къ роману, т. е., чтобы ея оцѣнка художественныхъ произведеній, ограничивалась эстетической стороной предмета. Такъ какъ эти требованія г. Боборыкина достаточно произвольны, то г. Спасовичъ вновь возбуждаетъ старый вопросъ о назначеніи художественныхъ произведеній. Положимъ, говоритъ онъ, что „искуство не имѣетъ притязаній быть въ жизни законодателемъ или руководителемъ, не обязано быть для жизни служкою, доставлять жизни что бы то ни было практически полезное, но его задача—эмоціонировать людей; значитъ, оно существуетъ только въ средѣ общества и должно сообразоваться съ необходимыми общественными условіями“. Если даже существуютъ такіе писатели — художники, которые всецѣло способны отрѣшиться отъ жизненныхъ условій, способны создавать вещи, которыхъ въ природѣ нѣтъ, хотя и болѣе совершенныя, чѣмъ сама дѣйствительность, то и тогда позволительно критикамъ „заглянуть въ душу писателя“ слѣдовательно, ввести въ критику психологическій элементъ. Здѣсь г. Спасовичъ ставитъ г. Боборыкина лицомъ къ лицу къ Эннекену, котораго тотъ всецѣло признаетъ, но которому всецѣло не слѣдуетъ. Далѣе, по понятіямъ г. Боборыкина, изящныя произведенія подлежатъ суду эстетики не только по формѣ, но и по содержанію. Разумѣется, г. Спасовичу, и кому бы то ни было, чрезвычайно легко возразить противъ этого совершенно обветшалаго реторическаго архаизма. „Такъ какъ содержаніе поэзіи—чувства, значитъ, другими словами, то, что художникъ сильно любилъ или ненавидѣлъ, то изъ сего неизбѣжно слѣдуетъ, что художникъ влагалъ въ произведеніе и свои личныя привязанности и отвращенія, а значитъ, вмѣстѣ съ ними, и тѣ идеи общества, націи, вѣка, которыми былъ непроизвольно со своей стороны одушевленъ. Оказывается, что собственно и не бываетъ нетенденціозныхъ произведеній. Если исключить всѣ въ какой бы то ни было степени тенденціозныя произведенія, какъ служебныя, какъ преслѣдующія цѣли не только красоты, но и морали, то въ выставочной витринѣ настоящаго художества, очутятся только бездѣлицы, только пустыя игрушки. Изъ этого большого затрудненія г. Боборыкинъ выпутывается съ трудомъ. Онъ съ нимъ справляется, какъ справился съ субъективизмомъ; онъ допускаетъ тенденцію, какъ одинъ изъ многихъ факторовъ творчества, но допускаетъ ее со всевозможными сокращеніями и ограниченіями. По этому случаю совершенно кстати замѣчаетъ г. Спасовичъ, что нельзя задаваться такими неразрѣшимыми вопросами, какъ „созданъ ли носъ для ношенія очковъ, или очки для украшенія носа?“

Будетъ ли, въ свою очередь, законна такая критика, которая, кромѣ элементовъ эстетическихъ и психологическихъ, вдается также въ разборъ элементовъ соціологическихъ? Имѣетъ ли право критика уяснять личныя привязанности автора, опредѣлять точно его идеи, выраженныя имъ образно и часто иносказательно, по-

казывать правдивость или лживость этихъ идей, способность или безнадежность распространенія ихъ; наконецъ, показать, какихъ людей авторъ вывелъ: живыхъ или мертвыхъ, возможныхъ или фантастическихъ? Если признавать законность идейныхъ тенденціозныхъ произведеній (а ихъ признаетъ даже г. Спасовичъ), то необходимо признать и соціологическую критику, которая бы раскрывала эти идеи, уясняла тенденцію автора, очищала ее отъ фальши, ошибокъ и замаскированной преднамѣренности. Такая критика законна еще и потому, что каждый читатель также именно относится къ каждому художественному произведенію: это есть свойство и потребность нашего разума—относиться ко всему безусловно въ большей или меньшей степени критически, не стѣсняясь рѣшительно никакими рамками. Г. Боборыкинъ можетъ издать законъ, ограничивающій литературную критику *должными* предѣлами, но онъ не можетъ къ душѣ читателя приставить квартальнаго надзирателя, чтобъ тотъ читалъ въ мысляхъ читателя. Г. Спасовичъ также замѣчаетъ, что „въ произведеніяхъ крупнѣйшихъ русскихъ романистовъ художественный умыселъ перемѣшанъ съ соціологическими грезами, причемъ иногда послѣднія преобладаютъ надъ первымъ, такъ что критика поставлена въ необходимость съ ними считаться", и онъ затрудняется отвѣтить, будетъ-ли когда-нибудь отдѣлено одно отъ другого, художественный умыселъ отъ грезъ, и даже желательно ли такое отдѣленіе?

Вообще, г. Боборыкинъ, придерживаясь своего эстетико-эволюціоннаго принципа, сдѣлалъ большіе шаги.... назадъ и въ сторону. Онъ не признаетъ ни романовъ національныхъ, ни романовъ историческихъ.

Но г. Спасовичъ надѣется, что авторъ въ дальнѣйшемъ продолженіи своего труда, а именно—„о русскомъ романѣ", отрѣшится отъ своихъ недостатковъ. Если г. Боборыкинъ дѣйствительно отрѣшится отъ недостатковъ, то не окажется въ наличности никакого *продолженія*.

Касаясь вопроса, постоянно поднимаемаго критикою о значеніи поэзіи Надсона и мѣстѣ его въ ряду русскихъ поэтовъ XIX вѣка, П. Ф. Гриневичъ (въ „Русскомъ Богатствѣ"), между прочимъ, сообщаетъ интересныя цифры объ изданіи стихотвореній Надсона, этого „пѣвца общественныхъ порывовъ и настроеній", который, какъ сейчасъ увидимъ, съ перваго своего появленія въ литературѣ и до сего дня продолжаетъ пользоваться успѣхомъ, не только не ослабѣвающимъ, но все растущимъ.

„8 марта 1885 г. вышло I изданіе въ количествѣ всего 600 экземпляровъ; въ январѣ и мартѣ слѣдующаго года напечатаны II и III изданія, по 1.000 экз. каждое. При жизни поэта разошлось, такимъ образомъ, всего 2.600 экз. его стихотвореній. Первое посмертное (IV по счету) изданіе вышло 19 февраля 1887 г. въ 1.000 экз.; напечатанное одновременно V изданіе состояло также изъ 1.000 экз. Слѣдующее (VI), такъ называемое солдатенковское, изданное на превосходной бумагѣ, вышло въ августѣ

1887 г. (т. е. полгода спустя) уже въ 4.500 экз. Ровно два мѣсяца спустя, понадобилось VII изданіе въ 6.000 экз. Въ такомъ же количествѣ печатались и слѣдующія десять изданій.

Семнадцатое изданіе было расхватано такъ быстро, что уже полгода спустя литературному фонду (собственнику стихотвореній) пришлось подумать о новомъ изданіи. Становилось очевиднымъ, что имя Надсона успѣло сдѣлаться на Руси классическимъ, извѣстнымъ наравнѣ съ лучшими именами литературы, что поэзія его стала близкой и понятной всякому болѣе или менѣе культурному человѣку, въ которомъ просыпается интересъ къ литературѣ и поэзіи.... Въ виду этого фондъ рѣшилъ отпечатать XVIII изданіе (которое и вышло въ маѣ 1900 г.), уже не въ *шести*, а въ *двѣнадцати тысячахъ* экземпляровъ... Такимъ образомъ, за короткій періодъ 15 лѣтъ было напечатано 87.100 экз. стихотвореній Надсона".

Авторъ полагаетъ, что столь широкое распространеніе стихотвореній Надсона заключается въ томъ значеніи его поэзіи, которое не зависитъ отъ даннаго времени и данныхъ историческихъ обстоятельствъ. Надсонъ былъ не только „пѣвцомъ больного поколѣнія", но и пѣвцомъ юности вообще, чистоты и свѣжести юнаго чувства, красоты дѣвственныхъ порываній къ идеалу. Раздвоенность, рефлексія внесли, несомнѣнно, свою законную долю въ острую, почти болѣзненную популярность Надсона въ концѣ 80-хъ годовъ, но главная притягивающая сила и непреходящая прелесть его поэзіи—въ томъ, что въ ней, какъ въ зеркалѣ, отразилась вѣковѣчная красота молодости. „Тревога юныхъ силъ", „боль за идеалъ и слезы о свободѣ", мечты о любви—не любви знойныхъ ночей и сладострастныхъ объятій, а любви—подвигѣ и молитвѣ, привязанность къ родинѣ до готовности стать ея «псомъ сторожевымъ», жизнь—«келья святая дѣвственныхъ думъ и завѣтныхъ трудовъ», всѣ эти трогательнѣйшіе мотивы надсоновской музы—не что иное, въ сущности, какъ мечты, наполняющія и волнующія всякую здоровую юность

Авторъ получилъ доступъ къ тетрадямъ поэта и пересмотрѣлъ всѣ оставшіеся послѣ него стихи. По мнѣнію автора, въ отысканныхъ имъ отрывкахъ и наброскахъ, можетъ быть, нельзя встрѣтить какихъ-либо шедевровъ надсоновской музы, того, что бросило бы неожиданно новый свѣтъ на его поэтическую личность, явилось бы серьезнымъ вкладомъ въ поэзію. Но сила таланта и искренности Надсона ярко бросаются въ глаза даже въ самыхъ незначительныхъ наброскахъ (въ 2—3 стиха), кинутыхъ бѣглою рукою на бумагу, забытыхъ тотчасъ же и оставленныхъ навсегда безъ окончанія, безъ отдѣлки, даже порой безъ соотвѣтствующей рифмы. Но по этимъ наброскамъ можно, до извѣстной степени уяснить процессъ творчества, „муки слова". Слѣды этой работы сохранились не столько въ видѣ помарокъ и надстрочныхъ поправокъ, сколько въ огромномъ числѣ списковъ одного и того же стихотворенія, слѣдующихъ во множествѣ одинъ за другимъ. Отсюда, слѣдуетъ ли вообще заключать, что писать стихами значитъ толковать объ *искуственности* стихотворной формы, иску-

ственности, доходящей до возможности писать стихи механически? Авторъ по этому поводу замѣчаетъ, что конечная цѣль стиховъ, какъ и прозы, не одни только красивые звуки, но и достигаемая ими поэзія. „Всякое искусство по самой природѣ своей искуственно и только отъ личныхъ свойствъ ума, склада душевной организаціи художника зависитъ, какому роду искусства онъ отдается, въ какія формы съ наибольшимъ удобствомъ и силой отольются его идеи, эмоціи, образы" для передачи мысли, чувства и настроенія художника другимъ людямъ. Очевидно, что одинъ изъ законовъ художественнаго творчества заключается въ простотѣ, легкости и доступности художественнаго произведенія. Естественно, предположить, что одни художники выливаютъ въ окончательную форму свои произведенія легко, а другіе мучительно, но результатъ можетъ получиться одинаковый.

Въ тетрадяхъ Надсона оказалось множество законченныхъ стихотвореній, которыя могли бы быть тогда же напечатаны. Но Надсонъ не торопился сдавать ихъ въ печатѣ, вѣроятно, признавая ихъ недостаточно совершенными. До такой степени онъ не довѣрялъ самъ себѣ и ревниво оберегалъ русскую литературу отъ всякой невыдержанной лишней строки. *Мукой слова* онъ постоянно терзался; ему казалось, что стихи его выражаютъ совсѣмъ не то, что онъ чувствовалъ на дѣлѣ и что хотѣлъ выразить, — отсюда эти безчисленныя поправки, эти неустанные поиски новыхъ болѣе точныхъ эпитетовъ и сравненій, новыхъ метровъ". Въ настоящее время нѣкоторыя изъ такихъ стихотвореній напечатаны въ „Русскомъ Богатствѣ", преимущество въ октябрской книжкѣ. Трудно догадаться, какія бы еще измѣненія могъ внести въ нихъ Надсонъ: до такой степени они закончены.

Въ октябрьской книжкѣ „Русской Старины" г. Н. Дубровинъ („Русская жизнь въ началѣ XIX в.") останавливается преимущественно на томъ моментѣ, когда вниманіе всего русскаго общества было сосредоточено на одномъ человѣкѣ, его замыслахъ и дѣйствіяхъ. Этимъ моментомъ былъ 1808 годъ, а человѣкомъ—Наполеонъ, достигшій къ тому времени вершины своего могущества и славы. Замыслы его на Россію уже не составляли секрета. Вся Европа была ему прямо или косвенно подчинена; внѣ сферы его вліянія оставались только Англія и Россія, на подчиненіе которыхъ онъ смотрѣлъ только какъ на вопросъ времени, а въ геніѣ своемъ, который ему еще не измѣнялъ, онъ не сомнѣвался. Надвигающуюся опасность всѣ предвидѣли. Въ это время Россіей была объявлена война со Швеціей. Объявленіе было встрѣчено не только не сочувственно, но съ нѣкоторымъ ропотомъ. „Всѣ страшились навязанныхъ Россіей войнъ, съ Швеціей и Англіей, имѣя на рукахъ еще двѣ: съ Турціей и на Кавказѣ съ Персіею и горцами". „Всѣ были увѣрены, что и теперь Наполеонъ, желая только ослабить Россію, не допуститъ ее къ какимъ-либо пріобрѣтеніямъ, а безъ нихъ новая война является только бременемъ и разстройствомъ". Въ сдавленной Германіи образовались противъ Наполеона тайныя общества. Для поддержанія ненависти къ Напо-

леону и въ виду все увеличивающихся опасностей, нѣкоторые русскіе патріоты приняли на себя роль общественныхъ будильниковъ. Въ этой роли, между прочимъ, выступилъ С. Н. Глинка, начавшій періодическое изданіе „Русскій Вѣстникъ". Задачей изданія, какъ говорилось въ объявленіи, будетъ защита всего отечественнаго и порицаніе рабскаго поклоненія иностранному. „Русскій Вѣстникъ" былъ встрѣченъ всеобщимъ сочувствіемъ; гр. Растопчинъ предложилъ себя въ сотрудники, въ журналъ посыпались статьи, совѣты и пожеланія. Глинка былъ именно тотъ человѣкъ, котораго какъ будто ожидали на этомъ посту. Сильные міра не страшили его, онъ никогда и ничего не искалъ у нихъ, при каждомъ случаѣ высказывалъ свой независимый характеръ, и менѣе всего, конечно, его страшилъ Наполеонъ. Такимъ образомъ, съ выходомъ „Русскаго Вѣстника" была объявлена война повелителю Франціи. „Если неисповѣдимыми творческими судьбами, говорилъ Глинка, назначено когда-нибудь возгорѣться войнѣ между Россіей и Франціей, то Россія явится во всеоружіи". „Не угнетая чужихъ земель, не разоряя себя, Россія можетъ содержать въ мирное время милліонъ войска". Патріотизмъ Глинки и вѣра въ русскую мощь у Глинки были безграничны. Воейковъ въ своей извѣстной поэмѣ „Домъ сумасшедшихъ" такъ охарактеризовалъ Глинку:

„Нумеръ третій: на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ;
Передъ нимъ „духъ русскій" въ склянкѣ
Не закупоренъ стоитъ.
„Книга Кормчая" отверзта
И уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены".

Книжки „Русскаго Вѣстника" читались нарасхватъ, возбуждали народный духъ и разжигали нерасположеніе не только къ Наполеону, но и къ представителямъ его въ Россіи, да и вообще къ французамъ. „Императоръ Александръ I, по ненависти къ Наполеону, долженъ былъ втайнѣ сочувствовать такому направленію общества, но, считая его рановременнымъ, не поощрялъ его и въ то же время не запрещалъ, а ограничивался молчаніемъ". Между тѣмъ, зоркіе глаза Наполеона и его представителей въ Россіи не упускали ничего изъ вида. Французскій посолъ въ Петербургѣ, Коленкуръ, приказалъ перевести нѣсколько статей изъ „Русскаго Вѣстника" и пожаловался государю.

— Я не мѣшаюсь въ печатныя мнѣнія моихъ подданныхъ, отвѣчалъ государь,—это дѣло цензуры.

Событія шли, однако, своимъ чередомъ, и, разумѣется, не печати того времени было остановить ихъ. Состоялось знаменитое эрфуртское свиданіе, на которомъ узы, соединяющія дружбу двухъ императоровъ, сдѣлались еще крѣпче и неразрушимѣе. Такъ писалъ одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Всѣ русскіе журналы и газеты такъ же, какъ и иностранные, были переполнены извѣстіями объ *искренней дружбѣ императоровъ*.

Бдительность цензуры была страшно усилена: изъ снисходительной она сдѣлалась строгой и придирчивой. И при такихъ-то условіяхъ Глинка не остановился и продолжалъ свою дѣятельность. Можно себѣ вообразить, сколько заключалось траги-комическаго въ упорной взаимной борьбѣ между Глинкою и цензурою. Глинка успокоился только тогда, когда владычество Наполеона повсюду окончилось. Скончался тогда же и „Русскій Вѣстникъ".

Во второй изъ указанныхъ книжекъ журнала авторъ сообщаетъ о первыхъ самостоятельныхъ шагахъ Сперанскаго на поприщѣ преобразованій. Были изданы новыя правила о чинопроизводствѣ. Сперанскій быстро вошелъ въ силу и занялъ мѣсто въ рядахъ тогдашней знати. Разумѣется, эта знать принуждена была терпѣть его, какъ человѣка близкаго къ государю. Но каково же было ея удивленіе и озлобленіе, когда она узнала, что авторъ этихъ правилъ не кто иной, какъ Сперанскій, дьячекъ и... конечно, революціонеръ! Но Сперанскій не слушался. Указомъ 3 апрѣля 1809 г. повелѣно было всѣмъ камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, не состоявшимъ въ дѣйствительности на военной и гражданской службѣ, пріискать таковую втеченіе двухъ мѣсяцевъ или быть уволенными въ отставку. 9 августа появился указъ, поразившій даже и тѣхъ, кто защищалъ Сперанскаго. Указомъ устанавливались правила о производствѣ гражданскихъ чиновниковъ въ чинъ коллежскаго асессора и выше... по предъявленіи свидѣтельства отъ одного изъ состоящихъ въ имперіи университетовъ, что онъ обучался въ ономъ съ успѣхомъ наукамъ, гражданской службѣ свойственнымъ. А указомъ 10 августа повелѣно было всѣхъ камергеровъ и камеръ - юнкеровъ, незаявившихъ желанія поступить на дѣйствительную службу, числить въ отставкѣ.

Намъ теперь понятны мѣры Сперанскаго, въ особенности изложенная въ указѣ 6 августа. Эта мѣра „была вызвана необходимостью обновить администрацію какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. До тѣхъ поръ Россія управлялась малограмотнымъ чиновничьимъ міромъ, во многихъ мѣстахъ государства извѣстнымъ подъ именемъ міроѣдовъ и вышедшимъ, можно сказать, изъ *ничтожества*". Но тогда, когда знать смотрѣла на *казенныя мѣста*, какъ на неотъемлемую привиллегію, когда *ничтожество* смотрѣло на всѣ пути, ведущіе къ кормленію и почету, какъ на законные, тогда новшество Сперанскаго всѣ встрѣтили, какъ покушеніе революціонера съ цѣлію поколебать устои государства. Одинъ дворянинъ изложилъ свой взглядъ на этотъ предметъ въ стихотвореніи, озаглавленномъ „Мысли унылаго дворянина:

„Отъ Рюрика до днесь дворянъ не утѣсняли,
За то Россію всѣ владычицей считали.
Коль грамотѣ кто зналъ, доволенъ былъ и тѣмъ,
Но правда и законъ былъ общій всѣмъ.
Геройство, подвигъ, трудъ—трофеи созидали
И въ общемъ счастье всѣ свое считали...
Гдѣ Вѣна, гдѣ Парижъ,—хотя того не знали,
Но быть подпорой всѣ отечества желали...

А сынъ поповскій днесь, какъ мыльный шаръ летая,
У счастья подъ рукой, цѣны трудамъ не зная,
Науки вводитъ онъ, невѣжей бывши самъ.
Гдѣ гибель общая, онъ ищетъ счастья тамъ,
Искуственнымъ мечомъ Россію поражая.
Худой политикъ бывъ и дѣлъ совсѣмъ не зная,
Невѣдѣнья завѣтъ у всѣхъ онъ хочетъ снять".

Даже Карамзинъ называлъ указъ объ экзаменахъ несчастнымъ.— Злопыхательство дошло до того, что Сперанскому стали „приписывать, какъ бы стороннику Наполеона, прямое участіе во всѣхъ послѣдующихъ политическихъ невзгодахъ". Извѣстно, что на этомъ пути цѣль враговъ Сперанскаго была достигнута.

И. М.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Записки англичанина о 14 декабря.—Дворецъ и дворъ въ Византіи при императорѣ Юстиніанѣ Великомъ.—Наполеонъ и Жозефина Богарне.—Неудавшіеся переговоры о женитьбѣ Наполеона I на русской великой княжнѣ.—Изъ переписки прусской королевы Луизы съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Стрелецкимъ.

Въ послѣдней книжкѣ лондонскаго Cornhill Magazine помѣщенъ нелишенный нѣкотораго интереса для русскихъ читателей отрывокъ изъ дневника англійскаго путешественника Charles Earle, посѣтившаго въ 1825—26 гг. Данію, Швецію и Россію. Можно лишь пожалѣть, что г-жа Earle, напечатавшая эти отрывки, сочла, по ея собственнымъ словамъ, нужнымъ чрезвычайно сильно сократить многія мѣста дневника, находя ихъ мало интересными для англійскихъ читателей. Авторъ дневника отличается незаурядной наблюдательностью и точностью описаній, и можно думать, что, благодаря „сокращеніямъ", читатели лишены многихъ любопытныхъ бытовыхъ подробностей.

Петербургъ того времени произвелъ на путешественника сильное впечатлѣніе, какъ можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ его дневника:

„*Октября 6, 1825 г.* По мѣрѣ нашего приближенія къ С.-Петербургу увеличивалось наше желаніе поскорѣе увидать этотъ знаменитый городъ; но, не смотря на то, что мы пользовались всякимъ попадавшимся по пути холмомъ—нельзя было увидать ничего кромѣ необозримой равнины, плохо культивированной, мало населенной и вообще ничѣмъ не указывающей на близость большого города. Но вотъ, наконецъ, мы достигли Невы, и я велѣлъ возницѣ остановиться, чтобы обозрѣть величественный городъ. Ничто, видѣнное мной до сихъ поръ, не можетъ сравниться съ coup d'oeil этого города. Все, на чемъ останавливаются взоры, поражаетъ своимъ величіемъ: берега рѣки, украшенные великолѣпными дворцами, Адмиралтейство съ его золоченымъ шпилемъ, словомъ, все какъ будто нарочно создано для того, чтобы произвесть глубокое впечатлѣніе на умъ зрителя".

Дальше напечатанъ отрывокъ, описывающій возстаніе декабристовъ и подавленіе его.

„9-го декабря (н.с.) до столицы дошла печальная вѣсть о кончинѣ императора: извѣстіе объ его болѣзни и о кончинѣ получены были почти одновременно. Казалось, всѣ были поражены этимъ прискорбнымъ событіемъ, ибо покойный императоръ былъ любимъ всѣми классами общества.

„На слѣдующее утро войска принесли присягу великому князю Константину. Начиная съ этого дня, вплоть до возвращенія курьера изъ Варшавы (25 декабря) умы русской публики были въ значительной степени заняты вопросомъ о престолонаслѣдіи, такъ какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что великій князь Константинъ формально заявилъ о намѣреніи отказаться отъ престола въ пользу своего брата Николая. Утромъ 25 декабря было торжественно объявлено во всеобщее свѣдѣніе объ отреченіи великаго князя Константина, а 26 декабря (т. е. 14 дек. с. ст.) былъ опубликованъ манифестъ новаго императора. Въ тотъ-же день государственный совѣтъ, сенатъ и святѣйшій синодъ принесли присягу на вѣрность императору Николаю. Около половины 12-го ч. полковники кавалергардскаго, конно-гвардейскаго, преображенскаго и другихъ 6-ти полковъ донесли, что солдаты ихъ полковъ принесли присягу. То обстоятельство, что не было одновременно получено подобныхъ же донесеній изъ другихъ полковъ сначала объяснялось отдаленностью положенія изъ казармъ. Но въ 12-мъ часу дня во дворцѣ были получены свѣдѣнія объ арестѣ нѣсколькихъ офицеровъ конной артиллеріи, выказавшихъ оппозицію въ вопросѣ о принесеніи присяги.

Какъ разъ въ этотъ моментъ я проходилъ по Исаакіевской площади, направляясь въ англійскую библіотеку. На площади было много народа, сильно шумѣвшаго. Я спросилъ сопровождавшаго меня лакея—въ чемъ дѣло? и онъ объяснилъ мнѣ, что народъ чествуетъ новаго императора. Считая подобное явленіе въ порядкѣ вещей, я не обратилъ на него особаго вниманія и продолжалъ свой путь. Не успѣлъ я провести десяти минутъ въ библіотекѣ, какъ въ нее вбѣжала полумертвая отъ страха жена библіотекаря и сказала мнѣ, что на улицахъ сражаются солдаты и что полиція приказала закрыть входы во всѣхъ мѣстахъ, посѣщаемыхъ публикой. При выходѣ изъ библіотеки я встрѣтилъ самого библіотекаря, сообщившаго мнѣ, что убитъ графъ Милорадовичъ. Я немедленно сѣлъ въ сани и направился къ мѣсту происшествія, но нашелъ всѣ проходы, ведущіе къ площади, занятыми полиціей. Не получивъ разрѣшенія проѣхать черезъ площадь, я отправился домой окольной дорогой, но на пути встрѣтилъ графа Дёрнбера (Doernbers), который разыскивалъ лорда Стрэнгфорда (Lord Strangford). Онъ сѣлъ въ мои сани и мы вмѣстѣ отправились въ Hotel de Londres, гдѣ нашли лорда Стрэнгфорда, бывшаго свидѣтелемъ паденія графа Милорадовича съ лошади. Мы всѣ трое отправились обратно на площадь. Было уже околу часа и Московскій полкъ, отказавшійся присягать, выстроился на площади. Императоръ, неограждённый никѣмъ, вышелъ изъ дворца

и былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ толпами, собравшимися на улицахъ. Но вскорѣ сдѣлалась очевидной необходимость привлеченія къ дѣлу войскъ, и императоръ во главѣ батальона преображенскаго полка направился къ возмутившимся войскамъ. Говорили, что онъ рѣшился не прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, пока не будутъ испробованы пути умиротворенія. Вскорѣ на площади появилось еще нѣсколько полковъ, такъ какъ приходилось противопоставлять силу силѣ. Толпа, собравшаяся на площади, начала дѣлаться очень буйной и, сломавъ полисадникъ напротивъ Исаакіевскаго собора, вооружалась копьями и, окруживъ полковника конной гвардіи, угрожала его жизни. Было очевиднымъ, что настроеніе толпы и возмутившихся полковъ таково, что приходилось отказаться отъ всякихъ попытокъ къ умиротворенію, и кавалергардамъ было приказано идти въ аттаку. Они были встрѣчены со стороны мятежниковъ залпомъ. Возлѣ того мѣста, гдѣ я стоялъ съ княземъ Шварценбергомъ, лошадь была ранена пулей въ плечо и солдату стоило не малыхъ трудовъ вывести бѣдное животное изъ рядовъ. Надо отдать справедливость императору: онъ прибѣгъ къ крайнимъ мѣрамъ, лишь испытавъ другія средства. Лишь послѣ того какъ увѣщанія митрополита оказались тщетными и мятежники дали нѣсколько залповъ по войскамъ, императоръ рѣшилъ пустить въ ходъ средства, которыя положили быстрый конецъ дѣлу. Эта рѣшительность была тѣмъ болѣе необходима, что уже начинало темнѣть. Были привезены пушки, заряженныя картечью. Въ надеждѣ испугать мятежниковъ первый залпъ былъ сдѣланъ по очень высокому прицѣлу и картечь пронеслась надъ ихъ головами, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ знаки на стѣнахъ зданія сената. Но въ виду того,что толпа не расходилась, слѣдующій залпъ былъ направленъ прямо въ карре мятежныхъ войскъ. Разстояніе было не болѣе 100 ярдовъ, такъ что легко представить—какой эффектъ произвела картечь, направленная въ компактную массу войскъ. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовала кавалерійская аттака; толпа и мятежныя войска разбѣжались во всѣ стороны и были преслѣдуемы кавалеріей и конной гвардіей, гнавшимися за ними съ обнаженными саблями. Навсегда останется тайной—сколько жертвъ вызвало это возстаніе, такъ какъ тѣла убитыхъ были немедленно спущены въ Неву подъ лёдъ. Сынъ содержателя извозчичьихъ экипажей, у котораго я нанималъ свой экипажъ, палъ жертвой любопытства; многіе съ трудомъ избѣжали подобной-же участи. Войска, принимавшія участіе въ подавленіи возстанія, расположились бивуаками на всѣхъ главныхъ улицахъ и площадяхъ. Ночью въ городѣ царила полная тишина, нарушаемая лишь окликами часовыхъ и говоромъ солдатъ, грѣвшихся вокругъ костровъ. На слѣдующее утро войска, принимавшія участіе въ возстаніи, были собраны напротивъ адмиралтейства, и императоръ возвратилъ имъ знамена, отобранныя у нихъ. На снѣгу, посреди площади былъ воздвигнутъ аналой, и митрополитъ отслужилъ молебствіе.“

Послѣ этого интереснаго разсказа идутъ выдержки изъ дневника, въ которыхъ описывается путь изъ Петербурга въ Москву, самая Москва, гдѣ авторъ дневника пробылъ шесть мѣсяцевъ;

вслѣдъ затѣмъ онъ отправился въ Одессу, съ рекомендательными письмами княгини Зинаидѣ Волконской, которую онъ называетъ „La Corinne du Nord". Къ сожалѣнію, издательница дневника не приводитъ выдержекъ, касающихся Одессы и гр. Воронцова, ограничиваясь лишь замѣчаніемъ, что эта часть дневника очень объемиста и интересна.

Когда въ началѣ IV столѣтія Константинъ Великій избралъ своею резиденціею Византію, онъ построилъ тамъ великолѣпный дворецъ, который былъ расширенъ его преемниками и еще болѣе украшенъ во времена Юстиніана и Ѳеодоры. Отъ этихъ великолѣпныхъ построекъ нынѣ не осталось почти никакихъ слѣдовъ въ Константинополѣ, лишь по дошедшимъ до насъ историческимъ даннымъ есть возможность хотя приблизительно составить себѣ представленіе о дворцахъ и другихъ постройкахъ временъ Юстиніана и Ѳеодоры [1]). Разумѣется, они не могли походить на такія зданія, какъ напримѣръ Тюльерійскій дворецъ, но скорѣе всего напоминали московскій Кремль, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи были окружены (въ X вѣкѣ) высокою стѣною. Подъ императорскимъ дворцомъ въ Византіи подразумѣвался цѣлый рядъ разнообразныхъ зданій: дворцовъ, церквей, отдѣльныхъ пріемныхъ залъ, часовенъ, бань, гипподрома, казармъ для дворцовой стражи и высокихъ открытыхъ террасъ на колоннахъ, соединявшихъ всѣ эти постройки между собою. Особенно блестящій и великолѣпный видъ принялъ императорскій дворецъ при Юстиніанѣ, который, послѣ бывшаго въ Византіи огромнаго пожара, истребившаго и часть дворца, не только возстановилъ сгорѣвшія зданія, но расширилъ и украсилъ ихъ еще пышнѣе и богаче. Всѣ эти постройки расположены были кругомъ обширной площади, носившей названіе Августеонъ (Augustéon). На сѣверѣ находился соборъ св. Софіи, на юго-востокѣ гипподромъ и термы Зейксиппа, на западѣ зданіе сената, на юго-западѣ дворецъ Магнавръ и на югѣ императорскій дворецъ. Такимъ образомъ Августеонъ являлся какъ бы обширнымъ внутреннимъ дворомъ—„площадью св. Марка въ Костантинополѣ". Посрединѣ площади возвышалась колоссальная бронзовая конная статуя Юстиніана на высокомъ подножіи изъ бѣлаго мрамора. Императоръ былъ изображенъ смотрящимъ на востокъ: въ лѣвой рукѣ у него держава, а правой рукой онъ указываетъ на востокъ, „какъ бы угрожая—говоритъ историкъ Прокопъ, современникъ Юстиніана—варварамъ, чтобы они не выходили изъ своихъ границъ". Статуя была такъ велика, что одна нога была больше человѣческаго роста.

Передъ зданіемъ сената Юстиніанъ воздвигъ великолѣпный портикъ, поддерживаемый шестью колоннами изъ бѣлаго мрамора и украшенный статуями. На юго-западной сторонѣ площади подъ портикомъ находилась тяжелая желѣзная дверь, которая вела въ роскошный вестибюль—полукруглый дворъ, обнесенный солидною рѣшеткою; за нимъ находился обширный залъ съ куполомъ, воз-

---

[1]) Grande Revue № 12 Декабрь 1900 года. Figures byzantines par Charles Diehl.

обновленный Юстиніаномъ въ 538 году. Прокопъ въ своей книгѣ „о постройкахъ“ даетъ нѣкоторое представленіе о великолѣпіи этого зала: полъ былъ устланъ блестящимъ мраморомъ, нижняя часть стѣнъ покрыта разноцвѣтными камнями, а самыя стѣны сплошной мозаикой, представлявшей различные военные подвиги Юстиніана и его полководцевъ. Другая дверь двустворчатая бронзовая (изъ вестибюля) вела въ обширныя помѣщенія, предназначавшіяся, вѣроятно, для дворцовой стражи; за ними былъ императорскій дворецъ. Первая замѣчательная въ немъ тронная зала, носившая названіе консисторіонъ (Consistorion). Со стороны наружнаго двора въ нее вели три двери изъ слоновой кости, задрапированныя внутри тяжелыми шелковыми занавѣсками. Стѣны консисторіона покрыты были драгоцѣнными металлами, а полъ великолѣпными пушистыми коврами. Въ глубинѣ залы, на возвышеніи изъ порфира, находился императорскій тронъ, весь изъ драгоцѣнныхъ камней и золота, подъ золотымъ балдахиномъ на четырехъ колоннахъ. За трономъ три бронзовыя двери, ведущія во внутренніе парадные покои. Отсюда являлся Юстиніанъ въ консисторіонъ, въ сопровожденіи императрицы и придворной свиты, въ торжественные дни или пріема иностранныхъ пословъ. Великолѣпіе и пышность тронной залы были таковы, что чужеземные послы, какъ утверждали современные историки, приходили въ восторгъ и думали, что находятся въ раю. Возлѣ консисторіона находилась другая роскошная зала—триклиніонъ. Въ ней давались пышныя празднества въ честь иностранныхъ пословъ и высокихъ государственныхъ мужей и полководцевъ; также служила она и для нѣкоторыхъ торжественныхъ церемоній, какъ напримѣръ коронованія императрицы, или выставленія тѣла умершаго императора. Вблизи триклиніона находилась церковь Спасителя, которая до IX-го столѣтія считалась часовнею при дворцѣ. Кромѣ того, было еще нѣсколько пріемныхъ залъ во дворцѣ Дафны съ прекрасной галлереей, съ которой видна была статуя нимфы Дафны, привезенная Константиномъ Великимъ изъ Рима. Отъ статуи получила названіе и вся эта часть дворца.

Изъ описанія видно, что всѣ эти зданія заключали въ себѣ лишь парадныя комнаты и залы, и слѣдовательно личные императорскіе покои находились въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ; и дѣйствительно, между дворцомъ Дафны и моремъ въ обширныхъ садахъ въ IX столѣтіи были видны еще два небольшихъ дворца, въ которыхъ кромѣ пріемныхъ залъ были помѣщенія, предназначенныя для интимной жизни императорской фамиліи. Но при императорахъ Өеофилѣ и Василіи они такъ были перестроены, что представить себѣ расположеніе ихъ во времена Юстиніана и Өеодоры положительно невозможно.

Передъ вступленіемъ своимъ на престолъ Юстиніанъ жилъ на берегу моря въ небольшомъ домикѣ-дворцѣ, который впослѣдствіи онъ разукрасилъ и присоединилъ къ дворцовымъ постройкамъ. Еще и теперь на берегу Мраморнаго моря, невдалекѣ отъ церкви св. Сергія, видны развалины этого дворца и обширные своды,

оставшіеся отъ галлерей, соединявшихъ домикъ Юстиніана съ главнымъ дворцомъ.

Вообще всѣ дворцы были соединены между собою открытыми воздушными террасами, съ которыхъ открывался чудный видъ на море; кромѣ того дворецъ Магнавръ имѣлъ сообщеніе съ соборомъ св. Софіи и дворецъ Дафны съ гипподромомъ.

Императоръ Юстиніанъ и Ѳеодора были низкаго рода и, хотя они быстро свыклись съ новымъ положеніемъ, но все таки старались окружить себя необычайною пышностью и строгимъ церемоніаломъ, чтобы внушить къ себѣ уваженіе по крайней мѣрѣ наружное. Въ прежнія времена доступъ къ императору былъ довольно свободный, но Юстиніанъ установилъ, чтобы при оффиціальныхъ выходахъ всѣ, безъ различія званія и положенія, падали предъ нимъ и его супругою ницъ и цѣловали край царской мантіи, называя себя при этомъ вѣрными рабами ихъ величествъ.

У императора Юстиніана былъ свой многочисленный придворный штатъ, у императрицы свой. Тутъ были и министръ двора (praepositus sacri cubiculi) множество камергеровъ (cubicu-lares), веститоры, референдаріи, секретари и многіе другіе. Затѣмъ слѣдовали высшіе государственные сановники: рефектъ Восточной области, который управлялъ большею половиною имперіи и сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ завѣдываніе законодательною частью, административною, юстиціею и финансами; градоначальникъ, министры: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ, финансовъ; начальники императорской гвардіи, полководцы и другіе. Какъ придворные чины, такъ и всѣ сановники принимали всегда участіе во всѣхъ торжествахъ во дворцѣ.

Наполеонъ женился на графинѣ Жозефинѣ Богарне при странныхъ условіяхъ; бракъ ихъ не былъ освященъ церковью, а одними лишь гражданскими законами [1]). И хотя Наполеонъ вѣрилъ въ таинство брака, любилъ свою будущую жену и желалъ бы крѣпче связать себя съ нею, потому что Жозефина принадлежала къ высшему кругу стараго режима, а онъ хотѣлъ войти въ это высшее общество, но не смѣлъ настаивать; онъ былъ еще очень молодъ, неопытенъ и слишкомъ провинціаленъ. Между тѣмъ Жозефина знала чего хотѣла: такой гражданскій бракъ ни къ чему ее не обязывалъ, и она всегда могла разойтись съ мужемъ. Въ молодомъ корсиканцѣ она видѣла талантливаго генерала, которому улыбалось счастье, вотъ и все; она не любила его и доказала это своимъ поведеніемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы Наполеонъ уѣхалъ къ своей арміи въ Италію; послѣдовалъ рядъ славныхъ побѣдъ. Однако скоро онъ привыкъ къ славѣ и сталъ скучать по своей горячо любимой супругѣ и звать ее къ себѣ, но Жозефина выше всего ставила удовольствія и жизнь въ Парижѣ. Она не можетъ оторваться отъ нихъ и не внемлетъ его просьбамъ. Наконецъ, послѣ долгихъ отговорокъ, Жозефина принуждена ѣхать къ мужу,

---

[1]) Revue de Paris отъ 15-го ноября 1900 года.

тѣмъ болѣе, что этого требуетъ и директорія, опасаясь, что Наполеонъ броситъ свое побѣдоносное войско и самъ пріѣдетъ къ женѣ. Жозефина съ плачемъ усаживается въ карету, плачетъ въ дорогѣ и не потому, что оставила своихъ дѣтей, или любовника, нѣкоего г-на Шарля, котораго она взяла съ собой, а ей жалко Парижъ, ей жаль разставаться съ веселой жизнью, которую она вела въ Парижѣ благодаря не деньгамъ мужа, ихъ не было, а открытому безграничному кредиту, предоставленному ей побѣдами Наполеона. Вотъ она въ Италіи со своимъ Шарлемъ. Но Наполеонъ уже вернулся въ Парижъ и ждетъ ее. Жозефина не понимаетъ, она не можетъ понять, что съ каждымъ днемъ, съ каждой новой побѣдой Бонапартъ превращается изъ маленькаго якобинца въ героя-освободителя, что слава его растетъ все больше и больше, и онъ дѣлается руководителемъ народа. Наполеонъ удивляется, что жена его не ѣдетъ, но „погода плохая, ужасныя дороги", и онъ вѣритъ и ничего не подозрѣваетъ.

Наполеонъ уѣхалъ въ Египетъ, Жозефина довольна, она почти открыто живетъ съ г. Шарлемъ. Она уже начинаетъ поговаривать о разводѣ съ Наполеономъ. Дурныя извѣстія изъ Египта, слухи о плѣненіи Наполеона и объ его смерти побуждаютъ Жозефину принимать мѣры предосторожности: всѣ драгоцѣнности она отдаетъ на храненіе своимъ друзьямъ.

Женясь на Жозефинѣ, Наполеонъ зналъ, что у нея были любовники, онъ не убѣжденъ былъ, что и послѣ свадьбы ихъ не было. Но онъ не угрожаетъ Жозефинѣ, не предъявляетъ ей никакихъ требованій, онъ лишь умоляетъ ее быть вѣрной ему. Онъ все еще чувствуетъ ея превосходство надъ собою и боится прослыть ревнивцемъ, боится скомпрометировать себя передъ обществомъ.

Но въ Египтѣ дѣло приняло другой оборотъ „Завѣса спала съ моихъ глазъ", пишетъ Наполеонъ своему брату Іосифу. Откуда онъ узналъ про Жозефину? Это объясняетъ письмо Евгенія Богарне къ матери, въ которомъ онъ писалъ: „Бонапартъ уже пятый день очень грустенъ и печаленъ, и это случилось послѣ разговора съ Жюльеномъ, Жюно [1]) и самимъ генераломъ Бертье. По всему видно, что дѣло касается Шарля; онъ будто-бы доѣхалъ въ твоей каретѣ до ближайшей станціи къ Парижу; ты видѣлась съ нимъ въ Парижѣ, даже сидѣла съ нимъ вмѣстѣ въ ложѣ въ театрѣ. Я, разумѣется, нисколько всему этому не вѣрю, но генералъ очень раздраженъ. Со мною однако сталъ еще любезнѣе, какъ будто хочетъ этимъ показать, что дѣти молъ невиновны въ ошибкахъ матери. Но твой сынъ все-таки думаетъ, что все это однѣ сплетни, выдуманныя твоими врагами. Онъ любитъ тебя не меньше прежняго и также горячо желаетъ обнять тебя. Надѣюсь, что все будетъ позабыто".

И теперь Наполеонъ не вполнѣ былъ убѣжденъ въ виновности своей жены. Онъ страдалъ, возмущался, но сомнѣвался. Нужны были болѣе вѣрныя доказательства, или же долгая разлука и

[1]) Жюльенъ и Жюно преданные адъютанты Наполеона.

развлеченія съ другой женщиной, чтобы у него явилась мысль о разводѣ какъ о необходимости. И кто знаетъ, что было, если бы въ это время у г-жи Фуре явился ребенокъ, котораго такъ желалъ Наполеонъ?

По возвращеніи изъ Египта Бонапартъ простилъ Жозефину, онъ не могъ устоять передъ старою любовью, но и забыть всего также не былъ въ состояніи. Кромѣ того, его начала безпокоить мысль о неимѣніи дѣтей. Тогда у Наполеона начинаетъ зарождаться мысль о разводѣ, но онъ все еще не высказывается, объ освященіи своего брака церковнымъ обрядомъ тоже не упоминаетъ, несмотря на намеки Жозефины. Теперь уже Жозефина заискиваетъ у Наполеона, она хочетъ имѣть отъ него дѣтей, совѣтуется съ докторами, пьетъ воды, но ничто не помогаетъ; она съ ужасомъ вспоминаетъ, что уже не молода (родилась 23-го іюня 1763 г.), но сознаться въ этомъ ей трудно: она имѣла дѣтей отъ перваго брака, слѣдовательно не она, а Наполеонъ неспособенъ къ супружеской жизни. Жозефина доходитъ до того, что готова пожертвовать честью своей дочери Гортензіи, вышедшей замужъ за брата Наполеона, Людовика Бонапарта короля голландскаго. Наконецъ Жозефина начинаетъ ревновать ко всѣмъ мужа и, подъускиваемая родными Наполеона, дѣлаетъ ему сцену за сценой. Наполеонъ волнуется, выходитъ изъ себя, бросаетъ ей упреки и намекаетъ на разводъ. Но вспышка проходитъ, онъ догадывается объ интригахъ своей сестры Каролины и братьевъ и, чтобы „насолить" имъ, вдругъ рѣшаетъ короновать свою супругу. Однако, прежде чѣмъ короноваться, нужно освятить церковью свой бракъ съ Жозефиной, Наполеонъ соглашается и на это. Между тѣмъ интриги со стороны братьевъ и сестеръ еще болѣе усилились: они хотятъ во что бы то ни стало быть наслѣдниками. Наконецъ Наполеонъ, утомленный интригами, перессорился со всѣми своими родными и рѣшилъ, что наслѣдниками должны быть Богарне, и усыновилъ Евгенія.

1805 и 1806 годы Жозефина провела относительно спокойно, была счастлива, казалось, положеніе ея упрочилось. Но въ концѣ 1806 года спокойствіе Жозефины было нарушено: „у Гортензіи родился 13-го декабря сынъ Леонъ, слѣдовательно въ способности Наполеона къ брачной жизни сомнѣваться было нельзя". Императоръ перенесъ на ребенка все свое отцовское чувство, всю нѣжность и сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ. Но черезъ пять мѣсяцевъ сынъ Гортензіи умеръ отъ крупа въ Гаагѣ. Это событіе окончательно рѣшило участь Жозефины: у Наполеона не только утвердилась мысль о разводѣ, но онъ началъ уже думать и о выборѣ новой себѣ супруги.

Задумавъ развестись съ Жозефиною, Наполеонъ первымъ долгомъ обратилъ свое вниманіе на Россію. Послѣ заключенія въ Тильзитѣ политическаго союза съ императоромъ Александромъ, онъ думалъ укрѣпить этотъ союзъ еще болѣе брачными узами

съ русскою великою княжною[1]). Онъ былъ убѣжденъ, что очаровалъ императора Александра, и поэтому полагалъ, что стоитъ ему захотѣть, стоитъ лишь сказать одно слово и ему отдадутъ великую княжну. Онъ даже не подозрѣвалъ, что дѣло это зависитъ собственно не отъ государя, а отъ императрицы-матери, кромѣ того, отъ согласія самой невѣсты и отъ придворныхъ сферъ. Вообще Наполеонъ слишкомъ мало зналъ Россію, ея нравы и обычаи. Онъ судилъ объ императорѣ Александрѣ по себѣ и глубоко ошибался въ разсчетахъ.

Въ это время въ Парижѣ были двѣ партіи: Фуше интриговалъ противъ Жозефины и стремился развести супруговъ, напротивъ Талейранъ на этотъ разъ боролся за Жозефину. Разумѣется, какъ для Фуше, такъ и для Талейрана интересы Жозефины были не причемъ: Фуше старался развести и женить Наполеона, чтобы заручиться вліяніемъ въ будущемъ; что касается Талейрана, то въ его дѣйствіяхъ трудно разобраться, вѣрнѣе всего, что онъ замаскировалъ свои настоящія стремленія — онъ видѣлъ, что Францiя долго не выдержитъ завоевательной системы Наполеона, поэтому нужно было или пересилить императора, заставить его дѣйствовать иначе, или низвергнуть его. Можетъ быть, Тайлеранъ уже задумывалъ провести свои планы при помощи Россіи, почему и хотѣлъ расположить въ свою пользу русскаго государя, и чтобы понравиться ему, старался облегчить государю выходъ изъ затруднительнаго положенія при сватовствѣ Наполеона. По крайней мѣрѣ въ Эрфуртѣ Талейранъ прямо обратился къ государю со слѣдующими словами, чтобы заявить Александру о своихъ отношеніяхъ къ Наполеону, Франціи и Европѣ: „Государь, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Ваше дѣло спасать Европу; но достигнуть этого вы можете только борьбою съ Наполеономъ. Французскій народъ цивилизованъ, а его государь варваръ; русскій государь человѣкъ цивилизованный, а народъ его варварскій; и такъ, русскій государь долженъ быть союзникомъ французскаго народа".

Между тѣмъ слухи въ Европѣ о разводѣ Наполеона и сватовствѣ его въ Россіи становились все упорнѣе. Говорили, что Савари вернулся изъ Петербурга и привезъ уже подписанныя условія о бракѣ Наполеона съ русскою великою княжною; другіе сообщали, что вице-король Евгеній ѣдетъ изъ Италіи за матерью, а Талейранъ отправляется въ Петербургъ за невѣстой. Однимъ словомъ, вся Европа волновалась, и Наполеонъ, хотя и не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о намѣреніяхъ императора Александра по этому дѣлу, самъ началъ вѣрить слухамъ.

Въ Парижѣ совершенно не знали, что творится въ Петербургѣ. Наполеонъ даже не подозрѣвалъ о миссіи Куракина въ Вѣну для переговоровъ о бракѣ великой княжны Екатерины съ австрійскимъ императоромъ, потомъ съ принцемъ баварскимъ и наконецъ съ принцемъ прусскимъ. Лишь въ сентябрѣ 1808 года узналъ объ этомъ Наполеонъ и то смутно. Савари, по возвраще-

[1]) Revue de Paris № 23 отъ 1-го декабря 1900 года.

ціи изъ Россіи, передалъ ему о вліяніи императрицы-матери и недоброжелательствѣ русскаго общества къ Франціи, но при этомъ увѣрялъ, что ему удалось все сгладить и теперь отношенія русскихъ стали гораздо лучше, что во всякомъ случаѣ почва подготовлена и нужно дѣйствовать быстрѣе. Коленкуръ, съ цѣлью ли польстить Наполеону, или онъ дѣйствительно ничего не подозрѣвалъ, сообщалъ совершенно невѣрныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ императрицы-матери и великой княжны невѣсты. Тамъ, гдѣ была непримиримая ненависть, даже презрѣніе, желаніе во что бы ни стало унизить узуплатора, уничтожить и его творенія, Коленкуръ видѣлъ расположеніе, желаніе союза, чуть-ли не пламенную любовь со стороны невѣсты. А между тѣмъ, какъ удивился бы Наполеонъ, если бы узналъ, что даже русскій посолъ въ Парижѣ графъ Толстой, узнавъ о ходившихъ слухахъ, требовалъ своего отозванія изъ Парижа. Какъ удивился бы онъ, если бы зналъ, что думали въ Петербургѣ по этому поводу. Въ Петербургѣ разсуждали такъ: великой княжнѣ Екатеринѣ 20 лѣтъ, слѣдовательно Наполеонъ можетъ думать лишь о ней, поэтому нужно поспѣшить выдать ее скорѣе замужъ, лишь бы она не досталась этому чудовищу. Остается еще великая княжна Анна, но ей всего 14 лѣтъ, тутъ можно отговориться малолѣтствомъ.

Ѣдучи въ Эрфуртъ, Наполеонъ рѣшилъ окончить дѣло съ женитьбою. Но не самому же ему начать переговоры съ императоромъ Александромъ. А если отказъ? Миссія была возложена на Талейрана. Но какъ мы видѣли раньше, намѣренія послѣдняго были обойти Наполеона, съ тѣми же намѣреніями ѣхалъ въ Эрфуртъ и императоръ Александръ. Передъ отъѣздомъ императрица-мать долго разговаривала съ сыномъ, она говорила ему „о тиранѣ, управляющемъ Европою желѣзною рукою“, „о Тильзитскомъ свиданіи, какъ неизгладимомъ пятнѣ, лежащемъ на его, Александра, репутаціи“. На это государь отвѣтилъ, что „цѣль его—усыпить бдительность Наполеона и втихомолку приготовляться и выжидать удобнаго случая“, что „открыть свои карты теперь, значитъ возбудить месть со стороны Наполеона, а можемъ-ли мы въ данный моментъ потягаться съ нимъ—это еще вопросъ“.

Послѣ Эрфурта Талейранъ говорилъ: „Съ первыхъ же словъ государь отлично меня понялъ и отвѣтилъ: „Если бы дѣло касалось одного моего согласія на бракъ, я бы охотно далъ его; но тутъ нужно и согласіе моей матери: она сохранила за собою власть надъ своими дочерьми, которую оспаривать я не могу. Я могу попробовать поговорить съ ней, и она, можетъ быть, согласиться, но ручаться за это я опять таки не могу“. Все это исходитъ изъ вѣрной дружбы—говоритъ Талейранъ—и должно удовлетворить Наполеона“.

И дѣйствительно Наполеонъ остался доволенъ отвѣтомъ Александра и, убѣжденный, что дѣло это не уйдетъ отъ него, занялся испанскими дѣлами. Итакъ, въ Эрфуртѣ онъ не проронилъ ни слова о своемъ сватовствѣ, что было на руку и императору Александру, которому важно было выиграть время.

Между тѣмъ Наполеонъ осыпалъ милостями русскаго посла

въ Парижѣ Куракина—приверженца императрицы-матери, и старался уступками въ политикѣ еще болѣе обворожить императора Александра.

Объявленіе Австріею войны Франціи и поведеніе русскаго государя нѣсколько озадачили Наполеона. Разгромивъ Австрію, онъ сталъ не довѣрять и Александру, а когда австрійскій императоръ, опасаясь сближенія между Россіею и Франціею путемъ брака Наполеона съ сестрою русскаго государя, самъ предложилъ въ невѣсты Наполеону свою дочь эрцгерцогиню Марію Луизу, Наполеонъ очень обрадовался и 7-го февраля подписалъ брачный контрактъ.

Прусская королева Луиза—супруга короля Фридриха Вильгельма III извѣстна своею обширною перепискою. До сихъ поръ были опубликованы ея замѣчательно сердечныя и нѣжныя письма къ отцу. Нынѣ появилась въ печати ея переписка съ братомъ наслѣднымъ принцемъ Георгомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ [1]). Особенно интересны ея письма послѣ окончательнаго пораженія Пруссіи Наполеономъ.

9-го августа 1807 года она писала: „То зло, о которомъ мы всѣ знали, живетъ, дѣйствуетъ, оно тутъ, вблизи. Да, дорогой Георгъ, пережить то, что происходило здѣсь, очень было тяжело. Свиданіе трехъ коронованныхъ особъ! Развѣ можно было думать, что изъ этого ничего добраго и хорошаго не выйдетъ! А между тѣмъ, когда я явилась въ Тильзитъ, увидѣла идола, которому всѣ поклоняются, я сразу поняла, что все пропало. Тутъ происходили такія событія, что трудно даже повѣрить, если бы говорили. Съ одной стороны холодность, обманъ и вѣроломство, съ другой полнѣйшая слабость. Что претерпѣлъ бѣдный король, уму непостижимо: впродолженіи 14 дней онъ долженъ былъ выносить постоянныя оскорбленія за то только, что всѣми силами старался, изъ любви къ родинѣ, вырвать изъ когтей діавола по крайней мѣрѣ свои древнія провинціи“.

Въ ноябрѣ того же года въ Парижъ былъ отправленъ для переговоровъ съ Наполеономъ по дѣламъ Пруссіи принцъ Вильгельмъ, братъ Фридриха Вильгельма III.

По этому поводу королева Луиза писала изъ Мемеля отъ 5-го ноября 1807 года: „Если принцу Вильгельму не удастся убѣдить императора (Наполеона) измѣнить свои рѣшенія относительно насъ, тогда все пропало, тогда Пруссія уже не будетъ существовать. Да, въ исторіи, кажется, не найдется другого такого примѣра, и никто еще не страдалъ такъ какъ мы страдаемъ и притомъ совершенно безвинно. Страна истощена до послѣдней степени, король и дворянство разорены, при всемъ томъ нужно заплатить контрибуцію въ размѣрѣ 150 милліоновъ ливровъ, а насъ лишаютъ даже возможности выплатить ихъ. А какую мы жизнь ведемъ, если бы знали; но не пишу дальше, боюсь вызвать слезы на вашихъ глазахъ“.

[1]) Deutsche Rundschau. Heft 3. Декабрь 1900 года.

Всѣ свои скитанія въ Мемелѣ и Кенигсбергѣ королева описываетъ очень трогательно. А между тѣмъ Наполеонъ былъ непреклоненъ. „Отъ вѣрнаго друга — писала королева Луиза 28-го февраля 1809 года изъ Кенигсберга—получила вчера слѣдующее свѣдѣніе: Наполеонъ говоритъ, что если король не согласится принять его условій, то онъ предпишетъ арестовать его и препроводить въ Парижъ. Талейранъ открыто говоритъ, что участь короля прусскаго будетъ та же, что и участь Карла испанскаго, только путь будетъ много короче. А, каково?“.

Братъ королевы Георгъ, любившій ее и почитавшій какъ святую женщину, говаривавшій: „если кто позволитъ себѣ сравнить ее съ кѣмъ бы то ни было, того я убью“, будучи въ Парижѣ, храбро защищалъ передъ Наполеономъ интересы королевы Луизы. Наконецъ явилась для нея возможность возвратиться въ любимый городъ Берлинъ. Можно представить себѣ въ какомъ она была восторгѣ.

Новыя книги.

Православная богословская энциклопедія. Изданіе подъ редакціей профессора *А. П. Лопухина.* Томъ I. А.—Архелая, Съ иллюстраціями и картами. Петроградъ. Приложеніе къ духовному журналу „Странникъ“ за 1900 г.

Потребность въ подобномъ изданіи давно уже сознана: еще въ 18 вѣкѣ вышелъ „церковный“ словарь протоіерея Алексѣева; выходили богословскіе словари и въ болѣе близкое къ намъ время, но всѣ они ставили себѣ задачу гораздо болѣе узкую, чѣмъ „энциклопедія“ г. Лопухина, и ограничивались одной церковной исторіей (напр. словарь Петрова, отчасти Яцкевича и Благовѣщенскаго и др.) или библейской исторіей (напр. библейскій словарь архим. Никифорова). Притомъ, одни изъ нихъ устарѣли, другіе исчезли изъ продажи, а иные къ тому-же остались не законченными. Настоящее-же изданіе охватитъ всѣ отрасли богословскихъ наукъ и даже соприкасающихся (философія, исторія); такимъ образомъ, передъ нами попытка заполнить пробѣлъ. Въ виду этого желаемъ труду г. Лопухина всякаго успѣха и прежде всего—благополучно дойти до конца.

Въ основу „Энциклопедіи“ полагается, какъ указано въ предисловіи, нѣмецкая богословская энциклопедія Герцога; общая редакція изданія лежитъ на профессорѣ с.-петербургской духовной академіи г. Лопухинѣ; сотрудниками - ихъ болѣе 30—явились представители профессорской корпораціи духовныхъ академій, главнымъ образомъ с.-петербургской. Изданіе предназначается преимущественно „для широкой публики“, что однако не исключаетъ у редакціи намѣренія давать статьи по возможности обстоятельныя, исчерпывающія предметъ, и не скупиться на библіографію. Въ вышедшемъ первомъ томѣ, дѣйствительно, много статей очень подробныхъ: Абиссиніи посвящено 2 печатныхъ

листа; нѣсколько меньше статьи объ Англіи и объ Архангельской епархіи. Обширны также, хотя менѣе указанныхъ, статьи объ Апологетикѣ, Апокрифахъ, Апокалипсисѣ и пр.

Даже простое изложеніе выводовъ европейской богословской науки не всегда возможно для русскихъ богословскихъ изданій; тѣмъ болѣе нельзя этого требовать отъ нашего изданія, исходящаго отъ оффиціальныхъ представителей нашего богословія, да притомъ предназначеннаго „для широкой публики". И такъ, отъ изложенія выводовъ критики „Энциклопедія" г. Лопухина свободна, не впадаетъ она и въ противоположную крайность, и „широкая публика" найдетъ, можетъ быть, въ ней нѣсколько „камней соблазна" для себя (напр. объясненіе, почему пропущено жизнеописаніе св. Александра Свирскаго или замѣчаніе о русскомъ переводѣ начала 2-й главы книги пророка Аггея).

Внѣшность изданія хороша: бумага хорошая, шрифтъ крупный и четкій; рисунки, числомъ 16, удовлетворительны; 2 приложенныя карты (Абиссиніи и Архангельской епархіи) исполнены также хорошо; спеціальная карта Архангельской епархіи будетъ, вѣроятно, очень полезна для мѣстнаго духовенства. Цѣна изданія (2 р. за довольно большой томъ въ 35 печатныхъ листовъ) недорогая; всѣхъ томовъ предполагается 10, но будетъ, вѣроятно, больше, если 1-й томъ не вмѣстилъ даже букву А.

Въ изданіяхъ такого характера, какъ „Энциклопедія", первой заботой редакціи является постоянная„ борьба съ размѣрами", стремленіе не дать труду далеко перерости намѣченные предѣлы. Лучшее къ тому средство это соблюденіе классическаго правила: ничего лишняго. Болѣе независимое отношеніе къ нѣмецкому подлиннику избавитъ трудъ г. Лопухина отъ статей ненужныхъ (напр. „Августинъ Ласо") или маловажныхъ (смѣло можно сократить напр. статью „Адвокатъ церкви") для русскихъ читателей. Съ излишней для богословскаго словаря подробностью написаны статьи о византійскихъ писателяхъ (Акоминаты Михаилъ и Никифоръ, Агаѳій, Акрополитъ), тогда какъ достаточно было ограничиться указаніемъ на богословское и церковно-историческое значеніе ихъ трудовъ (такъ и написана статья объ Аммiанѣ Марцеллинѣ). Въ статьяхъ объ императорахъ Александрахъ: I, II и III для цѣлей словаря достаточно было ограничиться исторіей русской церкви въ ихъ царствованіе, не излагая ни ихъ біографіи, ни, тѣмъ болѣе, исторіи Россіи въ эпоху каждаго изъ нихъ (составлены онѣ, кстати сказать, не достаточно тщательно).

Однако, дать болѣе необходимаго—не такая еще большая бѣда. Гораздо хуже дать не все то, что необходимо. Мы вовсе не нашли напр. статей объ Аварахъ (съ ними связано учрежденіе праздника Покрова Богородицы), Аллеманнахъ (играютъ роль въ крещеніи Франковъ), Албанцахъ (любопытныхъ уже своимъ раздѣленіемъ между 3 вѣроисповѣданіями: православіемъ, каталичествомъ и исламомъ), Александрѣ Северѣ (римскій императоръ, благосклонный къ христіанству, если и не христіанинъ), Арно (богословъ-янсенистъ, 17 вѣкъ), Арнольдѣ (церковный историкъ, замѣчательный своей симпатіей къ ересямъ и тѣмъ, что первый

написалъ исторію церкви не по-латыни, а на родномъ нѣмецкомъ языкѣ), Аврамовѣ (писатель, жилъ въ 18 вѣкѣ, противникъ церковныхъ реформъ Петра Вел.) и т. д.

Въ статьѣ объ Армянахъ указано только, что около 100 тыс. ихъ католики, но ни слова не сказано о томъ, что они составляютъ особую армяно-католическую церковь, которая заслуживала-бы отдѣльной статьи въ энциклопедіи; такой статьи, однако, нѣтъ въ ней. Статья объ Александріи лишена указаній на современное положеніе Александрійскаго патріархата, что, однако, оказалось возможнымъ дать въ статьѣ Антіохія. Въ статьѣ Англія изложена исторія англиканства, но нѣтъ исторіи англійскаго сектантства (къ нему принадлежитъ болѣе половины населенія). Конечно, въ свое время будутъ отдѣльныя статьи о сектахъ глекеровъ, методистовъ, квакеровъ и пр. Но гдѣ же искать общую исторію религіозной жизни англійскаго народа, если ея нѣтъ въ статьѣ „Англія"? Богослуженіе церкви абиссинской нашло себѣ мѣсто въ словарѣ; точно также и богослуженіе англиканъ заслуживало-бы отдѣльнаго изложенія, а не попутнаго при опредѣленіи отношенія англиканства къ католичеству. Въ статьѣ объ академіяхъ за свѣдѣніями о русскихъ духовныхъ академіяхъ насъ отсылаютъ къ статьямъ объ Академіи Московской, Кіевской и пр. Одно изъ двухъ: или, по мнѣнію составителей словаря, между 4 академіями нѣтъ ничего общаго (а уставы ихъ?) или... намъ придется 4 раза читать одно и то же! Статья о сектѣ адвентистовъ не указываетъ ихъ вліянія на русское сектантство (см. журналъ „Миссіонерское Обозрѣніе" за послѣдніе годы); точно также, терминъ адіофоризмъ встрѣчается не только въ нравственномъ богословіи. Въ статьѣ объ аріанствѣ (въ концѣ ея) мы, къ удивленію, читаемъ: „Дальнѣйшія историческія свѣдѣнія касаются аріанства у германскихъ народовъ, у которыхъ оно сохранилось значительно долѣе, чѣмъ въ греко-римскомъ мірѣ". И только? Неужели аріанство у германцевъ—вопросъ маловажный? Вспомнимъ, что изъ аріанства вышелъ первый переводъ Библіи на народный языкъ (Ульфилы, на готскій), что религіознымъ различіемъ покорителей: остготовъ, вестготовъ, вандаловъ—аріанъ отъ покореннаго ими православнаго „римскаго" населенія объясняется скорая гибель королевствъ вандальскаго и остготскаго и вытѣсненіе вестготовъ изъ Галліи франками, что аріанство держалось упорно (исчезло лишь въ 7 в.), не только оборонялось, но и шло въ аттаку на православіе (переходъ (временный) бургундовъ изъ православія въ аріанство, гоненіе отъ аріанъ на православныхъ въ Африкѣ у Вандаловъ, въ Испаніи у Вестготовъ и пр.), что, наконецъ, цѣлями противо-аріанской полемики православные богословы склонны объяснять появленіе (въ Испаніи) въ Символѣ вѣры слова filioque. Нѣтъ также указаній на такъ называемое „аріанство" реформаціоннаго времени (въ Польшѣ, въ Англіи, гдѣ „аріаниномъ" былъ напр. Ньютонъ).

Многія статьи, на нашъ взглядъ, недостаточно подробны. Напр. „Арсеній Гренъ", „Арсеній Сухановъ", „Артемида", „Агаѳангелъ Соловьевъ". Для послѣдняго слѣдовало указать на его отношеніе къ переводу Библіи на русскій языкъ и къ вопро-

самъ о предполагавшейся во времена Александра II реформѣ церковнаго суда и о власти оберъ-прокурорской. Въ статьѣ объ „Артемидѣ“ нельзя ограничиваться однимъ указаніемъ на храмъ ея въ Ефесѣ и его связь съ исторіей апостола Павла, разъ было признано нужнымъ посвятить подробную статью „Авестѣ“.

Большимъ недостаткомъ „Энциклопедіи“ является также и крайняя неравномѣрность изложенія. Вотъ примѣры: соборы въ Ахенѣ, маловажные для русскихъ читателей, изложены довольно подробно, для большинства-же соборовъ александрійскихъ и антіохійскихъ указаны только года ихъ. Еще болѣе неправильно удѣлять „Аверкіевой эпитафіи“ 6 столбцовъ, а „Апостольскому собору“ 1/2 столбца. „Аверкіева эпитафія“ только любопытна по своей древности и способу изложенія, Апостольскій же соборъ— крайне важенъ, ибо отъ того или другого рѣшенія разбиравшихся на немъ вопросовъ зависѣла вся судьба христіанства. Между тѣмъ, статья словаря не указываетъ даже того, какіе апостолы были на соборѣ и что они говорили, не исчерпываетъ даже содержанія 15-й главы Дѣяній; даже постановленія собора изложены какъ-то неопредѣленно. Напрасно также „Абиссиніи“ посвящено 30 страницъ, если на „Англію“ не признано возможнымъ удѣлить ихъ больше 22. Наконецъ, въ статьѣ объ апокрифахъ новозавѣтные апокрифы разобраны, хотя кратко, ветхозавѣтные—же только поименованы, да и то не всѣ. Такой-же неравномѣрностью страдаютъ и библіографическія указанія (сравните напр. статью „Августъ“ со статьями: „Адріанъ“, „Антонинъ Пій“, „Авреліанъ“; статьи о русскихъ святыхъ со статьей объ „Августинѣ Блаженномъ“ и пр.).

Изложеніе часто страдаетъ рестянутостью, напыщенностью, впадаетъ иногда (въ біографіяхъ современниковъ.) въ панегирическій тонъ и вообще многословно. Совершенно напрасно увеличивается объемъ книги обширными буквальными выписками изъ историческихъ памятниковъ, (это особенно часто въ статьяхъ о святыхъ; въ статьѣ „Александръ Невскій“ житіе его приведено даже цѣликомъ, на славянскомъ языкѣ) и, что еще труднѣе объяснить,—изъ разныхъ оффиціальныхъ „журналовъ засѣданій“, „протоколовъ“ и пр., съ сохраненіемъ всѣхъ канцелярскихъ красотъ подлинника.

Встрѣчаются и прямыя ошибки, которыя, однако, мы готовы отнести просто къ редакторскому недосмотру. Таковы напр. открытіе въ католичествѣ ордена кардиналъ-дьяконовъ (ст. 869), выборъ Манфреда Гогенштауфена въ римскій сенатъ (въ столбцѣ 456) и чья-то неудача при „Эззелико да-Романо“ (стл. 455), невѣрная передача заглавія сочиненія Арнобія (стл. 1047) и т. д.

Передача западно-европейскихъ собственныхъ именъ не всегда исправна. Примѣры: герцогъ Браганци (стл. 459) вмѣсто Браганцскій; Кастельнау (с. 568), Легнано (с. 454), Буцъ (Booth) вмѣсто Кастельно, Леньяно, Бусъ; Гуго Вермандойскій (с. 247) вмѣсто Вермандуа и т. д.

Къ сожалѣнію, приходится сознаться, что отъ 30 спеціалистовъ можно было ожидать нѣсколько большаго; пробѣлъ, который г. Лопухинъ надѣялся заполнить, такъ и остался незаполненнымъ; статьи,

подписанныя именами сотрудниковъ, дѣйствительно хороши, но не искупаютъ собой неравномѣрности и неполноты статей, неподписанныхъ (т. е. менѣе крупныхъ), а ихъ большинство.

En Emigration. Souvenirs tirés des papiers du comte *A. de La Ferronnays* (1777—1814), par le *M-is Costa de Beauregard* de l'Académie française. Paris, 1900.

Книга состоитъ изъ писемъ графа Лаферроне къ его женѣ и изъ воспоминаній послѣдней. Графъ Пьеръ-Луи-Огюстенъ Лаферроне родился въ 1777 года въ Санъ-Мало, дѣтство свое провелъ въ Вандеѣ. Былъ отвезенъ дядей въ Парижъ и помѣщенъ въ одинъ изъ тамошнихъ колледжей. 13-ти лѣтъ эмигрировалъ съ отцомъ и въ 1795 году вступилъ въ армію Конде. Возвратился во Францію въ 1814 году, въ 1819 году былъ назначенъ посланникомъ въ С.-Петербургъ. Во время министерства Виллеля въ 1828 году состоялъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ 1830 году совершенно удалился отъ дѣлъ.

Лаферроне былъ очень преданъ Бурбонамъ и всѣми силами старался возстановить ихъ на французскомъ престолѣ. Людовикъ XVIII, цѣня его преданность и недюжинныя дипломатическія способности, еще въ 1812 году хотѣлъ послать Лаферроне въ Петербургъ для личныхъ переговоровъ съ Армфельдтомъ — генералъ-адъютантомъ и близкимъ другомъ императора Александра I, также очень расположеннымъ къ Бурбонамъ. Но дѣло какъ то затянулось. Въ началѣ 1813 года въ Гартвель прибылъ изъ Петербурга графъ Алексисъ де-Ноайль (французскій посланникъ) съ утѣшительными извѣстіями: онъ разсказывалъ, что императоръ Александръ готовъ теперь же возстановить Людовика XVIII во Франціи. Хотя словамъ де-Ноайля не особенно повѣрили, но во всякомъ случаѣ извѣстіе это ускорило отправку Лаферроне въ Петербургъ. Дѣло при этомъ касалось уже не однихъ переговоровъ съ Армфельдтомъ, на Лаферроне возложена была настоящая дипломатическая миссія: онъ долженъ былъ отвезти въ Петербургъ новую прокламацію короля и развѣдать о намѣреніяхъ самого государя. Кромѣ того, ему поручено было еще одно щекотливое дѣло: развѣдать, какъ посмотритъ русскій дворъ на женитьбу герцога Беррійскаго на великой княгинѣ Аннѣ.

„Въ прекрасную столицу въ мірѣ,—пишетъ второпяхъ Лаферроне изъ Петербурга,—прибылъ лишь сегодня 29-го марта, послѣ пяти дней ужасной дороги. Все здѣсь громадно: улицы, площади, дворцы. Что-то меня здѣсь ожидаетъ“.

Черезъ нѣсколько дней онъ сообщалъ женѣ: „Все зависитъ отъ одного лишь государя. За насъ только старая русская партія. Мало надежды и на Армфельдта: онъ уже не въ такомъ фаворѣ. „Это ангелъ, но мудръ какъ змій“, вотъ какъ отзывается Армфельдтъ о государѣ. Императоръ Александръ и канцлеръ Румянцевъ очарованы Наполеономъ, но Румянцевъ менѣе сентименталенъ, поэтому любитъ французскаго императора, какъ любятъ сообщника, необходимаго въ дѣлѣ для раздѣленія міра. Канцлеръ только и мечтаетъ о Константинополѣ, даже послѣ 1812 года,

по его мнѣнію, одинъ Наполеонъ можетъ дать Россіи востокъ. Румянцевъ очень слабохарактерный человѣкъ, но думаетъ о себѣ, что онъ очень геніаленъ, а геніальность его видна лишь въ интригахъ".

Послѣ новаго свиданья съ Армфельдтомъ, Лаферроне совершенно палъ духомъ, онъ убѣдился, что для дѣла Бурбоновъ ничего не добьется въ Петербургѣ. Благодаря Армфельдту, Лаферроне очень хорошо былъ принятъ въ высшемъ русскомъ обществѣ. „Мнѣ кажется,—писалъ онъ женѣ,—я больше получаю здѣсь удовольствія, чѣмъ пользы для дѣла. Вчера я имѣлъ очень милый разговоръ съ графинею Толстой, но только что заикнулся о бракѣ герцога Беррійскаго, какъ она меня съ первыхъ же словъ остановила и посовѣтовала помалкивать объ этомъ и выжидать обстоятельствъ. Отъ нея я узналъ, что это дѣло всецѣло зависитъ отъ императрицы-матери. Только вліяніе императрицы-матери можетъ быть противопоставлено вліянію Румянцева и окружающихъ императора Александра".

Результатъ свиданія съ канцлеромъ былъ совершенно неожиданный. Румянцевъ посовѣтовалъ бѣдному Лаферроне, не дожидаясь разрѣшенія, ѣхать въ главную квартиру къ государю и далъ ему не только открытый листъ для проѣзда, но и курьера для сопровожденія. Такая любезность со стороны хитраго канцлера объяснялась желаніемъ поскорѣе избавиться и отъ Лаферроне, и отдѣлаться отъ предложенія Людовика XVIII. Такъ поняли и друзья Лаферроне, и самъ бѣдный французскій посланникъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, Лаферроне удостоился быть представленнымъ обѣимъ императрицамъ, о чемъ онъ съ восторгомъ писалъ своей женѣ: „Русская царская семья самая прекрасная изъ всѣхъ европейскихъ. Императрица-мать это воплощеніе царскаго величія. Пріемъ былъ такъ же любезенъ, какъ и величественъ. Ни одна мать не заботится о своихъ дѣтяхъ такъ, какъ она. Вторая императрица это что то чарующее, чудный голосъ, замѣчательные глаза, а какая она милостивая! Однимъ словомъ, ей не нужно царскаго вѣнца, чтобы вся вселенная была у ея ногъ".

Относительно великой княжны Анны Лаферроне былъ другого мнѣнія, онъ нашелъ ее и не такою красивою, и не такою любезною, даже не такою умною, а между тѣмъ, первый вопросъ, который она задала ему, былъ о герцогѣ Беррійскомъ. „Если это случайность, говоритъ Лаферроне,—то очень странная".

Выѣхавъ изъ Петербурга 9-го апрѣля, Лаферроне только черезъ недѣлю добрался до Торна, гдѣ узналъ о торжественномъ въѣздѣ союзниковъ въ Дрезденъ. Они только и думали о наступательномъ движеніи. На неожиданную смерть Кутузова смотрѣли какъ на избавленіе, и императоръ Александръ отказался отъ слишкомъ осторожныхъ дѣйствій стараго фельдмаршала и приказалъ Витгенштейну немедленно дать сраженіе. Лаферроне тотчасъ же поспѣшилъ въ Дрезденъ. Первый день былъ для него очень неудобный: графъ Толстой, къ которому у него было письмо, при-

нялъ его очень холодно и направилъ къ Нессельроде; тотъ обѣщалъ принять Лаферроне только на слѣдующее утро. Баронъ Анштедтъ тоже не принялъ его по болѣзни. На другой день Нессельроде снова отклонилъ свиданіе и отложилъ опять на слѣдующее утро. Но въ пріемной Лаферроне всетаки удалось увидѣть проходившаго Нессельроде, который едва удостоилъ его поклона и сказалъ, что заваленъ работой, а императору тоже нѣтъ ни возможности, ни времени принять его или хотя бы привезенныя имъ бумаги. Разумѣется, Нессельроде не могъ предугадать въ этомъ просителѣ будущаго французскаго посланника въ Петербургѣ. Самъ Нессельроде былъ еще при началѣ своей карьеры. Лаферроне разсказываетъ про него, между прочимъ, слѣдующее. Состоя атташе при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ, Нессельроде получилъ порученіе доносить императору Александру обо всемъ, что могло ускользнуть отъ вниманія русскаго посла, князя Куракина. Не обладая хорошимъ стилемъ, молодой дипломатъ обратился за помощью къ своему коллегѣ барону Крюднеру, который и составлялъ за него всѣ донесенія. Императоръ былъ въ восхищеніи отъ получаемыхъ рапортовъ и возымѣлъ о Нессельроде такое высокое мнѣніе, что приблизилъ его къ себѣ и назначилъ своимъ секретаремъ.

Пріемъ Нессельроде совершенно обезкуражилъ Лаферроне; но свиданіе съ барономъ Анштедтомъ, въ которомъ онъ нашелъ лицо, не только преданное Бурбонамъ, но и ставшее близко къ государю, снова нѣсколько подняло его духъ. Баронъ Анштедтъ увѣрилъ Лаферрона, что государь дѣйствительно очень занятъ теперь. „Кромѣ того, сказалъ онъ, — неужели въ Гартвелѣ не подозрѣваютъ, какъ дорого для насъ въ настоящій моментъ соглашеніе съ Австріею, а если тамъ узнаютъ, что у насъ просятъ именно о томъ, что должно ихъ страшно оскорбить, т. е. признанія правъ графа де-Лилль [1]), то вы поймете наше положеніе. Не говоря уже о бракѣ герцога Беррійскаго, одно его присутствіе здѣсь, или хотя бы даже ваше, достаточно, чтобы навсегда отклонить отъ насъ Австрію“.

На другой день состоялось свиданіе Лаферроне съ Нессельроде, который, сверхъ ожиданія, принялъ его очень любезно и послѣ долгихъ переговоровъ сказалъ: „Не сомнѣвайтесь въ чувствахъ государя къ графу де-Лилль, но еще не настало время выразить ихъ ему“.

Послѣ побѣдоноснаго сраженія подъ Лейпцигомъ и возращенія монарховъ въ Дрезденъ, Лаферроне былъ принятъ государемъ. „Императоръ Александръ принялъ меня, пишетъ Лаферроне,— въ высшей степени милостиво. „Я очень доволенъ, сказалъ государь,—что познакомился съ вами, г. Лаферроне, но мнѣ крайне непріятно, что обстоятельства не позволяютъ мнѣ въ данный моментъ исполнить желаніе графа де-Лилль, ни послѣдовать моему влеченію“. Я передалъ государю оба письма отъ короля и двѣ

---

[1]) Графъ де-Лилль—вымышленное имя, подъ которымъ скрывался, во время республики и Наполеона I до реставраціи 1814 года, Людовикъ XVIII.

записки, онъ прочелъ ихъ и сказалъ: „Я совершенно согласенъ съ вами, но повторяю, что теперь это неисполнимо. Кромѣ того, вы видите, какъ я занятъ: я даже не могу больше задерживать васъ; приходите завтра въ 10 час. утра, и я лучше все объясню вамъ. Я дамъ вамъ письма для короля, и тогда уѣзжайте немедленно отсюда, прошу васъ очень объ этомъ. Попрошу васъ также зайдти къ г. Лебзельштерну. Вы очень меня обяжете, если предложите ему свои услуги свезти его депеши, чтобы убѣдить его въ вашемъ отъѣздѣ въ Лондонъ".

На другое утро государь принялъ Лаферроне въ назначенный часъ и передалъ ему два письма: одно королю, а другое къ принцу Конде. „Вы должны мнѣ повѣрить, г. Лаферроне, сказалъ государь, что я дѣйствительно въ отчаяніи, не имѣя возможности ничего сдѣлать теперь для графа де-Лилль. Вы сами видите, что борьба предстоитъ долгая и кровавая. И несмотря на отличное состояніе моихъ войскъ и энтузіазмъ пруссаковъ, я не могу обойтись безъ Австріи. Я говорю съ вами совершенно откровенно, вполнѣ надѣясь на вашу скромность. Условія Австріи, готовой соединиться съ нами, таковы, что я не могу принять ни одного вашего предложенія. Вы меня понимаете. А я очень спѣшу и долженъ на все согласиться въ данную минуту. Итакъ представимъ все обстоятельствамъ. Если намъ удастся отбросить Наполеона за Рейнъ, и если, въ чемъ я не сомнѣваюсь, во Франціи появится движеніе въ пользу короля, повѣрьте, я воспользуюсь этимъ моментомъ, чтобы дать понять Австріи, что единственною моею цѣлью было дать свободу народамъ, и желаніе французской арміи призвать своихъ старыхъ королей, разумѣется, должно свести на нѣтъ всѣ соглашенія съ Австріею. До тѣхъ же поръ нужно вооружиться терпѣніемъ и осторожностью. Повѣрьте мнѣ, я знаю лучше чѣмъ кто-либо другой, что возстановленіе повсюду законнаго престолонаслѣдія есть единственно прочное основаніе, на которомъ можно воздвигнуть миръ и спокойствіе Европы. „Если бы вы явились сюда только по рекомендаціи Армфельдта, я охотно разрѣшилъ бы вамъ остаться при мнѣ; но англійскія газеты уже успѣли протрубить о васъ, да и недоброжелательные люди въ Петербургѣ уже указали на васъ, какъ на посланнаго графомъ де-Лилль съ дипломатическою миссіею. Оставить васъ здѣсь при такихъ условіяхъ—значитъ признать его королемъ; а поступить такъ я не могу, это свыше моихъ силъ. По этому же поводу я не могу согласиться и на предложеніе герцога Беррійскаго. Я дамъ приказаніе графу Ливену поддерживать васъ въ Англіи. Работайте и вы, а тамъ ужъ мы сойдемся. Надѣюсь, что черезъ нѣкоторое время я въ состояніи буду призвать васъ, вообще, мнѣ очень пріятно имѣть дѣло съ вами лично. Теперь же немедленно уѣзжайте, такъ нужно".

Въ заключеніи Лаферроне говоритъ: „Эти любезныя и многозначительныя слова на счетъ Бурбоновъ и слова, сказанныя императоромъ Александромъ впослѣдствіи Макдональду: „Я не интересуюсь Бурбонами; если они не подходящи, возьмите иностраннаго принца, или выберите кого-нибудь между вашими мар-

шалами, какъ то сдѣлала Швеція, избравъ Бернадотта" — доказываютъ, что императоръ Александръ вовсе не сочувствовалъ Бурбонамъ и не отъ него, слѣдовательно, зависѣло возстановленіе ихъ на французскомъ престолѣ".

Napoleon, the last phase; by *lord Rosebery*. London, 1900.

Настоящій трудъ извѣстнаго англійскаго государственнаго дѣятеля лорда Розбери весьма интересенъ: онъ представляетъ собою окончательную оцѣнку Наполеона I и его дѣятельности. Большая часть книги посвящена разбору сочиненій наиболѣе выдающихся авторовъ, когда либо писавшихъ о Наполеонѣ. Особенно долго останавливается лордъ Розбери на дневникѣ Гурго, изданномъ въ 1898 году. Гурго, молодой офицеръ, состоявшій при Наполеонѣ I во время заточенія послѣдняго на островѣ св. Елены; онъ былъ очень преданъ императору, но несмотря на это въ дневникѣ своемъ относится къ нему совершенно безпристрастно, подчасъ даже довольно строго. Дневникъ Гурго представляетъ Наполеона совершенно другимъ человѣкомъ: тихимъ, добрымъ, скромнымъ, терпѣливымъ, вообще возводитъ его въ страдальцы.

Былъ-ли Наполеонъ великимъ? Если—говоритъ лордъ Розбери— подъ этимъ словомъ подразумѣвать соединеніе нравственныхъ и интеллектуальныхъ качествъ, то приходится отвѣтить отрицательно. Но Наполеонъ былъ великъ какъ человѣкъ изъ ряда вонъ выходящій, стоявшій выше своихъ современниковъ и по уму и по энергіи. Это былъ великій военный геній, великій администраторъ и еще болѣе великій законодатель. Онъ былъ посланъ небомъ для очищенія Франціи, судя по его дѣйствіямъ, съ которыми онъ выступилъ въ первое время своего царствованія. Революціонный вулканъ весь выгорѣлъ, и Наполеону пришлось удалить холодную лаву, уничтожить остатки бывшаго разрушенія и снести наросты всеобщаго растлѣнія. Франція падала въ пропасть, и онъ вынесъ ее на концѣ своей шпаги.

Между прочимъ, лордъ Розбери разсказываетъ, что Наполеонъ и на островѣ св. Елены замышлялъ войти въ сношенія съ императоромъ Александромъ I. Онъ продиктовалъ однажды Гурго бумагу, въ которой благодарилъ государя за приглашеніе поселиться въ Россіи и отвѣчалъ на присланные будто бы государемъ вопросы относительно занятія герцогства Ольденбугскаго, войны Франціи съ Россіей и неудачныхъ переговоровъ о женитьбѣ. Лордъ Розбери утверждаетъ, что письма съ подобными вопросами никогда Наполеонъ не получалъ отъ государя, а тѣмъ болѣе приглашенія поселиться въ Россіи. Напротивъ, въ это время какъ разъ былъ конгрессъ въ Эксъ-ла-Шапелѣ и русское правительство особенно твердо настаивало на болѣе строгомъ надзорѣ за Наполеономъ. Оказывается, что Наполеонъ хотѣлъ послать Гурго въ Европу къ императору Александру I, и продиктованная бумаго должна была послужить ему вѣрительной грамотой. Наполеонъ все еще надѣялся на симпатію къ себѣ русскаго царя, зналъ, что государь не сочувствовалъ Бурбонамъ, и думалъ этой бумагой вызвать дальнѣйшую переписку. Все это Наполеонъ затѣялъ будто

бы въ видахъ своего сына, хотѣлъ упрочить его положеніе и возстановить его на французскомъ престолѣ.

Относительно суроваго обращенія съ Наполеономъ, лордъ Розбери говоритъ, что Наполеонъ ввѣрилъ свою судьбу Англіи, а та, въ благодарность за такое довѣріе къ себѣ, послала его умирать на отдаленный недоступный островъ св. Елены. Большинство въ Европѣ было тогда крайне возмущено подобнымъ поступкомъ Англіи съ бывшимъ французскимъ императоромъ. Гурго оставилъ островъ св. Елены въ 1818 году, а Наполеонъ умеръ въ 1812 году, такъ что о послѣднихъ трехъ годахъ его жизни всетаки ничего неизвѣстно.

O. Sjögren. **Karl don tolfte och hans män.** Stockholm. 1899.

Къ двухсотлѣтней годовщинѣ начала царствованія Карла XII, совпавшаго съ началомъ Великой Сѣверной войны, въ шведской исторической литературѣ появилось нѣсколько новыхъ трудовъ, посвященныхъ этой эпохѣ. Самымъ обширнымъ изъ нихъ является книга О. Шёгрена „Карлъ XII и его сподвижники". Это довольно объемистый томъ (около 700 страницъ), снабженный множествомъ иллюстрацій и картой военныхъ дѣйствій и содержащій полную исторію царствованія Карла XII въ живомъ и общедоступномъ изложеніи.

Задачей автора было, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, во-первыхъ „приподнять тотъ блестящій и вмѣстѣ таинственный покровъ, которымъ долгое время была окутана личность Карла XII, и представить его въ настоящемъ свѣтѣ; при этомъ картина, можетъ быть, окажется не столь эффектной, зато она будетъ ближе къ дѣйствительности, а для историка истина — прежде всего; во вторыхъ, авторъ хотѣлъ „воздать должное сподвижникамъ Карла, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые, покинутые своимъ королемъ, вели геройскую, но—увы—безнадежную борьбу за цѣлость восточной границы государства"; наконецъ, въ третьихъ, ему хотѣлось дать не только внѣшнюю исторію царствованія Карла XII, но и внутреннюю исторію этой эпохи, которая до сихъ поръ, можно сказать, еще не написана".

Одаренный отъ природы недюжинными умственными способностями, по натурѣ Карлъ былъ настоящій викингъ изъ скандинавскихъ сагъ, которыхъ онъ не въ мѣру начитался въ юности: беззавѣтная храбрость, выносливость, неутолимая страсть къ войнѣ и полное отвращеніе къ мирной дѣятельности—вотъ отличительныя черты его характера.

Судьба дала Карлу въ руки почти неограниченную власть, которою онъ поспѣшилъ воспользоваться для удовлетворенія своей страсти; охваченный ею, упрямый король не слушалъ никакихъ совѣтовъ, никакихъ предостереженій своихъ болѣе дальновидныхъ министровъ. Авторъ нисколько не умаляетъ военныхъ талантовъ Карла, но онъ не ослѣпленъ мишурнымъ блескомъ его побѣдъ, такъ какъ знаетъ, къ чему приведетъ короля эта ненасытная жажда подвиговъ. Паденіе владычества Швеціи на Балтійскомъ морѣ и почти полное экономическое разстройство государства—вотъ ближайшіе результаты этой войны. Устами лучшихъ людей

Швеціи авторъ горько осуждаетъ то безучастіе, съ какимъ Карлъ относился къ защитѣ прибалтійскихъ провинцій, а между тѣмъ сюда-то ему и слѣдовало обратить главное вниманіе. Но былъ и положительный результатъ дѣятельности Карла, котораго самъ онъ и не подозрѣвалъ. Многіе изъ его боевыхъ генераловъ, послѣ перваго періода войны, были назначены членами королевскаго совѣта и заняли видныя административныя и судебныя должности; они вернулись съ театра войны, утомленные скитаніями по чужимъ странамъ, съ твердымъ намѣреніемъ отдать свои силы на мирное служеніе родинѣ, которая теперь сдѣлалась для нихъ еще дороже; они вернулись съ совершенно другими впечатлѣніями, чѣмъ предполагали; они узнали цѣну абсолютизма, такого, какимъ онъ являлся въ рукахъ Карла; но этотъ-же абсолютизмъ, пріучивъ ихъ не расчитывать ни на постороннюю помощь и дѣйствовать на свой страхъ и рискъ, тѣмъ самымъ воспиталъ въ нихъ духъ самодѣятельности и такимъ образомъ подготовилъ выясненіе того новаго свободнаго строя, который Швеція получила въ концѣ вѣка.

Извѣстіе о смерти Карла,—убійцей котораго авторъ считаетъ француза Sicre (Siquier), адъютанта наслѣднаго принца,—было всѣми встрѣчено съ нескрываемымъ чувствомъ облегченія; для всѣхъ было ясно, что въ лицѣ Карла Швеція хоронитъ послѣдняго короля-завоевателя и что отнынѣ совсѣмъ иной геній будетъ руководить судьбами государства. Однако образъ воинственнаго короля еще долго занималъ воображеніе народа, несмотря на всѣ тѣ бѣдствія, которыя онъ навлекъ на страну. Его сподвижники, „каролины", какъ ихъ называютъ въ Швеціи, свято чтили память своего короля и не терпѣли, чтобы кто-либо „омрачалъ укоромъ его развѣнчанную тѣнь". Народъ еще въ 1808 г. вѣрилъ, что Карлъ не умеръ, а только скрывается въ какомъ-то лѣсу на островѣ Венъ, что скоро онъ вновь появится, чтобы спасти Швецію отъ погибели.

Таковъ взглядъ автора на Карла XII, болѣе безпристрастный, сравнительно съ взглядами шведскихъ историковъ, и вполнѣ отвѣчающій нашимъ представленіямъ объ этомъ королѣ.

Много труда посвятилъ авторъ на выполненіе второй своей задачи—достойнымъ образомъ изобразить заслуги сподвижниковъ Карла. Прежніе историки обращали на эту сторону черезчуръ мало вниманія; личность Карла у нихъ слишкомъ заслоняла фигуры его сотрудниковъ. Авторъ постарался восполнить этотъ пробѣлъ. Онъ добросовѣстно воспользовался всѣми бывшими въ его распоряженіи матеріалами и на основаніи ихъ весьма обстоятельно очертилъ дѣятельности Левенхаупта, Реншельда, Шлиппенбаха, Дальберга, Хорна, Делагарди, Рууса, Майделя и др. каролиновъ. Особенно подробноописана дѣятельность В. А. Шлиппенбаха по оборонѣ прибалтійскихъ провинцій,—дѣло, „выполненіе котораго —по словамъ автора—было выше силъ человѣческихъ". Для исторіи этой геройской обороны авторъ имѣлъ возможность втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ пользоваться архивомъ В. А. Шлиппенбаха, принадлежащимъ Госуд. Архиву и заключающему въ себѣ около 8,000 рукописей различнаго содержанія.

Этотъ періодъ сѣверной войны былъ лишь слегка затронутъ прежними шведскими историками и потому является однимъ изъ наиболѣе интересныхъ отдѣловъ книги Шёгрена. Новостью отчасти является у него также исторія внутренняго состоянія Швеціи, которой посвящены двѣ главы въ первой части сочиненія, одна глава въ 3-ей ч. и три главы въ 4-ой ч.

Будучи наиболѣе полной и научной исторіей Карла XII, книга Шёнгрена является цѣннымъ вкладомъ въ историческую литературу о XVIII в. Русскаго читателя пріятно поражаетъ въ ней отсутствіе всякой тенденціозности и почти полная объективность во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходится говорить о Россіи и русскихъ,—качество весьма рѣдкое у иностранныхъ писателей вообще, а у шведскихъ въ особенности. Для примѣра приведемъ заключительныя строки сочиненія, гдѣ авторъ говоритъ о смерти Б. Шереметева, послѣдовавшей вскорѣ послѣ Карла: „Карлъ и Шереметевъ, этотъ величайшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ противниковъ короля, дрались другъ противъ друга въ продолженіе всей войны, все время, пока шведъ дрался съ русскимъ; въ этой борьбѣ одинъ изъ нихъ ниспровергъ могущество своего народа, другой его создалъ. Къ нимъ обоимъ подходятъ слова датскаго поэта: „судьба соединила ихъ въ жизненной борьбѣ и въ тишинѣ могилы, въ блескѣ доблести и въ безсмертіи славы“. **Н. Я.**

„The Rise of Russian Empire“, *by H. Munro.* **1900.**
„The Story of Moscow“, *by Wirt Gerrare.* **1900.**

Обѣ эти книги выгодно отличаются среди шовинистическихъ произведеній о Россіи, наполняющихъ англійскій книжный рынокъ. Книга Мунро представляетъ добросовѣстный и живо написанный сводъ свѣдѣній по исторіи до-петровской эпохи, опирающійся исключительно на работы русскихъ историковъ. Мунро принадлежитъ къ числу тѣхъ скромныхъ и полезныхъ популяризаторовъ, которые, не мудрствуя лукаво, излагаютъ результаты работъ авторитетныхъ ученыхъ, дѣлая ихъ доступными широкой публикѣ. „Исторія Москвы“ Вирта Джеррара, составляющая одинъ изъ томовъ серіи „Исторія городовъ Европы“, издаваемой большой книгопродавческой фирмой Дента, не лишена нѣкотораго интереса и для русскихъ читателей, такъ какъ является довольно полнымъ сводомъ записокъ о „Московіи“ старинныхъ англійскихъ путешественниковъ: Джерома Горсія (Gerom Horsey), Коллинса (Collins), извѣстнаго Флетчера, Крюля (Crulle) и мн. др. Написана она очень живо и читается съ интересомъ. Крупнымъ ея недостаткомъ является отрицательное отношеніе автора къ реформамъ Петра Великаго, ничѣмъ въ сущности не мотивированное и представляющее любопытный образчикъ англійскаго „славянофильства“. **В. Б—скій.**

I. S. Tourgenev's Works, Translated by ***M-rs Garnett.*** Vol. I—IX. 1898—1900.

На-дняхъ вышли послѣдніе томы превосходнаго художественнаго перевода г-жи Гарнеттъ произведеній Тургенева. Тургеневъ, наряду съ Толстымъ, является однимъ изъ любимцевъ англій-

ской и американской читающей публики. Собственно говоря, благодаря Тургеневскимъ романамъ, появившимся въ 70-хъ годахъ въ переводахъ друга Тургенева Рольстона, въ англійской публикѣ развился интересъ къ русской литературѣ. Тургеневъ проложилъ дорогу Толстому и Достоевскому, а вслѣдъ за ними значительному числу новѣйшихъ русскихъ писателей. Среди послѣднихъ особыми симпатіями пользуются Короленко и Потапенко. Повѣсть Потапенко „На дѣйствительной службѣ" выдержала нѣсколько изданій. Въ послѣднее время начали появляться переводы произведеній А. Чехова (Въ „Ethical World" появился переводъ его разсказа „Враги" съ очень лестнымъ для автора предисловіемъ переводчицы, m-rs D. Zhook, которая ставитъ А. Чехова во главѣ современныхъ молодыхъ русскихъ беллетристовъ). Переводы г-жи Гарнеттъ отличаются большей точностью и обнаруживаютъ въ ней знатока русской жизни и литературы Переводы большинства романовъ снабжены объяснительными историко-библіографическими комментаріями. Г-жа Гарнеттъ, судя по недавно вышедшей книжкѣ ея разсказовъ изъ русской жизни (St. Peterbourg Tales), провела нѣсколько лѣтъ въ Россіи и провела ихъ недаромъ: ея разсказы обнаруживаютъ въ ней внимательнаго вдумчиваго наблюдателя и проникнуты большой симпатіей къ Россіи. Помимо произведеній Тургенева. г-жа Гарнеттъ недавно перевела на англійскій языкъ „Грозу" Островскаго, и можно надѣяться, что она не остановится на этомъ и будетъ продолжать знакомить англійскую публику съ сокровищами русской литературы.

В. Б—скій.

„Siberia and Central Asia", *by John W. Bookwalter.* 1900. (New-York).

Книга г. Букволтера прежде всего поражаетъ читателя своей роскошной внѣшностью и массой превосходныхъ иллюстрацій; можно даже сказать, что только иллюстраціи и придаютъ нѣкоторую цѣнность этому произведенію случайнаго путешественника. Нѣкоторымъ оправданіемъ автору можетъ служить то обстоятельство, что книга составлена изъ ряда корреспонденцій, не предназначавшихся для печати и была издана лишь благодаря „настояніямъ друзей автора". Очевидно, также, уступая „настояніямъ друзей", авторъ не поскупился на собственныя изображенія; такъ вы можете наблюдать г. Букволтера на тройкѣ, его-же—за самоваромъ, его-же въ тарантасѣ, его-же въ лодкѣ, его-же на паромѣ и т. д. ad nauseam. Нельзя безъ улыбки читать наблюденія г. Букволтера о томъ, что „судьбы земледѣлія въ Россіи вызываютъ особую заботливость и нѣжное попеченіе властей", а также его увѣренія, что „рѣдко гдѣ можно встрѣтить такой хорошій дорожный путь, какъ въ Россіи". Вообще, въ книгѣ много наивностей, неточностей и курьезовъ, но въ общемъ авторъ (американецъ) относится съ большой симпатіей къ нашему отечеству.

В. Б—скій.

„Russia and Russians", *by Edmund Hoble* (New-York) 1900.

Авторъ настоящей книги заслуживаетъ благодарность за свою добросовѣстную и трудолюбивую работу, проникнутую искрен-

нимъ сочувствіемъ ко всѣмъ прогрессивнымъ начинаніямъ въ нашемъ отечествѣ Книга заключаетъ въ себѣ тринадцать главъ, въ которыхъ въ хронологическомъ порядкѣ разсказана очень живо и занимательно исторія общественнаго и національнаго развитія Россіи. Содержаніе главъ слѣдующее: „Страна и населеніе.—Начало государственности.—Самодержавіе.—Петръ Великій и европеизація. — Екатерина Великая.—Декабристы.—Освобожденіе крестьянъ.—Революціонное движеніе.—Сектанство.—Ростъ Имперіи.—Система ссылки.—Языкъ и литература.—Будущность Россіи".—Авторъ книги, американскій журналистъ, давно уже занимается русскими вопросами, и его предыдущая работа „Russian Revolt" выдержала нѣсколько изданій. **В. Б—скій.**

Bilder aus dem Kaukasus. Neue Studien zur Kenntnis Kaukasiens. Von C. von Hahn, professor am ersten Gymnasium zu Tiflis. Leipzig. 1900.

Г-нъ Ганъ выпускаетъ уже третью книгу о Кавказѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Первая его книга „Aus dem Kaukasus... Reisen und Studien" (Beiträge zur Kenntnis des Landes) появилась въ 1892: черезъ 4 года онъ издалъ „Kaukasische Reisen und Studien. Neue Beiträge zur Kenntnis des Kaukasischen Landes" и въ этомъ году отпечаталъ новую свою работу, заглавіе которой я выше привелъ. Характеръ всѣхъ названныхъ выше сочиненій одинъ и тотъ же; намѣченный авторомъ планъ выполненъ съ одинаковыми достоинствами. Его книги представляютъ добросовѣстную компиляцію существующихъ въ печати матеріаловъ касательно тѣхъ вопросовъ, которые затрогиваются въ его „Картинахъ". Эти Bilder получаютъ живую окраску благодаря тому, что авторъ лично посѣщаетъ описываемыя мѣстности, сопровождая изложеніе своими воспоминаніями и впечатлѣніями. Хотя авторъ очень рѣдко называетъ свои источники, на которые опирается, такъ сказать, ученая часть его работы, но знакомые съ „записками" Кавк. отд. русск. геогр. общества, изданіями статистич. комитета и др., легко отыщутъ, какая работа лежитъ въ основѣ тѣхъ или иныхъ сообщеній въ очеркахъ или этюдахъ о Кавказѣ. Такъ, настоящая книга заключаетъ въ себѣ десять главъ. Первую авторъ посвящаетъ путешествію въ долины Чороха, Уруха Ардона (лѣтомъ 1896 г.), вторая заключаетъ свѣдѣнія о Пшавахъ, хевсурахъ, кистинахъ и ингушахъ (лѣто 1897), третья обнимаетъ поѣздку въ Кахетію и Дагестаномъ (лѣто 1898), въ четвертой собраны извлеченія изъ русскихъ источниковъ объ обычномъ правѣ и правосудіи у хевсуръ, пятая примыкаетъ къ четвертой, такъ какъ въ ней г. Ганъ на основаніи тѣхъ же главнымъ образомъ данныхъ обозрѣваетъ древнюю іерархію у хевсуръ, ихъ молельни и религіозные обычаи, шестая составляетъ продолженіе IV и V гл. и обнимаетъ свѣдѣнія о религіозныхъ представленіяхъ и погребальныхъ обычаяхъ хевсуръ; въ седьмой главѣ авторъ обращается къ религіи и религіознымъ обрядамъ абхазцевъ въ связи съ этнографическими указаніями объ этомъ племени; восьмая посвящена закавказскимъ татарамъ; девятая спеціально этнографическаго свойства и изслѣдуетъ вопросъ о кавказскихъ деревняхъ и типахъ построекъ.

Эта глава составляетъ наиболѣе самостоятельную статью, такъ какъ этотъ вопросъ въ кавказской этнографической литературѣ мало пока разработанъ. Десятая глава обращена на обзоръ бассейна рѣкъ Куры, Терека, Кубани и Ріона, причемъ описывается характеръ мѣстности, флора, фауна, достопримѣчательности. Въ заключеніе книги приводится приложеніе о распредѣленіи населенія Кавказа по племенамъ и вѣроисповѣданіямъ, съ указаніемъ количественнаго состава. Почтенный трудъ г-на Гана съ знаніемъ дѣла и съ любовью „къ величественной природѣ" Кавказа займетъ видное мѣсто въ скудной свѣдѣніями о Кавказѣ иностранной литературѣ. Мы бы желали видѣть въ его книгахъ болѣе правильную транскрипцію мѣстныхъ словъ (напримѣръ, sachli, а не sacli. samtheli, а не samteli и др.) и краткое указаніе на литературу предмета въ началѣ или въ концѣ книги. Отъ указанія источниковъ его сочиненіе не только ничего не проиграетъ, но и получитъ научную цѣнность въ глазахъ иностранныхъ ученыхъ.

А. Хахановъ.

Remarques sur la parenté de la langue etrusque. Par *Vilh. Thomsen* (Extrait du bulletin de l'académie royale des Sciences et des lettres de Danemark, 1899, № 4) Copenhague. 1899.

Извѣстный датскій лингвистъ, которому, между прочимъ, удалось открыть ключъ къ дешифровкѣ орханскихъ надписей, собранныхъ русскимъ академикомъ г. Радловымъ, возвращается къ вопросу о типѣ этрусскихъ памятниковъ, остающихся по-нынѣ загадкой для ученыхъ. До настоящаго времени сравнивали этрусскій языкъ съ различными идіомами, но ни одна теорія не оказалась убѣдительной. Для этрусскаго языка искали родственныхъ связей среди индо-европейской группы: одни въ италійскихъ нарѣчіяхъ (Corssen, Deeck etc.), другіе въ армянскомъ (Сафусъ Буги). Затѣмъ перешли къ сопоставленію съ семитическими языками, съ языкомъ басковъ, берберовъ; съ урало-алтайской группой, но все безъ прочныхъ результатовъ. Вильгельмъ Томсенъ доказываетъ родство этрусскаго языка съ „*кавказскими*" языками. Предваривъ читателей, что для сравненія языковъ имѣетъ болѣе важное значеніе сходство грамматическихъ формъ, а не лексиконъ, такъ какъ слова могутъ быть заимствованы, онъ устанавливаетъ прежде всего надежные суффиксы этрусскаго языка и затѣмъ ищетъ имъ аналогичные въ "*кавказскихъ*" языкахъ. Я подчеркиваю терминъ *кавказскій* потому, что г. Томсенъ сравниваетъ этрусскія формы не съ одною изъ трехъ пока установленныхъ группъ языковъ Кавказа (восточно-горская, западно-горская и южная или картвельская, причемъ для опредѣленія родства этихъ группъ между собою по-нынѣ ничего не сдѣлано), а со всѣми съ ними, розыскивая аналогичныя явленія то въ одной, то въ другой группѣ. Переходя къ розысканію аналогичныхъ формъ въ другихъ языкахъ, онъ видитъ ближайшее родство между этрусскимъ языкомъ и языками Кавказа. Распредѣливъ послѣдніе по группамъ, согласно классификаціи Р. фонъ-Эркерта, онъ перечисляетъ діалекты каждой изъ нихъ: *А.* группа восточная: I. языки лезгинскіе: *а.* группа западная

(аварскій, андійскій, дидойскій): *b*. группа центральная (ланскій или казикумукскій); *c*. группа сѣверо-восточная или даргуа (варкунъ, кубатчи, акуша, хуркилинъ или гурканъ и др.); *d*. группа юго-восточная или куринская (удинскій, куринскій, арчи и др.); II. Чеченская; *B*. группа западная; III. Черкесскій; IV. Абхазскійі *C*. группа южная: V. Грузинская (собств. грузинскій, мингрельскій, лазскій и сванскій). Авторъ при этомъ высказываетъ одну осторожную мысль: онъ видитъ въ сванскомъ языкѣ нѣкоторые падежи и формы, переходные или связывающіе группу южныхъ языковъ (иберійскихъ) съ языками сѣверными (горскими). Еще Паули сравнивая этрусскій языкъ съ различными языками (между прочими и съ лидійскимъ), отмѣтилъ сходство этрусскаго языка съ языками южно-кавказскими или иберійской группой. (До Паули еще Ellis, оказывается, искалъ сближенія этрусскаго языка съ кавказскими). Такъ, онъ отмѣчаетъ сходство этрусскаго слова *tiv*—„луна". tivr—„мѣсяцъ" съ сванскимъ thöv, мингрельскимъ и лазскимъ *thutha*, *tuta*, („мѣсяцъ, луна"), грузинскимъ *thve*, *ththve*, — „мѣсяцъ", *mthuare* — „луна", ингилойскій *thoï* „мѣсяцъ", *thorai*—„луна". Г. Томсенъ обращаетъ больше вниманія на сходство этрусскаго съ сѣверно-кавказскими языками. Такъ, признакъ этрусскаго множ. числа *r* онъ находитъ въ казикумукскомъ. Родит. падежъ, какъ въ этрусскомъ, языки даргуа имѣютъ окончаніе *la*, казакумукскій — *l*, напр. musi золото, род. п. musil. Въ языкѣ дидайцевъ род. п. имѣетъ *s*, окончаніе, свойственное иберійской группѣ. Суффиксъ *l* играетъ роль образовательнаго аффикса въ именахъ прилагательныхъ; *kiva*—„баринъ", отсюда имя прилагат. kivala; въ груз. яз. ему соотвѣтствуетъ —*eli*, напр. горе ли житель Гори (а не *goreli*, какъ транскрибируетъ г. Томсенъ и, вѣроятно, также Паумъ) и т. д.

Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній относительно установленія значенія числительныхъ, г. Томсенъ вспоминаетъ нѣсколько историческихъ фактовъ, подверждающихъ возможность связей этрусскаго языка съ кавказскими языками. Этруски не аборигены въ Италіи. Геродотъ передаетъ, что тирсены и этрусски—лидійскаго происхожденія, переселились во время голода въ страну, ранѣе обитаемую умбрійцами и здѣсь они приняли имя тираенцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Томсенъ, что въ древности извѣстныя части М. Азіи были заняты народами, родственными нынѣ живущимъ на Кавказѣ. Этотъ фактъ имѣетъ важное значеніе для сопоставленія языка этруссковъ — выходцевъ изъ Лидіи съ языками Кавказа. Языка лидійцевъ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ. Въ Египтѣ сохранилась надпись, буквы которой отличаются отъ алфавита карійскаго и фрокійскаго. Извѣстный ассиріологъ Сейсъ видитъ въ ней образецъ азбуки и языка Лидіи. Эта надпись транскрибируется и переводится Сейсомъ такъ: ***A-l-n-s M-r-s-h-t-l, s-u-l*** т. е., „Alys the son of Mrcht". Сейсъ оставляетъ zul безъ перевода, а г. Томсенъ сопоставляетъ его съ грузинскимъ svili („швили"), интл. sülu усматриваетъ въ словѣ ***mrstl*** окончаніе род. п. ***l***. Такъ, заключаетъ онъ, мы находимъ мостъ въ М. Азіи, соединяющій этрусскій языкъ съ языками Кавказа. Впрочемъ, авторъ не

считаетъ вопросъ разрѣшеннымъ, онъ только обращаетъ вниманіе своихъ коллегъ и приглашаетъ ихъ къ болѣе глубокому изслѣдованію намѣченнаго пути. На этотъ призывъ отозвался извѣстный лингвистъ, проф. Шухардтъ, помѣстившій въ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes (Wien, 1899, XIII B., 4 Heft, стр. 388—392) замѣтку, въ которой онъ не вполнѣ раздѣляетъ взгляды г. Томсена. Онъ говоритъ, что мы мало или совсѣмъ не знаемъ пракавказскій языкъ, не рѣшенъ вопросъ о степени родства группъ кавказскихъ языковъ, а при разнообразіи ихъ можно находить близость какого угодно языка съ однимъ изъ нихъ или въ совокупности въ извѣстныхъ формахъ. Томсенъ останавливается на транзитивномъ характерѣ кавказскихъ языковъ, и проф. Шухардтъ указываетъ, что эта особенность свойственна нѣкоторымъ другимъ не-кавказскимъ языкамъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ, поднятый г. Томсеномъ, представляется весьма любопытнымъ.

А. Хахановъ.

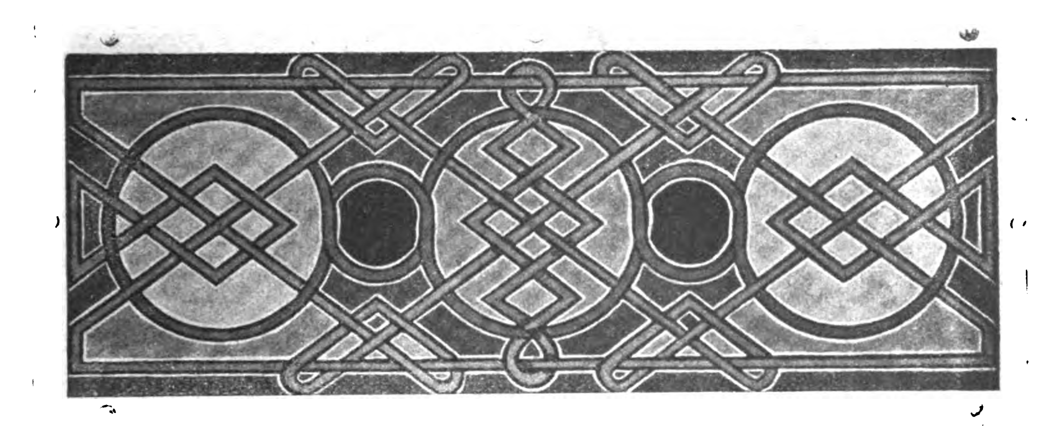
Etude sur la langue laze. Par *M. H. Adjarian* (Extrait des Mémoires de la Société de linguistique de Paris, t. X). Paris. 1899.

Лазы, языкъ которыхъ обозрѣваетъ г. Аджаріанъ, принадлежатъ къ иверійской или грузинской группѣ народовъ. Языкъ грузинскій мало изученъ. Вообще, литература по изученію кавказскихъ языковъ крайне скудна. Для многихъ изъ нихъ до сихъ поръ не существуетъ ни грамматики, ни словаря. Въ особенности скудность эта замѣчается тѣми учеными, которые не владѣютъ русскимъ языкомъ, служащимъ нынѣ органомъ для грамматическихъ и лексическихъ работъ по кавказскимъ идіомамъ. Вслѣдствіе незнакомства съ русской ученой литературой, европейцы впадаютъ въ заблужденіе, и въ этомъ числѣ оказывается авторъ вышепоименованной книги. Въ самомъ *введеніи* онъ обнаруживаетъ незнакомство съ тѣми немногими эскизами, которые имѣются касательно лазскаго языка въ русской литературѣ. Опредѣливъ не вполнѣ точно географическія границы Лазистана, онъ говоритъ, что „лазы—христіане, зависятъ отъ греческаго патріарха въ Константинополѣ, говорятъ *по-гречески* и считаютъ сами себя *греками*". А между тѣмъ у этихъ самыхъ лазовъ, *говорящихъ по-гречески*, онъ записалъ слова и фразы лазскія! Далѣе, онъ отмѣчаетъ рядъ діалектовъ у лазовъ-христіанъ и лазовъ-магометанъ, прибавляя при этомъ, что діалекты „немного" отличаются другъ отъ друга. Указавъ на то, что діалекты восточные, на которыхъ говорятъ ближе къ Батуму, сохранили все богатство произношенія языковъ Кавказа, онъ почему-то не называетъ ближайшаго родственнаго къ лазскому языку—мингрельскаго и не отмѣчаетъ нигдѣ связи ихъ съ грузинской группой языковъ. Это тѣмъ болѣе странно, что его предшественники, которыми онъ пользуется, и Розенъ (Ueber die Sprache der Lazen, Berlin, 1843) и Фонъ-Еркертъ (Die Sprachen des Kaukas. Stammes, Wien, 1895) указываютъ связи между лазско-мингрельскимъ и грузинскимъ языками. Игнорированье, вольное или невольное, этого научнаго пріобрѣтенія языкознанія приводитъ автора ко многимъ курьезнымъ

толкованіямъ и сопоставленіямъ, легко устранимымъ при пользованіи данными мингрельскаго и грузинскаго языковъ. Вся работа его состоитъ изъ небольшого словарчика, грамматическаго эскиза лазскихъ діалектовъ и нѣсколькихъ фразъ вмѣстѣ съ четырьмя народными пѣснями. Указавъ, что лазы не имѣютъ собственнаго алфавита, онъ предлагаетъ свои 32 буквы, выражающія лазскіе звуки. Здѣсь ему много пользы принесло бы знакомство съ матеріалами по мингрельскому языку, напечатанными въ „Сборникѣ" попечителя Кавказ. учеб. округа. Изъ его грамматическаго эскиза еще разъ становится убѣдительнымъ родство лазскаго языка съ мингрельскимъ и грузинскимъ языками. Анализъ формъ сдѣланъ имъ умѣло и съ знаніемъ лингвистическихъ методовъ. Что касается до словаря и фразъ, то они не всегда вѣрно переведены. Игнорированіе грузинской грамматики обусловило недостатки этого труда.

А. Хахановъ,

Редакторъ-Издатель **С. С. Сухонинъ.**

Королева Викторія и ея время.

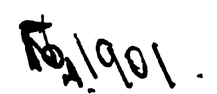

осмертные останки августѣйшей, могущественнѣйшей, превосходнѣйшей государыни, Викторіи. Божіей милостію королевы Британіи, защитницы вѣры и императрицы Индіи, скончавшейся 22 января 1901 года на 82 году отъ рожденія и 64 году царствованія», какъ гласитъ латинская надпись, погребены 4 февраля н. ст. въ Фрогморѣ, въ Виндзорскомъ паркѣ.

Погребена королева, вступилъ на престолъ ея наслѣдникъ, король Эдуардъ VII, новое столѣтіе наступило для англичанъ одновременно съ окончаніемъ «времени королевы Викторіи» (Victorian age), какъ привыкли они говорить о продолжительномъ царствованіи своей государыни, но всесторонняя оцѣнка этой эпохи еще несомнѣнно не наступила, такъ-же какъ и надлежащій моментъ для полной и безпристрастной характеристики самой монархини.

Объективная оцѣнка личности сильныхъ міра—монарховъ и крупныхъ общественныхъ дѣятелей—не принадлежитъ современникамъ, а мы—почти современники «Victorian age». Такая оцѣнка невозможна и потому, что при теперешнихъ условіяхъ лицамъ, стоящимъ у власти, или пишутъ панегирики или преслѣдуютъ ихъ памфлетами, такъ какъ власть и могущество, ослѣпляя и возбуждая корысть однихъ, озлобляютъ, можетъ быть, иногда и незаслуженно, другихъ.

Мы не имѣемъ намѣренія писать панегирика королевѣ Вик-

торіи, и, тѣмъ болѣе, составлять противъ нея памфлета, не собираемся также и сколько-нибудь полно очертить ея время, такъ какъ такой трудъ былъ-бы ничѣмъ инымъ, какъ исторіей англійскаго народа за три четверти девятнадцатаго вѣка, и наша скромная задача сводится лишь къ краткому памятному слову какъ этой эпохѣ исторіи Англіи, такъ и ея центральной фигурѣ—королевѣ Викторіи.

Имя королевы Викторіи будетъ всегда памятнымъ и славнымъ, какъ и имя Гомера, такъ какъ это понятіе собирательное, почти символическое.

Королева Викторія, какъ монархиня конституціонная, никогда не стремилась объять необъятное — всю жизнь англійскаго народа во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ и очень рано усвоила убѣжденіе, что смягчивъ политическій авторитетъ власти, она устранитъ эту власть отъ всякихъ столкновеній, вслѣдствіе чего упрочитъ свой общественный, соціальный авторитетъ.

И дѣйствительно, англичане «Victorian age» вполнѣ лойяльные подданные королевы. Перемѣщеніе центра политической власти на парламентъ и отвѣтственныхъ министровъ, упроченіе парламентаризма въ Англіи выдвинуло цѣлую вереницу государственныхъ дѣятелей, которыми могли бы гордиться всѣ народы. Но касаясь оттѣнковъ различныхъ партій стоитъ вспомнить о Пилѣ, Гладстонѣ, лордѣ Пальмерстонѣ, Дизраэли, графѣ Дерби, лордѣ Росселѣ, благородныхъ представителяхъ народа Ричардѣ Кобденѣ (Anti-corn law-league), Яковѣ Брайтѣ съ его предложеніями предоставленія избирательныхъ правъ женщинамъ, и, наконецъ, о борцахъ за Ирландію О'Коннелѣ, Парнелѣ и др.

Вся эта блестящая плеяда сошла со сцены ранѣе королевы Викторіи, но составляетъ гордость ея времени. Если часто при оцѣнкѣ дѣятельности всѣхъ этихъ «либераловъ» и «консерваторовъ» и трудно найти между ними какое-либо «принципіальное различіе», то едва ли это не происходитъ оттого, что прогрессивное направленіе въ Англіи, какъ единственно жизненное и постоянное, умѣетъ завоевать и либераловъ и консерваторовъ по важнѣйшимъ вопросамъ народной жизни.

Не повторяя здѣсь всѣмъ извѣстныхъ фактовъ внѣшней исторіи Англіи за послѣдніе 80 лѣтъ, мы намѣтимъ лишь нѣкоторые важнѣйшіе моменты исторической эволюціи этой эпохи.

Когда королева Викторія вступила на престолъ, не было никакихъ признаковъ того колоссальнаго развитія капитализма и промышленности, которыми ознаменовалось ея время.

Замѣчался, наоборотъ, сильный упадокъ національной производительности подъ вліяніемъ предшествовавшей борьбы съ Франціей. Расходы на армію, вызванные войной, были сведены до минимума, но государственные финансы все еще находились въ весьма плохомъ состояніи. Англійскій экспортъ долго оставался почти неизмѣнно на цифрѣ 510 мил. руб. въ годъ или около этого. Золото втеченіе перваго десятилѣтія лишь въ небольшомъ количествѣ ввозилось изъ Россіи и пе-

Королева Викторія въ 1830 г. (Съ картины Вилліама Фаулера).

реворотъ наступилъ только на одиннадцатомъ году царствованія королевы Викторіи, когда въ Калифорніи были открыты золотыя розсыпи. Вскорѣ было открыто золото и въ Австраліи. Кобденъ и французъ Шевалье вѣрно предсказали тогда упадокъ цѣнности денегъ, и увеличеніе заработной платы, опасенія же относительно быстраго истощенія золотыхъ мѣстонахожденій, вздорожанія серебра и т. д. опровергнуты послѣдними годами нашего столѣтія.

Между тѣмъ количество золота въ англійскомъ банкѣ, простиравшееся въ 1847 году лишь до 80 милл. руб., возросло уже къ 1853 году до 220 мил. руб. а по даннымъ лондонскаго монетнаго двора на каждыя 100 ф. стер. въ 1837 году приходилось въ 1897 году 628 фунтовъ.

Наряду съ этимъ начинается и могучій ростъ промышленности и желѣзныхъ дорогъ, подъ вліяніемъ открытія Георга Стефенсона.

Въ «Статистич. отч. брит. имперіи» въ 1837 году Макъ-Келлохъ писалъ: «За послѣднее время всеобщее вниманіе публики возбудили желѣзныя дороги, которыя въ недалекомъ будущемъ будутъ проведены между всѣми главнѣйшими городами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ окажется достаточно удобный грунтъ. Онѣ дѣлаются изъ дерева, или изъ желѣза. Выгоды, которыя ожидаются отъ увеличенія желѣзнодорожной сѣти на нашъ взглядъ значительно преувеличены».

Герцогъ Веллингтонъ и др. говорили въ такомъ же пренебрежительномъ тонѣ объ открытіи Стефенсона, а въ «Morning Post» въ февралѣ 1842 года отмѣчалось съ удовольствіемъ что «королева никогда не путешествуетъ по желѣзной дорогѣ», хотя принцъ Альбертъ иногда и благоволитъ пользоваться новымъ способомъ передвиженія между Виндзоромъ и Лондономъ, при чемъ часто говоритъ «Not quite so fast, mr. conductor, if you please» [1]).

Однако, между 1836 и 1846 г.г. англичане совершенно привыкли къ желѣзнымъ дорогамъ; въ 1846 году было разрѣшено къ постройкѣ 440 новыхъ линій, а къ 1897 году, юбилейному году королевы, на постройку желѣзныхъ дорогъ былъ затраченъ капиталъ, какъ это высчитано англійскими статистиками, превышающій въ полтора раза государственный долгъ Англіи, а по отчету «Board of Trade» (1894 г.) жел. дороги въ Англіи оцѣнены въ 985.387.855 фунт. стер. Однако, можетъ быть, не меньшій толчекъ развитію промышленности, чѣмъ наплывъ золота и желѣзнодорожная горячка, дали фискальныя реформы, которыя связаны съ именами Кобдена, Брайта, Пиля, Виллье и Гладстона.

Все это повлекло за собой какъ умноженіе капиталистовъ такъ, подъ вліяніемъ повышенія заработной платы, превысившей возраставшую дороговизну жизни, вслѣдствіе паденія цѣнности денегъ, и увеличеніе благосостоянія народныхъ массъ. Рабо-

---

[1]) «Не такъ шибко, г. кондукторъ, пожалуйста».

чая плата въ 1851—2 годахъ возросла не менѣе нежели на 25%.

Въ своемъ трудѣ «Classes and Masses» mr. H. Mallock указываетъ, что напр. въ 17 столѣтіи, треть обитателей Шеффильда, нынѣ крупнаго промышленнаго центра (1615 г.) содержались на средства благотворительности. Черезъ тринадцать лѣтъ послѣ вступленія на престолъ королевы Викторіи (1850) на каждыя двѣ сотни англичанъ было девять нищихъ. Въ 1882 году это количество уменьшилось до пяти. Между тѣмъ отъ 1850 г. до 1897 населеніе возросло съ 28 мил. до 38. Количество плательщиковъ income-tax (подоходнаго налога) увеличилось съ одного милліона почти до восьми милліоновъ. Количество лицъ съ доходомъ между 150 фун. до 1.000 фун. увеличилось съ трехсотъ тысячъ до девятисотъ девяносто тысячъ. Количество лицъ съ доходомъ около 1000 ф. стер. увеличилось съ 24 т. до 60 т. Такимъ образомъ, какъ указываетъ Mallock, количество людей со средними достаткомъ увеличилось въ общемъ на 690 т., количество-же крупныхъ капиталистовъ возросло лишь на 36 т.

Съ другой стороны тотъ-же авторъ доказываетъ, невѣрность предположенія объ увеличеніи состоятельности богатыхъ классовъ общества. Короче говоря, цифровая аргументація Mallock'а сводится къ тому, что въ 1800 году все богатство страны составляло 240 милліоновъ фунтовъ. Изъ этой общей цифры принадлежало рабочимъ классамъ 111 мил. фун. и остальнымъ классамъ общества, т. е. среднему и богачамъ, 130 мил. фун. Черезъ семьдесятъ пять лѣтъ, или точнѣе къ 1881 году, общее богатство Англіи составляло 1300 мил. фун., изъ каковой цифры принадлежало рабочимъ классамъ 660 мил. фун. Такимъ образомъ, рабочіе классы, отставъ отъ остальныхъ на 20 мил. ф. въ началѣ девятнадцатаго вѣка, опередили на тѣ-же 20 мил. ф. другіе классы къ концу вѣка. Изъ этого Mallock дѣлаетъ выводъ, что ростъ англійской промышленности, въ частности жел. дорогъ, оказалъ услугу не однимъ капиталистамъ, но и всему англійскому народу.

Росту народнаго благосостоянія сопутствовало и увеличеніе сознанія гражданской солидарности англичанъ.

Замѣчается стремленіе какъ-бы заполнить пропасть между богатыми и бѣдными; выдѣляется въ этомъ направленіи личность лорда Шефтесбери, лорда «бѣдныхъ людей» (Poor Mans Peer), борца за десятичасовой рабочій день (Ten Hours Bill 1844); богатые лорды начинаютъ стыдиться запирать на замокъ ворота своихъ огороженныхъ парковъ отъ бѣдныхъ людей.

Смягченіе нравовъ выражается и въ протестахъ противъ публичной казни преступниковъ (см. талантливый очеркъ Теккерея «Going to see a man hung»).

Наконецъ, вниманіе всего общества обращается на народное образованіе.

Стремленіе къ осуществленію такой государственной организаціи, при которой государство наиболѣе удовлетворяетъ потребностямъ гражданъ, выразилось наиболѣе, можетъ быть отчетливо за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ въ Англіи именно въ заботахъ о просвѣщеніи массъ. До 1833 г. государство какъ-бы почти не сознавало за собой обязанности заботиться о народномъ образованіи. Въ томъ-же году, однако, было ассигновано на этотъ предметъ 20000 ф. стер. Это ассигнованіе съ послѣдующими добавленіями стало, затѣмъ, ежегодно передаваться въ «National Society in Broad Sanctuary», такъ какъ это «Національное общество» является представителемъ государственной церкви (Church of England), и для нонконформистовъ въ другое общество — British and Foreign School Society. Въ первые двѣнадцать мѣсяцевъ послѣ «акта реформы» (Reform Act) самыми дѣятельными организаціями въ дѣлѣ народнаго образованія были упомянутыя выше два учрежденія. Съ другой стороны католическая римская церковь никогда не переставала стремиться взять народное образованіе въ свои руки. Система воскресныхъ школъ, которой, до вступленія королевы Викторіи, въ дѣйствительности многія тысячи рабочихъ были обязаны всѣмъ своимъ образованіемъ была пущена въ ходъ въ Англіи еще къ концу восемнадцатаго вѣка.

За два или за три десятилѣтія до 1833 года парламентъ уже созналъ лежащую на государствѣ обязанность попеченія о народномъ образованіи и Самуилъ Вайтбредъ со своимъ проектомъ приходскихъ школъ принадлежитъ къ первымъ дѣятелямъ по народному образованію въ прошломъ столѣтіи. Первый предложенный парламенту въ 1820 году проектъ организаціи школъ для народа потерпѣлъ, крушеніе, вслѣдствіе борьбы религіозныхъ партій. Въ 1839 году лорду Мельбурну удалось добавить къ уже отпускавшимся ранѣе 20000 ф. стер. еще 30000 ф. стер. субсидіи для католическихъ школъ.

Палата лордовъ, въ особомъ адресѣ на имя королевы, выразила порицаніе этой новой политикѣ религіозной вѣротерпимости и въ палатѣ общинъ биль прошелъ только большинствомъ двухъ голосовъ.

Королева Викторія въ 1840 г.

(Съ картины Вилліама Фаулера).

Затѣмъ, впервые было организовано нѣчто вродѣ министерства народнаго просвѣщенія (Education Department), подъ предсѣдательствомъ «President of the Council» а въ 1856 назначенъ особый вице-президентъ.

Во время продолжительнаго министерства лорда Пальмерстона къ 1857 г. бюджетъ народнаго образованія возросъ до 451.000 ф. стер. Вмѣстѣ съ ростомъ расходовъ по народному образованію пособія стали выдавать не только на новыя школы, но и на поддержку старыхъ, распространяя надзоръ государства за ходомъ дѣла образованія на всѣ образовательныя учрежденія, пользующіяся субсидіей правительства. Въ 1859—60 г. расходовалось на народное образованіе уже болѣе милліона ф. стер., но отчетъ коммисіи по народному образованію указалъ на неудовлетворительную постановку дѣла. Вслѣдствіе этого, въ 1862 году стали выдавать субсидіи сообразно съ успѣшностью обученія, проявленной учениками школъ на годичныхъ экзаменахъ.

На время, вслѣдствіе этого, расходъ на субсидіи школамъ пересталъ возрастать, но въ 1870 года все-же достигъ милліона фунтовъ съ четвертью.

До этого 1870 г. и «акта объ образованіи» (Education Act), связаннаго съ именемъ Форстера, давшаго могучій толчокъ народному образованію, вслѣдствіе учрежденія повсемѣстно въ королевствѣ «School Boards», особыхъ учрежденій для завѣдыванія школами, дѣло народнаго образованія подвигалось, сравнительно, лишь медленно впередъ.

Къ замѣчательному во многихъ отношеніяхъ акту объ образованіи было присоединено такъ называемое добавленіе о свободѣ совѣсти (Conscience clause).

Актъ 1880 года (Mundella's Act) сдѣлалъ обученіе обязательнымъ повсемѣстно въ Англіи и Валлисѣ, между тѣмъ какъ ранѣе вопросъ объ обязательномъ обученіи былъ предоставленъ на усмотрѣніе мѣстныхъ властей.

Во всѣхъ субсидируемыхъ государствомъ школахъ было установлено, чтобы обученіе религіи производилось или передъ остальными уроками или послѣ, для того, чтобы родители, по своему усмотрѣнію, могли или посылать или не посылать своихъ дѣтей на уроки религіи, не заставляя ихъ терять напрасно время безъ занятій во время этихъ уроковъ, если-бы не хотѣли давать дѣтямъ религіознаго образованія.

Съ 1891 года первоначальное обученіе въ Англіи обязательно и безплатно и на народное образованіе расходуется болѣе ста милліоновъ рублей правительствомъ.

Безплатное образованіе въ 1891 г. предложило консервативное министерство Солсбери (Salisbury). Результатъ принципа безплатности обученія не замедлилъ выразиться въ громадномъ увеличеніи числа школьниковъ. За пять лѣтъ послѣ акта 1891 г. число школьниковъ удвоилось.

Однако, не только первоначальное образованіе доступно народу (обязательно и безплатно) въ Англіи, но доступны и школы

Король Англіи Эдуардъ VII.

средняго образованія. Въ настоящее время всю систему стремятся пополнить школами высшими, также доступными для всѣхъ.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что частная предпріимчивость на поприщѣ народнаго образованія, не встрѣчая въ Англіи никакихъ препятствій, развита чрезвычайно широко и гораздо шире начинаній самого правительства.

Путемъ книги университетъ, если можно такъ выразиться, стучится въ дверь къ простому англійскому рабочему, настигаетъ купца за его прилавкомъ и конторщика за его бюро.

Нѣкоторымъ подтвержденіемъ изъ области статистики къ вопросу о ростѣ культуры въ Англіи и улучшеніи средствъ

сношеній можетъ служить справка о ростѣ корреспонденціи, собственно, писемъ. Въ 1837 году черезъ англійскія почтовыя учрежденія прошло 78 милліоновъ писемъ, а за одинъ изъ послѣднихъ годовъ (съ 31-го марта 1895 г. по 31-го марта 1896 г.)—1834 милліона писемъ, т. е. въ 24 раза болѣе за годъ, чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ.

Для образованнаго народа, однако, необходимы и широкія

Королева Англіи Александра.

средства взаимнаго духовнаго общенія. Въ этой области, не только преобразованія, но и воплощенія въ дѣйствительной жизни самыхъ смѣлыхъ мечтаній поэтовъ и художниковъ отмѣтили царствованіе королевы Викторіи.

Народные дворцы—учрежденія, въ которыхъ для самообразованія и разумнаго развлеченія встрѣчаются теперь бѣднѣйшіе классы населенія, народныя безплатныя библіотеки, о которыхъ мечталъ Карлейль, теперь все это уже существуетъ и организовано въ широкихъ размѣрахъ. По отношенію къ народнымъ библіотекамъ опытъ, между прочимъ, показалъ, какъ несостоятельно возраженіе, которое предшественники дѣлали раньше, въ томъ смыслѣ, что народъ будто бы станетъ

читать лишь одни беллетристическія произведенія самаго скверпаго рода. Въ библіотекахъ въ Англіи оказывается въ гораздо большемъ спросѣ, нежели беллетристика, сочиненія Герберта Спенсера «First Principles», Аристотелева «Этика», «Логика» Милля и т. п.

Если въ первые годы царствованія королевы Викторіи англичане съ бо́льшимъ удовольствіемъ ходили смотрѣть на висѣлицу, нежели въ театръ, впослѣдствіи, Кинъ, Макреди и др. выдающіеся артисты пріучили англійское общество къ театру.

Говоря о прогрессѣ англійской жизни въ различныхъ областяхъ нельзя пройти молчаніемъ и ростъ печати.

«Барнсъ — могущественнѣйшій человѣкъ въ Англіи», сказалъ объ издателѣ газеты «Times» еще въ первые годы царствованія королевы Викторіи лордъ Линдгорстъ.

Вступленіе на престолъ королевы было встрѣчено привѣтствіями 479 газетъ, ко времени же ея юбилея о ней писали въ 2396 газетахъ и журналахъ.

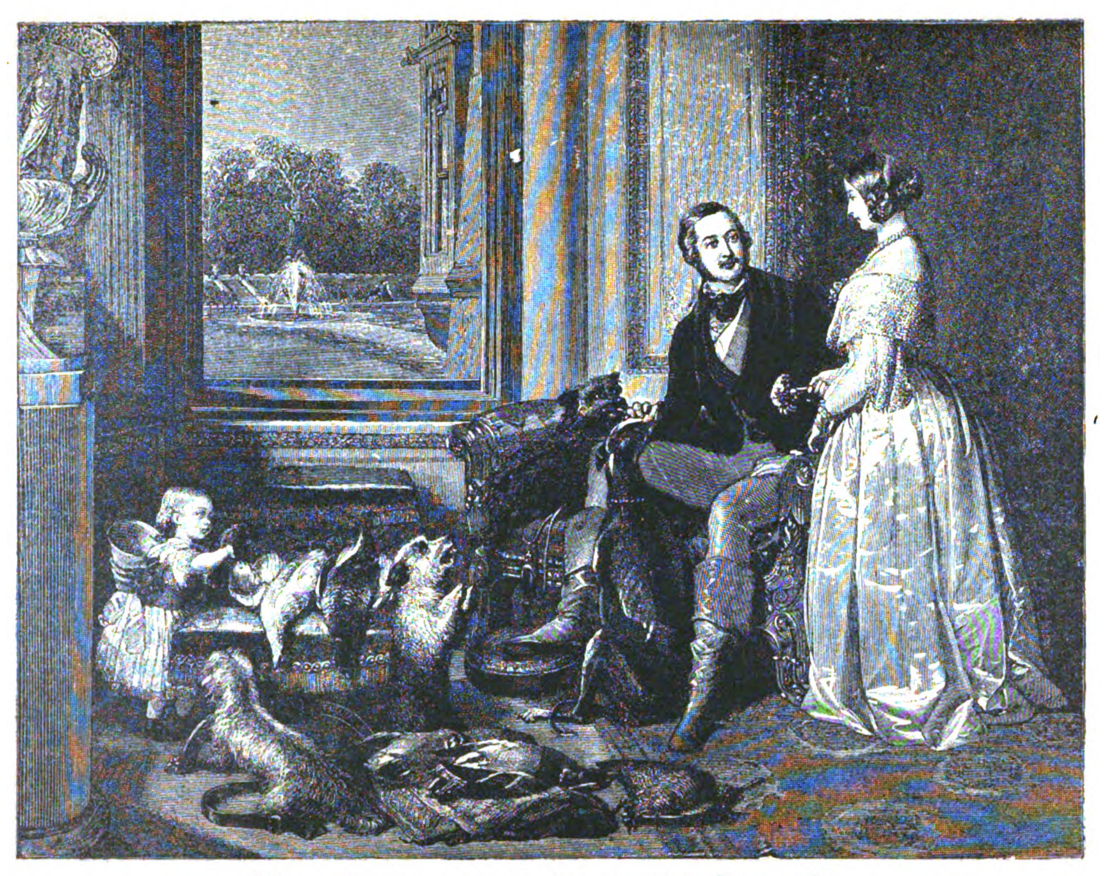
Печать въ Англіи въ настоящее время—это настоящій народный парламентъ, можетъ быть, гораздо болѣе близкій народу и, конечно, гораздо полнѣй выражающій его нужды, чѣмъ ораторы палаты общинъ и палаты лордовъ.

Пресса царствованія королевы Викторіи—это «penny press», т. е. самая дешевая, что сдѣлалось опять таки возможнымъ лишь вслѣдствіе усовершенствованія производства бумаги и и отмѣны обложенія (1851).

Любовь англичанъ къ живописи въ достаточной степени извѣстна, такъ какъ лучшія картины покупаютъ теперь почти исключительно англичане.

Однако и въ этой области за послѣднее десятилѣтіе замѣчается громадный прогрессъ, такъ напр., за Мадонну Рафаэля изъ коллекціи Бленгейма англійское правительство заплатило въ 1897 году ту-же самую сумму, которую оно, съ разрѣшенія парламента, тридцать лѣтъ тому назадъ, послѣ значительныхъ дебатовъ, получило разрѣшеніе заплатить за всю замѣчательную коллекцію картинъ Роберта Пиля.

Измѣненіе отношенія англичанъ къ искусству къ концу царствованія королевы Викторіи, наряду съ болѣе высокой оцѣнкой художественныхъ произведеній прекрасно иллюстрируется указаніемъ на число посѣтителей Королевской Академіи. На первой выставкѣ въ Академіи, тогда около Трафальгар-

Изъ счастливыхъ дней королевы Викторіи.

(Картина сэра Е. Ландзира).

скаго сквера, не перебывало болѣе 79,000 посѣтителей, въ 1879 г. ихъ перебывало на такой же выставкѣ 391,197.

Не останавливаясь на дальнѣйшихъ статистическихъ сопоставленіяхъ, мы едва-ли не въ правѣ сдѣлать изъ всего вышесказаннаго выводъ, что идея англичанъ о созданіи вмѣсто «Great Britain», т. е. Великобританіи—могущественнаго объединеннаго государства—«Greater Britain» т. е. Великобританскаго государства совокупнаго съ колоніями—мірового союза—находитъ себѣ полное оправданіе во внутреннемъ прогрессѣ ихъ жизни. Да и граждане колоній Англіи, какъ нѣкогда граждане римскихъ колоній, начинаютъ предпочитать именоваться англичанами, нежели канадцами, австралійцами и т. п.

Вѣчно больное мѣсто Англіи—это Ирландія. Если Англію называютъ «счастливой» (merry), то Ирландію по справедливости можно было бы назвать несчастной. Однако, такъ какъ на это «больное мѣсто» слышатся постоянно указанія повсюду въ самой Англіи и не встрѣчается никакихъ препятствій къ обсужденію этой исторической болѣзни королевства, то едва-ли есть основаніе опасаться, что здѣсь не восторжествуетъ истина и справедливость.

«Les meaux les plus criants sont ceux qui sont doublés de silence» [1]) говоритъ одинъ писатель. Въ Англіи никто не вынужденъ молчать ни о какихъ язвахъ, а это, какъ извѣстно, лучшій способъ устраненія всякихъ золъ.

Престарѣлая монархиня, съ именемъ которой связано столько блестящихъ страницъ исторіи ея народа—королева Викторія—не готовилась для трона. Юность ея прошла почти въ бѣдности. Дочь герцога Эдуарда Кентскаго, четвертаго сына короля Георга III и кобургской принцессы Викторіи-Маріи-Луизы едва-ли могла надѣяться, что будетъ царствовать болѣе полустолѣтія [2]) и оставитъ потомство на всѣхъ тронахъ

---

[1]) «Самыя мучительныя страданія—это тѣ, которыя покрыты молчаніемъ».

[2]) Королева Викторія пережила за время своего царствованія: всѣхъ членовъ тайнаго совѣта, жившихъ въ 1837 году, когда королева вступила на престолъ, всѣхъ лордовъ, носившихъ въ 1837 г. этотъ титулъ, всѣхъ членовъ палаты общинъ того времени. Королева видѣла на своемъ вѣку 12 лордъ-канцлеровъ, 10 премьеровъ, 7 спикеровъ въ палатѣ общинъ, 5 кентерберійскихъ архіепископовъ, 6 іоркскихъ архіепископовъ и 6 главнокомандующихъ войсками. Она пережила всѣхъ герцоговъ и герцогинь, маркизовъ и маркизъ, носившихъ эти титулы въ 1837 г. всѣхъ членовъ жокей-клуба. При ней прошли чередою 17 президентовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, 19 вице-королей въ Канадѣ, 15 вице-королей въ Индіи. Во главѣ правленія во Франціи стояли за время царствованія королевы: 1 король, 1 императоръ и 7 президентовъ республики.

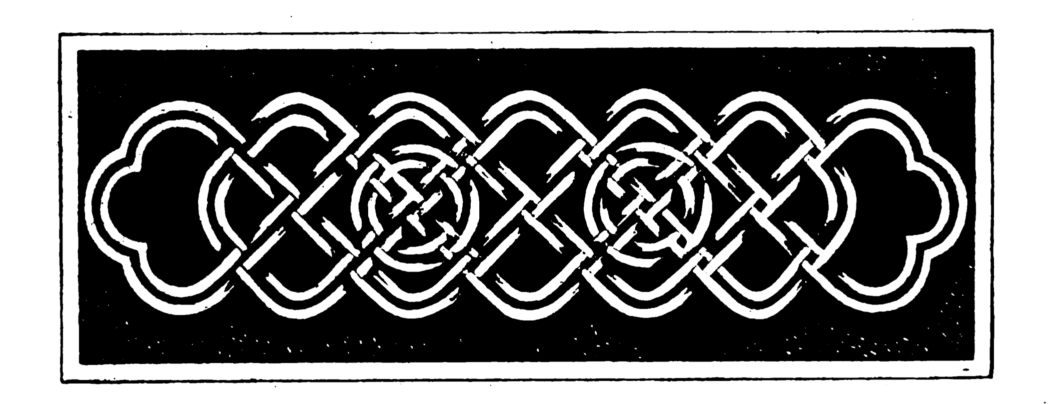

Европы. 24 мая 1837 г. принцесса Викторія была объявлена совершеннолѣтней въ возрастѣ восемнадцати лѣтъ, а уже черезъ четыре недѣли, 20 іюня, рано по утру архіепископъ кентерберійскій, лордъ Чамберленъ и др. явились во дворецъ и привѣтствовали ее какъ королеву словами «Your majesty» вслѣдствіе кончины, ночью, въ Виндзорскомъ замкѣ Вильгельма IV.

Менѣе чѣмъ черезъ три года королева вступила въ бракъ съ принцемъ Альбертомъ Кобургскимъ, отъ котораго имѣла девять человѣкъ дѣтей, причемъ семейная ея жизнь была вполнѣ счастлива, какъ она сама намъ разсказала объ этомъ, въ 1868 году, въ своихъ «Листкахъ изъ дневника». Теперешній король Англіи, Эдуардъ VII, былъ вторымъ ребенкомъ королевы, род. въ 1841 г. и женатъ на принцессѣ датской Александрѣ.

Послѣ смерти принца Альберта печать вдовьяго положенія никогда не покидала королеву, рѣдко показывавшуюся въ Лондонѣ. Образцовая супруга, любящая мать и нѣжная прабабушка и бабушка, она оставила многочисленное потомство и добрую память въ англійскомъ народѣ, умѣвшемъ высоко цѣнить ея конституціонную корректность.

М. В. Г.

Наполеонъ I.

Историко-біографическій очеркъ.

(Продолженіе).

V. Родина и якобинство. 1789—1792.

Поручикъ-смутьянъ и Паоли.—Опять гарнизонъ.—Французскій капитанъ и корсиканскій подполковникъ.—Выгнанный со службы.

емья не узнала своего Набуліоне. Въ прежніе пріѣзды онъ важничалъ новомодной философіей, туманными гипотезами и фантастическими прожектами, къ великой досадѣ Летиціи: разсудительная матрона видѣла, что съ такимъ багажомъ ея Провидѣніе останется плохимъ служакой и неудачнымъ попрошайкой у правительства. Революція встряхнула силы поручика и дала имъ выходъ: передъ нами уже осторожный практикъ, смѣло и ловко хватающійся за жизненные опыты.

Началась самая замысловатая и характерная пора въ жизни Буонапарте, но наиболѣе темная: онъ всячески самъ заметалъ ея слѣды и желалъ, чтобы его біографы начинали прямо съ тулонскаго подвига, хотя для нихъ важны именно эти 6 лѣтъ (1789—1795), когда закалялись основныя черты «великаго человѣка». То былъ разгаръ революціонной бури, которая ломала, какъ былинку, жизнь даже опытныхъ людей, метавшихся, какъ угорѣлые, изъ стороны въ сторону. А нашъ юный

поручикъ оказался искуснымъ кормчимъ, который блистательно провелъ свой утлый челнъ между Сциллой и Харибдой. Тутъ-то онъ обнаружилъ и дерзкую самоувѣренность, и безшабашную отвагу, и неразборчивость въ средствахъ, и макіавелистическое лукавство.

Буонапарте говорилъ тогда въ своей семьѣ: «Кто не согласился бы съ радостью умереть подъ ударами кинжаловъ, лишь бы сыграть роль Цезаря? Одинъ лучъ славы, выпавшій на долю великаго человѣка, былъ бы достаточнымъ вознагражденіемъ за насильственную смерть». А своимъ политическимъ товарищамъ онъ проповѣдывалъ: «Законъ подобенъ статуямъ боговъ, которыя иногда приходится окутывать завѣсой». Онъ не скрывалъ предъ ними своего презрѣнія къ «обабившимся трусамъ, прозябающимъ въ сладкомъ рабствѣ», и хвастался, что желаетъ «прославиться среди своихъ». Словомъ, Буонапарте, подобно Цезарю, рѣшилъ, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ: онъ задумалъ овладѣть Корсикой, что устроило бы и его семью, которая всегда лежала у него на сердцѣ. Но, чувствуя подъ ногами вулканическое сотрясеніе революціи, онъ не хотѣлъ разрывать и съ ненавистной поработительницей своего отечества. Отсюда двойная игра.

Конечно, дѣло не выгорѣло бы, если бы не всеобщая анархія; но должно отдать справедливость той тонкой казуистикѣ, съ которою велъ его дерзкій поручикъ. Благодаря ловкимъ прошеніямъ, гдѣ большую роль играли лихорадка, желудочныя боли и семья, онъ изъ 6-лѣтней службы въ IV полку большую часть времени провелъ въ отлучкахъ, и отчасти безъ разрѣшенія начальства. Подъ конецъ онъ вышелъ сухимъ изъ воды, когда уже совсѣмъ завязъ было въ тинѣ: когда истекъ срокъ отпуска и начальство потребовало его, онъ перешелъ въ національную гвардію Корсики. При этомъ смѣльчакъ ухитрился не только остаться французскимъ офицеромъ, но и получить жалованье за время своего дезертирства.

Въ первый свой пріѣздъ Буонапарте пробылъ на родинѣ 1 годъ и 2 мѣсяца, теперь — 1 годъ и 4 мѣсяца (съ октября 1789). Тогда онъ ничего не сдѣлалъ, теперь достигъ лишь мимолетныхъ успѣховъ; но они обнаружили рѣдкую энергію и изворотливость со стороны юноши безъ денегъ и связей, за которымъ было одно только преимущество — единственнаго корсиканца съ высшимъ военнымъ образованіемъ.

Маленькая Корсика задала неопытному честолюбцу боль-

шую задачу. Она больше походила на хаосъ, чѣмъ сама Францiя. Конечно, и здѣсь возникли свои консерваторы, либералы и радикалы: къ первымъ принадлежала горсть дворянъ и духовенство, ко вторымъ — буржуазiя прибрежныхъ городовъ, къ третьимъ—масса, особенно въ горахъ. Но дѣло осложнялось тѣмъ, что консервативное меньшинство мирилось съ чужеземнымъ игомъ, остальные же стремились къ независимости Корсики и назывались *патрiотами* или *паолистами*. Сверхъ того, кипѣла старая вражда между родами, которая спутывала партiи. Наконецъ, революцiя разнуздывала страсти, особенно среди такихъ пылкихъ и рѣшительныхъ головъ, какъ корсиканскiе юноши. Такъ на дорогѣ Наполеона вдругъ сталъ его прiятель, который съ тѣхъ поръ жилъ местью Бонапартамъ: то былъ Поццо ди Борго, который превосходилъ Наполеона и силой своею клала, и талантомъ интригана.

Наполеонъ прибылъ домой на готовую бурю. Конститюанта только что объявила Корсику «французскимъ департаментомъ» — и патрiоты злобно поглядывали на свою Бастилью—на цитадель въ Аяччьо. Тотчасъ заварилась каша. «Неутомимая дѣятельность Буонапарте привела все въ движенiе, наэлектризовала весь Аяччьо», говоритъ очевидецъ. Наполеонъ сговорился съ своимъ прiятелемъ, Поццо и съ братомъ Жозефомъ, который признавался потомъ, что «находился въ томъ возрастѣ, когда глубоко чувствуешь то, что считаешь справедливымъ». И всюду появились трехцвѣтныя кокарды, злые памфлеты противъ „тиранiи", клубы паолистовъ — истинные очаги радикализма. Въ этихъ то клубахъ впервые раздалась краткая, рѣзкая, безсвязная рѣчь Наполеона, дышавшая ненавистью къ французамъ и якобинствомъ. Тогда же онъ научился влiять на массы, болтая по избамъ и раздавая деньги— вѣроятно, клубскiя. Наконецъ, была составлена петицiя въ конститюанту, которую первый подписалъ французскiй ,,артиллерiйскiй офицеръ". Здѣсь Наполеонъ не пощадилъ французскихъ правителей, которые ,,унижали и пожирали" островитянъ. Онъ требовалъ для корсиканцевъ ,,возстановленiя правъ, дарованныхъ всѣмъ природой". Петицiя настаивала на учрежденiи самоуправленiя, подъ именемъ ,,нацiональнаго комитета", и на введенiи милицiи. Мысль о милицiи привезъ съ собой Буонапарте: онъ уже видѣлъ зарожденiе нацiональной гвардiи во Францiи и рѣшилъ подыматься съ помощью штыковъ. Петицiя кончалась требованiемъ амнистiи для Паоли и бѣжавшихъ съ нимъ.

Конституанта осыпала корсиканцевъ привѣтствіями и похвалами; а тѣ пришли въ неистовый восторгъ отъ сліянія съ великою свободною націей. Буонапарте больше всѣхъ кричалъ: „Да здравствуютъ нація, Мирабо, Паоли!" Онъ восклицалъ про Францію: „О, просвѣщенная, великодушная нація! Ты раскрыла намъ свою грудь: отнынѣ у насъ одни интересы и заботы съ тобой! Исчезло раздѣляющее насъ море!" И „Письма о Корсикѣ" были заброшены. Въ то же время Наполеонъ устроилъ горячій адресъ „великому человѣку" и оваціи, когда Паоли прибылъ изъ Лондона, въ іюлѣ 1790 г. Онъ гордо шелъ подлѣ „отца отечества", стараясь заговаривать съ нимъ. Бонапарты прослыли тогда „бѣшеными" паолистами и французами. Паоли также приласкалъ ихъ, вспоминая дружбу покойнаго Карло. Онъ сказалъ нашему юношѣ: „Наполеонъ, у тебя нѣтъ ничего нынѣшняго; ты не нашего вѣка; у тебя чувства героя Плутарха. Мужайся! Ты взлетишь высоко". Паоли называлъ имя француза „благороднѣйшимъ званіемъ". Старикъ уже не думалъ о независимости Корсики: онъ думалъ только о реформахъ въ духѣ конституанты. Онъ былъ радъ, что конституанта разрѣшила корсиканцамъ выбрать самимъ „директорію" (правленіе) и завести національную гвардію.

Но въ директорію не попалъ никто изъ Бонапартовъ. Самъ Наполеонъ не могъ взять въ толкъ, что ему не давали никакихъ мѣстъ уже по его молодости. И онъ опять „все мутилъ", доносили въ Парижъ. Ревизоръ конституанты назвалъ даже всю эту шайку „самыми презрѣнными людьми и фанатиками, лишенными честнаго имени и всякаго довѣрія". Наполеонъ всюду вмѣшивался, втирался въ собранія и ораторствовалъ, не имѣя никакого права, исподтишка возбуждалъ бунты, выставляя другихъ впередъ. Въ муниципалитетѣ Аяччьо онъ орудовалъ черезъ попавшаго туда Жозефа. Въ клубѣ патріотовъ онъ былъ душой: «при трудномъ вопросѣ — говоритъ очевидецъ—взоры всѣхъ искали въ залѣ гражданина-лейтенанта, который однимъ словомъ разсѣивалъ сомнѣнія». Буонапарте обучалъ молодежь стрѣлять и воодушевлялъ ее пылкими словами о свободѣ и отечествѣ. Одинъ крестьянскій парень говоритъ: «Наполеонъ столько бумаги черкалъ, рвалъ, жегъ, что ея не хватало въ деревнѣ. Это былъ, конечно, талантливый и ученый человѣкъ; но такіе люди обыкновенно сумасшедшіе».

Неудачливый лейтенантъ все хаялъ. Онъ представлялъ

даже Паоли человѣкомъ устарѣвшимъ, отсталымъ. Всѣ жители Аяччьо у него—«злыдни и глупцы». Но больше всего воевалъ онъ съ «низкими поклонниками аристократіи» да съ духовенствомъ. Онъ послалъ въ конститюанту характерный доносъ на корсиканскаго депутата знати, Буттафоко: онъ полонъ злости, клеветъ, риторическихъ преувеличеній. И опять пошли проклятія французамъ, «поработителямъ родины», во имя „предтечъ свободы". Наполеонъ снова взялся за „Письма о Корсикѣ". Въ уединенномъ гротѣ измыслилъ онъ еще трактатъ „О человѣческомъ счастьѣ", надѣясь, подобно Руссо, получить премію отъ ліонской академіи. Это — опять Рэналь подъ другимъ соусомъ; но брошюрка была написана такъ безсвязно, риторично, съ такими орѳографическими ошибками, что академія даже не удостоила автора отвѣтомъ.

Наполеону оставалось властвовать въ семьѣ, которая была почти вся въ сборѣ. „Съ нимъ не спорили, говоритъ Люсьенъ: онъ сердился при малѣйшемъ замѣчаніи и выходилъ изъ себя при малѣйшемъ сопротивленіи". Наполеонъ обратилъ свой домъ нето въ казарму, нето въ монастырь: каждый часъ у всякаго былъ строго распредѣленъ. Наконецъ, истекъ срокъ и новому отпуску. Въ февралѣ 1791 года лейтенантъ IV полка возвратился въ свой гарнизонъ, въ Оссонъ. Эмиграція такъ уменьшила тогда офицерство во Франціи, что ему не только простили все, но еще сдѣлали его первымъ лейтенантомъ, съ 1300 фр. жалованья.

Прежняя нищета, прежняя возня съ Люи, который опять сидѣлъ на его шеѣ, готовясь къ офицерскому экзамену, да заботы о семьѣ, гдѣ одинъ только Жозефъ имѣлъ скудный заработокъ въ муниципалитетѣ. Въ казармѣ лейтенанту принадлежала одна только комнатка, съ дрожащей кроватью, столикомъ и двумя стульями. Былъ еще чуланчикъ, гдѣ на скамейкѣ спалъ братишка, котораго офицеръ обучалъ математикѣ и иногда угощалъ пощечинами. Впослѣдствіи Наполеонъ такъ описывалъ ту пору: „Я не ходилъ въ кофейню, не посѣщалъ общества, ѣлъ сухой хлѣбъ, самъ чистилъ платье, чтобы оно дольше прослужило. Чтобы не выдѣляться отъ товарищей, я жилъ медвѣдемъ, вѣчно одинъ въ моей комнаткѣ, съ моими книгами, которыя были тогда моими единственными друзьями. И цѣною какой суровой бережливости относительно самаго необходимаго покупалъ я себѣ это удовольствіе! Сбережешь, бывало, франковъ пять—и съ дѣтской радостью направляешься въ книжную лавку, и съ завистью долго разсматриваешь полки,

пока карманъ позволитъ тебѣ купить что-нибудь". Пришлось даже задолжать 100 фр. портному и за шпагу. Бѣдняга работалъ по 16 ч. въ сутки, надѣясь опять добыть копѣйку перомъ. Тогда-то былъ написанъ „Разговоръ о любви", а также „Разсужденіе объ естественномъ состояніи".

Четыре мѣсяца спустя (іюнь 1791), Буонапартъ былъ опять переведенъ въ Валансъ. Раскрылись старыя раны. Нищета еще болѣе нагло взглянула въ глаза юноши: жалованье стали платить неаккуратно, да и то ассигнатами, которые быстро падали въ цѣнѣ. А кругомъ—волненія, разжигавшія нетерпѣніе честолюбца. Вслѣдствіе попытки короля бѣжать къ врагамъ Франціи, радикализмъ подвигался всюду девятымъ валомъ. Конститюанта велѣла всѣмъ присягать конституціи. Долина Роны становилась очагомъ якобинства. «Эта страна полна рвенія и огня», писалъ Наполеонъ: «она послала петицію о судѣ надъ королемъ». Здѣсь, какъ грибы, росли отдѣленія парижскаго клуба якобинцевъ. Въ Валансѣ образовалось общество друзей конституціи, душой котораго сталъ Буонапарте. Онъ сближался съ мѣщанами да крестьянами, приглядываясь къ зачаткамъ «федераціи въ пользу революціи». Онъ осуждалъ эмиграцію, которая овладѣвала и его товарищами, чуть не бросившими его въ воду. «Южная кровь струится въ моихъ жилахъ столь же быстро, какъ Рона!» восклицалъ онъ и сталъ открыто за республику, когда и въ Парижѣ о ней заговаривали лишь немногіе. По его мнѣнію, роялисты «полагаютъ много усилій на поддержку сквернаго дѣла и ничего не могутъ доказать». Онъ публично пилъ за здоровье якобинцевъ и негодовалъ на монарховъ, поднимавшихся уже противъ Франціи: «напрасно они воображаютъ, что патріоты склонятъ головы передъ деспотомъ въ митрѣ, передъ факиромъ въ монастырѣ, въ особенности же передъ разбойникомъ съ пергаментами».

Взглядъ Буонапарте ясенъ изъ всѣхъ выписокъ и замѣчаній на книгахъ, которыя онъ опять поглощалъ во множествѣ, стараясь въ особенности «завоевать исторію». Но лучше всего онъ выразился въ «Ліонской рѣчи», которая показываетъ также, что лейтенантъ уже относился критически къ своимъ учителямъ и выбирался на собственный путь. Это — сочиненіе, по обыкновенію, несвязное, риторическое, переполненное всякими мыслями. Но тутъ весь *тогдашній* Наполеонъ. Это—пылкій революціонеръ, республиканецъ, и все еще корсиканецъ, Руссо и Рэналь вмѣстѣ, заклятый врагъ привилегированныхъ и особенно перваго чина. «Гдѣ короли, тамъ

нѣтъ людей: тамъ только рабъ-угнетатель — существо болѣе низкое, чѣмъ рабъ угнетенный. Конечно всѣ тираны будутъ въ аду, но туда же попадутъ и ихъ рабы: послѣ угнетенія націи самое большое преступленіе—терпѣть это угнетеніе». Авторъ «Рѣчи» даже признаетъ равенство, хотя и не безусловное. «Законъ долженъ каждому обезпечить извѣстную собственность. Долой неравный раздѣлъ имуществъ, долой такой варварскій законъ, какъ право первородства! Не должно быть ни богатыхъ, ни нищихъ. Пусть самый малый человѣкъ имѣетъ что-нибудь!» Отчего бы не сдѣлать такъ, какъ Паоли на Корсикѣ, который чрезъ каждые три года дѣлилъ «piagge» (берега) между обитателями? Авторъ превозноситъ Брута, Катона, въ особенности же спартанцевъ за ихъ мужество: слова «сила», «энергія» у него на каждой страницѣ. Любопытно, что онъ проклинаетъ недостатки, которыми отличался историческій Наполеонъ,—воображеніе, страстность, въ особенности же честолюбіе. Въ его глазахъ, Александръ Македонскій, Карлъ V, Филиппъ II, Кромвель, Ришельё, Людовикъ XIV,— истинные бичи человѣчества. А геній? «Несчастный! Я сожалѣю его. онъ вызоветъ обожаніе и зависть у своихъ ближнихъ, но будетъ жалче всѣхъ. Равновѣсіе нарушено: онъ будетъ несчастнымъ. О, огонь геніальности! Но не будемъ тревожиться: онъ такъ рѣдокъ! Геніальные люди—метеоры, которые вспыхиваютъ, чтобы озарять свой вѣкъ!»

Но вотъ Европа подымается, барабаны бьютъ. Конституанта требуетъ набрать батальоны добровольцевъ. Наполеонъ опять выхлопоталъ отпускъ, забралъ до 300 фр. жалованья впередъ и въ третій разъ укатилъ на родину, въ сентябрѣ 1791 года.

На Корсикѣ опять пошли интриги, волненія пуще прежняго. Наполеонъ сказалъ тогда: «Лучше не браться за дѣло, чѣмъ дѣлать наполовину». Онъ сталъ настоящимъ главой семьи, по смерти дѣда, оставившаго небольшую сумму: старшіе, дядя Фешъ и Жозефъ, совсѣмъ стушевались. Затѣмъ лейтенантъ затѣялъ сдѣлаться начальникомъ національной гвардіи. Должность была выборная. Наполеонъ обходилъ добровольцевъ ложью, клеветой, обольстительными словами; они ѣли и спали у него по комнатамъ и на лѣстницахъ, къ ужасу Летиціи, видѣвшей исчезновеніе наслѣдства дѣда. Буонапарте запугалъ одного соперника и вызвалъ на дуэль (онъ былъ изъ первыхъ фехтовальщиковъ въ Бріеннѣ); его якобинцы плѣнили другого и побили третьяго—друга Поццо ди Борго. Такъ явился «предтеча

великихъ государственныхъ ударовъ», по словамъ современника: Наполеонъ сталъ въ одно и то же время французскимъ лейтенантомъ и корсиканскимъ подполковникомъ.

Буонапарте получилъ въ руки войско—и отъ „новаго Агамемнона", говоритъ очевидецъ, житья не стало. Онъ выгналъ капуциновъ, какъ „неприсяжныхъ" конституціи, и чуть не захватилъ цитадель въ Аяччьо. Для этого онъ три дня велъ войну съ своимъ роднымъ городомъ, который стоялъ за „лицемѣровъ", поднимая противъ него горцевъ. И онъ же называлъ жителей Аяччьо «людоѣдами», сваливалъ на нихъ всю вину и доказывалъ, что «при такомъ страшномъ кризисѣ необходимы энергія и смѣлость». То было первое въ жизни Наполеона командованіе войсками, и среди междоусобія. Молодой офицеръ показалъ, какъ на дѣлѣ онъ былъ далекъ отъ идилліи своихъ писаній. Онъ убивалъ гражданъ и женщинъ, вымаривалъ городъ голодомъ; какъ опьяненный, пускалъ въ ходъ все, что попадалось ему подъ руку. Рядомъ какая безустанность, смѣлость, изворотливость, смѣсь насилія съ хитростью, умѣнье справляться съ неопытною и незнавшею дисциплины шайкой волонтеровъ и крестьянъ!

Жители Аяччьо жаловались на него, какъ на „клеветника" и разбойника. Корсиканскіе депутаты въ Парижѣ называли его «кровожаднымъ тигромъ». Самъ Паоли посовѣтовалъ ему съѣздить въ Парижъ и снабдилъ его деньгами и хорошими аттестаціями. И было пора убираться. Буонапарте опять просрочилъ—и его вычеркнули изъ списковъ французской арміи.

VI. Конецъ корсиканства. 1792—1793.

Опять на службѣ.—Еще разъ Корсика.—Гибель „батюшки".—Вѣчное проклятіе.—Бѣгство съ родины.

Въ маѣ 1792 года явился въ Парижъ нашъ 23-лѣтній подполковникъ. Онъ былъ наверху несчастья. Въ карманѣ ни гроша, карьера разбита. Передъ нами дезертиръ Франціи, интриганъ и смутьянъ Корсики: самъ министръ призналъ его поведеніе „крайне предосудительнымъ". Но онъ пріѣхалъ съ двумя сокровищами въ душѣ, всемогущими въ смутное время. Его осѣняла надежда, которую онъ назвалъ тогда „закаломъ противъ ударовъ судьбы": она была плодомъ сознанія таланта и опыта, внушеннаго ему послѣдними подвигами на родинѣ. А главное, въ Наполеонѣ проснулась страшная сила его

дьявольское честолюбіе. Братъ Люсьенъ писалъ тогда: «Я замѣтилъ въ немъ честолюбіе, не вполнѣ эгоистическое, но превосходящее его любовь къ общему благу. Такой человѣкъ, думается мнѣ, опасенъ въ свободномъ государствѣ. Мнѣ кажется, онъ очень склоненъ къ тиранству; и онъ овладѣетъ имъ, если онъ сдѣлается королемъ. Его имя станетъ ужасомъ потомства и чувствительныхъ патріотовъ».

Революція-миніатюра на Корсикѣ дала Наполеону полезные уроки. Онъ видѣлъ на примѣрѣ своихъ соперниковъ, какъ нужно не только дерзать, но и лукавить. Впечатлительный, рѣшительный юноша вдругъ бросаетъ свою откровенность, становится сдержаннымъ, какъ опытный дипломатъ: тогда же онъ изучилъ книгу Макіавеля. Навѣщая свою сестру Элизу въ аристократическомъ сен-сирскомъ институтѣ, онъ самъ корчилъ барина, «притворяясь съ этими дамами». Люсьенъ опять пророчилъ: «Вижу, что, въ случаѣ революціи, онъ постарается держаться на уровнѣ и, для своего счастья, даже перевернуться (volter casaque)». Тогда у Наполеона проявилась страсть читать чужія письма, которою потомъ такъ хорошо пользовались многіе, въ особенности-же Жозефина. Еще важнѣе былъ другой урокъ. Вѣдь, корсиканская Бастилія не была взята только потому, что между товарищами не было ладу, а добровольцы не знали дисциплины. Отсюда—ненависть къ анархіи: безпощадная власть становится кумиромъ. Буонапарте еще революціонеръ въ душѣ. Но онъ уже презираетъ даже своихъ пріятелей, парижскихъ якобинцевъ, какъ смутьяновъ и болтуновъ: это—„дураки, лишенные здраваго смысла". Наполеонъ зорко слѣдилъ за событіями, стараясь „схватить нить столькихъ различныхъ плановъ", и проницательно предсказывалъ ходъ революціи. Онъ уже понялъ „интриганта" Дюмурье и многихъ „жалкихъ людей", стоявшихъ во главѣ.

По мѣрѣ того, какъ событія принимали „прямо революціонный оборотъ", Буонапарте становится „файетистомъ", конституціоналистомъ. Онъ видѣлъ уже спасеніе только въ Лафайетѣ, какъ главѣ „честныхъ людей", (honnêtes gens), въ борьбѣ съ „чернью" (populace). Въ его глазахъ, 20-е іюня 1792 года, когда въ парламентѣ и Тюльери произошло извѣстное „оскверненіе власти", было „очень опаснымъ примѣромъ". Подполковникъ холодно смотрѣлъ тогда на толпу изъ окна; а когда онъ вышелъ на улицу, съ своимъ презрительнымъ видомъ, „чернь" чуть не побила этого „мосье". А про 10-е августа, когда престолъ рухнулъ среди крови тѣлохранителей короля.

Наполеонъ говорилъ потомъ: „Я чувствовалъ, что если-бы позвали меня, я защищалъ-бы короля. Я былъ противъ тѣхъ, которые хотѣли создать республику посредствомъ черни. Сверхъ того, я видѣлъ, какъ штатскіе нападали на людей въ мундирахъ. Это непріятно затронуло меня (cela me choquat)».

Недавно Буонапарте говорилъ товарищу, что „революція—хорошее дѣло для военныхъ, одаренныхъ умомъ и мужествомъ". А вотъ теперь могучія событія неслись мимо него бѣшенымъ потокомъ; онъ же, бѣдняга, напрасно околачивалъ пороги министровъ, ища какого-нибудь мѣстечка. Онъ заложилъ даже часы, питался порціей въ 6 су и собирался, вмѣстѣ съ бріенскимъ товарищемъ, Бурьеномъ, превратиться въ съемщика квартиръ. Онъ старался заморить червяка честолюбія. «Умѣряйте себя во всемъ, если желаете жить счастливо», писалъ онъ Люсье. Самъ онъ мечталъ о 4 — 5 тысячахъ фран. доходу, чтобы наслаждаться семейными радостями. „Народы не заслуживаютъ столькихъ стараній снискать ихъ любовь". Во всякомъ случаѣ, французы недостойны этого: „Въ Парижѣ народъ самый ничтожный, злой, все клеветники да насмѣшники. Всякій заботится лишь о собственныхъ выгодахъ; никогда не низкая интрига не процвѣтала до такой степени».

Одна надежда — милая Корсика. „Все это кончится ея независимостью", и великій Паоли „станетъ всѣмъ". Буонапарте все писалъ домой, требуя новостей. Онъ посѣщалъ проживавшихъ въ Парижѣ соотечественниковъ и привязался къ Пермонамъ, потому что „мадамъ любила принимать корсиканцевъ". Какъ-бы опять попасть домой! Кстати, въ такое время тамъ умному и мужественному военному легче всего можно было стать королемъ Өедоромъ.

Эта счастливая пора опять спасла честолюбца. Наполеонъ пріѣхалъ въ Парижъ, мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ законодательное собраніе, смѣнившее конститюанту, объявило войну Австріи. Она началась неудачами, въ которыхъ Буонапарте обвинялъ полководцевъ. Ничего не было готово. Неопытные новобранцы разбѣгались при первыхъ выстрѣлахъ. Офицеры жентильомы присоединились къ цѣлой арміи „эмигрантовъ". Тутъ были и всѣ школьные товарищи Наполеона. И вотъ, нашъ лейтенантъ опять въ IV полку, да еще съ чиномъ капитана и съ 1,660 фр. содержанія и съ зачетомъ всего прошлаго, что доставило ему разомъ болѣе 1,000 фр. Сверхъ того, онъ продолжалъ числиться подполковникомъ

добровольцевъ на Корсикѣ, за что также получалъ 4 фр. 10 су въ день.

Правда, вскорѣ пришлось отказаться отъ этой благодати. Корсиканскій кланъ былъ въ восторгѣ отъ того, что его главарь, наконецъ, „основался" во Франціи. Начальство торопило отъѣздомъ: IV полкъ уже находился „въ разгарѣ дѣятельности". Но Буонапарте не спѣшилъ въ огонь за новое отечество: въ его головѣ сидѣла гвоздемъ Корсика. Событія подмывали дерзать. Свершилось 10-е августа: королевская власть была „временно пріостановлена"; законодательное собраніе уступало мѣсто конвенту. „Событія летятъ — писалъ Наполеонъ дядѣ: пусть наши враги лаются; ваши племянники съумѣютъ пробиться".

Онъ затѣялъ перевестись въ морскую артиллерію, выставляя такія права: „признанныя" знанія по своей части, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ: поручаемыя ему „особыя работы, требовавшія наиболѣе разсудительности и проницательности": наилучшія аттестаціи изъ Корсики насчетъ его „цивизма", или революціонной благонамѣренности, наконецъ, необходимость „возвратить его къ любимымъ занятіямъ". А главное, капитанъ надѣялся попасть, съ флотомъ, на Корсику и возстановить тамъ свое званіе подполковника. Революція опять помогла, давши отличный поводъ хлопотать о новомъ отпускѣ. Она закрыла монастыри, а съ ними и Сен-Сиръ: нельзя-же было сестрѣ Элизѣ ѣхать одной домой!

Наполеонъ пережилъ гдѣ-то ужасную сентябрьскую бойню „подозрительныхъ", о которой всегда хранилъ упорное молчаніе. Онъ выѣхалъ въ половинѣ этого мѣсяца съ спутницей, про которую Жозефъ писалъ: „Изъ трехъ нашихъ сестеръ Элиза больше всѣхъ походила на Наполеона и физически и нравственно».

Появившись въ четвертый разъ на Корсикѣ, Буонапарте принялся за прежнее съ удвоенной энергіей. Передъ нами опять искатель приключеній, но съ небывалой самоувѣренностью. Теперь въ его домѣ уже танцовали каждый вечеръ: семья впервые вся была въ сборѣ; ее оживляли подросшія сестры, красивыя, живыя, смѣлыя созданія. Если Летиція не переставала плакаться на бѣдность, при такомъ большомъ гнѣздѣ, глава семьи утѣшалъ ее: „Отправлюсь въ Индію — и черезъ нѣсколько лѣтъ возвращусь набобомъ, привезу хорошее приданое всѣмъ сестрамъ. Вѣдь, англичане хорошо платятъ; нето можно воевать и противъ нихъ, устроивъ артиллерію индусамъ".

А пока передъ нами опять самозванный «подполковникъ», но съ повелительнымъ тономъ, съ горделивыми манерами. Это — словно посланецъ парижскаго якобинства, которое именно тогда овладѣло Франціей, подъ видомъ *конвента*, казнило короля (21 января 1793), провозгласило *республику* и уже начало побѣждать Европу. Онъ тоже думалъ уничтожать «тирановъ» въ своемъ углу. Корсиканскіе якобинцы бросились отнимать о. Сардинію у Савойскаго дома. Наполеонъ никогда не упоминалъ объ этой жалкой экспедиціи: онъ оставилъ свои пушки сардинцамъ; собственные моряки чуть не убили его.

Возвратившись послѣ пораженія, Буонапарте взялся опять за интриги. Теперь онъ началъ воевать съ самимъ «батюшкой» (babbo) Корсики. Тогда конвентъ объявилъ войну и англичанамъ. Паоли не могъ выступить противъ пріютившей его «великодушной, свободной» націи, которая притомъ вызвала въ немъ восторгъ своей конституціей. Онъ не терпѣлъ республиканцевъ и французовъ. А Наполеонъ покончилъ съ патріотизмомъ своей юности. Онъ уже называлъ Францію «матерью-отечествомъ», а ея якобинцевъ — «нашими». Онъ увѣрялъ всѣхъ, что «Корсика можетъ существовать лишь въ единеніи съ Франціей». Наконецъ онъ прямо стакнулся съ комиссарами конвента, присланными надзирать за старымъ «конституціоналистомъ»: они сдѣлали его инспекторомъ артиллеріи на Корсикѣ. Наполеонъ уже собирался, съ ихъ согласія и съ помощью подкупа, опять овладѣть цитаделью въ Аяччьо; но вышла такая же жалкая исторія, какъ «сардинская экспедиція».

Мало того. Настало полное банкротство того клана, который былъ «созданъ для низкой интриги», какъ говорили корсиканцы. Паоли, который припоминалъ дружбу Карло съ Марбёфомъ, давно уже не довѣрялъ Бонапартамъ. Подвиги «юноши съ желтымъ носомъ» раздражали его. Онъ уже говорилъ, что «въ немъ сидятъ два Марія и одинъ Сулла». Поццо ди-Борго, ставшій правою рукой старика, разжигалъ вражду. Вдругъ узнаютъ, что исчезнувшій Люсьенъ очутился въ Тулонѣ и тамъ, въ якобинскомъ клубѣ, открыто сдѣлалъ самый гнусный доносъ на Паоли, который былъ тотчасъ отправленъ въ конвентъ. Тогда-же стало извѣстно, что конвентъ изготовилъ приказъ объ арестованіи великаго патріота. Корсиканцы поднялись за своего «батюшку», какъ одинъ человѣкъ. Главный клубъ патріотовъ въ Аяччьо «извергъ изъ своихъ нѣдръ этихъ недостойныхъ сыновъ, которые были разрушительною болѣзнью и всегда старались расточать кровь и

деньги народа на позоръ и преступленія». Національный совѣтъ объявилъ эту шайку «отъявленными врагами свободы, жадными честолюбцами, готовыми продаться кому угодно за горсть золота или за хорошее мѣстечко». Онъ гордо постановилъ: «Принимая во вниманіе, что корсиканскому народу непристойно заниматься фамиліей Буонапартовъ, онъ предоставляетъ ихъ угрызеніямъ собственной совѣсти и суду общественнаго мнѣнія, которое уже приговорило ихъ къ вѣчному проклятію и безславію".

Самъ народъ былъ менѣе милостивъ. Разъяренная толпа разрушила гнѣздо клана, съ его пожитками и виноградниками. Друзья Буонапартовъ были одни брошены въ тюрьму, другіе изгнаны. Самъ Наполеонъ бѣжалъ, частью пѣшкомъ, частью на какомъ-то одрѣ, но былъ изловленъ. Ночью ему удалось выскочить изъ окна и скрыться у одного пріятеля. Тамъ онъ провелъ двое сутокъ въ какой-то пещерѣ; онъ болталъ, читалъ своего Роллена, отлично спалъ. Въ то же время Летиція съ ея дѣтьми пробиралась, по ночамъ, къ берегу, скрываясь въ кустарникахъ, попеременно садясь на единственнаго коня. Кланъ соединился на французской эскадрѣ, которая отплыла въ Тулонъ въ іюнѣ 1793 года.

Но наканунѣ Буонапарте пустилъ корсиканскую стрѣлу въ «европейскаго Вашингтона». Онъ послалъ въ конвентъ доносъ на «друга англичанъ и аристократовъ». Ехидная бумага восклицала патетически: «Вотъ сколько вѣроломства вмѣщается въ груди человѣка! И какое роковое честолюбіе ослѣпляетъ этого 68-лѣтняго старца! У Паоли доброта и нѣжность на лицѣ, а въ сердцѣ—ненависть и месть. Въ его глазахъ масляное чувство, а въ душѣ—желчь!» Конечно досталось «продажному слугѣ» батюшки, Поццо. Конвентъ изрекъ опалу обоимъ «измѣнникамъ французской республики».

Паоли снова предался англичанамъ. Но они назначили вице-королемъ Корсики своего сэра Элліота, которымъ овладѣлъ ловкій Поццо ди-Борго. Теперь батюшка и въ глазахъ британцевъ сталъ «бунтовщикомъ и старой змѣей». Паоли опять удалился въ Лондонъ. До самой своей смерти (1807) онъ съ любовью слѣдилъ за полетомъ корсиканскаго орла, называя его «нашимъ патріотомъ, нашимъ націоналомъ». Онъ внушалъ юному поколѣнію соотечественниковъ: «Свобода была цѣлью нашихъ революцій. Теперь корсиканцы владѣютъ ею: все-равно, изъ какихъ рукъ они получили ее. Счастье, что она дана намъ славнымъ соотечественникомъ, который отомстилъ за насъ

всѣмъ, кто унижалъ насъ. Теперь имя Корсики уже не презрѣнно. И на великомъ европейскомъ поприщѣ появятся другія ея сыны: у нихъ будутъ таланты, благородное честолюбіе и блестящій примѣръ Бонапарта». Наполеонъ также называлъ батюшку «великимъ человѣкомъ на маленькомъ поприщѣ», однимъ изъ «тѣхъ геніевъ, которые возрождаютъ униженный народъ». Но, ради своего оправданія, онъ всегда поддерживалъ мысль своего доноса объ «измѣнѣ» старика.

Изъ сыновъ Корсики выдвинулся въ Европѣ Поццо, достойный соперникъ Наполеона по интригамъ и мстительности. Сначала онъ вытѣснилъ «батюшку». Когда тотъ жаловался на него Эллiоту, сэръ воскликнулъ: «Да, вѣдь, вы же сами дали мнѣ его!»—«Правда, отвѣчалъ герой: но я далъ вамъ его, какъ хорошую бритву, которая брѣетъ бороду въ рукахъ искуснаго цирюльника и рѣжетъ горло въ рукахъ обезьяны». Затѣмъ Поццо сталъ русскимъ дипломатомъ и посвятилъ свои силы родной вендеттѣ. Этотъ-то тонкій, вкрадчивый корсиканецъ разжигалъ ненависть Александра I къ Наполеону. Онъ сгубилъ «рокового» соплеменника въ 1814 году своими совѣтами союзникамъ.

VII. Авиньонъ и Тулонъ. 1793.

Армія конвента и Карно.—«Святая гильотина» и федерализмъ.—Служебныя странствія.—Капитанъ-литераторъ.—Первый военный подвигъ.—Значеніе взятія Тулона.

Подобно бѣгству Магомета изъ Мекки въ Медину, бѣгство Наполеона съ Корсики во Францію имѣло міровое значеніе. Кончался безвѣстный корсиканецъ Набуліоне Буонапарте, начинался препрославленный французъ *Наполеонъ Бонапартъ*. Прекратилась Одиссея неудачника, юнаго искателя приключеній среди волнъ революціи. Передъ нами все еще тщедушный, неуклюжій, хвастливый у себя дома, бьющій на театральность и риторику офицерикъ, котораго грызетъ червякъ честолюбія. Лишенный строгихъ воззрѣній, онъ хватается за все, чтобы выдвинуться, но ни къ чему не выказываетъ особыхъ способностей: онъ не любитъ военной службистики, а политика и литература ему не по плечу. Онъ еле-еле пробавляется мелкими хитростями, которыя стоятъ ему большихъ усилій. Онъ, какъ проходимецъ, просто ищетъ добычи, не задаваясь широкими цѣлями, не выходя за рамки своей Корсики.

Но Бонапартъ уже выброшенъ своей родиной. Онъ перестаетъ быть корсиканцемъ: если года два онъ еще думаетъ о

своемъ островѣ, то лишь побуждаемый местью патріотамъ; а когда, въ 1796 году, ему удалось снова завоевать Корсику для Франціи, онъ уже интересовался ею меньше, чѣмъ Мальтой или Корфу. Однако Наполеонъ, въ душѣ, не сталъ и французомъ. Передъ нами вырисовывается сатанинское честолюбіе безъ отечества, безъ границъ. Этотъ космополитъ тѣмъ опаснѣе, что въ немъ таятся силы, которымъ могла дать просторъ революція, затягивавшая его въ свой водоворотъ. Онъ необычайно самоувѣренъ и упоренъ, мужественъ и безшабашно коваренъ, остороженъ и сдержанъ внѣ дома. Онъ проницателенъ и наблюдателенъ, а потому опытенъ, какъ иной старикъ, и мастеръ изворачиваться, перемѣнять фронтъ, по требованію обстоятельствъ. Пока—ничего особеннаго. Но, при такомъ запасѣ внутреннихъ силъ и опыта, да еще въ революціонную пору, могло случиться, что на этомъ юношѣ оправдается поговорка: «война родитъ героевъ».

А война уже была въ разгарѣ,—и какая! Обуреваемая революціей, республика боролась почти со всею монархической Европой. Послѣ первыхъ пораженій, она вдругъ показала невиданный примѣръ патріотизма и военной доблести. Когда былъ уничтоженъ тронъ, состоявшій въ союзѣ съ непріятелемъ, когда утвердился конвентъ и пронесся по странѣ кликъ «отечество въ опасности!» картина вдругъ измѣнилась. «Терроромъ» или ужасомъ, требованіемъ отъ всякаго «вѣрить или умирать», якобинцы сковали волю Франціи и двинули ее противъ «тирановъ», поднявъ «войну-пропаганду». Однимъ изъ первыхъ рѣшеній конвента было: «Мы даруемъ братство и помощь всѣмъ народамъ, желающимъ пріобрѣсти свободу». Онъ далъ пароль генераламъ: «Побѣда или смерть!» Было объявлено поголовное ополченіе. Словно изъ земли выросло 14 армій—болѣе милліона солдатъ. Франція обратилась въ сплошную военную мастерскую.

Конвентъ превзошелъ себя въ усердіи, смѣлости и умѣньи выбирать людей. Его комиссары самоотверженно подымали ополченіе по департаментамъ и бросались на врага впереди армій. А въ центрѣ его работалъ несравненный *Карно*, дѣдъ президента нашихъ дней. Скромный, прямодушный, недоступный соблазнамъ труженикъ, работавшій по 16 ч., онъ только въ блестящую пору Наполеона не былъ у дѣлъ; зато самъ предложилъ императору свою шпагу, послѣ несчастнаго похода въ Россію. Никто не умѣлъ такъ выбирать людей и выдвигать таланты. Этотъ-то «устроитель побѣдъ» ввелъ новую систему войны, согласную съ духомъ времени и францу-

зовъ: это *натискъ массами* да *Дантоновское* дерзновеніе. «Искусство генерала, говорилъ Карно, состоитъ въ томъ, чтобы всегда встрѣчать непріятеля съ превосходными силами». У него всѣ арміи дѣйствовали то врознь, то слитно, словно полки на полѣ сраженія; безъ палатокъ и обозовъ, онѣ, какъ вихрь, переносились съ мѣста на мѣсто, уже до битвы поражая нравственно неповоротливыхъ *рутинеровъ*, генераловъ Европы. Карно всегда сначала подготовлялъ битву огромною и мѣткою артиллеріей, за которою слѣдовала стремительная атака въ штыки. Онъ предоставлялъ свободу дѣйствій своимъ солдатамъ, полагаясь на ихъ развитость, ловкость и патріотизмъ. Карно поднялъ на ноги всю Францію. Онъ создалъ лучшую въ свѣтѣ артиллерію, положилъ основы славной кавалеріи, устроилъ образцовое интендантство, которое лучше содержало солдатъ, чѣмъ въ 1870 г. Наконецъ онъ далъ Франціи блестящую плеяду полководцевъ, во главѣ которыхъ стояли сначала Гошъ и Пишегрю, потомъ самъ Бонапартъ. За заслуги чины слѣдовали по *недѣлямъ*: оттого многимъ генераламъ не было 30-ти лѣтъ. И такъ какъ даже за несчастье полагалась гильотина, то имъ оставалось побѣждать или умирать.

Арміи были достойны такого хозяина. То были уже не добровольцы, а *реквизиціонеры* или ополченцы. Все у нихъ было налегкѣ: кургузый синій камзолъ, короткіе панталошки, деревянные лапти на ногахъ, а то и ничего; на головѣ шляпченка, если не якобинскій колпакъ, съ трехцвѣтной кокардой, на спинѣ дѣтскій ранецъ *съ манеркой*, на штыкѣ хлѣбецъ съ порціей мяса, а въ зубахъ — носогрѣйка. Но синій камзолъ «босоножекъ» посрамилъ бѣлые капоты первой коалиціи, состоявшей почти изо всей Европы, а трехцвѣтка (tricolore) «обошла міръ». Именитые генералы безропотно поступали подъ начальство талантливыхъ юношей. «Офицеры, говоритъ Сультъ, съ ранцами на спинѣ, безъ жалованья, жили пайками, наравнѣ съ солдатами. У солдатъ—такое же самоотреченіе. Никогда не было арміи болѣе послушной, болѣе одушевленной и рьяной; никогда не было столько добродѣтели въ войскахъ». Каждый реквизиціонеръ былъ героемъ идеи и мстителемъ за отечество, оскорбленное наглыми манифестами алчныхъ союзниковъ. Съ огнемъ въ глазахъ, распѣвалъ онъ свою рыдающую марсельезу или удалую «Дѣло пойдетъ!» Нето повторялъ лозунгъ конвента — «Война дворцамъ, миръ избамъ»! Придетъ онъ въ чужую страну — первымъ дѣломъ приладитъ

на мостовой колышками деревцо, а на немъ повѣсить якобинскій колпакъ съ трехцвѣткой: это—«древо свободы». А рядомъ приклеить такое воззваніе: «Братья и друзья! Мы завоевали вамъ свободу и отстоимъ ее; ваши тираны уже разбѣжались; мы защитимъ васъ отъ ихъ мести и козней.»

Съ такими молодцами, воплощавшими обновленную націю, съ августа 1793 года въ военной исторіи Франціи настала блестящая эпоха, которая длилась полтора года. По отчету Карно, было 27 большихъ и 120 мелкихъ побѣдъ; у непріятеля пало 80.000 человѣкъ и столько-же плѣнено; взято 106 крѣпостей и городовъ, 230 фортовъ и редутовъ, до 4.000 пушекъ, 70.000 ружей, болѣе 50.000 пудовъ пороху и 90 знаменъ. Подвиги французовъ начались на сѣверѣ, въ Бельгіи. Затѣмъ пошли чудеса и на югѣ, гдѣ у конвента были слабыя силы. Здѣсь они связаны съ именемъ Бонапарта и съ войной внутренней.

Насколько велики заслуги конвента на военномъ поприщѣ, настолько же ужасны были мѣры, которыми онѣ были достигнуты. Взявшіе въ руки власть якобинцы или «монтаньяры» (горцы), какъ именовались они по мѣсту въ конвентѣ, вездѣ видѣли «подозрительныхъ». Въ ихъ глазахъ неблагонамѣренными стали даже «цареубійцы», какъ назывались жирондисты, подавшіе голосъ за казнь Людовика XVI. Лѣтомъ 1793 года монтаньяры овладѣли страной, подъ видомъ комитета общественнаго спасенія и его диктатора, Максимиліана Робеспьера. Они частью истребили, частью разогнали жирондистовъ. Ихъ «революціонный трибуналъ» въ Парижѣ, подстрекаемый такими кровожадными фанатиками, какъ Маратъ, сталъ инквизиціоннымъ судилищемъ. Ихъ «національные агенты» или «комиссары» конвента разъѣзжали по странѣ съ «святою гильотиной», безпощадно производя «патріотическое очищеніе».

Пролитая кровь согражданъ взывала къ возмездію. Департаменты и безъ того тяготились централизаціей столицы: благодаря конституантѣ, развивавшей мѣстное самоправленіе, они считали себя какъ бы Соединенными Штатами Америки. Это стремленіе, названное тогда *федерализмомъ*, развилось теперь, подъ вліяніемъ разбѣжавшихся жирондистовъ. Вспыхнуло междоусобіе почти въ 2/3 Франціи, въ особенности же на сѣверѣ и югѣ. На сѣверѣ, въ Вандеѣ, обнаружился подъемъ стараго порядка, поднялся роялизмъ мужика-паписта, руководимаго жантильомами «и не присяжными священниками.

Важнѣе было движеніе самихъ революціонеровъ противъ той временной жестокой формы, которую приняла республика

въ рукахъ монтаньяровъ. Оно-то направило кинжалъ Немезиды человѣколюбія, нормандки Шарлоты Кордэ, въ сердце Марата. Этотъ жирондистскій федерализмъ сосредоточивался въ богатыхъ, просвѣщенныхъ городахъ юга: здѣсь буржуазія отстаивала своедостояніе й свой покой противъ террора пролетаріевъ или «санкюлотовъ» (безштанниковъ). Особенно оскорбился второй, по богатству и обширности, городъ Франціи—промышленный Ліонъ: онъ звѣрски расправился съ мѣстною коммуной или якобинскимъ клубомъ. За нимъ послѣдовалъ Тулонъ: онъ даже сдался англичанамъ, которые ввели въ его портъ сильную эскадру и превратили его во «второй Гибралтаръ». Мятежъ уже охватывалъ Марсель и Бордо. Провансальскіе федералисты образовали армію, которая тѣснила войско конвента и уже дошла до Авиньона. И событія на Корсикѣ, выгнавшія якобинцевъ-Бонапартовъ, были лишь звеномъ въ цѣпи южнаго федерализма.

Вотъ почему корсиканскимъ изгнанникамъ пришлось вскорѣ бѣжать изъ Тулона, и чуть не питаться подаяніемъ. Нашъ кланъ кое-какъ перебрался въ Марсель, гдѣ еще державшіеся якобинцы помогли ему: Летиціи дали пособіе, Жозефа пристроили въ арміи, Люсьена и Феша—въ комиссаріатѣ. Самъ Наполеонъ поспѣшилъ въ Ниццу, гдѣ квартировалъ тогда IV полкъ, какъ часть «итальянской арміи» Брюна, которая была выставлена противъ сардинцевъ, занимавшихъ горные проходы нижняго Пьемонта. Его назначили капитаномъ береговой батареи. Брюнъ послалъ его въ Авиньонъ за порохомъ. Наполеонъ пробирался проселками, чтобы избѣжать встрѣчи съ торжествующими фидералистами. Онъ присоединился къ небольшой арміи, высланной на югъ монтаньярами, подъ начальствомъ генерала-живописца, хвастливаго рутинера Карто, ничего не понимавшаго въ военномъ дѣлѣ. Комиссарами конвента при ней были корсиканецъ Саличетти, пріятель Бонапартовъ, и Огюстенъ Робеспьеръ, младшій братъ Максимиліана. У Карто было такъ мало офицеровъ, что онъ задержалъ капитана у себя. Двинувшись на Тулонъ, онъ оставилъ его въ тылу, для устройства артиллерійскаго парка въ *Авиньонѣ*.

Подъ бокомъ былъ Валяжъ. Воспоминаніе тяжкой юности и литературныхъ мечтаній въ послѣдній разъ пронеслись въ воображеніи Наполеона. Онъ вдумывался въ событія, въ тиши безшумной работы въ средневѣковомъ папскомъ городкѣ. Корсика уже исчезла въ морскомъ маревѣ; а тамъ, на материкѣ, сверкали боевыя молніи, которыя озаряли славой какого-нибудь Пишегрю, презрѣннаго учителя Бріеннской школы. Бона-

партъ попросился въ рейнскую армію, а пока, со скуки, опять взялся за перо. Оно также преобразилось. «Ужинъ въ Бокерѣ»—первое удачное произведеніе Наполеона. Здѣсь—ясный, сильный, даже правильный слогъ. Здѣсь пониманіе военнаго дѣла и мѣткая обрисовка хаоса политическихъ партій, въ формѣ разговоровъ Платона. Солдатъ (авторъ) хладнокровно споритъ съ марсельцемъ. Допуская «нѣкоторыя неправильности въ дѣйствіяхъ Горы», онъ убѣждаетъ однако его, что дѣло федерализма проиграно, какъ непатріотичное. Нужно «думать только о побѣдѣ надъ Европой»; а конвентъ добился ея, и его должно признать «истиннымъ монархомъ». Федералисты-же, подобно Паоли, играютъ въ руку англичанамъ, австрійцамъ, аристократамъ и эмигрантамъ. Наполеонъ уже прямо выставляетъ военный догматъ о томъ, что сила есть право и что успѣхъ оправдываетъ все. Онъ какъ-бы забылъ, что въ доносѣ на Паоли обрушивался на тѣхъ корсиканцевъ, которые говорили: «Если нужно выбирать, то становись на сторону торжествующихъ; лучше быть пожирателемъ, чѣмъ пожраннымъ».

Этотъ «Ужинъ» — одинъ изъ множества памфлетовъ, которые разбрасывалъ авангардъ Карто: тогда вездѣ «маленькая война перьями» предшествовала революціоннымъ арміямъ. Но для насъ брошюрка имѣетъ свое значеніе. Здѣсь Наполеонъ впервые пускается въ океанъ политики, и такъ удачно, что конвентъ напечаталъ «Ужинъ» на казенный счетъ. Его комиссары стали друзьями автора. Вскорѣ Летиція получила денежное пособіе. Фешъ, Жозефъ и «Робеспьерикъ» Люсьенъ сдѣлались смотрителями интендантскихъ складовъ; Люи попалъ въ военную академію. Самъ Наполеонъ, ожидавшій перевода на Рейнъ, собирался возвратиться въ Ниццу; но его упросили пойти съ арміей Карто, гдѣ у него не было и должности. Какъ только прибыли на мѣсто, въ первой стычкѣ съ англичанами, палъ артиллерійскій капитанъ: Карто передалъ его постъ автору «Ужина въ Бокерѣ».

Тулонъ считался неприступнымъ, а у французовъ было всего 6 осадныхъ орудій и мало народу; канониры—неопытная молодежь; начальники—Карто, а послѣ него подобный же господинъ. Наконецъ, по настоянію Наполеона же, прислали умнаго генерала. Онъ поддержалъ юнаго «капитана Пушку», который жестоко спорилъ съ рутинерами объ «аксіомахъ» дѣла, замѣтивъ тотчасъ «всю нашу глупость, все невѣжество, всѣ страстишки и предразсудки штабныхъ», какъ доносилъ онъ конвенту.

Наполеонъ показалъ себя уже при первой вылазкѣ изъ города: въ «Монитерѣ отъ 7 декабря 1793 года былъ упомянутъ Буона Парте», какъ наиболѣе отличившійся офицеръ. Затѣмъ онъ началъ упорно настаивать на своемъ простомъ, геніальномъ планѣ наступленія. Онъ одолѣлъ, съ помощью очарованныхъ имъ комиссаровъ Огюстена Робеспьера и Барраса. Вѣдь, тутъ заговорила свѣжая сила таланта, впервые выступили основы тактики Наполеона, взятой у Карно,—подавленіе врага сплоченной мощью артиллеріи и „нравственнымъ» вліяніемъ смѣлости!

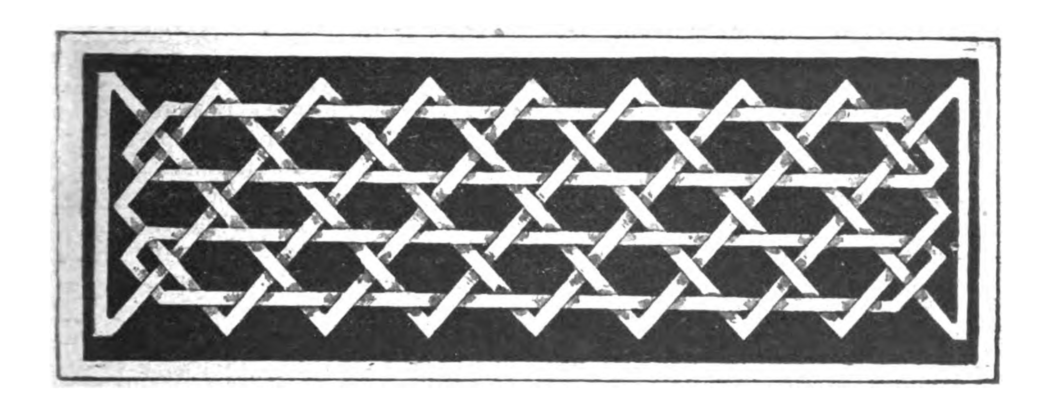
Всѣ предсказанія Буанапарте сбылись, и особенно благодаря ему самому. Онъ подобралъ способныхъ помощниковъ, стянулъ отовсюду много пушекъ, провіанту, людей и лошадей, воевалъ съ поставщиками и офицерами,—словомъ, былъ душой осады. Онъ показалъ примѣръ «мастерскаго удара»,—быстраго взятія несокрушимой твердыни, безъ инженерныхъ подходовъ, одною ловкою постановкой батарей и отчаянными приступами. Онъ же подавалъ примѣръ храбрости. При штурмѣ главнаго редута, въ ливень, подъ бурей, среди кромѣшной тьмы, когда англійскія суда давали по 100 выстрѣловъ въ минуту, онъ третьимъ вскочилъ наверхъ; подъ нимъ падали кони. Онъ справедливо говорилъ потомъ: «Меня считали неуязвимымъ; и я поддерживалъ это мнѣніе, скрывая легкія раны». Всѣ восхищались этой храбростью, мѣткимъ взглядомъ и превосходными знаніями молодого капитана, а больше всего дьявольскимъ рвеніемъ тщедушнаго человѣчка, опьяняемаго битвой. Баррасъ писалъ объ «этомъ вѣчномъ движеніи, объ этой физической дрожи, полной энергіи, которая шла отъ головы до конечностей». Онъ говоритъ, что капитанъ спалъ лишь урывками, у своихъ батарей, на землѣ, завернувшись въ шинель. Начальство доносило въ Парижъ: «Большія научныя свѣдѣнія, такой же умъ, а храбрость даже чрезмѣрная—вотъ слабый очеркъ достоинствъ этого рѣдкостнаго офицера... Повысьте его, иначе онъ самъ возвысится». И всѣ свидѣтельствовали, что, когда, послѣ побѣды, комиссары начали жестоко расправляться съ «измѣнниками“, Буонапарте сдерживалъ ихъ, даже самъ спасалъ несчастныхъ.

Наполеонъ всегда съ особенной любовью вспоминалъ Тулонъ, какъ первый поцѣлуй славы, какъ предтечу своей «звѣзды».

А. Трачевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Студенчество стараго Дерпта.

ъ самомъ началѣ XX-го столѣтія русской—еще, какъ извѣстно, очень молодой—наукѣ предстоитъ цѣлый рядъ знаменательныхъ празднествъ. Приближается рядъ столѣтнихъ юбилеевъ русскихъ университетовъ, и прежде всего юрьевскаго.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ отпраздновалъ свою столѣтнюю годовщину „первенецъ русскихъ университетовъ", — университетъ московскій. Старѣйшій изъ его младшихъ братьевъ—университетъ юрьевскій. Трудно однако представить себѣ двухъ братьевъ, которые во всѣхъ отношеніяхъ были бы такъ несхожи между собою, какъ эти два университета. Одинъ—въ центрѣ русской земли, на виду у всей Россіи; съ его прошломъ и настоящимъ связано столь много дорогого сердцу русскаго интеллигентнаго человѣка; другой—на „окраинѣ", по языку, общему характеру и традиціямъ въ сильной степени чуждый русскому обществу и почти совершенно для него неизвѣстный [1]). Широко разошлась только одна легенда о дерптскомъ университетѣ, какъ о разсадникѣ дуэлистовъ; отсюда, какъ извѣстно, выводили наши беллетристы своихъ героевъ—бреттеровъ; и еще въ современныхъ повѣстяхъ и романахъ дерптскіе студенты нерѣдко фигурируютъ съ безчисленными шрамами на лицѣ...

---

[1]) Въ русской литературѣ очень мало книгъ и статей, знакомящихъ съ прошлымъ юрьевск. у-та и студенчества: «Записки» *Н. И. Пирогова* (I т. соч.), тенденціозная статья *А. Чумикова* («Р. Стар. 1890 г., № 2-й «Лѣтопись забавъ и шалостей дерпскихъ студентовъ»), и подобная же замѣтка *Е. Чешихина* («Р. Арх. 1887, 10 «Студенческія безчинства въ Дерптѣ»), брошюра *М. Лаврецкаго* «Городъ студентовъ» (Ревель. 1891 г.), анонимная брошюра «О студенческой жизни въ Дерптѣ» (давно вышла изъ продажи), критика на нее *А. Харузина* («По поводу брошюры etc.» Москва. 1891) и нѣсколько страницъ въ ст. *А. Осипова* («Въ странѣ бароновъ». Воскр. св.» 1899 г. № 43—44); нѣсколько историческихъ свѣдѣній находимъ также у *К. К. Случевскаго*, въ «Прибалтійской сторонѣ» 1888.

Своеобразны, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ университетамъ Россіи, и внѣшнія судьбы юрьевскаго университетата. Возникшій еще въ началѣ XVII столѣтія, этотъ университетъ пережилъ на протяженіи своего существованія нѣсколько радикальныхъ метаморфозъ. Нѣкогда шведскій, дерптскій университетъ былъ преобразованъ потомъ въ нѣмецкій, и въ послѣднія десятилѣтія изъ нѣмецкаго становится русскимъ. Тяжелыя историческія условія Остзейскаго края заставляли дерптскій университетъ не однажды переселяться изъ одного города въ другой: изъ Дерпта онъ эмигрируетъ (около 1657 года) въ Ревель, затѣмъ возвращается на нѣкоторое время обратно въ Дерптъ и переселяется отсюда въ Перновъ (1696 г). Здѣсь его жизнь на долгое время замираетъ (1710 г.), чтобы возродиться уже въ XIX столѣтіи, опять въ Дерптѣ.

Вся жизнь дерптскаго университета, равно какъ и жизнь дерптскаго студенчества, текла по совсѣмъ иному руслу и развивалась при совершенно иныхъ условіяхъ, нежели въ прочихъ университетахъ Россіи. И въ этомъ отношеніи въ исторіи дерптскаго университета не мало переворотовъ. Было время, когда дерптскій университетъ былъ лучшимъ университетомъ Россіи. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ онъ былъ въ собственномъ смыслѣ этого слова разсадникомъ профессоровъ для всѣхъ русскихъ университетовъ: сюда командировались на казенный счетъ лучшіе представители русской ученой молодежи для подготовки къ профессорскому званію [1]). Теперь, какъ извѣстно, это едва ли не бѣднѣйшій изъ всѣхъ русскихъ университетовъ.

I.

«Когда открылся мнѣ Дерптъ, я сказалъ: прекрасный городокъ! Тамъ все праздновало и веселилось. Мущины и женщины ходили по городу обнявшись и въ окрестныхъ рощахъ мелькали гуляющія четы. Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай!»

Карамзинъ («Письма русск. пут.»).

«Здѣсь покоятся кости многихъ народовъ.. На гробахъ ихъ воздвигнулъ Александръ новое обиталище музъ»...

Изъ надписи на одномъ памятникѣ въ Юрьевѣ.

Не веселъ край, гдѣ пріютилась дерптская Alma mater.

«Черезъ ливонскія я проѣзжалъ поля:
Вокругъ меня все было такъ уныло:
Безцвѣтный грунтъ небесъ, песчаная земля,—
Все на душу раздумье наводило»,—

сказалъ про него „поэтъ-мыслитель".

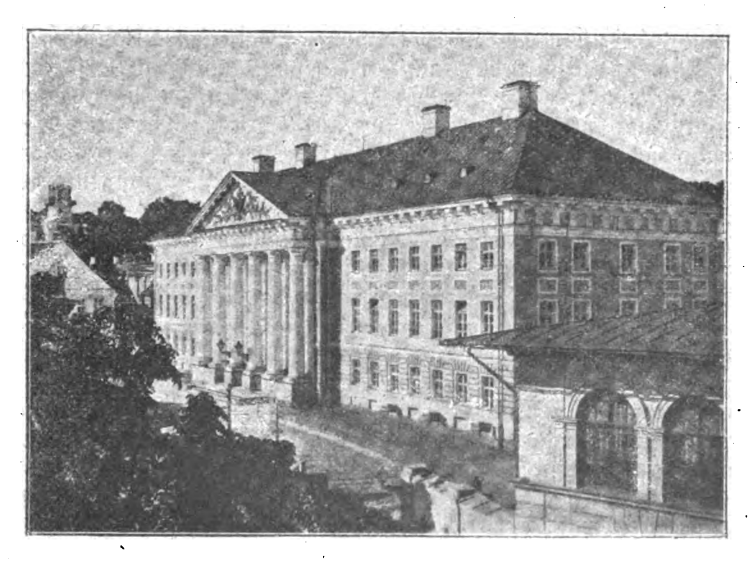
Еще болѣе печальны прошлыя судьбы края, служившаго какъ бы яблокомъ раздора между сосѣдними державами. Цѣлыя

[1]) Между прочимъ, сюда командированъ былъ Н. И. Пироговъ, впослѣдствіи знаменитый хирургъ.

столѣтія здѣсь безпрерывно тянулись войны; кровь лилась рѣкою; страна вѣчно переходила изъ однѣхъ рукъ въ другія,—отъ русскихъ къ нѣмцамъ, отъ нѣмцевъ къ полякамъ, отъ нихъ—къ шведамъ... Все это пришлось переживать и Дерпту-Юрьеву, одному изъ древнѣйшихъ городовъ въ краѣ.

„Прекрасный городокъ“ Карамзина, Дерптъ-Юрьевъ очень мало знакомъ русскому обществу, а между тѣмъ прошлое его не лишено интереса.

Почти тысячелѣтняя (по общепринятому мнѣнію, Дерптъ основанъ Ярославомъ Мудрымъ) исторія Дерпта полна самыхъ мрачныхъ страницъ. Вѣчная опасность отъ враговъ, частыя осады, погромы и разрушенія,—все это красною нитью проходитъ чрезъ исторію города. Только въ одно царствованіе Грознаго Дерптъ потерпѣлъ два ужасныхъ погрома; вскорѣ затѣмъ послѣ уступки города полякамъ, Дерптъ совершенно обезлюдѣлъ, и по замѣча-

Главное зданіе университета.

нію современника, въ немъ „жили гады и хищные звѣри“. Петръ Великій, завоевавъ Дерптъ у шведовъ, выселилъ значительную часть его жителей въ Вологду, руководясь въ этомъ случаѣ политикою своихъ предшественниковъ... Ко всѣмъ этимъ злоключеніямъ присоединялись еще частые пожары. Русскій путешественникъ XV вѣка, Симеонъ Суздальскій пишетъ о Дерптѣ: „градъ же сей великъ и *каменъ*, нѣсть такихъ у насъ; палаты же въ немъ созданы вельми чудны; намъ же, не видѣвшимъ таковыхъ, дивящеся; церкви и монастыри многи. Горы же у нихъ велики, поля и садове красны...“ Какъ это ни странно, но *каменный* городъ Симеона Суздальскаго выгоралъ десятки разъ почти дотла. Еще Екатерина Великая принуждена была оказывать

помощь погорѣвшему Дерпту. Огонь же разрушилъ и одну изъ главныхъ достопримѣчательностей и древностей этого стараго города,—исполинскій соборъ св. Діонисія, отъ котораго остались лишь однѣ - правда очень грандіозныя и живописныя—руины. И вообще, въ Юрьевѣ тщетно искать какихъ либо памятниковъ глубокой старины: всѣ ихъ смыло бурное историческое прошлое города.

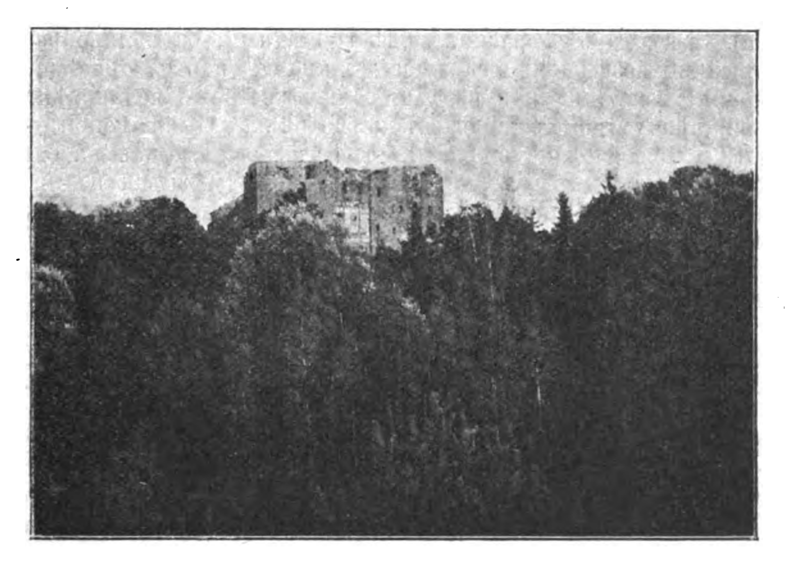
Въ настоящее время, вновь переименованный (изъ Дерпта въ Юрьевъ, въ 1891 году), Юрьевъ представляетъ собою маленькій, съ 40 тысячами жителей, уѣздный городокъ, почти весь потонувшій въ зелени. Это въ собственномъ смыслѣ „городъ студентовъ", „городъ при университетѣ". Alma mater какъ бы царитъ надъ городомъ, составляя средоточіе и центръ всей его жизни. Не даромъ Юрьевъ и извѣстенъ подъ именами:—у нѣмцевъ „Musenstadt am Embachufer", у русскихъ—„Ливонскія (или Эстонскія) Аѳины", а поэтъ Языковъ называлъ его не иначе, какъ „почтенный градъ профессоровъ и скуки". Вопреки природѣ, Юрьевъ оживаетъ лишь къ осени, когда на его узкихъ улицахъ замелькаютъ студенческія фуражки, и потомъ вновь замираетъ на весь святочный мѣсяцъ, когда студенты разъѣзжаются по роднымъ угламъ... И престижъ студента, быть можетъ, ни въ одномъ изъ русскихъ университетскихъ городовъ не стоитъ такъ высоко, какъ именно въ Юрьевѣ.

Населеніе Юрьева весьма разноплеменно. Эстонцы, нѣмцы, русскіе, поляки, латыши, вездѣсущіе татары и евреи,—пестрѣютъ на улицахъ города, и въ воздухѣ слышится самая разнообразная рѣчь. По численности, преобладающимъ является эстонское населеніе. На первый взглядъ представляется, что флегматическіе эсты составляютъ исключительно низшій классъ общества, а что интеллигенція почти вся нѣмецкая. На самомъ же дѣлѣ эстовъ не мало и среди интеллигенціи, но ихъ подчасъ трудно отличить отъ природныхъ нѣмцевъ даже и по языку. Однако многіе образованные эсты не стыдятся своей національности и не скрываютъ ея: въ Юрьевѣ издается ежедневная эстонская газета „Postimees" (Почтарь), имѣется постоянный эстонскій театръ и опера и кромѣ того масса самыхъ разнообразныхъ и прекрасно организованныхъ обществъ, среди котораго особеннаго вниманія заслуживаетъ „Ученое Эстонское общество" (при университетѣ), имѣющее свой періодическій литературный органъ (на нѣмецкомъ языкѣ). Нѣмцы имѣютъ свою ежедневную газету,—„Nordlivländische Zeitung" (нѣкогда—„Neue-Dörptsche Zeitung"), существующую уже 35-й годъ. Русской газеты еще нѣтъ. Ни русскіе, ни нѣмцы не имѣютъ также и постояннаго театра.

Въ общемъ въ Юрьевѣ, въ этомъ маленькомъ уѣздномъ городишкѣ, насчитывается болѣе десятка періодическихъ изданій. Но чего здѣсь особенно много, такъ это—школъ, и названіе Юрьева „Ливонскими Аѳинами" какъ нельзя болѣе справедливо: кромѣ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній—университета (въ послѣдніе годы очень многолюднаго: болѣе полторы тысячи

студентовъ [1]); въ университетѣ пять факультетовъ) и ветеринарнаго института—здѣсь существуетъ множество среднихъ училищъ,—мужскихъ и женскихъ, казенныхъ и частныхъ...

Небольшая, но глубокая рѣка Эмбахъ прорѣзываетъ городъ, раздѣляя его на двѣ части,—„жестокій Эмбахъ“, такъ какъ имъ поглощено немало студенческихъ жизней: жертвы веселыхъ прогулокъ на лодкахъ [2]). Два моста связываютъ между собою разрѣзанныя рѣкою части города. Ниже Юрьева Эмбахъ судоходенъ, и бѣгающіе по немъ пароходики соединяютъ Юрьевъ со Псковомъ. Но существованіе пристани совсѣмъ не придаетъ Юрьеву

Садъ на Домбергѣ.

характера коммерческаго города. И пароходы служатъ главнымъ образомъ для прогулокъ, особенно въ живописный Квистенталь,—одно изъ любимыхъ мѣстъ старыхъ дерптскихъ буршей.

„Церкви и монастыри у нихъ многи“,—съ наивнымъ восхищеніемъ писалъ о Дерптѣ упомянутый путешественникъ XV вѣка. Три вѣка тому назадъ это дѣйствительно было такъ, но теперь въ Юрьевѣ всего 8 церквей,—если въ томъ числѣ считать и домовую университетскую церковь,—и ни одного монастыря. Изъ восьми церквей—четыре протестантскихъ, кирка, три православныхъ храма и одинъ католическій костелъ (построенный лишь въ 1899 г.). Болѣе древнія—Іоанновская и Маріинская кирки, очень старинной архитектуры.

---

[1]) Многолюдство юрьевскаго университета объясняется тѣмъ, что въ послѣдніе годы сюда принимаются воспитанники православныхъ духовныхъ семинарій, нахлынувшіе сюда буквально со всѣхъ концовъ Россіи, не исключая отдаленной Сибири и Кавказа.

[2]) По вычисленіи *Г. Отто и А. Гассельблата* (Von den 14.000 Immatriculirten». Dorpat. 1891 г.) въ водахъ Эмбаха потонуло 2,7% общаго числа студентовъ.

Невдалекѣ отъ Маріинской кирки стоитъ очень простого устройства кирпичный памятникъ, воздвигнутый въ 1806 году на костяхъ прежнихъ обитателей Дерпта. Кости эти собраны были при производствѣ земляныхъ работъ на Домбергѣ. На памятникѣ вырѣзана надпись на четырехъ языкахъ: латинскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ и эстонскомъ. (Русскую надпись мы привели въ эпиграфѣ). Два другихъ памятника, украшающіе улицы города, посвящены памяти: одинъ—полководца Барклая-де-Толли, другой—ученаго Бэра.

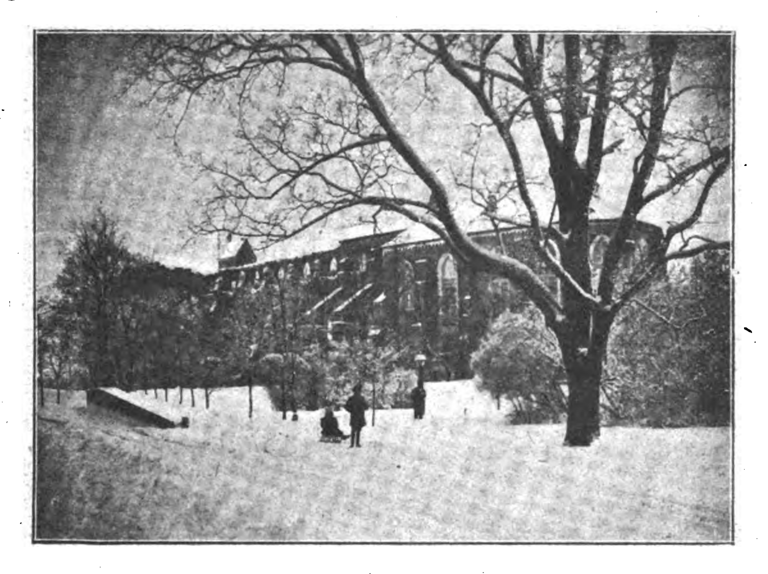
Любитель найдетъ въ Юрьевѣ немало очень живописныхъ видовъ. Особенно изобилуетъ ими Домбергъ (Domberg, соборная гора), на которомъ расположенъ громадный, затѣйливо разбросанный по возвышенностямъ и долинамъ, паркъ, съ вѣковыми исполинскими липами и вязами, со множествомъ великолѣпныхъ аллей, причудливыхъ дорожекъ и гротовъ... „Otium reficit vires" (отдыхъ возобновляетъ силы),—гласитъ вырѣзанная на одномъ изъ мостиковъ въ саду древняя надпись, указывая на предназначеніе парка. И предназначеніе это, дѣйствительно, выполняется жителями Юрьева. Здѣсь вы всегда встрѣтите группы гуляющихъ, играющую въ „лаунъ-теннисъ" молодежь, рѣзвящихся дѣтей,—хотя, быть можетъ, все это происходитъ и не такъ весело, какъ то было во времена Карамзина...

Расположенный рядомъ съ университетомъ, какъ бы усѣянный разбросанными въ немъ университетскими зданіями, паркъ на Домбергѣ почти весь и принадлежитъ университету. Въ центрѣ парка красуются живописныя „руины св. Діонисія" (или: „Domruine"),—развалины стариннаго собора. Отъ этихъ исполинскихъ полуразрушенныхъ стѣнъ вѣетъ чѣмъ то таинственнымъ, романтическимъ... Соборъ былъ построенъ въ XIII вѣкѣ. Передаютъ, что онъ сдѣлался жертвою народнаго обычая: въ ночь на Ивановъ день жители Дерпта зажигали вокругъ собора множество костровъ: отъ нихъ будтобы и сгорѣлъ этотъ чудный памятникъ древности. Впослѣдствіи, когда соборъ обратился уже въ развалины, рядомъ съ ними также нерѣдко горѣли веселые огни: то были костры студенческихъ коммершей...

Часть руинъ отремонтирована, и въ ней помѣщается (съ 1806 года) университетская библіотека съ ея огромными богатствами. Въ библіотекѣ болѣе 300.000 томовъ, среди которыхъ не мало очень рѣдкихъ и замѣчательныхъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ памятниковъ старины. Трудно, кажется, найти для святилища науки болѣе подходящее помѣщеніе!.. Невдалекѣ отъ руинъ виднѣется мрачный Anatomicum (анатомическій театръ), нѣсколько поодаль—громадный физіологическій институтъ. Тутъ же находятся нѣкоторыя клиники. Другія университетскія зданія разсѣяны по всему городу.

Здѣсь, среди этихъ многочисленныхъ садовъ, среди этихъ безпорядочно раскинутыхъ узкихъ улицъ города, окаймленныхъ однообразными домиками средневѣковой архитектуры, болѣе столѣтія била ключемъ кипучая студенческая жизнь,—именно *болѣе* столѣтія, хотя университетъ только еще и приготовляется къ столѣтнему юбилею.

Былъ самый разгаръ тридцатилѣтней войны, въ Остзейскомъ краѣ развѣвались побѣдоносныя знамена Густава Адольфа,— когда въ Дерптѣ, на берегахъ Эмбаха, появился впервые „храмъ музъ", — Academia Dorpatensis ad Embeccam. „Воинственную Лифляндію надо привести на путь добродѣтели и нравственности",—въ этомъ, какъ передаютъ, указывалъ задачу новаго университета шведскій генералъ-губернаторъ, Скитце. 30-го іюня 1632 года, въ лагерѣ подъ Нюренбергомъ, Густавъ Адольфъ подписалъ учредительную грамоту дерптскаго университета, и 15 октября того же года университетъ былъ открытъ. По имени основателя университетъ долго называли „Academia Gustaviana", равно какъ впослѣдствіи, по имени возсоздавшаго университетъ Карла XI, онъ назывался „Academia Gustavo-Carolina".

Университетская библіотека.

Сравнительно низкій уровень общаго просвѣщенія въ Лифляндіи того времени, а также почти непрекращающееся военное положеніе страны повели къ тому, что новый университетъ не находилъ достаточнаго количества слушателей. Правительство принуждено было заманивать студентовъ въ университетъ то угрозами, то льготами и стипендіями. Большинство студентовъ пользовались даже безплатнымъ казеннымъ столомъ, впрочемъ, не очень роскошнымъ, какъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить объ этомъ изъ жалобы студентовъ ректору на эконома въ 1637 году. „Студенты сидятъ въ грязи,—читаемъ въ этой жалобѣ,—столовыя не убираются, кухарки отвратительны, грязны и бьютъ студентовъ"...

Неблестящее существованіе университета еще болѣе ухудшается со времени начавшихся переселеній его изъ одного города въ другой.

Просуществовавъ, съ перерывами, около столѣтія, дерптскій университетъ замеръ, чтобы возродиться уже въ XIX вѣкѣ. Вновь

призвать его къ жизни суждено было русскому императору Александру I. Еще императоръ Павелъ обратилъ вниманіе на нѣкогда существовавшій въ Остзейскомъ краѣ храмъ науки. Отъ его царствованія остался указъ (25 декабря 1800 г.) о возстановленіи университета въ Митавѣ. Но по смерти Павла Александръ I издаетъ новый указъ (12 апрѣля 1801 года), согласно которому университетъ возродился въ Дерптѣ. Открытіе университета состоялось 21-го мая 1801 года. Но учредительная грамота университету была выдана лишь 12 декабря 1802 года. Со дня подписанія этой грамоты современный юрьевскій университетъ и ведетъ свое начало и въ день 12-го декабря ежегодно торжествуетъ годовщину своего основанія.

Возрожденный дерптскій университетъ былъ совершенно нѣмецкимъ по языку (преподаванія и дѣлопроизводства), равно какъ по составу профессоровъ и студентовъ, и совершенно германскимъ по внутреннему и внѣшнему устройству. Между прочимъ, по образцу германскихъ университетовъ, дерптскій университетъ получилъ тогда строго корпоративное устройство и имѣлъ собственный, университетскій,—съ очень широкими полномочіями—судъ. Этой важной прерогативы дерптскій университетъ былъ лишенъ только 7 іюня 1889 года [1]), что почти совпало съ появленіемъ здѣсь первыхъ русскихъ профессоровъ, другими словами—съ началомъ реформы университета по образцу всѣхъ прочихъ россійскихъ университетовъ.

II.

«Diesen Geist wahrhafter Burschikosität unter Euch zu pflegen und ihn von Generation zu Generation fortzupflanzen, - die Curonia stets diesem Princip als ihrem obersten treu geblieben ist.»

Изъ юбилейной рѣчи сеніора.

«Дерптскіе студенты вообще незнакомы съ современными направленіями въ политикѣ и даже не заглядываютъ въ газеты».

Изъ доклада мин. нар. пр., гр. Уварова, 1833 года.

Корпоративное устройство—это главное начало всей прошлой жизни дерптскаго студенчества. Оно сообщило ей въ высшей степени своеобразную организацію и окраску. Оно же служило и предметомъ многочисленныхъ—хотя и неудачныхъ—подражаній для студентовъ почти всѣхъ другихъ русскихъ университетовъ... Въ корпораціи проходила, можно сказать, вся жизнь стараго дерптскаго бурша, во все время прохожденія имъ университетскаго курса,—время, часто очень продолжительное, такъ какъ

[1]) Около этого же времени, 20 ноября 1889 г., дерптскій у-тъ былъ лишенъ и корпоративнаго устройства: члены его потеряли право выбирать ректора, декановъ и профессоровъ.

нерѣдко бурши „штудировали университетскую науку“ цѣлый десятокъ и болѣе лѣтъ, переходя съ одного факультета на другой.

Корпоративная жизнь дерптскаго студенчества началась почти съ самаго возсозданія университета въ XIX вѣкѣ. Достовѣрно извѣстно, что уже въ сентябрѣ 1808 года основана корпорація Куронія,—эта „die älteste Landsmannschaft-Dörptschen Burschenstaats“. Куронія существуетъ и до сихъ поръ. Какъ старѣйшая и наилучше организованная изъ дерптскихъ Schwestercorporationen, она всегда принимала самое горячее и дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся дерптскаго Burschenwelt'а, и прошлое этого послѣдняго, равно какъ и исторія всѣхъ прочихъ корпорацій въ Дерптѣ, тѣсно связаны съ прошлымъ Куроніи. Вотъ почему не безъинтересно прослѣдить исторію этой корпораціи [1]), тѣмъ болѣе что исторія эта лучше всего указываетъ, что корпораціонное начало привилось и пустило глубокіе корни въ Дерптѣ совсѣмъ не такъ легко, какъ это обычно представляютъ: сколько разъ Куронія, а вмѣстѣ съ нею и всѣ прочія корпораціи прекращали свое существованіе по требованію начальства; сколько разъ представители ея сами „слагали съ себя цвѣта“ (Farben-ablegen); не разъ также корпораціи принуждены были и истреблять всѣ свои документы.

До основанія Куроніи мы встрѣчаемся въ Дерптѣ съ т. н. факультетскими товариществами (Facultätgenossenschaften). Это не были корпораціи въ собственномъ смыслѣ: у нихъ не было той сложной организаціи, да и они, кажется, представляютъ собою лишь часть какого-то общаго цѣлаго, извѣстнаго подъ именемъ „всеобщаго буршеншафта или гемайншафта“ (der Allgemeine Burschenschaft oder Gemeinschaft). Корпораціи возникли въ Дерптѣ не на почвѣ факультетскихъ товариществъ, а на почвѣ землячествъ, и возникли подъ ближайшимъ вліяніемъ германскихъ университетовъ, въ частности—Іенскаго и Гейдельбергскаго.

Въ 1808 году въ Дерптъ переселились изъ Іены и Гейдельберга нѣсколько студентовъ-земляковъ, родиною которыхъ была Курляндія. Они и явились основателями первой дерптской корпораціи,—Куроніи. Къ нимъ примкнула часть другихъ курляндцевъ-буршей, и всѣ они сплотились въ отдѣльное землячество,—Курляндію. „Кто именно были ея основателями,—читаемъ въ юбилейномъ рефератѣ сеніора,—много ли ихъ было,—все это остается теперь—какъ останется и впредь,—покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Лишь случайно сохранились до насъ отъ той эпохи нѣкоторыя имена, альбомы, дневники и письма, которыя даютъ намъ нѣкоторое представленіе о внутреннемъ и внѣшнемъ строѣ Куроніи тѣхъ временъ“.

Конвентская жизнь корпораціи была, конечно, на первыхъ порахъ неустроенною. Письменнаго устава (Coment) не существовало. Геттингенскій команъ послужилъ основою для перваго соб-

---

[1]) При изложеніи этой исторіи мы пользуемся рефератомъ одного безъименнаго сеніора, напечатаннымъ въ юбилейномъ изданіи конвента Куроніи «Zur Erinnerung an das 75-järige Jubileum der Curonia» (Mitau. 1884).

ственнаго устава. По внѣшности, куронцы отличались отъ прочихъ буршей тѣмъ, что носили отечественные цвѣта (vaterländische Farben); это были — зеленый, голубой и бѣлый; изъ корпораціонныхъ цвѣтовъ обычно дѣлались верхи фуражекъ и ленты-шарфы черезъ плечо, но не публично, такъ какъ университетское начальство строго возставало противъ землячества. Послѣ (съ 1811 г.) куронцы стали употреблять также шпаги съ цвѣтною перевязью и шелковое знамя, на которомъ красовался девизъ: „Curonia sei's Panier."

Примѣру курляндцевъ вскорѣ послѣдовали и другіе бурши. Образовались новыя корпораціи: Эстонія, Ливонія и Финнонія, но онѣ скоро соединились съ Куроніей. Во время совмѣстнаго существованія эти землячества тѣсно сплотились было между собою, но ихъ дружба продолжалась однако не долго. Внутренняя борьба, повлекшая за собою выходъ изъ корпораціи поляковъ [1]), вызвала (1809 г.) распаденіе корпораціи. Впрочемъ, скоро (1811 г.) корпорація была возстановлена, и подъ управленіемъ новаго сеніора Куроніи, всѣ четыре землячества приступили къ выработкѣ академическаго (студенческаго) комана. Работа эта внезапно была прервана закрытіемъ землячествъ со стороны ректора.

Въ противоположность принципу землячества, университетское начальство стало дѣятельно поддерживать другой принципъ,— факультетскихъ товариществъ.

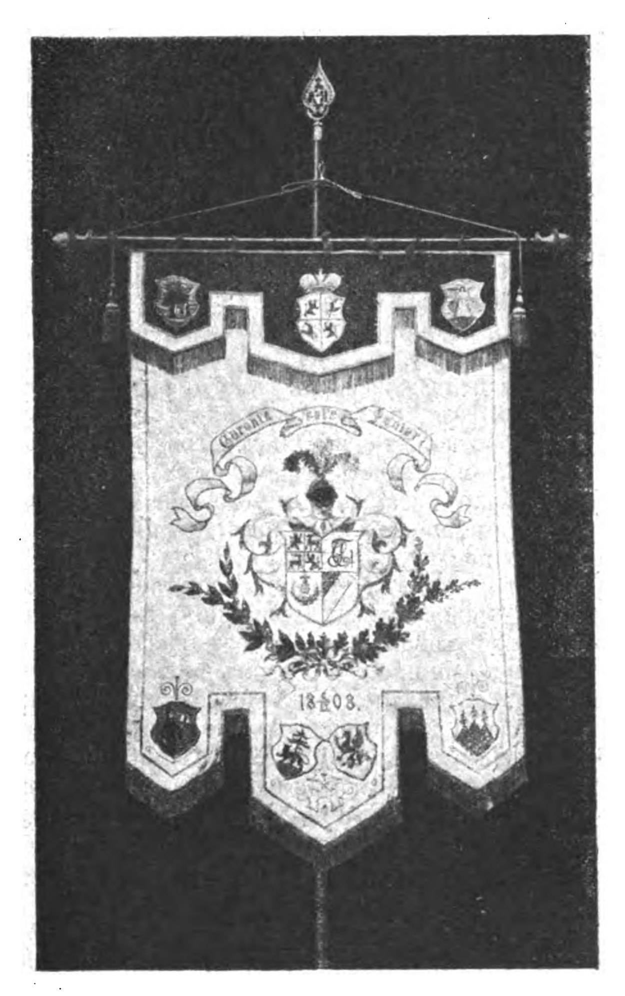
Только одна Куронія не подчинилась этому распоряженію ректора. Она вступила далѣе въ борьбу (1812 г.) съ новыми факультетскими товариществами. Но въ концѣ концовъ Куронія принуждена была примкнуть къ нимъ. Несмотря на это, землячества фактически продолжали существовать; земляки крѣпко держались другъ за друга и доказывали это при всякомъ удобномъ случаѣ. (Напримѣръ, они настаивали на выборѣ своего земляка въ факультетскіе сеніоры, хотя-бы выбранный ими и не имѣлъ рѣшительно никакихъ преимуществъ, кромѣ своего происхожденія). Реорганизованное въ своей внутренней жизни, по внѣшности землячество продолжало существовать по прежнему: цвѣтные шарфы и другія корпораціонныя отличія сохранились, конвентъ существовалъ.

Въ 1814 году Куронія потребовала отъ лифляндцевъ, чтобы они образовали собственную корпорацію. Лифляндцы постыдно отвергли это предложеніе. Тогда между куронцами и лифляндцами возгорѣлся сильный антагонизмъ. Несогласія продолжались вплоть до уничтоженія факультетскихъ товариществъ (1817 г.) На мѣсто этихъ послѣднихъ, по предложенію попечителя Ливена,

[1]) Поляки вообще не пользовались особенными симпатіями нѣмецкихъ буршей, и съ ними нерѣдко происходили раздоры. Одно время существовала въ Дерптѣ и собственная «польская» корпорація. То же самое слѣдуетъ сказать и о русскихъ. Въ 20-хъ годахъ у нихъ возникла своя «Рутенія», имѣвшая, впрочемъ, очень непродолжительное существованіе. По словамъ одного русскаго автора («Р. Ст.» 1881 г., № II), основателями Рутеніи были поэтъ Н. М. Языковъ и А. Н. Карамзинъ. Выражаясь точнѣе, у русскихъ, равно какъ и поляковъ, были не корпораціи, а «студенческія общества,» — далеко не имѣвшія сложной организаціи корпорацій. «Общество русскихъ студентовъ въ Юрьевѣ», оффиціально утвержденное, существуетъ и теперь.

образовался „всеобщій Буршеншафтъ". Появленіе его вызвало распаденіе въ самой Куроніи. Одна часть куронцевъ, во главѣ съ Бауэромъ, покинула конвентъ Куроніи, и Бауэръ сдѣлался первымъ сеніоромъ Буршеншафта. Но другіе курляндцы отказались войти въ этотъ союзъ, гдѣ, какъ въ безпорядочномъ хаосѣ,

Знамя «Куроніи».

господствовали филистеры, щеголявшіе въ старонѣмецкихъ сюртюкахъ, длинныхъ волосахъ à la Sand и грязномъ бѣльѣ.

„Только куронцы, сообщаетъ современникъ, держались всегда стойко и въ строгой обособленности отъ Буршеншафта, и всегда высоко держали свое зелено-голубо-бѣлое знамя, часто оспариваемое, но всегда побѣдоносное надъ этою разсѣянною толпою". Въ 1819 году мы видимъ даже, что Куронцы публично выступаютъ въ своихъ „фарбенъ", но это тотчасъ-же было имъ за-

прещено ректоромъ. Съ большимъ трудомъ Куронія держалась далѣе. Первый семестръ 1820 года опять ознаменовался очень серьезными раздорами; старшины вышли изъ конвента, и Куронія осталась при очень ничтожномъ количествѣ членовъ. Но въ слѣдующемъ же семестрѣ 26 вновь явившихся въ Дерптъ курляндскихъ фуксовъ пополнили пробѣлы землячества, и Куронія опять выступаетъ на первомъ планѣ.

Съ началомъ двадцатыхъ годовъ совпало образованіе нѣсколькихъ новыхъ корпорацій. Именно, 7 сентября 1821 года возникла Эстонія и 22 сентября 1822 года—Ливонія [1]). Обѣ онѣ развивались въ ближайшемъ будущемъ рука объ руку съ Куроніей и вмѣстѣ съ нею шли противъ безсильнаго Буршеншафта, пока послѣдній окончательно не распался. Вслѣдъ за Эстоніей и Ливоніей возникли еще двѣ новыхъ корпораціи: „Рижское Братство“ („Fraternitas Rigensis“) и „Дерптскій Буршеншафтъ“ (Die Dörptsche Burschenschaft; 4 февр. 1823 года). Появленіе этого послѣдняго принесло впослѣдствіи немало непріятныхъ часовъ и дней всему дерптскому студенчеству. Въ николаевскія времена очень не любили и даже боялись самаго слова „буршеншафтъ“. И когда, въ 1833 году, о существованіи въ Дерптѣ Буршеншафта провѣдало начальство,—то начались строгіе розыски и разслѣдованія. Никакой политической подкладки въ дерптскомъ Буршеншафтѣ не обнаружилось, но многіе члены его сильно пострадали, и исторія эта произвела въ мірѣ дерптскаго студенчества очень серьезную панику...

Съ двадцатыхъ годовъ въ характерѣ внутренней исторіи дерптскихъ корпорацій происходитъ перемѣна. Теперь начинается правильная выработка комана (предположенная еще въ 1811 году). Ради этого, корпораціи, посредствомъ письменныхъ договоровъ (Cartelverbände), соединяются между собою въ группы; но форма этихъ союзовъ часто мѣнялась, вслѣдствіе выбытія изъ нихъ состава то той, то другой корпораціи. Послѣдній изъ такихъ союзовъ распался въ апрѣлѣ 1829 года, по поводу произвольнаго выхода изъ его состава Эстоніи. Слѣдующіе годы представляютъ собою смѣну періодовъ единодушія періодами раздоровъ. Среди этого „дикаго времени“ (wilde Zeit) Куронія отпраздновала 8 сентября 1833 года свой 25-лѣтній юбилей...

Между тѣмъ, въ ноябрѣ 1833 года съ шумомъ закрытъ былъ дерптскій Буршеншафтъ. Для корпораціи настало въ высшей степени опасное и тяжелое время. Въ январѣ слѣдующаго года уполномоченные (Chargirten) рѣшили добровольно закрыть землячества и уничтожить всѣ, касавшіеся ихъ, письменные акты, чтобы тѣмъ предупредить закрытіе корпорацій со стороны начальства...

Совсѣмъ корпораціи въ Дерптѣ однако не исчезли. Онѣ очень скоро возродились, только подъ названіемъ „литературныхъ обществъ“ (litterärische Geselschaft). И съ этого времени, для

[1]) Обѣ эти корпораціи существовали и прежде, но лишь, такъ сказать, въ зачаточной формѣ и большею частію совмѣстно съ Куроніей.

прикрывшихся законною кличкою корпорацій наступаетъ даже періодъ спокойнаго и безпрепятственнаго развитія. На это именно время (1834 г.) падаетъ оффиціальное признаніе университетскимъ начальствомъ „конвента уполномоченныхъ“ (Chargirten-convent); въ слѣдующіе годы утверждены были и всѣ другіе главные пункты студенческаго комана, въ частности—студенческій судъ чести.

Куронія около этого времени ведетъ, между прочимъ, долгую борьбу въ конвентѣ уполномоченныхъ по вопросу о полякахъ и достигаетъ, наконецъ, признанія того, чтобы поляки разсматривались въ корпораціяхъ, какъ филистеры. Въ 1846 году та же Куронія поднимаетъ вопросъ, не противорѣчитъ ли существующая организація студенчества (именно, существованіе конвента уполномоченныхъ) общей равноправности всѣхъ буршей. По этому поводу, вмѣсто уничтоженнаго конвента уполномоченныхъ, возникло новое учрежденіе,—конвентъ выборныхъ депутатовъ (Repräsentanten-convent; 25 апр. 1847 г.). Но это нововведеніе продержалось недолго. Новый конвентъ оказался скоро совершенно неспособнымъ къ жизни учрежденіемъ, и со 2 мая 1850 года вновь засѣдаетъ конвентъ уполномоченныхъ. Въ 1852 году, въ память 50-лѣтняго юбилея almae matris, конвентъ уполномоченныхъ учредилъ на свои средства студенческую стипендію.

27 апрѣля 1855 года получено было отъ попечителя фонъ-Брадке давно ожидаемое извѣстіе объ утвержденіи корпорацій. Приэтомъ вошло въ силу одно, очень печальное для студентовъ, правило: уполномоченные дѣлались отвѣтственными за всѣ противозаконныя дѣйствія студенчества, если они противъ этихъ дѣйствій предварительно не протестовали. Очень скоро представился случай для проведенія этого правила въ жизнь. Одинъ эстляндецъ палъ жертвою дуэли. Ректоръ университета объявилъ, что при похоронахъ за гробомъ могутъ идти только эстляндцы; въ противномъ случаѣ уполномоченные подлежатъ отвѣтственности. Тогда Куронія предлагаетъ конвенту уполномоченныхъ распасться, что тотъ и исполнилъ. Чрезъ два дня (когда однако похороны уже совершились съ подобающею торжественностію), по постановленію ректора, конвентъ былъ возстановленъ.

Между тѣмъ, при постепенно увеличивавшемся числѣ студентовъ появлялись новыя и новыя корпораціи. Открытіе ихъ стоило однако большихъ трудовъ,—главнымъ образомъ потому, что этому всѣми силами старались помѣшать старыя корпораціи. Такъ, въ 1857 году появилась „Dorpatensis Fraternitas Academica“, но всѣ другія корпораціи очень скоро (1861 г.) настояли на ея уничтоженіи, „вслѣдствіе деморализирующаго вліянія академики на студенческій міръ“. Столь же несчастною оказалась и „Арминія“.

Три другихъ молодыхъ корпораціи были болѣе счастливыми. Это: Необалтика, открывшаяся въ 1879 году, Академическое братство (Fraternitas Academica, не стоящая ни въ какой связи съ прежнею, закрытой Академикой), основанное въ 1880 году, и Леттонія (Латышская)—1882 года.

Съ давнихъ поръ, такимъ образомъ, сплотившись въ хорошо

организованныя корпораціи и дѣйствуя всегда болѣе или менѣе солидарно, дерптскіе бурши чувствовали за собою большую силу. Бурная и не всегда трезвая молодежь часто употребляла эту силу во зло. Не довольствуясь тѣмъ высокимъ престижемъ и довѣріемъ, какимъ пользовалось студенчество среди мирныхъ бюргеровъ Дорпата [1],—дерптскіе бурши своими „шалостями" нерѣдко прямо терроризировали обитателей тихаго городка. Это особенно нужно сказать про тѣ случаи, когда буршъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ, и когда поэтому возгоралась студенческая месть. А. Чумиковъ разсказываетъ весьма характерный случай такой мести, жертвою которой сдѣлалась дочь извѣстнаго писателя Булгарина. Послѣдній живалъ по временамъ близъ Дерпта, на своей мызѣ. „M-lle Булгарина не согласилась однажды на балѣ вальсировать съ однимъ студентомъ, бывшимъ въ нетрезвомъ видѣ. Тогда товарищи его, принявъ этотъ отказъ за оскорбленіе, нанесенное всей корпораціи, подстерегли экипажъ Булгарина, заставили дочь его выйти и провальсировать на грязной улицѣ вокругъ кареты" [2]. Про этотъ анекдотъ приходится, впрочемъ, сказать словами извѣстной пословицы: Si non e vero, e ben trovato.

Гораздо чаще для мести, или просто для обнаруженія своего неудовольствія какому н. лицу, студенты избирали другое средство, — т. н. кошачій концертъ. Позднимъ вечеромъ или даже ночью толпа буршей становилась предъ квартирою того лица, которымъ она была почему нибудь недовольна, и устраивала здѣсь демонстрацію: поднимался въ собственномъ смыслѣ кошачій концертъ,—толпа издавала самые дикіе звуки и кричала на всевозможные лады; заслышавъ эти крики, даже и бодрствующій человѣкъ могъ придти въ ужасъ.

Происходили, конечно, не рѣдко и случаи болѣе рѣзкаго и болѣе бурнаго проявленія недовольства со стороны буршей, — случаи скандальнаго характера, требовавшіе вмѣшательства полиціи... Случаевъ такого рода много собрано въ названныхъ нами выше статьяхъ Е. Чешихина и А. Чумикова.

Зато и въ проявленіяхъ удовольствія, благодарности или симпатіи кому либо бурши оказывались такими же виртуозами. Всевозможнаго рода „виватцуги", „факельцуги" и „фестцуги", равно какъ и почетные „фестконвенты" были у нихъ въ очень частомъ употребленіи.

Въ настоящее время въ Юрьевскомъ университетѣ существуетъ семь студенческихъ корпорацій: Куронія, Эстонія, Ливонія, Рижское братство, Необалтика, Академика и Леттонія.

---

[1]) Какъ на краснорѣчивый примѣръ такого довѣрія, укажемъ, что студенту въ Дерптѣ, при предъявленіи лишь имъ визитной карточки, открывался повсюду почти безграничный кредитъ.

[2]) А. Чумиковъ даже думаетъ, что вслѣдствіе этого именно «неслыханнаго нахальства» въ «Сѣв. Пчелѣ» Булгарина появилась вскорѣ рѣзкая статья, направленная противъ дерптскаго студенчества.

III.

«Мы поэтически живемъ,
Мы вольно учимся и пьемъ»....
«Душа героевъ и пѣвцовъ,
Вино любезно и студенту,
Оно его между цвѣтовъ
Ведетъ къ ученому патенту.
Проснувшись вмѣстѣ съ пѣтухомъ,
Онъ въ тишинѣ читаетъ Канта,
Но день прошелъ,—и вечеркомъ
Онъ за вино отъ фоліанта».
Языковъ [1]).

Когда мы знакомимся съ внутреннею, домашнею жизнію дерптскихъ корпорацій и съ бытомъ былого дерптскаго студенчества вообще,—то насъ прежде всего поражаетъ это широкое развитіе этикета, это чрезвычайное обиліе всякаго рода церемоній. Почти

На коммершъ.

вся жизнь дерптскаго бурша въ университетѣ проходила среди этихъ, болѣе или менѣе торжественныхъ и пышныхъ церемоній, которыя переходили изъ рода въ родъ и получили характеръ священныхъ традицій.

---

[1]) Извѣстный русскій поэтъ, Н. М. Языковъ, былъ дерптскимъ студентомъ въ теченіе семи лѣтъ (1822—29 г.г.), и однако такъ и уѣхалъ отсюда «бездипломнымъ студентомъ». Большая часть стихотвореній Языкова, этого поэта «радости и хмѣля», носятъ на себѣ явный отпечатокъ его шумной и разгульной жизни въ Дерптѣ. (Подробнѣе см. объ этомъ у *М. Столярова* «Н. М. Языковъ въ Дерптѣ». «Сборникъ Уч.-Лит. общ. при И. Юр. у-тѣ» п. II. Юрьевъ. 1899 г.).

Такими церемоніями сопровождался прежде всего самый пріемъ въ университетъ новыхъ „сыновъ музъ". Одинъ старый дерптскій буршъ (авторъ брошюры „О студенческой жизни въ Дерптѣ") описываетъ этотъ пріемъ такимъ образомъ. „Въ день, назначенный для пріема, вновь поступающіе собираются въ большомъ актовомъ залѣ университетскаго зданія. Ректоръ произноситъ рѣчь, въ которой объясняетъ цѣль высшаго образованія и знакомитъ ихъ съ существующими въ университетѣ правилами. Поступающіе даютъ слово строго подчиняться установленнымъ правиламъ и порядку, и затѣмъ ректоръ объявляетъ имъ, что они приняты въ число студентовъ".

Но это только прелюдія, только одна, т. е. оффиціальная, часть церемоній. Чтобы стать настоящимъ дерптскимъ буршемъ, равноправнымъ членомъ университетской семьи, истиннымъ „коммилитономъ"—соратникомъ на полѣ науки—и бюргеромъ дерптскаго Burschenstaat'а, — для этого нужно было еще подписать студенческій команъ и записаться членомъ какой либо корпораціи. Правда, среди дерптскаго студенчества всегда были и wilder'ы (дикіе, свободные),—но они обычно не пользовались большими симпатіями студенчества, и жить имъ было значительно тяжелѣе. „Команъ"—студенческій уставъ, выработанный самими же буршами и въ 1855 году утвержденный начальствомъ (Krons-Coment)—торжественно подписывался каждымъ буршемъ въ „президирующей" корпораціи, въ присутствіи конвента. Подписывая команъ, молодой буршъ тѣмъ самымъ давалъ слово безусловно исполнять его и чрезъ то хранить безупречно честь студента и честь своей новой almae matris; вмѣстѣ съ этимъ онъ заявлялъ о своемъ желаніи быть дуэлянтомъ или антидуэлянтомъ. Въ первомъ случаѣ, при всякаго рода столкновеніяхъ и ссорахъ, онъ обязанъ былъ искать удовлетворенія при помощи шпаги или пистолета, во второмъ—въ „буршенгерихтѣ" (студенческомъ судѣ чести).

Выборъ молодымъ буршемъ корпораціи почти всегда опредѣлялся самымъ его происхожденіемъ, такъ какъ почти всѣ корпораціи были основаны на принципѣ землячества. Исключеніе составляла лишь Академика, совсѣмъ несчитавшаяся съ происхожденіемъ своихъ членовъ, да еще Необалтика понимала принципъ землячества шире, чѣмъ всѣ прочія корпораціи: въ число ея членовъ принимались всѣ балты (т. е. жители прибалтійскихъ губерній). Первоначально въ корпораціи принимались всѣ земляки, изъявившіе на то свое согласіе. Но „горькій опытъ" заставилъ скоро повести дѣло иначе. По истеченіи года или полугодія происходило вторичное избраніе „фуксовъ" (такъ назывались молодые члены корпорацій, новички [1]). Втеченіе же этого срока фуксы подвергались болѣе или менѣе строгой дисциплинѣ (Fuchszucht). Впрочемъ, отличившіеся чѣмъ либо фуксы облекались въ „фарбенъ" (цвѣтныя шапочки и ленты, что было признакомъ по-

[1]) Fuchs — значитъ, собственно, лисица. Такъ назывались фуксы потому, что идеальный фуксъ долженъ быть хитеръ и ловокъ, именно какъ лисица.

ступленія въ настоящіе корпоранты, — коммилитоны) и ранѣе срока;—обычай, цѣликомъ взятый изъ временъ рыцарства.

Фуксъ обязанъ былъ во всемъ подчиняться своему „ольдерману“ (старшинѣ, который и занимался спеціально руководительствомъ и воспитаніемъ фуксовъ), равно какъ и всѣмъ вообще „старшимъ“ своей корпораціи. Въ этомъ и состояла главнымъ образомъ дисциплина фуксовъ.

Обыкновенно, тотчасъ же послѣ торжественной „имматрикуляціи“ всѣ фуксы, вслѣдъ за своими ольдерманами, направлялись въ корпоративные кабачки (Kneipe; у каждой корпораціи былъ свой кабачекъ). Ольдерманъ еще на пути испытывалъ доблести своихъ новыхъ питомцевъ: онъ перелѣзаетъ черезъ карету извозчика, скачетъ черезъ скамейки, заходитъ безъ дѣла въ различныя лавки и т. п.; за нимъ все это должна продѣлывать и вся вереница фуксовъ... Но вотъ, эти „фуксенъ-променаде“ закончились, и путешественники у цѣли, въ традиціонномъ корпораціонномъ кабачкѣ. Здѣсь фуксы торжественно представляются старшимъ. По командѣ ольдермана, каждый изъ нихъ вскакиваетъ на маленькій стоящій посреди комнаты столикъ. Старшіе предлагаютъ ему какіе нибудь замысловатые и смѣхотворные вопросы, а фуксъ долженъ отвѣчать на нихъ почтительно и остроумно... По окончаніи этого „представленія старшимъ“, фуксъ получаетъ отъ ольдермана штопоръ и коробку спичекъ, какъ эмблемы своихъ новыхъ обязанностей: откупоривать бутылки для пива и подавать старшимъ огонь для трубокъ.

Ослушаніе фукса своему ольдерману, равно какъ и всякій проступокъ съ его стороны, противорѣчащій требованіямъ комана и—что нераздѣльно съ первымъ — чести корпораціи и всего студенчества,—вели за собою соотвѣтствующее наказаніе. Чаще всего провинившагося „садили на фершиссъ“, т. е. заставляли его выпить однимъ залпомъ бутылку пива. Это было сравнительно легкимъ наказаніемъ. Въ случаяхъ болѣе серьезныхъ проступковъ приготовлялся особый напитокъ, извѣстный подъ характернымъ именемъ „ванце“ (Wanze, клопъ). Это смѣсь различныхъ напитковъ,—пива, водки, воды, куда нерѣдко попадали и окурки папиросъ. Провинившійся долженъ былъ это мѣсиво проглотить. Въ крайнихъ случаяхъ прибѣгали къ такъ называемому „рукунгу“ (Ruckung). т. е. прекращали съ запятнавшимъ свое имя и честь студенчества всякое общеніе.

Фуксы жили особенно весело. Согласно очень старинной традиціи, первый годъ жизни въ университетѣ дерптскіе бурши посвящали всегда всякаго рода развлеченіямъ, изъ которыхъ главное — шумныя попойки въ корпораціонныхъ „кнейпахъ“. Кромѣ этихъ попоекъ, на которыхъ всегда распѣвались шумно веселыя студенческія пѣсни, и кромѣ катанья на „фурманахъ“ (извозчикахъ), фуксы усердно занимались фехтованіемъ, верховою ѣздою и т. п. Не забудемъ, что вплоть до самаго послѣдняго времени (до 2 дек. 1891 г.) въ дерптскомъ университетѣ существовали особыя каѳедры для учителей фехтованія, танцевъ, верховой ѣзды и плаванія, и всѣ эти учителя никогда не находили

недостатка въ ученикахъ. Наконецъ, фуксамъ даже ставилось въ обязанность посѣщать своихъ старшихъ товарищей по корпораціи.

„Куронцевъ очень рѣдко можно было видѣть,—пишетъ въ извѣстномъ уже намъ рефератѣ сеніоръ,—въ аудиторіяхъ или за письменнымъ столомъ; да и это было бы съ ихъ стороны прямо подвигомъ, значило бы—прогремѣть въ скандалѣ (durch Schwieten und Scandäler zu glänzen). Не смотря на то, въ пользу куронцевъ говорятъ эти слова славнаго ректора Эверса, сказавшаго: „куронцы больше всѣхъ причиняютъ мнѣ хлопотъ, но на экзаменахъ они всегда первые". Вообще же одинъ старый землякъ описываетъ намъ свои студенческіе годы, какъ удивительное смѣшеніе труда и праздности, идеальнаго богатства и ужасающей бѣдности, великой свободы и множества церемоній, скромной дѣйствительности и фантастическихъ мечтаній".

„Старшіе коммилитоны" вели уже не столь веселую жизнь, какъ фуксы. Имъ приходилось больше „штудировать науку", а главное, приходилось быть именно „старшими", вести различныя, часто отвѣтственныя, обязанности общественнаго (корпораціоннаго) характера. Все это заставляло ихъ быть гораздо болѣе солидными и серьезными по сравненію съ фуксами. Корпоративное устройство представляло собою довольно сложную машину, и двигать этою машиною, въ нерѣдкой, открытой или затаенной, враждѣ одной корпораціи къ другой, было не легко. Къ тому же, съ одной стороны стояло начальство, отъ котораго часто приходилось скрываться или же играть предъ нимъ роль невинности, съ другой—была шумная и бурная, незнающая удержу толпа буршей; вѣдь, извѣстно, что пропустивъ нѣсколько стаканово пунша—любимый напитокъ на студенческихъ коммершахъ былыхъ времени—нѣмецъ становится всегда задорнѣе и заносчивѣе...

Внутреннее устройство дерптскихъ корпорацій претерпѣвало, на протяженіи ихъ почти вѣковой исторіи, различныя перемѣны. Но въ общемъ типъ такого устройства оставался, можно сказать, однимъ и тѣмъ же. Во главѣ каждой корпораціи стоялъ конвентъ, члены котораго выбирались изъ среды старшихъ „коммилитоновъ". Конвентъ завѣдывалъ всѣми дѣлами корпораціи. Собирался онъ обыкновенно въ собственномъ, нерѣдко роскошно устроенномъ, помѣщеніи корпораціи, извѣстномъ подъ именемъ Conventsquartier. Зала, гдѣ происходили самыя засѣданія конвента, приличнымъ образомъ украшалась. Надъ кресломъ сеніора висѣло на стѣнѣ цвѣтное шелковое знамя корпораціи, а надъ нимъ красовались двѣ, положенныя крестъ на крестъ, обнаженныя шпаги. Въ другихъ мѣстахъ виднѣются флаги изъ корпораціонныхъ цвѣтовъ; на стѣнахъ висятъ фотографіи и гравюры, изображающія различныя сцены изъ жизни корпораціи и дерптскаго студенчества вообще. Въ другихъ комнатахъ конвентъ-квартиры помѣщалась библіотека, корпораціонная касса, иногда также и родъ небольшого музея древностей. Рояль или органъ, для аккомпанированія при пѣніи студенческихъ пѣсенъ, также были необходимою принадлежностію конвентъ-квартиры. Здѣсь происходили не однѣ засѣданія; сюда собирались бурши и для упражненія въ фехтованіи, и для попоекъ, коммершей; здѣсь же иногда, за неимѣніемъ

болѣе подходящаго мѣста, происходили и студенческія дуэли (Mensuren).

Въ конвентъ-квартирахъ бурши всегда и неизмѣнно присутствовали въ своихъ „Farben“,—въ корпораціонныхъ знакахъ отличія. Согласно старинному обычаю, здѣсь не снимались даже и шапочки (Farben-deckel). Farben-deckel,—это главное отличіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, можно сказать, главная святыня бурша. Шапочки дерптскихъ буршей отличаются замѣчательно низкою тульей; верхъ ихъ всегда цвѣтной, причемъ у различныхъ корпорацій разные цвѣта. На коммершахъ, во время торжественнаго обряда «фатеръ-ландесъ», верхъ этой шапочки пронзался всякій разъ шпагой; чѣмъ больше было на шапочкѣ такихъ слѣдовъ, тѣмъ почетнѣе становился буршъ: эти отверстія служили наглядным показателемъ того, сколько выпито буршемъ пива и пунша... Другое отличіе корпорантовъ—лента черезъ плечо, также было изъ «отечественныхъ» цвѣтовъ; концы ея соединялись серебряною пряжкою, на которой вырѣзывались различныя эмблемы, гербы, иниціалы или девизъ корпораціи. Тѣ же гербы и девизъ изображались и на шелковомъ корпораціонномъ знамени. Послѣ утвержденія дерптскихъ корпорацій начальствомъ въ 1855 году, дерптскимъ буршамъ дозволено было публично ходить въ этихъ «фарбенъ»,—корпораціонныхъ цвѣтахъ. Это право отнято у нихъ только въ послѣднее время [1]).

Въ квартирѣ конвента происходили и засѣданія «студенческаго суда чести». Въ судьи выбирались наиболѣе старые бурши. Въ судъ обращались почти исключительно только такъ наз. антидуэлянты,—противники дуэлей. Такихъ всегда было не мало среди дерптскаго студенчества. Извѣстны даже цѣлые періоды, когда «антидуэлянтская точка зрѣнія» становилась какъ бы модною. При всемъ томъ, и дуэли (Mensuren) происходили между буршами нерѣдко. Не мало дерптскихъ буршей пало жертвами дуэли. Другіе ходили съ глубокими шрамами на лицѣ,—чѣмъ, впрочемъ, гордились.

Во время дуэлей принимались нѣкоторыя мѣры предосторожности, и дрались большею частію на эскадронахъ, рѣже—на настоящихъ шпагахъ. Касательно дуэлей на пистолетахъ (Pistolenfrage) среди дерптскихъ буршей долго и не однажды велись горячіе споры, но такого рода дуэли все-таки происходили не часто.

Въ «конвентѣ уполномоченныхъ» засѣдали депутаты отъ всѣхъ корпорацій. Послѣ 1855 года списокъ «шаржиртеровъ» представлялся всякій разъ на утвержденіе университетскаго начальства, и шаржиртеры являлись отвѣтственными за всѣ противозаконныя дѣйствія буршей.

Но не засѣданія конвента уполномоченныхъ и не засѣданія студенческаго суда были самыми торжественными и самыми характер-

[1]) Форменная одежда общаго съ другими русскими университетами образца установлена для студентовъ юрьевскаго университета только въ 1894 году.

ными актами въ жизни былого дерптскаго студенчества. Такимъ актомъ былъ знаменитый коммершъ (Commers). «Коммершемъ,—пишетъ одинъ старый буршъ,—выражается принципъ солидарности всѣхъ студентовъ, коммилитоновъ, и идея студенческой добродѣтели». Коммерши устраивались нерѣдко: ими оканчивались часто и конвенты, и торжественные суды, и счастливыя мензуры; ими начинался академическій годъ,—когда старые бурши вспрыскивали молодыхъ фуксовъ,—ими и оканчивалось учебное время, когда старые бурши, покончивъ съ многолѣтнимъ «штудированіемъ университетской науки», навсегда покидали старый Дорпатъ и когда въ честь каждаго изъ такихъ «новыхъ филистеровъ» устраивался коммершъ, заканчивающійся «фестцугомъ».

Коммершъ открывали обыкновенно нѣсколько торжественныхъ рѣчей, произносимыхъ сеніорами. Въ этихъ рѣчахъ говорилось о товариществѣ, о чести и славѣ almae matris и данной корпораціи, о славныхъ минувшихъ годахъ и былыхъ «бравыхъ» буршахъ и т. п. Выслушавъ рѣчи, бурши, въ своихъ цвѣтныхъ шапочкахъ и шарфахъ, усаживались съ важностію вокругъ стола, приготовляясь къ предстоящему священнодѣйствію. Начинались торжественные тосты; приэтомъ пили изъ одного бокала, отпивая половину. Первый тостъ всегда былъ за alma mater и за ея процвѣтаніе. Общее «hoch» прерывало краснорѣчіе сеніора, и зала коммерша оглашалась звуками міровой студенческой пѣсни «Gaudeamus»... Дальше шли тосты и тосты, за науку и профессоровъ, за корпораціи и студенчество, и т. далѣе, безъ конца, при восклицаніяхъ: prosit! fiducit! initium fidelitatis!.. Шумъ прерывался торжественной церемоніей—«Landesvater».

Нѣсколько старыхъ буршей, т. н. ландесфатеры, выступали, съ обнаженными шпагами въ рукахъ, на средину залы. Рядомъ съ ними становятся еще двое старыхъ коммилитоновъ,—одинъ съ наполненнымъ виномъ, серебрянымъ бокаломъ въ рукахъ,—другой—съ обнаженною шпагою. Бурши торжественно, отбивая тактъ украшенными цвѣтами шпагами, запѣваютъ пѣсню, призывающую всѣхъ къ молчанію и вниманію. Затѣмъ происходитъ самое пронзаніе цвѣтныхъ шапочекъ. Вотъ какимъ серьезнымъ и важнымъ тономъ изображаетъ эту церемонію одинъ старый буршъ. «Ландесъ-фатеры обращаются къ каждому студенту съ такими словами: «Возьми, товарищъ, сей кубокъ, полный добраго вина, и взявъ въ лѣвую руку шпагу, пронзи ею шляпу и выпей за процвѣтаніе нашей корпораціи». Тотъ, къ кому обращены были эти слова, прикладываетъ два пальца правой руки къ клинку своей шпаги и произноситъ: «Пронзаю шляпу и клянусь всегда слѣдовать чести, всегда быть бравымъ буршемъ». Когда всѣ трехцвѣтные шапочки нанизаны на клинки шпагъ,—ландесфатеры подходятъ къ тѣмъ, которые пронзали свои шляпы послѣдними, и надѣваютъ ихъ имъ на головы: ландесфатеръ и его секундантъ скрещиваютъ свои шпаги надъ головою бурша, причемъ весело поется пѣсня: „Возьми шапку назадъ, мы покрываемъ ею твою голову и держимъ надъ тобою шпаги; пока мы знакомы, мы считаемся братьями; негодяй тотъ, кто бранитъ тебя; да здравствуетъ

нашъ братъ NN!" Такимъ образомъ, мало по малу всѣ шапочки возвращаются ихъ владѣльцамъ" [1]).

Далѣе опять начинались тосты и пѣсни, и такъ вплоть до бѣлаго утра, пока солнце не разгоняло буршей по домамъ.

На коммершахъ нерѣдко можно было видѣть и профессоровъ, равно какъ и другихъ почетныхъ филистеровъ. Одинъ дерптскій буршъ вспоминаетъ, что ему пришлось быть на коммершѣ, гдѣ мѣсто предсѣдателя, съ эскадрономъ въ рукахъ, занималъ знаменитый хирургъ, Н. И. Пироговъ, тогда еще дерптскій профессоръ [2]).

Иногда на коммершѣ соединялись всѣ корпораціи. Такимъ общимъ коммершемъ праздновалось всегда наступленіе весны, въ ночь на первое мая. Празднество происходило въ старомъ паркѣ на Домбергѣ, вблизи живописныхъ „Dom-ruine", и продолжалось всю ночь при свѣтѣ костровъ...

Немало курьезно любопытнаго и въ т. н. „фестцугѣ" (festzug). Это была торжественная праздничная процессія корпорантовъ. Чаще всего фестцугомъ чествовали новыхъ филистеровъ: корпорація въ полномъ составѣ, съ распущеннымъ знаменемъ, провожала новаго филистера (т. е. только что окончившаго курсъ бурша) до вокзала. На пути эта процессія всегда заходила къ зданію университета, чтобы прокричать almae matri громкое „Hoch", отсалютовать ей знаменемъ и пропѣть „Gaudeamus". Виновника торжества въ такихъ случаяхъ вели обычно подъ руки, въ самомъ центрѣ процессіи.

Вотъ болѣе подробное описаніе особенно торжественнаго фестцуга, имѣвшаго мѣсто 8 сентября 1883 года, на 75-лѣтнемъ юбилеѣ Куроніи. Исходнымъ пунктомъ процессіи была конвентъ-квартира; направлялась процессія, какъ и всегда, прежде всего къ зданію университета. „Шествіе открывалъ ольдерманъ корпораціи, съ шелковымъ знаменемъ въ рукахъ; по бокамъ его шли два фестмаршала, такъ-же, какъ и самъ ольдерманъ, въ цвѣтныхъ шарфахъ и съ обнаженными шпагами. За ольдерманомъ шла толпа фуксовъ. Это былъ какъ бы авангардъ. Затѣмъ слѣдовало второе знамя, которое несъ одинъ изъ старшихъ корпорантовъ; по сторонамъ его шли также два почетныхъ коммилитона въ цвѣтныхъ лентахъ и съ обнаженными шпагами. Въ центрѣ шествія было опять знамя, это былъ подарокъ курляндскихъ барышень и дамъ, его несъ сеніоръ корпораціи; два шаржиртера (члены конвента уполномоченныхъ), со шпагами наголо, были его почетными спутниками. За ними слѣдовали филистеры, въ своихъ полинялыхъ шапочкахъ. Хвостъ шествія составляли младшіе члены корпораціи; они также несли распущенное корпораціонное знамя. Медленно, торжественно двигалась процессія по улицамъ Дерпта, по направленію къ alma mater. Тамъ, въ зданіи университета, у открытыхъ оконъ, уже сидѣли профессора,—и на приблизившихся куронцевъ посы-

---

[1]) Нѣкоторыя подробности этого обряда въ разныхъ корпораціяхъ исполнялись нѣсколько различно.

[2]) См. «Русск. Стар.» 1881 г. № II.

пался цѣлый дождь цвѣтовъ. Раздалось могучее, ликующее „Hoch“; въ воздухѣ замелькали шапочки привѣтствующихъ корпорантовъ, и каждый изъ нихъ старался украсить свою грудь завоеваннымъ букетомъ цвѣтовъ.

„Весело было далѣе. На верхахъ фуражекъ красуются у всѣхъ прелестныя розы; серебряныя рукоятки шпагъ украшены букетами. Чу! на площади послышались какіе-то торжественные звуки. Все громче и громче раздается привѣтствующая куронцевъ, звучная пѣсня:

«Stosst an, Dorpat soll leben»!

„Съ развѣвающимися знаменами ожидали насъ тамъ другія корпораціи, во то время какъ всѣ улицы города, окна и балконы домовъ были полны горожанами. Сердца всѣхъ были переполнены радостію... И когда голова вновь прибывшей процессіи проникла сквозь стройные ряды куронцевъ, когда окончились привѣтствія и поклоны и салютующія знамена опустились и вновь поднялись,— тогда раздались со всѣхъ сторонъ, все громче и громче, эти могучіе звуки:

Stosst an, grün-blau-weiss lebe!
Stosst an, Frauen-lieb'lebe!
Stosst an, freies Wort, kühne That lebe!
Hurrach hoch!

„Вотъ и все шествіе передъ зданіемъ almae matris. Грянуло могучее, безконечное „ура“. Пронеслось. Воцарилось молчаніе. Тогда, среди торжественной тишины, прозвучалъ голосъ сеніора:

„Vivat, crescat, floreat Alma Mater Dorpatensis in aeternum!“

„Vivat Academia, vivant professores!“ раздалось со всѣхъ сторонъ, изъ ряда въ рядъ, все громче и громче...

„Процессія направилась дальше. Когда она проходила по новымъ улицамъ, на нее сыпались съ балконовъ цвѣты и букеты: ихъ бросали прелестныя ручки дерптскихъ женщинъ.

„Prosit Curonia!“ внезапно среди прерваннаго ликованія раздался гдѣ-то вверху оглушительный звукъ... Въ слуховомъ окнѣ высокаго карцера виднѣлась рука; привѣтствуя, машущая фуражкой на встрѣчу процессіи. Это привѣтствовалъ празднующихъ куронцевъ хорошо знакомый имъ карцеръ. Въ толпѣ послышались сначала одиночные голоса, ихъ подхватывали скоро другіе, и на встрѣчу веселому жилищу (zu seiner lustigen Wohnung [1]) грянули веселые звуки:

Auch Du von Deinem Liebeldach, Ade!
Schausst mir umsonst, o Carcer, nach
Für schlechte Herberg'Tag und Nacht
Sei Dir ein Pereat! gebracht!

Дальше шествіе направилось къ дому филистера Ливена, гдѣ на балконѣ ожидали буршей курляндскія женщины. Всѣ онѣ также украсили себя корпораціонными цвѣтами. Какъ только процессія

[1]) Дерптскіе бурши вообще относились къ карцеру,—въ которомъ имъ приходилось сидѣть не рѣдко,—довольно благодушно. Часто карцеръ игралъ роль какого-то клуба, куда собирались коллеги заключеннаго поиграть вмѣстѣ съ нимъ въ карты и покутить. Быть заключеннымъ въ карцеръ считалось своего рода почетомъ.

приблизилась, на нее посыпался цѣлый дождь цвѣтовъ, букетовъ и вѣнковъ. Началось ликованіе и одушевленіе, какого невозможно описать. Все громче и громче раздавались ликующіе напѣвы: „Stosst an, Frauenlieb'lebe!“ и „Vivant omnes virgines“! между тѣмъ какъ старики и молодежь съ гордостію прикалывали себѣ на грудь душистые букеты“...

Дальше подобная же церемонія происходила предъ квартирою ректора университета, затѣмъ—попечителя, причемъ въ обоихъ случаяхъ произносились съ обѣихъ сторонъ рѣчи и тосты, и кричали „hoch!“ [1]).

Легкомысленная жизнь дерптскихъ буршей, — эти вѣчныя кнейпы, коммерши и дуэли, съ ихъ безчисленными церемоніями,— встрѣчала въ русской печати различную оцѣнку. Приэтомъ, одни видятъ тутъ нѣчто спасительное и благодѣтельное: способъ отвлеченія студентовъ отъ опасной „политики“, всегда ведущей за собою волненія и безпорядки; другіе пытаются и здѣсь „отыскать измѣну“...

Мы воздержимся отъ оцѣнки былого строя дерптскаго студенчества. Нечего и говорить, что немало времени тратилось дерптскими буршами очень непроизводительно. Однако, странно было бы думать, что всѣ дерптскіе бурши безъ исключенія проводили свои студенческіе годы въ сплошныхъ развлеченіяхъ. По словамъ Н. И. Пирогова, они „кутили, вливали въ себя пиво, какъ въ бездонную бочку, дрались на дуэляхъ, цѣлые годы иногда не брали книги въ руки, но потомъ какъ будто перерождались, начинали работать такъ-же прилежно, какъ прежде бражничали, и оканчивали блестящимъ образомъ свою университетскую карьеру“ [2]).

Точно также, церемоніи, которыми такъ изобиловала корпораціонная жизнь дерптскихъ буршей, для насъ, русскихъ, кажутся смѣшными, дѣтски наивными. Но эта любовь къ внѣшнему церемоніалу—черта національная и широко проявляется во всевозможныхъ случаяхъ нѣмецкой общественной жизни.

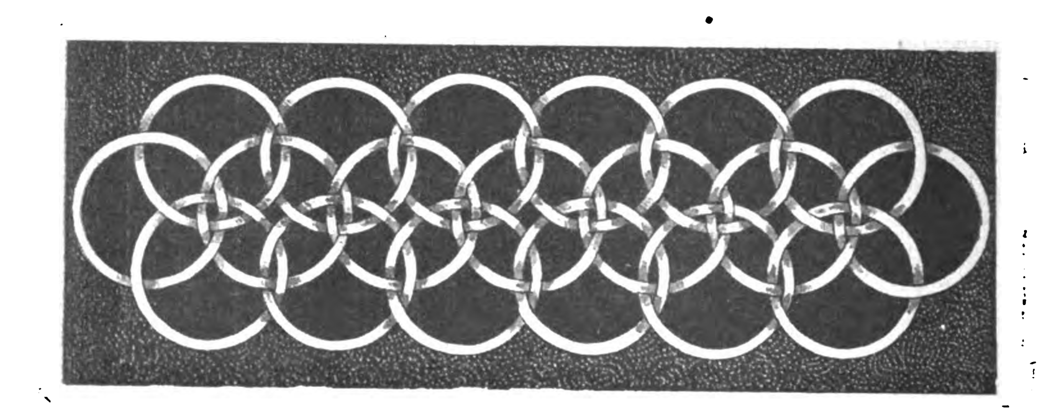
Д. Зеленинъ.

---

[1]) Описанный фестцугъ представляетъ собою лишь одинъ моментъ изъ того трехдневнаго торжества, которымъ Куронія праздновала свой 75-лѣтній юбилей (7, 8 и 9 сент. 1883 г.) и который подробно описанъ въ изданномъ конвентомъ этой корпораціи юбилейномъ изданіи («Zur Erinnerung etc.» Mitau. 1884).

[2]) Это обстоятельство, это умѣнье нѣмцевъ «перерождаться», не надо опускать изъ виду, говоря о нѣмецкихъ буршахъ. Иначе намъ непонятно будетъ, какимъ образомъ изъ дерптскаго университета вышло столь много ученыхъ, не рѣдко знаменитыхъ. По вычисленію Отто и Гассельблатта, за 90 лѣтъ изъ дерптскаго университета вышло 210 академиковъ и профессоровъ, не говоря о громадной массѣ другихъ общественныхъ дѣятелей. Изъ русскихъ писателей въ дерптскомъ университетѣ образованіе получили, кромѣ Языкова: В. И. Даль, гр. Соллогубъ и П. Д. Боборыкинъ.

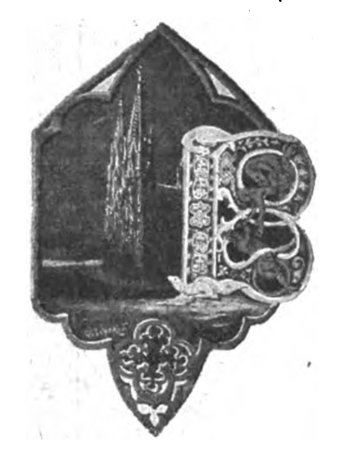
Венецейская Лагуна.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

(Продолженіе).

VIII.

Венеція была сильно взволнована происшествіемъ въ театрѣ; утромъ, на другой день, когда Шоринъ вышелъ на улицы для обычной прогулки, встрѣчавшіеся ему люди только и говорили о стычкѣ Николо съ Краономъ.

Происшествіе обсуждалось на всѣ лады. Венеціанцы привыкли къ такого рода недоразумѣніямъ и всѣ отлично знали суровость существующихъ законовъ относительно проступковъ, совершенныхъ въ театрѣ. Потому всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ждали, чѣмъ все это кончится.

Ждать пришлось недолго, потому что около трехъ часовъ дня Шоринъ видѣлъ, какъ на стѣнѣ дожескаго дворца, тамъ гдѣ обыкновенно налѣплялись судебные приговоры, прикрѣпляли длинную бумагу, на которой вверху красовалась крупными буквами надпись „Sentenzia", а внизу была прикрѣплена красная печать.

Немедленно стала собираться у стѣны толпа народа и Шоринъ прочелъ, протолкавшись ближе, суровый приговоръ инквизиціоннаго трибунала, постановленный заочно и съ стремительной быстротой, вслѣдствіе бѣгства преступника.

— Дворянинъ Николо Негро, читалъ Шоринъ, — приговаривается за покушеніе на убійство иноземнаго принца Фран-

ческо Краона, во время представленія въ театрѣ Санъ Кассіано, къ лишенію дворянскаго званія, временному изгнанію, и, въ случаѣ отысканія его, къ обезглавленію между колоннами площади св. Марка.

„Доставившему вышеупомянутаго преступника живымъ или мертвымъ будетъ выдана награда въ 2000 дукатовъ, въ случаѣ поимки его въ предѣлахъ республики, а если внѣ ея—4000. Кромѣ того, доставившему указаннаго преступника будетъ предоставлено право потребовать помилованія одного заключеннаго въ тюрьмѣ, или же изгнаннаго, или же приговореннаго къ смертной казни, будь то даже государственный преступникъ.

„Все имущество Николо Негро, каковое имѣется на лицо движимое и недвижимое, или которое окажется, или откроется, или будетъ имъ пріобрѣтено впослѣдствіи подъ вымышленнымъ именемъ, конфискуется: всѣ договоры и обязательства, заключенные имъ за шесть мѣсяцевъ до объявленія сего приговора, считаются недѣйствительными и неподлежащими исполненію.

«Всѣ города, деревни, мѣстечки, общины и всякія населенія, въ случаѣ появленія сказаннаго преступника въ ихъ предѣлахъ, обязаны ударить въ набатъ и выдать его немедленно правительственнымъ властямъ живымъ или мертвымъ: всѣ мѣстные общественные служащіе, кои по небрежности или другимъ какимъ поводамъ не исполнятъ сего приказанія, будутъ преданы суду и сосланы на галеры.

„Запрещается всѣмъ благороднымъ людямъ, родственникамъ или друзьямъ преступника и всѣмъ вообще венеціанскимъ гражданамъ, подъ страхомъ конфискаціи всего ихъ имущества и пребыванія втеченіе десяти лѣтъ на галерахъ съ ножными оковами, или двадцати лѣтъ одиночнаго заключенія, разговаривать съ осужденнымъ, находиться съ нимъ въ перепискѣ, или какъ либо иначе сноситься съ нимъ, или оказывать ему денежную и иную помощь.

«Осужденный никогда не можетъ быть помилованъ, ни ради какого обстоятельства и случая, ни даже въ случаѣ донесенія имъ государству о важной тайнѣ, ни въ случаѣ обѣщанія его служить республикѣ въ войскахъ во время войны, ни даже въ случаѣ выдачи имъ или убійства другого преступника, тягчайшаго нежели онъ.

«Приговоръ этотъ не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ измѣненъ, отсроченъ, смягченъ, отмѣненъ, даже по ходатайству иноземныхъ государей, если бы таковое имѣло мѣсто.

«Никто изъ генераловъ республики или начальниковъ фло-

товъ оной, никто изъ служащихъ, пользующихся правомъ въ военное время употреблять на службу республики осужденныхъ къ изгнанію и прочихъ преступниковъ, не можетъ воспользоваться его услугами.

«Запрещается всѣмъ и каждому, подъ страхомъ уплаты штрафа въ 2000 дукатовъ, ходатайствовать за осужденнаго».

Шоринъ окончилъ чтеніе.

— Это смерть! проговорилъ онъ, содрагаясь.—Это не судебное рѣшеніе, а какое-то проклятіе...

Толпа, собравшаяся передъ приговоромъ, волновалась, читая его, и шопотомъ высказывала свое неодобреніе. Приговоръ показался ей превзошедшимъ всякую мѣру.

Начался ропотъ и выраженіе неудовольствія. Шопотъ росъ и переходилъ въ глухіе возгласы. Но возгласы становились все громче и громче.

— Это жестоко и несправедливо! говорили одни.

— Этотъ приговоръ позоръ для Венеціи, говорили другіе.—Развѣ можно такъ карать за покушеніе на иноземца!

— Вѣдь Николо—венеціанскій гражданинъ и семья его очень почтенна, а отецъ долго и славно служилъ республикѣ.

— Совѣтъ Десяти не подумалъ о его семьѣ, которая дала государству нѣсколько почтенныхъ дѣятелей и добрыхъ гражданъ...

— Онъ не принялъ во вниманіе возраста виновнаго. Вѣдь ему нѣтъ двадцати трехъ лѣтъ! Кто не дѣлаетъ въ эти годы легкомысленныхъ поступковъ.

Но появились сбиры и стали разгонять толпу.

Крики смолкли; никому не хотѣлось попасться въ ихъ руки и отвѣчать передъ судомъ за критику правительственныхъ распоряженій. Всѣ знали цѣну республиканскаго суда и его жестокую суровость.

Шоринъ тоже отошелъ отъ стѣны.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, на площади св. Марка, куда онъ направился, встрѣтился онъ съ Краономъ и самъ остановилъ его.

Онъ ему разсказалъ о печальной судьбѣ его недруга.

Краонъ выслушалъ его внимательно, сначала не повѣрилъ ему, потомъ пришелъ въ яростное негодованіе.

— Какая мерзость, если это правда! воскликнулъ онъ.

— Прочтите сами, сказалъ ему Шоринъ.

Они направились къ дворцу дожей и Краонъ убѣдился въ справедливости его словъ.

Лицо его пошло пятнами, губы судорожно вздрагивали, глаза загорѣлись гнѣвнымъ огнемъ.

— Какая мерзость! опять проговорилъ онъ. — Мы съ вами иноземцы и я не знаю вашихъ законовъ, но у насъ ничего подобнаго нѣтъ. Они, онъ кивнулъ головой на дворецъ,—называютъ это свободнымъ образомъ правленія... Это неслыханный деспотизмъ! Это варварство! Вѣдь, въ концѣ концовъ, кто здѣсь пострадалъ? Пострадалъ одинъ я, но я не требую ни мщенія, ни наказанія, напротивъ, я охотно прощаю этому молодому человѣку. И даже, если хотите, вѣдь это я его довелъ до нищеты, до ссоры съ родными, до отчаянія. Посмотрите, плечо мое почти зажило! Видите, я свободно могу шевелить рукой?... Какое мнѣ дѣло, наконецъ, до всего этого? Я пойду хлопотать за несчастнаго юношу. Ахъ, если бы вы знали, какъ онъ любилъ Лючіетту... Онъ только не высказывалъ этого и умѣлъ скрывать свои чувства. Она не отвѣчала ему. Онъ не былъ самостоятельнымъ и не обладалъ средствами, которыми бы могъ свободно располагать... Да и кромѣ того, она боялась знакомства съ нимъ, которыя навлекли бы на нее гнѣвъ и ненависть его могущественной семьи. Здѣсь вѣдь за все отвѣчаютъ головой. И, конечно, такой прелестной головкѣ совсѣмъ не интересно было бы лечь на плаху. Нѣтъ, она его не любила. Иногда мнѣ впрочемъ кажется, что она и меня не любитъ. А? Какъ вы думаете?

— Не знаю, право, отвѣтилъ Шоринъ.

Краонъ продолжалъ мечтательно:

— Можетъ ли она вообще кого нибудь-любить? Право, мнѣ иногда кажется, что она любитъ одну только Карлоне... Вамъ это не показалось? Ей нужно какого нибудь небыкновеннаго человѣка, который сумѣлъ бы заинтересовать ея причудливый умъ, что нибудь пришедшее издалека, изъ невѣдомыхъ странъ, изъ-за морей, изъ-за пустынь, изъ-за снѣговъ... Какого нибудь араба, что ли, негра или русскаго.

Онъ остановился и внимательно поглядѣлъ на Шорина.

— Скажите, пожалуйста! вдругъ воскликнулъ онъ, ударивъ себя по лбу, и вскрикнулъ отъ боли, такъ какъ плечо его еще не зажило,—вѣдь вы, кажется, русскій?

— Да.

— Ну такъ васъ, мнѣ кажется, она могла бы полюбить... задумчиво сказалъ онъ, еще внимательнѣе вглядѣвшись въ своего собесѣдника.

— Вы думаете? улыбнулся Шоринъ той искренности и наивному воодушевленію, съ которымъ говорилъ болтливый французъ.—Но почему-же?

— Видите-ли, это трудно объяснить словами. Скорѣе это можно почувствовать. Вы человѣкъ совсѣмъ другого міра, точно свалившійся съ луны. Такой человѣкъ всегда интересенъ женщинѣ, и въ особенности такой женщинѣ какъ Лючіетта. Вы и въ любви, должно быть, объясняетесь иначе, чѣмъ мы. Въ вашихъ словахъ должно звучать что нибудь дикое, властное... Ей надоѣли вздохи и ласки и нѣжности. Ахъ, проклятые! вдругъ прервалъ онъ себя, — какъ они мнѣ надоѣли...

— Кто? съ изумленіемъ спросилъ Шоринъ.

— Сбиры. Куда бы я ни пошелъ, они бѣгутъ за мной какъ охотничьи собаки за дичью. И воображаютъ, что я ихъ не узнаю подъ ихъ плащами. Знаете что? Уйдемте отсюда. Здравствуйте, синьёръ сбиръ! крикнулъ онъ человѣку въ темномъ плащѣ.—Не безпокойтесь, я узналъ васъ, даже несмотря на вашу надвинутую шапку.

Человѣкъ въ плащѣ прошелъ мимо и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ, услыхавъ эти слова.

— Вы это мнѣ говорите? спросилъ онъ.

— А то кому же?

— Вы ошибаетесь, я васъ вовсе не знаю и я не сбиръ, какъ вы думаете.

— О, таинственный незнакомецъ, ваше отрицаніе напрасно! Вы знаете меня такъ же, какъ и я васъ!

Таинственный незнакомецъ пожалъ плечами и прошелъ дальше.

— Уйдемъ отсюда! сказалъ Краонъ.

— А вы забыли, что хотѣли ходатайствовать за несчастнаго Николо?

— Ну, что вы сдѣлаете съ такимъ человѣкомъ какъ я? досадливо проговорилъ Краонъ.—Легкомысліе когда нибудь погубитъ меня...

— Сохрани васъ Господь! съ чувствомъ возразилъ Шоринъ.— Мнѣ кажется, вы очень хорошій и сердечный человѣкъ.

— Не хвалите, не хвалите! Все равно не уступлю вамъ Лючіетты, если только она сама не броситъ меня. Сегодня все рѣшится. Она дала мнѣ слово поѣхать со мной на Лидо. Я предложу ей уѣхать со мною во Францію и покинуть Венецію. Тамъ на королевской сценѣ она будетъ блистать, какъ драгоцѣнный алмазъ въ достойной ея оправѣ. Ахъ, Лючіетта, Лючіетта!... Сколько жизни и нѣги въ ея танцахъ! Сколько гибкости въ ея позахъ! Сколько граціи въ ея движеніяхъ! Увѣряю васъ, что такихъ стройныхъ ножекъ нѣтъ болѣе въ Европѣ, какъ и такихъ глазъ.

— А Николо? напомнилъ ему Шоринъ.

— Ну, вотъ видите! Опять забылъ! Вы не думайте, однако, что я такой болтунъ. Съ незнакомыми или тѣми, кто мнѣ не нравится, я даже неразговорчивъ. Знаете что? Идите на площадь, займите столикъ въ угловой мальвазіи и ждите меня. Я вернусь и разскажу вамъ о моемъ ходатайствѣ за несчастнаго Николо.

И съ этими словами онъ быстро вошелъ въ ворота дворца и изчезъ въ нихъ.

Шоринъ направился на площадь.

Онъ сидѣлъ недолго. Не прошло и получаса, какъ Краонъ вернулся, весь красный отъ гнѣва.

— Ну что, принцъ? спросилъ Шоринъ.—Неудача?

— Да развѣ это люди? закричалъ Краонъ. — Это не люди и даже, кажется, не звѣри. Это просто каменныя изваянія.

— Успокойтесь и разскажите по порядку.

— Развѣ я могу успокоиться? Развѣ я могу говорить по порядку? Въ помѣщеніи трибунала никого не было кромѣ скриба какого-то, писавшаго новый приговоръ, должно быть, такой же нелѣпый, какъ и тотъ, что они только что вывѣсили. Я ему говорю, что мнѣ нужно, въ чемъ моя просьба. Негодяй даже не поднялъ головы отъ бумаги, въ которую уткнулся носомъ. Онъ спокойно выслушалъ меня и пробурчалъ: «Я никому не скажу о томъ, что отъ васъ слышалъ».—Напротивъ, говорю, скажите, я прошу васъ объ этомъ. — «Нѣтъ, я никому не скажу». — Вы не имѣете на это право, разъ я требую этого. — «Нѣтъ, я никому не скажу». — Тогда я вышелъ изъ себя: Почему же вы не скажете, грязное гусиное перо?—Но онъ не разсердился и тѣмъ-же ровнымъ тономъ отвѣтилъ: «Потому не скажу, во-первыхъ, что это совершенно безполезно, а во-вторыхъ потому, что за одну эту просьбу за осужденнаго вы бы должны были уже заплатить 2000 дукатовъ, если-бы вы были венеціанскимъ гражданиномъ, а такъ какъ вы не венеціанскій гражданинъ, то должны были бы быть высланы изъ предѣловъ республики, несмотря даже на то, что вы принцъ. А за «грязное перо гусиное», если бы я сказалъ о немъ, вы должны были бы заплатить еще разъ крупный штрафъ, за оскорбленіе должностного лица въ зданіи трибунала. А сколько, я точно не знаю. Впрочемъ, если хотите, я сейчасъ справлюсь».—Не трудитесь, отвѣтилъ я ему,—это безполезно въ виду того, что у меня денегъ нѣтъ. — «Ну такъ

будьте здоровы и уходите», отвѣтилъ онъ мнѣ». Ну что можно сдѣлать съ такими людьми, я васъ спрашиваю? Здравствуйте, синьёръ сбиръ! Очень радъ васъ видѣть! Вотъ добрая мальвазія, не выпьете ли стаканчикъ, другой? Нѣтъ? Не хотите? Очень, очень жалко лишиться такой пріятной компаніи.

Шоринъ невольно засмѣялся и взглянулъ на сбира, который, точно призракъ, молча и медленно прошелъ мимо.

— Вы очень смѣлы, принцъ, и, очевидно, не дорожите гостепріимствомъ Венеціи.

— Я чувствую, что меня лишатъ скоро этого гостепріимства. Но что-же дѣлать? Я задыхаюсь въ этомъ городѣ стоячей воды, каменныхъ домовъ и каменныхъ людей. Я бы давно покинулъ Венецію, которая мнѣ надоѣла, если бы не Лючіетта Но вы, мой другъ, что дѣлаете вы здѣсь?

Шоринъ сказалъ, что онъ прибылъ съ посланниками къ дожу, который не принимаетъ и по сію пору.

— Гдѣ же ваши посланники? спросилъ Краонъ.

— Они сидятъ дома, улыбнулся Шоринъ. — Одинъ влюбленъ въ мальвазію, другой въ женщинъ вообще. Первый имѣетъ возможность удовлетворить своей страсти, второй очень неподвиженъ и все только мечтаетъ о женщинахъ, но боится подойти къ нимъ. Впрочемъ, они были вчера въ театрѣ и обоимъ понравилась Лючіетта.

— Да кому же она можетъ не понравиться? горячо вскрикнулъ Краонъ.—Это такіе два съ огромными бородами? Я ихъ замѣтилъ... Добрый вечеръ, синьеръ сбиръ! Сейчасъ былъ здѣсь одинъ вашъ товарищъ и я предложилъ ему мальвазіи. Честное слово, радъ бы душой угостить васъ чѣмъ нибудь другимъ, но не знаю чѣмъ... Прикажите...

Но и тотъ сбиръ прошелъ молча, какъ и остальные.

Вечерѣло. Одна за другою зажигались на небѣ звѣзды, хотя небо было все еще достаточно свѣтло. На горизонтѣ накапливались тучи. Подулъ свѣжій вѣтерокъ.

— Какъ однако я заболтался съ вами! вдругъ вскрикнулъ Краонъ и, понизивъ голосъ, продолжалъ:—пора, меня будетъ ждать Лючіетта.

— Гдѣ? спросилъ Шоринъ.

— На Пьяцеттѣ. До свиданья. Вы очень хорошо говорите по-итальянски, пожалуй лучше меня. До свиданія!

— Прощайте.

— Почему прощайте? Я еще надѣюсь увидѣться съ вами.

———

Онъ торопливо расплатился. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ выходу, онъ вернулся.

— Знаете что? Дайте мнѣ вашъ плащъ и шляпу, а себѣ возьмите мои... до завтра. Скорѣе, пока нѣтъ около насъ этихъ проклятыхъ сбировъ. Вотъ такъ! Благодарю васъ. Такъ, можетъ быть, они меня не скоро узнаютъ и будутъ слѣдить за вами.

Онъ засмѣялся.

— Вамъ вѣдь все равно?

Шоринъ пожалъ плечами.

— Мнѣ нечего бояться.

— Какое счастье одурачить этихъ двуногихъ скотовъ! прошепталъ Краонъ и быстро исчезъ во тьмѣ надвигавшагося вечера, такъ какъ луна еще не всходила.

Пройдя площадь и выйдя на пьяцетту, у одной изъ колоннъ, подъ аркадами дворца дожей, Краонъ увидѣлъ темный силуэтъ женщины.

Онъ тихо свиснулъ и ему отвѣтили тѣмъ же свистомъ.

— Ты, Краонъ? шопотомъ спросила его тѣнь.

— Ты, Лючіетта? въ свою очередь спросилъ онъ.

— Я тебя не узнала сразу. Ты перемѣнилъ плащъ и шляпу.

— Да, для твоей безопасности.

— О, ихъ не обманешь этимъ!

— Уже обманулъ. Видишь, никого нѣтъ.

Лючіетта тщательно оглядѣла набережную.

— Да, правда, сказала она, — только я всетаки боюсь. Это очень хитрый народъ.

— Не бойся. Забудь о всѣхъ этихъ глупостяхъ. Если бы ты знала, какъ я тебѣ благодаренъ за то, что ты согласилась поѣхать со мною.

— Это большой рискъ.

— Никакого. Развѣ я не мужчина? Или у меня нѣтъ съ собой оружія? Знаешь ли ты о судьбѣ Николо?

— Знаю. Вся Венеція уже знаетъ объ этомъ.

Они подошли къ гондолѣ, стоявшей у ступенекъ Невольничьей набережной.

— Джуліо, пониженнымъ голосомъ позвалъ Краонъ.

— Здѣсь, принчипе.

— Bene. Вези насъ на Лидо, какъ сказано. Да погаси фонарь: вотъ всходитъ луна.

Гондольеръ сталъ на носъ и оттолкнулъ свою лодку отъ

стѣнки. Гондола безшумно поплыла по темнымъ водамъ лагуны, пересѣкая широкую лунную полосу темно-рыжаго цвѣта. Вѣтеръ стихъ, небо потемнѣло, ярче стали горѣть звѣзды; луна съ изумительной быстротой подымалась, уменьшаясь на небѣ.

— Что же ты о немъ скажешь? спросилъ у Лючіетты князь.

— О комъ? разсѣянно сказала она.

— Какъ о комъ? О Николо.

— Ничего не скажу. Есть онъ или нѣтъ его, мнѣ все равно. Я его никогда не любила. Съ такимъ человѣкомъ легко попасть въ бѣду.

— Ты благоразумна и предусмотрительна. Что это? Ахъ, да, Джуліо затянулъ пѣсенку.

Краонъ подсѣлъ ближе къ Лючіеттѣ на мягкой подушкѣ гондолы, подъ темнымъ, обитымъ черной матеріей, навѣсомъ. Она настойчиво освободилась отъ его объятій и сѣла поодаль.

— А меня ты любишь? спросилъ онъ.

— О, больше жизни!...

Въ ея голосѣ звучала насмѣшка.

Джуліо пѣлъ:

Coi pensieri malinconici
No te ster a tormenter,
Vien con mi, montema in gondola,
Angiamo in mezza al mar...

Звуки его низкаго, мягкаго, точно бархатнаго голоса наполняли воздухъ этой чудной ночи, хотя онъ пѣлъ вполголоса. Казалось, звуки таяли, прикасаясь къ водѣ, и бульканье воды, подъ весломъ гондольера, служило страннымъ акомпаниментомъ его пѣснѣ. Мечтательно глядѣлась въ зеркально-гладкія воды лагуны посеребрѣвшая теперь луна, точно любуясь собою въ зеркалѣ. И казалось, на темномъ, почти черномъ небѣ, среди этихъ крупныхъ серебряныхъ звѣздъ, происходитъ какое-то молчаливое торжество, что-то великое и тайное, что недоступно пониманію человѣка. Гондола тихо плыла по лагунѣ, разсѣкая воду своимъ острогрудымъ носомъ и мѣрно качалась отъ ритмическихъ ударовъ весла лодочника.

— Ты насмѣхаешься надо мною! Знаю, моя прелесть, грустно заговорилъ Краонъ,—знаю, что ты меня не любишь, что ты никого не любишь на свѣтѣ. Какъ можешь ты жить такъ? У тебя есть сердце, какъ у каждой женщины, какъ у каждаго человѣка. Но оно холодно, какъ ледъ, и твердо оно, какъ ледъ-же. Ты—каменная, какъ всѣ люди Венеціи.

— Ты для того позвалъ меня кататься, чтобы сказать мнѣ это?

— Нѣтъ не для того.

— А для чего-же?

— Для того, чтобы сказать тебѣ, какъ я люблю тебя... Ахъ, какъ онъ поетъ, мошенникъ, какъ поетъ! И какая ночь! О, Лючіетта! За одну такую ночь, проведенную рядомъ съ тобою, можно отдать жизнь! Можно отдать двѣ жизни—настоящую и будущую и отправиться послѣ смерти къ чорту въ адъ, даже ко всѣмъ чертямъ.

Лючіетта сдѣлала изъ указательнаго пальца и мизинца джеттатуру и потыкала ими въ темное пространство подъ навѣсомъ.

— О, не говори такъ, сказала она суевѣрно.

Vien con mi,montema in gondola,
Andiamo in mezzo al mar...

Вдали зачернѣла полоса Лидо и на ней медленно, одинъ за другимъ зажигались огни.

— Ты говорилъ, что я ничего не люблю въ жизни, начала послѣ нѣкотораго молчанія Лючіетта.—Ты ошибаешься: я люблю жизнь. Понимаешь, жизнь. Жизнь со всѣми ея радостями и невзгодами; люблю необъятное, глубокое, безконечное небо, люблю безбрежное море; даже лагуны, даже наши каналы; въ нихъ много таинственной, манящей прелести; люблю солнце и мечтательный блескъ луны, люблю цвѣты и деревья, которыхъ такъ мало въ Венеціи, люблю пѣніе и танцы. О, танцы больше всего на свѣтѣ! Видишь, сколько люблю я, а ты говоришь, что я ничего не люблю.

— А людей?

— Людей я не люблю. Имъ трудно вѣрить и они говорятъ. И небо, и море, и солнце, и луна, и цвѣты, и танцы, не говорятъ, а молчатъ. Люди говорятъ, говорятъ много, потому лгутъ. Луна никогда не обманываетъ, я вижу, что она свѣтитъ, а когда зайдетъ или скроется за тучу, я опять вижу, что ея нѣтъ. Лицо человѣческое и людскія рѣчи лгутъ.

— Но человѣкъ, который любитъ не лжетъ. Любовь правдива, какъ природа, Лючіетта.

— Любовь? Любовь величайшая ложь жизни. Любовь похожа на чуму, которая, какъ говорятъ, когда-то опустошала нашъ городъ. Любовь, настоящая, сильная, страстная—болѣзнь, она убиваетъ людей и рѣдко кто выживаетъ. А исцѣлившіеся остаются обезображенными на всю жизнь. Они перестаютъ любить жизнь и теряютъ вѣру. Я знаю, я любила.

— Ты?

— Да, я. Это было давно, когда меня еще чуть не дѣвочкой отдали въ монастырь. Тамъ былъ молодой аббатъ, который полюбилъ меня, какъ и я его. Мы хотѣли бѣжать. Но онъ вдругъ сдѣлался религіознымъ, богомольнымъ и сталъ избѣгать меня и сталъ даже бояться меня. Съ тѣхъ поръ въ моей душѣ рана. А еслибы ты зналъ, какъ сладко было, подъ звуки церковнаго гимна, мечтать о любви! Какъ сладко было встрѣчаться съ нимъ подъ сводами храма... Въ этомъ былъ грѣхъ, а грѣхъ такъ сладокъ! Любовь и ненависть—родныя сестры, повѣрь мнѣ! Сначала любовь, потомъ ревность, потомъ ненависть. А любовь, испытавшая ревность, похожа на красивое лицо, обезображенное другой страшной болѣзнью — черной оспой. Оно остается рябымъ.

Гондольеръ продолжалъ управлять весломъ, но теперь перемѣнилъ свою пѣсню.

Онъ пѣлъ какую-то баркароллу въ медленномъ ритмѣ. Она и ласкала и убаюкивала.

Вдали, на горизонтѣ, мелькнуло два-три темныхъ рыбачьихъ паруса, казавшихся растопыренными крыльями какихъ-то необыкновенныхъ гигантскихъ птицъ. Южная ночь наступила какъ-то неожиданно, внезапно, точно подкравшись изъ-за угла, смѣнивъ собою вечернюю тьму. И стало свѣтлѣе, прозрачнѣе, уютнѣе на лагунѣ. Лагуна, похожая днемъ на большую, людную площадь большого города, теперь была почти пустынна. Рѣдко-рѣдко проплывала мрачная гондола съ какъ-бы изваяннымъ на кормѣ или на носу гондольеромъ, и въ своемъ безшумномъ шествіи, казалась скользящимъ чернымъ призракомъ въ прозрачной черной тьмѣ венеціанской ночи. На носу лодки мигалъ опаловымъ пламенемъ огонекъ фонарика, трепетно отражаясь короткими узорами въ темной водѣ лагуны.

Далеко позади, зданія Венеціи слились уже въ общія группы и вытянулись въ одну линію, окутавшись флёромъ ночи. Сквозь туманный блескъ луны еле-еле можно было отличить дворецъ дожей, высокую компаниллу св. Марка. Моста вздоховъ не было уже видно, и только развѣ привыкшій уже къ темнотѣ глазъ могъ различить ту темную щель, въ которой онъ находился.

Слабымъ огонькомъ горѣлъ вдали, передъ гондолою, маякъ Маломокко, а справа, на зданіи съ куполомъ ложился отблескъ луны. Многими тысячами серебряныхъ блестокъ разсыпалась луна по лагунѣ, выхватывая изъ ночной тьмы

далекіе и многочисленные островки и суда, разсѣянные тамъ и сямъ, по лагунѣ.

Порой мимо гондолы Краона проплывала у самого борта, другая, подъ нарядныиъ навѣсомъ, за полуопущенными занавѣсками котораго, при участіи коварнаго блеска луны, Краонъ успѣвалъ различать темные силуэты мужчинъ и женщинъ и настороженнымъ ухомъ уловить звукъ любовнаго поцѣлуя.

— Вотъ эти любятъ! съ завистью говорилъ тогда Краонъ.— Не думаю, чтобы они стали тратить по-пустому слова и говорить о любви, когда можно просто любить!

Но Лючіетта молчала.

Эта ночь подавляла ее, наполняла безмолвнымъ очарованіемъ,

— Лючіетта, сказалъ Краонъ, выведенный изъ терпѣнія ея молчаніемъ,—поѣдешь-ли ты со мною во Францію? Покинешь ли ты Венецію? Ты вѣдь знаешь, мнѣ жить здѣсь неудобно, съ вашими негодяями сбирами. Ты ни въ чемъ не будешь нуждаться... Ты будешь жить въ роскошномъ палаццо, гдѣ все будетъ къ твоимъ услугамъ. Повѣрь, тамъ не хуже, чѣмъ здѣсь, и люди тамъ даже лучше. О, гораздо лучше. И тамъ нѣтъ такихъ назойливыхъ сбировъ. Ваши сбиры похожи на злыхъ москитовъ. Они кусаются больно и, притомъ, навязчивы.

— Нѣтъ, Краонъ, я не поѣду съ тобою...

— Но почему? Почему-же?

— Ты уже говорилъ мнѣ объ этомъ не разъ, и если я согласилась поѣхать съ тобою на Лидо, въ эту ночь, то только для того, чтобы сказать тебѣ, что я не послѣдую за тобою.

— Но почему-же? повторилъ онъ.

— Потому что я тебѣ не вѣрю.

— Мнѣ?

Да, я не вѣрю тебѣ. Ты человѣкъ неосторожный и легкомысленный. Ты любишь меня, я это знаю, но ты любишь, кромѣ меня и мальвазію и карточную игру. Кто любитъ женщину, тотъ не долженъ любить блага жизни, а только ее одну. Я ничего не люблю, потому что люблю жизнь. И потомъ я родилась здѣсь. Пересади розу съ ея привычной почвы въ другую землю—она завянетъ. Пусть нашу венеціанскую баркароллу, вотъ ту, что поетъ теперь Джуліо, споетъ французъ—она погибнетъ и ее нельзя будетъ узнать. Перенеси нашъ городъ на другое мѣсто, гдѣ говорятъ, вмѣсто каналовъ, каменныя дороги,—онъ исчезнетъ. Нѣтъ, нѣтъ, у васъ и небо и люди другіе и луна свѣтитъ иначе. Я никуда не уѣду изъ Венеціи.

Гондольеръ вдругъ оборвалъ свою пѣсню и началъ усиленно грести весломъ.

Нѣсколько разъ онъ уже безпокойно оглядывался назадъ, и гребъ съ такой силой, какъ будто хотѣлъ убѣжать отъ гнавшагося за ними призрака.

— Ты что-жъ замолчалъ, Джуліо? спросила его Лючіетта.

Но гондольеръ махнулъ ей рукой, продолжая другою управлять весломъ.

— Что такое? испуганно спросила она у Краона.

Краонъ выглянулъ изъ-подъ палатки и посмотрѣлъ туда, куда безпрестанно направлялись взоры лодочника.

Онъ увидѣлъ большую гондолу, которая гналась за ихъ лодкой по пятамъ. Такъ какъ она была больше и тяжелѣе ихъ гондолы, то не могла настичь ихъ.

Вдругъ среди безмолвной ночи, по лагунѣ пронесся протяжный крикъ, похожій на зловѣщій крикъ ночной птицы.

— Что это? спросилъ Краонъ и увидѣлъ, какъ лодочникъ мгновенно бросилъ весло, а Лючіетта вздрогнула съ ногъ до головы.

Краонъ схватился за кинжалъ.

— Что это? повторилъ онъ свой вопросъ.

— Это сигналъ, отвѣтилъ Джуліо, вынувъ весло изъ воды и бросивъ его на дно лодки.

— Что означаетъ этотъ сигналъ?

— Ничего хорошаго, синьёръ.

— Почему ты остановилъ гондолу?

— Это правительственная барка, синьёръ, и сбиры требуютъ нашей остановки.

Прошло нѣсколько минутъ и правительственная барка коснулась своимъ бортомъ борта гондолы Джуліо.

На ней былъ красный фонарь и въ ней сидѣло нѣсколько человѣкъ.

Одинъ изъ нихъ поднялся. Краонъ узналъ его. Это былъ старшій сбиръ, который допрашивалъ его въ Ridotto.

— Вы узнаете меня? спросилъ сбиръ.

— Узнаю.

— Тѣмъ лучше. Переходите въ нашу лодку, отрывисто сказалъ онъ, въ тонѣ приказанія.

— Зачѣмъ? возразилъ Краонъ.—Мнѣ и въ моей хорошо.

— Сбиры, возьмите его, скомандовалъ старшій и три рослыхъ человѣка точно выросли изъ барки.

Краонъ, по тону его рѣчи, тотчасъ же понялъ, что время шутокъ прошло и что дѣло идетъ о чемъ-то очень важномъ.

— Спрячься въ уголъ и спусти занавѣски, быстрымъ шопотомъ сказалъ онъ Лючіеттѣ.—Не безпокойте вашихъ людей, обратился онъ къ сбиру.—Я самъ перейду къ вамъ.

— Это будетъ лучше всего. И еще лучше будетъ, если вы бросите ваши шутки.

Краонъ перешелъ на ихъ бортъ. На днѣ лодки лежало что-то длинное, тщательно укрытое толстой, темной матеріей.

— Что вамъ нужно? спросилъ онъ у старшаго. — Что вы привязались ко мнѣ, какъ мухи къ меду? У меня съ вами никакихъ дѣлъ быть не можетъ и я прошу, чтобы вы оставили меня въ покоѣ, больше ничего.

Старшій ничего не отвѣтилъ на эту вспышку гнѣва, но немедленно началъ допросъ. Слова его были кратки, рѣчь отрывиста.

— Вы-ли принцъ Франческо Краонъ, иноземецъ, французскій подданный, живущій вотъ уже слишкомъ годъ въ нашемъ городѣ?

Краонъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Отвѣчайте, сказалъ сбиръ.

— Но вы меня отлично знаете, потому что уже преслѣдуете меня давно.

— Отвѣчайте! крикнулъ сбиръ, — или я заставлю васъ отвѣчать силой.

— Я князь Франсуа Краонъ, иноземецъ и французъ. Что-жъ изъ этого?

— Вы-ли жаловались, что нѣсколько времени тому назадъ у васъ украли деньги въ игорномъ домѣ Ridotto?

— Я никому не жаловался.

— Вы ошибаетесь. Вы жаловались мнѣ и всему городу, крича объ этомъ на площадяхъ, улицахъ, каналахъ и театрахъ и понося наше правительство. Украли у васъ деньги или нѣтъ?

— Украли! злобно крикнулъ Краонъ.

— Велика-ли была сумма?

— Пять тысячъ дукатовъ.

— Въ чемъ они были?

Краонъ не понялъ.

— Были ли они въ ящикѣ, въ кошелькѣ, въ мѣшкѣ?

— Въ мѣшкѣ.

— Какого вида и цвѣта?

— Въ небольшомъ мѣшкѣ изъ зеленой кожи.

— Такъ... Подозрѣвали-ли кого?

— Я-же вамъ говорилъ.

— Повторите.

— Извольте. Это былъ человѣкъ высокаго роста, очень высокаго роста, съ черной бородой.

— Могли бы вы узнать его, если-бы вамъ его показали?

— Конечно.

— Сбиръ, принеси мнѣ фонарь, сказалъ старшій.

Сбиръ принесъ фонарь, открылъ его и направилъ на то длинное, что лежало на днѣ лодки.

Онъ-же снялъ темное покрывало и Краонъ вскрикнулъ отъ ужаса.

Передъ нимъ, во всю длину своего огромнаго роста, лежалъ трупъ того человѣка, котораго онъ замѣтилъ въ тотъ памятный вечеръ въ Ridotto. Въ рукахъ мертвеца былъ зажатъ зеленый мѣшокъ.

— Онъ-ли это? спросилъ сбиръ.

— Да, это онъ, дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ князь.

— И мѣшокъ тотъ самый?

— Тотъ самый.

— Такъ вотъ вамъ воръ, а вотъ ваши деньги.

Старшій обратился къ сбиру:

— Вынь у него мѣшокъ изъ рукъ и накрой его тѣло.

Тотъ исполнилъ приказаніе. Онъ протянулъ мѣшокъ Краону.

Но Краонъ содрогнулся и отшатнулся отъ него.

— Вы должны взять ваши деньги, строго сказалъ сбиръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, я не могу...

— Вы должны.

И онъ насильно вложилъ ему въ руки мѣшокъ.

Краонъ тотчасъ же бросилъ мѣшокъ въ свою гондолу и онъ со звономъ упалъ на дно ея.

— Теперь, князь, мнѣ остается сказать вамъ одно. Уѣзжайте, такъ какъ воздухъ Венеціи вамъ вреденъ. Вамъ, по опредѣленію трибунала, дается еще сорокъ восемь часовъ на сборы. Возвращеніе въ Венецію вамъ воспрещено навсегда. И никогда нога ваша не будетъ попирать камней нашихъ площадей и улицъ. Вы не сумѣли оцѣнить наши установленія и законы и всюду громко, не стѣсняясь, поносили наше правительство. Если вы не уѣдете добровольно въ сорокъ восемь часовъ, васъ увезутъ отсюда насильно.

— Но позвольте, попробовалъ возразить пришедшій, наконецъ, въ себя князь.

Сбиръ рѣзко прервалъ его.

— Всякіе разговоры излишни. Я обязанъ вамъ объявить рѣшеніе и вы обязаны ему подчиниться. Вы не сумѣли оцѣнить наше гостепріимство—пеняйте на себя.

— Но я пойду жаловаться дожу.

— Дожъ боленъ и васъ не приметъ. Къ тому-же вамъ, вѣроятно, извѣстно, что никакихъ жалобъ на постановленіе трибунала, по закону, не допускается. Да и жаловаться вамъ не на что. Вотъ вашъ воръ лежитъ здѣсь. Вы видите, онъ понесъ возмездіе за свое преступленіе. Деньги, украденныя у васъ, возвращены вамъ въ цѣлости. На что вы можете жаловаться?

— Но...

— Довольно. Переходите къ себѣ. Въ субботу васъ не должно быть уже въ городѣ,—твердо помните объ этомъ.

Краонъ перешелъ въ свою гондолу.

Перегнувшись черезъ бортъ, онъ спросилъ сбира въ полголоса.

— Кто же онъ?

— Этотъ? Несчастный брави, соблазнившійся блескомъ вашего золота. Иноземцы портятъ нашъ народъ, и чѣмъ меньше ихъ останется въ Венеціи, тѣмъ лучше.

— Наемнаго убійцу можно по вашему испортить? воскликнулъ Краонъ, но лодка сбировъ уже отчаливала отъ борта гондолы.

Она сдѣлала широкій кругъ по лагунѣ; на мгновеніе мелькнулъ въ глазахъ Краона красный фонарь. Что-то грузное тяжело шлепнулось въ воду съ борта правительственной барки и брызги воды долетѣли до Краона.

Онъ вошелъ подъ навѣсъ.

Лючіетта сидѣла на мягкихъ подушкахъ, въ своемъ черномъ плащѣ, закрывъ лицо руками.

— Ты слышала? спросилъ ее Краонъ.

— Все слышала.

Онъ ничего не сказалъ и сѣлъ съ нею рядомъ. Она молчала и въ ея глазахъ стояло выраженіе ужаса.

Нагнувшись впередъ, она слабымъ голосомъ крикнула:

— Джуліо, я не поѣду на Лидо! Поверни назадъ.

— Лючіетта!...

— Я не поѣду на Лидо, упрямо возразила она.

— Намъ недолго еще осталось пробыть вмѣстѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу домой. Мнѣ страшно холодно. Джуліо, поверни гондолу.

Лодочникъ исполнилъ ея желаніе и лодка медленно поплыла къ Венеціи.

Джуліо не пѣлъ больше. Съ суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣлъ онъ на безмолвныя воды лагуны, поглотившія тѣло неизвѣстнаго человѣка, надъ которымъ расползались широкіе круги и толпились пузыри. Но вскорѣ и круги и пузыри исчезли и поверхность воды сдѣлалась такою же спокойной и безстрастной, какъ была прежде.

Тогда, еще болѣе понизивъ свой мягкій, бархатный голосъ, Джуліо запѣлъ про себя «De profundis» и набожно, истово перекрестился.

Уныло и печально было ихъ возвращеніе назадъ...

Лючіетта не могла говорить, неразговорчивъ и сумраченъ былъ и всегда веселый Краонъ.

Но время шло и его молчаливое настроеніе проходило. Гнѣвъ и бѣшеная злоба душили его. Онъ сознавалъ свое полное безсиліе и это выводило его изъ себя.

— Проклятая страна, проклятый городъ, ворчалъ онъ.— Какіе люди, какое правительство!...

Потомъ онъ положилъ свою руку на руку Лючіетты.

— Радость моя, счастье моей жизни! Бѣжимъ изъ Венеціи. Въ нашей милой Франціи—иные люди, иные законы. Тамъ легко и весело жить.

Она отрицательно покачала головой и онъ, видя ея твердую рѣшимость, не настаивалъ больше.

Но разлука съ ней казалась ему тяжелою, невѣроятною.

— Это невозможно! говорилъ онъ.—Черезъ сорокъ восемь часовъ меня уже не будетъ здѣсь, а ты останешься одна... О, я знаю, у тебя скоро найдутся покровители... этотъ изъ Москвы... какъ его? Шоринъ... онъ любитъ тебя... Знаешь что? Я вернусь черезъ нѣкоторое время...

—Развѣ ты не слыхалъ, что говорилъ тебѣ сбиръ? Тебѣ навсегда запрещено пребываніе въ Венеціи.

— Я пріѣду подъ другимъ именемъ.

— О, не дѣлай этого.

— Почему?

— Не дѣлай этого, если не хочешь познакомиться съ холодными водами нашей лагуны.

— Какъ! Они осмѣлятся?...

— Они все могутъ. Кто имъ можетъ помѣшать?

— Но у насъ тоже есть законъ и они отвѣтять за исчезновеніе французскаго гражданина.

— Пойди, доискивайся! Сколько пройдетъ времени! Наконецъ, они всегда могутъ сказать, что ты утонулъ по неосторожности въ лагунѣ. Джуліо, перестань пѣть. Твое пѣніе надрываетъ мнѣ душу...

Лодочникъ еще разъ перекрестился и замолчалъ.

— Лучше было слушать меня, начала опять Лючіетта, перебирая въ своемъ умѣ всѣ подробности этого событія,— и не вступать въ споръ съ сбиромъ. Наказаніе твое было-бы легче. Ты очень легкомысленный человѣкъ, Франческо, и тебѣ опасно довѣрить свою судьбу.

— О, Лючіетта, какія жестокія слова говоришь ты!

— Можетъ быть, возразила она, — но зато справедливыя.

Она больше не заговаривала.

Вверху попрежнему блистали звѣзды и луна попрежнему любовно свѣтила съ темнаго неба, отражаясь въ водахъ лагуны.

Казалось, она любовалась въ немъ какъ въ зеркалѣ. Въ воздухѣ была тишина, не было слышно прибоя. Общее безмолвіе ночи чуть-чуть нарушали тихіе всплески, еле уловимые только внимательнымъ ухомъ, ласковыхъ волнъ, любовно ластившихся къ каменнымъ стѣнкамъ набережной.

Лодка плыла мимо единственнаго сада Венеціи.

Садъ съ вѣковыми платанами, казалось, былъ полонъ глубокихъ, подвижныхъ тѣней и представился возбужденному воображенію Лючіетты священною рощею, уснувшею въ густомъ ароматѣ розъ и лилій, подъ таинственный шелестъ невидимыхъ поцѣлуевъ и подъ тяжестью неразгаданныхъ тайнъ, неразоблаченныхъ чудесъ.

Воображеніе ея разыгрывалось.

Она видѣла невидимыя аллеи, усыпанныя гравіемъ, на мелкихъ камешкахъ которыхъ играли тысячью огней брилліантовые блики луны; каменныя скамьи, увитыя цвѣтами и залитыя тѣмъ же блескомъ луны, среди этихъ аллей, гротовъ, боскетовъ. И на скамьяхъ молодые влюбленные забывшіе міръ, зачарованные венеціанской ночью.

Ахъ, отчего, отчего она не умѣла любить безъ забвенія и отдаваться чувству безъ раздумья? Отчего все ей кажется обманомъ и ложью? И этотъ садъ, въ которомъ, конечно, нѣтъ

ни лилій, ни розъ, въ эту пору года, развѣ не обманъ, который заставляетъ разыгрываться воображеніе?

Но садъ былъ уже далеко и гондола приплыла къ ступенькамъ Невольничьей набережной.

Краонъ помогъ Лючіеттѣ выйти и вышелъ самъ.

Ихъ прогулка кончилась.

— Синьёръ принчипе! позвалъ Краона лодочникъ.

— Что тебѣ, Джуліо?

— Вы забыли на днѣ моей гондолы деньги.

— Нѣтъ, не забылъ ихъ. Я не возьму ихъ. Возьми ихъ себѣ, Джуліо.

— Храни меня, святая Дѣва! Изъ рукъ мертвеца! Нѣтъ, синьёръ, примите, я не могу взять ихъ.

— Ну такъ брось ихъ въ воду.

Гондольеръ сдѣлалъ джедаттуру изъ пальцевъ, взялъ мѣшокъ со дна лодки и, недолго думая, выбросилъ его въ воду.

В. Свѣтловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Должности и обязанности крестьянъ. *)

(По поводу сорокалѣтія освобожденія крестьянъ).

(1861—1901).

I.

дной изъ отличительныхъ чертъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка было стремленіе разрѣшить вопросъ о возможно счастливомъ состояніи человѣчества. Философы XVIII вѣка полагали, что земной міръ очень хорошо приспособленъ для homo sapiens, который можетъ пречудесно устроиться въ немъ при благонравномъ поведеніи. Вопросы „повседневнаго счастья", соображенія пользы играютъ отнюдь не малую роль въ твореніяхъ этихъ замѣчательныхъ мыслителей, творцовъ „естественной религіи", „естественнаго права". Отсюда весьма понятно появленіе массы сочиненій подъ различными заглавіями, но трактующихъ объ одномъ и томъ же предметѣ—объ „обязанностяхъ и должностяхъ человѣка". Намѣчается, такъ сказать, программа земной дѣятетельности человѣка, вырабатываются тѣ главныя правила, тѣ границы, которыя не долженъ переступать человѣкъ. Въ этой литературѣ принимали участіе почти всѣ дѣятели просвѣтительной философіи; такія книжки сочинялись какъ Пуффендорфомъ, творцомъ естественнаго права, такъ и Мирабо, старшимъ, главою физіократовъ, наконецъ, католическимъ аббатомъ Фельбигеромъ,—и всѣ онѣ, въ общихъ чертахъ, въ главныхъ положе-

*) Глава изъ ненапечатанной книги «Школьная и оффиціозная мораль въ Россіи 1782—1855 г.

ніяхъ, очень сходны и отличаются лишь въ частностяхъ, въ детальной разработкѣ. Весьма понятно, что эта литература не могла не вызвать подражанія и у насъ въ Россіи. Русскіе писатели принялись дружно переводить и сочинять подобныя книжки; появились „Общенародное наставленіе или наука о правахъ и должностяхъ человѣческихъ“, „Изъясненіе должностей человѣка и гражданина“, „Сокращеніе главнѣйшихъ должностей“ и прочее. Кромѣ подражанія Западу въ усиленіи этой литературы не малое значеніе сыграло и то обстоятельство, что она была какъ бы освящена высочайшею санкціей. Въ курсъ начальной школы, по повелѣнію Екатерины II, было введено преподаваніе морали, и для этой цѣли предназначалась особая книга подъ слѣдующимъ длиннѣйшимъ заглавіемъ: „О должностяхъ человѣка и гражданина книга, къ чтенію опредѣленная въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи, изданная по Высочайшему повелѣнію“. Эта книга представляла очень интересную переводъ-передѣлку книги австрійскаго аббата Фельбигера „Lesebuch für Schüler der deutschen Schulen. Zweiter Theil“.

Но съ теченіемъ времени разсматриваемое направленіе сильно видоизмѣнилось. „Повседневная мораль“ была исключена изъ предметовъ обученія въ народныхъ школахъ и замѣнилась моралью исключительно церковною. Книга, изданная по приказанію императрицы Екатерины II, была сожжена въ царствованіе Николая I, и весьма понятно, что дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи вполнѣ прекратились.

Но если книги, трактующія о должностяхъ и обязаностяхъ *вообще* человѣка, стали признаваться вредными, коль скоро онѣ сочинены писателемъ не изъ духовной среды, то книги, разсматривающія обязанности нѣкоторыхъ сословій, наоборотъ, пользовались оффиціальною поддержкою. Особенно расплодились въ числѣ книги о должностяхъ и обязанностяхъ „воинскаго сословія“, послѣ нихъ слѣдуютъ книги для крестьянъ и, наконецъ, для учащагося юношества.

Въ настоящей статьѣ мы, исходя отъ вышеупомянутой книги, изданной при Екатеринѣ, разсмотримъ нѣсколько книгъ, въ которыхъ указываются должности и обязанности крестьянъ, и прослѣдимъ, какимъ образомъ измѣнялся взглядъ оффиціальныхъ сферъ на данный предметъ.

Книга Екатерины II начиналась съ трактата о счастьѣ вообще человѣка; въ ней выставлялось положеніе, что для достиженія благополучія здѣсь, на землѣ, необходимо: „а) Напоять душу нашу добродѣтелію. б) Пещись надлежащимъ образомъ о тѣлѣ нашемъ. в) Исполнять общественныя должности, на которыя мы отъ Бога опредѣлены. г) Знать правила хозяйства“. Выставивъ такія положенія, разобравъ каждое изъ нихъ отдѣльно, книга касалась и различныхъ сословій и, если такъ можно выразиться, спеціальныхъ для этихъ сословій должностей.

Все человѣчество, по понятіямъ педагоговъ тѣхъ отдаленныхъ отъ насъ временъ, дѣлилось на два большихъ класса — *знатные* и *низкіе* подданные. Послѣдніе опредѣлялись слѣдующимъ

образомъ: „между низкими есть свободные люди; есть же и такіе, кои господамъ своимъ службою, нѣкоторыми податьми и иными различными образами обязаны, отчасти же и такъ присвоены, что ни они сами, ни дѣти ихъ безъ соизволенія господъ съ того мѣста, гдѣ они живутъ, на другое переселиться не могутъ“.

Въ этомъ опредѣленіи очень характерно то обстоятельство, что книжка, изданная въ самый разгаръ усиленія крѣпостного права (1782 г.), ни однимъ намекомъ не говоритъ объ этомъ крѣпостномъ правѣ,— она глухо отмѣчаетъ: „и иными различными образами обязаны господамъ“. На нашъ взглядъ въ этомъ заключается одно изъ проявленій того интереснаго противорѣчія, въ которое поставила себя Екатерина II. Какъ извѣстно, эта великая императрица не была сторонницею крѣпостного права, наоборотъ, она искренно возмущалась жестокостями помѣщиковъ; когда эти жестокости доходили до ея свѣдѣнія, она ихъ карала; она наградила Фонвизина за его „Недоросль“, который въ сущности представляетъ яркую сатиру на крѣпостное право; мало того, назначала премію за лучшее сочиненіе „о освобожденіи крестьянъ“, она сама писала въ своемъ журналѣ очень непріятныя вещи для помѣщиковъ-крѣпостниковъ — и въ то же самое время она раздарила многія тысячи крестьянъ своимъ любимцамъ и придворнымъ, а рядъ ея законодательныхъ мѣръ усилялъ закрѣпощеніе крестьянъ. На первый взглядъ—неразъяснимое противорѣчіе, и до сихъ поръ еще слышатся сожалѣнія о слабости, которая будто бы была у Екатерины II, — а иначе она могла освободить крестьянъ. Подобный взглядъ, конечно, не выдерживаетъ серьезной критики, онъ грѣшитъ въ самомъ основаніи. Понятно, что образованіе государства и развитіе его происходитъ не отъ воли и желанія отдѣльныхъ личностей, какими бы сильными и выдающимися онѣ ни были. Личность играетъ извѣстную роль въ исторіи, но представлять эту личность какимъ-то „deus ex machina“ — въ настоящее время странно. Главенствующая партія въ Россіи въ екатерининское время—была дворянская, землевладѣльческая; все хозяйство страны было почти вполнѣ „натуральное“, земледѣльческое; дворянинъ—помѣщикъ не могъ существовать безъ даровой рабочей силы. Институтъ крѣпостного права не отжилъ своего вѣка, наоборотъ, онъ даже не получилъ своего законченнаго развитія. И думать, что волею могучаго монарха могло перемѣниться экономическое состояніе страны, по его одному слову могла бы возникнуть промышленность, куда бы обратилась получившаяся свободная рабочая сила (если бы освобожденіе крестьянъ произошло)—по меньшей мѣрѣ странно. Въ царствованіе Екатерины только стали намѣчаться тѣ главные факторы, при помощи которыхъ и должно было произойти освобожденіе крестьянъ — присоединеніе обширныхъ новороссійскихъ степей и вытекающая отсюда необходимость ихъ заселенія, т. е. колонизація, которая не могла успѣшно производиться при крѣпостномъ правѣ [1]), затѣмъ и присоединеніе Польши, и какъ слѣд-

[1]) Извѣстно, что помѣщики Новороссійскаго края были одними изъ самыхъ энергичныхъ защитниковъ «эмансипаціи».

ствіе—измѣненіе экономическихъ отношеній къ Западной Европѣ. Послѣдующія царствованія развивали эти факторы и привели, наконецъ, къ великому дню 19 февраля.

Но очень оригинально отношеніе Екатерины въ своихъ учебникахъ для народныхъ школъ къ этому „крѣпостному праву". О немъ не говорится прямо. Фельбигеръ въ своей Lesebuch и во многочисленныхъ циркулярахъ объ улучшеніи австрійскихъ школъ, нисколько не смущаясь, прямо говоритъ „о крѣпостномъ правѣ", „о необходимости духовенству проповѣдывать о покорности крестьянъ своимъ помѣщикамъ". Екатерина II заимствовала свою школьную реформу отъ Фельбигера, но выкинула эти опредѣленныя сужденія, замѣнила ихъ туманными фразами, изъ-за которыхъ, конечно, проглядывала сущность дѣла. Вся эта книжка, по которой проходилась въ школахъ мораль, стремится доказать, что всякое состояніе (конечно, въ томъ числѣ и крѣпостное) имѣетъ свои преимущества и прелести, что мѣнять свое состояніе на другое нельзя,—но во всякомъ случаѣ въ этой книгѣ вы не встрѣчаетесь съ такой фразой, какъ у Фельбигера «dass Bauerjungen in Lesen, Schreiben, in den Anfangs gründen der Religion und den aus selbigen fliessenden Pflichten der Treue und *des Gehorsams gegen ihren Landesherrn unterrichtet* werden sollen».Ставить „покорность къ помѣщику" рядомъ съ „правилами религіи" казалось невозможнымъ во времена Екатерины II; школа преслѣдовала въ это время болѣе гуманитарныя задачи, а не служила сословнымъ интересамъ. Противоположность этихъ интересовъ не была еще сильна, но съ дифференцировкою общества школа постоянно теряетъ свой „общій характеръ" и дѣлается школою сословною.

Раздѣливъ такимъ образомъ все человѣчество на два класса „знатныхъ и низкихъ", книга о должностяхъ и обязанностяхъ проводитъ ту мысль, что эти два различные класса имѣютъ, собственно говоря, „одну обязанность" и только различныя средства для выполненія ея. Эта обязанность, этотъ долгъ каждаго человѣка есть „любовь къ отечеству", которая опредѣлялась слѣдующимъ образомъ: „*любовь къ отечеству* (кур. подл.) состоитъ въ томъ, дабы мы почтеніе и благодарность являли къ правительству, чтобы покорялись законамъ, учрежденіямъ и добрымъ нравамъ общества, въ коемъ мы живемъ, чтобы уважали выгоды отечества, употребляли оныя къ общей пользѣ, и по возможности тщилися бы ихъ сдѣлать совершеннѣе, дабы мы принимали участіе во славѣ того общества, коего мы сочленами, и ревностно бы старались о благѣ онаго".

Отмѣтимъ, на первый взглядъ, какъ бы незначительную разницу между этимъ мѣстомъ перевода и подлинника. Фельбигеръ полагаетъ, что обязанность любви къ отечеству требуетъ отъ подданныхъ стремленія къ улучшенію и видоизмѣненію того ненормальнаго положенія вещей, которое можетъ существовать; Фельбигеръ говоритъ о „Verbesserung"—русскій переводъ тщательно выкидываетъ это слово, такъ какъ „улучшеніе" принад-

лежитъ не подданнымъ, а „правителямъ“: подданные должны безпрекословно повиноваться.

„Любовью къ отечеству“ объединяются различныя сословія государства, но каждое изъ сословій должно проявлять эту любовь различнымъ образомъ. Мы разсмотримъ здѣсь только, какъ должны проявлять эту любовь „низкіе люди“ или „простой народъ“—по терминологіи книги, или крестьяне, по современной терминологіи.

II.

Крестьянину должны быть присущи два свойства: „повиновеніе“ и „дѣятельность, т. е. трудолюбіе“. При помощи этихъ двухъ качествъ крестьянинъ и долженъ проявлять свою любовь къ отечеству.

Замѣчательно, что этотъ взглядъ на крестьянъ оставался безъ измѣненія вплоть до освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Такъ, въ „Ручной книжкѣ для грамотнаго поселянина“ (Спб. 1857 г.), мы читаемъ слѣдующее на стр. 21: „помни, что лучшее лекарство отъ бѣдности—трудъ и работа, потому что Богъ трудящемуся никогда не отказываетъ. Кто любитъ трудъ и работу, тотъ любитъ и добро: за работою зло не пойдетъ на умъ“.

Взглядъ, что обязанность крестьянина есть „повиновеніе и работа“, вылился какъ бы въ кристаллизованной формѣ. Измѣнялись лишь объясненія, почему у крестьянина такая обязанность. Въ екатерининское время это объясненіе заключалось „въ любви къ отечеству“, въ послѣдующее время она замѣнилась болѣе церковнымъ понятіемъ, что „Богъ трудящемуся никогда не отказываетъ“—да и къ стыду нашему, въ настоящее время есть нѣкоторые господа, которые серьезно убѣждены въ томъ, что крестьянинъ только и созданъ для повиновенія и черной работы.

Возвращаемся „къ книгѣ объ обязанностяхъ“. Выставивъ данное положеніе, книга указываетъ и на средства для выполненія его. Это мѣсто поражаетъ своею наивностью, и мы его выписываемъ съ буквальною точностью:

„Они (простой народъ) должны оказывать любовь къ отечеству особливо повиновеніемъ и дѣятельностію, то есть трудолюбіемъ; къ тому имѣютъ они многообразные случаи, а именно: когда избираются изъ нихъ солдаты, защитники отечества противъ внѣшнихъ враговъ, когда правительство повелѣваетъ земледѣльцамъ, или для помощи государству въ нуждѣ или для снабженія пищею войска, удѣлять нѣчто отъ пріобрѣтеннаго земледѣліемъ или привозить, или также держать постои“.

Въ екатерининское время войны требовали громаднаго количества войска. Эта повинность ложилась тяжелымъ гнетомъ на крѣпостное населеніе (достаточно прочитать Радищева „Путешествіе въ Москву“) – и оффиціальная мораль сейчасъ же стремится объяснить эту повинность, какъ наисвятѣйшую обязан-

ность, — вѣдь, исполняя ее, крестьяне тѣмъ самымъ выказываютъ „любовь къ отечеству", заслуживаютъ „почтенное названіе сыновъ отечества". Со школьной скамьи долженъ человѣкъ привыкнуть и сродниться съ этой мыслью, и въ жизни безпрекословно подчиняться, а не избѣгать, какъ это было сплошь и рядомъ въ тѣ времена.

Черезъ 17 лѣтъ послѣ появленія этой книжки—въ Петербургѣ въ 1799 году, т. е. во время царствованія Павла, въ одно изъ самыхъ тяжелыхъ для литературы время, вышла книжка подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Сокращеніе главнѣйшихъ должностей, кои каждый христіанинъ обязанъ исполнять въ точности по своему званію и состоянію". Эта книжка анонимная, но авторъ ея—или духовное лицо, или имѣющее близкое сношеніе съ духовенствомъ, что видно и изъ эпиграфа, приложеннаго къ книгѣ: „Всякую минуту помышляй о послѣднемъ часѣ", и обозначеніи С.-Петербурга —„градомъ св. Петра". Въ ней высказывается нѣсколько иное объясненіе должностей крестьянъ, въ сущности своей, конечно, не отличающееся отъ разобраннаго нами, а именно на стр. 10 говорится:

„Крестьянинъ или ремесленникъ христіанинъ долженъ непремѣнно молиться Богу по утру и къ вечеру съ своимъ семействомъ. Онъ долженъ платить исправно казенныя и прочія законныя подати".

Такимъ образомъ „любовь къ отечеству" замѣнена исполненіемъ религіозныхъ обязанностей. Въ этомъ отношеніи книга, изданная при Екатеринѣ II, тщательно разграничивала двѣ стороны морали, если такъ можно выразиться,—отношенія къ Богу и къ человѣку. Она предоставляла выяснить отношеніе каждаго человѣка къ Богу и вытекающія отсюда обязанности—духовенству, и разбирала лишь этику повседневной жизни. Всѣ послѣдующія книжки смѣшивали эти двѣ области и стремились уменьшить значеніе послѣдней. Съ появленіемъ книжки „Сокращеніе главнѣйшихъ должностей" во всѣхъ остальныхъ книгахъ продолжаетъ развиваться точка зрѣнія этой послѣдней. Такъ „Памятная книжка для православныхъ христіанъ изъ крестьянскаго званія" (Второе изданіе 1849 г. Спб.) начинается слѣдующимъ трактатомъ:

„Для точнаго исполненія христіанскихъ обязанностей, должно содержать въ памяти:

Смерть, ни для кого неминуемую;

Судъ страшный, на коемъ за всякое слово, дѣло и помышленіе воздадимъ отвѣтъ;

Адъ или **муку вѣчную, конца неимущую**, грѣшниковъ ожидающую;

Царство небесное, вѣрнымъ уготованное;

Вездѣ присутствіе Божіе;

Житіе и вольное страданіе Христово;

Что спастись безъ любви ко Христу невозможно" [1]).

„Ручная книжка для грамотнаго поселянина" (Спб. 1857 г.)

---

[1]) Жир. шрифтъ въ подлинникѣ.

начинается святцами, а отдѣлъ: „что надобно всегда помнить и соблюдать всякому человѣку"—содержитъ въ себѣ слѣдующее (приводимъ, конечно, отрывки):

„Помни всегда, что весь міръ, тебя и все, что у тебя, создалъ и хранитъ Всемогущій Богъ... Много на свѣтѣ горя и много печалей всякому человѣку за грѣхи наши и проотцевъ нашихъ; но Богъ далъ и лекарство отъ всякаго горя, а то лекарство — молитва сердечная. Молись всякой день..."

Отмѣтимъ здѣсь, кстати, слѣдующую любопытную подробность: послѣдняя изъ разсматриваемыхъ книжекъ имѣла нѣсколько изданій, первое въ 1857, а послѣднее, насколько намъ удалось прослѣдить, въ 1864 году, т. е. послѣ освобожденія крестьянъ. И что-же? Это послѣднее изданіе представляетъ буквальную перепечатку перваго, причемъ ни однимъ словомъ не упомянуто 19 февраля 1861 г.,—т. е. въ книгѣ, предназначенной для крестьянина, не находили нужнымъ сообщить объ освобожденіи крестьянъ, о такомъ событіи, которое кореннымъ образомъ перевернуло всѣ общественныя отношенія въ Россіи. Явленіе, на первый взглядъ, странное и непонятное, но, конечно, имѣющее вполнѣ опредѣленныя объясненія.

III.

Такимъ образомъ, „должности и обязанности крестьянъ", по понятіямъ оффиціальныхъ или оффиціозныхъ сферъ, чуть ли не за цѣлое столѣтіе оставались безъ измѣненія, только появилась другая мотивировка. Но съ теченіемъ времени болѣе ярко выразился еще одинъ взглядъ на крестьянъ, основаніе котораго положила книга, изданная при Екатеринѣ II. А именно, здѣсь на стр. 127 мы читаемъ слѣдующее: „лѣнивые же напротивъ того, неработающіе и *праздношатающіеся* (кур. подл.) суть всегда бременемъ государству, причиняютъ ему вредъ и препятствуютъ его благосостоянію". Характерно, конечно, то обстоятельство, что упоминаніе о праздношатающихся сдѣлано во главѣ, трактующей о крестьянахъ; такимъ образомъ, какъ будто предполагалось, что праздношатающіеся, лѣнивые и неработающіе встрѣчаются главнымъ образомъ среди крестьянъ. Но въ дальнѣйшихъ книжкахъ этотъ взглядъ высказался наиболѣе рельефно, получилъ нѣсколько иную окраску и распространенъ, пожалуй, отчасти и въ наше время. А именно въ книжкѣ „Сокращеніе главнѣйшихъ должностей" значится слѣдующее: „онъ (т. е. крестьянинъ) долженъ имѣть отвращеніе къ пьянству, распутствамъ, игрѣ и дурнымъ сообществамъ".

То же самое отмѣчаетъ и „Памятная книжка для православныхъ христіанъ изъ крестьянскаго званія" въ особомъ подъотдѣлѣ: „краткое христіанское нравоученіе"—параграфы XIII, XV и XVII:

„На пиршества не ходи, и не пьянствуй; также ни съ кѣмъ не бранись и не дерись.

„Не прелюбодѣйствуй, не блудодѣйствуй, не скоморошничай, скверныхъ пѣсенъ не пой, да и поющихъ не слушай.

„Не ходи на гульбища, въ толпы, въ хороводы для удальства

и пустыхъ разсказовъ и на святочныя игрища; также и прочихъ грѣховныхъ забавъ удаляйся".

Въ этихъ строкахъ уже очень ясно сквозитъ идеалъ „аскетизма": всѣ развлеченія, которыя только возможны крестьянину, отвергаются, безъ замѣны ихъ другими болѣе разумными и полезными.

И, наконецъ, въ послѣдней изъ разсматриваемыхъ нами книжекъ „о пьянствѣ" помѣщено довольно большое разсужденіе („Ручная книжка грамотнаго поселянина" стр. 271):

„Надо знать, что здороваго крестьянина самый сильный врагъ есть *кабакъ: зелено вино изводитъ душу и тѣло пуще холода и голода*".

Не довольствуясь однимъ афоризмомъ, книжка помѣщаетъ ссылку изъ исторіи и картину пьянаго человѣка:

„Лѣтъ триста тому назадъ и вина-то у насъ на Руси вовсе не знали, а холода зимою были такіе же, какъ и нынѣ, и народъ не сидѣлъ на печи, а также ѣздилъ по дорогамъ, какъ и нынѣ, грѣлся же онъ не виномъ, но хорошею одеждою да сытною пищею. Посмотри-ка на того, у кого тулупишка всего одинъ, да и тотъ въ дырахъ; въ рукавицахъ варешки давно поистерты; сапоговъ и суконныхъ штановъ и въ поминѣ нѣтъ: такой человѣкъ хоть пьетъ вино, а мерзнетъ хуже всякаго не пьющаго..."

Историческая справка оказалась нѣсколько невѣрною, потому что еще Владиміръ Святой сказалъ, что безъ вина для русскаго нѣтъ веселья. А лекарствомъ отъ пьянства должно служить слѣдующее правило:

„Первое средство — быть всегда честнотрудолюбивымъ, второе средство — тратить меньше того, что ты заработалъ или что выручилъ..."

Далѣе идетъ патетическое и, какъ могъ замѣтить читатель изъ предыдущихъ выписокъ, въ тонѣ поддѣлки подъ крестьянскую рѣчь, описаніе всѣхъ недостатковъ и ужасовъ „лѣниваго человѣка" и восхваленіе афоризма—слишкомъ стараго—„терпѣніе и трудъ все перетрутъ".

Такимъ образомъ, мы видимъ, что екатерининская книжка изъ пороковъ крестьянъ отмѣтила „лѣность и праздношатаніе"; послѣдующія книжки присоединяютъ къ нимъ еще и „пьянство", причемъ надъ послѣднимъ ставятъ, какъ говорится, точку на і.

Эта же книжка признавала „добродѣтелью" и необходимою обязанностью крестьянина слѣдующее:

„Простые люди оказываютъ себя тогда сынами отечества, когда они, не оставаяся при старинныхъ своихъ привычкахъ, стараются перенимать полезное другихъ странъ, сколько возможно, и оное употреблять для блага своего отечества, или насаждая и разводя въ своей землѣ иностранныя произведенія, или подражая для пользы своей *образу земледѣлія* (курсивъ нашъ) сосѣдей своихъ, или употребляя подобное сосѣднему прилежаніе къ выдѣлыванію собственныхъ своихъ произведеній, дабы не имѣть нуждъ въ чужихъ плодахъ и работѣ и вывозимыя за то изъ государства деньги удержать въ своемъ отечествѣ".

На этомъ и кончается трактатъ о должностяхъ и обязанностяхъ крестьянъ, изданный въ царствованіе Екатерины II. Двѣ книжки „Сокращеніе должностей“ и „Памятная книжка“ игнорируютъ совсѣмъ данный вопросъ, такъ какъ по главной мысли, проведенной въ этихъ книгахъ, онъ не соотвѣтствуетъ понятію „должности или обязанности“. Это—практическая сторона жизни, разбираемыя же книжки смотрятъ на жизнь съ церковной точки зрѣнія. „Ручная книжка для грамотнаго поселянина“, наоборотъ, представляетъ изъ себя краткую энциклопедію сельскаго хозяйства, такъ что положеніе екатерининской книжки вошло въ нее цѣликомъ.

Коснувшись даннаго вопроса, мы вспомнили болѣе разительный курьезъ, имѣющій лишь косвенное отношеніе къ разбираемымъ нами книгамъ. А именно, въ 1850 году графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, министръ государственныхъ имуществъ, вводилъ приходскія училища въ казенныхъ селеніяхъ для образованія сельскаго юношества. Нѣкоторые начальники губерній сдѣлали замѣчанія на программу этихъ приходскихъ училищъ, признавая необходнымъ ввести въ ихъ курсъ преподаваніе земледѣлія. Министръ государственныхъ имуществъ на это примѣчаніе далъ слѣдующій отвѣтъ: „Министерство не можетъ согласиться на сію мѣру, какъ измѣняющую характеръ училищъ, имѣющихъ исключительно цѣлію религіозно-нравственное образованіе, но можетъ, для ознакомленія учениковъ съ выгодами улучшеннаго земледѣлія и домоводства, снабжать училища, для чтенія, краткими практическими наставленіями о главныхъ основаніяхъ сельскаго хозяйства, приспособляясь къ быту и понятіямъ поселянъ“. Но и это уменьшеніе программы не удовлетворило митрополита Филарета, и онъ въ своемъ отзывѣ на проектъ графа Киселева, указывая уже на заведенныя будто бы приходскимъ духовенствомъ училища (въ Московской губерніи ихъ, по словамъ отзыва, въ 1850 г. было 34), совѣтуетъ:

1) „Съ точностію держаться прямой цѣли обученія поселянскихъ дѣтей, чтобъ доставить имъ религіозно-нравственное образованіе.

2) Какъ въ методѣ, такъ и въ пространствѣ обученія держаться соотвѣтственной съ сей цѣлію простоты“.

и особенно:

4) „тщательно направлять обучаемыхъ дѣтей къ чтенію назидательному и полезному для ихъ званія и всемѣрно устранять отъ нихъ чтеніе неблагопріятное для нравственности и общаго спокойствія, питающее чувственность и страсти или возбуждающее броженіе политическихъ мыслей“ [1]).

Послѣднее замѣчаніе, главнымъ образомъ, было вызвано книгою князя В. Одоевскаго и А. Заблоцкаго: „Разсказы о Богѣ,

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ. Спб. 1885. т. III стр. 358—369 и стр. 569—577. Всѣ отзывы и слова Филарета мы беремъ изъ этого собранія.

человѣкѣ и природѣ" (Спб. 1849). Но объ этой книгѣ мы будемъ говорить ниже.

Такимъ образомъ, въ 1850 г. стремленіе крестьянъ вводить улучшенное земледѣліе (если бы такое стремленіе проявилось— чего, конечно, было трудно ожидать)—не считалось бы обязанностью крестьянина, не могло быть названо „любовью къ отечеству", а наоборотъ, ослабляло бы нравственно-религіозное образованіе крестьянина. Необходимо было, такъ какъ крѣпостное право трещало по всѣмъ швамъ, остановить всякое прогрессивное движеніе среди крестьянъ, заставить ихъ позабыть даже самую мысль о возможности улучшить свое хотя бы матеріальное положеніе и сдѣлать это все во имя интересовъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ, прикрываясь какъ бы заботою о нравственно-религіозномъ воспитаніи крестьянъ!

IV.

Теперь мы разсмотримъ тѣ должности и обязанности крестьянъ, которыя вводились болѣе поздними книгами этого рода и о которыхъ нѣтъ упоминанія въ книгѣ, изданной при Екатеринѣ II.

Книга „Сокращеніе главнѣйшихъ должностей" вводитъ слѣдующую обязанность:

„Онъ не долженъ никогда клясться и надлежитъ ему быть терпѣливу въ домашней его жизни, въ работѣ и въ печаляхъ кои воспослѣдуютъ ему отъ Бога или ближнихъ".

Здѣсь рисуется извѣстный нравственный идеалъ, и терпѣніе проповѣдуется какъ высшая добродѣтель.

„Памятная книжка для христіанъ изъ крестьянскаго званія"— ближе къ нашему времени и здѣсь являются требованія болѣе опредѣленныя, носящія практическій характеръ. Въ обязанность и должность крестьянина полагаются такія дѣйствія, которыя не могутъ улучшить его матеріальнаго положенія, но улучшаютъ положеніе другихъ сословій.

На первомъ планѣ стоитъ слѣдующее:

„Помогай приходскому своему священнику работою и имѣніемъ твоимъ: Достоинъ дѣлатель мзды своея (Матѳ. гл. 10 ст. 10. 1 Тимоф. гл. 5 ст. 18).

„Въ неисправности священника не осуждай: простого человѣка грѣшно осуждать, кольми паче священника. Онъ за тебя и за себя даетъ отвѣтъ на страшномъ судѣ, а не ты за него; а потому отврати очи отъ неисправности его, когда онъ согласно вѣрѣ учитъ (Матѳ. гл. 23 ст. 2 и 3)".

Послѣднее упоминаніе было особенно важно, такъ какъ духовенство тогда не отличалось высокою нравственностью, а наоборотъ, распущенность его бросалась всѣмъ и каждому въ глаза и вызывала со стороны властей строгія мѣры для пресѣченія подобнаго положенія вещей. Такъ при удаленіи отъ должности благочиннаго монастырей (московскихъ) бывшаго донского архимандрита Ѳеофана—представилось затрудненіе по пріему замѣ-

стителя, а этотъ благочинный былъ смѣненъ за полный безпорядокъ въ его монастыряхъ. Замѣстителя же было трудно найти потому, что архимандритъ Аполлосъ „подверженъ болѣзненному состоянію, соединенному съ разстройствомъ нервъ и воображенія“, архимандритъ Мельхиседекъ „подвергался замѣчаніямъ Святѣйшаго Синода о двухъ иконахъ, которыя оглашены были чудотворными, и продолжаемыя донынѣ относительно сихъ иконъ мѣры предосторожности показываютъ не вполнѣ возстановленное довѣріе высшей власти къ сему настоятелю“. Таково было высшее духовенство въ московскихъ монастыряхъ по отзыву митрополита Филарета, т. е. лица, которое заподозрить въ пристрастіи и предвзятомъ отрицательномъ отношеніи къ духовенству нельзя [1]). Далѣе, въ отзывахъ того же самаго архипастыря мы находимъ слѣдующія фразы: „московскіе монастыри не довольно богаты исправными людьми“, „открылось нѣсколько лицъ неблагонадежныхъ“—и т. д. Понятно, каково было состояніе духовенства въ провинціи. Но книга, предназначенная для крестьянъ, вмѣняла послѣднимъ въ обязанность „не осуждать неисправныхъ пастырей“. Не довольствуясь указаніемъ на тексты, для вящаго доказательства книжка приводитъ слѣдующій аргументъ:

„Это (злорѣчіе и клевета на священника) есть кознь и хитрость сатанинская: онъ старается черезъ злой языкъ нанести хулу и клевету имени священника, дабы прихожане имъ гнушались, ученія его не слушали и не спасались“.

Слѣдующею обязанностью выставлено повиновеніе начальникамъ; здѣсь проводится тотъ принципъ, что „всякій начальникъ отъ Бога поставляется“ (т. е. сотскій, десятскій, писарь, старшина, полицейскій и т. д., такъ какъ для этихъ лицъ не дѣлается никакой оговорки), что крестьянину необходимо вѣрить и твердо, что „въ видѣ начальника наказываетъ тебя самъ Богъ“.

Но обозначеніе, кого же подразумѣвать подъ именемъ начальника, необходимо было привести, и на практикѣ, конечно, приводилось, что начальникомъ является и помѣщикъ, и тогда крестьянинъ, когда его пороли на конюшнѣ, по приказанію помѣщика, долженъ былъ говорить слѣдующее: „поражай меня, Господи, поражай сколько угодно тебѣ. Вотъ мое тѣло, я знаю, что любовь твоя поражаетъ меня“... (стр. 40 и 41).

Крайнихъ выводовъ, вообще, можно сдѣлать сколько угодно изъ данной книжки, и они будутъ поражать современнаго читателя страшнѣйшимъ изувѣрствомъ и фанатизмомъ: нельзя представить до какой крайности, при извѣстномъ общественномъ состояніи, возможно довести профанацію всего самаго святого и дорогого для человѣка. Мы останавливаемся такъ долго на этой книжкѣ потому, что, насколько можно предположить, эта книжка сходила за руководство въ приходскихъ училищахъ казенныхъ крестьянъ и такимъ образомъ замѣнила собою „книгу о должностяхъ и обязанностяхъ человѣка и гражданина“, изданную по повелѣнію императрицы Екатерины II.

---

[1]) Цитированное выше собра мнѣній и отзывовъ Филарета.

Но въ этой книгѣ есть еще одна замѣчательная черта,—намъ ее не удалось найти въ другихъ подобныхъ книгахъ, трактующихъ о должностяхъ солдата, учащагося юношества и пр.

Именно, не довольствуясь многочисленными ссылками на св. Писаніе для подкрѣпленія своихъ положеній, книга вводитъ въ обязанность крестьянъ особыя молитвы въ количествѣ девяти.— Это слѣдующія молитвы: 1) молитва мірянъ за священниковъ, 2) молитва къ Богу начальствующаго, 3) молитва за начальниковъ, 4) возношеніе мыслей и сердца къ Богу супруга-христіанина, 5) возношеніе мыслей и сердца къ Богу жены-христіанки, 6) возношеніе мыслей и сердца къ Богу родителей и наконецъ 7) возношеніе мысли и сердца къ Богу христіанина изъ крестьянъ.

Какъ видно изъ послѣдней молитвы, онѣ спеціально предназначены для крестьянъ. Конечно, было бы интересно отвѣтить на вопросъ, кто авторъ этихъ молитвъ, и по чьему разрѣшенію печатались онѣ, такъ какъ подпись „цензоръ архимандритъ Аввакумъ" ничего не говоритъ, и кромѣ того мы не имѣемъ достаточно данныхъ, что эта книга восходила на разсмотрѣніе болѣе высокихъ лицъ изъ духовнаго званія. (Просматривая не разъ уже цитируемое нами „Собраніе отзывовъ и мнѣній митрополита Филарета"—приходится наталкиваться на рядъ книгъ, подобныхъ разбираемой, которыя присылались на просмотръ митрополита).

Основной мотивъ всѣхъ этихъ молитвъ особенно рельефно выразился въ послѣднемъ возношеніи мысли и сердца къ Богу христіанина *изъ крестьянъ:*

„Благодарю Тебя, Боже милостивый, что Ты мнѣ назначилъ такое званіе, въ которомъ, обрабатывая землю, я исполняю свое опредѣленіе праведнаго суда Твоего, убѣждаясь притомъ всякій день въ безпредѣльной Твоей милости и помышленіи о мнѣ!"

Эта же самая мысль—„довольство своимъ положеніемъ" и вѣра въ то, что это положеніе совсѣмъ не зависитъ отъ личной воли человѣка, а отъ промысла Божьяго, проходитъ красной нитью черезъ всѣ эти молитвы. Начальникъ изъ крестьянъ долженъ молиться слѣдующимъ образомъ: „Христе Спасителю, Богъ и Господь господствующихъ! Ты избралъ меня начальникомъ надъ братіями моими"... Подчиненный долженъ произносить такія слова:

„Господи Іисусе Христе Сыне Божій, снишедый на землю, дабы послужить всѣмъ и отдать душу свою за спасеніе всѣхъ человѣкъ, благодарю, что Ты сподобилъ меня быть въ томъ званіи. въ коемъ я, занятый работою, трудами, для собственной моей пользы, во исполненіи воли начальниковъ, имѣю менѣе случаевъ къ праздности—матери всѣхъ пороковъ".

Наконецъ мужъ и жена обязаны взывать, выражаясь словами книжки, такъ:

„Наставь меня благоразумно обращаться съ моею женою, какъ слабѣйшимъ сосудомъ... но, не допускай меня, дражайшій мой Спаситель, быть рабомъ жены моей, удержи меня отъ безразсуднаго ей угожденія"...

И наконецъ жена говоритъ:

„Даруй мнѣ благодать съ покорностію исполнять волю его (мужа)... уважать какъ начальника семейства, почитать какъ главу мою, утверди въ моемъ сердцѣ слова св. Апостола: не полагать своего украшенія въ плетеніи волосъ, въ многоцѣнныхъ обрядахъ и нарядахъ".

Такимъ образомъ, проповѣдывался въ тѣ времена какой то своеобразный фатализмъ, который мирно уживался рядомъ съ ученіемъ православной церкви, не признающей, какъ извѣстно, „предопредѣленія". Но для крестьянъ это предопредѣленіе проповѣдывалось до крайнихъ предѣловъ; такъ, при избраніи въ начальники говорится слѣдующее: „а когда званіе Божіе будетъ, то хотя и бѣгать будешь чести, не убѣжишь". Значитъ, избраніе въ десятники (выражаясь обыкновеннымъ языкомъ) зависитъ отъ „званія Божія"...

Не безынтересно также отмѣтить, что, обращаясь къ крестьянкамъ, эта книга усиленно нападаетъ на существующую будто бы роскошь среди крестьянокъ, выражающуюся въ многоцѣнныхъ обрядахъ, нарядахъ, въ распространенномъ обыкновеніи „румяниться, краситься" и прочее (стр, 50). Такимъ образомъ, крестьянка 40—50-хъ годовъ 19-го вѣка была знакома со всѣми тайнами парфюмернаго искусства. Утвержденіе, конечно, смѣлое, но, очевидно, ни на чемъ не основанное.

Отмѣтимъ еще одну любопытную подробность — обязанность жены крестьянина по этой книжкѣ:

„Разливать невинное веселіе и пріятность, да радуется о мнѣ супругъ мой".

По ассоціаціи идей помимо воли встаютъ тѣ образы крестьянки, которые такъ поэтически правдиво воспроизвелъ Некрасовъ:

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля, ты долюшка женская,
Врядъ ли труднѣе сыскать!
Не мудрено, что ты вянешь безъ времени,
Всевыносящаго русскаго племени
Бѣдная мать!..

V.

Во всѣхъ этихъ книжкахъ проводился, если такъ можно выразиться, „оффиціозный взглядъ на обязанности и должности крестьянъ", — т. е. спеціальная крестьянская мораль. Понятно, что эти книги не доходили большею частью до крестьянства, которое о своихъ обязанностяхъ слышало изъ проповѣдей и поученій сельскихъ пастырей. Но эти послѣдніе, конечно, проповѣдывали то же, что было и въ этихъ книжкахъ, притомъ, надо полагать, съ большею откровенностью и прямотою. Въ печатномъ словѣ нельзя высказать всего того, что допускается въ изустной рѣчи. Основаніемъ для нашего предположенія служатъ, между прочимъ, многія замѣчанія, высказанныя митрополитомъ Филаретомъ по поводу различныхъ вопросовъ. Взгляды, приводимые вышеупомянутыми книжками, считались правильными и заслуживали одобренія высшаго начальства. Развитіе народной массы всегда считалось дѣ-

ломъ первенствующей важности и никогда на протяженія всей нашей русской исторіи, не признавалось заботою общества, а наоборотъ, дѣломъ правительства. Да и русское общество мирилось съ этимъ положеніемъ, и можно указать едва ли не единственную въ старое время серьезную попытку его взять въ свои руки „народное обученіе". Я подразумѣваю здѣсь Новикова и его журналъ „Утренній Свѣтъ", подписныя деньги съ котораго шли на содержаніе училищъ въ Петербургѣ.

„Мы весьма склонны вѣрить, что не любопытство къ узнанію новости въ литературѣ, но истинное патріотическое усердіе къ вспомоществованію своимъ единоземцамъ было побужденіемъ къ подпискѣ на сей журналъ"—этими словами характеризуютъ направленіе своей дѣятельности издатели журнала. И, дѣйствительно, въ Петербургѣ были открыты два училища: Екатерининское и Александровское, и въ 1779 году въ нихъ обучалось 93 ученика. Но во всѣхъ извѣщеніяхъ, сообщеніяхъ, которыя появлялись объ этихъ училищахъ въ журналѣ, ясно видна основная мысль Новикова: всѣ эти училища открыты обществомъ, которому и принадлежитъ надзоръ за ними и руководство ими.

„Бѣдные родители, желавшіе опредѣлить своего сына на полное содержаніе училища, должны были представить свидѣтельство, подписанное священникомъ изъ прихода и *двумя обывателями*, достойными довѣрія, что представленные ими дѣти подлинно ихъ и что они сами не могутъ ихъ ни воспитать, ни научить"—вотъ каково требованіе для безплатнаго обученія дѣтей. Издатели журнала приглашаютъ общество посѣщать эти школы не только при торжественныхъ случаяхъ, но и во время повседневныхъ занятій, и эти посѣщенія даютъ издателямъ возможность „чувствовать душевное удовольствіе". Денежные подробные отчеты о расходахъ на училища печатались въ журналѣ — словомъ, все велось къ тому, чтобы заставить общество свыкнуться съ мыслью, что школа дѣло его рукъ, что оно есть истинный хозяинъ школы.

Въ числѣ подписчиковъ журнала мы не находимъ имени Екатерины II, она не помогала начатому Новиковымъ дѣлу. И это весьма понятно: Екатерина понимала значеніе народнаго образованія и не хотѣла выпустить его изъ своихъ рукъ. Въ исторіи дѣятельности Новикова и Екатерины II мы сталкиваемся съ борьбою двухъ различныхъ направленій, представители которыхъ были слишкомъ крупныя историческія личности, и борьба между ними не могла не привести къ печальнымъ результатамъ.

Понятно, соглашеній здѣсь не могло быть, и мы видимъ, что только въ самыхъ незначительныхъ своихъ начинаніяхъ Новиковъ получаетъ поддержку со стороны Екатерины II. Она является подписчицею его историческихъ изданій, но лишь только онъ покидаетъ эту узкую спеціальную сторону дѣятельности, только онъ хочетъ выйти на просторъ—какъ сейчасъ же Екатерина II становится его врагомъ: такъ случилось при изданіи сатирическихъ журналовъ, при открытіи училищъ, наконецъ, при его книгоиздательской дѣятельности.

На нашъ взглядъ дѣятельность Новикова въ дѣлѣ народнаго образованія была толчкомъ, заставившимъ Екатерину II поторопиться съ школьной реформой, основанія которой были прямо противоположны взглядамъ, высказаннымъ Новиковымъ. Училища находились подъ непосредственнымъ контролемъ правительственной власти, общество надолго отстранено отъ нихъ. Училища должны были состоять въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія (§ 94), директоръ народныхъ училищъ избирается генералъ-губернаторомъ (§ 69), а попечитель училищъ—губернаторъ (§ 63)—вотъ основанія для управленія народными училищами по уставу 1786 года. Общество можетъ видѣть и наблюдать за этими училищами только во дни торжественныхъ актовъ да экзаменовъ, которые въ первое время происходили публично.

Но съ теченіемъ времени взгляды правительства на народное образованіе, вслѣдствіе измѣнившихся историческихъ условій, стали иными, и правительство въ большинствѣ случаевъ стремилось играть роль сдерживающаго элемента, не распространять народное образованіе, а удерживать его въ должныхъ предѣлахъ и границахъ.

Одною изъ попытокъ распространить грамотность въ народѣ надо признать реформу графа П. Киселева въ управленіи казенными крестьянами. Графъ Киселевъ хотѣлъ распространить грамотность хотя среди казенныхъ крестьянъ; для этого были устроены приходскія училища и предполагалось вмѣнить мѣстному духовенству въ обязанность „убѣждать крестьянъ къ отдачѣ дѣтей и въ особенности дочерей въ школы, отличнѣйшимъ ученикамъ по окончаніи ученія и по достиженіи совершеннолѣтія предоставить преимущественное право избранія въ сельскія и волостныя должности и въ писаря съ освобожденіемъ отъ рекрутской повинности“.

Всѣ эти предположенія подверглись строгой критикѣ архипастыря Филарета. Послѣдній находилъ

„Мужскаго пола крестьянскихъ дѣтей не слишкомъ усиленно и поспѣшно надобно привлекать въ училища; надобно не въ очень обширномъ видѣ удостовѣриться опытами, точно ли доброе направленіе получитъ въ нихъ грамотность, и не возбудится ли жадность къ чтенію суетному, развлекающему, производящему броженіе мыслей,—это можетъ сдѣлаться болѣе вреднымъ, нежели безграмотность“.

Такимъ образомъ въ 1854 году необходимо было только произвести опытъ, изслѣдовать, такъ сказать, вредна ли грамотность и не полезна ли безграмотность.

Тотъ же самый духовный дѣятель въ 1850 году, защищая безграмотность и опасаясь, что подобная защита можетъ показаться одностороннимъ взглядомъ, призвалъ на помощь иностранныхъ свидѣтелей:

„M. Fayet сообщилъ парижской академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ, что въ продолженіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій число преступленій и проступковъ ежегодно возра-

стало въ большей пропорціи въ департаментахъ болѣе образованныхъ, нежели въ менѣе образованныхъ.

„Противъ сего возражалъ M. Siraud, что между осужденными въ 1847 году, 52 изъ 100 не умѣли ни читать, ни писать.

„Возраженіе сіе было бы не очень сильно и въ томъ случаѣ, если бы во всемъ народонаселеніи число неумѣющихъ читать и писать относилось къ умѣющимъ въ такой же пропорціи. Но если разрядъ неграмотныхъ несравненно многочисленнѣе, нежели грамотныхъ, а число преступниковъ изъ того и другого почти равно, то опять надобно заключить, что между образованными преступниковъ пропорціонально болѣе, нежели между неумѣющими читать и писать.

„M. Cousin разсуждалъ о семъ такъ: не обученіе возвышаетъ нравственность, но воспитаніе, что совсѣмъ другое дѣло, и особенно воспитаніе религіозное“ [1]).

Такимъ образомъ, для доказательства, что „безграмотность“ не есть еще такое явленіе, которое не можетъ быть терпимо въ благоустроенномъ государствѣ, но даже наоборотъ должно поддерживаться, приводились свидѣтельства одного изъ самыхъ яркихъ клерикаловъ католической церкви—Файе и философа, творца эклектизма—Кузена.

Но если въ отношеніи обученія крестьянскихъ мальчиковъ всетаки находилось нужнымъ произвести опытъ, то въ отношеніи дѣвочекъ взглядъ отличался замѣчательною прямолинейностью.

„Назначеніе женскаго пола есть жизнь семейная, потому приличествуетъ ему и воспитаніе семейное.

„Говорятъ: хорошо наставленная въ училищѣ мать лучше наставитъ своихъ дѣтей. Сомнительно. Послушанію, благонравію, скромности, набожности, семейной любви, безъ науки научитъ свое дѣтище всякая добрая мать. Не такъ удобно передается училищное наставленіе. Видимъ примѣры, что матери, не бывшія (правописаніе подлинника) въ училищахъ, разумно воспитываютъ дѣтей при себѣ; и напротивъ, матери, получившія образованіе въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ для дѣтей женскаго пола, отдаютъ своихъ дочерей въ тѣ же заведенія. Мать неучившаяся, *по нуждѣ, съ горемъ*, (курсивъ нашъ) отдала дочь въ училище: потомъ мать учившаяся безъ особенной нужды не учитъ дочь сама, а отдаетъ въ училище. Какой же плодъ училищнаго воспитанія? Семейный духъ ослабленъ, и выгоды образованія не далеко простерлись“.

Такому же безусловному осужденію подверглось предложеніе о дарованіи кончившимъ съ успѣхомъ обученіе въ школахъ извѣстныхъ правъ. Противъ этихъ правъ были выставлены между прочимъ такіе аргументы:

„Будетъ ли благопріятно для добраго устройства крестьянскихъ обществъ, если двадцати - двухъ - лѣтніе грамотѣи займутъ должности и получатъ видъ преимущества и нѣкоторой власти надъ

[1]) Тоже собраніе мнѣній и отзывовъ.

шестидесятилѣтними опытными, набожными, честными крестьянами, хотя бы это были и безграмотные?

„Не будетъ ли вредно для нравовъ и единодушія обществъ, если порядокъ патріархальный, вѣковой, глубоко - основанный въ природѣ, потрясенъ будетъ новымъ поверхностнымъ, преходящимъ порядкомъ школы? Полезно ли побуждать крестьянскихъ дѣтей къ ученію обѣщаніемъ, что они будутъ важные въ крестьянствѣ люди и могутъ получить освобожденіе отъ рекрутской обязанности?“

Не возражая, конечно, по существу, такъ какъ въ настоящее время подобное возраженіе можетъ вызвать лишь улыбку, укажемъ на непонятную странность,—какъ это такъ могли исполнять должность писаря (проектъ Киселева, главнымъ образомъ, предполагалъ обученіе крестьянскихъ дѣтей для подготовки къ писарской должности) „шестидесятилѣтніе, опытные, набожные, честные крестьяне, но безграмотные“?

Кромѣ критики этого проекта обученія крестьянскихъ дѣтей, митрополитъ Филаретъ рисуетъ и идеалъ обученія:

„Въ крестьянствѣ особенно надобно, чтобы поощреніе къ ученію заключалось въ обыкновенномъ крестьянскомъ бытѣ.

„Крестьянинъ, который увидитъ, что сынъ сосѣда читаетъ и поетъ въ церкви, разумнѣе отца говоритъ о вѣрѣ, повѣряетъ и записываетъ домашніе счеты, въ праздникъ читаетъ для семьи назидательную книгу, вѣроятно, скажетъ: надобно и мнѣ послать сына въ школу“.

Таковъ былъ идеалъ обученія крестьянъ и таковы были тѣ мѣры, при помощи которыхъ хотѣли задержать развитіе народной массы. Это было мнѣніе руководящихъ сферъ, его раздѣляли и многіе дѣятели литературы и науки; наиболѣе откровенно высказался Гоголь въ своей перепискѣ съ друзьями,—въ послѣдней не было сказано чего либо особенно выдающагося, а повторено только то, что Гоголь слышалъ отъ большинства окружавшихъ его.

Относясь отрицательно, по существу, къ дѣлу народнаго образованія, дѣятели Николаевскаго царствованія внимательно слѣдили за всякимъ проявленіемъ развитія общественнаго самосознанія у массы, и стремились подѣйствовать на это развитіе съ извѣстной точки зрѣнія. Такъ въ 1833 году камергеръ Львовъ предпринялъ изданіе для чтенія простолюдинамъ книгъ духовнаго и нравственнаго содержанія. Митрополитъ Филаретъ обращаетъ вниманіе на это дѣло и даетъ ему слѣдующій оборотъ:

„Замѣчаніе составителя записки (Львова), что возрастающая грамотность народа имѣетъ нужду въ чтеніи, могущемъ питать душу и сердце, справедливо и достойно вниманія. Грамотность простолюдиновъ, обращенная на чтеніе не религіозное, не нравственное, не отечественное, можетъ сдѣлаться хуже безграмотности“.

А потому необходимо, чтобы изданіе для народа „краткихъ назидательныхъ, вразумительныхъ, приспособленныхъ къ его понятіямъ и потребностямъ сочиненій“ было сдѣлано съ предосторожностями.

Дальнѣйшее теченіе этого предпріятія характеризуется слѣдующими фактами: въ 1845 году положено отпечатать „Житіе Никиты Сокровеннаго и преподобныхъ Досиѳея и Тита; въ 1846 году особый комитетъ, образованный для изданія книгъ „для простаго народа“ еще разъ положилъ отпечатать тѣ же три житія и присовокупить къ нимъ еще 3 житія: преподобнаго Сергія, Алексѣя, человѣка Божія, Стефана Печерскаго и три поученія Тихона: слово о спасительномъ Божіемъ смотрѣніи и образѣ спасенія нашего, наставленіе христіанское о духовной мудрости. Дальше 1846 года у насъ о дѣятельности этого комитета нѣтъ никакихъ данныхъ, и мы не можемъ даже съ увѣренностью сказать, были-ли изданы эти 6 описаній житія святыхъ и три наставленія.

Но если печатаніе книгъ со стороны этого комитета было, чтобы не сказать больше, не особенно успѣшное, то съ другой стороны, всякія частныя попытки къ изданію книгъ для народа терпѣли фіаско отъ противодѣйствія власть имущихъ. Одною изъ такихъ попытокъ къ изданію книги для народа, и книги, трактующей объ обязанностяхъ и правахъ, т. е. содержащей въ себѣ ученіе морали—была книга князя В. Одоевскаго и А. Заблоцкаго: „Разсказы о Богѣ, человѣкѣ и природѣ“.

Личность князя В. Одоевскаго—„дѣдушки Иринея“, достаточно выяснена въ нашей литературѣ. Есть цѣлая монографія А. Пятковскаго, посвященная этому симпатичному писателю и видному общественному дѣятелю. Отличаясь большимъ талантомъ, громадною образованностью, Одоевскій принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ, къ сожалѣнію, личностямъ русской исторіи, которыя были піонерами въ дѣлѣ служенія народу и это служеніе ставили цѣлію своей жизни.

Желая на дѣлѣ примѣнить свои принципы, князь Одоевскій примкнулъ къ графу П. Киселеву и сочинилъ, или вѣрнѣе переработалъ для приходскихъ училищъ книгу виртембергскаго педагога Вурста: Das erste Schulbuch — подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Если разсматривать эту книгу съ точки зрѣнія современной педагогики, то неудовлетворительность ея будетъ сразу замѣчена. Въ ней на 247 страницахъ въ 12 долю листа трактуется и о морали, и о начаткахъ естественной исторіи, дается краткое обозрѣніе священной исторіи, наконецъ разсказывается „исторія общественной жизни, ея потребностой и обязанностей“. Весьма понятно, что свѣдѣнія, которыя даются книгою, страдаютъ отрывочностью, неполнотою и бездоказательностью. Далѣе, многое въ этой книгѣ выше дѣтскаго пониманія и не можетъ произвести на ребенка должнаго впечатлѣнія. Наконецъ, и самая манера изложенія, на современный взглядъ, ложна: послѣ разсужденія, даннаго въ катехизаціонной формѣ, слѣдуетъ нравоучительный разсказъ для вящаго подкрѣпленія разбираемаго положенія, но, къ сожалѣнію, большинство разсказовъ отличаются излишнею сантиментальностью и неправдивостью. Такіе добродѣтельные люди, которые дѣйствуютъ въ этихъ разсказахъ, едва ли встрѣчаются въ

жизни, а все то, что не реально, что грѣшить противъ жизни, не имѣетъ въ педагогическомъ смыслѣ почти никакого значенія. Современному читателю будетъ странна и идеализація крестьянской жизни, въ родѣ слѣдующей:

„У васъ же (у крестьянъ) всегда чистый, здоровый воздухъ, вы слышите пѣніе веселыхъ птицъ, вы дышете запахомъ цвѣтовъ и деревьевъ, вы всегда видите поля, луга, и долины и можете ежечасно наслаждаться новыми чудесами Божеской благодати и всемогущества... (стр. 141).

Или слѣдующая картинка, описывающая прелести жизни пастуха и очень похожая на пастораль:

„Посмотри, какъ рѣзвится твое стадо, какъ весело поютъ птицы, какъ благоухаютъ цвѣты и деревья; какъ красиво солнце глядится въ спокойномъ озерѣ, какъ жужжатъ пчелы по цвѣтамъ. Развѣ все это не встаетъ такъ же рано, какъ и ты? И отчего ты одинъ печаленъ и угрюмъ, когда вся природа вокругъ тебя радуется и веселится? Неужели ты ничего не чувствуешь при видѣ этого міра, который Богъ создалъ такимъ прекраснымъ, изъ любви къ людямъ“...

Далеки отъ правды, конечно, крестьянскія дѣти, которыя, увидя поле, покрытое мелкими голубыми цвѣтами, закричали въ одинъ голосъ: „какое это растеніе? — Учитель имъ отвѣчалъ, что это ленъ. Трудно, разумѣется, допустить возможность незнанія крестьянскими дѣтьми—льна.

Вотъ главные недостатки этой книги съ современной точки зрѣнія. Мы особенно усиленно подчеркиваемъ это обстоятельство, такъ какъ въ 1849 году эта книга вполнѣ отвѣчала тогдашнимъ требованіямъ педагогики. Большинство отдѣловъ этой книги не подлежитъ нашему разсмотрѣнію, такъ какъ они не касаются морали, поэтому мы въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризуемъ ихъ. Тутъ даются первыя свѣдѣнія изъ анатоміи, физіологіи и психологіи человѣка; какъ образчикъ этихъ свѣдѣній приведемъ опредѣленіе души:

„Эта внутренняя и невидимая сила, которая въ минуту смерти оставляетъ людей и животныхъ, называется *душою*. Человѣческая душа оживляетъ и движетъ человѣческую силу, душа животныхъ оживляетъ и движетъ тѣла животныхъ. Человѣческая душа можетъ узнавать, посредствомъ чувствъ, что около человѣка происходитъ и душа животныхъ можетъ то же дѣлать. Въ этомъ случаѣ души человѣческая и животныхъ—схожи между собою. Человѣческая душа имѣетъ большее превосходство предъ душою животныхъ и потому она называется еще иначе: она есть *духъ*. Духъ человѣка есть „я“ въ человѣкѣ—существо невидимое въ насъ, способное думать. Духъ человѣка можетъ различать справедливое отъ несправедливаго, хорошее отъ дурного и истинное отъ ложнаго, и этотъ духъ невидимъ“ (стр. 63 и стр. 65).

Далѣе, обращено усиленное вниманіе на естествознаніе, ему посвѣщено 86 страницъ, т. е. треть книги. Сперва описывается „мѣстожительство“ и его окрестности, потомъ переходятъ къ свѣдѣніямъ по географіи, ботаникѣ и зоологіи и наконецъ, въ заклю-

ченіе, сообщаются—силы и явленія въ природѣ, краткій очеркъ физики.

Но самую существенную часть книги составляетъ исторія общественной жизни, ея потребностей и обязанностей и ученіе о морали—отношеніе и обязанности человѣка къ Богу и отношенія и обязанности человѣка къ человѣку.

„Исторія общественной жизни“ въ 11 разсказахъ рисуетъ намъ созданіе современнаго государства на основаніи теоріи „естественнаго права“. Здѣсь даются отвѣты на слѣдующіе вопросы: Какъ и для чего небольшія семейства соединяются въ одно большое? Почему является необходимость въ начальствѣ, въ общественныхъ сборахъ, податяхъ, законахъ и наказаніяхъ? Въ общественныхъ работахъ и учрежденіяхъ—полиціи, сельскомъ правленіи и школѣ?—Вѣнцомъ образованія человѣческаго общества является учрежденіе „верховной законной власти, необходимой для счастья всѣхъ и каждаго“.

Изложеніе этой части очень популярно и приноравливается къ понятіямъ русскаго крестьянина. Необходимость какого-либо учрежденія доказывается при помощи примѣра. Описывается пожаръ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ и какъ слѣдствіе выводится необходимость установленія денежнаго штрафа, т. е. извѣстнаго наказанія. Подобнымъ же образомъ выводится необходимость школы, о которой говорится слѣдующее:

„Положено было выстроить особый домъ для школы и, такъ какъ приношенія были очень значительны, то не только построили для школы красивый домъ, но изъ лишнихъ денегъ составили еще особый капиталъ на покупку книгъ, бумаги и проч. Когда школа была отстроена, рядомъ съ сельскимъ правленіемъ, на лучшемъ мѣстѣ въ деревнѣ, то всѣ отцы привели въ нее дѣтей своихъ... Все селеніе убѣдилось въ томъ, что *воспитаніе и обученіе дѣтей есть важнѣйшее дѣло въ общественной жизни*“.

Такимъ образомъ, уже на этомъ примѣрѣ мы можемъ замѣтить отличіе этой книги отъ разобранныхъ выше. Ни одна изъ тѣхъ книгъ не говорила, что воспитаніе и обученіе дѣтей есть общественная обязанность. Наоборотъ, даже „Памятная книжка для православныхъ христіанъ изъ крестьянскаго званія“ говоритъ слѣдующее: „Многіе родители изъ крестьянъ обучаютъ дѣтей своихъ грамотѣ и мастерствамъ, но о христіанскомъ ученіи и воспитаніи не радѣютъ. Таковымъ родителямъ ты не подражай, но всякимъ образомъ старайся своихъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ воспитывать. Когда только начнутъ дѣти хотя мало смыслить, тутъ же начинай приводить ихъ въ познаніе Бога; напоминай имъ, что нынѣшняя жизнь наша не иное что есть, какъ путь, которымъ идемъ въ вѣчность; что мы всѣ рождаемся на сей свѣтъ не ради пищи сладкой, одѣянія краснаго, богатыхъ домовъ и проч. (все это при смерти оставимъ), но чтобы здѣсь благочестиво пожить и Богу угодить и по смерти къ Нему прейти и въ вѣчномъ Его блаженствѣ пребывать. Напоминай о смерти, судѣ Христовомъ, о вѣчной мукѣ и о вѣчномъ блаженствѣ“.

Въ правилахъ истиннаго воспитанія ни звукомъ не упомянуто относительно обученія дѣтей въ школѣ, послѣднее не вмѣняется такимъ образомъ въ обязанность крестьянину, какъ это дѣлаетъ книжка В. Одоевскаго.

Точно также и „Ручная книжка для грамотнаго поселянина"— въ статьѣ „Что значитъ вскормить дитя" не упоминаетъ о школьномъ воспитаніи.

Но еще болѣе рѣзкая разница обнаружится между этими книгами, если мы сравнимъ главы „о начальникахъ".

Книжка Одоевскаго и Заблоцкаго полагаетъ, что установленіе начальства вытекаетъ изъ необходимости заботиться о пользѣ общей, принимать заблаговременно мѣры противъ несчастій и наблюдать за исполненіемъ каждымъ въ точности своихъ обязанностей (стр. 9, 10 и 11). Памятная книжка для православныхъ христіанъ говоритъ слѣдующее: „Всякій начальникъ отъ Бога поставляется: нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть" (Рим. гл. 13, ст. 1) и „исполняй волю начальниковъ со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца, не испытывая, для чего повѣлено дѣлать тако, а не иначе".

Такимъ образомъ, разница между этими книгами очевидна. Книга Одоевскаго смотритъ не съ церковной точки зрѣнія, а съ научной; она стремится дать объясненія явленіямъ, а не доказывать ихъ при помощи текстовъ священнаго Писанія.

Но еще болѣе различія замѣтитъ читатель въ опредѣленіяхъ „отношеній человѣка къ Богу":

„Представь себѣ, что ты уже слышишь звукъ послѣдней трубы и осужденіе, поражающее грѣшниковъ.

„Вотъ одни изъ нихъ, подобно плевеламъ, собраннымъ въ снопы, брошены въ огонь.

„Другіе связаны по рукамъ и ногамъ, ввержены во тьму кромѣшную.

„Иные преданы червю неусыпающему, плачу и скрежету зубовъ.

„Если же все это будетъ такъ ужасно, то каковы должно быть наши чувства!

„Ахъ! для избѣжанія этихъ золъ падемъ передъ лицомъ нашего Бога, исповѣдуемъ передъ Нимъ нашу нищету и будемъ умолять Его о безконечномъ милосердіи"...

Сравните этотъ отрывокъ изъ „Памятной книжки православнаго христіанина изъ крестьянъ" съ нижеслѣдующимъ, помѣщеннымъ въ книгѣ Одоевскаго:

„Богъ есть высочайшее и достойнѣйшее любви благо, потому что всѣ блага отъ Него происходятъ. Онъ любитъ насъ, какъ своихъ дѣтей, и потому мы должны Его также любить отъ всего сердца и ничего въ мірѣ мы не должны любить болѣе Его; ничего мы охотнѣе не должны слушать, какъ истинное ученіе о Богѣ...

Хвали Творца, лишь день начнется!
Хвали, когда земля проснется!
Съ восходомъ солнечнымъ хвали,
Хвалу пріемлетъ Богъ любви.
Хвали Творца, какъ полдень свѣтитъ,
Хвали и ночью—Онъ замѣтитъ:
И въ ночь и въ день твой чистый жаръ—
Молитвы шопотъ, сердца жаръ...»

Первая книга хочетъ подѣйствовать на человѣка при помощи низкихъ чувствъ—страха и ужаса, она рисуетъ мрачныя картины, ожидающія грѣшниковъ въ иной загробной жизни. И во избѣжаніе всѣхъ этихъ мученій она совѣтуетъ прибѣгнуть къ Богу, который является грознымъ карающимъ Богомъ, но не Учителемъ всепрощающей, всечеловѣческой любви... Другими средствами хочетъ дѣйствовать князь Одоевскій. Онъ, какъ человѣкъ, обладавшій знаніемъ человѣческой природы, понимаетъ, что „страхъ плохой учитель". Одоевскій вѣритъ, что въ каждомъ человѣкѣ, какую бы низкую ступень въ обществѣ онъ не занималъ, теплится Божія искорка, находится стремленіе къ свѣту, истинѣ и любви. И подѣйствовать на эту сторону человѣка, пробудить въ немъ всѣ лучшія качества души, сдѣлать его дѣйствительно человѣкомъ — вотъ цѣль князя Одоевскаго. Поэтому то онъ съ такой теплотою, съ такой искренней любовью говоритъ о Богѣ, какъ о Творцѣ и Промыслителѣ человѣчества, какъ о источникѣ чистой любви...

Безспорно, вторая точка зрѣнія отвѣчаетъ гораздо болѣе требованіямъ педагогики, но является вопросъ, доступна ли она крестьянину, могъ ли понять рѣчи Одоевскаго этотъ темный, забитый народъ (если онѣ до него дошли бы) и не лучше ли дѣйствовавать невѣрными хотя средствами, но впечатлѣніе отъ которыхъ и скорѣе и сильнѣе? Къ сожалѣнію, эти сомнѣнія раздаются и въ настоящее время, хотя очевидно, что истина можетъ быть доказана только истинными средствами. Составитель „Памятной книжки для православныхъ христіанъ" въ числѣ христіанскихъ обязанностей ставитъ памятованіе о смерти на первомъ мѣстѣ, а на самомъ концѣ—„что спастись безъ любви къ Христу невозможно"; такимъ образомъ въ ученіи любви—главная сторона этого ученія отступаетъ на задній планъ. Вѣдь съ точки зрѣнія составителя этой книжки выводы слѣдовало бы дѣлать такъ; если въ человѣкѣ дѣйствительно появилась и окрѣпла любовь къ Христу Спасителю рода человѣческаго, то появилась и вѣра въ него, вѣра въ возможное спасеніе, но съ этой вѣрою—смерть не можетъ быть страшна. Таково должно было быть логическое развитіе мысли. Такъ бы и писалась книга, если бы она предназначалась не для крестьянъ, но для этихъ послѣднихъ логическое развитіе мысли считается недостаточнымъ; крестьяне—народъ темный, а потому нужно сначала подѣйствовать на ихъ воображеніе предметами, имъ хорошо знакомыми, а потомъ уже говорить о томъ, что составляетъ суть ученія. Въ этомъ и есть коренное различіе взглядовъ, выразителями которыхъ являлся князь Одоев-

скій и анонимные сочинители различныхъ памятныхъ, ручныхъ и прочихъ книжекъ.

Князь Одоевскій обращался вообще къ человѣку, и такъ какъ крестьянство стояло на низкой ступени развитія, то онъ изобрѣталъ особую манеру изложенія, особые педагогическіе пріемы, но и только. Его книга не видѣла въ крестьянахъ что либо особенное, отличающееся отъ другихъ сословій Россійской имперіи.

Всѣ же остальные авторы разсматриваемыхъ нами книгъ видѣли въ крестьянинѣ не человѣка вообще, а *низкую* породу людей, которая даже возносить свои мысли и сердце къ Богу должна на особенный манеръ, при помощи особыхъ молитвословій. Не о развитіи крестьянства шла рѣчь въ этихъ послѣднихъ книжкахъ, а наоборотъ въ удержаніи крестьянства на извѣстной низкой степени развитія, и достичь этого желали, дѣйствуя при помощи вѣры и слова Божія...

VI.

Не успѣла книга В. Одоевскаго и А. Заблоцкаго получить распространеніе—ее пропустилъ въ печать цензоръ профессоръ И. Срезневскій—какъ въ святѣйшій синодъ поступило донесеніе митрополита московскаго Филарета, что эта книга составлена „неосмотрительно" и врядъ ли можетъ принести „добрые плоды". Главное обвиненіе митрополитъ Филаретъ направилъ на первую часть книги, излагающую „исторію общественной жизни", такъ какъ основаніемъ послѣдней служило естественное право [1]). Митрополитъ Филаретъ говоритъ слѣдующее:

„Такимъ образомъ въ десяти разсказахъ представляется образованіе общества и управленія безъ Бога и безъ царя, ибо въ нихъ ни о Богѣ, ни о царѣ не упоминается.

„Въ разсказѣ одиннадцатомъ, наконецъ, русскій наставникъ вѣроятно поправляетъ Вурста, изображая благотворность царской власти. Но однимъ разсказомъ будутъ ли изглаждены впечатлѣнія десяти предшествующихъ? Притомъ царь представляется здѣсь не отъ Бога поставленнымъ..."

Раскрываемъ одиннадцатый разсказъ разбираемой книги и видимъ на страницѣ 28 слѣдующія строки:

„что надъ нею есть Царь, власть котораго отъ Бога".

и далѣе:

„противъ царскаго указа спорить нельзя; а тамъ, смотришь, отъ того исполненія такое добро пошло, котораго никто и не гадалъ; потому что *Царь далеко видитъ и судитъ—не по родству и дружбѣ, а по истинной правдѣ и по произволенію Божію*" (курсивъ подлинника).

[1]) Въ первой главѣ нашей работы «Школьная и оффиціозная мораль» мы подробно разбираемъ заслуги митрополита Филарета въ дѣлѣ изгнанія «естественнаго права» изъ курса нашихъ учебныхъ заведеній, причемъ сообщаемъ очень интересную, полную трагическихъ подробностей исторію уже разсмотрѣнной нами книги о должностяхъ и обязанностяхъ человѣка и гражданина, изданной при Екатеринѣ II. Около 7.000 экземпляровъ этой книги было сожжено, благодаря вліянію митрополита Филарета.

Наконецъ этотъ одиннадцатый разсказъ оканчивается извѣстною „пѣснею русскому царю“ сочиненія Жуковскаго.

Такимъ образомъ читатель ясно видитъ несоотвѣтствіе между тѣмъ, что написано въ книгѣ и на что указывается въ отзывѣ. Между тѣмъ этотъ отзывъ содержитъ и слѣдующее обвиненіе:

„1848 и 1849 годы показали, что нѣмецкіе педагоги, и въ числѣ ихъ Вурстъ, не по случайному недосмотру принимали и преподавали демократическія мысли. Удивительно, что русскій сдѣлался подражателемъ Вурста и очень довѣрчиво смотритъ на виртембергскаго педагога“.

и далѣе:

„Что надлежитъ ожидать, если крестьяне по несчастью поймутъ и примутъ теорію, заключенную въ сихъ разсказахъ? Не примѣтятъ ли они, что нынѣшнее ихъ общество основано не по сей теоріи, что, напр., помѣщикъ или окружный начальникъ начальствуетъ надъ ними не по ихъ договору и выбору. Не прійдетъ ли имъ на мысль, что надобно бы переустроить общество по образу Якова и Іосифа? (главныхъ дѣйствующихъ лицъ этихъ разсказовъ)“.

Такимъ образомъ данная книга, которая, насколько намъ извѣстно, представляла единственную попытку книги для народа въ царствованіе Николая I, несмотря на то, что авторомъ ея былъ — послѣдній изъ Рюриковичей, кн. Одоевскій, приближенный ко двору, лично извѣстный государю, подверглась обвиненію въ распространеніи „республиканскихъ идей“ и въ желаніи „ниспровергнуть существующій порядокъ“.

Взамѣнъ того, что давала эта книга, предлагалось возвратиться къ правиламъ 1836 года, заключеннымъ въ секретномъ указѣ синода отъ этого года. Преимущества этихъ правилъ описывались слѣдующими привлекательными чертами:

„Успѣхъ обученія поселянскихъ дѣтей, по правиламъ 1836 г., былъ не скоръ и не обширенъ, но благонадеженъ и безопасенъ. Обученныя духовенствомъ дѣти охотно читали и пѣли въ церкви; вносили въ семейства чтенія священныхъ книгъ, священной исторіи, житій святыхъ и подобныхъ назидательныхъ книгъ; отъ сего должно было происходить доброе нравственное религіозное дѣйствіе на народъ; но не возбуждалось излишняго любопытства или охоты къ чтенію суетному и производящему броженіе мыслей“.

Программа же обученія состояла въ слѣдующемъ:

„Обучать чтенію церковной и гражданской печати, а желающихъ и письму. Между тѣмъ, учащіеся должны изучить на память молитву Господню, символъ вѣры, десять заповѣдей, стихъ Богородице Дѣво радуйся, къ сему учащій присовокупитъ краткое и самопростѣйшее изъясненіе оныхъ изъ катихизиса и главнѣйшія сказанія изъ священной исторіи, передавая сіе изъясненіе и сіи сказанія въ видѣ разговоровъ и разсказовъ, по временамъ и случаямъ возобновляемыхъ, безъ школьной принужденности и буквальнаго вытвержденія на память“.

Читатель можетъ легко замѣтить, что данная программа не можетъ и сравняться съ тою, которую проводилъ въ своей книжкѣ

князь Одоевскій. Многимъ русскимъ дѣятелямъ того времени казалось страшнымъ, если въ крестьянинѣ пробудится мысль, появится желаніе и стремленіе къ развитію.

Въ заключеніи своей книги князь Одоевскій говоритъ:

„Въ каждомъ мѣстѣ, въ селѣ и въ городѣ, только тогда люди могутъ быть довольны и счастливы; только тогда они живутъ истинно по-христіански и по-человѣчески, когда всѣ жители, и старый, и малый, сильный и слабый, богатый и бѣдный—будутъ жить по закону Бога, будутъ любить другъ друга, помогать другъ другу и словомъ, и дѣломъ и помнить завѣтъ Спасителя міра:

„Ищите прежде всего царствія Божія и правды Его,—и все остальное вамъ дастся“ (Матѳ. 6. 33).

И эти мысли считались недозволенными, заподозривались въ революціонномъ духѣ; взамѣнъ ихъ должно было проповѣдывать слѣдующее:

„Человѣколюбивый, премилосердый Господи, милующій грѣшники и не оставляющій грѣховъ безъ наказанія! Ты, создавъ человѣка для блаженства, поселилъ его въ рай: но за непослушаніе, изгнавъ изъ рая, опредѣлилъ праведнымъ судомъ Своимъ, чтобы человѣкъ въ потѣ лица своего, честно снискивалъ хлѣбъ свой, пока не возвратится въ землю, изъ которой взятъ, въ напоминаніе ему, *что онъ персть и въ персть возвратится* („курсивъ нашъ—начало „возношенія мысли и сердца къ Богу христіанина изъ крестьянъ).“

Послѣднюю мысль надо было особенно усердно распространять среди крестьянства, находившагося подъ гнетомъ крѣпостного права, подъ жестокой зависимостью помѣщика-крѣпостника.

VI.

Основная идея „должностей и обязанностей крестьянъ“—въ достаточной степени выяснилась предъ читателемъ. И надо отдать справедливость, что взглядъ, высказанный при Екатеринѣ II, отличался большею гуманностью, чѣмъ позднѣйшіе взгляды. Во время Екатерины крстьянство, взятое en masse, разсматривалось съ точки зрѣнія „государственныхъ нуждъ“ и обязанности къ крестьянамъ предъявлялись такія, при которыхъ эти нужды могли быть успѣшнѣе удовлетворены. Но эта же точка зрѣнія прилагалась и къ другимъ сословіямъ, каждое изъ нихъ должно было воспитать въ себѣ чувство „любви къ отечеству“ и свои поступки соображать съ этой любовью. Въ этомъ взглядѣ еще виденъ отголосокъ петровской Руси, когда человѣкъ какъ личность совершенно не интересовалъ законодателя и права личности были въ положительномъ загонѣ. Человѣкъ признавался только съ точки зрѣнія пользы, которую онъ могъ приносить своей странѣ. Но во времена Николая I къ этой точкѣ зрѣнія примѣшалась еще новая, которую можно назвать „охранительною“. Крестьянство составляло главное ядро государства, измѣненіе состоянія крестьянства должно было коренными образомъ измѣнить всѣ правовыя, экономическія, соціальныя отношенія. Отсюда стремленіе под-

держать „statu quo“, учредить самый бдительный надзоръ, самую тягостную опеку, чтобы, даже случайно, не зародилась „новая мысль“, чтобы никакое вліяніе не могло проникнуть въ это сонное царство. Стремленіе это иногда доходило прямо до невозможныхъ размѣровъ. Мы приведемъ одинъ изъ образчиковъ его. Въ не разъ уже цитированныхъ отзывахъ и мнѣніяхъ митрополита Филарета мы встрѣчаемся со слѣдующими строками:

„Печальное зрѣлище представляетъ и еще болѣе печальныя опасенія внушаетъ порицательная и кощунственная литература, столько же, если не болѣе, необузданная и распространенная, какъ въ извѣстномъ европейскомъ государствѣ прошедшаго столѣтія, гдѣ она оказалась разрушительною. Званія, должности, лица—все подвергается жестокимъ порицаніямъ и изображается въ безобразіи, до невѣроятности преувеличенномъ и исполненномъ клеветы (рѣчь идетъ о 1859 годѣ).... Къ большому прискорбію та-же литература успѣла уже повредить вкусъ народа, и онъ съ алчностью любопытства бросается на чтеніе того, что долженъ былъ отвергать по чувству благочестія, нравственности и приличія. Господь да управитъ мудрость свѣтѣйшаго синода и православнаго правительства къ изысканію средствъ врачебныхъ и охранительныхъ“ (т. IV ст. 513—514).

Послѣднія строки говорятъ о книгѣ Афанасьева „народныя русскія легенды“, которая такимъ образомъ „успѣла уже повредить вкусы народа“ и на которую необходимо обратить вниманіе, чтобы примѣнить къ ней „средства врачебныя и охранительныя“.

Напрашивается, конечно, вопросъ, какимъ образомъ — народныя легенды, записанныя со словъ самого народа и созданныя, слѣдовательно, имъ самимъ, могли повредить его вкусъ и извратить его нравственность. Очевидно, послѣдняя извращена, если самъ народъ является авторомъ такихъ будто бы кощунственныхъ сочиненій?—Эти вопросы естественны, поэтому они и не задавались, а наоборотъ усиленно подчеркивалось то обстоятельство, что эта экнига была издана безъ разсмотрѣнія духовной цензуры и что издателемъ ея былъ раскольникъ Солдатенковъ. Послѣднія причины оказали свое дѣйствіе—и книга была запрещена и изъята изъ общаго пользованія *).

П. Столпянскій.

Источники:

1) *Собраніе мнѣній* и отзывовъ Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ, издаваемое подъ редакціею преосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго. Спб. 1885. Томъ III и IV.

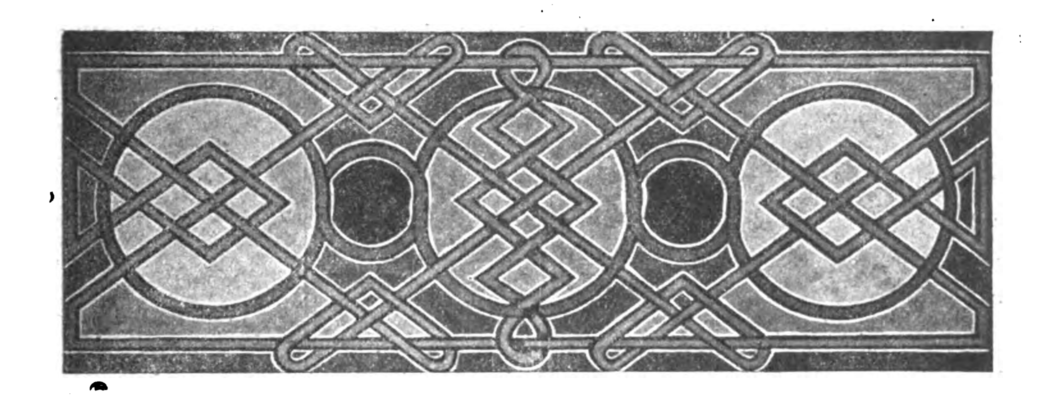
2) *О должностяхъ* человѣка и гражданина книга, къ чтенію опредѣленная въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи, изданная по высочайшему повелѣнію. Одиннадцатое тисненіе. Спб. 1817, (безъ перемѣны съ перваго изданія).

3) *Сокращеніе главнѣйшихъ* должностей, кои каждый христіанинъ обязанъ исполнять въ точности по знанію и состоянію. Спб. 1799.

4) *Памятная книжка* для православныхъ христіанъ изъ крестьянскаго званія. Второе изданіе. 1849.

5) *Разсказы о Богѣ, человѣкѣ* и природѣ чтеніе для дѣтей, дома и въ школѣ, изданное кн. В. Одольскимъ и А. Заблоцкимъ. Спб. 1849.

6) *Ручная книжка* для грамотнаго поселянина. Спб. 1857.

Должники.

Историческій очеркъ положенія лицъ, подвергавшихся заключенію за долги.

(1555—1900 г.).

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ изъ удѣльныхъ княжествъ сложилось Русское государство, власти предержащія разбирали и рѣшали возникавшіе между заимодавцами и должниками денежные споры и разсчеты. Въ древней Руси слово „править" означало „взыскивать". Оттого, когда должники не хотѣли или не могли платить своихъ долговъ—ихъ, по судебнымъ рѣшеніямъ, ставили „на правежъ", заключавшійся въ томъ, что въ будни ежедневно, ко времени прихода судей въ приказъ,—приводили ихъ на площадь, предъ зданіемъ приказа и тамъ недѣльщики били ихъ батогами по ногамъ (икрамъ) до ухода судей изъ приказа. Битье это не ограничивалось никакимъ срокомъ, а зависѣло отъ произвола судей, заимодавцевъ и недѣльщиковъ. Въ 1555 г. царь Іоаннъ IV установилъ „стоять на правежѣ" за 100 руб.—мѣсяцъ, но ежели выстаивавшіе срокъ все-таки отказывались платить или не находили сердобольныхъ и состоятельныхъ людей, которые бы выкупили ихъ съ правежа, то ихъ отдавали заимодавцамъ въ „кабальные холопы", тоже безъ опредѣленія сроковъ кабалы.

Такъ продолжалось до изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича (29 января 1649 г.). Уложеніемъ этимъ введенъ былъ слѣдующій новый порядокъ взысканія долговъ. „Кто на комъ искалъ заемныхъ денегъ и доправить ихъ было не возможно“, а должникъ и поручителя не имѣлъ—его выдавали истцу головою отработать долгъ до „окупа“, считая за мужчину—5 руб., за „жонку и срослую дѣвку“—2 руб. 50 коп. и за дѣтей болѣе 10 лѣтъ—2 руб. въ годъ, а по возмѣщеніи всей должной суммы должникъ съ его домочадцами освобождались отъ истцовъ (39 и 40 п. XX гл.). Если должники болѣе 5 лѣтъ просидѣли въ тюрьмѣ, а истцы къ правежу не являлись, то разрѣшалось отдавать должниковъ поручителямъ, которые однако обязывались представить ихъ, когда спросятъ, но „безъ челобитчиковъ—исковъ на должникахъ не велѣно было править“ (92 п. XXI гл.). Если кто кому былъ долженъ и не могъ скоро заплатить, потому что „изволеніемъ Божіимъ впалъ въ убожество отъ огненнаго запаленія или раззоренія лихихъ людей“,—такому должнику давалась отсрочка платежа на 1—3 года, но тоже съ поручительствомъ уплатѣ въ теченіе отсроченнаго времени (203 п. X гл.). Зато ежели „кто возьметъ денегъ взаймы и истеряетъ безуміемъ, пропьетъ, либо проворуетъ какимъ нибудь обычаемъ, а окупиться ему будетъ нечѣмъ“, то приказывалось „отдавать его головою истцу до выкупа“ (206 п.). Править долги указывалось „по правиламъ Святыхъ Аппостоловъ“, т. е. „росту (%) не имати“ (225 п.). Наконецъ утверждалось по прежнему: дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ чиновъ людей ставить на правежъ: за 100 руб.—мѣсяцъ, а за суммы больше или меньше 100 р.—по разсчету дней, при этомъ дворянъ и боярскихъ дѣтей предписывалось „бити до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ съ истцами раздѣлаются“ (261, 262 и 304 п. X гл.). Впрочемъ, относительно служилыхъ людей вскорѣ же начались разныя послабленія, доведенныя потомъ до того, что они вольны были посылать за себя „отстаиваться на правежѣ своихъ холопій“.

Приведенная жестокая система правежа долговъ просуществовала до 1717 г., когда царь Петръ Великій, стремясь извлечь пользу изъ всего и нуждаясь въ работникахъ, воспретилъ „держать на правежѣ“ всѣхъ казенныхъ и партикулярныхъ должниковъ, а приказалъ отсылать изъ нихъ: годныхъ—на галерныя, негодныхъ, т. е. старыхъ и малыхъ—въ иныя работы, а женъ—въ прядильный домъ въ Петербургѣ,

съ тѣмъ, чтобы за ихъ труды зачитывать по рублю въ мѣсяцъ, при кормѣ наравнѣ съ каторжными; должникамъ же, просившимъ отсрочки платежа — давать ее на полгода съ поручителями (15 января 1718 г.).

Съ этого времени стали практиковать лишеніе свободы должниковъ съ принудительнымъ трудомъ на погашеніе долговъ. Между тѣмъ прокормленіе стоило денегъ, а казна жалѣла тратить ихъ ради интересовъ преимущественно заимодавцевъ; поэтому установлено было „колодниковъ, сажаемыхъ челобитчиками,—кормить имъ самимъ: въ Петербургѣ—на 2 коп., а въ Москвѣ—на 1 коп. въ сутки" (12 декабря 1720 г.). Затѣмъ должниковъ иноземцевъ тоже велѣно было направлять на галеры, а по отработаніи долговъ всѣхъ безразлично должниковъ приказывалось отпускать на волю (19 января и 4 марта 1721 г.). Вскорѣ послѣ того обнаружилось, что должники все-таки еще оставались въ тюрьмахъ, и потому послѣдовалъ новый указъ—направлять всѣхъ на галеры (4 апрѣля 1722 г.). Тѣмъ временемъ выяснилось, что распоряженіе о прокормленіи должниковъ на счетъ заимодавцевъ плохо осуществлялось, поэтому изданъ былъ новый указъ, чтобы „кто кого привелъ, тотъ того и кормилъ", а ежели дѣлать этого не станетъ—выпускать должниковъ (6 апрѣля 1722 г.). Однако этотъ указъ понятъ былъ слишкомъ широко: въ числѣ выпущенныхъ очутились на волѣ, какъ обнаружилось, и сидѣвшіе въ качествѣ казенныхъ штрафныхъ. Тогда состоялось разъясненіе, что освобождать слѣдовало только содержавшихся по частнымъ искамъ; приэтомъ судьи предварялись, что за отступленія отъ установленнаго порядка,—они сами будутъ подвергаться штрафамъ (13 сентября 1722 г.). Далѣе „по дороговизнѣ хлѣба" оказалось необходимымъ вмѣнить челобитчикамъ прибавить на прокормленіе ихъ должниковъ по 4 деньги въ день, на случай же неисполненія ими этого требованія приказывалось: колодниковъ—кормить на казенный счетъ, а съ челобитчиковъ—взыскивать вдвойнѣ (17 октября 1722 г.). Впрочемъ и эта угроза тоже, очевидно, мало дѣйствовала на челобитчиковъ, ибо пришлось повторить: „истцамъ кормить должниковъ" (23 декабря 1726 г.).

Въ видахъ уменьшенія должниковъ, въ изданномъ въ маѣ 1729 г. вексельномъ уставѣ помѣщенъ былъ 31 п. слѣдующаго характернаго содержанія: «буде векселедавецъ деньги подлинно имѣлъ свои, то изъ имѣнія акцептора прежде заплатить по векселю, а потомъ съ казеннымъ долгомъ или въ

истцовыхъ искахъ по обстоятельству дѣлъ поступать и довольствовать изъ оставшаго за вексельнымъ платежемъ имѣнія и на порутчикахъ, дабы вексель такъ былъ надеженъ, что никакого ареста и убытка не боялся».

По дошедшимъ до правительства свѣдѣніямъ выяснилось, что «колодники держались за казенные и партикулярные мелкіе долги отъ 3 рублей и ниже по году — два и больше», но въ работу, гдѣ бы они могли «сквитать долги, не употреблялись, а отпускались по улицамъ скованные и нескованные для прошенія милостыни, которую они хотя и могли распорядиться для своего окупа, но добытыя деньги пропивали и старались жить въ праздности, а судьи ни малаго смотрѣнія за ними не имѣли». Оттого «наикрѣпчайше» повелѣвалось: 1) всѣ дѣла, во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, по которымъ держались подъ карауломъ разныхъ чиновъ люди за казенные и партикулярные долги — рѣшить въ мѣсяцъ; 2) по рѣшеніи дѣлъ, тотчасъ брать съ должниковъ сказки о томъ, могли ли они показанные на нихъ долги заплатить въ указанное время, причемъ тѣхъ, которые обяжутся заплатить и въ томъ поставятъ вѣрныхъ поручителей—освобождать; но, чтобы платежъ долѣе указаннаго срока не продолжался,—судьямъ, секретарямъ и канцелярскимъ служителямъ, въ рукахъ которыхъ находились дѣла—«стараться помнить о долгахъ и коль скоро срокъ наступалъ, а платежа еще не было,—тотчасъ самихъ должниковъ и ихъ поручителей сыскивать и на нихъ править», ибо они добровольно ручались, а далѣе срока—платежемъ не продолжать; буде же судьи, секретари и канцелярскіе служителя, по наступленіи срока — взысканія имѣть не будутъ, продолжить срокъ—мѣсяцъ, а потомъ весь долгъ, безъ всякихъ отговорокъ,—на нихъ доправить, ибо они своимъ послабленіемъ допустили запущеніе, въ противность указамъ»; 3) тѣ, которые въ сказкахъ покажутъ, что имъ объявленнаго на нихъ начета или долга платить нечѣмъ, движимыхъ и недвижимыхъ имѣній не имѣли и вѣрныхъ поручителей поставить не могли, а захотятъ у партикулярныхъ людей долгъ заработывать и тѣ люди взять къ себѣ ихъ пожелаютъ, у такихъ людей брать письменныя извѣстія: почемъ въ годъ платить за нихъ обяжутся, не меньше, впрочемъ, 24 руб. на годъ,— отдавать имъ должниковъ, описывая сколько на нихъ долгу, почемъ на годъ за него платить должно, гдѣ деньги, на какіе сроки принимать надлежитъ и до котораго времени должники у нихъ жить повинны, дабы въ томъ «на обоихъ ихъ

никакой привязки въ судебныхъ мѣстахъ и полиціяхъ не было», а колодниковъ, чтобъ «жили въ работѣ до урочнаго термина,—обязывать сказками съ такимъ подтвержденіемъ, что ежели они прежде времени отъ нихъ сбѣгутъ или безъ воли ихъ отлучатся, а послѣ пойманы будутъ, то сосланы будутъ въ каторжную работу навѣчно, безъ всякаго зачета»; 4) тѣхъ, которые платить долговъ сами не въ состояніи, поручителей не поставятъ и у партикулярныхъ людей работы не сыщутъ,—по рѣшенію дѣлъ, не держать больше мѣсяца, а отсылать въ каторжную работу и къ Кронштадтскому и Ладожскому каналамъ, а въ другихъ мѣстахъ—къ казеннымъ тамъ работамъ и зачитать имъ въ уплату тоже по 12 руб. за годъ человѣку, какъ прежній указъ повелѣвалъ; 5) буде люди, сосланные на казенныя работы, потомъ сыщутъ ее у партикулярныхъ людей, которые обяжутся за нихъ платить не меньше 24 руб. въ годъ,—такихъ тотчасъ изъ каторги отдавать во всемъ на кондиціяхъ, какъ въ 3 пунктѣ изображено; 6) должниковъ, которые сидя за карауломъ, прежде рѣшенія дѣла сыщутъ работу и будутъ наниматься поденно, — отпускать за карауломъ или за поруками, дабы они праздно не сидѣли, а сколько возможно работою своею выплачивали долги, а изъ заработанныхъ денегъ давать на кормъ имъ по три копѣйки человѣку на день, а остальныя въ уплату ихъ долга брать; 7) хотя въ указѣ 8 декабря 1714 г. и въ Генеральномъ Регламентѣ было напечатано, чтобъ всѣ челобитчиковы дѣла рѣшать безволокитно и не далѣе шести мѣсяцевъ, подъ страхомъ наказанія, но подтверждалось, чтобъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ дѣла рѣшены были безъ всякаго умедленія, а которыя требуютъ дальнихъ справокъ—въ полгода, подъ такимъ же, за нерѣшеніе въ опредѣленное время,—штрафами, какъ указъ и Генеральный Регламентъ повелѣвали; наконецъ, 8) должниковъ, которыхъ по рѣшеніи дѣлъ будутъ держать за карауломъ больше мѣсяца и въ работу не употреблять,—по прошествіи мѣсяца освобождать, не требуя отъ нихъ платежа долга, а вмѣсто того всю сумму править на судьяхъ и на секретаряхъ, дабы «впредь въ дѣлахъ волокиты и колодникамъ напраснаго задержанія отъ нихъ не было» (19 іюля 1736 г.).

Суровость обращенія съ должниками все-таки не воздерживала людей отъ несостоятельности, вызвавшей изданіе, 15 декабря 1740 г., устава о банкротахъ. Во вступленіи къ этому уставу чувствительно излагалось, что «извѣстно есть,

какіе убытки и ущербы отъ банкротовъ общему народу, а особливо комерціи происходитъ, ибо отъ оныхъ кредиту ослабленіе и купечеству остановка чинится, а надежность и имѣніе всякаго торговаго человѣка въ сомнѣніе приводится и напослѣди множество безвинныхъ людей въ великіе убытки, часто въ крайнее раззореніе и въ самую нищету приходятъ. И понеже весьма нужно дабы оному вредительному злу всячески предупредить—и учиненъ сей уставъ, который частію съ правами и обыкновеніями другихъ государствъ, въ которыхъ негоція расцвѣтаетъ, — сходенъ, частію же по обстоятельству дѣла тако потребенъ». А переходя къ впавшимъ въ банкротство—3 п. разъяснялъ: „того ради пристойно есть, чтобы такого, который безъ вины своей несчастливъ сталъ, не приводить въ вящшее несчастіе, а другой, напротивъ, самаго тяжелаго наказанія достоинъ за то, что поступалъ съ ближнимъ хуже вора: понеже отъ него оберегаться было невозможно».

Какъ примѣнялись на практикѣ всѣ предыдущія правила легко судить изъ того, что долговыхъ колодниковъ водили, какъ и арестантовъ, «на связкахъ, по улицамъ, просить милостыню на прокормъ», вслѣдствіе чего это было вновь воспрещено, да подтверждено—челобитчикамъ «безпремѣнно кормить своихъ должниковъ» (23 апрѣля 1738 г.) Тѣмъ не менѣе пренебреженіе къ должникамъ заимодавцевъ и судей столь сильно было развито, что понадобилось напомнить объ этомъ тѣмъ и другимъ, а послѣднимъ еще подтвердить, что за нарушеніе ими закона—съ нихъ будетъ строго взыскиваться (27 января 1749 г.). Разбирались дѣла должниковъ такъ медленно, что вслѣдствіе многихъ жалобъ послѣдовалъ въ 1758 г. указъ, заключавшійся въ томъ, что «купцамъ великая можетъ быть обида, ежели деньги долговременно въ казнѣ лежать будутъ», а потому приказывалось «сіе дѣло окончить въ мѣсяцъ, а впредь о банкротскихъ и прочихъ, до сената касаемыхъ дѣлахъ, доношенія подавать въ сенатъ, а ежели въ сенатѣ долговременно рѣшенія учинено не будетъ, тогда въ кабинетъ доносить». Кромѣ того рѣшать банкротскія дѣла повелѣвалось по амстердамскому уставу, т. е. заставлять меньшинство кредиторовъ повиноваться большинству кредиторовъ (1 ноября 1767 г.).

Не взирая, впрочемъ, на всѣ указы и предписанія впослѣдствіи, при ревизіяхъ, обнаруживалось, что должники «безъ оправдательныхъ причинъ» продерживались въ заключеніи по 5—10 лѣтъ по вексельнымъ претензіямъ. Факты эти вызвали

наказъ судьямъ непремѣнно рѣшать дѣла въ опредѣленнные сроки (17 апрѣля 1774 г). Съ изданіемъ въ 1775 г. закона о рабочихъ домахъ приказывалось направлять должниковъ туда, а равно и на разныя другія казенныя работы, въ томъ числѣ и на монетномъ дворѣ, но тамъ «валялись золотые и серебряные обрѣзки и крохи, которые люди могли похищать», поэтому, во избѣжаніе «важной опасности»—запрещено было посылать ихъ на монетный дворъ (20 іюля 1781 г.).

Вновь изданнымъ Уставомъ о банкротахъ (19 декабря 1800 г.) регламентировано, что «банкротъ есть тотъ, который не можетъ сполна заплатить своихъ долговъ»; раздѣляются банкроты на три рода: первый — «отъ несчастья, другой—отъ небреженія и своихъ пороковъ, а третій—отъ подлога». Судамъ и предписывалось «признавать банкротомъ всякаго, кто самъ объявитъ въ судебномъ мѣстѣ, что платить долговъ не въ состояніи, а равно того, который уйдетъ изъ подъ караула, не удовольствовавъ просителя въ мѣсячный срокъ». Затѣмъ, когда онъ объявитъ, что ему «должно какое либо казенное мѣсто столько, на сколько вступило на него требованій, то его задержать и немедленно дѣлать справку, а каждое изъ должныхъ ему мѣстъ имѣло давать свѣдѣнія безъ задержки, дабы невинный напрасно не претерпѣвалъ»; о приключеніи банкротства въ городахъ столичныхъ—публиковать троекратно въ газетахъ московскихъ и петербургскихъ; банкротовъ держать подъ карауломъ и освобождать или отдавать подъ росписку тогда, когда поставятъ по себѣ надежныхъ порукъ въ томъ, что до окончанія дѣла никуда не отлучатся и не скроятся, а всякій день станутъ являться въ судебное мѣсто, или въ конкурсъ; во все время держанія ихъ подъ арестомъ и продолженія потомъ надъ ними конкурса,—на нихъ, на ихъ женъ и дѣтей давать на день изъ ихъ имѣнія на содержаніе,по скольку разсудятъ кредиторы; если же причины къ признанію кого либо злостнымъ банкротомъ еще не доказаны, то держать его только «*подъ присмотромъ, въ благопристойномъ мѣстѣ, а не въ тюрьмѣ*» (1—3, 7, 14, 15, 18—20 п.).

Такимъ образомъ *впервые* проявилась забота о семействахъ должниковъ, а сами они, до признанія ихъ злостными, освободились отъ тягостнаго тюремнаго заключенія и обязательныхъ работъ. Все это, вмѣстѣ взятое, представлялось очень прогрессивною реформою законодательства о должникахъ. Дѣйствительно ли конкурсы обезпечивали семейства должни-

ковъ и, если дѣлали это, то насколько — никакихъ данныхъ нигдѣ не сохранилось, а запрещеніе держать въ тюрьмѣ должниковъ, до объявленія ихъ злостными,—оказалось практически просто не исполненнымъ: «благоустроенныхъ мѣстъ» вовсе для нихъ не создавалось, смирительные и рабочіе дома значились только на бумагѣ, а существовала для всѣхъ категорій лишенныхъ свободы — одна лишь тюрьма; поэтому въ нее по прежнему продолжали направлять и должниковъ, при томъ же еще и безъ всякаго предварительнаго разбора ихъ дѣлъ. Послѣднее обстоятельство и вызвало указъ, чтобы никого изъ должниковъ не заключали въ тюрьму, по крайней мѣрѣ, «безъ учиненія предварительныхъ справокъ» (31 октября 1803 г.). Напротивъ, за послабленіе должникамъ предписывалось налагать запрещенія на имѣнія судейскихъ членовъ и секретарей (30 ноября 1812 г.). Наконецъ вслѣдствіе возникшаго недоразумѣнія воспрещено было отдавать должниковъ христіанъ на заработки евреямъ (22 апрѣля 1818 г.).

Вотъ сколько посвящено было законодательныхъ актовъ на урегулированіе отношеній между заимодавцами и должниками, при чемъ послѣдніе послѣдовательно подвергались: сперва — стоянію на правежѣ, потомъ — кабалѣ, затѣмъ — работамъ на галерахъ, далѣе — заключенію въ рабочихъ домахъ,содержанію «въ благопристойныхъ мѣстахъ», и наконецъ содержанію просто въ тюрьмѣ, такъ что они должны, казалось бы, благославлять судьбу за смягчавшуюся, постепенно, ихъ участь. Отсюда можно, повидимому, сдѣлать выводъ, что въ началѣ прошлаго столѣтія было уже вполнѣ достовѣрно извѣстно: гдѣ, сколько и какихъ содержалось должниковъ, какъ велики были ихъ долги, на какіе сроки утрачивали они свободу, по рѣшеніямъ какихъ судебныхъ и иныхъ властей и т. д. Однако ровно ничего этого, какъ читатели усмотрятъ ниже, въ дѣйствительности не существовало.

II.

Учрежденное въ декабрѣ 1819 г. въ С.-Петербургѣ попечительное о тюрьмахъ общество нашло въ городской тюрьмѣ, среди арестантовъ, «великое множество разныхъ должниковъ», содержавшихся по распоряженіямъ судебныхъ, присутственныхъ мѣстъ и властей за различные частные, казенные и общественные долги, отъ 50 до 1.500 руб. ассигнаціями съ человѣка. Кромѣ того общество «примѣтило», что изъ должни-

ковъ меньшинство зря бродило по тюрьмѣ, либо распускалось, кѣмъ попало, на побывки, возвращалось «въ непорядочномъ видѣ, приносило съ собою водку, карты и другія вредныя вещи», а большинство, по неплатежу за него заимодавцами кормовыхъ и неотпуску ихъ казною, — впроголодь кормилось кто чѣмъ могъ, да изъ милости остатками плохой арестантской пищи.

Петербургскій комитетъ общества, призванный пещись о раздѣленіи заключенныхъ по полу, возрасту, роду преступленій, о физическомъ и нравственномъ ихъ улучшеніи, отвелъ въ тюрьмѣ особое отдѣленіе, сосредоточилъ въ немъ всѣхъ должниковъ, воспретилъ имъ шляться по тюрьмѣ и отлучаться изъ нея, сталъ ихъ кормить на свой счетъ, занялся тщательнымъ розыскомъ производившихся о нихъ дѣлъ, изученіемъ причинъ ихъ задолженности, семейнаго ихъ положенія и проч. и употребивъ на это цѣлый годъ, добился освобожденія 138 чел., за которыхъ никто не вносилъ кормовыхъ, собралъ среди своихъ сочленовъ значительный капиталъ, выкупилъ «несчастныхъ» 100 чел., заплативъ за нихъ 19.235 руб. и довелъ обо всемъ до свѣдѣнія своего президента, тогдашняго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя А. И. Голицына.

Президентъ, одобривъ всѣ мѣропріятія комитета, возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы за невзносъ заимодавцами кормовыхъ впередъ на мѣсяцъ по истеченіи 3-хъ дней освобождать должниковъ. Ходатайство это вызвало законъ, обязавшій заимодавцевъ вносить на прокормленіе должниковъ по 25 коп. ассигнаціями въ сутки на человѣка, а за неисполненіе сего, въ теченіе недѣли, со дня заключенія должниковъ, повелѣвалось освобождать ихъ изъ-подъ стражи (22 Августа 1822 г.). Законъ этотъ по представленію того же президента распространенъ былъ потомъ и на Московскую губернію, гдѣ тоже уже дѣйствовалъ тюремный комитетъ (30 сентября 1825 г.). Спустя нѣкоторое время размѣръ кормовыхъ признанъ былъ тѣмъ же петербургскимъ комитетомъ скуднымъ и тѣмъ же законодательнымъ порядкомъ предписано было заимодавцамъ вносить кормовыхъ «наполовину больше, чѣмъ полагалось на арестанта». Основаніемъ къ увеличенію размѣра кормовыхъ послужило, какъ гласилъ законъ, то справедливое начало, что «должники должны быть отличаемы отъ арестантовъ и въ содержаніи, какъ наблюдается въ размѣщеніи» (18 ноября 1828 г.) Обезпечивъ должниковъ кормовыми, комитетъ простеръ свою

о нихъ попечительность до того еще, что устроилъ имъ особыя: столовую и въ ней—продовольствовалъ ихъ сытно на кормовыя; для упражненій—мастерскую; для свиданія съ семействами—помѣщеніе; въ ихъ камерахъ—приличную мебель, даже испросилъ имъ дозволеніе на кратковременныя отлучки изъ тюрьмы подъ благонадежныя поручительства или присмотръ (27 марта 1829 г.).

Помянувъ выше о выкупѣ 100 должниковъ, обратимся къ этому самому важному для нихъ предмету. Съ древнихъ временъ искупленіе должниковъ, какъ «узниковъ, изъ темницы», православною религіею признавалось дѣломъ богоугоднымъ. Оттого цари въ годовые праздники, радостные и печальные для нихъ дни выкупали должниковъ. Напр, Алексѣй Михайловичъ, по случаю кончины своей супруги Маріи Ильиничны, приказалъ освободить всѣхъ должниковъ и заплатить за нихъ заимодавцамъ 807 руб., 21 алтынъ и 1 деньгу (25 марта 1669 г.). Преемники его слѣдовали его примѣру и въ особенности въ Благовѣщеніе тоже выкупали должниковъ. Къ этому роду царской благотворительности народъ такъ привыкъ, что должники и должницы часто подавали объ этомъ челобитныя и получали удовлетвореніе; напр., одна должница излагала: «стою я, бѣдная, въ напраснѣ на правежѣ въ 8 руб. и окупиться мнѣ нечѣмъ, а дѣтки малыя, сиротки» и т. д. [1]) Екатерина II послѣ блестящихъ войнъ, въ числѣ милостей, даровала свободу содержавшимся болѣе 5 лѣтъ должникамъ: въ 1775 г., 1793 и въ ознаменованіе 25-лѣтняго своего царствованія—28 іюня 1787 г. Царскія щедроты по выкупу должниковъ перенимались и русскими подданными, изстари также выкупавшими должниковъ.

И вотъ, твердо помня изъ исторіи о дѣяніяхъ своихъ предковъ, персоналъ тюремнаго комитета, состоявшій изъ просвѣщенныхъ, гуманныхъ и состоятельныхъ людей, съ начала же своей тюремной дѣятельности задался мыслію уменьшить число должниковъ посредствомъ выкупа «несчастныхъ». Съ этою цѣлію онъ обратился съ воззваніемъ къ «добродѣтельнымъ особамъ» о пожертвованіяхъ на этотъ предметъ и вывѣсилъ кружку. Призывъ комитета встрѣтилъ живѣйшее сочувствіе со стороны членовъ общества и частныхъ лицъ и выразился въ доставленіи комитету значительныхъ денегъ,

---

[1]) См. прекрасную книгу К. Ф. Хартулари «Право суда и помилованія, какъ прерогатива россійской державности», изд. 1899 г.

комитетъ получилъ: въ 1821 г.: отъ купца Колесникова-10.449 р. 91 к., отъ Козлянинова 300 р., отъ неизвѣстнаго — 1.000 р. и изъ кружки 8.812 р. 20 к, итого 20.582 р. 10 к., затѣмъ отъ разныхъ лицъ и изъ той же кружки: въ 1822 г.— 21159 р. 53 к., въ 1.823 г.—20.932 р. 74 к., въ 1824 г.— 27.232 р. 66 к, въ томъ числѣ отъ графа Разумовскаго 3.000 руб., а въ сложности за 4 года 89. 887 р. 4. [1]) Этотъ крупный источникъ позволилъ Комитету выкупить: въ 1821 г. 100 чел.—за 19.235 р., въ 1822 г.—118 чел.—за 20454 р., 74 к., въ 1823 г.—96 чел. за 20.401 р. 46 к. и въ 1824г.—101 чел. за 23 340 р. 66 к., итого въ 4 года затратилъ онъ на 415 чел.—83.431 р. 86 к.

Убѣдившись изъ щедрыхъ пожертвованій въ возможности упрочить удавшійся способъ выкупа, Комитетъ разработалъ и огласилъ (въ 1823 г.) правила о порядкѣ своихъ дѣйствій по этой части, а самъ продолжалъ освобождать на получавшіяся средства должниковъ, да еще выдавалъ имъ, на поправку, пособія, израсходовавъ на это за тѣ же 4 года 2.566 р. 50 к.

Тѣмъ временемъ благопріятно распространившійся слухъ о совершенномъ Комитетомъ выкупѣ и оглашенныя правила дали благіе плоды: въ Комитетъ поступили билетами коммиссіи погашенія долговъ по духовнымъ завѣщаніямъ: купца С. Б. Глазунова (отъ 1818 г). — 10.000 р., мѣщанки А. Я. Клипиной) (отъ 1822 г.)—10.000 р., неизвѣстнаго (въ 1823 г.)— 3.000 р. и дворянки А. С. Баташовой (въ 1825 г.)—15.000 р., въ сложности 38.000 р., съ тѣмъ, чтобы только $^0/_0$ съ означенныхъ суммъ издерживались на выкупъ, а билеты оставались бы неприкасновенными навсегда.

Между тѣмъ и наличныя деньги на выкупъ безъ ограничительныхъ условій по прежнему продолжали поступать въ комитетъ отъ разныхъ лицъ, также въ значительномъ количествѣ, а именно: въ 1825 г.—16.900 р. 78 к., въ томъ числѣ отъ великаго князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны 5.503р. 57 к: въ 1826 г.—отъ дѣйст. ст. сов. Метлина—15.000 р., въ 1827 г.—18.220 р., въ 1828 г.— 14223 р. 21 к., въ 1829 г.—13.471 р. 79 к., въ 1830 г.— 14496 р. 66 к., въ 1831 г.—25.546 р. 73 к. и въ 1832 г.— 31345 р. 61 к., итого 101.129 р. 12 к, а вмѣстѣ съ помянутыми билетами на 38000 р. образовалось 139.129 р. 12 к.—фондъ солидный.

[1]) Кромѣ человѣколюбиваго общества, никакихъ благотворительныхъ учрежденій тогда въ Петербургѣ не существовало.

Обезпечивъ капиталомъ дальнѣйшій выкупъ, комитетъ, руководствуясь 9 п. общихъ своихъ правилъ 1819 г., призналъ, что хотя должники и не обязаны работать, но, чтобы «не пребывали въ порочной праздности», нужно заставить ихъ соблюдать пристойность, слушать душеспасительныя чтенія, внушенія и трудиться, глядя по ихъ познаніямъ, и рѣшилъ выкупать, по строгому разбору, только тѣхъ, которые по своему образу жизни, болѣзни, семейному положенію и «несчастнымъ приключеніямъ» вовлечены были въ неоплатные долги, а для облегченія частнымъ людямъ выкупа завелъ, въ тюремной конторѣ, для всеобщаго свѣдѣнія, двѣ книги для записыванія: въ первой—времени вступленія должниковъ въ тюрьму, отъ какого присутственнаго мѣста, за какую претензію, какихъ они лѣтъ и какія имѣли семейства, а во второй—отъ кого, какія суммы поступали на выкупъ, кто кого намѣренъ выкупить и какую вноситъ сумму; для возбужденія же въ публикѣ соревнованія и симпатіи къ своей дѣятельности,—комитетъ аккуратно публиковалъ обо всѣхъ пожертвованіяхъ въ «Петербургскихъ академическихъ вѣдомостяхъ» по третямъ года (въ 1832 г.).

Широкая гласность дѣйствій комитета, при тогдашней повсемѣстной полной безгласности, высоко подняла его авторитетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилила пожертвованія. Самыми значительными были: отъ шкипера Кирина въ 1829 г.—12.048 р., билетами отъ тайн. сов. Н. П. Калинина въ 1830 г.—41.000 р., отъ коллежской секретарши Копниной въ 1831 г.—70.000 р., отъ купца Аникіева въ 1835г.—20.000 р., отъ неизвѣстнаго въ 1837 г.—40.000 р., отъ оберъ-гофмейстерины графини Ал. Вас. Браницкой (урожденной Энгельгардтъ и племянницы Потемкина—Таврическаго) въ 1837 г.—200.000 р., отъ разныхъ лицъ въ 1838 г.—28.398 р. 88 к.; отъ оберъ-камергера графа Юлія Помпеевича Литта въ 1840 г.—100.000 р., пожалованные въ 1841 г. императоромъ Николаемъ I, въ ознаменованіе бракосочетанія наслѣдника цесаревича. (императора Александра II) 5.000 р.; отъ дѣйств. тайн. сов Бека, по этому же случаю, въ томъ же году 50.000 р., на разныя нужды комитета, а въ числѣ ихъ и на выкупъ должниковъ, въ 1846 г.—29.909 р. 96 к; въ 1848 г.—13.969 р. 32 к; отъ митрополита Іоны 1.200 р. и т. д. и т. д.

Большинство жертвователей, желая увѣковѣчить память о себѣ,—предоставляли комитету, какъ помянуто выше, право выкупать должниковъ лишь на % съ ихъ капиталовъ, въ указанные ими дни совершившихся въ ихъ семействахъ исклю-

чительныхъ событій. Оттого, если, напр. 1 марта текущаго года почему либо нельзя было никого выкупить на предназначенные на этотъ день % въ 1.000 р., то сумма эта могла быть израсходована на означенный предметъ только 1 марта будущаго года, одновременно съ %, опредѣленными на тотъ годъ, а %, наросшіе на запасные 1.000 р. въ теченіе года,—пріобщались къ капиталу, который по этой причинѣ естественно возросталъ.

Располагая значительными средствами на выкупъ, комитетъ примѣнилъ это благодѣяніе не только къ содержавшимся за неуплату недоимокъ въ мѣщанскихъ, ремесленныхъ и прочихъ податяхъ и повинностяхъ, но даже и къ заключеннымъ за казенные штрафы и долги, напр. таможенные, судоходные, акцизные, патентные и т. под. Въ числѣ выкупленныхъ комитетомъ должниковъ 24 декабря 1837 г. значился напр., отставной чиновникъ 9-го класса Талызинскій, посаженный по распоряженію управы благочинія за невзносъ въ казну 78 р. 51 к., слѣдовавшихъ съ него за повышеніе его, предъ отставкою въ означенный чинъ. Изъ обслѣдованія членомъ комитета положенія Талызинскаго выяснилось, что онъ, по своей бѣдности и неспособности къ труду, дѣйствительно не въ состояніи былъ заплатить казнѣ означенной суммы, а произведенъ былъ въ чинъ за выслугу лѣтъ и безпорочную службу. Комитетъ и внесъ за него эти 78 р. 51 к., да во вниманіе къ его горестной участи,—далъ ему, при выпускѣ изъ тюрьмы, на поправку, пособіе въ 50 р. Вотъ какія, на современный взглядъ, жестокія были времена, что и за награды попадали по безденежью, въ тюрьму въ качествѣ должниковъ!...

Пожертвованія на выкупъ должниковъ поступали, случалось, и въ Человѣколюбивое общество, которое также занималось выкупомъ ихъ. Въ интересахъ единообразныхъ дѣйствій съ обществомъ комитетъ, по соглашенію съ нимъ, велъ таблицу пожертвованіямъ, съ означеніемъ въ ней, въ какія именно числа и мѣсяцы года на счетъ чьихъ именно капиталовъ и въ память чьего, напр., рожденья, именинъ, супружества или смерти, надлежало выкупать должниковъ, причемъ оба учрежденія строго осуществляли волю жертвователей.

Кромѣ названныхъ двухъ учрежденій, «искупленію должниковъ часто предавались» и отдѣльныя лица, которыя съ радости, или горя являлись прямо въ тюрьму, спрашивали вышеупомянутыя двѣ книги, разсматривали ихъ и чьи изъ должниковъ фамиліи имъ нравились, положеніе возбуждало

состраданіе, а количество долга соотвѣтствовало ихъ намѣренію пожертвовать, — за тѣхъ вносили деньги и должниковъ тотчасъ же освобождали. Изъ этихъ жертвователей нѣкоторые нерѣдко заявляли представителямъ комитета: одни, — что хотѣли бы прежде уплаты денегъ—видѣть самихъ должниковъ и дознаться отъ нихъ о причинахъ ихъ задолженности, дабы облегчить, глядя по обстоятельствамъ, первоначальное ихъ пребываніе на волѣ, но имъ, постороннимъ, не показывали должниковъ, какъ арестантовъ, а другіе,—что вслѣдствіе своей робости—боялись входить въ тюрьму, наполненную преступниками, начальствомъ и карауломъ, почему и не въ состояніи были «сотворить добро—выкупомъ». Должники же съ своей стороны сѣтовали на то, что ихъ, «по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ», попавшихъ въ тюрьму,—держали наравнѣ съ преступниками подъ запорами, во всемъ стѣсняли, лишали не рѣдко даже свиданій съ ихъ семействами и т. д.

Комитетъ, сообразуясь съ господствовавшими въ старину нравами и тюремными порядками, признавалъ доводы жертвователей и должниковъ заслуживающими серьезнаго уваженія, а потому доказывалъ властямъ предержащимъ о необходимости, для расширенія благотворительности, уменьшенія численности должниковъ и возстановленія, по отношенію къ нимъ, справедливости — вывести ихъ изъ тюрьмы, гдѣ къ тому же царила тѣснота, порождавшая болѣзни и безпорядки. Продолжительныя домогательства комитета въ этомъ направленіи, съ поясненіемъ о необходимости устройства въ тюрьмѣ особаго слѣдственнаго отдѣленія,—увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ: бывшій, по времени и счету, — третій президентъ общества, шефъ жандармовъ, генералъ-адъютантъ графъ М. Х. Бенкендорфъ доложилъ императору Николаю I, что должники, какъ таковые, — «*не должны быть содержимы въ одномъ зданіи съ преступниками*», и получилъ разрѣшеніе на перемѣщеніе ихъ «временно, впредь до отысканія для нихъ удобнаго помѣщенія», въ бывшее «исправительное заведеніе» (въ 1841 г.).

Очутившись въ заведеніи, должники, противъ всякаго ожиданія, почувствовали себя въ гораздо худшемъ положеніи, нежели въ тюрьмѣ: мѣстное начальство приняло и трактовало ихъ, какъ обыкновенныхъ арестантовъ, а потому лишило почти всѣхъ, ранѣе дарованныхъ льготъ. Стремясь къ полученію облегченія,—они обратились за предстательствомъ за нихъ къ обладавшей большимъ значеніемъ въ высшихъ сферахъ,—бывшей предсѣдательницѣ дамскаго тюремнаго комитета Т. Б. По-

темкиной, а она настаивала въ особенности на дозволеніи должникамъ «отпусковъ» изъ исправительнаго заведенія, для устройства ихъ дѣлъ, но въ этомъ было категорически отказано, по неимѣнію на это закона (въ 1842 г.). Тогда должники стали возбуждать разныя претензіи, напр., на то, что въ заведеніе, по отдаленности его отъ центра города,—имъ не несутъ пожертвованій, какъ бывало въ тюрьмѣ, что имъ негдѣ видѣться съ родными, заниматься своими дѣлами и проч. Испытывая неудачи и сознавая, что избавлены отъ дисциплинарныхъ взысканій (ихъ ни колотить, ни драть не позволялось), должники упорно продолжали обременять властей всякими просьбами и жалобами, которыми до крайности надоѣли и попечительному совѣту общественнаго призрѣнія, въ вѣдѣніи котораго состояло исправительное заведеніе. И вотъ совѣтъ, чтобы избавиться отъ нихъ, сослался на сообщенное ему Бенкендорфомъ повелѣніе, что *«должники не должны быть въ одномъ зданіи съ преступниками»*, и испросилъ также высочайшее повелѣніе о скорѣйшемъ пріисканіи для нихъ другого помѣщенія (въ 1843 г.). Во исполненіе этого повелѣнія генералъ-губернаторъ распорядился нанять большую квартиру въ домѣ жены тайнаго совѣтника Карташевскаго (на Обуховскомъ проспектѣ), наскоро приспособилъ ее подъ тюремный режимъ, затративъ на это 732 р. 88 к., сформировалъ штатъ начальства и надзора за должниками на 1642 р. въ годъ и въ заключеніе переселилъ ихъ туда (18 апрѣля 1844 г.), послѣ пробытія ихъ въ заведеніи 2-хъ лѣтъ и 9-ти мѣсяцевъ.

III.

Должникамъ, выбравшимся изъ тюремныхъ стѣнъ, немного однако лучше стало и на вольной квартирѣ: покамѣстъ комитетъ снабдилъ ихъ 50 кроватями и постельными принадлежностями,—они спали на голыхъ доскахъ, помѣщались: благородные, купцы, мѣщане и мужики всѣ вмѣстѣ, безъ различія правъ состоянія; ни носить собственнаго платья, ни работать, напр., ремесленникамъ, не позволялось, въ баню водили ихъ въ тюремную—всѣхъ сразу, подъ карауломъ; утромъ и вечеромъ ихъ перекликали; ложиться спать и вставать обязывались они по командѣ; входъ въ ихъ комнаты постороннимъ воспрещался; видѣться съ родственниками могли они хоть и ежедневно, но въ пріемной и въ присутствіи сторожей; кормовыхъ полагалось имъ 3 р. 32 к. въ мѣсяцъ на чело-

вѣка, а отсиживать долги приходилось имъ: за 100 р.—2 мѣсяца, отъ 100 р. до 250 р.—4 мѣсяца, отъ 250 р. до 500 р.—6 мѣсяцевъ, отъ 500 р. до 1000 р.—годъ, а отъ 1000 р. до 5.000 р.—2 года (408 ст. II т. XI св. зак., изд. 1837 г.).

Такимъ образомъ несбывшіяся надежды на значительныя льготы раздражали должниковъ, и они, въ пылу разочарованія, безпрестанно утруждали начальство опять всевозможными просьбами и жалобами. Обстоятельство это побудило оберъ-полиціймейстера хлопотать о переводѣ должниковъ «для обузданія», въ пересыльную тюрьму, но комитетъ отстоялъ ихъ—ссылкою на то же вышеуказанное повелѣніе 1841 г., что они *«не должны содержаться въ одномъ зданіи съ преступниками»* (1 февраля 1847 г.). Тѣмъ не менѣе попытка упрятать ихъ въ тюрьму повторилась, но уже подъ предлогомъ, что домъ, въ которомъ должники жили, опасенъ въ пожарномъ и плохъ въ гигіеническомъ и надзорномъ отношеніяхъ (6 ноября 1848 г.). Комитетъ опять не допустилъ перемѣщенія ихъ въ тюрьму, а осмотрѣвъ домъ Карташевской и согласившись въ его негодности,—разработалъ и послалъ генералъ-губернатору подробные проекты: штата администраціи и правилъ содержанія должниковъ сообразно ихъ положенію (въ 1849 г.), да пріискалъ для нихъ другой домъ и, пока онъ приспособлялся (на 85 кроватей и приличную обстановку было затрачено болѣе 6.000 р.),—должниковъ перевели: временно—на 2 мѣсяца, въ домъ чиновника Щигловскаго, а потомъ—на долго водворили (18 февраля 1850 г.) въ домъ почетной гражданки Тарасовой (по 1 ротѣ Измайловскаго полка).

Съ переводомъ должниковъ съ мѣста на мѣсто, о льготахъ, имъ предоставленныхъ—распространились преувеличенныя, почти легендарныя свѣдѣнія, благодаря которымъ число ихъ постепенно возрастало, управленіе ими дѣлалось труднѣе, а расходы на нихъ умножались. Явленію этому способствовалъ, впрочемъ, самъ законъ, опредѣлившій сроки отсиживанія долговъ, начиная съ рубля и повышая до того, что за 500.000 р. положено было 5 лѣтъ (90 улож. о наказ. 15 августа 1845 г.). Должники, предпочтительно торговцы, охотно засиживались, а для пріобрѣтенія большихъ удобствъ,—они смѣло вызывали недоразумѣнія, даже столкновенія комитета съ учрежденіями, за которыми числились по подсудности: торговой несостоятельности—съ коммерческимъ судомъ, магистратомъ и конкурсными управленіями, а не торговой несостоятельности—съ управою благочинія, полиціею, администраціею (она завѣдывала ими

по административно-полицейской части), а также и съ кредиторами до уясненія причинъ несостоятельности: злостной, неосторожной и несчастной. Учрежденія эти нерѣдко отрицали право вмѣшательства комитета, дѣйствовавшаго въ силу мало кому тогда извѣстныхъ правилъ 1819 г. и различныхъ отдѣльныхъ повелѣній и распоряженій.

По обнародованіи новаго устава попечительнаго о тюрьмахъ общества (7 ноября 1851 г.), въ которомъ формулированы были всѣ права, обязанности и отвѣтственность общества, какъ полуоффиціальнаго учрежденія,—комитетъ пріобрѣлъ твердую почву и ему легче стало вести борьбу, между прочимъ, въ интересахъ должниковъ (II п. 1 и 24 ст. устава). Содержались они не на арестанскомъ положеніи только въ Петербургѣ и Москвѣ въ значительномъ числѣ, а въ губернскихъ городахъ—въ мѣстныхъ тюрьмахъ, въ единичныхъ случаяхъ, но и тамъ комитеты иногда принимали въ нихъ участіей. Для ознакомленія читателей съ численностію освобожденныхъ и уплаченныхъ за нихъ суммъ приведемъ, на выдержку слѣдующія данныя. Было выкуплено:

	Число должниковъ.	За какую сумму выкуплены. Рубли.	Коп.
въ 1851 г. Петербургскимъ, Московскимъ и Одесскимъ комитетами.	434	15390	54
въ 1852 г. тѣми же 3-мя, да Калужскимъ и Нижегородскимъ комитетами.	197	16033	47
въ 1853 г. Петербургскимъ, Московскимъ, Одесскимъ и Костромскимъ комитетами	211	23712	38
въ 1854 г. Петербургскимъ, Московскимъ, Одесскимъ и Тульскимъ комитетами	217	19786	32
въ 1855 г. Петербургскимъ, Московскимъ, Калужскимъ и Кіевскимъ комитетами	210	17576	44
Итого за 5 лѣтъ . . .	1269	92499	19

Изъ этихъ общихъ итоговъ вытекаетъ заключеніе, что въ среднемъ каждый изъ 1269 чел. стоилъ комитетамъ по 72 р. 10 к., а задолжали они, какъ читатель усмотритъ въ концѣ нашего очерка изъ общей таблицы 291.280 р. 89 к.; слѣдовательно кредиторы потеряли на нихъ 198.880 р. 90 к. Здѣсь

же кстати пояснимъ, что, судя по отчетамъ, лишь въ указанные годы шесть провинціальныхъ комитетовъ участвовали въ выкупѣ должниковъ, а втеченіе предъидущихъ и послѣдующихъ годовъ весь выкупъ сосредоточивался въ Петербургѣ да въ Москвѣ.

Стремясь устранить проявившіяся разнородныя, закономъ не предусмотрѣнныя неурядицы, петербургскій комитетъ настоятельно добивался скорѣйшаго утвержденія представленныхъ имъ еще въ 1849 г. проектовъ штата и правилъ законодательнымъ порядкомъ. Наконецъ появился законъ объ основаніи въ Петербургѣ особаго учрежденія, подъ названіемъ *«домъ содержанія неисправныхъ должниковъ»*, подъ начальствомъ генералъ-губернатора и оберъ-полиціймейстера, подъ непосредственнымъ управленіемъ смотрителя и другихъ лицъ по штату; приэтомъ поручалось министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ, преподать смотрителю для руководства особую инструкцію, сообразно существовавшимъ о должникахъ узаконеніямъ и примѣняясь къ инструкціи смотрителя тюремнаго замка. Содержаніе дома и его администраціи отнесено было *«временно на городскіе доходы, заимообразно, впредь до обращенія этого расхода на другіе источники»*. Эти законъ и инструкцію рекомендовалось вводить въ дѣйствіе «по возможности и въ другихъ городахъ» (12 іюня 1856 г.).

Взгляды властей къ этому времени настолько, замѣчательно, успѣли измѣниться и смягчиться, что руководящій пунктъ смотрительской инструкціи, первоначально изданной еще въ 1831 г. и повторенный комитетомъ въ представленіи 1849 г., признанъ былъ правильнымъ, а гласилъ онъ: «весьма часто случается, что добродѣтельный отецъ семейства, хорошій гражданинъ и честный человѣкъ, безъ всякой вины, неожданными переворотами судьбы и случаями, коихъ не въ силахъ человѣческихъ предвидѣть, можетъ быть, потерею всего состоянія, вовлеченъ въ долги, за которые правительство принуждено будетъ лишить его свободы. *Несправедливо* было бы и *противно здравому разсудку* содержать таковаго съ тою же строгостью, какъ тѣхъ, кои заключены за тяжкія и умышленныя преступленія; для того надзоръ за таковыми долженъ *ограничиваться единственно лишеніемъ ихъ свободы»*. Въ силу этого либеральнаго принципа должники получили, по инструкціи, право оставаться въ домѣ въ своемъ платьѣ, имѣть ежедневно свиданія съ желавшими ихъ видѣть, принимать отъ родственниковъ и посѣтителей съѣстные припасы и проч.

Тюремный комитетъ сохранилъ и по приведенному закону прежнее свое право нравственнаго воздѣйствія на должниковъ, ходатайства за нихъ во всѣхъ учрежденіяхъ, да «выкупать заключенныхъ за долги разнаго званія людей по ихъ просьбамъ, съ объясненіемъ суммы долга, причины несостоятельности и семейнаго ихъ положенія». По содержанію этихъ просьбъ директора комитета обязывались собирать подробнѣйшія справки и, если по нимъ должники оказывались достойными благодѣянія, то по убѣжденіи кредиторовъ къ уступкамъ, докладывали о результатахъ комитету, а онъ воленъ былъ выкупать «не болѣе одного раза въ 5 лѣтъ одного и того же должника», а о числѣ выкупленныхъ и о лицахъ, пожертвовавшихъ на это деньги, долженъ былъ публиковать ежетретно въ вѣдомостяхъ. На продовольствіе должниковъ кредиторы должны были вносить кормовыя въ полтора раза больше, противъ положенныхъ, по ежегодной табели, на арестантовъ (4 р. 20 к. въ мѣсяцъ), причемъ безъ взноса кормовыхъ возбранялось принимать должниковъ подъ стражу; за невзносъ же кормовыхъ послѣ израсходованія ранѣе доставленной суммы,-должники *на другой же день освобождались* изъ заключенія (II п. 30, 59, 214, 216 ст. уст. о содерж. подъ стр., изд. 1857 г.). Распоряжался продовольствіемъ должниковъ по прежнему также смотритель, подъ наблюденіемъ комитета, а послѣдній прибавлялъ отъ себя на улучшеніе пищи и оказывалъ пособія семействамъ бѣдныхъ должниковъ.

По обнародованіи вышеприведеннаго закона о «домѣ», онъ былъ расширенъ, заново отдѣланъ и образованъ въ томъ же домѣ Тарасова, изъ двухъ отдѣленій: перваго на—100 мужчинъ, а второго—на 25 женщинъ, причемъ всѣмъ были предоставлены прекрасныя, свѣтлыя, безъ рѣшетокъ, просторныя комнаты, для привилегированныхъ отдѣльно отъ простолюдиновъ, желѣзныя кровати съ постельными принадлежностями, зеркала, диваны, стулья, комоды, столы съ зеленымъ сукномъ; просторныя столовыя, двѣ кухни, кладовыя, во дворѣ-бани, для прогулокъ большой садъ [1]), а въ довершеніе всего домовладѣлецъ, съ высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго, въ ожиданіи закона о домѣ, еще 7 мая 1855 г., устроилъ для нихъ на свой счетъ церковь, которую торжественно освятилъ митрополитъ Никаноръ (II сентября того же года), а коми-

---

[1]) Теперь увеселительное заведеніе.

тетъ опредѣлилъ къ ней причтъ, съ содержаніемъ по 800 р. въ годъ, изъ его средствъ.

Впродолженіе крымской войны, вслѣдствіе большого застоя въ торговлѣ, умножилось число должниковъ, почти исключительно бывшихъ 2-й и 3-й гильдій купцовъ: мѣщане занимались ремеслами, а крестьяне, торговавшіе въ качествѣ временныхъ купцовъ 3 гильдіи,—чрезвычайно рѣдко попадали въ домъ: боялись своихъ помѣщиковъ, налагавшихъ на нихъ дополнительныя кары сдачею, напр., сыновей ихъ въ солдаты.

По окончаніи крымской войны характеръ выкупа принялъ новое направленіе. Такъ, изъ содержавшихся подъ стражею должниковъ выкуплено:

	Число людей.	За какую сумму выкуплены. Рубли.	Коп.
Въ 1856 г.—годъ коронаціи императора Александра II:			
Петербургскимъ и Московскимъ комитетами	230	26.001	91
частными благотворителями въ обѣихъ столицахъ на		26.139	39
въ 1857 г. Петербургскимъ и Московскимъ комитетами	167	21.882	24
въ 1858 г. Петербургскимъ . . .	66	37.669	19
Московскимъ	103		
въ 1859 г. Петербургскимъ . . .	109	33.564	54
Московскимъ	116		
въ 1860 г. Петербургскимъ . . .	91	12.867	44
Московскимъ	94		
благотворителями	97		
въ 1861 г. комитетами:			
Петербургскимъ	53	10.261	26
Московскимъ	88		
благотворителями	84	8.997	90
освобождено кредиторами	185	247.837	35
на пожертвованія столичными комитетами		15.642	49
въ 1862 г. комитетами:			
Петербургскимъ . . .	70	16.513	82
Московскимъ	86		
Петербургскими благотворителями . .	61		
Итого за 7 лѣтъ .	1.700	457.377	53

Усиленный выкупъ въ 1856 и 1861 г., съ участіемъ благотворителей и освобожденіе кредиторами происходили въ память коронаціи и освобожденія крестьянъ. Кромѣ того петербургскій Комитетъ проявилъ особенную попечительность о семействахъ должниковъ, выразившуюся въ томъ, что съ высочайшаго разрѣшенія устроилъ (22 апрѣля 1861 г.) въ дворянскомъ собраніи, подъ управленіемъ придворнаго капельмейстера Г. Я. Ломакина, при участіи гг. композитора и пьяниста А. Контскаго, пѣвца Ѳ. К. Никольскаго и пѣвческаго хора графа Шереметева, концертъ, съ котораго выручилъ 3.024 р., составившихъ фондъ на призрѣніе малолѣтнихъ дѣтей бѣдныхъ должниковъ и должницъ.

IV.

По мѣрѣ того, какъ льготы должниковъ расширялись, а заботливость о нихъ увеличивалась,—сами они, по свойственнымъ людямъ слабостямъ,—дѣлались, сначала 1860-хъ г., менѣе достойными участія. Въ этомъ мы лично убѣждались: сперва—въ качествѣ частнаго лица, изучавшаго тюремную часть, а потомъ — въ званіи директора тюремнаго комитета. Намъ очень часто приходилось посѣщать домъ и мы тамъ видѣли и слышали многое изъ того, что творилось, къ изумленію добросовѣстныхъ людей. Для характеристики тогдашнихъ обитателей и администраціи дома разскажемъ нѣкоторые, особенно запечатлѣвшіеся въ нашей памяти факты.

Предъ домомъ съ 9 до 11 часовъ утра ежедневно выстраивались вереницами простые извозчики, лихачи, коляски и кареты, въ ожиданіи «господъ должниковъ», ибо они еще пили чай, одѣвались да толпились въ конторѣ. Въ подъѣздѣ стояли форменный швейцаръ съ помощниками, для услугъ и сбора отъ уходившихъ должниковъ пропускныхъ билетовъ, раздававшихся въ конторѣ. Выйдя на улицу должники садились въ экипажи, нерѣдко собственные, и уѣзжали по своимъ дѣламъ, нарочно обгоняя попадавшихся пѣшихъ своихъ кредиторовъ, презрительно оглядывая ихъ и злорадствуя, если ихъ забрызгивало грязью, летѣвшею изъ-подъ лошадей и экипажей. Безпрепятственныя отлучки должниковъ легко оформливались письменными требованіями ихъ коммерческимъ судомъ, управою благочинія и конкурсами, для личныхъ яко-бы дѣловыхъ разъясненій, а въ дѣйствительности преимущественно по просьбамъ самихъ должниковъ, для собственныхъ ихъ надобностей. Изъ нихъ

припоминаемъ: одинъ, напр.,— ежедневно торговалъ въ переданныхъ имъ, заблаговременно, на чужое имя, 2-хъ большихъ магазинахъ съ сукнами, другой,—вътеченіи своего содержанія, цѣлыми днями распоряжался постройкою каменнаго пятиэтажнаго дома на имя жены; третій—занимался, по найму. въ той же управѣ, за которой числился; четвертый—управлялъ канцеляріею трактирной депутаціи; пятый—дѣлопроизводительствовалъ въ купеческой управѣ; шестой—комиссіонерствовалъ въ таможнѣ; седьмой—велъ заводскія дѣла своей дочери; восьмой—завѣдывалъ мѣщанскою богадѣльнею и т. д.

Къ полудню въ домѣ оставалось лишь десятокъ истинныхъ бѣдняковъ, но тоже въ ожиданіи случайныхъ жертвователей и вкусной пищи: кормовыхъ получалось на всѣхъ (4 р. 20 к. въ мѣсяцъ), а довольствовались только они да приходившія къ нимъ обѣдать ихъ жены и дѣти. Изъ должниковъ постоянно бывали такіе, которые сами жертвовали на улучшеніе пищи нуждавшихся въ ней сожителей по 100 и 150 р. въ мѣсяцъ. Домъ почти пустовалъ до 9—10 часовъ вечера,—времени возвращенія состоятельныхъ должниковъ на ночлегъ не только сытыми, но часто и пьяными, а иногда съ полиціею, въ безчувственномъ состояніи. Вернувшіеся передавали другъ другу о своихъ дневныхъ дѣлахъ и приключеніяхъ, а потомъ усаживались за карты, сопровождавшіяся попойками, часто съ шампанскимъ, а нерѣдко и съ привезенными для развлеченія женщинами... Администрація дома находилась въ такихъ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ должникамъ, что смотрѣла на все снисходительно, либо и сама участвовала, въ качествѣ гостей, въ питьѣ и игрѣ съ тѣми, которымъ не спалось, или скучно было размышлять о суетѣ мірской... Короче «домъ» представлялъ собою развеселый ресторанъ для его обитателей, державшихъ, изъ самосохраненія, языкъ за зубами, отчего наружно все обстояло благополучно, тѣмъ болѣе, что и доходившія до комитета и оглашавшіяся имъ неурядицы никакихъ рѣшительно послѣдствій не имѣли: высшая полицейская администрація считала себя единовластною и непогрѣшимою, а потому подавляла своимъ безграничнымъ вліяніемъ всѣ заявленія комитета, самое даже существованіе его съ узаконенными правами отвергала и умалила его роль до того, что смотрителя знать его не хотѣли, тогда какъ по закону они, безъ его согласія, не могли быть ни опредѣляемы въ должность, ни увольняемы отъ нея.

Комитетъ, стѣсненный до крайности въ своихъ дѣйствіяхъ,

поневолѣ ограничивался выкупомъ мелкихъ, несчастныхъ, неосторожныхъ и неисправныхъ должниковъ, но и изъ нихъ являлись очень ловкіе аферисты. Напр., изъ сговорившихся двухъ человѣкъ одинъ—сажалъ другого, положимъ за долгъ въ 3.000 р., а чрезъ недѣлю посаженный, заручившись одобрительными справками и аттестаціями,—просилъ комитетъ о выкупѣ его. Приглашенный кредиторъ, поколебавшись, для проформы,—уступалъ половину долга, изъ жалости, яко бы, къ сидѣвшему, получалъ 1.500 р. и должникъ освобождался, а потомъ они, подѣливъ деньги,—оба ликовали. Случалось также, что супруги, впавъ въ нужду, по взаимному соглашенію разъѣзжались на время и жена сажала мужа за долгъ, а когда его выкупали,—они съѣзжались и радовались удачной поправкѣ своихъ разстроенныхъ обстоятельствъ.

Сиживали въ домѣ люди самыхъ разнообразныхъ профессій. Одинъ тамъ же, напр., редактировалъ газету, вербовалъ сотрудниковъ, отдавалъ приказанія типографскому метранпажу, разсчитывался со своими служащими и оттуда же ѣздилъ, по вызовамъ, въ цензуру. Другой снабжалъ юридическими совѣтами своихъ бывшихъ довѣрителей, сочинялъ жалобы, отзывы, цѣлыми днями рылся, въ конторѣ, въ законахъ, читалъ сожителямъ вечерами лекціи по юриспруденціи и пользовался значительнымъ авторитетомъ. Третій, титулованный красивый молодой человѣкъ, прокутивъ все, что имѣлъ, надѣлалъ долговъ и, спасаясь отъ кредиторовъ, — женился на богатой старухѣ, но она, скупивъ, втайнѣ отъ него, за безцѣнокъ его векселя, припрятала ихъ, а дознавшись, чрезъ два мѣсяца послѣ ихъ свадьбы, что онъ на ея средства содержалъ прежнюю свою молодую возлюбленную,—упрятала его, за 3,000 руб. въ домъ и навѣщала тамъ. Онъ вымолилъ у нея прощеніе, вернулся къ ней на все готовое, предалъ вскорѣ же забвенію свои клятвы и опять измѣнилъ ей. Тогда она вторично усадила его за другой вексель... Словомъ втеченіе 2-хъ лѣтъ онъ побывалъ въ „домѣ“ счетомъ шесть разъ по жениным искамъ, а въ заключеніе, въ пылу ярости, вызванной общимъ надъ нимъ издѣвательствомъ сожителей,—покушался, въ самомъ домѣ, задушить явившуюся провѣдать его жену и за это былъ отправленъ въ Архангельскъ, административнымъ порядкомъ. Четвертый, пожилой, солидный видомъ господинъ, долго удачно промышлялъ устройствомъ золотой молодежи знакомствъ съ ростовщиками, для займа у нихъ денегъ и извлекалъ изъ этого себѣ выгоду съ обѣихъ сторонъ. Однажды

онъ, для поддержки своего престижа, вынужденъ былъ поручиться за двоихъ на 15.000 руб., но предъ наступленіемъ срока платежа,—оба должника укатили на службу на Амуръ. Обманутый ростовщикъ потребовалъ деньги съ него, поручителя—бланкодателя, а какъ онъ ихъ не имѣлъ, то усадилъ его въ „домъ“, въ отомщеніе за то, какъ говорилъ, что вслѣдствіе его рекомендацій понесъ убытку на 40.000 руб., да увѣрялъ, что если бы кто захотѣлъ выкупить его должника хоть за 14.999 руб., то и тогда не выпустилъ бы его; во избѣжаніе же непріятныхъ случайностей, о которыхъ будетъ рѣчь ниже,—онъ свелъ дружбу съ смотрителемъ, успѣвалъ всегда заблаговременно вносить на должника кормовыя на мѣсяцъ впередъ, заходилъ въ пріемную, ехидно взглядывалъ на своего питомца и молча удалялся...

Признаніе кого либо изъ должниковъ, содержавшихся въ „домѣ“, злостнымъ представлялось чрезвычайно рѣдкимъ событіемъ: дѣла ихъ велись настолько, съ одной стороны—патріархально, а съ другой—предусмотрительно, что почти всѣ пріобрѣтали аттестаты „несчастныхъ“, или „неосторожныхъ“ должниковъ и присуждались къ отсиживанію, а въ просторѣчіи „отработать“. Способъ этотъ былъ въ особенности по вкусу бывшимъ крупнымъ должникамъ изъ купеческаго сословія, но въ то-же время и отсиживать сроки имъ не нравилось, а потому они прибѣгали ко всевозможнымъ ухищреніямъ для сокращенія этихъ сроковъ, обыкновенно при содѣйствіи податливой администраціи дома: кормовыя деньги, по заведенному издавна порядку, принимались ею разъ въ мѣсяцъ съ 10 утра до 3-хъ часовъ по полудни наканунѣ перваго числа, впередъ за мѣсяцъ; поэтому *на запозданіи взносами* и велась часто хитрая игра противъ кредиторовъ въ пользу должниковъ.

Такъ, въ день взноса кормовыхъ, за $^1/_4$ либо и за $^1/_2$ часа до 3-хъ часовъ наглухо запирались подъѣздъ и ворота, чтобы запоздавшій кредиторъ не могъ проникнуть внутрь и исполнить свою обязанность, а въ 9-мъ часу слѣдующаго утра должника его освобождали и долгъ погашался. Швейцаръ, случалось также, переводилъ на подъѣздѣ въ $2^1/_2$ часа стѣнные часы впередъ на 1 часъ и успѣвалъ увѣрить простаковъ—кредиторовъ, что въ конторѣ никого уже изъ начальства нѣтъ, а они вольны, дескать, принести деньги на слѣдующее утро; когда же обманутый кредиторъ должника, котораго уже слѣдъ простывалъ,—уличалъ потомъ швейцара,—онъ клялся, что

впервые видѣлъ его, кредитора... Степенному старику-старообрядцу самъ смотритель съ сокрушеніемъ разъ объявилъ, что его должникъ послѣ бани схватилъ холеру и наканунѣ умеръ, а потому всѣ въ домѣ въ опасности. Пораженный старикъ набожно перекрестился, пожелалъ бывшему должнику „царства небеснаго“ и поспѣшно ушелъ, а должникъ слѣдующимъ утромъ очутился на свободѣ, отработавъ, по невзносу кормовыхъ, должные 12.000 руб. Однажды въ присутствіи толпы плательщиковъ кормовыхъ—раздался крикъ „пожаръ“. Начальство ринулось по этажамъ, а кредиторы, съ испугу, на улицу, подъѣздъ заперли надолго, а на завтра четыре должника освободилось за невзносъ кормовыхъ. Иногда, въ критическій моментъ, искусно устраивался даже дѣйствительный пожаръ, также для освобожденія должниковъ.

Лѣтомъ многіе кредиторы—купцы гуляли на Нижегородской ярмаркѣ, а въ это время здѣсь облапошивали ихъ уполномоченныхъ приказчиковъ. Явился, напр., такой съ 4 р. 20 к. кормовыхъ за содержавшагося за 25.000 руб., положимъ Сидорова. Письмоводитель взялъ деньги, а за квитанціею велѣлъ приказчику придти въ 12 часовъ слѣдующаго дня, ибо квитанціонная книга заперта, дескать, въ столѣ, а смотритель, по разсѣянности, унесъ ключъ и вернется только въ 10 часовъ вечера. Приказчикъ всему повѣрилъ и явился въ назначенное время, но письмоводитель нарочно скрылся, а смотритель объявилъ приказчику, что за невзносъ денегъ Сидоровъ освобожденъ. Приказчикъ завопіялъ объ обманѣ его. Смотритель выстроилъ ему всѣхъ, въ конторѣ служившихъ, и назвалъ одного изъ нихъ письмоводителемъ. Приказчикъ, разумѣется, не узналъ въ немъ настоящаго письмоводителя и настаивалъ на своемъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Смотритель прикрикнулъ на него, пригрозилъ ему отправкою въ часть и выгналъ его. Отправляться тотчасъ же жаловаться приказчикъ не зналъ куда, да и не рѣшился безъ указанія хозяина, а по его возвращеніи—всякій слѣдъ былъ уже совершенно заметенъ. Стачки удавались, случалось, и съ самыми приказчиками, которыхъ хозяева потомъ прогоняли, яко-бы за „дурость“, но освободившіеся должники брали ихъ къ себѣ, чтобы имъ рты замазать.

Осторожные кредиторы, слыша о продѣлкахъ должниковъ, обыкновенно никому не довѣряли взноса денегъ, а лично это дѣлали, но и ихъ постигали иногда еще худшія оказіи. Богатый купецъ, напр., Ивановъ ѣхалъ, среди дня, вносить

кормовыя за Степанова, содержавшагося за 40.000 руб. Вдругъ его окликнулъ (на Обуховскомъ проспектѣ, около 1 роты Измайловскаго полка) прилично одѣтый человѣкъ. Онъ остановился, услышалъ отъ запыхавшагося незнакомца, что жену его,—купца Иванова, разбили лошади и ее, полуживую, повезли въ больницу, а ему поручили оповѣстить его, мужа, объ этомъ несчастіи. Пораженный сообщеніемъ Ивановъ, по предложенію вѣстовщика, поѣхалъ съ нимъ въ Маріинскую больницу, гдѣ онъ проводилъ его, по разнымъ отдѣленіямъ, часа полтора, потомъ встрѣтившійся имъ другой человѣкъ назвался мѣстнымъ фельдшеромъ и разъяснилъ Иванову, что по недостатку мѣста и отсутствію хирурга,—жену его отвезли въ Петропавловскую больницу (на Петербургской сторонѣ). Вѣстовщикъ охотно повезъ Иванова туда, а тамъ, покруживъ по дворамъ и корридорамъ—скрылся отъ него. Покамѣстъ Ивановъ добрался до дежурнаго доктора, а тотъ справлялся и узналъ достовѣрно, что жену его не привозили,—онъ, Ивановъ, одумавшись, отправился домой и нашелъ жену совершенно здоровою и мирно бесѣдовавшею съ двумя гостьями—родственницами. Обрадованный Ивановъ разсказалъ о случившемся съ нимъ и всѣ заключили, что надъ нимъ благопріятели подшутили. Между тѣмъ наступилъ уже вечеръ и кормовыя сдать въ контору поздно было, полиція ихъ не принимала, а нотаріусовъ еще не знали. Явившись на утро въ «домъ», Ивановъ услышалъ, что его должникъ уже «отработалъ» свой долгъ, а на свободѣ не нуждался въ его кормовыхъ. Ивановъ, догадавшись о причинѣ вымышленнаго разбитія его жены лошадьми,—энергично занялся собираніемъ справокъ, а потомъ подалъ одну за другою нѣсколько жалобъ, доказывая, что стачку противъ него устроили его должникъ, два его сожителя и самъ смотритель. Хотя вѣстовщикомъ и фельдшеромъ дѣйствительно были два бѣдныхъ, но ловкихъ должника же, а компаніею руководилъ смотритель (впослѣдствіи, келейно, признавался, что получилъ за умственный свой трудъ 5.000 руб.), но произведеннымъ дознаніемъ виновные не обнаружились, отчего даже сенатъ оставилъ дошедшее до него дѣло Иванова безъ послѣдствій.

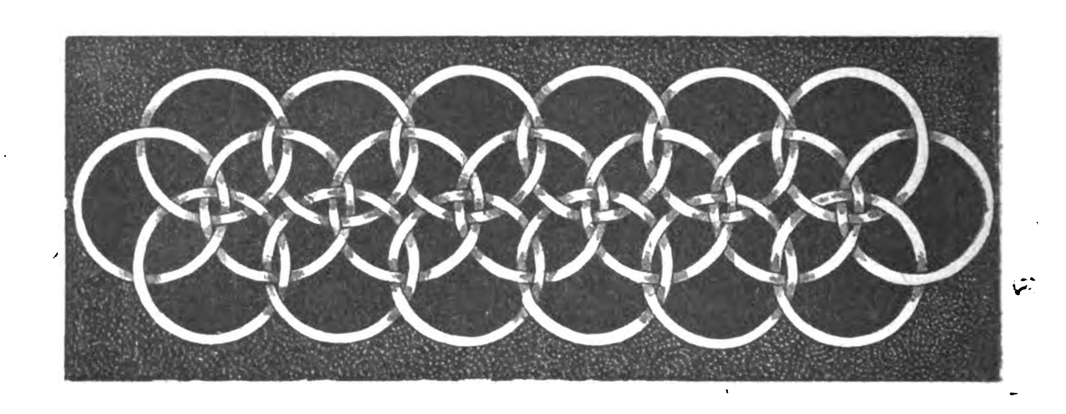
Нѣкоторое время спустя, когда предыдущій казусъ забылся, съ однимъ фабрикантомъ-нѣмцомъ, плохо понимавшимъ и говорившимъ по-русски, продѣлали гораздо оригинальнѣйшую шутку. Онъ приближался, въ 3-мъ часу по-полудни, къ дому вносить кормовыя за содержавшагося, по его претензіи,

въ 50.000 руб. Вдругъ на него, уже въ 1 ротѣ, близъ дома, наскочили два человѣка и сшибли его съ ногъ. Онъ всталъ и далъ затрещину одному изъ обидчиковъ, стоявшихъ на мѣстѣ и хохотавшихъ. Тогда оба сразу вступили съ нимъ въ драку да еще закричали «караулъ». Собралась толпа зѣвакъ, прибѣжали городовые и всѣхъ трехъ потащили въ Нарвскую часть, гдѣ и задержали до 8 часовъ вечера,—времени обычнаго прихода для занятій мѣстнаго смотрителя. Раздраженный нѣмецъ, не будучи въ состояніи толкомъ объяснить порусски кто, откуда онъ и что съ нимъ произошло,—ругалъ всѣхъ. Смотритель принялъ его, по существовавшему обычаю, «за пьянаго» и велѣлъ отвести въ кутузку «для вытрезвленія», какъ писалось въ протоколахъ. Нѣмецъ возмутился и высказалъ сопротивленіе, но силою уведенъ былъ по назначенію, а дравшихся съ нимъ и признавшихся, что они изъ дома,—свели туда и сдали смотрителю, по пословицѣ «воронъ ворону глазъ не клюетъ». На слѣдующее утро, разстерзаннаго, но смирившагося нѣмца, яко-бы вытрезвленнаго, отправили, для водворенія, въ Выборгскую часть, въ раіонѣ которой онъ жилъ, а его должникъ, вознаградивъ дравшихся съ нимъ должниковъ же и другихъ пособниковъ, — уѣхалъ во-свояси, при общемъ одобреніи за совершенную «славную коммерческую операцію». Въ ней участвовали, какъ своевременно шептали, оба смотрителя за договоренное вознагражденіе. Нѣмецъ тоже, правда, жаловался всѣмъ властямъ, причемъ настоійчивость его повлекла за собою тщательное уже разслѣдованіе, по которому собственно онъ проигралъ, но раскрылись столь существенныя упущенія и распущенность должниковъ, что весь составъ начальства дома сразу смѣнили.

В. Никитинъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Герценъ и Тургеневъ.

(Продолженіе).

VI.

Тургеневъ, весной 1859 г., былъ уже опять заграницей и, вѣроятно, видѣлся съ Герценомъ, такъ какъ намъ извѣстно лишь одно письмо Тургенева къ Герцену за весь 1859 г., датированное „Парижъ. 16 сентября“, наканунѣ его новаго отъѣзда въ Россію.

„Милый другъ Александръ Ивановичъ!— писалъ Тургеневъ.—Я уѣзжаю завтра въ Россію и,—прибавишь ты: „только теперь вздумалъ написать ко мнѣ“. Дѣйствительно, я немножко поздно хватился, но дѣлать нечего. Собственно, пишу я къ тебѣ, чтобъ узнать, правда ли, что тебя посѣтилъ Чернышевскій, и въ чемъ состояла цѣль его посѣщенія и какъ онъ тебѣ понравился? Напиши объ этомъ подробно не мнѣ—меня письмо твое не застанетъ, при томъ же я все узнаю въ Петербургѣ, а Колбасину и Шеншину, которые очень интересуются этимъ. Ты знаешь адресъ Колбасина: Asnières près Paris, 4, Boulevard de la Comète (Schotville-Asnières). Ты ихъ очень этимъ обяжешь. Недѣли черезъ двѣ явится къ тебѣ человѣкъ, котораго ты, навѣрно, хорошо примешь,—декабристъ Вегелинъ, который желаетъ съ тобой познакомиться. Онъ привезетъ тебѣ отъ меня двѣ важныя рукописи, которыя были мнѣ доставлены для „Полярной Звѣзды“ во время моего пребыванія въ Виши [1]). Я познакомился съ другимъ декабристомъ Волконскимъ, очень милымъ и хорошимъ старикомъ, который тоже тебя любитъ и цѣнитъ. Видѣлъ ты молодого Ростовцева?

„Будь здоровъ. Кланяюсь Огареву, его женѣ и всѣмъ твоимъ. Жму тебѣ крѣпко руку. Твой Ив. Тургеневъ.

„P. S. Ты можешь для вѣрности написать о Чернышевскомъ иносказательно. Колбасинъ—малый не промахъ, онъ пойметъ“.

---

[1]) Лѣтомъ 1859 г.

Въ сентябрѣ Тургеневъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ пробылъ до весны 1860 г.; возвратился за-границу вмѣстѣ съ Анненковымъ, который хотѣлъ ѣхать въ Лондонъ навѣстить Герцена. Самъ Тургеневъ тоже собирался въ Лондонъ, о чемъ и извѣщалъ своего друга въ письмѣ, датированномъ: „Парижъ, 21 мая 1860 г.“

„Любезный другъ,—писалъ Тургеневъ.—Соображаясь съ твоимъ письмомъ и другими обстоятельствами, я выѣду отсюда 28-го, т. е. черезъ недѣлю, и явлюсь въ твою греческую улицу. Анненковъ долженъ быть теперь у тебя: напишите мнѣ оба словечко. Получилъ я также № „Колокола“, гдѣ ты такъ „splendidly“ обо мнѣ отзываешься. Мнѣ было совѣстно и не могъ я этому повѣрить, но мнѣ было пріятно. Мнѣ много нужно съ тобой переговорить и т. д. Заранѣе обнимаю тебя и Огарева. До свиданія.

Твой Ив. Тургеневъ“.

„Блистательный“ (splendidly) отзывъ Герцена о Тургеневѣ находится въ замѣткѣ Герцена объ украинскихъ разсказахъ Марко-Вовчка, переведенныхъ Тургеневымъ, много хлопотавшимъ въ это время объ устройствѣ дѣлъ г-жи Н. А. Марковичъ (Марко-Вовчка). „Разсказы эти [1])—пишетъ Герценъ,—остановили насъ именемъ переводчика. Прочитавши, мы поняли, почему величайшій современный русскій художникъ—И. Тургеневъ перевелъ ихъ“ [2]).

Но Тургеневу не удалось пріѣхать въ Лондонъ въ концѣ мая, какъ онъ разсчитывалъ, а изъ письма Герцена онъ узналъ, что и П. В. Анненковъ вмѣсто Лондона отправился въ Соденъ. Тургеневъ писалъ по этому поводу Герцену (письмо датировано: „Парижъ. 3 іюня 1860 г.“):

„Не сердись на меня, милѣйшій Александръ Ивановичъ, за то, что я поступилъ такъ-же, какъ „Hahnenkopf“ [3]): собирался все къ тебѣ, а уѣхалъ въ Соденъ, близъ Франкфурта. Дѣло въ томъ, что я не могъ пробыть въ Лондонѣ болѣе 3-хъ дней, а это не стоило хлопотъ и проч.; а главное, я буду на островѣ Уайтѣ вмѣстѣ съ Ганненкопфомъ въ самыхъ первыхъ числахъ августа и пробуду тамъ недѣли три, слѣдовательно, я насмотрюсь на тебя и наговорюсь съ тобой, ибо и ты тамъ будешь. Впрочемъ, я тебѣ еще напишу изъ Содена, а это письмо передастъ тебѣ Николай Михайловичъ Жемчужниковъ, котораго прошу тебя принять à bras ouverts; я знаю навѣрное, что ты его полюбишь отъ души. Онъ доставитъ тебѣ двѣ важныя бумаги, которыя прошу тебя напечатать и за *несомнѣнность* которыхъ ручаюсь тебѣ своимъ словомъ.

„И такъ будь здоровъ и веселъ. Обнимаю тебя и говорю: до свиданія въ августѣ. Кланяюсь Огареву, женѣ его и всѣмъ твоимъ. Крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ“.

---

[1]) «Колоколъ» № 71, отъ 15 мая 1860 г.

[2]) О симпатичномъ отношеніи Тургенева къ малорусской литературѣ вообще см. статью «Нѣкоторыя черты изъ жизни Тургенева», Историч. Вѣст. 1899 г., книга 3-я

[3]) П. В. Анненковъ; «Hahnenkopf»—называла его квартирная хозяйка, нѣмка.

На слѣдующій день (4 іюня 1860 г.) Тургеневъ послалъ Герцену новое письмо съ извиненіями по поводу неудавшагося свиданія.

„Ты,—писалъ Тургеневъ,—должно быть, ругалъ, ругалъ меня, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, да ужъ и пересталъ ругать, а разгадка моего молчанія слѣдующая: я нѣсколько дней тому назадъ далъ одному моему хорошему пріятелю, Жемчужникову, письмо къ тебѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми документами, которые просили доставить тебѣ. Онъ хотѣлъ тогда-же уѣхать и до сихъ поръ еще находится въ Парижѣ. Въ четвергъ онъ, однако, ѣдетъ. Но для избѣжанія дальнѣйшихъ недоразумѣній скажу тебѣ, что я, въ подражаніе Ганненкопфу, раздумалъ ѣхать теперь на три дня въ Лондонъ, когда я съ перваго августа пробуду три недѣли на островѣ Уайтѣ и вѣроятно (т. е. навѣрное) тебя увижу. А теперь я отправляюсь въ Соденъ возлѣ Франкфурта, гдѣ пробуду шесть недѣль и буду пить воды. Я оттуда напишу тебѣ и пришлю аккуратный адресъ. А теперь, прошу на меня не сердиться, обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ".

Черезъ недѣлю послѣ этого письма Тургеневъ былъ уже въ Соденѣ, откуда онъ прислалъ Герцену (10 іюня 1860 г.) слѣдующее, брызжущее юморомъ письмо:

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ!

„Сегодня ограничиваюсь извѣстіемъ, что я благополучно прибылъ въ Соденъ, мѣстечко близъ Франкфурта на Майнѣ, въ великомъ герцогствѣ Нассаускомъ, что я остановился въ Hôtel de l'Europe, что дождикъ льетъ съ утра, что одинъ докторъ совѣтуетъ мнѣ пить источникъ № 18, а другой 19-й; что здѣсь, къ счастью, русскихъ мало, за то есть одинъ такой генералъ, что на двадцать пять шаговъ отъ него несетъ пощечиной, харчевымъ хлѣбомъ, корридоромъ измайловскихъ казармъ въ ночное время и Станиславомъ на шеѣ; что я здѣсь останусь четыре недѣли, а потомъ поскачу на Уайтъ въ твои объятія (кстати, принялъ уже ты въ оныя Боткина и явился къ тебѣ Николай Жемчужниковъ?), что музыканты, дававшіе мнѣ обычную привѣтственную серенаду, начали съ „Боже Царя храни", что съ истиннымъ увлеченіемъ прочелъ рѣчь ганноверскаго короля при закладкѣ памятника своему богоспасенному родителю. Того самаго короля, который произвелъ г-на Барриса въ графы за то, что онъ сказалъ всей Германіи, что она—дура. Прочти, ради Бога, эту рѣчь. Она проникнута необыкновеннымъ собственнымъ достоинствомъ.

„Пока довольно. Напиши мнѣ два слова, я тебѣ отвѣчу двѣсти,—и будь здоровъ и веселъ.

„Кланяюсь Огареву и всѣмъ твоимъ.

Твой Ив. Тургеневъ.

„P. S. Ганненкопфъ въ Италіи, но къ августу и онъ прилетитъ зефиромъ на Уайтъ—вотъ такъ: (рисунокъ)".

Помимо вышеприведеннаго намъ извѣстно еще одно письмо Тургенева изъ Содена (отъ 2 іюля 1860 г.). Тургеневъ тогда

подготовлялъ полное собраніе своихъ сочиненій, и письмо къ Герцену почти исключительно занято этимъ сюжетомъ.

„Милый Александръ Ивановичъ,—писалъ Тургеневъ,—ты можешь меня крайне обязать, и я знаю, что ты это сдѣлаешь. У тебя, вѣроятно, есть „Поѣздка въ Полѣсье“ и „Ася“—двѣ мои повѣсти: одна помѣщена въ „Библіотекѣ для Чтенія“, другая—въ „Современникѣ“ („Ася“ явилась въ 1 № „Современника“ за 1858 г., „Поѣздка“—въ 1858 же году въ „Библіотекѣ“). Мнѣ эти повѣсти крайне нужны. Я продалъ полное изданіе своихъ сочиненій и взялся все пересмотрѣть, а срокъ уже приходитъ. Попроси Огарева поискать эти двѣ штуки и самъ поищи, и *тотчасъ же* пришли мнѣ ихъ сюда по новому моему адресу (я съѣхалъ изъ Hôtel de l'Europe, гдѣ меня грабили), а именно: bei August Weber (Soden, bei Francfurt am Main). Этимъ ты меня крайне обяжешь. Я разсчитывалъ было найти эти вещи въ Парижѣ, но не нашелъ ихъ. Пожалуйста, исполни мою просьбу немедля, или напиши, что не можешь.

„Мнѣ здѣсь очень хорошо и, кажется, на мое здоровье воды хорошо дѣйствуютъ. Одно скверно: все дожди. Пріобрѣлъ покупкой 72-й № „Колокола“—очень хорошъ.

„Жму тебѣ крѣпко руку.

„До свиданія въ началѣ августа.

Твой Ив. Тургеневъ“.

VII.

Въ августѣ 1860 г. на островѣ Уайтѣ собрался довольно многочисленный русскій кружокъ, членами котораго въ то время оказались: И. С. Тургеневъ, П. В. Анненковъ, А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ, гр. А. К. Толстой (поэтъ), В. П. Боткинъ, братья графы Ростовцевы (сыновья графа В. Ростовцева) и др. Нѣсколько недѣль прошло въ оживленныхъ разговорахъ и спорахъ. Среди членовъ кружка возникла мысль основать „Общество для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія“. Тургеневъ написалъ программу общества. Программа эта обсуждалась на собраніяхъ кружка и послѣ многихъ преній была принята. Предполагалось разослать составленный „проектъ“ различнымъ вліятельнымъ лицамъ и представителямъ интеллигенціи. Тургеневъ вскорѣ дѣятельно занялся разсылкой „проекта“, но онъ не получилъ практическаго примѣненія, такъ какъ вскорѣ послѣдовало закрытіе воскресныхъ школъ и вообще начали чувствоваться „вѣянія“, при которыхъ „проектъ“ не могъ встрѣтить сочувствія въ правительственныхъ сферахъ [1]).

Герценъ, впрочемъ, уѣхалъ съ Уайта прежде, чѣмъ „проектъ“ былъ окончательно выработанъ. (Все время его пребыванія на островѣ Уайтѣ у него шли оживленные споры съ Тургеневымъ, который неодобрительно относился къ славянофильской окраскѣ

[1]) Анненковъ. «Шесть лѣтъ переписки». «Вѣстникъ Европы», апрѣль, 1885.

воззрѣній Герцена на русскій народъ. Друзья надѣялись увидаться еще въ Лондонѣ передъ отъѣздомъ Тургенева во Францію, но этой надеждѣ не удалось осуществиться, какъ видно изъ нижеслѣдующаго письма (отъ 6 сентября 1860 г., Куртавнель).

„Милый Александръ Ивановичъ,—писалъ Тургеневъ,—ты, вѣроятно, удивился, узнавъ отъ M-me N. N., что я проскочилъ черезъ Лондонъ, не видавъ тебя, но я, во-первыхъ, не зналъ до той минуты, что ты въ Лондонѣ, а во-вторыхъ, у меня не было рѣшительно ни одной минуты свободной, такъ что я и Огарева не видалъ. Теперь я въ деревнѣ г-жи Віардо и хожу на охоту, насколько позволяютъ непрерывные дожди, а черезъ нѣсколько дней я отправляюсь въ Парижъ—искать квартиру. Если ты не перемѣнилъ своего намѣренія насчетъ англійской гувернантки, то я съ удовольствіемъ примусь тебѣ отыскивать таковую съ помощью моей знакомой содержательницы пансіона въ Парижѣ: Rue Lafitte, Hôtel Byron. Я надѣюсь, что ты получилъ черезъ Огарева нашъ проектъ: напиши мнѣ свое мнѣніе о немъ со всей искренностью [1]): я дорожу твоимъ мнѣніемъ въ этомъ дѣлѣ (да и вообще) больше, чѣмъ сотнями другихъ.

Я надѣюсь, что въ Парижѣ увижу послѣдніе №№ „Колокола". А дѣло крестьянскаго освобожденія пошло скорой рысью назадъ!

„Жду твоего отвѣта и дружески жму твою руку, если она вмѣстѣ съ твоимъ тѣломъ не замерзла въ твоемъ орлиномъ гнѣздѣ. Впрочемъ, тебѣ пріятенъ не только сѣверный вѣтеръ,— сѣверный ураганъ.

„Кланяюсь твоимъ дѣтямъ, которыхъ уже не смѣю цѣловать.

Твой Ив. Тургеневъ".

Цѣлый рядъ писемъ, помѣщаемыхъ ниже, посвященъ отношеніямъ Тургенева къ г-жѣ Н. М., въ судьбѣ которой Тургеневъ принималъ самое горячее участіе, равно какъ и въ судьбѣ семьи умершаго въ Парижѣ г-на Ш. Письма эти лучше всего показываютъ глубокую отзывчивость Тургенева ко всякому чужому горю и являются новымъ свидѣтельствомъ необычайной доброты и мягкости великаго писателя.

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, я какъ только получилъ твое письмо, переданное мнѣ Delavo'-іемъ, немедленно вручилъ его Н. М—внѣ, которая также немедленно хотѣла отвѣтить тебѣ. Мнѣ съ ней было хлопотъ немало: надо было ее вывести на свѣтъ Божій изъ омута фальшивыхъ отношеній, долговъ и т. д., въ которомъ она вертѣлась. Мужъ ея незлой и честный даже человѣкъ, но хуже всякаго злодѣя своимъ мелкимъ, раздражительнымъ, самолюбивымъ и невыносимо тяжелымъ эгоизмомъ. Прожиганіемъ денегъ (при совершенномъ отсутствіи не только комфорта, но даже платья) онъ напоминаетъ мнѣ Бакунина (ничѣмъ другимъ, разумѣется, ибо при этомъ онъ ограниченъ до нищеты).

[1]) Тургеневъ имѣетъ въ виду «Проектъ Общества для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія».

Я рѣшился, чтобы зло пресѣчь, помѣстить Н. М. въ пансіонъ, гдѣ она за 175 фр. въ мѣсяцъ имѣетъ все готовое, отправить супруга въ Петербургъ, гдѣ его ждетъ мѣсто, приготовленное Ковалевскимъ, привести въ извѣстность всѣ долги и тѣмъ самымъ пріостановить ихъ, а отчаяннаго и скверно воспитаннаго, но умнаго мальчишку, сына Н. М., отдать здѣсь въ institution для вышколенія. Но супругъ, жившій доселѣ деньгами и долгами жены, не иначе соглашается ѣхать изъ Гейдельберга, какъ простившись съ нею и съ сыномъ *тамъ:* и вотъ она туда поскакала на два дня, что ей будетъ стоить франковъ 300. По крайней мѣрѣ, она отвезетъ ему деньги на отъѣздъ и приведетъ долги его въ Гейдельбергѣ въ ясность, т. е. возьметъ на себя. (Онъ, главное, задолжалъ Гофману, бывшему московскому профессору).

«Поблагодари за меня Огарева за его дружеское письмо: совѣтъ его насчетъ нашихъ будущихъ школъ будетъ принятъ къ свѣдѣнію; что ты говоришь о нашемъ проектѣ?

«Я нанялъ себѣ квартиру на 8 мѣсяцевъ въ Парижѣ: Rue Rivoli, 210 и переѣзжаю туда черезъ недѣлю. Жду твоего отвѣта насчетъ англичанки.

«Надѣюсь, что ты со всѣми твоими здоровъ и веселъ, хотя погода продолжаетъ быть мерзостной. Крѣпко жму тебѣ руку и кланяюсь твоимъ.

Твой Ив. Тургеневъ".

«Пишется письмо,—шутливо начинаетъ Тургеневъ,—отъ Ивана Тургенева къ Александру Герцену, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

«1) До сихъ поръ не узналъ еще имени автора берлинской книги, но, узнавши, сообщу [1]). Кто Вагнеръ — не знаю. А въ «Библіотекѣ для Чтенія» есть статья о Саванароллѣ, подписанная М. Эссенъ. Этотъ Эссенъ былъ сосланъ на Кавказъ за протестъ, присланный имъ изъ Тамбова противъ гнусной рѣчи, произнесенной профессоромъ съ фамиліей вродѣ «Антрополохскій» и одобренной Казанскимъ Университетомъ.

«2) Спасибо за обѣщанные въ теченіе 10 лѣтъ 50 франковъ. Я съ этой исторіей имѣлъ много самыхъ непріятныхъ хлопотъ. Мы надѣемся набрать франковъ 300; съ этимъ ребенокъ не умретъ съ голоду.

«3) Фотографію Бакунина мнѣ показалъ N. N. и я могу получить (и получу) нѣсколько оттисковъ отъ Захарьина. А твоей фотографіи я не получалъ и даже не думаю, чтобъ сынъ твой былъ у меня, по крайней мѣрѣ онъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своего визита.

(14 октября). — «На этомъ пунктѣ письма засталъ меня твой выговоръ. Согласенъ, что заслужилъ его, хотя не въ томъ смыслѣ, какъ ты полагаешь. Грѣшенъ я всякими грѣхами, но страсти къ сплетнямъ особенно сильной въ себѣ не чувствую. Вотъ какъ это все случилось. Ты знаешь, что я нахожусь въ отношеніи къ

[1]) Вѣроятно, книга Елагина «Искандеръ-Герценъ», появившаяся въ 1860 году, въ Берлинѣ.

Н. М. въ положеніи дяди или дядьки и говорю съ ней очень откровенно. Я совершенно убѣжденъ, что между ею и П. нѣтъ рѣшительно ничего, и это убѣжденіе основывается именно на тѣхъ психологическихъ данныхъ, о которыхъ ты упоминаешь; но les apparences—дѣйствительно противъ нея. А потому я и сталъ ей доказывать, что брать на себя невыгоды извѣстнаго положенія, не получая его выгодъ, значитъ дѣлать глупость; и въ подтвержденіе того, что это говорится не одними вздорными людьми, привелъ твой авторитетъ, такъ какъ я знаю, что она тебя уважаетъ и любитъ. Я не счелъ нужнымъ оговориться и потребовать отъ нея тайны, я позабылъ взять въ соображеніе ея наивность и добродушіе. Бѣды, впрочемъ, во всемъ этомъ никакой нѣтъ; она точно такъ-же благодарна тебѣ, какъ и мнѣ за дружеское предостереженіе; а потому укроти свой гнѣвъ. Письмо твое я ей доставилъ, а живетъ она: Rue Clichy, № 19, chez M-me Rorion. У ней на-дняхъ сынъ чуть не умеръ отъ крупа и она очень перепугалась.

«Ты пишешь, что дочь твоя сюда ѣдетъ. Но съ кѣмъ и гдѣ она остановилась, не упоминаешь. Нечего тебѣ говорить, что и дочь моя и гувернантка моя (которая оказывается прекрасной женщиной) и я, мы готовы носить ее на рукахъ и всячески о ней заботиться. Но для этого надобно знать, гдѣ она будетъ жить.

«Ну, прощай, пока, строгій, но справедливый человѣкъ. Крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

„P. S. На-дняхъ обѣдалъ съ Долгорукимъ. Здѣсь также любезнѣйшій Ешевскій и Чичеринъ. И. Т.“.

Какъ мы уже сказали выше, помимо г-жи Н. М., не мало хлопотъ доставила Тургеневу смерть его знакомаго, г. Ш., оставившаго послѣ себя женщину, съ которой онъ жилъ, и ребенка безъ всякихъ средствъ. Тургеневъ писалъ по этому поводу Герцену (изъ Парижа, отъ 24 октября 1860 г.):

«Любезный другъ,

«Не знаю, дошло ли до тебя извѣстіе, что Ш. три дня тому назадъ умеръ отъ удара. Этого слѣдовало ожидать, но горестно то, что онъ оставилъ послѣ себя женщину и ребенка, которыхъ ничѣмъ не обезпечилъ, а вдова его (довольно противная барыня,—между нами) кричитъ, пищитъ, плачетъ, клянется въ любви къ законному мужу, но не вѣритъ, или притворяется, что не вѣритъ, что сынъ—его, и что онъ могъ имѣть какую-нибудь серьезную связь, когда еще за три дня до своей смерти, онъ, прибавляетъ она, «клялся у моихъ ногъ и восклицалъ: О, Викторина!» Должно замѣтить, что эта самая «Викторина» уѣзжала прочь отъ него за любовникомъ въ Одессу. Я взялся хлопотать о бѣдномъ ребенкѣ, такъ какъ всѣ деньги теперь въ рукахъ у вдовы, и до сихъ поръ успѣваю мало. Не говорилъ ли онъ тебѣ что-нибудь о своихъ отношеніяхъ? Въ такомъ случаѣ напиши только *мнѣ*, а никому другому, чтобы не вышло сплетней. Дѣло это весьма щекотливое. Ты знаешь мой адресъ: Rue de Rivoli, 210.

«Спасибо за присылку «Колокола». Хорошо ты всѣхъ отдѣлалъ, но еще! еще! Какъ сказано въ одной поэмѣ:

«Ещѣ разить, ещѣ, ещѣ...
«Погибъ, погибъ сей мужъ въ плащѣ!

«Мужья въ плащѣ у насъ живучи и разить «ещѣ» и «ещѣ» необходимо.

«Неужели ты еще долго проживешь въ Бурнемаусѣ? Если бъ я имѣлъ честь быть тобою, я бы рискнулъ на каламбуръ о бурномъ Эмаусѣ, при чемъ сравнилъ бы тебя съ апостоломъ и т. д., но у меня ничего изъ этого не выйдетъ.

«Получилъ ли ты мое письмо, адресованное въ тотъ же Bournemauth? Извѣсти, когда ты переѣзжаешь и куда.

«П. В. [1]) тебѣ кланяется изъ Петербурга. Я получилъ отъ него интереснѣйшее письмо. Хаотическое состоянiе нашего отечества умилительно.

«Я принялся за работу, но она идетъ безобразно туго.

«Прощай, пока. Крѣпко жму тебѣ руку и кланяюсь всѣмъ твоимъ.

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

«P. S. Я понялъ конецъ «Желчевиковъ» и сугубо тебѣ благодаренъ. Пора этого безстыднаго мазурика на лобное мѣсто. И за насъ, лишнихъ, заступился. Спасибо».

VIII.

Postscriptum вышеприведеннаго письма относится къ статьѣ Герцена «Лишнiе люди и желчевики», помѣщенной въ № 83 «Колокола» (отъ 15 октября 1860 г.) и требуетъ нѣкоторыхъ объясненiй.

Мы уже выше привели переписку Герцена съ Некрасовымъ и указали на существовавшiя между ними непрiязненныя отношенiя, которыя со стороны Герцена мотивировались якобы небрежнымъ отношенiемъ Некрасова къ денежнымъ вопросамъ и участiемъ его въ некрасивомъ дѣлѣ вымогательства денегъ у Н. П. Огарева при посредствѣ его первой жены. Къ началу 1860 года начали портиться и отношенiя Тургенева къ Некрасову, вскорѣ перешедшiя въ открытую вражду. Первыя наступательныя дѣйствiя были произведены «Современникомъ», редакцiя котораго сообщила публикѣ, что въ виду «разности взглядовъ и убѣжденiй» Тургеневъ «уволенъ» изъ числа сотрудниковъ «Современника». Это была фактическая неправда. У Тургенева было письмо отъ Некрасова съ самыми блестящими предложенiями. Тургеневъ по этому поводу писалъ Достоевскому: «Я отвѣтилъ ему (Некрасову), что сотрудникомъ «Современника» болѣе не буду, ну и выходитъ, что надо сказать публикѣ, что меня прогнали». Помимо этого, въ «Свисткѣ» появились намеки на отношенiя Тургенева къ m-me Вiардо, которые еще болѣе подлили масла въ огонь. Между Тургеневымъ и Некрасовымъ произошелъ полный разрывъ.

---

[1]) П. В. Анненковъ.

Герценъ, въ свою очередь, отрицательно относился не только къ самому Некрасову, но и къ нѣкоторымъ крайностямъ литературныхъ мнѣній «Современника». Особое его недовольство вызывалъ «Свистокъ», которому онъ даже посвятилъ особую статью, озаглавленную «Very dangerous» (очень опасно), изъ которой мы сдѣлаемъ нѣкоторыя выдержки [1]). Статья эта тѣмъ болѣе характерна, что она относится еще къ 1859 г., когда отношенія не были такъ обострены.

«Въ послѣднее время,—писалъ Герценъ,—въ нашемъ журнализмѣ стало повѣвать какой-то тлетворной струей, какимъ-то *развратомъ* мысли.

«*Чистымъ* литераторамъ, людямъ звуковъ и формъ, надоѣло гражданское направленіе нашей литературы, ихъ стало оскорблять, что такъ много пишутъ о взяткахъ и гласности и такъ мало «Обломовыхъ» и антологическихъ стихотвореній. Если бъ только единственный «Обломовъ» не былъ такъ непроходимо скученъ, то еще это мнѣніе можно бы было имъ отпустить. Люди не виноваты, когда не имѣютъ сочувствія къ жизни, которая возлѣ нихъ ломится, рвется впередъ и, сознавая свое страшное положеніе, начинаетъ, положимъ, несклaдно, говорить объ немъ, но все-таки говоритъ. Мы видѣли въ Германіи всякихъ Жанъ - Полей, которые въ виду революцій и реакцій исходили млѣніемъ, составляли лексиконы или сочиняли фантастическія повѣсти.

«Но вотъ шагъ *дальше*.

«Журналы, сдѣлавшіе себѣ пьедесталъ изъ благородныхъ негодованій и чуть не ремесло изъ мрачныхъ сочувствій къ страждущимъ,—катаются со смѣху надъ *обличительной* литературой, надъ неудачными опытами *гласности*. И это не то, чтобы случайно, но при большомъ театрѣ ставятъ особые балаганчики для освистыванія первыхъ опытовъ свободнаго слова литературы, у которой еще не заросли волосы на полголовѣ, такъ она недавно сидѣла въ острогѣ.

«Смѣхъ есть вещь судорожная и на первую минуту человѣкъ смѣется всему смѣшному, но бываетъ вторая минута, въ которой онъ краснѣетъ и презираетъ и свой смѣхъ и того, кто его вызвалъ. Всего генія Гейне чуть хватило, чтобъ покрыть двѣ - три отвратительныя шутки надъ умершимъ Берне, надъ Платеномъ и надъ одной живой дамой. На время публика отшарахнулась отъ него и онъ помирился съ нею только своимъ необычайнымъ талантомъ.

„... Мы сами очень хорошо видѣли промахи и ошибки обличительной литературы, неловкость первой гласности; но что же тутъ удивительнаго, что люди, которыхъ всю жизнь грабили прежніе квартальные, судьи и пр., слишкомъ много говорятъ объ этомъ теперь? Они еще больше молчали объ этомъ!

„Давно-ли у насъ вкусъ такъ избаловался, утончился? Мы безропотно выносили десять лѣтъ болтовню о всѣхъ петербургскихъ камеліяхъ и аспазіяхъ [2]), которыя во-первыхъ во всемъ мірѣ

---

[1]) «Колоколъ», № 44, отъ 1 іюня 1859 г.

[2]) Намекъ на «Письма Чернокнижникова», печатавшіяся въ 50-хъ гг. въ «Современникѣ».

похожи другъ на друга, какъ родныя сестры, а во-вторыхъ имѣютъ то общее свойство съ котлетами, что ими можно иногда наслаждаться, но говорить о нихъ совершенно нечего.

„Могутъ сказать: да зачѣмъ же обличительные литераторы дурно разсказываютъ, зачѣмъ ихъ повѣсти похожи на канцелярское „дѣло“? Но это можетъ относиться къ лицамъ, а не къ направленію. Вѣдь тотъ, кто дурно и скучно передаетъ о слезахъ крестьянина, неистовствѣ помѣщика и воровствѣ полиціи, тотъ— будьте увѣрены — еще хуже разскажетъ, какъ златокудрая дѣва, зачерпнувшая воды въ бассейнѣ, облилась, а черноокій юноша, видя быстротекущую влагу, жалѣлъ, что она не течетъ по его сердцу.

„Въ „обличительной литературѣ“ были превосходныя вещи. Вы воображаете, что всѣ разсказы Щедрина и нѣкоторые другіе, такъ и можно теперь огуломъ бросить съ Обломовымъ на шеѣ въ воду? Слишкомъ роскошничаете, господа!

„Вамъ оттого не жаль этихъ статей, что міръ, о которомъ онѣ пишутъ, чуждъ вамъ; онъ васъ интересовалъ только потому, что объ немъ раньше запрещали писать. Столичныя растенія, вы вытянулись между Грязной и Мойкой, за городской чертой для васъ начинаются чужіе края. Суровая картина какого - нибудь «Перевоза», съ телѣгами въ грязи, съ раззоренными мужиками, смотрящими съ отчаяніемъ на паромъ и ждущими день, и другой, и третій—васъ не можетъ столько занять, какъ длинная Одиссея какой-нибудь полузаглохшей, ледящейся натуры, которая тянется, соловѣетъ, разсыпается въ однѣ безсмысленныя подробности. Вы готовы сидѣть за микроскопомъ и разбирать этотъ гной, это возбуждаетъ вамъ нервы [1]). Мы, совсѣмъ напротивъ, безъ зѣвоты и отвращенія не можемъ слѣдить за физіологическими описаніями какихъ-то невскихъ мокрицъ, пережившихъ тотъ героическій періодъ свой, въ которомъ ихъ предки—чего нѣтъ!—были Онѣгины и Печорины!

„И сверхъ того, Онѣгины и Печорины были совершенно истинны, выражая дѣйствительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный рокъ лишняго, потерявшагося человѣка только потому, что онъ развился въ *человѣка*, являлся тогда не только въ поэмахъ и романахъ, но на улицахъ и въ гостинныхъ, въ деревняхъ и городахъ. Наши литературные фланкеры послѣдняго набора шпыняютъ теперь надъ этими слабыми мечтателями, сломавшимися безъ боя, надъ этими праздными людьми, не умѣвшими найтись въ той средѣ, въ которой жили...

„... Но время Онѣгиныхъ и Печориныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ *лишнихъ* людей, теперь, напротивъ, къ этимъ огромнымъ замашкамъ рукъ не достаетъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пенять не на кого, тотъ въ самомъ дѣлѣ *пустой* человѣкъ, свищъ или лѣнтяй. И оттого, очень естественно, Онѣгины и Печорины дѣлаются Обломовыми.

«Общественное мнѣніе, баловавшее Онѣгиныхъ и Печориныхъ,

[1]) Намекъ на статью Добролюбова объ „Обломовѣ“.

потому что чуяло въ нихъ *свои страданія*, отвернется отъ Обломовыхъ.

„Это сущій вздоръ, что у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, какъ говорилъ недавно одинъ ученый публицистъ, доказывая, что у насъ гласность не нужна, потому что нѣтъ общественнаго мнѣнія, а общественнаго мнѣнія нѣтъ потому, что нѣтъ буржуазіи.

„У насъ общественное мнѣніе показало и свой тактъ, и свои симпатіи, и свою неумолимую строгость даже во время общественнаго молчанія. Откуда этотъ шумъ о Чаадаевскомъ письмѣ, отчего этотъ фуроръ отъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, отъ разсказовъ „Охотника“, отъ статей Бѣлинскаго, отъ лекцій Грановскаго? И съ другой стороны, какъ оно зло опрокидывалось на свои идолы за гражданскія измѣны или шаткости. Гоголь умеръ отъ его приговора; самъ Пушкинъ испыталъ, что значитъ взять невѣрный аккордъ. Литераторы наши скорѣе прощали дифирамбы, чѣмъ публика; у нихъ совѣсть притупилась отъ изощренія эстетическаго нёба!

„Примѣръ Сенковскаго еще поразительнѣе. Что онъ взялъ со всѣмъ своимъ остроуміемъ, семитическими языками, семью литературами, бойкой памятью, рѣзкимъ изложеніемъ? Сначала—ракеты, искры, трескъ, бенгальскій огонь, свистки, шумъ, веселый тонъ, развязный смѣхъ привлекли всѣхъ къ его журналу, но... посмотрѣли, посмотрѣли, похохотали и разошлись мало-по-малу по домамъ. Сенковскій былъ забытъ, какъ бываетъ забытъ на Ѳоминой недѣлѣ какой-нибудь покрытый блёстками акробатъ, занимавшій на святой отъ мала до велика весь городъ, въ балаганѣ котораго не было мѣста, у дверей котораго была давка...

„Чего ему не доставало? А вотъ того, что было въ такомъ избыткѣ у Бѣлинскаго, у Грановскаго—того вѣчно тревожащаго демона любви и негодованія, которыя видны въ слезахъ и смѣхѣ. Ему не доставало такого убѣжденія, которое было бы *дѣломъ* его жизни, *картой*, на которую *все* поставлено, — страстью, болью. Въ словахъ, идущихъ отъ такого убѣжденія, остается доля магнетическаго демонизма, подъ вліяніемъ котораго работалъ говорящій, оттого рѣчи его безпокоятъ, тревожатъ, будятъ, становятся силой, мощью и двигаютъ иногда цѣлыми поколѣніями...

„Но мы далеки отъ того, чтобы и Сенковскаго осуждать безусловно: онъ оправдывается той свинцовой эпохой, въ которой онъ жилъ. Онъ могъ сдѣлаться холоднымъ скептикомъ, равнодушнымъ blasè, смѣющимся добру и злу и ничему не вѣрующимъ, точно такъ, какъ другіе выбрили себѣ темя сдѣлались іезуитскими попами и повѣрили всему на свѣтѣ... [1]). Это все было бѣгство, да и какъ же было тогда не бѣжать?

„Что же похожаго на то время, когда балагурничалъ Сенковскій подъ именемъ Брамбеуса, съ нашимъ временемъ? Тогда *нельзя* было ничего дѣлать... Теперь все, вездѣ зоветъ живого человѣка, все въ починѣ, въ возникновеніи и если ничего не сдѣлается, въ этомъ никто не виноватъ,—виной будетъ ваша слабость, пе-

---

[1]) Намекъ на моск. проф. Печерина и кн. Гагарина, сдѣлавшихся іезуитами.

няйте на себя, на ложное направленіе и имѣйте самоотверженіе сознать себя выморочнымъ поколѣніемъ, переходнымъ, тѣмъ самымъ, которое воспѣлъ Лермонтовъ съ такой страшной истиной!..

„Вотъ почему-то въ такое время пустое балагурство скучно, неумѣстно; но оно дѣлается отвратительно и гадко, когда привѣшиваетъ свои ослиные бубенчики къ рабочей лошади, которая, въ поту и выбиваясь изъ силъ, вытаскиваетъ—можетъ иной разъ оступясь—нашу телѣгу изъ грязи.

„Не лучше-ли во сто разъ, господа, вмѣсто освистываній неловкихъ опытовъ, вывести на торную дорогу — самимъ на дѣлѣ помочь и показать, какъ надо пользоваться гласностью?

«Мало ли на что вамъ есть точить желчь? Истощая свой смѣхъ на обличительную литературу, милые паяцы наши забываютъ, что по этой скользкой дорогѣ можно *„досвистаться“* до Булгарина и Греча...

«Можетъ быть, они объ этомъ и не думали,—пусть подумаютъ теперь».

Теперь, спустя 40 лѣтъ послѣ напечатанія Герценомъ этой статьи, ея несправедливость и, пожалуй, по тогдашнему времени неумѣстность выступаютъ особенно ярко. Герценъ, очевидно, потерялъ живую связь съ тогдашней передовой русской литературой и переоцѣнивалъ значеніе 40-хъ годовъ. Вслѣдствіе отсутствій непосредственнаго наблюденія надъ русской дѣйствительностью онъ судилъ „Свистокъ“ черезчуръ академически. „Свистокъ“ не нападалъ исключительно на неловкости обличительной литературы, а на нелѣпое упоеніе „гласностью“, имѣвшей довольно своеобразныя формы. Обличенія вродѣ: «Въ городѣ NN. городничій NN., избилъ обывателя NN.», испещрявшія тогдашнія газеты, безъ собственныхъ именъ и прямыхъ указаній на лица, были въ сущности игрой въ гласность и притомъ игрой вредной, убаюкивающей сознаніе и заставляющей людей думать, что они дѣлаютъ настоящее дѣло въ то время, какъ они въ сущности занимаются кукольной комедіей. Вопросъ о «лишнихъ людяхъ» еще сложнѣе. Герценъ съ понятіемъ о «лишнихъ людяхъ» соединялъ представленіе о своемъ поколѣніи, о блестящей плеядѣ 40-хъ годовъ, Бѣлинскомъ, Грановскомъ, Станкевичѣ и др.; критики «Современника» выдѣляли «плеяду» и, признавая за ней крупное значеніе, относились къ «лишнимъ людямъ» вообще съ нескрываемой враждебностью, видя въ нихъ „бѣлоручекъ“ и „баричей“, неспособныхъ на энергичную работу. Герценъ въ такомъ отношеніи къ „лишнимъ людямъ“ видѣлъ чуть не личное оскорбленіе. Несомнѣнно, что Герценъ просмотрѣлъ фактъ появленія въ литературѣ «разночинца», запросы и требованія котораго, если не отличались глубиной и широтой „гегельянскаго“ теченія 40-хъ годовъ, зато отличались большей прямолинейностью и демократичностью.

Мы привели въ VI главѣ письмо Тургенева, въ которомъ онъ справляется у Герцена о визитѣ къ нему Чернышевскаго. О свиданіи Чернышевскаго съ Герценомъ въ 1859 г. сохранился любопытный разсказъ Благосвѣтлова, сообщенный московскимъ

литераторомъ Павловымъ. Оба писателя вынесли изъ этого свиданія чувства взаимнаго чувства уваженія, но не воспылали особой симпатіей другъ къ другу.

„Удивительно умный человѣкъ,—сказалъ Герценъ о Чернышевскомъ,—и тѣмъ болѣе при такомъ умѣ поразительно его самомнѣніе. Вѣдь онъ увѣренъ, что «Современникъ» представляетъ изъ себя пупъ Россіи. Насъ грѣшныхъ они совсѣмъ похоронили. Ну, только кажется, ужъ очень они торопятся съ нашей отходной,—мы еще поживемъ!

— „Какой умница! Какой умница! восклицалъ въ свою очередь Чернышевскій. – И какъ отсталъ... Вѣдь онъ до сихъ поръ думаетъ, что продолжаетъ остроумничать въ московскихъ салонахъ и препирается съ Хомяковымъ. А время теперь идетъ съ страшной быстротой: одинъ мѣсяцъ стоитъ прежнихъ десяти лѣтъ! Присмотришься—у него все еще въ нутрѣ московскій баринъ сидитъ!» [1])

Свиданіе Герцена съ Чернышевскимъ [2]) закрѣплено и на страницахъ „Колокола“ въ статьѣ «Лишніе люди и желчевики». Статья эта любопытна еще и потому, что въ концѣ ея находится прямое и мало замаскированное нападеніе на Некрасова, за которое его и благодарилъ Тургеневъ въ postscriptum'ѣ письма, приведеннаго нами въ концѣ предыдущей главы («Пора этого безстыднаго мазурика на лобное мѣсто. И за насъ, лишнихъ, заступился. Спасибо»).

Статья „Лишніе люди и желчевики“ является въ сущности продолженіемъ вышеприведенной нами статьи Герцена «Very dangerous». Начало ея посвящено довольно обширной и чрезвычайно любопытной родословной „лишнихъ людей“ которой мы, къ сожалѣнію, не можемъ привесть. Далѣе Герценъ говоритъ, что «лишнихъ людей» смѣнили «желчевики».

«Старость,—говоритъ Герценъ, характеризуя «желчевиковъ»,—коснулась ихъ прежде гражданскаго совершеннолѣтія. Это не *лишніе*, не праздные люди, это люди *озлобленные*, больные душой и тѣломъ, люди зачахнувшіе отъ вынесенныхъ оскорбленій, глядящіе исподлобья и которые не могутъ отдѣлаться отъ желчи и отравы, набранной ими больше чѣмъ за пять лѣтъ тому назадъ. Они представляютъ явный шагъ впередъ, но все же болѣзненный шагъ; это уже не тяжелая хроническая летаргія, а острое страданіе, за которымъ слѣдуетъ выздоровленіе или похороны.

„Лишніе люди сошли со сцены, за ними сойдутъ и *желчевики*, наиболѣе сердящіеся на лишнихъ людей. Они даже сойдутъ очень скоро, они слишкомъ угрюмы, слишкомъ дѣйствуютъ на нервы, чтобы долго держаться. Жизнь, несмотря на 13-ть вѣковъ христіанскихъ сокрушеній, очень языческимъ образомъ предана эпикуреизму, и à la longue не можетъ выносить наводящія уныніе лица Невскихъ Даніиловъ, мрачно упрекающихъ людей—зачѣмъ

[1]) См. „Изъ пережитого“ Павлова.—стр. 36—37.
[2]) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ Герценъ видался и съ Добролюбовымъ и былъ съ нимъ въ перепискѣ, во время пребыванія Добролюбова въ Италіи.

они обѣдаютъ безъ скрежета зубовъ и, восхищаясь картиной или музыкой, забываютъ о всѣхъ несчастіяхъ міра сего.

„..... Добрѣйшіе по сердцу и благороднѣйшіе по направленію, желчные люди наши *тономъ* своимъ [1]) могутъ довести ангела до драки и святого до проклятія. Къ тому же они съ такимъ апломбомъ преувеличиваютъ все на свѣтѣ—и не для шутки, а для огорченія,—что, просто, терпѣнія нѣтъ. На всякое „бутылками и пребольшими", у нихъ готово: „нѣтъ-съ, бочками сороковыми!"

Далѣе Герценъ излагаетъ свой недавній разговоръ съ однимъ „желчевикомъ". Изъ вышесказаннаго видно, что онъ имѣлъ въ виду Чернышевскаго и свои споры съ нимъ.

„— Что вы заступаетесь за этихъ лѣнтяевъ—(говорилъ намъ недавно одинъ желчевикъ sehr ausgezeichnet in seinem Fache),— дармоѣдовъ, трутней, бѣлоручекъ, тунеядцевъ à la Онѣгинъ?.. Извольте видѣть, они образовались иначе, имъ міръ ихъ окружающій слишкомъ грязенъ, не довольно натертъ воскомъ, замараютъ руки, замараютъ ноги. То-ли дѣло стонать о несчастномъ положеніи и при томъ спокойно ѣсть да пить!

„Мы, было, ввернули слово въ защиту, но Даніилъ и слушать не хотѣлъ. Напротивъ, онъ напалъ на насъ за нашу защиту и, пожимая плечами, говорилъ, что онъ смотритъ на насъ, какъ на хорошій остовъ мамонта, какъ на интересную ископаемую кость, принадлежащую міру иного солнца и другихъ деревьевъ.

„— Позвольте же мнѣ хоть на этомъ основаніи защитить нашихъ сопластниковъ. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что эти люди по доброй волѣ ничего не дѣлали, или дѣлали вздоръ?

„— Безъ всякаго сомнѣнія, они были романтики и аристократы: они ненавидѣли работу, они себя считали бы униженными, взявшись за топоръ или за шило. Да и того, правда, они не умѣли!

„— Въ такомъ случаѣ я буду называть имена: наприм., Чаадаевъ,—онъ не умѣлъ взяться за шило, но умѣлъ написать статью, которая потрясла всю Россію и провела черту въ нашемъ разумѣніи о себѣ. Статья эта была началомъ его литературнаго поприща. Что вышло, вы знаете. Нѣмецъ Вигель обидѣлся за Россію, протестантъ и будущій католикъ Бенкендорфъ обидѣлся за православіе и Чаадаева объявили сумасшедшимъ и взяли съ него подписку не писать. Надеждина, напечатавшаго статью въ „Телескопѣ", сослали въ Усть-Сысольскъ, ректора, старика Болдырева, отставили. Чаадаевъ сдѣлался празднымъ человѣкомъ. Иванъ Кирѣевскій, положимъ, не умѣлъ сапогъ шить, но умѣлъ издавать журналъ; издалъ двѣ книжки—запретили журналъ; онъ помѣстилъ статью въ „Денницѣ", цензора Глинку посадили на гауптвахту. Кирѣевскій сдѣлался лишнимъ человѣкомъ. Николая Полевого, конечно, нельзя обвинить въ лѣни; человѣкъ онъ былъ

---

[1]) Приведемъ, кстати, отзывъ Кавелина о Чернышевскомъ (въ письмѣ къ Герцену отъ 6 августа 1862): «Чернышевскаго, — писалъ Кавелинъ, — я очень, очень люблю, но такого брульона, безтактнаго и самонадѣяннаго человѣка я никогда еще не видалъ».

изворотливый, а все-таки крылья „Телеграфа“ подвязали и, признаюсь въ моей слабости, когда я читалъ, какъ Полевой говорилъ Панаеву о томъ, что онъ, женатый человѣкъ, обремененный семьей, боится квартальнаго, я не смѣялся, а чуть не плакалъ.

„— А Бѣлинскій умѣлъ писать и Грамовскій умѣлъ читать лекціи; они не сложили рукъ!

„— Если являлись люди съ такой энергіей, что могли писать или читать лекціи, несмотря на вышеуказанныя обстоятельства, то не ясно-ли, что множество людей съ меньшими силами были парализованы и глубоко страдали отъ этого.

„— Зачѣмъ же они въ самомъ дѣлѣ не пошли въ сапожники, въ дровосѣки, все лучше бы!

— Затѣмъ, вѣроятно, что у нихъ было настолько денегъ, чтобы не нуждаться въ такой скучной работѣ; я не слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ удовольствія принялся шить сапоги. Одинъ Людовикъ XVI былъ королемъ по ремеслу и слесаремъ по страсти.

— Ископаемый другъ мой, я вижу, что и вы еще на работу смотрите какъ-то сверху внизъ.

— Какъ на вовсе невеселую необходимость.

— Почему-же бы имъ не дѣлить общей необходимости?

— Безъ сомнѣнія. Но, во-первыхъ, родились они не въ Сѣверной Америкѣ, а въ Россіи и по несчастію не такъ были воспитаны.

— Зачѣмъ не такъ воспитаны?

— Затѣмъ, что родились не въ податной Россіи, а въ шляхетской. Можетъ быть, это въ самомъ дѣлѣ предосудительно, но, находясь тогда въ неопытномъ положеніи, они по малолѣтству за свои поступки отвѣчать не могутъ. А уже, разъ сдѣлавъ эту ошибку въ выборѣ родителей, они должны были подвергнуться и тогдашнему воспитанію. Да кстати, на какомъ это правѣ вы требуете отъ людей, чтобы они дѣлали то или другое. Это какая-то новая принудительная организація работъ, что-то вродѣ соціализма, переложеннаго на нравы министерства государственныхъ имуществъ.

— Я не заставляю никого работать; я констатирую фактъ. Это были праздные пустые аристократы, жившіе покойно и хорошо, и не вижу причины, почему мнѣ сочувствовать имъ.

— Заслуживаютъ-ли они симпатіи или нѣтъ, это пусть себѣ рѣшаетъ каждый, какъ хочетъ. Всяческое человѣческое страданіе, особенно фаталистическое, возбуждаетъ наше сочувствіе..... Откажитесь отъ этой точки зрѣнія и тогда прощай не только Өермопилы, но и Софоклъ съ Шекспиромъ, да кстати и вся длинная, безконечная эпопея, которая безпрестанно оканчивается сумасбродными трагедіями и безпрестанно идетъ далѣе, подъ названіемъ Исторіи.

„Даніилъ нашъ, какъ и слѣдуетъ, въ спорѣ не сдавался. Мнѣ стало все это надоѣдать и я, пользуясь моимъ палеонтологическимъ значеніемъ, сказалъ ему:

„— Воля ваша, а вѣдь это — пустое дѣло гнать людей или умершихъ, или приготовляющихся къ смерти и гнать въ такомъ обществѣ, гдѣ почти всѣ живые хуже ихъ. Знаете-ли что? Если васъ особенно прельщаетъ censura morum и суровая должность моралиста вамъ такъ нравится, возьмите что-нибудь оригинальное. Я вамъ, пожалуй, укажу типы, вреднѣе не только мертвыхъ, но и живыхъ лишнихъ людей.

„— Какіе-же типы?

„— Ну, да хотя-бы литературнаго Ruffiano [1]).

„— Не понимаю.

„— Въ бѣдной и обиженной цензурой литературѣ нашей, до послѣдняго времени, было множество всякихъ чудаковъ, но большей частью это были люди чистые, люди честные. Аферисты, плуты, дѣлатели фальшивыхъ векселей и истинныхъ доносовъ, если и попадались, то они шныряли гдѣ-то по подваламъ и никогда не лѣзли на видныя мѣста, точно лондонскіе тараканы, державшіеся въ кухнѣ и не являющіеся въ салонѣ. Такимъ образомъ сохранилась у насъ наивная вѣра въ поэта и писателя. Мы не привыкли къ тому, что можно лгать духомъ и торговать талантомъ, такъ какъ продажныя женщины лгутъ тѣломъ и продаютъ красоту; мы не привыкли къ барышникамъ, отдающимъ въ ростъ свои слезы о народномъ страданіи, ни къ промышленникамъ, дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію доходную статью. И въ этомъ довѣріи, давно не существующемъ на Западѣ, бездна хорошаго, и намъ всѣмъ слѣдуетъ поддерживать его. Повѣрьте, что гонитель неправды, сзывающій позоръ и проклятіе на современный срамъ и запустѣніе и въ то-же время запирающій въ свою шкатулку деньги, явно наворованныя у друзей своихъ, при теперешнемъ броженіи всѣхъ понятій, при нашей распущенности и удобовпечатлительности — вреднѣе и заразительнѣе всѣхъ праздныхъ и лишнихъ людей, желчныхъ и слезливыхъ!

„Не знаю согласился ли мой Даніилъ“...

Тяжелое впечатлѣніе производитъ эта вылазка противъ Некрасова на страницахъ пользовавшагося тогда громадной популярностью „Колокола“. Если раздраженіе Тургенева можно до извѣстной степени объяснить свѣженанесенными ему оскорбленіями [2]), то для Герцена не существуетъ и этого оправданія. Не ограничившись непринятіемъ Некрасова, посѣтившаго его въ Лондонѣ [3]), Герценъ счелъ нужнымъ перенесть личные счеты съ Некрасовымъ въ литературу, чѣмъ ставилъ Некрасова въ безвыходное положеніе. Несомнѣнно, что въ литературныхъ русскихъ кружкахъ немедленно угадали, на кого указываетъ Герценъ, и враги Некрасова съ радостью подхватили это обвиненіе, тѣмъ болѣе

[1]) Грабитель, мошенникъ.

[2]) Некрасовъ утверждалъ впослѣдствіи, что оскорбительные для Тургенева куплеты въ «Свисткѣ» были напечатаны безъ его вѣдома, во время отсутствія Некрасова изъ Петербурга.

[3]) Подробности объ этой тяжелой сценѣ разсказаны д-ромъ Бѣлоголовымъ со словъ самого Герцена («Воспоминанія», стр. 547—548).

что изложено оно было въ очень авторитетной формѣ, хотя и не подкрѣплялось никакими доказательствами. Некрасовъ не могъ отвѣчать Герцену, во 1-хъ, по цензурнымъ условіямъ того времени, во 2-хъ, потому что онъ не былъ названъ по имени и отвѣчая приходилось расписаться въ полученіи оскорбленія и, въ 3-хъ, потому что было бы странно защищаться въ литературѣ, по поводу совершенно частнаго дѣла, отъ обвиненій „въ воровствѣ".

Удивительнѣе всего то, что и Герценъ и Тургеневъ, обвиняя Некрасова, снисходительно относились къ тому, что нѣкоторыя ихъ друзья, преспокойно, владѣли крестьянами и своимъ состояніемъ всецѣло были обязаны крѣпостному труду. Да и милліонное состояніе самого Герцена имѣло своимъ источникомъ тотъ-же трудъ. Но они не могли простить пролетарію Некрасову его „практичности". За личными ссорами и дрязгами они не видали крупной общественной работы, которую выполнялъ Некрасовъ и ради которой можно было простить его недостатки, выросшіе на почвѣ суровой нужды, такой нужды, о которой Герценъ и понятія не имѣлъ [1]).

То-же личное чувство сквозитъ въ отзывахъ Герцена о личности и произведеніяхъ Гончарова. Герценъ не признаетъ за Гончаровымъ даже таланта и впослѣдствіи въ особенный упрекъ ставитъ ему то обстоятельство, что онъ занималъ должность цензора. Но такую же должность занимали С. Аксаковъ, Тютчевъ и близкій другъ Тургенева—Полонскій, между тѣмъ о нихъ Герценъ не говоритъ ни слова или отзывается о первыхъ двухъ довольно благосклонно, не укоряя ихъ цензорской должностью.

Мы сочли необходимымъ подробно остановиться на этомъ эпизодѣ, потому что обвиненія Некрасова изъ литературныхъ кружковъ перешли въ публику и сдѣлали не мало зла. Первоисточникъ этихъ обвиненій, включительно до обвиненія въ „дѣланіи оброчной статьи изъ сочувствія къ пролетарію" (это особенно часто подчеркивалось консервативной печатью!) находится, какъ видятъ читатели, въ „Колоколѣ". О несправедливости его мы не будемъ распространяться; вопросъ объ искренности Некрасова въ его произведеніяхъ прекрасно выясненъ въ воспоминаніяхъ о Некрасовѣ Н. К. Михайловскаго.

IX.

Нѣсколько нижепомѣщаемыхъ писемъ Тургенева заняты все той-же исторіей съ г-жей Ш. Упоминаемое въ первомъ изъ этихъ писемъ „Посланіе къ Сербамъ" было напечатано въ № 84 „Колокола" (отъ 1 ноября 1860 г.). Герценъ предлагалъ сербамъ и черногорцамъ воспользоваться „Колоколомъ" для того, чтобы „перекликнуться" съ Россіей. „Колоколъ" — писалъ Герценъ,—

[1]) Напечатанная недавно переписка Бѣлинскаго съ женой устраняетъ тяжелое обвиненіе Некрасова въ удаленіи Бѣлинскаго незадолго до смерти отъ матеріальнаго участія въ «Современникѣ». Переписка эта показываетъ, въ какое положеніе попалъ бы Некрасовъ съ неокрѣпшимъ изданіемъ на рукахъ, если бы ему пришлось вести дѣло совмѣстно со вдовой Бѣлинскаго.

слишкомъ слабъ, чтобы служить мостомъ для легіоновъ; но онъ можетъ служить доской, брошенной черезъ оврагъ, на которой могутъ встрѣтиться два брата, потолковать о своихъ дѣлахъ и пожать другъ другу руки".

„Любезный сердцу и очамъ (самая сильная дружба не позволяетъ мнѣ, однако, прибавить слѣдующій стихъ: „какъ вешній цвѣтъ едва развитый") Александръ Ивановичъ! — писалъ Тургеневъ Герцену изъ Парижа, отъ 4 ноября 1860 г.

„Получилъ я, твою записку съ приложеніями. Адрессъ г-жи Ш.: Passage Sandrié, 5. Едва-ли ты въ чемъ-нибудь успѣешь: она безумствуетъ, бранится, лжетъ, плачетъ, падаетъ въ обморокъ,— словомъ ломается. Она, „изъ уваженія къ памяти Александра", который въ чемъ-то ей клялся передъ смертью, не хочетъ признать ребенка за его сына и дала матери только 2.000 фр., какъ милостыню. Мы хотимъ помѣшать этому ребенку умереть съ голоду и собираемся назначить ему пенсію: не хочешь-ли ты дать хоть сто франковъ въ годъ?

„Переводъ твоего „Посланія къ Сербамъ" написанъ французскимъ языкомъ нѣсколько avanturé, а, впрочемъ, для сербовъ сойдетъ.

„Я могу тебѣ поручиться, что Н. М. вовсе не Цирцея и не думаетъ соблазнять юнаго П. Влюбленъ ли онъ въ нее, это я не знаю, но она никакъ не заслуживаетъ быть предметомъ материнскаго отчаянія и т. д. и т. д. Повидимому, Гейдельбергъ отличается сочиненіемъ сплетней: про меня тамъ говорятъ, что я держу у себя насильно крѣпостную любовницу и что г-жа Бичеръ-Стоу (!) меня въ этомъ публично упрекала, а я ее выругалъ. Тоже eine shöne Legend.

„Спасибо за „Колоколъ". Впредь прошу не забывать.

„Крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ".

Огаревъ, между прочимъ, утѣшалъ Тургенева, по поводу его хлопотъ съ г-жей Ш., тѣмъ, что она можетъ дать хорошій матеріалъ для его литературныхъ работъ. Но и доброта Тургенева начала истощаться. Онъ писалъ Герцену по этому поводу (изъ Парижа, отъ 20 ноября 1860 г.):

„Милѣйшій Александръ Ивановичъ!

„Хотя Огаревъ (которому я дружески кланяюсь) и говоритъ, что мнѣ слѣдуетъ радоваться Ш-ской исторіи, однако, она начинаетъ сильно надоѣдать мнѣ. Ты ее знаешь, а потому не стану поднимать ее снова; ограничусь немногими афоризмами.

1) Прежде всего у г-жи Ш., *по ея собственному счету*, и по бумагамъ, мнѣ ею предъявленнымъ, болѣе 150,000 франковъ капитала (считая тутъ и ея 100 душъ).

2) Г-жа Ш. полтора года не видалась съ мужемъ, уѣхавъ въ Одессу за любовникомъ, который ее прогналъ; тогда она вернулась къ мужу, который ее снова прицялъ.

3) Что ребенокъ — сынъ Ш., не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: Колбасинъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ соблазнялъ его мать; меня Ш. водилъ къ ней, когда она была беременна;

онъ съ Козодоевымъ ходилъ записывать ребенка въ mairie; онъ до конца своей жизни былъ очень нѣженъ съ нею (т. е. съ своей любовницей, а не съ mairie) и умеръ, держа на рукахъ сына, который, сверхъ того, на него похожъ, какъ двѣ капли воды.

4) Гидропсъ, о которомъ и мнѣ было говорено, не помѣшалъ моему дѣдушкѣ прижить 18 человѣкъ дѣтей, о чемъ, впрочемъ, я также докладывалъ г-жѣ Ш.

5) Я убѣжденъ, что Ш. лгалъ вообще и женѣ въ особенности: это ничего не доказываетъ, какъ ничего не доказываетъ и то, что онъ никакихъ не оставилъ распоряженій и т. п. Русская натура-съ!

6) Наконецъ, у г-жи Ш. больше ничего не просятъ, оставляя ее при ея убѣжденіи; но она требуетъ, чтобъ не давали милостыню ребенку, и на дняхъ присылала мнѣ beau frère'a своего любовника, который грозилъ мнѣ „трибуналомъ", если я не брошу ребенка.

„Изъ всего этого я заключаю, что совершенно безкорыстныхъ человѣка въ настоящую минуту въ Европѣ только два: Гарибальди и я. Замѣть, что я вовсе не былъ близокъ съ Ш., который бранилъ меня аристократомъ, и что любовница его пребезобразная.

„А что сцены между г-жей Ш. и мною были исполнены всяческаго комизма — несомнѣнно; и я, дѣйствительно, намѣренъ воспользоваться когда-нибудь этимъ матеріаломъ.

„За симъ, рѣшай, Верховный Судья! И сдѣлай одолженіе, распорядись такъ, чтобъ я могъ забыть всю эту чепуху.

Drei Ritter [1]) — очень хороши; есть нѣсколько удачнѣйшихъ загвоздокъ, но вообще статья мнѣ показалась напряженной. Можемъ быть, я былъ подъ вліяніемъ Ш.

„Жду M-me M. [2]) съ Ольгой [3]) и дружески жму тебѣ руки.

Твой Ив. Тургеневъ."

На томъ же листѣ имѣется небольшое письмо Тургенева къ Огареву.

„Любезный Николай Платоновичъ!—писалъ Тургеневъ.—N.N. я отыщу и постараюсь быть ему полезнымъ; въ случаѣ надобности сведу его съ M-r Віардò, а ее съ М. А. Марковичъ, которая, кажется, теперь серьезно принялась за работу.

„Если можно, по прочтеніи, перешлите мнѣ „Гайку" Кохановской [4]), о которой я много слышалъ. Я ее возвращу.

„Дружески Вамъ жму руку.

Преданный Вамъ И. Т.»

(До слѣд. кн.).

В. Б.

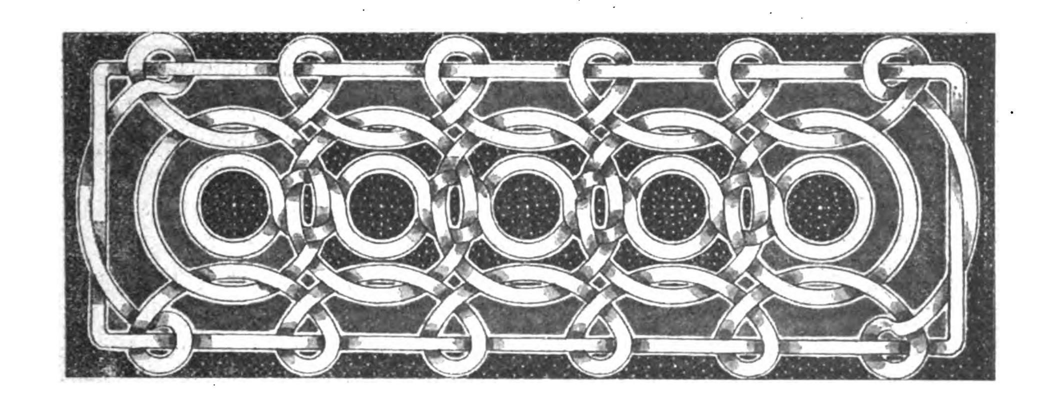
---

[1]) «Drei Ritter» статья Герцена въ № 85 «Колокола» отъ 15 ноября 1860 г.

[2]) M-me Мейзенбергъ, гувернантка дочерей Герцена.

[3]) Дочь Герцена.

[4]) Объ отношеніи Тургенева къ литературной дѣятельности Кохановской, крупный талантъ который погибъ см. „Переписка И. С. Аксакова съ Кохановской". Русск. Обозр. 1897 г.

Общественныя отношенія во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка.

Окончаніе.

озстаніе не распространилось на всю страну безъ всякихъ изъятій. Выше, говоря о положеніи дворянства, мы указали на то, что въ дореволюціонной Франціи были отдалённыя мѣстности, въ которыхъ господство феодализма и соотвѣтствующее ему католическое міровоззрѣніе еще имѣли корни, въ которыхъ феодальные порядки, ставшіе въ другихъ мѣстахъ невыносимымъ, гнетущимъ бременемъ, еще служили средствомъ защиты. Въ этихъ мѣстностяхъ каждая община по старому жила сама по себѣ и производила сама для себя все, въ чемъ она нуждалась. Отечество для крестьянина этихъ мѣстностей простиралось не далѣе окрестностей, которыя онъ могъ видѣть съ колокольни своей приходской церкви, и все, что лежало внѣ этого крошечнаго горизонта, было для него чужбиной, съ которой онъ не хотѣлъ имѣть ничего общаго, которая если и вторгалась въ его жизнь, то только затѣмъ, чтобы мѣшать ему въ его работѣ, чтобы грабить его. Сноситься съ этой чужбиной, защищать его отъ нея лежало на обязанности его приходскаго священника, его феодальнаго господина. И вотъ, эта непріязненная ему чужбина, стоявшая подъ началомъ столь ненавистнаго для него Парижа, принялась настойчиво предписывать ему законы и приводить ихъ въ исполненіе

съ гораздо большей энергіей, чѣмъ это дѣлала когда-нибудь въ такихъ захолустьяхъ старая монархія. Законы эти гораздо больше противорѣчили всѣмъ его привычкамъ, его способу производства, чѣмъ всѣ законы и предписанія старой монархіи, уважавшей все, что онъ уважалъ, что ему было дорого, не желавшей ничего знать объ имуществѣ и занятіяхъ семьи и общины, на которыхъ основывался весь его способъ производства. Мало того, эта враждебная чужбина дошла, наконецъ, до того, что стала вырывать изъ семей ихъ сыновей и угонять ихъ въ армію въ небывалыхъ, неслыханныхъ до того размѣрахъ [1]). Не надо было особенныхъ усилій со стороны дворянъ и духовенства, чтобы этихъ крестьянъ, на міровоззрѣніе которыхъ они имѣли такое вліяніе,—собственно въ Вандеѣ и Кальвадо (Calvados),—подвинуть къ открытому возстанію противъ парижскаго конвента. Но вся масса французскаго крестьянства не могла, конечно, поддержать этого возстанія: она была слишкомъ тѣсно связана съ революціей. Возстановленіе старой монархіи означало для нея возстановленіе стараго феодальнаго гнета. Оно грозило ей отчасти даже потерей имущества. Національное собраніе объявило церковныя имѣнія національной собственностью и конфисковало имѣнія эмигрантовъ. Эти имѣнія продавались. Какъ ни много способствовала эта мѣра обогащенію спекулянтовъ, все же она дала и крестьянамъ возможность нѣсколько расширить свои участки, что имъ, насколько было возможно, старались облегчить. Часть церковныхъ имѣній, а позже и имѣній эмигрантовъ, продавалась мелкими участками, за которые надо было платить съ мѣста при покупкѣ незначительную сумму денегъ: остальная плата раскладывалась на довольно продолжительные сроки. Многіе изъ людей, арендовавшихъ землю до революціи, перестали платить оброкъ и старались, часто съ успѣхомъ, превратить оброчную землю въ свою полную собственость.

Придворные дворяне принялись эмигрировать изъ Франціи, оставивъ короля на произволъ судьбы, когда имъ самимъ пришлось круто. Многіе бѣжали еще послѣ взятія Бастиліи, и во главѣ ихъ былъ братъ короля, графъ д'Артуа. Въ качествѣ «бездомныхъ интригановъ», они устраивали заговоры, чтобы подъ прикрытіемъ австрійской и прусской арміи вторгнуться во Францію. Побѣда ихъ означала бы возстановленіе того порядка, который существо-

1) Въ февралѣ 1793 года конвентъ издалъ военный законъ, который призывалъ къ оружію всѣхъ холостыхъ французовъ отъ 18 до 40 лѣтъ, допуская, впрочемъ, замѣстительство.

валъ до революціи. Кто знаетъ, съ какой страстностью крестьяне держатся за свою землю, тотъ легко пойметъ, почему при такихъ обстоятельствахъ, рядомъ съ революціоннымъ городскимъ населеніемъ, массами поднимались и крестьяне и цѣлыми толпами отправлялись на границы въ дѣйствующую армію, чтобы сокрушить назойливаго врага. Ихъ поднимало не воодушевленіе за дѣло законодательнаго собранія, позже конвента, парижскихъ якобинцевъ, которые въ первый періодъ войны, съ 1792 года, управляли Франціей и распоряжались ея арміей. Крестьянинъ никогда не былъ сторонникомъ представительнаго образа правленія, при которомъ, вслѣдствіе своей изолированности, своего нравственнаго и умственнаго одичанія, онъ всегда имѣлъ мало вліянія. Во время революціи крестьяне не могли послать депутатами въ собраніе народныхъ представителей людей изъ своей среды: они выбирали адвокатовъ, врачей, чиновниковъ—словомъ, преимущественно городскіе элементы населенія, которые засѣдали въ Парижѣ и находились подъ сильнымъ вліяніемъ «революціонныхъ массъ» этого города. При такихъ обстоятельствахъ, если интересы этихъ элементовъ приходили въ столкновеніе съ интересами крестьянства, законодательная дѣятельность обязательно должна была идти въ ущербъ крестьянству. А недостатка въ такихъ столкновеніяхъ не было. Чтобы успокоить голодающее мелкое мѣщанство и парижскій пролетаріатъ, учрежденія, правившія Франціей, должны были взваливать разныя тяготы или на буржуазію, или на крестьянъ. Естественно, что когда и насколько было возможно, они охотнѣе принимались за этихъ послѣднихъ.

Но между мелкой буржуазіей и крестьянствомъ возникали нерѣдко и прямые, непосредственные столкновенія: первая естественно требовала дешеваго хлѣба, второе же старалось продавать свои продукты возможно дороже. Это противорѣчіе особенно обострилось, когда якобинцы, послѣ низверженія жирондистовъ, достигли неограниченнаго господства и, желая положить конецъ безпрерывному голоду, декретировали максимумъ цѣнъ на предметы первой необходимости и, чтобы привести эту мѣру въ исполненіе, ввели реквизиціи предметовъ первой необходимости не только для арміи, но и для Парижа. Мѣры эти были направлены прежде всего противъ торговцевъ и спекулянтовъ, но онѣ попадали также и въ крестьянъ [1]).

[1]) Главной причиной голода была внѣшняя война, которая не только поглощала массу средствъ на содержаніе арміи, но и дѣлала невозможнымъ ввозъ хлѣба изъ-за границы. Можетъ быть, еще опустошительнѣе

Изъ всѣхъ революціонныхъ установленій самою большею любовью крестьянъ пользовалась армія: она была освобождена теперь отъ всѣхъ сословныхъ ограниченій, въ ней, дѣйствительно, «каждый солдатъ носилъ маршальскій жезлъ въ своемъ ранцѣ». Эта армія рекрутировалась преимущественно изъ крестьянскихъ сыновей и открывала для нихъ блестящую карьеру. Но даже для того, кому приходилось навсегда оставаться простымъ солдатомъ, она служила не только могущественнѣйшимъ оружіемъ для защиты вновь пріобрѣтенной свободы, вновь пріобрѣтенной земли отъ феодализма, грозившаго проникнуть съ помощью Европы снова въ страну,—она была для него также средствомъ обогащенія

Несомнѣнно, что грабежи побѣдоносной революціонной арміи служатъ для благомыслящихъ обывателей самымъ яснымъ доказательствомъ гибельности принциповъ революціи. Мы позволимъ себѣ здѣсь только замѣтить, что практика грабежа существовала и ранѣе. Со времени паденія ленной системы вплоть до введенія всеобщей воинской повинности, арміи набирались посредствомъ вербовки, рекрутировались изъ неудачниковъ всякаго рода, ядро которыхъ составляла голытьба. Неудивительно, что воззрѣнія этого сорта людей перешли и въ практику военнаго права. Въ дѣйствительности, жажда добычи на ряду съ палкой была единственнымъ «этическимъ мотивомъ», побуждавшимъ солдатъ прошлаго столѣтія проливать кровь за что бы то ни было. Только съ введеніемъ всеобщей и обязательной воинской повинности, когда армія стала набираться изъ всѣхъ классовъ населенія, пониманіе военнаго права мало по малу измѣнилось, по крайней мѣрѣ, на столько, что безпардонный грабежъ частныхъ лицъ во время войны считается теперь недостойнымъ,—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда не «культурные народы» воюютъ между собою, а «распространяется цивилизація» среди «варварскихъ» или «дикихъ» племенъ. Съ этими племенами расправляются еще и теперь такъ же, какъ тридцать вѣковъ тому назадъ расправлялись въ подобныхъ случаяхъ ассиріяне. Здѣсь все населеніе враждебнаго племени съ женами и дѣтьми разсматривается, какъ непріятельская армія, ихъ имущество—какъ непріятель-

---

дѣйствовали гражданскія усобицы внутри самой Франціи. Но, помимо всего этого, крестьяне, которыхъ не принуждали откупщики податей продавать во чтобы то ни стало хлѣбъ немедленно по окончаніи уборки, сами стали придерживать свои продукты, дожидаясь повышенія цѣнъ, которыя дѣйствительно вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ быстро повышались.

скіе военные запасы, которые можно уничтожать безъ всякихъ стѣсненій. Относительно французской революціонной арміи надо еще замѣтить, что ея хищническіе инстинкты могли вполнѣ разыграться только тогда, когда установился цезаризмъ Наполеона.

Войны революціи имѣли особенно громадное вліяніе на экономическое развитіе Англіи и Франціи. Онѣ передали въ въ руки Англіи отчасти на время, а отчасти навсегда колоніи не только Франціи, но и Голландіи, перешедшей въ 1795 году во владѣніе французовъ, и Испаніи, которая была вынуждена въ 1796 году вступить въ союзъ съ Франціей. Эти обстоятельства дали возможность Англіи безпрестанно грабить суда и и берега этихъ странъ. Но Франція тоже не положила охулки на руку въ Бельгіи, Голландіи, Италіи, Египтѣ, Швейцаріи и т. д. Не одни только солдаты грабили вволю въ этихъ странахъ: все, что брали здѣсь солдаты было сущими пустяками въ сравненіи съ тѣми огромными суммами, которыя выжимали изъ этихъ странъ полководцы и коммиссары частью для себя, частью для государственной казны, въ свою очередь безпощадно расхищавшейся алчными поставщиками. Война со времени паденія якобинцевъ стала для Франціи «выгоднымъ предпріятіемъ», самымъ выгоднымъ изъ всѣхъ, возможныхъ въ то время. Она была самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для того, чтобы извлечь сокровища, скопленныя феодализмомъ и непроизводительно лежавшія въ церквахъ, монастыряхъ, въ казначействахъ государей, а также и богатсва старинныхъ купеческихъ республикъ: Голландіи, Венеціи, Генуи, — и бросить ихъ въ обращеніе на пользу капиталистическаго способа производства. Французское государство, стоявшее на границѣ банкротства, разбогатѣло,—разбогатѣли и тѣ люди, которымъ положеніе позволяло грабить его. Какъ грибы, росли колоссальныя состоянія и искали выгоднаго примѣненія. Одновременно съ этимъ, побѣдоносныя войны расширяли рынокъ французской промышленности, новый способъ веденія войны не менѣе способствовалъ ея развитію. Небольшимъ сравнительно войскамъ старыхъ монархій революціонная Франція противопоставила громадныя и быстро созывавшіяся арміи, для которыхъ промышленность должна была быстро приготовлять обмундировку и вооруженіе. Это послужило могущественымъ рычагомъ для превращенія капиталистической промышленности, которая раньше приготовляла преимущественно предметы роскоши, въ современную промышлен-

ность, приготовляющую громадныя массы необходимыхъ вещей. И такъ, былъ факторъ, который все это выполнялъ, который устранялъ дефициты въ финансовомъ управленіи, защищалъ крестьянамъ ихъ землю, обогащалъ ихъ сыновей и давалъ имъ ходъ, доставлялъ финансистамъ, капиталистамъ-предпринимателямъ крупные барыши, ослаблялъ или вовсе уничтожалъ безработицу: этимъ факторомъ была армія. Это значеніе арміи, для *экономическаго* развитія Франціи всегда необходимо имѣть въ виду для того, чтобы понять то *политическое* значеніе, котораго она достигла. Предположеніе, будто военная слава внезапно до того вскружила головы французамъ, что крошечное слово gloire свело ихъ съ ума, и изъ этого возникла ихъ завоевательная политика, ихъ культъ Наполеона,—такое предположеніе слишкомъ ужъ «идеалистично».

Въ виду такого значенія арміи побѣдоносный полководецъ самъ по себѣ былъ выдающимся политическимъ факторомъ въ государственной жизни Франціи. Но его власть должна была стать подавляющей, лишь только ему удалось овладѣть государственнымъ управленіемъ. Революція сама расширила во всѣ стороны и усилила огромный аппаратъ бюрократіи, унаслѣдованный ею отъ стараго абсолютнаго строя и составлявшій одну изъ самыхъ прочныхъ опоръ его, уничтожила послѣдніе остатки провинціальнаго и сословнаго представительства, которые могли еще противодѣйствовать его всемогуществу; но революція сдѣлала также подчиненіе органовъ управленія фактическому обладателю государственной власти гораздо безграничнѣе, чѣмъ это было раньше, до крайности централизировала и дисциплинировала ихъ.

Средства, находившіяся въ распоряженіи государственной власти, чрезвычайно увеличились, но не увеличилась способность буржуазіи держать эту власть въ зависимости отъ себя посредствомъ парламентаризма. Съ теченіемъ революціи значительная часть буржуазіи стала тяготиться парламентской борьбой: она жаждала покоя. Нѣкоторые слои ея съ самаго же начала относились къ революціи недовѣрчиво и холодно, иногда даже враждебно; господство террора еще больше охладило увлеченіе свободою въ ея рядахъ. И изъ идеологовъ не одинъ утратилъ свои иллюзіи, «образумился»,—увидѣлъ, что революція означаетъ не освобожденіе человѣчества, а освобожденіе капитала, и спокойно смотрѣлъ, какъ свобода, за которую онъ раньше сражался, была конфискована героемъ сабли, который за то подавалъ надежду конфисковать всю Европу

въ пользу капиталистовъ Франціи, сдѣлать ее ихъ слугой и данницей.

Когда Франція начала свое побѣдное шествіе по Европѣ, не было уже ни одного класса, на который буржуазія могла бы опереться. Но одна, безъ союзниковъ, она не могла бы отстоять своего политическаго господства даже во времена самаго большого революціоннаго подъема духа.

Парламентскій строй достался ей во Франціи вслѣдствіе возмущенія привиллегированныхъ противъ монархіи. Она была бы не въ состояніи держаться противъ двора и его союзниковъ во Франціи и за-границею безъ энергичной поддержки крестьянъ, мѣщанъ и пролетаріевъ. Но крестьяне боролись, какъ мы видѣли, только противъ *феодальнаго* абсолютизма, но отнюдь не за представительнуюсистему. Новая армія, освобожденная отъ сословныхъ ограниченій, состоявшая преимущественно изъ крестьянъ, была тѣмъ именно учрежденіемъ, которое увлекало ихъ, и когда побѣдоносный полководецъ, возвысившійся изъ низшихъ слоевъ общества, ставъ во главѣ этой арміи, уничтожилъ владычество парламента, чтобы основать свою собственную власть, они не поднялись противъ него, а съ восторгомъ привѣтствовали его, крестьянскаго императора, занявшаго мѣсто правленія адвокатовъ. Тѣ же слои, которые основали республику и отстояли ее отъ напора феодальныхъ державъ, были подавлены и безсильны. Побѣды французскихъ армій поглотили ихъ лучшія силы, и буржуазія подавила, а съ точки зрѣнія своихъ интересовъ и должна была подавить ихъ, но этимъ она и самое себя лишила единственнаго оружія, которымъ она могла бы воспользоваться противъ новаго владычества военщины.

Однако старая монархія безвозвратно погибла; имперія не означала возстановленія феодальной эксплуатаціи, напротивъ,— подобно владычеству террора, она была орудіемъ революціи. Якобинцы организовали революцію во Франціи. Имперія революціонировала Европу.

VII.

Остается указать еще одинъ важный элементъ третьяго сословія — буржуазную интеллигенцію. Буржуазная интеллигенція образовалась вслѣдствіе раздѣленія труда на двѣ категоріи: на трудъ физическій и умственный. Раздѣленіе труда, существовавшее уже и въ прежнемъ обществѣ, она безконечно

расширила и создала цѣлый рядъ профессій, за которыми остался лишь одинъ умственный трудъ.

Научно образованному технику, конечно, еще мало было дѣла въ прошломъ столѣтіи: примѣненіе научной механики и химіи едва только началось въ промышленности конца прошлаго вѣка. Но въ области путей и средствъ сообщенія новыя условія поставили уже ему важныя задачи: онъ долженъ былъ строить суда, мосты, проводить дороги, каналы; не менѣе важныя требованія предъявляло ему и развитіе военнаго дѣла. Все увеличивающаяся концентрація населенія въ городахъ, пролетаризированіе все большихъ и большихъ слоевъ населенія вызвали опустошительныя эпидеміи, массу разнообразныхъ болѣзней и этимъ увеличили нужду во врачахъ. Возрастаніе же буржуазіи, переселеніе дворянства изъ селъ въ столицу увеличили число людей, могшихъ оплачивать трудъ врача. Чѣмъ болѣе распространялось товарное производство, тѣмъ многочисленнѣе и запутаннѣе становились договоры между различными товаровладѣльцами, тѣмъ болѣе спорными были различныя обязательства, вытекавшія изъ нихъ. Феодальное право, феодальная судебная практика были совершенно безпомощны въ этой области; необходимо было создать новое законодательство и самой подходящей основой для него оказалось—римское право. Необходимы были люди, которые бы посвятили всю свою жизнь этому дѣлу, которые бы могли быстро и легко разбираться въ юридическихъ лабиринтахъ. Классъ юристовъ, судей и адвокатовъ сталъ вліятельнымъ. Новое централидованное государство, занявшее мѣсто непрочнаго стараго союза феодальныхъ общинъ, не могло въ государственномъ управленіи довольствоваться старыми органами управленія: дворянствомъ и духовенствомъ;—они могли лишь мѣшать его дѣятельности. Оно замѣнило ихъ централизованной бюрократіей, особой категоріей людей, занимавшихся управленіемъ не мимоходомъ и между дѣломъ, а спеціально и исключительно. Для воспитанія и образованія всѣхъ этихъ элементовъ, нужно было много училищъ, много учителей. Такимъ образомъ, возникъ очень значительный классъ набиравшійся преимущественно изъ буржуазіи и въ ней имѣвшій свои корни, который получаетъ свои доходы изъ практическаго примѣненія своего ума, своихъ знаній, который поэтому называется *интеллигенціей*, что, понятно, отнюдь не означаетъ, что всѣ члены этого класса дѣйствительно интеллигентны или что вся интеллигентность сконцентрирована исключительно въ немъ. Во главѣ интеллигенціи стояли мыслители,

поставившіе себѣ задачей не практическое примѣненіе знаній, а изслѣдованіе явленій природы и общественной жизни и изученіе ихъ законовъ совершенно независимо отъ того, имѣетъ ли это какое-нибудь непосредственное практическое примѣненіе къ жизни, или нѣтъ: наука была для нихъ цѣлью сама по себѣ. Но какъ ни абстрактны были теоріи этихъ мыслителей,— личныя потребности ихъ были вполнѣ конкретны. Всѣ они хотѣли жить—и не рѣдко хорошо жить.

У древнихъ грековъ, собственно у аѳинянъ, изслѣдованіе истины, философія была почетнымъ занятіемъ, привиллегіей состоятельныхъ и свободныхъ гражданъ. Досугъ, основанный на рабствѣ и иныхъ пріемахъ эксплуатаціи, служилъ наукѣ и искусствамъ. То же самое было и у римлянъ, только римляне были созданы изъ болѣе грубаго матеріала. Они слишкомъ быстро изъ грубыхъ крестьянъ превратились въ обладателей всего міра, чтобы жажда наживы, стремленіе къ низменнымъ наслажденіямъ и безсмысленной роскоши не сказывались у большинства римскихъ гражданъ сильнѣе стремленія къ знаніямъ, истинѣ и красотѣ. Но что сталось съ наукой и изящными искусствами въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ эпоху возрожденія! Не считая придворнаго дворянства, о которомъ мы сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ, мы находимъ здѣсь, съ одной стороны, крестьянски-загрубѣлое помѣстное дворянство и духовенство, которымъ были доступны лишь самыя грубыя наслажденія, съ другой,—торговое сословіе, въ погонѣ за наживой,—которая тѣмъ болѣе поглощала его, чѣмъ сильнѣе развивалась конкурренція,—терявшее, за рѣдкими исключеніями, всякую способность къ отвлеченному мышленію. Отъ низшихъ классовъ, жившихъ тяжелымъ мускульнымъ трудомъ, всего менѣе можно было ожидать влеченія къ наукамъ и искусствамъ: имъ не доставало для этого ни образованія, ни времени, ни возможности. Ни одинъ изъ обезпеченныхъ и господствующихъ классовъ не имѣлъ стремленія къ духовной дѣятельности: мышленіе и художественное творчество было предоставлено «интеллигенціи»,—людямъ, которые были принуждены выносить на рынокъ свои духовныя силы, также какъ наемный рабочій силу мускульную. Но мыслители и художники находили покупателей только среди придворнаго дворянства. Оно стряхнуло съ себя грубость помѣстнаго дворянства, для него было доступно пониманіе высшихъ наслажденій; оно также располагало большимъ досугомъ, вело болѣе беззаботную жизнь, чѣмъ торговое сословіе. Тѣмъ не менѣе, ни одинъ

дворъ не превратился въ академію или философскую школу; придворные не стали мыслителями и учеными, а только «защитниками и покровителями» ходожниковъ и мыслителей: это было гораздо удобнѣе. Придворный вмѣстѣ съ грубостью своихъ предковъ потерялъ также и ихъ энергію. Усидчивая, систематическая работа какого бы то ни было рода была для него мученіемъ; ему нужны были только развлеченія: наука и искусство должны были служить этой цѣли. При дворахъ, на ряду съ шутами и карликами, держали также художниковъ и философовъ. Понятно, что философія здѣсь не могла требовать большого умственнаго напряженія: она должна была излагаться легко, пріятно, остроумно и увлекательно.

Еще въ началѣ XVIII вѣка ни одна общественная теорія не могла разсчитывать на распространеніе во Франціи, если она не удовлетворяла этимъ требованіямъ или была враждебна двору. Какъ бы ни были велики ея идеи, пока не было на лицо благопріятныхъ для ея принятія условій, она такъ же мало могла имѣть надежды на успѣхъ, какъ мало можно ожидать отъ самаго лучшаго зерна, упавшаго на каменистую почву.

При такихъ обстоятельствахъ оппозиціонныя тенденціи третьяго сословія мало имѣли возможности найти себѣ теоретическое выраженіе. Областью, въ примѣненіи къ которой онѣ скорѣе всего могли проявиться, была религія. И дворянству, и буржуазіи была одинаково ненавистна зависящая отъ Рима церковь. Но въ высшей степени знаменательно, что самыя злостныя нападки философовъ эпохи просвѣщенія въ первой половинѣ XVIII вѣка были направлены не на отжившія и устарѣлыя формы церковной организаціи, а на самыя новыя, болѣе всего приспособленныя къ современнымъ обстоятельствамъ. Никакими абстрактными идеями невозможно объяснить этого явленія, но оно вполнѣ объясняется классовыми интересами. Старинная феодальная организація церкви, основанная на землевладѣніи, давно уже стала во Франціи „національной“. Уже не папа, а король назначалъ ея сановниковъ, раздавалъ имъ мѣста, выбирая ихъ при этомъ, какъ мы видѣли, почти исключительно изъ дворянъ. Какъ ни глумилосъ дворянство надъ религіей, оно не могло не быть довольнымъ такимъ порядкомъ; нападокъ, которыя могли бы быть непріятны церкви, оно не терпѣло. Но была одна церковная организація, надъ которой король не имѣлъ власти, которая была вполнѣ въ рукахъ папы. Папа, этотъ иностранецъ, распоря-

жался ея огромными доходами, которые расходовались не только въ пользу французовъ, но и испанцевъ, нѣмцевъ и т. д., такъ какъ организація эта была интернаціональной. И эти доходы отнюдь не служили для обогащенія привиллегированныхъ, потому что организація не знала у себя никакихъ сословныхъ различій и возвышала своихъ членовъ по іерархической лѣстницѣ, соображаясь лишь съ ихъ заслугами. Эта организація, этотъ орденъ былъ ненавистенъ дворянству, но не менѣе ненавистенъ былъ онъ и буржуазіи. Онъ именно сумѣлъ воспользоваться въ интересахъ церкви всѣми современными средствами наживы; и тѣмъ легче могъ онъ богатѣть, презирая всякую конкурренцію, что у него были развѣтвленія по всему міру: отъ Китая и Японіи до Мексики и Перу онъ имѣлъ повсюду своихъ миссіонеровъ, агентовъ и шпіоновъ, гдѣ лишь и насколько не предупреждала его протестантская конкурренція. Онъ сумѣлъ не только артистически обдѣлывать свои дѣла въ Европѣ, но и возвести въ систему эксплуатацію колоній; онъ первый дошелъ до того, что сталъ извлекать доходы изъ колоній не только посредствомъ грабежа, торговли, плантаторскаго хозяйства, но и посредствомъ привлеченія туземцевъ къ работамъ при разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, на сахарныхъ заводахъ и т. п. Эти люди. которые такъ ловко умѣли вести свои дѣла, которые были такъ хитры и настойчивы, такъ крѣпко держались другъ за друга, эти члены тѣсной организаціи, не признававшіе никакой родины, никакого отечества, конкурренцію которыхъ католическій буржуа встрѣчалъ или, по крайней мѣрѣ, ожидалъ встрѣтить повсюду, гдѣ только представлялась какая-нибудь возможность „заработать", которыхъ онъ столь же ненавидѣлъ, какъ и суевѣрно боялся, были вовсе не евреи, какъ могъ бы подумать на основаніи нашихъ словъ какой-нибудь изъ современныхъ „арійцевъ" или „христіанъ",—это были іезуиты. На нихъ, на этого общаго врага буржуазіи и придворнаго дворянства обрушились самыя рѣзкія нападки философіи, просвѣщенія самихъ дворовъ и полиціи. Но преслѣдованіе іезуитовъ такъ же мало устраняло экономическія нестроенія прошлаго вѣка, какъ преслѣдованіе евреевъ. Все большимъ гнетомъ, какъ мы видѣли, ложились эти нестроенія на народную массу.

Одновременно съ этимъ мыслители и изслѣдователи общественной жизни становились все независимѣе. Численность «интеллигенціи» значительно возросла; у буржуазіи появился инте-

ресъ къ государственнымъ дѣламъ. Книги стали ходкимъ товаромъ и рядомъ съ книжной торговлей возникла журналистика. Буржуазный философъ и писатель не нуждались уже въ пенсіяхъ и подачкахъ: они получили теперь возможность зарабатывать себѣ,—хотя иногда и очень скудныя,—средства къ существованію. Съ этихъ именно поръ, со второй половины XVIII вѣка, стало возможнымъ появленіе и успѣшное распространеніе разныхъ независимыхъ теорій. Все съ большимъ и большимъ вниманіемъ относились мыслители къ народу; изъ «философовъ» они превратились уже въ экономистовъ и политиковъ. Тѣмъ не менѣе начала критики, возникшія во второй половинѣ XVIII столѣтія, встрѣчали мало сочувствія и пониманія въ обществѣ. Въ общественныхъ теоріяхъ, имѣвшихъ тогда большое вліяніе, и прежде всего въ теоріи Руссо проявленіе коммунистическихъ тенденцій могутъ видѣть лишь люди, слишкомъ поверхностно знакомые съ дѣломъ. Задачей времени было устраненіе феодальныхъ стѣсненій, мѣшавшихъ развитію товарнаго производства. Буржуазная интеллигенція при всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ эксплуатируемымъ, не могла стать выше міровоззрѣнія буржуазіи, къ которой она и сама принадлежала по своимъ семейнымъ связямъ, по своему общественному положенію и по всѣмъ условіямъ своего существованія. Но ея воззрѣнія не суживались временными и индивидуальными интересами различныхъ слоевъ капиталистическаго міра. Интеллигенція стала выше погрязшей въ свои гешефты, дѣловой буржуазіи; она могла обобщать факты и дѣлать изъ нихъ логически правильные выводы; она располагала значительнымъ запасомъ свѣдѣній относительно явленій общественной жизни настоящихъ и прошлыхъ временъ,—словомъ, она поняла коренные и существенные интересы буржуазіи, которые тогда вполнѣ совпадали съ общими требованіями историческаго развитія.

Буржуазная интеллигенція еще не дошла тогда до того, чѣмъ она стала впослѣдствіи: ей еще и въ голову не приходило подлаживаться со своими теоріями къ желаніямъ и вкусамъ кого-либо. И она пріобрѣла посредствомъ революціи огромную власть, которая дала ей возможность проводить въ жизнь свои теоріи. Съ паденіемъ придворнаго дворянства и тѣсно связанныхъ съ нимъ высшихъ слоевъ финансоваго міра во Франціи остался лишь одинъ классъ, который былъ способенъ къ управленію государствомъ: именно,—буржуазная интеллигенція. Еще и теперь, когда въ большей части конституціонныхъ государствъ болѣе

значительные слои народа и прежде всего городскіе рабочіе, благодаря своему участію въ политической жизни, нѣсколько ознакомились съ потребностями государства, съ задачами законодательной дѣятельности, съ современными пріемами управленія, съ парламентскимъ обсужденіемъ общественныхъ дѣлъ,— и теперь все еще въ парламентахъ преобладаетъ буржуазная интеллигенція. Какое же громадное значеніе она должна была имѣть сто лѣтъ тому назадъ во Франціи, гдѣ въ продолженіе многихъ вѣковъ ревниво подавлялась всякая политическая жизнь, всякое политическое движеніе! Даже парижская мелкая буржуазія выбирала своихъ представителей не изъ своей среды, а изъ юристовъ, журналистовъ и т. п.

Такимъ образомъ, буржуазная интеллигенція получила въ свои руки государственную власть и стала пользоваться ею для проведенія въ жизнь своихъ тенденцій, т. е. тенденцій, выражавшихъ классовые интересы буржуазіи. И такъ какъ эти тенденціи болѣе всего соотвѣтствовали важнѣйшимъ и существеннѣйшимъ требованіямъ историческаго развитія,—то онѣ, естественно, совпадали съ дѣйствительными тенденціями революціи. Кромѣ того, интеллигенція во время революціи болѣе всѣхъ остальныхъ слоевъ населенія пользовалась словомъ и ея дѣятельность, ея стремленія и требованія всего полнѣе выразились и сохранились въ рѣчахъ, книгахъ, газетахъ. Неудивительно поэтому, что идеологи, довольствующіеся лишь внѣшностью, пришли къ убѣжденію, что мыслители и ихъ идеи вызвали революцію, руководили и управляли ею.

Несомнѣнно, что буржуазная интеллигенція принадлежитъ къ тѣмъ классамъ, которые болѣе всего наложили свою печать на французскую революцію. Насколько она выразилась въ государственномъ управленіи,—она является дѣломъ интеллигенціи. Но странно было бы думать, что революція произведена министерскими декретами и рѣшеніями парламента. Важнѣйшія рѣшенія различныхъ національныхъ собраній: учредительнаго и законодательнаго собраній, конвента лишь узаконяли то, что уже было сдѣлано.

Не въ событіяхъ революціи сказалось громадное значеніе и вліяніе интеллигенціи, а въ тѣхъ вещахъ, которыя пережили революцію. Не она взяла Бастилію, не она уничтожила бремя феодализма, не она избавила Францію отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Но она дала ей тѣ принципы, тѣ основы, на которыхъ еще и теперь покоится ея общественная организація, она создала право, которое еще и теперь считается, са-

мымъ приспособленнымъ къ современнымъ общественнымъ отношеніямъ. Конечно, полководецъ, родившійся подъ столь счастливой звѣздой, анектировалъ это право и воспользовался имъ для своихъ цѣлей: „гражданскій кодексъ“ сталъ „кодексомъ Наполеона“. Но тѣмъ не менѣе этотъ кодексъ созданъ интеллигенціей конвента.

VIII.

Оригинальное положеніе между третьимъ и первыми двумя сословіями занимали органы государственнаго управленія.

Здѣсь отчасти еще сохранились органы стараго феодальнаго управленія, лишенные своихъ функцій, но не доходовъ. Такъ какъ соотвѣтствующія должности и мѣста принадлежали къ важнѣйшимъ средствамъ эксплуатаціи въ пользу феодальнаго дворянства, то онѣ упразднялись далеко не въ той мѣрѣ, какъ становились излишними. Напротивъ, число самыхъ доходныхъ и самыхъ ненужныхъ изъ нихъ было, какъ мы видѣли, еще увеличено въ теченіе XVIII столѣтія.

Рядомъ съ этими безполезными органами управленія должны были возникнуть новые—въ области юстиціи, полиціи, податей и налоговъ, — болѣе соотвѣтствовавшіе требованіямъ новой монархіи. Создавались все новые и новые посты; чиновники на эти посты назначались королемъ. Но въ началѣ на содержаніе ихъ отпускались лишь ничтожныя суммы или даже не отпускалось ровно ничего: чаще всего они должны были вознаграждать себя поборами и взятками, которыми населеніе оплачивало исполненіе ихъ служебныхъ обязанностей. По мѣрѣ того, какъ расширялся кругъ дѣятельности чиновничества, возрастали также и его доходы; отсюда переходъ къ тому, что короли, вѣчно нуждавшіеся въ деньгахъ, вмѣсто «пожалованій» стали просто продавать чиновническія мѣста. Этотъ обычай возникъ еще въ XV вѣкѣ; онъ укоренился быстро и прочно, и сталъ главнымъ источникомъ королевскихъ доходовъ. Для увеличенія этихъ доходовъ число государственныхъ должностей быстро увеличивалось. Не только представители цеховъ и другихъ корпорацій, но даже простые цеховые мастера стали государственными чиновниками: они должны были платить за свои «мѣста», если ихъ цехи не были достаточно богаты, чтобы купить себѣ самостоятельность. У городовъ стали отнимать ихъ автономію, чтобы, если они не въ состояніи были откупиться, сдѣлать городскія должности и чины государственными, причемъ, конечно, содержаніе ихъ

падало на горожанъ. Но это не могло положить предѣла вѣчной и крайней нуждѣ монарховъ въ деньгахъ; стали, наконецъ, изобрѣтать самыя безсмысленныя и ненужныя должности, возлагая содержаніе ихъ на населеніе. Такъ, наприм., въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV были придуманы слѣдующіе «должности» и чины: надсмотрщики за париками, надсмотрщики за свиньями и поросятами, счетчики сѣна, надзиратели за складкой дровъ (conseillers du roi controleurs aux empilements du bois), надсмотрщики за свѣжимъ и соленымъ масломъ, и т. д. и т. д. Съ 1701 по 1715 гг. король получилъ отъ продажи новыхъ должностей 542 ливровъ. На то, какіе люди являлись покупщиками этихъ должностей, не обращали вниманія. Казначеи въ арміи покупали мѣста тѣхъ, которые должны были контролировать ихъ, и избавлялись такимъ образомъ отъ всякаго контроля. Громадное предложеніе этихъ должностей часто значительно понижало цѣны на нихъ, но были между ними и такія, которыя всегда оплачивались дорого. Именно, мѣста въ высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ, парламентахъ цѣнились чрезвычайно высоко. Они не только были наслѣдственны и освобождали своихъ владѣльцевъ отъ податей, какъ и большая часть другихъ должностей, но кромѣ того давали дворянское достоинство и большія надежды на крупныя взятки. Мѣсто президента парижскаго парламента стоило 500,000 ливровъ.

Естественно, что эти чиновники, экономически совершенно независѣвшіе отъ короля, были не только безконтрольны, но и при исполненіи своихъ обязанностей обыкновенно преслѣдовали только свои корыстныя цѣли. Имъ нечего было бояться устраненія отъ должности, они не могли разсчитывать на повышеніе и, не имѣя никакихъ интересовъ въ той области, въ которой они распоряжались, никакихъ связей съ нею, дѣйствовали по своему произволу. Они не довольствовались обыкновенными доходами и поборами, а старались увеличить ихъ до послѣднихъ предѣловъ посредствомъ злоупотребленія властью. Податные чиновники обманывали казну, освобождали отъ взноса податей богатыхъ, которые за деньги пріобрѣтали ихъ расположеніе, и, чтобы покрыть недочетъ, все податное бремя взваливали на бѣдныхъ. Продажны были суды, продажна полиція; безпорядокъ, необезпеченность, подкупъ господствовали во всѣхъ областяхъ государственнаго управленія. И все это вызывалось не прислуживаніемъ «начальству», не карьеризмомъ, такъ какъ люди, покупавшіе мѣста, не имѣли никакихъ надеждъ на повышеніе.

Съ такимъ чиновничествомъ невозможно было долго управлять большимъ современнымъ государствомъ. Подъ нимъ возникъ новый слой чиновниковъ, строго централизованная и вполнѣ зависѣвшая отъ короля бюрократія, которая дѣлала совершенно излишними функціи не только феодальныхъ органовъ управленія, но и покупныхъ должностей, нисколько не уменьшивъ, впрочемъ, ни ихъ числа, ни эксплуатаціи, производимой ими [1]). Лишь благодаря ей, государство стало простымъ домэномъ государя, интересы монарха — государственными интересами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эти послѣдніе — личными интересами короля. Дѣйствительно, чѣмъ сильнѣе, чѣмъ богаче государство, тѣмъ могущественнѣе и богаче его король. Важнѣйшей его задачей теперь стали заботы о матеріальномъ благосостояніи его подданныхъ... Чѣмъ болѣе вытѣсняла бюрократія старыя формы государственнаго управленія, тѣмъ шире и настойчивѣе она вторгалась въ экономическую жизнь страны, тѣмъ ревностнѣе государственная власть старалась покровительствовать торговлѣ, промышленности, земледѣлію, устранять посредствомъ административныхъ и всякихъ иныхъ реформъ всѣ помѣхи, стѣснявшія ихъ развитіе и защищать производительные классы населенія отъ чрезмѣрнаго гнета и разрушительной эксплуатаціи привиллегированныхъ; словомъ, — чѣмъ абсолютнѣе становилась монархія, тѣмъ больше усиливалась ея тенденція — стать монархіей «просвѣщенной».

Король былъ обыкновенно — если не считать церкви — самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ страны. «Мы не знаемъ точно, какъ была распредѣлена земля между владѣльцами въ 1789 году», говоритъ Л. де Лавернь: «мы знаемъ только относительно королевскихъ домэновъ,—и всѣ свѣдѣнія въ этомъ отношеніи совпадаютъ,—что они вмѣстѣ съ общинными землями занимали *пятую* часть всей французской земли» [2]). Мы можемъ себѣ представить, какъ обширны были владѣнія короля, если мы вспомнимъ о тѣхъ милліонахъ моргеновъ, которые занимали одни королевскіе лѣса, назначенные спе-

[1]) Tocqueville въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: «L'ancien regime et la révolution» классически изобразилъ, какъ эта новая бюрократія, по исторической необходимости выростала подъ покровомъ феодализма и уже тогда обнаружила всѣ характеристическія свойства позднѣйшей бюрократіи. Но революцію онъ понимаетъ слишкомъ односторонне: онъ видитъ въ ней только административный и политическій переворотъ.

[2]) Leonce de Lavergne: «Economie rurale de la France depuis 1789». Paris. 1866, стр. 49.

ціально для охоты: это была область, равная приблизительно всей территоріи великаго герцогства Ольденбургскаго. Къ этому надо прибавить еще земли, принадлежавшія принцамъ королевской фамиліи: онѣ занимали, по словамъ Неккера, *седьмую* часть Франціи. Но у короля, какъ владѣльца феодальныхъ домэновъ, были особые интересы, не совпадавшіе съ интересами государства, верховнаго собственника громадныхъ земель. Будучи самъ феодальнымъ государемъ и феодаломъ, «братьями» и «добрыми друзьями» котораго были всѣ остальные феодалы, король имѣлъ всѣ основанія упорно отстаивать феодальную эксплуатацію, феодальныя привиллегіи и противиться всѣмъ реформамъ, которыя могли бы уменьшить или ослабить ихъ. Въ качествѣ главы феодаловъ, онъ видѣлъ задачу государственнаго управленія не въ томъ, чтобы способствовать возможно большему увеличенію матеріальнаго благосостоянія подданныхъ, а лишь въ томъ, чтобы извлекать изъ нихъ возможно большіе доходы для себя и для своихъ придворныхъ.

Указанное нами раздвоеніе нашло свое классическое выраженіе въ Людовикѣ XVI: слабый, колеблющійся, лишенный всякой самостоятельности, характеръ его былъ точно нарочно созданъ для воплощенія всякихъ противорѣчій. Въ Маріи-Антуанетѣ, напротивъ, не было и слѣда этого раздвоенія: не имѣвшая ни малѣйшаго понятія о задачахъ и нуждахъ государственнаго управленія, которымъ она лишь тогда интересовалась, когда нужно было позаботиться о ея любимцахъ или устранить людей непріятныхъ ей,—она задачу королевской власти видѣла исключительно въ придворныхъ развлеченіяхъ. Она повредила королевству во Франціи гораздо больше, чѣмъ Помпадуръ, которая обнаружила несравненно большее пониманіе государственныхъ нуждъ.

Если Людовикъ XVI былъ классическимъ представителемъ «раздвоенія души» абсолютной монархіи прошлаго вѣка, то обѣ половины ея въ царствованіе этого короля нашли также свое классическое выраженіе въ лицѣ Тюрго и Калона. Первый изъ нихъ, столь же глубокій мыслитель, какъ и сильный характеръ, старался въ качествѣ министра, дѣйствительно, воспользоваться государственной властью для защиты слабыхъ, для поднятія матеріальнаго благосостоянія народа, пытался провести въ жизнь тѣ начала, которыя были признаны теоретиками обязательными и необходимыми для существованія государства и общества. Онъ отказался злоупотреблять государственнымъ управленіемъ, онъ уничтожилъ барщину, внут-

ренние таможни, цехи и освободилъ индустрію отъ гнета регламентовъ. Онъ хотѣлъ привлечь къ несенію податнаго бремени дворянство и духовенство въ равной степени съ третьимъ сословіемъ и расходованіе государственныхъ доходовъ подвергнуть контролю представительнаго собранія. И вотъ, подъ главенствомъ королевы поднялся противъ смѣлаго реформатора весь сонмъ эксплуататоровъ и Тюрго палъ въ 1776 году. Послѣ цѣлаго ряда экспериментовъ, попытокъ устроить дѣло такъ, чтобы и волкъ былъ сытъ, и овцы цѣлы, король призвалъ къ кормилу правленія Калона (1783 г.). Этотъ человѣкъ, поверхностный, но безстыдный вертопрахъ и, какъ говорится, тертый калачъ, былъ представителемъ того принципа, по которому надо было приносить въ жертву не только настоящіе, но и будущіе доходы страны, грабить не только наличные финансы государства, но и его кредитъ. Займы стали быстро слѣдовать другъ за другомъ; въ продолженіе трехсотъ лѣтъ своего управленія онъ раздобылъ для государственноаго казначейства 650 милліоновъ ливровъ,—сумму громадную по тогдашнимъ обстоятельствамъ. «Когда я увидѣлъ, что всѣ протягиваютъ руки, такъ я ужъ протянулъ свою шляпу», разсказываетъ одинъ принцъ о раздольѣ того времени. Дѣйствительно, не слышно было ни одного голоса, который бы предостерегъ, указалъ, къ чему можетъ привести это безумное мотовство. Самъ Людовикъ XVI былъ вполнѣ доволенъ своимъ министромъ, который былъ такъ «дѣятеленъ». Весь дворъ удивлялся, какъ легко, какъ быстро удалось этому великому человѣку рѣшить «соціальный вопросъ» [1]).

Безумное мотовство имѣло естественнымъ слѣдствіемъ ускореніе неизбѣжнаго крушенія всей системы. Послѣ трехъ лѣтъ сумасброднаго хозяйничанья изобрѣтательность Калона истощилась: годовой дефицитъ достигъ до 140 милліоновъ ливровъ, и, наконецъ, самъ Калонъ долженъ былъ сознаться, что уже никакіе займы не могутъ отсрочить съ минуты на минуту грозящаго банкротства, что единственное спасеніе заключается въ возвышеніи государственныхъ доходовъ и уменьшеніи расходовъ; но какъ то, такъ и другое можно было сдѣлать только на счетъ привиллегированныхъ. Когда Калонъ сообщилъ это нотаблямъ, созваннымъ имъ въ февралѣ 1787 г., взрывъ ярости негодованія привиллегированныхъ былъ отвѣ-

[1]) Когда былъ утвержденъ первый предложенный имъ заемъ, расписанный имъ самымъ плутовскимъ образомъ, одинъ сановникъ сказалъ: «я зналъ, что Калонъ спасетъ государство, но я никогда бы не подумалъ, что это такъ скоро удастся ему“.

томъ на его слова, но не противъ того безстыдства, съ которымъ онъ хозяйничалъ до сихъ поръ, а только противъ того, что это безстыдное хозяйничанье должно кончиться, такъ какъ продолженіе его стало невозможнымъ. Калонъ палъ, но когда его преемники стали по необходимости продолжать политику увеличенія податного обложенія привиллегированныхъ, они поднялись противъ самой королевской власти. Это невѣроятно, но вполнѣ вѣрно: привиллегированные, которые давно потеряли почву подъ ногами, единственной опорой которыхъ оставалась еще только королевская власть, напрягали теперь всѣ свои соединенныя усилія, чтобы подорвать и уничтожить именно эту свою опору.

Монархическая государственная власть не въ состояніи была оказать противодѣйствіе дружному напору всѣхъ сословій. Она должна была согласиться на созваніе генеральныхъ штатовъ, которые и были открыты 5 мая 1789 года. Съ этого времени обыкновенно и считаютъ начало революціи. Но замѣчательно, что возмущеніе противъ абсолютной королевской власти началось гораздо раньше, и что именно *привиллегированные* классы дали первый толчекъ ему и вызвали движеніе, которое должно было привести къ ихъ-же гибели; замѣчательно, что именно они всего упорнѣе настаивали на созывѣ того собранія, которому предстояло завершить ихъ паденіе. Конечно, повздорившіе братья скоро снова примирились лишь только они увидѣли, какъ враждебно имъ настроеніе депутатовъ третьяго сословія. Но было уже поздно.

IX.

Какъ ни странны раздоры между королевской властью и дворянствомъ во Франціи передъ самой революціей, еще страннѣе, еще невѣроятнѣе, что такіе же раздоры могли существовать даже послѣ революціоннаго взрыва и въ другихъ государствахъ, что самые ничтожные, временные интересы вызывали напряженную борьбу между такими элементами, существенные и общіе интересы которыхъ самымъ настоятельнымъ образомъ требовали тогда ихъ союза и совмѣстнаго дѣйствія.

Іосифъ II австрійскій вслѣдствіе своего пониманія современныхъ требованій, вслѣдствіе своихъ убѣжденій произвелъ въ своихъ странахъ реформы, подобныя тѣмъ, которыя время отъ времени имѣло въ виду слабое правительство Людовика XVI. Онъ уничтожилъ сословныя представительныя учрежденія и

подчинилъ привиллегированныхъ наравнѣ съ «простыми людьми» бюрократіи. Дворянство потеряло свою свободу отъ податей и неограниченную власть надъ крестьянами, духовенство—множество монастырей, и образовавшаяся вслѣдствіе продажи государственныхъ должностей, чиновная аристократія, особенно сильная въ Бельгіи, бывшей тогда еще габсбургскимъ владѣніемъ,—свои взятки и поборы. Отсюда страшное возмущеніе привиллегированныхъ, ропотъ и противодѣйствіе власти, перешедшіе въ Венгріи и Бельгіи въ 1789 г., наконецъ, въ вооруженное возстаніе, которому прусское правительство изъ всѣхъ силъ старалось поддавать жару, надѣясь этимъ ослабить Австрію [1]). «Прусскій посолъ въ Вѣнѣ, Якоби, стоялъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ вождями оппозиціи и старался подстрекать ихъ на всякій шагъ, который могъ бы привести къ открытому возстанію противъ императора». Такъ говоритъ г. von Sybel [2]), котораго ужъ, конечно, никто не станетъ подозрѣвать во враждебныхъ намѣреніяхъ. Не странное ли это зрѣлище: въ самый годъ революціоннаго взрыва прусскій король идетъ рука объ руку съ аристократическими и ультрамонтанскими бунтовщиками противъ германскаго императора?!

Неповиновеніе венгерскаго дворянства еще можно объяснить: оно само было еще достаточно сильно, чтобы отстаивать свои интересы и не нуждалось для этого въ монархіи. Оно, а не правительство, усмирило возстаніе крестьянъ въ 1784 и 1785 гг. Но совсѣмъ иначе было въ Бельгіи. Здѣсь феодальное дворянство было такъ же безсильно, его положеніе такъ же пошатнулось, какъ и въ сосѣдней Франціи. И тѣмъ не менѣе его не научилъ примѣръ французскаго дворянства. Непосредственно послѣ взятія Бастиліи и 4 августа, оно въ союзѣ съ демократами подняло возстаніе и объявило Бельгію независимой республикой. 4 января 1790 г. государственные чины различныхъ бельгійскихъ провинцій учредили «Соединенные Штаты Бельгіи», конечно, не по американскому, а по старо-феодальному образцу. Но немедленно по завоеваніи «свободы» возникли раздоры между привиллегированными и представителями правъ народа, желавшими подражать примѣру Франціи. Сверхъ того, и Пруссія провела своихъ союзниковъ. Вмѣсто того,

---

[1]) И это не впервые прусское правительство старалось воспользоваться волненіями въ Венгріи для своихъ цѣлей. Еще Фридрихъ II считалъ выгоднымъ пріобрѣсти «довѣріе и привязанность» этихъ «добрыхъ людей». См. Adam Wolf: «Oesterreich unter Maria Theresia, Iosef II und Leopold II». Berlin. 1883. Стр. 299.

[2]) См. его: «Geschichte d. Revolutionszeit» т. I стр. 103.

чтобы объявить Австріи войну, чего можно было ожидать одно время, она сблизилась съ габсбургской монархіей и готовилась вступить съ нею въ союзъ на основаніи рейхенбахскаго договора (27 іюня 1790). Когда же Іосифъ II умеръ и его преемникъ, Леопольдъ II, пошелъ на уступки, чему еще раньше подалъ примѣръ самъ Іосифъ II,—Венгрія быстро успокоилась и изолированная, безпочвенная бельгійская инсуррекція была легко уничтожена (зимой 1791—92 гг.). Но этотъ революціонный эпизодъ сильно встряхнулъ бельгійскій народъ. Бельгію невозможно было уже умиротворить вполнѣ: здѣсь подготовлялось новое, дѣйствительно, революціонное движеніе, и, когда французы вторглись въ эту страну въ 1792 году, они заняли ее почти безъ всякаго труда. Спокойная Бельгія была бы прочной точкой опоры для контр-революціонныхъ операцій противъ Франціи: отсюда можно было бы даже поставить революцію въ очень опасное положеніе. Но слѣпая жадность дворянства, духовенства и чиновной аристократіи превратила ее въ мѣсто, лишь удобное для вылазокъ французовъ.

Еще непринужденнѣе, чѣмъ въ Венгріи и Бельгіи, вело себя дворянство въ Швеціи. Густавъ III посредствомъ цѣлаго ряда государственныхъ переворотовъ отнималъ у него различныя привиллегіи, пока онъ не достигъ, наконецъ, въ 1789 г. неограниченной власти. Но онъ воспользовался властью и доходами, доставшимися ему послѣ низверженія дворянства, не для поднятія благосостоянія страны, а единственно для своихъ ребяческихъ похожденій, поглощавшихъ громадныя суммы денегъ. Этотъ театральный герой, все мечтавшій о драматическихъ эффектахъ, страдавшій маніей самаго смѣшного величія, хотѣлъ разыграть роль передового борца. Онъ проповѣдывалъ крестовый походъ противъ Франціи и хотѣлъ пробраться со своимъ флотомъ по Сенѣ до Парижа. Въ 1791 г. онъ ѣздилъ въ Аахенъ, чтобы принять участіе въ заговорѣ французскихъ эмигрантовъ съ цѣлью возстановленія монархіи. Между тѣмъ, противъ него образовался заговоръ шведскаго дворянства, которое, наконецъ, пришло къ тому убѣжденію, что оно лишь тогда можетъ вернуть свои привиллегіи, когда избавится отъ короля. 17 марта 1793 г. этотъ пылкій дѣятель контр-революціи былъ сраженъ пулей одного изъ заговорщиковъ, Анкарстрома.

Но люди, управлявшіе государствами въ то время, оказались еще болѣе близорукими, чѣмъ дворянство: ихъ ослѣпляла самая ограниченная, самая дикая жадность.

Французская революція застала Европу въ самомъ началѣ большой войны. Русская императрица Екатерина II сумѣла склонить императора Іосифа на совмѣстную войну съ Турціей въ надеждѣ на раздѣлъ этого государства. Война была начата русскими въ 1787 г., а Австріей—въ 1788 г. Пруссія не могла безучастно смотрѣть на это предпріятіе. Со времени Фридриха II ея политика была направлена на то, чтобы не допускать увеличенія Австріи безъ соотвѣтствующаго расширенія границъ Пруссіи. Если бы Австрія присоединила къ себѣ турецкія провинціи, она должна была бы «вознаградить» за это Пруссію такимъ образомъ, что Австрія возвратитъ Польшѣ Галицію, Польша же взамѣнъ этого уступитъ Пруссіи нѣкоторыя земли съ городами: Торномъ и Данцигомъ. Было ясно, что этихъ уступокъ Австрія добровольно не сдѣлаетъ. Поэтому Пруссія начала готовиться къ войнѣ и стала пріискивать союзниковъ; ближайшимъ и удобнѣйшимъ союзникомъ была страна, у которой хотѣли отнять еще часть территоріи,—Польша. Г. фонъ Зибель, въ своемъ сочиненіи, о которомъ мы уже упоминали выше, разсматриваетъ, насколько намъ извѣстно, подробнѣе всѣхъ вопросъ о вліяніи второго и третьяго раздѣла Польши на французскую революцію, опираясь при этомъ отчасти на архивные источники, очень мало доступные публикѣ: въ катастрофѣ, постигшей Польшу, онъ видитъ слѣдствіе «великаго и глубокаго грѣха» [1]) и набрасываетъ потрясающую картину паденія польской аристократіи и того угнетенія и эксплуатаціи, которыми она терзала польскій народъ... Въ то время, какъ войска Екатерины II были заняты военными дѣлами въ Турціи, польскіе патріоты рѣшили, что настало самое благопріятное время для того, чтобы избавиться отъ вліянія Россіи. Пруссія, чтобы повредить Австріи, подстрекала ихъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, поддерживала ихъ виды на Галицію, не отказываясь, конечно, и отъ своихъ собственныхъ видовъ на Торнъ и Данцигъ, и наконецъ, 29 марта 1790 г. даже заключила съ Польшей формальный союзъ, причемъ обѣ стороны обязывались взаимно оказывать другъ другу помощь въ случаѣ какихъ либо нападеній извнѣ.

Одновременно съ этимъ Пруссія, какъ мы видѣли, поддерживала мятежниковъ въ Венгріи и Бельгіи.

Англія была въ союзѣ съ Пруссіей, такъ какъ она уже тогда видѣла въ Россіи державу, усиленіе которой должно

---

[1]) См. его «Geschichte d. Revolutionszeit.», т. II, стр. 167.

сильно повредить ея торговлѣ. Единственное государство, которое еще могло бы выступить противъ Пруссіи, была французская монархія, союзная съ Австріей и породнившаяся съ ней. Какое же счастье было для прусскаго двора, когда революція сдѣлала эту державу неспособной къ войнѣ въ данное время! Онъ такъ мало понималъ значеніе революціи, такъ ослѣпила его жажда «расширенія границъ», что ослабленіе французскаго королевства онъ привѣтствовалъ, какъ желанное явленіе, потому что при этомъ исчезла послѣдняя помѣха исполненію его плановъ относительно Польши [1]). Прусское правительство не только обрадовалось революціи,—оно даже вступило съ нею въ союзъ. Прусскій посолъ въ Парижѣ, графъ Гольцъ (Goltz), вошелъ въ самыя близкія сношенія съ демократической партіей національнаго собранія. Петіонъ, депутатъ самой крайней лѣвой, получилъ однажды поздравленіе отъ прусскаго короля по случаю произнесенія имъ одной демократической рѣчи; прусскій король принималъ самое живое участіе въ томъ, чтобы рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ было отнято у короля,—конечно, во Франціи,—такъ какъ это избавило бы его на дальнѣйшее время отъ всякаго нападенія со стороны Франціи. Чтобы не слишкомъ компрометировать Гольца, къ нему для исполненія деликатныхъ порученій былъ прикомандированъ еврей Эфраимъ (въ сентябрѣ 1790 г.), тотъ самый, который дѣйствовалъ въ интересахъ Пруссіи въ Бельгіи во время возстанія [2]).

Положеніе дѣлъ въ Европѣ въ 1770 г. было въ высшей степени благопріятно для Пруссіи: французское королевство не могло вести войны по дипломатическимъ соображеніямъ; въ Бельгіи одержало верхъ возстаніе, возстаніе было и въ Венгріи; тылъ Пруссіи былъ прикрытъ со стороны Россіи Польшей и Швеціей; Россія и Австрія были слишкомъ заняты и озабочены въ Турціи, которая совершенно неожиданно проявила большую силу. При такомъ положеніи дѣлъ Австрія казалась совершенно беззащитной передъ Пруссіей, вступившей въ союзъ съ богатой Англіей, и Фридрихъ Вильгельмъ II

[1]) «Легко себѣ представить, съ какой сердечной радостью встрѣтилъ онъ (прусскій министръ Герценштейнъ) извѣстіе о первыхъ проявленіяхъ революціонной анархіи во Франціи. Съ радостнымъ сердцемъ доложилъ онъ королю 5 іюля: «Во Франціи власть короля пошатнулась, войска отказываются повиноваться, Людовикъ объявилъ народу, что королевское засѣданіе онъ считаетъ несуществовавшимъ: это напоминаетъ одну сцену съ Карломъ I; *это прекрасный случай, которымъ должны воспользоваться хорошія правительства*» (Sybel, I т. стр. 161).

[2]) Мы не знаемъ, не былъ ли онъ родственникомъ того «знаменитаго» Эфраима, который такъ умѣло обдѣлывалъ извѣстныя «денежныя дѣла» Фридриха II.

вызывалъ ее на войну. Но въ Австріи тѣмъ временемъ умеръ энергичный и настойчивый Іосифъ и на престолъ вступилъ осторожный и осмотрительный Леопольдъ (20 февраля 1790 г.). Своей уступчивостью онъ обезоружилъ своихъ враговъ, умиротворилъ Венгрію, разъединилъ возставшихъ въ Бельгіи и пришелъ къ рейхенбахскому соглашенію съ Пруссіей, которымъ былъ уничтоженъ всякій предлогъ къ войнѣ посредствомъ удовлетворенія требованій Пруссіи.

Между тѣмъ, революція достигла во Франціи такихъ размѣровъ и настолько ясно обнаружила тенденціи, враждебныя абсолютной монархіи, что она должна была заставить призадуматься даже самаго ограниченнаго государственнаго человѣка въ заграничныхъ монархіяхъ. Съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе и яснѣе, что европейскія монархіи должны уничтожить эти тенденціи или, по крайней мѣрѣ, создать какой-нибудь оплотъ противъ нихъ. И онѣ это сознавали и стали уже выражать довольно открыто. Такими выраженіями монархическихъ тенденцій были: прокламація Леопольда изъ Мантуи, его циркулярная нота изъ Падуи и, наконецъ, грозный манифестъ Австріи и Пруссіи, съ которымъ эти державы, по заключеніи формальнаго договора въ Пильницѣ, обратились къ Франціи. Императоръ смотрѣлъ сквозь пальцы на военныя приготовленія эмигрантовъ, которые у самой французской границы образовали настоящую армію для вторженія во Францію. Во Франціи не оставалось никакого сомнѣнія, что Пруссія и Австрія затѣваютъ войну противъ революціи, но тѣмъ не менѣе на самомъ дѣлѣ союзники не дѣлали ни одного шага, который бы выдалъ ихъ планы. Г. фонъ Зибель съ большой подробностью разбираетъ сношенія державъ между собой въ это время и полагаетъ, что изъ нихъ надо вывести, будто всѣ государствъ были проникнуты полнѣйшимъ миролюбіемъ и будто война была вызвана Франціей. Но мы пришли къ совершенно иному заключенію. Правда, во Франціи, какъ жирондисты, такъ и дворъ и его сторонники настаивали на войнѣ: первые—потому, что они считали войну неизбѣжной и находили нужнымъ ударить на врага раньше, чѣмъ онъ приготовится къ отпору; вторые—потому, что они надѣялись, что война приведетъ къ занятію Франціи Пруссіей и Австріей и къ реставраціи старой монархіи. Но съ другой стороны, война все дальше и дальше откладывалась, не изъ миролюбія, конечно, а единственно потому, что ни одна изъ заинтересованныхъ державъ не вѣрила другимъ. Россія старалась поскорѣе

окончить войну съ Турціей, которую она послѣ примиренія австрійцевъ съ турками, вела одна, чтобы освободить свою армію и употребить ее противъ Польши, попытавшейся стать на свои собственныя ноги. Пруссія знала, что предстоитъ скорое рѣшеніе польскаго вопроса; она не отступилась отъ своихъ видовъ на расширеніе границъ и надѣялась получить теперь въ союзѣ съ Россіей противъ Польши то, чего ей не удалось получить въ союзѣ съ Польшей противъ Россіи. Для обѣихъ этихъ державъ Австрія была крайне неудобнымъ сосѣдомъ; онѣ старались поэтому впутать Леопольда въ войну съ Франціей, чтобы развязать себѣ руки въ Польшѣ. Но Австрія тоже чуяла поживу и воздерживалась отъ энергическихъ дѣйствій до рѣшенія польскаго вопроса. Гораздо податливѣе Леопольда оказался императоръ Францъ II, вступившій на престолъ въ 1792 г., — молодой человѣкъ, правительство котораго своими смѣшными требованіями возстановленія стараго порядка во Франціи и грубыми угрозами вызвало Францію на объявленіе войны (20 апрѣля 1792). Теперь приходилось вести войну до раздѣла Польши. Пруссія не могла также отказаться отъ этой войны, которую предстояло вести Германской имперіи и пильницкимъ союзникамъ. Но союзники поступали при этомъ очень нерѣшительно; они слишкомъ низко ставили силы врага и на основаніи сообщеній эмигрантовъ и полицейскихъ шпіоновъ вообразили, что вся Франція полна вѣрноподданническихъ чувствъ и ничего не ждетъ съ большимъ нетерпѣніемъ, какъ низверженія «ига» меньшинства, — мнѣніе, полную неосновательность котораго скоро должна была очень больно почувствовать прусская армія. Союзники разсчитывали на тайное содѣйствіе Людовика XVI, на то, что онъ парализуетъ военную дѣятельность французовъ: — разсчетъ этотъ былъ уничтоженъ взятіемъ Тюльери 10 августа. Но одна изъ важнѣйшихъ причинъ медленности и недостаточности военныхъ приготовленій Австріи и Пруссіи состояла въ томъ, что эти «союзники» все еще не могли придти къ соглашенію относительно раздѣла Польши. Между тѣмъ, войска Екатерины II уже вступили въ Польшу и Пруссія до самаго мая 1792 года, разыгрывавшая роль союзника Польши, наконецъ, сняла маску и «для возстановленія спокойствія и порядка» предложила новый раздѣлъ Польши. Въ то время, когда русскія войска поражали поляковъ, оставленныхъ своими «союзниками», Австрія и Пруссія вели войну противъ Франціи лишь кое-какъ: какъ та, такъ и другая должны были зорко

слѣдить за дѣлами въ Польшѣ. Неудивительно, что этотъ походъ окончился для союзниковъ очень плачевно.

Положеніе Франціи стало гораздо опаснѣе въ слѣдующемъ году. Австрія энергически приготовлялась отмстить за свое пораженіе. Къ союзу противъ революціи присоединился цѣлый рядъ государствъ: Англія, Голландія, встревоженныя занятіемъ французами Бельгіи, подъ вліяніемъ Англіи—Сардинія, Португалія, Испанія, Неаполь. Въ самой Франціи поднялось возстаніе въ нѣсколькихъ округахъ и городахъ. Старая французская армія была уничтожена, новая же, революціонная, едва образовывалась. Старые офицеры-аристократы были удалены или эмигрировали, новыхъ же было еще слишкомъ недостаточно. Старыя линейныя войска—отчасти истреблены во время похода прошлаго года: большая часть арміи состояла изъ рекрутъ. При всемъ этомъ еще генералы часто оказывались или измѣнниками, или вообще ненадежными. Если бы терроръ не напрягъ своей суровой властью всѣхъ силъ Франціи и не выставилъ противъ врага на всѣхъ мѣстахъ преобладающее число солдатъ, которые своимъ энтузіазмомъ съ успѣхомъ вознаграждали отсутствіе дисциплины и боевой опытности,—можетъ быть, республика погибла бы совершенно. Положеніе республики, несмотря на всѣ ея усилія, на всѣ напряженія, было отчаянное. Но на ея счастье, жадность ея противниковъ была такъ же велика, какъ и ихъ озлобленіе. Каждый изъ союзниковъ хотѣлъ сдѣлать изъ войны съ Франціей выгодное лично для себя дѣло; ни одинъ изъ нихъ не довѣрялъ другому, каждый дѣйствовалъ на свой рискъ и страхъ и спѣшилъ захватить ту часть будущей добычи, которую ему хотѣлось получить. Сардинія требовала отъ Австріи расширенія своихъ границъ; Австрія же отказывалась удовлетворить ея требованіе, если къ ней, въ свою очередь, не будетъ присоединена отъ Франціи, въ видѣ вознагражденія, Наварра. Сардинію это крайне возмутило. Дорогое время проходило въ безплодныхъ пререканіяхъ; возставшій Ліонъ не былъ своевременно освобожденъ отъ осады и дѣло нападенія на Францію со стороны Италіи погибло. Англійскія войска въ Бельгіи не нашли болѣе спѣшнаго дѣла, какъ заняться исключительно осадой Дюнкирхена,—важной гавани, которою такъ хотѣлось завладѣть Англіи. Голландцевъ скоро утомила война, такъ какъ имъ не представлялось никакихъ видовъ на вознагражденіе. Но пагубнѣе всего была быстро возраставшая вражда между Пруссіей и Австріей.

Россія и Пруссія по взаимному соглашенію (зимой 1791—1792 г.) произвели второй раздѣлъ Польши между собой. Австрія въ видѣ вознагражденія получила *надежду* на присоединеніе части французской территоріи. Пруссія угрожала немедленно отказаться отъ участія въ войнѣ съ Франціей, если Англія и Австрія не признаютъ этого раздѣла Польши. Это, конечно, не могло укрѣпить дружественныхъ отношеній Австріи къ Пруссіи. Теперь задачей Австріи въ этой войнѣ стало—захватить тѣ земли, на которыя она имѣла притязанія: Эльзасъ и часть сѣверной Франціи. Но Пруссія, по горло занятая въ Польшѣ, не обнаруживала уже теперь ни малѣйшей охоты принимать серьезное участіе въ предпріятіяхъ, которыя войну противъ революціи превратили въ завоевательную войну соперника Пруссіи, — Австріи. Прусское войско теряло напрасно слишкомъ много времени при осадѣ Майнца и почти безучастно смотрѣло на битвы австрійцевъ съ французами въ Эльзасѣ [1]). Когда же Австрія сблизилась съ Россіей, Пруссія стала опасаться обоихъ своихъ «союзниковъ» и въ сентябрѣ 1793 г. почти совершенно прекратила войну съ Франціей, отозвавъ большую часть своихъ войскъ съ Рейна на польскую границу, чтобы обезпечить за собой свою часть добычи въ Польшѣ. Дѣла третьей коалиціи, 1794 г., пошли еще хуже. Между Англіей и Испаніей возникли раздоры. Весной поднялась Польша и дѣло приняло такіе размѣры, что русскіе не могли скоро управиться съ поляками: Пруссія должна была идти на помощь. Объ участіи Пруссіи въ войнѣ съ Франціей теперь нечего было и думать; Австрія также не могла уже посвящать всѣ свои силы этой войнѣ. Пробилъ послѣдній часъ Польши, и Австрія должна была выставить на польской границѣ громадное войско, чтобы не быть обойденной при третьемъ раздѣлѣ Польши, какъ при второмъ. Если бы Англія не употребила всѣхъ усилій, чтобы удержать коалицію, она бы уже тогда распалась.

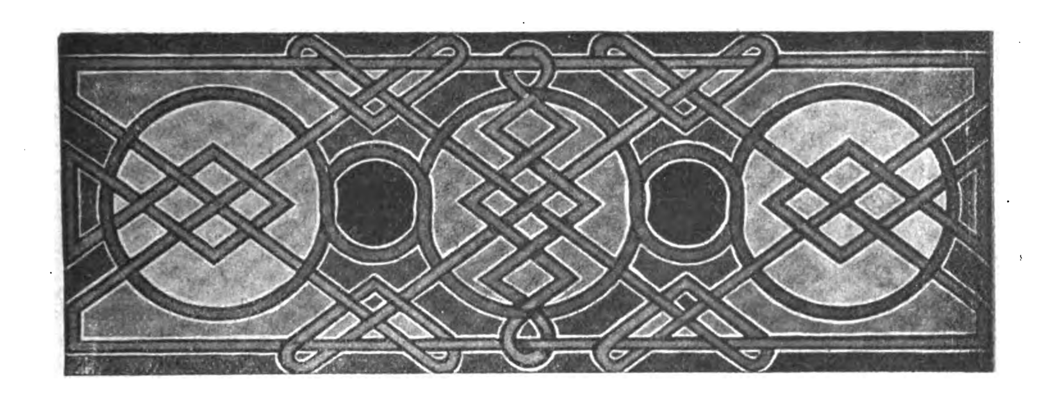
Между тѣмъ, новая революціонная армія Франціи окрѣпла; она выработала новую оригинальную тактику, которая давала ей большое преимущество предъ старыми арміями, новый корпусъ офицеровъ далъ уже тѣхъ генераловъ, которые впослѣдствіи сдѣлали эту новую армію страшилищемъ всей Европы, какъ: Гошъ, Клеберъ, Моро, Бонапартъ и т. п. Пока

---

[1]) «Полной побѣды теперь не хотѣли (именно пруссаки); теперь была только одна задача: поддерживать *равновѣсіе* между враждебнымъ союзникомъ (Австрія) и благопріятнымъ врагомъ (Франція)». Sybel. II т. 258 стр.

союзники спорили другъ съ другомъ изъ-за добычи, которая еще не была вполнѣ захвачена, — они этимъ самымъ дали время революціонной арміи пріобрѣсти страшную силу. Теперь даже при самомъ небываломъ военномъ счастьи, для союзниковъ стало невозможнымъ подавить революцію и востановить во Франціи, хотя бы на время, тотъ порядокъ, который господствовалъ въ ней до 1789 г. То же обстоятельство, что съ 1794 г. республика могла перейти къ наступленію, было въ значительной степени плодомъ мелочной, ограниченной жадности ея противниковъ.

К. Каутскій.

Изъ дальнихъ лѣтъ.

(Очерки и воспоминанія студенчества).

I.

Виноватъ-ли?

Не допускай мысли о паденіи любимой женщины... Если-же она пала,—подними ее, иначе горе тебѣ передъ Всевышнимъ.

ъ лекціи, на которой «премудрый» политико-экономъ внушалъ намъ, что «политическая экономія для животныхъ не существуетъ», я вернулся домой злой и усталый. Ничто такъ не утомляетъ, какъ слушаніе чепухи, хотя-бы лишь три четверти часа безъ перерыва...

На моемъ «письменномъ» столѣ, вѣроятно, такъ именовавшемся потому, что онъ былъ совершенно негоденъ для письма, ибо содрогался и трепеталъ отъ малѣйшаго прикосновенія, я нашелъ записку слѣдующаго содержанія:

«Были Коля и Оля. Взяли твои золотые часы и заложили ихъ. Квитанція присемъ, за что благодари, ибо, слѣдовательно, *возвратъ возможенъ*».

Часы я оставилъ дома случайно — они были сломаны. Я самъ предполагалъ пустить ихъ вскорѣ въ обращеніе, вслѣдствіе чего мое первое впечатлѣніе было не изъ пріятныхъ.

Впрочемъ—только первое. Если «Коля и Оля» пришли и взяли, значитъ нужно; это я зналъ и потому не возражалъ.

Николай Николаевичъ Карповъ, студентъ-медикъ, родомъ «съ Волги матушки широкой», принадлежалъ къ числу студентовъ средняго достатка, средняго дарованія и среднихъ способностей, но къ нему невольно влекло товарищей его чисто русское, открытое лицо, его большая искренность и «уравновѣшенность», которой многимъ не хватало.

Едва-ли, однако, не любили его болѣе всего за его дружбу съ «Олей», Ольгой Павловной Захаровой, молодой дѣвушкой, пользовавшейся общими симпатіями въ нашемъ кружкѣ.

Ольга Павловна, дочь мелкаго столичнаго чиновника, года два какъ окончила гимназію, денегъ на слушаніе какихъ-либо курсовъ и на поѣздку за границу у нея не было и она стремилась путемъ самообразованія пополнить пробѣлы своихъ знаній.

Она брала литографированныя лекціи отъ студентовъ, не только читала, но и штудировала эти курсы и часто оказывалась далеко болѣе свѣдущей въ изучаемой области, нежели товарищи студенты, которые снабдили ее лекціями. Труднѣй всего было съ естественными науками: здѣсь однимъ чтеніемъ ничего или очень мало можно сдѣлать, и безъ Карпова Оля не справилась-бы съ этой задачей...

И вотъ—онъ помогалъ ей, и я даже познакомился съ ними обоими, заставъ ихъ за этимъ «взаимообученіемъ».

Въ большой аудиторіи, гдѣ намъ, юристамъ, читали курсъ физіологіи и судебной медицины, занятія кончались рано и вслѣдъ за тѣмъ аудиторію запирали до уборки сторожами объектовъ изслѣдованія, животныхъ, подвергшихся вивисекціи.

Забывъ какъ-то въ этой аудиторіи взятую на лекціи книгу, я вернулся въ университетъ въ семь часовъ вечера, и думалъ, что трудно будетъ добыть сторожа и отпереть дверь, но къ совершенному удивленію нашелъ дверь незапертой, а въ глубинѣ, въ полумракѣ замѣтилъ какія-то двѣ фигуры, мужскую и женскую, которыя склонились надъ трупомъ собаки при слабомъ мерцаніи свѣчи. Мужчина—высокій черноволосый студентъ съ увлеченіемъ что-то толковалъ, а слушательница—молодая и довольно красивая дѣвушка была настолько поглощена его рѣчью, что оба не сразу замѣтили мое появленіе.

Импровизированная лекція продолжалась еще нѣсколько минутъ, пока я, взявъ книгу, не подошелъ ближе и не познакомился съ «Олей и Колей». Оба сдѣлались вскорѣ потомъ моими большими друзьями.

Работая вмѣстѣ въ научной области, Коля и Оля часто и матеріально помогали другъ другу—путемъ уступки выгоднаго урока, нужной книги, а иногда и просто путемъ денегъ. «Лишнихъ» денегъ ни у кого изъ насъ тогда, хотя и не было, но не было и тѣхъ «особенныхъ» взглядовъ на деньги, по которымъ денежная помощь — нѣчто неопрятное, что-ли...

«Занимаемыя деньги отдай тому, кто въ нихъ нуждается, и твой долгъ уплаченъ»—проповѣдывалъ одинъ изъ безбородыхъ мудрецовъ нашего кружка и съ нимъ никто по сему предмету не спорилъ, хотя, можетъ быть, у многихъ «аппетиты» разнаго рода далеко не отсутствовали, а лишь до поры до времени молчали...

Вслѣдствіе всего этого записка Коли и Оли о моихъ часахъ меня нисколько не удивила и я, при свиданіи, даже не спросилъ ихъ, зачѣмъ имъ были нужны деньги, а они совсѣмъ забыли мнѣ объ этомъ сказать.

Скоро, впрочемъ, прекратились и наши встрѣчи. Окончивъ курсъ, я уѣхалъ въ деревню, а Коля остался еще, какъ медикъ, доучиваться одинъ годъ. Оли мнѣ не суждено было болѣе встрѣтить, а съ Колей, съ совсѣмъ другимъ Колей, я встрѣтился лишь черезъ нѣсколько лѣтъ и при иной обстановкѣ.

Находясь по дѣламъ въ Петербургѣ, я случайно, въ отдѣлѣ хроники какой-то газеты, прочелъ замѣтку о внезапной болѣзни «нашего извѣстнаго окулиста, Николая Николаевича Карпова». Я не зналъ, что «Коля» уже «нашъ извѣстный», и не зналъ даже, что онъ въ Петербургѣ, но, прочитавъ замѣтку, конечно, поспѣшилъ посѣтить больного товарища, не безъ надежды встрѣтить около него и Олю.

„Вотъ старину-то припомнимъ! Вѣдь «запасъ счастія»— весь оттуда, изъ этихъ дальнихъ лѣтъ совмѣстной духовной жизни и работы, такъ какъ-же не побесѣдовать съ друзьями?“ думалось мнѣ.

Однако, въ этомъ случаѣ, какъ, къ сожалѣнію, и во многихъ другихъ такихъ-же, меня ждало горькое разочарованіе. Впрочемъ, здѣсь предстояло не одно разочарованіе...

Дверь отворилъ лакей во фракѣ и, взявъ мою карточку, пошелъ «доложить». Обстановка вполнѣ соотвѣтствовала лакею во фракѣ: все было, какъ и должно быть у «нашего извѣстнаго и знаменитаго».

Жизнь, впрочемъ, уже научила меня мало обращать вни-

манія на эти «внѣшнія условія», можетъ быть, въ силу поговорки: «съ волками жить—по волчьи выть». «Можетъ быть, это больше нужно «кліентамъ», думалось мнѣ.

Возвратившійся черезъ нѣсколько минутъ лакей со свѣчей проводилъ меня въ кабинетъ.

Въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, только при слабомъ освѣщеніи огня изъ камина, несмотря на поздній часъ дня, сидѣлъ Николай Николаевичъ.

Не узнать его я не могъ, но у этого человѣка съ сѣдыми волосами и блуждающимъ взоромъ было очень мало общаго съ тѣмъ Колей, котораго я засталъ въ пустынной аудиторіи при слабомъ мерцаніи свѣчи за бесѣдой съ любимой дѣвушкой. Несмотря на страдальческое лицо этого новаго для меня человѣка и на просящій его взглядъ, я бы, вѣроятно, ушелъ послѣ нѣсколькихъ формальныхъ словъ привѣта, но по тревожному виду больного я понялъ, что долженъ остаться, что онъ хочетъ мнѣ сказать что-то важное...

Избѣгая обычныхъ предисловій и какъ-то нервно спѣша. Карповъ задвигался въ креслѣ и сказалъ:

— Другъ, ты хочешь знать, гдѣ Оля? Ты развѣ не слышалъ ничего о насъ послѣ отъѣзда? Нѣтъ? Такъ слушай. Она вышла замужъ.

Карповъ пріостановился, очевидно, собираясь съ силами для продолженія разсказа.

— Да, вышла замужъ... за одного человѣка—ты его не знаешь—и вышла замужъ потому... впрочемъ, Богъ ее знаетъ почему. Мнѣ она сказала тогда, что его любитъ; но это неправда. Потомъ она сама сказала, что неправда. А теперь... какъ ты думаешь, была она способна на самоубійство?

Я ничего не отвѣтилъ на этотъ неожиданный вопросъ и только отвернулся отъ Карпова, чтобы дать ему время овладѣть собой.

Между тѣмъ, онъ продолжалъ:

— Да... ты молчишь... я увѣренъ, ты сказалъ бы: *нѣтъ*— это была вполнѣ здоровая натура. Я самъ себѣ говорю это ежедневно, а между тѣмъ... можетъ быть... и вотъ это «можетъ быть» и ужасно, это «можетъ быть» и сводитъ меня съ ума.

Послѣ замужества Оли я ее долго не видѣлъ. Я уѣхалъ сперва земскимъ врачомъ въ провинцію, затѣмъ избралъ спеціальность и, какъ видишь, теперь здѣсь...

Я не осудилъ ее — за что-же? но и не забылъ о ней— развѣ могъ забыть?

Я работалъ, какъ умѣлъ, жилъ, если и не счастливо, то безъ особенныхъ бѣдствій и ко мнѣ пришло, какъ видишь, матеріальное благополучіе.

Исторія съ выходомъ замужъ Оли пришибла меня лишь на время.

Моя «уравновѣшенность» взяла свое... Я продолжалъ жить и работать и, по временамъ мнѣ казалось, что былъ даже полезенъ.

Но знаешь-ли, вѣры меньше въ людей стало. Точно душу вынули...

Вслѣдствіе отсутствія вѣры этой все у меня и произошло...

Слушай дальше.

Я не зналъ даже, куда уѣхала Оля съ мужемъ, человѣкомъ очень состоятельнымъ... Порой сомнѣніе, не эта-ли «состоятельность» и была причиной моего несчастія,—закрадывалось мнѣ въ душу .. Стыдно сказать—но это такъ.

Мнѣ почему-то, однако, казалось, что Олю я еще встрѣчу и я, дѣйствительно, встрѣтилъ ее... случайно, на Невскомъ, входя въ магазинъ. Она входила, а я выходилъ... Изящно одѣтая, въ траурѣ, элегантная дама—но таже Оля, потому что, увидѣвъ меня, она радостно хлопнула въ ладоши. Помнишь, у нея была такая привычка.

«Коля милый, здравствуй», сказала она мнѣ; мы встрѣтились, какъ-будто никогда и не разставались...

Въ какомъ-то туманѣ отъ счастія я слушалъ ея слова: ея мужъ умеръ, она долго жила съ нимъ за-границей, теперь вернулась въ Россію, хочетъ жить въ Петербургѣ, пока не получитъ разрѣшенія практиковать—она врачъ Бернскаго университета—а затѣмъ въ провинцію, на службу земству...

Милая Оля! Милыя грезы жизни—я ужъ ихъ пережилъ и отжилъ...

Я ее слушалъ, не спорилъ. Главное для меня было, что Оля здѣсь, что она вольный человѣкъ...

Всякую свободную минуту мы стали проводить вмѣстѣ.

Ты знаешь, другъ, эти наши студенческія бесѣды *запоемъ*, какъ мы говорили тогда... Ты, можетъ быть, скажешь—«любовныя», а не «студенческія»? Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ—именно студенческія, одухотворенныя, хотя и согрѣтыя любовью, какъ воздухъ—лучами солнца...

Въ первое время я даже не думалъ, что Оля меня любитъ. Я любилъ ее только самъ, а потомъ, когда мнѣ пока-

залось, что и она любитъ, не знаю почему, но сталъ я засорять мою душу совсѣмъ другимъ.

Нѣтъ, не «не знаю почему»—я знаю, и позорно, что теперь знаю, а тогда—не понялъ.

Если Оля осталась той же, такъ я-то вѣдь уже не былъ прежнимъ.

Послѣ первыхъ дней нашихъ бесѣдъ жизнь понемногу стала насъ захватывать и засасывать своими мелочами.

Я скоро замѣтилъ, что у Оли нѣтъ почти никакихъ средствъ... Она сама мнѣ объ этомъ откровенно сказала и моя денежная помощь явилась какъ нельзя болѣе кстати.

Какое это противное выраженіе «денежная помощь» и какія противныя мысли съ нимъ связаны!..

А у меня именно зародились эти мысли! Подумай только—это относительно Оли...

Мысли эти, конечно, пришли не сразу. Когда я замѣтилъ, что Оля какъ-то мало хлопочетъ о своемъ экзаменѣ и разрѣшеніи практики, я сперва былъ даже радъ. Затѣмъ,—жизнь уже такъ обработала меня,—я сталъ думать, хотя еще глубоко стыдился этого, что Оля „перерѣшила“, иначе говоря, имѣетъ въ виду возможность совмѣстной, брачной что-ли, со мной жизни.

Это была моя собственная мечта, но отъ сознанія, что эта мысль могла придти въ голову Олѣ раньше меня, мнѣ эта мечта сдѣлалась какъ-то менѣе отрадной.

Я еще не смѣлъ, однако, объяснять новое рѣшеніе Оли какими-либо матеріальными видами. Мое матеріальное содѣйствіе ей, между тѣмъ, продолжалось и я постепенно дошелъ и до этого...

Я не спрашиваю тебя, виноватъ-ли я въ этомъ... я знаю самъ, что позорно виноватъ. Но, подожди, выслушай до конца, будетъ, пожалуй, и того хуже.

Итакъ я уже настолько осквернилъ свою душу, что сталъ думать, что Оля нѣкоторымъ образомъ эксплуатируетъ мои старыя къ ней симпатіи...

Было ли что-либо въ ея отношеніяхъ ко мнѣ, что дало мнѣ основаніе къ такому грязному предположенію?

Мнѣ тогда казалось, что—да.

Изъ дружественной Оля стала почти любящей,—прежде она не была такой.

Каждый день приближалъ насъ къ развязкѣ... Я это чувствовалъ всѣмъ существомъ моимъ.

Теперь я понимаю, что и не могло быть иначе: вѣдь и прежде Оля любила меня, но она была дѣвушкой, а теперь—

передо мной была женщина, во всемъ блескѣ своей тѣлесной и духовной красоты...

То, что, казалось, должно создать мое счастіе, изумило меня, поколебало, если не мою любовь, такъ мое довѣріе къ Олѣ.

Почему? я самъ не знаю, почему...

Плохъ ужъ я очень сталъ. Оля помнила лишь о своей любви, а я подозрѣвалъ ее... въ корыстныхъ видахъ, думалъ о своемъ положеніи выдающагося врача...

Видишь ты теперь мое „положеніе“?.. хорошо оно?

Ростущее у Ольги чувство и ростущія во мнѣ плевелы заставили меня быть осторожнѣй... Я сталъ заходить къ Олѣ даже не каждый день, подъ предлогомъ не мѣшать ей заниматься.

Меня тянуло къ ней, а я тренировалъ себя...

Я замѣтилъ, что Оля стала нѣсколько задумчивѣй, иногда нѣмой вопросъ какъ бы сквозилъ въ ея взорѣ и тогда я опять становился внимательнѣй, голосъ совѣсти заставлялъ меня отбросить мои задушевныя пошлости, но затѣмъ мое недовѣріе возвращалось и я опять уходилъ, иногда надолго, на нѣсколько дней...

Какъ то разъ я пришелъ къ Олѣ утромъ, часа въ два и съ удивленіемъ узналъ, что она еще въ постели.

Она попросила меня войти въ номеръ (она поселилась въ меблированной комнатѣ), а затѣмъ, изъ-за перегородки, за которой она лежала, я услышалъ ея зовъ подойти къ постели.

Что-же тутъ особеннаго? скажешь ты.

Но мнѣ показалось именно это совсѣмъ «особеннымъ», и даже глубоко возмутило меня.

Я, однако, повиновался.

Въ голубой кофточкѣ, плохо освѣщенная свѣчой на ночномъ столикѣ, ея головка, съ небрежно собранными волосами, живо напомнила мнѣ въ первую минуту мою Олю, тамъ въ аудиторіи.

Она тогда, помнишь, тоже носила голубую кофточку...

Однако, я постарался побороть первое впечатлѣніе и поздоровался съ Олей даже холоднѣй обыкновеннаго; даже руки не поцѣловалъ, какъ постоянно цѣловалъ въ послѣднее время.

Оля объяснила мнѣ, что поскользнулась, повредила себѣ ногу въ колѣнкѣ и обложила ее льдомъ.

Объясняя мнѣ это, она подняла слегка одѣяло... а я, врачъ, отвернулся...

— Я пришлю вамъ одного изъ моихъ коллегъ, сказалъ я, вставая.—Вы знаете, это не моя спеціальность.

Кажется, я больше ничего не сказалъ и вышелъ.

Я весь какъ-то заморозилъ себя въ это время... Вышелъ и не обернулся, хотя мнѣ и послышался какъ-бы стонъ или тяжелый вздохъ. Я былъ потрясенъ и глубоко возмущенъ. Въ простотѣ товарищескаго обращенія больной женщины мнѣ померещился ловкій пріемъ кокетки, ищущей развязки.

Я дошелъ до такого «градуса», что даже и товарища-врача не послалъ, а послалъ только денегъ въ пакетѣ, безъ записки...

Я зналъ, что всѣ деньги вышли и этимъ, однако, я не хотѣлъ оскорбить.

Деньги я вложилъ въ большой сѣрый пакетъ... видишь, вотъ въ этотъ, вскрытый ею, пакетъ.

Видишь, на немъ ея адресъ и та—новая фамилія...

Я два дня, вслѣдъ за тѣмъ, не былъ у Оли. На третій ко мнѣ пришла дѣвушка изъ номеровъ и доложила, что «барыня приказала долго жить», такъ, какъ насчетъ похоронъ?...

Я чуть не прибилъ эту несчастную, слова ея показались мнѣ злой и глупой шуткой.

Оля умерла, я одинъ опять, опять безъ Оли и уже навсегда. Ты понимаешь для меня весь ужасъ этихъ словъ...

Или, можетъ быть, уже не понимаешь? Да, я не переставалъ ее любить, ею жить, хотя и подозрѣвалъ, допускалъ даже мысль о ея... ну, даже, о ея продажности. Это началось вѣдь съ ея выхода замужъ за богатаго... Да и я вѣдь, повторяю, уже не прежній былъ. Мысль о любви уже не связывалась у меня непремѣнно съ представленіемъ о всемъ чистомъ и честномъ, о всемъ лучшемъ на землѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ у Оли, около моей мертвой Оли. Поздно... Почему она умерла? Какъ врачъ, я не рѣшался дать на это отвѣтъ, но моя совѣсть уже мнѣ отвѣтила... Какъ ты думаешь, виновенъ ли я? Впрочемъ, постой... ты еще не можешь на это отвѣтить.

Отъ Оли я поскакалъ къ тому врачу, который констатировалъ ея смерть. Онъ, повидимому, былъ очень удивленъ и даже нѣсколько встревоженъ моими безпорядочными вопросами и высказалъ догадку, что смерть могла произойти отъ простуды въ тотъ моментъ, когда женщинѣ нужно особенно беречь себя. «Вѣдь, кажется, покойная льдомъ обкладывала ногу», замѣтилъ онъ.

Я чуть не расцѣловалъ его за эту догадку, однако... по-

ѣхалъ опять въ номеръ къ Олѣ. Виноватъ-ли я въ твоей смерти?!. хотѣлось мнѣ ей крикнуть.

Дѣвушка сказала, что всѣ послѣдніе дни Оля не вставала съ постели.

Только наканунѣ смерти, вечеромъ, приказала принести себѣ бутылку шампанскаго, встала, что-то пробовала писать, все разорвала, приказала откупорить вино, выпила нѣсколько глотковъ и долго смѣялась..

«Я радовалась, что барыня такъ весела», добавила горничная.

Писемъ никакихъ я не нашелъ, только этотъ мой пакетъ.

Скажи-же мнѣ теперь—виноватъ-ли я?»

Утомленный долгимъ разсказомъ Николай Николаевичъ тяжело опустился въ кресло и закрылъ глаза.

Огонь въ каминѣ догоралъ, въ комнатѣ было темно и тихо и я чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, что мой собесѣдникъ, мой бывшій другъ и товарищъ не прочтетъ на моемъ лицѣ отвѣта на вопросъ, жестокій вопросъ, который поставила ему жизнь.

На этотъ вопросъ, какъ и на первый, я ему ничего не отвѣтилъ.

II.

Внѣбрачный.

Все выходитъ чистымъ изъ рукъ Творца... *Ж. Ж. Руссо.*

Съ Ивановымъ мы познакомились еще въ гимназіи. Сосредоточенный и серьезный не по лѣтамъ онъ производилъ большое впечатлѣніе на товарищей той осторожностью, съ которой относился даже къ мелочамъ, если дѣло шло о правдѣ... На вопросъ, напр., надзирателя о томъ—курилъ-ли онъ? Ивановъ преглупо, по нашему мнѣнію, отвѣчалъ, что „курилъ“, хотя надзиратель этого и не замѣтилъ, вслѣдствіе чего и спрашивалъ. Ивановъ не „баллопромышленничалъ“, не списывалъ, вообще былъ, что называется, малый не покладистый.

Говорили, что онъ незаконный, или, какъ теперь стали гораздо порядочнѣй говорить, изъ „внѣбрачныхъ“, да и онъ самъ косвенно тогда-же на это намекалъ, заявляя, что „у васъ, господа, не такая честь, какъ у меня; у меня моя собственная, *только моя*“, но затѣмъ, въ университетѣ, всѣмъ этимъ уже никто не занимался и самъ Ивановъ уже никакихъ намековъ на свое происхожденіе не дѣлалъ. Очевидно, всѣ мы это уже переросли, или, казалось, по крайней мѣрѣ, что переросли.

Ивановъ жилъ со своей уже пожилой матерью болѣе чѣмъ скромно—уроками, хотя его отецъ и былъ человѣкъ весьма состоятельный и занималъ видное общественное положеніе въ нашемъ провинціальномъ университетскомъ городѣ. Съ отцомъ онъ не встрѣчался...

Я всегда считалъ Иванова честолюбцемъ. Учился онъ превосходно, кончилъ съ медалью гимназію, въ университетѣ былъ на прекрасномъ счету, товарищескихъ совѣщаній избѣгалъ. Другого, можетъ быть, товарищи не любили-бы за это, но ему прощали. Мы всѣ какъ-то понимали, что онъ нужнѣй своей матери, чѣмъ намъ... Именно, матери нужнѣй онъ, это самъ какъ-то высказалъ, и всѣ безмолвно съ нимъ согласились.

Я былъ къ нему ближе другихъ и онъ, порой, повѣрялъ мнѣ свою мечту.

„Понимаешь-ли ты, говорилъ онъ,—теперь „ее“ никто не знаетъ и не признаетъ, а она честная... Я это не потому говорю, что она—моя мать, а потому, что правда. А тогда, какъ пойдетъ она со мной подъ руку, съ сыномъ то со своимъ, профессоромъ, всѣ и признаютъ... И хоть честь она и не теряла, а почестей не видѣла, а *тогда*—и почести воздадутъ“. И для этого неопредѣленнаго *тогда*, исполненнаго почестей и уваженія для его матери, Ивановъ и жилъ и работалъ...

Начавшіяся въ университетѣ недоразумѣнія застали Иванова совершенно врасплохъ и привели въ полное отчаяніе. На актъ онъ не пошелъ—онъ никогда не ходилъ туда, такъ какъ въ числѣ почетныхъ гостей возсѣдалъ его отецъ, но что-же дѣлать дальше?

На этотъ вопросъ Ивановъ искалъ и, очевидно, не находилъ отвѣта.

„Что по твоему важнѣй—честь или почести?“ предложилъ онъ мнѣ странный вопросъ, когда я зашелъ къ нему разсказать о нашей сходкѣ. „По моему, всего важнѣй—генераломъ быть“ отвѣтилъ, я ему сердито, да еще, кажется, ругнулся вдобавокъ и ушелъ.

Событія, между тѣмъ, шли своимъ порядкомъ.

Нѣкоторые изъ товарищей куда-то исчезли, другіе собирались уѣзжать...

Мы всѣ были увѣрены другъ въ другѣ, однако, появились признаки и иного положенія вещей, такъ какъ на вопросъ о сочувствіи или несочувствіи, получились и „не-

сочувственные" отвѣты. Пылая юношескимъ негодованіемъ (теперь я едва-ли бы такъ „воспылалъ"), я пошелъ сообщить Иванову о результатахъ, такъ какъ зналъ, что онъ отъ всего продолжаетъ держать себя особнякомъ. Онъ молча выслушалъ меня, постепенно блѣднѣя, по мѣрѣ того какъ я „клеймилъ" нѣкоторыхъ, затѣмъ всталъ и вышелъ. Шумъ паденія тѣла за дверью заставилъ меня броситься къ нему, но около него уже копошилась его мать...

Когда все вошло въ обычную колею я уже не заходилъ къ Иванову, и встрѣчая его въ университетѣ, избѣгалъ его, хоть и съ болью въ сердцѣ: очень уже у него невеселый былъ видъ.

Однако, я почти отвѣтилъ ему грубостью, когда, весной, незадолго до экзаменовъ, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Зайди ко мнѣ сегодня, я живу тамъ-же, только... мать умерла". На послѣднихъ словахъ онъ какъ-то запнулся и произнесъ ихъ, отвернувшись въ сторону. Я ничего не отвѣтилъ, но рѣшилъ зайти... и не зашелъ.

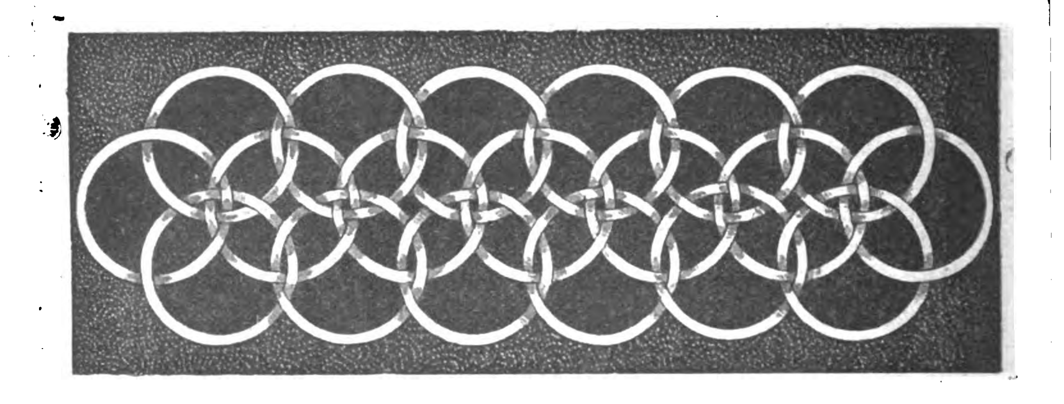
Въ газетѣ на слѣдующій день я прочелъ о самоубійствѣ Иванова, причемъ на столѣ его нашли записку со слѣдующими странными словами:

„Чести не вернешь, а почестей ей вѣдь не нужно".

Тѣмъ и завершилась мечта Иванова.

М. Головинскій.

Страннички прошлаго.

Гоненіе на Ломоносова и Фонвизина въ XIX в.

30-е годы—время было тихое, спокойное и о литераторахъ выражались слѣдующимъ образомъ:

„Въ другихъ земляхъ при множествѣ писателей хорошихъ есть много и писателей безбожныхъ, вольно-мыслящихъ и развратныхъ, а въ Россіи хорошіе писатели *есть*, а безпутныхъ *нѣтъ* или, по меньшей мѣрѣ, весьма мало, но и тѣ извѣстны только по рукописямъ, а въ чужихъ краяхъ они печатаютъ всякій вздоръ и читаются публично и всѣми“ [1]. Тѣмъ не менѣе, несмотря на столь „лестный“ отзывъ о русскихъ литераторахъ, цензурныя строгости были въ большомъ ходу.

Особенно строга была цензура духовнаго вѣдомства. Ни одно изъ событій жизни русскаго общества не проходило безъ того, чтобы на него не было обращено вниманія съ этой стороны.

Такъ, 25 іюня 1832 г. въ городѣ Архангельскѣ было совершено торжественное открытіе памятника Ломоносову. На этомъ торжествѣ присутствовало какъ гражданское, такъ и духовное сословіе города; былъ, конечно, военный генералъ-губернаторъ, мѣстный архіерей, вся знать города и именитые граждане. Описаніе этого торжества, заключавшагося въ молебнѣ, освященіи памятника, произнесеніи рѣчей и стиховъ (на латинскомъ языкѣ), было помѣщено въ 170 № С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.

А въ результатѣ появилось такое опредѣленіе Синода.

Оказалось, что духовенству неприлично присутствовать при

---

[1]) Письма къ Воинамъ Алексѣя Малова. Часть I, стр. 333, примѣчаніе. Курсивъ подлинника.

открытіи памятника „покойному статскому совѣтнику Ломоносову“. Кромѣ же того, въ дѣйствіяхъ епархіальнаго начальства оказались „немаловажныя несообразности и неприличія“ главнымъ образомъ состоявшія въ слѣдующемъ:

„О памятникѣ Ломоносову, противъ приличія, упомянуто въ церковномъ словѣ на высокоторжественный день рожденія Его Императорскаго Величества, не только потому, что почесть памятника есть гражданская, и для церкви посторонняя, но еще болѣе потому, что при церковномъ торжествѣ о высокомъ рожденіи благочестивѣйшаго Государя Императора, несообразно было выставлять предъ алтаремъ похвалу и почесть подданнаго“ [1]).

Кромѣ того, было найдено преступленіе и въ произнесеніи слова предъ окончаніемъ литургіи. Наконецъ, произнесеніе рѣчи протодьякономъ предъ открытіемъ памятника должно было быть страннымъ для простого народа, „какъ смѣшеніе священнаго съ свѣтскимъ“, такъ какъ протодьяконъ служитъ обыкновенно въ церкви и не можетъ поэтому „употребленъ быть для чтенія рѣчи при памятникѣ“.

А самая рѣчь кончалась обычною для духовнаго оратора ссылкою на священное писаніе, именно конецъ рѣчи былъ таковъ:

„Мы теперь въ сей высокоторжественнѣйшій и достопамятнѣйшій день рожденія благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго великаго Государя нашего, Императора Николая Павловича, всемилостивѣйшаго и нижайшаго отца сыновъ россійскихъ, открывая возрожденіе памяти безсмертному сочиненіями своими мужу Ломоносову, въ тихомъ пристанищѣ, взирая на протекшія треволненія и горькое Іовлево испытаніе, не можемъ не содрогнуться; но тѣмъ болѣе радуемся избавленные. Къ сему именно дню, не когда-либо въ другое, но именно въ нынѣшнее время совершенно созрѣли всѣ ожиданія, всѣ терпѣнія наши. Можемъ теперь воскликнуть: сей день его же сотвори Господь для насъ, возрадуемся и возвеселимся въ онь и восторжествуемъ о Господѣ Бозѣ и Спасѣ нашемъ, славно бо прославился“.

Рѣчь, какъ видно изъ данной выписки, представляетъ обычную рѣчь того времени, но несмотря на это, она была снабжена слѣдующимъ примѣчаніемъ:

„Въ рѣчи сей священное изрѣченіе: сей день его же сотвори Господь, употреблено неумѣстно“.

Это опредѣленіе было написано собственноручно митрополитомъ Филаретомъ.

Другое приключеніе было съ Фонвизинымъ. Извѣстно, что отличительною чертою просвѣтительной философіи XVIII вѣка былъ скептицизмъ. Въ русскомъ обществѣ большинство было неподготовлено къ воспріятію идей французскихъ и англійскихъ деистовъ. Весьма понятно что красивыя фразы дѣйствовали гораздо сильнѣе, чѣмъ отвлеченныя разсужденія.—Вотъ почему въ

---

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита Моск. и Колом. по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ. Томъ дополнительный, стр. 579—582.

60-хъ годахъ XVIII вѣка въ Петербургѣ былъ значителенъ кружокъ лицъ, выдающихъ себя за образованныхъ, знакомыхъ съ послѣднимъ словомъ науки, но главное занятіе которыхъ заключалось „въ богохуленіи, кощунствѣ, въ отрицаніи даже бытія Всевышняго существа“. Въ этотъ кружокъ во время своей молодости попалъ Фонвизинъ и—приводимъ дальше слова самого Фонвизина—„въ сіе время сочинилъ я посланіе къ Шумилову, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе (насмѣшку надъ святыней), такъ что отъ сего сочиненія прослылъ я у многихъ безбожникомъ. Но, Господи! Тебѣ извѣстно сердце мое; Ты знаешь, что оно всегда благоговѣйно Тебя почитало и что сіе сомнѣніе было [1]) дѣйствіе не безвѣрія, но безразсудной остроты моей“.

Нельзя, конечно, сомнѣваться въ искренности этой фразы Фонвизина, помѣщенной въ чистосердечномъ „Признаніи въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ“.

Само же стихотвореніе представляетъ изъ себя „посланіе къ слугамъ моимъ, Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“, причемъ приводится вопросъ автора:

„Скажи, Шумиловъ, мнѣ на, что сей созданъ свѣтъ?“ и отвѣты этихъ трехъ слугъ. Конечно, послѣдніе не могутъ отвѣтить на данный вопросъ; не даетъ отвѣта и самъ авторъ вопроса, заключая стихотвореніе фразой:

«А вы внемлите мой, друзья мои, отвѣтъ:
И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ!»

Наиболѣе рѣзки слѣдующіе стихи:

«Создатель твари всей, себѣ на похвалу,
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу.
Иные рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
Вотъ какъ вертится свѣтъ; а для чего онъ такъ,
Не вѣдаетъ того ни умный, ни дуракъ».

Для насъ данное стихотвореніе имѣетъ безспорный интересъ памятника извѣстнаго направленія русскаго общества Екатерининской эпохи и давать ему какое-либо другое значеніе, кажется, очень трудно. Но 55 лѣтъ тому назадъ (въ 1846 г.) думали нѣсколько иначе. Это посланіе оказалось «исполнено явнаго невѣрія, кощунства и совершенной безнравственности» и кромѣ того „легко представить, какъ вредно распространять подобныя сочиненія въ народѣ, особенно въ классѣ людей, мало просвѣщенныхъ, для которыхъ, какъ можно заключать по образцу его изложенія, оно и назначено авторомъ“ [2]).

Фонвизинъ, написавъ въ 1763 году это стихотвореніе, конечно, не предназначалъ его для людей „мало просвѣщенныхъ“ и это не могло быть неизвѣстнымъ автору отзыва—митрополиту Филарету, который признается однимъ изъ образованнѣйшихъ людей

[1]) Сочиненія Фонвизина. Полное собраніе оригинальныхъ произведеній. Редакція Арс. И. Введенскаго. Стр. 237.

[2]) Собраніе отзывовъ и мнѣній Филарета митр. Моск. и пр. Томъ дополнительный, 165—167 стр.

своего времени. Но, несмотря на это, митрополитъ Филаретъ считалъ стихотвореніе „вреднымъ для нравственности и вѣры", а распространеніе его въ народѣ „опасной заразой, о которой надлежитъ доносить благопопечительному начальству для употребленія предохранительныхъ и врачебныхъ мѣръ" т. е. митрополитъ Филаретъ хотѣлъ запрещенія этого стихотворенія Фонвизина и, пожалуй, не былъ бы противъ положительнаго запрещенія и всего собранія сочиненій Фонвизина, изданнаго Смирдинымъ въ 1846 году,—такъ какъ на отзывѣ встрѣчается такая фраза: „въ числѣ ихъ (сочиненій) два *особенно* (курсивъ нашъ) должны быть признаны вредными...

Это „особенно"—очень знаменательно. Если стихотворенія „Посланіе къ Шумилову" и „Поученіе въ Духовъ день"—особенно вредны, то остальныя сочиненія—„Бригадиръ", „Недоросль" все-таки не безвредны.

Другое сочиненіе Фонвизина „Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Василіемъ въ селѣ П.**, представляетъ изъ себя съ одной стороны, яркую сатиру на современное Фонвизину состояніе духовенства, съ другой же, указаніе на общепринятое мнѣніе, что „пьянство главный порокъ крестьянина".

„Повѣрьте, дѣти мои, что главный корень всякаго зла въ крестьянствѣ есть вино и пиво. *(Взглянувъ на одного крестьянина, который взоромъ показалъ свое неудовольствіе)*. Вижу, вижу, что у тебя теперь на умѣ. Ты кивнулъ головою, думая: неужто и въ правду чарки вина выпить нельзя?.... Подумайте, дѣти мои, куда годится пьяница? Онъ всегда худой крестьянинъ; никто изъ добрыхъ людей на него не полагается.... Всякій нищій навѣрно пьяница, потому что добрый крестьянинъ, кромѣ гнѣва Божьяго, обнищать не можетъ.... Всякій воръ, конечно, пьяница...."

Объясненіе многихъ недостатковъ крестьянской жизни пьянствомъ издавна существовало и было общепринято въ нашей литературѣ. Данная сторона рѣчи не подвергалась обвиненію, со стороны митрополита Филарета; онъ ограничился лишь краткимъ замѣчаніемъ: „повидимому, написано съ доброй цѣлью, чтобы удержать простой народъ отъ пьянства...."

Фонвизинъ снабдилъ свою сатиру примѣчаніемъ, „что онъ это поученіе будто бы, дѣйствительно, слышалъ и считаетъ его образцомъ поученій".—Конечно, это примѣчаніе было не болѣе какъ извѣстный пріемъ, но, очевидно, что манера изложенія мысли очень близко подходила къ дѣйствительности, такъ какъ этому примѣчанію стали придавать серьезное значеніе.

Однако сочиненіе это подверглось, во-первыхъ, обвиненію въ кощунствѣ. Фраза: „если и въ наши грѣшныя времена еще бываютъ чудеса, то было вчера, конечно, надъ тобою, окаяннымъ, весьма знаменитое. Какъ ты не лопнулъ, распуча грѣшную утробу свою, по крайней мѣрѣ, полуведромъ такого пива, какое всякій разъ даже въ трезвости живущій не могъ бы, не свалясь съ ногъ, и пяти стакановъ выпить? (обращеніе священниковъ къ одному изъ крестьянъ"), [1])—навела митрополита Филарета на слѣдую-

[1]) Указанное выше собраніе сочиненій Фонвизина. 180 стр.

щее заключеніе: „въ семъ мѣстѣ, кромѣ неприличныхъ священной каѳедрѣ выраженія и указанія на лицо, чѣмъ наполнено все сочиненіе, авторъ возбуждаетъ сомнѣніе въ дѣйствительности чудесъ, бывшихъ во всѣ времена церкви, и унижаетъ самое достоинство ихъ такимъ отвратительнымъ примѣненіемъ".

Но въ этомъ отзывѣ есть одна очень характерная черта, показывающая, что, „кромѣ кощунства" нѣчто иное тревожило покойнаго святителя. Очень сильное впечатлѣніе производило и самое отрицательное отношеніе къ духовенству. Въ „Посланіи къ слугамъ" есть такой стихъ:

„Попы стараются обманывать народъ".

Филаретъ дѣлаетъ къ нему слѣдующее примѣчаніе: „не личность священника страждетъ отъ сей злонамѣренной мысли, но личность всей церкви Божіей, въ которой священники и учатъ и тайноводствуютъ и что будетъ, если то, чему научаютъ священники православныхъ христіанъ, будутъ считать обманомъ?"

Такимъ образомъ только одна фраза „попы стараются обманывать народъ"—была снабжена пояснительнымъ примѣчаніемъ, остальныя выдержки изъ стихотворенія приводятся просто, какъ примѣръ безвѣрія, безнравственности и пр., безъ поясненія въ чемъ же состоитъ это безвѣріе?

Это донесеніе митрополита Филарета было сообщено тогда-же на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія и, надо полагать, произвело свое дѣйствіе, такъ какъ въ цитированномъ собраніи сочиненій Фонвизина стихотвореніе „Посланіе къ слугамъ моимъ" приводится съ большими пропусками, отмѣченными точками и строка „попы стараются обманывать народъ" долго не встрѣчалась въ полномъ собраніи оригинальныхъ произведеній великаго русскаго писателя, скончавшагося въ 1792 году.

П. Столпянскій.

Неосторожная ѣзда въ началѣ прошлаго столѣтія.

Однимъ изъ нашихъ читателей любезно доставлено въ редакцію подлинное „Дѣло по сообщенію Санктъ-Петербургскаго губернскаго правленія о назначеніи церковнаго покаянія Лаврентію Паштееву за сшибеніе съ ногъ дышломъ ѣдучи, сургучнаго мастера жену Василису Терентьеву, которая черезъ два часа помре", № 1375, отъ 9 октября 1807 года. Изъ этого „дѣла", печатаемаго ниже въ выборкахъ съ соблюденіемъ орѳографіи, видно изъ отношенія Санктпетербургскаго губернскаго правленія, въ римско-католическую Духовную Коллегію во 2-й Департаментъ, что правленіе: „слушавъ рапортъ управы благочинія, при которомъ присланъ польскій уроженецъ Лаврентій Ивановъ Паштеевъ палатой уголовнаго суда за сшибеніе съ ногъ дышломъ едучи подороге съ порожней каретою запряженной парою лошадями сургучнаго мастера жену вдову Василису Терентьеву которая после того черезъ два часа помре назначенной порешенію оной палаты плетьми пятьдесятъ ударамъ для преданія церковному покаянію куда следуетъ, ипотомъ отдачи генералъ лей-

тенанту Герарду сдонесеніемъ притомъ, что оной Паштеевъ веры римско католическаго исповѣданія *опредѣлило* означеннаго Паштеева для преданія церковному покаянію отослать чрезъ полицію въ римско Католическую Духовную Коллегію присообщенніи. Октября 8 дня 1807 года".

Подписи не разборчивы.

Слѣдующій документъ гласитъ: „1807 года Октября 9 дня. По указу Его Императорскаго Величества Римско-Католической Духовной Коллегии 1-й Департаментъ [1]) слушавъ сообщеніе" (идетъ изложеніе приведеннаго выше отношенія)... „*Приказали:* Мѣсто покаянія для него Паштеева назначить при здѣшней Коллегіи Іезуитскаго ордена, и для того препроводить его при указѣ къ ректору Анжолини съ такимъ предписаніемъ, что бы оной Паштеевъ содержанъ былъ въ уединенномъ мѣстѣ подъ духовнымъ присмотромъ на хлѣбѣ и водѣ пять дней, въ продолженіи которыхъ назначенная изъ той же Эзуицкой Коллегіи духовная особа, имѣетъ ему внушать христіанскія обязанности и объясняя важность его преступленія преподавать ему поученія и наставленія какимъ онъ поведеніемъ и средствами долженствуетъ стараться умилостивить всевышняго, а при томъ долженствуетъ онъ Паштеевъ во время своей Епитиміи всякой день подъ духовнымъ же надзираніемъ стоя, въ церквѣ на колѣнахъ слушать святой литургіи, а въ послѣдній день исповѣдываться и причащаться святымъ тайнамъ по предварительномъ его къ тому приготовленіи, а за симъ Ректоръ Анжолини доставитъ его обратно въ Коллегію при рапортѣ, съ описаніемъ учиненнаго по сему исполненія и съизьясненіемъ сколько оною Коллегіею на содержаніе онаго Паштеева въ продолженіи означеннаго времяни употреблено будетъ, подлинное за подписаніемъ Господъ присудствующихъ и за скрепою Секретаря. Съ подлиннымъ вѣрно" N (подпись не разборчива).

15 того же октября ректоръ Анжіолини въ рапортѣ за № 808, изложенномъ на *латинскомъ* языкѣ, донесъ Коллегіи о томъ, что Паштеевъ былъ заключенъ на 5 дней въ уединенное мѣсто, получалъ въ пищу хлѣбъ и воду, былъ наставляемъ духовной особой, вообще все было исполнено согласно предписанію, вслѣдствіе чего члены Коллегіи... „Приказали: Какъ означенный Паштѣевъ назначенную сею Коллегіею Епитимію уже исполнилъ, то и отправить его по принадлежности при сообщеніи въ здѣшнѣе Губернокое Правленіе".

На другой день Паштеевъ былъ отправленъ въ Губернское Правленіе. На этомъ „Дѣло" заканчивается.

Хотя Паштеевъ дѣйствительно ѣхалъ „неосторожно", но былъ достаточно наказанъ за свою „неосторожность". Сто лѣтъ спустя онъ, пострадалъ-бы гораздо меньше.

---

[1]) Губ. Правленіе, вѣроятно, по невѣденію направило дѣло во 2-й департаментъ.

Браки между родственниками.

Браки между близкими родственниками закономъ запрещались еще въ глубокой древности; экзогамію [1]) можно прослѣдить у израильтянъ, затѣмъ у китайцевъ и арабовъ, а въ настоящее время этого обычая держатся почти всѣ цивилизованные народы Европы и Америки. Основаніемъ запрещенія послужили по всей вѣроятности подмѣченныя вредныя послѣдствія подобныхъ браковъ для потомства. Съ этой-же цѣлью стали собирать статистическія данныя, касающіяся браковъ близкихъ родственниковъ, и тогда обнаружилась еще яснѣе опасность, грозившая дальнѣйшему существованію рода, и возможность вырожденія боковыхъ линій. Генеалогическія таблицы указываютъ много примѣровъ вреднаго вліянія такихъ браковъ на продолженіе семьи. Приводимъ самые интересные изъ нихъ. Мужское потомство Габсбургской династіи пресѣклось главнымъ образомъ вслѣдствіе повторныхъ браковъ между близкими родственниками австрійской и испанской линій. Въ испанской линіи Габсбургскаго дома, угасшей на 40 лѣтъ раньше австрійской, браки заключались приблизительно около ста лѣтъ, между родственниками: король Филиппъ III, сынъ Филиппа II и дочери императора Максимиліана II, женился на дочери своего дяди (эрцгерцога Карла). Родившійся отъ нихъ Филиппъ IV вторымъ бракомъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ (дочери императора Фердинанда III) и имѣлъ отъ нея короля Карла II, бездѣтный бракъ котораго и былъ причиной прекращенія Габсбургскаго дома въ Испаніи.

Въ австрійской линіи замѣчается то-же самое: Фердинандъ III былъ женатъ первымъ бракомъ на дочери своей тетки (дочь эрцгерцога Карла и супруги испанскаго короля Филиппа III) и имѣлъ отъ нея пять дѣтей, изъ которыхъ четверо умерли въ раннемъ дѣтствѣ, а отъ второго брака съ дочерью своего дяди (эрцгерц. Леопольда Тирольскаго) имѣлъ одного сына умершаго 15-ти лѣтъ. Затѣмъ императоръ Леопольдъ I (сынъ Фердинанда III) изъ четверыхъ дѣтей, родившихся отъ брака съ двоюродной сестрой (дочь испанскаго короля Филиппа IV), потерялъ троихъ, а отъ второго брака съ дочерью своего дяди (эрцгерц. Фердинанда Карла) имѣлъ двухъ дочерей, умершихъ на первомъ же году жизни. Отъ третьяго брака Леопольда родились три сына, изъ которыхъ одинъ умеръ двухъ лѣтъ, а двое остальныхъ (императоръ Іосифъ I и Карлъ VII) женились, но ихъ единственные сыновья умерли, не проживъ и года. Такъ въ 1740 г. прекратилась мужская линія Габсбургскаго дома.

Такимъ же поучительнымъ примѣромъ могутъ служить 4 брака короля Фердинанда VII испанскаго: отъ перваго брака (съ двоюродной сестрой) у него родились двѣ дочери, умершія въ первый-же годъ; отъ второго брака (съ племянницей) и отъ третьяго (съ двоюродной сестрой) дѣтей не было, а отъ четвертаго (съ

---

[1]) Экзогамія—бракъ съ женщиною чужого племени или рода въ противоположность эндогаміи—когда жена берется изъ племени или рода мужа.

племянницей первой супруги) онъ имѣлъ двухъ дочерей, изъ которыхъ одна-королева Изабелла II вышла замужъ за двоюроднаго брата и имѣла восемь дѣтей: изъ нихъ трехъ сыновей, двухъ мертворожденныхъ и сына Алфонзо XII, умершаго 28-ми лѣтъ.

Вредныя послѣдствія браковъ между близкими родственниками проявляются и тогда когда отъ подобныхъ браковъ рождается много дѣтей, такъ какъ смертность дѣтей превышаетъ обыкновенно нормальныя границы. Это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: пфальцграфъ Цвейбрюкенскій Фридрихъ—имѣлъ 13 дѣтей, изъ которыхъ 8 умерло. Сынъ его Эрнестъ тоже женился на родственницѣ,—былъ отцомъ трехъ дѣтей, умершихъ въ раннемъ дѣтствѣ. Такимъ образомъ пресѣклась и эта боковая линія.

Георгъ, графъ Нассаускій отъ брака съ близкой родственницей имѣлъ 13 дѣтей, изъ которыхъ восемь также умерло въ дѣтствѣ; сынъ его Людвигъ Генрихъ женился на родственницѣ, отъ которой родилось четверо дѣтей, причемъ трое умерло въ дѣтскомъ возрастѣ. Отъ брака Вильгельма, ландграфа Гессенъ-Филиппстальскаго, съ близкой родственницей родилось 10 дѣтей (изъ нихъ пятеро умерло на первомъ году); сынъ его Эрнестъ, женатый на родственницѣ, былъ отцомъ двухъ дочерей, изъ которыхъ одна умерла двухъ лѣтъ, а другая двадцати пяти.

Такіе браки между близкими родственниками встрѣчаются особенно часто въ высшихъ классахъ. Объясняется это тѣмъ, что правящіе классы избѣгаютъ браковъ съ лицами неравными по происхожденію, а это и служитъ причиной ихъ вырожденія. Изъ статистики 1900 г. видно, что на 74 неженатыхъ принца приходилось 42 незамужнихъ принцессы. Послѣ этого станетъ яснымъ, что браки между близкими родственниками должны умножиться, если не измѣнится правило о бракахъ равнаго происхожденія.

Армянскія пословицы.

По легендѣ въ Арменіи нѣкогда находился садъ Эдема, съ протекавшими черезъ него рѣками: Тигромъ, Эвфратомъ, Араксомъ и Чорокомъ; и здѣсь, гдѣ по преданію была колыбель всего человѣчества, разыгралась въ наше время жестокая драма,—тысячи христіанъ пали жертвой турецкаго фанатизма. Страна Гайастанъ, какъ называютъ ее сами армяне, была богата и плодородна еще въ IX вѣкѣ; историкъ Азоликъ разсказываетъ, что армянскіе пастухи ходили въ шелковыхъ одеждахъ и что чудные кони и драгоцѣнные камни ихъ страны пересылались въ Римъ, гдѣ приводили всѣхъ въ изумленіе. Послѣ прекращенія династіи Багратидовъ благосостояніе страны пало, и Арменія была раздѣлена между Россіей, Персіей и Турціей. Неудивительно послѣ этого, что армяне, находясь столько времени подъ гнетомъ чужеземнаго владычества, подъ давленіемъ персовъ—огнепоклонниковъ и турокъ-мусульманъ, потеряли прежнюю свободу духа и переняли многое изъ обычаевъ своихъ побѣдителей. Несмотря на это, однако, армяне и до сихъ поръ остались едва ли не самымъ способнымъ и предпріимчивымъ народомъ западной Азіи. О культурности армянъ и ихъ сообразительности свидѣтельствуютъ и ихъ пословицы.

„Только тотъ—человѣкъ, кто умѣетъ читать", гласитъ одна армянская пословица и если всмотрѣться въ исторію развитія печати, то это изрѣченіе нельзя не признать правильнымъ. Въ 1795 г. появилась первая армянская газета, а въ настоящее время число періодическихъ изданій на этомъ языкѣ превышаетъ 150,—цифра громадная для обѣднѣвшаго и обремененнаго налогами народа.! Армяне преклоняются передъ всякимъ проявленіемъ разума. Они, какъ и мы, русскіе говорятъ: „умъ хорошо, а два лучше"; „лучше съ умнымъ таскать камни, чѣмъ ѣсть пловъ съ дуракомъ". Не особенно лестна для богатыхъ пословица: „у богатыхъ нѣтъ ума, а у умныхъ нѣтъ денегъ". „Мірскія деньги останутся въ мірѣ", утѣшаетъ себя благочестивый бѣднякъ. „Золотая денежка на черный день", говоритъ бережливый. Кромѣ глубокаго смысла въ армянскихъ пословицахъ, благодаря ихъ восточному колориту, встрѣчаются часто красивые картинные обороты, напр.: „дерево не расцвѣтаетъ раньше весны", „зимняя роза—это огонь", „изъ одного и того-же цвѣтка змѣя добываетъ ядъ, а пчела медъ". Не лишены также красоты и наглядности пословицы: „свѣдущій чортъ лучше несвѣдущаго ангела"; „отцы ѣли кислый виноградъ, а дѣти оскомину набили"; „воръ у вора укралъ—и Богъ изумился"; „пока Сусанна нарядится—служба кончится".

Какъ и всѣ женщины Востока,—армянки не пользуются особой свободой, хотя онѣ не ведутъ жизнь одалисокъ и ихъ совсѣмъ нельзя сравнивать съ турчанками. Стремленія армянской женщины сводятся главнымъ образомъ къ тому, чтобъ быть хорошей матерью и хозяйкой. „Наблюдай мать, а бери дочь", совѣтуетъ отецъ сыну, такъ какъ „добраго вола узнаешь въ ярмѣ, а хорошую жену у колыбели ребенка". Благодаря раннему созрѣванію женщинъ матери 14 лѣтъ и бабушки 26-ти совсѣмъ не рѣдкость у армянъ, не говоря уже о многочисленности дѣтей. Семья у армянъ въ большомъ почетѣ, дѣти считаются благодатью Божіей, и заботы о ихъ воспитаніи стоятъ на первомъ планѣ. Сыновья и внуки вводятъ своихъ женъ въ домъ родителей и всѣ въ мирѣ и согласіи живутъ подъ одной кровлей. Но иногда отецъ многочисленной семьи всетаки говоритъ: „безъ дѣтей бѣда, а съ дѣтьми еще больше бѣдъ". На дочь смотрятъ какъ на „чужое сокровище". Помощь ближнему считается обязательной. „Стыдно тому, кто проситъ", говорится въ пословицѣ, „но еще стыднѣе тому, кто не даетъ"; „только бѣднякъ понимаетъ печаль бѣдняка". Точно также выражается въ пословицахъ и религіозное чувство: „нѣмого понимаетъ Богъ"; „если Богъ даетъ, то ужъ щедрой рукой"; „Богъ караетъ поздно, но сильно". Эта пословица напоминаетъ нашу русскую: „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ". Вообще многія армянскія изреченія сходны по смыслу съ русскими, мы напр. говорили „не все то золото, что блеститъ". а армяне говорятъ: „не все то яблоко, что кругло". Нашей пословицѣ: „какъ нажито, такъ и прожито" соотвѣтствуетъ армянская: „что вѣтромъ принесло, то вѣтромъ-же и унесетъ". Про человѣка не имѣющаго вкуса у насъ говорятъ „понимаетъ толкъ какъ свинья въ апельсинахъ", и у армянъ вы-

ражаются не вѣжливѣе: „знаетъ толкъ какъ оселъ въ миндалѣ“ „Сохрани меня Богъ отъ друзей“, думаетъ армянинъ, полагая что, „умный врагъ лучше глупаго друга“, что опять таки похоже на русскую пословицу: „не бойся врага умнаго, а бойся друга глупаго“. Какъ мы не довѣряемъ „тихому омуту“ или „тихой водѣ,“ которая „подмываетъ берега“, такъ и армянинъ говоритъ: „бойся воды, которая не пѣнится и не бурлитъ“. Оригинальны также слѣдующія пословицы: „волкъ унесъ овцу, горе мужику если у него нѣтъ другихъ“; „дружи съ собакой, но палку изъ рукъ не выпускай“; „малъ золотой, да цѣна велика“ похожа на нашу пословицу „малъ золотникъ, да дорогъ. У армянъ также мало любятъ правду, какъ и вездѣ, и потому они говорятъ: „хочешь сказать правду, такъ раньше занеси ногу въ стремя“.

Изъ области археологіи.

Гдѣ былъ убитъ царевичъ Дмитрій? Планъ древняго Углича. На засѣданіи общества любителей древней письменности проф. С. Ѳ. Платоновъ сдѣлалъ докладъ—„Угличскій городъ въ XVI—XVII вѣкахъ". Докладъ этотъ былъ разработанъ на основаніи всѣхъ извѣстныхъ историческихъ данныхъ, относящихся ко времени убіенія царевича Дмитрія. Референтъ постарался выяснить ту топографическую обстановку, въ которой происходило убійство. Важнѣйшими свидѣтельствами являются „слѣдственное дѣло" и житіе Дмитрія (1-ая половина XVII вѣка), но они неточны. Устраненіе этихъ неточностей и было задачею докладчика. Изучены были докладчикомъ, кромѣ „слѣдственнаго дѣла" и „житій": оффиціальныя описи Углича 1665, 1674, 1676 и 1678 г., переписная книга Углича 1710 г. и 1717 г. и отрывки дозора 1620 г.

Въ послѣдній день своей жизни 15 мая 1591 г. царевичъ Дмитрій гулялъ близъ церкви Константина,—такъ свидѣтельствуютъ письменные памятники, но ни одинъ изъ нихъ не даетъ указаній на мѣстоположеніе этой церкви. Просмотръ и изученіе документовъ не дали окончательныхъ результатовъ для возстановленія полной топографической картины убійства; референту удалось лишь составить на основаніи документальныхъ данныхъ общій планъ Угличскаго Кремля XVII вѣка, расположеніе дворца и двора его. Церковь же Константиновская, по мнѣнію референта, могла находиться за городомъ. Къ сожалѣнію, упоминаемый въ письменныхъ памятникахъ, чертежъ Углича 1629 года, составленный съ натуры, не найденъ до настоящаго времени.

Археологическія сокровища Приднѣпровья. На засѣданіи членовъ Археологическаго института 15 января, по случаю его годовщины, графъ А. А. Бобринскій, на основаніи 20-лѣтнихъ изысканій и изслѣдованій памятниковъ древностей Приднѣпровья, сдѣлалъ интересную попытку возстановить бытъ, обстановку и наружность древнихъ обитателей Малороссіи.

Приднѣпровское населеніе пережило всѣ стадіи человѣческаго развитія. Пережило оно и первую культурную стадію, когда добывало скудныя средства къ существованію лишь при помощи отбивныхъ орудій изъ камня. Обитатель Приднѣпровья былъ, при этомъ въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ его собратъ въ западной Европѣ. Къ услугамъ послѣдняго былъ кремень—наиболѣе крѣпкая каменная порода, тогда какъ въ Приднѣпровьѣ залежей кремня почти не существуетъ, и обитатели его въ своемъ распоряженіи имѣли лишь случайно попавшіеся мелкіе куски кремня. Другія породы (гранитъ, известнякъ), употреблявшіяся ими были гораздо мягче и часто ломались и портились. Какъ мягкія породы онѣ и сохранились послѣ многовѣковаго пребыванія въ землѣ въ почти безформенномъ видѣ. Подобные камни встрѣчаются и въ окрестностяхъ хорошо обслѣдованной Смѣлы (Кіевской губ.) и на мѣстонахожденіи стоянки первобытнаго человѣка подъ Юрьевой горой.

Интересенъ взглядъ французскаго ученаго Тіелленъ на этотъ первый періодъ въ жизни человѣчества. „Въ эпоху, баснословная древность которой не поддается нашимъ исчисленіямъ, среди гигантскихъ чудовищъ, обитавшихъ на землѣ, появилось слабое тщедушное созданіе, безъ одѣянія и безъ оружія, которое съ трудомъ поддерживало изо-дня въ день свое жалкое существованіе, находя въ горныхъ ущельяхъ лишь недостаточное убѣжище отъ безпрестанно угрожающей опасности. Это существо лишено было, казалось, какихъ бы то ни было шансовъ на успѣхъ, въ общей жизненной битвѣ и на дальнѣйшее существованіе своего рода. Окруженный многочисленными и страшными врагами лишенный способовъ нападать и защищаться, обреченный въ жертву всякимъ насиліямъ и превратностямъ—человѣкъ, казалось, самой природой обреченъ былъ на уничтоженіе. Но онъ обладалъ двумя чудотворными орудіями, болѣе совершенными у него, нежели у какого-либо другого созданія; это—мозгъ, чтобы повелѣвать, рука, чтобы исполнять. Грубой силѣ, до того времени царицѣ міра, онъ противупоставилъ разумъ и ловкость—величественная борьба, въ которой послѣднія два должны были задушить первую“.

Слѣдующій за палеолитическимъ періодъ въ жизни обитателя Приднѣпровья названъ референтомъ *енеолитическимъ*. Въ это время человѣкъ употреблялъ уже, кромѣ каменныхъ, и орудія изъ бронзы.

Принадлежалъ человѣкъ этого періода къ длинноголовой расѣ; найдены слѣды искусственнаго придаванія головѣ удлиненной формы, по обычаю нѣкоторыхъ народовъ древности. Бронзовыя вещицы знакомы ему случайно, какъ занесенныя изъ культурныхъ центровъ Сиріи и Египта. Обстановка его жизни проста, главную роль въ ней играетъ дерево, обильный матеріалъ, доставляемый окружающими дремучими лѣсами Малороссіи. Не рѣдко попадаются археологу остатки деревянныхъ вещей и орудій. Татуировка въ обычаѣ человѣка енеолитическаго періода, краситъ онъ себѣ лицо и тѣло густыми слоями ярко-красной краски. Окраска тѣлъ покойниковъ служитъ, быть можетъ, только отраженіемъ обыденной жизни. Извѣстно, что первобытный человѣкъ заботился

объ удовлетвореніи потребностей мертвеца въ загробной жизни; въ могилу укладывались пища, питье, оружіе, лошадь, домашній скотъ. Могила устраивалось въ формѣ его жилища. Покойникъ густо покрывался краской, возлѣ же него укладывался запасъ краски въ комьяхъ.

Посуду человѣкъ употреблялъ весьма грубой выдѣлки безъ помощи гончарнаго круга, но на ней появляются уже попытки украсить ее незатѣйливымъ орнаментомъ. Оружіемъ его служили деревянныя дубины, копья, луки. Мелкіе кремневые осколки шли на изготовленіе наконечниковъ стрѣлъ. Грозное оружіе, въ формѣ заостреннаго лома, выдѣлывалось изъ отростковъ роговъ оленя. Въ пищу употреблялъ первобытный человѣкъ козуль, зайцевъ, коровъ, конину и разныхъ грызуновъ. Ихъ же приносили и въ жертву. Семейная жизнь въ это время уже существуетъ и доказываютъ это коллективныя семейныя могилы причемъ ребенку оказывается то же вниманіе, какъ и взрослому. По предположеніямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, въ эти общія могилы по обряду хоронились жены, наложницы и дѣти умершаго хозяина, умерщвляемыя при его погребеніи.

Время енеолитической эпохи—около VII вѣка до Р. Х. За ней слѣдуетъ вѣкъ желѣза, составляющій эпоху скиѳо-сарматскую. Продолжается она отъ VI до II вѣка до Р. Хр. Въ этотъ періодъ Малороссія находится подъ замѣтнымъ культурнымъ вліяніемъ греческой цивилизаціи.

Скиѳъ — кочевникъ, высокій, мускулистый, голова круглая, прекрасные зубы, выразительныя черты лица, нависшія брови и сильно развитыя скулы; видъ немного суровый. Охота и битвы его главныя занятія. Въ высокой растительности степей онъ совершенно исчезаетъ, сидя верхомъ на своей быстрой малорослой лошади. Оружіе его крашеный, богато орнаментированный колчанъ, множество стрѣлъ съ бронзовыми, костяными и нерѣдко желѣзными наконечниками. Сбоку короткій кинжалъ, справа два длинныхъ желѣзныхъ копья и тонкіе легкіе дротики. При немъ также пращъ и нѣсколько камней. Вожди имѣютъ колчанъ, украшенный массивными золотыми бляхами, съ выгравированными на нихъ сценами охотничьей жизни, мечи, тонкіе изящные топорики, трости съ фигурными набалдашниками изъ кости и бунчуки съ бронзовыми погремушками на длинныхъ желѣзныхъ шестахъ, украшенныхъ сверху фигурками разныхъ животныхъ—все это аттрибуты ихъ власти. Носятъ вожди золотыя ожерелья, оружіе въ золотѣ, иногда греческій бронзовый шлемъ съ развѣвающеюся цвѣтною гривою. Конь скиѳа также богато украшенъ. Множество бляхъ изъ ярко-сверкающей бронзы, а иногда и изъ серебра и золота покрываютъ бока лошади, низко нависаютъ отъ этихъ украшеній огромныя кисти. Голова коня спереди защищена большими узорчатыми бляхами. Не существуетъ ни стремянъ, ни шпоръ.

Охотится скиѳъ за медвѣдями, рысью, волками, барсами, кабанами, зубрами, турами, оленями, козами и за разнообразными птицами. Употребляетъ онъ для охоты иногда сокола и собаку. Пища варится въ бронзовыхъ котлахъ, часто съ художественною

орнаментаціею. Вино въ большихъ амфорахъ привезено изъ далекой Греціи. На столахъ красуются блестящіе золотые сосуды, серебряные бокалы, чары, терракотовыя издѣлія, росписныя вазы. Стекла нѣтъ, кусочки его, какъ драгоцѣнные камни, украшаютъ лишь одежды женщинъ. Посуда мѣстной выдѣлки также оригинальна, отличаясь блескомъ узоровъ, выведенныхъ ярко-бѣлой инкрустаціей на темномъ фонѣ. У каждаго скиѳа свой острый ножъ, у богатыхъ черенки обложены золотомъ. Чарочкой съ высокою причудливой ручкой скиѳъ черпаетъ вино изъ глубокаго кувшина.

Разноцвѣтныя ткани съ множествомъ нашитыхъ золотыхъ бляшекъ служатъ одеждою богатыхъ скиѳскихъ женщинъ. У женъ вождей все платье съ ногъ до головы обшито золотомъ. Шеи украшаютъ ожерелья изъ бусъ и привѣсокъ, иногда изъ чистаго золота. Золотыя, серебряныя или бронзовыя часто, очень массивныя серьги украшаютъ уши. Высокія шпильки въ волосахъ, браслеты на рукахъ и ногахъ, кольца и перстни на пальцахъ; въ рукахъ блестящія металлическія зеркала, цѣлыя собранія амулетовъ: клыки кабана, медвѣдя, волка и пр. — вотъ подробности наряда женщинъ. У дѣтей куколки, привѣски, погремушки, свистки. Жили скиѳы въ большихъ деревянныхъ домахъ, построенныхъ на массивныхъ столбахъ. Крыша высокая, остроконечная. На стѣнахъ развѣшано оружіе, въ особыхъ углубленіяхъ разставлена посуда.

За скиѳо-сарматской эпохой слѣдуетъ періодъ римскаго вліянія на населеніе Приднѣпровья (II вѣкъ по Р. Х. до III вѣкъ по Р. Х.). А за тѣмъ эпоха великаго переселенія народовъ, продолжающаяся до VI вѣка по Р. Х. Къ этой послѣдней эпохѣ относятся и курганы съ загадочными каменными бабами.

Славянская эпоха (VI—IX вѣка нашей эры) отличается погребеніями подъ низкими насыпями съ немногочисленными предметами быта. Время ихъ опредѣляется куфическими монетами, просверленными для нанизыванія на ожерелья. Погребенія печенѣжскаго типа, т. е. содержащія скелетъ воина въ полномъ вооруженіи, положеннаго въ могилу вмѣстѣ съ убраннымъ и осѣдланнымъ конемъ, референтъ относитъ къ IX—XI вѣкамъ нашей эры.

Слѣдующая эпоха—великокняжеская (X—XII вѣка по (Р. Х. характеризуется находками вещей византійской работы. Вліяніе Византіи выражается въ этотъ періодъ весьма замѣтно.

Задачи будущаго изученія Приднѣпровья относятся ко всѣмъ перечисленнымъ эпохамъ. Безусловно мало разработаны и требуютъ долгихъ изслѣдованій эпоха каменнаго вѣка; эпоха римскаго вліянія трудно поддается изученію, благодаря отсутствію наружныхъ признаковъ погребеній этого времени; эпоха переселенія народовъ остается пока совершенно неясной.

Неизданныя египетскія надписи. Б. А. Тураевъ на засѣданіи И. Р. А. О. сообщилъ о нѣкоторыхъ надгробныхъ надписяхъ, изслѣдованныхъ имъ при осмотрѣ Британскаго музея. Большая часть надписей содержитъ гимны въ честь бога Ра (олицетвореніе солнца). Нѣкоторыя надписи даютъ понятіе объ особомъ

своеобразномъ египетскомъ культѣ; такъ при сильно развитомъ уваженіи къ писменности египтянъ, письменныя принадлежности (дощечки) почитались священными, отожествляясь съ тѣломъ Озириса; большинство проборовъ украшены поэтому фигурами, изображающими Озириса. На основаніи же надписей референтъ вывелъ еще одно новое научное заключеніе, что царь Рамзесъ I царствовалъ въ Египтѣ не болѣе 3 лѣтъ.

Къ числу цѣнныхъ пріобрѣтеній египетской поэтической литературы принадлежатъ изданный нѣмецкимъ ученымъ Эрманомъ сборникъ образцовъ для изученія дѣловыхъ и поэтическихъ произведеній. Образцы эти относятся къ IX вѣку до Р. Х., къ царствованію 19 или 20 династіи. Дѣловыя бумаги въ большей своей части относятся до работъ въ гробницахъ. Поэтическія произведенія—это образцы гимновъ божествамъ Египта и похвальныя оды. Одинъ изъ сохранившихся гимновъ—очень поэтичный по формѣ—гимнъ солнцу, но конецъ его указываетъ на огромное развитіе бюрократизма — авторъ гимна выражаетъ въ концѣ его искреннее желаніе возвращенія потерянной имъ должности. Два гимна воспѣваютъ животворное дѣйствіе солнца и даютъ характеристику взгляда египтянъ на мірозданіе. Гимнъ въ честь Озириса передаетъ о пребываніи Озириса въ землѣ—отождествляя его съ нею. Растительность появляется, по воззрѣніямъ египтянъ, лишь послѣ погребенія Озириса. Солнце плачетъ по умершемъ божествѣ. Одинъ изъ гимновъ воспѣваетъ различныя формы божества. Другой гимнъ, посвященный богинѣ правды, выражаетъ жалобы на окружающую несправедливость. Восхваленіе столицы Рамзеса служитъ также темою одного гимна.

Новый музей древностей Подоліи. По иниціативѣ М. А. Трублаевича, возникла мысль объ устройствѣ въ г. Каменецъ-Подольскѣ общественнаго музея древностей Подоліи. Предварительное собраніе лицъ, которыя особенно могутъ быть полезны для возникающаго дѣла, состоялось еще въ августѣ минувшаго года. Тогда же былъ разсмотрѣнъ проектъ устава музея. Онъ составленъ примѣнительно къ образцовому уставу губернскихъ и областныхъ археологическихъ музеевъ и согласно указаніямъ Московскаго археологическаго общества. Учредители музея не теряютъ времени и, благодаря нѣсколькимъ пожертвованіямъ, уже положили первое основаніе будущимъ коллекціямъ музея. Преосвященный Модестъ, архіепископъ волынскій и житомірскій, прислалъ 100 р. въ пользу музея. Подольская губернія богата всевозможными памятниками старины: здѣсь въ обиліи встрѣчаются пещеры, металлическія сооруженія, городища, древніе монастыри слѣды циклопическихъ построекъ, каменныя бабы и курганы разныхъ типовъ, число которыхъ доходитъ до двухъ съ половиной тысячъ. Всѣ эти древности исчезаютъ, разрушаются и вмѣстѣ съ ними пропадаетъ безвозвратно драгоцѣнный матеріалъ для изслѣдованія прошлаго Подоліи. Историческія судьбы Подольской земли, богатыя разными перипетіями, дали въ результатѣ множество разнообразныхъ памятниковъ старины. Каменецъ-Подольскъ представляетъ очень богатую и интересную ихъ кол-

лекцію. Все это пока остается почти неизслѣдованнымъ и сдѣлано для изученія Подольской старины очень немного. Работы на польскомъ языкѣ д-ра І. І. Роле (псевдонимъ его д-ръ Антоній І.), умершаго нѣсколько лѣтъ назадъ, составляютъ пока главную основу знаній о памятникахъ старины и исторіи Подоліи. Трудится въ этой области и епархіальный статистическій комитетъ, но главнымъ образомъ съ цѣлью изученія церковныхъ древностей.

Интересная коллекція В. В. Тарновскаго. Богатая коллекція В. В. Тарновскаго завѣщана покойнымъ черниговскому губернскому земству. Въ настоящее время эта рѣдкая и весьма обширная коллекція находится частью въ Кіевѣ, въ мѣстномъ музеѣ древностей и искусствъ, частью въ Черниговѣ. Въ Черниговъ отправленъ и весь богатый и обширный архивъ В. В. Тарновскаго (въ архивѣ этомъ есть множество весьма цѣнныхъ документовъ, въ томъ числѣ много подлинныхъ гетманскихъ универсаловъ), а также весь такъ называемый шевченковскій отдѣлъ коллекціи. Покойный владѣлецъ ея съ особенной любовью относился къ собиранію предметовъ этого отдѣла. Въ кіевскомъ музеѣ отдѣлы коллекціи Тарновскаго расположены въ одномъ залѣ. Обращаетъ на себя вниманіе, прежде всего, собраніе гетманскихъ булавъ и полковничьихъ перначей. Среди булавъ находятся булавы гетмановъ Выговскаго и Хмельницкаго. Подлинность послѣдней, впрочемъ, оспаривается. Въ той же витринѣ выставлены музыкальные инструменты, среди которыхъ есть бандура гетмана Мазепы. Очень интересны гетманскія сѣдла въ массивной золотой оправѣ, украшенныя множествомъ крупныхъ драгоцѣнныхъ камней. Въ особой стоячей витринѣ расположено дорогое казацкое оружіе: сабли и ружья. Среди нихъ есть длинная пищаль Сагайдачнаго. Многія сабли и ружья имѣютъ богатую оправу. Далѣе идутъ старинные золотые и серебряные кубки, «чарки», церковная утварь, пушки, знамена, бунчуки, образцы одежды, бюсты Шевченко, Мазепы и т. д. Отдѣльно стоитъ модель памятника Богдану Хмельницкому по первоначальному проекту. Наконецъ, особую часть коллекціи составляютъ около 150 частью подлинныхъ, частью скопированныхъ портретовъ малороссійскихъ гетмановъ и полковниковъ.

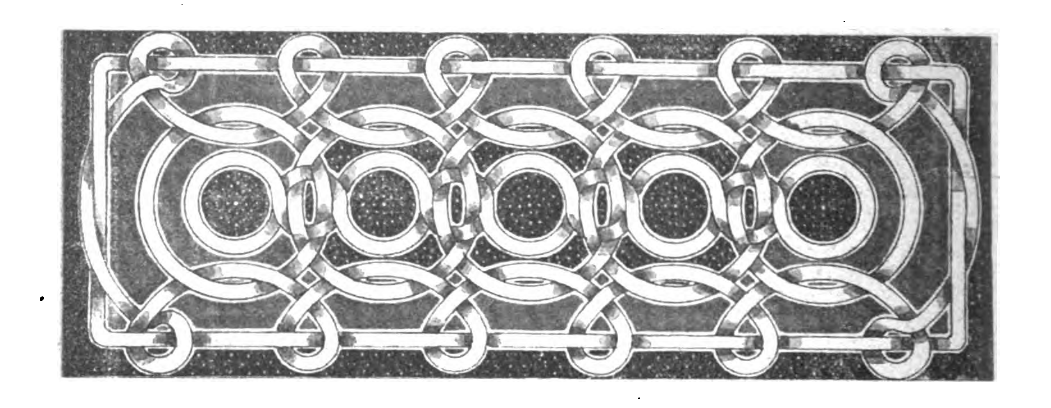
† Н. Н. Селифонтовъ. 29 декабря 1900 года скончался членъ Государственнаго Совѣта, почетный членъ С.-Петербургскаго Археологическаго института и предсѣдатель Костромской ученой архивной комиссіи Николай Николаевичъ Селифонтовъ. Другъ и почитатель Н. В. Калачова, Н. Н. былъ убѣжденнымъ и сильнымъ защитникомъ его идей, отчасти осуществившихся въ созданіи археологическаго института и губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Во главѣ одной изъ послѣднихъ, а именно Костромской, и сталъ Н. Н. Селифонтовъ. Благодаря неутомимой энергіи Н. Н. организованъ былъ музей мѣстныхъ древностей, привлечены въ цѣляхъ изученія комиссіею давно минувшей старины края фамильные дворянскіе архивы. Три года тому назадъ счастливая случайность предоставила комиссіи цѣлый архивъ посадской земской избы и ратуши (въ Большихъ Соляхъ,

на границѣ Ярославской губерніи). Подъ руководствомъ Н. Н. было организовано дѣло разбора и описанія архива. Въ послѣдніе годы Н. Н. занялся собираніемъ русскихъ и иностранныхъ матеріаловъ по генеалогіи дома Романовыхъ. При музеѣ комиссіи имъ былъ основанъ „особый Романовскій отдѣлъ". По инициативѣ же Н. Н. комиссія занялась собираніемъ исчезающей живой старины: обычаевъ, древностей, сказаній, обрядовъ, повѣрій, прибаутокъ, пѣсенъ и пр. Къ работѣ по собиранію привлечены мѣстные священники, учителя и учительницы народныхъ школъ.

Къ XII археологическому съѣзду. На послѣднемъ засѣданіи предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ проф. Д. И. Багалѣй доложилъ просьбу П. П. Короленко о сообщеніи ему чрезъ посредство комитета изъ московскихъ архивовъ матеріала о вещахъ, неизвѣстно куда поступившихъ изъ церкви Чартомлынской сѣчи (послѣ разоренія ея въ 1709 г.), изъ церкви Подпольной сѣчи (послѣ разоренія въ 1775 г.), а равно описей войсковыхъ клейнодовъ указанныхъ сѣчей. Въ виду того, что этотъ матеріалъ необходимъ г. Короленкѣ для подготовляемой имъ къ харьковскому археологическому съѣзду статьи о церковныхъ древностяхъ кубанскихъ казаковъ, постановлено обратиться съ соотвѣтствующей просьбой къ московскому предварительному комитету. Прочтено сообщеніе А. Яковлева о случайно произведенной имъ раскопкѣ могилъ доисторическаго вѣка въ холмахъ у рѣки Чиръ, въ Донской области, о нахожденіи имъ въ одной могилѣ пяти скелетовъ, а въ другой—трехъ, причемъ кости всѣхъ скелетовъ были красноватаго цвѣта; при нихъ найдено нѣсколько штукъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и кремневыхъ ножей.— Прочтено сообщеніе С. Л. Ивановича о произведенной имъ раскопкѣ кургана, находящагося въ Изюмскомъ уѣздѣ, Петровской волости, въ 3-хъ верстахъ отъ слободы Валвенкиной, на правой сторонѣ р. Донца. Въ могилѣ, на глубинѣ 1¹/₄ аршина, найдены обожженные угли, горшокъ, деревянный ящикъ съ человѣческими костями, разбитыми, съ черепомъ, сверху приплюснутымъ, безъ челюсти; около черепа горшокъ; между костями—металлическія украшенія въ видѣ серегъ. Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ, что комитетомъ получены отъ секретаря харьковскаго губернскаго статистическаго комитета свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, имѣющихся въ различныхъ мѣстахъ Харьковской губерніи. Постановлено: мѣсто нахожденія бабъ помѣстить на археологической картѣ Харьковской губерніи, составляемой проф. Д. И. Багалѣемъ, сдѣлать фотографическія снимки съ каменныхъ бабъ и произвести раскопки тѣхъ кургановъ, на которыхъ эти бабы находятся. Согласно предложенію московскаго предварительнаго комитета, рѣшено собрать свѣдѣнія о различнаго рода археологическихъ коллекціяхъ, собраніяхъ, имѣющихся у помѣщиковъ, купцовъ, и вообще, частныхъ лицъ Харьковской губерніи, путемъ обращенія въ газетахъ, и, кромѣ того, рѣшено просить о содѣйствіи и помощи комитету въ этомъ отношеніи губернатора, зем-

скую управу и земскихъ начальниковъ. Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ: а) о поступленіи свѣдѣній по программамъ комитета отъ народныхъ учителей Волчанскаго уѣзда, причемъ прочиталъ сообщенія учителя Верхне Салтовскаго народнаго училища В. Бабенко, приславшаго и цѣлую коллекцію предметовъ древности и этнографическихъ; б) о просьбѣ, обращенной отъ имени комитета, къ духовной консисторіи и г. попечителю округа, указать священникамъ и народнымъ учителямъ, не доставившимъ свѣдѣній— срокомъ доставки таковыхъ — 15-е марта сего года; по этому же поводу рѣшено: въ виду мало остающагося времени до съѣзда и необходимости произвести подготовительныя работы (составленіе каталоговъ, фотографированіе и проч.)—просить всѣхъ, кто имѣетъ что доставить для выставокъ при съѣздѣ—присылать теперь-же комитету. Проф. М. Г. Халанскій познакомилъ съ продолженіемъ описи коллекціи г-жи Томилиной и нѣкоторыми рукописными книгами (соборное уложеніе Алексѣя Михаиловича; сборникъ XVIII в.: Александрія, Русская лѣтопись до 1706 г., Бесѣды о трехъ святителяхъ и др.) и старопечатными (Ифигенія въ Тавридѣ, драма на музыкѣ (1768) и драма «Сократъ»), полученными имъ изъ Бѣлгорода (отъ г. Мичурина); далѣе прочелъ сообщенную г. Лернеромъ народную свадебную пѣснь.

А. Мироновъ.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

«Соціальный Ньютонъ» XIX столѣтія.—Оцѣнка XIX вѣка.—Плачъ о пропажѣ благородства.—Къ чему оно обязывало?—Родоначальники декадентства.—Новый историкъ «Возрожденія».—Въ поискахъ за «всемірнымъ языкомъ».—Петрарка и Боккачіо.—Чаадаевъ и французская пресса.

Въ „Книжкахъ Недѣли“ (октябрь — декабрь) напечатанъ послѣдній трудъ покойнаго Михайлова-Шеллера. Въ статьѣ— „Мечты и дѣйствительность“, Шеллеръ, съ присущимъ ему популяризаторскимъ талантомъ, излагаетъ соціальную систему Фурье. Шеллеръ останавливается на Фурье не въ первый разъ. Въ его прежнихъ статьяхъ, носящихъ общее названіе „Пролетаріатъ во Франціи“, была имъ уже сдѣлана краткая критическая оцѣнка ученія Фурье. Въ числѣ другихъ русскихъ писателей, касавшихся Фурье, Шеллеръ занимаетъ среднее мѣсто. Онъ не столь восторженно относится къ Фурье, какъ Бибиковъ и Градовскій, и не столь учено-безстрастно, какъ Исаевъ. По его мнѣнію, у Фурье встрѣчаются „необузданныя заблужденія фантазіи; ребяческія сказки выдаются за исторію будущаго; ни на чемъ неоснованные разсчеты серьезно представляются за несомнѣнныя математическія истины“. Но Шеллеръ категорически заявляетъ, что, напр., устройство земледѣльческихъ ассоціацій и общественныхъ общежитій по плану Фурье дѣло вполнѣ достижимое, и если опыты приложенія системы въ этихъ случаяхъ не удавались, то лишь по недостатку средствъ или постороннимъ причинамъ, а при средствахъ—опыты удавались. „Каждая возникающая рабочая артель является какъ бы слабымъ зародышемъ фаланстеріи Фурье“.

Съ перваго шага Фурье въ печати онъ былъ замѣченъ самымъ сильнымъ „міра сего“—Наполеономъ. Фурье предвосхи-

тилъ идею Наполеона о „континентальномъ тріумвиратѣ“—изъ Франціи, Россіи и Австріи—для установленія всеобщаго мира. Но Фурье не поддался искушенію сразу выскочить *въ люди*. Онъ совершенно равнодушно отнесся къ сообщенію о вниманіи къ нему *свыше*. Такое выходящее изъ ряда поведеніе Фурье можно объяснить его своеобразнымъ характеромъ. Онъ не соприкасался со средой его окружавшей, онъ не былъ *испорченъ* той цивилизаціей, противъ которой онъ задумалъ уже пойти войной. Фурье, обязанный своими знаніями только самообразованію, самостоятельно пришелъ къ своимъ оригинальнымъ выводамъ и взглядамъ, которые шли въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что онъ выучилъ и вычиталъ изъ книгъ. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлался фанатикомъ этихъ выводовъ и взглядовъ, твердо убѣжденный, что онъ *изобрѣтатель* (его излюбленный терминъ). „Такія натуры встрѣчаются вообще нерѣдко, особенно у насъ. Ихъ невозможно разубѣдить въ томъ, что они изобрѣли, вывести на новый путь. Они скорѣе погибнутъ съ голода, чѣмъ откажутся отъ вѣры въ возможность существованія изобрѣтеннаго ими perpetuum mobile. Сосредоточенные на одной мысли, отдавшіеся всецѣло пропагандѣ одной идеи, они часто бываютъ удивительными обличителями существующаго и нерѣдко высказываютъ замѣчательный даръ прозорливости, кажущійся массамъ народа даже даромъ пророчества. При жизни, такихъ людей считаютъ сумасбродами, полупомѣшанными, но потомъ, по прошествіи многихъ лѣтъ, ихъ вспоминаютъ и удивляются ихъ прозорливости, видя, что они, создавая алхимію, какъ бы предчувствовали необходимость химіи, что они, занимаясь астрологіей, въ сущности вели къ созданію астрономіи. Къ такой породѣ людей принадлежалъ Фурье, и его фанатическая вѣра въ правильность своихъ идей окрѣпла еще болѣе подъ вліяніемъ того времени, въ которое онъ жилъ. Въ тѣ мрачныя времена онъ былъ не единственнымъ изъ добивавшихся роли *спасителя отечества*,—это была эпидемическая болѣзнь своего времени“. Дѣйствительно, старый порядокъ рушился, новый не только еще не создался, но не было покуда никакой возможности опредѣлить, каковъ онъ будетъ, такъ какъ борьба партій шла не на животъ, а на смерть, доказывая справедливость своихъ мнѣній ударами гильотины, и никто не могъ поручиться, что онъ переживетъ эту кровавую эпоху. Въ это-то время всеобщей паники и отчаянія, рядомъ съ людьми, встрѣчающимися во всякое время, полезными общественными дѣятелями, пронырливыми дѣльцами и честолюбивыми карьеристами, создался особый типъ *спасителя отечества*,—людей *нашедшихъ* философскій камень, панацею, универсальное средство для спасенія родины“, и даже всего человѣчества. Почти одновременно съ Фурье появились Бабёфъ, Сенъ-Симонъ; за ними шли, непосредственно по пятамъ, Кабе, Луи-Бланъ, Прудонъ, Лямене, Леру, Бюше, Контъ. И, какъ ни странно, всѣ эти проповѣдники безусловнаго мира, ненавидѣвшіе насилія и убійства, жаждавшіе полной гармоніи между богатыми и бѣдными, находя послѣдователей въ одной части общества, другою частью, большею, встрѣчались издѣвательствомъ

и преслѣдованіями, даже считались хуже *кровожаднаго* Марата, требовавшаго для счастья человѣчества сначала 500 головъ, потомъ 40.000 и, наконецъ, 270,000. Объясненіе этому, конечно существуетъ простое. Практическіе люди разсуждали такъ: пусть Маратъ возьметъ требуемое имъ число головъ, но маратовскаго счастья всетаки не наступитъ, и все пойдетъ попрежнему, а Бабёфъ, Фурье и Сенъ-Симонъ требуютъ коренной реорганизаціи общества; сумѣемъ ли мы приспособиться тогда такъ же выгодно, какъ теперь, это еще вопросъ. Въ этомъ всегда заключалось несочувствіе къ самымъ невиннымъ утопіямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если Маратъ требовалъ 270 тыс. головъ, то Фурье требовалъ еще большаго. „Умники и ученые, говоритъ Фурье, сдѣлали втеченіе полувѣка такія трудныя услуги человѣчеству, что можно гордиться тѣмъ, что не сидишь въ ихъ рядахъ и подвергаешься ихъ насмѣшкамъ. Всякое оскорбленіе, нанесенное ихъ кликой, дѣлается лучшей рекомендацій въ глазахъ того, кто подвергается оскорбленію. Вслѣдствіе этого я соглашаюсь... я признаю, что я нищій духомъ, глупецъ, больной умъ. Я иду еще дальше: я признаю себя неизлечимымъ больнымъ, такъ какъ они не рѣшаются произнести этого приговора; сначала они признаютъ меня безумцемъ, а въ слѣдующей фразѣ указываютъ, что мои разсужденія хорошо сдѣланы, крайне послѣдовательны. Не боятся ли они обвинить себя самихъ этими противорѣчіями и открыть свою тайну, свою лигу, составленную для того, чтобы раздавить человѣка, отказавшагося принести дань ѳиміама минотавру науки, философскимъ библіотекамъ? Далекій отъ желанія капитулировать предъ этой арміей изъ *пятисотъ тысячъ томовъ*, я провозглашаю ея полное уничтоженіе, близкое разрушеніе всѣхъ этихъ книжныхъ полокъ“.

Біографія Фурье крайне проста и коротка, но она можетъ быть длинна, если перечислить все то, чѣмъ онъ не былъ. „Фурье не составлялъ заговоровъ подобно Бабефу; онъ не слѣдовалъ Сенъ-Симону—быть филантропомъ и жить аристократомъ; онъ не давалъ аудіенцій принцамъ и императорамъ, какъ это дѣлалъ Оуэнъ; онъ не ѣздилъ въ Америку для созданія икарійской республики, какъ Кабе; онъ не ослѣплялъ современниковъ, подобно Лассалю, своими похожденіями и романическимъ концомъ; онъ не былъ даже, какъ Марксъ, президентомъ *интернаціоналя*,—онъ велъ жизнь путешествующаго комми“, пока не опротивѣли ему торговля и торгаши. Потомъ онъ сталъ ничѣмъ. Жилъ онъ въ такомъ положеніи вплоть до смерти, сначала на грошовую ренту, оставленную ему матерью, потомъ на скудное жалованье кассира торговаго дома, наконецъ, даже на заработокъ писца, ожидая каждый день въ 12 часовъ, что къ нему явится капиталистъ, который рѣшится осуществить его планъ и основать первый фаланстеръ. Но такой капиталистъ не являлся. Самъ Фурье говорилъ о себѣ: „Для успѣха нужны карета и интрига. Я не имѣю первой и ненавижу послѣднюю“. Фурье похоронили на кладбищѣ Перъ-Лашезъ. На похороны собрались его немногіе послѣдователи и высказали надежду, что придетъ время, когда люди оцѣ-

нятъ „соціальнаго Ньютона“ и осуществятъ его планъ, имѣющій въ виду осчастливить все человѣчество.

Въ статьѣ „Кончина вѣка („Книжки Недѣли“, декабрь) г. Меньшиковъ подводитъ итоги скончавшемуся вѣку. По его мнѣнію, человѣчество никогда еще не переживало такихъ ужасовъ, какъ въ прошломъ столѣтіи. *Ужасный вѣкъ* осуществилъ многія несбыточныя надежды, но и заставилъ пережить людей страшную ломку ихъ природныхъ свойствъ. Ломка эта была какая-то необузданная, фатальная. Всѣ стремленія людей избѣжать ея разбивались о несокрушимую силу напиравшихъ разрушительныхъ факторовъ. Мечтатели, старавшіеся освободить личность отъ какого бы то ни было слѣпого давленія и доставить торжество духу надъ матеріальной формой, сами, въ конечномъ результатѣ, подавляли личность и доставляли торжество массѣ надъ элементами ея. Тягчайшая форма всѣхъ мечтаній выразилась въ соціализмѣ. Онъ отнялъ отъ людей ихъ жизненность, красоту и радость существованія. „Необезпеченность человѣка, необходимость вѣчнаго промышленія о себѣ были источникомъ его энергіи. Лишенія, даже самыя тяжкія, угнетали менѣе, чѣмъ гнететъ полная обезпеченность при подневольномъ трудѣ. Типъ человѣческій, при старомъ порядкѣ, все же сохранялся и расцвѣталъ. Что ждетъ его при торжествѣ новыхъ началъ—вопросъ крайне спорный“.

Нашъ вѣкъ, говоритъ г. Меньшиковъ, только издалека можетъ показаться красивымъ, какъ кажутся намъ красивыми всѣ вѣка. Но насъ онъ давитъ неуклюжими поѣздами въ облакахъ парамертвенными фабричными трубами. Мысль наша поражена совершающимся преступнымъ процессомъ въ человѣчествѣ—поѣданіемъ бѣлою породою цвѣтной, сильными слабыхъ; южныя поэтическія расы хирѣютъ, сѣверныя практическія цвѣтутъ. Природа!.... Никогда она не опустошалась съ такою яростью, какъ въ истекшій вѣкъ. „Міръ низшихъ существъ—животныхъ и растеній—испыталъ на себѣ поистинѣ бичъ Божій, истребительный, хуже землетрясеній и потопа“. Лѣса исчезли, исчезаютъ лоси, медвѣди, волки, лисицы, барсуки, рыси, зайцы, бѣлки, горностаи.... дріады, ореады, наяды.—„Умеръ великій Панъ!“. Просторъ полей замѣнился дымной фабрикой, поѣдающей свѣжесть силъ; деревня—городомъ, опьяняющимъ испареніемъ притоковъ. Всѣхъ ужасовъ XIX столѣтія не перечесть.

Въ чемъ же заключается плюсъ прошлаго вѣка? XIX вѣкъ „былъ самымъ работоспособнымъ въ исторіи, и никогда въ столь короткій срокъ не было обнаружено столько влеченія къ знанію, столько страстной жадности, столько генія, расцвѣтшаго пышно по всему великому дереву бѣлой расы. Открытія гнались за открытіями, изобрѣтенія за изобрѣтеніями“, наука дружно двинулась впередъ, искусство пережило второе Возрожденіе, мысль дошла до ясновидѣнія.... но жить сдѣлалось скучно, народный духъ падаетъ до полнаго растлѣнія, человѣкъ сталъ мертвой молекулой, а не живой клѣткой, общественность переразвилась и представляетъ упадокъ общества, процессъ общественнаго омертвѣнія начался давно.

Плюсъ, какъ видите, крайне сомнительный. Но нельзя же съ такими мрачными мыслями начинать жизнь новому вѣку. И г. Меньшиковъ надѣется, что все измѣнится подобно тому, какъ измѣняется природа послѣ солнцеповорота. „Почему не повториться движеніямъ первыхъ вѣковъ нашей эры? Конецъ XIX вѣка во многомъ напоминаетъ ту эпоху. Богатый, пышный, роскошный, кровожадный, иступленный міръ можетъ вдругъ потерять свою прелесть, и снова людей живого духа потянетъ вонъ изъ городовъ, вонъ изъ тóлпы, къ вѣчной тишинѣ природы, къ уединенію, къ свободѣ. Иного спасительнаго пути нѣтъ!"

Вѣроятно, картину вѣка можно освѣтить и съ иной точки зрѣнія. При случаѣ мы это потомъ и сдѣлаемъ, а теперь замѣтимъ только, что возвратиться къ природѣ и въ то же время возвратиться къ началу эры не значитъ-ли придти опять къ среднимъ вѣкамъ? Ничего ужаснѣе среднихъ вѣковъ человѣчество никогда не переживало. Лоно природы, безъ разъѣдающей глаза копоти и ослѣпляющаго электричества, и въ то же время полная имущественная необезпеченность, приниженіе личности до скотоподобія. Мысль бездѣйствовала, не возникало понятія о свободѣ не только духа, но и тѣла, природа человѣческихъ массъ ломалась по произволу множества сверхчеловѣковъ, которыхъ въ то время называли феодальными правителями, рыцарями, монахами; спокойствіе могло быть во всякое время нарушено войной съ единственной цѣлью самаго примитивнаго грабежа, простымъ вторженіемъ разбойничьей шайки; воевали двѣ, три, четыре сосѣднія деревни, или просто—одна половина деревни противъ другой половины. Мысль буквально и повсемѣстно спала, и никакихъ соціальныхъ мечтателей, которые бы облагодѣтельствовали человѣчество, хотя бы нынѣшней фабрикой, рѣшительно никто не видѣлъ и не ожидалъ. Именно „необезпеченность человѣка", „необходимость вѣчнаго промышленія о себѣ" заставляли идти войной всѣхъ противъ всѣхъ. Упадокъ энергіи открывалъ просторъ побѣдоносному шествію множества болѣзней: моровой язвѣ, черной смерти, проказѣ, корчамъ, изступленіямъ, охватывавшимъ огромныя области и подкашивавшимъ жизнь поголовно всѣхъ людей. И теперь тамъ, гдѣ еще идиллическій бытъ сохранился въ нѣкоторой прежней неприкосновенности—срединной Африкѣ, сѣверо-восточной Азіи, Индіи, Китаѣ—остается подобіе среднихъ вѣковъ по полной необезпеченности жизни и личности и по упадку энергіи. Такъ въ Европѣ продолжалось до новаго времени, когда въ эпоху Возрожденія, подъ вліяніемъ многихъ внѣшнихъ случайностей—открытія Новаго Свѣта, книгопечатанія, вторженія арабовъ въ Испанію, крестовыхъ походовъ, смѣшенія расъ, множества изобрѣтеній — появился типъ новаго человѣка. Этотъ типъ перевернулъ жизнь средневѣковаго человѣка, заставилъ его мысль работать, и она доработалась до созданія XIX столѣтія, съ его паромъ, электричествомъ и свободной личностью. Мысль эту новый человѣкъ не промѣняетъ ни на какія поля съ ихъ просторомъ, потому что просторъ мысли ему дороже, ни на какого великаго Пана, потому что онъ себѣ панъ, и еще потому,

что другой лучшей свободы позади себя онъ не знаетъ. Это завоеваніе новой свободы и было главнымъ плюсомъ XIX вѣка. Возвратиться на лоно природы—это значитъ возвратиться къ періоду *до* эпохи Возрожденія, потому что XIX вѣкъ составляетъ только развитіе вѣковъ XVIII, XVII, XVI, XV, спасшихся бѣгствомъ отъ своихъ предшественниковъ. Чтобы понять все значеніе изобрѣтеній такъ называемаго *новаго времени*, достаточно указать на появленіе въ это время мыла, которое повсемѣстно въ Европѣ уничтожило проказу.

Тягчайшее преступленіе вѣка, это, несомнѣнно, поѣданіе цвѣтныхъ расъ бѣлою. Г. Меньшиковъ, указавъ на зло, не объяснилъ его происхожденія. Мы остановимся только на одномъ факторѣ, который выдвинутъ печатью. Со времени такъ называемаго пробужденія національностей въ Европѣ, почти съ начала вѣка и до сихъ поръ, тѣ самые публицисты, которые ставятъ теперь въ позоръ XIX столѣтію расовыя войны, явились одними изъ главныхъ виновниковъ этихъ войнъ. Всѣми силами они старались воздвигнуть *средостѣніе* между націями, которое потомъ само собою выросло съ одной стороны въ расовое, а съ другой—въ классовое. У насъ, напр., постоянно раздается плачъ о томъ, что мы находимся въ плѣну у Европы, подвергаемся опасности политическаго порабощенія. Вмѣсто совѣта и содѣйствія къ поднятію энергіи, говорятъ, что только замкнутость спасаетъ насъ отъ гибели, что вся доблесть нашего народа заключается только въ томъ, что онъ остается доволенъ своимъ недовольствомъ, что онъ великъ въ своемъ недоѣданіи и смиреніи, что общественность его вся выражается въ великомъ мірскомъ подвигѣ „хожденія въ кусочки".

Такіе націоналисты оказались вездѣ, и во—Франціи, и въ Англіи. Положимъ, проповѣдь ихъ явилась слишкомъ поздно, когда люди всего земного шара уже были объединены общностью и духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ, а кто отсталъ, тотъ догоняй или пропадай. „Исторія, говоритъ Маколей, не ждетъ опоздавшихъ". Но средневѣковая проповѣдь розни еще разъ сдѣлала свое дѣло: звѣрь въ человѣкѣ проснулся.

Одни вздыхаютъ о лонѣ природы, другіе плачутъ о потерѣ благородства. Въ „Очеркахъ текущей литературы" („Жизнь", ноябрь и декабрь) г. Андреевичъ жалуется, что насъ заѣло *мѣщанство* вообще и литературное въ частности. Онъ начинаетъ съ опредѣленія мѣщанства. Мы привыкли видѣть въ мѣщанствѣ узкость понятій, ограниченность кругозора мысли, стремленіе къ подражанію, желаніе блеснуть мишурой вмѣсто золота. Г. Андреевичъ, очевидно, разумѣетъ подъ мѣщанствомъ буржуазію, третье сословіе, то, которое сдѣлало исторію новаго времени. Его опредѣленіе таково: „Мѣщанство — это рента. Психологія ренты — это почти психологія мѣщанства". „Эта рента говоритъ о вынесенныхъ трудахъ и лишеніяхъ, питаетъ гордость, указывая на то, что труды и лишенія потрачены и вынесены не даромъ, что главный богъ нашихъ дней, богъ успѣха и удачи, нѣтъ-нѣтъ милостиво улыбался

своему служителю и милостиво оцѣнилъ въ концѣ концовъ его настойчивость и упорство". „Изобрѣтеніе магнитной иглы и компаса, сообщившее морской торговлѣ большую быстроту и безопасность; проведеніе внутри страны водяныхъ путей, каналовъ и шоссе, что уменьшило расходы на перевозку и облегчило ее; изобрѣтеніе пороха, придавшее рѣшающее значеніе помощи горожанъ въ борьбѣ монархіи съ феодалами; вызванное разрушеніемъ замковъ распущеніе феодальной свиты, которая принуждена была искать себѣ заработка въ средневѣковыхъ мастерскихъ; открытіе Америки и морского пути вокругъ Африки, создавшее остъ-индскій и китайскій рынки, колонизацію Америки и торговлю съ колоніями; богатыя розсыпи австралійскаго и калифорнскаго золота, увеличившія количество орудій обращенія, и, наконецъ, паровая машина Аркрайта—вотъ главныя событія, послужившія основой могущества для западно-европейскаго мѣщанства". Казалось бы, послѣ всѣхъ этихъ огромной важности заслугъ оставалось только пасть ницъ передъ мѣщанствомъ. Нѣтъ, оно еще болѣе того преступно. Всѣ его пріобрѣтенія блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что человѣчествомъ потеряно черезъ мѣщанство. *Съ разгромомъ мѣщанствомъ всей феодальной системы пропало рыцарское воодушевленіе, затерялась честь; нравственный, политическій и всякіе другіе этикеты мѣщанство замѣнило прямымъ, открытымъ и величественнымъ безстыдствомъ.*

Ламентаціи по поводу утери чести слишкомъ часто раздаются вообще и еще чаще въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этой чести было „ничего иль очень мало". Объ утерѣ чести у насъ очень долго плакали послѣ упраздненія крѣпостного права. Поэтому бросимъ слово *честь* впредь до возстановленія его чести. Перейдемъ къ *воодушевленію*. Рыцарское воодушевленіе самимъ авторомъ исчерпывается такимъ опредѣленіемъ. „Рыцарь былъ страшная невѣжда, драчунъ, бретеръ, разбойникъ и монахъ, пьяница и піэтистъ». Стало быть, какая нужна въ аргументаціи натяжка, чтобы такой типъ увѣнчать ореоломъ воодушевленія. Для апологіи рыцарства нуженъ былъ исключительный талантъ Шатобріана. Этимъ писателемъ г. Андреевичъ и пользуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но облюбованіе Шатобріаномъ среднихъ вѣковъ съ ихъ чертями и шабашами, баронами и баронессами и вообще ихъ фантастическимъ элементомъ, кроется, какъ говоритъ самъ авторъ, въ феодально-аристократическихъ тенденціяхъ, мечтавшихъ о реставраціи. Отсюда возмущеніе противъ мѣщанства всѣхъ этихъ Шатобріановъ, Бональдовъ и даже романтиковъ, очень слабо замаскировывавшихъ свое несочувствіе къ новому времени. Но насъ-то собственно что обязываетъ принимать близко къ сердцу пропажу этого *честнаго* и *воодушевленнаго благородства*?

Третье сорвавшееся съ языка автора тяжкое обвиненіе мѣщанства заключается въ приписываніи ему прямого, открытаго и величественнаго безстыдства, замѣнившаго этикетъ. Напрасно, однако, авторъ думаетъ, что онъ этимъ обвиненіемъ до тла уничтожаетъ мѣщанство. Разница между этикетомъ и величественнымъ безстыдствомъ (слово, своеобразно понимаемое авторомъ)

заключается только въ присутствіи и отсутствіи покрышки. Этикетъ часто прикрывалъ какую-нибудь величественную неряшливость. Простыя обыденныя отношенія не знаютъ этикета. И здѣсь мѣщанство не остановилось передъ реформой. Оно перенесло такія же отношенія въ сферу величественности и исключительности. Вѣроятно, самъ авторъ часто смѣется надъ остатками этикета.

По мнѣнію автора, безстыдство мѣщанства заключается въ томъ, что оно, поправъ всѣ атрибуты благородства (репетиловскіе „законы, совѣсть, вѣру“), требуетъ отъ *бога успѣха и удачи*, чтобы тотъ заплатилъ мѣщанству за труды и лишенія рублемъ за рубль, на который оно могло бы купить ренту, а съ ней обезпеченное и индифферентное довольство. Въ данномъ случаѣ между мѣщанствомъ и средневѣковымъ феодаломъ существенной разницы не ощущается. Феодалъ ренты не покупалъ, зато строилъ на тотъ же рубль, полученный отъ бога войны и грабежа, готическій замокъ, въ которомъ и обиталъ своей единственной персоной.

Затѣмъ, мѣщанская литература... Но, оказывается, въ полномъ смыслѣ слова, мѣщанской литературы пока не существуетъ. „Увлекаясь идеей освобожденной личности, жадно слѣдя за ней въ ея погонѣ за успѣхомъ, наживой, славой, карьерой вообще, преклоняясь передъ ея проснувшимися могучими страстями, любуясь этимъ поэтическимъ разгуломъ силы, чуть не обожествляя даже сквернѣйшія стороны человѣческаго духа, она, эта литература, не увлекается въ то же время до конца; она чѣмъ-то недовольна, то и дѣло впадаетъ въ меланхолію, говоритъ съ грустнымъ раздумьемъ о тайнѣ міра и роковой загадкѣ человѣческаго существованія и готова каждую минуту злой сатирой осмѣять побѣдителей. Быть слугою рынка, рыночнаго духа, этихъ грудъ золота, этихъ пирамидъ товаровъ, этой напряженной работы, этой свалки жизни, возвести ее въ перлъ созданія—она не хочетъ и не можетъ. Она какъ будто не довѣряетъ прочности того, что ее окружаетъ; во всемъ, что шумитъ, что ликуетъ, что вѣнчается лаврами, она находитъ слабость, конечное ничтожество, капризную случайность успѣха, ежеминутно готовую къ краху отъ другой, одинаково капризной неудачи, и, то и дѣло освобождаясь отъ угара этого промышленнаго грохота, точно слышитъ издали будущее грозное „мани, факелъ, фаресъ“, а рядомъ унылое „сорвалось“. Въ этихъ дѣлахъ человѣческихъ она находитъ слишкомъ мало человѣческаго, на освобожденной торжествующей личности она разсматриваетъ слишкомъ много цѣпей. Неясная жажда дѣйствительно прекрасныхъ человѣческихъ отношеній, исполненныхъ рыцарскаго благородства, томитъ ее, наполняетъ недовольствомъ. Капризная, задумчивая, какъ міровая литература вообще, она неудовлетворена въ своихъ лучшихъ стремленіяхъ, ей надоѣдаетъ этотъ шумъ и гвалтъ, она не видитъ конца имъ и часто, усталая, измученная, хочетъ уйти куда нибудь въ мечты, грезы, въ область тѣней и призраковъ“. „Чѣмъ-то задумчивымъ, смутнымъ откликомъ феодализма, давно похороненнаго, красивымъ и груст-

нымъ, какъ память о мертвецѣ, вѣетъ"... „Въ этихъ жалобахъ на шумъ городовъ, на грозы революцій, на крики трибуновъ, въ этомъ предчувствіи угрозъ будущаго, въ сожалѣніи объ униженной поэзіи—вы слышите голосъ оставшагося не у дѣлъ аристократизма жизни"...

Авторъ беретъ немногихъ писателей, напр., Мюссе, Виньи, Гюго, Вальтеръ-Скотта. Но, вѣдь, это не литература мѣщанства. Она существовала въ вѣкъ мѣщанства и для мѣщанства потому, что рыцарства уже не было, а аристократизмъ былъ такъ чахлъ, что не могъ кормить литературу. Мѣщанство платило этой литературѣ деньги—она обязана была описывать мѣщанство или то, что ему нравилось. Что же касается идеаловъ этой меланхоліи, томленія духа, порывовъ къ неизвѣстному, то, понятно, что литература эта, живя сегодняшнимъ днемъ, отражая жизнь, еще складывающуюся, находящуюся въ періодѣ броженія, могла только улавливать вопросы дня, слѣдить за движеніемъ быстро бѣгущей жизни. Эта литература, живущая идеалами „преданья старины глубокой", даже не была подготовлена къ тому, чтобы провидѣть идеалы новаго времени, а прозрѣвъ,—не сочувствовала имъ. А идеалы были и у мѣщанства; назовемъ ихъ, пожалуй, не столь громкимъ именемъ, а просто *стремленіями*. Напр., стремленіе къ уничтоженію повсемѣстно рабства. Во всякомъ случаѣ, это—не идеалъ стараго режима.

Но мѣщанство, ставшее „всѣмъ" и сдѣлавшее „все", дѣйствительно, не выдвинуло *пророка слова*.

Заключать, что мѣщанство таитъ въ себѣ *идейную пустоту* только потому, что литература не признаетъ его, рискованно. Обратное ближе къ истинѣ: пустота литературы сильно обнажилась, особенно съ той стороны, гдѣ пріютилось декаденство. Старая литература мало-по-малу остается „не у дѣлъ", а новая едва нарождается.

Выхваляя аристократизмъ духа, особенно прежняго времени, часто забываютъ оборотную сторону его медали. Въ «Русскомъ Богатствѣ» закончены, въ декабрьской книжкѣ, очерки г. Игнатовича: «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія». Въ одной главѣ указывается на житье у насъ въ Россіи «крѣпостной интеллигенціи», талантливыхъ людей, для которыхъ прирожденныя способности являлись истиннымъ божескимъ несчастіемъ, если собственникомъ этихъ людей оказывался *просвѣщенный аристократъ*. Образованные и развитые помѣщики, преданные служители музъ, легко улавливавшіе художественныя дарованія своихъ крѣпостныхъ, окружали себя цѣлыми артистическими труппами изъ «своихъ людей» и доводили ихъ жестокимъ истязаніемъ до высшаго выраженія прирожденнаго таланта. Беремъ первый попавшійся примѣръ (а ихъ въ «Очеркахъ» приведено достаточно). Одинъ помѣщикъ, имѣя громадную дворню, послалъ самаго талантливаго изъ своихъ крѣпостныхъ въ Италію учиться. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже удивлялъ итальянцевъ своимъ громаднымъ дарованіемъ. Баринъ, гордый репутаціей своего виртуоза,

приказалъ ему вернуться въ Россію. Артистъ сейчасъ же поспѣшилъ исполнить волю своего господина. Въ одинъ изъ первыхъ дней его пріѣзда его заставили играть при огромномъ обществѣ, и для каждаго, вновь прибывшаго, онъ долженъ былъ повторить блестящій концертъ Віоти. Послѣ трехчасовой игры онъ очень усталъ и просилъ у своего господина позволенія отдохнуть.

— „Нѣтъ, играй! отвѣтилъ тотъ.—А если будешь капризничать, то вспомни, что ты мой рабъ; вспомни о палкахъ!“ Молодой человѣкъ въ отчаяніи выбѣжалъ изъ залы, спустился въ кухню, схватилъ топоръ и отрубилъ себѣ палецъ на лѣвой рукѣ, воскликнувъ:—„Будь проклятъ талантъ, если онъ не могъ избавить меня отъ рабства!“

Были попытки со стороны крѣпостной интеллигенціи выйти на волю, хотя бы путемъ выкупа, чему иногда, очень рѣдко, способствовали меценаты. Но, напр., поэту Ивану Серебрякову даже и здѣсь не посчастливилось: за его выкупъ помѣщикъ запросилъ 10.000 р. Такъ онъ любилъ видѣть передъ собой олицетвореніе поэзіи.

Если въ прежнее время русскій культурный человѣкъ томился неопредѣленными стремленіями, то все же стремленія эти не расплывались до неуловимости ихъ; онъ быстро ставилъ имъ предѣлъ. А теперь... „Томитъ меня, а что томитъ? — неизвѣстно мнѣ... Чего-то хочется и ничего не надо“. И не только русскій, но и повсюду культурный человѣкъ пришелъ къ столь расплывчатому и безжизненному томленію.

Въ статьѣ („Русское Богатство“, ноябрь, декабрь), озаглавленной „Въ борьбѣ съ прозой жизни“ (къ психологіи неопредѣленныхъ стремленій), г. Красносельскій, пользуясь книгой „Nevrosés“, Arvède Barine, указываетъ на зародыши этого томленія, обнаружившіеся еще въ началѣ XIX ст., которые въ дальнѣйшемъ развитіи, по мнѣнію автора, выразились въ формѣ декадентства. Въ книгѣ четыре очерка: о Гофманѣ, Эдгарѣ По, Квинсеѣ и Жераръ де-Нервалѣ. „Этихъ писателей связываетъ между собою органическій протестъ экзальтированной *геніальной* натуры противъ пошлости, подчиненія всему безличному, рутинному, шаблонному, сглаживающему въ личности то, что въ ней есть индивидуальнаго, что нарушаетъ своеобразность и самостоятельность личности, протестъ противъ обыденности“. Заключать о геніальности такихъ людей—для этого надо много данныхъ, которыхъ, однако, статья не даетъ; но что они были неуравновѣшенными натурами, нервно-больными людьми — это несомнѣнно, на это указываетъ все ихъ поведеніе, вся ихъ физическая организація. Прежде всего, Гофманъ и По были алкоголики, а для фантазіи такихъ людей, даже самыхъ ординарныхъ, предѣловъ не существуетъ. Въ цѣломъ рядѣ произведеній Гофмана главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является экзальтированный мечтатель, котораго судьба ставитъ въ затруднительное положеніе, сталкиваетъ съ чудаками, преслѣдуемыми какой-нибудь навяз-

чивой идеей, съ людьми, находящимися на самой границѣ между здравымъ умомъ и сумасшествіемъ. Приэтомъ появляется растерянность, которая достигаетъ остроты, душевный строй утрачиваетъ чувство самообладанія, чутье мѣры и чувствъ, и дѣйствительности. Отсюда рядъ самыхъ неожиданныхъ поступковъ со стороны такого человѣка. Но тутъ возникаетъ недоумѣніе, въ какой же степени на этомъ пути возможна побѣда надъ обыденностью, пошлостью, филистерствомъ? Русскій авторъ приходитъ къ заключенію, что люди подобные Гофману и По, можетъ быть, и протестовали въ такой неуклюжей формѣ противъ всякаго рода филистерства, но достигали совершенно противоположной цѣли: они отталкивали отъ себя не однихъ филистеровъ, но и людей съ болѣе широкимъ кругозоромъ. Во всякомъ случаѣ, и Гофмана и По русскій и французскій авторы считаютъ не безъ основанія родоначальниками той литературы, изъ которой впослѣдствіи развилось декадентство, разлившееся повсюду цвѣтными звуками и оглушительнымъ свѣтомъ. Съ Гофманомъ и По у насъ достаточно знакомы, но у насъ совершенно неизвѣстны Квинсей и Жераръ де-Нерваль.

Квинсей, авторъ «Исповѣди англійскаго морфиниста», представляетъ большой интересъ по удивительному соединенію необычайныхъ силъ и способностей съ какимъ-то совершенно безпомощнымъ, суевѣрно-растеряннымъ отношеніемъ къ дѣйствительности. Пустой случай толкнулъ Квинсея къ опіуму, къ которому онъ пристрастился на всю жизнь. Въ этомъ ядѣ онъ видѣлъ источникъ всѣхъ наслажденій, внутреннее душевное возрожденіе, исходящее изъ неизвѣданныхъ глубинъ. Собраніе избранныхъ сочиненій Квинсея составляетъ 14 томовъ, которые заключаютъ въ себѣ больше 100 опытовъ. Но какъ ни велико было значеніе опіума, какъ двигателя безудержной фантазіи, Квинсей не обошелся и безъ тѣхъ средствъ, какія даетъ *проза* жизни. Его воображенію послужили большимъ, если не главнымъ подспорьемъ, его знанія изъ области метафизики, политической экономіи, изящной словесности... и, кромѣ того, словесный даръ и трудолюбіе. Вся характеристика Квинсея исчерпывается немногими словами. „Во всѣхъ умственныхъ интересахъ Квинсея, въ его жаждѣ окутывать всѣ явленія въ оболочку чудеснаго сказалась склонность сосредоточенія всей душевной жизни на узенькомъ полѣ воображенія, безповоротно отрѣзаннаго отъ сложной и многосторонней совокупности жизни, отъ совокупности отправленій личности“. Въ то же время это характеристика и Гофмана, и По.

Если къ этой характеристикѣ прибавимъ еще „состояніе, близкое къ сумасшествію“, то получимъ фигуру Жераръ де-Нерваля. Названные четыре писателя относятся къ первой половинѣ XIX столѣтія. Съ ихъ уходомъ съ литературной сцены появились подражатели имъ. Для созданія фантастическихъ разсказовъ, поражающихъ невѣроятной силой воображенія, дѣйствительно требовалось какое-нибудь „сильно дѣйствующее“ на воображеніе возбуждающее средство. Но противъ постояннаго обращенія къ такому средству протестуетъ вся наша природа, которая не терпитъ пе-

реутомленія. Только ненормальный организмъ можетъ требовать постояннаго возбужденія и, конечно, быстро сгораетъ. Но представимъ себѣ средняго человѣка, который изъ тщеславія выдѣлиться изъ толпы или изъ склонности къ подражанію захочетъ сдѣлаться Гофманомъ или Квинсеемъ, не обладая въ то же время ихъ прирожденными дарованіями и потребностью къ возбужденію,—и получится та искусственность, которою характеризуется все декадентство съ его „блѣдными ногами“ и „фіолетовыми руками“.

Допуская даже, что все декадентство, начиная съ его четырехъ родоначальниковъ и кончая Валеріемъ Брюсовымъ, выражаетъ собою естественный протестъ противъ пошлой и засасывающей обыденности, все-таки нельзя не видѣть, что протестъ этотъ выражается въ странной и безплодной формѣ. „Требованія ширины жизни обращается въ погоню за безконечной смѣной разрозненныхъ ощущеній, а оригинальность вырождается въ обнаженное отъ всего, безсодержательное стремленіе—не походить на другихъ“; индивидуализмъ декадентовъ „принадлежитъ къ той же категоріи, какъ и индивидуализмъ филистеровъ“; тѣ и другіе идутъ навстрѣчу тому, что ихъ обезличиваетъ: одни къ пошлой прозѣ жизни, а другіе—къ поэзіи призраковъ, передъ которыми личность каждаго безъ исключенія человѣка становится въ положеніе растерянности и безпомощности.

Лѣтъ пятнадцать назадъ у насъ сильно заинтересовались новымъ „всемірнымъ“ языкомъ, изобрѣтеннымъ нѣмецкимъ пасторомъ Шлейеромъ. Это былъ *знаменитый* „волапюкъ“, или „языкъ міра“. „Волапюкъ“ былъ принятъ за давно ожидаемое рѣшеніе интереснаго вопроса: когда же всѣ люди заговорятъ на языкѣ общемъ, для всѣхъ понятномъ? „Волапюкъ“ стали усердно изучать, быстро усваивали его конструкцію,—оставалось только начать говорить. Но оказалось, что на этомъ языкѣ не о чемъ говорить. И „волапюкъ“, какъ кабинетная выдумка, былъ быстро забытъ. Та же участь постигла и другой *всемірный* языкъ—„эсперанто“. Пришлось еще разъ убѣдиться, что и для языка существуетъ жизнь, что языкъ въ своемъ родѣ явленіе органическое и что для всемірнаго языка также надо пройти эволюціонную стадію.

Въ средніе вѣка и отчасти въ новое время своего рода волапюкомъ былъ латинскій языкъ. Онъ изчезъ по той же причинѣ, т. е. оказался мертвымъ. Но съ исчезновеніемъ его почувствовалось пустое мѣсто, которое требовалось заполнить. Исторію попытокъ этого заполненія излагаетъ г. Лесевичъ въ „Русской Мысли“, въ статьѣ „Всемірный языкъ и народные языки“.

Въ XVII, XVIII и началѣ XIX столѣтій преобладающее значеніе оставалось за языкомъ французскимъ, но преобладаніе это не въ состояніи было вытѣснить идею искусственно выработаннаго языка. Лейбницъ всю жизнь увлекался возможностью составленія такого особаго языка, который, подобно арабскимъ цифрамъ или математическимъ формуламъ, могъ бы пригодиться

всѣмъ и былъ бы поэтому принятъ повсюду. Но Декандоль доказалъ ему, что языкъ знаковъ окажется сложнымъ, непрактичнымъ и лишеннымъ гибкости. По мнѣнію извѣстнаго филолога Мейера, вопросъ объ общемъ языкѣ долженъ разрѣшиться самъ собою: „Великіе міровые языки, напр., англійскій и русскій, на которыхъ и теперь уже говоритъ четверть человѣчества, постоянно увеличивая область своего вліянія, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ не переставать исключать менѣе сильныхъ конкурентовъ и доведутъ число состязующихся до минимума. И если Англія и Россіи, какъ предсказываютъ, придется вести послѣднюю борьбу за обладаніе міромъ, то можно утверждать, что когда нибудь единственнымъ міровымъ языкомъ будетъ или англійскій или русскій. Вопросъ сводится къ политическому преобладанію". Но Мейеру возражали, что такой міровой языкъ получитъ преобладаніе только въ внѣшнихъ сношеніяхъ, административномъ, торговомъ и т. п., но не исключитъ нарѣчій и жаргоновъ, какъ не исключаются они и въ настоящее время при существованіи общегосударственнаго языка для каждой политической территоріи. Нарѣчія и жаргоны до сего времени продолжаютъ возникать, развиваться и изчезать, и притомъ по законамъ, несогласующимся съ измѣненіями общаго языка, и не нуждаясь въ санкціи ни политиковъ, ни ученыхъ. Предположеніе Мейера было разбито. Въ концѣ-концовъ, вопросъ о международномъ языкѣ былъ признанъ празднымъ. Возникъ вновь старый вопросъ о международномъ языкѣ „книжныхъ людей". Вообще-же, какъ говоритъ авторъ, XIX столѣтіе до такой степени было чревато изобрѣтателями „всемірныхъ" языковъ, что всѣхъ ихъ и не перечесть. Редакторъ журнала „Melusine", Гэдозъ, далъ вѣрное рѣшеніе этого вопроса въ настоящее время; но рѣшеніе его клонилось въ ту сторону, о которой и безъ него всѣ знали. По мнѣнію его, чтобы говорить съ людьми всего земного шара, необходимо и достаточно знать четыре существующихъ языка: французскій, нѣмецкій, англійскій и русскій.

Далѣе авторъ говоритъ, что неудача всѣхъ попытокъ универсальнаго объединенія языка обусловливается несостоятельностью самой идеи объединенія—неподвижности формы языка. Всеміршый языкъ долженъ будетъ подвергаться законамъ той же эволюціи, какимъ подвергается всякій отдѣльный языкъ. Эволюція же каждаго языка зависитъ отъ тѣхъ же измѣненій среды, отъ которыхъ зависитъ каждый отдѣльный человѣкъ, т. е. отъ расы, климата, типа культуры, уровня развитія этого типа. Измѣненіе словъ идетъ не случайно, но въ силу желѣзныхъ законовъ: понятіе, носителемъ котораго было слово, перестаетъ существовать; звуковой его составъ, переживъ рядъ неизбѣжныхъ измѣненій, становится слишкомъ скуднымъ и непрочнымъ; слово, переживъ измѣненіе, сливается съ другимъ, иного происхожденія, иного значенія. Этой зависимости не могутъ избѣжать языки, казалось бы болѣе устойчивые—литературный, академическій, дипломатическій и даже религіозный—книжный; латинскій книжный языкъ въ средніе вѣка тоже подвергся измѣненію, названному искаженіемъ.

Объединяющее вліяніе цивилизаціи тоже не простирается на объединеніе языковъ; напротивъ, цивилизація даже поддерживаетъ ихъ рознь. „Цивилизація дѣйствительно объединяетъ людей, но она объединяетъ ихъ выработкою общаго для нихъ міросозерцанія, а вовсе не установленіемъ формальнаго, казарменнаго единообразія. Объединеніе, вносимое цивилизаціей, заключается въ утвержденіи внутренняго единства, неисключающаго внѣшняго разнообразія. Другой миссіи у цивилизаціи нѣтъ и быть не можетъ“.

Такимъ образомъ, „всемірный“ языкъ есть не что иное, какъ метафизическій призракъ, который, разумѣется, никогда не сдѣлается реальнымъ.

Въ октябрской и ноябрской книжкахъ «Жизни» была помѣщена статья г. Тарле: «Умственная жизнь европейскаго общества въ новое время. Введеніе въ исторію европейской мысли XV—XIX вв.» Статья не окончена.

Послѣ работъ извѣстнаго московскаго профессора М. С. Корелина объ эпохѣ „Возрожденія“, изслѣдованія по этому предмету г. Тарле безспорно занимаютъ въ русской литературѣ первое мѣсто. Настоящее изслѣдованіе его начинается именно съ этой эпохи. Въ первой главѣ онъ указываетъ на Петрарку и Боккачіо, какъ на первыхъ провозвѣстниковъ гуманизма. Онъ не только даетъ характеристику этихъ писателей, но и указываетъ на вліяніе ихъ на современное имъ общество и на условія, выдвинувшія ихъ изъ окружающей среды.

Въ XIV и XV вѣкахъ феодальный міръ разрушался самымъ явственнымъ и неоспоримымъ образомъ. Міросозерцаніе тысячелѣтія, по крайней мѣрѣ для меньшинства, стало наборомъ безсодержательныхъ фразъ. Между тѣмъ, это меньшинство оказалось проникнутымъ жаждою жизни, наслажденій и личнаго счастья, тѣмъ, что въ настоящее время называется индивидуализмомъ. Несомнѣнный толчокъ въ этомъ направленіи былъ данъ появленіемъ новаго независимаго класса — буржуазіи. Онъ не только почувствовалъ свою свободу, но и заявилъ претензію на господство. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ денежныя средства, онъ на первыхъ порахъ достигъ того, что мелкіе и средніе деспоты Италіи оказались его ставленниками. Естественно, что какіе-нибудь миланскіе Сфорцы и флорентійскіе Медичи терпѣли гуманизмъ и даже потворствовали его распространенію. Необходимо было для него какое-нибудь прочное обоснованіе. Но къ кому же обратиться за этимъ, какъ не къ философамъ и поэтамъ Греціи и Рима, какъ разъ къ тому времени воскресшимъ во всей своей огромной и неожиданной силѣ.

«Петрарка, который открывалъ собою движеніе, плѣнился тѣмъ изяществомъ внѣшней формы, чувствомъ мѣры и гармоніей содержанія и изложенія, которыя такъ прекрасны у римскихъ поэтовъ и лучшихъ прозаиковъ». Петрарка былъ не только поэтъ, но и аналитическій умъ. Схоластика разлагала древнихъ писателей на составныя части по всѣмъ риторическимъ правиламъ. Петрарку

риторика не занимала; его занимала идея и воображеніе, и онъ со страстью бросился побивать схоластику при помощи сопоставленія и сравненія идей классическихъ философовъ, въ чемъ и успѣвалъ. Но онъ этимъ не ограничился; онъ первый показалъ, какъ слѣдуетъ вводить классическихъ писателей въ самый круговоротъ современныхъ идейныхъ вопросовъ, какъ дѣлать ихъ участниками живой бесѣды, то соглашаясь съ ихъ мнѣніями, то полемизируя съ ними. Но могучій голосъ Петрарки не былъ тѣмъ эхомъ, которое повсюду долетаетъ. Онъ позабылъ объ одномъ главномъ условіи, о которомъ всегда и всѣ забывали. Онъ позабылъ простой народъ, котораго онъ не понималъ, и простой народъ оставался къ нему въ свою очередь глухъ.

Боккачіо отличается отъ Петрарки тѣмъ, что онъ въ гораздо большей степени былъ человѣкомъ толпы. Достаточно сказать, что сюжеты его «Декамерона» широко распространились по Италіи. Ихъ обработка и уголъ зрѣнія — все было близко и понятно: и простолюдину, и купцу, и банкиру, и меценату, и гуманисту. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ совершеннымъ особнякомъ въ гуманистической плеядѣ. Въ то время, какъ гуманисты теоризировали, тревожились вопросами высшаго порядка жизни, простой народъ, тревожимый тѣми же вопросами, началъ Саванароллой и окончилъ прочнымъ союзомъ съ возродившимся папствомъ. Гуманисты искали нравственной и индивидуальной свободы, свободы мыслить и изслѣдовать, народъ свободы этой не искалъ, а требовалъ готоваго рѣшенія, отъ котораго гуманисты были далеки. Наступилъ полнѣйшій разладъ между теоретиками и практиками, который продолжался втеченіе двухсотъ лѣтъ, пока рѣшенія этого не дала реформація. Къ этому времени изъ гуманистовъ не былъ забытъ только одинъ Боккачіо. Интересъ къ нему и теперь еще не пропалъ.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ напечатано интересное письмо Чаадаева, отъ 15 января 1845 г., къ французскому писателю Сиркуру по поводу отзыва литературно-философскаго журнала „Le Semeur“ о проповѣди, произнесенной митрополитомъ Филаретомъ при освященіи храма въ московской пересыльной тюрьмѣ. Журналъ усмотрѣлъ въ проповѣди реформаціонное движеніе, которое будто-бы зарождается въ нѣдрахъ православной церкви, и потому отзывается о проповѣди, и о митрополитѣ, и о православной церкви въ восторженныхъ выраженіяхъ. Чаадаевъ восторгъ этотъ охлаждаетъ, разъясняя французскому публицисту сущность православной церкви и рѣзкое отличіе ея отъ западныхъ церквей. А что касается того, говоритъ Чаадаевъ, „чтобы видѣть въ нашемъ святомъ владыкѣ реформатора, то отъ этого нельзя не расхохотаться. Онъ самъ отъ всего сердца смѣется надъ этимъ. Журналистъ просто-на-просто принялъ риторическую фигуру, примѣненную къ тому-же, на мой взглядъ, очень умѣстно, за религіозную революцію. Не могу подивиться на то, что дѣлается съ вашими наиболѣе серьезными мыслителями, какъ только они оказываютъ намъ честь заговорить о насъ. Точно мы живемъ на другой планетѣ, и они могутъ наблюдать насъ лишь при по-

мощи одного изъ тѣхъ телескоповъ, которые даютъ обратное изображеніе".

Большая часть письма Чаадаева посвящена также ознакомленію своего корреспондента съ лекціями по исторіи русской литературы Шевырева. Курсъ Шевырева, прочитанный имъ зимою и весною 1844—1845 г.г., былъ какъ бы отвѣтнымъ манифестомъ славянофиловъ на публичныя лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ, читанныя Грановскимъ въ 1843 — 1844 г.г. Тѣ и другія лекціи имѣли огромный успѣхъ. Самому Шевыреву, ошеломленному этой неожиданностью, оставалось приписывать успѣхъ только божескому благословенію; такъ онъ и писалъ Погодину: „Недаромъ я наканунѣ провелъ часъ въ молитвѣ и чтеніи житія св. Кирилла передъ его мощами, за которыя благодарю тебя. Позволь имъ еще погостить у меня денекъ, другой".

Западники отозвались въ печати о лекціяхъ устами юмориста—Герцена. „Г. Шевыревъ, первый профессоръ элоквенціи послѣ Тредьяковскаго, читалъ въ Москвѣ публичныя лекціи о русской словесности, преимущественно того времени, когда ничего не писали, и его лекціи были какой-то дѣтской пѣснью, пѣтой чистымъ soprano, напоминающимъ папскіе дисканты въ Римѣ. Г. Шевыревъ возстановляетъ Русь, которой не было и — слава Богу — никогда не будетъ". Но, продолжаетъ Герценъ, „Шевыревъ портилъ свои чтенія тѣмъ самымъ, чѣмъ портилъ свои статьи, — выходками противъ такихъ идей, книгъ и лицъ, за которыя у насъ трудно заступиться, не попавши въ острогъ".

Чаадаевъ въ письмѣ отзывался о лекціяхъ съ похвалой, но и съ дипломатической тонкостью. „Какъ видите, я нѣсколько ославянился. Что дѣлать! какъ спастись отъ этой заразы, тѣмъ болѣе сильной, что она — совершенно новое патологическое явленіе въ нашихъ краяхъ. Въ ту минуту, напр., какъ я пишу вамъ, у насъ читается курсъ исторіи русской литературы, возбуждающій всѣ національныя чувства и поднимающій всю національную пыль".

Вообще надо замѣтить, что письмо Чаадаева, написанное съ блестящей діалектикой, производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ хотѣлъ всѣмъ сторонамъ угодить, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждая сторона могла предполагать, что онъ по адресу остальныхъ иронизируетъ.

И. М.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Гибель семейства Борджіа.—Monatshefte о «Воскресеніи» Толстого.—Супруги Рейнгардъ.—Переправа черезъ Березину.—Людовика XVIII въ Гентѣ.

Одинъ изъ представителей испанскаго дворянскаго рода Борджіа, переселившихся въ Италію, Родриго Борджіа былъ избранъ въ 1492 г. папою подъ именемъ Александра VI. Втеченіе 10 лѣтъ онъ былъ грозою Италіи и всей Европы. Сынъ его Цезарь Борд-

жіа, герцогъ Романьи—нравственное чудовище, отличавшееся даже при тогдашнемъ развратномъ римскомъ дворѣ коварствомъ и злодѣяніями, ниспровергалъ и умерщвлялъ одного за другимъ малоземельныхъ принцевъ папской области и мечталъ уже стать королемъ Италіи. Александръ VI не терялъ даромъ времени и собиралъ несмѣтныя богатства для осуществленія честолюбивыхъ замысловъ своего сына.

Папѣ удалось ввести правило, запрещающее кардиналамъ располагать своимъ имуществомъ, и такимъ образомъ по смерти ихъ всѣ ихъ богатства переходили къ единственному наслѣднику священной коллегіи, папѣ, а во время папства Александра VI кардиналы умирали очень часто. Однако, несмотря на это обстоятельство, находились люди, которые не только стремились занять мѣста умершихъ кардиналовъ, но и платили за эту честь крупныя суммы денегъ. Такимъ образомъ, папа вдвойнѣ получалъ деньги, т. е. другими словами пользовался съ живыхъ и мертвыхъ.

Въ 1503 году Александръ VI увеличилъ число членовъ священной коллегіи новыми девятью кардиналами, и весь Римъ со страхомъ и любопытствомъ ожидалъ, кто будетъ новою жертвою алчности папы.

Особенно богатъ былъ кардиналъ Корнето. У него была чудная вилла вблизи Рима. Расположенная на возвышенности она славилась прекраснымъ видомъ на вѣчный городъ. Александръ VI не разъ уже высказывалъ желаніе посѣтить эту виллу и вотъ однажды на пріемѣ онъ обратился къ кардиналу Корнето и заявилъ ему, что на слѣдующей день вечеромъ посѣтитъ его виллу. Кардиналу оставалось лишь поблагодарить за оказываемую ему честь. Тогда папа обвелъ глазами присутствующихъ и сказалъ: „Я возьму съ собою двухъ друзей и надѣюсь, что кардиналы Корисъ и Казанова не откажутся сопутствовать мнѣ. Герцогъ Романьи также будетъ сопровождать меня“. При этомъ онъ многозначительно посмотрѣлъ на своего сына.

При послѣднихъ словахъ три кардинала невольно переглянулись.

„И такъ рѣшено, сказалъ св. отецъ,—мой экономъ отправится туда завтра пораньше и приготовитъ для насъ ужинъ“.

„Если ваше святѣйшество окажете мнѣ честь и примите отъ меня ужинъ... попробовалъ было заикнуться кардиналъ Корнето.

„Нѣтъ, нѣтъ, перебилъ его папа,—вашъ домъ, мое угощеніе“.

Кардиналъ Корнето измѣнился въ лицѣ, другіе два приглашенные кардинала тоже заволновались, хотя въ такомъ приглашеніи собственно ничего не было необыкновеннаго,

«Мой дворецкій, только что получилъ прекрасное вино со Счастливыхъ острововъ, [1]) и я прикажу ему захватить нѣсколько бутылокъ для насъ“, прибавилъ папа.

Три кардинала опустили голову, какъ люди уже приговорен-

---

[1]) Такъ назывались въ прежнее время Канарскіе острова.

ные къ смерти. Борджіа любили поиграть такъ со своими жертвами. Это очень занимало ихъ и приводило въ ужасъ присутствующихъ. Герцогъ Романьи сардонически улыбался, смотря на смущенныхъ кардиналовъ.

По окончаніи пріема папа тотчасъ же призвалъ къ себѣ дворецкаго, къ которому питалъ неограниченное довѣріе, и приказалъ ему принести двѣ бутылки канарскаго вина. Дворецкій отлично понималъ своего господина и принесъ изъ погреба двѣ бутылки съ особенными пробками, которыя по желанію можно было вынуть и снова незамѣтно вставить. Папа отпустилъ дворецкаго и затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ снова позвалъ его и строго сказалъ: „Это очень хорошее вино, и вы обратите на него особенное вниманіе. Завтра снесите эти бутылки на виллу Корнето, гдѣ я буду ужинать. Не смѣшивайте ихъ съ другими бутылками и подавайте изъ нихъ вино лишь тѣмъ лицамъ, на которыхъ я вамъ укажу".

Дворецкій поклонился и, взявъ бутылки, молча удалился изъ комнаты. Придя къ себѣ, онъ посмотрѣлъ бутылки на свѣтъ и замѣтилъ въ нихъ легкій осадокъ, котораго раньше не было. Для него это не было новостью.

На слѣдующій день папскій экономъ прибылъ днемъ на виллу кардинала Корнето и занялся приготовленіемъ къ ужину. Хозяина еще не было въ виллѣ,—онъ провелъ ночь въ Римѣ въ своемъ дворцѣ.

Въ Ватиканъ была прислана въ подарокъ святому отцу корзинка съ чудными персиками. За отсутствіемъ эконома, поручили снести персики на виллу дворецкому. Вечеромъ, незадолго до прибытія гостей, дворецкій отправился на виллу, собственноручно неся порученныя ему папою двѣ бутылки вина. Прибывъ на мѣсто, онъ осторожно поставилъ бутылки въ сторонкѣ и вдругъ вспомнилъ, что забылъ захватить съ собою персики. Времени до ужина оставалось еще достаточно, и дворецкій рѣшилъ самъ вернуться въ Ватиканъ за персиками. Подозвавъ своего помощника и указавъ на стоявшія въ сторонѣ бутылки съ виномъ, онъ предупредилъ его, чтобы тотъ хорошенько смотрѣлъ за ними, такъ какъ онѣ нужны будутъ папѣ. По дорогѣ дворецкій встрѣтилъ самого папу, который, воспользовавшись прекраснымъ вечеромъ, шелъ на виллу пѣшкомъ. Дорога была не длинная и Борджіа былъ не такъ еще старъ: ему шелъ 63-й годъ, но вечеръ былъ очень жаркій и папа шелъ, опираясь на руку кардинала Караффа, преданнаго ему человѣка. Цезарь Борджіа шелъ возлѣ своего отца. Поднявшись на холмъ, на которомъ была расположена вилла, папа остановился, чтобы перевести духъ. При этомъ онъ машинально поднесъ руку свою къ груди и вдругъ вскрикнулъ: „Мой амулетъ! Мой золотой медальонъ, который я ношу постоянно на груди, я забылъ его одѣть". Въ этомъ медальонѣ заключалась частичка св. даровъ. Одинъ астрологъ предсказалъ папѣ, что пока онъ будетъ носить этотъ медальонъ на груди, онъ не умретъ ни отъ кинжала, ни отъ яда. Такіе талисманы носили обыкновенно тираны среднихъ вѣковъ. Простые убійцы не отваживались

нападать на обладателей талисмановъ, и если хотѣли погубить кого, то предварительно выкрадывали талисманъ у намѣченной жертвы.

Когда папа убѣдился, что медальона дѣйствительно нѣтъ при немъ, онъ тотчасъ же послалъ кардинала Караффа въ Ватиканъ. „Медальонъ должно быть остался на моемъ ночномъ столикѣ— сказалъ онъ ему.—Пожалуйста, возьмите его сами и какъ можно скорѣе принесите его мнѣ сюда“.

Кардиналъ тотчасъ же отправился въ путь, а Александъ VI со своимъ сыномъ вошли въ виллу. Уже садилось солнце, когда кардиналъ Караффа достигъ города. Въ Ватиканѣ было совершенно безлюдно, такъ какъ большинство слугъ было послано въ виллу Корнето. Кардиналъ отлично зналъ расположеніе комнатъ въ папскомъ дворцѣ, и могъ безъ проводника найти дорогу. Онъ зажегъ восковую свѣчку и направился по темнымъ заламъ въ спальню Александра VI. Когда онъ переходилъ черезъ корридоръ, на него пахнула струя свѣжаго воздуха и потушила свѣчу; несмотря на это онъ началъ ощупью подвигаться впередъ и открылъ дверь спальни. Переступивъ порогъ, онъ въ ужасѣ остановился. Посрединѣ комнаты стоялъ катафалкъ съ зажженными по угламъ факелами, и на немъ лежало тѣло, въ которомъ Караффа узналъ папу Александра VI, только что оставленнаго въ виллѣ Корнето. Думая, что это навожденіе злого духа, кардиналъ перекрестился, и явленіе исчезло. Караффа настолько еще сохранилъ присутствіе духа, что подбѣжалъ къ столику, схватилъ талисманъ и опрометью бросился по темнымъ комнатамъ и корридорамъ на улицу.

Между тѣмъ Александръ VI съ сыномъ вошли въ виллу и уставшіе отъ прогулки и утомленные отъ жары, приказали одному изъ своихъ слугъ принести вина, чтобы утолить жажду. Дворецкій еще не вернулся, а помощникъ его, помня наказъ о двухъ бутылкахъ для папы, взялъ одну изъ нихъ, откупорилъ, и наполнивъ два бокала, поставилъ ихъ на серебряный подносъ и велѣлъ слугѣ подать вино высокимъ гостямъ.

Наступила торжественная минута. Жестокій, порочный и алчный папа, при одномъ имени котораго всѣ трепетали, и высокомѣрный, бездушный сынъ его, для котораго ничего не значило убить человѣка, стояли на верандѣ и любовались чуднымъ видомъ на вѣчный городъ при заходящемъ солнцѣ; а три приговоренные ими къ смерти кардинала стояли вокругъ блѣдные, едва переводя духъ. И вотъ убійцы протягиваютъ руки, берутъ съ подноса по бокалу съ приготовленнымъ ими зельемъ для другихъ и осушаютъ ихъ до послѣдней капли!

Ядъ, употреблявшійся Борджіами, имѣлъ видъ порошка, и по цвѣту и вкусу походилъ на сахаръ. Нѣкоторые полагали, что это былъ аконитъ. Такъ ли это или нѣтъ, но присутствіе яда въ винѣ не было замѣтно и дѣйствовалъ онъ не вдругъ, а постепенно.

Съ веранды кардиналъ Корнето повелъ своихъ гостей по комнатамъ виллы и показывалъ имъ все достойное вниманія. Во время этого обхода нѣкоторые замѣтили блѣдность лица

папы. Наконецъ, гости были приглашены къ ужину. Въ то время какъ они хотѣли садиться, явился кардиналъ Караффа съ талисманомъ.

По странному стеченію обстоятельствъ, дворецкій, ушедшій въ Ватиканъ за персиками гораздо раньше кардинала Караффа, все еще не возвратился. Иначе онъ, увидѣвъ, что изъ одной бутылки отпито вино, и узнавъ, какъ это случилось, предупредилъ бы папу и его сына, а тѣ поспѣшили бы вернуться въ Ватиканъ и приняли бы противоядіе, которое было у нихъ всегда на готовѣ.

Ничего подобнаго не произошло, и папа не подозрѣвалъ отравленія, а между тѣмъ ядъ дѣлалъ свое дѣло.

При видѣ входившаго кардинала Караффа, папа приблизился къ нему, но едва коснулся рукою талисмана, какъ съ крикомъ упалъ въ конвульсіяхъ на полъ. Цезарь Борджіа, услышавъ крикъ, подбѣжалъ къ отцу. Узналъ-ли онъ признаки отравленія? По крайней мѣрѣ онъ не успѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій и самъ упалъ безъ чувствъ.

Когда наконецъ устрашенные кардиналы пришли въ себя, они подняли Александра VI и его сына и отправили ихъ въ Ватиканъ на попеченіе докторовъ. Восемь дней томился папа въ агоніи и наконецъ скончался. Такъ погибъ человѣкъ, при имени котораго и теперь еще содрогаются люди.

Цезарь Борджіа пережилъ своего отца. Его необыкновенно крѣпкая натура перенесла дѣйствіе яда, но карьера его была окончена. Новый папа, непримиримый врагъ фамиліи Борджіа, конфисковалъ всѣ его земли, а самого его приказалъ арестовать и заключить въ темницу. Потомъ Цезарю Борджіа удалось бѣжать. Онъ былъ убитъ при осадѣ Віяно въ 1507 году.

Въ распространенномъ берлинскомъ журналѣ Monatshefte критикъ Hart останавливается съ особымъ вниманіемъ на романѣ Толстого—„Воскресеніе“. По мнѣнію нѣмецкаго писателя, вліяніе и даже внѣшній успѣхъ новаго произведенія русскаго беллетриста напоминаютъ славу „Эмиля“ Руссо. Уже давно для Толстого искусство только средство возможно дѣйствительнѣе и осязательнѣе выражать собственные соціальные и этическіе взгляды. Такъ же мало, какъ и пророки Израиля, печется Толстой и въ „Воскресеніи“ объ эстетическихъ лаврахъ. Конечная цѣль здѣсь исключительно нравственная и умственная встряска (Anfrüttelung), которая должна сказаться на дѣлѣ въ жизни. Сравнивая „Воскресеніе“ съ „Плодовитостью“ Золя, нѣмецкій критикъ находитъ у француза приподнятую фантастичность, преувеличенія въ Дантовскомъ вкусѣ, воплощеніе зла и пороковъ въ отдѣльныхъ личностяхъ. У русскаго же писателя—настоящій объективизмъ, простота образовъ; тутъ всѣ уродства и безобразія наглядно вытекаютъ изъ отвнѣ полученныхъ понятій, изъ всяческой тьмы и апатіи. Не одного Золя и Шпильгагена съ его „Жертвой“ напоминаетъ Толстовское „Воскресеніе“. Нѣсколько, если хотите, даже самоотверженно нѣмецкій писатель критикуетъ своего соотечественника. У Шпильгагена, говоритъ онъ замѣтна романтика, отзвуки Вертерства, искусствен-

ность. Въ романѣ же нашего художника—широко выполненныя жизненныя картины сильно преобладаютъ. Признавайте воззрѣнія Толстого узкими и ограниченными, вы все же не въ правѣ отрицать ихъ цѣльности. Русскій писатель обладаетъ поистинѣ *міросозерцаніемъ*. Во всѣхъ его сочиненіяхъ оно выдѣляется съ ясною опредѣленостью. У большинства же современныхъ представителей слова—оно прямо отсутствуетъ. Въ этомъ мощь Толстого. Въ „Воскресеніи" авторъ достаточно знакомитъ читателя съ своими мнѣніями о судѣ, характерно иллюстрируетъ судебные порядки, рисуетъ весь юридическій обиходъ. Оцѣнивайте основные принципы Толстого по своему. Но художникъ передаетъ свои убѣжденія съ страстною, захватывающею (packender) внушительностью и изъ подъ ихъ вліяній не такъ-то легко высвободиться. Нѣмецкій критикъ, очевидно, не поверхностно только вникалъ въ произведеніе нашего романиста. Онъ совершенно справедливо указываетъ на эпизоды — вешней любви Нехлюдова, его прегрѣшеній, на сцены изъ тюремнаго и пересыльнаго быта, какъ на лучшія мѣста „Воскресенія", достойныя таланта автора „Анны Карениной" и „Власти тьмы". Также дѣльно отмѣчаетъ онъ и многія характеристики Толстого. Едва-ли есть другое сочиненіе, гдѣ въ сравнительно небольшомъ повѣствованіи соединено столько типичныхъ рисунковъ. Подчасъ пара бѣглыхъ штриховъ возсоздаетъ здѣсь отчетливо и ясно живую фигуру. Но все-же Толстому не достаетъ именно красочности. Его образы нѣсколько одноцвѣтны. Тамъ оттѣнокъ свѣтлѣе, тутъ темнѣе, попадается рельефная юмористика,—сатирическая подробность; но основной тонъ вездѣ одинаковый. Толстого отличаетъ извѣстная *одноформенность*. Живопись словно обволакивается рѣзкимъ міросозерцаніемъ. Въ этомъ міросозерцаніи таится что-то принуждающее: оно будитъ, вдохновляетъ и подавляетъ, оно поражаетъ своею страшною логикой, самоотреченіемъ, благожелательствомъ, милосердіемъ. Но впадаетъ и въ односторонность. Словно упраздняется полнота человѣческая, словно нѣтъ здѣсь мѣста чувству радости. Удаляется все чувственное, хотя бы и здоровое и естественное, а вмѣстѣ съ тѣмъ всякое веселье. Въ повѣсти Толстого, какъ будто не хватаетъ красочности, потому что и изъ самаго его міросозерцанія изъяты всякія *краски чувствъ*.

Карлъ Фридрихъ Рейнгардъ, едва ли не самый безцвѣтный изъ 120 министровъ, въ разное время за минувшее столѣтіе руководившихъ иностранными дѣлами Франціи, представлялъ собою въ эпоху великой революціи курьезный типъ. Уроженецъ Вюртемберга, онъ получилъ воспитаніе въ Тюбингенскомъ университетѣ и сблизился съ Шиллеромъ и Гете—переписка его съ послѣднимъ издана въ 1838 г. Въ 1787 г. Рейнгардъ явился въ Бордо воспитателемъ въ семью богатаго негоціанта кальвиниста и сошелся съ группою молодыхъ адвокатовъ, образовавшихъ впослѣдствіи ядро жирондистскаго клуба. Юный нѣмецъ горячо проникся принципами, сулившими обновленіе міру, вмѣстѣ съ жи-

рондистами перебрался въ Парижъ, гдѣ занялъ скромную должность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ оказался секретаремъ французской миссіи въ Лондонѣ Въ эпоху террора Рейнгардъ былъ послѣдовательно министромъ-резидентомъ въ Гамбургѣ и въ Тосканѣ, а передъ паденіемъ Директоріи, въ эпоху возвышенія Сіейса, послѣдній взвалилъ на скромнаго и трудолюбиваго нѣмца портфель иностранныхъ дѣлъ.

Вслѣдъ за переворотомъ 18-го брюмера Рейнгардъ, мало способный на сложныя дипломатическія интриги, уступилъ портфель Талейрану и благодаря своей незлобивости, уживчивости и такту мирно продолжалъ скромную дипломатическую карьеру. Онъ въ разное время перебывалъ министромъ-резидентомъ въ Швейцаріи, Нижней Саксоніи и Молдавіи; здѣсь на долю Рейнгарда выпала непосильная задача оттѣснить съ помощью интригъ предъ Портою вліяніе Россіи въ придунайскихъ княжествахъ. Неожиданно захваченный въ Яссахъ казаками Рейнгардъ водворенъ былъ въ Новороссіи и только послѣ Фридландскаго мира вернулся въ Парижъ, а затѣмъ долгое время состоялъ, въ качествѣ министра при Вестфальскомъ королѣ, Іеронимѣ Бонапартѣ.

Любопытно то, что, отправляя пятнадцать лѣтъ отвѣтственныя должности, Рейнгардъ не принималъ вовсе французскаго подданства и только въ 1814 г. былъ натурализованъ во Франціи. Въ эпоху реставраціи, преслѣдовавшей представителей императорской арміи и въ то же время снисходительно пользовавшейся услугами гражданскихъ дѣятелей имперіи, Рейнгардъ представлялъ особу Людовика XVIII и Карла X въ качествѣ аккредитованнаго при германскомъ сеймѣ посла. Послѣ іюльской революціи переведенный посланникомъ въ Дрезденъ Рейнгардъ въ 1832 г. былъ возведенъ въ званіе пера и умеръ въ Парижѣ 25 декабря 1837 г.

Серьезно образованный, лингвистъ, ученый съ тонко развитымъ литературнымъ вкусомъ, Рейнгардъ, при учрежденіи французскаго института, вступилъ въ составъ академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ, а съ 1815 г. былъ сдѣланъ членомъ академіи надписей. Рейнгардъ былъ женатъ дважды—въ 1796 г. въ Гамбургѣ онъ женился на Христинѣ Фредерикѣ Реймарусъ, а послѣ смерти ея (1815 г.) на Виргиніи ф. Пимпфенъ (въ 1825 г.).

Первая жена Рейнгарда, ур. Реймарусъ, была особа прекрасно образованная, вдумчивая и наблюдательная; вѣрная подруга мужу она исколесила съ Рейнгардомъ всю Европу и по поводу проходившихъ мимо нея пестрою чередою интересныхъ людей и событій успѣвала дѣлиться съ матерью любопытнѣйшими письмами. Эта обширная корренспонденція, сохраненная внучкою автора, баронесою ф. Пимпфенъ, нынѣ подготовляется къ печати и, обнимая всю эпоху имперіи, обѣщаетъ значительный интересъ, судя по отрывкамъ, относящимся къ эпохѣ 18 брюмера.

Ея тонкія личныя оцѣнки перваго консула, Талейрана, Сіейса, г-жи де Сталь, принцессы Полины Бонапартъ заслуживаютъ вниманія и несомнѣнно изданіе ея писемъ внесетъ не одну любопытную подробность въ обширную сокровищницу мемуаровъ Наполеоновской эпохи.

Въ прошлой книжкѣ „Вѣстника Всем. Ист.“ приведены были отрывки изъ *Записокъ полковника Зукова* о походѣ „двунадесяти языкъ“ на Россію. Теперь эти записки окончены [1]) и въ цѣломъ видѣ представляютъ весьма интересный, хотя и нѣсколько пристрастный документъ, характеризующій отношеніе великаго полководца къ его невольнымъ союзникамъ. Неоднократно въ сраженіяхъ войска нѣмецкія посылались на убой, а гвардія оставлялась въ резервѣ; на привалахъ и дневкахъ продовольствіе французскимъ войскамъ обезпечивалось и раціоны выдавались правильно, а вспомогательныя войска терпѣли холодъ и голодъ и даже, когда изыскивали себѣ способы къ удовлетворенію насущныхъ потребностей, то и тутъ не бывали ограждены отъ насилій и захватовъ со стороны французовъ.

На обратномъ походѣ въ Смоленскѣ, хотя и нашлись значительные запасы продовольствія, однако, изголодавшихся войскъ явилось такъ много, что продовольственные магазины подверглись разграбленію, которое сопровождалось безобразнѣйшими сценами: солдаты убивали другъ друга изъ-за каравая хлѣба.

Преслѣдованія казаковъ и стужа до нельзя затрудняли движеніе войскъ. У всей арміи, отъ маршала до послѣдняго барабанщика, было одно страстное желаніе поскорѣе какъ-нибудь добраться до польской или прусской границы.

25-го ноября по жестокому морозу главныя силы французской арміи достигли лѣваго берега Березины. За исключеніемъ гвардіи, группировавшейся болѣе или менѣе стройно около Наполеона, прочія войска превратились въ безпорядочную толпу, для которой и названія подобрать нельзя. Переправившись черезъ наскоро сдѣланный мостъ подъ прикрытіемъ гвардіи, Наполеонъ отдалъ приказъ тутъ же сжечь безконечный обозъ, на которомъ войска тащили изъ Москвы „найденныя вещи“, или, правильнѣе, награбленный безъ разбора всевозможный скарбъ.

Зарево пожарища освѣщало безпорядочную толпу у въѣзда на мостъ; проклятія, ругань и крики стояли въ воздухѣ; солдаты вооружились дубинами и безпощадно били стоявшихъ впереди, лишь бы продвинуться на нѣсколько шаговъ впередъ,—такъ неудержимо рвались они на другой берегъ.

Изголодавшійся и иззябшій поручикъ Зуковъ былъ исключительно озабоченъ спасеніемъ собственной шкуры и не имѣлъ ни времени, ни охоты размышлять надъ стратегическими комбинаціями Кутузова, Чичагова и Витгенштейна, подвигавшихся на французовъ съ разныхъ концовъ, чтобы окружить ихъ кольцомъ.

„28-го ноября съ разсвѣтомъ возобновились тѣ ужасы, изображенію которыхъ втеченіе пятидесяти лѣтъ было посвящено такъ много усилій писателями и художниками. Несомнѣнно въ этомъ отношеніи было допущено много преувеличеній. Я напр. недавно еще читалъ въ одной книгѣ, посвященной Березинской

---

[1]) Revue hebdomadaire №№ 8, 9 и 10 отъ 19 Января, 26 Января и 2 Февраля 1901 г.

переправѣ, будто тутъ нашли гибель сотни женщинъ, будто дѣтей давили подъ ногами дюжинами и Богъ знаетъ что еще. Я самъ былъ тамъ, но по чистой совѣсти скажу, ничего подобнаго не видѣлъ. Мнѣ кажется, что правдивая картина всего тогда происходившаго сама по себѣ настолько ужасна, что къ описанію ея незачѣмъ примѣшивать усилій воображенія".

Послѣ тщетныхъ и продолжительныхъ попытокъ Зукову удалось наконецъ занять мѣсто въ длинной колоннѣ бѣглецовъ. „Эта колонна бѣглецовъ тянулась позади меня и каждую минуту пріумножалась новыми пришельцами. Вскорѣ я былъ уже окруженъ со всѣхъ сторонъ и очутился въ настоящихъ людскихъ тискахъ. Время проведенное, мною въ этомъ „закрытомъ обществѣ" вплоть до того мгновенія, когда я наконецъ сталъ ногою на правый берегъ рѣки, останется ужаснѣйшимъ воспоминаніемъ моей жизни. Нельзя и описать, что я тогда пережилъ. Вся толпа орала, ругалась, плакала и наносила ближайшимъ сосѣдямъ побои"....

„Меня увлекали, толкали, временами прямо таки уносили; неоднократно человѣческая масса поднимала меня на воздухъ и сдавливала, словно клещами; земля была усѣяна людьми и животными, живыми и мертвыми.... каждую минуту я спотыкался, но не падалъ, помимо своей воли; объяснялось это тѣмъ, что со всѣхъ сторонъ меня подпирала людская масса".

„Я не могу себѣ представить ничего ужаснѣе сознанія, что топчешь живыя существа, которыя хватаютъ тебя за ноги и парализуютъ твои движенія, силясь приподняться"....

....„По мѣрѣ того какъ мы приближались къ мосту, напоръ сзади усиливался: всѣ спѣшили поскорѣе уйти отъ выстрѣловъ вражеской артиллеріи. Съ другой стороны французскіе жандармы, расположенные у входа на мостъ съ саблями на-голо, какъ попало— то плашмя, то лезвіемъ колотили по спинамъ тѣснившихся, чтобы сколько нибудь поддерживать порядокъ среди бѣглецовъ и устранить загроможденіе моста. Самый мостъ былъ сооруженъ изъ жалкаго матеріала, ходилъ ходуномъ и съ минуты на минуту можно было опасаться его крушенія"....

....„Вдругъ одинъ изъ шедшихъ позади нанесъ мнѣ по спинѣ здоровенный ударъ, я поскользнулся обѣими ногами и чуть не упалъ. Я мысленно уже прощался съ горестями и радостями бреннаго существованія, но въ эту же минуту инстинктивно уцѣпился руками за воротъ синей шинели, двигавшейся предо мною".

Держась за шиворотъ дюжаго кирасира, несмотря на его протесты и ругань, Зуковъ добрался почти до конца моста. Припертый къ периламъ онъ, слѣдуя примѣру предшествовавшихъ, соскочилъ въ рѣку и вбродъ добрался до берега. Изнемогая отъ усталости и жажды, онъ, забывъ о брезгливости, напился рѣчной воды, хотя Березина послѣ трехъ дней переправы кишмя кишѣла трупами. О брезгливости впрочемъ и помину не было: несчастные и дохлыхъ кошекъ ѣли, и спали на грудахъ замерзшихъ труповъ!

Переходъ отъ Березины до Вильны оказался особенно затруд-

нительнымъ: уставшія войска на пути слѣдованія терпѣли во всемъ недостатокъ и въ каждомъ пробуждалась животная забота о своей шкурѣ.

„Я часто слыхивалъ, будто общая опасность сближаетъ людей, но за эту кампанію въ правдивости этого изреченія не убѣдился. Никогда не доводилось мнѣ наблюдать примѣра болѣе жестокаго эгоизма и болѣе полнаго безразличія къ товарищамъ и даже близкимъ друзьямъ. Каждый принималъ въ соображеніе только свое драгоцѣнное *я* и не имѣлъ иной заботы, какъ обезопасить себя“.

Послѣ неимовѣрныхъ затрудненій Зуковъ добрался до Вильны; здѣсь, благодаря услужливости евреевъ-факторовъ, кто имѣлъ деньги, могъ передохнуть отъ лишеній, но когда въ Вильнѣ появились разъѣзды Платовскихъ казаковъ, французамъ и ихъ сторонникамъ пришлось круто—прежде любезные до-нельзя трактирщики и факторы спѣшили выпроваживать неудобныхъ гостей.

Въ результатѣ всѣхъ скорбныхъ перипетій нерѣдки стали такія явленія, какъ массовая гибель войскъ. Такъ, напр., вюртембергскій полкъ, выступивъ изъ Сморгонъ съ 18 фурами припасовъ въ составѣ 1360 человѣкъ, въ какихъ-нибудь пять дней растаялъ, какъ воскъ и добрался до Вильны уже безъ обоза и въ составѣ 60 человѣкъ.

Переходъ отъ Вильны на Ковно до Нѣмана Зуковъ принужденъ былъ сдѣлать частью *на четверенькахъ*, изранивъ и отморозивъ себѣ ноги; только на границѣ, повстрѣчавшись съ товарищемъ, могъ онъ наконецъ обезпечить себѣ дальнѣйшее путешествіе по Пруссіи уже съ нѣкоторымъ комфортомъ, въ саняхъ.

Записки Зукова, правда, не имѣютъ крупнаго обще-историческаго интереса, но зато наглядно объясняютъ, почему Наполеонъ, недавно еще бывшій кумиромъ, вдругъ сдѣлался ненавистнымъ и друзьямъ и врагамъ. Кто самъ переиспыталъ или былъ свидѣтелемъ тѣхъ ужасовъ, какими масса расплачивалась за честолюбіе завоевателя, тотъ конечно не могъ питать къ нему любви.

Внезапное бѣгство Наполеона съ Эльбы и тріумфальное шествіе на Парижъ имѣло своимъ послѣдствіемъ удаленіе изъ столицы Людовика XVIII и всего королевскаго дома. О тогдашнихъ представителяхъ Бурбоновъ старшей линіи сложилось представленіе, какъ о дѣятеляхъ самихъ себя пережившихъ. Единственнымъ членомъ семьи, не потерявшимъ мужества, была герцогиня Ангулемская; въ эпоху ста дней она настаивала на энергичныхъ мѣрахъ въ интересахъ охраны монархическаго принципа, но престарѣлый король предпочиталъ выжидательную политику, не любилъ непрошеныхъ совѣтовъ и ревниво оберегалъ свой авторитетъ. — Между королемъ и герцогинею возникли недоразумѣнія, и она, покинувъ семью, эпоху ста дней прожила въ Лондонѣ.

19 марта ночью въ Тюльери загорѣлась крыша, какъ оказалось, вслѣдствіе поспѣшности, съ какою при отъѣздѣ сжигалась

обширная корреспонденція короля и принцевъ. Лакеи спѣшно грузили въ фургоны чемоданы и ящики; во дворцѣ шла суета. Около полуночи изъ внутреннихъ апартаментовъ вышелъ взволнованный король, грузно опираясь на де-Дюра и де-Блака; мучимый сильнымъ приступомъ подагры, онъ съ неимовѣрнымъ трудомъ спустился по парадной лѣстницѣ, скудно освѣщаемой несомою предъ нимъ свѣчею.

Во дворѣ стояло шесть каретъ, совершенно одинаковыхъ, съ опущенными шторами; каждая была запряжена восьмерикомъ и, когда въ одну изъ нихъ усѣлся король, то всѣ онѣ пустились въ разныя стороны и никто изъ оставшихся не могъ сказать ничего опредѣленнаго, куда направился бѣглецъ.

Въ Гентѣ, гдѣ король поселился въ гостепріимно ему предложенномъ графомъ де Стингуйзъ дворцѣ собрался весь дворъ Людовика XVIII, до 700 человѣкъ, но въ виду неопредѣленнаго будущаго придворные отъ короля получали на свое содержаніе средства болѣе чѣмъ умѣренныя. Въ Парижѣ утверждали, будто король вывезъ съ собою 50 милліоновъ, но въ дѣйствительности въ придворной кассѣ было денегъ немного; векселя на значительную сумму, пересланные въ Лондонъ для учета, реализировать не удалось, и единственнымъ серьезнымъ подспорьемъ про черный день оставались государственныя регаліи, которыя впрочемъ Людовикъ XVIII затруднялся отчуждать.

Во главѣ гентскаго двора первенствовалъ любимецъ короля г. де-Блака. Изъ скромныхъ подпоручиковъ постепенно возведенный въ министры, Блака, длинный, худой, на короткихъ ногахъ, въ бѣлокуромъ паричкѣ съ сухими и холодными чертами лица не внушалъ симпатіи. Его невыносимая заносчивость и аффектированная молчаливость плохо прикрывали его умственное убожество; объ этомъ послѣднемъ можно составить правильное понятіе по тому уже факту, что когда пришли извѣстія о высадкѣ Наполеона, Блака серьезно убѣждалъ короля, спокойно дождавшись Наполеона въ Парижѣ, выѣхать къ нему на встрѣчу въ коляскѣ, въ сопровожденіи перовъ и депутатовъ и приказать самозванцу немедленно вернуться вспять.

Въ Гентѣ придворная жизнь тянулась однообразно, но съ соблюденіемъ того же этикета, какъ и въ Тюльери. Въ 6 часовъ король вставалъ, занимался дѣлами, слушалъ обѣдню, въ 10 ч. завтракалъ и въ коляскѣ шестернею мчался по неровнымъ улицамъ города, не выѣзжая за его окопы. Въ 6 часовъ сервировался обѣдъ, къ которому приглашалась свита; дважды въ недѣлю происходили общіе парадные обѣды и пріемы. Несмотря на подагрическія страданія, король съ большою ловкостью и проворствомъ самъ разрѣзывалъ кушанья и накладывалъ на тарелку каждому изъ обѣдающихъ соотвѣтствующіе куски съ соблюденіемъ всѣхъ тонкостей мѣстничества.

Послѣ обѣда разставлялся столъ для виста, за который усаживался братъ короля, графъ д'Артуа, приглашавшій въ знакъ особаго почета и вниманія каждый разъ партнеровъ по своему усмотрѣнію. Король садился около и подавалъ играющимъ совѣты,

но самъ никогда не игралъ, ради соблюденія достоинства; дѣло въ томъ, что графъ д'Артуа, прекрасно игравшій въ вистъ, не терпѣлъ ни малѣйшихъ ошибокъ и настолько горячился, что нерѣдко кидалъ партнеру оскорбленія. Переписка съ союзниками, вѣсти, приходившія изъ Парижа о приготовленіяхъ Наполеона къ новой кампаніи, да частыя посѣщенія лорда Веллингтона, расположившагося со своимъ штабомъ въ Брюсселѣ, вносили въ гентскій дворецъ нѣкоторое оживленіе. Спокойствіе смѣнилось тревогою и лихорадочными приготовленіями къ отъѣзду, когда Наполеонъ, вслѣдъ за стычкою при Лоббъ съ прусскими войсками, выигралъ сраженія при Флерюсѣ и Катръ-Бра.

18-го іюня королевскіе экипажи, запряженные съ вечера, простояли всю ночь въ запряжкѣ, съ тѣмъ чтобы при первой же тревогѣ король могъ спастись бѣгствомъ въ Антверпенъ, а оттуда въ Англію. Людовикъ XVIII, до этого дня умѣвшій скрывать смятеніе подъ маскою невозмутимаго спокойствія, настолько теперь взволновался, что, казалось, вдругъ исцѣлился отъ подагры; онъ расхаживалъ изъ угла въ уголъ по гостиной, безъ посторонней помощи вставалъ съ кресла и при каждомъ шумѣ подходилъ къ окну, высматривая курьеровъ съ депешами. О снѣ никто въ эту ночь не думалъ, и только 19-го іюня рано по утру началось ликованіе, когда отъ Веллингтона пришло извѣстіе о полномъ пораженіи арміи Бонапарта подъ Монъ-Сенъ-Жанъ.

Въ два часа пополудни король уже разъѣзжалъ по улицамъ Гента подъ шумъ овацій и привѣтственныхъ кликовъ сразу объявившихся опять восторженныхъ приверженцевъ.

Новыя книги.

Эмиль Жебаръ. **Начала Возрожденія въ Италіи.** Переводъ съ французскаго. Спб. 1900 г.

Это небольшое сочиненіе (русскій переводъ представляетъ собою книжку въ 400 приблизительно страницъ, разгонисто напечатанныхъ) принадлежитъ профессору словеснаго факультета въ Парижѣ—Гебгардту (Gebhardt). Гебгардтъ, правда, офранцуженный нѣмецъ. Тѣмъ не менѣе, для чего онъ пожалованъ въ „Жебары"—это тайна переводчика. Столь же таинственными для насъ являются тѣ соображенія, въ силу которыхъ оказался необходимымъ вообще переводъ этой малосодержательной книжки, когда уже переведены и Фойгтъ и Буркгардтъ.

Авторъ начинаетъ весьма естественнымъ для француза вопросомъ: почему Возрожденіе началось не во Франціи? Причины этого онъ видитъ въ раздвоеніи Франціи на сѣверную и южную, причемъ Югъ еще не оправился отъ альбигойскихъ войнъ; на Сѣверѣ же безраздѣльно господствовала схоластика, а свобода городскихъ общинъ доживала послѣдніе дни... Почему же Возрожденіе началось раньше всего именно въ Италіи? Италія, по мнѣнію автора, никогда, за всѣ средніе вѣка не теряла свободы мысли: власть церкви не была сильна, церковь была близка къ

народу и не являлась грозной и суровой повелительницей, какъ напр. въ Германіи и Франціи. Правительства итальянскихъ государствъ одинаково покровительствовали Возрожденію, — безразлично, было-ли государство монархическимъ или республиканскимъ; папское правительство въ этомъ случаѣ не представляло исключенія.

Другая причина—въ непрерывности классическихъ традицій: такъ напр. Виргилій во все время среднихъ вѣковъ не исчезалъ въ Италіи изъ памяти народа, обратившись, правда, изъ языческаго поэта въ христіанскаго пророка или епископа; не вполнѣ исчезла и латинская рѣчь, если еще въ 13 вѣкѣ возможно было обращаться къ народу на латинскомъ языкѣ, хотя-бы и испорченномъ; не переводились и ученые труженики—бенедиктинскіе монахи. Относительно греческой культуры, Италія была поставлена еще благопріятнѣе: сношенія съ Византіей никогда не прерывались; въ самой Италіи (на Югѣ) еще отъ временъ „Великой Греціи“ и византійскаго владычества осталось множество грековъ, поддерживавшихъ оживленныя сношенія съ Востокомъ уже въ силу своей принадлежности къ православію. Не мало вліяла и арабская культура: магометане нѣкоторое время владѣли Сициліей и частью южной Италіи и, потерявъ политическую власть, продолжали составлять значительную часть населенія, притомъ самую культурную. Фридрихъ II Гогенштауфенъ (13 в.) является большимъ почитателемъ арабскихъ культуры и національности; окруживъ себя гвардіей изъ магометанъ, онъ врагами считался даже тайнымъ магометаниномъ.

Собственно исторіи Возрожденія посвящены только 2 послѣднія главы: глава 9-я посвящена искусству этой эпохи, а 8-я—литературѣ (разобраны Дантъ, Петрарка, Боккачіо и историки Дино Компаньи и Виллани).

Со взглядами автора не всегда можно согласиться. Первые зачатки Возрожденія (въ области искусствъ) онъ находитъ въ 13-мъ и даже 12-мъ вѣкѣ... Это едва-ли вѣрно: нельзя считать предвѣстникомъ Возрожденія то, что было простымъ подражаніемъ неисчезнувшимъ еще древнимъ памятникамъ и являлось простымъ исключеніемъ среди господства средневѣковаго искусства. Древняя культура, конечно, не была вполнѣ позабыта; памятники ея, несмотря на равнодушіе къ нимъ, еще существовали и иногда вызывали подражанія; но ихъ не понимали и не цѣнили. Нѣтъ, напримѣръ, ничего удивительнаго въ томъ, что гдѣ-нибудь въ Пизѣ уже въ 11 в. былъ построенъ соборъ въ стилѣ древней архитектуры, если гдѣ нибудь по близости еще уцѣлѣли древніе памятники. Но можно ли видѣть въ этомъ фактѣ зародышъ Возрожденія, когда извѣстно, что чуть-ли не въ 15 в. мраморъ и колонны древне-римскихъ зданій шли... на известку!

Точно также литературное Возрожденіе нельзя начинать съ Данта. Дантъ—типичный представитель средневѣковья, а не Возрожденія. Въ доказательство достаточно указать на Виргилія въ Божественной Комедіи. Какъ истый человѣкъ среднихъ вѣковъ,

Дантъ раздѣлялъ господствовавшую въ его время фикцію о непрерывномъ существованіи Римской имперіи. Такимъ образомъ, Генрихъ VII Люксембургскій оказывался прямымъ преемникомъ Цезаря и Августа. Самъ Дантъ—гибеллинъ... и вотъ въ его „аду“ мы видимъ 3 предателей: Іуду Искаріотскаго,... Брута и Кассія—убійцъ Цезаря, основателя Римской имперіи.

Гебгардтъ указываетъ, что итальянское Возрожденіе не было враждебно христіанству... Это вѣрно, но съ оговоркой: итальянскіе гуманисты, дѣйствительно, *не проявляли* враждебности къ христіанству, но это потому, что люди такихъ религіозныхъ взглядовъ, какъ гуманисты Италіи, никогда не враждуютъ явно съ господствующей религіей: нельзя враждовать съ тѣмъ, къ чему равнодушенъ или что считаешь просто полезнымъ для себя или даже для общественнаго порядка заблужденіемъ; а изъ всѣхъ религій, существующихъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, господствующая религія требуетъ отъ своихъ адептовъ всего меньше, а своимъ врагамъ можетъ надѣлать непріятностей всего больше... Точно также, почему сравнительная выработанность итальянскаго языка явилась благопріятнымъ факторомъ, а не помѣхой для итальянскаго Возрожденія? Вѣдь эта выработанность языка должна была отвлекать силы отъ классической литературы къ національной!

Мѣста, не совсѣмъ ясныя для русскаго читателя (Гебгардтъ писалъ для французовъ), переводчикъ снабдилъ примѣчаніями, составленными очень внимательно; но напрасно онъ оставилъ безъ перевода цитаты изъ Данта (ихъ множество): итальянскій языкъ у насъ мало распространенъ, а переводы Данта имѣются.

Напрасно также не оговорены нѣкоторые недосмотры автора. Напр., мѣсто о сектѣ Вальденцевъ (с. 18) средній читатель пойметъ, чего добраго, въ томъ смыслѣ, что проповѣдь Вальденцевъ стремилась только къ подъему нравственности; изъ с. 19 такой читатель вынесетъ убѣжденіе, что Савонаролла „пытался сдѣлать то же, что и Лютеръ“. Между тѣмъ, Вальденцы — протестантская секта; Савонарола же—ни въ какомъ случаѣ не является предшественникомъ реформаціи. Напрасно также переводчикъ не объяснилъ, что именно подразумѣваетъ авторъ, указывая на фактъ „отдѣленія сицилійской церкви отъ Рима въ 8-мъ в.“ (с. 129).

Изложеніе автора страдаетъ излишней цвѣтистостью и приподнятостью; въ погонѣ за красивой антитезой, авторъ иногда доходитъ до смѣшного. Русскій переводъ хорошъ; встрѣчается, правда, нерѣдко искаженіе собственныхъ именъ, но у русскихъ переводчиковъ „это такъ ужъ самимъ Богомъ устроено, и вольтеріанцы противъ этого напрасно говорятъ“.

Н. У.

Генри Джефсонъ. **Платформа, ея возникновеніе и развитіе.** Переводъ съ англійскаго *Н. Мордвиновой*, подъ ред. проф. *В. Дерюжинскаао* Т. I. С.-Петербургъ, 1901.

Въ Англіи подъ „платформой“ понимаютъ всякую политиче-

скую рѣчь, произнесенную въ публичномъ собраніи. Теперь свобода платформы неограничена. Каждый англичанъ, гдѣ угодно и когда угодно, можетъ обратиться къ согражданамъ съ рѣчью и освѣтить передъ ними любое изъ общественныхъ явленій съ той или иной точки зрѣнія.

Правда, ораторъ можетъ ожидать, что его принципіальные противники „сорвутъ“ митингъ и не дадутъ говорить, но зато онъ можетъ быть увѣренъ, что со стороны правительства не будетъ никакихъ запрещеній. Благодаря полной свободѣ роль „платформы“ въ англійской общественной жизни громадна. Джефсонъ говоритъ, что прежде Англіей управляли: корона, палата лордовъ, палата общинъ и печать, но, мало-по-малу, въ дѣла управленія все больше и больше вмѣшивается „платформа“. Теперь она является существенной поправкой къ довольно консервативной англійской конституціи. По словамъ автора, „платформа представляетъ собою попытку прививки къ древней конституціи Англіи демократическаго правленія“.

Джефсонъ подробно прослѣживаетъ, начиная съ середины XVIII вѣка, каждое вмѣшательство платформы въ дѣла управленія и каждое правительственное мѣропріятіе, направленное противъ „платформы“. Впервые платформа сыграла видную роль во время „инцидента съ Вильксомъ“ (1768 г.). Членъ парламента Вилькс за газетную статью былъ противозаконно исключенъ изъ палаты общинъ. Независимая часть англійской націи была страшно возмущена этимъ исключеніемъ и выразила протестъ грандіозными митингами, на которыхъ составлялись петиціи парламенту объ обратномъ принятіи Вилькса. Инцидентъ закончился побѣдой общественнаго мнѣнія. Съ этихъ поръ „платформа“ не переставала вмѣшиваться въ дѣла управленія и съ огромной энергіей „прививала демократическіе принципы“. Особенно велика роль платформы въ дѣлѣ реформированія парламента. Устраивались сотни митинговъ, подавались въ парламентъ тысячи петицій съ цѣлью ввести туда представителей новыхъ общественныхъ группъ, взамѣнъ зависимыхъ отъ правительства представителей „гнилыхъ мѣстечекъ“. Французская революція подняла духъ дѣятелей платформы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ нагнала страхъ на правительство, которое начало дѣятельно проводить черезъ всѣ инстанціи парламента законопроектъ, стѣсняющій дѣятельность „платформы“. Несмотря на возраженія, что революціи вызывались не свободою выраженія народныхъ мнѣній, а явленіями прямо противоположными, въ 1796 г. свобода „платформы“ была урѣзана. Съ этого времени начинаются годы террора. Современникъ увѣряетъ, что одного смѣлаго слова было достаточно, чтобы погубить человѣка. Наглыя хищенія въ парламентѣ въ началѣ XIX вѣка возродили дѣятельность „платформы“, и она снова начала свое дѣло, дѣло политическаго воспитанія народа и протеста противъ произвола правительства и непротивленія ему большинства членовъ палаты общинъ. Это возрожденіе „платформы“ продолжалось недолго. Правительство снова начало противъ нея гоненія и въ 1817 г. провело законопроектъ, карающій смертною казнью всякаго, кто

не уйдетъ съ митинга по первому требованію магистра. Черезъ два года для дальнѣйшаго уничтоженія дѣятельности „платформы" потребовались новые законы. Но и они не могли уничтожить здоровое жизненное начало, которое заключалось въ „платформѣ". Главная ошибка правительства была въ томъ, что оно объясняло дѣятельность „платформы" агитаціей злонамѣренныхъ лицъ, а на самомъ дѣлѣ „платформа" росла и крѣпла вмѣстѣ съ распространеніемъ среди англійскаго народа просвѣщенія и культуры. Справедливо замѣчаніе Джефсона: „Задержать въ сколько нибудь чувствительной степени успѣхи просвѣщенія не могли ни министры, ни парламентъ, какъ бы ни были они склонны преслѣдовать такую недостойную задачу. Ни мѣропріятія 1819 г., ни какія либо иныя мѣры никогда не будутъ въ состояніи остановить умственное развитіе народа. Его самосознаніе идетъ впередъ и остановить его невозможно". Въ разбираемомъ первомъ томѣ Джефсонъ доводитъ исторію „платформы" до 1826 г. Этотъ первый томъ и печатающійся второй найдутъ у насъ многочисленныхъ читателей. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что его книга будетъ полезна для каждаго, кто интересуется „наукой объ управленіи". Достоинство ея не только въ этомъ, но и въ томъ, что она даетъ любопытную страницу изъ ненаписанной еще исторіи завоеванія народомъ своихъ правъ. **Е. М. В.**

Ланге. **Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время.** Переводъ подъ редакціей и съ примѣчаніями *Владиміра Соловьева.* СПБ. 1900 г. 2 тома. Томъ I: Исторія матеріализма до Канта; т. II: Исторія матеріализма послѣ Канта.

Нельзя не порадоваться новому изданію этой прекрасной и въ высшей степени содержательной книги; тѣмъ болѣе, что старый (80-хъ годовъ) переводъ ея, вышедшій подъ редакціей покойнаго Н. Н. Страхова, давно уже сталъ библіографической рѣдкостью.

Книга не нуждается въ похвальномъ отзывѣ: ея крупныя достоинства, богатство содержанія и основная идея (необходимость матеріализма для положительной науки и несостоятельность его, какъ философской системы) давно знакомы всѣмъ интересующимся философскими вопросами.

Книга Ланге представляетъ интересъ не только философскій, она также затрагиваетъ вопросы богословскіе, политико-экономическіе и естественно-научные. Первый томъ книги и меньшая часть второго (около четверти) представляютъ исторію матеріализма, какъ одного изъ философскихъ направленій, т. е. въ общемъ относится къ исторіи философіи (Ланге начинаетъ отъ Демокрита и доходитъ до Бюхнера, Фейербаха и Молешотта, т. е. почти до нашихъ дней). Затѣмъ Ланге излагаетъ вліяніе матеріализма на политическую экономію, на естественныя науки и его отношеніе къ религіи.

Покойный Вл. С. Соловьевъ предполагалъ снабдить переводъ своими примѣчаніями, но по болѣзни не могъ исполнить своего намѣренія, о чемъ нельзя, конечно, не пожалѣть. Той-же болѣзнью, вѣроятно, надо объяснить недостатки редакціи перевода, который нельзя не упрекнуть въ тяжеловатости.

Графиня Уварова. **Матеріалы по археологіи Кавказа.** Вып. VIII Могильники Сѣвернаго Кавказа. М. 1900.

Графиня Уварова, *предсѣдатель* Московскаго археологическаго общества, съ честью продолжаетъ изысканія древностей Кавказа, систематическое изученіе котораго ведетъ свое начало отъ покойнаго графа А. С. Уварова. Кромѣ двухъ книгъ, посвященныхъ Кавказу, подъ заглавіемъ *Путевыя замѣтки* (М. 1887 и 1891) и нѣсколькихъ статей, касающихся этого края, графиня напечатала два огромныхъ тома *Матеріаловъ по археологіи Кавказа,* свидѣтельствующихъ какъ о цѣнности собранныхъ данныхъ, такъ и о всестороннемъ ихъ изученіи авторомъ. Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду остановиться на недавно выпущенномъ графиней томѣ, обозрѣвающемъ „Могильники Сѣвернаго Кавказа". Эта почтенная работа, заключающая въ себѣ 381 стр. in folio, съ приложеніемъ карты Сѣвернаго Кавказа, 136 табл. и 316 цинкографій, есть систематизированный результатъ личныхъ изысканій автора на Кавказѣ, знакомство съ которымъ у графини началось съ 1879 г. и свода всѣхъ свѣдѣній и матеріаловъ по изучаемому вопросу, существующихъ въ научной литературѣ. Графиня для полноты своего труда посѣтила и изучала иностранные музеи и воспользовалась собраніемъ матеріаловъ не только графа А. С. Уварова, но также всѣми данными Эрмитажа въ С.-Петербургѣ, историческаго музея въ Москвѣ и Тифлисѣ. Настоящій томъ есть часть задуманной работы. За нимъ послѣдуютъ обозрѣнія: 1) Черноморскаго округа, 2) Дагестана, 3) Закавказья и, наконецъ, 4) Кавказскаго предгорья. Въ отпечатанномъ выпускѣ этой серіи археологическихъ изысканій, почти исчерпывающихъ по этому вопросу матеріалы всего Кавказскаго края, графиня ведетъ свое изложеніе въ слѣдующемъ порядкѣ: Осетія (Телаурія, Курталія, Дѓлорія, Нардское ущелье), Чечня и Горскія общества Кабарды. Въ заключеніе приводится особая глава — „Случайныя находки". Такимъ образомъ, въ этомъ томѣ значительная часть отведена осетинскимъ могильникамъ. Такое вниманіе къ нимъ объясняется богатствомъ могильниковъ въ предѣлахъ Осетіи. Между ними *Кобань* занимаетъ вообще выдающееся мѣсто. Изученіемъ кобанскихъ могильниковъ усердно занимались гр. Уваровъ, Филимоновъ, Ольшевскій, проф. Антоновичъ, Кануковъ, и не менѣе извѣстные иностранцы — Байернъ, Шантръ, Вирховъ. Древній могильникъ здѣсь занимаетъ приблизительно 1½ десятины. Онъ представляетъ одни погребенные костяки и слѣдовъ сожженія рѣшительно не встрѣчается. Могильный инвентарь Кобани очень богатъ и представленъ графиней по рисункамъ двухъ могилъ, принадлежащихъ мужчинѣ (№ 7) и женщинѣ (№ 8). Могильники Кобани относятся къ различнымъ эпохамъ, о чемъ свидѣтельствуютъ найденныя въ нихъ вещи. Нѣкоторые изъ ученыхъ пріурочиваютъ ихъ къ эпохѣ появленія желѣза. Вирховъ относитъ къ X вѣку до Р. Хр., Шантръ сравниваетъ Кобань съ извѣстнымъ Гальштатомъ. Гораздо убѣдительнѣе доводы гр. Уварова, указывающаго на ассирійскій типъ предметовъ древней Кобани,—типъ, который

могъ развиться подъ вліяніемъ походовъ ассирійскаго царя Саргона (721 — 704), обратившагося войной на Урарить (т. е. Кавказъ). Оружіе Кобани состоитъ единственно изъ *топоровъ* своеобразнаго типа, носящихъ по орнаментикѣ и изяществу формъ совершенно восточный характеръ, и изъ *кинжаловъ*, которые носились на Востокѣ и носятся до сихъ поръ на Кавказѣ. Наконечники двухъ стрѣлъ, найденныхъ здѣсь, по своей формѣ одинаковы съ тою стрѣлой, которую натягиваетъ царь Ассурбанапалъ. Удила Кобани всѣми признаются возможными для азіатской породы лошадей и схожими по деталямъ съ удилами коня ассирійскаго царя, сидящаго на конѣ безъ сѣдла (причемъ графиня замѣчаетъ, что сѣдла въ древнѣйшихъ могильникахъ Кавказа также не встрѣчаются). Туалетныя принадлежности Кобанскаго могильника повторяютъ типы вещей, украшающихъ стѣны вавилонскихъ и ассирійскихъ дворцовъ. Такъ, фигура богини, сохраняемая въ Британскомъ музеѣ, опоясана такимъ же широкимъ поясомъ, какъ бронзовые поясы Кобани. Сходство усматривается и въ бронзовыхъ серьгахъ. Вліяніемъ Востока объясняются изображенія солнечныхъ дисковъ, змѣй и рыбъ на кобанскихъ топорахъ. Относительная древность Кобанскаго могильника выясняется при сравненіи его съ инвентаремъ при раскопкахъ въ Микенахъ, Беотіи, Олимпіи, въ колодцеобразныхъ могилахъ Этруріи. Вирховъ указываетъ на сродство дугообразныхъ фабулъ Кобани съ находками сѣверной Италіи. Графиня не соглашается съ Вирховымъ въ томъ, что бронзовые предметы Кобани (топоры *особаго* типа) могли быть привозными, и надѣется при дальнѣйшихъ раскопкахъ старыхъ жилищъ или поселеній найти донынѣ не попадающіяся лейки, формы, горны для литья. Древность Кобанскаго могильника подтверждается также погребеніемъ въ утробномъ положеніи (древнѣйшій способъ, констатированный въ М. Азіи и Египтѣ). Эпоха появленія желѣза съ могилами колодцами находками, составляющими часть клада на ст. Казбекъ, приближаетъ насъ къ таковому же періоду въ З. Европѣ, но продолжается еще вліяніе Ассиріи подъ видомъ мѣднаго остроконечнаго шлема изъ Фаскау. Появляются среди туалетныхъ принадлежностей височныя кольца,—бронзовыя, впослѣдствіи золотыя,—состоящія изъ одной или двухъ петель, съ перевитыми, частью заостренными концами. Подобныя височныя кольца найдены при раскопкахъ въ Троѣ и пріурочиваются ко временамъ Гомера. Къ эпохѣ появленія желѣза или къ концу бронзоваго вѣка относятся бронзовые сосуды въ верхнихъ слояхъ Кобанскаго могильника. Другіе предметы изъ могилы, вскрытой Филимоновымъ въ Кобани, а также сост. Казбекъ, датируютъ послѣднія столѣтія до Рожд. Хр. Первые VI—VII вв. нашей эры опредѣляются предметами въ Верхней Рутхѣ и представляетъ расцвѣтъ той культуры, которую западные ученые называютъ то меровингской, то готской, но которая по представляемому матеріалу если не зародилась, то развилась въ ущельяхъ Дагоріи, при чемъ черепа здѣсь найденные признаны антропологами иныхъ размѣровъ и типа, чѣмъ всѣ остальные кавказскіе. Одинъ

изъ трудныхъ вопросовъ при изученіи Кавказскаго могильнаго инвентаря, составляютъ бусы; откуда они происходятъ? При поискахъ прародины кавказскихъ бусъ графиня останавливается на двухъ центрахъ, Финикіи и Египтѣ. Но сравнивая кавказскія бусы съ этрусскими и египетскими, нигдѣ не оказывается такого богатства красокъ, рисунка и формъ, какъ на Кавказѣ. Что же касается до способа погребенія, то могильники дѣлятся на нѣсколько родовъ. Древнѣйшій способъ—погребеніе въ землѣ безъ гроба; позднѣе — а) каменные ящики, б) семейныя могилы, обставленныя каменными плитами, в) общія могилы, г) погребеніе въ пещерныхъ склепахъ или катакомбахъ. **А. Хах—овъ.**

С. П. Зелинскій. **Народно-юридическіе обычаи у армянъ Закавказскаго края.** Тифлисъ, 1889 (изъ III в. XII т. „Извѣстій" К. О. Р. Г. О.).

Изученіе народно-юридическихъ обычаевъ начато такими почтенными учеными, какъ проф. Ковалевскій и Леонтовичъ. Изысканіе въ этой области лишь понемногу пробиваетъ себѣ дорогу, и каждая новая работа по этому вопросу является пріобрѣтеніемъ для кавказовѣдѣнія. Нельзя не отмѣтить то любопытное сходство въ юридическихъ обычаяхъ кавказскихъ народностей, которое поражаетъ изслѣдователя иногда своей неожиданностью. Народы, несвязанные между собою генетически, различные по языку, происхожденію и вѣрованіямъ, держатся сходныхъ правовыхъ обычаевъ. Аналогичныя явленія въ воззрѣніяхъ неродственныхъ племенъ объясняются или общностью источника, повліявшаго на складъ ихъ обычаевъ, или же воздѣйствіемъ одного на другое. Правовыя воззрѣнія кавказскихъ народностей находятъ истолкованіе въ обоихъ этихъ факторахъ. Не говоря уже о трудѣ М. М. Ковалевскаго, работа г. Зелинскаго, посвященная армянамъ, наводитъ на рядъ сопоставленій съ юридическими обычаями другихъ народовъ Закавказья. Авторъ разсматриваетъ четыре тезиса: родство, обычаи въ брачномъ союзѣ, отношеніе членовъ семьи другъ къ другу и имущественное право и семейные раздѣлы. Цѣнность его работѣ придаетъ использованіе въ доступныхъ ему предѣлахъ наличнаго матеріала печатнаго и устнаго. Заслуживаетъ одобренія мысль давать армянскія слова параллельно въ армянской и русской транскрипціи. Читатели усмотрятъ въ нихъ много для себя любопытнаго и вызывающаго на сравненіе. Такъ, именованіе родственниковъ: „папу-папъ" (дѣдъ-дѣда) аналогично съ грузинскимъ „написъ-папа". Такая же аналогія можетъ быть проведена и между другими названіями родства. Интересно указаніе автора о мѣстѣ совершенія брака. Обрядъ вѣнчанія въ Карабагѣ и отчасти въ Зангезурскомъ уѣздѣ совершается иногда не въ церкви, а надъ очагомъ—тундиромъ (груз. торнэ). Женихъ и невѣста трижды совершаютъ обходъ вокругъ этого священнаго мѣста и, поцѣловавъ края его, становятся лицомъ къ востоку, а священникъ, поставивъ кругомъ трижды свѣчи, совершаетъ обрядъ вѣнчанія. Я позволю привести въ параллель къ этому свѣдѣнію сообщенное итальянскимъ путешественникомъ Ламберти о мингрельской свадьбѣ. Вѣнчаніе

въ Мингреліи совершалось въ винномъ погребѣ, почитаемомъ какъ церковь, причемъ священникъ съ зажженными свѣчами читалъ молитвы надъ новобрачными.

Примѣръ г. Зелинскаго, быть можетъ, поощритъ другихъ заняться собраніемъ народно-юридическихъ обычаевъ у различныхъ народностей Кавказа. Приэтомъ хорошо было-бы руководствоваться программами, изданными съ этой цѣлью въ Москвѣ и Петербургѣ. Такія-же программы существуютъ на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ. Послѣдняя принадлежитъ прив.-доц. Хаханову и напечатана была въ нѣсколькихъ нумерахъ „Сборника“ кн. Акакія Церетели. **А. Хах—овъ.**

И. В. Шелепинъ. **Отечествовѣдѣніе.** Пособіе (справочная книжка) при повтореніи русской исторіи. Краткое руководство для начальнаго ознакомленія съ исторіей Русскаго Государства отъ основанія его до нашихъ дней. Съ приложеніемъ въ видѣ предисловія краткаго статистико-географическаго очерка современной намъ Россіи. 1900 г.

Длинное заглавіе, данное книжкѣ составителемъ, вполнѣ передаетъ ея содержаніе. Историческія свѣдѣнія въ ней излагаются довольно живо и занимательно, слогъ примѣненъ къ начинающему читателю. Какъ справочная книжка или конспектъ при повтореніи русской исторіи, трудъ И. В. Шелепина едва ли можетъ быть полезенъ, такъ какъ изложеніе не строго конспективно и не отличается полнотою. Форматъ и шрифтъ книжки также не подходятъ къ типу справочныхъ изданій. Но книжка можетъ быть съ успѣхомъ рекомендована для дѣтскаго и народнаго чтенія. Просто и ясно изложенная, она вполнѣ ознакомитъ неподготовленнаго читателя съ общимъ ходомъ русской исторіи. Въ началѣ книжки также ясно и популярно изложены необходимѣйшія свѣдѣнія о географическомъ и государственномъ устройствѣ Россійской Имперіи.

А. М.

А. А. Сапожниковъ. **Судьбы Китая.** Спб. 1901. Попытокъ предсказать судьбу Китая было не мало, но среди нихъ брошюра г. Сапожникова занимаетъ совершенно особое мѣсто. Авторъ ищетъ указаній относительно будущности Китая въ Священномъ Писаніи, гдѣ, „во-первыхъ, прямо предсказаны нѣкоторыя событія, а во-вторыхъ, указаны общіе законы, управляющіе жизнію человѣческихъ обществъ“. Общій ходъ всемірной исторіи предначертанъ въ пророчествѣ Ноя, который предсказалъ всемірное господство потомковъ Іафета; къ сожалѣнію, невозможно установить, которому изъ сыновей Ноя обязаны своимъ происхожденіемъ китайцы (одни изслѣдователи считаютъ ихъ семитами, другіе потомками Іафета, именно его сына Магога); такимъ образомъ, это пророчество не рѣшаетъ вопроса о судьбѣ Китая. Но за то другія пророчества предсказываютъ народамъ христіанскимъ окончательное господство надъ міромъ; слѣдовательно, передъ Китаемъ, Японіей, Сіамомъ, Персіей, а также прочими не-христіанскими государствами лежатъ два пути: путь жизни—принять христіанство и сохранить свою самостоятельность и самобытность, и путь смерти—упорствовать въ своемъ язычествѣ и подчиниться хри-

стіанскимъ народамъ. Третьяго пути нѣтъ. А такъ какъ китайцы къ христіанской религіи относятся равнодушно или даже враждебно и, такимъ образомъ, оказываются неспособными воспринимать проповѣдуемую имъ истину христіанства, то дальнѣйшее существованіе этого народа становится вреднымъ для него самого и для его потомковъ. Новыя поколѣнія рождались только для того, чтобы на нихъ изливался гнѣвъ Божій. Слѣдовательно, для Китая „близокъ день Господа, день мрачный; година народовъ наступаетъ".

Рѣшивъ, что для Китая наступаетъ время государственной смерти, г. Сапожниковъ старается опредѣлить, какого образа дѣйствій должна держаться Россія по отношенію къ Китаю. Изъ трехъ формъ подчиненія Китая европейцамъ—общей опеки всѣхъ союзныхъ державъ, точнаго распредѣленія областей вліянія и, наконецъ, полнаго раздѣла;—для Россіи, міровое назначеніе которой состоитъ въ проведеніи въ международныя отношенія началъ правды и справедливости и въ распространеніи православія, наиболѣе удобно точное распредѣленіе областей вліянія или, еще лучше,—полный раздѣлъ Китая, причемъ Россія „нравственно обязана добиваться завладѣнія возможно большею частью Китая", такъ какъ, во-первыхъ, китайцы, подчиненные Россіи, будутъ находиться въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для обращенія въ православіе, и, во-вторыхъ,—изъ чувства человѣколюбія, потому, что русскіе мягче всѣхъ другихъ европейцевъ обращаются съ покоренными народами...

А для того, чтобы имѣть право на большую часть Китая, Россія должна выставить для общей арміи возможно большія силы.

Ставя на первый планъ интересы нравственные, Россія, въ то-же время не имѣетъ права пренебрегать матеріальными выгодами и поэтому, каково-бы ни было рѣшеніе китайскаго вопроса, территорія, по которой проходитъ наша желѣзная дорога къ незамерзающему морю должна, во всякомъ случаѣ, сдѣлаться нераздѣльной частью Россіи.

„Общая опека надъ Китаемъ или его раздѣлъ, говоритъ г. Сапожниковъ, хотя и будутъ имѣть нѣкоторый видъ насилія и грабежа, но, по существу, не будутъ ни тѣмъ, ни другимъ. Китай представляетъ теперь не исполненный жизни организмъ, а трупъ, его надо разсматривать, какъ res nullius. Высшею Волею китайцы лишены правъ на свою страну; ихъ права перешли къ христіанскимъ народамъ, которые и могутъ распорядиться съ Китаемъ сообразно своимъ интересамъ". Эта апологія грабительской политики ссылкой на Высшую Волю, чрезвычайно характерна; она показываетъ, что и въ нашей духовной средѣ (брошюра г. Сапожникова — перепечатка статьи изъ журнала „Странникъ") есть единомышленники достопочтенныхъ англійскихъ клерджименовъ, съ необыкновенной энергіей поощрявшихъ „патріотовъ" къ разгрому Трансвааля.

Ничтожная брошюра не заслуживала бы упоминанія, если бы ея заглавіе не могло заинтересовать слишкомъ довѣрчивыхъ читателей. Попытка-же автора оказать своей работой правительству

„очень существенное содѣйствіе“, конечно, является попыткой съ негодными средствами.

Poésies du prince Mirza-Riza-Khan-Daniche-Afra-Ud-Dovleh St.-Pétersbourg. 1900. *Traduction d'une ode persane. Dédiée a Sa Majesté L'Impératrice Alexandra Féodorowna.* Персидскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ, князь, Мирза-Риза-Ханъ, издалъ отдѣльной брошюрой вышеназванную оду на французскомъ и персидскомъ языкахъ. Восточный поэтъ, со всѣми цвѣтистыми выраженіями своей родной рѣчи, картинно описываетъ свое восхищеніе молодой Императрицей, во время ея коронованія. Считая себя счастливымъ быть посланникомъ Шаха для привѣтствованія Ея Величества, Мирза-Риза-Ханъ восторженно рисуетъ красоты древняго Кремля и убранство Москвы во время торжествъ...

„Le Tszar, говоритъ поэтъ, posa lui même la couronne sur Sa tête et puis une autre sur celle de la Tszaritsa dont la beautée, radieuse semblait remplir de lumière tout le temple“ и далѣе „Si l'Empereur a mis la couronne Impériale sur la tête de l'Impératrice, moi, roi de poésie, je déposerai aux pieds de cette Vénus la couronne de la beautée“.

Сочиненіе Мирза-Риза-Хана издано очень изящно, на веленевой бумагѣ и украшено виньетками.

С. Ф. Либровичъ. **Царь въ плѣну.** Спб. 1901. Изд. кружка авторовъ-издателей.

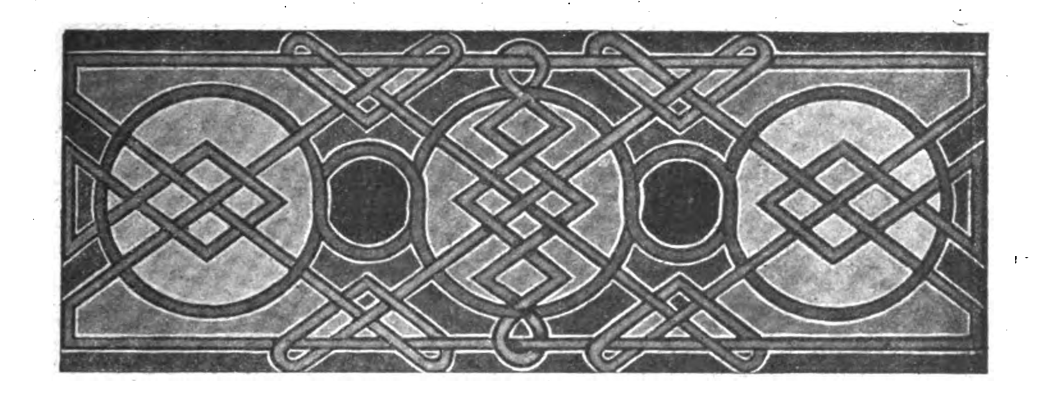
Изящная по внѣшности книжка г. Либровича дѣлаетъ прежде всего честь издательскому вкусу авторовъ-издателей, а, слѣдовательно, съ этой стороны, и автору-издателю.

Нельзя не назвать удачнымъ и выборъ предмета изслѣдованія: плѣненіе московскаго царя Василія Ивановича Шуйскаго поляками одинъ изъ наиболѣе интересныхъ эпизодовъ смутнаго времени московскаго государства, а живое, картинное изложеніе даетъ возможность прочесть эту небольшую книжечку съ большимъ удовольствіемъ.

Не претендуя на составленіе „ученой монографіи“, авторъ, однако, далекъ и отъ безпочвенныхъ разглагольствованій съ претензіями на популяризацію исторіи, такъ какъ даетъ подробныя ссылки на литературу предмета, облегчающія дальнѣйшія изслѣдованія.

Наконецъ, удачно подобранныя иллюстраціи дополняютъ общее благопріятное впечатлѣніе книги г. Либровича.

Редакторъ-Издатель **С. С. Сухонинъ.**

Наполеонъ 1.

Историко-біографическій очеркъ.

(Продолженіе).

VIII. Ницца и терроръ. 1794.

Заря счастья.—Генералъ-якобинецъ.—Дворикъ въ Ниццѣ.—Посольство въ Геную.—Конвентъ и его созидательная работа.—Смыслъ террора.—9-е термидора.

о пока создастся Карлъ Великій, нашему герою пришлось испить до дна чашу преслѣдовавшихъ его неудачъ. Для него настали самые грозные удары судьбы, тѣмъ болѣе чувствительные, что они пали на него тотчасъ послѣ столь-же головокружительныхъ первыхъ успѣховъ.

Взятіе Тулона было спасеніемъ конвента, уже окруженнаго толпой внутреннихъ враговъ: безъ него англичане и австрійцы уже были бы въ предѣлахъ Франціи. Немудрено, что 24-лѣтній капитанъ сразу сталъ бригаднымъ генераломъ и былъ назначенъ въ новую, «итальянскую» армію, на которой сосредоточивалось вниманіе всего міра. Ему поручили тамъ главное дѣло—инспектированіе береговыхъ укрѣпленій. Тотчасъ же поправился и жадный корсиканскій кланъ. Жозефъ, не безъ подлога, достигъ чина подполковника и доходнаго мѣста главнаго интенданта на югѣ; еще онъ женился тогда на дочери

одного суконщика и взялъ за ней 150.000 ливровъ. Люсьенъ сталъ смотрителемъ интендантскихъ складовъ и тоже женился на знатной, хотя и небогатой особѣ. Даже отрокъ Люи вдругъ превратился въ капитана и адъютанта при артиллерійскомъ управленіи. А самъ Наполеонъ уже замѣчалъ, что не только солдаты, но и офицеры начинаютъ вѣрить въ его «звѣзду». Комиссары конвента при итальянской арміи, Робеспьеръ младшій и Саличетти, эти «представители народа», стали его орудіями, а сестра Робеспьеровъ—его любовницей; Огюстенъ Робеспьеръ писалъ своему всемогущему брату: «Этотъ человѣкъ одаренъ сверхъестественными достоинствами (d'un mérite transcendant)». Мармонъ прибавляетъ: «У него былъ такой даръ предвидѣнія! Онъ пріобрѣлъ надъ представителями народа неописуемое вліяніе».

Это вліяніе въ значительной степени объясняется перемѣной въ нравѣ Наполеона. Въ ту минуту, когда люди зрѣлые теряли голову отъ превратностей революціи, когда главари конвента зарывались отъ властолюбія, возгордившись взятіемъ Тулона, самъ юный герой не былъ опьяненъ внезапнымъ успѣхомъ. Напротивъ, онъ словно отрезвѣлъ, сталъ сдержанъ, остороженъ. Онъ весь зарылся въ свое дѣло, какъ службистъ до педантства: съ ребяческой точностью новичка исполнялъ онъ всѣ мелочи своего ремесла. Съ другой стороны, онъ старался очаровывать всѣхъ, привлекать сердца. А главное, Наполеонъ ловко прочищалъ себѣ дорогу къ будущему. Онъ продиктовалъ комиссарамъ, для отправки въ Парижъ, такой искусный свой формуляръ, что его лживость (былъ даже накинутъ годокъ службы) не бросалась въ глаза; а честному Карно, не спавшему ночей за работой, некогда было высчитать, что молодецъ прослужилъ всего 8 лѣтъ и 3 мѣсяца, изъ которыхъ 4 года и 10 мѣсяцевъ находился въ отпуску или же въ самовольной отлучкѣ.

Труднѣе всего было справиться съ политическимъ вопросомъ. Наполеонъ уже чуялъ, что сила якобинства виситъ на волоскѣ. Ему не нравилось, что братья были слишкомъ горячи, неосторожны, особенно Люсьенъ, который называлъ себя Луціемъ Брутомъ и кичился прозвищемъ „Робеспьерика". Но пока счастье зависѣло отъ конвента—и Наполеонъ выказывалъ республиканскій духъ. Въ своемъ формулярѣ онъ усиленно отрицалъ свое дворянское происхожденіе.

Мадемуазель Робеспьеръ замѣчаетъ въ своихъ „Запискахъ": „Бонапартъ былъ республиканцемъ, я могла бы сказать даже

горцемъ: по крайней мѣрѣ, когда я была въ Ниццѣ (1794), онъ производилъ на меня такое впечатлѣніе своимъ образомъ мыслей. Впослѣдствіи побѣды вскружили ему голову, и онъ сталъ стремиться къ господству надъ согражданами. Но какъ артиллерійскій генералъ въ итальянской арміи, онъ былъ сторонникомъ широкой свободы и истиннаго равенства".

Выказывая такое направленіе, Наполеону, при его умѣньи обдѣлывать людей, не трудно было овладѣть комиссарами: его называли «тайнымъ совѣтникомъ» Огюстена Робеспьера. И онъ сталъ душой всѣхъ дѣлъ на югѣ, которыя устраивались даже безъ вѣдома конвента, хотя въ итальянской арміи дивизіоннымъ генераломъ былъ заслуженный Массена, едва-ли не лучшій, послѣ Наполеона, полководецъ эпохи. Наполеонъ распоряжался всѣмъ, отлично изучивъ побережье отъ Тулона до Ниццы, какъ свидѣтельствуетъ его докладъ военному министру; и въ его головѣ уже смутно рисовался геніальный планъ «итальянской кампаніи». Тутъ-то проявилась впервые и его основная идея полководца,—та самая, которою руководился Карно: «Въ битвахъ, какъ и при осадѣ крѣпости, надо направлять всѣ силы на одну точку и стараться тутъ обезпечить себѣ численное превосходство».

И уже совершилось первое военное чудо въ жизни «рокового человѣка». Исполняя его планъ, Массена ловкими обходами въ одинъ мѣсяцъ вырвалъ у австрійцевъ и сардинцевъ Приморскія Альпы и разобщилъ ихъ съ англійскимъ флотомъ; онъ уже захватилъ и перевалъ Тенду, эту дверь въ Ломбардію.

Между тѣмъ, какъ Массена былъ въ огнѣ, Бонапартъ оставался въ резервѣ. Онъ недурно проживалъ въ Ниццѣ, со всѣмъ кланомъ: тамъ образовался родъ маленькаго двора, наполненнаго веселымъ обществомъ молодыхъ республиканцевъ, оживляемаго присутствіемъ красивыхъ сестеръ юнаго генерала. На недѣлю Наполеонъ съѣздилъ въ Геную, причемъ впервые обнаружился и его дипломатическій талантъ. Успѣхъ французовъ зависѣлъ отъ этой республики: она не только стояла на соединительной линіи союзниковъ, но и одна только могла прокормить ихъ армію, такъ какъ югъ Франціи былъ истощенъ междоусобіемъ. А генуэзская олигархія ненавидѣла якобинцевъ: ея городъ служилъ притономъ англичанъ и французскихъ дезертировъ. Наполеонъ такъ запугалъ маленькую республику грознымъ ультиматумомъ, что ея дожъ обязался соблюдать строжайшій нейтралитетъ.

Буонапарте кстати осмотрѣлъ укрѣпленія Генуи и шушукался съ корсиканскими патріотами.

Казалось, карьера генерала-якобинца была, наконецъ, упрочена. Но вся эта Шехерезада счастья вдругъ рухнула, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Разразился новый и самый страшный ударъ судьбы, который велъ уже прямо къ гильотинѣ. Какъ только Наполеонъ возвратился изъ Генуи, 9-го термидора по республиканскому календарю (27 іюля 1794) скатились подъ гильотиной головы обоихъ Робеспьеровъ.

Ударъ оказался тѣмъ разительнѣе, что онъ былъ совершенной неожиданностью, какъ все въ ту бурную пору. Французы съ полнымъ правомъ могли сказать тогда про себя: «Какъ мало прожито, какъ много пережито!» Съ конца конституанты (гл. IV), въ три года они сами перевернулись не разъ и перевернули міръ. Совершились чудеса, «безпримѣрныя въ лѣтописяхъ міра», какъ выразился знаменитый англійскій политикъ Фоксъ. Сами, повидимому, погибая въ хаосѣ анархіи, французы выступили почти противъ всей Европы и вышли побѣдителями изъ безумной борьбы. Съ начала 1794 года они уже вездѣ были за своими границами. Избитая коалиція монарховъ распалась. Самъ упорный владыка Англіи, Питтъ Младшій, палъ духомъ, когда было усмирено поддерживаемое имъ возстаніе роялистовъ въ Вандеѣ. Онъ видѣлъ, какъ конвентъ собирался отомстить ему высадкой въ Англію.

И дѣло казалось возможнымъ. Бельгія и голландская Фландрія были присоединены къ Франціи, и Шельда была открыта торговлѣ на пагубу Темзы. Остальная Голландія стала копіей и вассаломъ конвента, подъ именемъ Батавской республики. Фридрихъ-Вильгельмъ II прусскій, увлеченный окончательнымъ раздѣломъ Польши, уже рѣшился измѣнить союзникамъ и началъ переговоры, которые вскорѣ привели къ базельскому миру съ Франціей (апрѣль 1795), къ этому лавровому вѣнку военнаго и дипломатическаго искусства революціи. Этотъ миръ предоставлялъ французамъ лѣвый берегъ Рейна, а пруссакамъ—протекторатъ надъ нейтрализованнымъ сѣверомъ Германіи до «разграничительной линіи» по Майну. Это значило нанести смертельный ударъ Германской имперіи и обратить Пруссію въ послушное орудіе Франціи. Конвентъ ловко воспользовался алчностью Берлина, которая подрывала его нравственное значеніе въ «фатерландѣ» или нѣмецкомъ отечествѣ. Онъ разжегъ старое соперничество между Гогенцоллернами и Габсбургами: съ

тѣхъ поръ стали возможны баснословные успѣхи Наполеона вообще и въ Австріи особенно. Словомъ, торжествующая республика уже достигла Рейна, Альпъ и Пиренеевъ, т. е. своихъ *естественныхъ границъ*. Она въ одинъ мигъ возвратила Франціи предѣлы древней Галліи—заслуга, которой не могла оказать монархія почти въ десять вѣковъ. Она уже проложила себѣ путь къ міродержавію.

Военные успѣхи умиротворили Францію и внутри. Историческая наука выяснила теперь неразрывную связь между войной и революціей: послѣдняя положительно непонятна безъ первой. «Франція — ничто иное, какъ громадная крѣпость въ осадѣ», говорилъ Бареръ, одинъ изъ крупныхъ дѣятелей революціи. Крайности революціонеровъ были, прежде всего, обычными условіями военнаго положенія, на которое была поставлена вся осажденная страна: оно называлось только новымъ именемъ, заимствованнымъ у древняго Рима — «Отечество въ опасности!» Дѣйствія французскихъ войскъ на границахъ были какъ бы вылазками гарнизона, которыя тотчасъ же отражались въ средоточіи крѣпости,—на парижскомъ правительствѣ. Это — двѣ чашки вѣсовъ. Пораженіе, врагъ въ предѣлахъ отечества, онъ идетъ на столицу—и каждый гражданинъ становится солдатомъ, и въ каждомъ сердцѣ кипятъ ненависть къ королю, призывающему непріятеля, да подозрительность и жажда мести «собакамъ-аристократамъ», шествующимъ въ хвостѣ вражеской арміи подъ видомъ «эмигрантовъ». И работаетъ прожорливая гильотина надъ головами всѣхъ, кто не «державный народъ», т. е. не якобинецъ, не «санкюлотъ». Побѣда, врагъ прогнанъ—и насыщенное чудовище дремлетъ: по духу времени и по нраву французовъ, въ немъ пробуждается даже сантиментализмъ Руссо: его объятія раскрываются для всеобщаго «братства»; его рука протягивается на помощь всѣмъ угнетеннымъ «тираніей», и у себя дома, и за-границей.

Вотъ разгадка магическаго вліянія якобинцевъ, какъ удава надъ кроликомъ. Отечество въ опасности довѣрило имъ свое спасеніе—и они спасли его, «дѣйствуя, какъ природа, которая заботится только о сохраненіи вида, не щадя особей», какъ выразился другъ и правая рука Робеспьера, Сен-Жюстъ. Якобинцы представляли сплоченную силу уже въ законодательномъ собраніи, смѣнившемъ конституанту въ концѣ 1791 года. Здѣсь болѣе умѣренные, хотя уже склонявшіеся къ республикѣ, жирондисты лишь съ самаго начала имѣли преобладающее значеніе, пока былъ внѣшній миръ. Когда, весной 1792 г.,

открылась борьба съ монархической Европой, начали выдвигаться якобинцы или «горцы». Революція измѣнила бы самой себѣ, если-бы, объявивъ войну міру по принципу, не объявила ея собственной монархіи, которая призывала враговъ. И не прошло полугода, какъ началось господство Коммуны или «общины», такъ называли, для краткости, общинный совѣтъ представителей частей Парижа. Тогда-то французы потеряли голову отъ страшныхъ извѣстій. Крѣпости на сѣверо-востокѣ падали. Врагъ шелъ къ Парижу. Въ Тюльери были захвачены бумаги, уличавшія Людовика XVI и особенно Марію-Антуанету въ сношеніяхъ съ нимъ. И возникла гильотина, а съ нею и «сентябрьская бойня» 1792 г., которая скосила тысячи головъ всякихъ «подозрительныхъ». Вслѣдъ затѣмъ открылся конвентъ. То было «собраніе всей націи для созданія себѣ правительства». Но, подъ вліяніемъ войны, оно превратилось въ «терроръ» или сплошной ужасъ, въ гражданскую войну.

Конвентъ, прежде всего, объявилъ республику. Затѣмъ открылся жестокій 1793 годъ. Съ іюля «терроръ сталъ на очереди», какъ оффиціально объявила парижская Коммуна. Это значило, что конвентъ самъ призналъ правительствомъ кровавую диктатуру, какой исторія не видала со временъ Марія и Суллы.

Сила, смыслъ террора состояли въ томъ, что онъ былъ новою попыткой рѣшить не одинъ политическій, но и соціальный вопросъ, этотъ рычагъ приближавшагося вѣка. «Великая» революція какъ бы програмно пережила цѣлыя столѣтія развитія обществъ. Она началась съ вольтерьянства, съ признанія правъ «третьяго» чина (гл. IV); а черезъ четверть года уже господствовалъ мимолетно руссоизмъ, «четвертый» чинъ. Робеспьеръ—попреимуществу пророкъ «Общественнаго Договора». Уже добытая «свобода» временно уступала мѣсто «равенству». Подъ именемъ «народа» (peuple), замѣнившимъ древнее понятіе «націи», уже разумѣлась «державная» масса пролетаріата.

Вышелъ «Наказъ» главнаго комиссара конвента, Фушэ, «всѣмъ революціонерамъ и коммунарамъ», служившій катехизисомъ якобинца. Въ немъ разъясняется разница между «народомъ» и «буржуазной аристократіей», которая легко вырождается въ денежное, а затѣмъ и родовое дворянство. Тѣ же начала легли въ основаніе конституціи 1793 года или второго революціоннаго уложенія. Она демократичнѣе созданія конституанты: въ ней вѣетъ духъ Руссо. Здѣсь «Законодательный Корпусъ» выходитъ не только изъ всеобщей голосовки (suff-

rage universel), но и путемъ прямыхъ выборовъ, притомъ лишь на 1 годъ. «Исполнительный Совѣтъ» также избирается, и на 1 годъ. Судебная власть осталась избирательной, какъ было постановлено еще конститюантой.

Демократизмомъ проникнута вся созидательная работа, которою конвентъ поразилъ міръ, коснувшись всѣхъ сторонъ жизни въ три года, работая лишь урывками, въ немногіе дни, свободные отъ потрясеній внѣшнихъ и внутреннихъ. Въ этой работѣ положены основы новаго быта, которыя частью сохранились до нашихъ дней, и не въ одной Франціи, частью ждутъ своего окончательнаго развитія. Таковы: гражданскій кодексъ, новый способъ веденія финансовъ, метрическая система мѣръ и вѣсовъ, широкій планъ народнаго просвѣщенія и всевозможной благотворительности. Но больше всего было сдѣлано для соціальнаго вопроса; и тутъ-то особенно проявилась забота о державномъ народѣ. Правительство само строило мосты, дороги, каналы, задумывалось даже объ «организаціи труда всего французскаго народа» и о надѣленіи неимущихъ землей даромъ. Съ этою цѣлью было ограничено право собственности: завѣщать могъ только тотъ, у кого были дѣти, да и то лишь $^{1}/_{10}$ своего имущества. Къ тому же вели такія мѣры, какъ налогъ на богатыхъ и «максимумъ» или высшая цѣна предметовъ первой необходимости, а также блестящій планъ искорененія нищенства.

Но созидательная работа конвента стушевывалась передъ болѣе видною и драматичною маніей разрушенія. Фанатикъ-якобинецъ, устрашенный монархами, разъяренный сопротивленіемъ старины, приставалъ ко всякому съ своимъ символомъ вѣры, восклицая: «вѣруй, или умри!» И «святая гильотина» начала гулять по Франціи, чтобы истреблять «федерализмъ» (гл. VII) и всякихъ «подозрительныхъ». Особенно разсвирѣпѣла она послѣ паденія Тулона, подкрѣпившаго колеблющуюся власть конвента. А между тѣмъ съ побѣдами надъ коалиціей исчезло главное оправданіе террора. И душа француза начала перевертываться. Самъ грозный Дантонъ и «фонарщикъ» Демуленъ смягчились. Они вдругъ превратились изъ кровопійцъ въ пророковъ „модерантизма“ или революціонной умѣренности: ихъ назвали даже „милостивцами“ (indulgents). Въ апрѣлѣ 1794 г. они были гильотинированы, вмѣстѣ со многими своими приверженцами. Настали 114 дней „великаго террора“ или ничѣмъ не стѣсняемой диктатуры Робеспьера. Теперь могъ осуществиться идеалъ новой жизни. Отъ са-

мого Робеспьера не осталось плана его исполненія. Но отъ Сен-Жюста уцѣлѣлъ набросокъ новаго „Устава“ жизни („Institutions“, какъ у Кальвина). Это—«соціальная республика», царство пролетаріевъ, воплощеніе ученія того Руссо, прахъ котораго былъ помѣщенъ тогда въ Пантеонѣ. Новый идеалъ былъ освященъ новою религіей Верховнаго Существа.

Замѣчая недовольство повсюду, Сен-Жюстъ воскликнулъ, что правители „даже не имѣютъ права быть милостивыми и сердобольными къ измѣнникамъ“. И конвентъ издалъ законъ о „безжалостномъ наказаніи“ враговъ народа. По Франціи запылали „большія печи“, т. е. началось изготовленіе „хлѣбовъ“ (такъ называли тогда головы казненныхъ) для гильотины цѣлыми партіями. Эта жесточайшая пора террора разукрашена людоѣдскими сказаніями, благодаря усердной фантазіи эмигрантовъ, „неприсяжныхъ“ священниковъ и иностранцевъ. Это—то же, что фальшивые ассигнаты англичанъ, подложные „Монитеры“ и масса лживыхъ пасквилей и вздорныхъ каррикатуръ друзей старины. Тутъ легенды излишни: и безъ нихъ передъ нами та картина ада, которая вполнѣ объясняетъ внезапный оборотъ исторіи. У націи лопнуло терпѣніе. Милосердіе и ненависть къ террору стали душой жизни. Готовилась новая Шарлота Кордэ: въ квартирѣ Робеспьера нашли молодую дѣвушку съ ножомъ. Наконецъ, сами орудія и палачи диктатора, составлявшіе ужасный Комитетъ Общественнаго Спасенія, возстали противъ него. И совершилось 9-е термидора. Терроръ и якобинство рухнули сразу въ вырытую ими самими кровавую пропасть.

IX. Заключеніе въ фортѣ и «бѣлый терроръ». 1795.

Двухнедѣльный арестъ.—Французскій патріотъ. — Корсиканская экспедиція.— Душа военныхъ плановъ и наказовъ арміямъ.—Отставка.—Буржуазія и золотая молодежь.—„Бѣлый терроръ“.—13-е вандемьера.

Среди лѣта 1794 года все разомъ рухнуло во Франціи. Оставалась одна только армія, и побѣдоносная: нація была тамъ душой и тѣломъ. А арміей-то заправлялъ опасный генералъ-якобинецъ.

Но этотъ генералъ былъ не заурядный честолюбецъ, который бросился бы, сломя голову, выручать дружественное ему правительство. Мы видѣли, что онъ уже задолго до 9-го термидора чуялъ оборотъ исторіи. Когда, наканунѣ катастрофы, Огюстенъ Робеспьеръ предложилъ ему начальство надъ париж-

скими войсками, чтобъ поддержать своего колебавшагося брата, онъ отвѣчалъ: „Въ Парижѣ труднѣе снести свою голову, чѣмъ въ арміи. Еще не время. Потерпите: я позже буду командовать Парижемъ". То былъ голосъ разсчетливаго и неистощеннаго политической борьбой полководца, который набирался силъ вдали отъ адской сутолоки и коварныхъ превратностей столицы.

Какъ только въ Ниццу пришла вѣсть о гибели Робеспьеровъ, Буонапарте тотчасъ коснулся своего пріятеля, Огюстена, въ письмѣ къ французскому дипломату въ Генуѣ, зная, что тотъ не замедлитъ сообщить объ этомъ въ Парижъ. „Я былъ немного тронутъ (un peu affecté) его катастрофой, писалъ онъ: я любилъ его и считалъ безупречнымъ. Но если-бы онъ былъ даже моимъ отцомъ, я закололъ бы его собственноручно, когда бы онъ вздумалъ разыграть роль тирана" [1]). Но было уже поздно. Саличетти, самъ заметая свои слѣды, шепнулъ въ Парижѣ, что Наполеонъ былъ „изобрѣтателемъ плановъ" у диктатора и главнымъ виновникомъ смутъ на Корсикѣ; другой комиссаръ конвента увѣрялъ даже, что въ Генуѣ онъ переговаривался съ коалиціей. И вотъ, Буонапарте былъ лишенъ генеральства. Затѣмъ его подвергли допросу. Его бумаги опечатали, а самого посадили, 12 августа, въ фортъ Каррэ близъ Антиба. Приговоръ гласилъ, что это сдѣлано «въ видахъ всеобщей безопасности, послѣ казни заговорщика Робеспьера». Неудачникъ могъ утѣшиться только тѣмъ, что его братьевъ и Феша не тронули, какъ ничтожества.

Все потеряно, а товарищи, даже ничтожные, такъ и лѣзутъ впередъ! Пишегрю уже начальникъ сѣверной арміи, Журданъ-маасской, Сен-Сиръ, Клеберъ, Бернадотъ—уже дивизіонные генералы. А Гошъ, геніальный и благородный Гошъ, этотъ опаснѣйшій соперникъ, уже пріобрѣлъ славу ловкимъ изгнаніемъ австрійцевъ изъ Эльзаса и снискалъ всеобщую любовь человѣчнымъ усмиреніемъ Вандеи. Впрочемъ, судьбѣ-мачихѣ не сломить было человѣка, про котораго пріятели уже говорили, что онъ кончитъ трономъ или эшафотомъ. Буонапарте не падалъ духомъ. Вѣдь, счастіемъ было уже то, что его запрятали на югѣ, а не спровадили въ Парижъ, гдѣ архи-якобинца ждала гильотина. А тамъ Саличетти, уже „очистившійся", снова сталъ за стараго пріятеля, тѣмъ больше,

[1]) Наполеонъ III не помѣстилъ этого письма въ своей оффиціальной «Correspondance de Napoléon».

что въ бумагахъ осторожнаго генерала не нашли ничего подозрительнаго. Между „термидорцами“, низвергнувшими Робеспьера, оказались такіе пріятели, какъ Баррасъ.

Наконецъ, не дремалъ самъ узникъ. Онъ отправилъ въ конвентъ краснорѣчивое посланіе патріота, для котораго Франція уже стала „patrie“, а Корсика — только „département“. Здѣсь значилось: „Развѣ я съ начала революціи не держался вашихъ убѣжденій? Развѣ меня не видѣли въ борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ? Развѣ я не былъ солдатомъ, дерущимся съ чужеземцами? Я пожертвовалъ пребываніемъ въ моемъ департаментѣ, покинулъ мое добро и владѣнія, все потерялъ ради республики. И меня вышвырнутъ, вмѣстѣ съ врагами отечества? Патріоты безразсудно лишатся генерала, который былъ не безполезенъ республикѣ?.. Послушайте, снимите угнетающее меня бремя, возвратите мнѣ уваженіе патріотовъ: и тогда я готовъ черезъ часъ охотно отдать мою жизнь, если ее потребуютъ злые люди. Я такъ мало цѣню ее и довольно часто пренебрегалъ ею. Только мысль, что я могу еще разъ быть полезнымъ отечеству, внушаетъ мнѣ мужество нести ея бремя“. Черезъ два дня другое письмо: «Сознаніе совѣсти поддерживаетъ спокойствіе моей души, но чувства моего сердца возмущены. Я чувствую, что съ холодной головой, но съ горячимъ сердцемъ, невозможно жить долго въ подозрѣніи».

Недѣли черезъ двѣ, послѣ допросовъ и разборки его бумагъ, начальство убѣдилось, что арестантъ «можетъ быть полезенъ республикѣ своими военными и мѣстными познаніями». Наполеонъ былъ выпущенъ изъ форта, который кучка его пріятелей хотѣла взять приступомъ. Вслѣдъ затѣмъ ему возвратили генеральскій чинъ, но отправили въ Ниццу, какъ опальнаго, безъ дѣла. Какъ только явился онъ туда, тотчасъ корсиканскимъ выходцамъ удалось убѣдить правительство въ необходимости «освободить ихъ родину отъ тираніи англичанъ». Буонапарте былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи при экспедиціонномъ отрядѣ. Даже враги изумлялись рвенію и трудолюбію, съ которыми онъ цѣлыхъ полгода подготовлялъ эту «военную прогулку». Но его снабдили столь скудными средствами, что англичане не дали даже высадиться французамъ.

Наполеонъ ни словечкомъ не касается въ своихъ воспоминаніяхъ этой неудачи, хотя онъ не былъ виноватъ въ ней. Можно повѣрить ему, что онъ не одобрялъ морского дѣла: онъ предпочиталъ ему энергичное наступленіе италья-

ской арміи къ Риму, къ этому ключу въ сводѣ стараго порядка, гдѣ чернь, науськиваемая патерами, умертвила французскаго посланника. Недовольны были и въ Парижѣ. Тамъ окончательно вознегодовали на этихъ корсиканскихъ проходимцевъ, которые вездѣ мутили, интриговали да набивали себѣ карманы.

Новое начальство назначило Буонапарте въ пѣхоту. Правда, оно думало воспользоваться его «дѣйствительными познаніями въ арміи». Но для героя Тулона это было униженіемъ. Позже онъ оцѣнилъ пѣхоту: ея командировъ, а не артиллеристовъ, возводилъ онъ въ маршалы. Но тогда онъ раздѣлялъ всеобщій предразсудокъ: «Кто не служилъ въ артиллеріи — говоритъ Мармонъ—тотъ не можетъ представить себѣ, какъ артиллерійскіе офицеры презирали пѣхотную службу». Къ тому же Наполеона назначили командиромъ пѣхотной бригады въ «западную» армію, т. е. въ Вандею, гдѣ предстояли безславныя схватки съ мятежниками, возставшими за тронъ и алтарь. И онъ долженъ былъ служить подъ начальствомъ своего сверстника, препрославленнаго Гоша! А тамъ, въ Италіи, гдѣ онъ столько поработалъ, кто-нибудь другой, счастливецъ, будетъ исполнять его геніальный планъ.

Оттого-то Буонапарте не спѣшилъ въ Парижъ. Дорогой онъ останавливался у знакомыхъ, шутилъ и игралъ съ дамами, даже давалъ уроки своему неизбѣжному Люи. Но, явившись въ столицу, 28-го мая 1795 года, онъ тотчасъ смекнулъ, что термидорцы непрочны, и рѣшился выжидать. Онъ скрылъ свою обиду, не подалъ въ отставку, а только взялъ отпускъ на 20 дней, подъ предлогомъ болѣзни, и отправилъ своихъ лошадей въ Вандею. При этомъ онъ ухитрился доказать начальству свое «старшинство», насчитавъ 17 лѣтъ службы, и получить большіе прогоны, насчитавъ много лишнихъ верстъ. Когда срокъ отпуска истекъ, на сцену снова явилась лихорадка, на этотъ разъ дѣйствительная: отпускъ продлили до августа. Между тѣмъ, вслѣдствіе борьбы партій въ разстроенномъ конвентѣ, начальство смѣнилось. Вліяніе перешло, между прочимъ, къ свидѣтелямъ тулонскаго подвига Наполеона, Баррасу и Фрерону, и ихъ пріятелю, Тальену.

Буонапарте воспрянулъ духомъ. Явилась докладная записка, полная и дерзкой самоувѣренности даровитаго выскочки, и корсиканскихъ стрѣлъ. Въ ней сказано: «Генералъ Буонапарте, который командовалъ артиллеріей при весьма серьезныхъ обстоятельствахъ и содѣйствовалъ выдающимся успѣ-

хамъ, ожидаетъ справедливости отъ членовъ Комитета Спасенія, завѣдующихъ военными дѣлами: онъ надѣется, что они возстановятъ его въ должности и избавятъ отъ мученій видѣть свое мѣсто занятымъ людьми, которые всегда были въ сторонѣ, оставались чуждыми нашимъ побѣдамъ и невѣдомыми арміи, а теперь выступаютъ, чтобы вырвать себѣ плоды побѣды, опасностей которой они съумѣли избѣжать». Новое начальство временно прикомандировало генерала къ Топографическому Бюро,—комиссія, которая занималась составленіемъ военныхъ плановъ и наказовъ для арміи. Тамъ тотчасъ замѣтили его «заслуги по части мѣръ, полезныхъ для итальянской арміи». Буонапарте работалъ дни и ночи, завелъ образцовый порядокъ, писалъ отличные наказы. Онъ тотчасъ увлекъ всѣхъ своимъ планомъ итальянской кампаніи и союза съ Турціей противъ Австріи, причемъ просилъ послать его начальникомъ артиллеріи въ Константинополь.

«Я назначенъ вмѣсто Карно, чтобы составлять планы дѣйствій для нашихъ армій, писалъ Наполеонъ Жозефу 20-го августа. Если захочу, могу получить казенную командировку въ Турцію, гдѣ буду пользоваться хорошимъ жалованьемъ и громкимъ титуломъ... Теперь все спокойно, но, кажется, готовится буря... Постановленіе Комитета Спасенія, съ благодарностью мнѣ за наказы для арміи и планы кампаніи, составлено въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ, что, чего добраго, меня не пустятъ въ Турцію. Ну, что-жъ, посмотримъ, что будетъ! Быть можетъ, мнѣ на-дняхъ придется и здѣсь отламать кампанію». Недѣли двѣ спустя новое письмо: «Мой наступательный планъ принятъ: скоро намъ придется переживать въ Ломбардіи важныя дѣла... Ничего не вижу въ будущемъ, кромѣ пріятнаго. А если и выйдетъ *иначе*, то будемъ жить настоящимъ: мужественный человѣкъ пренебрегаетъ будущимъ»...

Генералъ уже нанялъ сносную квартирку и хлопоталъ о покупкѣ хорошенькой дачки. Онъ завелъ собственнаго секретаря: то былъ преданный Жюно.

Но вдругъ случилось *иначе*. Опять перемѣнилось начальство: возобладали заклятые враги якобинства и тѣ «люди», которыхъ такъ отдѣлалъ генералъ въ своей докладной запискѣ. Кромѣ этого дерзкаго документа, имъ бросилась въ глаза новая бумага смѣльчака о вознагражденіи его за какихъ-то лошадей,—требованіе, которое, по справкамъ, оказалось наглымъ подвохомъ. 15-го сентября Буонапарте былъ «вычеркнутъ изъ

списка офицеровъ за отказъ отправиться къ назначенному посту». Оставалась одна только надежда—на турецкаго султана. Наполеонъ горячо схватился за планъ командировки на берега Босфора. Но «въ данную минуту однако обнаруживаются нѣкоторые тревожные признаки подготовляющагося мятежа», писалъ онъ многозначительно Жозефу 26-го сентября.

Буонапарте не ошибся. Настала новая буря, при которой понадобились такіе молодцы, какъ онъ.

Термидорцы взялись за передѣлку конвента въ духѣ того «милосердія», которое избавило ихъ отъ краснаго террора. Ужасный Комитетъ Спасенія сталъ барашкомъ въ рукахъ ихъ главарей, такихъ отступниковъ якобинства, какъ Баррасъ, Фушэ, Фреронъ и Тальенъ.

Грозная парижская Коммуна сдала власть дѣловымъ комиссіямъ конвента, которыя блистали присутствіемъ такого геніальнаго труженика и честнѣйшаго патріота, какъ Карно. Тюрьмы раскрылись, и однимъ изъ первыхъ вышелъ славный, великодушный Гошъ. По провинціямъ гоненія за «федерализмъ» были остановлены указомъ конвента.

Но ангелу милосердія еще рано было опуститься на многострадальную Францію. Термидорцы жестоко ошиблись: вмѣстѣ съ диктаторомъ, они сами, вчерашніе якобинцы, погубили всю свою систему. Революція смѣнилась «контръ-революціей». Вторая Варѳоломеевская ночь была тѣмъ печальнѣе, что она была лишена оправданія первой—патріотизма отчаянія. „Сгубившія Робеспьера побѣды продолжались; и именно тогда онѣ доставили блестящій базельскій миръ. Реакція была плодомъ одной гнусной и неразумной мести героямъ террора, безкорыстно спасавшимъ «отечество въ опасности». А рядомъ шло утоленіе жажды наслажденій, удовлетвореніе требованій себялюбія послѣ долгаго поста.

Якобинцы проповѣдывали правило своего пророка, Руссо: «Должно откинуть и подавить все, что ведетъ къ сосредоточиванію страстей на мерзости личнаго *я*». А теперь нашъ корсиканецъ, армейскій служака, не узналъ Парижа. «Довольство—говоритъ онъ—роскошь, хорошій тонъ, танцы, зрѣлища, первыя въ мірѣ красавицы, лекціи, библіотеки, искусства, балы, прогулки,— все опять пошло въ ходъ. О террорѣ помнятъ не больше, чѣмъ о сновидѣніи. Подумаешь, что всякій старается наверстать время, когда онъ страдалъ. А неизвѣстность будущаго заставляетъ ничего не жалѣть для удовольствій настоящаго». Воскресли и салоны Сен-Жермена. Но важнѣе были

гостиныя красавицъ и женщинъ «новаго слоя» аристократіи-добродушной «Богоматери Термидора», г-жи Тальенъ, и ученой г-жи Сталь, родоначальницы «либерализма». Одинъ изъ салоновъ держала вдова гильотинированнаго генерала Богарнэ, креолка Жозефина, служившая очагомъ зарождавшейся военной знати, съ ея игрой въ высшую политику.

Въ этой смѣнѣ формъ жизни былъ глубокій смыслъ. То пировалъ, на кровавыхъ развалинахъ, новый общественный слой—*буржуазія*, цвѣтъ которой назывался « золотой молодежью».

Революція смяла родовитыхъ привилегированныхъ, съ помощью пролетарія; но на ихъ мѣстѣ поднялась новая, имущественная знать, примыкавшая, на свою погибель, къ эмигрантамъ, которые возвращались толпами, ка́къ крысы послѣ наводненія. Золотая молодежь уже кишѣла и въ арміи, въ особенности же въ національной гвардіи. На ней особенно ярко отразился духъ противореволюціи, поддерживаемый ужасными разсказами выходцевъ изъ тюремъ и освободившейся печати. У нея завелась своя мода—отрицаніе якобинской: кокетливая «шапка-человѣчество», изъ-подъ которой едва виднѣлись подстриженные волосы и висѣли «собачьи уши»(два локона до плечъ), «корсетъ—правосудіе», короткіе «кюлоты», необъятные пестрые галстухи съ затѣйливыми бантами, сѣрые фраки съ зелеными отворотами, какъ у мятежниковъ Вандеи. Эти новые «петиметры» безбожно душились: ихъ называли «мюскаденами» (мускусными лепешками). Они, какъ дѣти, картавили, восклицая на каждомъ шагу: «inc(r)oyable (невѣроятно)!» Ихъ подруги также ломались и носили длиннѣйшіе хвосты; ихъ называли «мервельёзами» (чудесницами). Главною принадлежностью золотой молодежи была палка-свинчатка или суковатая дубина, которую она именовала своею «исполнительной властью». Эти франты совали свой носъ всюду, отыскивая иного рода «подозрительныхъ»: они избивали якобинцевъ безъ всякаго суда. То же дѣлалось въ провинціи: золотая молодежь образовала свой клубъ, на подобіе якобинскаго, и его отдѣленіями покрылись департаменты.

Начался *бѣлый терроръ*, это отвратительное пятно 1795 г.: щеголеватый «бѣлый якобинецъ», ухаживая за своей дамой, прельщалъ ее показываніемъ пальца въ крови. Въ провинціи, особенно на злополучномъ юго-востокѣ, цѣлые полгода свирѣпствовала «Іисусова Рота» мюскаденовъ, поддерживаемая фанатизмомъ крестьянъ, которые открывали запечатанныя церкви и преслѣдовали «присяжныхъ» поповъ. Въ кон-

вентѣ шло «очищеніе»—теперь уже съ другого конца. Сюда возвратились жирондисты,—эти уцѣлѣвшія жертвы краснаго террора, уже склонявшіяся къ роялизму. Они изгоняли якобинцевъ со всѣхъ мѣстъ. Секціи Парижа, этотъ источникъ Коммуны, были уничтожены; революціонный трибуналъ былъ замѣненъ военнымъ судомъ, который не уступалъ ему въ юридическихъ убійствахъ. Всякіе якобинскіе клубы были строго запрещены.

Бѣлый терроръ свирѣпѣлъ тѣмъ болѣе, что опять поднимался жестокій соціальный вопросъ: «бѣдный чортъ» (pauvre diable), этотъ несчастный пролетарій, купавшійся въ крови и слезахъ, какъ главное орудіе революціи, возставалъ поневолѣ, съ отчаянія голода.

Парижъ переполнился нищими-пришельцами. А ассигнаты пали до $^1/_{40}$ назначенной цѣны, такъ что «обладателю 10-тысячнаго годового дохода нечѣмъ было жить», говоритъ очевидецъ. Въ то-же время былъ отмѣненъ «максимумъ»—и кулаки-скупщики сразу вогнали хлѣбъ въ 20 фр. за фунтъ. Между тѣмъ, съ отмѣной секцій, пролетарій лишился своего послѣдняго пропитанія — поденной платы. Ударила суровая зима: замерзли водопроводы; а топлива почти вовсе не было въ Парижѣ. И среди издыхающей толпы рабочихъ предмѣстій раздался неслыханный голосъ новаго пророка. Какой-то «Гракхъ» Бабёфъ говорилъ уже не о бунтахъ, а о преобразованіи «общества» въ корнѣ. Онъ проповѣдовалъ объ «истинномъ», т. е. «полномъ», даже имущественномъ, «равенствѣ». То рождались соціализмъ и коммунизмъ, хотя еще безъ имени и строгой программы. Якобинцы-же указывали пролетарію на забытую конституцію 1793 года, какъ на законное орудіе «соціальной» реформы, какъ на воскрешеніе «золотого вѣка Робеспьера». Въ апрѣлѣ голодъ достигъ крайнихъ размѣровъ. «Бѣдный чортъ» попробовалъ повторить кровавую расправу временъ Дантона. Но у него не было уже ни вождей, ни плана, ни организаціи. Войска Пишегрю, національные гвардейцы и золотая молодежь легко потопили мятежъ въ крови. Предмѣстья были обезоружены: они перестали существовать, какъ политическая сила.

Затѣмъ появилась конституція III года», третья втеченіе революціи, которая была также реакціей демократизму. Она сохраняла республику, но вводила имущественный цензъ вмѣсто всеобщей голосовки и вообще ограничивала выборное начало. О братствѣ не упоминалось ни словечкомъ; равенство

признавалось только гражданское, передъ закономъ. Свобода была ограничена; даже воспрещались тайныя общества, сходки, адресы и прошенія скопомъ. Подлѣ нижней палаты, названной Совѣтомъ Пятисотъ, поставлена верхняя — Совѣтъ Старѣйшинъ съ правомъ запрета (veto). Исполнительная власть была вновь отдѣлена отъ законодательной. Она вручалась *директоріи* изъ пяти членовъ, не моложе 40 лѣтъ, которая имѣла право назначать всѣхъ чиновниковъ.

«Директорія» означала, что конвентъ боялся уже не одного пролетарія. Старый порядокъ воскресалъ быстро. Роялисты уже становились наглыми: они открыто провозглашали брата Людовика XVI, графа Прованскаго, «Людовикомъ XVIII»; а другой братъ, графъ Артуа, пытался высадиться въ Вандеѣ, съ помощью англичанъ. У республиканцевъ зарождался страхъ, какъ бы не повторился тотъ «ужасъ безъ конца», который вызвалъ «ужасный конецъ». Оттого-то побоялись принять любезный всѣмъ идеалъ Соединенныхъ Штатовъ Америки: «президентъ» какъ разъ обратился бы въ какого-нибудь возвращеннаго Бурбона, какъ случилось, полвѣка спустя, съ племянникомъ Наполеона I. И вышло подражаніе древнему Риму, только вмѣсто двухъ консуловъ назначили пять директоровъ. Мало того. Конвентъ до того опасался выбора друзей старины, что рѣшился на вопіющее нарушеніе общаго права гражданъ: онъ постановилъ, чтобы двѣ трети депутатовъ въ новыхъ палатахъ были избраны изъ его членовъ.

Эти-то двѣ трети вызвали первый настоящій мятежъ роялистовъ. Поддержанные недалекой буржуазіей, а также обѣщаніями Пишегрю и англичанъ, друзья стараго порядка устроили свой «денекъ» (journée). Этотъ бунтъ извѣстенъ подъ именемъ *13-го вандемьера III года* (5 октября 1795). Онъ былъ усмиренъ; но выборы въ парламентъ показали силу роялизма по всей странѣ. Республика была спасена только «двумя третями», которыя доставили большинство умѣреннымъ жирондистамъ, не изъ «цареубійцъ», прошедшихъ и въ директора. Ей помогло недостойное поведеніе Бурбоновъ: «Людовикъ XVIII» издалъ мстительный манифестъ, который угрожалъ солдатамъ возвратомъ знатныхъ командировъ, а гражданамъ—отобраніемъ національныхъ имуществъ въ пользу эмигрантовъ и «неприсяжныхъ». Конвентъ закрылся 26-го октября при восторженныхъ кликахъ: «Да здравствуетъ республика!»

А. Трачевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Беатриче Ченчи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

(Переводъ съ итальянскаго Г. Львовича и Э. Русаковой).

I.

Франческо Ченчи.

сли бы изобразить группу, ожидавшую Франческо Ченчи въ залѣ его дворца, вышла бы картина, подобная рафаэлевской мадоннѣ della Sedia,—можетъ быть, еще изящнѣе. Молодая женщина лѣтъ двадцати, сидѣвшая на ступенькахъ оконной ниши, держала на рукахъ ребенка; за нею стоялъ молодой человѣкъ благородной наружности, любуясь этимъ милымъ зрѣлищемъ; онъ поднялъ къ лѣвому плечу сложенныя руки, чтобы поблагодарить Бога за ниспосланное ему счастье. Черты лица его и вся его фигура показывали, что въ эту минуту его волновали три чувства, которыя придаютъ человѣку образъ Божій: руки его были подняты къ Богу, взоры обращены къ сыну и ласковая улыбка къ женѣ. Но жена, поглощенная обязанностями и гордостью матери, не видѣла этой улыбки. Ребенокъ же казался ангеломъ, потерявшимъ путь на небо.

Въ другой сторонѣ залы растянулся на скамейкѣ человѣкъ, который могъ бы послужить Микель Анджело моделью для какой нибудь изъ фигуръ его Crepuscoli. Лицо его едва можно было разглядѣть подъ широкополой конической шляпой; длинная, сѣдая борода его ниспадала клочьями, а кожа была подобна той, которую Іеремія оплакивалъ у сыновъ Сіона,—потемнѣвшая отъ пепла, какъ внутренность печки [1]). Онъ былъ закутанъ въ ши-

[1]) «Плачъ» Іереміи, гл. V, ст. 10.: «кожа наша потемнѣла, какъ печь, отъ пламени голода».

рокій плащъ, заложилъ одну на другую ноги, обутыя въ сандаліи— типичный нарядъ поселянъ окрестностей Рима. Возможно, что онъ имѣлъ при себѣ и оружіе, но только спряталъ его, такъ какъ римскій дворъ со временъ Сикста V строго преслѣдовалъ ношеніе оружія.

Всякій, кто съ середины залы взглянулъ бы сперва на группу любящей семьи и затѣмъ на этого человѣка, могъ бы вспомнить слова св. Писанія: „и отдѣлилъ Богъ свѣтъ отъ тьмы".

Два молодыхъ человѣка знатнаго происхожденія, то замедляя, то ускоряя шаги ходили по залѣ и разговаривали между собою то громко, то понижая голосъ. У одного изъ нихъ лицо было покрыто красными пятнами, точно лишаями; въ черныхъ глазахъ его, сверкавшихъ за воспаленными вѣками, проглядывала жестокость, соединенная съ какой-то растерянностью; жидкіе волосы его были взъерошены, зубы испорчены; тупой носъ и отвислыя щеки придавали ему сходство съ лягавой собакой. Платье его, хотя и очень изящное, было въ безпорядкѣ; изъ его запекшихся губъ вырывались отрывистыя слова, произносимыя сиплымъ голосомъ. Другой былъ блѣдный человѣкъ пріятной наружности; обильные бѣлокурые волосы его были тщательно причесаны; серьезный, задумчивый взглядъ и такая же рѣчь; онъ часто казался разсѣяннымъ и время отъ времени вздыхалъ; онъ то останавливался, то быстро ходилъ, его внутреннее волненіе выдавалось дрожаніемъ верхней губы и пальцевъ, которыми онъ безпрестанно покручивалъ кончики усовъ. Платье его, ленты, кружева воротника и манжетъ — все это было въ высшей степени изящно. Всякій, кто увидѣлъ бы его, сразу сказалъ бы, что онъ чѣмъ то глубоко взволнованъ.

Въ сутанѣ безъ верхняго плаща, точно сорока, безпокойно прыгающая по крышѣ, метался по комнатѣ священникъ, очевидно, желая обратить на себя вниманіе окружающихъ. Онъ заговаривалъ о зимѣ и лѣтѣ, о зноѣ и холодѣ, о посѣвахъ и жатвѣ, но никто его не слушалъ. Иногда онъ спрашивалъ, когда сіятельный графъ можетъ принять его, въ которомъ часу онъ встаетъ, когда завтракаетъ, много ли времени онъ посвящаетъ своему туалету и всякій ли день принимаетъ посѣтителей. Это была напрасная трата словъ, — никто не отвѣчалъ ему: молодая чета была поглощена своимъ счастьемъ, поселянинъ сидѣлъ молча, какъ бронзовая статуя, одинъ изъ знатныхъ людей пронизывалъ священника такимъ взглядомъ, что у того морозъ проходилъ по кожѣ, другой смотрѣлъ на него такъ, точно онъ съ неба упалъ. Бѣдный священникъ готовъ былъ биться головой объ стѣну, съ отчаянія время отъ времени раскрывалъ свой молитвенникъ и читалъ, но съ такимъ видомъ, точно онъ глотаетъ горькое лѣкарство; глаза его скользили по страницамъ: можно было бы подумать, что онъ взялъ эту книгу, какъ человѣкъ, рѣшившій утопиться, беретъ камень, чтобы привязать его на шею.

Лицо несчастнаго священника, обыкновенно блѣдно-желтое, какъ огарки церковныхъ свѣчей, теперь горѣло отъ нетерпѣнія: онъ никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что никто не обращалъ

на него вниманія. Но если бы внимательно присмотрѣться къ нему, то врядъ ли можно было-бы рѣшить, что больше износилось: платье ли, облекавшее его тѣло, или тѣло, служившее оболочкой его души. Оба они были изношены, оба были старыми друзьями и, къ великому огорченію своего господина, свидѣтельствовали о томъ, что ничто на землѣ не вѣчно.

Послѣ того, какъ священникъ на самомъ себѣ испыталъ, что слова св. Писанія: „толцыте и отверзится вамъ“ не всегда сбываются, онъ въ третій или четвертый разъ обратился съ чѣмъ то къ слугѣ, и слуга, казалось, готовъ былъ, наконецъ, исполнить его желаніе, какъ вдругъ знатный человѣкъ съ отвратительнымъ лицомъ крикнулъ повелительнымъ голосомъ:

— Камилло!

Природа слугъ такова, что, если у нихъ нѣтъ болѣе низменныхъ побужденій гнуть спину, они особенно раболѣпны тогда, когда съ ними обращаются надменно. Такъ и Камилло, хотя онъ и не былъ худшимъ изъ слугъ, все же моментально повернулся, какъ на пружинахъ, сталъ къ священнику спиной и произнесъ самымъ подобострастнымъ голосомъ:

— Эччелленца!

— Можетъ быть, благородный графъ плохо спалъ въ эту ночь?

— Не знаю, не думаю. На разсвѣтѣ ему подали письма изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно изъ Испаніи и имперіи. Возможно, что онъ теперь просматриваетъ ихъ, хотя я и не увѣренъ въ этомъ.

Въ эту минуту страшный лай оглушилъ присутствующихъ; вслѣдъ за тѣмъ съ шумомъ открылась дверь изъ комнаты графа и оттуда вырвалась разъяренная собака. Поселянинъ, сидѣвшій у дверей, моментально всталъ; распахнувъ свой плащъ, онъ выхватилъ длинный кинжалъ и сталъ въ оборонительное положеніе; молодая мать прижала ребенка къ груди, закрывая его обѣими руками; отецъ сталъ передъ женою и сыномъ, готовясь защитить ихъ своимъ собственнымъ тѣломъ; знатные посѣтители отошли въ сторону, какъ люди, не желающіе ни подвергаться опасности, ни обнаружить трусость. Священникъ же бросился бѣжать. Собака по инстинкту кинулась за бѣгущимъ, схватила его за сутану и вырвала кусокъ полы; ему пришлось бы еще хуже, если-бы не подбѣжали слуги и не схватили собаку за ошейникъ. Священникъ уронилъ молитвеникъ и закричалъ. Разъяренная собака залаяла еще громче.

На порогѣ показался старикъ. Это былъ Франческо Ченчи.

Франческо Ченчи происходилъ изъ древнѣйшей римской фамиліи Чинча и въ числѣ его предковъ былъ папа Іоаннъ X, извѣстный любовникъ прекрасной Ѳеодоры, которая возвела его въ санъ епископа сперва въ Болоньѣ, затѣмъ въ Равеннѣ и, наконецъ, сдѣлала папою.

Франческо Ченчи владѣлъ огромными богатствами. Годовой доходъ его былъ свыше ста тысячъ скуди [1]); такой доходъ и въ

---

[1]) Скуди—серебряная монета въ 5 франковъ, около двухъ рублей.

наши дни былъ бы необычайнымъ богатствомъ, а въ тѣ времена эта сумма была безпредѣльно велика. Богатства эти онъ получилъ отъ своего отца, бывшаго казначеемъ церкви при Піѣ V; между тѣмъ какъ папа старался очистить міръ отъ ересей, старый Ченчи очищалъ кассу отъ денегъ: оба были велики, каждый въ своемъ родѣ.

Франческо Ченчи обладалъ крѣпкимъ сложеніемъ и, несмотря на свои годы, былъ очень здоровъ; онъ лишь нѣсколько хромалъ на правую ногу вслѣдствіе раны. Умный и краснорѣчивый, онъ могъ бы стать прекраснымъ ораторомъ, если бы у него было время для этого и если бы ему не мѣшалъ языкъ, который при малѣйшемъ волненіи плохо повиновался ему, вслѣдствіе чего рѣчь графа походила на журчаніе воды, пробивающейся между камнями. Его нельзя было назвать некрасивымъ, однако наружность его была такъ непріятна, что онъ никогда не могъ бы вызвать любви,— развѣ лишь почтеніе, но скорѣе всего страхъ. Лицо его сохранило черты молодости, если не считать цвѣта волосъ, превратившихся изъ черныхъ въ бѣлые, нѣсколькихъ морщинъ, увеличившейся худобы и желтоватаго цвѣта лица. Когда онъ былъ спокоенъ, на лбу его едва виднѣлась неглубокая морщина, какую обыкновенно оставляютъ заботы или угрызенія совѣсти,— но настолько незначительная, что ее и амуръ могъ бы начертить крыломъ на лбу увядающей красавицы. Глаза его, обыкновенно печальные, были свинцоваго цвѣта, какъ глаза мертвой рыбы; лишенные всякаго блеска, обведенные темными кругами съ синеватыми жилками,—они производили впечатлѣніе труповъ въ свинцовыхъ гробахъ. Тонкія губы графа незамѣтно переходили въ складки на щекахъ. Лицо его могло такъ же принадлежать святому, какъ и бандиту,— загадочное, непонятное, какъ сфинксъ, какъ репутація самого Ченчи.

Наканунѣ вечеромъ графъ рано ушелъ въ свои комнаты, не простившись ни съ женою, ни съ дѣтьми. Марціо, предложившему ему свои услуги, онъ сказалъ: „Ступай, съ меня достаточно Нерона“.— Нерономъ называлась собака огромныхъ размѣровъ и крайне злая. Ченчи назвалъ ее такъ не столько въ честь жестокаго императора, какъ потому, что это слово означаетъ на древнемъ самнитскомъ языкѣ—крѣпкій, сильный.

Едва онъ улегся, какъ сталъ ворочаться въ постели и стонать отъ нетерпѣнія; мало-по-малу нетерпѣніе его перешло въ ярость, а стоны въ настоящій вой. Неронъ тоже отвѣтилъ ему воемъ. Вскорѣ графъ, вскочивъ съ ненавистной постели, воскликнулъ:

— Простыни отравлены! Это уже бывало; я, помнится, читалъ объ этомъ въ какой-то книгѣ.— Олимпія! ты ушла отъ меня, но я тебя достану! Никто еще не могъ спастись отъ моей руки... Но какая тишина кругомъ, какое спокойствіе въ моемъ домѣ! Они тамъ отдыхаютъ, спятъ... значитъ, не боятся меня!.. Марціо!

Слуга сейчасъ же явился.

— Марціо, продолжалъ графъ,—что дѣлаетъ семья?

— Спитъ.

— Всѣ спятъ?

— Всѣ, кажется, по крайней мѣрѣ, потому, что во всемъ домѣ тихо.

— И они осмѣливаются спать въ моемъ домѣ, когда я самъ не могу уснуть? Ступай, посмотри, дѣйствительно ли они спятъ; послушай у всѣхъ дверей, въ особенности у дверей Вирджиліо: запри ихъ тихонько снаружи и возвращайся.

Марціо ушелъ.

— Этого, продолжалъ про себя графъ,—я ненавижу больше всѣхъ остальныхъ; подъ такой тихой поверхностью текутъ не менѣе бурныя волны возмущенія; ахъ ты, змѣя безъ жала, но не безъ яду, какъ мнѣ надоѣло, что ты еще не умеръ!

Марціо вернулся и доложилъ:

— Всѣ спятъ, спитъ и донъ Вирджиліо, но сонъ его неспокоенъ, насколько можно судить по его лихорадочному дыханію.

— Ты заперъ двери снаружи?

Марціо утвердительно кивнулъ головою.

— Хорошо. Возьми это ружье, выстрѣли передъ дверью спальни Вирджиліо и закричи во всю глотку: пожаръ, пожаръ! Я имъ покажу, что значитъ спать, когда я не сплю.

— Эччелленца...

— Что такое?

— Я не скажу: сжальтесь надъ мальчикомъ, который, повидимому, дѣйствительно на краю...

— Продолжай.

— Но вѣдь это перепугаетъ и всѣхъ сосѣдей.

Графъ, нисколько не смутившись, засунулъ руку подъ подушку, вынулъ оттуда пистолетъ, навелъ его на поблѣднѣвшаго отъ страха слугу и сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Марціо, если ты въ другой разъ вмѣсто того, чтобы повиноваться, осмѣлишься противорѣчить мнѣ, я убью тебя, какъ собаку.

Марціо быстрѣе обыкновеннаго отправился исполнить приказаніе.

Невозможно описать, въ какомъ ужасѣ проснулись женщины и ребенокъ. Онѣ вскочили съ постели, бросились къ дверямъ и, не имѣя возможности открыть ихъ, стали кричать, просить, чтобъ имъ сказали, что случилось, чтобъ отперли двери, чтобъ ихъ спасли отъ этого ужаса. Отвѣта нѣтъ. Выбившись изъ силъ, онѣ снова бросаются въ постели, стараясь забыться въ мучительномъ снѣ.

Не прошло и двухъ часовъ, какъ графъ снова зоветъ слугу и спрашиваетъ:

— Разсвѣтаетъ уже?

— Нѣтъ, эччелленца.

— Почему нѣтъ?

Марціо пожалъ плечами. Графъ, точно самъ смѣясь надъ странностью своего вопроса, покачалъ головой и сказалъ:

— Сколько еще времени до разсвѣта?

— Часъ.

— Часъ? Но вѣдь это цѣлое столѣтіе, цѣлая вѣчность для того, кто не можетъ уснуть, о...—онъ едва не воскликнулъ: о Боже мой! — Говорятъ, что сонъ другъ святыхъ; если-бы это была правда, то я спалъ бы, какъ убитый. Что же теперь дѣлать? Ну, употребимъ остатокъ ночи на какое нибудь полезное дѣло, будемъ обучать Нерона.

Онъ велѣлъ Марціо взять соломенное чучело и отнести его въ залу, примыкавшую къ комнатамъ женщинъ и ребенка, самъ же увелъ Нерона въ другую комнату, раздразнилъ его до ярости и натравилъ на чучело. Взбѣшенная собака съ отчаяннымъ лаемъ накинулась на него и принялась его терзать. Графъ находилъ странное удовольствіе въ созерцаніи травли разъяреннаго животнаго и сказалъ подошедшему къ нему Марціо:

— Если Богу будетъ угодно, я научу его защищать меня отъ моихъ враговъ, а также и отъ друзей,—въ особенности отъ моихъ милыхъ дѣтей и еще болѣе милой супруги, а отчасти и отъ тебя, мой вѣрный Марціо, прибавилъ онъ, коснувшись рукою плеча слуги.

Наполнивъ весь домъ ужасомъ, онъ вернулся въ свою комнату, гдѣ побѣжденный усталостью, погрузился въ короткій прерывающійся сонъ. Проснулся онъ въ мрачномъ настроеніи.

— Я видѣлъ дурной сонъ, Марціо... Мнѣ снилось, что я ѣлъ вмѣстѣ съ умершими моими родными. Это значитъ, что я скоро умру. Но прежде, чѣмъ я отправлюсь на эту трапезу, Марціо, пусть другіе предварительно пойдутъ туда и приготовятъ для меня столъ.

— Эччелленца, курьеры доставили письма изъ имперіи...

Графъ протянулъ руку за письмами. Марціо продолжалъ:

— И курьеръ изъ Испаніи. Я всѣ письма положилъ на столъ въ кабинетѣ.

— Хорошо. Пойдемъ.

Поддерживаемый Марціо, графъ въ сопровожденіи Нерона направился въ кабинетъ.

Только что взошло великолѣпное августовское солнце, окрасивъ голубой небосклонъ въ золотистый цвѣтъ. Графъ подошелъ къ балкону и, устремивъ глаза на величественное свѣтило, сказалъ что-то про себя. Марціо, восхищенный красотою неба и свѣта, не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Божественное солнце!

При этихъ словахъ глаза графа, обыкновенно тусклые, сверкнули какъ молнія и обратились къ небу.

— Марціо, если бы солнце было свѣчей, которую можно было бы потушить, потушилъ ли бы ты его?

— Я? Вы полагаете, эччелленца? Я бы не тронулъ его.

— А я бы его потушилъ.

Онъ присѣлъ къ столу, открылъ и прочелъ нѣсколько писемъ; пробѣжавъ всѣ письма, онъ разразился страшными проклятіями.

— Всѣ счастливы! О Боже! Ты все дѣлаешь мнѣ на зло!

И сжавъ кулакъ, онъ со всей силой опустилъ руку; случайно

рука его ударила по головѣ Нерона, который, поднявъ морду, внимательно слѣдилъ за движеніями своего господина. Собака вспрыгнула отъ ярости, бросилась къ дверямъ, открыла ихъ и выбѣжала. Графъ направился за нею, позвалъ ее и проговорилъ:

— Видишь, Марціо, если бы это былъ ребенокъ, онъ укусилъ бы меня.

II.

Убійство матери.

Марціо пригласилъ господина съ краснымъ лицомъ въ кабинетъ графа. Графъ ожидалъ гостя и, увидѣвъ его, любезно привѣтствовалъ:

— Добро пожаловать, князь! Чѣмъ могу служить вамъ?

— Графъ, мнѣ нужно поговорить съ вами, но, мы здѣсь не одни.

— Марціо, уйди.

Марціо поклонился и вышелъ. Князь пошелъ за нимъ, чтобы убѣдиться, хорошо ли онъ заперъ дверь, опустилъ портьеру и затѣмъ подошелъ къ графу, который, нисколько не удивляясь этимъ предосторожностямъ, пригласилъ его сѣсть и неподвижно ждалъ, что онъ скажетъ.

— Графъ, я, какъ Катилина, начну безъ всякихъ предисловій. Я обращаюсь къ вамъ за совѣтомъ и помощью, какъ къ человѣку большого ума и мужества; надѣюсь, вы не откажете мнѣ.

— Говорите, князь.

— Моя безстыдная мать, началъ онъ тихимъ голосомъ,—позоритъ своимъ грязнымъ поведеніемъ мой домъ, а отчасти также и васъ, въ виду родственныхъ узъ, соединяющихъ наши семьи. Годы, вмѣсто того, чтобы потушить, лишь разжигаютъ въ ней низкія страсти. Богатства, которыми она обладаетъ, благодаря распоряженію моего глупаго отца, она тратитъ на своихъ отвратительныхъ любовниковъ; дурные слухи о ней ходятъ по всему Риму; я читаю насмѣшку въ глазахъ людей; куда бы я не пошелъ, меня задѣваютъ оскорбительные разговоры, кровь кипитъ въ моихъ жилахъ... Зло достигло такихъ размѣровъ, что не остается уже ничего иного, какъ... Скажите же, графъ, что мнѣ дѣлать?

— Свѣтлѣйшая донна Констанца ди Санта Кроче? Что вы говорите! Нѣтъ, если вы шутите, то подыщите для этого болѣе подходящій предметъ, если же вы говорите серьезно, то прошу васъ, не поддавайтесь искушеніямъ діавола: онъ — отецъ лжи и обольщаетъ умъ.

— Графъ, оставимъ діавола въ покоѣ. Я могу представить вамъ вѣскія и даже слишкомъ оскорбительныя доказательства.

— Посмотримъ.

— Слушайте. Она оставляетъ меня, такъ сказать, утопать въ несчастіи, а на доходы семьи содержитъ слугъ и служанокъ и цѣлыя толпы ихъ дѣтей; она гонитъ меня съ своихъ глазъ, не хочетъ даже слышать обо мнѣ, понимаете, графъ, обо мнѣ, ко-

торый нисколько не интересовался бы ея поведеніемъ, если бы она обращалась со мною, какъ достойная мать съ достойнымъ сыномъ. И чтобы вамъ все было ясно, я скажу, что вчера она выгнала меня изъ дому, изъ моего палаццо, изъ дома моихъ славныхъ предковъ.

— Дальше,—имѣете ли вы еще что нибудь сказать?

— А вы находите, что этого мало?

— Даже слишкомъ достаточно. Признаюсь вамъ, я давно уже знаю, что княгиня Констанца — да проститъ ей Богъ! — питаетъ къ вамъ глубокое отвращеніе. Дней восемь тому назадъ она мнѣ много говорила о васъ...

— Вотъ какъ? Что же говорила эта гнусная женщина?

— Неприлично христіанину подливать масло въ огонь, поэтому я промолчу.

— Но огонь, зажженный вашими словами, графъ, такъ великъ, что вы врядъ ли могли бы еще усилить его, — вы сами это понимаете.

— Вполнѣ понимаю. Да и меня самого тяготитъ молчаніе, такъ какъ мои слова могутъ дать вамъ руководящую нить и предохранитъ васъ отъ ошибокъ. Синьора Констанца, въ присутствіи многихъ видныхъ прелатовъ и римскихъ бароновъ, рѣшительно заявила, что вы позоръ для семьи, что вы воръ, убійца, лжецъ...

— Она это говорила?

У Санта-Кроче, раскраснѣвшагося отъ ярости, голосъ дрожалъ.

— И еще говорила, что вы расточили все ваше состояніе, брали у евреевъ деньги на проценты подъ залогъ палаццо; она должна была уплачивать ваши долги изъ своихъ средствъ, чтобы избѣжать позора и не быть вынужденной жить въ чужомъ домѣ, она говорила, что много разъ платила ваши долги, а вы ежедневно дѣлали новые... Вы, говоритъ, отчаянный игрокъ! нѣтъ такого порока, въ которомъ бы вы не увязли по уши... Вы пьянствуете, такъ что васъ не разъ приносили пьянымъ домой...

— Она это говорила?

— А ваше безстыдство, говоритъ, дошло до того, что вы приводили падшихъ женщинъ въ палаццо вашихъ славныхъ предковъ. Она разсказывала еще о многихъ другихъ мерзостяхъ и при одномъ воспоминаніи о нихъ я краснѣю отъ стыда.

— И это моя мать?..

— Она прибавила еще, что вы неисправимы. Ея материнскому сердцу, дескать, крайне больно, но она рѣшила обратиться къ его святѣйшеству съ просьбою, чтобы васъ заключили въ замокъ... такъ что вы будете гостить у императора Адріана [1]). Слово благороднаго человѣка,—это значитъ, быть въ тюрьмѣ въ наилучшей компаніи!

— Милая мать! Не правда-ли, у меня прекрасная мать! воскликнулъ князь, стараясь придать своимъ словамъ оттѣнокъ ироніи, чтобы скрыть свой страхъ. — Что же сказали прелаты?

— Развѣ вы не знаете словъ Евангелія: дерево, не принося-

[1]) Замокъ Ангела.

щее хорошихъ плодовъ, рубятъ... И они говорили это такъ любезно, точно приглашали васъ къ себѣ на чашку шоколада.

— Значитъ, нужно спѣшить еще больше, чѣмъ я думалъ! Графъ, посовѣтуйте мнѣ что нибудь... я въ отчаяніи...

Графъ, покачивая головой, сурово отвѣтилъ:

— Обратитесь къ римскому губернатору, монсиньору Тавернѣ, а если у васъ много денегъ и мало ума, то къ знаменитому адвокату, Просперо Фариначчіо.

— Увы! Денегъ у меня нѣтъ. И сверхъ того, — возникла бы тяжба, а мнѣ нужно кончить дѣло безъ шума... и безъ замедленія...

— Въ такомъ случаѣ обратитесь къ милости его святѣйшества.

— Увы! Папа Альдобрандино [1]) подобенъ волчицѣ Данта, которая послѣ ѣды еще жаднѣе, чѣмъ до ѣды. Онъ старъ, ханжа, упрямѣе мула и все готовъ сдѣлать, но лишь для обогащенія близкихъ ему людей, — онъ достаточно проявилъ себя въ грабежѣ Колизея. Я скорѣе брошусь въ Тибръ, чѣмъ обращусь къ нему.

— Да, — тонкая ироническая улыбка исчезла съ лица графа и онъ взволнованнымъ голосомъ продолжалъ: — да, теперь и я думаю, что вы лишь напрасно потратили бы время и трудъ. Послѣ того извѣстнаго случая, когда онъ помогъ противъ меня моей мятежной дочери, онъ уже не такъ охотно принимаетъ жалобы дѣтей на родителей. Кто хочетъ сохранить въ силѣ духовную или свѣтскую власть, тотъ долженъ заботиться и о сохраненіи власти родительской; всѣ власти имѣютъ одно и то-же основаніе: нельзя умалять одну изъ нихъ, не умаляя другой. Отецъ и государь никогда не виноваты, дѣти и подданные никогда не правы... Римъ былъ могучъ до тѣхъ поръ, пока отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми.

— Слѣдовательно... началъ Санта Кроче, пораженный этимъ неожиданнымъ суровымъ замѣчаніемъ и съ отчаяніемъ опуская руки.

Графъ, сожалѣя, что не сдержалъ своей вспышки, поспѣшно прибавилъ:

— О! Ваше дѣло совсѣмъ иное!

Санта Кроче, ободренный этими словами и еще болѣе взглядомъ графа, придвинулъ свой стулъ къ нему, вытянулъ шею и прошепталъ:

— Я слыхалъ... говорятъ...

Онъ замолчалъ. Графъ, иронически подражая духовнику на исповѣди, ободрилъ его:

— Продолжайте, сынъ мой, продолжайте.

— Мнѣ говорили, что вамъ, графъ, какъ человѣку умному и осторожному, всегда удавалось... если кто нибудь надоѣдалъ вамъ, то вамъ всегда удавалось устранить его съ удивительною ловкостью. Вы, какъ знакомый съ естественными науками, конечно, знаете такія травы, которыя быстро отправляютъ людей въ страну мертвыхъ и не оставляютъ никакихъ слѣдовъ.

[1]) Климентъ III.

— Дѣйствительно, нѣкоторыя травы производятъ изумительное дѣйствiе, но я не понимаю, зачѣмъ онѣ вамъ?

— Надо вамъ замѣтить, что княгиня Констанца имѣетъ обыкновенiе пить по вечерамъ какой-то отваръ, чтобы вызвать сонъ...

— Прекрасно.

— Вы понимаете, что вопросъ сводится лишь къ тому, коротокъ ли будетъ сонъ, или продолжителенъ,—велико ли различiе!— Онъ попробовалъ улыбнуться.

— Нѣтъ ни одного растенiя, которое не оставляло бы слѣдовъ. Я, подобно Александру Македонскому, предпочитаю мечъ: онъ сразу разрубитъ всякiй гордiевъ узелъ...

— Мечъ! Но развѣ онъ не оставляетъ слѣдовъ?

— Кто же вамъ велитъ скрывать смерть донны Констанцы? Напротивъ, вы должны заявить объ этомъ и открыто указать убiйцу.

— Вы шутите, графъ...

— Вовсе не шучу. Напротивъ, я говорю вполнѣ серьезно. Постарайтесь поймать княгиню съ какимъ нибудь любовникомъ на мѣстѣ преступленiя и убейте ихъ обоихъ. Тяжесть оскорбленiя извиняетъ убiйство; въ кодексѣ должны быть законы, оправдывающiе преступленiе въ подобныхъ случаяхъ, — я не помню статей,—поищите и вы найдете...

— Но я, проговорилъ князь съ нѣкоторымъ смущенiемъ,— не знаю, принимаетъ ли она любовниковъ въ своихъ комнатахъ.

— Гдѣ же она по вашему принимаетъ ихъ?

— Къ тому-же я считаю невозможнымъ поймать ее на мѣстѣ преступленiя.

— Отчего нѣтъ? Такъ и лисицъ ловятъ капканами.

— Нѣтъ... Я не желаю сдѣлать это открыто, съ такимъ рискомъ, если бы я даже рѣшился.

— Скажите лучше, прервалъ его графъ со злобной усмѣшкой,—скажите лучше, что вы сами выдумали любовниковъ шестидесятилѣтней женщины, чтобы скрыть собственную вину; скажите, что вами руководитъ лишь желанiе отнять у вашей матери доходы. Но я не въ этомъ упрекну васъ, а въ томъ, что вы хотѣли пошутить надъ бѣднымъ старикомъ, хотѣли хитрить со мною...

— Синьёръ, клянусь...

— Не клянитесь; я вѣрю или не вѣрю безъ клятвъ: клятвы напоминаютъ мнѣ подпорки, которыя служатъ признакомъ угрожающаго разрушенiя. Впрочемъ, вамъ я и безъ клятвъ не вѣрю, а тѣмъ болѣе съ клятвами.

— Ахъ, не оставляйте меня! воскликнулъ князь съ такимъ малодушiемъ, что Ченчи, чтобы прекратить разговоръ, насмѣшливо проговорилъ:

— Успокойтесь, не унывайте, стыдъ смываетъ вину. Но, признаться, я не могу дать вамъ такого совѣта, на какой вы разсчитываете. Помнится, я какъ-то читалъ, что въ одномъ

подобномъ случаѣ поступили такъ: ночью къ стѣнѣ палаццо приставили лѣстницу, такъ что она пришлась какъ разъ къ окну тѣхъ лицъ, которыхъ хотѣли убить; взяли и потомъ уничтожили кое какія золотыя вещи, чтобы придать дѣлу извѣстную окраску и навести на мысль, будто убійство совершено съ цѣлью грабежа; окно оставили открытымъ, какъ будто черезъ него ушли воры. Такъ отклонили всѣ подозрѣнія отъ тѣхъ, кому было выгодно убійство, а наслѣдникъ устроилъ богатые похороны, заказалъ много мессъ и пріобрѣлъ славу благочестиваго человѣка. Но онъ не ограничился этимъ, а захотѣлъ наказать убійцъ: онъ сталъ осаждать просьбами судъ, гдѣ велось самое тщательное слѣдствіе, безпрестанно жаловаться на медленность суда и, наконецъ, дошелъ до того, что обѣщалъ награду въ 20.000 дукатовъ тому, кто укажетъ виновнаго. Такъ наши добродѣтельные отцы умѣли пользоваться состояніемъ умершихъ.

— А! воскликнулъ Санта Кроче, ударивъ себя рукою по лбу,— какой вы достойный, умный человѣкъ, графъ! Это именно самое подходящее для меня. Но это не все. Вы сдѣлали бы мнѣ большое одолженіе, если бы указали кого нибудь изъ тѣхъ храбрецовъ, которые, взявшись за такое дѣло...

— О какомъ дѣлѣ и о какихъ людяхъ толкуете вы? Это ваша затѣя,—вы сами и осуществляйте ее; смотрите, чтобы не попасть впросакъ. Мы съ вами не видались и не должны больше видѣться. Я, какъ Пилатъ, умываю руки. Прощайте, донъ Паоло. Единственное, что я могу сдѣлать для васъ, такъ это молить Бога, чтобы онъ помогъ вамъ.

Графъ поднялся, простился съ княземъ и, любезно провожая его до дверей, думалъ про себя: „и еще говорятъ, будто я не помогаю другимъ! Больше, чѣмъ я дѣлаю для другихъ, и сдѣлать невозможно. Вотъ и теперь, кто только не получитъ выгоды, благодаря мнѣ: во-первыхъ, гробовщикъ, затѣмъ священники, которыхъ я такъ люблю, поэты за элегіи, проповѣдники за надгробныя рѣчи, потомъ палачъ Алессандро и, наконецъ, діаволъ, если онъ существуетъ“.

Они подошли къ выходу. Графъ открылъ дверь и, вѣжливо простившись съ княземъ, прибавилъ отеческимъ тономъ:

— Прощайте, князь. Да хранитъ васъ Богъ!

Священникъ, услыхавъ эти слова, пробормоталъ:

— Какой достойный человѣкъ; видно, что слова эти исходятъ у него изъ глубины души.

III.

Похищеніе.

Графъ окинулъ взглядомъ пріемную и далъ знакъ другому знатному посѣтителю, проговоривъ:

— Синьёръ герцогъ, пожалуйте...

Молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ вошелъ въ комнату, точно въ забытьи; любезнаго приглашенія сѣсть онъ или неслыхалъ, или не захотѣлъ воспользоваться имъ. Онъ лишь оперся рукою о спинку стула, точно у него закружилась голова, и вздохнулъ.

— Что вы вздыхаете, какое у васъ несчастье? спросилъ графъ вкрадчивымъ голосомъ.—Какъ можно въ ваши годы быть несчастнымъ?

— Я влюбленъ, тихо отвѣтилъ герцогъ.

Графъ, желая ободрить посѣтителя, весело замѣтилъ:

— Таковы ваши годы, дитя мое. Кому же и быть влюбленнымъ, если не вамъ? Вѣдь не мнѣ же? Посмотрите, годы посеребрили мои волосы и охладили мое сердце, вамъ же все говоритъ о любви. Развѣ этого можно стыдиться, молодой человѣкъ?

Герцогъ закрылъ лицо руками и снова вздохнулъ.

— Увы, моя любовь безнадежна...

— Не говорите этого, и на порогѣ ада не слѣдуетъ терять надежды. Можетъ быть, вы влюблены въ чужую жену? Тогда мы встрѣтимъ препятствія и со стороны мужа и со стороны десяти заповѣдей. Но успокойтесь: что запрещено заповѣдями, то дозволяется сердцемъ.

— О графъ, любовь моя вполнѣ дозволительна.

— Такъ женитесь на вашей возлюбленной.

— Увы, это счастье для меня невозможно.

— Въ такомъ случаѣ не женитесь.

— Дѣвушка, любимая мною, болѣе низкаго происхожденія, чѣмъ я могъ бы желать. Но по своей необыкновенной красотѣ, а тѣмъ болѣе по своему душевному благородству она достойна престола... Эта любовь будетъ жить во мнѣ вѣчно.

— Давно ли началась эта вѣчность? У женщинъ вѣчность любви продолжается недѣлю, — лишь въ рѣдкихъ случаяхъ она длится до второго понедѣльника.

Молодой человѣкъ, замѣтивъ насмѣшку, съ которой говорилъ донъ Франческо, покраснѣлъ отъ стыда и досады и отвѣтилъ:

— Графъ, вы оскорбляете меня. Я надѣялся найти у васъ совѣтъ, но ошибся. Простите.

Онъ хотѣлъ было уйти, но графъ удержалъ его, любезно проговоривъ:

— Пожалуйста, останьтесь. Я хотѣлъ лишь испытать васъ и теперь вижу, что вами овладѣло дѣйствительно глубокое, но, къ несчастью, роковое чувство. Разскажите мнѣ все откровенно: я постараюсь помочь вамъ, если это окажется возможнымъ. Свою любовь я давно уже похоронилъ; для меня она прахъ, а для васъ распускающаяся роза. Но я все-таки чувствую въ своемъ сердцѣ слѣды прежняго пламени.

Графъ Ченчи говорилъ съ ироніей, хотя, глядя на него, трудно было догадаться, говоритъ ли онъ серьезно или шутитъ.

— Дѣвушка, которую я люблю, началъ князь,—живетъ въ домѣ Фальконьери. Я не знаю, какого она происхожденія, но хотя ее держатъ въ качествѣ любимой родственницы, все же она находится въ зависимомъ положеніи... Съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ увидалъ ее во время причастія, я не могу уснуть. Всякая иная женщина кажется мнѣ противной.

— Ахъ, говорите тише, герцогъ: горе вамъ, если васъ услышатъ римскія дамы.

— Я не пренебрегъ, возбужденно продолжалъ молодой человѣкъ,—ни однимъ изъ тѣхъ средствъ, какія обыкновено употребляются въ подобныхъ случаяхъ для достиженія цѣли. Но увы! мое поведеніе, вѣроятно, лишь оттолкнуло ее отъ меня. Кто знаетъ, можетъ быть, она даже возненавидѣла меня... Онъ остановился, чтобы не расплакаться, и затѣмъ тихимъ голосомъ продолжалъ:—Какъ должны были звучать мои предложенія въ ушахъ этой невинной дѣвушки!

Графъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на него и думалъ: „большаго чудака я еще никогда не видалъ".

— Фальконьери, продолжалъ герцогъ, — предупредили меня, чтобы я оставилъ свою привычку прогуливаться у ихъ палаццо,— это, дескать, не такая дѣвушка, чтобы я могъ жениться на ней, но и не такая, чтобы она могла стать моей любовницей.

— Что же вы?

— Я рѣшилъ просить ея руки...

— Иного исхода нѣтъ: я сдѣлалъ бы то же самое.

— Но мои родные, лишь только узнали о моемъ намѣреніи, пришли въ ярость, точно я собрался совершить преступленіе...

— Да, это серьезное дѣло: я поступилъ бы совершенно такъ же.

— Но—„когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла, гдѣ были тогда дворяне"?

— Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ они были? Я не знаю. Выслушайте меня. Вы правы... Но и ваши родные не виноваты. Вы правы, потому что знатность рода не стоитъ трубки табаку. Родные же ваши не виноваты, потому что они видятъ здѣсь, какъ и я, лишь хитрыя козни женщины. Не сердитесь, герцогъ. Вы спрашиваете оракула, такъ должны и выслушать его. То, что вы считаете искреннимъ нерасположеніемъ, представляется мнѣ лишь хорошо разсчитаннымъ пріемомъ: запрещенный плодъ сладокъ. Женщина эта разсчитываетъ на ваше увлеченіе и надѣется достигнуть своихъ цѣлей. Словомъ, это хитро раскинутая сѣть... Когда я былъ молодъ, подобныя дѣла обдѣлывались иначе. Дворянинъ, какъ вы, если у него являлось влеченіе къ плебейской красотѣ, покупалъ ее за деньги. Если же она упорствовала, — а это, я долженъ вамъ замѣтить, случалось рѣдко,—онъ похищалъ ее. Если родня поднимала крикъ, ей затыкали глотку горстью денегъ: чернь, какъ Церберъ, кричитъ лишь затѣмъ, чтобы получить подачку. Когда женщина надоѣдала, а это бывало часто, ей назначали приданое и выдавали замужъ.

На лицѣ герцога выразилось отвращеніе. Но графъ спокойно продолжалъ:

— Нѣтъ, дитя мое, не пренебрегайте совѣтомъ стариковъ: я видѣлъ больше вашего и знаю, чѣмъ кончаются подобныя дѣла. Я даю вамъ золотой совѣтъ. Дѣйствуйте рѣшительно: во-первыхъ, вы завладѣете дѣвушкою, а въ этомъ, согласитесь, вся суть; во-вторыхъ, если найдете нужнымъ, женитесь на ней, если же нѣтъ...

— Нѣтъ, графъ, я скорѣе готовъ вонзить себѣ ножъ въ сердце...

— Будьте осторожны,—покончить съ собой мы всегда успѣемъ. Но раньше, чѣмъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, нужно тщательно взвѣсить свое положеніе. Я предлагаю вамъ два выхода, а вы ужъ потомъ увидите, какой изъ нихъ удобнѣе для васъ.

— Но если эта дѣвушка возненавидитъ меня...

— Вспомните о копьѣ Ахиллеса: оно излѣчивало раны, имъ же наносимыя. Такъ и раны любви излѣчиваются любовью. А красота охотно прощаетъ грѣхи, которые дѣлаются ради нея. Намъ ли, римлянамъ, останавливаться передъ похищеніемъ, когда мы сами происходимъ отъ похищенныхъ сабинянокъ?

Смущенный юноша чувствовалъ, что онъ вступаетъ на скользкій путь, но увлеченный страстью, онъ, не задумываясь, отвѣтилъ:

— Какъ же это сдѣлать? Я не гожусь для этого. Съ чего начать, гдѣ найти людей, которые согласились бы подвергнуться опасности ради меня?

Графъ видѣлъ, что добродушный юноша безъ постороннихъ указаній остановился бы на половинѣ пути. Ему пришла въ голову мысль, о которой онъ раньше не думалъ.

— А зачѣмъ же существуютъ на свѣтѣ друзья! воскликнулъ онъ.—Можетъ быть, я сумѣлъ бы помочь вамъ.

Съ этими словами онъ подошелъ къ двери, открылъ ее и крикнулъ:—Олимпіо!

Поселянинъ поднялся, какъ охотничья собака поднимается на зовъ хозяина, и съ неприличной фамильярностью проговорилъ:

— Наконецъ-то, эччелленца, вы вспомнили, что я существую на свѣтѣ!—Затѣмъ, онъ тихо пробормоталъ:—видно, снова хочетъ отправить кого-нибудь въ лучшій міръ.

Войдя въ комнату графа, онъ въ силу того чувства, которое испытываетъ самый наглый плебей при видѣ господской обстановки, снялъ шляпу. Волны густыхъ черныхъ волосъ упали ему на плечи, смѣшавшись съ волосами бороды. Суровое лицо его было точно высѣчено изъ камня; налившіеся кровью глаза его выглядывали изъ-за щетинистыхъ бровей, какъ волки изъ тростника; голосъ у него былъ глухой и хриплый.

— Мы все еще живы, а? спросилъ съ улыбкою графъ.

— Со времени послѣдняго убійства, которое я совершилъ для вашего сіятельства...

— Ты бредишь, Олимпіо! Что за убійства снятся тебѣ?

— Вы удивлены? О, ради Христа! За вашъ счетъ, по вашему приказанію и распоряженію... И ударивъ рукою по столу, онъ прибавилъ:—Здѣсь вы отсчитали мнѣ триста дукатовъ и это было не слишкомъ много; я согласился и нечего толковать объ этомъ; если я взялъ мало, то я же въ убыткѣ. Вотъ здѣсь...

Графъ руками и глазами дѣлалъ ему знаки не распространяться объ этомъ непріятномъ обстоятельствѣ. Замѣтивъ это, Олимпіо продолжалъ безъ всякаго смущенія:

— О, тутъ есть лишній,—въ такомъ случаѣ вы могли во-время предупредить меня. Я думалъ, донъ Франческо, что мы въ своемъ кругу; простите, сказанное пусть въ счетъ не идетъ... Теперь я явился потому, что бездѣлье есть мать всѣхъ пороковъ, и я, не имѣя дѣла, дошелъ до того, что сталъ работать...

— Ты явился какъ разъ кстати; тебѣ предстоитъ совершенно пустое дѣло, простая игрушка для твоего искусства.

— Послушаемъ. Продолжайте.

И бандитъ сѣлъ съ фамильярностью, какую преступленіе устанавливаетъ между соучастниками. Заложивъ ногу на ногу, онъ оперся локтемъ о колѣно, опустилъ голову на ладонь, закрылъ глаза и, казалось, погрузился въ глубокія размышленія.

— Этотъ молодой господинъ—свѣтлѣйшій герцогъ д'Альтемпсъ, началъ донъ Франческо.

— Ба!—И бандитъ, не открывая глазъ, сдѣлалъ едва замѣтное движеніе головой.

— Влюбился въ одну дѣвушку, продолжалъ графъ.—Но оказалось, что ей покровительствуютъ Фальконьери, люди богатые и знатные. Она живетъ въ ихъ домѣ. Какъ бы тамъ ни было, синьёръ герцогъ...

— Кто меня зоветъ? спросилъ герцогъ, точно пробудившись отъ сна.

— Бѣдный молодой человѣкъ; вотъ, что сдѣлала съ нимъ страсть! Странно, что вы ничего не слыхали изъ того, о чемъ мы говорили здѣсь съ Олимпіо.

Герцогъ опустилъ голову и покраснѣлъ.

— Словомъ, Олимпіо, продолжалъ графъ,—ты долженъ похитить ее и доставить, куда тебѣ укажутъ.

— Хорошо, мнѣ нужны четыре товарища, пистолеты, лошади... Сколько вы рѣшили затратить на это предпріятіе?

— Недостаточно ли съ тебя пятисотъ дукатовъ?

— Нѣтъ, синьёръ, недостаточно. Часть надо отдать товарищамъ; отсчитайте затѣмъ расходы на лошадей и оружіе, и увидите, что мнѣ останутся пустяки.

— Ну не будемъ спорить; достаточно восьмисотъ дукатовъ.

— Куда же доставить дѣвушку?

— Въ палаццо герцога или въ одинъ изъ его виноградниковъ, который онъ укажетъ...

— Вотъ и ошибка! Если дворъ узнаетъ объ этомъ, онъ прежде всего произведетъ обыскъ у герцога. Наймите какой-нибудь отдаленный виноградникъ и поручите это постороннему человѣку.

Графъ посмотрѣлъ въ лицо Олимпіо и какъ-то странно улыбнулся, точно смѣясь, что тотъ не понялъ его, затѣмъ сѣлъ къ столу и принялся писать. Бандитъ обратился съ нѣсколькими вопросами къ молодому герцогу, но тотъ отвѣчалъ наобумъ, какъ во снѣ. Графъ, продолжая писать, спросилъ Олимпіо:

— Когда это будетъ сдѣлано?

— Не раньше завтрашней ночи, отвѣтилъ Олимпіо.

Черезъ минуту графъ обратился къ герцогу и спросилъ:

— Не скажете ли вы, какъ называется ваша возлюбленная?

— Лукреція... отвѣтилъ герцогъ.

— О, Лукреція! воскликнулъ графъ,—эти Лукреціи постоянно кружатъ головы намъ римлянамъ!

Окончивъ письмо, графъ всталъ и сказалъ:

— Ну, Олимпіо, воображаю, сколько молитвъ тебѣ еще надо

прочесть! Въ виду этого тебѣ лучше теперь уйти. Смотри только, чтобы никто не видалъ, какъ ты выйдешь изъ моего дома. Марціо!

Вошелъ Марціо.

— Марціо, проводи этого человѣка чернымъ ходомъ къ калиткѣ, что выходитъ въ глухой переулокъ. Съ Богомъ, Олимпіо; я надѣюсь на твои святыя молитвы.

Когда они ушли, герцогъ всталъ.

— Графъ, сказалъ онъ,—я боюсь оказаться неблагодарнымъ, но я чувствую, что не могу поблагодарить васъ. Богъ... Но не надо употреблять Его святого имени при этомъ скверномъ дѣлѣ... Да поможетъ судьба, чтобы оно не окончилось слезами.

— Судьба за васъ, герцогъ: она, какъ женщина, любитъ молодыхъ и смѣлыхъ. Если бы Цезарь не перешелъ Рубикона, развѣ онъ сталъ бы диктаторомъ Рима?

— Да,—но и мартовскія иды не видѣли бы его убитымъ у статуи Помпея.

— У каждаго человѣка своя судьба. Не унывайте. И отчего же вамъ не положиться на судьбу: вѣдь она правитъ міромъ.

Такъ утѣшая молодого человѣка, графъ простился съ нимъ. Герцогъ вышелъ взволнованный и разстроенный. Когда онъ ушелъ, графъ взялъ написанную имъ бумагу и, громко смѣясь, сталъ читать: „Ваше преосвященство! Готовится одно изъ величайшихъ преступленій, которыя когда-либо оскверняли этотъ священный городъ. Герцогъ Серафино д'Альтемпсъ, желая насытить свою необузданную страсть, задумалъ завтра ночью съ оружіемъ въ рукахъ похитить изъ палаццо Фальконьери невинную дѣвушку Лукрецію, камеристку этихъ знатныхъ господъ. Герцога сопровождаютъ три или четыре отъявленныхъ бандита подъ предводительствомъ извѣстнаго Олимпіо, котораго дворъ уже болѣе двухъ лѣтъ разыскиваетъ за грабежи и убійства и за голову котораго назначена премія въ триста дукатовъ. Имѣйте въ виду, что эти люди привыкли ко всякимъ опасностямъ, которыя лишь увеличиваютъ ихъ звѣрство. Объ этомъ извѣщаетъ васъ человѣкъ, заботящійся о порядкѣ. Римъ. 6 августа 1598 г.“.

— Прекрасно. Почерка моего нельзя узнать. Черезъ часъ эта бумага будетъ въ рукахъ монсиньора Таверны. Онъ сложилъ бумагу, запечаталъ пакетъ и написалъ адресъ: Его преосвященству, Фердинандо Тавернѣ, губернатору Рима.

IV.

Искушеніе.

Вошли молодые супруги. Мужчина съ чувствомъ поцѣловалъ руку графа; женщина хотѣла сдѣлать то же самое, но ребенокъ, бывшій у нея на рукахъ, закричалъ и помѣшалъ ей. Былъ ли это простой случай, или предчувствіе? Графъ пристально посмотрѣлъ на молодую женщину и, замѣтивъ, какъ она хороша, сверкнулъ глазами.

— Кто вы, добрые люди, и чѣмъ я могу быть полезенъ вамъ?

— Эччеленца, отвѣтилъ молодой человѣкъ,—вы не узнали

меня? Я сынъ того бѣднаго столяра... помните, эччелленца... который года три тому назадъ раззорился и готовъ былъ броситься въ воду, если бы вы не сжалились и не помогли ему.

— А!—теперь я вспоминаю. Вы очень возмужали, молодой человѣкъ. Что же старикъ, вашъ отецъ?

— Богъ призвалъ его къ себѣ. Умирая, онъ не переставалъ благословлять васъ и молиться о васъ.

— Миръ праху его! А это ваша жена и вашъ ребенокъ?

— Да, эччелленца. Лишь только жена моя приняла очистительную молитву, я счелъ своей обязанностью привести ее къ вамъ и поблагодарить васъ, такъ какъ послѣ Бога мы вамъ обязаны нашимъ счастьемъ.

— Такъ вы счастливы?

— Очень счастливы, эччеленца. Лишь по временамъ воспоминаніе о покойномъ отцѣ вызываетъ грусть; но онъ былъ старъ и умеръ спокойно... Совѣсть его была чиста.

Молодой человѣкъ вытеръ слезы, появившіяся на его глазахъ.

— Вы тоже чувствуете себя счастливой? обратился графъ къ молодой женщинѣ.

— О, да, благодареніе Пресвятой Дѣвѣ! Мы съ мужемъ любимъ другъ друга, любимъ нашего ребенка; мужъ зарабатываетъ достаточно; — быть мнѣ еще недовольной, значило бы роптать на Провидѣніе.

— А, такъ вы счастливы? спросилъ графъ въ третій разъ.

— Благодаря вамъ, эччеленца. Вступивъ въ домъ мужа, я научилась съ уваженіемъ произносить ваше имя. Первыя слова, которымъ я научу моего ребенка, будутъ слова благодарности благородному графу Ченчи.

— Вы радуете меня, сказалъ графъ, подавляя душившую его злобу.—Добрые, прекрасные люди! Однако, та ничтожная услуга, которую я оказалъ вамъ, не заслуживаетъ такой благодарности. Мы, богатые, обязаны помогать нуждающимся. Зачѣмъ же и деньги, если не для того, чтобы устранять несчастья? Наконецъ, это возвратится сторицею на томъ свѣтѣ. Не вы меня, а я васъ долженъ благодарить за то, что вы дали мнѣ случай сдѣлать доброе дѣло.

Съ этими словами онъ открылъ ящикъ, взялъ горсть золота и далъ молодой женщинѣ, которая раскраснѣлась и стала было отказываться.

— Возьмите, дочь моя, возьмите, говорилъ графъ.—Вы не хорошо поступили, что не извѣстили меня о рожденіи этого прелестнаго мальчика,—мнѣ слѣдовало быть его крестнымъ отцомъ. Купите же себѣ ожерелье и носите его въ наказаніе за вашъ проступокъ.

Молодая мать была побѣждена его словами и со слезами приняла подарокъ.

— Продолжайте же любить другъ друга, прибавилъ графъ.— Да не омрачитъ ревность вашего счастья. Поминайте въ вашихъ молитвахъ и меня, бѣднаго старика... А если случится несчастье, разсчитывайте на мою отеческую помощь.

Молодые супруги нагнулись, чтобы поцѣловать его колѣни, но онъ не допустилъ ихъ до этого и любезно простился съ ними.

Проходя по залѣ, они все повторяли:

— Какой добрый, сострадательный господинъ!

Слуги переглядывались и пожимали плечами.

— Счастливы! Они счастливы! ворчалъ графъ, оставшись наединѣ и давъ волю своему долго сдерживаемому гнѣву.—И еще говорятъ мнѣ это прямо въ лицо! Это они нарочно хотѣли разсердить меня своимъ довольнымъ видомъ.—Марціо! Догони скорѣе Олимпіо и приведи его сюда; если моментально вернешься съ нимъ, получишь десять дукатовъ.—Я вамъ покажу, что значитъ придти къ Франческо Ченчи и заявить ему прямо въ лицо о своемъ счастьи!

Въ эту минуту вошелъ священникъ, растерянно поддерживая руками изорванныя фалды своей сутаны. Неронъ зарычалъ и священникъ остановился, подобно женѣ Лота, превращенной нѣкогда въ соляной столбъ.

— Тише, Неронъ! Не бойтесь, достопочтенный отецъ, подойдите ближе.

Священникъ, собравшись съ духомъ, сдѣлалъ бокомъ нѣсколько шаговъ и, получивъ приглашеніе сѣсть, помѣстился на кончикѣ стула, какъ сычъ на крышѣ.

— Что вамъ угодно, достопочтенный отецъ? Я готовъ къ вашимъ услугамъ.

— Слава .. началъ было священникъ, но Неронъ, услыхавъ его голосъ, снова заворчалъ.

Священникъ боязливо всталъ и лишь послѣ того, какъ собаку усмирили, онъ, робко посматривая на нее, продолжалъ:

— Слава вашихъ добрыхъ дѣлъ разносится по всему свѣту...

— И Риму.

— Конечно, ваша милость, потому что Римъ составляетъ лишь небольшую часть свѣта...

— Ну, да! Поэтому именно я и прибавилъ...

— ... и ставитъ васъ наравнѣ съ Цезаремъ...

— Съ которымъ же, ваше преподобіе: съ Юліемъ Цезаремъ, или съ цезаремъ Октавіаномъ?

— Конечно, съ тѣмъ, который при жизни и послѣ смерти такъ щедро одарялъ римскій народъ...

— А знаете ли, ваше преподобіе, почему онъ могъ такъ щедро одарять?

— Я полагаю, потому, что много имѣлъ...

— Именно такъ. А много имѣлъ онъ потому, что грабилъ у всѣхъ: этотъ долгъ перешелъ на насъ, его потомковъ, и намъ приходится выплачивать его съ процентами.

— А, такъ вамъ приходится платить долги Юлія Цезаря?

— И вы пришли сюда затѣмъ, чтобы прямо въ глаза сравнивать меня съ этимъ грабителемъ провинцій и царствъ?!

Несчастный священникъ проклиналъ тотъ моментъ, когда ему пришло въ голову начать свою широковѣщательную рѣчь. „Эхъ, думалъ онъ, если-бы все можно было дѣлать дважды!“ Затѣмъ онъ смиренно проговорилъ:

— Простите, ради Бога... Я не думалъ... Я хотѣлъ подражать рѣчи, съ которой монсиньоръ Джовани делля Каза обратился къ Карлу V...

— Послушайте меня, прервалъ его Ченчи, оставивъ прежній шуточный тонъ и принявъ строгій видъ.—Я старъ, а вы еще старше меня; времени осталось немного и у меня, и у васъ; говорите просто и кратко: все длинное мнѣ надоѣло,—даже вѣчность.

Смѣшавшійся священникъ не зналъ, съ чего начать; быстрый переходъ отъ шутливаго тона къ суровому сбилъ его съ толку, и онъ прерывающимся голосомъ заговорилъ:

— Эччелленца... Я бѣдный сельскій священникъ... Въ моей церкви крыша, какъ рѣшето... Дождевая вода течетъ сквозь крышу и смѣшивается съ виномъ въ чашѣ... Обожженное дерево показалось бы зеленой вѣткой въ сравненіи съ моимъ разрушающимся жилищемъ... Во время дождя я вынужденъ лежать въ постели съ открытымъ зонтикомъ. Мало того, знаете ли вы, чѣмъ мнѣ приходится вытираться?

— Конечно, нѣтъ.

— Родомонтомъ.

— Что это такое?

— Это котъ при священнической квартирѣ... У меня всего одна сутана... впрочемъ, я самъ не знаю, есть ли она у меня, или ея вовсе нѣтъ; дѣйствительно, она такъ потерта, что блеститъ, какъ зеркало, но все же я могъ бы починить ее и проносить до декабря .. А теперь, посмотрите, какъ ваша собака изорвала ее!.. воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Развѣ вы не дали обѣта бѣдности? спросилъ графъ.— Какъ же вамъ не стыдно такъ заботиться о мірскихъ дѣлахъ? Пока церковь употребляла лишь деревянные сосуды, священники у нея были золотые, это говоритъ Климентъ Александрійскій. Теперь же, когда сосуды у нея золотые, священники ея стали деревянными — и знаете, ваше преподобіе, изъ какого дерева? Изъ того, которое, по словамъ св. Писанія, рубятъ, какъ безплодное, и бросаютъ въ огонь.

Бѣдный священникъ мужественно выдержалъ этотъ потокъ злобныхъ словъ и сказалъ со вздохомъ.

— Ахъ, Климентъ Александрійскій былъ, конечно, ученый святой, но я не думаю, чтобы ему приходилось въ дождь лежать въ постели подъ открытымъ зонтикомъ...

— Пусть такъ: вы нуждаетесь въ самомъ необходимомъ? Такъ обратитесь къ могущественнымъ прелатамъ. Развѣ у нихъ нѣтъ излишковъ? Чего же вы требуете отъ насъ,—неужели послѣдней капли крови? Постучитесь въ дворцы епископовъ, аббатовъ: толцыте и отверзется вамъ, сказалъ Тотъ, Кто не могъ ошибаться.

— Эти сановники, вѣроятно, не часто бываютъ дома: я уже пробовалъ стучаться къ нимъ и увидѣлъ, что я скорѣе обломаю себѣ руки, чѣмъ мнѣ отворятъ.

— Вы, низшее духовенство,—настоящее стадо: откормленные

прелаты такъ васъ и называютъ. И въ самомъ дѣлѣ, чего только не дѣлаютъ съ вами, на что только васъ не употребляютъ? Такъ возстаньте же, разъясните міру, какъ постыдно скопляются въ однѣхъ рукахъ бенефиціи и богатства, что порождаетъ съ одной стороны праздное, высокомѣрное и порочное духовенство, а съ другой,—нищее, трусливое и презрѣнное, выясните, что всѣ реформы соборовъ не привели ни къ чему... Заставьте ихъ уступить вамъ мѣсто за столомъ, который издавна накрывался и еще долго будетъ накрываться невѣжествомъ и глупостью людей.

Священникъ, испугавшись этой ереси, оглянулся и въ полголоса замѣтилъ:

— Ради Бога, эччелленца, вспомните, что въ Римѣ есть Санто-Уффицціо [1]) и замокъ Ангела.

— А, такъ вы боитесь! Прекрасно,—но если вы умѣете лишь дрожать, то умѣйте и терпѣть... Отъ меня вы ничего не получите, у меня нѣтъ денегъ на ваши прихоти и вашу порочную жизнь.

Священникъ, точно ужаленный послѣдними словами графа, воскликнулъ:

— Что касается Вердіаны, которая живетъ у меня, то она, клянусь Богомъ, такъ стара, что могла бы работать еще при постройкѣ Колизея! Неужели вы думаете, что человѣкъ моихъ лѣтъ можетъ вести непристойную жизнь? Тьфу!

— Отчего же нѣтъ! Старыя кости, какъ старое дерево, скорѣе воспламеняются.

Священникъ сложилъ руки, какъ на молитву, поднялъ вверхъ глаза и взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ:

— О, Господи Іисусе! Что мнѣ приходится слышать!

Графъ Ченчи, перемѣнивъ тонъ, мягко проговорилъ:

— Я вовсе не имѣлъ въ виду оскорбить васъ, бѣдный служитель Господа; вы и такъ достаточно измучены. Если бы мнѣ пришла охота исповѣдаться въ своихъ грѣхахъ, я не хотѣлъ бы имѣть духовникомъ никого, кромѣ васъ. Но довольно словъ, мой милый. Сколько вамъ нужно денегъ на то, чтобы ремонтировать церковь, вашу квартиру, купить новую сутану и полдюжины полотенецъ?

— Мы съ Вердіаной тысячу разъ высчитывали и наши счеты все не сходятся. Думаю, что можно обойтись двумя стами дукатовъ.

— Двѣсти дукатовъ! Боже мой! Не думаете ли вы, что это грузди?..

— На меньшую сумму ничего нельзя сдѣлать. Имѣйте въ виду, что я прибавлю еще около сорока дукатовъ, которые хранятся у меня въ шкафу около постели.

— Послушайте, ваше преподобіе, я не такъ богатъ, чтобы взять на себя ремонтъ дома Божія. Богъ посылаетъ дождь и, если онъ допускаетъ, чтобы вода протекала въ храмъ Его, значитъ Ему такъ угодно. Я дамъ вамъ сто дукатовъ, но лишь съ

---

[1]) Судъ инквизиціи.

тѣмъ условіемъ, чтобы вы ихъ, вмѣстѣ съ вашими сорока дукатами, употребили исключительно на ремонтъ вашей квартиры, покупку домашней утвари, сутаны и новаго платья для Executive Вердіаны.

— Никогда, эччелленца, никогда не соглашусь я на это. Нужды дома Господня важнѣе личныхъ удобствъ.

— Зачѣмъ вы богохульствуете? Домъ Божій—вселенная; Ему надо поклоняться среди великолѣпія природы въ чистотѣ и непорочности сердца.

— Графъ, спокойно отвѣтилъ священникъ,—я человѣкъ небольшого ума; я вѣрю въ то, во что вѣрили мои предки и не ищу ничего другого. Я знаю, что умъ человѣческій часто дерзаетъ доходить до тѣхъ предѣловъ, которые выше его пониманія. Но между мучительнымъ сомнѣніемъ и утѣшительной вѣрой я нахожу болѣе благоразумнымъ держаться вѣры.

— Вы софистически уклоняетесь отъ вопроса, отвѣтилъ графъ, уязвленный словами священника.—Я оспариваю не вѣру, а лишь способъ вѣрить... Вотъ вамъ сто дукатовъ, но съ условіемъ, что вы ихъ потратите исключительно на себя и Вердіану. Богъ достаточно богатъ, чтобы самому покрывать свои нужды.

Онъ стоялъ передъ священникомъ, какъ демонъ-искуситель. Священникъ жадно смотрѣлъ на деньги; въ душѣ его происходила борьба. Графъ, видя, что онъ колеблется, сказалъ:

— Можетъ быть, на васъ подѣйствуетъ послѣдній доводъ: если вы не согласитесь на мое условіе, я положу деньги обратно въ ящикъ.

— Эччелленца!

— Ну, оставимъ тѣ соображенія, которыя я высказывалъ вамъ. Положимъ, что церковь священна, но не станете же вы отрицать, что и о священническомъ домѣ вы должны позаботиться. Не упорствуйте.

— Дѣйствительно... эччелленца... мнѣ кажется, что въ самомъ дѣлѣ... но съ другой стороны...

— Значитъ, вы согласны?

— Ахъ, графъ, искушеніе велико, но я боюсь согрѣшить.

— Такъ согласны вы или нѣтъ?

— Дайте мнѣ подумать. Для священника это вовсе не пустой вопросъ: согрѣшитъ ли онъ, или нѣтъ.

— Ну, я принимаю этотъ грѣхъ на себя. У меня и безъ того длинные счеты съ загробной жизнью.

— Хорошо, я согласенъ.

— Такъ вотъ вамъ деньги. Вы, значитъ, обѣщаете?

— Обѣщаю.

— Смотрите же: я пошлю кого-нибудь или самъ приду посмотрѣть, выполнили ли вы условіе. Горе вамъ, если вы меня обманете: я называюсь Франческо Ченчи,—этого достаточно.

Священникъ взялъ деньги и, разсыпаясь въ благодарностяхъ, вышелъ.

Марціо вернулся въ сопровожденіи Олимпіо, получилъ обѣщанную награду и удалился.

— Что новаго, эччелленца? спросилъ Олимпіо.

— Есть еще сто сорокъ дукатовъ, которые ты можешь припрятать.

— Гдѣ же они?

— Тебѣ нужно пойти и взять ихъ. Ты видѣлъ этого священника? Это настоятель небольшой церкви въ Санта-Сабинѣ, которая находится вдали отъ всякаго жилья. Я далъ ему деньги, имѣя въ виду тебя. У него въ домѣ лишь старуха и котъ. Дѣло это легкое: деньги ты найдешь въ шкафу у постели священника.

— Не прикажете ли еще чего-нибудь, донъ Франческо?

— Ахъ да,—знаешь ты столяра, что живетъ близъ Рипетты? Онъ недавно ремонтировалъ свой домъ на мой счетъ.

— Это тотъ молодой человѣкъ, что ожидалъ въ пріемной? Конечно, знаю; когда вы отстроили ему домъ, я еще ходилъ смотрѣть, надѣясь отгадать причину вашего благодѣянія.

— Развѣ я мало дѣлаю добра? Развѣ я не благодѣтельствую тебѣ? Не грѣши напрасно. Такъ завтра ночью...

— Завтра ночью я не могу служить вамъ, потому что буду занятъ у герцога... не помните?

— Ну, я устрою такъ, что герцогъ дастъ тебѣ отсрочку.

— Въ такомъ случаѣ, хорошо.

— Такъ завтра ночью ты проберешься къ дому столяра и подожжешь его, заперевъ предварительно двери. За это доброе дѣло ты получишь сто дукатовъ. А теперь уйди черезъ садъ и постарайся, чтобы тебя не замѣтили.

Олимпіо вышелъ.

Франческо Ченчи, оставшись наединѣ, говорилъ про себя, потирая руки отъ удовольствія.

— Сегодня у меня настоящій праздникъ! Вотъ, это называется жить! Задуманы: убійство, похищеніе, кража и поджогъ; затѣмъ негодяи преданы и, сверхъ того, я довелъ до паденія праведника. Пока я живъ, дьяволъ можетъ отдыхать. Какъ Титъ скорбѣлъ, когда у него проходилъ день безъ добраго дѣла, такъ я тоскую, если не сдѣлаю двадцати злыхъ дѣлъ. О, Титъ, лжецъ и обманщикъ, іезуитъ языческаго міра! Іудея, залитая кровью, сожженный Іерусалимъ, множество распятыхъ тобою на крестахъ, 11.000 плѣнныхъ, умерщвленныхъ голодомъ, — и тысячи людей, брошенныхъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ за то, что они защищали отечество, — вотъ свидѣтельства твоей гуманности! Жалкая, мелочная натура, не умѣвшая ни любить, ни ненавидѣть! Я преклоняюсь передъ братомъ твоимъ, Домиціаномъ, человѣкомъ съ желѣзнымъ сердцемъ: вотъ идеалъ императора! Я обожаю только силу,—все ложь, кромѣ силы.

V.

Неронъ.

Она была очаровательна... Самъ Амуръ своими розовыми перстами провелъ тонкія линіи ея нѣжнаго лица и, прикоснувшись къ подбородку, чтобы поднять его и полюбоваться своимъ созданіемъ, оставилъ на немъ ямочку. Ротъ ея былъ похожъ на цвѣтокъ, только что сорванный въ раю. Глаза ея часто обращались къ небу и надолго останавливались на немъ: они имѣли какое то сродство съ темной лазурью неба и свидѣтельствовали о славѣ Создателя. Когда же она опускала свои взоры на землю и смотрѣла на людей, глаза ея блестѣли такимъ свѣтомъ, что каждый, на кого она смотрѣла, если совѣсть у него была не чиста, безпокоился, удастся ли ему скрыть свою тайну. Вездѣ, куда она ни являлась, становилось веселѣе и свѣтлѣе. Когда она уходила, общее веселье исчезало. Въ тѣ дни, когда она сама была весела, —какъ мало было этихъ дней въ ея короткой жизни!—она распускала свои русые волосы; лучи солнца играли на нихъ, точно окружая ее ореоломъ; люди съ почтеніемъ разступались передъ нею, взирая на нее, какъ на святую...

Беатриче сидѣла на верандѣ палаццо Ченчи, выходившей въ садъ, рядомъ съ нею сидѣлъ мальчикъ, въ которомъ сразу можно было узнать ея брата. Время отъ времени она гладила его по головѣ и цѣловала въ лобъ. Мальчикъ положилъ голову на ея грудь и пристально смотрѣлъ на нее тѣмъ задумчивымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ, которому уже чуждъ этотъ міръ. Болѣзнь подломила этотъ только что распустившійся цвѣтокъ; кожа его была нѣжна, блѣдна и такъ тонка, что лучи солнца просвѣчивали сквозь его уши и пальцы. Беатриче была глубоко печальна и, взглянувъ на мальчика, тихо спросила:

— О чемъ ты думаешь, милый Вирджиліо?

— Я думаю о томъ, какъ хорошо было бы, если бы мы вовсе не родились на свѣтъ.

— Ахъ, Вирджиліо...

— Но, такъ какъ этого уже не измѣнить, то самое лучшее было бы оставить этотъ свѣтъ.

— Оставить? Почему же оставить?

— А зачѣмъ же оставаться здѣсь? Мое сердце уже умерло, а когда сердце мертво, то жизнь такъ невыносимо тяжела!

— Ты едва лишь началъ жить, милый Вирджиліо, и говоришь съ такимъ отчаяніемъ! Не унывай,—еще неизвѣстно, не готовитъ ли тебѣ судьба счастья.

— Счастье! Нѣтъ, счастье оставило меня въ тотъ день, какъ мы потеряли мать...

— Но все-же мы не можемъ считать себя сиротами: развѣ Лукреція не относится къ намъ, какъ мать?

— Да, но она не мать намъ.

— А затѣмъ, развѣ я тебя мало люблю? Развѣ нѣтъ у тебя братьевъ, отца?

— Отца...

Беатриче смутилась, что такъ неосторожно заговорила объ этомъ съ мальчикомъ. Послѣ продолжительнаго молчанія она съ нѣкоторымъ колебаніемъ продолжала:

— Развѣ Франческо Ченчи не отецъ намъ?

Мальчикъ опустилъ голову, закрылъ глаза и тихо отвѣтилъ:

— Посмотри на мой лобъ, здѣсь у самыхъ волосъ: видишь этотъ шрамъ? И знаешь, кто ударилъ меня? Я еще никогда не говорилъ тебѣ объ этомъ, но теперь, когда я чувствую, что скоро умру, я разскажу. Размышляя о томъ, отчего отецъ такъ ненавидитъ меня, я подумалъ, что я заслужилъ такое отношеніе, и однажды собрался съ духомъ, упалъ къ его ногамъ и хотѣлъ поцѣловать его руку. Онъ крикнулъ: прочь! — и ударилъ меня кулакомъ въ грудь такъ сильно, что я упалъ головою на уголъ шкафа, который стоитъ въ его кабинетѣ. Онъ не могъ не видѣть, что я лежу безъ чувствъ, въ крови, и не поднялъ меня. Вотъ, откуда у меня этотъ шрамъ и моя слабость.

Беатриче не могла произнести ни слова. Мальчикъ обнажилъ свою худую руку, протянулъ ее къ сестрѣ и продолжалъ:

— Посмотри, — здѣсь у меня знакъ отъ укушенія: это Неронъ укусилъ меня. Я какъ-то поймалъ въ пруду рыбу и хотѣлъ показать ее отцу, думая, что это доставитъ ему удовольствіе. Иду въ его кабинетъ, открываю дверь,—онъ читаетъ. Я тихонько подхожу, чтобы не помѣшать ему, — въ эту минуту сзади бросился на меня Неронъ и укусилъ меня въ руку. Я дрожалъ отъ боли... отецъ смѣялся. И если бы не подбѣжалъ Марціо, отецъ далъ бы собакѣ растерзать меня... Видишь эту плѣшь,—продолжалъ мальчикъ, показывая обнаженное мѣсто на головѣ, — это отецъ вырвалъ у меня клокъ волосъ. Вскорѣ послѣ того, какъ я расшибся о шкафъ, я подошелъ къ отцу и спросилъ: „Чѣмъ я оскорбилъ васъ? За что вы меня ненавидите?“ Онъ схватилъ меня за волосы и дергалъ до тѣхъ поръ, пока клокъ волосъ не остался въ его рукѣ. При этомъ онъ кричалъ: „я проклинаю тебя и дѣтей твоихъ, если они будутъ у тебя! Пусть всѣ они живутъ среди несчастій и преступленій и погибнутъ на висѣлицѣ!“ — Скажи, какъ же я могу еще жить? Матери у меня нѣтъ, отецъ проклинаетъ меня: не лучше ли мнѣ умереть?

Для такого горя нѣтъ утѣшенія. Беатриче чувствовала это и молчала. Спустя нѣкоторое время, она, подавивъ свое волненіе, сказала:

— Успокойся, Вирджиліо, ты, вѣроятно, выбралъ неподходящее время...

— Нѣтъ, отецъ былъ совершенно спокоенъ.

— Можетъ быть, какое нибудь горе, о которомъ мы не знаемъ...

— Нѣтъ онъ былъ тогда веселъ. Послѣ того, какъ собака укусила меня, онъ сталъ играть съ нею... съ собакою, которая только что едва не растерзала его сына! Нѣтъ, теперь я уже не люблю его. Когда я вижу его, меня охватываетъ дрожь, когда я слышу его голосъ, у меня кружится голова... Я не хочу никого ненавидѣть... особенно же моего отца... Лучше мнѣ умереть...

Отъ сильнаго волненія онъ не могъ говорить. Въ эту минуту

какая-то птичка опустилась на перила веранды, посмотрѣла во всѣ стороны, защебетала, взмахнула крыльями и улетѣла.

— Ахъ, воскликнулъ Вирджиліо,—если бы я могъ улетѣть за нею! Можетъ быть... кто знаетъ?.. можетъ быть, моя мать... Беатриче, скажи мнѣ, гдѣ теперь наша мать!

— Наша мать? Она въ раю.

— Да, я знаю, что ея душа въ раю, но я хотѣлъ бы знать, гдѣ погребено ея тѣло. Отецъ не позволяетъ мнѣ посѣщать могилу матери...

Беатриче, желавшая перевести разговоръ на менѣе грустную тему, рада была удовлетворить желаніе мальчика; она встала, облокотилась на перила веранды и наклонилась впередъ. Солнце заходило и посылало землѣ послѣдніе, прощальные лучи.

— Тамъ, за тѣми холмами есть плодородный участокъ земли, принесенный нашей матерью въ приданое Франческо Ченчи; тамъ построена церковь въ честь апостоловъ Петра и Павла. Въ той церкви въ мраморномъ саркофагѣ справа у входа погребенъ прахъ нашей матери.

Указывая рукою въ ту сторону, она слишкомъ нагнулась впередъ и въ это время изъ-за корсажа ея платья выпали клочекъ бумаги и медальонъ и упали въ садъ.

— Боже мой! Моя тайна!.. воскликнула дѣвушка, съ выраженіемъ стыда и испуга въ лицѣ.

Франческо Ченчи, спрятавшись за кустомъ лавра, давно уже подслушивалъ ихъ разговоръ и съ ненавистью смотрѣлъ на нихъ. Увидѣвъ упавшіе бумагу и медальонъ, онъ сейчасъ же направился, чтобы поднять ихъ, но вслѣдствіе слабости въ ногахъ не могъ сдѣлать этого съ надлежащей быстротой. Беатриче замѣтила его и съ ужасомъ повторяла:

— Моя тайна!.. моя тайна!.. Я жизнь свою отдала бы, если бы кто нибудь спасъ ее...

Мальчикъ взглянулъ на нее, поблѣднѣлъ—онъ тоже замѣтилъ отца — и съ мужествомъ отчаянія моментально спрыгнулъ на камни, стоявшіе у веранды, оттуда въ садъ и съ быстротою молніи схватилъ бумагу и медальонъ.

— Стой! Сюда! съ яростью кричалъ старикъ, — давай вещи сюда!

Вирджиліо, точно не слыша его, поспѣшно направился къ дому, между тѣмъ какъ графъ кричалъ ему въ слѣдъ:

— Проклятая змѣя! давай бумагу сюда... сію минуту... если я поймаю тебя, я задушу своими руками!...

Мальчикъ побѣжалъ еще быстрѣе. Франческо съ яростью крикнулъ:

— Неронъ! сюда! Возьми его!

Онъ натравлялъ собаку на собственнаго сына; собака свирѣпо бросилась впередъ, но было уже поздно. Вирджиліо, чувствуя, что собака гонится за нимъ, помчался стрѣлою. Задыхаясь, онъ взбѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, перепрыгивая заразъ черезъ двѣ ступеньки. Выбившись изъ силъ, онъ упалъ у ногъ Беатриче, положивъ на землю бумагу и медальонъ. Беатриче подняла и спрятала ихъ.

Вслѣдъ за Вирджиліо на веранду съ лаемъ взбѣжала собака, кровожадно сверкая глазами и тяжело дыша. Беатриче въ нерѣшительности оглянулась и увидѣла старинное оружіе, стоявшее въ видѣ украшенія въ нишѣ. Она схватила шпагу и протянула ее передъ мальчикомъ, лежащимъ на землѣ; собака, нагнувъ голову, бросилась къ мальчику и готова была схватить его, но дѣвушка какъ разъ во-время взмахнула шпагой и пронзила собаку насквозь. Собака обливаясь кровью упала и издохла.

Теперь предстояла новая, еще большая опасность. Франческо Ченчи съ палкой въ рукахъ и, задыхаясь отъ ярости вбѣжалъ и закричалъ:

— Гдѣ эта гнусная змѣя? Чортъ возьми! Кто это убилъ собаку?.. Кто?

— Я!

— А, такъ это ты?.. Ну, я сперва эту змѣю...

Онъ хотѣлъ схватить сына и уже нагнулся къ нему. Беатриче подняла окровавленную шпагу, направляя ее въ грудь Ченчи и воскликнула:

— Отецъ... не подходи!..

— А, преступница! Прочь, говорю тебѣ...

И онъ пытался схватить сына. Беатриче спокойнымъ, твердымъ голосомъ заявила.

— Отецъ... не подходи!..

При звукѣ этого голоса, въ которомъ одновременно слышалась послѣдняя просьба и послѣдняя угроза, Франческо Ченчи отступилъ и посмотрѣлъ на дочь. Куда дѣвалась дѣвушка съ нѣжнымъ взоромъ. Глаза Беатриче, казалось, метали искры, губы ея были сжаты, грудь высоко поднималась, распустившіеся волосы ниспадали на плечи; лѣвую ногу она нѣсколько отставила впередъ, лѣвую руку сжала, а въ правой держала шпагу, острымъ концомъ вверхъ, готовая во мгновеніе ока пронзить ею отца. Никакой живописецъ или скульпторъ не могъ бы изобразить этой картины, — безсильно здѣсь слово. Франческо Ченчи былъ глубоко потрясенъ; онъ стоялъ, точно очарованный этимъ зрѣлищемъ, бросилъ палку и опустилъ руки; на мгновеніе онъ почувствовалъ въ своей душѣ что-то въ родѣ примиренія. Беатриче тоже бросила шпагу. Старикъ направился къ ней съ распростертыми объятіями и сказалъ громко съ оттѣнкомъ нѣжности въ голосѣ:

— Какъ ты хороша, дѣвушка! Ахъ, отчего ты не любишь меня?

— Я?.. Я буду любить васъ... отвѣтила Беатриче и обняла отца.

Отецъ и дочь стояли, прижавшись другъ къ другу, и со стороны могло бы показаться, что они исполнены чистаго счастья. Но у стараго злодѣя доброе чувство было кратковременно, какъ молнія. Оно вызвало въ немъ такое же безпокойство, какое у другихъ людей вызывается угрызеніями совѣсти. Вдругъ, выраженіе глазъ его измѣнилось, на лицѣ появилась отвратительная улыбка, онъ гладилъ волосы Беатриче, шею, цѣловалъ её и сталъ

шептать ей что-то на ухо... Беатриче поблѣднѣла, какъ полотно, отвернулась, вырвалась изъ рукъ отца, взяла мальчика, все еще лежавшаго на полу и ушла, бросивъ на отца взглядъ, полный презрѣнія.

Онъ долго стоялъ неподвижно, точно погрузившись въ глубокія размышленія; страшная буря поднялась въ его душѣ. Наконецъ, онъ ударилъ себя рукою по лбу и, скрежеща зубами, проговорилъ:

—Что это такое? Меня, воображавшаго, что я самому солнцу могу повелѣвать, останавливаетъ на половинѣ пути что-то хрупкое, какъ соломинка,—воля дѣвушки! До сихъ поръ еще все гнулось подъ гнетомъ моей желѣзной руки.. согнешься и ты, или я уничтожу тебя!

VI.

Церковь св. Ѳомы.

Церковь св. Ѳомы, построенная семействомъ Ченчи, стоитъ до настоящаго времени, правда, отчасти измѣненная перестройками. Ее считаютъ памятникомъ очень давнихъ временъ. Есть преданіе, что алтарь этой церкви освященъ въ 1113 г. Чинчо, епископомъ сабинскимъ. Въ 1554 г. Юлій III передалъ его въ патронатъ Рокко Ченчи съ обязательствомъ реставрировать ее; Рокко не могъ выполнить этого обязательства вслѣдствіе своей смерти, послѣ чего Пій IV въ 1565 г. издалъ новую буллу, предоставлявшую патронатство Франческо Ченчи съ тѣмъ-же обязательствомъ. Надпись, сохранившаяся на мраморной доскѣ, вдѣланной въ стѣну, показываетъ, что Франческо Ченчи выполнилъ это обязательство въ 1575 г. Эта надпись должна была свидѣтельствовать о благочестіи графа; однако, надписи этого рода не болѣе надежны, чѣмъ нынѣшнія газетныя извѣстія. Въ церкви было пять капеллъ и крытый ходъ, гдѣ еще теперь можно видѣть гербъ рода Ченчи: щитъ, состоящій изъ краснаго и бѣлаго поля съ тремя бѣлыми лунами въ первомъ и тремя красными лунами во второмъ изъ нихъ.

10 августа капелла семейства Ченчи была въ траурномъ убранствѣ. На стѣнахъ висѣли траурные покровы: повсюду виднѣлись гирлянды цвѣтовъ, переплетавшіяся съ вѣтками кипариса. Семь гробницъ изъ чернаго мрамора еще ожидали мертвецовъ, зіяя точно пасти, раскрытыя отъ жажды. На всѣхъ нихъ была надпись: „Когда близится смерть, презирается жизнь“. Дальше выдѣлялась гробница изъ прекраснаго бѣлаго мрамора съ такою надписью: „Если ты ищешь любви, найдешь ее здѣсь. Этотъ памятникъ соорудилъ благодарный хозяинъ, Франческо Ченчи, своему много-послужившему псу, Нерону“.

Среди церкви стояли носилки, покрытыя темно-краснымъ бархатомъ, расшитымъ золотомъ и усыпаннымъ цвѣтами. Вокругъ нихъ горѣли восковыя свѣчи въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Длинный рядъ священниковъ въ облаченіяхъ изъ чернаго бархата ожидалъ покойника. Вскорѣ занавѣсъ у входной двери поднялся

и показался маленькій гробъ; его несли двое мужчинъ и двѣ женщины, впереди Джакомо и Бернардино Ченчи, а сзади Лукреція Петрони и Беатриче. Этотъ покойникъ былъ Вирджиліо. За гробомъ шло нѣсколько слугъ въ траурномъ платьѣ и съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Нельзя было не замѣтить, что платье слугъ было гораздо лучше платья Джакомо и Бернардило. Особенно изношено было платье Джакомо. Онъ шелъ, опустивъ голову, съ изможденнымъ лицомъ и плакалъ. Въ глазахъ его можно было замѣтить двойное чувство: религіозное благоговѣніе и плохо скрытое озлобленіе. Бернардино тоже плакалъ, но больше изъ подражанія, чѣмъ по собственному побужденію; Лукреція, хотя и была только мачехой умершаго, плакала искренними слезами.

Франческо Ченчи женился на этой женщинѣ потому, что ему говорила о ея религіозности и передали ея слова, что она скорѣе вышла бы замужъ за самого чорта, чѣмъ за графа Ченчи. Онъ составилъ себѣ представленіе о ней, какъ о женщинѣ высокой нравственности и сталъ притворяться религіознымъ, посѣщалъ церкви, щедро одарялъ священниковъ и съ благоговѣніемъ молился. Лукреція была убѣждена, что на него раньше клеветали. Да развѣ онъ не могъ обратиться на истинный путь? Развѣ не могла Пресвятая Дѣва исторгнуть его душу изъ когтей діавола? Благочестивыя женщины ревностно стараются упрочить доброе дѣло и охотно посвящаютъ этому всю свою жизнь. Подъ вліяніемъ такихъ мотивовъ и настояній родителей. Лукреція приняла предложеніе овдовѣвшаго графа Франческо и стала его женой. Но лишь только Франческо ввелъ ее въ свой домъ, онъ насмѣшливо сказалъ: „вы соглашались скорѣе выйти замужъ за чорта, чѣмъ за меня? Я вамъ докажу, что вы были правы“... И онъ сдержалъ свое слово. Ежедневно, когда Лукреція молилась, онъ становился рядомъ съ нею на колѣни и пѣлъ грязныя или кощунственныя пѣсни. Она старалась не обращать на это вниманія, что приводило Франческо въ еще большее раздраженіе. Онъ придумывалъ всевозможныя продѣлки, оскорблялъ, иногда даже билъ ее въ присутствіи слугъ, лишалъ ее всего самаго необходимаго. Однако, его усилія не приводили ни къ чему, и онъ оставилъ жену въ покоѣ.

Одна лишь Беатриче не плакала; она не сводила глазъ съ гроба и машинально шла за другими. Когда шествіе приблизилось къ катафалку, она взяла мертваго на руки, уложила его, расправила ему волосы и положила на его грудь крестъ и букетъ фіалокъ, затѣмъ отодвинула одинъ подсвѣчникъ, оперлась рукою о носилки и сосредоточенно смотрѣла на умершаго.

Кромѣ упомянутыхъ четырехъ дѣтей у Франческо Ченчи было еще трое другихъ: два сына, учившіеся въ Саламанкѣ, и дочь Олимпія, дѣвушка очень энергичная и рѣшительная. Доведенная до крайности преслѣдованіями со стороны отца, она составила жалобу и сумѣла доставить ее въ руки папы, причемъ она просила святого отца помѣстить ее до замужества въ какой нибудь монастырь. Папа исполнилъ ея просьбу, велѣлъ помѣстить

ее въ монастырь, гдѣ ее держали, пока она не вышла замужъ за графа Карло Габріэли, которому Франческо Ченчи вынужденъ былъ, по приказанію папы, выплатить надлежащее приданое. Разсказываютъ, что Ченчи, раздраженный такимъ исходомъ дѣла, обѣщалъ 100.000 скуди тому, кто доставитъ въ его руки дочь живой или мертвой, но папа былъ сильнѣе въ Римѣ, чѣмъ онъ, и ему пришлось помириться съ этимъ. Зато онъ сталъ вымещать свою злобу на оставшихся дѣтяхъ и еще сильнѣе преслѣдовать ихъ.

Духовенство совершало отпѣваніе съ правильностью военныхъ экзерцицій. Беатриче, казалось, ничего не видѣла. Когда отпѣваніе кончилось, слуги и постороніе люди ушли; за ними удалилось духовенство; у гроба осталось лишь семейство Ченчи. Всѣ стояли на колѣняхъ, лишь Беатриче за все время ни на минуту не измѣнила своего положенія; теперь она тряхнула головой, мрачно посмотрѣла на родныхъ и сказала:

— Что же вы плачете? Встаньте! Развѣ вы не знаете, кто убилъ брата? Не знаете? Вы знаете это, но у васъ сердце сжимается отъ страха при мысли о немъ. Я скажу громко то, о чемъ вы даже и подумать не рѣшаетесь: его отецъ... нашъ отецъ... Франческо Ченчи—его убійца! Встаньте, не время теперь плакать: мы должны позаботиться о собственномъ спасеніи, иначе отецъ всѣхъ насъ убьетъ.

— Тише, дочь моя, тише, сказала Лукреція,—грѣшно предаваться гнѣву. Смирись передъ волей Божьей.

— Что вы говорите? Вѣдь вы богохульствуете! Если разсуждать по вашему, то выйдетъ, что Богъ создалъ воду затѣмъ, чтобы мы тонули въ ней, огонь затѣмъ, чтобы онъ жегъ насъ... Откуда вы взяли, что отецъ можетъ мучить дѣтей, а дѣти обязаны отдаваться ему на мученія? Неужели нѣтъ предѣла, за которымъ намъ позволительно сопротивленіе? Неужели всякое возмущеніе предосудительно? Что можетъ быть хуже убійства отцомъ собственныхъ дѣтей?.. Но въ наши дни кровь Авеля не нашла бы мстителя... Неужели васъ, Джакомо, не волнуетъ никакое чувство!

— Ахъ, Беатриче, отвѣтилъ Джакомо,—я уже не тотъ, что былъ прежде; теперь я лишь тѣнь того, чѣмъ я былъ когда-то. Посмотри на меня: развѣ можно повѣрить, что мнѣ лишь 25 лѣтъ? Что я могу подѣлать противъ судьбы? Несчастье, какъ декабрьская ночь, окружаетъ человѣка мракомъ, въ которомъ ни онъ никого, ни его никто не видитъ.

— Такъ возвысьте хоть голосъ вашъ изъ мрака, чтобы его услыхали!

— Есть несчастья, противъ которыхъ безсильна всякая воля и всякія средства. Вспомни, до чего я дошелъ: у меня нѣтъ даже платья, чтобы прикрыть мою наготу. Я еще сносилъ бы все это, но у меня — четверо дѣтей и часто не бываетъ даже хлѣба, чтобы накормить ихъ. Изъ 2.000 скуди, которые отецъ, по приказанію папы, долженъ ежегодно выплачивать мнѣ, я получаю едва восьмую часть и то съ большимъ трудомъ; доходы съ приданаго Луизы онъ удерживаетъ, и часто я, возвращаясь домой,

застаю дѣтей голодными, мать въ слезахъ, они требуютъ отъ меня хлѣба!

— Но отчего же вы не обратитесь за защитой къ папѣ? Вѣдь Олимпія съ успѣхомъ сдѣлала это.

— Развѣ я не обращался къ нему? Я падалъ къ ногамъ его, обливалъ слезами землю, на которой онъ стоялъ, просилъ его за своихъ дѣтей и за себя самого. Я разсказалъ всѣ мерзости, продѣлываемыя отцомъ, даже самыя тайныя и отвратительныя. Старикъ спокойно выслушалъ меня и медленно проговорилъ: „Горе дѣтямъ, открывающимъ наготу отца! За это былъ проклятъ Хамъ... Отцы—представители самого Бога въ этомъ мірѣ. Если бы ты почтительно наклонялъ къ землѣ лицо твое, ты бы не замѣтилъ провинностей того, кто произвелъ тебя, и не обвинялъ бы его. Иди съ миромъ!“—Видишь, Олимпія по тому же дѣлу могла снискать милость у папы, я же нашелъ лишь равнодушіе и гнѣвъ. Такъ опредѣлила намъ судьба. Что же можетъ сдѣлать человѣкъ противъ судьбы?

— Онъ можетъ умереть.

— Конечно, можетъ,—но у тебя, Беатриче, нѣтъ дѣтей, нѣтъ любимаго и любящаго мужа. Еслибы я не былъ отцомъ, кто знаетъ, не разстался-ли я бы давно съ жизнью! Когда я прохожу надъ Тибромъ, волны такъ и манятъ меня къ себѣ. Этимъ когда-нибудь и кончится... Ты, Беатриче, тоже убѣждаешь меня... искать могилы въ водѣ!

При этихъ словахъ брата Беатриче нѣсколько разъ то краснѣла, то блѣднѣла; ей хотѣлось говорить, но она сдержалась, пока не успокоилась, и затѣмъ сказала:

— Я говорила вздоръ... прости меня и забудь это. Ободрись... Кто слишкомъ нагибается къ землѣ, у того и мысли отдаютъ грязью... Будь мужчиной! Я тоже въ горѣ на мгновеніе утратила было вѣру въ милосердіе Божіе. Онъ простилъ мнѣ: я чувствую это въ томъ спокойствіи, которое снизошло на меня и которое я считаю предвѣстникомъ добрыхъ начинаній.

— Какъ, здѣсь, между алтаремъ и могилами, устраивается заговоръ!..

При звукѣ этого голоса ужасъ охватилъ присутствующихъ; обернувшись, они увидѣли стараго графа съ блѣднымъ лицомъ въ черномъ платьѣ, съ красной шапочкой на головѣ,—какъ это было тогда въ модѣ у римскихъ патриціевъ. Лицо его было непроницаемо и грозно, какъ лицо сфинкса. Всѣ сжались другъ къ другу и молчали; они едва рѣшались открыть глаза,—какъ птицы, робко прячущіяся при появленіи коршуна и воображающія, что онъ ихъ не видитъ. Только Беатриче стояла предъ нимъ смѣло и рѣшительно.

— Прекрасныя дѣти, составляющія заговоръ на жизнь своего безбожнаго отца!.. Продолжайте же!.. Что васъ удерживаетъ? Кого вы боитесь? Какое противодѣйствіе можетъ оказать вамъ слабый, одинокій старикъ? Мѣсто подходящее... Господь близко... алтарь его убранъ.... жертва готова... Гдѣ же у васъ ножъ, несчастные?

Всѣ молчали и графъ спокойнымъ голосомъ продолжалъ:

— А! вы не рѣшаетесь... Мои глаза пугаютъ васъ? Никто изъ васъ не имѣетъ мужества посмотрѣть мнѣ въ глаза? Бѣдныя дѣточки! Не унывайте,—если вы сами не знаете, я научу васъ, какъ осуществить вашъ планъ безъ всякой опасности, разъ вы такъ трусливы... Ночью, когда все стихнетъ, я усну и мои глаза не будутъ пугать васъ... вонзите мнѣ ножъ сюда, въ лѣвую грудь... вы увидите, какъ легко онъ войдетъ! Жизнь старика виситъ на волоскѣ: даже рука ребенка можетъ оборвать ее, даже лапа этого паука.

При этихъ словахъ онъ взялъ правую руку мертвеца, приподнялъ ее и затѣмъ, съ презрѣніемъ бросилъ. Всѣ содрогнулись отъ ужаса, а графъ съ той-же страшной ироніей продолжалъ:

— Понимаю... вамъ мало смерти... Вы хотите еще воспользоваться плодами преступленія. Хорошо; главное для меня честь семейства: ни за что въ мірѣ не допустилъ бы я, чтобы родъ мой былъ опозоренъ наказаніемъ за такое постыдное дѣло... Само же по себѣ дѣло для меня сущій пустякъ. Такъ слушайте... мы между своими... нѣтъ никого, кто могъ бы выдать: — приготовьте мнѣ усыпительный напитокъ,—такъ много есть растеній, обладающихъ этимъ свойствомъ!.. Можете также поступить, какъ Манфредъ... Онъ не могъ дождаться, когда наконецъ королевство Сицилія перейдетъ къ нему по наслѣдству, отецъ же его императоръ Фридрихъ II вовсе не торопился умирать:—что дѣлать?.. Манфредъ сидѣлъ у постели отца и читалъ... старикъ уснулъ глубокимъ сномъ. Манфредъ вытащилъ изъ-подъ головы отца подушку и положилъ ее ему на голову—какъ видите, дѣло самое простое, затѣмъ онъ взобрался на постель, прижалъ колѣномъ грудь отца, а руками подушку... Въ такомъ положеніи онъ оставался, пока не убѣдился въ смерти отца, который былъ ему не нуженъ, — и этимъ получилъ корону, составлявшую для него все.

— Ужасно! воскликнула Беатриче.

— Ужасно! повторили за ней остальные.

— Что же васъ ужасаетъ? Вы боитесь обжечь пальцы на адскомъ пламени и тѣмъ не менѣе имѣете дерзость играть роль демоновъ еще здѣсь, на землѣ? Неужели вы не знаете, что кто хочетъ быть демономъ, тотъ долженъ имѣть мужество плавать въ цѣломъ океанѣ огня и умѣть еще смѣяться среди мученій? Кто хочетъ достигнуть этого, тотъ долженъ чувствовать въ себѣ достаточно силы для того, чтобы омывать свои руки въ крови и при этомъ сказать предъ лицомъ самого Бога: „я не грѣшенъ“.— Взгляните на эти семь гробницъ.. я приготовилъ ихъ для васъ, для Олимпіи, Кристофано и Феличе... моей вы не найдете среди нихъ, потому что я думаю умереть послѣ васъ. О, Боже, Ты, котораго я не признаю, Ты, о Которомъ я не знаю, дѣйствительно ли Ты существуешь! Если Ты хочешь пріобрѣсти еще одного поклонника, окажи мнѣ милость, дай мнѣ присутствовать при смерти всѣхъ моихъ дѣтей, закрыть имъ глаза и похоронить ихъ въ этихъ гробницахъ... Но Ты меня не слышишь, Ты дремлешь себѣ на облакахъ. Я долженъ самъ поду-

мать о себѣ,—это будетъ лучше... Убирайтесь же вы прочь съ моихъ глазъ, избавьте меня отъ вашего присутствія... Прочь!

Онъ сдѣлалъ рукой повелительный жестъ, но вдругъ взглядъ его упалъ на Джакомо и ему пришла въ голову иная мысль.

Онъ схватилъ Джакомо за руку и, пристально глядя на него, сказалъ:

— Ты жаловался на то, что у тебя нѣтъ рубахъ... лѣнтяй! Ступай къ могилѣ твоей матери, открой гробъ, возьми саванъ, которымъ она покрыта, и отнеси своей женѣ: пусть она сошьетъ изъ него рубахи твоимъ дѣтямъ... Но вели ей оставить два куска: одинъ — чтобы покрыть тебѣ лицо, когда ты умрешь позорной смерью, а другой для себя, чтобы утирать слезы, если она такъ безумна, что станетъ плакать о такомъ ничтожномъ и гнусномъ человѣкѣ, какъ ты.

— Ради Бога, графъ, оставьте меня... кричалъ Джакомо съ дрожью въ голосѣ, напрягая всѣ усилія, чтобы вырваться изъ рукъ жестокаго старика.

— Нѣтъ, я не оставлю тебя, пока не научу, какъ достать всего въ чемъ ты нуждаешься. Тебѣ нуженъ хлѣбъ для дѣтей? Ступай, возьми горсть праха твоей матери и набей имъ рты своихъ дѣтей... Змѣи должны питаться землею. Или еще лучше—ступай и передай имъ мое проклятіе, которое я охотно даю имъ; пусть оно на вѣки останется съ ними... самъ передай проклятіе своимъ дѣтямъ... будь увѣренъ, что оно падетъ на плодородную почву. Пусть между тобою и женою твоею безпрестанно будутъ раздоры и несогласія, пусть она отказываетъ тебѣ въ супружескомъ ложѣ и оскверняетъ его; пусть жизнь твоя будетъ для тебя наказаніемъ, а смерть утѣшеніемъ...

Онъ говорилъ бы еще дальше въ этомъ тонѣ, если бы Джакомо не вырвался изъ его рукъ и не ушелъ.

— Убирайся вонъ! кричалъ старикъ. — Ты напрасно закрываешь уши, — слова мои прожгутъ тебѣ тѣло до костей... даже послѣ смерти можно будетъ узнать слѣды ихъ...

Лукреція и Бернардино поспѣшно ушли вслѣдъ за Джакомо, одна лишь Беатриче неподвижно стояла около покойника.

— А ты не трепещешь? спросилъ ее отецъ.

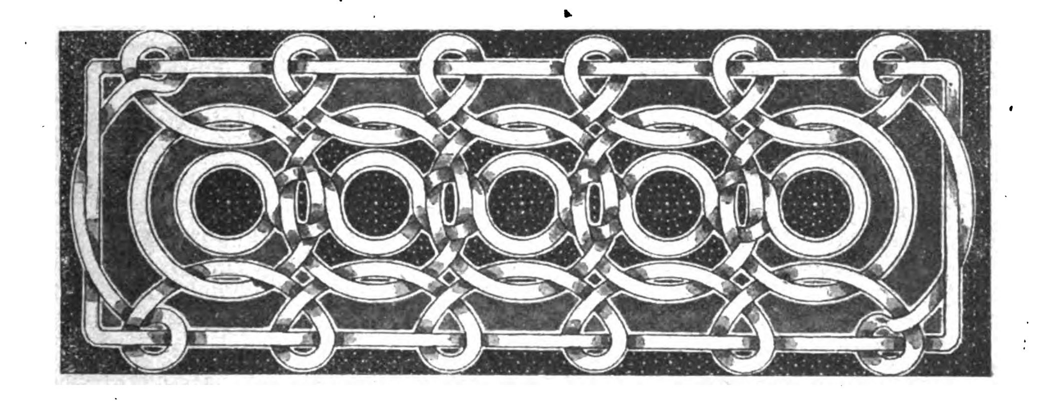
Беатриче, не отвѣчая на его слова, повернулась лицомъ къ алтарю и стала молиться:—Господи, распятый на крестѣ, сжалься надъ этимъ несчастнымъ...

— Безумная! Что ты говоришь о Распятомъ? Для тебя здѣсь нѣтъ ни Христа, ни Бога...

— Тише, старикъ. Подумай о томъ, что ты скоро предстанешь предъ Нимъ: Онъ одинъ можетъ простить и помиловать тебя...

Ф. Гверацци.

(*Продолженіе будетъ*).

Свобода чувства и выбора въ бракѣ.

Историческое происхожденіе вопросовъ современнаго Требника о свободномъ взаимномъ согласіи на бракъ жениха и невѣсты.

ъ настоящее время при совершеніи вѣнчанія священникъ задаетъ жениху и невѣстѣ вопросы объ ихъ свободномъ произволеніи вступить въ бракъ.

„Имаши ли, имя рекъ, произволеніе благое и непринужденное и крѣпкую мысль пояти себѣ въ жену сію, имя рекъ, юже здѣ предъ тобою видиши?"—и къ невѣстѣ: „Имаши ли, имя рекъ, произволеніе благое и непринужденное и твердую мысль пояти себѣ въ мужа сего, имя рекъ, его-же предъ тобою здѣ видиши?"

Вопросы эти священникъ долженъ, по указанію Требника и требованію Кормчей (50 гл.), задавать жениху и невѣстѣ по входѣ въ храмъ для вѣнчанія; и только по полученіи на нихъ отвѣта отъ каждаго брачащагося [1]) порознь — „имамъ, честный отче"—можетъ начинать вѣнчаніе.

Всякому, вѣроятно, небезынтересно будетъ узнать, что эти вопросы явились въ нашемъ Требникѣ, можно сказать, въ самое недавнее время, что провозглашаемая ими необходимость свободы чувства и выбора въ бракѣ очень долго не сознавалась и не признавалась и что, наконецъ, сама жизнь и вліяніе западной культуры пробудили сознаніе необходимости свободы выбора для счастія въ семейной жизни. Въ наукѣ уже было обращено нѣкоторое вниманіе на это очень крупное явленіе, и по этому поводу завязался даже ученый споръ. Начался онъ послѣ того, какъ пр. Горчаковъ написалъ, что.. „въ древней Россіи на священникѣ

[1]) Форму «брачащійся» считаемъ болѣе правильною, чѣмъ «брачущійся».

вовсе не лежало никакой обязанности убѣждаться или освѣдомляться о томъ, добровольно ли вступаютъ въ бракъ тѣ лица, которыхъ онъ имѣлъ вѣнчать по вѣнечной памяти. Этой обязанности не предписывали ему ни правила церкви, ни памятники государственнаго законодательства, ни богослужебныя книги"[2]). Когда вопросъ, такимъ образомъ, былъ уже поставленъ, на него отозвался Бердниковъ въ рецензіи на книгу пр. Горчакова[3]). Но болѣе всѣхъ выяснилъ этотъ вопросъ покойный проф. Павловъ, поставивъ его въ связь и съ каноникой, и съ исторіей догматическихъ взглядовъ.

Однако, всѣ указанные ученые, какъ канонисты, прежде всего обращаютъ вниманіе на значеніе этихъ вопросовъ въ ихъ наукѣ каноническаго права. Павловъ доказываетъ, что вопросы о свободномъ согласіи сочетавающихся не только не противны началамъ православнаго брачнаго права, но и необходимо предполагаются этимъ правомъ. Правило, предписывающее священнику предварительно удостовѣряться въ свободномъ согласіи жениха и невѣсты, хотя прямо и не высказывалось въ прежнихъ источникахъ брачнаго права, но оно необходимо предполагалось ихъ содержаніемъ[4]). „По *Градскому Закону* священникъ имѣлъ случай и былъ обязанъ *дважды* убѣждаться во взаимномъ согласіи жениха и невѣсты на бракъ"[5]). Такъ объ обрученіи законъ этотъ давалъ слѣдующія предписанія: „якоже о брацѣ, тако и о обрученіи совокупляющеися[6]) (*οἱ συναπτόμενοι*—сами сочетавающіеся) совѣщаваютъ" (*συννοινοῦσι* — выражаютъ свое согласіе). „Подобаетъ убо и подъ властію сущи дѣвицѣ совѣщавати; обаче же отцу подобаетъ совѣщавати, аще та вопреки не глаголетъ"— *δοκεῖ δὲ τῷ πατρὶ συνναινεῖν ἡ μὴ ἀντιλέγουσα*, т. е., ея согласіе предполагается, если она прямо не противорѣчитъ. „Тогда же токмо можетъ противитися, егда будетъ нравомъ недостоинъ и житіемъ срамenъ, ему-же хотятъ ю обручити". „Не совѣщавающу сыну или дщери, подъ областію отчего сущема, не бываетъ о нихъ обрученія"[7]). Во-вторыхъ, и при самомъ браковѣнчаніи Градской законъ требовалъ взаимнаго согласія, такъ сказать, принципіально, по самому понятію о бракѣ: „бракъ не тѣмъ составляется, еже спати мужеви съ женою, но брачнымъ совѣщаніемъ ихъ"[8]). Здѣсь, какъ при обрученіи, согласіе предполагалось, если ни та, ни другая сторона открыто не заявляла о своемъ несогласіи на бракъ.

Все это, конечно, вполнѣ справедливо. Законодательство дошло до сознанія необходимости взаимнаго согласія самихъ брачащихся уже давно. Къ чести римскаго права должно сказать, что оно

---

[2]) Горчаковъ. О тайнѣ супружества, стр. 333.

[3]) Стр. 66.

[4]) Павловъ. 50 глава Кормчей, стр. 81.

[5]) Ibid.

[6]) Вслѣдъ за Павловымъ читаемъ это слово не согласно съ печатной Кормчей. Объясненія см. у Павлова въ op. cit. прим. 2 на стр. 81.

[7]) Градскаго закона грань I, гл. 6—7.

[8]) Грань 4, гл. 17. — Всѣ эти цитаты беремъ у Павлова изъ op. cit. 81—82 стр.

первое сознало необходимость этого согласія, а христіанское только наслѣдовало эту идею. Такъ, Златоустъ говоритъ: „не этимъ (т. е. шумными торжествами) совершается законный бракъ, но тѣмъ, если супружеское соединеніе бываетъ по законамъ... и если сочетавающіеся связуются другъ съ другомъ *взаимнымъ согласіемъ*. Это знаютъ и *внѣшніе* (римскіе) законы. Послушай, что говорятъ свѣдующіе въ нихъ люди: „бракъ составляется не инымъ чѣмъ, какъ согласіемъ“ [9]). Тѣ же самые римскіе законы, римское брачное право имѣлъ въ виду и соборъ Лаодикійскій уже въ IV в. (около 364 г.), когда требовалъ въ качествѣ необходимаго условія дѣйствительности брака, чтобы онъ совершался „свободно и законно“—ἐλευθέρως καὶ νομίμως [10]).

Нужно замѣтить, что подъ соглашеніемъ—consensus (consensus facit nuptias) гражданское право разумѣетъ главнымъ образомъ брачный договоръ, обезпеченный залогомъ, брачными дарами [11]). И Павловъ нѣсколько преувеличиваетъ значеніе этого термина, когда придаетъ ему преимущественно вышеуказанное нравственное значеніе, какъ требованію свободы чувства и выбора. До Павлова былъ распространенъ совершенно обратный взглядъ на духъ брачнаго законодательства византійскаго, на Градской законъ. Всѣ историки русской литературы и жизни порицали это законодательство за тотъ внѣшній взглядъ на бракъ, почти какъ на торговый договоръ родителей, который русскіе приняли изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ. Входить въ оцѣнку этого взгляда не будемъ. Во всякомъ случаѣ, нужно признать, что и Градской законъ и вообще римско-византійское брачное право, опредѣляя преимущественно матеріальную сторону договора, имѣло въ виду и нравственное согласіе самихъ брачащихся.

Но вообще законъ всегда указываетъ идеальныя нормы; въ данномъ вопросѣ, напримѣръ, законъ во всѣхъ случаяхъ предполагаетъ полное согласіе отцовъ съ дѣтьми въ рѣшеніи судьбы послѣднихъ. Канонисту и важно именно доказать, что законъ предполагаетъ такую гармонію. Совершенно иная задача историка. Ему важно знать, какъ законъ прилагался къ жизни, допускала-ли дѣйствительность историческая свободу чувства и выбора? Было-ли сознаніе необходимости этой свободы въ жизни, въ исторіи? И если его не было, то откуда оно появилось, или подъ какими вліяніями возникло и какіе дало результаты? Вотъ вопросы, на которые долженъ отвѣчать историкъ.

Во всѣхъ извѣстныхъ древнихъ греческихъ спискахъ брачнаго чина, изданныхъ (напр. списки Барберини и Криптоферратскій у Гоара, второй Порфирія) и неизданныхъ (напр., такъ называемая „Жемчужина Синая“, Евхологій преосв. Порфирія—Импер. Публ. Библ. Греч. NCCXXVI), вопросовъ жениху и невѣстѣ о свобод-

---

9) Ibid.
10) Павловъ. 82 стр.
11) Такъ и Горчаковъ толкуетъ Градской законъ. См. О тайнѣ супружества, 249—300 стр.

номъ ихъ произволеніи вступить въ бракъ нѣтъ. Впервые краткое замѣчаніе объ этихъ вопросахъ встрѣчается въ древнихъ венеціанскихъ изданіяхъ греческаго Евхологія (Требника) половины XVI в., гдѣ требованіе относительно вопросовъ новобрачнымъ выражено въ такой формѣ: *ὁ δὲ ἱερεὺς ἐροτᾷ αὐτοὺς, εἰ ἐκ θελήματος αὐτῶν βούλονται συναφθῆναι.* Гоаръ относительно этой особенности замѣчаетъ, что она имѣется только въ древнихъ изданіяхъ (antiqua edita), что во всѣхъ другихъ мѣстахъ о ней—глубокое молчаніе—de quo alibi profundum silentium [12]). Подъ древними изданіями, какъ видно изъ предисловія къ читателю, (prooemium ad lectorem), Гоаръ разумѣетъ венеціанскія изданія XVI в., начиная съ изданія 1544 г. Но въ позднѣйшихъ изданіяхъ Евхологія, начиная съ XVII в., и это краткое предписаніе было опущено. Такъ, уже въ венеціанскомъ изданіи 1638 г., по которому самъ Гоаръ издавалъ текстъ своего Евхологія, эта замѣтка опущена. Она удержалась только въ изданіяхъ, которыми римская пропаганда снабжала грековъ, принявшихъ унію. Таковъ Евхологій, изданный въ 1754 г. въ Римѣ (стр. 138) [13]).

Кромѣ указанныхъ печатныхъ Евхологіевъ встрѣчаемъ указаніе на эти вопросы и въ рукописномъ Евхологіи ватиканской библіотеки № 1213 второй половины XVI в., изданномъ у Красносельцева Передъ обрученіемъ перстнями рукопись замѣчаетъ: *„χρὴ γινώσκειν, ὅτι ἐροτᾷ αὐτοὺς ὁ ἱερεὺς ἀρχὴν καὶ ὅταν συνταχθείη ἀλλήλους.* [14]).

Такимъ образомъ, имѣемъ только двухъ свидѣтелей изъ греческой церкви, но свидѣтелей довольно позднихъ и притомъ западнаго происхожденія. Ватиканскій списокъ (№ 1213) во всякомъ случаѣ тоже западнаго происхожденія; на это указываетъ и мѣсто его теперешняго пребыванія. Онъ могъ быть въ употребленіи, напримѣръ, въ греческой церкви въ Венеціи, при которой, какъ извѣстно [15]), былъ и намѣстникъ константинопольскаго патріарха.

А намъ именно и важно западное происхожденіе этихъ обоихъ свидѣтелей, такъ какъ оно направляетъ насъ на надлежащій путь въ поискахъ за происхожденіемъ занимающихъ насъ вопросовъ.

Если мы обратимся теперь къ древнимъ брачнымъ чинамъ (ordines) западной церкви, изданнымъ по рукописямъ у Мартене (ученый монахъ), то найдемъ, что изъ пятнадцати брачныхъ чиновъ девять (съ VII—XV включительно) имѣютъ вопросы жениху и невѣстѣ объ ихъ свободномъ и непринужденномъ желаніи сочетаться бракомъ [16]). Общей формулы вопросовъ незамѣтно: они предлагаются въ различной формѣ. Въ рукописномъ Миссалѣ XIII в. вопросы предлагаются на древне-французскомъ языкѣ въ

---

[12]) Goar. *Εὐχολόγιον.* p. 313. not. 6.

[13]) См. у Павлова. 50 гл. Кормчей. 49 стр., прим. I.

[14]) Нѣсколько странная форма вопросовъ: священникъ будто изъ любопытства выспрашиваетъ, выпытываетъ у жениха и невѣсты поводъ, случай (*ἀρχὴν*) и когда они условились другъ съ другомъ.

[15]) Павловъ. 50 гл. Кормчей. 48 стр.

[16]) Martene. De antiquis ecclesiae ritibus, p. 366—388.

такой формѣ: „N, желаешь ли ты имѣть N женою и супругой, сохранить ее здоровою и невредимою и удѣлить ей законную часть своего тѣла и твоего имущества? Ни для худшей, ни для лучшей не измѣнишь ей все время своей жизни?“ Женихъ отвѣчаетъ: „volo“ или „ouyl“. Затѣмъ священникъ говоритъ жениху: „чѣмъ же ты ручаешься предъ ней?“ Онъ отвѣчаетъ: „ma foy“. Такой-же разговоръ ведется съ невѣстой. („N. Veux-tu avoir N. à femme, et lui faire loyale partie de ton corps et de tes biens; ne pour pire ne pour meilleure tu ne la changeras tout le temps de ta vie. Ouyl. Que lui baille-tu? Ma foy). Впослѣдствіи бесѣда осложняется: постепенно формируется и вводится вопросъ о постоянствѣ чувства. „Не отдана ли ему какая-нибудь? Вы отдаетесь ему? Какъ ваше имя?.. Жанъ, желаете-ли вы взять эту женщину, по имени Марію, женой и супругой? Да, владыко. Марія, желаете ли вы... и т. д. Жанъ, я вамъ даю Марію. Марія, я вамъ даю Жана“. Потомъ соединяетъ ихъ руки и говоритъ: „Жанъ, вы обѣщаетесь ей и клянетесь вашими благами, что будете ей хорошею и законною партіей; ни для худшей, ни для лучшей ее не оставите; что сохраните вѣрность и законность вашихъ тѣлъ и вашихъ благъ; и ее, здоровую или больную, какъ соизволитъ Богъ, во всѣ дни вашей жизни сохраните своею. Да. Марія, вы клянетесь такою клятвою... Да.

(„Luy fut-elle oncques donnée. Ouy, ou nenny. Donnez luy. Or le me rendez. Comme avez à nom? N. Et vous comment? N. Jean voulez vous cette femme, qui a nom Marie, par nom de baptesme, à femme et à espouse? Sire, ouy. Marie, voulez-vous cet homme qui a nom N. par nom de baptesme, à mary et à espoux? Sire, ouy. Jean, je vous donne Marie. Marie, je vous donne Jean. Jean, vous luy promettez et jurez que de vos biens, bien et loyaument luy departirez, et que pour pire ou meilleure, ne la lerrez, et que foy et loyauté de vos corps et de vos biens luy entretendrez, et haitie ou malade, telle que Dieu la consentira tous les jours de vostre vie et la sienne la garderez? Sire, ouy. Marie, au tel serment qu'il a fait à vous, vous faitte à luy, vous luy promettez et jurez?..)

Въ болѣе позднихъ Ритуалахъ [18]) вопросъ о постоянствѣ чувства формулируется яснѣе. „Не далъ-ли ты вѣрности и обѣта относительно таинства брака женѣ или дѣвицѣ, кто бы она ни была, какъ и N, которая здѣсь? Нѣтъ, владыка. [N'as tu foy ne promesse touchant le sacrement de mariage à femme, ne à fille, quel-le qu'elle foit, que à N. qui cy est? Non Sire]. Также спрашиваетъ и невѣсту.

Замѣчательно, что всѣ эти вопросы задаются не на латинскомъ языкѣ, на которомъ обычно по уставу западной церкви совершается все богослуженіе, а на французскомъ (точнѣе древнефранцузскомъ)—verbis gallicis [19]). Очевидно, это допускалось съ

[17]) Martene, op. cit. 367.
[18]) Наприм. въ Ритуалѣ ecclesiae Catalaunensis, который Мартене назвалъ древнимъ—vetustus.
[19]) Какъ выражается Ordo VII. См. Мартене. op. cit. 367.

тою цѣлью, чтобы и незнающее латинскаго языка простонародье сознательно отвѣчало на предлагаемые вопросы. Уже одно это говоритъ о томъ, сколько значенія западная церковь придавала свободѣ чувства и выбора и обоюдному согласію. Только два уже *печатныхъ* (edita) Ритуала (Ordo XIV и XV) задаютъ эти вопросы на латинскомъ языкѣ; но они не идутъ въ счетъ какъ позднѣйшіе. А для установленія происхожденія, первоначальнаго возникновенія вопросовъ имѣютъ значеніе тѣ *рукописные* Миссалы (VII и X), Понтификалы (VIII и IX) и Ритуалы (XI и XII), которые имѣютъ эти вопросы на древне-французскомъ языкѣ.

Ordo VII (ex ms. missali ecclesiae Rotomagensis—pag. 367), первый чинъ брака, изъ изданныхъ у Мартене, имѣетъ эти вопросы и именно на французскомъ языкѣ. Самъ Мартене относитъ его къ XIII в.; а ему нельзя отказывать въ палеографическихъ познаніяхъ: вѣдь онъ жилъ послѣ Мабильона и его знаменитаго труда: „De re diplomatica“ [21]). Слѣдовательно, вопросы о свободѣ чувства и выбора появились на западѣ съ XIII приблизительно вѣка.

Если попытаться опредѣлить и мѣсто возникновенія этихъ вопросовъ, то взглядъ съ удовольствіемъ останавливается на Франціи. Въ самыхъ древнихъ рукописяхъ вопросы предлагаются на французскомъ языкѣ. Вѣроятно, старшая дочь католической церкви пролагала новые пути для остальныхъ церквей католическаго запада; а Тридентскій соборъ уже въ XVI в. (1545—1563 г.г.) своимъ декретомъ „De reformatione matrimonii“ (Sessio XXIV, c. I.; указаніе у Горчакова: О тайнѣ супружества, стр. 10) только узаконилъ для всего католическаго запада эту практику французской церкви. Такимъ образомъ на западѣ вопросы о свободномъ произволеніи появились несравненно ранѣе, чѣмъ на востокѣ, и эти вопросы востокъ заимствовалъ у запада, или, если угодно, западъ *пропагандировалъ* ихъ на востокѣ [22]). Заимствованіе практической, литургической особенности шло параллельно и въ тѣсной связи съ заимствованіемъ догматическихъ, принципіальныхъ взглядовъ на бракъ, на его форму и совершителей.

Въ западной церкви „издавна [23]) высказывалась мысль о совершеніи брака самими брачащимися лицами [24]); схоластика приняла эту мысль и развила ее какъ несомнѣнный церковный

---

[21]) Во время жизни Мартене въ Италіи существовалъ уже музей имени Мабильона. См. Март. op. cit. столб. 86.

Должно замѣтить, что у Мартене своеобразная манера опредѣленія времени написанія рукописей. Мы говоримъ такъ: рукопись относится къ XIII, XIV, XV в. и т. д. а. Мартене говоритъ: рукопись написана за 300, 400, 500 лѣтъ, т. е., до его времени. Первое изданіе труда Мартене: «De antiquis ecclesiae ritibus» было въ 1700 году.

[22]) Ср. Павловъ 50 гл. Кормчей, стр. 49, прим. I.

[23]) Со времени Николая I. См. у Павлова op. cit. 45 стр. прим. I выдержку изъ его знаменитыхъ отвѣтовъ на вопросы новообращенныхъ болгаръ, а также въ Patrol. Migne. s. lat. t. 119, col. 980.

[24]) Фактъ весьма замѣчательный. Западная церковь систематически и во всѣхъ таинствахъ такъ выдвигаетъ совершителя—священника или епископа, что подобная мысль является весьма чувствительнымъ отступленіемъ отъ общей системы.

догматъ, а большинство Ритуаловъ наглядно выражало ее въ самой формулѣ совершенія брака, произносимой брачащимися лицами предъ священникомъ" [25]). Этотъ догматическій взглядъ началъ распространяться и на востокѣ богословами-греками, получившими образованіе въ католическихъ (итальянскихъ) школахъ. Таковъ былъ Гавріилъ Севиръ, митрополитъ филадельфійскій и намѣстникъ константинопольскаго патріарха при греческой церкви въ Венеціи. Въ своемъ трактатѣ о таинствахъ — *Συνταγμάτιον περὶ τῶν ἁγίων μυστηρίων* (1600 г. Венеція) [26]) — онъ признаетъ формою таинства брака, согласно съ мнѣніемъ лучшихъ богослововъ—*κατὰ τοὺς ἀρίστους τῶν διδασκάλων*—„произнесеніе брачащимися лицами, при наличныхъ свидѣтеляхъ, словъ, выражающихъ ихъ взаимное согласіе на бракъ, именно: хочешь меня? хочу тебя". Благословеніе же брачащихся священникомъ Севиръ признаетъ въ качествѣ одной изъ необходимыхъ принадлежностей христіанскаго обрученія и брака [27]). Это ученіе было распространено въ восточной церкви въ то время; это видно изъ того, что трактатъ Севира, переведенный на славянскій языкъ, *съ одобренія восточныхъ патріарховъ*, былъ напечатанъ въ Никоновской Скрижали, изд. въ 1656 г. [28]). Впрочемъ впослѣдствіи, въ концѣ XVII в. въ Греціи началъ формулироваться и установляться иной взглядъ на бракъ, а именно что значеніе таинства онъ получаетъ не иначе, какъ чрезъ благословеніе священника, и только въ качествѣ гражданскаго договора совершается самими брачащимися лицами. Такъ формулировано ученіе о бракѣ въ „Священномъ Катехизисѣ"—*Κατήχησις ἱερά*—Николая Булгара, изд. въ 1681 г. и съ большимъ уваженіемъ принятомъ въ греческой церкви [29]).

Этому повороту въ догматикѣ предшествовалъ поворотъ и въ литургикѣ брака въ сторону прежнихъ рукописныхъ Евхологіевъ. Въ печатныхъ греческихъ Евхологіяхъ уже съ первой половины XVII в. [30]) вопросы жениху и невѣстѣ опускаются.

Такимъ образомъ, въ XVI в. съ запада на востокъ проникла было живая струя; но потомъ снова заглохла.

Зато въ то время, какъ на востокѣ западное вліяніе начало ослабѣвать, оно начало свое дѣйствіе у насъ въ Россіи. Какъ въ греческой церкви новое вѣяніе захватило сначала сосѣднія съ западомъ окраины, такъ было и у насъ. Впервые это новое вѣяніе сказалось въ знаменитомъ Требникѣ Петра Могилы (изд. 1646 г.). Теперь (послѣ ошибокъ прот. Горчакова, исправленныхъ Павловымъ) несомнѣнно, что Петръ Могила при обработкѣ своего Требника пользовался польскимъ Требникомъ, изданнымъ въ

---

[25]) Павловъ. 50 гл. Кормчей. 45 стр.

[26]) Объ изданіяхъ этого сочиненія у Павлова. 50 гл. Кормчей 43 стр. прим. 2.

[27]) Павловъ op. cit. 48—49 стр.

[28]) Ibid. 49 стр. и 43 прим. 2.

[29]) Ibid. 51 стр. и 44 стр. приложеній.

[30]) Въ Евхологіи 1638 г., по которому Гоаръ издавалъ текстъ своего Евхологія, этихъ вопросовъ уже нѣтъ.

1634 г. въ Краковѣ по римскому Требнику 1615 г. папы Павла V [31]). Изъ этого польскаго Ритуала Могила и взялъ прежде всего предварительные вопросы жениху и невѣстѣ объ ихъ взаимномъ согласіи на бракъ. Въ польскомъ Ритуалѣ эти вопросы и отвѣты на нихъ изложены на трехъ языкахъ: латинскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ [32]). Могила помѣстилъ ихъ въ чинѣ *вѣнчанія* на „свойственномъ русскомъ" (народномъ) языкѣ.

„Маешь, имя рекъ, волю добрую и непримушоную и постановленый умыслъ пояти собѣ за малженку тую, которую тутъ предъ собою видишь? Маю, велебный отче. Не шлюбовался ли иншой вѣры малженской? Не шлюбовалемъ". Тоже mutatis mutandis— и къ невѣстѣ [33]).

Нововведенія Петра Могилы въ Требникѣ стояли въ связи и съ его дѣятельностью догматическою. Въ знаменитомъ его „Православномъ Исповѣданіи" взаимное согласіе брачащихся лицъ принимается за causa efficiens брака, и слова ихъ, выражающія это согласіе, представляются необходимою формою заключенія брачнаго союза [34]).

Если форму тайны супружества составляютъ „словеса совокупляющихся, изволеніе ихъ внутреннее предъ іереемъ извѣщающія", то отсюда само собою слѣдуетъ, что совершители таинства брака суть сами брачащіяся лица. Эта мысль и проводится въ Большомъ Катихизисѣ Лаврентія Зизанія, у Иннокентія Гизеля и у Евѳимія [35]).

Впрочемъ, для литургики брака не столь важны эти догматическіе взгляды, потому что они съ XVIII в. встрѣчаютъ и у насъ, какъ въ Греціи, реакцію. Отецъ современной догматики, Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ „Православномъ Богословіи" со всею рѣшительностію признаетъ совершителемъ брака священника, совершающаго обрядъ вѣнчанія; тогда какъ взаимное согласіе брачащихся—не формула брака, а только необходимое условіе для его заключенія (Ириней Фальковскій) [36]). Для брачнаго чина въ великорусскомъ Требникѣ важно то, что ученіе кіевской богословской школы XVII в. было принято въ оффиціальное изданіе Кормчей и сдѣлалось однимъ изъ основныхъ принциповъ положительнаго русскаго брачнаго права. Изъ Требника Могилянскаго [37]) была внесена въ 50 гл. Кормчей статья „о тайнѣ супружества", излагающая понятіе о бракѣ и дающая наставленія священнику о порядкѣ и условіяхъ его совершенія [38]). Въ этой

---

31) Павловъ. 50 гл. Кормчей, 8—9 стр.

32) Стр. 173—174; см. у Павлова op. cit. 45 стр. прим. 4.

33) 407 стр. Требника.

34) Выдержка—у Павлова op. cit. 47—48 стр. Эту догматическую идею Петръ Могила проводилъ весьма настойчиво и въ др. своихъ сочиненіяхъ, напр., въ «Наукѣ объ артикулахъ вѣры», т. е. въ сокращенномъ Православномъ Исповѣданіи въ статьѣ о совершеніи всѣхъ седьми таинствъ, помѣщенной въ самомъ началѣ его Требника, на стр. 3—4. См. у Павлова op. cit. 47 стр. прим. 1 и 2.

35) Выдержки у Павлова въ op. cit. 50—51 стр.

36) См. у Павлова ibid. 52—53.

37) Часть I, стр. 359—396.

38) Самъ Могила взялъ эту статью изъ помянутаго польскаго Ритуала, въ которомъ «статья de sacramento matrimonii стоитъ предъ обрядомъ церковнаго

то знаменитой статьѣ 50 главы Кормчей [39]). Въ самомъ началѣ (пунктъ 1-й) и помѣщено правило, предписывающее священнику предварительно удостовѣряться въ свободномъ согласіи жениха и невѣсты на вступленіе между собою въ бракъ. „Вѣсть пріимъ (іерей) о хотящихъ браку сочетатися, читаемъ въ началѣ статьи, въ первыхъ да увѣсть... аще своимъ вольнымъ произволеніемъ, а не принуждени отъ родителей и сродникъ, или отъ господій своихъ... счетатися хотятъ“ [40]). „Къ совершенію же извѣщеній (оглашеній) іерей никакоже да приступаетъ, донелѣже извѣстно извѣщенъ будетъ о вольномъ соизволеніи обоихъ въ супружество совокупитися хотящихъ: и сего ради *самъ собою* (курсивъ нашъ) обоихъ добрѣ да вопроситъ, и отъ нихъ о семъ да извѣстится“ [41]).

Такимъ образомъ, статья „о тайнѣ супружества“ *двумя* пунктами, *настойчиво* провозглашаетъ идею обоюднаго свободнаго согласія брачащихся; а священнику предписывается *лично* освѣдомляться объ этомъ.

Теперь вопросъ: въ какомъ отношеніи стоятъ эти вопросы и эта статья къ прежнимъ источникамъ *русскаго* брачнаго права и къ *русской* дѣйствительности; внесли ли они что нибудь новое въ русскую жизнь?

Русская историческая дѣйствительность служитъ на самомъ дѣлѣ далеко не блестящею иллюстраціей для византійскаго брачнаго права, которое на ней всецѣло отразилось. Законъ a silentio жениха и невѣсты заключалъ къ ихъ обоюдному согласію. Но и самъ Павловъ замѣчаетъ, что „предположеніе молчаливаго согласія жениха и невѣсты на бракъ въ конкретныхъ случаяхъ могло быть ошибочнымъ“. Не ошибочнымъ было это молчаливое согласіе, а просто неизвѣстнымъ: родители устраивали судьбу своихъ дѣтей, а удача выбора или ошибочность обнаруживались впослѣдствіи при знакомствѣ новобрачныхъ.

Греко-римскіе законы о возрастахъ для вступающихъ въ бракъ распространили среди русскихъ, особенно въ княжескихъ и знатныхъ семьяхъ, обычай вѣнчать малолѣтнихъ.

О серьезномъ согласіи или несогласіи жениха и невѣсты малолѣтнихъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Если такіе браки не могутъ служить общей нормой, то и о другихъ бракахъ нужно сказать то-же самое.

„Судя по многочисленнымъ упоминаніямъ лѣтописей о бракахъ въ средѣ княжескихъ семействъ уже послѣ введенія въ Россіи христіанства, можно заключить, что браки и при полномъ уже совершеннолѣтіи дѣтей на Руси заключались на всей волѣ родителей, часто помимо всякаго согласія и воли, или же при

благословѣнія брака и имѣетъ видъ анонимной инструкціи священнику, составленной на основаніи опредѣленій Тридентскаго собора. См. у Павлова, op. cit. 9—10.

[39]) Историко-каноническому анализу этой главы посвящено двѣ книги нашихъ извѣстнѣйшихъ канонистовъ: Горчакова: «О тайнѣ супружества» и Павлова: «50 гл. Кормчей».

[40]) § 1. У Павлова op. cit. 230 стр.

[41]) § 10. У Павлова op. cit. 233—234.

самомъ слабомъ участіи самихъ брачащихся лицъ, заключались между лицами, совершенно незнавшими другъ друга до самаго вступленія въ брачный союзъ". [43]).

Все это, конечно, общеизвѣстно и достаточно изслѣдовано. [44]).

Съ своей стороны мы хотимъ обратить вниманіе на два правила изъ *русскаго* Церковнаго Устава, приписываемаго в. к. Ярославу I. Эти русскія правила слѣдуетъ поставить въ pendant къ византійскому Градскому закону. „Аще дѣвка всхощетъ за мужъ, а отецъ и мати не дадутъ, а что сътворить: митрополиту у винѣ отецъ и мати; также и отрокъ" (34 пр.). „Аще дѣвка не всхочетъ за мужъ, а отецъ и мати силою дадуть, а что сътворить надъ собою: отецъ и мати митрополиту у винѣ, а исторь (убытки отъ несчастнаго брака, понесенные невинною стороною) има платити; также и отрокь" (пр. 24) [45]).

По Градскому закону дочь все-таки могла „противитися, егда будетъ нравомъ недостоинъ и житіемъ сраменъ, ему-же хотятъ ю обручити" [46]) Русскій законъ этого уже не знаетъ; онъ не предполагаетъ какого либо протеста со стороны жениха и невѣсты до брака или во время его совершенія. Хотятъ или не хотятъ женихъ съ невѣстою, а родители могутъ *силою* ихъ повѣнчать, и самый бракъ такой не считается ничтожнымъ. И только тогда крутые нравомъ родители подвергаются винѣ, когда ихъ дочь или сынъ, насильно повѣнчанные, не выносили ненавистной связи и налагали на себя руки. Законъ, такимъ образомъ, былъ разсчитанъ на исключительные случаи, да и тутъ родители отдѣлывались довольно легко—„митрополиту у винѣ".

Такое положеніе дѣлъ наблюдается уже и до татарскаго ига, когда не произошло еще внѣшняго обособленія женщинъ, затворничества ихъ въ теремахъ и свѣтлицахъ [47]). Со времени татарскаго ига начинается то обособленіе женщины, удаленіе ея отъ свѣтской жизни, которое продолжается во всю послѣдующую русскую исторію до Петра [48]). Въ этотъ мрачный періодъ жизни

---

[43]) Дубакинъ. Вліяніе христіанства на семейный быть русскаго народа. 28 стр.

[44]) Масса примѣровъ изъ лѣтописей собрано у Дубакика въ op. cit. 28—29 стр.

[45]) См. у Макарія. Исторія, т. П, 378—379.

[46]) Цитата—выше.

[47]) Въ это время жены съ мужьями въ постороннемъ обществѣ пировали на свадьбахъ (П. С. Р. Л. II, 19), или ѣздили къ своимъ роднымъ (ibid. П, 136). Въ то время князья веселились въ обществѣ женъ своихъ подданныхъ (Татищевъ. Исторія II, 300); тогда было въ обычаѣ пировать и во время пировъ пить и цѣловаться съ женщинами (25 пр. Іоанна; см. у Макарія. Исторія II, 374); тогда даже монастыри, стараясь перещеголять другъ друга, задавали пиры, созывая мужей и женъ (пр. 30 Іоанна, см. у Макарія, II, 375). Но это, конечно, были отголоски Руси языческой, которая, выражая идеалъ отношеній между мужемъ и женой, выработала для названія жены особый поэтическій терминъ: «хоть», «милая хоть» (Слово о полку Игоревѣ. п. 3 у Сахарова-Сказанія, т. I ч. IV. 28 стр. и у Дубакина op. cit. 30 стр.). Противъ этой поэтической и здоровой старины вооружились лица монашествующія, какъ напр, митр. Іоаннъ II, которые унаслѣдовали изъ Византіи тѣ ультра аскетическія идеи, которыя тамъ явились въ результатѣ пресыщенія до мозга костей развращеннаго народа.

[48]) Семейный быть предковъ и теремные нравы этой эпохи достаточно изслѣдованы въ книгѣ Забѣлина: «Домашній быть русскихъ царей и царицъ», у

русской женщины, когда она, особенно незамужняя дѣвушка [49]), не могла ни подъ какимъ видомъ показаться постороннимъ мужчинамъ, конечно, не существовало взаимнаго согласія. Браки устроялись родителями, при помощи свахъ [50]), причемъ главенство принадлежало отцу [51]). Вслѣдствіе неизвѣстности, незнакомства, при заключеніи браковъ открывалось обширное поле для всякаго рода обмановъ, интригъ. Вотъ почему древнерусская семейная жизнь рисуется въ такихъ мрачныхъ краскахъ. Были натуры и рѣшительныя, которыя не останавливались ни предъ какими средствами, чтобы достигнуть развода. Конечно, иниціатива къ разводу исходила почти всегда отъ мужа. Женщина для этого была слишкомъ принижена и придавлена; многострадальной русской матери оставался одинъ исходъ — наложить на себя руки, или же искать себѣ поддержки и отрады утѣшенія въ материнской привязанности къ дѣтямъ. А мужья побоями и систематическими истязаніями вынуждали своихъ женъ поступать въ монастыри [52]), или доводили ихъ до помѣшательства [53]), и такою безчеловѣчною цѣною покупали для себя право на вступленіе въ новый бракъ. Словомъ, трудно и перечислить всѣ печальныя послѣдствія отсутствія любви и взаимнаго свободнаго подбора брачныхъ паръ. Напримѣръ, въ одномъ Требникѣ [54]) находимъ такую ужасную замѣтку: „мужъ аще оубиет жену свою волею и другую поймет да покается ϵι̃ лѣт... аще лиж оударит ю малым оудареніем и от сего оумрет видѣхом бо многажды и оудареніем за ланиту, или ткнутіемъ нѣкаковѣмъ смерти бывающу“...

Такимъ образомъ, если предшествующее брачное право implicite предполагало взаимное согласіе, то въ такомъ своемъ смыслѣ оно уже не оказывало никакого вліянія на жизнь [55]). Поэтому, если въ общей эволюціи права статья „о тайнѣ супружества“ только „досказала“ то, что уже „прямо вытекало изъ общаго смысла“ прежнихъ законовъ, то для русской исторической дѣйствительности, для семейнаго быта на Руси она явилась прямо спасительнымъ и совершенно новымъ вѣяніемъ.

Правило статьи, предписывающее священнику предварительно удостовѣряться въ свободномъ согласіи жениха и невѣсты, не тотчасъ послѣ изданія печатной Кормчей (1649 — 1653 г.) стало практиковаться у насъ при совершеніи браковѣнчанія. Первые слѣды его вліянія можно видѣть уже въ рукописномъ Служеб-

---

Костомарова: «Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII вв.», у Жмакина: «Обозрѣніе сочиненій митр. Даніила», у Дубакина: «Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго народа».

[49]) Дубакинъ, op. cit. 160—161.

[50]) Жмакинъ, op, cit. 517.

[51]) Дубакинъ—154—158.

[52]) См. Аристовъ. Невольное и неохотное поступленіе въ монашество у нашихъ предковъ до начала XVII в.: у Жмакина въ op cit. 519, у Дубакина—64—65.

[53]) На это указываетъ митр. Даніилъ. Жмакинъ—119.

[54]) Имп. Публ. Биб. Погод. № 308, л. 330: въ отдѣлѣ различныхъ эпитимійныхъ правилъ.

[55]) Павловъ (op, cit. 83 стр.) самъ принужденъ сказать, что вліяніе это было «слишкомъ слабое».

никѣ Софійской Библ. № 838 [56]). Здѣсь въ обрученіи предъ положеніемъ перстней на трапезѣ сдѣлана выноска въ видѣ + креста, а внизу на полѣ иными чернилами и позднѣйшимъ полууставомъ XVII в. сдѣлана приписка: „+ и пытаны бываютъ о любви" (л. 107 об.).

Вмѣсто подобныхъ неопредѣленныхъ предписаній патр. Іоакимъ въ своемъ Требникѣ, изданномъ въ 1677 г., помѣстилъ взятые изъ Требника Петра Могилы извѣстные вопросы священника жениху и невѣстѣ въ переводѣ ихъ на церковнославянскій языкъ [57]).

Эта общецерковная мѣра не замедлила вызвать цѣлый рядъ соотвѣтственныхъ мѣропріятій духовной власти. Уже въ 1683 г. митр. рязанскій Павелъ предписываетъ священникамъ блюсти „аще изволеніе жениха и невѣсты не нуждное есть на сожитіе". Еще важнѣе и замѣчательнѣе указъ патр. Адріана отъ 1693 г., въ которомъ священникамъ строго-на-строго предписывается тщательнѣйшимъ образомъ освѣдомляться, по любви-ли и взаимному согласію женихъ и невѣста хотятъ вступить въ бракъ [58]). Наконецъ, въ 1703 г. Стефанъ Яворскій указомъ предписалъ, чтобы женихъ, подписываясь собственноручно подъ обыскомъ, свидѣтельствовалъ, что онъ „поимаетъ дѣвицу волею своею и любленіемъ.... и не усилованіемъ отъ кого, также и невѣстѣ приписывать, которая буде грамотѣ умѣетъ".

Первый законодательный актъ русской *государственной* [59]) власти по дѣламъ брачнымъ былъ направленъ именно къ огражденію свободы вступленія въ бракъ. Это—знаменитый указъ Петра отъ 3 апрѣля 1702 г., которымъ отмѣнялись рядныя записки и сговореннымъ предоставлялась свобода отказываться отъ

---

[56]) Рукопись разносоставная: чинъ обрученія и начало вѣнчанія (лл. 107 об.—109 об.) относятся къ XVI в., а вторая половина къ XVII, хранится въ Библ. Спб. Дух. Академіи.

[57]) Іоакимовскій Требникъ 1677 г. (въ 4-ку) находится въ московской типографской библіотекѣ (Павловъ—ор. cit. 84 стр. прим. 1). Въ Кирилловской, что при Спб. Дух. Академіи, библіотекѣ, подъ № 539—796, находится рукописная копія 1689 г. съ Іоакимовскаго Требника 1677 или 1680 г. Поэтому пр. Горчаковъ допускаетъ историческую неточность, утверждая, что вопросы жениху и невѣстѣ внесены въ чинъ «въ самомъ началѣ XVIII в., вслѣдствіе будто бы указа Петра (№ 1009 и 1092) о сокращеніи (!?) брачнаго чина. Точная справка съ III томомъ Полн. Собр. Постанов. (№№ 1009 и 1092) показываетъ, что указъ (1009) Петра, врученный Синодальной Персонѣ (Ѳеодосію, арх. Новгородскому), говоритъ не о *внесеніи* въ чинъ новыхъ вопросовъ, а о *сокращеніи* чина (стр. 44); а Синодальный (1092) отвѣтный указъ касается отдѣленія по времени совершенія обрученія отъ вѣнчанія и установленія формы присяги для господъ и родителей жениха и невѣсты о самопроизвольномъ и непринужденномъ ихъ сочетаніи» (стр. 135).

Между прочимъ интересно, какъ Синодъ исполнилъ приказаніе Петра о сокращеніи брачнаго чина. Онъ приказалъ отдѣлить шестинедѣльнымъ промежуткомъ времени совершеніе обрученія отъ вѣнчанія и отвѣчаетъ на указъ Петра, что въ такомъ случаѣ «и церемонія вѣнчанія не продолжительна, но сокращена будетъ» (ibid). Дѣйствительныхъ же сокращеній не послѣдовало.

[58]) Знаменитый этотъ указъ въ переводѣ на современный литературный языкъ приведенъ у Павлова въ ор. cit. 84—85 стр.; а подлинную выписку можно читать у Соловьева въ Исторіи Россіи. т. XIV, изд. I., стр. 154—155.

[59]) До начала XVIII в. брачное право находилось въ исключительномъ вѣдѣніи церкви. См. у Павлова, 85 стр.

соединенія бракомъ, хотя бы надъ ними и было совершено церковное обрученіе.

Вообще, Петръ горячо взялся за дѣло и издалъ нѣсколько указовъ, охраняющихъ свободу вступленія въ бракъ (отъ 12 апр. 1722). Наконецъ, въ 1724 г. (5 января) принялъ въ томъ же направленіи чрезвычайно рѣшительную мѣру: повелѣлъ предъ совершеніемъ каждаго брака приводить родителей жениха и невѣсты по установленной формѣ *къ присягѣ* [60]) въ томъ, что они не дѣлаютъ брачащимся никакого принужденія [61]).

Такимъ образомъ, представители двухъ эпохъ, двухъ направленій—старозавѣтнаго (Іоакимъ, Адріанъ, Стефанъ Яворскій) и новаго (Петръ Вел.) сошлись въ вопросѣ о необходимости свободы чувства и выбора для начала брачнаго союза, чтобы спасти и упорядочить семейную жизнь. Прекрасно говоритъ по этому поводу Адріанъ въ своемъ указѣ: „священники... часто вѣнчаютъ лицъ не любящихъ другъ друга и не хотящихъ вступить въ бракъ между собою. По такому началу брачнаго союза, и вся дальнѣйшая жизнь тѣхъ супруговъ бываетъ несчастна, исполнена взаимной вражды и бездѣтна“ [62]).

Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ Петръ не одинъ тянулъ въ гору, когда другіе тянули подъ гору (выраженіе Посошкова); наоборотъ, самъ Петръ примкнулъ уже къ зародившемуся направленію, созналъ назрѣвшую потребность. И замѣчательно трогательно отношеніе женщинъ къ новому вѣянію, къ той зарѣ освобожденія, которая замерцала для нихъ еще до Петра и особенно ярко заблестѣла съ эпохи преобразованій. „Женщины скорѣе мужчинъ поддавались признакамъ преобразованія, безъ ропота надѣвали на себя иностранныя одежды, находя ихъ красивѣе старыхъ русскихъ, и охотнѣе бросались на увеселенія новаго рода. Понятно, что женщины видѣли въ этомъ свое освобожденіе отъ тяжелаго рабства, въ которомъ ихъ держалъ чинъ старой московской домашней жизни“ [63]).

Такимъ обравомъ, *желѣзный* Преобразователь весьма сильно опирался на *слабый*, но *прекрасный* полъ.

...Началъ рушиться древне-русскій теремъ; женщина и незамужняя дѣвушка стали появляться въ обществѣ. Въ прозаическую жизнь нашихъ предковъ живой струей влилась поэзія добрачнаго знакомства и сближенія половъ, свиданій, пылкой влюбленности и тихой, но глубокой любви,—словомъ всего того, что служитъ канвой для современныхъ романовъ. Какъ на новинку общество набросилось на эстетическія наслажденія новаго рода... и началось опьяненіе сентиментализмомъ.

Въ это время и въ литературѣ параллельно съ жизнью со-

---

[60]) Эта присяга такъ пугала родителей, что они начали оставаться дома и не появлялись въ церквахъ при вѣнчаніи. Отсюда у насъ и идетъ обычай родителямъ не присутствовать въ церкви при браковѣнчаніи.

[61]) Всѣ эти указы заимствованы у Павлова, стр 84—86.

[62]) Ibid. 81.

[63]) Костомаровъ. Рус. Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Изд. 2. СПБ. 1886 г. стр. 31—32.

вершался важный переворотъ. Съ конца XVII в. въ русскую повѣствовательную литературу впервые проникаетъ сердечная лирика. Любовь, не обращавшая прежде на себя никакого вниманія древне-русскаго читателя, теперь начинаетъ получать важное мѣсто. „Введеніе любовнаго элемента было первымъ завоеваніемъ, сдѣланнымъ литературой у жизни, и первымъ пріобрѣтеніемъ, заимствованнымъ жизнью у литературы“ [64]). Здѣсь было обоюдное взаимодѣйствіе. „Въ литературу вошелъ съ этихъ поръ элементъ житейской дѣйствительности, а въ жизнь проникъ элементъ идеализма, облагораживавшаго человѣческія отношенія“ [65]).

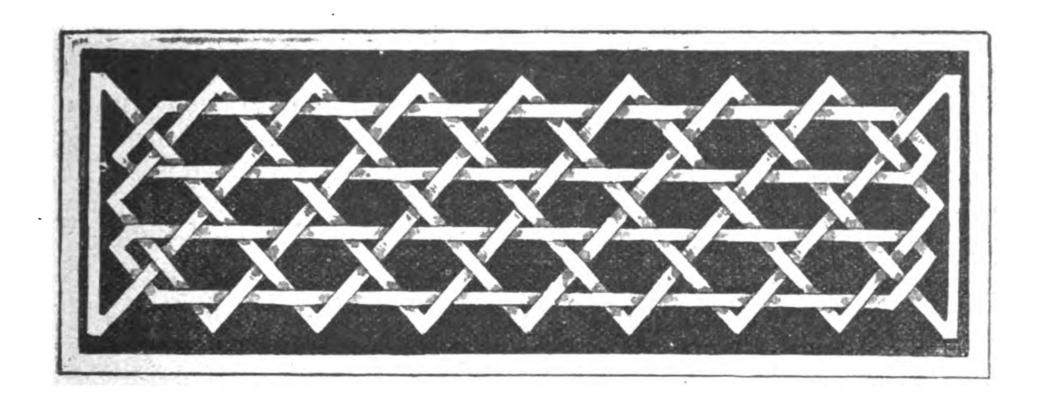
Первою школою нѣжныхъ чувствъ были въ данномъ случаѣ впечатлѣнія заграничной поѣздки, а способомъ ихъ пропаганды сдѣлалась оригинальная и переводная беллетристика. Познакомившись съ новыми чувствами въ мірѣ воображенія, читатель пробовалъ переносить тѣ-же чувства и въ свой житейскій обиходъ... Воображаемыя страданія сердца сливались съ дѣйствительными; въ итогѣ весь строй чувствъ повышался, и русскій человѣкъ входилъ во вкусъ утонченныхъ душевныхъ движеній, о которыхъ не имѣли ни малѣйшаго понятія его отцы и дѣды. „Черезъ посредство сентиментальной повѣсти и любовной лирики въ душѣ русскаго человѣка впервые отведенъ былъ уголокъ идеализму“ [66]).

Это была эпоха, когда наши ближайшіе предки учились любить, преклоняться предъ красотою, цѣнить женщину. Здѣсь начало русскаго *возрожденія*; здѣсь были заложены первые краеугольные камни русской изящной литературы и новѣйшаго искусства.

П. Левицкій.

---

[64]) Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры ч. II, стр. 171.
[65]) Ibid.
[66]) Ibid. 173 стр.

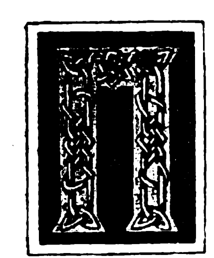

Венецейская Лагуна.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

(*Продолженіе*).

X.

осниковъ сидѣлъ у стола и писалъ крупнымъ фигуристымъ почеркомъ письмо на родину.

Онъ описывалъ свое путешествіе по невѣдомымъ странамъ Европы и свое пребываніе во Флоренціи и Венеціи.

«На княжомъ дворѣ»,— писалъ онъ,— «палаты объ осьми жильяхъ, числомъ ихъ 250; во всѣхъ запоны дорогія, столы аспидные, писаны золотомъ, травы подписаны золотомъ, чернильница золотая, фунтовъ тридцать, а вмѣсто песка руда серебряная; кресла крыты бархатомъ. На томъ же княжомъ дворѣ садъ рыбный, рыбы живыя, вода вверхъ возведена сажени съ четыре, устроенъ Іорданъ, и выше Іордана, сажени съ двѣ вверхъ, безпрестанно вода прыгаетъ на дробныя капли, а къ солнцу, что камень хрусталь. А около княжого двора деревья кедровыя и кипарисныя и благоуханіе великое.

„О Крещеніи жары великія, какъ у насъ объ Ивановѣ днѣ; яблоки великіе и лимоны родятся по дважды въ годъ, а зимы въ Флоренскѣ не бываетъ ни одного мѣсяца.

„Почти тоже въ Венеціи. Венецейскій дука велѣлъ приготовить для насъ театральное позорище и обошлось оно ему, надо думать, мало-малу въ тысячи двѣ венецейскихъ

дукатовъ, а статься можетъ, и меньше. Самъ дука не былъ на театральномъ зрѣлищѣ и насъ къ пріему о сю пору не допустилъ, болѣетъ ногами, а приказалъ играть. Объявились палаты, и бывъ палата и внизъ уйдетъ, и того было до шести перемѣнъ, а статься можетъ, и больше: утомился въ счету.

„Да въ тѣхъ-же палатахъ объявилося море, колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ; а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди, и начали облака съ людьми на низъ опущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, опять вверхъ же пошли; а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда-же поднялися вверхъ.

«Да спущался же съ неба же, кажись, что на облакѣ, человѣкъ, въ пестромъ, лоскутномъ одѣяніи съ палочкой и въ каретѣ, али другой какой повозкѣ, да противъ его въ другомъ возкѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки подъ каретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ; а приставъ сказалъ, что одинъ именуемъ Арлекинъ, а другое—Смералдина. А были еще Панталонъ и прочіе другіе.

«И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ занавѣса въ золотѣ и танцуютъ!

„А еще забылъ отписать, что Флоренскій князь разспрашивалъ и смотрѣлъ по чертежу про Сибирское государство и по скольку который звѣрь плодится, тому роспись взялъ. А Сибирскому государству и плоду соболиному, что ихъ много, и куницамъ, и лисицамъ, и бѣлкамъ и инымъ звѣрямъ зѣло дивился, какъ ихъ нельзя выловить.

«А у нихъ никакого звѣря нѣтъ, потому что мѣста очень гористы, а не лѣсны, лѣсъ все саженный. Отписалъ мнѣ сюды Флоренскій князь, что княгиня его бьетъ челомъ, дабы ей сдѣлали по московскому обычаю двѣ шубки, чѣмъ ей подарить новобрачную невѣстку свою и посему бью челомъ сдѣлать оныя шубки подъ камкою и подъ тафтою: и чтобы у одной исподъ былъ горностаевый, а у другой—бѣлій. И чтобы урядно выдѣлали.

„А еще здѣсь въ Венеціи вино доброе, зѣло пьяное и въ голову шибаетъ, а ноги ничего, не трогаетъ. Шоринъ велію пользу оказываетъ, свободно ведетъ рѣчь по здѣшнему, по венецейскому, и зѣло рѣчистъ. А въ мысляхъ онъ человѣкъ ненадежный и сердцемъ легокъ.“

— Усталъ! сказалъ самъ себѣ Посниковъ и хотѣлъ перечитать письмо, но потомъ махнулъ рукой,—добро и такъ!...

Въ компату вошелъ Шоринъ.

Онъ сильно похудѣлъ за это время, и на его блѣдномъ лицѣ глаза обыкновенно живые и выразительные, высматривали утомленными.

„Легокъ на поминѣ“ подумалъ Посниковъ, — „а малый извелся и зѣло недужнымъ высматриваетъ.“

—Что тебѣ, Иванъ? Али что новое есть?

Посниковъ всегда приходилъ въ умиленіе отъ своихъ писемъ и становился мягче въ обращеніи.

— Есть и новое. Приходили пристава.

— Приметъ ли насъ, наконецъ, дука?

— Приметъ.

— Когда?

— Пріемъ назначенъ на завтра, около полудня.

— Вотъ какъ ты меня обрадовалъ, Иванъ, и сказать тебѣ не могу, встрепенулся Посниковъ. — А послѣ пріема недолго намъ здѣсь жить и отправимся мы во-свояси, на Москву-матушку.

Но то, что такъ радовало Посникова, пришлось очень не по душѣ Шорину.

Появленіе приставовъ свалилось на него какъ громъ съ неба. Онъ такъ давно ждалъ ихъ, что уже и пересталъ тревожиться. Онъ старался забыть о существованіи ихъ, какъ и самого дожа, потому что хорошо зналъ, что послѣ пріема у дожа Посниковъ станетъ торопить отъѣздомъ.

Уѣхать теперь изъ Венеціи? Теперь, когда Краонъ исчезъ съ его пути, когда Лючіетта свободна, когда у него завязались съ ней отношенія, которыя подаютъ ему такую сладкую надежду?...

Послѣ отъѣзда Краона онъ видѣлся съ Лючіеттой въ томъ-же театрѣ, гдѣ ея красота такъ поразила его. Онъ дождался ея выхода послѣ представленія и проводилъ ее и Карлоне до дому. Теперь онъ знаетъ, гдѣ она живетъ.

И, что главнѣе всего, она съ нимъ говорила очень ласково и велѣла ему побывать у нея. Какое счастье! Мечты долгихъ дней пребыванія въ Венеціи начинаютъ осуществляться—и вдругъ онъ уѣдетъ? Никогда! Что ему Москва? Зачѣмъ ему Москва? Онъ хочетъ жить тамъ, гдѣ живетъ Лючіетта, дышать однимъ съ нею воздухомъ, смотрѣть на ея небо... Тамъ, въ Москвѣ—какъ давно это было!—его сватали къ одной торговой дѣвушкѣ, дочери купца, которой онъ не видѣлъ въ глаза. Зачѣмъ она ему? Поселиться съ нею въ теремѣ, изнывать отъ скуки, пользоваться ея робкими ласками и слушать ея сон-

ныя рѣчи, сидя вдвоемъ въ свѣтелкѣ? Нѣтъ, нѣтъ! Здѣсь онъ чувствуетъ себя свободнымъ, вольнымъ. Онъ сроднился съ этой жизнью, «обасурманился», какъ говоритъ о немъ Посниковъ. Такъ что-жъ? Пусть лжетъ на него старый дьякъ, сколько хочетъ: какой-же онъ басурманъ? Вѣдь вѣрѣ своей онъ не измѣнилъ, а ежели полюбилъ венецейскую плясунью, такъ вѣдь въ сердцѣ своемъ не воленъ человѣкъ...

Посниковъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

Онъ уже два раза окликалъ его, но не получалъ отвѣта.

— Что ты? Недужится, али другое что съ тобой приключилося?

— Недужится малость.

— Гляди, разнеможешься... какъ бы еще не пришлось отложить видѣться съ дукой.

— Будь надеженъ. Къ заутру пройдетъ.

— То-то, пройдетъ. Уходишь ты себя, Иванъ, ей, уходишь! Такъ приготовься-же къ завтрему, что говорить нужно и другое, а такожде и отвѣчать и прочее. Не ударь въ грязь лицомъ и чтобы намъ праведно учинить посольство. А писаніе сіе опечатай и пошли съ гонцомъ, али оказіей до Ливорны города, а отколь на Москву. Послалъ-ли грекамъ помощь для освобожденныхъ изъ турскаго плѣну?

— Послалъ.

— Добро. Не много-ли послалъ-то?

— Самую малость.

— Такъ-то лучше. Иные же пошли и безъ помощи, разными государствами, на Москву. Почему же сіи не могутъ, а живутъ у грековъ на даровомъ иждивеніи и хлѣбахъ?

— Про то не вѣдаю.

— Ладно. Такъ ступай себѣ, отдохни.

Но Шоринъ не былъ вовсе боленъ. Онъ сказалъ о болѣзни, чтобы отдѣлаться отъ дьяковыхъ распросовъ. Одна мысль угнетала его: завтра пріемъ, а тамъ, скоро, отъѣздъ. И эта мысль заставляла его холодѣть и отравляла его существованіе.

Онъ не зналъ еще, что сдѣлаетъ, но твердо зналъ одно, что не уѣдетъ.

Въ назначенное время посольство, въ полномъ составѣ, высадилось у Піацетты.

Двѣ огромныя колонны, вывезенныя изъ Константинополя въ концѣ XII вѣка дожемъ Себастьяномъ Зіани и поставленныя на Піацеттѣ, произвели впечатлѣніе на Посникова и Чемоданова, которые ни разу еще не побывали здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ поселились въ Венеціи.

На одной изъ колоннъ красовалась статуя св. Ѳеодора, патрона города, вооруженнаго стрѣлой и щитомъ; на другой — крылатый левъ св. Марка, обращенный къ морю, казался стоящимъ на стражѣ республики. Между этими колоннами совершались казни преступниковъ, и Шоринъ вспомнилъ при этомъ случаѣ о Николо и о венеціанской поговоркѣ: «cave columnas»!

Дворецъ дожа представлялъ изъ себя странную смѣсь готической и мавританской архитектуры; въ немъ было что-то величественное, строгое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, восточное.

Пословъ у porte della Carta, ведшей въ обширный четыреугольный дворъ, встрѣтили пристава въ праздничныхъ богатыхъ одеждахъ, да и кафтаны пословъ, обшитые позументомъ, и ихъ шубы изъ рытаго бархата, отороченныя соболями, были богаты и красивы, какъ и ихъ высокія мѣховыя шапки. Толпа любопытныхъ любовалась и дивилась ихъ наряду, пока они не скрылись въ широкихъ воротахъ дворца.

Пословъ повели по лѣстницѣ Гигантовъ, сдѣланной изъ бѣлаго мрамора и названной такъ по двумъ колоссальнымъ статуямъ Нептуна и Марса, поставленныхъ наверху и изображавшихъ владычество республики на моряхъ и на землѣ.

Пристава предупредительно объясняли гостямъ всѣ достопримѣчательности дворца, нисколько не торопили посольство и, видимо, даже были польщены удивленіемъ и восхищеніемъ пословъ.

— А чьей работы и мастерства сіи нагіе истуканы? спросилъ Посниковъ.

— Флоренскаго мастера Сансовино.

— Зѣло огромны, замѣтилъ Чемодановъ.

Они прошли нѣсколько залъ большихъ и меньшихъ размѣровъ, любовались живописью потолковъ и убранствомъ стѣнъ, а также мебелью.

Дожъ, Бертучіо Вальеръ, принялъ посольство въ великолѣпной залѣ совѣта, такъ какъ въ тронной залѣ производились какія-то починки. Дожъ, сухой, пожилой человѣкъ, одѣтъ былъ въ широкую мантію съ ниспадающимъ широкимъ-же воротникомъ, похожимъ на пелерину изъ горностая. Тяжелая мантія изъ великолѣпнаго бархата скрывала его больныя ноги, покоившіяся на бархатной подушкѣ. Волосы у него были длинны и на головѣ одѣта шапка, однорогая, рогомъ загнутая впередъ, а вокругъ ея, по низу, была золотая корона.

Дожъ сидѣлъ на высокомъ рѣзномъ, золоченомъ креслѣ.

Лицо у него было блѣдное и больное, но темные глаза имѣли живое выраженіе и острый проницательный взглядъ. Небольшіе усики въ стрѣлку и маленькая эспаньелка украшали его изможденное лицо, съ провалившимися щеками и выдавшимися наружу скулами.

Вокругъ него, тоже на возвышеніи, сидѣли «честные владѣтели».

— Привѣтствую васъ, посланники великаго московскаго государя! слабымъ голосомъ сказалъ дожъ. — Прискорбно мнѣ, что не могъ видѣть васъ раньше. Недугъ приковалъ меня къ постели, и я не могъ достойно принять васъ. Не соскучились-ли, ожидавши сего дня?

— Много благодарствуемъ за добрыя слова и за заботы о насъ, пресвѣтлый дука, отвѣчалъ Шоринъ по порученію Посникова.—А еще надлежитъ намъ сказать и объявить вамъ, что государь нашъ позволилъ венеціанамъ торговать у Архангельска повольною торговлею съ платою обычныхъ пошлинъ.

— Благодарствую, отвѣтилъ дожъ, — на добромъ повелѣніи вашего милостиваго владыки. А прислалъ-ли онъ съ вами, почтенные вельможи, отвѣтъ на просьбу нашу, за коею мы посылали къ нему нашихъ довѣренныхъ людей?

— Великій государь, началъ Шоринъ,—всегда о томъ тщаніе имѣетъ, чтобы православное христіанство изъ бусурманскихъ рукъ высвободилось; только теперь его царскому величеству начать этого дѣла нельзя, потому что онъ пошелъ на непріятеля своего; а какъ, за Божьей помощью, съ непріятелемъ управится, то велитъ заключить договоръ съ вами, какъ стоять на общаго христіанскаго непріятеля....

У дожа лицо вытянулось, и онъ выразилъ глазами удивленіе; однако, посовѣтовавшись съ своими приближенными, ничего не сказалъ.

— Говори главное дѣло, зачѣмъ сюды посланы, сказалъ Шорину Посниковъ.

Шоринъ подождалъ отвѣта дожа, но такъ какъ дожъ ничего не говорилъ, то онъ началъ снова:

— Еще должны мы объяснить великому князю о великихъ неправдахъ, кои чинитъ нашему государству шведскій король, и также о томъ, что царское величество злому его начинанію терпѣть не станетъ.

Дожъ, видимо, совершенно не понималъ, почему послы заговорили о шведскомъ королѣ и его неправдахъ, и вопросительно переглядывался съ совѣтниками, не зная, что отвѣтить.

Тогда Шоринъ поспѣшилъ пояснить свою мысль.

Онъ сказалъ, собравшись съ духомъ:

— Такъ вотъ... вашему княжеству и честнымъ владѣтелямъ къ царскому величеству любовь свою и доброхотство показать, прислать на помощь ратнымъ людямъ взаймы золотыхъ или ефимковъ, сколько можно, и прислать-бы поскорѣе.

Онъ кончилъ.

Но на лицахъ дожа и честныхъ владѣтелей отразилось такое недоумѣніе, что послы смутились.

— Они, кажется, нехорошо выразумѣли, шепнулъ Чемодановъ Посникову.

— Ты что имъ сказалъ такого, что будто у нихъ животы подвело? спросилъ, въ свою очередь, Посниковъ Шорина шопотомъ.—Сказалъ-ли ты имъ правильно, что царь проситъ денегъ для ратныхъ людей?

— Сказалъ.

Дожъ тоже шептался съ совѣтниками.

— Какъ это, спрашивалъ онъ,—московскій государь противъ турокъ откладываетъ помогать до другого времени, а денегъ взаймы проситъ поскорѣе?

— Никакъ нельзя того понять, отвѣтили ему честные владѣтели.

Пріемъ кончился.

Дожъ отпустилъ посланниковъ, сказавъ имъ, что приметъ ихъ вновь, когда изготовитъ отвѣтъ, или же пришлетъ съ онымъ пристава, если опять занеможетъ.

Въ душѣ Шорина расцвѣла надежда. Переговоры могутъ затянуться, и они еще пробудутъ немалое время въ Венеціи. Очевидно, произошло непониманіе другъ друга и общее недоумѣніе.

Придется не разъ объясняться, и кто знаетъ, можетъ быть, ихъ задержатъ надолго.

Послы откланялись и въ сопровожденіи приставовъ покинули дворецъ дуки.

Но уже на другой день пріѣхалъ къ посланникамъ приставъ для разъясненія этого страннаго дѣла и, будучи введенъ Шоринымъ къ Посникову и Чемоданову, сказалъ имъ:

— Присланъ я отъ нашего князя.

— Ради васъ видѣть. Что угодно пресвѣтлому дукѣ?

— Скажите мнѣ, за то ли государь у насъ проситъ казны, что хочетъ помочь намъ на турка? Не выразумѣли мы сіе въ прошлый разъ.

Посниковъ разсердился.

— Ты говоришь непристойныя слова, простыя, гнѣвно отвѣтилъ онъ и потребовалъ отъ Шорина точнаго перевода: великій государь нашъ, ежели изволитъ послать рать свою на турка, то пошлетъ для избавленія христіанъ, а не изъ-за золотыхъ или ефимковъ.

— Такъ...—протянулъ приставъ, все еще нехорошо понимая.

Посниковъ обратился къ Шорину:

— Скажи ему: по чьему указу говоришь ты эти бездѣльныя слова, приказалъ тебѣ это князь или владѣтели?

Приставъ, видимо, смутился и призадумался.

Потомъ отвѣтилъ, переминаясь съ ноги на ногу:

— Я это сказалъ отъ себя.

— Глупыя и непристойныя для такого случая, слова твои, отвѣтилъ Посниковъ и отпустилъ пристава.

Послы были очень раздражены по его уходѣ.

— Видимо, изъ сего ничего достойнаго не произойдетъ и намъ нужно уѣхать, сказалъ Чемодановъ.

— И я думаю также, согласился съ нимъ Посниковъ.

Но Шоринъ, принявъ на себя скромный видъ, проговорилъ.

— Дозвольте и мнѣ свое сужденіе высказать.

— Говори! согласились оба разомъ.

— Я такъ полагаю, что уѣхать отсюда не подобаетъ намъ съ такою стремительностью.

— Почему-бы это?

— Первое, что нелѣпо показать, будто мы обидѣлись словами глупаго пристава, сказанными имъ отъ себя и за свой страхъ.

Посниковъ сердито ухмыльнулся.

— Пустое говоришь. Отъ себя-ли онъ сказалъ? Говорилъ онъ отъ князя и владѣтелей, а когда оказалось, что слова его просты и непристойны, вину на себя взялъ.

— Это все одно. Мы должны принять ихъ, какъ бы они были сказаны отъ него.

— Ладно; это правильно. Такъ это первое. А второе?

— А второе: надлежитъ намъ дождаться подлиннаго отвѣта князя и его правительства.

Чемодановъ сказалъ:

— Малый разсудилъ вѣрно. Ты какъ думаешь?

— И я такъ думаю, отвѣтилъ Посниковъ.

Ободренный Шоринъ продолжалъ:

— Надлежитъ намъ уразумѣть ихъ отвѣтъ, а то какъ же

мы поѣдемъ и что привеземъ? А какъ да намъ вслѣдъ будетъ послано посольство съ казной, а мы, упредивъ его, скажемъ, что въ казнѣ отказали? Выйдетъ великое посрамленіе для насъ и для дѣла нашего.

— Пожалуй, что и такъ, согласился Посниковъ,—и говоришь ты съ разсудкомъ. А только сдается мнѣ, что ничего путнаго изъ того не выйдетъ. Однако, остаться и подождать слѣдуетъ.

— И я такъ думаю, подтвердилъ Чемодановъ.

«Какъ они согласно думаютъ», улыбнулся про себя Шоринъ.—«Чужими мыслями видно легче думать, чѣмъ своими».

Онъ былъ очень доволенъ, что ему удалось уговорить пословъ остаться. Мало-ли что можетъ произойти за эти дни!...

Но мечтамъ его не суждено было сбыться.

На другое-же утро, когда онъ сидѣлъ у Посникова, посланникъ, выглянувъ въ окно, вскрикнулъ:

— Гляди, Иванъ, сюда! Ужъ не приставъ ли опять къ намъ жалуетъ?

— Онъ и есть, съ досадой отвѣтилъ Шоринъ.

Дѣйствительно, изъ правительственной гондолы выходилъ приставъ въ сопровожденіи двухъ другихъ.

Это уже были оффиціальные посланные, потому что первый изъ нихъ несъ на бархатной подушкѣ малиноваго цвѣта, обшитой золотымъ шнуромъ съ массивными кистями по угламъ, свитокъ, на одномъ концѣ котораго была привязана такимъ же золотымъ шнуромъ, только потоньше, государственная печать.

— Это отвѣтъ князя, сказалъ печально Шоринъ.

— Какъ скоро!

— Оно и лучше, что скоро. Послушаемъ, что-то онъ шлетъ намъ.

Пристава вошли съ низкими поклонами.

Послы уже успѣли облечься въ свои шубы и заняли мѣста въ залѣ, въ которой они принимали и въ первый разъ приставовъ дожа.

— Привѣтъ отъ нашего правительства доблестнымъ посланникамъ великаго государя, сказалъ приставъ.

— Благодаримъ. Да хранитъ и васъ Господь на многія лѣта.

— Вотъ мы принесли вамъ отвѣтъ, котораго вы требовали отъ нашего правительства.

Приставъ поднесъ подушку со свиткомъ Чемоданову.

Чемодановъ передалъ свитокъ Посникову, а Посниковъ, развернувъ его и посмотрѣвъ на подпись, Шорину.

— Читай, сказалъ онъ.

Шоринъ прочелъ:

— «Уже тринадцатый годъ, какъ мы воюемъ съ турками; разумъ нашъ и охота не ослабѣваютъ, но казнѣ убытокъ большой и потому правительство наше съ прискорбіемъ должно отказать царскому величеству; надѣемся, что, узнавши бѣдность нашу, онъ не прогнѣвается на насъ».

— Все? спросилъ Посниковъ.

— Все.

— Ну такъ поклонитесь отъ насъ вашему князю и честнымъ владѣтелямъ, сказалъ Посниковъ,—а намъ надлежитъ уѣхать. И такъ долго прожили для такого пустого отвѣту. Чтобы оный дать, можно было и не такъ много времени класть...

Пристава откланялись и удалились молча.

XI.

За Мерчеріей, на via San Giuliano, выходя наружнымъ фасадомъ на каналъ, стоялъ небольшой каменный домъ красивой архитектуры, съ балкономъ, окруженнымъ высѣченной изъ камня балюстрадой. Широкія окна изъ цвѣтныхъ стеколъ, закругленныя наверху, выходили на этотъ балконъ.

Гондола медленно плыла по каналу, и сидѣвшій въ ней Шоринъ горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе подъѣхать къ эстрадѣ.

— Вы точно поклялись, чтобы я опоздалъ, нетерпѣливо говорилъ онъ лодочнику,—нельзя ли скорѣе? Я вамъ заплачу дукатъ.

— Дукатъ — большія деньги для бѣднаго лодочника, отвѣтилъ гондольеръ, но я плыву, какъ могу. И я не разъ опережалъ на гонкахъ лучшихъ гондольеровъ. Вы требуете, синьоръ, невозможнаго.

Наконецъ, лодка причалила къ ступенькамъ вестибюля.

Шоринъ быстро расплатился съ гондольеромъ и вбѣжалъ по лѣстницѣ въ домъ.

Его встрѣтила дѣвушка, Джильда, давно уже служившая у Лючіетты, и провела его по заламъ въ дальнюю комнату.

Тѣ помѣщенія, которыя онъ проходилъ, были роскошны и великолѣпны. На стѣнахъ висѣли огромныя зеркала въ причудливыхъ рамахъ изъ стекла-же, тонкой, вычурной ра-

боты. Столы изъ скульптурнаго дерева, работы знаменитаго мастера Андреа Брустолона, украшали комнаты; шкафы съ живописью, изображавшею цвѣты, птицъ, арабески, стояли по стѣнамъ. Было много мебели: диваны, кресла, кушетки, покрытыя шелковыми матеріями темныхъ тоновъ; своды потолковъ поддерживались амурами и придавали комнатѣ своими арками видъ павильоновъ. И самые потолки были росписаны великолѣпной живописью, въ которой тоже преобладали цвѣты, плоды и амуры.

Въ комнатахъ пахло тѣми самыми духами, которыми душилась Лючіетта, и, казалось, по всему дому разлитъ былъ ароматъ сладострастія.

Въ послѣдней комнатѣ Шоринъ увидѣлъ Лючіетту.

Она лежала на низкомъ диванѣ въ шелковомъ платьѣ ярко-желтаго цвѣта, который такъ шелъ къ ней и въ особенности къ ея волосамъ. Этотъ цвѣтъ дѣлалъ ея нѣсколько блѣдной, но это нисколько не было въ ущербъ ея красотѣ. Она казалась только нѣсколько мечтательнѣе отъ этого и какъ будто чуть-чуть утомленной.

Шея и часть груди ея были открыты широкимъ вырѣзомъ корсажа—такова была мода того времени, которой стали подражать даже патриціанки, показываясь въ такомъ видѣ въ театрахъ и даже на улицахъ и на молѣ, прогуливаясь въ обществѣ своихъ женоподобныхъ ухаживателей и чичисбеевъ съ длинными волосами.

Одѣваніе и зеркало брали у модной венеціанской женщины того времени около семи часовъ въ день, а забота о прическѣ была дѣломъ очень серьезнымъ. Гребень изъ желтой бронзы удерживалъ волосы, которые посыпались обильно желтой пудрой, придававшей имъ бѣлокурый оттѣнокъ. Привѣшивались и пристраивались локоны, букли; волосы украшались птичками, цвѣтами, плодами.

Но Лючіетта пренебрегала всѣми этими обычаями и модами съ дерзостью красавицы, красота которой отвѣчала сама за себя и не требовала искусства куафера, чтобы очаровывать.

И Шоринъ увидѣлъ ее съ ея естественными волосами рыжеватаго оттѣнка, которые отъ природы слегка кое-гдѣ завивались широкими волнистыми прядями.

Она была молода, какъ только что народившаяся весна; она была красива, какъ небесный ангелъ, она была стройна какъ кипарисное дерево. Какой-то странной нѣгой вѣяло отъ нея, а голосъ ея походилъ на шопотъ журчащаго ручейка.

Такъ думалось Шорину, когда онъ увидѣлъ ее въ этой обстановкѣ, и голова его закружилась и сердце его трепетно и сладко забилось.

— Лючіетта... Лючіетта!.. проговорилъ онъ, задыхаясь, и, опустившись на колѣни, покрылъ ея руки страстными поцѣлуями.—Какъ ты красива, какъ ты красива и не съ кѣмъ мнѣ сравнить тебя!

Лючіетта засмѣялась, отняла свои руки и сказала:

— Ты, Джіованни, много ѣздилъ по свѣту... неужели нигдѣ въ мірѣ нѣтъ больше такой красавицы?

— Нѣтъ, серьезно отвѣтилъ онъ,—по крайней мѣрѣ, мнѣ не доводилось встрѣтить такой.

— А ваши дѣвушки въ Москвѣ, развѣ хуже меня?

Онъ махнулъ рукой

— Ахъ, наши дѣвушки! сказалъ онъ. — Онѣ высоки, стройны, круглолицы и румяны, но въ нихъ нѣтъ того, что въ тебѣ есть.

— А что во мнѣ есть? спросила она его лукаво.

— Я не знаю... отвѣтилъ онъ. — Я не могу этого объяснить; но въ тебѣ есть такое, что, разъ видѣвши тебя, невозможно забыть. Краонъ уѣхалъ?

— Уѣхалъ.

— Ты очень печалилась?

— Не очень.

— Ты любила его?

— Нѣтъ.

— И тебѣ не жаль его?

— Нѣтъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Но онъ любилъ тебя, Лючіетта.

— Я не могла ему помѣшать любить меня.

— Но онъ постоянно былъ съ тобою и ты отвѣчала ему ласками...

— Такъ что-же? Онъ дѣлалъ мнѣ хорошіе подарки.

Шоринъ задумчиво покачалъ говової.

— Наши дѣвушки не отвѣчаютъ ласками тому, кого не любятъ, и не берутъ подарковъ.

Она безпечно засмѣялась.

— Меня многіе любили, Джіованни, но не могла же я любить всѣхъ, кто меня любилъ.

— Но кого-нибудь ты любила?

— Никого. Я люблю одну Карлоне. Я юблю ея личико,

люблю ея глазки и ротикъ, похожій на расцвѣтшій букетъ; люблю ея шелковые волосы и бѣлые какъ жемчужины зубки и ея холодное какъ мраморъ и стройное какъ дворецъ дожей тѣло... И ея мысли, потому что ея мысли—мои мысли. И я удивляюсь, что вы всѣ, которымъ нравилась я и которые объясняетесь мнѣ въ любви, не обращаете вниманія на Карлоне...

— Но вѣдь она женщина, въ недоумѣніи воскликнулъ Шоринъ,—какъ же можешь ты любить ее?

— Такъ что-же? Развѣ у красоты есть полъ? Я люблю красоту, люблю красивыя вещи, красивые дома, красивыя платья, красивыхъ женщинъ... и мужчинъ. И тебя, Джіованни, потому что ты тоже очень красивъ! У тебя въ лицѣ что-то суровое, дикое, что мнѣ еще не встрѣчалось ни разу на лицахъ нашихъ изнѣженныхъ cavalierie servante или чичисбеевъ, похожихъ на женщинъ. Я иноземцевъ больше люблю, чѣмъ нашихъ. Въ нихъ всегда найдешь что нибудь новое... Я тебя, кажется, буду любить... если ты не будешь очень ревнивымъ и требовательнымъ.

— Лючіетта! воскликнулъ онъ радостно.

Она вдругъ обняла его своими сильными руками, поцѣловала прямо въ губы и прижала голову его къ своей обнаженной груди.

Это былъ поцѣлуй безъ любви, но въ которомъ было много сладострастія, и такой поцѣлуй пришлось испытать впервые Шорину.

Онъ весь зардѣлся и ему сдѣлалось сладко, жутко и конфузно.

Лючіетта смѣялась отъ души, искренно, весело, какъ расшалившійся ребенокъ, а смѣхъ ея все больше и больше смущалъ Шорина.

— Лючіетта, наконецъ, нѣсколько оправившись, сказалъ онъ,—я здѣсь впервые и еще плохо знаю ваши нравы и обычаи. Ты знаешь, я здѣсь съ посольствомъ, которое уже имѣло представленіе у вашего князя. Дѣла наши кончены, и мы должны будемъ уѣхать.

— Я не пущу тебя.

— Потому я и говорю... Я не знаю вашихъ женщинъ и не знаю, какъ онѣ любятъ? Я не знаю тебя и не знаю, полюбишь-ли ты меня. Я знаю, что наши дѣвушки, ежели любятъ, то любятъ сильно, горячо, безъ завѣта. И наши мужчины, ежели полюбятъ—то навсегда...

— Навсегда? вскрикнула она съ комическимъ ужасомъ.

Онъ не обратилъ вниманія на ея восклицаніе и продолжалъ:

— Мнѣ надо уѣхать или остаться. Уѣхать отъ тебя это все равно, что лечь въ могилу. Остаться—значитъ погубить себя. Видишь, мнѣ нѣтъ исхода. И такъ и этакъ одинаково—гибель. Но я ничего не боюсь, потому что люблю тебя. Вотъ, ты говоришь, что не знаешь любви и никогда не любила... Какъ же объясню я тебѣ это? Какъ скажу тебѣ про мою любовь? Ты, все равно, не поймешь. Я радъ погибнуть, ежели ты будешь любить меня, но ежели нѣтъ?

— Я ничего не могу обѣщать тебѣ. Ты видѣлъ, какъ я танцовала, ты видѣлъ меня въ Ridotto, потомъ въ театрѣ Санъ Кассіано; ты слѣдилъ за мной на улицѣ, наконецъ, ты явился ко мнѣ. Что такое любовь? По твоему что-то вѣчное, длинное, долгое и скучное. По моему любовь—развлеченіе отъ скуки, все равно что поѣздка на Лидо или въ Мурано, или прогулка въ тихую весеннюю ночь въ прекрасномъ саду, въ которомъ свѣтитъ луна и поютъ птицы. Вотъ я недавно думала о такомъ садѣ, когда проѣзжала мимо него въ послѣднюю ночь съ Краономъ. Но вѣчно вѣдь гулять невозможно? И весна вѣчно длиться не можетъ? И луна не всегда горитъ на небѣ, и птицы поютъ не весь день! Когда весна смѣняется осенью, когда луна уходитъ за облака, когда, вмѣсто ночи, наступаетъ день и когда умолкаютъ птицы — проходитъ любовь... Развѣ любовь можетъ быть вѣчной? Развѣ старость знаетъ любовь? А вѣдь люди старѣютъ и дѣлаются некрасивыми и потомъ умираютъ. Красивое платье изнашивается, какъ и любовь. И тогда я безъ сожалѣнія выбрасываю старое платье, потому что знаю, что замѣню его новымъ. И листья на деревьяхъ мѣняютъ свой нарядъ, и сердце не всегда можетъ биться съ одинаковой силой. Какъ же ты можешь отвѣчать за свое сердце, или какъ я могу отвѣчать за свое? Такъ говоритъ и Карлоне.

Шоринъ еще въ первый разъ слышалъ такія рѣчи, и хотя умъ говорилъ ему, что въ нихъ есть что-то близкое къ истинѣ, но сердце его отвергало эти рѣчи и возмущалось.

— Ты говоришь такъ, потому что никогда не любила, упрямо повторилъ онъ.—Я слышалъ, правда, здѣсь говорятъ, что любовь женщины похожа на пчелу, которая, ужаливъ человѣка, тотчасъ же умираетъ и ее не поймать. Но я не вѣрю этому. Я чувствую, какъ любовь къ тебѣ растетъ во мнѣ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Днемъ и ночью сплошь ты у меня передъ глазами и, когда я ложусь спать, я думаю

о тебѣ, и когда я просыпаюсь, первая мысль о тебѣ-же. И я готовъ думать о тебѣ вѣчно, не сводить съ тебя взоровъ и за тѣ мученія, которыя ты доставляешь мнѣ, благославлять тебя. Это большой грѣхъ, я знаю. Но я боялся грѣха до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ тебя, теперь я не боюсь больше ничего, боюсь одного, что ты не станешь любить меня.

Она сѣла къ нему ближе, прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ.

— Разскажи мнѣ о вашей странѣ. Большая она?

— Огромная.

— И, говорятъ, у васъ холодно?

— Зимой холодно, лѣтомъ жарко, но зима длится долго и бываетъ суровая.

— И все покрыто снѣгомъ?

— Да, глубокимъ снѣгомъ. И поля, и улицы, и дома; а рѣки и озера скованы льдомъ.

— Какъ можете вы такъ горячо любить, когда у васъ такъ холодно?

— Быть можетъ, именно потому у насъ такія горячія чувства; сердце, какъ и тѣло, жаждетъ отогрѣться. Но, Лючіетта, отпусти меня, грустно сказалъ Шоринъ,—я вижу ты, не любишь меня и никогда не полюбишь, и мнѣ, стало быть, надо уѣхать.

— О, нѣтъ, не уѣзжай! Я не хочу, чтобы ты уѣзжалъ. Зачѣмъ ты уѣдешь? И ты говоришь, что любишь меня? Какъ же я могу тебѣ вѣрить? Ты даже не хочешь попытаться завоевать мою любовь.

— На вечеръ?

— Хотя бы и на одинъ вечеръ. Развѣ я не стою этого? Ты самъ говоришь, что я красавица, какихъ ты не видѣлъ...

Она опять обвила его шею руками.

— Я и повторяю это.

— Такъ кто-же тебѣ мѣшаетъ любить меня? Если бы ты былъ мнѣ противенъ, я бы не позволила тебѣ придти ко мнѣ. Но я позволила, и ты у меня, и ты говоришь со мною... вотъ только не обнимаешь и не цѣлуешь меня... засмѣялась она.—Но это ничего. Такъ, пожалуй, лучше. По крайней мѣрѣ, не всѣ поступаютъ такъ какъ ты.

Онъ сдѣлалъ усиліе надъ своей робостью и попытался ее поцѣловать.

Но она быстро, со смѣхомъ, отстранилась отъ него.

— Нѣтъ, сказала она,—не надо, такъ лучше. Такъ ты останешься?

— Если ты будешь любить меня.

— Опять? сказала она жалобно и съ легкой досадой въ голосѣ.—Ну хорошо, я... вѣроятно, полюблю тебя.

— Надолго? Навсегда? живо спросилъ онъ.

Она отрицательно покачала головой.

— Надолго-ли? Не знаю. Но знаю, что не навсегда. Человѣкъ находится не въ своей власти и имъ управляетъ не его воля. Неужели у васъ, въ вашей странѣ, не знаютъ этого? Я тебѣ разскажу случай. Когда я была въ монастырѣ, я полюбила одного аббата. Онъ тоже полюбилъ меня. Его звали Мартиномъ. Мы устраивали свиданія въ исповѣдальнѣ, въ церкви, у алтаря, въ сакристіи, гдѣ можно только было свидѣться.

— Какой грѣхъ! испуганно воскликнулъ Шоринъ.

Она улыбнулась.

— Грѣхъ? сказала она. — Совсѣмъ нѣтъ! Даже тогда намъ не казалось этого. Отчего грѣхъ? Любовь намъ дана вмѣстѣ съ жизнью, а церковь освящаетъ любовь. И вотъ, въ одну ночь, мы поклялись другъ другу въ вѣчной любви передъ алтаремъ Всевышняго. Но онъ былъ аббатъ, какъ я уже тебѣ говорила, а я—молоденькая невинная дѣвушка. Мы рѣшили бѣжать куда-нибудь далеко, такъ далеко, чтобы скрыться отъ людей. Намъ казалось, что вѣчная любовь возможна, вотъ такъ же, какъ тебѣ теперь кажется. Но мы были молоды... ты гораздо старше его. А я была совсѣмъ дѣвочкой. Ну, поклявшись мнѣ въ вѣчной любви, онъ потребовалъ залога и залогъ былъ данъ. Но Мартинъ былъ слабъ душою, вотъ, должно быть, какъ ты. Онъ испугался, смутился, сталъ замаливать свой грѣхъ и, въ концѣ концовъ, исповѣдался въ немъ епископу. Его перевели куда-то, куда - не знаю... Съ тѣхъ поръ я его не видала и оставила монастырь. Теперь, я слышала, онъ пріѣзжаетъ въ нашъ городъ проповѣдывать о грѣхѣ роскоши и любви... Его посылаетъ папа, который наслышался о паденіи нравовъ въ Венеціи. Онъ, этотъ Мартинъ, будетъ проповѣдывать противъ любви и женщинъ! Развѣ не смѣшно это? И развѣ можно послѣ этого говорить о вѣчности?...

Шоринъ ничего не отвѣтилъ. Она тоже помолчала немного, потомъ съ одушевленіемъ заговорила:

— Жить станетъ трудно, въ особенности, когда начнутъ громить женщинъ и роскошь. Ты ничего не слыхалъ, вѣдь ты былъ недавно во дворцѣ?..

— О чемъ?

— Будто правительство хочетъ издать повелѣніе противъ нарядовъ и чрезмѣрной роскоши?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Правительство противъ роскоши, папа противъ женщинъ!.. А ты говоришь о любви! Вѣдь, если мужчинѣ нельзя будетъ любить женщинъ, то что-же они станутъ дѣлать, да и мы тоже?

Она еще хотѣла прибавить что-то, но въ это время Джильда ввела въ комнату Карлоне.

Лючіетта бросилась ее цѣловать, какъ будто онѣ годъ не видались.

— Я къ тебѣ съ новостями, сказала Карлоне, отдѣлавшись отъ нея.

— Съ какими?

— Въ нашъ городъ пріѣхалъ папскій посланный.

— Проповѣдникъ?

— Да.

— Я тебѣ говорила! сказала Лючіетта, обратившись къ Шорину.—И этотъ проповѣдникъ?..

— Мартинъ.

— Пойдемъ слушать его? предложила Лючіетта Шорину. Онъ согласился.

— Когда онъ будетъ говорить первую проповѣдь?

— Завтра-же.

— Такъ скоро! Скажи, ты видѣла его?

— Видѣла; ему на Піацеттѣ устроили большую встрѣчу; народъ сбѣжался смотрѣть на него какъ на какое-то чудо. Я не видѣла его раньше; но теперь это очень красивый мужчина, съ мужественнымъ и суровымъ лицомъ. А еще говорятъ, что завтра по городу будетъ расклеенъ указъ сената о роскоши.

— Вотъ видишь! укоризненно сказала Лючіетта Шорину, какъ будто мысль объ этомъ указѣ подана была имъ.

Между тѣмъ Джильда внесла небольшой столикъ и хрустальный кувшинъ съ сицилійскимъ виномъ.

Танцовщицы стали пить и угощать Шорина. Онъ тоже пилъ и чуть-чуть повеселѣлъ.

Карлоне весело болтала. Она припомнила свое первое свиданіе съ этимъ иноземцемъ, когда онъ, уже увлеченный Лючіеттой, отказался послѣдовать за нею.

— Я вѣдь и не подозрѣвала тогда, что ты говоришь о нашей Лючіеттѣ... говорила Карлоне.—У тебя хорошій вкусъ, несмотря на то, что ты пріѣхалъ издалека и ваши женщины, должно быть, не похожи на нашихъ. Теперь ты доволенъ?

— Не очень, поспѣшила вставить Лючіетта.

— Вотъ какъ! Почему же? Онъ сидитъ рядомъ съ тобою, у тебя, и недоволенъ? Что ему еще нужно?

— Ему нужно вѣчной любви.

Обѣ засмѣялись. Онѣ не переставали говорить и потягивали ароматичное вино изъ хрустальныхъ стакановъ.

Вино дѣйствовало на нихъ быстро, и онѣ становились все веселѣе и веселѣе.

Карлоне взяла круглый инструментъ съ длинной ручкой, на которой были натянуты струны, и заиграла какую то мелодію танцовальнаго ритма.

Шоринъ узналъ эту мелодію.

— Это фурлана, сказалъ онъ.

Лючіетта тотчасъ же встала съ дивана и пустилась танцовать.

Мало-по-малу она воодушевилась и танцы ея сдѣлались страстными; она кружилась почти съ быстротою вихря и въ ея движеніяхъ чувствовалось опьяненіе и безумное увлеченіе.

Близко подойдя къ Шорину, она подхватила его и стала заставлять и его танцовать.

Ему это казалось зазорнымъ, и дикимъ, и грѣховнымъ. Смотрѣть на танцы онъ очень любилъ, но принимать въ нихъ участіе—это значило тѣшить бѣсовъ.

Однако, онъ ничего не возразилъ, потому что воля его упала, голова кружилась и сердце такъ стучало, что ему почудилось, будто онъ слышитъ его удары.

Онъ сильно обнялъ Лючіетту и, потерявъ почти сознаніе, почувствовавъ близость ея молодого тѣла, сталъ кружиться съ нею. Но у него скоро помутилось въ головѣ, и онъ упалъ на диванъ.

Карлоне хохотала. Лючіетта устала и сѣла рядомъ съ Шоринымъ.

Въ окна глядѣла ночь съ ея звѣзднымъ небомъ и собиравшимися на краю тучами.

Шоринъ поглядѣлъ въ окно, на это небо съ горѣвшими на немъ звѣздами и почувствовалъ новую жажду любви.

Нѣтъ, онъ знаетъ теперь, что не уѣдетъ отсюда! Ему нужно потихоньку оставить посольство и скрыться такъ, чтобы его не отыскали. Что будетъ дальше? Ахъ, почемъ онъ знаетъ... Не все ли равно, погибать ему на родинѣ или на чужбинѣ?

И вдругъ ему вспомнился голландскій корабль, привезшій его въ Ливорно, и длинныя, долгія, южныя ночи, проведенныя имъ на палубѣ, и страстное ожиданіе Венеціи, о кото-

рой онъ такъ много наслышался чудесъ еще въ Москвѣ отъ пріѣзжихъ заморскихъ купцовъ.

И вотъ онъ въ этомъ городѣ, въ домѣ красивѣйшей женщины, которую онъ полюбилъ со всѣмъ пыломъ еще почти нетронутаго сердца.

Не бѣжать же ему отсюда опять на голландскій корабль въ общество Чемоданова и Посникова съ ихъ скучными рѣчами, не вернуться же ему теперь въ Москву, суровую и опостылѣвшую ему Москву?

И вдругъ вспомнился ему человѣкъ въ черной маскѣ, въ гондолѣ, подъ его окномъ, въ первый день его прибытія въ городъ. Кто онъ? Зачѣмъ онъ стоялъ подъ окномъ? Почему онъ вспомнился ему теперь, въ эту минуту?

Онъ вдругъ очнулся. Въ комнатѣ было темно. Карлоне исчезла.

У самаго уха онъ услышалъ нѣжный, сладкій шопотъ Лючіетты:

— Джіованни, мой милый!

Сонъ ли это былъ, была-ли это дѣйствительность — онъ не зналъ.

Чтобы провѣрить себя, онъ сдѣлалъ попытку встать, но двѣ нѣжныя и сильныя ручки охватили его шею.

— Останься! услышалъ онъ и въ изнеможеніи опустился на мягкій диванъ.

Луна заглянула въ окно черезъ балконъ, но тотчасъ же скрылась за набѣжавшей тучей, какъ будто застыдившись того, что увидѣла.

В. Свѣтловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Герценъ и Тургеневъ.

(Продолженіе).

есмотря на хлопоты съ г-жей Ш. [1]), отнимавшіе столько времени и столь комически изображенные Тургеневымъ въ предыдущихъ письмахъ, Тургеневъ не переставалъ заботиться о доставленіи для „Колокола“ новыхъ матеріаловъ. Такъ, по поводу заданнаго въ „Колоколѣ“ вопроса, правда-ли, что съ матросами жестоко обращаются?—Тургеневъ навелъ справки и выслалъ Герцену № „Морского Сборника“, въ которомъ было напечатано разслѣдованіе о взрывѣ на кораблѣ „Пластунъ“, надѣлавшемъ въ свое время много шума. Письмо датировано: „Парижъ. 1 января, 1861 г.

„Съ Новымъ Годомъ!

„Посылаю тебѣ, дражайшій amico, письмецо Головнина [2]) къ князю Н. И. Трубецкому по поводу твоего вопроса въ „Колоколѣ“ и посылаю также sous bande отрывокъ изъ „Морского Сборника“, въ которомъ находится подробное и, сколько я могъ судить, откровенное слѣдствіе о гибели „Пластуна“. Также про-

---

[1]) Этой же исторіи съ г-жей Ш. и незаконнымъ сыномъ Ш-на посвящены письма Тургенева къ Колбасину отъ 12 ноября 1860 и 29 марта 1861 (Пис. Т., стр. 82, 88).

[2]) А. В. Головнинъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія) въ 1843—45 гг. служилъ вмѣстѣ съ Тургеневымъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ и сохранилъ дружескія отношенія съ нимъ. Отъ него Тургеневъ, а черезъ Тургенева и Герценъ, нерѣдко узнавали о различныхъ интересныхъ событіяхъ, происходившихъ въ высшихъ сферахъ, такъ какъ въ 60-хъ годахъ А. В. Головнинъ близко стоялъ къ велик. кн. Константину Николаевичу. Герценъ воспользовался доставленнымъ ему письмомъ Головнина и «Морскимъ Сборникомъ» для замѣтки въ № 90 «Колокола».

сятъ тебѣ очень не писать ничего дурного въ твоемъ журналѣ о великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ, потому что, между прочимъ, онъ, говорятъ, ратоборствуетъ какъ левъ въ дѣлѣ эмансипаціи противъ дворянской партіи. Просятъ тебя также, по прочтеніи отрывка изъ „Морского Сборника", непремѣнно и немедленно возвратить его мнѣ.

„Твоя Ольга [3]) процвѣтаетъ и у ней квартира очень хороша.

„Больше пока писать нечего. Жду статью объ Оуэнѣ [4]). Кланяюсь всѣмъ твоимъ и обнимаю тебя.

„P. S. Прочти „Стрекаловскаго барона" и „Гаваньскихъ чиновниковъ" въ „Библіотекѣ для Чтенія".

„Кажется, незачѣмъ напоминать тебѣ, что *эдакого рода* наши отношенія должны храниться въ тайнѣ" [5]).

X.

Въ декабрѣ 1860 г. скончался Константинъ Аксаковъ, смерть котораго очень больно отозвалась на Герценѣ, такъ какъ изъ всего кружка московскихъ славянофиловъ онъ съ наибольшей любовью и уваженіемъ относился къ К. С. Аксакову. Герценъ немедленно сообщилъ объ этой печальной новости Тургеневу, и читатели найдутъ въ нижепомѣщаемыхъ письмахъ Тургенева нѣсколько сочувственныхъ отзывовъ о покойномъ.

Первое извѣстіе о плохомъ состояніи здоровья К. С. Аксакова Герценъ получилъ отъ его брата Ивана Сергѣевича, съ которымъ состоялъ въ это время въ очень дружеской перепискѣ.

„Вы, конечно, помните, любезный Александръ Ивановичъ,— писалъ И. С. Аксаковъ Герцену (25 сентября 1860 г., изъ Лейпцига),—моего брата Константина? Вы помните, какой это былъ атлетъ тѣлосложеніемъ, какой здоровякъ, какая грудь, какой голосъ... Теперь онъ здѣсь, за-границей, больной, почти чахоточный. Я говорю почти, потому что надѣюсь, что его грудная болѣзнь не разовьется въ чахотку. Послѣ смерти отца онъ страшно постарѣлъ и опустился физически; а нынѣшней весной простудилъ легкія такъ, что долженъ былъ три мѣсяца лечиться, и теперь ѣдетъ въ Швейцарію, въ Веве, ѣсть виноградъ. Я ѣду вмѣстѣ съ нимъ. Вы писали мнѣ, что поручили книгопродавцу Трюбнеру отослать къ Вагнеру, въ Лейпцигъ, рукописи, мною къ вамъ посланныя, именно *рукописи брата*, его замѣчанія на доклады административнаго и хозяйственнаго отдѣленій редакціонной комиссіи, онѣ нужны брату.

„Прощайте, дорогой Александръ Ивановичъ. Обнимаю васъ и Огарева.

Весь вашъ
Ив. Аксаковъ".

---

[3]) Дочь Герцена.

[4]) Статья Герцена «Робертъ Оуэнъ» (посвященная Кавелину) была напечатана въ VI кн. «Полярной Звѣзды» 1861 г.

[5]) Тургеневъ имѣлъ въ виду сохраненіе тайны о передачѣ свѣдѣній въ «Колоколъ» отъ такихъ лицъ, какъ Головнинъ, кн. Орловъ и многіе другіе, для которыхъ Тургеневъ служилъ «благонадежнымъ» посредникомъ между ними и Герценомъ.

6*

Вскорѣ послѣ этого письма К. С. Аксаковъ скончался [6]).

Глубоко-сочувственная статья Герцена о К. С. Аксаковѣ тронула И. С. Аксакова и онъ впослѣдствіи [7]) писалъ о ней Герцену:

„Вы на мое письмо отвѣчали такой статьей въ „Колоколѣ“, за которую я васъ еще крѣпче полюбилъ и которая безконечно лучше всего, что было сказано и написано о братѣ и Хомяковѣ у насъ, въ Россіи, друзьями“.

Къ сожалѣнію, дружелюбныя отношенія Герцена съ И. С. Аксаковымъ продолжались недолго.

Вопросъ объ отношеніяхъ Герцена къ славянофиламъ очень сложенъ, и Герцена вовсе нельзя столь прямолинейно причислять къ славянофиламъ, какъ это сдѣлалъ Страховъ, потому что славянофильство переходило различныя стадіи, начиная отъ ярко демократическаго направленія 40-хъ годовъ и кончая явнымъ консерватизмомъ Погодина, Кохановской [8]), а отчасти и самого И. С. Аксакова въ 80-хъ годахъ. Мы надѣемся коснуться отношеній Герцена къ славянофиламъ въ отдѣльной статьѣ (на основаніи неизданныхъ писемъ И. С. Аксакова и Самарина къ Герцену), пока-же ограничимся тѣмъ, что приведемъ письмо Герцена къ Ю. Ѳ. Самарину, написанное въ 1845 г. [9]) и подводящее итоги впечатлѣній, вынесенныхъ Герценомъ отъ сношенія съ славянофилами. Письмо это является драгоцѣннымъ документомъ изъ исторіи литературно-общественнаго развитія Россіи 40-хъ годовъ.

„Итакъ, — писалъ Герценъ Самарину,—наконецъ, отъ васъ письмо и при томъ большое, любезнѣйшій Юрій Ѳедоровичъ,— благодарю васъ,—но не скрою, что впечатлѣніе всего письма было грустное.

„Encore une étoile qui file et disparait“.

„Прощайте. Идите инымъ путемъ; мы не встрѣтимся, какъ попутчики,—это вѣрно. Возражать я вамъ не стану, потому что это лишнее; одинъ Хомяковъ споритъ для спору; для него жизненнѣйшіе вопросы только предметы для разговора; для меня не такъ. Замѣчу одно: на чемъ вы основываетесь, отталкивая отъ себя отрицаніе, что въ немъ нѣтъ любви? Любовь — съ обѣихъ сторонъ (я исключаю закраины эгоистическія и скверныя съ той и другой стороны). Да, любовь сильная, плачущая, жертвующая. Мнѣ жаль и больно, что именно *вы* пишете такъ; въ васъ я видѣлъ организацію далеко сильнѣйшую, нежели во всѣхъ „славянофилахъ“, исключая, можетъ быть, Петра Васильевича [10]) (я возвращусь еще къ нему); отдаленіе такого человѣка, какъ вы, больно, потому что нельзя мимо васъ пройти. Вотъ вамъ мой комплиментъ. Вы вызываете меня на борьбу. Это-то и дурно, что вы хотите бороться *съ другимъ мнѣніемъ*, а не съ другимъ

---

[6]) 6 декабря 1860 г. на остр. Зантъ. О немъ см. Костомаровъ «Объ истор. труд. К. А.» (Рус. Слово, 1861 г.); Венгеровъ «Словарь».

[7]) Отъ 7-го іюня 1861 г.

[8]) См. переписку Кохановской съ Аксаковымъ въ «Рус. Обозр.» 1897 г.

[9]) Отъ 27 февраля 1845 (Москва).

[10]) П. В. Кирѣевскій, братъ Ивана В. Кирѣевскаго.

фактомъ. Мнѣнія, прямо противуположныя формальнымъ выраженіемъ, могутъ быть слиты высшимъ единствомъ нравственности и любви, тождествомъ цѣли, — стремленіемъ къ благу. Итакъ, не ждите отъ меня возраженій; что я могу сказать вамъ? Повторить коротко все, что высказано и поэтами и мыслителями и историками нашего времени, поднять вопросъ о чиноположеніи и чиноснятіи, о преданіи и надеждѣ, о правахъ прошедшаго и будущаго? Вы все это знаете, вы обо всемъ этомъ думали, читали; ну что же я прибавлю? Обращаясь къ личной сторонѣ вопроса, я скажу только, что вся эта противуположность не даетъ права намъ на неуваженіе другъ друга. Дайте вашу руку—мы можемъ узнать общечеловѣческое и хорошее другъ въ другѣ, а потому не отвернемся другъ отъ друга. Мы не видимся болѣе съ Аксаковымъ, но я съ теплой любовью вспоминаю объ немъ, хотя не могу не сказать, что его односторонность, вѣчное повтореніе одного и того-же свидѣтельствуетъ о недостаткѣ объема его мысли. Теперь позвольте (основываясь на томъ же правѣ искренней рѣчи, о которомъ вы пишете) вамъ сказать нѣсколько словъ о „славянской партіи". Съ каждымъ днемъ грузится она въ односторонность жалкую, ненавидящую и готовую преслѣдовать. Наконецъ, ея дѣйствія увидѣла публика и общественный голосъ осудилъ ее. Я говорю объ эпизодѣ съ диссертаціей Грановскаго. Рядъ гнусныхъ продѣлокъ предшествовалъ диспуту, наконецъ, на диспутъ явился Бодянскій и дерзко, неделикатно, съ оскорбленіями и колкостями. Его проводили шиканьемъ, а равно и Шевырева (который низокъ, какъ Давыдовъ, онъ это доказалъ). Грановскаго проводили страшными браво. Теперь благородный Шевыревъ разсказываетъ, что все это было подготовлено. Всѣ „славяне" (исключая П. В. Кирѣевскаго и К. С. Аксакова) наперерывъ стараются очернить студентовъ, представить это дѣло уголовнымъ. Шевыревъ жаловался Строгонову у Васильчиковыхъ на балу. Судите сами.

„Исторія съ диссертаціей Грановскаго, стихи Языкова [11]) (плодъ *вліянія Хомякова*) заставляютъ меня окончательно пожертвовать всѣми личными сношеніями. Жаль мнѣ Ивана Васильевича [12]), но tu l'a voulu, G. Dandin, —у него по средамъ теперь и Глинка и М. Дмитріевъ. Раздраженное самолюбіе, сознаніе своего безсилія, шиканье—все это вмѣстѣ окончательно сорвало личину съ хваленой славянской любви. *Никогда никто изъ насъ* не прибѣгалъ къ *такимъ* средствамъ и не говорилъ *такихъ* вещей, какія я слышалъ въ послѣднее время. Я потому пишу вамъ объ этомъ, что вашъ братецъ сказалъ мнѣ, что оказія вѣрная, хочу пользоваться ею, чтобы предупредить слухи, которые могутъ дойти.

---

[11]) Стихотвореніе Языкова «Не нашимъ», въ которомъ выводились и язвительно обругивались Герценъ, Чаадаевъ и другіе члены кружка московскихъ западниковъ (Подробнѣе см. въ трудѣ Барсукова о Погодинѣ).

[12]) И. В. Кирѣевскій (род. 1806, ум. 1856) — одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ кружка московскихъ славянофиловъ. См. «Истор. нов. рус. литературы» Скабичевскаго, стр. 28—30.

„Петръ Васильевичъ (Кирѣевскій) далеко благороднѣе; это трагическое лицо; онъ сочеталъ неразрывно жизнь свою съ былымъ, онъ видитъ все, о чемъ я писалъ вамъ, и это былое, возрожденное въ немъ, бичуется не только обстоятельствами, но даже людьми, дѣлящими его воззрѣнія.

„А если-бъ вы видѣли благородную кротость, самоотверженіе Грановскаго (да, въ этомъ высокое самоотверженіе: публично умѣть съ кротостью снести наглую дерзость, кабацкій тонъ!), вы согласились бы, что любовь совмѣстима и не съ однимъ вашимъ воззрѣніемъ.

„Можетъ быть, они интригами и вздуютъ изъ этого дѣло, можетъ быть Грановскій долженъ будетъ оставить университетъ. Я не завидую имъ въ этой побѣдѣ! Почтенный Вигель ѣздитъ вездѣ и читаетъ до сихъ поръ блестящіе стихи [13]). У „Москвитянина“ 400 съ чѣмъ-то подписчиковъ. Вотъ вамъ все, что дѣлается въ Москвѣ, да при томъ, честное слово, что я не старался представить хуже, чернѣе“...

Характерно въ этомъ письмѣ, что Герценъ выдѣляетъ Ив. Кирѣевскаго, Константина Аксакова и самого Самарина изъ остальной группы славянофиловъ, наиболѣе яркимъ представителемъ которыхъ являлся Хомяковъ, вызывавшій своей страстной нетерпимостью и неразборчивостью въ средствахъ, презрѣніе и ярость въ своихъ противникахъ. Образчикомъ этого отношенія къ Хомякову можетъ служить письмо Бѣлинскаго къ Герцену (отъ 4 іюля, 1846, изъ Одессы):

„Въ Харьковѣ,—пишетъ Бѣлинскій,—я прочелъ „Московскій Сборникъ“; луплю и наяриваю объ немъ. Статья Самарина умна и зла, даже дѣльна, несмотря на то, что авторъ отправляется отъ неблагопристойнаго принципа кротости и смиренія и, подлецъ, зацѣпливаетъ меня въ лицѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Какъ умно и зло казнитъ онъ аристократическія замашки Соллогуба! Это убѣдило меня, что можно быть умнымъ, даровитымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, будучи славянофиломъ. Зато Хомяковъ—я жъ его, ракалію! Дамъ я ему зацѣплять меня, узнаетъ онъ мои кулаки! Ну, ужъ статья! Вотъ безталанный-то. Потѣшусь, чувствую, что потѣшусь!“.

Не только „неистовый Виссаріонъ“ былъ настроенъ столь отрицательно къ Хомякову, но даже благодушный Мельгуновъ, стоявшій близко къ славянофиламъ, писалъ Герцену о Хомяковѣ съ довольно язвительной ироніей:

„Хомяковъ, какъ ты знаешь, мастеръ лить пули и даже выдумалъ ружье, которое хватало втрое далѣе ружья Минье. Оказалось, что и ружье—пуля!“

Г. Скабичевскій въ его „Исторіи новѣйшей русской литературы“, говоритъ, что у насъ несправедливо на славянофиловъ „привыкли смотрѣть, какъ на реакціонеровъ, смѣшивая ихъ въ одну категорію съ квасными патріотами 30-хъ годовъ, вродѣ Шевырева и Погодина“ [14]), и указываетъ на „демократизмъ“ славя-

---

[13]) Языкова «Не нашимъ».

[14]) Стр. 27.

нофиловъ. Далѣе онъ, впрочемъ, признаетъ, что „реакція 50-хъ годовъ не замедлила подвергнуть славянофильство своему растлѣвающему вліянію“ [15]).

Но дѣло въ томъ, что славянофилы, какъ читатели могли видѣть изъ вышеприведеннаго письма, уже въ то время сознательно смѣшивались съ Шевыревымъ, Погодинымъ и tutti quanti тогдашней реакціи. Та-же исторія продолжалась и въ дальнѣйшемъ періодѣ. Въ изданіяхъ И. Аксакова сотрудничали: Погодинъ, Кояловичъ, Страховъ, Юзефовичъ, А. Муравьевъ и проч.

Особенно важно, когда говорится о славянофилахъ, точное обозначеніе періода и отдѣленіе *идеалистовъ*-славянофиловъ, вродѣ К. Аксакова и Кирѣевскихъ, во многомъ близкихъ къ Герцену, отъ славянофиловъ-государственниковъ, вродѣ И. Аксакова, рѣзко расходившагося съ Герценомъ почти по всѣмъ основнымъ вопросамъ въ эпоху 60-хъ годовъ, въ особенности послѣ польскаго возстанія.

Тургенева также поразило извѣстіе о смерти К. Аксакова, и онъ писалъ по этому поводу Герцену (письмо датировано: Парижъ, 9 января 1861 г.):

„Милый А. И.

„Пожалуйста, напиши мнѣ немедленно, откуда дошла до тебя вѣсть о смерти К. Аксакова и достовѣрна-ли она? Ни въ журналахъ, ни въ полученныхъ мною изъ Россіи письмахъ ни слова объ этомъ нѣтъ. Все еще не хочу вѣрить смерти этого человѣка.

„Раскольниковъ“ я уже давно пріобрѣлъ и прочелъ. Это удивительно интересно. Хорошъ тамъ является Тургеневъ Ѳедоръ Михайловичъ. Это былъ величайшій .... .. и грабитель. Помнится, мы къ нему отъ этого не ѣздили, даромъ, что онъ былъ намъ родственникъ. А вѣдь и *мои* родные не были изъ числа самыхъ безпорочныхъ. [16]).

„Бени былъ, [17]) доставилъ портретъ, очень понравился и исчезъ. Надо его отыскать.

„Ольга обѣдала у насъ въ воскресенье съ другими дѣтьми. Я представлялъ медвѣдя и ходилъ на четверенькахъ. Это dans mes moyens, но жениться! О, жестокая насмѣшка!

„Съ „Современникомъ“ и Некрасовымъ я прекратилъ всякія сношенія, что, между прочимъ, явствуетъ изъ ругательствъ à mon adresse почти въ каждой книжкѣ. Я велѣлъ сказать, чтобъ они не помѣщали моего имени въ числѣ сотрудниковъ, а они взяли да помѣстили его въ самомъ концѣ. Что тутъ дѣлать? Не возобновлять-же Катковскую исторію въ газетахъ. [18]).

---

[15]) Стр. 42.

[16]) Тургеневъ имѣетъ въ виду II выпускъ лондонскаго „Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ“, въ которомъ упоминается, что послѣ смерти дѣйст. стат. сов. Тургенева, въ его бумагахъ была найдена „программа репрессій противъ раскольниковъ въ виду ихъ антигосударственной дѣятельности“.

[17]) Бени (Беньковскій), послужившій прототипомъ Райнера въ романѣ Лѣскова „Некуда“.

[18]) «Катковской исторіей» Тургеневъ называетъ недоразумѣніе по поводу того, что Катковъ счелъ повѣсть, напечатанную въ «Современникѣ» («Фаустъ»), повѣстью, обѣщанною Тургеневымъ для „Русскаго Вѣстника“ (Подробнѣе см. „Письма Тургенева“, стр. 40—42).

„Статью Огарева я еще не успѣлъ прочесть; напишу тебѣ свое мнѣніе непремѣнно, а ты мнѣ отвѣчай, пожалуйста, насчетъ Аксакова.

„Будь здоровъ. Кланяюсь всѣмъ твоимъ.

Ив. Тургеневъ“.

Но прежде, чѣмъ Герценъ успѣлъ отвѣтить на вопросъ Тургенева объ К. Аксаковѣ, Тургеневъ успѣлъ получить тотъ № „Колокола“, въ которомъ помѣщенъ былъ некрологъ Герцена о К. С. Аксаковѣ.

Тургеневъ, избранный тогда въ члены-корреспонденты академіи, писалъ Герцену (письмо датировано: „Парижъ. 12 февраля 1861 г.“):

„Я давно не писалъ къ тебѣ, милый Александръ Ивановичъ, а между тѣмъ кое-что набралось сказать тебѣ.

„Firstly, я долженъ довести до твоего свѣдѣнія, что твои статьи въ „Колоколѣ“ о смерти К. С. Аксакова и объ Академіи— прелесть, особенно первая, про которую я знаю, что она произвела глубокое впечатлѣніе въ Москвѣ и Россіи. Какимъ образомъ я попалъ въ Академію, для меня тайна, тѣмъ болѣе, что тамъ засѣдаютъ все какіе-то штатскіе генералы съ кутейническими именами.

„Боткинъ [19]) третьяго дня сюда пріѣхалъ и, представь, почти слѣпой! Я боюсь, не та-ли самая болѣзнь у него, какая была у д'Убри, а именно размягченіе мозга. Онъ очень ослабѣлъ; сегодня везу его къ Райе.

„О свадьбѣ П. В. Анненкова ты, вѣроятно, уже „извѣстенъ сталъ“, примѣръ намъ съ тобой, братъ! Онъ беретъ дѣвушку лѣтъ 28, не очень красивую, но добрую и умную.

„Работа моя [20]) подвигается очень не спѣшно; я все это время возился то съ собственнымъ бронхитомъ, то съ бронхитомъ (и очень сильнымъ) моего пріятеля Віардо. Слѣпцовъ [21]) былъ у меня и сообщилъ свѣдѣнія о твоемъ житьѣ-бытьѣ. Упоминовеніе тобою моего имени въ обществѣ Бѣлинскаго и др. я принялъ въ родѣ Анны съ короною на шеѣ и чувствовалъ на душѣ играніе тщеславія.

„А между прочимъ... „кухарка моя входитъ“ и подаетъ твою записку о Трубецкомъ и т. д. Сегодня-же соберутся подробнѣйшія свѣдѣнія и завтра будутъ къ тебѣ препровождены.

„Кажется, ты еще не убѣдился, что „Будущность“ [22]) плоха?

„Обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ.—До завтра.

„Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ“.

На слѣдующій день Тургеневъ послалъ Герцену отвѣтъ на его запросы о различныхъ лицахъ и о петербургскихъ тогдашнихъ событіяхъ.

---

[19]) В. П. Боткинъ, авторъ «Писемъ объ Испаніи».

[20]) Тургеневъ въ это время оканчивалъ романъ «Отцы и дѣти».

[21]) Вас. Алек. Слѣпцовъ, писатель.

[22]) «Будущность»—журналъ, издававшійся въ Парижѣ въ 1861 г. кн. П. Долгорукимъ.

„Милый Александръ Ивановичъ,

„Вотъ свѣдѣнія, которыя я могъ собрать:

„Князь Н. П. Трубецкой, бывшій адъютантъ герцога мекленбургскаго (мужа дочери вел. кн. Елены Павловны), по всѣмъ признакамъ человѣкъ хорошій и благородный. Кн. Долгоруковъ отзывается о немъ очень хорошо: онъ лично его не знаетъ, но знаетъ семейство, гдѣ онъ воспитывался и т. д. О Дубровинѣ никто ничего не знаетъ. Впрочемъ, здѣсь есть человѣкъ, (полковникъ генеральнаго штаба, котораго ты называешь), отъ котораго я могу собрать свѣдѣнія, какъ о Дубровинѣ, такъ и объ арестахъ офицеровъ въ С.-Петербургѣ, которые, повидимому, остались тайной, если они точно происходили. Я его увижу и дамъ тебѣ знать результатъ нашихъ разговоровъ. Слѣпцовъ мнѣ ничего не говорилъ о дьяконѣ (?).

„Кажется, я писалъ тебѣ о пріѣздѣ Боткина сюда. Онъ, бѣдный, очень плохъ; мозгъ и зрѣніе поражены. Мы хотимъ помѣстить его въ тотъ пансіонъ, гдѣ находится М. А. Марковичъ: она такая добрая и будетъ ходить за нимъ. М. Л. также пріѣхалъ въ Парижъ, но и его еще не видалъ.

„Отъ Анненкова получаю *радужныя* письма: я счастливъ его счастьемъ. Имѣю также сообщить тебѣ *самымъ достовѣрнымъ образомъ*, что указъ объ эмансипаціи выйдетъ *скоро*; никакимъ другимъ слухамъ не вѣрь. Главные противники указа, кто бы ты думалъ? (не говорю о Гагаринѣ,—это само собой разумѣется),— Муравьевъ, *Княжевичъ* и кн. *А. М. Горчаковъ*!!

„Дядя мнѣ пишетъ, что жесточайшіе морозы съ мятелями причиняютъ много бѣдъ: всѣ сообщенія прекращены, скотъ умираетъ и т. д.

„P.S. Скоро тебѣ опять напишу; а пока будь здоровъ, обнимаю тебя и кланяюсь твоимъ

Твой Ив. Тургеневъ“.

Герценъ, между прочимъ, спрашивалъ Тургенева — почему онъ сидитъ за-границей, почему не ѣдетъ въ Россію, гдѣ теперь такъ интересно, гдѣ рѣшается вопросъ величайшей важности объ освобожденіи крестьянъ?

Тургеневъ съ горечью отвѣчалъ ему на это (письмо датировано: Парижъ, 9 марта 1861 г.):

„Прежде всего долженъ тебѣ сказать, что ты ужасный человѣкъ. Охота-же тебѣ поворачивать ножъ въ ранѣ! Что же мнѣ дѣлать, коли у меня дочь, которую я долженъ выдавать замужъ, и потому по-неволѣ сижу въ Парижѣ? Всѣ мои помыслы, весь я въ Россіи.

„Буду сообщать тебѣ всѣ новости неоффиціальныя, но вѣрныя. Пока ничего нѣтъ: въ Варшавѣ хотятъ попробовать мѣры кротости, но, попробуй поляки завести рѣчь о конституціи, и увидятъ они, что произойдетъ! Изъ Петербурга по-прежнему обѣщаніе (кажется, несомнѣнное) объявить свободу 6/18 марта. Но обрѣзаніе надѣла едва-ли понравится крестьянамъ, особенно въ хлѣбопашныхъ губерніяхъ. Хорошо то, что глупѣйшаго *переходнаго* времени не будетъ.

„Присылай „Колоколъ“ Делавойю[23]). Онъ все помѣститъ, что слѣдуетъ и гдѣ слѣдуетъ. Но вообрази, вѣдь онъ не Генрихъ, а Гипполитъ. Я самъ недавно узналъ этотъ потрясающій фактъ. Вотъ отчего у Расина сказано:

„Pourqui sous Hyppolite

„Des héros de la Grèce assemblait'on l'élite?

„Отвратительное зрѣлище представляетъ здѣсь старая парламентская партія: всѣ они—вольтеріанецъ Тьеръ, протестантъ Гизо, ламартинистъ Ламартинъ охаютъ и ахаютъ о папѣ, о неаполитанскомъ королѣ и т. д. Они думаютъ этимъ произвести реакцію противъ дѣльнаго правительства, а оно только руки себѣ потираетъ. Если это будетъ такъ продолжаться, то кончится тѣмъ, что Наполеонъ будетъ главою либераловъ во Франціи!! Уменъ онъ, уменъ, да ужъ и счастливъ, нечего сказать.

„Г-нъ Лохвицкій [24])—одинъ изъ самыхъ грязныхъ великороссійскихъ циниковъ.

„Желиховскаго [25]) я очень хорошо знаю и способствовалъ его свадьбѣ, которая должна совершиться на дняхъ. Какое-то свадебное повѣтріе въ воздухѣ. Ему теперь не до Варшавы и т. д.

„Прощай, будь здоровъ; поклонись всѣмъ твоимъ и N. N., если онъ еще въ Лондонѣ.

„Rue de Rivoli, 210.

Твой Ив. Тургеневъ“.

XI.

Слѣдующее письмо Тургенева безъ даты, но очевидно, написанное въ мартѣ 1861 г., заключаетъ въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ русская колонія въ Парижѣ встрѣтила манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.

„Милый Александръ Ивановичъ,

„Посылаю тебѣ копію съ письма Анненкова, писанное на другой день великаго дня. Оно, ты увидишь, любопытно. До сихъ поръ телеграммы (печатныя и частныя) единогласно говорятъ о совершенной тишинѣ, съ которой принятъ манифестъ во всей Россіи. Что-то будетъ дальше? Самъ манифестъ явнымъ образомъ написанъ былъ по-французски и переведенъ на неуклюжій русскій языкъ какимъ-нибудь нѣмцемъ. Вотъ фраза вродѣ: „благодѣятельно устроятъ“...„добрыя патріархальныя условія“, которыхъ ни одинъ русскій мужикъ не пойметъ. Но самое дѣло онъ раскуситъ, и дѣло это устроено, по мѣрѣ возможности, порядочно.

„Мы здѣсь третьяго дня отпѣли молебенъ въ церкви и попъ произнесъ намъ краткую, но умную и трогательную рѣчь, отъ

[23]) H. Delaveau—французскій литераторъ, переводчикъ „Былого и Думъ“.

[24]) Лохвицкій — профессоръ Одесскаго Ришельевскаго лицея, впослѣдствіи адвокатъ.

[25]) Желиховскій — польскій поэтъ, другъ Шевченка, былъ въ ссылкѣ въ Оренбургѣ.

которой я прослезился, а Николай Ивановичъ Тургеневъ чуть не рыдалъ. Тутъ-же былъ и старый кн. Волконскій (декабристъ). Много народа передъ этимъ ушло изъ церкви.

„За „Полярную Звѣзду“ спасибо; я ее читаю съ удовольствіемъ. Твои отрывки, по обыкновенію, прелестны, записки Бестужева очень интересны, письма Лунина я уже зналъ, стихотворенія Березина показались мнѣ au dessous de leur réputation; объ Оуэнѣ я еще не успѣлъ прочесть. Но кто это тебя мистифицировалъ, давъ переводъ извѣстнѣйшей проповѣди отца Бриденъ (Bridaine) при Людовикѣ XIV за современное произведеніе какого-то Нестора и т. д., и какъ ты это попался?

„Скажи два слова въ „Колоколѣ“ о смерти *Шевченка*. Бѣднякъ уморилъ себя неумѣреннымъ употребленіемъ водки. Незадолго передъ смертью съ нимъ случилось замѣчательное происшествіе: одинъ исправникъ (Черниговской губ.) арестовалъ его и отправилъ, какъ колодника, въ губернскій городъ за то, что Шевченко *отказался написать его портретъ масляными красками во весь ростъ. Это фактъ.*

„Я ѣду черезъ мѣсяцъ въ Россію въ деревню и на дорогѣ заѣду къ тебѣ въ Лондонъ на день.

„Прощай, обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ. Благодарю Крузе за его письмо; я ему буду отвѣчать.

Твой Ив. Тургеневъ.

„P. S. А у здѣшнихъ русскихъ [26]) высунулись рожи: но они уже смирились; а еще „Times“ толкуетъ о „haughty and factious noblesse“! Г...—эта „noblesse“, и слава Богу.

Исполняя просьбу Тургенева, Герценъ, который высоко ставилъ Шевченка, называя его „едва-ли не единственнымъ народнымъ поэтомъ“, написалъ о немъ прочувствованный некрологъ.

Что-же касается сообщенія Тургенева объ эпизодѣ приключившемся съ Шевченкомъ, то въ данномъ случаѣ онъ спуталъ мѣстности. Эпизодъ произошелъ не въ Черниговской, а въ Кіевской губерніи.

Тургеневъ съ большой симпатіей относился къ Шевченко и вообще къ тогдашнему малорусскому литературному движенію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его переводы расказовъ Марко-Вовчка, его глубоко интересныя воспоминанія о Шевченко [27]) и нѣкоторыя указанія, встрѣчающіяся въ его письмахъ. Такъ, въ письмѣ къ Н. Макарову [28]) онъ писалъ, между прочимъ: „Покло-

---

[26]) Тургеневъ имѣетъ въ виду тогдашнюю дворянскую русскую колонію въ Парижѣ, недовольную освобожденіемъ крестьянъ.

[27]) «Воспоминанія И. С. Тургенева о Шевченко» напечатаны при пражскомъ (1876) изданіи «Кобзаря» Шевченка. Изданіе это въ небольшомъ количествѣ проникло въ Россію, такъ какъ сочиненія Ш. находились тогда подъ запретомъ и воспоминанія Тургенева о Ш. извѣстны лишь записнымъ библіофиламъ. Положительно непонятно: *почему* они до сихъ поръ не включены въ полныя собранія соч. Тургенева, въ отдѣлъ его «литературно-житейскихъ» воспоминаній.

[28]) См. «Письма» Тургенева, стр. 82.

нитесь Шевченко и Бѣлозерскому [29]). Каково читалъ Шевченко на публичномъ чтеніи—и какой произвелъ эффектъ? Когда выйдетъ „Основа", вышлите мнѣ ее, пожалуйста". Не задолго до смерти Шевченка [30]) Тургеневъ справляется у того-же Макарова: „Что подѣлываетъ Шевченко?" Еще болѣе любопытное указаніе на отношеніе Тургенева къ украинской литературѣ имѣется въ письмѣ его къ покойному профессору М. П. Драгоманову. Драгомановъ послалъ Тургеневу изданныя имъ въ Кіевѣ „Повѣсти" галицкаго писателя Федьковича [31]). „Повѣстямъ" этимъ предшествуетъ довольно обширный очеркъ (на малорусскомъ языкѣ) изъ исторіи галицко-украинской литературы, причемъ Драгомановъ указываетъ на существованіе въ Галиціи двухъ теченій: „народно-украинскаго" и „московофильскаго". Сторонники перваго теченія употребляютъ въ своихъ произведеніяхъ народный языкъ, сторонники второго—искалѣченный великорусскій. Тургеневъ писалъ по этому поводу Драгоманову [32]):

„Милостивый Государь.

„Я получилъ въ одинъ день и Ваше письмо и повѣсти г. Федьковича. Искренно благодарю Васъ за столь лестный знакъ вниманія. Я успѣлъ—и безъ большого затрудненія—прочесть Ваше предисловіе, и могу сказать, что раздѣляю вполнѣ Вашъ образъ мыслей, въ чемъ я впрочемъ не сомнѣвался, зная Ваши прежніе труды и Ваше направленіе. Какъ только я прочту повѣсти Федьковича, я позволю себѣ выразить Вамъ, съ полной откровенностью, мое мнѣніе. Заранѣе чувствую, что тутъ только и бьется ключъ живой воды, а все остальное — либо призракъ, либо трупъ".

Если Герценъ называлъ Шевченко „едва-ли не единственнымъ народнымъ поэтомъ", то Шевченко, въ свою очередь, благоговѣлъ предъ Герценомъ. На это имѣются любопытныя указанія въ его „Дневникѣ" [33]). Такъ, Шевченко заноситъ въ свой дневникъ, что его знакомый Варенцовъ привезъ въ Нижній Новгородъ (гдѣ тогда былъ Шевченко, возвращавшійся изъ ссылки) „портретъ нашего извѣстнаго эмигранта Герцена. Портретъ нарисованъ карандашемъ и, вѣроятно, похожъ, потому что отличается отъ обычныхъ рисунковъ этого рода. Но, если бы онъ даже и не походилъ, я все-таки перерисую его въ свой дневникъ, почитая имя этого святого человѣка". (Далѣе въ дневникѣ слѣдуетъ портретъ Герцена). Въ 1858 г. онъ снова заноситъ въ

---

[29]) В. И. Бѣлозерскій, другъ Шевченка, малорусскій писатель, редакторъ малор. журнала «Основа».

[30]) Письма Тург., стр. 87.

[31]) Нѣкоторыя повѣсти Федьковича недавно переведены на русскій языкъ Златовратскимъ.

[32]) Письмо датировано: Парижъ, 50, Rue de Douai, Вторникъ 21/9 марта 1876 г.

[33]) Дневникъ Шевченка былъ частями напечатанъ въ «Основѣ» 1861—62 гг. и цѣликомъ, безъ пропусковъ въ Львовѣ въ 1895 г. См. «Кобзарь» Т. Шевченка. Т. III, стр. 150—151.

свой дневникъ: „Встрѣтилъ своего стараго знакомаго Шумахера [34]). Онъ только что возвратился изъ за-границы и привезъ четыре №-ра „Колокола". Я впервые увидалъ эту газету и благоговѣйно поцѣловалъ ее" [35]).

XII.

Нижеслѣдующее письмо Тургенева, безъ даты, но, очевидно, относящееся къ началу марта 1861 г., все занято подробностями объ освобожденiи крестьянъ.

„Милый другъ Александръ Ивановичъ.

„Вчера получены здѣсь письма отъ разныхъ оффицiальныхъ лицъ (Головнина и др.) объ окончанiи крестьянскаго вопроса. *Главныя основанiя* редакцiонной комиссiи приняты; переходное время будетъ продолжаться два года (а не *девять* и не *шесть*), надѣлъ остается весь, съ правомъ выкупа. Плантаторы въ Петербургѣ и здѣсь въ ярости неизъяснимой: здѣсь они кричатъ, что проектъ нелиберальный, сбивчивый и т. д. Мнѣ обѣщали доставить сегодня одинъ уже *отпечатанный* экземпляръ *положенiя*, который прислали изъ Петербурга. Спишу главные пункты и пошлю тебѣ. Манифестъ (написанный Филаретомъ) выйдетъ въ то воскресенiе, т. е. черезъ 9 дней. Государю приходилось по инымъ пунктамъ быть въ меньшинствѣ 9-ти человѣкъ противъ 37. Самыми либеральными людьми въ этомъ дѣлѣ оказались: великiй князь Константинъ Николаевичъ, Блудовъ, Ланской, Болтинъ и Чевкинъ. Выбивается медаль со словомъ: „благодарю" и вензелемъ государя, которая будетъ роздана отъ имени государя всѣмъ членамъ комиссiи, комитетамъ и т. д. Воображаю, какъ иные ее примутъ.

„Плантаторы потому такъ взбѣленились, что въ послѣднее время распространялись слухи о принятiи гагаринскаго проекта, т. е. 1/4 надѣла и т. д. Впрочемъ, говорятъ, и въ печатномъ экземплярѣ это находится въ примѣчанiи comme une chose facultative. Непонятно, но такими словами мнѣ это передалъ одинъ придурковатый плантаторъ, читавшiй напечатанный манифестъ.

„Дожили мы до этихъ дней, а все не вѣрится, и лихорадка колотитъ, и досада душитъ, что не на мѣстѣ.

„Впрочемъ, если я не увижу перваго момента, я всетаки буду свидѣтелемъ *первыхъ примѣненiй:* я въ концѣ апрѣля въ Россiи".

„Обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ.

„Гдѣ-же „Полярная Звѣзда?"

Твой Тургеневъ".

Въ началѣ же 1861 г. Тургеневъ уѣхалъ въ Россiю и 9 мая былъ уже въ Спасскомъ, куда онъ поспѣшилъ „для окончатель-

---

34) П. В. Шумахеръ, прiятель Тургенева, который напечаталъ въ Берлинѣ сборникъ его стихотворенiй преимущественно нецензурнаго характера. О немъ см. «Письма Тургенева», стр. 324.

35) «Кобзарь», т. III (Львовъ, 1895) стр. 168.

наго устройства своихъ дѣлъ“ съ крестьянами [36]). Какъ онъ „устроилъ“ эти дѣла, лучше всего видно изъ его письма къ г. Венгерову [37]): „Когда матушка скончалась въ 1850 г.,—пишетъ Тургеневъ,—я немедленно отпустилъ дворовыхъ на волю, пожелавшихъ крестьянъ перевелъ на оброкъ, всячески содѣйствовалъ успѣху общаго освобожденія, при выкупѣ вездѣ уступилъ пятую часть—и въ главномъ имѣніи не взялъ ничего за усадебную землю, что составляло крупную сумму“.

Въ концѣ сентября Тургеневъ уже опять былъ въ Парижѣ и вскорѣ по пріѣздѣ написалъ Герцену (письмо датировано: „Парижъ, 210, rue de Rivoli, 7 октября 1861 г.“):

„Милый другъ, Александръ Ивановичъ.

„Я десять дней тому назадъ сюда пріѣхалъ, но все былъ въ деревнѣ и только недавно поселился окончательно въ старой своей квартирѣ. Всею душею жажду тебя видѣть, да и нужно обо многомъ весьма важномъ переговорить съ тобой и многое тебѣ сообщить. (Между прочимъ, у меня есть къ тебѣ большое письмо отъ Бени). Долгоруковъ мнѣ сказалъ, что ты до четверга еще въ Торксѣ; пишу тебѣ туда съ просьбой отвѣчать тотчасъ; когда ты пріѣдешь въ Лондонъ, или ужъ не пожалуешь ли ты въ Парижъ, такъ и онъ теперь „d'Altdorf les chemins sont ouverts“, это бы крайне меня обрадовало и *арранжировало*, говоря по-русски. Повторяю, намъ *необходимо* видѣться.

„Кланяюсь дружески всѣмъ твоимъ, Огаревымъ и жму тебѣ изо всѣхъ силъ руку.

„Отвѣчай поскорѣе и обстоятельно.

„Твой Ив. Тургеневъ“.

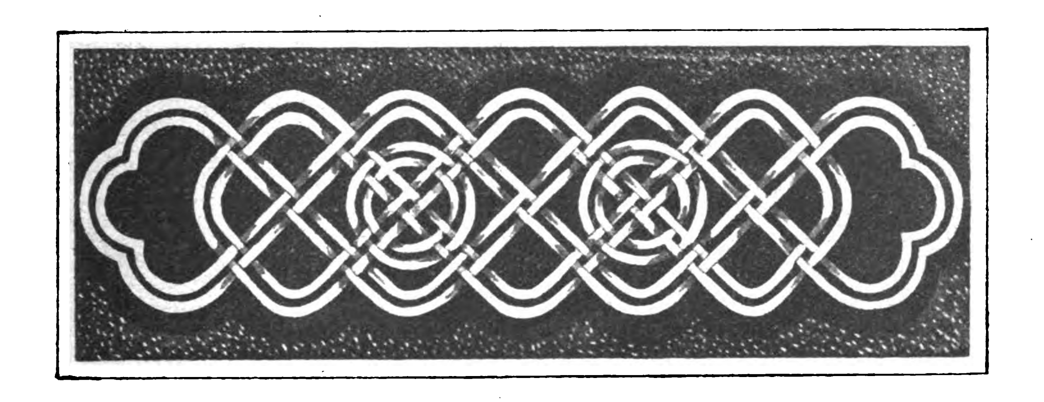
В. Б.

(*Продолженіе слѣдуетъ*)

---

[36]) См. „Письмо Тургенева, стр. 88

[37]) Ibid. стр. 233,

Тоура и Ріонъ.

КАВКАЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.

урлитъ и пѣнится въ тѣснинахъ скалистаго Адай-Коха строптивый Ріонъ. То злобно бросается онъ своими волнами на неприступныя грани хребта, могучими ударами потрясая гранитъ, то неуловимыми, какъ ласка женщины, струями плещетъ у подножья холодныхъ утесовъ. Словно влюбленный бьется онъ въ тѣсныхъ, мрачныхъ стѣнахъ тюрьмы и, измученный разлукою, изступленный въ борьбѣ, рвется къ синѣющимъ берегамъ Чернаго моря, къ милой, далекой Тоурѣ. И, одолѣвъ въ неравной борьбѣ неподвижныя горы, вырывается онъ на свободу, на яркое солнце; и широкою золотистою лентою разливается по цвѣтущей ріонской долинѣ. Все дальше уходитъ онъ отъ мрачныхъ горъ, впередъ, туда къ монастырю св. Георгія, гдѣ ждетъ его Тоура. Вонъ мелькнулъ на горѣ остроконечный куполъ монастыря, и Тоура, сверкнувъ по зеленому ковру красивымъ изгибомъ, бросается въ объятья Ріона. Радостно журчатъ ихъ воды и, сливаясь въ одну могучую струю, несутся они къ родной, волшебной стихіи—безбрежному, глубокому морю.

— Смотрите, какъ извивается она, словно женщина—ластится! сказалъ мой спутникъ, точно отвѣчая на мои мысли, навѣянныя картиной, открывшейся передъ нами.

— И изогнулась-то какъ прежде, чѣмъ отдаться Ріону!

Въ самомъ дѣлѣ, было что-то граціозное, по-женски кокетливое въ этомъ изгибѣ, который дѣлаетъ Тоура передъ впаденьемъ въ Ріонъ.

— Къ монастырю, голубушка, прибѣжала—покаяться на будущее время! продолжалъ язвить по адресу Тоуры мой спутникъ, окончательно рѣшившій, кажется, что передъ нимъ изгибается и ластится настоящая женщина.

— Покаялась—и къ Ріону въ объятія! О, женщины! съ дѣланнымъ паѳосомъ закончилъ онъ.

— Женщина, женщина была она, сказалъ стоявшій позади насъ проводникъ, монахъ—имеретинъ.

— Кто была женщина? спросили мы почти въ одинъ голосъ и удивленные взглянули другъ на друга.

— Тоура, отвѣтилъ монахъ.

Однако, это неожиданное открытіе, повидимому, не очень поразило моего спутника.

— Ну, а Ріонъ? съ улыбкой спросилъ онъ.

— Мужчина, когахъ [1]), на всю Имеретію охотникъ былъ! спокойно отвѣтилъ монахъ на ломаномъ русскомъ языкѣ.

Это становилось интереснымъ.

— Ну такъ я угадалъ: женщина! Это и видно, сразу видно! ораторствовалъ мой спутникъ.

— Кто же была она? Отчего же рѣкой она стала? разспрашивалъ онъ монаха, но тотъ, видимо, уже истощившій весь запасъ русскихъ словъ, не могъ удовлетворить любопытство моего спутника.

Монахъ силился что-то сказать, но путался.

Я обратился къ нему по-грузински. Онъ расцвѣлъ отъ пріятной неожиданности и сталъ отвѣчать на мои вопросы съ быстротою чисто имеретинскою.

Было видно, что онъ не разъ разсказывалъ эту исторію посѣтителямъ монастыря и теперь готовъ былъ повторить ее, зная, что черезъ меня его „художественная" импровизація станетъ извѣстна „руссисъ кацсъ" [2]).

Теперь намъ предстояло осмотрѣть окрестныя достопримѣчательности: водопадъ и истоки Тоуры—„Харисъ-Твало" [3]).

Мы тронулись. Наши горныя лошадки шли бойкимъ „проѣздомъ", и проводникъ, не заставляя себя просить, сталъ разсказывать про красавицу Тоуру. Выпуская витіеватыя длинноты и краснорѣчивыя, поэтическія описанія словоохотливаго проводника, поскольку это не нарушало гармоніи цѣлаго, я переводилъ его слова моему спутнику.

— Охъ, какъ давно, какъ давно было время Тоуры, началъ свой разсказъ проводникъ,—когда еще Ріона не было, а маленькій ручей по веснѣ шумѣлъ и лѣтомъ высыхалъ, какъ тростникъ...

Тогда жила Тоура. И красавица была какъ царская дочь, даромъ что въ крестьянской саклѣ родилась. Глаза черные какъ маслины, горятъ—жгутъ. Посмотришь — никогда не забудешь. Куда ни пойдешь, все ихъ съ собою носить станешь.

Гордая. Ни на кого не глядѣла и много народу сгубила; много горя людямъ принесла ея краса.

И сама не виновата была, если Богъ ее такою создалъ: на то и красота, чтобы отъ нея страдать.

---

[1]) Удалецъ.

[2]) Русскому человѣку.

[3]) Бычачьи глаза.

Любили ее и страдали молодцы удалые, а все отъ Touриныхъ глазъ!

Всякій хотѣлъ ее взять, любить, чтобы она ему красивыхъ сыновей родила и гордиться ея красотою, да Тоура того не хотѣла!

Живетъ — ни на кого не глядитъ. Видно время ея не пришло еще.

Такъ всѣ и знали — къ Тоурѣ не приступись.

Только годъ, другой проходитъ; узнаютъ вдругъ всѣ, что Уга [1]) похваляется, что онъ самую красивую дѣвушку себѣ въ жены возьметъ.

Уга былъ горбунъ. Всѣ въ окрестности его знали. Маленькій, безобразный, съ двумя горбами, злой и хитрый, онъ всегда приставалъ къ дѣвушкамъ, но онѣ его не любили и смѣялись надъ нимъ.

Послѣ его похвальбы джигиты еще сильнѣе стали надъ нимъ смѣяться:

— Вретъ Уга, проучить его надо!

Но Уга правду говорилъ.

Онъ полюбилъ Тоуру, и она не оттолкнула его.

Тогда юноши вознегодовали. Самые красивые были оскорблены предпочтеньемъ Тоуры, стали издѣваться надъ ея избранникомъ.

— Женихъ! Уга — женихъ! кричали ему, когда онъ проходилъ по селенію.

— Веселой брачной ночи! Иди скорѣе! Горба не потеряй — Тоура плакать станетъ! Иди, она ждетъ!

И чѣмъ быстрѣе старался уйти отъ этихъ криковъ Уга, тѣмъ безстыднѣе и громче раздавались позади него восклицанія.

Тоуру осуждали всѣ. „Что нашла она въ этомъ уродѣ?“ спрашивали люди другъ друга и не находили отвѣта.

Только старики разсказывали, что, вѣрно, Уга — колдунъ и опуталъ Тоуру своими чарами.

И правда, умный онъ былъ и много чего зналъ: старыя сказанія, имеретинскія легенды, сказки и еще разныя чародѣйства зналъ.

Голосъ у него былъ какъ у райской птицы, и такъ хорошо умѣлъ онъ разсказывать, что всѣ заслушивались.

Посмотрѣть на него — страшно, слушать — какъ сазандари [2]) можно было!

Тоура и полюбила его за такое волшебство. Сидятъ они такъ вдвоемъ подъ тѣнью дерева въ горахъ, а Уга ей въ глаза своими дикими глазами, горящими какъ уголья, засматриваетъ и дивныя сказки разсказываетъ.

Про богатыря Рустема, какъ онъ сорвалъ съ неба три звѣзды, чтобы украсить ими свою возлюбленную Чару. За это Богъ на-

---

[1]) Имя мужское, значитъ: черный.
[2]) Музыкальный инструментъ.

казалъ Рустема: бросилъ его съ утеса въ пропасть, а Чара осталась одна на вершинѣ съ горящими у нея на головѣ и плечахъ звѣздами...

Тамъ на Шорохскомъ перевалѣ и теперь стоитъ она, и звѣзды ея горятъ путеводными огнями въ зимнія вьюги и мятели запоздавшимъ путникамъ.

— Я тебя украшу, какъ Чару! говорилъ Уга Тоурѣ.

Она слушаетъ его и сама не помнитъ себя отъ счастья: и кажется ей, что на ней уже горятъ эти звѣзды и сама она стоитъ высоко, высоко и указываетъ людямъ дорогу.

То странными сказками онъ приводилъ ее въ трепетъ. Разсказываетъ о разбойникѣ Лексо. Этотъ страшный человѣкъ жилъ въ глухой пещерѣ съ барсомъ. Человѣкъ и звѣрь вмѣстѣ сжились и вмѣстѣ разбойничали и грабили. Пока барсъ терзалъ людей, человѣкъ грабилъ ихъ золото. Потомъ, когда проѣзжихъ долго не было, барсъ растерзалъ своего товарища, и въ пещерѣ нашли много золота и тканей и всякаго добра.

Страшно было Тоурѣ отъ такихъ сказокъ и жутко — но любила она ихъ. Вотъ горбунъ ее и опуталъ. „Что захочу, говоритъ, то будетъ!"

И очень Уга гордъ и хвастливъ сталъ. А джигиты на него уже замышлять начали.

— Ужели первая красавица уроду достанется? спрашиваютъ себя джигиты, а руки за кинжалъ такъ и хватаются.

Плохо пришлось бы Угѣ, да прежде людей его судьба сама наказала.

Разъ Тоура шла, какъ всегда, къ Угѣ въ лѣсъ и встрѣтила юношу. Красивый былъ онъ и статный. Очень онъ ее поразилъ, такъ не похожъ онъ былъ на Угу, что дѣвушка остановилась и залюбовалась имъ.

Она слышала, что есть одинъ охотникъ-красавецъ, извѣстный на всю Имеретію Ріонъ, и подумала: не онъ-ли это?

— Здравствуй, дѣвушка! сказалъ юноша, но Тоура не слыхала привѣтствія.

— Какъ тебя зовутъ? спросила она, торопясь разрѣшить этотъ вопросъ, отъ котораго, казалось, зависѣла вся ея жизнь.

— Ріонъ, отвѣтилъ юноша.

Тоура взглянула въ его глубокіе черные глаза и замерла...

— Такъ ты тотъ...? не договорила она.

— Да, я—Ріонъ! гордо отвѣтилъ юноша.—Я пришелъ сюда, чтобы посмотрѣть вашу красавицу, Тоуру. Гдѣ она живетъ, дѣвушка?

— Зачѣмъ ты хочешь ее видѣть?

— Говорятъ она гордая, всѣхъ отвергаетъ?

— Но тебя не отвергнетъ!

Тоура затрепетала, волненье мѣшало ей говорить, а орлиныя очи красавца притягиваютъ ее къ себѣ съ непонятною силою.

— Отчего ты такъ говоришь?

Тоура только взглянула ему въ лицо, и Ріонъ вдругъ все понялъ.

— Ты Тоура!? радостно воскликнулъ онъ.

— Да, отвѣтила Тоура, и сильная рука Ріона охватила дѣвушку. Она не сопротивлялась.

Они вмѣстѣ пришли въ селеніе. Скоро всѣ узнали, что Ріонъ сватается за Тоуру.

— Хорошая будетъ пара, говорили односельчане.

Тоура, первая красавица, нашла себѣ достойнаго жениха—самого Ріона, имя котораго знали даже маленькія дѣти Имеретіи. О горбунѣ всѣ словно забыли. Никто даже нечаянно не произносилъ его имени,—такъ далеко ушло то странное время, когда Тоурѣ нравился этотъ уродъ.

Къ свадьбѣ этой готовились всѣ сосѣднія деревни, какъ къ годовому празднику.

Всѣмъ хотѣлось повидать самую красивую пару Имеретіи и побывать на ихъ свадьбѣ. Весело стало и радостно въ народѣ, разговоры и пересуды шли повсюду и все о свадьбѣ Тоуры, о ней, о ея красавцѣ-джигитѣ Ріонѣ.

И среди этой общей радости и ликованія былъ одинъ человѣкъ нерадостный, мрачный и озлобленный.

Это былъ Уга.

Когда послѣ встрѣчи съ Ріономъ Тоура встрѣтилась съ Угой, она испугалась. Такъ мраченъ и зловѣщъ былъ его видъ.

Отвергнутый, онъ, однако, не оставилъ надежды и, ослѣпленный страстью, думалъ страстными мольбами и клятвами вернуть себѣ Тоуру.

— Тоура, я люблю тебя! порываясь обнять дѣвушку, шепталъ горбунъ.

Тоура въ ужасѣ отшатнулась.

— Прочь, горбунъ! вырвалось у нея.

Все очарованіе Уги пропало разомъ, подъ горячимъ дыханьемъ его страсти увядали мечты, которыя умѣлъ вызывать онъ въ душѣ Тоуры своими дивными сказками.

И стройный красавецъ Ріонъ предсталъ въ воображеніи дѣвушки. Къ нему неудержимо влекло дѣвушку отъ этого безумнаго урода.

— Ріонъ! Спаси меня, Ріонъ! кричала она, вырываясь изъ объятій горбуна.

Тогда злой уродъ задумалъ коварную месть. „Не мнѣ, такъ и не Ріону“, рѣшилъ онъ. Его злой языкъ помогъ ему очень скоро.

— Ріонъ—охотникъ! смѣялся онъ:—во всю жизнь убилъ одну „джапарку“ [1]). Охотникъ! Въ прошлую весну въ горахъ прятался отъ шакала, чуть съ голоду не умеръ! клеветалъ онъ на Ріона, вызывая его на ссору.

— Замолчи, уродъ! Убью, удушу какъ шакала въ прошломъ году—однѣми руками! распаляясь, говорилъ Ріонъ.

Но горбунъ не унимался.

— Ты охотникъ, я, нѣтъ, а лучше тебя мѣста знаю, скорѣе тебя звѣря выслѣжу и убью, домой принесу, а ты до ночи въ

[1]) Сорока.

горахъ прошляешься и ни съ чѣмъ придешь, задиралъ Уга охотника.

Ріона сердце загоралось: никогда онъ такихъ словъ не слыхивалъ. Онъ-ли звѣря не выслѣживалъ, онъ-ли не билъ его!

— Врешь ты, уродъ! Не видалъ ты, какъ Ріонъ охотится!

— Увидимъ! Хочешь, Ріонъ, уже ласково заговорилъ горбунъ,— вмѣстѣ въ горы пойдемъ козла бить и кто скорѣе козла убьетъ— пусть принесетъ Тоурѣ. Она пусть нашимъ судьей будетъ.

— Хорошо! говоритъ Ріонъ.

— А тогда, кому впередъ судьба козла пошлетъ, тому и Тоуру брать.

Засверкали глаза у Ріона.

— Не видать тебѣ ни козла, ни Тоуры, уродъ! Себя сбереги въ горахъ. Тебя, небось, шайтанъ давно къ себѣ въ гости ждетъ, такъ въ кручу и стащитъ.

— Не думай обо мнѣ! говоритъ Уга, а самъ отъ злобы на дерзкія слова какъ волкъ зубъ скалитъ. „Посмотримъ", думаетъ,— „кто къ шайтану еще провалится".

Пошли они въ горы.

Ріонъ взялъ лукъ, перетянулъ тетиву, а Уга ничего не беретъ, только палку съ крюкомъ—по горамъ лазить, и говоритъ про козловъ:

— Я ихъ камнемъ бью въ голову, какъ выслѣжу!

— Ой, Ріонъ, не ходи съ колдуномъ, говорили ему,—недоброе онъ замышляетъ!

— Не боюсь колдуна! отвѣчалъ гордый юноша,—не съ однимъ такимъ—съ пятью справлюсь.

И ушли.

А Тоура пошла въ лѣсъ и у горнаго ручья, что со снѣжныхъ вершинъ протекалъ, сѣла, вѣнки плететъ да слушаетъ, какъ ручей струйками переливается, клокочетъ и сердится.

Струйки что змѣйки между собою переплетаются, блестятъ на солнышкѣ, извиваются, бѣгутъ словно перегнать другъ друга хотятъ. И бѣгутъ, бѣгутъ впередъ съ журчаньемъ и смѣхомъ.

Залюбовалась Тоура струйками ручья: въ воду смотритъ и сама такъ весело улыбается.

Вдругъ словно тѣнь по лицу ея промелькнула.

Испугалась дѣвушка и въ воду со страхомъ еще сильнѣе вглядывается: что это?

А въ ручьѣ алая струйка, между свѣтлыхъ, какъ змѣя проползаетъ.... Шире, шире становится она, вотъ уже широкая красная полоса заняла полручья и, наконецъ, весь ручей замутился кровавой пѣною. Дѣвушка вскрикнула и вскочила въ ужасѣ. Кровавый ручей бился, какъ раненый, среди камней, и кровяныя брызги влажною пылью летѣли на зелень весенней травы, покрывая ее зловѣщимъ цвѣтомъ теплой дымящейся крови.

— Кровь Ріона! пронеслось въ ея головѣ.

И потекла кровь красавца Ріона по тому руслу, гдѣ раньше бѣжалъ ручей...

Въ ужасѣ Тоура прибѣжала въ селеніе.

— Тамъ кровь! кровь!... кричала она, и всѣ думали, что она сойдетъ съ ума.

Вся деревня сбѣжалась къ ручью. Крики и угрозы раздались противъ Уги.

— Это онъ убилъ! кричали голоса.

— Онъ! Злой горбунъ! Убійца!

Народъ шумѣлъ какъ бушующая рѣка, а Ріонъ, весь въ крови, клокоталъ и метался, словно взывая о мщеніи.

Если-бы Уга попалъ тогда въ руки толпы, не жить-бы ему совсѣмъ: не пожалѣли-бы—убили.

Но Уги не было, онъ не вернулся съ охоты.... и правъ былъ народъ: онъ убилъ.

Когда Ріонъ лѣзъ по крутой скалѣ, выслѣживая горнаго козла, Уга задѣлъ его своею палкой за горло и сдернулъ несчастнаго Ріона въ пропасть.

Онъ упалъ въ разсѣлину ледника, откуда вытекалъ ручей.

Съ разбитой грудью и головою умиралъ красавецъ Ріонъ и теплая кровь его сердца, смѣшавшись съ холодными струями ручья, принесла Тоурѣ ужасную вѣсть... и съ той поры течетъ онъ, краса Имеретіи, Ріонъ.

Имеретинъ замолкъ.

Мы подвигались впередъ къ истокамъ Тоуры.

Заинтересованные разсказомъ, мы проѣхали значительное разстояніе, не чувствуя усталости.

Тоура вилась синеватою струею влѣво отъ насъ, веселая и трепещущая....

Вотъ мы обогнули гору, по узкой тропѣ поднялись наверхъ и выѣхали на возвышенное плато, съ котораго ясно видна была Тоура, монастырь и безграничная даль, гдѣ небо сливалось съ далекимъ синѣющимъ моремъ.

Но рядомъ съ нами Тоуры уже не было. Она, казалось, прямо вытекала изъ-подъ подошвы горы, на вершинѣ которой мы стояли.

— Гдѣ-же Тоура?

— Тамъ, дальше, туда надо идти, указалъ проводникъ рукою въ направленіи противоположномъ теченію рѣки.

Ровное плато, по которому мы ѣхали, прорѣзывалось продольными трещинами и обвалами.

Казалось, подъ нами, въ нѣдрахъ земли, происходило какое-то движеніе, отражавшееся на поверхности провалами и трещинами.

Это—Тоура протекала подъ землею, временами появляясь на днѣ глубокихъ проваловъ.

Съ обѣихъ сторонъ плато возвышались горы, замыкавшія горизонтъ.

Мы вступали въ котловину, и горы простирали къ намъ свои объятія, манили, притягивали.... Казалось, онѣ ждутъ: мы войдемъ, и онѣ замкнутся за нами каменнымъ кольцомъ.

— Теперь уже близко, вонъ Харисъ-Твало!

Два черныхъ пятна, какъ глазныя впадины черепа, темнѣли на склонѣ каменистаго кряжа, къ которому мы приближались. А

проводникъ продолжалъ свой разсказъ, воодушевляясь все болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія къ развязкѣ драмы своихъ героевъ.

— Тоура съ того дня все около Ріона сидѣла. А онъ сначала все краснѣе становился, а потомъ вдругъ сдѣлался свѣтлымъ и большимъ: воды много стало въ немъ.

Ріонъ разлился, затопилъ все вокругъ себя и превратился въ большую рѣку.

Могучій и многоводный, опрокидывая на своемъ пути камни и деревья, понесся онъ широкою волною дальше, изъ тѣсныхъ горъ къ Черному морю.

Много горя пережила Тоура, много слезъ своихъ въ Ріонъ пролила, истосковалась, измучилась....

И разъ, сидя на берегу, сильно она загрустила, и такъ тоскливо стало ей безъ Ріона.... а онъ бился и роптал у ногъ ея и чудилось Тоурѣ: зоветъ ее къ себѣ Ріонъ!

И отъ этой мысли такъ хорошо ей стало, словно новая, радостная жизнь открылась передъ нею.

Спокойная она встала, взглянула въ послѣдній разъ на яркое солнце, горѣвшее высоко надъ нею, и бросилась въ золотистыя волны Ріона... Медленно погружалась въ нихъ и, сливаясь со своимъ возлюбленнымъ, она засыпала въ блаженной истомѣ....

Вдругъ чья-то сильная, рука охватила ее и вырвала изъ сладкой нѣги забытья...

Тоура лежала на берегу.

Когда она открыла глаза,—передъ нею стоялъ Уга.

— Тоура—ты моя! Отвагою и ловкостью я заслужилъ твою любовь. Вотъ козелъ! сказалъ онъ, показывая на убитое животное.

— Нѣтъ! закричала дѣвушка.—Твои руки въ крови, оставь меня, уйди!

— Теперь ужъ я не уйду одинъ.

И онъ схватилъ трепетавшую дѣвушку и увлекъ ее съ собою.

Тоура исчезла.

Никто не зналъ, гдѣ она, и всѣ думали, что она утопилась.

Но колдунъ не смерти ея хотѣлъ, онъ хотѣлъ любви, ласки... Онъ силою думалъ заставить ее полюбить себя и коварствомъ вырвать ласки.

Но Тоура оставалась тверда. Тогда колдунъ зарылъ ее въ землю... Вотъ въ эту пещеру, и, чтобы она не ушла, онъ посадилъ стражемъ около темницы Тоуры страшнаго быка, который всегда видѣлъ дѣвушку черезъ эти отверстія.

Мы стояли у „Харисъ-Твало“ [1]).

Два темныхъ пятна, виднѣвшіяся намъ издали, представляли собою два огромныхъ отверстія, сажени по три въ діаметрѣ, на склонѣ горы. Заглянувъ въ одну изъ этихъ дыръ, мы увидѣли въ глубинѣ огромный водоемъ.

Вода била изъ-подъ земли сильнымъ ключомъ, попадала въ этотъ природный бассейнъ и, наполнивъ его, вытекала у подошвы

---

[1]) Бычачій глазъ.

кряжа небольшимъ ручейкомъ. Это и было начало, первые истоки Тоуры.

Выйдя на Божій свѣтъ, она по пути принимаетъ въ себя цѣлый рядъ ручьевъ и рѣченокъ, стекающихъ съ горъ, и, обогатившись ихъ водами, превращается въ широкую рѣку.

— Здѣсь, въ этой ямѣ-пещерѣ, была заточена Тоура. Тутъ она страдала, томилась, плакала неудержными слезами.... и отъ тѣхъ чистыхъ слезъ горя и муки забили эти ключи и наполнили пещеру.

— Не видать тебѣ Ріона! грозилъ Уга и сдержалъ свою угрозу.

Страшный быкъ, слуга колдуна, не сводилъ своихъ ужасныхъ глазъ съ плѣнницы. Спасенья не было. Тоура плакала и умирала... Ея слезы заполнили всю пещеру, ея темницу, и Тоура вся изошла въ слезахъ—исчезла!

— Умерла?

— Нѣтъ, душою она жила и рвалась къ Ріону. И теперь, когда она сдѣлалась такою же рѣкою, какъ ея возлюбленный— Ріонъ, теперь насталъ конецъ ея мученьямъ. Она стала пробиваться изъ своей темницы на Божій свѣтъ подземными ключами.

Они, какъ цѣпкія руки, рвали землю, пробивая глыбы земли и камня и, наконецъ, Тоура вырвалась изъ власти колдуна.

Но страшный колдунъ еще могъ проявить свою власть, и Тоура скрывалась отъ него подъ землю.

Порою она пробивалась наружу, но потомъ вновь уходила въ глубокія нѣдра, протекая на цѣлыя версты подъ тяжелымъ покровомъ земли.

— А теперь, сказалъ имеретинъ съ многозначительнымъ видомъ, видимо готовя къ самому концу нашего путешествія самое великолѣпное, по его мнѣнію, зрѣлище,—пойдемъ на водопадъ!

Мы повернули назадъ къ тому мѣсту, гдѣ недавно поднялись по тропѣ. Тогда проводникъ ни словомъ не обмолвился о томъ, какую картину мы оставляемъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ себя.

„Въ этомъ мѣстѣ Уга, узнавъ о бѣгствѣ Тоуры, задумалъ преградить ей путь и выдвинулъ скалистую гору, прорѣзавшую подземное русло Тоуры. Тоура билась о холодный гранитъ, но камень не поддавался, и измученная Тоура плакала отъ горя и отчаянья... ея слезы наполняли тѣсное русло, она становилась многоводнѣе, сильнѣе и камень незамѣтно рушился. И сила любви пробила камень. Она побѣдила еще разъ!

Картина, открывшаяся передъ нами, поражала своею неожиданною оригинальною обстановкою и грандіозностью. Отвѣсная скала покрыта зеленью. Сверху, съ середины скалы рушится рѣка. Пробивъ послѣ своего подземнаго путешествія гранитную скалу, Тоура показывается въ отверстіи громаднаго грота. Широкой, могучей струею, сверкая тысячами брызгъ, падаетъ она внизъ, въ долину, и тамъ разлившись на свободѣ несется къ Ріону.

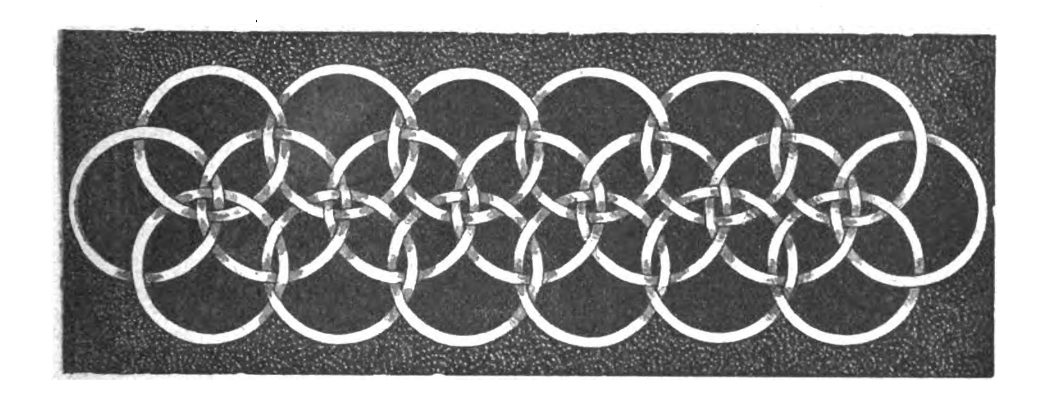
Роскошные рододендроны своими гигантскими листами плавно покачиваются въ воздухѣ. Пыльная влага покрываетъ ихъ алмазною

росою. Пальмы, воздушныя и стройныя, возвышаются своими гибкими стволами среди чащи кустарника.

Плющъ и павилика обвиваютъ камни, корни и, цѣпляясь за выступы, ниспадаютъ легкими гирляндами надъ гротомъ. Переплетаясь съ ними, точно заглядывая въ глубь грота, сыплются сверху цвѣты яркіе, яркіе. Ихъ крупныя пестрыя головки убираютъ Тоуру подвѣнечнымъ уборомъ... А она, побѣдивъ всѣ преграды, осыпанная цвѣтами, гремя торжественнымъ аккордомъ радости и всепобѣждающей любви, ниспадаетъ блестящей, стальною струею среди пальмъ, лавра, пихты и зелени травы и лозъ дикаго винограда....

Отсюда она течетъ къ монастырю и, точно принявъ отъ него нерушимый покровъ отъ злыхъ чаръ колдуна, несется уже дальше спокойная къ желанному, ненаглядному красавцу Ріону.

П. Брюнелли.

Лже-Павелъ Петровичъ и наша самозванщина [1].

Въ центральномъ архивѣ кіевскаго университета хранится переписка, къ сожалѣнію неполная, по дѣлу о самозванцѣ Лже-Павлѣ Петровичѣ, еще неизвѣстномъ доселѣ въ исторіи самозванщины.

Изъ этой переписки видно, что 1783 г. 6 декабря прибылъ въ с. Головеньки, Коропскаго уѣзда, Черниговской губерніи, неизвѣстный молодой человѣкъ и передъ тамошними жителями, сотеннымъ атаманомъ Михаиломъ Дробинкою и сельскимъ атаманомъ Максимомъ Гринькомъ, завелъ, между прочимъ, рѣчь про подушный окладъ, говоря: «не называйте его подушнымъ окладомъ, но тяжелымъ окладомъ». Притомъ сталъ увѣрять, что такихъ, какъ онъ, разъѣхалось по Малой и Великой Россіи 12 человѣкъ, и посланы они изъ Херсона наслѣдникомъ престола, Павломъ Петровичемъ, провѣдать о подушномъ окладѣ, сталъ хвалиться, что онъ три мѣсяца тому назадъ въ Херсонѣ обѣдалъ съ государемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. Тамошнему головѣ Моисею Остапенку далъ нѣкія карточки съ надписью на нихъ словъ, похожихъ на латинскія, и, давая ихъ, прибавилъ: «Ты будешь вѣкъ меня помнить!» Такими хвастливыми рѣчами неизвѣстный занималъ

[1]) Выводы автора настоящей статьи нѣсколько прямолинейны и, можетъ быть, недостаточно обоснованы, и причины «самозванщины» едва-ли не лежатъ глубже, нежели онъ предполагаетъ, но собираемый имъ матеріалъ настолько интересенъ, что казалось желательнымъ напечатанія сообщенія. *Прим. ред.*

собесѣдниковъ своихъ, которые, повидимому, спокойно слушали его, не мѣшая ему врать. Происходило это, вѣроятно, въ кабакѣ, такъ какъ изъ дѣла видно, что Зайцевъ съ собесѣдниками своими пьянствовалъ.

Изъ села Головеньки на слѣдующій день, 7-го декабря, проѣхалъ онъ въ с. Высокое [2]), для чего атаманъ Гринько далъ ему своихъ лошадей и человѣка; здѣсь, при отставномъ вахмистрѣ Игнатѣ и сотскомъ Алексѣ Дукачовыхъ, называлъ себя наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ, говоря: «Отецъ мой Петръ Ѳеодоровичъ живъ и находится въ Херсонѣ». Но тутъ, въ с. Высокомъ, онъ былъ взятъ подъ караулъ и препровожденъ Дукачовыми въ Коропъ. При арестѣ его не обошлось безъ драки. Какъ видно изъ дѣла, сопровождавшій его изъ села Головеньки казакъ Михаилъ Порабченко помогалъ ему бить караульныхъ. Проѣздомъ черезъ мѣстечко Новые Млины, въ домѣ мѣстнаго атамана Бураго, при немъ и Дукачовыхъ, арестованный разсказывалъ о жизни бывшаго императора Петра Ѳеодоровича, называя его своимъ отцомъ. Здѣсь-же новомлинскому казаку Семену Басанцу далъ такія-же карточки, какъ и Моисею Остапенку, причемъ сказалъ Басанцу: «Ты будешь великимъ человѣкомъ».

На слѣдствіи въ нижнеземскомъ коропскомъ судѣ арестованный, по увѣщанію священника, во всемъ сознался, назвалъ себя Григоріемъ *Зайцевымъ*, разсказалъ о своихъ похожденіяхъ, показывая, что въ с. Высокомъ онъ выдавалъ себя за наслѣдника престола Павла Петровича «не изъ чего другого, какъ съ пьянства и глупости, и паче всего къ устрашенію Дукачовыхъ, чтобы они его отпустили, а въ селѣ Головеньки произносилъ непристойное толкованіе о подушномъ окладѣ, чтобы скорѣе дали ему подводу».

Слѣдствіе выяснило, что Григорій Зайцевъ, уроженецъ с. Жуковки [3]), бывшаго Березенскаго уѣзда, Черниговской губерніи, сынъ пономаря изъ казаковъ, Якима Зайцева. Согласно заключенію, сдѣланному черниговскимъ намѣстническимъ правленіемъ, за неимѣніемъ метрическихъ книгъ при

---

[2]) На атласѣ Новг.-Сѣв. намѣстничества (библіот. Кіево-Печ. Лавры), изд. 1792 г., находится с. Высокое, отъ Коропа въ томъ-же разстояніи, какъ и Коропъ отъ Новг.-Сѣверска, приблизительно на 40 в. по прямой линіи, на ю.-з. отъ Коропа.

[3]) На почтовой картѣ изд. 1848 г. находится с. Жуковка, бывшаго Березенскаго уѣзда, въ равномъ разстояніи отъ Чернигова и Березна, на ю.-з. отъ послѣдняго и ю.-в. отъ перваго. Такимъ образомъ село Высокое находилось приблизительно верстахъ въ 60 отъ с. Жуковки, на востокъ отъ него.

Никольской церкви въ с. Жуковкѣ, по справкамъ на мѣстѣ родины, Григорій Зайцевъ родился 20 ноября 1767 года; принимая-же во вниманіе исповѣдныя росписи Никольской церкви с. Жуковки, въ которыхъ записанъ Григорій Зайцевъ, можно предположить, что онъ, Зайцевъ, оставилъ свою родину въ 1780 году, такъ какъ послѣдняя исповѣдная отмѣтка относится къ 1779 г. Человѣкъ онъ былъ грамотный, но гдѣ учился, неизвѣстно, вѣроятнѣе всего, у отца своего, пономаря.

Оставивъ родное село 13-ти лѣтъ отъ роду, Григорій Зайцевъ отправился въ Кіевъ и поступилъ въ Кіево-Софійскій монастырь, гдѣ и находился въ услуженіи канархистомъ. Отсюда въ 1783 г., 16-ти лѣтъ отъ роду, Зайцевъ тайно переходилъ границу, проживалъ нѣкоторое время въ Польшѣ, подъ именемъ которой разумѣлся тогда и юго-западный край [3]); отсюда онъ вскорѣ возвратился въ Кіевъ, назвавшись польскимъ уроженцемъ; въ Кіевѣ познакомился съ нѣкимъ Михаиломъ Житнюченкомъ, польскимъ выходцемъ, присягнувшимъ уже на вѣрность Россіи,—по соглашенію съ которымъ снова бѣжалъ въ Польшу; вмѣстѣ переходили они тайно форпостъ; обманомъ захватилъ Зайцевъ выданный изъ кіевской губернской канцеляріи указъ на имя Михаила Житнюченка на свободное въ Россіи пребываніе и свидѣтельства изъ Кіево-Печерской Лавры и тамошняго Троицкаго монастыря о службѣ Житнюченка при тѣхъ монастыряхъ; обманутаго товарища Зайцевъ оставилъ въ Польшѣ, а самъ снова возвратился въ Кіевъ. Тутъ онъ въ указѣ, принадлежавшемъ Житнюченку, сдѣлалъ своей рукой подчистку въ лѣтахъ, переправивъ 20-й годъ на 12-й, и сталъ называться Житнюченкомъ. Подъ этимъ именемъ онъ присталъ къ курьеру Алексѣю Захарьеву Прокурову, съ которымъ проѣхалъ многіе великорусскіе города; наконецъ, отсталъ отъ него, дорогой сдѣлалъ на одномъ изъ свидѣтельствъ, принадлежавшихъ Житнюченку, помѣтку, яко-бы оно было явлено въ Полтавѣ, назвалъ себя въ этомъ свидѣтельствѣ копіистомъ, шатался по многимъ мѣстамъ Великой Россіи, былъ въ Ярославлѣ, и на обратномъ пути въ Новгородъ-Сѣверскѣ содержался въ острогѣ, какъ бродяга, и отпущенъ оттуда городничимъ по предъявленіи имъ свидѣтельствъ Житнюченка. Наконецъ, 6-го декабря 1783 г. прибылъ въ село Головеньки, гдѣ и объявился самозванцемъ.

[4]) Граница шла по Днѣпру и окружала Кіевъ на 25 в. въ окружности и затѣмъ опять продолжалась по Днѣпру.

Слѣдствіе, произведенное нижнеземскимъ коропскимъ судомъ, передано было въ верхнюю расправу. Отсюда, 28-го февраля 1784 г. оно поступило на ревизію въ новгородъ-сѣверскую палату уголовнаго суда, которая 22 марта, въ донесеніи своемъ кіевскому намѣстнику, генералъ-фельдмаршалу гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому представила копію рѣшенія своего по этому дѣлу, а равно и заключеніе верхней расправы: признавая преступленія, совершенныя Григоріемъ Зайцевымъ, весьма важными, верхняя расправа постановила, «чтобы его, Зайцева, за вышеупомянутыя вины, по силѣ перечисленныхъ ею статей уложенія Литовскаго статута, воинскаго артикула и пр., *казнить смертію*, а вмѣсто оной, по указу 1754 г., сентября 30-го дня, *наказать кнутомъ*, давъ ему триста ударовъ и вырѣзавъ ноздри съ поставленіемъ на лбу и щекахъ знаковъ, сослать вѣчно въ каторжную работу,—а доносителей, отставного вахмистра Игната и сотскаго Алексѣя Дукачовыхъ, какъ доказавшихъ свой доносъ, оставить свободными; относительно же новомлинскихъ жителей, казаковъ Сафрона Попенченка и Семена Басанца, да головенскихъ, сотскаго атамана Михаила Дробинки, сельскаго атамана Максима Гринька, мѣщанскаго головы Моисея Остапенка и казака Михайла Порабченка, являющихся по слѣдствію виновными въ томъ, что они означеннаго колодника Зайцева, примѣтивши сомнительнымъ, не задержали его и не представили въ судъ, вмѣня имъ долговременное ихъ подъ стражею содержаніе, отпустить свободными, обязавъ ихъ притомъ подпискою, что впредь они будутъ осторожнѣе».

Палата же постановила: приговоръ верхней расправы утвердить, выполнивъ наказаніе въ двухъ селеніяхъ, гдѣ Зайцевъ совершилъ означенныя преступленія, раздѣливъ опредѣленное расправою число ударовъ, и вырѣзавъ ноздри съ поставленіемъ на лбу и щекахъ знаковъ, сослать вѣчно въ отдаленныя Россійской имперіи мѣста, но такъ какъ, по показанію матери Зайцева и его воспріемныхъ отца и матери, ему шелъ только 18-й годъ, то на основаніи высочайшихъ указовъ 1762, 1765 и другихъ годовъ, представить о семъ дѣлѣ на благоразсмотрѣніе въ правительствующій сенатъ; что касается до соучастниковъ Зайцева, то, освободя Дукачовыхъ, палата постановила—прочихъ, наказавъ кнутомъ, давъ имъ по десяти ударовъ, сослать въ работу въ городъ Херсонъ. Верхней же расправѣ, городничему и исправнику за неполноту слѣдствія и небрежное отношеніе къ столь важному дѣлу,

какъ дѣло Зайцева, былъ объявленъ выговоръ и предостереженіе. Исправникъ, какъ оказалось, совсѣмъ не производилъ слѣдствія, извиняя себя тѣмъ, что былъ въ другихъ слѣдствіяхъ «въ не такъ важныхъ, но болѣе партикулярныхъ» по мнѣнію палаты.

Сдѣланы-ли были требуемыя палатой дополненія насчетъ курьера Прокурова, Житнюченка и его свидѣтельствъ, при дѣлѣ нѣтъ указаній.

Два мѣсяца спустя, а именно 28 мая, новгородъ-сѣверская палата уголовнаго суда доносила намѣстнику края о передачѣ колодника Григорія Зайцева въ вѣдомство новгородъ-сѣверскаго губернатора, ген. М. Бибикова, а 31 того-же мѣсяца губернаторъ Бибиковъ доноситъ намѣстнику объ отправленіи Зайцева 29-го того-же мѣсяца, согласно ордеру гр. Румянцева отъ 27-го числа, въ Петербургъ съ приложеннымъ письмомъ отъ гр. Румянцева къ генералъ-прокурору кн. А. А. Вяземскому; сопровождать преступника назначенъ поручикъ мѣстной штатной команды Гурасій, при одномъ солдатѣ.

Іюня 12-го того-же года губернаторъ Бибиковъ доносилъ намѣстнику, что возвратившійся изъ Петербурга поручикъ Гурасій доставилъ Зайцева генералъ-прокорору кн. А. А. Вяземскому. Наконецъ, октября 9-го того-же 1784 г., новгородъ-сѣверская палата уголовнаго суда доносила намѣстнику о полученіи ею предложенія генералъ-прокурора и о приведеніи въ исполненіе высочайшаго повелѣнія, состоявшагося относительно причастныхъ къ дѣлу Зайцева лицъ.

Генералъ-прокуроръ въ предложеніи новгородъ-сѣверской палатѣ уголовнаго суда отъ сентября 16-го 1784 г. писалъ:

«О присланномъ изъ оной палаты малороссіянинѣ Григоріѣ Зайцевѣ, здѣсь по высочайшему ея императорскаго величества соизволенію *надлежащее рѣшеніе учинено*. Что-же принадлежитъ до участвовавшихъ въ преступленіи Зайцева людей, которые оказались виновными въ слѣдующихъ винахъ, а именно: казакъ *Семенъ Басанецъ*, слышавъ отъ Зайцева непристойныя разглашенія, не только не взялъ его подъ стражу, но, имѣя съ нимъ обращеніе, принялъ отъ него значущуюся при дѣлѣ записку. Атаманы: *Гринько*, пьянствуя съ нимъ, далъ своихъ лошадей и человѣка, для провоженія его до села Высокаго; *Дробинка* оказалъ попеченіе, обращаясь съ нимъ, пьянствовали вмѣстѣ и имѣли на него, Зайцева, по непристойнымъ его разговорамъ сомнѣніе, нигдѣ о томъ не донесли. Казакъ Михайла *Паробченко*, будучи посланъ съ Зайцевымъ отъ атамана Гринько для отводу, слѣдуя приказанію его, во всемъ

ему повиновался и помогалъ бить людей, за что вышеписанныхъ людей палата уголовнаго суда полагала, наказавъ публично, сослать въ работу, но какъ изъ дѣла видно, въ показанныя вины впали *по сущему ихъ невѣжеству*, почитая Зайцева канцеляристомъ, а не болѣе. Притомъ, одинъ изъ нихъ, *Дробинка*, и *Попенченко*, и сами тогда дознались, что оный Зайцевъ разглашаетъ ложно. Казакъ же Паробченко, хотя въ чинимыхъ Зайцевымъ озорничествахъ сообщникомъ оказался, но не по привязанности, а по словамъ атамана Гринько, прочіе же всѣ оказались больше виновными не въ доносѣ на Зайцева; но какъ *сіе вранье* продолжалось менѣе сутокъ въ одномъ селеніи, а въ другомъ уже Зайцевъ былъ пойманъ, то *въ разсужденіи совершенной ихъ простоты и невѣжества, сіе за тяжкое преступленіе почесть не можно*, а къ тому-жъ и верхняя расправа принуждена, вмѣнивъ имъ долговремененное подъ стражею содержаніе въ наказаніе, отпустить въ домы свободными, обязавъ подпискою, чтобы впредь поступали осторожнѣе, и сего ради ея императорское величество по человѣколюбію и милосердію своему, высочайше повелѣть соизволила, *отъ приговореннаго палатою наказанія и ссылки всѣхъ вышепоименованныхъ людей избавить и, обязавъ наистрожайшею подпискою, чтобы впредь такого ложнаго вранья ни отъ кого не слушали и паче бы тотчасъ донесли о такомъ враньѣ куда слѣдуетъ, не только ни малѣйшаго съ таковыми сообщниками не имѣя,—учинить свободными, Гринько-жъ и Дробинку*, при свободѣ, посадить на хлѣбъ и воду на три дня и потомъ изъ атамановъ исключить, и *впредь ихъ, какъ сущихъ невѣждъ, въ начальники селенія не выбирать*, и объ ономъ такомъ, буде еще по сему дѣлу кто содержится, о учиненіи и ихъ свободными Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества въ палату уголовнаго суда послать предложеніе. Чего ради о учиненіи надлежащаго по семъ высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія исполненія симъ оной палатѣ предлагаю».

Такъ кончилось дѣло о самозванцѣ Григоріи Зайцевѣ. Предъ нами два судебныхъ приговора по этому дѣлу: одинъ—верхней расправы и палаты уголовнаго суда, другой—сената съ высочайшей резолюціей. Первый отличается тѣмъ, что для наказанія юноши, виновнаго лишь въ бродяжничествѣ и легкомысліи, соединенномъ съ фанфаронствомъ, судъ пріискалъ статьи закона, карающія важнаго государственнаго преступника. Подборъ этихъ статей закона поражаетъ несоотвѣтствіемъ

содержанія ихъ съ самымъ преступленіемъ. Особенное усердіе выказала въ этомъ палата.

Очевидно, судьи находились подъ впечатлѣніемъ незабытой еще, хотя и не тронувшей ихъ, пугачевщины. Плохіе законовѣды, они, несомнѣнно, боялись отнестись къ «самозванцу» не строго. Признавъ поступокъ Зайцева важнымъ государственнымъ преступленіемъ, палата естественно должна была также строго отнестись и къ причастнымъ къ дѣлу лицамъ. Совсѣмъ иначе взглянули на дѣло государыня и сенатъ: преступленіе Зайцева признано пустымъ враньемъ, не имѣвшимъ никакихъ послѣдствій. Люди-же, причастные къ дѣлу, признаны *сущими невѣждами, и въ разсужденіи ихъ простоты и невѣжества, поступки ихъ не найдено возможнымъ признать за тяжкія преступленія.* Вполнѣ логично и справедливо взысканіе съ виновныхъ атамановъ, сотскаго и сельскаго. Ни верхняя расправа, ни палата не оттѣнили разницы въ виновности сельскихъ должностныхъ лицъ и недолжностныхъ.

Изъ дѣла не видно, какое «учинено» надъ самимъ Зайцевымъ «надлежащее рѣшеніе», о коемъ сообщаетъ генералъ-прокуроръ въ своемъ предложеніи палатѣ отъ 16-го сентября 1784 года. Но, вѣроятно, оно соотвѣтствовало высочайшему взгляду на поступокъ Зайцева.

Извѣстно, что въ длинномъ ряду самозванцевъ въ царствованіе Екатерины II большинство ихъ признано виновнымъ только во враньѣ, хотя это вранье нерѣдко и сбивало съ толку многихъ. Такъ, изъ дѣла бѣглаго солдата Гаврилы Кремнева (1765), выдававшаго себя за императора Петра III, императрица усмотрѣла, «что преступленіе Кремнева произошло безъ всякаго съ разумомъ и смысломъ соображенія и единственно отъ пьянства, буйства и невѣжества, что дальнѣйшихъ опасныхъ видовъ и намѣреній не крылось». Кремневъ былъ наказанъ кнутомъ, клейменъ и сосланъ въ Нерчинскъ. Другой самозванецъ, Петръ Ѳедоровъ Чернышевъ, тоже бѣглый солдатъ, назвавшій себя императоромъ Петромъ III, на допросѣ показалъ, что въ разное время, въ кабакахъ и шинкахъ, между незнакомыми людьми, слыхалъ въ разговорахъ о бывшемъ императорѣ; говорили разное: иной, что императоръ дѣйствительно преставился, иной, что еще живъ. Чернышева наказали кнутомъ и сослали въ Нерчинскъ (Солов. кн. VI т. 21, гл. IV). Сопоставляя преступленія этихъ двухъ самозванцевъ, Кремнева и Чернышева, изъ бѣглыхъ солдатъ, съ проступкомъ Зайцева, юноши и не-солдата, можно предположить, что и наказаніе Зайцева было значительно мягче.

Мы видимъ въ Григоріи Зайцевѣ одного изъ тѣхъ искателей приключеній, которыми Россія была всегда богата и которые не перевелись и теперь. Люди подъ чужимъ именемъ являющіеся въ разныхъ слояхъ общества—явленіе, присущее всѣмъ временамъ. Но почему Зайцеву, гулявшему по Россіи подъ чужимъ именемъ, съ украденнымъ имъ чужимъ паспортомъ, пришло въ голову назваться наслѣдникомъ престола в. к. Павломъ Петровичемъ? О Павлѣ Петровичѣ онъ могъ слышать въ Ярославлѣ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ былъ великій князь,—онъ могъ видѣть его лично въ Кіевѣ во время посѣщенія этого города великимъ княземъ въ октябрѣ 1781 г., когда Кіевъ особенно торжественно принималъ высокихъ гостей, великаго князя и великую княгиню [4]). Великій князь посѣтилъ тогда и Кіево-Софійскій соборъ, въ которомъ Зайцевъ былъ въ это время канархистомъ. Слѣдовательно, Зайцевъ могъ видѣть в. к. Павла Петровича при такой торжественной обстановкѣ, которая не могла не произвести на юношу глубокаго впечатлѣнія.

Не отразилось-ли въ рѣчахъ Зайцева воззрѣніе народное на отношенія императрицы Екатерины и наслѣдника престола? Всѣ недовольные правленіемъ Екатерины, какъ извѣстно, возлагали надежды на наслѣдника. Въ немъ видѣли противника матери и сторонника отца. Это воззрѣніе, возникшее первоначально въ военной средѣ столицы, несомнѣнно проникло и въ народъ. И Пугачевъ, какъ извѣстно, постоянно говорилъ, что сынъ его, наслѣдникъ престола, в. к. Павелъ Петровичъ идетъ къ нему на встрѣчу, — даже одно время онъ держалъ при себѣ мальчика, котораго выдавалъ за наслѣдника престола, в. к. Павла Петровича. Эти рѣчи Пугачева могли утвердить въ народѣ мысль, что в. к. Павелъ Петровичъ— противникъ матери и что онъ, по воцареніи, облегчитъ тягости народа, а такъ какъ подушный окладъ былъ для народа ненавистнѣе всего, то народъ могъ надѣяться на то, что Павелъ Петровичъ его отмѣнитъ. Очень возможно, что юноша Зайцевъ, наслушавшись о бывшемъ императорѣ (вѣдь разсказывалъ-же онъ о его жизни, уже находясь подъ карауломъ, слѣдовательно, слышалъ и о жизни бывшаго императора),—самъ увѣровалъ въ то, что онъ живъ, почему и прихвастнулъ, что обѣдалъ съ нимъ въ Херсонѣ. Это могло быть сдѣлано имъ для подкрѣпленія словъ его о подушномъ окладѣ, въ

[5]) «Посѣщеніе Кіева в. к. Пав. Петр. и в. к. Мар. Θеод.». (Современное описаніе). Кіев. старина. Іюль 1883 г.

отмѣну котораго, по воцареніи Павла Петровича, онъ могъ также вѣрить. Такимъ образомъ, въ рѣчахъ Зайцева, повидимому, выразилось воззрѣніе народное на наслѣдника престола и его отношенія къ матери [5]). И въ этомъ отношеніи рѣчи Зайцева имѣютъ историческое значеніе.

Вообще же идея царскаго самозванства носилась еще въ воздухѣ, какъ отголосокъ пугачевщины, но воплощалась уже, притомъ на чуждой ей почвѣ, въ такихъ невинныхъ искателяхъ приключеній, какъ Зайцевъ въ 1783 г. и нѣсколько лѣтъ спустя, именно, въ 1788 г., въ самомъ Кіевѣ, въ лицѣ Бунина-Колычева. Скажемъ о немъ, поэтому, подробнѣе.

Изъ документа, напечатаннаго въ «Русскомъ Архивѣ» [6]), видно, что въ февралѣ 1788 г. въ Кіево-Флоровскомъ женскомъ монастырѣ подброшено было письмо на имя игуменьи, въ которомъ сообщалось, что проживающая въ монастырѣ полковница Тюменева названнаго брата своего Колычева выдаетъ за императора Петра Ш. Игуменья представила это письмо митрополиту, митрополитъ — губернатору. На допросѣ оказалось: нѣкая мѣщанка Сычевская, проживавшая во Фроловскомъ монастырѣ, показала, что февраля 11-го монахиня Піора, вызвавъ ее изъ кельи, привела въ свою и, показывая на спящаго въ ней человѣка, утверждала, что это императоръ Петръ Өеодоровичъ, именемъ котораго дѣйствовалъ Пугачевъ; а Петръ Өеодоровичъ въ это время странствовалъ по разнымъ мѣстамъ и спасенъ былъ полковницею Тюменевою, да и нынѣшняя война чрезъ него открылась. Это показаніе подтвердила монахиня Піора. Колычевъ-же показалъ, что онъ отданъ въ солдаты изъ однодворцевъ г. Землянска, Воронежской губ.; но, какъ это показаніе его не подтвердилось, то онъ признался, что онъ изъ однодворцевъ новопробирной стрѣлецкой слободы г. Мценска, Орловскаго намѣстничества, Василій Лаврентьевъ *Бунинъ*, отданъ въ солдаты въ 1763 г. въ новооскольскій, впослѣдствіи переименованный въ старооскольскій гусарскій полкъ, гдѣ дослужился до сержанта, но за побѣгъ изъ полка разжалованъ и наказанъ передъ разводомъ палками. Изъ службы исключенъ въ 1779 г., недолго былъ въ домѣ отца своего въ Мценскѣ, потомъ

[5]) Такое мнѣніе было высказано поч. чл. общ. Нестора-Лѣтоп. В. С. Иконниковымъ, при чтеніи настоящаго сообщенія въ засѣданіи общества 3-го декабря прошлаго года (1900).

[6]) Р. Арх. 1871 г., стр. 2055 «Еще тѣнь Петра Ш».

опредѣленъ былъ въ нижнеземскій судъ копіистомъ, въ 1781 году произведенъ въ подканцеляристы, а въ 1783 году исключенъ. Съ того времени шатался онъ по разнымъ мѣстамъ, перемѣняя имя и фамилію, самъ себѣ составляя фальшивые паспорты. Въ 1784—1875 годахъ былъ въ Кіевѣ, оттуда неоднократно бѣгалъ за-границу въ Польшу и, какъ выходецъ оттуда, записался въ кременчугское мѣщанство; послѣ жилъ за-границею, впослѣдствіи опять вернулся въ Кіевъ въ 1787 г., гдѣ составилъ прошеніе, въ которомъ наименовалъ себя сержантомъ Иваномъ Колычевымъ прописавъ въ своемъ паспортѣ, что во время войны, при осадѣ Бендеръ, при первой вылазкѣ, былъ взятъ въ плѣнъ, но нашелъ случай уйти. Это прошеніе во время пребыванія императрицы Екатерины въ Кіевѣ подавалъ ей чрезъ гр. Ангальта, и отъ него оно было препровождено къ гр. П. А. Румянцеву, въ канцеляріи котораго сдѣлана была справка и найдено, что онъ дѣйствительно сержантъ Иванъ Колычевъ, во время осады Бендеръ неизвѣстно куда дѣвавшійся. Въ Кіевѣ онъ встрѣтился съ Тюменевою, которая пригласила его къ себѣ и, узнавъ, что фамилія его Колычевъ, объявила, что онъ ея братъ, такъ какъ Тюменевы въ родствѣ съ Колычевыми. У Тюменевой онъ встрѣтился съ Спиридоновымъ, котораго она называла племянникомъ и которому велѣла называть его, Колычева, дядей и цѣловать у него руку; далѣе показалъ, что Тюменева хотѣла снять съ него портретъ, увѣряя, что онъ похожъ на очень важнаго человѣка. Тюменева показала, что она въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, служа при дворѣ фрейлиной, вышла за-мужъ за Гудовича или Мировича, не помнитъ, послѣ смерти императрицы оставила Петербургъ и поселилась въ Кіевѣ; что Колычевъ ей братъ, и что она хотѣла ѣхать съ Спиридоновымъ въ Петербургъ и хлопотать ему о чинѣ. По справкамъ оказалось, что Тюменева никогда не была при дворѣ, что она извѣстна въ Москвѣ и Кіевѣ какъ дурного поведенія женщина.

Судъ приговорилъ всѣхъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ. Императрица Екатерина собственноручно написала резолюцію: «Тюменеву за многоразличныя ея выдумки и непотребное житье засадить въ смирительный домъ до указа; Бунина за лживые поступки наказать, какъ законъ повелѣваетъ; монахиню Піору, по разстриженіи, сослать въ ссылку» [7]).

[7]) О судьбѣ, вѣроятно, этой самой монахини Піоры сообщилъ свѣдѣнія въ своемъ рефератѣ 11-го ноября 1890 г. дѣйств. чл. И. М. Каманинъ („Чтенія“ кн. IV).

Мы подробно изложили дѣло Бунина потому, что въ длинномъ ряду извѣстныхъ намъ самозванцевъ онъ и Зайцевъ представляютъ одинъ и тотъ-же типъ обыкновенныхъ искателей приключеній. Разница между ними та, что Зайцевъ, шатаясь по Россіи, наслушавшись тамъ въ народѣ рѣчей о самозванцахъ, о бывшемъ императорѣ и о наслѣдникѣ престола, явился на родинѣ, какъ сказано выше, выразителемъ народныхъ воззрѣній того времени. Бунинъ, шатаясь больше всего по польской странѣ, т. е. юго-западной Россіи, о самозванцахъ и императорской фамиліи едва-ли что слышалъ, самъ въ Кіевѣ о нихъ ничего не говорилъ, а перешелъ, повидимому, на хлѣба къ такой-же, какъ онъ, если не больше, искательницѣ приключеній, которая задумала сдѣлать аферу, выдавая его въ своей средѣ за бывшаго императора.

Можно предположить, что, если когда-либо откроются еще документы о другихъ, болѣе позднихъ самозванцахъ, то всѣ они окажутся искателями приключеній того-же типа.

XVII и XVIII вѣка были временемъ, когда политическія и соціальныя условія государства способствовали сначала *появленію* идеи самозванства, а потомъ и *распространенію* этой идеи. Самое трудное *выдумать* перваго самозванца. Но, какъ извѣстно, идея самозванства давно уже пустила глубокіе корни въ сосѣдней намъ Молдавіи, въ этой классической странѣ самозванцевъ. Въ XVI в., во второй половинѣ его, цѣлый рядъ самозванцевъ занималъ престолъ деспота, и самыми дѣятельными помощниками и чаще всего и иниціаторами дѣла были поляки и малороссійскіе казаки. Неудивительно, что въ исторіи Лжедимитрія I и II такую дѣятельную и видную роль играли тѣ и другіе. Самозванство и участіе въ немъ было имъ давно знакомо и привычно. Послѣднее было въ характерѣ казачества, этого прообраза искателей приключеній, и поляковъ, любившихъ также бросаться, очертя голову, въ рискованныя предпріятія.

Мудрено-ли, что идея самозванства проникла изъ Польши въ Московскую Русь, когда условія для ея принятія и распространенія были удобны? Но разъ эта идея появилась и воплотилась такъ удачно на первыхъ-же порахъ въ лицѣ Лже-

Она возвращена была изъ ссылки въ 1802 г., была жива еще въ 1816 г. и считала себѣ 65 л., слѣд., въ 1788 г. ей было 37 л.; она часто болѣла и вела строгую жизнь.

димитрія I, то широкое распространеніе, при существованіи повальнаго невѣжества, было заранѣе обезпечено для нея. И если Лжедмитрію I, насколько намъ извѣстно, былъ-ли то Юрій Отрепьевъ въ міру, Григорій въ монашествѣ, Григорій Отрепьевъ въ міру, Германъ въ монашествѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ нѣкая запись, почерпнутая изъ Сборника Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д. вып. 6 [8]), побочный сынъ Стефана Баторія или четвертое еще неизвѣстное намъ лицо—если, говоримъ, Лжедмитрію I потребовалось нѣсколько лѣтъ на подготовку для того, чтобы выступить серьезнымъ претендентомъ на московскій престолъ, то всѣ послѣдующіе самозванцы, какъ подражатели перваго, успѣхъ котораго всѣмъ вскружилъ голову, являлись, такъ сказать, экспромтомъ, и тѣ изъ нихъ, о которыхъ до насъ дошли какія-либо болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія, были люди, любившіе бродяжническую жизнь. То же несидѣніе на мѣстѣ, шатанье по разнымъ мѣстамъ видимъ въ Лже-Петрѣ, казакѣ-Илійкѣ, въ Пугачевѣ, въ извѣстной у насъ подъ именемъ княжны Таракановой самозванкѣ, ѣздившей по Европѣ подъ именемъ сначала персидской принцессы Гали, потомъ граф. Бальбергъ или Пимбергъ и гр. Силинской, [9]) и, наконецъ, назвавшейся дочерью Елисаветы Петровны и сестрою Пугачева,—и въ другихъ. Даже о Лжедимитріи I одинъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей личности этого самозванца говоритъ: «этотъ юноша отличался особенною страстью къ приключеніямъ» [10]).

Итакъ, въ основѣ самозванства лежитъ страсть къ приключеніямъ. Простой искатель приключеній въ обычное время, при извѣстныхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ и часто подъ вліяніемъ постороннихъ внушеній, становился самозванцемъ. Подробный анализъ этого явленія не входитъ въ задачу настоящаго сообщенія, но, думаемъ, онъ могъ бы сдѣлаться предметомъ серьезнаго изслѣдованія.

Е. Д. Витте.

---

[8]) Лѣтоп. ист. филол. общ. при Имп. Новор. унив. VIII, ст. 515—526. 1900 г. Е. Щепкина «Краткія извѣстія о Лжедим. I».

[9]) Дѣло о княж. Таракановой. Сбор. Им. Рос. ист. общ. т. III.

[10]) Тимощукъ. Новыя данныя о личн. Лжедим. I. Рус. Старина 1898. Май.

Должники.

Историческій очеркъ положенія лицъ, подвергавшихся заключенію за долги.

(1555—1900 г.).

(Окончаніе).

V.

бновленная администрація дома получила строгій приказъ водворить порядокъ и дисциплину, но должникамъ показалось стѣснительнымъ и обиднымъ находиться подъ запоромъ, днемъ не отлучаться, а вечерами и ночами не забавляться картежною игрою и кутежемъ. Они и взбунтовались (вечеромъ 3 мая 1872 г.), погасили огни, разбили лампы, посуду, ворвались въ квартиру смотрителя, оскорбили его жену и произвели столь серьезное буйство, что съ трудомъ были усмирены полиціею, уже поздно ночью, а потомъ, изъ бывшихъ въ тотъ день въ наличности 84 человѣкъ, 11 человѣкъ зачинщиковъ разсадили въ части на арестантское положеніе.

Къ 1873 г. въ домѣ содержалось 69 чел., задолжавшихъ 57.783 р. 38 к., въ теченіе года *заключено*: неисправныхъ—350 чел. за 271.991 р. 97 к. и несостоятельныхъ—52 чел., за которыми считалось до 2.000.000 р.; *освобождено*: 40 чел., за уплатою ими—14.707 р. 13 к., кредиторами—156 чел., содержавшихся за 141.339 р. 85 к., за минованіемъ срока—6 чел., отработавшихъ 4.933 р. 15 к., по распоряженію начальства—25 чел., задолжавшихъ 57.071 р. 4 к., за невзносъ

кредиторами въ срокъ кормовыхъ—50 челов., задолжавшихъ 26.972 р. 92 к.; *выкуплено*: человѣколюбивымъ обществомъ—11 чел., задолжавшихъ 3.151 р. 58 к.—за 1.285 р., благотворителями—36 чел.; задолжавшихъ 7.995 руб. 60 коп.—за 3,226 р. 28 к., тюремнымъ комитетомъ—28 чел., задолжавшихъ 14.791 р. 28 к.—за 5.664 р. 8 к., всего же выпущено 352 чел., задолжавшихъ 268,962 руб. 46 к., каковая сумма покрылась только 10.175 р. 36 к. Изъ выкупленныхъ 75 чел. распадались: по возрасту отъ 60 и болѣе лѣтъ—4 чел., отъ 50 до 60 лѣтъ—7 чел., отъ 40 до 50 лѣтъ—20 чел., отъ 30 до 40 лѣтъ—22 чел. и отъ 20 до 30 лѣтъ—22 чел., изъ всѣхъ: женатыхъ—55, вдовцовъ—3, вдовъ—5 и дѣвицъ—12. Къ 1874 г. оставалось: неисправныхъ 67 чел., задолжавшихъ 58.812 р. 79 к., и несостоятельныхъ 18 чел., за которыми числилось долговъ 354.838 р.

Со времени произведеннаго должниками вышеописаннаго скандала всѣ власти, точно по уговору, постепенно охладѣвали къ нимъ, почему строгости, въ сокращенномъ нѣсколько видѣ, продолжались какъ по содержанію, такъ и по выкупу ихъ. Впрочемъ, самый законъ тоже измѣнился противъ нихъ; установилось сидѣнье за долги: отъ 100 до 2.000 руб.—6 мѣсяцевъ; отъ 2.000 р. до 10.000 руб.—годъ; отъ 10.000 до 30.000 руб. — два года; отъ 30.000 до 60.000 руб.—три года; отъ 60.000 до 100.000 руб.—четыре года, а болѣе 100.000—пять лѣтъ (734—796 ст. II ч. X. Т., изд. 1876 г.). Точно также и относительно кормовыхъ смотритель оказался обязаннымъ «*за день до срока сообщать кредиторамъ* о доставленіи кормовыхъ денегъ, а въ случаѣ ихъ смерти—наслѣдникамъ ихъ—за двѣ недѣли» (1261 ст. того же тома). Отсюда долго практиковавшаяся выгодная игра на опозданіи взносомъ кормовыхъ—естественнымъ порядкомъ прекратилась.

Съ тѣхъ поръ численность мелкихъ должниковъ постепенно уменьшалась, ибо они старались уплачивать долги, чтобы долго не маяться въ «домѣ», или Тарасовкѣ, какъ прозванъ былъ домъ. Количество крупныхъ должниковъ, напротивъ, увеличивалось, вслѣдствіе размножавшихся кредитныхъ учрежденій, легко открывавшихъ кредитъ: сдѣлавшійся, напр., членомъ съ 1.000 р.—пріобрѣталъ право занять 10.000 руб. И вотъ быстро прививавшаяся жажда наживы безъ тяжелаго труда, страсть къ раздольной жизни и мотовству, сбили съ честнаго пути и увлекли очень и очень многихъ слабохарактерныхъ людей, раньше не умѣвшихъ и размыслить о своей

будущности. Такъ, приказчики превращались въ хозяевъ въ надеждѣ, посредствомъ учета товарищескихъ векселей, выдвинуться на просторный коммерческій путь, а для лучшаго достиженія цѣли имъ являлась необходимость пустить, кому слѣдовало, пыль въ глаза, потому они проживали столько, что раньше имъ и во снѣ не грезилось, а затѣмъ, надѣлавъ долговъ и испытавъ тщету своихъ ожиданій, объявлялись несостоятельными. Уцѣлѣвшій отъ старины конкурсный процессъ со всѣми его хитроумными фокусами и вступленіе въ дѣла номинальныхъ кредиторовъ съ дутыми векселями на большія суммы, уничтожавшія всякое значеніе дѣйствительныхъ кредиторовъ,—приводили къ тому, что несостоятельные скоро добивались признанія ихъ «несчастными», или «неосторожными» должниками, а съ помощью тѣхъ же друзей—полной свободы не только отъ долговъ, но и отъ чести и совѣсти...

Выпущенные на свободу неосторожные должники обязывались уплачивать долги, но, чтобы этого не дѣлать — многіе торговали на чужія имена, являясь *формально* лишь третьестепенными приказчиками, или поступали управляющими разными дѣлами за ничтожное вознагражденіе, либо даромъ, отъ скуки, т.-е. получали отъ хозяевъ: явно—гроши, или трудились за спасибо, а тайно—зарабатывали куши и съ нихъ взятки были гладки.

Здѣсь кстати припомнить нѣкоторыя лыбопытныя несостоятельности, въ которыхъ близкіе намъ люди были матеріально заинтересованы.

Такъ, заложивъ, однажды, въ банкирской конторѣ, на мѣсяцъ, билетъ въ 250 руб., положимъ А., вдругъ узналъ, что банкиръ объявилъ себя банкротомъ и поспѣшилъ внести въ коммерческій судъ долгъ съ тѣмъ, чтобы ему возвратили билетъ, но ни денегъ, ни билета онъ не получилъ, а втеченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ конкурсное управленіе присылало ему, разъ въ годъ, приглашеніе въ общее собраніе кредиторовъ, гдѣ онъ слушалъ отчеты, сведенные въ заключеніе къ тому, что билетъ и деньги А. истрачены были вѣроятно на нужды... конкурснаго упраздленія...

Книгопродавецъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ, долженъ былъ N. по словесному договору 750 р., за изданную имъ книгу N. и объявилъ себя несостоятельнымъ. N. обратился въ конкурсное управленіе, которому книгопродавецъ призналъ долгъ, а книга значилась, по его документамъ, изданною согласно его признанію. Тѣмъ не менѣе конкурсъ про-

далъ оптомъ все изданіе, а вырученные за него 500 р. пріобщилъ къ общей массѣ, изъ нея же на долю N. не отчислилось ни одного рубля: претензія его была отнесена къ послѣднему разряду. Съ этимъ должникомъ произошла вотъ какая характерная оказія. Онъ являлся въ конкурсное управленіе, какъ во время своего прежняго величія, на собственныхъ лошадяхъ, съ брилліантовыми запонками на груди и въ рукавахъ рубашки, съ отличными золотыми часами и массивною цѣпочкою.

— Все имущество несостоятельнаго должно быть обращено въ конкурсную массу, заявилъ, однажды, въ собраніи одинъ изъ обозленныхъ кредиторовъ;—поэтому снимите-ка, г. предсѣдатель, съ должника запонки, часы и цѣпочку, да задержите его экипажъ съ лошадьми.

Заявленіе это поддержали многіе. Поднялся шумъ и настойчивое требованіе снять съ должника указанныя вещи, но растерявшійся личный составъ управленія медлилъ, должникъ же, воспользовавшись суматохою, благополучно скрылся, а послѣ являлся уже бѣдно одѣтымъ...

Купецъ нанималъ дорогія квартиры, дачи, задавалъ лукулловскія пиршества, во время которыхъ выигрывались и проигрывались въ стуколку тысячи, потомъ вдругъ банкротировалъ, а въ конкурсъ явились десяти-тысячными кредиторами его жена, ея мать, жившая при ней на хлѣбахъ изъ милости, двоюродный братъ—дровяникъ и своякъ—хлѣбный торговецъ, причемъ всѣ совокупностью ихъ цифры заглушили голоса настоящихъ кредиторовъ, бѣдныхъ литераторовъ, трудъ которыхъ ушелъ на роскошь и обжорство безстыдныхъ людей... И вотъ онъ, очутившись на волѣ, подъ кличкою „несчастнаго", торговалъ въ магазинѣ уже только форменнымъ приказчикомъ.

— Поздравьте меня, заговорилъ онъ, завидѣвъ вошедшаго въ магазинъ одного изъ своихъ кредиторовъ В.;—мое дѣло, слава Богу, кончилось совершенно благополучно.

— Благодаря бронзовымъ векселямъ вашихъ родственниковъ, которые осилили насъ, истинныхъ кредиторовъ, вами обманутыхъ, отвѣтилъ В.

— Я и самъ тоже пострадалъ...

— Зато всласть пожили на нашъ счетъ: торговали вѣдь нашимъ трудомъ, а вырученныя за него деньги—брали себѣ.

— Я платилъ и другимъ. Общая была неудача...

— Я считаю за вами больше трехъ тысячъ рублей, по-

этому вы, надѣюсь, не возьмете съ меня хоть полтора рубля, вотъ за эту нужную мнѣ книгу?

— Книга комиссіонная, а не моя, потому безъ денегъ дать ее вамъ не могу.

— Ка-акъ? Вы не можете уплатить мнѣ трехтысячнаго долга полуторарублевою книгою?

— Долгъ погашенъ формальнымъ порядкомъ, а за книгу благоволите заплатить.

И онъ настоялъ на своемъ.

Возвращаясь отъ отдѣльныхъ эпизодовъ къ общему предмету, о которомъ ведемъ рѣчь,—мы въ подтвержденіе нашихъ словъ о степени небывалой раньше чрезвычайной задолженности разныхъ лицъ приведемъ, для наглядности, цифры.

Такъ содержалось въ Петербургѣ:

къ	1880	г.	30	чел.,	задолжавшихъ	3.500.000	р.
»	1881	»	33	»	»	2.500.000	»
»	1882	»	29	»	»	4.258.617	»
»	1883	»	24	»	»	4.000.000	»
»	1884	»	21	»	»	4.000.000	»
»	1885	»	30	»	»	4.500.000	»
»	1886	»	15	»	»	5.011.000	»
»	1887	»	9	»	»	5.000.000	»
»	1888	»	13	»	»	5.365.000	»
»	1889	»	21	»	»	5.400.000	»
»	1890	»	6	»	»	4.000.000	»
»	1891	»	6	»	»	3.300.000	»

т. е. за 12 лѣтъ 237 чел., задолжавшихъ 50.834.617 р., слѣдовательно задолженность каждаго изъ нихъ въ среднемъ выводѣ составляла 214.492 р., а тюремный комитетъ располагалъ % на выкупъ въ 5.500—6.000 руб. въ годъ. Оттого онъ выкупилъ только:

въ	1883	г.	1	чел.,	задолжавшаго	9.000	р.	за	500	р.
»	1884	»	1	»	»	9.000	»	»	500	»
»	1885	»	2	»	»	24.112	»	»	3.600	»
»	1886	»	1	»	»	26.752	»	»	1.070	»
»	1887	»	1	»	»	19.000	»	»	1.300	»
»	1888	»	2	»	»	31.000	»	»	2.000	»
»	1889	»	2	»	»	13.000	»	»	2.324	»
»	1890	»	1	»	»	25.000	»	»	1.000	»
»	1891	»	2	»	»	14.497	»	»	1.900	»
			13	чел.		171.361	р.		10.887	р.,

т. е. за 9 лѣтъ за 13 человѣкъ, задолжавшихъ 171.361 руб., комитетъ заплатилъ только 10.887 р., т. е. по 837 р. за каждаго. Впрочемъ, въ прокъ-ли пошла и эта послѣдняя сумма мы тоже затрудняемся отвѣтить: изъ людей, воспользовавшихся благодѣяніемъ комитета, мы знаемъ такихъ, которые потомъ оперились и сдѣлались вновь богатыми, но отплатить за оказанную имъ, въ «минуту жизни трудную», помощь пожертвованіемъ и не подумали, а при случайныхъ встрѣчахъ съ хлопотавшими за нихъ,—даже предпочитали отворачиваться отъ бывшихъ своихъ безкорыстныхъ радѣтелей...

По закону 7 марта 1879 г. личное задержаніе, какъ способъ взысканія съ неисправныхъ должниковъ,—*отмѣнено*, а сохраненъ лишь предварительный арестъ должниковъ, при производствѣ взысканій по векселямъ, по дѣламъ о несостоятельности и по тяжебнымъ дѣламъ. Ко дню обнародованія этого закона въ долговомъ отдѣленіи содержалось неисправныхъ должниковъ 26 чел., задолжавшихъ 38.521 руб. 11 коп., изъ нихъ по этому закону было освобождено 16 чел., а остальные получили свободу какъ уплатившіе долги, отсидѣвшіе сроки и проч., несостоятельныхъ же должниковъ было къ 1879 г. 15 чел., втеченіе года прибыло 31 чел., а долги этихъ 46 чел. простирались до 3.000.000 руб., но и изъ нихъ было освобождено за невзносъ кормовыхъ 13 и по разнымъ другимъ причинамъ 7 чел.

Съ прекращеніемъ личнаго задержанія неисправныхъ должниковъ, къ несостоятельнымъ, съумѣвшимъ занять огромныя суммы, утратилось уже соболѣзнованіе со стороны общества. Оттого и городская дума, съ 1856 г., покорно тратившая деньги на наемъ дома, отопленіе, освѣщеніе его и на администрацію «*заимообразно, временно, впредь до обращенія этого расхода на другіе источники*»,—возбудила, наконецъ, вопросъ о томъ, когда же казна возвратитъ ей долгъ и приметъ на свой счетъ весь этотъ расходъ? Вопросъ дошелъ до сената и онъ разъяснилъ, что городская касса подлежитъ освобожденію отъ этого расхода. Указъ объ этомъ состоялся слишкомъ чрезъ 30 лѣтъ, со времени изданія закона объ учрежденіи «дома неисправныхъ должниковъ». (23 октября 1886 г. за № 12.220). Съ своей стороны и казна затруднилась оплачивать содержаніе дома, а потому онъ былъ, *административнымъ порядкомъ, упраздненъ* (1 апрѣля 1889 г.), а должниковъ перевели потомъ послѣдовательно: изъ дома Тарасова — въ Рождественскую часть, оттуда — въ Адмиралтейскую часть, изъ нея — въ

домъ предварительнаго заключенія, изъ него — въ тюрьму на Выборгской сторонѣ (30 сентября 1889 г.), а отсюда обратно въ домъ предварительнаго заключенія (1 іюля 1891 г.), гдѣ они содержатся и до сихъ поръ.

Впрочемъ, одинъ только тюремный комитетъ не отступился отъ должниковъ, а при означенныхъ перемѣщеніяхъ ихъ продолжалъ имъ покровительствовать покупкою для нихъ постельныхъ принадлежностей, посуды, уплатою стоимости перевозки имущества, улучшеніемъ, по праздникамъ, ихъ пищи, оказаніемъ семействамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ денежныхъ пособій, приглашеніемъ къ нимъ, для совершенія богослуженій, священниковъ, а также установленіемъ нормальнаго порядка выкупа тѣхъ изъ нихъ, которые заслуживали наибольшаго участія и кредиторы коихъ соглашались выпустить ихъ за процентныя суммы, находившіяся въ распоряженіи комитета.

Затруднительность выкупа постоянно обусловливалась, какъ выше нами отмѣчено, ограниченностью % съ пожертвованныхъ на этотъ предметъ капиталовъ, при обязательномъ распредѣленіи этихъ % непремѣнно на опредѣленные дни и мѣсяцы года. Надъ урегулированіемъ, при данныхъ обстоятельствахъ, способа выкупа, съ сохраненіемъ воли завѣщателей, трудились, разновременно, нѣсколько комитетскихъ комиссій, объ этомъ велись: значительная переписка и многократные дебаты въ засѣданіяхъ комитета; происходили и спеціальныя совѣщанія съ участіемъ извѣстныхъ юристовъ, и, наконецъ, разработаны и утверждены были комитетомъ подробныя правила (въ 1892 г.).

Не взирая, однако, на все сказанное дѣйствительная польза выкупа оказывалась очень малая, а затрудненія, въ главныхъ чертахъ, остались неустранимыми, ибо требовали своего разрѣшенія законодательнымъ порядкомъ.

Между тѣмъ комитетъ, ощущая недостатокъ въ средствахъ на удовлетвореніе разнородныхъ благотворительныхъ потребностей и сознавая, что за отмѣною задержанія за долги, находящійся въ его вѣдѣніи капиталъ на выкупъ должниковъ, утратилъ первоначальное свое назначеніе (жертвователи назначили лишь % съ ихъ пожертвованій на выкупъ *неисправныхъ* должниковъ), предпринялъ ходатайство объ обращеніи этого капитала, согласно 986 ст. 1 ч. X т. изд. 1887 г., въ общій комитетскій неприкосновенный фондъ, съ тѣмъ, чтобы % съ него затрачивались вообще на пользу заключенныхъ. Представленіе это, встрѣченное президентомъ — министромъ внутреннихъ дѣлъ

сочувственно, породило,по указанному закону, необходимость вызова, публикаціями, наслѣдниковъ жертвователей, для спроса ихъ отзывовъ по этому предмету. Хотя никто изъ наслѣдниковъ 26 жертвователей въ опредѣленный закономъ срокъ и не откликнулся, но разрѣшеніе дѣла затянулось, потому что совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ, пересмотрѣвъ вопросъ,—вывелъ заключеніе, что надлежало продолжать выкупать всякихъ должниковъ (въ 1891 г.).

Текли года, втеченіе которыхъ въ комитетѣ накопилось много новыхъ фактовъ въ подкрѣпленіе какъ первоначальнаго его ходатайства, такъ и рѣшительной невозможности выкупать на ежегодные % въ 6000—7000 р. никого изъ несостоятельныхъ, содержавшихся за долги въ отдѣльности въ сотни тысячъ рублей, тѣмъ болѣе, что торговая несостоятельность, какъ выяснилось практикою за послѣднія 10—15 лѣтъ, пріобрѣла характеръ „спекулятивный, въ видахъ быстраго обогащенія при искусственномъ кредитѣ и преднамѣренномъ сокрытіи части имущества отъ кредиторовъ, изъ местн лишавшихъ свободы должниковъ, а неторговая несостоятельность объяснялась безвалютностію кредита“.

Напр., одинъ самъ признался, что занялъ 10.000 руб. на торговлю, а изъ нихъ истратилъ на содержаніе себя съ семействомъ болѣе 4,000 руб. въ одинъ годъ. Другой, открывъ въ долгъ яичную торговлю, послалъ племянника своимъ представителемъ въ Лондонъ, отправилъ ему туда для продажи яицъ на 5.400 руб., а онъ, продавъ ихъ, укатилъ съ деньгами въ Америку, откуда ужъ не возвращался. Оба должника, прибавимъ, малограмотные крестьяне, которые, тѣмъ не менѣе, не стѣснялись пускаться на аферы, на чужія деньги. Третій, уволенный изъ придворной капеллы за потерю голоса, поступилъ приказчикомъ въ аптекарскій магазинъ, но получивъ наслѣдство въ 25.000 руб., занялся коммерціею: сперва снялъ въ аренду фруктовый садъ, потомъ купилъ мучной лабазъ, затѣмъ —бакалейную лавку, наконецъ содержалъ балаганъ, вездѣ работалъ, по непониманію дѣлъ, за которыя брался, въ убытокъ и впалъ въ несостоятельность. Недавно мы спросили одного изъ несостоятельныхъ, плюгаваго мужиченку: за сколько онъ посаженъ.

— За сто двадцать тысячъ, смѣло отвѣтилъ онъ.

— Какіе же это люди довѣрили вамъ такой огромный капиталъ?

— Всякіе. Да пусть-ка меня сегодня выпустятъ, я чрезъ

недѣлю еще на полсотню тысячъ наберу: богатыхъ дураковъ въ Питерѣ еще много, и стоитъ только умненько находить ихъ да заговаривать имъ зубы, такъ хоть веревки изъ нихъ вей.

И такіе безцеремонные субъекты часто встрѣчались среди несостоятельныхъ.

Комитетъ, считая себя не вправѣ заступаться за нихъ, вторично вызывалъ наслѣдниковъ жертвователей находившихся въ его распоряженіи суммъ, но никто изъ нихъ опять не предъявилъ ни правъ на капиталы, ни мнѣнія о дальнѣйшемъ ихъ употребленіи. Капиталы эти ввѣрили комитету по духовнымъ завѣщаніямъ и особымъ распоряженіямъ:

въ 1818	г.	купецъ С. Б. Глазуновъ. .	3.090	р.	31	к.	сер.
» 1822	»	мѣщанка А. Я. Клипина. .	3.314	»	05	»	»
» 1823	»	неизвѣстный	925	»	56	»	»
» 1825	»	дворянка А. С. Баташова.	4.820	»	55	»	»
» 1827	»	неизвѣстный	31	»	32	»	»
» 1830	»	тайн. сов. Н. П. Калининъ.	12.878	»	17	»	»
» 1831	»	кол. секр. М. П. Копнина.	1.930	»	65	»	»
» 1835	»	купецъ Н. И. Аникіевъ. .	1.545	»	22	»	»
» 1837	»	граф. А. В. Браницкая. .	65.508	»	81	»	»
» 1840	»	графъ Ю. П. Литта. . . .	33.443	»	16	»	»
» 1845	»	неизвѣстный	1.570	»	06	»	»
» 1846	»	кол. сов. Ѳ. И. Франкенъ.	1.545	»	22	»	»
» 1847	»	неизвѣстный	276	»	48	»	»
» 1848	»	мѣщанка Степанова	324	»	—	»	»
» 1850	»	поч. гражд. Эртовъ	18.189	»	26	»	»
» 1851	»	» » Набилковъ . .	1.123	»	85	»	»
» 1854	»	купецъ Е. А. Сентюринъ.	1.081	»	90	»	»
» 1856	»	поч. гражд. Набилкова. . .	1.081	»	90	»	»
» 1858	»	купецъ Л. Т. Колмовской.	2.163	»	80	»	»
» 1859	»	вдова кол. с. Е. Е. Франкенъ	3.505	»	27	»	»
» 1863	»	ст. сов. Сокольниковъ. . .	2.193	»	80	»	»
» 1865	»	надв. сов. Энгельтъ	3.289	»	75	»	»
» 1865	»	граф. М. Г. Разумовская.	1.146	»	30	»	»
» 1865	»	вдова протоіерея Духовская.	1.122	»	85	»	»
» 1879	»	» ген.-маіора баронесса Штейнвартъ	1.146	»	30	»	»
» 1879	»	» купца С. Н. Петрова.	729	»	92	»	»
		Итого . .	167.978	»	46	»	»

Комитетъ возобновилъ, въ 1892 г., прежнее свое ходатайство, которое, съ передачею всей тюремной части въ вѣдѣніе министерства юстиціи (въ 1896 г.), получило его одобреніе и было представлено имъ въ комитетъ министровъ, (8 п. 25 ст., изд. 1892 г.), а 31 мая 1896 г. высочайше утверждено положеніе комитета, объ обращеніи пожертвованныхъ на выкупъ неисправныхъ должниковъ капиталовъ въ общій неприкосновенный фондъ комитета, съ тѣмъ, чтобы «% въ случаѣ, если въ теченіи года, не окажется необходимости расходовать ихъ на выкупъ неисправныхъ должниковъ,— употреблялись на осуществленіе мѣропріятій, указанныхъ въ I ст. устава комитета (12 мая 1883 г.)», т. е. на всѣ, безразлично, благотворительныя надобности. Тутъ кстати добавимъ, что къ 1900 г. капиталъ этотъ возросъ до 189,342 руб. 88 коп., давая ежегодно % 7,350 р. 37 к., а въ московскомъ комитетѣ было къ этому же времени: на выкупъ 61,533 руб. и на пособіе семействамъ должниковъ 30,232 руб.

VI.

Переходя къ общимъ выводамъ, мы должны напомнить читателямъ, что цифры имѣютъ, какъ извѣстно, неотразимое значеніе и выражаютъ предметъ краснорѣчивѣе всякихъ доводовъ. Оттого мы сгруппируемъ цифры, разбросанныя, въ разныхъ мѣстахъ нашего очерка вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ цифръ, нигдѣ не показанныхъ въ общую таблицу, а въ ней покажемъ: а) численность всѣхъ, содержавшихся подъ стражею должниковъ въ Петербургѣ, Москвѣ и губернскихъ городахъ (въ послѣднихъ они составляли, впрочемъ, какъ мы говорили выше, рѣдкіе случаи); б) суммы, за которыя люди лишались свободы; в) численность должниковъ, выкупленныхъ на средства, пожалованныя императорами: Николаемъ I и Александромъ II, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и великою княгинею Еленою Павловною, петербургскимъ и московскимъ, иногда и провинціальными тюремными комитетами, частными благотворителями и человѣколюбивымъ обществомъ (собственно за тѣ годы, за которые мы достали его цифры); г) суммы, заплаченныя кредиторамъ за освобожденіе должниковъ, и д) разницу между полученными кредиторами суммами и тѣми, которыя должники состояли имъ должными, также только по тѣмъ годамъ, за которые нашлись свѣдѣнія.

Затѣмъ пояснимъ, что таблица обнимаетъ собою, въ хронологическомъ порядкѣ, 80 лѣтъ (съ 1820 г. по 1900 г.), а основана она на годовыхъ отчетахъ: общества попечительнаго о тюрьмахъ, с.-петербургскихъ: тюремнаго комитета и отчасти градоначальника, но такъ какъ отчеты составлялись разновременно по разнымъ формамъ, то получились, естественно, и разные результаты: напр., въ однихъ отчетахъ—цифры по петербургскому комитету отдѣлялись отъ цифръ московскаго комитета, а въ другихъ—по обоимъ комитетамъ проставлялись, напротивъ, общимъ итогомъ, почему мы, для единообразія и устраненія пестроты, предпочли брать вездѣ только общіе же итоги. Далѣе о дѣятельности московскаго комитета по выкупу должниковъ помѣщалось въ отчетахъ вообще лишь съ 1851 г. по 1867 г., ибо изданіе отчетовъ всего общества попечительнаго о тюрьмахъ съ 1867 г. прекратилось; слѣдовательно, намъ не изъ чего было извлечь цифръ московскаго комитета за послѣдніе 33 года, въ предшествованіе же 16 лѣтъ московскій комитетъ выкупалъ должниковъ, какъ въ очеркѣ указано для видимости, гораздо меньше противъ петербургскаго комитета. Наконецъ, хотя въ 6-ти отчетахъ и поминается о выкупѣ должниковъ калужскимъ, одесскимъ, тульскимъ, нижегородскимъ, кіевскимъ и костромскимъ комитетами, но они освобождали по 1, 2 и не болѣе 4-хъ чел. въ годъ, къ тому же безъ означенія суммъ, за которыя совершали выкупъ. Такимъ образомъ петербургскій комитетъ, первый начавшій выкупъ должниковъ, дѣлалъ это постоянно, систематически, затрачивалъ на должниковъ огромныя деньги, добился установленія для нихъ привилегій, какихъ они раньше не имѣли, да еще помогалъ ихъ семействамъ.

Собрать всѣ цифры, включенныя въ таблицу, удалось намъ посредствомъ долгихъ, усиленныхъ, а отчасти и тщетныхъ розысковъ [1]) разрозненныхъ печатныхъ отчетовъ въ библіотекахъ: публичной, академіи наукъ, государственной канцеляріи, по журналамъ столичнаго комитета и отчетамъ градоначальника. Однако при всемъ нашемъ стараніи въ таблицѣ все-таки остались, къ сожалѣнію, нѣкоторые пробѣлы. Тѣмъ не менѣе, нижеслѣдующая таблица представляетъ безспорный историческій интересъ по конечнымъ итогамъ, въ нейвыведеннымъ.

---

[1]) Въ архивахъ: мин-ва вн. дѣлъ, градоначальника, гл. тюремн. управл., дома предварит. заключ., петерб. тюрьмы, статистическ. комитетѣ, коммерческомъ судѣ, въ Москвѣ, Архангельскѣ, Владимірѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

	Общее число содержавшихся должник.	Общая сумма числившихся на нихъ долговъ. руб.	к.	Общее число выкупленныхъ должниковъ.	Общая сумма, уплоченная за освобожденіе должниковъ. руб.	к.
Въ 1820 г. комитетъ не завелъ еще отчетности, а выкупилъ . . .	«мно	жест	во	лю	дей».	
» 1821 » по разборкѣ дѣлъ должниковъ за невзносъ ихъ кредиторами кормовыхъ освобождено.	—	—	—	138	—	—
» » » комитетомъ на пожертвованія выкуплено:						
» » » частныхъ должниковъ	353	—	—	100	19235	—
» » » содержащихся за неплатежъ податей мѣщанъ	—	—	—	19	1069	65
» 1822 » должниковъ	459	35626	46	118	20545	74
» » » за неплатежъ податей мѣщанъ	—	—	—	30	3007	87
» 1823 » должниковъ	443	38111	77	96	20401	46
» » » за неплатежъ податей мѣщанъ	—	—	—	42	2426	14
» 1824 » должниковъ	366	38368	15	101	23340	66
» 1825 » »	327	59055	59	106	24796	87
» » » отъ великаго князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны на .	—	—	—	33	5503	57
» 1826 » Комитетомъ на пожертвованія	453	29494	28	84	16920	68
» 1827 » на пожалованные императоромъ Николаемъ I	—	—	—	22	11045	50
» » » на пожертвованія комитетомъ.	369	41653	43	93	18220	73
» 1828 » » » »	377	22448	—	69	15178	27
» 1829 » » » »	274	20228	59	59	13414	9
» 1830 » » » »	241	27549	24	81	17869	46
» 1831 » » » »	194	29891	69	74	16770	35
» 1832 » » » »	186	36346	58	63	17844	13
» » » на пожалованные императоромъ Николаемъ I	—	—	—	44	12791	56
» 1833 » тоже	—	—	—	—	—	—
» 1834 » тоже	—	—	—	—	—	—

	Общее число содержавшихся должник.	Общая сумма числившихся на нихъ долговъ. руб.	к.	Общее число выкупленныхъ должниковъ.	Общая сумма, уплоченная за освобожденіе должниковъ. руб.	к.
Въ 1835 г. на пожалованные императоромъ Николаемъ I	—	32104	—	61	17940	—
» 1836 » тоже	769	64719	42	139	31312	66
» 1837 » тоже	—	—	—	126	[1] 27116	32
» 1838 » тоже	1393	51663	22	132	26302	28
» 1839 » тоже	—	22480	—	44	18914	58
» 1840 » тоже	1377	23196	80	172	8568	68
» 1841 » тоже	1395	24971	—	250	12961	94
» » » на пожалованные императоромъ Александромъ II, въ бытность наслѣдникомъ цесаревичемъ, въ день своего бракосочетанія	—	—	—	20	5000	—
» 1842 » тоже	1540	40222	49	281	13071	1
» 1843 » тоже	—	—	—	106	15544	41
» » » на пожалованные императоромъ Николаемъ I по случаю рожденія наслѣдника цесаревича Николая Александровича	—	—	—	1	[2] 862	—
» 1844 » комитетомъ	1068	56213	—	283	15867	—
» 1845 » »	1493	69569	—	381	26559	27
» » » на пожалованные императоромъ Николаемъ I на . . .	—	—	—	18	4416	—
» 1846 » комитетомъ	580	61890	43	349	19070	86
» 1847 » »	492	31594	98	270	15679	84
» 1848 » »	492	37025	69	255	16418	6
» 1849 » »	498	39916	91	360	22691	88
» » » на пожалованные императоромъ Николаемъ I 2.614 р. и великою княгинею Еленою Павловною 2.190 руб. . . .	—	—	—	35	4804	—

[1] Въ этой суммѣ значится выкупленнымъ, 24 декабря 1837 года за 78 руб. 51 коп. отставной чиновникъ 9 класса Талызинскій, посаженный за неуплату этихъ денегъ за повышеніе его въ означенный чинъ.

[2] Французъ Дюбуръ 27 ноября 1843 г.

	Общее число содержавшихся должник.	Общая сумма числившихся на нихъ долговъ. руб.	к.	Общее число выкупленныхъ должниковъ.	Общая сумма, уплоченная за освобожденіе должниковъ. руб.	к.
Въ 1850 г. комитетомъ	275	33772	49	298	16101	14
» » » на пожалованные императоромъ Николаемъ I	—	—	—	16	2900	—
» 1851 » петерб. и московск. комит. . .	515	57846	61	434	15390	58
» 1852 » » » » » . .	357	47894	39	197	16033	47
» 1853 » » » » » . .	913	75406	24	211	23712	38
» 1854 » » » » » . .	998	54703	11	217	19786	32
» 1855 » » » » » . .	958	55430	54	210	17576	44
» 1856 » » » » » . .	1643	75706	—	230	26001	91
» » » въ годъ коронованія императора Александра II пожертв. частн. лицами и выкуплено въ Петербургѣ и Москвѣ на	—	72251	54	—	26139	39
» 1857 » тоже	1063	57771	19	169	21882	24
» 1858 » тоже	1368	110768	21	169	37669	19
» 1859 » тоже	845	87962	72	225	33564	54
» 1860 » тоже	671	448786	76	135	12867	44
» 1861 » тоже	653	32107	81	141	10260	26
» » » въ память освобожд. крестьянъ: » » » благотворителями	—	25946	—	84	8997	90
» » » кредиторами освобождено . .	—	247837	35	189	—	—
» » » пожертвовано комитетамъ: петербургскому 3.597 р. 31 к. и московскому 12.045 р. 18 к. и выкуплено на	—	—	—	—	15642	49
» 1862 » комитетами	801	75000	—	158	16513	82
» » » благотворителями въ С.-Петербургѣ	—	—	—	61	—	—
» 1863 » комитетами	790	371081	31	483	23016	20
» 1864 » »	950	382265	30	183	16791	58
» » » благотворителями	—	—	—	65	5471	73
» 1865 » комитетами	788	258446	40	165	15964	53

	Общее число содержавшихся должник.	Общая сумма числившихся на нихъ долговъ. руб.	к.	Общее число выкупленныхъ должниковъ	Общая сумма, уплоченная за освобожденіе должниковъ. руб.	к.
Въ 1865 г. благотворителями	—	—	—	37	3633	76
» 1866 » комитетами	784	354052	89	135	15554	25
» » » благотворителями	—	—	—	32	4350	14
» 1867 » комитетами	680	2807944	95	144	14723	45
» » » благотворителями	—	—	—	32	4350	14
» 1868 » петербургскимъ комитетомъ	322	3046143	23	24	—	—
» » » благотворителями	—	—	—	50	—	—

	Общее число содержавшихся должник.	Общая сумма числившихся на нихъ долговъ. руб.	к.	Общее число выкупленныхъ холжниковъ.	Общая сумма, уплоченная за освобожденіе должниковъ. руб.	к.	Выкупленные задолжали. руб.	к.
Въ 1869 г. комитетомъ	276	1106485	91	40	8828	38	27876	55
» » » благотворителями	—	—	—	36	6635	10	20387	35
» 1870 » комитетомъ	292	298004	—	46	6704	—	16054	12
» » » объявленныхъ несостоятельными	16	354938	—	—	—	—	—	—
» 1871 » комитетомъ	315	253301	37	42	6872	50	24581	76
» » » благотворителями	—	—	—	51	7625	—	20201	1
» » » несостоятельныхъ	32	501396	71	—	—	—	—	—
» 1872 » комитетомъ	453	295233	61	34	5298	—	12887	14
» » » благотворителями	—	—	—	27	4099	—	8690	70
» » » человѣколюб. обществомъ	—	—	—	11	3003	35	3003	35
» » » несостоятельныхъ	26	957775	67	—	—	—	—	—
» 1873 » комитетомъ	419	329775	35	28	5664	8	14791	28
» » » благотворителями	—	—	—	36	3226	28	7995	60
» » » человѣколюб. обществомъ	—	—	—	11	8125	—	13151	58
» » » несостоятельныхъ	18	354836	—	—	—	—	—	—

	Общее число содержавшихся должник.	Общаа сумма числившихся на нихъ долговъ.		Общее число выкупленныхъ должниковъ.	Общая сумма, уплоченная за освобожденіе должниковъ.		Выкупленные задолжали.	
		руб.	к.		руб.	к.	руб.	к.
Въ 1874 г. комитетомъ	332	203679	11	29	3459	41	8840	89
» » » благотворителями . . .	—	—	—	14	1009	48	3857	22
» » » человѣколюбивымъ обществомъ	—	—	—	11	1414	—	—	—
» » » несостоятельныхъ . . .	23	3041141	93	—	—	—	—	—
» 1875 » комитетомъ	70	107606	58	11	5456	—	20211	—
» » » благотворителями	—	—	—	19	7080	30	14372	34
» » » человѣколюбивымъ обществомъ	—	—	—	4	1063	—	1090	—
» » » несостоятельныхъ	15	2808072	—	—	—	—	—	—
» 1876 » комитетомъ	58	42730	59	11	2976	—	7947	14
» » » благотворителями	—	—	—	18	4281	—	11454	84
» » » человѣколюбивымъ обществомъ	—	—	—	4	523	—	758	38
» » » несостоятельныхъ	18	—	—	—	—	—	—	—
» 1877 » комитетомъ	51	74978	79	5	2594	—	6508	25
» » » благотворителями	—	—	—	6	1405	—	2395	58
» » » человѣколюбивымъ обществомъ	—	—	—	4	400	—	959	92
» » » несостоятельныхъ	71	—	—	—	—	—	—	—
» 1878 » комитетомъ	62	40913	—	—	4120	84	—	—
» » » несостоятельныхъ	48	—	—	—	—	—	—	—
» 1879 » неисправныхъ должниковъ	26	38521	11	1	1438	—	—	—
» » » освобождено по закону 7 марта 1879 года неисправныхъ	—	—	—	16	—	—	—	—
» » » несостоятельныхъ	46	3000000	—	Ни	кто	не	былъ	
» » » освобождено изъ нихъ .	20	—	—	вы	купл	енъ	вслѣд	
» 1880 » » » »	30	3500000	—	ств	іе гро	мад	ности	
» 1881 » » » »	33	2500000	—	дол	говъ.			

	Общее число содержавшихся должник.	Общая сумма числившихся на нихъ долговъ.		Общее число выкупленныхъ должниковъ.	Общая сумма, уплоч за освобожденіе должниковъ.		Выкупленные задолжали.	
		РУБ.	К.		РУБ.	К.	РУБ.	К.
Въ 1882 г. освобождено изъ нихъ .	29	4258617	—	Тоже вы	е никто купле	о не нъ.	былъ	
» 1883 » » » »	24	4000000	—	1	500	—	9000	—
» 1884 » » » »	21	4000000	—	1	500	—	9000	—
» 1885 » » » »	30	4500000	—	2	3600	—	24112	—
» 1886 » » » »	15	5000000	—	1	1070	—	26752	—
» 1887 » » » »	9	1500000	—	1	1300	—	19000	—
» 1888 » » » »	13	5365000	—	2	2000	—	31000	—
» 1889 » » » »	21	5100000	—	2	2324	62	13000	—
» 1890 » » » »	25	8000000	—	1	1000	—	25000	—
» 1891 » » » »	34	3300000	—	2	1974	—	14498	—
» 1892 » » » »	56	347600	—	—	—	—	—	—
» 1893 » » » »	77	480000	—	—	—	—	—	—
» 1894 » » » »	95	376000	—	—	—	—	—	—
» 1895 » » » »	55	227661	—	—	—	—	—	—
» 1896 » » » »	65	477830	50	—	—	—	—	—
» 1897 » » » »	71	330202	86	—	—	—	—	—
» 1898 » » » »	60	115200	—	—	—	—	—	—
» 1899 » » » »	68	316576	—	—	—	—	—	—
ВСЕГО	34,031	77.517,562	86	9,541	1.105,855	15	419,378	—

Здѣсь необходимо, впрочемъ, оговорить, что проставленныя цифры долговъ за 1892—1899 г. включительно, по полученному нами въ коммерческомъ судѣ объясненію, составляютъ только часть дѣйствительныхъ за означенные годы долговъ, которыхъ безошибочно надо считать отъ 40 до 45

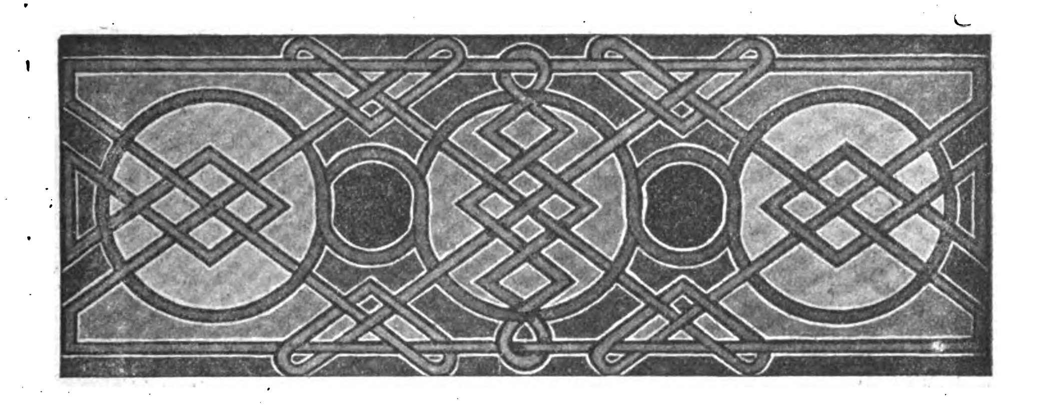
милліоновъ рублей въ годъ, ибо цифры переходили, увеличиваясь, изъ года въ годъ, вслѣдствіе продолжительности производства конкурсными управленіями дѣлъ о несостоятельныхъ, нерѣдко по 10 и болѣе лѣтъ. Причина этой медленности заключается, какъ извѣстно, въ томъ, между прочимъ, что персоналу управленій выгодно тянуть дѣла елико возможно дольше, коль скоро изъ конкурсной массы представляется возможность извлекать источники для установленнаго вознагражденія лицъ, образующихъ эти управленія, въ родѣ пожалуй того, напр., какъ недавно оглашено газетами, что конкурсъ о несостоятельности золотопромышленной компаніи Горохова, Атопкова и Филимоновыхъ дѣйствуетъ 50 лѣтъ, а за это время получили: конкурсное управленіе—620.000 р., а кредиторы 426.000 р.

Любопытно также отмѣтить, что и за оставшимися въ таблицѣ пробѣлами, собственно по проставленнымъ въ ней цифрамъ втеченіе 80 лѣтъ, содержавшіеся подъ стражею за долги 34.031 человѣкъ задолжали 77.517.562 р. 86 к., т. е. въ среднемъ размѣрѣ каждый изъ нихъ по 2277 р. 85 к.; а за выкупленныхъ 9541 человѣкъ уплочено 1.105.855 р. 15 к.— круглымъ числомъ по 115 р. 90 к. за каждаго.

Наконецъ добавимъ, что несостоятельные должники живутъ, въ домѣ предварительнаго заключенія, безобидно, совершенно отдѣльно отъ подслѣдственныхъ, а несостоятельныя должницы (рѣдко случаются) содержатся въ полицейскомъ домѣ Василеостровской части, если вѣрить одному сообщенію, яко-бы вмѣстѣ съ арестантками. Такъ, туда попала мать 4-хъ дѣтей до младенца включительно, да еще беременная, но изъ жалости къ ней смотритель перевелъ ее въ лазаретъ, а присяжный попечитель выхлопоталъ ей свободу. Условія этого заключенія оставляютъ широкое поле дѣятельности для присяжныхъ стряпчихъ къ понужденію должницъ къ платежу долговъ по настоянію кредиторовъ.

Признанная всѣми несостоятельность существующаго конкурснаго производства дѣйствительно давно уже требуетъ скорѣйшаго его упорядоченія въ интересахъ кредиторовъ, должниковъ и возстановленія настоящаго прочнаго и правильнаго кредита.

В. Никитинъ.

Въ Свѣтлую ночь.

(Изъ воспоминаній).

акъ уходятъ весенніе, свѣтлые дни, полные тепла и жизни, смѣняясь сѣрыми, холодными сумерками осени, съ монотоннымъ мертвящимъ дождемъ, мглою въ воздухѣ, такъ и человѣкъ, чѣмъ дольше живетъ, больше соприкасается съ другими, затягивается хитросплетеніями разныхъ дѣлъ, и духъ его, въ юности похожій на майскій день, становится съ годами чѣмъ то въ родѣ петербургской осени, гдѣ есть по-немногу всего, кромѣ хорошаго. Можно мечтать о сохраненіи юношеской чистоты сердца, желать этого всѣмъ,—но трудно жить тому, кто ее сохранитъ. Съ чистой душой легко Богу молиться, но тяжело на свѣтѣ жить.

Всякій, оглядываясь на прошлое, несомнѣнно убѣдится, что съ каждымъ годомъ спускался по лѣстницѣ, дальше и дальше отъ той площадки, выше которой если и трудно подняться, такъ хоть удержаться на которой было бы, пожалуй, идеаломъ...

Чувства, желанія, стремленія — уходятъ малыми дозами, незамѣтно, какъ молодость, нѣтъ силъ ихъ удержать, но уходятъ постоянно, каждый день. Оглянешься—и нѣтъ удѣла юности, но нѣкоторые дни особенно сохраняются въ памяти...

Я предпослалъ эти строки страничкѣ воспоминаній объ одномъ такомъ памятномъ днѣ. Я могу сдѣлать то-же, что сдѣлалъ въ тотъ вечеръ, о которомъ хочу разсказать, но

то-же самое, т. е. *тѣ-же* чувства, волновавшія меня тогда, не повторятся. Почему? Вѣроятно оттого, что во мнѣ нѣчто другое, и я боюсь убѣдиться въ этомъ на дѣлѣ... Если встрѣтятъ меня иныя ощущенія, больно будетъ смѣшать ихъ съ тѣми, дорогими. Говорятъ, дѣйствительность лучше неизвѣстнаго—когда съ ней можно бороться или надѣяться на возможность борьбы, но если наступившее не даетъ никакихъ иллюзій, то, пожалуй, и иллюзія лучше дѣйствительности, хотя бы только потому, что думается, будто дѣйствительность можетъ миновать...

Былъ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда одинокій особенно чувствуетъ свою обособленность, когда больше чѣмъ въ другое время тягостно отсутствіе семьи. Это былъ вечеръ Великой Субботы. Я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. На улицѣ стихалъ шумъ предпраздничнаго движенія. Изрѣдка проѣзжалъ по мостовой извозчикъ. Всюду дѣла окончены, домашнія приготовленія къ встрѣчѣ Свѣтлаго Праздника сдѣланы, всѣ спѣшатъ домой.

Я вспомнилъ тѣ минувшіе годы, когда и у насъ готовились къ встрѣчѣ Великаго дня; цѣлую недѣлю всё мыли, чистили, а послѣдніе дни закупали провизію, вино, въ субботу суетились, жарили, варили, красили яйца... Въ десять часовъ уходили одѣваться, потомъ ѣхали въ церковь, а оттуда возвращались домой разговляться въ тѣсной семьѣ, съ нѣсколькими друзьями. И было всегда у всѣхъ радостно, легко на душѣ...

Съ годами все перемѣнилось. Однихъ судьба забросила далеко, другіе хотя здѣсь, но сдѣлались чужими, а близкіе, родные—умерли, и приходится встрѣчать Свѣтлый Праздникъ въ одиночествѣ...

Ѣхать къ знакомымъ? Приглашеній много. Стóитъ только выбрать куда ѣхать, но не будетъ ли это *тѣмъ же* одиночествомъ? Отъ присутствія людей оно вѣдь не измѣнится. Въ эту ночь хочется быть не въ толпѣ, не среди чужихъ, а въ небольшой семьѣ близкихъ. Куда ни поѣдешь—не уйдешь отъ докучливаго сознанія—одинъ, одинъ...

Если такъ, то не лучше-ли одиночество полное, а не среди людей...

Я пошелъ на кладбище встрѣтить праздникъ у дорогихъ мнѣ могилъ.

Ограда всѣхъ кладбищъ обыкновенно запирается съ сумерками и только одинъ разъ въ году тамъ, гдѣ есть цер-

ковь, въ Свѣтлую ночь ворота оставляютъ открытыми до конца обѣдни.

Было еще рано, всего десять часовъ. На кладбищѣ не было никого. Яркія звѣзды блистали на небѣ. На многихъ могильныхъ крестахъ теплились тусклые огоньки лампадъ. Снѣгъ всюду уже сошелъ. Деревья, непокрытыя еще листвой, позволяли видѣть далеко.

Я сѣлъ на скамейку возлѣ памятника. Полная тишина царила вокругъ. Въ первый разъ мнѣ пришлось быть здѣсь одному, безъ назойливыхъ нищихъ и прохожихъ. Свѣжій, довольно холодный воздухъ, казался живительнымъ. Жителю каменнаго, гнилого Петербурга даже на кладбищѣ порой легче дышется...

Здѣсь, подъ этими крестами,—символомъ муки и искупленія, положенъ прахъ тѣхъ, которые начали новую, невѣдомую жизнь. Они ушли въ тотъ міръ, единственный пришелецъ изъ котораго Христосъ—не сказалъ намъ о немъ ни слова. Смерть таинственная и властная, всемогущая и неумолимая уноситъ въ другой міръ, для котораго жизнь земная одно лишь приготовленіе. Въ ней радость, счастье, муки, скорби, горе и борьбу уничтожаетъ переломъ—конецъ одной жизни и начало другой. Знать что въ будущемъ — удѣлъ Божества. Оно создаетъ это будущее по произвольному почину. Начало есть Его воля и нѣтъ силы больше нея. Мысль сама творитъ и она же уничтожаетъ. Изъ нея бытіе, въ ней жизнь и она разумъ Божества. Понять его можно, когда оно само того захочетъ. Христосъ указалъ намъ путь въ Его царство, сказалъ, что Онъ Богъ, но не открылъ ни тайны этого царства, ни что такое Богъ. Мы знаемъ, что Онъ есть, что живя готовимся къ другой жизни, обратясь въ прахъ на землѣ, войдемъ въ невѣдомое бытіе — и это все, что мы знаемъ... и иного не узнаемъ никогда, потому что Онъ *не хочетъ*, чтобы мы знали, и оттого не сказалъ намъ...

Около безмолвныхъ могилъ какъ-бы чувствовалась близость тѣхъ дорогихъ людей, которыхъ уже нѣтъ. Тѣла ихъ обратились въ прахъ, душа далеко, въ другомъ мірѣ, откуда она не можетъ вернуться — иначе-бы она пришла — здѣсь спятъ они, эти близкіе, къ которымъ я пришелъ «побыть съ ними» на кладбищѣ, спятъ мирнымъ сномъ, отдыхая отъ жизни... Они встанутъ, когда всѣ пробудятся, и встрѣтишься съ ними въ небесномъ царствѣ, какъ послѣ долгой разлуки—затѣмъ, чтобы уже больше не разставаться. Явится-ли и

«онъ», тотъ, дорогой мнѣ человѣкъ, такимъ же, съ тѣмъ же дорогимъ лицомъ, взглядомъ любимыхъ глазъ... Будетъ-ли это не царство тѣней въ невѣдомомъ мірѣ, а *та же* жизнь, лишь прервавшаяся... Разумъ не позволяетъ предположить этого, заставляетъ думать, что *новая жизнь — будетъ новой* и все въ ней станетъ иное... Мы не будемъ тѣми-же, а другими существами, съ другими чувствами; не встрѣтимся ни братьями, сестрами, друзьями, единомышленниками и врагами — иначе вѣдь была-бы опять *земная* жизнь и для чего была-бы смерть? Не хочется вѣрить холодному выводу разсудка и трудно себѣ представить—близкаго человѣка недоступнымъ ни одному чувству. Это такъ же трудно, какъ въ первые дни примириться съ вѣчной его потерей: какъ-то невольно чаще обыкновеннаго хочется именно къ нему обратиться. Даже во время панихиды, я хорошо помню, по одномъ изъ близкихъ мнѣ, чудно пѣлъ хоръ. Составленъ онъ былъ изъ низкихъ голосовъ и только одинъ теноръ едва среди нихъ выдѣлялся. Какъ алмазъ стекло, также нѣжно рѣзалъ онъ сердце своимъ «Со святыми упокой». Такъ и входили въ душу звуки его голоса, терзали ее и въ то же время успокаивали, а теноръ поднимался надъ басами выше и выше, какъ-бы улетая «туда гдѣ нѣсть болѣзнь, печаль и воздыханіе», а царитъ одна радостная свѣтлая, непонятная «жизнь вѣчная»...

Невольно я обернулся, хотѣлъ сказать, какъ хорошо поютъ— но вспомнилъ, что тотъ, къ кому хотѣлъ я обратиться, въ гробу лежитъ, и хотя при немъ „вѣчную память“ поютъ, не слышитъ онъ, потому что надъ нимъ ее поютъ...

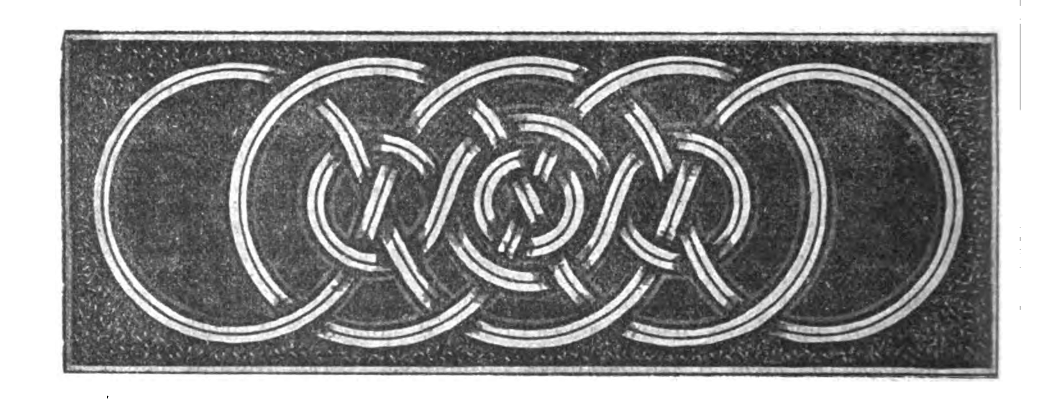
Кладбище стало оживать. Отовсюду стекался народъ. Слышался говоръ. Вокругъ церкви тѣснились, разставляя куличи, пасхи, раскладывая крашеныя яйца. Раздался ударъ большого колокола. Вся толпа заколыхалась, поснимала шапки, стала креститься. Вскорѣ распахнулись церковныя двери, и видѣлось мнѣ издали, какъ вышелъ на улицу крестный ходъ, съ образами и хоругвями, священники въ бѣлыхъ ризахъ, а за ними толпа людей съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Хоръ пѣлъ „Воскресеніе твое Христе Спасе“ громко, а потомъ, обойдя церковь „Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ“, радостно. Все вокругъ исполнилось торжественностью, и хотѣлось вѣрить, что и спящіе въ могилахъ слышатъ это „Христосъ Воскресе“. Чудилось, будто душа видитъ умершихъ въ этотъ мигъ, вмѣстѣ съ ними переживаетъ великую минуту, а на сердцѣ легко, хорошо... Я прошелъ по кладбищу и смѣшался съ толпой.

Сквозь открытыя двери церкви было слышно богослуженіе. Молились люди тяжелаго труда, суровой работы, борющіеся съ невзгодами за кусокъ хлѣба, и пришли они сюда *только* затѣмъ, чтобы молиться. И вспомнилась мнѣ та-же заутреня въ другихъ церквахъ, куда съѣзжаются разряженныя барыни и такъ называемые люди „лучшаго круга", нацѣпляя и надѣвая на себя всякій что можетъ, чтобы показать это другимъ, проводя время въ разговорахъ, ожидая новостей и извѣстій о наградахъ, ходя и расталкивая стоящихъ, чтобы лишній разъ шаркнуть предъ важнымъ или нужнымъ человѣкомъ или приложиться къ костлявой рукѣ властной старухи, поздравить звѣздоносца съ новой наградой... Зачѣмъ имъ и храмъ и служба? Не тронутъ ихъ сердца ни слово Божіе, ни молитва, они сюда пришли для обычнаго низкопоклонства и каждодневной лести... А здѣсь — *другіе,* и съ этими, другими — хочется вѣрить.

Служба кончилась. Всѣ стали расходиться, веселые, радостные, счастливые въ вѣрѣ и ею одушевляемые. Видно было, что воистину у всѣхъ Свѣтлый Праздникъ на душѣ.

И свѣтлой была и для меня эта ночь...

С. Сухонинъ.

Земскій строй древне-русскаго государства.

„До-Петровскую Русь проникаетъ совѣщательное начало: вездѣ дума и рѣчь; дума и рѣчь необходимы, какъ проявленіе человѣческой жизни, какъ путь къ согласію и общему, дружному, прочному дѣлу“...

К. Аксаковъ.

сновой нашихъ народно-государственныхъ отношеній искони былъ земскій строй, въ силу котораго ни одно сословіе не могло имѣть преобладающее значеніе надъ другими; напротивъ, каждое изъ нихъ, неся свою долю государственнаго тягла, могло наравнѣ съ прочими участвовать въ строеніи земли. Безъ сомнѣнія, такой взглядъ на равноправность сословій вытекалъ изъ древне-славянскаго вѣча, въ которомъ принимали участіе всѣ взрослые и свободные люди [1]). Какъ извѣстно, на русской почвѣ вѣчевое устройство сохранялось гораздо долѣе, чѣмъ у другихъ нашихъ соплеменниковъ—западныхъ и южныхъ, и потому весьма естественно, что у насъ оно глубже, чѣмъ гдѣ-либо, закрѣпило начало равноправности сословій по отношенію къ государству. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ у насъ вплоть до XVI вѣка не существовало еще рѣзкаго разграниченія сословій [2]), въ Польшѣ уже въ 1040 году на вѣче собирались только паны и воины;

---

1) «Вѣче и князь», В. И. Сергѣевича, стр. 43.
2) «Земскіе Соборы», В. Н. Латкина, стр. 25.

въ Чехіи, съ начала XIII вѣка, одни бароны; въ Хорватіи только дворянство и духовенство; въ Сербіи и Болгаріи въ ту же эпоху подобныя собранія также носили вполнѣ аристократическій характеръ [3]). На Руси-же только съ паденіемъ удѣльновѣчевого уклада болѣе рѣзко обособляется боярское сословіе, образовавшееся при дворѣ московскаго государя. Въ составъ его главнымъ элементомъ вошло потомство удѣльныхъ князей, внесши въ эту среду традиціи родовой знатности, придавшія ей строго аристократическую окраску. Такимъ образомъ, въ Москвѣ сформировалось первое русское сословіе, рѣзко выдѣлившее себя изъ народной массы, гордившееся не только личною высокою службою своихъ членовъ, но и заслугами предковъ, доблестью рода; претендовавшее не только на почетное вознагражденіе своей службы государству, но на власть и вліяніе на государя. Именно въ это время послышались боярскія жалобы на самовластіе Ивана III и сына его Василія, рѣшавшихъ важныя государственныя дѣла «самъ-третей у постели» [4]). Представляется очевиднымъ, что вслѣдъ за объединеніемъ русской государственной территоріи въ средѣ московскаго боярства обнаружились тѣ-же тенденціи, которыя въ Чехіи и Польшѣ, въ болѣе раннюю эпоху, привели къ ограниченію королевской власти собраніями бароновъ и пановъ. Напрасно стали бы мы утверждать, отрицая аналогію историческихъ явленій, что наше боярство никогда не думало идти врозь съ народомъ и не желало ограниченія царской власти исключительно въ свою пользу. Запись, взятая боярами съ В. Шуйскаго при его воцареніи, и клятвенное обѣщаніе, потребованное отъ Михаила Ѳеодоровича передъ самой его коронаціей, ясно показываютъ, что бояре заботились только о себѣ. Перваго государя они прямо обязали «дѣлить съ ними власть» [5]), а отъ второго получили исключительную для себя привилегію — избавленіе отъ смертной казни [6]). Поэтому мы допускаемъ, что московскіе бояре, подобно западнымъ баронамъ, были не прочь видѣть въ царѣ не болѣе, какъ перваго изъ своей среды (primus inter pares). Межъ тѣмъ, народная масса смотрѣла на дѣло совершенно иначе, и, помня извѣчную равноправность сословій, желала, чтобы «всякихъ чиновъ люди» были равны предъ государемъ. Нашъ земскій

---

3) «Зем. Соб.», стр. 26—29.
4) Акты Археогр. Эксп., т. 1-й, № 172, стр. 142.
5) В. И. Ключевскій: «Боярская Дума», стр. 361.
6) Полн. Собр. Рус. Лѣтоп., т. V, стр. 64.

строй, окрѣпшій втеченіе многихъ столѣтій, оказался весьма устойчивымъ, и одному сословію было уже не по силамъ расшатать его и произвести захватъ власти только въ свою пользу.

Московскіе цари хорошо понимали свое положеніе относительно боярства и земства и, не желая поступаться прерогативами своей власти въ пользу перваго, искали опоры во второмъ. Поступая такимъ образомъ, они, несомнѣнно, шли на встрѣчу мысли о необходимости совѣщаній представителя верховной власти со всѣмъ народомъ, мысли, пользовавшейся популярностью въ русскомъ обществѣ XVI вѣка [7]). До насъ дошелъ замѣчательный памятникъ тогдашней письменности, извѣстный подъ именемъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» [8]), авторъ которой совѣтуетъ царю держать при себѣ постоянный земскій соборъ, обновляя составъ его періодическими выборами, для того, чтобы голосъ «всенародныхъ человѣкъ» могъ имѣть значеніе въ дѣлѣ «строенія земли». «На такое благое дѣло,— говорится въ «Бесѣдѣ», — достоитъ святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ, и православнымъ благочестивымъ папамъ, и преосвященнымъ митрополитомъ, и всѣмъ священноархіепископомъ, и епископомъ, и преподобнымъ архимандритомъ, и игуменомъ, и всему священническому и иноческому чину благословити царей и великихъ князей на единомысленный вселенскій совѣтъ и съ радостію царю воздвигнути и отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безъ величества и безъ высокоумныя гордости, со христоподобною смиренною мудростію, безпрестанно всегда держати погодно при себѣ ото всякихъ мѣстъ всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ распросити царю самому про всякое дѣло міра, а разумныхъ мужей и добрыхъ и надежныхъ приближенныхъ своихъ воеводъ и воиновъ со многими войски ни на единъ часъ не разлучати отъ себя, да таковою царскою мудростію и воиновымъ валитовымъ разумомъ вѣдомо будетъ царю самому про все всегда самодержства его, и можетъ скрѣпити отъ грѣха власти и воеводы своя, и приказные люди своя, и приближенныхъ своихъ отъ поминка, и отъ посула, и отъ всякія неправды и сохранить ихъ отъ многихъ и безчисленныхъ властелиныхъ грѣховъ и ото всякихъ льстивыхъ льстецовъ и отъ обавниковъ ихъ, и объявлено будетъ тѣми людьми всякое дѣло предъ царемъ таковою цар-

[7]) «Зем. Соб.», стр. 22.

[8]) «Земское направленіе русской духовной письменности въ XVI вѣкѣ»—ст. г. Павлова въ № 1 «Православнаго Собесѣдника» за 1863 годъ.

скою мудростію и валитовымъ разумомъ, да правдою тою держитца во благоденствѣ царство его». Отсюда ясно, что почва для установленія живой связи между царемъ и народомъ была уже достаточно подготовлена въ указанную эпоху, и, дѣйствительно, въ 1550 году послѣдовало созваніе Иваномъ IV перваго земскаго собора [9]). Съ этого времени соборъ становится необходимымъ государственнымъ учрежденіемъ и фигурируетъ въ нашей исторіи до самаго конца XVII вѣка. Правда, онъ не сдѣлался постояннымъ учрежденіемъ, какъ желалъ авторъ «Бесѣды», и созывался лишь отъ времени до времени, но это нисколько не умаляетъ его значенія въ смыслѣ осуществленія, при его посредствѣ, земскаго представительства всей Русской земли. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы хорошо знаемъ, что земскіе соборы созывались тогда именно, когда требовалось рѣшить какой-либо важный государственный вопросъ, затрогивавшій интересы всей земли, слѣдовательно, въ наиболѣе важные моменты нашей исторической жизни царю и его правительству было обезпечено живое общеніе съ народомъ, которое естественно не оставалось безъ вліянія на нихъ. «Смѣло, довѣрчиво и открыто звучали на соборахъ заявленія выборныхъ людей», говоритъ г. Латкинъ [10]);—«наивно-откровенно обличали они притѣсненія правительственныхъ должностныхъ лицъ, мздоимство дьяковъ, волокиту московскихъ судовъ; жаловались на неравномѣрность службъ, на тягость податей и повинностей», а по вопросамъ внѣшней политики проявляли всегда здравыя политическія мысли.

Были-ли наши соборы построены на началахъ сословнаго представительства? Наши историки и ученые изслѣдователи расходятся по этому вопросу. Такъ, напримѣръ, г. Латкинъ [11]) рѣшаетъ утвердительно, а проф. Владимірскій-Будановъ [12]) отрицательно. Имѣя въ виду, что выборные на соборы избирались отъ каждаго изъ сословій извѣстной мѣстности, а не отъ территоріальныхъ округовъ, и что затѣмъ самыя совѣщанія на соборахъ и подача мнѣній производились по-сословно, г. Латкинъ приходитъ къ заключенію, что сословность была специфической особенностью земскихъ соборовъ. Однако, возражая г. Владимірскому-Буданову, онъ самъ допускаетъ большое отличіе русскихъ сословій отъ западно-европейскихъ. Дѣй-

---

9) «Земскіе Соб.», стр. 68.
10) «Зем. Соборы», стр. 285; 188—89.
11) Ibidem. стр. 263.
12) Кіев. Универ. Извѣстія за 1857 г. № 10-й и за 1875 г. № 10-й.

ствительно, въ то время какъ на западѣ сословія представляли замкнутыя касты, образовавшіяся долгимъ историческимъ путемъ, въ составѣ древне-русскаго общества не было ни одной рѣзко-очерченной сословной группы, за исключеніемъ бояръ Такъ въ городахъ до-петровской Руси не было *горожанъ* въ европейскомъ смыслѣ этого слова: городъ не сообщалъ тогда своему обывателю никакихъ правъ, если онъ не имѣлъ ихъ въ качествѣ лица, принадлежащаго къ извѣстному званію [13]). Бѣлое и черное духовенство, въ большинствѣ, выходило въ то время изъ самой сердцевины народной массы, и потому первое совершенно терялось въ ней, а второе, хотя и представляло болѣе замкнутый кругъ, но, естественно, безъ всякихъ сословныхъ традицій. Низшій служилый классъ, тогдашнихъ помѣщиковъ, г. Забѣлинъ [14]) прямо называетъ *дворянскимъ земствомъ*. И дѣйствительно, этотъ народный слой вовсе не могъ представлять замкнутое сословіе, такъ какъ источникомъ его происхожденія была личная служба: служитъ человѣкъ—и пользуется за это помѣстьемъ; пересталъ служить—помѣстье отъ него отбирается и передается другому, часто какому-нибудь городовому казаку, отличившемуся стрѣлецкому пятидесятнику, или пушкарю изъ посадскихъ. Спускаясь еще ниже по тогдашней соціальной лѣстницѣ, мы находимъ посадскихъ и крестьянъ. Тѣ и другіе были одинаково «верстаны въ сохи» и платили подати съ земли; разница между ними обусловливалась лишь названіемъ поселеній, гдѣ они жили: посадскіе—въ городахъ, крестьяне—въ деревняхъ и селахъ. Потому-то на соборахъ посадскіе могли вполнѣ представлять интересы крестьянъ [15]). Если къ сказанному прибавить, что крупные торговые люди того времени («гости») выходили преимущественно изъ «лучшихъ» посадскихъ, то будетъ ясно, что въ русскомъ обществѣ XVI и XVII столѣтій вовсе не существовало, за исключеніемъ бояръ, крѣпкихъ сословныхъ перегородокъ, и происходило постоянное передвиженіе лицъ изъ одного званія въ другое. Въ виду этого, естественно возникаетъ вопросъ: могло-ли такое общество, гдѣ люди дѣлились болѣе на классы [16]) по роду занятій, чѣмъ на сословія, дать строго сословное представительство? Очевидно, не могло, и потому въ дѣйствительности давало *земское* представительство въ истин-

---

[13]) Н. П. Загоскинъ.—«О правѣ владѣнія городовыми дворами».
[14]) «Мининъ и Пожарскій», стр. 72.
[15]) В. И. Сергѣевичъ: Сборн. государ. знаній, т. II, стр. 14.

номъ значеніи этого слова, т. е. представительство всѣхъ званій и состояній. Посословность выборовъ и совѣщаній выборныхъ людей нисколько не противорѣчитъ такому взгляду на характеръ древне-русскаго представительства. Въ самомъ дѣлѣ, при какой другой выборной системѣ можно было разсчитывать на болѣе всестороннее представительство всѣхъ общественныхъ классовъ? Могла-ли дать его система выборовъ по округамъ? Ни въ какомъ случаѣ, потому что при ней всего скорѣе могла образоваться сословная односторонность представительства. Развѣ не ясно, что эта послѣдняя возможна лишь въ странѣ съ значительно развитой культурой, гдѣ предполагается господство альтруистическихъ идей? Московское правительство очень хорошо понимало, что если какой-нибудь сынъ боярскій явится единственнымъ выборнымъ человѣкомъ, напр., отъ города Алатыря съ его уѣздомъ, то онъ будетъ не въ состояніи обстоятельно разсказать „насильства, обиды и раззоренія" *всего* населенія Алатырскаго округа. А оно для того и собирало выборныхъ, чтобы подробно ознакомиться съ положеніемъ *всякихъ* чиновъ людей во *всемъ* государствѣ, и потому весьма естественно практиковало посословную систему и выборовъ и совѣщаній.

Сколько-же каждаго «чина» людей присутствовало на соборахъ? Хотя въ современныхъ документахъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ для каждаго собора, однако мы всетаки имѣемъ возможность составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе о численномъ отношеніи выборныхъ людей по сословіямъ. Возьмемъ, для примѣра, соборъ 1649 г., памятникомъ дѣятельности котораго является извѣстное «Уложеніе». Въ немъ участвовало 335 человѣкъ, [17]) и въ числѣ ихъ 14 духовнаго чина, 15 бояръ, 22 человѣка изъ высшаго служилаго класса, 164 изъ низшаго, 15 стрѣльцовъ, трое «гостей» и 102 посадскихъ и слобожанъ. Исключивъ 37 человѣкъ бояръ и служилыхъ высшаго класса, получаемъ на долю духовенства и народа 298 выборныхъ людей. Такъ какъ нѣтъ основанія думать, что на другихъ соборахъ численное отношеніе представителей боярства и земства могло измѣняться слишкомъ рѣзко, то ясно, что вообще на нашихъ соборахъ преобладалъ народный элементъ и придавалъ имъ вполнѣ земскій характеръ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію компетенціи обычныхъ [18]) зем-

[17]) «Матеріалы для исторіи Земск. Соборовъ», В. Н. Латкина, стр. 13—48.

[18]) Такъ называемъ мы заурядные соборы въ отличіе отъ необычныхъ, или экстренныхъ, а именно: трехъ избирательныхъ, двухъ судныхъ и засѣдавшихъ въ

скихъ соборовъ, мы встрѣчаемъ слѣдующее опредѣленіе ея, сдѣланное К. Аксаковымъ: «Правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія». Г. Латкинъ находитъ это далеко невѣрнымъ и говоритъ, что соборы были сильны не своими мнѣніями, а слабостью правительствъ [19]). Съ такимъ выводомъ почтеннаго историка соборовъ можно было-бы согласиться лишь въ томъ случаѣ, если-бы самый объемъ компетенціи соборовъ измѣнялся въ зависимости отъ положенія даннаго правительства, т. е. если бы при слабомъ она—расширялась, а при сильномъ—сокращалась. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго не было, и обычные соборы при всякомъ правительствѣ являлись чисто совѣщательными, а потому и сила ихъ всегда заключалась только въ ихъ мнѣніяхъ. Какъ выше замѣчено, соборы всегда созывались въ исключительныхъ случаяхъ—при предстоявшихъ рѣшеніяхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ. Однако, отсюда едва-ли можно заключить, что всѣ правительства, созывавшія соборы, были слабыми. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что самое понятіе объ относительной силѣ московскихъ правительствъ является весьма условнымъ, трудно поддающимся точному опредѣленію, мы встрѣчаемъ тотъ замѣчательный фактъ, что наиболѣе слабое изъ всѣхъ ихъ, правительство царя В. И. Шуйскаго, ни разу не обращалось къ содѣйствію собора. Г. Латкинъ дѣлаетъ для него исключеніе изъ общаго правила: «царь, правившій государствомъ вопреки народной волѣ», говоритъ онъ, «не могъ искать опоры въ народѣ» [20]). Соглашаясь съ этимъ, мы имѣемъ однако полное право заключить отсюда, что на созваніе соборовъ, кромѣ слабости правительствъ, вліяли и другіе факторы... И едва-ли ошибемся, сказавъ, что важнѣйшимъ изъ нихъ было болѣе или менѣе искреннее отношеніе даннаго правительства къ народу. Мы думаемъ также, что и самая «сила» соборныхъ мнѣній обусловливалась имъ же. Въ самомъ дѣлѣ, что же значило соборное мнѣніе, если правительство не желало ему слѣдовать? Въ виду этого мы допускаемъ, что къ содѣйствію соборовъ обращались не исключительно слабыя правительства, а наиболѣе искреннія изъ нихъ, не допускавшія никакихъ недоразумѣній между собой и землею. Но разъ между правящей властью и землею возникала нѣкоторая неискренность отношеній, первая

безгосударное время. Первые пять, сообразно ихъ назначенію, обладали исключительною, хотя и одностороннею компетенціею; послѣдніе же имѣли вполнѣ державную компетенцію, замѣняя отсутствовавшаго государя.

[19]) «Земскіе Соб.», стр. 284.

[20]) Ibidem, стр. 105.

изъ нихъ не могла уже вполнѣ надежно опираться на вторую,—и тогда соборы не собирались даже въ самые критическіе моменты для такихъ правительствъ. Поэтому мы позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующее дополненіе къ вышеприведенной фразѣ Аксакова: правительству—сила *искренней и доброжелательной* власти; землѣ—сила *откровеннаго* мнѣнія. Этою формулою вполнѣ точно обрисовывается компетенція обычныхъ соборовъ.

Все время существованія у насъ земскихъ обычныхъ соборовъ можно раздѣлить на три періода: первый отъ 1550 г. до безгосударнаго времени (1610 г.); второй, обнимающій эпоху царя Михаила Ѳедоровича (1613—45 г.), и третій, заключающій въ себѣ вторую половину XVII вѣка. Изъ нихъ первый и третій можно назвать нормальными по отношенію къ дѣятельности соборовъ, т. е. въ это время они созывались лишь отъ времени до времени—для совѣта при рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ внѣшней и внутренней политики. Второй же періодъ, по справедливому выраженію г. Загоскина [21]), былъ «золотымъ вѣкомъ» земскихъ соборовъ. Принявъ бразды правленія въ маѣ 1613 г., Михаилъ Ѳедоровичъ не распустилъ избравшаго его земскаго собора и управлялъ государствомъ вмѣстѣ съ нимъ до 1622 г., причемъ составъ собора былъ дважды обновляемъ новыми выборами — въ 1615 и 1619 годахъ [22]). Совмѣстныя заботы царя и собора были прежде всего направлены къ пополненію опустѣвшей государственной казны и на борьбу съ внѣшними и внутренними врагами. Царскіе указы сопровождались «земскими» приговорами въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о доставкѣ изъ городовъ денежныхъ сборовъ, или соборными грамотами, если они касались ослушниковъ царскаго величества и внѣшнихъ враговъ. Послѣ 1622 г., когда, благодаря энергическимъ усиліямъ царя и собора, Русская земля умирилась внутри, а государственная казна пополнилась, постоянный соборъ былъ распущенъ. Однако, каждый разъ, когда дѣла осложнялись, царь созывалъ выборныхъ людей и опирался на нихъ. Такъ было во время польской войны въ 1633 — 34 г.г., въ набѣгъ на русскія украины крымскаго царевича Сафа-Гирея въ 1636—37 г.г. и, наконецъ, въ 1642 г.—при рѣшеніи азовскаго вопроса. Такимъ образомъ, въ личности царя Михаила

---

21) «Исторія права Москов. государства», т. I.
22) «Зем. Соборы», стр. 155 и 168.

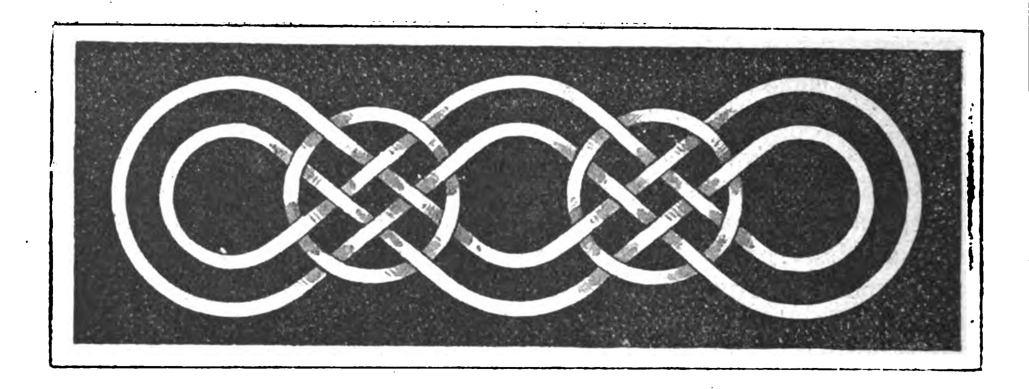
Ѳедоровича и въ его системѣ управленія государствомъ, основанной на непрерывномъ единеніи съ земскимъ представительствомъ страны, мы имѣемъ полное основаніе видѣть осуществленіе идеала, нарисованнаго авторомъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ». Мы соглашаемся съ г. Латкинымъ, что такое единеніе было обусловлено исключительнымъ положеніемъ государства послѣ смутнаго времени, однако это нисколько не подрываетъ справедливости сдѣланнаго замѣчанія. По нашему мнѣнію, въ самой личности Михаила Ѳедоровича были черты, способствовавшія осуществленію этого идеала. Мы имѣемъ въ виду не молодость его и естественную неопытность въ первые годы, что, конечно, было лишь временнымъ явленіемъ, а весь нравственный складъ его личности— «тихой, незлобной и сосредоточенной» [23]). Если бы въ его положеніи оказался человѣкъ противоположныхъ качествъ, способный давать большій просторъ личному усмотрѣнію, при меньшей вдумчивости въ смыслъ общественныхъ явленій, тогда положеніе дѣлъ, несомнѣнно, было бы иное. Русская земля, лишенная живого общенія съ верховной властью, не могла бы такъ скоро умириться внутри и оградить себя извнѣ. Земскій соборъ, содѣйствуя правительству своимъ совѣтомъ и укрѣпляя его «всемірными» приговорами, принесъ въ эту эпоху большую пользу Русскому государству. Въ виду этого, мы не можемъ отрицать громаднаго значенія земскаго строительства въ прошломъ нашего государства; наиболѣе ярко выразившись въ эпоху царя Михаила Ѳедоровича, оно, какъ въ предыдущее, такъ и въ послѣдующее время содѣйствовало его могуществу.

Трудно согласиться съ проф. Милюковымъ [24]), что новѣйшій періодъ русской исторіи, начавшійся съ реформъ императора Александра II, составляетъ «полное отрицаніе всѣхъ нашихъ прошлыхъ учрежденій». Въ самомъ дѣлѣ, мы едва-ли не имѣемъ основаніе сказать, что реформа 19 февраля 1861 г. положила прочное основаніе для будущаго *земскаго* развитія Россіи. Въ какихъ бы учрежденіяхъ оно ни выразилось, несомнѣнно одно, что эти учрежденія, по своему духу, могутъ быть только *земскими*, и потому въ нихъ непремѣнно «будетъ слышаться наша старина». Со своей стороны, мы знаемъ только одинъ періодъ въ русской исторіи, дѣйстви-

[23]) Н. И. Костомаровъ—Рус. Ист., т. II, стр. 15.
[24]) «Очерки по исторіи русской культуры». «Міръ Божій», № 11-й за 1895 г.

тельно составлявшій полное отрицаніе всѣхъ нашихъ прошлыхъ учрежденій—въ томъ числѣ и земскаго строительства Россіи. Это—время отъ Петра I до Александра II, время крѣпостного права, *когда одно сословіе владѣло другимъ* вопреки исконному земскому строю нашего государства. Но, слава Богу, это время миновало, и на Руси уже показываются молодые побѣги отъ древняго земскаго корня, уцѣлѣвшаго въ глубинѣ нашей народной почвы.

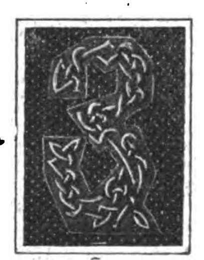
Ал. Мерцаловъ.

Міръ ислама.

«Послѣдователи суроваго Магомета господствовали долго надъ большею частью міра и страшны еще теперь».

Лебонъ. Психологія народовъ и массъ. 1896.

аимствуемъ названіе нашей статьи изъ только-что появившейся книги г. Череванскаго [1]). Это сочиненіе—одно изъ лучшихъ, изданныхъ у насъ за послѣднее время, очевидно, подъ вліяніемъ того неожиданнаго значенія, которое пріобрѣлъ Востокъ въ „концѣ вѣка“. Мы не станемъ сравнивать его съ капитальнымъ трудомъ „Исторія ислама“ покойнаго кёнигсбергскаго профессора, Августа Мюллера, переведеннымъ на русскій языкъ также недавно. Работа нѣмецкаго ученаго—важный вкладъ въ науку, покоющійся на глубокомъ изученіи источниковъ; сочиненіе нашего автора—переработка уже разработаннаго матеріала. Но нужно отдать справедливость г. Череванскому, это—работа добросовѣстная, плодъ досуговъ человѣка просвѣщеннаго, вдумчиваго и (такая рѣдкость у нашихъ ученыхъ!) владѣющаго перомъ. Нашему автору извѣстно почти все главное изъ литературы предмета. Ему дѣлаетъ честь, что, ища научной истины, онъ не увлекается никакими тенденціями—дѣло столь обычное въ подобныхъ вопросахъ. Онъ не противорѣчитъ въ основѣ такимъ авторитетамъ, какъ Мюллеръ. Его прекрасно изданная книга, разбитая на законченныя главки, читается легко. Мысль вездѣ высказывается ясно и прямо; и она обыкновенно украшена широкимъ, человѣчнымъ взглядомъ. На приводимые факты и цитаты можно полагаться—преимущество, также немалое въ трудахъ нашихъ авторовъ.

---

[1]) *Вл. Череванскій.* Міръ ислама и его пробужденіе. Историческая монографія. Ч. I и II. Спб. 1901.

Содержаніе труда г. Черевавскаго тѣмъ интереснѣе, что авторъ не вдается въ историческія мелочи, столь соблазнительныя при такого рода работѣ. Его цѣль—уловить сущность ислама, причемъ онъ надѣется и на свои „многолѣтнія собесѣдованія съ убѣжденными библейскими старцами-исламитянами". Затѣмъ, авторъ старается опредѣлить отношенія ислама „къ противной сторонѣ и къ главенствующей культурѣ", а также „обозрѣть условія, сопутствовавшія исламу отъ перваго религіознаго экстаза пророка исламитянъ до нынѣшняго наэлектризованнаго состоянія мусульманства". Это состояніе и вызвало настоящее сочиненіе.

Въ виду всего сказаннаго, читатель, надѣемся, не посѣтуетъ на насъ за желаніе подѣлиться съ нимъ общими мыслями о судьбѣ ислама, которая давно занимала насъ [2]). Онъ кстати ближе ознакомится съ новою полезною книгой, къ которой мы будемъ прибѣгать мѣстами.

I.

Сущность ислама.

Наука доказала, что исламъ—компиляція изъ разныхъ вѣрованій, преимущественно же изъ единобожія жившихъ въ Аравіи евреевъ и христіанъ. Впрочемъ, христіане не могли особенно вліять на Магомета. Ихъ слишкомъ идеалистическая религія была мало понятна ему. Они разбивались на секты. Магометъ считалъ ихъ всѣхъ „назарянами": его уму болѣе была доступна эта секта, составлявшая переходъ отъ іудейства къ чистому христіанству. Сверхъ того, онъ увлекался болѣе простыми, сказочными повѣствованіями апокрифовъ, да и тѣ перепутывалъ между собой. Христіане даже вліяли на пророка ислама наиболѣе своею близостью къ іудеямъ: безграмотный бедуинъ называлъ тѣхъ и другихъ благоговѣйно „народомъ писанія". Магометъ только всегда былъ милостивѣе къ назарянамъ, чѣмъ къ іудеямъ: то были аскеты, не посягавшіе на власть и на блага земныя. Даже ставши властителемъ, пророкъ не изгонялъ ихъ: онъ только приравнялъ ихъ къ многобожникамъ, по-своему истолковавъ догматъ о св. Троицѣ.

Другое дѣло—евреи. Они цѣлыми массами бѣжали отъ римскаго гнета и образовали въ Аравіи сплоченныя общества, съ сильными зáмками. Они разбогатѣли и пріобрѣли власть, участвуя въ промыслахъ и торговлѣ бедуиновъ. Евреи были попреимуществу „народомъ писанія": у нихъ была маститая, Богомъ данная „книга" — Моисеевъ законъ; они строго сохраняли свои обычаи и вѣру въ Мессію. Эта вѣра тлѣла и у арабовъ, какъ у всѣхъ семитовъ. Да и самое имя Аллаха—искаженное еврейское Элогъ. Немудрено, что евреи даже обратили въ іудейство самыхъ могучихъ шейховъ Іемена. Наконецъ, прак-

---

[2]) См. наши статьи въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* за августъ и сентябрь 1895 г.

тическій раціонализмъ евреевъ подходилъ къ умственной первобытности араба. Замѣчательно, что въ Ветхомъ Завѣтѣ нѣтъ нигдѣ упоминанія о загробной жизни.

И вотъ, Коранъ переполняется іудейскими разсказами о сотвореніи міра и объ ангелахъ, о Каинѣ, Авраамѣ, Измаилѣ и Соломонѣ, въ особенности-же о Моисеѣ и фараонѣ. Онъ говоритъ о Богѣ почти словами книгъ Моисея. Онъ заимствуетъ у евреевъ обрѣзаніе и другіе обряды и законы и объявляетъ Іерусалимъ „кыблой"—стороной, куда должно обращаться лицомъ на молитвѣ. То же должно сказать о раѣ, гееннѣ и страшномъ судѣ Корана. Многіе раввины и теперь считаютъ исламъ лишь искаженіемъ іудейства. Магометъ долго дружилъ съ евреями. Онъ возсталъ противъ нихъ только тогда, когда сталъ властелиномъ и завелъ гаремъ, за что они отказались признать его Мессіей. Вскорѣ послѣ геджры, пророкъ, почуявъ свои силы, разрушилъ замки евреевъ и забралъ ихъ богатства, а ихъ самихъ выгналъ изъ Медины. Несчастные выставили-было новую Юдиѳь: красавица Зайнаба, попавшая въ гаремъ пророка, чуть не отравила его. Магометъ принялъ пятницу вмѣсто іудейской субботы и перенесъ кыблу на Мекку.

Было-бы несправедливо относиться свысока къ компилятивности Корана. Если исторія, въ основѣ, есть родословная связь событій и направленій, то религіи вообще наиболѣе отличаются этимъ свойствомъ: всякую изъ нихъ можно бы назвать „реформаціей" предшествовавшихъ вѣрованій. Въ особенности это нужно-бы помнить католичеству, которое превратило даже славянскаго Святовита, чествуемаго плясками, въ св. Вита, который исцѣляетъ отъ пляски св. Вита. Въ судьбѣ ислама компилятивность имѣла особое значеніе: поддѣлываясь подъ разныя вѣрованія, Коранъ быстро сталъ изъ тощей, путанной, поэтической книжки ничтожнаго племени міровою силой. Здѣсь одна изъ тайнъ его поразительной распространенности, которая уже тревожитъ царей цивилизаціи, европейцевъ. Христіанство можетъ утѣшать себя, что ему принадлежитъ будущее: одна изъ самыхъ юныхъ религій, оно охватываетъ уже почти $^1/_3$ человѣчества (450 милл.). Но, не говоря уже про то, что болѣе половины человѣчества (до 870 милл.) погрязаетъ въ язычествѣ, однихъ буддистовъ больше христіанъ (500 милл.); а исламъ, который на 600 лѣтъ моложе христіанства, заполонилъ уже почти $^1/_7$ часть рода человѣческаго (до 200 милл.). Сверхъ того, исламъ расширяется на нашихъ глазахъ. И съ нимъ-то, да еще съ буддизмомъ, труднѣе всего бороться христіанству, какъ доказываетъ печальная судьба миссіонеровъ. Поприще христіанства—Европа и Америка; остальная земля находится во власти ислама и язычества.

Есть другая, болѣе важная, причина міроваго значенія ислама. Это—необыкновенная, наивная простота Корана. Здѣсь все трезво, сухо, прозаично; самые обряды—лишь воспроизведеніе военной дисциплины, исполненіе одной внѣшней законности, одного приказанія пророка. Тутъ нѣтъ участія высшихъ нравственныхъ требованій: скорѣе—поблажка чувственности, выра-

зившаяся особенно въ первобытномъ многоженствѣ. Ренанъ и Шпренгеръ мѣтко сказали: „Арабскій духъ, вмѣсто того, чтобы начаться въ Магометѣ, нашелъ въ немъ свое послѣднее выраженіе. Заслуга Магомета не въ томъ, что онъ опередилъ свое время, а въ томъ, что онъ умѣлъ высказать потребность времени“ [3]). Въ этомъ все дѣло. Вѣдь время-то было патріархальное; а первоначальная культура вездѣ почти одинакова. Такъ какъ цивилизація еще мало овладѣла человѣчествомъ, то быстрое распространеніе такой религіи, какъ исламъ, становится понятнымъ само собой. Вотъ почему поприще ислама—вся земля, кромѣ Европы и Америки.

Такое объясненіе вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ соціологіи. Оно устраняетъ устарѣвшій взглядъ, приписывавшій все антропологическому родству. Именно на религіозномъ вопросѣ отлично доказывается эта мысль. Мы, бѣлые, кичимся какимъ-то избранничествомъ: бѣлая кожа обнимаетъ-де почти половину человѣчества, и все это—единобожники. Однако, единобожниковъ много среди желтыхъ и даже черныхъ, благодаря исламу. Съ другой стороны, эти отверженныя породы не чужды христіанства. А главное, „семитскій“ исламъ отлично распространяется не только среди арійскихъ индусовъ, но и среди желтой и черной породъ. Точно также напрасно говорятъ про „практичность, конкретность“ семита, указывая на отсутствіе въ его древности эпоса, драмы и философіи въ религіи. И арабы, и евреи оказались потомъ сильными математиками и философами; а вначалѣ—у всѣхъ народовъ одна только жалкая лирика да фетишизмъ и царство духа предковъ.

II.

Исламъ и цивилизація.

Вопросъ не въ этнографіи, а въ культурѣ. Для человѣчества важнѣе всего знать, способенъ ли исламъ къ развитію цивилизаціи?

Здѣсь опять, прежде всего, нужно остерегаться отъ всякаго субъективизма и не сходить съ научной почвы. Мы опять ничего не поймемъ и прогадаемъ будущее, если, впадая въ фатализмъ мусульманина же, станемъ мечтать объ избранничествѣ однихъ и отверженности другихъ. Такой взглядъ особенно не къ лицу намъ, европейцамъ, какъ противорѣчащій духу христіанства. Онъ-же идетъ и въ разрѣзъ съ научной истиной. Слава Богу, теперь врядъ-ли можно встрѣтить историка, который, не играя роли Тартюфа, говорилъ бы объ „историческихъ“ и неисторическихъ народахъ, точно такъ же, какъ дико было бы слышать отъ него про „европейскую, христіанскую, русскую, нѣмецкую“ и т. д. науку. То же слѣдуетъ сказать и о прогрессѣ, цивилизаціи вообще.

---

[3]) *Rénan*—«Etudes d'histoire religieuse», 272—273.—*Sprenger*—«Das Leben und die Lehre des Mohammed, III, p. XV.

Положительные факты и здравый смыслъ доказываютъ, что все это необъяснимо съ этнографической или догматической точки зрѣнія. Они удаляютъ этихъ „идоловъ“ (idola) или призраковъ Бекона. Они установили правило, что всякая порода есть плодъ данной среды, подчиненной общимъ законамъ человѣческаго развитія. И каждое вѣрованіе есть выраженіе идеальныхъ стремленій человѣка въ данной исторической обстановкѣ. Значеніе религіи громадно и въ наукѣ, какъ характеристика ступеней развитія различныхъ народовъ: въ этомъ смыслѣ важно, что самое христіанство различно въ Россіи и Англіи, въ Германіи и Испаніи, и что оно кишитъ сектами. Оттого-то соціологія не столько нѣмѣетъ въ изумленіи передъ крайностями, сколько слѣдитъ за поразительнымъ сходствомъ въ законахъ бытія обществъ, стараясь объяснить различіе мѣстными условіями видоизмѣненій въ дѣйствіи этихъ законовъ. Отсюда чувство всеобщаго братства, это свѣтлое очеловѣчивающее вліяніе науки.

Сравнительная точка зрѣнія, эта основа соціологіи, не дозволяетъ ставить исламъ въ какое-то исключительное положеніе. Читатель уже видѣлъ, что онъ даже не представляетъ ничего новаго въ своей сущности; и онъ—именно родной братъ іудаизма и христіанства. Если всмотрѣться въ него глубже, при свѣтѣ современной науки, рѣдко гдѣ встрѣтишь болѣе сходства, чѣмъ въ судьбѣ этихъ заклятыхъ враговъ, а отчасти въ основахъ и даже мелочахъ ихъ быта. Сравненія въ этой средѣ тѣмъ драгоцѣннѣе, что исламъ представляетъ незамѣнимый примѣръ возникновенія и паденія обществъ, въ силу непреложныхъ законовъ мірозданія. На немъ же можно прослѣдить законы религіознаго развитія вообще: въ его теологіи видимъ все, что совершалось въ судьбѣ другихъ вѣрованій, да еще при полномъ свѣтѣ исторіи. Немудрено, что въ послѣднее время наука признала, выражаясь словами г. Черванскаго, изслѣдованіе схоластиковъ и византійцевъ „ненужнымъ хламомъ“. Нашъ авторъ приводитъ рядъ крупныхъ ученыхъ, защищающихъ противъ „хлама“ дѣло Магомета. Къ Вольтеру, Гиббону, Лорану, Бартелеми Сентъ-Илеру, Седильо, Декастри, Вейлю, Вл. Соловьеву прибавимъ Ремюза, Шпренгера, Авг. Мюллера, Коссенъ де-Персеваля, отчасти даже Ренана, несмотря на его расовую теорію.

У насъ нѣтъ мѣста говорить о массѣ мелочей, вродѣ ученія объ ангелахъ, или исторіи „хаджей“ (паломниковъ), сектъ и т. п. Укажемъ только на „такдиръ“ или „опредѣленіе времени жизни въ книгѣ Бога“. Фатализмъ считался прежде особенностью ислама, а между тѣмъ замѣчательно сходство какъ въ хорошихъ, такъ и въ дурныхъ сторонахъ этого взгляда на жизнь и у мусульманъ, и у многихъ европейцевъ, отъ блаженнаго Августина до Кальвина и послѣдняго пуританина. Что же касается другой „особеннности“ ислама—джихада или кроваваго прозелитизма, то довольно припомнить инквизицію и Варѳоломеевскую ночь, судьбу альбигойцевъ и тридцатилѣтнюю войну,—и это въ средѣ самого христіанства.

Остановимся на основномъ вопросѣ: совмѣстимъ-ли исламъ

съ развитіемъ цивилизаціи? Принято указывать на его „косность". Ее выставляетъ и г. Черевано скій. „Только на рубежѣ XX в. обширная монархія шіитовъ обзавелась первой типографіей, но еще не успѣла выстроить у себя ни одного паровоза,—говоритъ онъ... Рѣшившись на проведеніе желѣзной дороги, султанъ принужденъ былъ отдаться на волю иностранныхъ концессіонеровъ". Но, вотъ, другой, и вполнѣ православный русскій писатель, Вл. Соловьевъ, замѣчаетъ: „Религія Магомета имѣетъ будущность; она еще будетъ если не развиваться, то распространяться". И нашъ богословъ, священникъ Боголюбскій [4]), находитъ, что „въ Коранѣ нельзя указать прямыхъ выраженій, идущихъ въ разрѣзъ съ прирожденными человѣку свободно-безконечными стремленіями къ истинѣ". Онъ какъ бы вторитъ магометанскому ахуну въ Петербургѣ, Баязитову, который усматриваетъ въ Коранѣ даже „поощреніе къ наукамъ" [5]). Мы встрѣчаемъ противорѣчія даже у одного и того-же автора—именно у самого А. Мюллера, Ренана, а также у г. Черевановскаго. Чтобы разобраться въ нихъ, нужно и здѣсь прибѣгнуть къ историко-сравнительному методу.

Поразительна не исключительность ислама, а сходство всей его судьбы съ исторіей другихъ религій, и именно христіанства. Извѣстно богатое развитіе ислама въ отношеніи религіозно-философскомъ; его сектантство даже весьма напоминаетъ тотъ-же процессъ въ христіанствѣ, совершавшійся въ значительной степени подъ одними и тѣми же историческими вліяніями [6]). Еще болѣе извѣстно научное и художественное движеніе въ арабскомъ мірѣ: тутъ довольно сказать, что новѣйшая историческая критика скорѣе возвышаетъ, чѣмъ умаляетъ значеніе мусульманъ въ общечеловѣческой культурѣ. [7]).

„Арабская цивилизація стала благословеннымъ плодомъ для всего человѣчества, говоритъ А. Мюллеръ. Она носила на себѣ столько международныхъ чертъ, что историку уже приходится упоминать не объ арабской, а скорѣе объ *исламской* литературѣ, излагаемой по-арабски".

Историкъ старой школы, будучи не въ силахъ отрицать общественнаго факта, скажетъ, что, положимъ, исламская культура была блестяща, но зато она быстро увяла, какъ пустоцвѣтъ. Новѣйшая наука доказала, что это невѣрно и что здѣсь также жизнь ислама протекала согласно съ общими соціологическими законами. При сравнительномъ изученіи, нужно признать, напротивъ, продолжительность процвѣтанія исламской культуры: почти четыре вѣка (9—12 стол.)—дѣло нешуточное! И эта живучесть тѣмъ болѣе становится поразительной, чѣмъ болѣе вдумываешься

---

[4]) *Боголюбскій*—«Исламъ, его происхожденіе и сущность по сравненію съ христіанствомъ. Самара». 1885.

[5]) *Баязитовъ*—«Отношенія ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ». Спб. 1887.—Его-же возраженіе на рѣчь Ренана «Исламъ и наука» (Спб. 1887).

[6]) См. *Уманца*—«Умственныя движенія ислама (1893)»—рядъ дѣльныхъ статей изъ «Христіанскаго Чтенія».

[7]) *Мюллеръ*—«Исторія ислама». 1895.—*Куглеръ*—«Исторія крестовыхъ походовъ». Спб. 1895.—*Дреперъ*—«Умственное развитіе Европы». 1894.

въ то, какъ жестока была *реакція*, старавшаяся заглушить неизбѣжную эволюцію. Довольно вспомнить, что Европа въ гораздо меньшей степени испытывала нашествія разныхъ Тамерлановъ, чѣмъ исламскій міръ. Но за этими и другими мѣстными измѣненіями, самая эта реакція, въ общемъ, напоминаетъ пережитое европейцами.

Въ 827 г., при просвѣщенныхъ халифахъ, явилось знаменитое распоряженіе о „сотворенности" Корана; но уже въ 850 г. послѣдовало возстановленіе его „божественности". И начались гоненія на всякихъ „еретиковъ". То былъ плодъ усилій „теологовъ, которые, какъ теологи, не могутъ никоимъ образомъ признать хотя бы относительной правоты противоположнаго направленія", говоритъ Мюллеръ. Ихъ поддержала невѣжественная толпа, съ ея національной нетерпимостью, къ которой быстро склонилась и выродившаяся власть. Тотчасъ же перебѣжчикъ изъ лагеря вольнодумцевъ, Ашарій, создалъ новое богословіе, примѣнивъ логическое искусство философовъ къ Корану. Это—совершенная схоластика. Конечно было бы несправедливо подписывать приговоры исламу по Ашарію, какъ и судить о католической культурѣ по Ѳомѣ Аквинскому! Также несправедливо было-бы винить исламъ въ дальнѣйшей косности Востока.

Теологія теологіей, а цивилизація цивилизаціей. У папы Ѳома и теперь—основа жизни; но умъ европейца, двинутый арабами, пошелъ впередъ именно послѣ крестовыхъ походовъ, освѣжаемый рядомъ возрожденій. А на исламъ сыпались только удары полудикихъ „мечей Божіихъ", воспитывавшіе чудовищный деспотизмъ, формы котораго были даны въ древней Ассиріи, Египтѣ и и особенно въ Византіи. Г. Черeванскій совершенно справедливо говоритъ: „Ослабленіе доктринъ правовѣрія служило какъ бы сигналомъ для подъема стремленій къ усвоенію точныхъ наукъ, и, наоборотъ, торжество этихъ доктринъ ослабляло общекультурную предпріимчивость и способствовало лишь успѣхамъ джихадовъ... Въ эпохи, когда халифы, султаны и эмиры перестали снабжать, ради поддержанія чистоты ислама, своихъ наперсниковъ широкоременными плетьми, быстро пробивались ростки культуры. Но наступала чреда болѣе строгаго правовѣрія—и все славило Аллаха, но ничего не творило на пользу общихъ нуждъ человѣчества. Чѣмъ правовѣрнѣе эмиръ, даже въ послѣднее время, тѣмъ замкнутѣе его страна, тѣмъ коснѣе умственный кругозоръ его подданныхъ, тѣмъ болѣе заказного смиренія и фарисейства".

Словомъ, ларчикъ просто откроется, если вспомнимъ послѣднія энциклики Льва XIII, полныя проклятій всей современной цивилизаціи, а также если возмемъ въ разсчетъ то важное обстоятельство, что у папы уже нѣтъ свѣтской власти. Петербургскій ахунъ и самарскій священникъ говорятъ только то, что̀ всякій скажетъ на ихъ мѣстѣ. Но нынѣшняя Россія далеко не походитъ на суздальскую Русь. Можно-ли то-же сказать про исламъ? Въ этомъ весь вопросъ.

III.

Прогрессъ въ исламѣ.

Съ одной стороны, передъ нами очевидная косность. Г. Черевапскій вѣрно указываетъ на силу улемовъ, которые не пропускаютъ проблесковъ мысли въ университеты ислама: въ каирской академіи даже не читаютъ ничего, кромѣ Корана и сунны. Просвѣтительныя попытки султановъ Константинополя разбивались о рать шейхъ-уль-исламовъ такъ-же, какъ и конституція 1877 г. Студенты, „софты"—семинары временъ Тараса Бульбы, да еще пропитанные фанатизмомъ: это—лучшіе миссіонеры узкаго правовѣрія по всему міру, особенно же въ нашей киргизской степи и внутри Африки. Фанатичные, невѣжественные, грязные хаджи и дервиши, эти юродививые Москвы, играютъ видную роль, подъ руководствомъ стамбульскихъ начетчиковъ.

„Стоитъ хаджи сказать, что антихристъ родится отъ такой-то твари (говоритъ нашъ авторъ), какъ объ этомъ держались упорные слухи въ русскихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ на порогѣ XX вѣка, какъ всѣ предполагаемые родители антихриста будутъ подвергнуты избіенію".

Но столь же очевидна другая сторона дѣла. Тутъ насъ наиболѣе поражаетъ замѣчательное сектантство. И это—не только нашъ расколъ, обращенный къ старинѣ. Самые важные сектанты ислама, мутазилиты, признавшіе даже свободу воли, не отвергаемую и шіитами, выросли на почвѣ греческой философіи. Это—вольнодумцы Востока, выдвинувшіе ученіе о сотворенности Корана. [8]). Они отвергли всю внѣшность религіи и провозгласили свободу мысли и человѣчность. Въ самомъ суфизмѣ, выступившемъ противъ раціонализма мутазилитовъ, есть новыя черты [9]). Его поклонники, аскеты-дервиши, отрицаютъ всякую положительную религію; ихъ мораль и даже легенды сложились подъ явнымъ вліяніемъ Евангелія. Раскольники шіитства, хариджиты,—горячіе приверженцы демократической республики, мечтающіе объ общинной свободѣ, братствѣ, равенствѣ [10]). Даже у карматовъ, близкихъ къ ассасинамъ, замѣтна широкая умственая система, въ которой исламъ дошелъ до своеобразнаго политеизма и раціонализма въ догмѣ, до коммунизма—въ общественныхъ вопросахъ [11]). Конечно, оффиціальное правовѣріе возстаетъ противъ духа мутазилитства. Русскій очагъ мусульманства, Казань, отстаиваетъ такдиръ, а петербургскій ахунъ понимаетъ искусство и науку совершенно въ духѣ Ѳомы: „наука, говоритъ онъ, есть дочь религіи, а дочь никогда не должна кичиться передъ матерью". Но тотъ-же ахунъ надѣется, что исламскій міръ, „сравнявшись умст-

---

[8]) *Steiner*—«Die Mutaziliten oder die Freidenker im Jslam». Lpz. 1865.

[9]) *Brown*—«The Dervishes or Oriental spiritualism». London. 1868.

[10]) *Brunnow*—«Die Charidschiten Leiden». 1884.

[11]) *De Goeje*—«Mémoire sur les Carmates du Bahrain et les Fatimides». 2 изд. Leiden. 1886.

веннымъ своимъ развитіемъ съ Европой, пойдетъ съ ней рука объ руку по пути научнаго прогресса".

Еще не вымерли и мутазилиты и хараджиты. А въ половинѣ прошлаго вѣка, въ Іеменѣ появился Лютеръ ислама, Вагабъ, недостаточно оцѣненный г. Череванскимъ. Вагабиты стремятся возстановить первобытную чистоту ислама. Это—какъ бы родственная община „братьевъ", основанная на равенствѣ и самовоздержаніи. Какъ настоящіе раціоналисты, вагабиты отвергаютъ божественность Магомета, а также обрядность: въ 1803 году они уничтожили черный камень каабы. Подавленный Мехметомъ-Али египетскимъ, вагабизмъ притаился въ восточной Аравіи. Отсюда онъ распространился по Китаю и Индіи, гдѣ заставилъ англичанъ совершить 16 походовъ въ 7 лѣтъ. Отраслью вагабитовъ служатъ сенусситы, особенно распространенные въ Африкѣ (до 10 милліоновъ), гдѣ они составляютъ душу позднѣйшихъ движеній дервишей и махди.

То же происходило среди шіитовъ. Въ 1835—1849 гг. явился персидскій бабизмъ [12]). Бабъ отвергъ положительную религію и всякіе обряды. Онъ требовалъ политической и общественной реформы, на основаніи свободы и равенства, причемъ особенно выдвигалось значеніе женщины. Бабисты и теперь встрѣчаются въ разныхъ слояхъ мусульманъ и образуютъ много тайныхъ обществъ; они проникли въ наше Закавказье и Туркестанъ. Они попрежнему ненавидятъ существующій порядокъ, въ особенности же деспотизмъ правительства и духовенства. Къ нимъ примыкаетъ много развѣтвленій: Бабъ, можно сказать,—имя, которымъ прикрывается все растущая потребность ислама въ коренныхъ религіозныхъ и общественныхъ преобразованіяхъ.

И вообще исламское общество подвергается, хотя и медленно, общимъ законамъ развитія. Въ его высшихъ слояхъ идетъ глухое броженіе жизненныхъ силъ, срывающихся съ своихъ старинныхъ основъ. „Въ новѣйшія времена,—говоритъ Мюллеръ,—когда сила вѣры въ исламъ начинаетъ слабѣть, значительно большая половина всѣхъ мусульманъ пользуется разными отговорками, чтобы не исполнять тяжелыхъ обрядовъ". Во время Рамазана „люди свѣтскаго направленія продолжаютъ преспокойно грѣшить тайкомъ". Теперь въ Меккѣ не бываетъ и 70.000 паломниковъ. Вообще „вліяніе теократіи все падаетъ", по словамъ самого Ренана, умершаго около десяти лѣтъ тому назадъ. Развитой мусульманинъ равнодушно смотритъ на обрѣзаніе, которое даже не заповѣдано Кораномъ, а вытекло изъ подражанія евреямъ. Онъ сознаетъ вредъ и несправедливость магометанства. Онъ преспокойно пьетъ вино, не опасаясь широко-ременныхъ плетей, и заказываетъ свои фотографіи. А у суфіевъ видимъ постоянные танцы и музыку, какъ принадлежность ихъ богослуженія. Въ нашемъ Туркестанѣ и Закавказьѣ они даже допускаютъ, на своихъ радѣніяхъ, пляски молодыхъ женщинъ.

---

[12]) Бабизмъ объясненъ преимущественно русскою наукой. См. каталоги арабскихъ и персидскихъ рукописей *Розена* и *Казембека*: Bab et les Babistes. Paris. 1857 и ст. А. Круковскаго «Бабиды» 1900 г. «Вѣст. Всем. Исторіи» № 8.

Навстрѣчу этому внутреннему движенію въ исламѣ идетъ непреодолимое вліяніе европейской культуры. Оно со всѣхъ сторонъ овладѣваетъ мусульманскимъ міромъ. По наблюденіямъ новѣйшихъ путешественниковъ, оно охватываетъ уже сѣверъ Африки и переднюю Азію. Очагъ цивилизаціи зарождается, на нашихъ глазахъ, даже въ Персіи, гдѣ доселѣ не шли дальше четырехъ дѣйствій ариѳметики и начатковъ планиметріи: послѣ своего путешествія по Европѣ, шахъ задумывается объ университетѣ въ нашемъ смыслѣ слова. Но важнѣе всего, что уже образовались такія твердыни общечеловѣческой культуры, какъ Египетъ и особенно Индія. Въ Египтѣ реформаціонное движеніе, начатое Мехметомъ-Али, достигло настоящихъ школъ, руководимыхъ европейскими педагогами. А британская Индія, гдѣ силенъ вагабизмъ, стала разсадникомъ мусульманской интеллигенціи. Тамъ развилась серьезная журналистика; въ Калькуттѣ усердно работаютъ мусульманскія литературныя и ученыя общества; въ Лагорѣ и Дели видимъ рядъ женскихъ школъ. По словамъ г. Черевансқаго, замѣтно движеніе и въ русскомъ мусульманствѣ. Здѣсь растетъ плеяда просвѣщенныхъ людей, которые „отлично понимаютъ, что мусульманству предстоитъ, и даже въ недалекомъ будущемъ, распасться на партіи старовѣровъ и людей общечеловѣческой культуры“.

Еще знаменательнѣе то, что эта соль земли ислама уже осѣлась въ средоточіи магометанскаго міра, въ самомъ Стамбулѣ. Усилія такихъ султановъ-реформаторовъ, какъ Селимъ III, не остались безплодными. Уже давно зародилась партія „младо-турокъ“, цѣль которой — возрожденіе ислама помимо Корана, на европейскихъ основаніяхъ. Одно время она превратилась-было въ явное, властное общество, выкинувъ знамя „отдѣленія халифата отъ султаната“ и конституціоннаго преобразованія Турціи. Правда, улемы тотчасъ сокрушили эту попытку, посредствомъ „бюджетной комиссіи“, которая начала сокращать издержки Абдулъ-Гамида. Но теперь, когда даже родственники султана открыто примыкаютъ къ младо-туркамъ, можно надѣяться, что стремленіе Митхадовъ, Фуадовъ и имъ подобныхъ пашей, продолжающихъ преданія Селимовъ и Мехметовъ-Али, не всегда будетъ постигать участь конституціи 1877 года. Не забудемъ, что навстрѣчу имъ выступаетъ такая сила, какъ мусульманская женщина. Въ высшихъ слояхъ она рвется къ образованію, которое поможетъ ей опровергнуть взглядъ нашего ахуна, все еще считающаго ее самкой и рабой мужчины.

Закончимъ любопытными словами г. Череванскаго по поводу миссіонерскихъ школъ: „Менѣе фанатизированныя отрасли исламитянъ отдаютъ дѣтей въ эти школы довольно охотно, и даже въ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ удержано преподаваніе священнаго писанія. Нѣмецкія и англійскія филантропическія учрежденія, американскія миссіонерскія общества, католики и протестанты пробиваютъ уже обширныя бреши въ мусульманской нетерпимости. Египетъ, Сирія, Антіохія, Назаретъ, Палестина вообще, Малая Азія, Бейрутъ уже и теперь, подъ руководствомъ хри-

стіанскихъ наставницъ и наставниковъ, показываютъ примѣры дружнаго и совмѣстнаго, безъ ненавистничества, образованія дѣтей. Англія не жалѣетъ денежныхъ затратъ на содержаніе образовательныхъ для мусульманъ учрежденій въ Индіи и на изданіе учебниковъ по исторіи, географіи и юридическимъ наукамъ. Англія имѣетъ въ Индіи болѣе ста сорока тысячъ школъ для дѣтей туземцевъ, которыхъ и насчитывается въ нихъ до четырехъ милліоновъ мальчиковъ и триста пятьдесятъ тысячъ дѣвочекъ. Туземному населенію Индіи открыты пять университетовъ—въ Калькутѣ, Мадрасѣ, Бомбеѣ, Лагорѣ и Аллагабадѣ. Число коллегій медицинскихъ, техническихъ и медрессе доходитъ до ста сорока, съ шестнадцатью тысячами студентовъ. Среднихъ школъ имѣется до шестисотъ. Періодическая спеціально-мусульманская пресса не встрѣчаетъ въ Индіи преградъ; а высшія школы, не навязывая своимъ питомцамъ умственныхъ формулъ европеизма, совершенно свободны въ спеціально богословской области".

IV.

Кошмаръ европейца.

Послѣ сказаннаго, мы рѣшаемся коснуться вопроса изъ вопросовъ нашей темы. Въ виду совершающихся событій на Востокѣ, читатель, конечно, съ самаго начала ждалъ отъ насъ слова насчетъ главной современной болячки. Въ эпоху Возрожденія, когда спутались понятія отъ взаимодѣйствія папы, Аристотеля и Аверроэса, студенты кричали каждому новому профессору: „Скажите намъ о душѣ!" Теперь всюду готовъ вопросъ: „Скажите намъ о желтой опасности", о Дальнемъ Востокѣ, объ этомъ кошмарѣ европейца! Нашъ авторъ также нерѣдко подходитъ къ этой сторонѣ дѣла и заканчиваетъ свой трудъ „Пробужденіемъ ислама". До сихъ поръ мы щадили читателя: надѣемся, что теперь, въ концѣ нашего очерка, ему будетъ не такъ жутко.

Страхъ европейца не лишенъ основаній. Передъ нами изумительное, величавое явленіе, не повторявшееся въ исторіи. „Сыны пустыни" въ одно поколѣніе создаютъ міровую религію и могущественное государство, передъ которымъ затрепетали маститыя державы—Византія и Персія. Еще не вымерло поколѣніе ветерановъ „пророка", а арабы уже совершаютъ завоеванія, какихъ свѣтъ не видалъ со временъ Александра Македонскаго и римлянъ. Сто лѣтъ спустя по смерти пророка, они—уже владыки почти всей Западной Азіи, Сѣверной Африки и Испаніи; они наводятъ трепетъ на Италію, проникаютъ до сердца Франціи и дерутся подъ стѣнами Константинополя, угрожая сломить могущество креста, который старше ихъ на 600 слишкомъ лѣтъ. Затѣмъ, столь же быстро, ихъ новозданныя блестящія столицы становятся очагами міроваго просвѣщенія, учителями европейца, стражами античной мудрости, которая разносится оттуда по отдаленнымъ закоулкамъ Востока и пристыжаетъ убогую культуру христіанства. А дальше—арабы словно засасываются своими родными песками, уходятъ во-свояси.

Но ихъ исламъ уцѣлѣлъ. Онъ попалъ въ руки новыхъ полудикарей, уже изъ желтой породы, нахлынувшихъ съ Дальняго Востока. И его историческая миссія не закончилась. Г. Черевансcкій совершенно правъ, говоря: „За исламомъ можно признать цивилизующее начало по отношенію къ народамъ низшей культуры: такими были арабы, берберы, малайцы, племена средней Африки и монголы, растворившіеся, по приходѣ въ Среднюю Азію и въ Восточную Россію, въ доктринахъ ислама... Покидая свои одряхлѣвшіе культы и обветшалыя гражданскія формы, низшія расы встрѣчаютъ въ мірѣ ислама одновременно путь къ познанію высшаго Божества и готовыя формы общежитія".

А низшія расы—толпа въ составѣ человѣчества, надъ которою лежатъ лишь тонкимъ слоемъ избранники цивилизаціи. Оттого-то на нашихъ глазахъ исламъ проникаетъ все глубже среди желтой и черной породъ, отчасти задѣвая и отсталыя части бѣлой кости. Знатоки дѣла говорятъ: „Въ центральной Африкѣ исламъ распространяется съ ужасающей по-истинѣ быстротой. Нерѣдко одиночные магометане, торгующіе съ черными, подчиняютъ себѣ цѣлые округа... Въ Индостанѣ насчитывается уже 50 милл. мусульманъ; но покореніе Индіи религіей Магомета еще не окончено [13]). Намѣстникъ пророка, халифъ, и сейчасъ гордо возсѣдаетъ на престолѣ византійскаго императора. Онъ задаетъ Плевны такимъ колоссамъ, какъ Россія. И весь христіанскій міръ томится, замѣчая таинственное броженіе въ нѣдрахъ гигантскаго царства Магомета. Ему чудится, что надъ Ильдызъ-Кіоскомъ, въ Стамбулѣ, разстелется зеленая мантія пророка—и ужасный новый джихадъ напомнитъ міру Аттилу, Чингисхана, Тамерлана и Сулеймана Великолѣпнаго...

Есть намеки на зарожденіе „панисламизма" для такой цѣли. Побѣды турокъ въ послѣдной войнѣ съ греками вызвали проявленія его въ средѣ индійскихъ мусульманъ. Недавно произошло свиданіе султана съ шахомъ, т. е. вождей суннитства и шіитства, которые всегда были на ножахъ между собой. Въ Индіи издается „Неразрывная связь исламитянъ"—органъ панисламизма, получающій средства изъ Стамбула, Тегерана и Кабула. Онъ проповѣдуетъ даже временный союзъ магометанъ съ германцами, чтобы бороться съ англо-русскимъ духомъ. Есть подобный органъ и въ Каирѣ—„Малуматъ", который требуетъ отъ хедива начать дѣло вытѣсненіемъ христіанъ изъ Судана. На ту же тему поетъ оффиціозная „Иттила" въ Тегеранѣ. Суфизмъ пріобрѣтаетъ теперь особенную силу. А это—опора ислама, который, по словамъ нашего автора, „задремалъ бы непробудно, если бы махдисты въ Суданѣ, дервиши въ Турціи, факиры въ Индіи или ишаны въ русскомъ Туркестанѣ не поддерживали энергію массы на высотѣ фанатическаго настроенія... Теперь преобладаетъ реакціонное движеніе, взлелѣянное всею Аравіей, сенусситами Африки и ватабитами, поднимающими то Суматру противъ голландцевъ съ

[13]) *Гаури*—«Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей». 1893.—*Lebon*—«Les civilisations de l'Inde».

истребленіемъ буддистовъ, то мусульманъ Борнео, Филиппинъ, Индіи, Китая, на Малайскихъ островахъ, въ Пенджабѣ и, въ видѣ отголоска, въ русскихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ".

Положеніе Россіи, среди такого движенія, конечно, особенно серьезно. Г. Черeванскій указываетъ на то, что исламъ у насъ быстро растетъ, доходя теперь уже до 14 милліоновъ, т. е. болѣе 10% всего населенія. При этомъ наша средняя Азія служитъ очагомъ дервишизма, который недавно надѣлалъ столько хлопотъ европейцамъ на окраинахъ Сахары. Оттого-то не далѣе, какъ въ 1898 г., было поднято зеленое знамя въ нашей Ферганѣ ишаномъ Мухаммедъ-Аліемъ, который былъ въ сношеніяхъ съ главой правовѣрія въ Константинополѣ. Въ то же время эмиръ Афганистана, Абдурахманъ, издалъ двѣ книги о джихадѣ и сталъ чеканить особую золотую монету для борьбы съ гяурами. Нашъ авторъ идетъ дальше: онъ считаетъ возможнымъ союзъ между монотеизмомъ исламитянъ и политеизмомъ желтой расы, т. е. соединеніе Магомета, Брамы и Будды противъ Христа. Прибавимъ еще къ этой компаніи Конфуція, въ виду послѣднихъ событій на дальнемъ Востокѣ.

Эти событія ясно указываютъ намъ и путь для успѣшной борьбы съ надвигающейся грозой. Они вызваны политическими и экономическими насиліями европейцевъ на Востокѣ. Это, кажется, уже ни для кого не тайна. Съ другой стороны, мы видѣли, какъ соль земли ислама тянется къ высшей европейской культурѣ, повинуясь непреклоннымъ законамъ соціологическаго развитія. Результатъ этого движенія, успокаивающій совѣсть европейца и разсѣивающій кошмаръ, ясенъ на примѣрѣ Японіи, которая идетъ теперь рука объ руку съ нимъ противъ своего брата, китайца. Мы должны утѣшаться тѣмъ пробужденіемъ реформаціоннаго духа въ Небесной имперіи, который несомнѣнно приведетъ ее къ европеизму послѣ такого Севастополя, какъ взятіе Таку. Отъ самихъ европейцевъ зависитъ—или поддержать этого своего союзника, исполняя притомъ благородную миссію человѣчности и завѣтовъ Христа, или вызывать допотопный призракъ дервишизма и джихада кровавыми расправами съ мандаринами и хищеніемъ китайской земли.

Новѣйшія событія на Востокѣ лишь утвердили насъ во взглядѣ, который мы высказали въ 1895 г. Конечно, будущность человѣчества рѣшается не сейчасъ упомянутыми отрицательными сторонами, которыя сами предназначены къ истребленію. Она за тѣми народами, которые богаты положительнымъ содержаніемъ. Съ этой стороны, европейская культура, и матеріальная, и въ особенности идейная, безспорно находятся hors concours. И уже въ силу этого, она должна думать не объ „истребленіи“ своего, обойденнаго судьбой, младшаго брата, а объ его поднятіи до своего уровня. Если бы даже она забыла свое христіанское происхожденіе, къ этому должно побуждать ее уже чувство простой признательности: у ученицы ислама, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, долгъ долженъ быть платежомъ красенъ. Да при такой постановкѣ дѣла намъ спалось бы спокойнѣе, чѣмъ при изобрѣ-

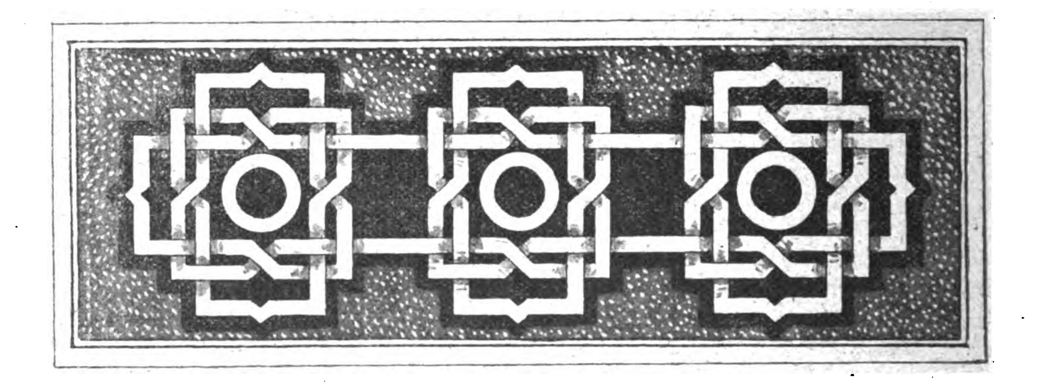
теніи новыхъ вооруженій и козней дипломатіи: единство культурныхъ интересовъ—единственный залогъ дѣйствительнаго международнаго мира; только при немъ даже невыгодно вредить другъ другу.

Намъ пріятно встрѣтить тотъ же взглядъ у нашего автора. И онъ желаетъ „окультивированія мусульманъ путемъ школы". Останавливаясь на задачахъ Россіи, онъ даже дѣлаетъ болѣе подробное и дѣльное указаніе. Онъ вовсе не хотѣлъ бы „просвѣщать умы мусульманскихъ юношей христоматіями и классическими сборниками: достаточно было бы для элементарной школы ввести въ оборотъ мѣстнаго житейскаго обихода знаніе русской разговорной и письменной рѣчи, первыхъ правилъ ариѳметики, краткой исторіи, начатковъ естествознанія и правовѣдѣнія и *непремѣнно знаніе какой-либо профессіональной технической отрасли*".

Признаться, намъ не совсѣмъ понятно только послѣднее слово автора. Объявляя исламъ „религіозно-политическимъ установленіемъ" и указывая на отношенія мусульманъ къ христіанской „райѣ", онъ говоритъ: „Понятно, что не этотъ путь предстоитъ христіанскому государству; но никакая сила вещей не должна препятствовать ему въ руководительствѣ школою, изъ которой теперь и выходитъ первое зерно тяжелыхъ недоразумѣній". Упомянувъ о разницѣ между исламизмомъ и христіанствомъ, г. Черевапскій прибавляетъ „категорично": „только истинная наука можетъ разрушить средостѣніе между этими мірами; а проведеніе истинной науки въ жизнь—не только государственное право, но и прямая обязанность государственной власти".

Если мы поняли мысль автора, то скажемъ только одно: задача-то эта слишкомъ мудреная. Она требуетъ многаго отъ исполнителей. И при малѣйшей неудачѣ, не взросло бы второе зерно тяжелыхъ недоразумѣній. Бѣда, если повернуть шарманку вмѣсто вправо—влѣво!..

А. Трачевскій.

Первый проектъ освобожденія.

Всеподданнѣйшая записка Великой Княгини Елены Павловны объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами.

(Къ 40-лѣтію освобожденія крѣстьянъ).

свобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, сдѣлавшееся историческимъ фактомъ уже 40 лѣтъ тому назадъ, было настолько крупнымъ событіемъ русской жизни, что вниманіе къ нему общественной мысли не прекратилось и до сего времени, выражаясь въ появленіи какъ болѣе или менѣе крупныхъ изслѣдованій, такъ и небольшихъ статей, замѣтокъ и матеріаловъ, помѣщаемыхъ ежегодно въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Такимъ образомъ, составилась уже довольно обширная литература по крестьянской реформѣ 1861 года, но все-же остаются еще нѣкоторые вопросы невыясненными и нѣкоторые матеріалы неизданными. Такъ, напримѣръ, при изученіи обстоятельствъ, предшествовавшихъ акту освобожденія крестьянъ, естественно возникаетъ вопросъ, откуда явился и кому принадлежитъ первый толчекъ, который побудилъ правительство дать такой быстрый и въ нѣкоторой степени неожиданный поворотъ тому освободительному движенію, которое въ какихъ нибудь три года привело къ полному освобожденію крестьянъ.

Что поворотъ въ благопріятную для крестьянскаго вопроса сторону былъ быстрый и для многихъ неожиданный, видно изъ того, напримѣръ, что еще въ 1856 году, будучи въ Москвѣ, императоръ Александръ II въ собраніи предводителей дворянства говорилъ: «*Слухи носятся, что я хочу*

объявить освобожденіе крѣпостного состоянія. Это несправедливо. Я не скажу Вамъ, чтобы я былъ совершенно противъ этого. Мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что *современемъ это должно случиться.* Слѣдовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло сверху, нежели снизу» [1]).

Между тѣмъ, не прошло еще года послѣ этого, какъ былъ открытъ «секретный комитетъ» (3 января 1857 года), для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи, а затѣмъ обнародованы знаменитые рескрипты отъ 20 ноября 1857 г. виленскому военному генералъ-губернатору Назимову и отъ 5 декабря того-же года с.-петербургскому военному генер.-губернатору Павлу Игнатьеву объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ изъ мѣстныхъ дворянъ для составленія проектовъ положенія о будущемъ устройствѣ ихъ крестьянъ на утвержденныхъ правительствомъ основаніяхъ. Несомнѣнно, что освободительное движеніе подготовлено было самимъ временемъ, но чтобы къ осуществленію его приступило правительство нуженъ былъ благопріятный моментъ, нужна была личная иниціатива.

Признавъ, что значительная доля иниціативы принадлежитъ самому Александру II, придется все-же часть ея отнести и на долю окружавшихъ Александра II и близкихъ къ нему лицъ.

Къ числу такихъ лицъ, несомнѣнно, принадлежала великая княгиня Елена Павловна, представившая въ октябрѣ 1856 года императору Александру II записку, озаглавленную такъ: «Предварительныя мысли объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами».

Такъ какъ записка эта не появлялась въ печати, то ниже она приводится въ полномъ видѣ.

Записка, какъ увидятъ читатели, не настаиваетъ на немедленномъ и повсемѣстномъ освобожденіи крестьянъ, а предлагаетъ только рядъ подготовительныхъ мѣръ къ полному разрѣшенію вопроса, медлить съ которымъ, по словамъ записки, было бы опасно.

Предлагаемыя запиской мѣры большей частью были возстановленіемъ изданныхъ въ разное время правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ ослабленію тяжести крѣпостной зависимости и сводились къ слѣдующему: 1) новое пригла-

---

[1]) Еленевъ, Ѳ. Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. (Спб. 1886 г.) и Записка Левшина (Рус. Архивъ. 1885 г.).

шеніе дворянства къ добровольнымъ сдѣлкамъ съ крестьянами на основаніи указовъ 1803 и 1842 гг.; 2) частныя правительственныя мѣры для освобожденія крестьянъ, какъ то: возстановленіе распоряженія о покупкѣ въ казну мелкопомѣстныхъ имѣній; ускореніе выкупа однодворцевъ; запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли; прекращеніе дробленія селеній при продажѣ и при наслѣдованіи; дозволеніе купцамъ и почетнымъ гражданамъ покупать имѣнія съ обязательствомъ освобожденія крестьянъ въ купленныхъ имѣніяхъ; объ опредѣленіи максимальной суммы, внеся которую каждый крестьянинъ могъ купить себѣ свободу; запрещеніе отрывать крестьянъ отъ земли и отдавать на фабрики, заводы и др. работы; запрещеніе обращать крестьянъ въ мѣсячниковъ, затрудненіе перевода съ оброка на барщину; облегченіе рекрутчины и ограниченіе произвола помѣщиковъ относительно заключенія крестьянъ въ тюрьмы и ссылки въ Сибирь. Далѣе, записка предлагаетъ для болѣе правильной организаціи дѣла освобожденія крестьянъ—дозволить учрежденіе въ губерніяхъ особыхъ дворянскихъ комитетовъ съ тѣмъ, чтобы совѣщанія ихъ ограничивались исключительно означеннымъ предметомъ. А чтобы правительство могло само получить болѣе обширный матеріалъ для рѣшенія столь сложнаго вопроса, записка предлагала обратиться къ собранію статистическихъ свѣдѣній, касающихся разныхъ хозяйственныхъ вопросовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и, наконецъ, дать возможность нѣкоторымъ органамъ печати свободно обсуждать съ научной точки зрѣнія чисто экономическую сторону крестьянскаго вопроса, напримѣръ, вопросы о сравнительной выгодѣ труда крѣпостного и наемнаго, о вліяніи того и другого на народное хозяйство и т. п. Черезъ всю записку проходитъ еще одна мысль—о необходимости освобожденія крестьянъ съ землею; мысль эта была твердо усвоена авторомъ записки, подкрѣплялась различными соображеніями, и это придавало весьма важное значеніе запискѣ въ виду указаннаго выше назначенія ея.

Что же касается ряда перечисленныхъ подготовительныхъ мѣропріятій для освобожденія, то, при всей цѣлесообразности ихъ, уже самое разнообразіе ихъ, зависимость отъ личныхъ взглядовъ и воли помѣщиковъ и отъ степени поддержки ихъ со стороны правительства и его администраціи, заставляютъ сомнѣваться въ плодотворности результатовъ, которые ожидались отъ ихъ примѣненія. Кромѣ того, примѣненіе этихъ мѣръ отдѣльными лицами вызвало бы, несомнѣнно, раздраженіе и

недовольство тѣхъ крестьянъ, владѣльцы коихъ не ввели бы у себя предложенныхъ реформъ.

Поэтому правительство впослѣдствіи остановилось на болѣе удачной мысли немедленнаго и повсемѣстнаго освобожденія крестьянъ, которое производило операцію сразу и въ корнѣ, вмѣсто того, чтобы продолжать ее долгое время и раздражать организмъ рядомъ отдѣльныхъ операцій.

Обращаетъ также вниманіе предложенная авторомъ записки мысль—объ учрежденіи по губерніямъ дворянскихъ комитетовъ для обсужденія вопросовъ объ условіяхъ освобожденія крестьянъ. Мысль эта была принята правительствомъ и позднѣе получила широкое примѣненіе.

Такимъ образомъ, записка представляетъ, несомнѣнно интересъ какъ по своему содержанію, такъ и потому, что она была первымъ обстоятельно, откровенно и убѣдительно написаннымъ проектомъ, представленнымъ за годъ передъ тѣмъ вступившему на престолъ государю. Проектъ написанъ былъ притомъ-же лицомъ, по своимъ родственнымъ отношеніямъ близко стоявшимъ къ императору и въ сочувствіи котораго и преданности къ интересамъ правительства менѣе всего можно было сомнѣваться...

Несомнѣнно, что печатаемая ниже записка должна была произвести впечатлѣніе на императора Александра II и подкрѣпленная поддержкой другого близкаго къ императору лица, вел. кн. Константина Николаевича, оказала вліяніе на ходъ освободительнаго движенія и, быть можетъ, дала первый толчекъ ему, такъ какъ въ ближайшее за этимъ время, именно въ концѣ 1856 г., учрежденъ, а 3-го января 1857 года былъ открытъ секретный комитетъ подъ предсѣдательствомъ кн. Орлова изъ ограниченнаго числа членовъ, именно: гр. Блудова, С. Ланского, Я. Ростовцева, К. Чевкина, барона М. Корфа, кн. П. Гагарина и секретаря комитета Буткова. Задача комитета состояла въ разсмотрѣніи постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи. Въ теченіе 1857 года комитетъ увеличился назначеніемъ слѣдующихъ членовъ: вел. кн. Константина Николаевича, гр. В. Адлерберга, кн. В. Долгорукова, М. Муравьева, П. Брока и П. Игнатьева. 8 января 1858 г. секретный комитетъ былъ переименованъ въ особый комитетъ, который состоялъ въ непосредственномъ вѣдѣніи подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, а въ отсутствіи государя предсѣдательствовалъ, какъ и въ первомъ комитетѣ, кн. Орловъ.

18 февраля 1858 года особый комитетъ по высочайшему повелѣнію переименованъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу. На долю этого послѣдняго и образованныхъ при немъ коммиссій — особой и двухъ редакціонныхъ и выпала обширная работа по освобожденію крестьянъ.

Матеріалы, касающіеся дѣятельности послѣдняго комитета и его коммиссій, изданы уже въ десяткахъ томовъ; между тѣмъ, какъ о дѣятельности перваго комитета въ печати встрѣчается только упоминаніе. Какъ ни была скромна и кратковременна его дѣятельность, все-же занятія этого комитета и настроеніе членовъ его, надо сказать, скорѣе враждебное освобожденію, представляютъ интересъ при изученіи постепеннаго хода рѣшенія крестьянскаго вопроса и такъ какъ, кромѣ того, намъ кажется, что образованіе его имѣетъ нѣкоторую связь съ приводимой ниже запиской в. к. Елены Павловны, то не лишнимъ будетъ помѣщеніе вслѣдъ за упомянутой запиской и нѣсколькихъ имѣющихся у насъ въ рукахъ журналовъ комитета [1]).

Всеподданнѣйшая записка великой княгини Елены Павловны.

Съ соизволенія Вашего Императорскаго Величества, представляя при семъ нѣкоторыя соображенія объ устройствѣ на болѣе правильныхъ началахъ отношеній между помѣщиками и крестьянами,—считаю долгомъ объяснить, что, излагая общія мысли свои по этому важному вопросу, я постоянно имѣла въ виду собственныя обязанности по устройству принадлежащихъ мнѣ помѣстьевъ. Безъ общихъ началъ и указаній отъ Верховной Самодержавной власти, ни одинъ помѣщикъ не въ состояніи приступить и совершить столь важныхъ и существенныхъ преобразованій въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ. Подобныя попытки были бы шатки, безплодны и, можетъ быть, не совсѣмъ безвредны, тогда какъ, слѣдуя направленію, данному Вашимъ Величествомъ, каждый вѣрноподданный дѣйствовалъ бы, въ предѣлахъ своихъ понятій и интересовъ, твердо, покойно и съ полною увѣренностью въ законности своихъ дѣйствій.

---

[1]) Одинъ изъ журналовъ комитета, именно отъ 19 авг. 1857 г., напечатанъ въ книгѣ Заблоцкаго-Десятовскаго: «Гр. Киселевъ и его время», т. II. Еще объ одномъ журналѣ 18 августа 1857 г. упоминается въ названной книгѣ Еленева.

Если Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ одобрить начала, излагаемыя въ представляемой запискѣ, то, по волѣ Вашей, я готова примѣнить ихъ къ принадлежащимъ мнѣ имѣніямъ въ Полтавской губерніи. Въ такомъ случаѣ, зная нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, которые убѣждены въ необходимости заняться тѣмъ-же вопросомъ, я имѣю счастіе испрашивать соизволенія Вашего Величества войти въ ближайшее съ ними соглашеніе и о томъ, на какихъ именно основаніяхъ мы полагали бы учредить наши совѣщанія, повергнуть предварительно на Высочайшее воззрѣніе. Постигая всю важность этого дѣла, смѣю удостовѣрить Ваше Величество, что первымъ моимъ долгомъ будетъ: наблюсти за неуклоннымъ исполненіемъ Вашихъ Всемилостивѣйшихъ указаній и обезпечить точное и добросовѣстное примѣненіе предписанныхъ общихъ мѣръ къ мѣстнымъ особенностямъ Полтавскихъ имѣній.

ЕЛЕНА.

7 Октября 1856 г.

Предварительныя мысли объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами.

Съ первыхъ лѣтъ текущаго столѣтія правительство старается установить, на болѣе правильныхъ началахъ, отношенія между помѣщиками и ихъ крестьянами. Не разъ уже заявлено было, что сіи отношенія, оставаясь въ неопредѣленномъ видѣ, почти внѣ дѣйствій закона и правительственной власти,—невыгодны для успѣховъ народнаго хозяйства, вредны для упроченія общественной нравственности и несовмѣстны съ благоустройствомъ государственнымъ. Но не распространяясь объ этомъ, достаточно сказать, что нынѣшній порядокъ вещей представляетъ постоянную опасность для спокойствія имперіи.

Въ настоящее время замѣчается усиленное броженіе въ умахъ по поводу этого вопроса. Съ одной стороны, въ крестьянахъ проявляется стремленіе выдти изъ зависимости отъ владѣльцевъ, что доказывается частыми ихъ волненіями то въ томъ, то въ другомъ имѣніи, недавнимъ движеніемъ значительной массы народа въ Крымъ вслѣдствіе самыхъ нелѣпыхъ слуховъ,—и особенно опасеніями, возбужденными въ послѣднее время во многихъ губерніяхъ. Съ другой стороны, дворяне тоже сильнѣе и сильнѣе чувствуютъ непрочность своихъ

правъ, одинаково опасаясь и народныхъ смутъ и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства, и многіе изъ нихъ, убѣждаясь въ необходимости положить конецъ теперешнему напряженному положенію, не знаютъ, какъ изъ него выдти. Вслѣдствіе такого расположенія умовъ, появились многіе частные о семъ проекты, которые ходятъ по рукамъ не только въ столицахъ, но и по всей Россіи, и съ большимъ вниманіемъ и интересомъ читаются и обсуждаются въ публикѣ.

Все это не представляетъ ли ясныхъ указаній для будущаго? Если правительство не овладѣетъ вопросомъ, чтобы повести его, сколь можно осторожнѣе, къ постепенному разрѣшенію, то, быть можетъ, событія опередятъ самыя законодательныя и административныя мѣры? Не слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ опасаться, что въ народѣ возникнетъ гибельная мысль, будто-бы правительство не хочетъ заботиться о крестьянахъ, и спасительное упованіе ихъ мало-по-малу исчезнетъ; а благія намѣренія просвѣщеннѣйшихъ помѣщиковъ истощатся въ безплодныхъ толкахъ.

Многіе найдутъ, быть можетъ, эти опасенія преувеличенными и сошлются на то, что война и перемѣна царствованія всегда производили броженіе въ умахъ, которое при благоразумныхъ полицейскихъ и военныхъ мѣрахъ мало-по-малу утихало. Вопросъ объ отношеніяхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ, какъ нѣкоторые думаютъ, еще не созрѣлъ для рѣшенія, и подымать его теперь значило-бы разжигать въ народныхъ массахъ несбыточныя надежды и опасныя страсти.

Эти и подобныя имъ разсужденія едва-ли справедливы и согласны съ фактами, совершающимися у насъ передъ глазами. Волненія между крѣпостными крестьянами, очевидно, возрастаютъ, и толки ихъ о мнимой свободѣ постоянно усиливаются. Не доказываетъ-ли это, что однѣ охранительныя и строгія мѣры не вполнѣ достигаютъ цѣли. Теперь, какъ всѣ сознаются, броженіе въ народѣ чувствуется сильнѣе. Если правительство противупоставитъ ему навсегда твердую преграду, то, быть можетъ, оно и исчезнетъ на время, но будетъ ли это прочно? Сдавленныя потребности, не имѣя законнаго удовлетворенія, какъ научаетъ примѣръ другихъ народовъ и наша собственная историческая опытность, обыкновенно сосредоточиваются въ глубинѣ народнаго сознанія, дозрѣваютъ въ тишинѣ и мракѣ и тамъ перерождаются въ темныя страсти, неразумныя и необузданныя. И тогда, неожиданный случай,

или общее бѣдствіе, голодъ, пожары, повальная болѣзнь, или напряженіе, вызываемое войною, или даже вздорный слухъ и преступное сумасбродство какого нибудь бродяги,—могутъ вызвать народныя страсти, которыхъ нельзя будетъ ни сдержать, ни направить мирными средствами. Останется одна борьба съ ними вооруженною силою, потрясающая надолго всѣ основы общества, каковъ бы ни былъ ея исходъ. Одному неисповѣдимому Промыслу извѣстно, гдѣ лежитъ предѣлъ между возможностью предотвратить такую опасность и ея неизбѣжностію. Потому-то не будетъ-ли осторожнѣе отклонить заблаговременно самую причину зла тихо и незамѣтно, мѣрами законодательными и административными. Страхъ дать пищу народнымъ надеждамъ, который смущаетъ нѣкоторыхъ, не есть-ли одинъ обманчивый призракъ? Опасностью грозитъ не надежда, а положеніе безнадежное. До сихъ поръ крѣпостное населеніе ожидаетъ отъ Царской воли перемѣны своего быта, и каждый вѣрноподданный не долженъ-ли страшиться одной мысли, чтобы это кроткое и мирное упованіе не ослабѣло въ народныхъ массахъ.

Глубоко сознавая всю политическую важность вопроса о крѣпостныхъ отношеніяхъ, блаженныя памяти Императоры Александръ I и Николай I старались исподволь подготовить отмѣну ихъ. Въ этихъ видахъ изданы были, независимо отъ разныхъ узаконеній, клонившихся къ ограниченію владѣльческаго произвола, два коренныхъ постановленія: однимъ (1803 г.) дозволено увольнять крѣпостныхъ съ землею въ такъ называемые свободные хлѣбопашцы, а другимъ (1842 г.) предоставлено помѣщикамъ заключать условія, по коимъ земля оставалась ихъ собственностію, а крестьяне, получая личныя права, обязывались нести опредѣленныя работы и повинности [1]).

Изъ этихъ двухъ мѣръ, первая имѣла однако весьма незначительный успѣхъ, а послѣдняя—никакого. Въ свободные хлѣбопашцы уволено доселѣ, т. е. въ теченіе полстолѣтія, не болѣе 140 тысячъ ревизскихъ душъ, а въ обязанные поселяне въ 14 лѣтъ не болѣе 16 тысячъ душъ.

Столь недостаточныя послѣдствія могутъ быть объяснены, между прочимъ, слѣдующимъ:

Во-первыхъ, изданныя правила въ нѣкоторыхъ подробно-

[1]) Св. Зак. Сост. Т. IX. ст. 760—795 и 903—913. Свободные хлѣбопашцы нынѣ именуются оффиціально (съ 15 іюля 1848 г.) государственными крестьянами, водворенными на собственныхъ земляхъ, но какъ въ общемъ употребленіи сохранилось прежнее названіе, то оно и здѣсь употребляется для большей ясности изложенія

стяхъ были не полны или стѣснительны. Такъ, въ свободные хлѣбопашцы запрещено увольнять по завѣщанію, тогда какъ въ силу обычаевъ, вкоренившихся у насъ изстари, владѣльцы охотнѣе увольняютъ крѣпостныхъ передъ своею кончиною, когда вообще человѣкъ болѣе расположенъ къ милосердію, да и самые матеріальные интересы уже теряютъ для него свою заманчивость. Относительно имѣній, населенныхъ обязанными крестьянами, поставлены, между прочимъ, разныя ограниченія для полученія ссудъ изъ кредитныхъ установленій, а извѣстно, что наши помѣщики въ такихъ ссудахъ нерѣдко нуждаются и, лишаясь возможности пользоваться ими на выгодныхъ условіяхъ, теряютъ охоту и возможность обращать своихъ крестьянъ въ обязанные. Кромѣ того, въ изданныхъ положеніяхъ есть и другія требованія, не всегда удобныя на практикѣ, а между тѣмъ, недостаетъ самыхъ существенныхъ указаній, безъ которыхъ отношенія между владѣльцами и крестьянами никогда не будутъ покойны и прочны. Наконецъ, оба указанные способы увольненія сопряжены съ продолжительными формальностями, отчего многіе проекты условій между владѣльцами и крестьянами иногда остаются безъ утвержденія, по несоблюденію лишь незначительныхъ канцелярскихъ обрядовъ.

Во-вторыхъ, дѣйствіе изданныхъ законовъ (особенно объ обязанныхъ крестьянахъ) было нѣкоторымъ образомъ ослабляемо послѣдующими мѣрами и предписаніями. Это произошло, очевидно, изъ желанія предупредить ложные слухи и народныя волненія. Къ сожалѣнію, такія распоряженія, при всей ихъ благонамѣренности, рождали еще большія затрудненія. Слухи распространялись по-прежнему, ожиданія народа росли, изглаживалось только нравственное вліяніе законовъ, и оттого и дѣйствіе ихъ было неполное. Приглашеніе владѣльцевъ, въ законодательномъ порядкѣ, добровольно начать постепенное измѣненіе крѣпостныхъ отношеній должно было, независимо отъ прямыхъ практическихъ послѣдствій, направить дворянство къ этой цѣли и мало-по-малу, такъ сказать, воспитать общественное мнѣніе въ предположенномъ направленіи. Но частныя распоряженія, несогласныя съ общею мыслью, естественно, отнимали у нея необходимую нравственную поддержку, что ободряло противниковъ закона и давало имъ достаточный поводъ перетолковывать по своему намѣренія правительства. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ рвеніе помѣщиковъ, наиболѣе расположенныхъ къ устройству быта своихъ крестьянъ, не разъ охладѣвало, тѣмъ болѣе, что разрозненныя попытки

такого рода, безъ явнаго покровительства со стороны правительства, сопряжены слишкомъ съ большими и, можно сказать, безплодными жертвами.

Колебанія въ столь важномъ вопросѣ породили другое существенное неудобство: противорѣчія въ законахъ. Такимъ образомъ, въ то время, когда правительство уже помышляло о постепенномъ преобразованіи крѣпостныхъ отношеній, права владѣльцевъ надъ крестьянами были нѣсколько расширены. например, имъ дано право отсылать крѣпостныхъ въ исправительныя заведенія, не объясняя побудительныхъ причинъ; право заводить сельскія тюрьмы и заключать въ нихъ крѣпостныхъ на время до двухъ мѣсяцевъ; право ссылать въ Сибирь на поселеніе стариковъ (имѣющихъ болѣе 50 лѣтъ) и несовершеннолѣтнихъ (отъ 8 до 17 лѣтъ), что до того времени не дозволялось. При семъ нельзя не замѣтить, что право ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь было въ 1811 году формально отмѣнено, но вскорѣ потомъ опять возстановлено. Равнымъ образомъ, дарованное въ 1846 году крестьянамъ право выкупаться на публичныхъ торгахъ, [1]) впослѣдствіи негласно отмѣнено. Такія противорѣчія въ правительственныхъ дѣйствіяхъ едва-ли не вреднѣе, чѣмъ самыя крутыя мѣры, ибо подрываютъ довѣріе къ закону и, колебля существующій порядокъ вещей, не создаютъ новаго, раздражая лишь разнородные интересы.

Изложенныя обстоятельства содержатъ, какъ кажется, указанія, полезныя для будущаго.

Устройство отношеній между владѣльцами земель и ихъ крестьянами, какъ всякое коренное преобразованіе, требуетъ, конечно, времени и настойчивыхъ усилій. Но едва-ли найдется другое преобразованіе, которое вызывало бы болѣе постоянства. Колебанія въ этомъ случаѣ пугаютъ самихъ владѣльцевъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ заботитъ не одно настоящее, но и будущность—своя и дѣтей. Посему многіе ожидаютъ съ трепетомъ, чтобы правительство рѣшилось на одно изъ двухъ: или силою охранять въ полной ненарушимости существующій порядокъ вещей, или же совершить преобразованіе постепенно, но неуклонно и безостановочно. Дѣйствительно, остановиться на полпути значило бы обречь государство на продолжительное тревожное состояніе. Въ такомъ случаѣ, какъ многіе справедливо замѣчаютъ, лучше отказаться вовсе отъ возбуж-

---

[1]) Это право было даровано указомъ 8 ноября 1847 г.

деннаго вопроса и, закрывъ глаза на будущее, предоставить рѣшеніе его судьбѣ и исторіи, чѣмъ, каснувшись однажды, не довести до конца.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ давно уже не новый. Онъ окончательно рѣшенъ во всѣхъ государствахъ Западной Европы. Способы, для сего избранные, были различны, смотря по цѣли, которая имѣлась въ виду. Въ однихъ государствахъ дарована крѣпостнымъ только личная свобода, въ другихъ имъ предоставлено, вмѣстѣ съ личными гражданскими правами, опредѣленное количество земли, за что помѣщики получили справедливое вознагражденіе.

Послѣдній способъ, т. е. выкупъ у владѣльцевъ какъ крестьянъ, такъ и части бывшей въ ихъ пользованіи земли, во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ предпочтенія. Опытъ показалъ, что вездѣ, гдѣ поселяне остались безъ поземельной собственности, возникла для нихъ крайне стѣснительная зависимость отъ владѣльцевъ, и вслѣдствіе того посреди сельскаго населенія образовался многочисленный классъ бобылей и бездомниковъ (сельскихъ пролетаріевъ), всегда находящійся въ броженіи и готовый стать орудіемъ политическихъ смутъ и переворотовъ; напротивъ, тамъ, гдѣ поселяне получили землю, они живутъ въ довольствѣ, не находятся во враждебныхъ отношеніяхъ съ прочими землевладѣльцами и представляютъ собою мирныхъ спокойныхъ гражданъ, далекихъ отъ революціонныхъ движеній. Вѣроятно, по этимъ соображеніямъ сопредѣльная намъ Пруссія и отчасти соплеменная Австрія, отмѣнившія у себя крѣпостное право уже въ новѣйшія времена, узаконили выкупъ не только работъ и повинностей, но и опредѣленнаго количества владѣльческой земли.

Имѣя эти примѣры и опыты передъ глазами, правительству нашему предстоитъ, какъ кажется, рано или поздно, произвести повсемѣстный въ имперіи выкупъ изъ частнаго владѣнія крестьянскихъ общинъ съ большимъ или меньшимъ, смотря по мѣстности и промысламъ, количествомъ земли. Самая операція выкупа могла бы совершаться лишь при посредствѣ кредита, постепенною выплатою выкупной суммы крестьянами. Но приведеніе этой мысли въ исполненіе, состоя въ тѣсной связи съ финансовымъ устройствомъ и кредитною частію и требуя органическаго преобразованія въ нашихъ банковыхъ учрежденіяхъ, затрогиваетъ весьма сложные вопросы, разрѣшеніе которыхъ должно составлять предметъ особливаго, подробнаго соображенія. Во всякомъ случаѣ, едва-ли можно

приступить къ этому рѣшительному средству, прежде чѣмъ будутъ собраны точныя данныя, необходимыя для оцѣнки имѣній и для расчетовъ по выкупной операціи и пока къ ней не будетъ подготовлено общественное мнѣніе.

Въ этихъ видахъ необходимо, какъ кажется, принять предварительно нѣкоторыя переходныя мѣры, которыя облегчили бы впослѣдствіи окончательное рѣшеніе вопроса. Мѣры эти могутъ быть трехъ родовъ:

I. Новое приглашеніе дворянства къ добровольнымъ сдѣлкамъ съ крестьянами. Это средство было до сихъ поръ положено въ основаніе благодѣтельныхъ предначертаній Императоровъ Александра I и въ особенности блаженныя памяти Николая I. Два раза, какъ объяснено выше, дѣлались попытки въ этомъ смыслѣ. Но нельзя сказать, чтобы этотъ способъ былъ окончательно исчерпанъ, и что отъ него ничего болѣе ожидать не слѣдуетъ. Первые опыты, даже неудачные, принесли уже ту пользу, что показали, въ чемъ именно встрѣтились затрудненія и препятствія къ исполненію правительственнаго вызова. Съ устраненіемъ ихъ можно ожидать лучшаго успѣха, тѣмъ болѣе, что въ самомъ дворянствѣ болѣе окрѣпло и усвоилось убѣжденіе въ неизбѣжности предлагаемаго преобразованія. Затѣмъ оставалось бы только облегчить и направить дѣйствія тѣхъ владѣльцевъ, которые готовы устроить судьбу своихъ крестьянъ. Предѣлы этой записки не дозволяютъ развить и объяснить во всей подробности тѣ мѣры, которыя могли бы быть приняты съ этою цѣлію, но можно указать хотя вкратцѣ на нѣкоторыя изъ нихъ:

Во 1-хъ. Полезно бы дозволить увольненіе крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы посредствомъ духовныхъ завѣщаній, хотя бы по имѣніямъ благопріобрѣтеннымъ, что нисколько не нарушило бы законовъ нашихъ о наслѣдствѣ.

Во 2-хъ. Въ настоящее время многіе помѣщики охотно уступили бы крестьянамъ часть своей земли и дозволили бы имъ перейти въ свободные хлѣбопашцы, но крестьяне рѣдко имѣютъ необходимыя денежныя средства для немедленнаго выкупа, владѣльцы же неохотно разлагаютъ выплату на продолжительный срокъ, опасаясь затрудненій въ расчетахъ. Посему весьма желательно: или предоставить крестьянамъ нѣкоторое хотя бы ограниченное право пользоваться, собственно на случай выкупа, ссудами изъ особаго для сего назначеннаго капитала, или допускать, со всѣми необходимыми предосторожностями, ручательство правительства въ постепенной

уплатѣ крестьянами выкупной суммы. Послѣднее не представляетъ, повидимому, никакой опасности, ибо и нынѣ, до утвержденія договора, правительство удостовѣряется въ томъ, что возлагаемый на крестьянъ выкупъ не превышаетъ ихъ средствъ, и, слѣдовательно, принимаетъ уже на себя въ этомъ отношеніи нѣкоторое нравственное ручательство [1]).

Въ 3-хъ. Законъ объ обязанныхъ поселянахъ имѣлъ цѣлію открыть новый родъ сдѣлокъ, по которымъ крестьяне, оставаясь въ зависимости отъ помѣщиковъ, получали бы, съ ихъ согласія, болѣе опредѣленныя права и обязанности. Такая переходная ступень отъ полной крѣпостной зависимости къ полнымъ гражданскимъ правамъ могла бы обезпечить постепенное и мирное разрѣшеніе вопроса, и потому, въ интересахъ самихъ помѣщиковъ, желательно облегчить имъ способы къ заключенію подобныхъ договоровъ. Съ этою цѣлію, устранивъ всѣ правила и обряды, которые нынѣ признаются стѣснительными и не ко всѣмъ случаямъ могутъ быть одинаково примѣняемы, достаточно бы постановить лишь нѣсколько основныхъ и общихъ условій, предоставивъ все остальное доброй волѣ самихъ владѣльцевъ. Такими непремѣнными условіями, необходимыми для огражденія крестьянъ, были бы слѣдующія: а) чтобы каждому крестьянскому обществу отведено было въ постоянное пользованіе опредѣленное количество земли, смотря по мѣстности; б) чтобы повинности крестьянъ въ пользу владѣльцевъ опредѣлялись преимущественно оброкомъ (т. е. деньгами или продуктами), такъ какъ личныя работы даютъ обыкновенно поводъ къ пререканіямъ и взаимнымъ претензіямъ; во всякомъ случаѣ, крестьянскіе оброки или повинности необходимо перенести съ лицъ на землю, и обращать на все крестьянское общество въ совокупности, а не на каждое семейство отдѣльно, что представляетъ большое обезпеченіе для владѣльца и удобство для крестьянъ, ибо даетъ имъ возможность раскладывать уравнительнѣе общую тягость; в) чтобы, вслѣдствіе сего, учреждено было мірское или общинное управленіе для крестьянъ, которые, посредствомъ своихъ выборныхъ и подъ однимъ лишь общимъ надзоромъ владѣльца, распоряжались бы дѣлами своего общественнаго хозяйства; и г) чтобы договоры помѣщиковъ съ крестьянами не были вѣчные, по неудобству и невозможности такихъ обязательствъ, а заключались бы на опредѣленный срокъ, напримѣръ на 6, 12, 18 и до 24 лѣтъ,

[1]) Зак. о Сост. Т. I. Прод. ст. 764—769.

(примѣняясь къ статьямъ 843, 886 и 898 Св. Зак. о Сост. Т. IX). Эти четыре условія, какъ кажется, оградили бы достаточно положеніе крестьянъ, безъ стѣсненія для владѣльцевъ. При окончательной обработкѣ изложенныхъ предположеній, конечно, нужно будетъ развить съ большею точностію требованія правительства, но для пользы самаго дѣла желательно дать наиболѣе простора частнымъ интересамъ по мѣстнымъ особенностямъ каждаго края. Въ этихъ видахъ, не входя преждевременно ни въ какія подробности, должно сказать однако же, что при пересмотрѣ нынѣшнихъ постановленій о договорахъ съ крестьянами необходимо обратить особенное вниманіе на порядокъ утвержденія ихъ и на разборъ могущихъ возникнуть споровъ и взаимныхъ жалобъ. Съ одной стороны, желательно сколь можно сократить существующія нынѣ формальности, а съ другой,—устранить надзоромъ правительственной власти всякія притѣсненія владѣльцевъ и неисправности крестьянскихъ общинъ. Задача эта, безъ сомнѣнія, представляетъ немаловажныя затрудненія, но какъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, система договоровъ не можетъ получить быстраго и повсемѣстнаго примѣненія, то на первый разъ не потребуется, вѣроятно, никакихъ спеціальныхъ учрежденій по этой части, и существующіе правительственные органы будутъ совершенно достаточны для предстоящаго дѣла. Затѣмъ, должно надѣяться, что въ самомъ дворянствѣ найдутся опытныя и благонамѣренныя лица, которыя окажутъ въ этомъ случаѣ живое и самое полезное содѣйствіе (о чемъ будетъ говориться ниже). А дабы пріохотить вообще помѣщиковъ къ предлагаемой мѣрѣ, справедливость требуетъ даровать имъ нѣкоторыя облегченія. Такъ, напримѣръ, надлежало бы, какъ кажется, измѣнить дѣйствующія нынѣ крайне стѣснительныя правила о залогѣ имѣній, населенныхъ обязанными поселянами, распространивъ на сіи имѣнія дѣйствіе общихъ законовъ. Это снисхожденіе не можетъ быть опасно для кредитныхъ установленій и лучшимъ тому доказательствомъ служатъ, между прочимъ, губерніи: Кіевская, Волынская и Подольская, гдѣ уже семь лѣтъ тому назадъ введены инвентарныя правила, и хотя донынѣ тамошнія имѣнія принимаются въ кредитныхъ мѣстахъ на общемъ основаніи, не только никакихъ по нимъ неисправностей не замѣчено, но даже, напротивъ, означенныя три губерніи считаются самыми исправными въ платежѣ долга.

II. Частныя мѣры къ ограниченію крѣпостного владѣнія.

Въ этихъ видахъ желательно пересмотрѣть дѣйствующія нынѣ постановленія по этой части, дабы, приведя ихъ къ единству по духу и направленію, принять нѣкоторыя новыя мѣры, кои, не касаясь существа владѣльческихъ правъ, содѣйствовали бы косвеннымъ образомъ ограниченію крѣпостного состоянія. Съ этою цѣлію можно указать на слѣдующія предположенія:

Во 1-хъ. Возстановить прежнія распоряженія о постепенномъ пріобрѣтеніи въ казну населенныхъ имѣній, особенно мелкопомѣстныхъ (заключающихъ въ себѣ, напримѣръ, менѣе 50 душъ), ибо чрезъ это уменьшилось бы число крѣпостныхъ и упрочился бы хозяйственный бытъ тѣхъ изъ нихъ, которые, по бѣдности самихъ владѣльцевъ, не могутъ ожидать никакихъ улучшеній въ будущемъ.

Во 2-хъ. Ускорить, согласно существующему уже закону (примѣч. къ ст. 745 Зак. о Сост., Т. IX), окончательный выкупъ однодворческихъ крестьянъ, коихъ по 9 ревизіи числилось не болѣе $6^1/_2$ тысячъ душъ.

Въ 3-хъ. Уничтожить, посредствомъ выкупа, владѣніе крѣпостными, приписанными къ домамъ (ст. 989 Т. IX).

Въ 4-хъ. Воспретить продажу крѣпостныхъ, подъ разными предлогами, безъ земли, съ одною лишь номинальною припискою къ населеннымъ имѣніямъ, потому что такія продажи даютъ поводъ къ вопіющимъ злоупотребленіямъ. Покупку же цѣлыхъ селеній на своз, а также переводъ собственныхъ крестьянъ на новыя мѣста, дозволять владѣльцамъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ заключенія договоровъ съ переселяемыми крестьянами на изложенныхъ выше основаніяхъ.

Въ 5-хъ. Прекратить дробленіе селеній продажами и другими сдѣлками или по наслѣдству, о чемъ, сколько извѣстно, уже представленъ проектъ въ Государственный Совѣтъ.

Въ 6-хъ. Какъ законами нашими (ст. 886 и послѣд. т. IX) уже дозволяется купцамъ селить на своихъ земляхъ свободныхъ людей на правахъ обязанныхъ крестьянъ, то тѣмъ болѣе причины распространить это правило на крѣпостныхъ, для которыхъ подобный переходъ въ высшее сословіе гораздо полезнѣе. Съ этою цѣлію разрѣшить купцамъ, а равно почетнымъ гражданамъ, пріобрѣтать населенныя земли, съ обязанностію увольненія живущихъ на нихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы или заключенія съ ними договоровъ на предположенныхъ основаніяхъ.

За симъ, предстояло бы войти въ соображеніе о мѣрахъ къ возможному охраненію помѣщичьихъ крестьянъ отъ явныхъ

стѣсненій и несправедливостей. Такъ напримѣръ: во 1-хъ, нерѣдко случается, что крѣпостные, долго занимаясь торговлею, мастерствами и другими городскими промыслами и получивъ уже въ городахъ осѣдлость, просятъ уволить ихъ изъ крѣпостной зависимости и предлагаютъ даже значительный выкупъ, но подвергаются непомѣрнымъ требованіямъ со стороны владѣльцевъ, что не только препятствуетъ ихъ личному благосостоянію, но косвенно отражается на развитіи городской промышленности; въ подобныхъ случаяхъ справедливо было бы, кажется, предоставить крѣпостнымъ право выкупаться, опредѣливъ закономъ хотя бы довольно высокую выкупную сумму; во 2-хъ, по смыслу нашихъ законовъ (ст. 967 и 968 т. IX), помѣщики могутъ отдавать своихъ крестьянъ постороннимъ лицамъ въ услуженіе для обученія ремеслу или на воспитаніе, и то съ разными ограниченіями, отдача же въ работы дозволяется, на особыхъ правилахъ, по однимъ Западнымъ губерніямъ, между тѣмъ изъ практики извѣстно, что крестьяне разныхъ губерній отдаются по контрактамъ на фабрики, заводы и вообще на работы всякаго рода, и, хотя въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ подобныя сдѣлки по Высочайшимъ повелѣніямъ были отмѣняемы, но злоупотребленіе это продолжается подъ разными предлогами, и, между прочимъ, подъ видомъ обученія; такой порядокъ вещей тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что создаетъ въ городахъ, особенно столичныхъ, многочисленный классъ людей, оторванныхъ отъ всякой осѣдлости, не привязанныхъ къ труду никакими личными выгодами, людей въ высшей степени несчастныхъ, бѣдныхъ и нерѣдко безнравственныхъ, а потому ограниченіе подобнаго зла, несогласнаго впрочемъ съ самыми законами о крѣпостномъ правѣ, было бы столь же благодѣтельно для сельскаго, какъ и для городского населенія; въ 3-хъ, замѣчено, что оброчныя имѣнія, гдѣ зависимость отъ владѣльцевъ сравнительно легче, постепенно обращаются въ издѣльныя, т. е. денежный оброкъ замѣняется болѣе тяжелыми личными работами и службами; многіе-же владѣльцы, для большаго еще извлеченія прибыли изъ крестьянъ, лишаютъ ихъ земель и, поставляя въ положеніе дворовыхъ, получающихъ мѣсячину, употребляютъ въ работу ежедневно; это также несогласно съ кореннымъ закономъ о трехдневной работѣ (ст. 964 т. IX), а потому, для огражденія крестьянъ отъ столь тяжкаго и несправедливаго произвола, желательно бы затруднить переводъ ихъ съ оброка на барщину, а обращеніе въ поденьщиковъ,

работающихъ постоянно изъ одного насущнаго пропитанія, совершенно воспретить по прошествіи извѣстнаго, опредѣленнаго для сего срока; въ 4-хъ, имѣя въ виду, что произвольныя распоряженія помѣщиковъ особенно обременительны бываютъ для крестьянъ при назначеніи рекрутовъ, войти въ разсмотрѣніе мѣръ, которыя, не постановляя общаго, однообразнаго для всѣхъ имѣній порядка (какъ затруднительнаго на практикѣ), ограничили бы нѣсколько произволъ при отправленіи сей государственной повинности; и въ 5-хъ, пересмотрѣть и ограничить законы, дозволяющіе помѣщикамъ ссылать безотчетно своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь, отдавать въ исправительныя заведенія и заключать въ сельскія тюрьмы. Если предположенія эти удостоятся одобренія, то дальнѣйшее ихъ развитіе и объясненіе можетъ составить предметъ особой подробнѣйшей записки.

III. Независимо отъ всѣхъ изложенныхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, необходимо содѣйствіе самаго дворянства въ дѣлѣ, столь близко до него касающемся. Къ сожалѣнію, понятія о настоящемъ вопросѣ большеючастію еще неясны, разнорѣчивы и сбивчивы. Самые просвѣщенные изъ помѣщиковъ, убѣжденные въ необходимости мирнаго его разрѣшенія, не знаютъ, какъ приступить къ устройству своихъ имѣній, не довѣряя собственному личному вгляду. Другіе, и конечно къ нимъ принадлежитъ значительнѣйшее большинство, вовсе не уяснили себѣ вопроса и питаютъ, часто по одному невѣдѣнію, тайное или явное нерасположеніе ко всѣмъ мѣрамъ, которыя были имъ предлагаемы. Между тѣмъ, не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что столь важное преобразованіе можетъ совершиться не иначе, какъ подъ условіемъ дружнаго взаимнаго дѣйствія правительства и помѣщиковъ. Первому предстоитъ, конечно, открыть дорогу, устранять препятствія, дѣлать полезныя указанія; на долю же дворянства приходится вся собственно практическая сторона дѣла: изысканіе способовъ къ примѣненію указаній и выполненію требованій правительства, выясненіе встрѣчающихся на этомъ пути затрудненій и препятствій и способовъ къ ихъ отклоненію; выработка матеріаловъ и данныхъ, на которыхъ правительство могло бы безошибочно основывать свои дальнѣйшія законодательныя и административныя мѣры. Для разъясненія предстоящаго вопроса, было бы, какъ кажется, необходимо:

Во 1-хъ. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ извѣстные и опытные помѣщики пожелали бы войти въ соглашеніе между собою собственно объ образѣ исполненія тѣхъ мѣръ, которыя будутъ

указаны Верховною властію, дозволить имъ образовать для сего особливые Дворянскіе Комитеты, съ тѣмъ, чтобы совѣщанія ихъ ограничивались исключительно означеннымъ предметомъ и чтобы направленіе и ближайшее руководство сихъ совѣщаній ввѣрено было лицамъ, облеченнымъ особымъ довѣріемъ правительства.

Во 2-хъ. Для разъясненія экономическихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ нынѣшнимъ устройствомъ населенныхъ имѣній (какъ, напримѣръ, о выгодахъ и невыгодахъ труда крѣпостного и наемнаго, о вліяніи того и другого на народное хозяйство и проч.), разрѣшить печатное обсужденіе сего предмета, подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства, въ спеціальныхъ изданіяхъ (какъ-то: въ журналахъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и народнаго просвѣщенія, въ запискахъ и трудахъ экономическихъ обществъ и т. п.). Разсужденія подобнаго рода, не касаясь щекотливой нравственной и политической стороны крѣпостного права и притомъ будучи излагаемы въ видѣ ученыхъ статей, а не въ формѣ всѣмъ доступныхъ легкихъ литературныхъ произведеній, не представили бы, какъ кажется, никакой опасности, а между тѣмъ принесли бы, кромѣ непосредственной, и ту еще неисчислимую пользу, что въ самое короткое время въ нашемъ обществѣ сложились бы здравыя и ясныя экономическія и финансовыя понятія, отсутствіе которыхъ нынѣ невыгодно отзывается на рѣшеніи настоящаго дѣла.

Въ 3-хъ. Какъ въ самихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, несмотря на чрезмѣрное обиліе статистическихъ свѣдѣній и матеріаловъ, ощущается, сколько извѣстно, совершенный недостатокъ въ необходимѣйшихъ по этому предмету данныхъ, то желательно бы обратить на это особенное вниманіе. Для сего надлежало бы собрать, исподволь и со всею нужною осторожностію, хотя общія свѣдѣнія по части внутренняго хозяйственнаго управленія населенныхъ имѣній, какъ-то: о числѣ имѣній и душъ, состоящихъ на оброкѣ или на барщинѣ, о порядкѣ вотчиннаго управленія въ различныхъ помѣстьяхъ, о повинностяхъ въ пользу владѣльцевъ, соразмѣрно съ отведенною землею, объ урочныхъ положеніяхъ и обычаяхъ, опредѣляющихъ крестьянскія работы, объ обыкновенномъ среднемъ надѣлѣ землею крестьянъ, объ оцѣнкѣ ревизскихъ душъ и земли и т. д. Данныя такого рода, уясняя дѣло, указали бы безъ сомнѣнія на ближайшіе способы къ его разрѣшенію.

Таковы, въ общихъ чертахъ, переходныя мѣры, которыя привели бы къ постепенному разрѣшенію важный вопросъ о крѣпостномъ сельскомъ населеніи. Краткость изложенія не дозволила вполнѣ развить набросанныя мысли, но настоящая записка имѣетъ цѣлію представить лишь предварительное соображеніе по этому многосложному дѣлу, и, если бы въ главныхъ началахъ оно удостоилось одобренія, то дальнѣйшее развитіе предлагаемыхъ мѣръ и объясненіе способовъ ихъ исполненія составили бы, по первому приказанію, предметъ особаго труда.

Во всякомъ случаѣ, должно повторить, что предлагаемыя мѣры суть только переходныя или пріуготовительныя. Успѣхъ ихъ болѣе всего будетъ зависѣть отъ совокупнаго и своевременнаго ихъ дѣйствія. Впрочемъ, развивая и направляя общественное мнѣніе, призывая дворянство къ дѣятельному участію въ важномъ государственномъ вопросѣ, въ которомъ оно матеріально заинтересовано, подготовляя всѣ необходимыя средства къ постепенному измѣненію крѣпостныхъ отношеній, — мѣры сіи ободрили бы просвѣщенныхъ владѣльцевъ, придавъ нравственный авторитетъ ихъ благонамѣреннымъ стремленіямъ, успокоили бы умы относительно предстоящихъ распоряженій правительства по столь жгучему вопросу и постепенно привели бы оный къ заключительной мѣрѣ, т. е. къ выкупу помѣщичьихъ имѣній, — самому дѣйствительному, для всѣхъ безобидному и окончательному способу прекращенія нынѣшнихъ отношеній между владѣльцами и крестьянами.

Вышеприведенная всеподданнѣйшая записка вызвала слѣдующій конфиденціальный

Рескриптъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Прочитавъ врученную мнѣ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ при отъѣздѣ изъ Петербурга записку, пріятнымъ долгомъ себѣ поставляю благодарить Васъ за человѣколюбивое намѣреніе Ваше дать свободу крестьянамъ Вашимъ, пріобрѣтеннымъ покупкою въ Полтавской губерніи. Не могу нынѣ положительно указать общихъ основаній для руководства Вашего въ семъ случаѣ. Рѣшеніе этого вопроса подчинено многимъ и различнымъ условіямъ, которыхъ значеніе можетъ быть опредѣлено только опытомъ, и потому, не спѣша начертаніемъ общихъ законоположеній для новаго устройства многочисленнѣйшаго сословія въ государствѣ, Я выжидаю, чтобы

благомыслящіе владѣльцы населенныхъ имѣній сами высказали, въ какой степени полагаютъ они возможнымъ улучшить участь своихъ крестьянъ на началахъ для обѣихъ сторонъ не отяготительныхъ и человѣколюбивыхъ.

Въ сихъ видахъ я не только согласенъ, но желаю, чтобы нѣкоторые избранные Вами и одушевленные чувствомъ общаго блага помѣщики полтавскіе или смежныхъ губерній сбирались негласнымъ образомъ подъ Вашимъ покровительствомъ для обсужденія и составленія проекта тѣхъ правилъ, на которыхъ они желаютъ дать своимъ крестьянамъ свободу и которыя въ свое время будутъ Мнѣ представлены на утвержденіе.

Я увѣренъ, что побуждаемые великодушными намѣреніями Вашего Высочества и руководимые проницательнымъ умомъ Вашимъ, они произведутъ трудъ полезный, который, будучи основанъ на справедливости, послужитъ для многихъ другихъ владѣльцевъ примѣромъ, а правительству облегченіемъ въ постоянномъ стремленіи его разрѣшить одну изъ важнѣйшихъ задачъ государственнаго управленія.

Душевно Вамъ преданный (подписалъ) АЛЕКСАНДРЪ.
Царское Село,
Октября 26 1856 г.

Журналъ секретнаго комитета.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Исполнить“

Въ С.-Петербургѣ.
5 Декабря 1857 г.

Секретный комитетъ, Высочайше учрежденный для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи, въ засѣданіи 23 ноября 1857 года приступилъ къ обсужденію внесенныхъ, по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, министромъ внутреннихъ дѣлъ предположеній дворянства С.-Петербургской губерніи.

Дворянство это, желая упрочить благосостояніе своихъ крестьянъ точнымъ опредѣленіемъ ихъ обязанностей и отношеній къ помѣщикамъ, составило въ особомъ комитетѣ, бывшемъ здѣсь изъ уѣздныхъ предводителей и депутатовъ сего дворянства, предначертаніе положенія вотчиннаго управленія помѣщичьихъ крестьянъ С.-Петербургской губерніи и испрашиваетъ разрѣшенія примѣнить и развить это положеніе посредствомъ особыхъ уѣздныхъ комитетовъ.

Въ то-же время дворянство Ямбургскаго уѣзда, въ общемъ собраніи всѣхъ дворянъ онаго, составило и представило особый проектъ подробнаго положенія о повинностяхъ, отношеніяхъ къ помѣщикамъ и порядкѣ управленія помѣщичьихъ крестьянъ сего уѣзда.

Вслѣдъ за симъ составило и представило подобный проектъ дворянство Петергофскаго уѣзда.

Всѣ сіи три проекта были подробно разсмотрѣны въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ сдѣлано много замѣчаній на разныя ихъ статьи. Затѣмъ они были читаны членами секретнаго комитета, изъ коихъ нѣкоторые сдѣлали также разныя по онымъ замѣчанія. Сводъ всѣхъ сихъ замѣчаній былъ представленъ комитету.

Комитетъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что вышеозначенные проекты, какъ общій всей С.-Петербургской губерніи, такъ и отдѣльные Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ, развивая съ большою подробностію и опредѣлительностію существующія постановленія о крѣпостныхъ людяхъ, не вполнѣ соотвѣтствуютъ общимъ видамъ правительства. Оно желаетъ не сохраненія въ прежней силѣ крѣпостного состоянія, а прекращенія онаго съ тѣмъ только, чтобы прекращеніе это было достигнуто, какъ неоднократно было указано Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, безъ переворотовъ рѣзкихъ и безъ мѣръ крутыхъ и насильственныхъ, но постепенно, осторожно и благоразумно.

Признавая поэтому неудобнымъ допустить составленные с.-петербургскимъ дворянствомъ проекты, секретный комитетъ не можетъ однако не принять во вниманіе, что дворянству не были извѣстны окончательные виды правительства, и что потому оно не могло составить свои проекты во всемъ согласно съ сими видами. Усматривая въ дѣйствіяхъ дворянства желаніе улучшить и упрочить бытъ помѣщичьихъ крестьянъ, комитетъ считаетъ удобнымъ воспользоваться такимъ желаніемъ дворянства С.-Петербургской губерніи и поручить оному составить проектъ положенія о будущемъ устройствѣ ихъ крестьянъ, на основаніяхъ, утвержденныхъ правительствомъ.

Для обсужденія всѣхъ подробностей этого дѣла секретный комитетъ рѣшилъ пригласить въ свое засѣданіе с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора. Вмѣстѣ съ нимъ комитетъ 25 ноября разсматривалъ предположенія о порядкѣ работъ по настоящему дѣлу въ С.-Петербургской губерніи. Для сего секрет-

ный комитетъ счелъ полезнымъ учредить въ здѣшней губерніи особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, изъ дворянъ-помѣщиковъ, назначивъ ихъ по два отъ каждаго уѣзда по выбору дворянъ. Эту мѣру комитетъ призналъ необходимою, какъ по небольшому числу (8) уѣздовъ С.-Петербургской губерніи, такъ и по различію мѣстностей одного и того-же уѣзда оной. Въ прочихъ затѣмъ подробностяхъ, относительно состава и круга дѣйствій сего комитета, примѣнены, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, правила, утвержденныя уже Вашимъ Императорскимъ Величествомъ для тѣхъ комитетовъ, кои съ сею же цѣлію учреждаются въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской.

Засимъ комитетъ призналъ необходимымъ обсудить начала, коими учреждаемый въ С.-Петербургской губерніи комитетъ долженъ руководствоваться при составленіи возлагаемыхъ на него работъ. Начала, изложенныя въ рескриптѣ, данномъ виленскому военному, гродненскому и ковенскому генералъ-губернатору 20-го ноября какъ главныя и неизмѣненныя, распространяющіяся одинаково на всѣ губерніи, должны быть предписаны и въ основаніе работъ с.-петербургскаго комитета. Что же касается до подробнаго развитія сихъ началъ, то комитетъ нашелъ, что сіи подробности, изложенныя въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ къ генералъ-губернатору Назимову, не вполнѣ могутъ быть примѣнены къ С.-Петербургской и вообще къ великороссійскимъ губерніямъ, такъ какъ въ сихъ губерніяхъ хозяйственный бытъ помѣщичьихъ имѣній во многомъ отличается отъ губерній западныхъ. Поэтому комитетъ призналъ полезнымъ предварительно поручить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, опредѣлить тѣ подробности, кои должны быть предписаны с.-петербургскому комитету, для развитія и примѣненія къ мѣстнымъ обстоятельствамъ началъ, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ указанныхъ.

Сіи два министра представили комитету составленныя ими, по совѣщаніи съ генералъ-губернаторомъ, предположенія, кои и разсматривались въ засѣданіяхъ 30-го ноября и 4-го декабря. Комитетъ, обсудивъ каждую статью ихъ отдѣльно, во всей подробности, призналъ необходимымъ сдѣлать въ нихъ разныя измѣненія и исправленія.

Засимъ комитетъ, слѣдуя порядку, принятому по подоб-

ному дѣлу въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской, составилъ проекты:

Во 1-хъ, Высочайшаго рескрипта на имя с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора объ учрежденіи въ С.-Петербургской губерніи особаго комитета для составленія проекта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ оной на основаніяхъ, указанныхъ въ рескриптѣ, и

Во 2-хъ, отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ тому же генералъ-губернатору, гдѣ заключаются какъ разрѣшенія, относящіяся до подробностей состава и круга дѣйствій комитета, такъ и предположенія, кои должны быть приняты симъ комитетомъ въ соображеніе при развитіи и примѣненіи къ мѣстнымъ обстоятельствамъ главныхъ началъ, въ рескриптѣ указанныхъ.

Проекты сіи комитетъ имѣетъ счастіе всеподданнѣйше представить при семъ: рескриптъ — къ Высочайшему Вашего Императорскаго Величества подписанію, а отношенія — на Всемилостивѣйшее Вашего Величества благоусмотрѣніе.

Обратясь затѣмъ къ порядку напечатанія и разсылки сихъ бумагъ, комитетъ нашелъ, что рескриптъ, данный Вашимъ Величествомъ 20-го ноября виленскому военному, ковенскому и гродненскому генералъ-губернатору, разрѣшено напечатать въ оффиціальной части Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. По этому примѣру комитетъ признаетъ весьма полезнымъ напечатать также и рескриптъ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору съ тѣмъ, чтобы оба сіи рескрипта были напечатаны въ одной и той-же книжкѣ.

Какъ рескриптъ, данный генералъ-губернатору Назимову, такъ и отношеніе къ нему министра внутреннихъ дѣлъ по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію разосланы симъ министрамъ, при особомъ циркулярѣ, ко всѣмъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства для ихъ свѣдѣнія и соображенія на случай, если-бы дворянство какой-либо губерніи изъявило желаніе, подобное изъявленному дворянствомъ въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской. Комитетъ, принимая это во вниманіе и имѣя въ виду, что бумаги, относящіяся до С.-Петербургской губерніи, могутъ въ этомъ отношеніи принести еще болѣе пользы, чѣмъ бумаги, относящіяся до Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, гдѣ хозяйство иное, чѣмъ въ губерніяхъ С.-Петербургской и вообще вели-

короссійскихъ, полагаетъ разрѣшить министру внутреннихъ дѣлъ копіи какъ съ рескрипта с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, такъ и отношенія къ сему генералъ-губернатору также сообщить, при своемъ циркулярѣ, всѣмъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства.

Затѣмъ секретный комитетъ обратился къ обсужденію возбужденнаго нѣкоторыми членами вопроса: удобно ли, вмѣстѣ съ рескриптами виленскому военному, ковенскому и гродненскому генералъ-губернатору, напечатать въ оффиціальной части Журнала министерства внутренихъ дѣлъ и отношенія къ симъ генералъ-губернаторамъ министра внутреннихъ дѣлъ?

По этому предмету комитетъ разсуждалъ, что сіи отношенія суть болѣе или менѣе подробное развитіе главныхъ началъ, въ рескриптахъ помѣщенныхъ. Для уясненія сихъ началъ, изложенныхъ въ рескриптахъ весьма коротко, необходимо ознакомить дворянство и съ тѣми предположеніями, кои развиваютъ сіи начала въ большей подробности. Оба отношенія какъ къ генералъ-губернатору Назимову, такъ и къ генералу-губернатору Игнатьеву, имѣютъ много между собою сходства, но между тѣмъ при составленіи отношеній къ генералу Назимову не было въ виду печатанія онаго въ Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, а потому оно и заключаетъ такія выраженія, кои могутъ дать людямъ неблагонамѣреннымъ поводъ къ разнымъ превратнымъ толкамъ; между тѣмъ отношеніе къ генералу Игнатьеву составлено съ особою осторожностію и въ такомъ видѣ, что можетъ быть напечатано. Поэтому комитетъ, признавая съ своей стороны достаточнымъ напечатать нынѣ одно только послѣднее отношеніе, положилъ въ оффиціальной части Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ напечатать отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, вмѣстѣ съ рескриптомъ сему послѣднему; но отношеніе сего министра къ генералъ-губернатору Назимову въ томъ журналѣ не печатать, ограничась напечатаніемъ одного только рескрипта сему генералъ-губернатору.

Все это секретный комитетъ имѣетъ счастіе всеподданнѣйше представить на всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Подписали: князь Орловъ, Константинъ, графъ Д. Блудовъ, графъ В. Адлербергъ, князь Павелъ Гагаринъ, Сергій Ланской, баронъ М. Корфъ, князь В. Долгоруковъ, Михаилъ

Муравьевъ, Константинъ Чевкинъ, Павелъ Игнатьевъ, Іаковъ Ростовцевъ, Петръ Брокъ, государственный секретарь В. Бутковъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*Исполнить*».

Въ С.-Петербургѣ
12 января 1858 г.

Секретный комитетъ, Высочайше учрежденный для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи, въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ обсуживалъ вопросъ:

Можно ли допустить нынѣ совершеніе сдѣлокъ и условій между помѣщиками и ихъ крестьянами объ освобожденіи сихъ послѣднихъ?

Комитетъ нашелъ, что въ журналѣ онаго, удостоенномъ Высочайшаго утвержденія 18-го августа 1857 г., между прочимъ предполагалось: въ первый или пріуготовительный періодъ общаго дѣла по освобожденію крестьянскаго сословія: 1) принять прежде всего мѣры для смягченія или облегченія крѣпостного сословія; 2) открыть помѣщикамъ всѣ средства для увольненія крестьянъ по взаимному съ ними соглашенію, и 3) собрать свѣдѣнія и приготовить матеріалы, необходимые для указанія тѣхъ мѣръ, кои должны быть приняты во второмъ, то есть переходномъ періодѣ.

Относительно заключенія условій между помѣщиками и крестьянами, комитетъ тогда разсуждалъ, что на основаніи ст. 1058 Св. Зак. о Сост. помѣщичьи крестьяне могутъ быть отпускаемы на волю цѣлыми селеніями не иначе, какъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ (государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ), или обязанныхъ поселянъ, съ наблюденіемъ правилъ, подробно постановленныхъ по сему предмету въ законахъ. Всякій другой способъ увольненія крестьянъ цѣлыми селеніями помѣщику запрещенъ. Означенные два закона до сихъ поръ имѣли весьма незначительное практическое примѣненіе, какъ по множеству разнаго рода затрудненій, формальностей и подробностей, ими предписываемыхъ, такъ отчасти, можетъ быть, и потому еще, что въ основаніе ихъ приняты начала, не всегда примѣнимыя къ дѣлу. Признавая однако неудобнымъ отмѣнять сіи оба закона, комитетъ считалъ существенно-необходимымъ не затруднять помѣщиковъ въ составленіи условій и соглашеній съ крестьянами на увольненіе ихъ, а, напротивъ, открыть помѣщикамъ

всѣ способы и возможность заключать сіи условія по взаимному ихъ соглашенію, лишь-бы условія сіи не содержали въ себѣ ничего противнаго общимъ законамъ. Подобныя условія должны быть представляемы, чрезъ представителей дворянства и губернаторовъ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое и будетъ повергать ихъ на Высочайшее утвержденіе Вашего Императорскаго Величества. Сію послѣднюю мѣру комитетъ признавалъ необходимымъ принять особенно вначалѣ, дабы имѣть наблюденіе за ходомъ этого дѣла вообще. Но открывая такимъ образомъ помѣщикамъ возможность входить въ соглашенія съ крестьянами о дарованіи имъ свободы, не стѣсняясь никакими особыми подробностями и формальностями, комитетъ считалъ существенно-необходимымъ указать тѣ главныя начала, коими должно руководствоваться правительство при утвержденіи представляемыхъ помѣщиками условій. Разсуждая далѣе по сему предмету, комитетъ нашелъ, что на основаніи существующихъ постановленій, всѣ сельскіе свободные обыватели подлежатъ попечительству министерства государственныхъ имуществъ, и что на семъ основаніи попечительству этого-же министерства подлежатъ и крестьяне, отпускаемые помѣщиками на волю цѣлыми селеніями. Принимая во вниманіе, что крестьяне, освобожденные такимъ образомъ отъ помѣщичьей зависимости, поступаютъ въ зависимость чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ и что одно это останавливаетъ многихъ и крестьянъ и помѣщиковъ въ заключеніи условій между ними, комитетъ считалъ необходимымъ всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, кои впредь будутъ освобождаемы, не подчинять министерству государственныхъ имуществъ, но оставлять въ вѣдѣніи общаго губернскаго управленія.

Вслѣдствіе сего комитетъ положилъ:

1) Не отмѣняя законовъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ, предоставить каждому помѣщику, желающему отпустить своихъ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями или частями селеній, заключать съ крестьянами условія по обоюдному ихъ соглашенію, не стѣсняясь правилами, въ означенныхъ двухъ законахъ предписанными, и условія сіи представлять чрезъ предводителей дворянства и губернаторовъ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

2) При составленіи сихъ условій принять за правило, чтобы: а) крестьянамъ была оставляема осѣдлость; б) въ условіяхъ были обезпечены способы, какъ для существованія увольняемыхъ крестьянъ, такъ и для выполненія тѣхъ обя-

занностей, кои будутъ ими приняты предъ помѣщикомъ, и в) была также обезпечена уплата податей и денежныхъ сборовъ съ переложеніемъ ихъ на всю вообще землю, какъ отдѣляемую крестьянамъ, такъ и оставляемую во владѣніи помѣщика. Затѣмъ всѣ натуральныя повинности должны быть отправляемы крестьянами.

3) Вмѣнить въ обязанность министерству внутреннихъ дѣлъ не затруднять, но всемѣрно стараться поощрять взаимныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами, и затѣмъ заключенныя ими условія представлять на Высочайшее утвержденіе Вашего Императорскаго Величества, существующимъ нынѣ порядкомъ, чрезъ комитетъ министровъ.

4) Крестьянъ, кои такимъ образомъ будутъ уволены, не подчинять попечительству министерства государственныхъ имуществъ, но оставлять въ вѣдѣніи общаго губернскаго управленія.

и 5) На сихъ основаніяхъ, когда оныя будутъ одобрены Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, составить въ настоящемъ комитетѣ проектъ особаго указа правительствующему сенату, который и представить къ утвержденію и подписанію Вашего Величества въ то время, когда будетъ представлено заключеніе комитета о мѣрахъ, предположенныхъ онымъ для смягченія и облегченія крѣпостнаго сословія, дабы сіи оба постановленія могли быть изданы въ одно и то-же время.

Такое положеніе комитета удостоилось Высочайшаго утвержденія Вашего Императорскаго Величества 18 августа 1857 года.

Послѣ того обстоятельства отчасти измѣнили порядокъ, который былъ первоначально принятъ комитетомъ для дѣйствій по освобожденію крѣпостного сословія. Вмѣсто собранія матеріаловъ тѣми способами, кои были указаны въ журналѣ, удостоенномъ Высочайшаго одобренія 18-го августа, комитетъ призналъ возможнымъ, вслѣдствіе предложеній, сдѣланныхъ дворянствомъ нѣкоторыхъ губерній, разрѣшить учрежденіе въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Нижегородской, Виленской, Гродненской и Ковенской особыхъ комитетовъ изъ дворянъ-помѣщиковъ съ тѣмъ, чтобы сіи комитеты составили проекты подробныхъ положеній объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ губерній и о порядкѣ постепеннаго освобожденія ихъ изъ крѣпостной зависимости.

Высочайшими рескриптами, по этому случаю данными, всѣмъ означеннымъ выше комитетамъ вмѣнено въ обязанность при сей работѣ имѣть въ виду слѣдующія главныя основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, втеченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ-же предоставляется вотчинная полиція; и

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что дворянство многихъ другихъ губерній, вслѣдствіе сдѣланнаго правительствомъ вызова, будетъ ходатайствовать о дозволеніи учредить такіе-же комитеты и съ подобною-же цѣлію.

Въ этомъ положеніи сего дѣла возникаетъ вопросъ: при ожидаемомъ общемъ преобразованіи существующихъ отношеній между всѣми помѣщиками и крестьянами, можно ли допустить заключеніе частныхъ условій между нѣкоторыми помѣщиками и ихъ крестьянами объ освобожденіи сихъ послѣднихъ?

Комитетъ разсуждалъ, что по плану работъ, порученныхъ губернскимъ комитетамъ, онѣ едва ли могутъ быть окончательно утверждены Вашимъ Императорскимъ Величествомъ ранѣе двухъ лѣтъ. Послѣ этого утвержденія, крестьяне предполагаются въ переходномъ состояніи, которое можетъ продолжиться не свыше 12 лѣтъ. Такимъ образомъ, они втеченіе, можетъ быть, 14 лѣтъ не пріобрѣтутъ еще полной свободы, но останутся крѣпкими землѣ. Это относится до тѣхъ губерній, дворянству коихъ разрѣшено уже приступить къ учрежденію особыхъ комитетовъ для составленія предположеній объ освобожденіи крестьянъ. Но въ тѣхъ губерніяхъ, дворянство коихъ не изъявило подобнаго желанія, еще нельзя и опредѣлить, сколько времени помѣщичьи крестьяне останутся въ ихъ теперешнемъ, крѣпостномъ состояніи. Въ такомъ положеніи сего дѣла было бы, по мнѣнію комитета, весьма неудобно и несогласно съ общими видами правительства препятствовать тѣмъ помѣщикамъ, кои сами пожелаютъ уволить теперь же своихъ крестьянъ по взаимному съ ними соглашенію, привести такія намѣренія ихъ въ дѣйствительное исполненіе.

Но приэтомъ комитетъ счелъ нужнымъ войти въ подробное разсмотрѣніе вопроса о томъ, на какихъ основаніяхъ такое увольненіе можетъ быть допущено? Принимая во вниманіе, что законъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ не даетъ еще полной свободы крестьянамъ, оставляя ихъ постоянно крѣпкими землѣ, и что затѣмъ одинъ только законъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ допускаетъ полную свободу крестьянъ, но для заключенія между ними и помѣщиками условій по этому закону требуется много весьма стѣснительныхъ формальностей, комитетъ, согласно съ мнѣніемъ, удостоеннымъ уже Высочайшаго одобренія Вашего Императорскаго Величества по журналу 18-го августа 1857 года, признаетъ возможнымъ разрѣшить помѣщикамъ, кои пожелаютъ теперь-же уволить своихъ крестьянъ по взаимному съ ними соглашенію, не стѣсняться правилами, въ означенныхъ двухъ законахъ постановленными, но заключать условія съ крестьянами по обоюдному ихъ соглашенію съ тѣмъ только, чтобы при заключеніи сихъ условій были приняты въ соображеніе тѣ главныя начала, кои изложены въ Высочайшихъ рескриптахъ данныхъ начальникамъ губерній, гдѣ разрѣшено уже приступить къ работамъ по освобожденію крѣпостного сословія, и чтобы крестьянамъ было предоставлено никакъ не менѣе того, что сими главными началами предписано. Само собою разумѣется, что предоставленіе имъ большихъ выгодъ будетъ зависѣть отъ воли помѣщиковъ и взаимнаго соглашенія ихъ съ крестьянами.

Приэтомъ нѣкоторые члены комитета выразили опасеніе, не произойдетъ-ли отъ этой мѣры разнообразія въ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ по окончательномъ ихъ освобожденіи? Комитетъ, съ своей стороны, думаетъ, что допуская совершеніе условій непротивныхъ тѣмъ главнымъ началамъ, кои предписаны для составленія общихъ и окончательныхъ по этому предмету предположеній и, по всей вѣроятности, даже болѣе выгодныхъ для крестьянъ, нельзя ожидать никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ разнообразія, котораго опасаются нѣкоторые члены.

Кромѣ сего, въ комитетѣ возникло и другое опасеніе: разрѣшеніе заключать условія между помѣщиками и крестьянами по взаимному соглашенію не дастъ-ли помѣщикамъ повода думать, что они могутъ чрезъ это не вызываться на приведеденіе въ дѣйствіе мѣръ общихъ, а крестьянамъ повода вовсе не соглашаться на частныя сдѣлки, въ ожиданіи мѣръ общихъ? Въ отвращеніе сего опасенія, впрочемъ, не всѣми членами раз-

дѣляемаго, комитетъ признаетъ возможнымъ на первое время не дѣлать никакого на сей счетъ особаго гласнаго разрѣшенія; но какъ извѣстно, что правительству представлено много разныхъ сдѣлокъ, заключенныхъ помѣщиками съ крестьянами, съ нѣкоторыми отступленіями отъ правилъ, дѣйствующими законами предписанныхъ, то комитетъ признаетъ возможнымъ сначала дать движеніе всѣмъ подобнаго рода сдѣлкамъ (сообразивъ ихъ съ основаніями, въ Высочайшихъ рескриптахъ изложенными), какъ тѣмъ, кои уже поступили, такъ и тѣмъ, кои впредь будутъ поступать въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Само собою разумѣется, что по утвержденіи сихъ сдѣлокъ, онѣ, по принятому министерствомъ порядку, будутъ печататься въ журналѣ министерства, что безъ сомнѣнія дастъ поводъ и другимъ лицамъ, кои пожелаютъ заключать сдѣлки съ крестьянами, просить объ утвержденіи оныхъ также чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, съ избѣжаніемъ нѣкоторыхъ ненужныхъ формальностей, нынѣшними законами требуемыхъ.

Наконецъ, остается обсудить еще одинъ предметъ, возбудившій много преній въ комитетѣ, именно о порядкѣ управленія крестьянами, кои такимъ образомъ будутъ уволены по взаимнымъ съ помѣщиками сдѣлкамъ. Комитетъ, полагая съ своей стороны, что по утвержденіи и приведеніи въ дѣйствіе тѣхъ проектовъ положеній, составленіе коихъ поручено губернскимъ комитетамъ правила, которыя будутъ тогда постановлены относительно управленія освобожденныхъ изъ помѣщичьей зависимости крестьянъ, должны быть распространены и на тѣ имѣнія, кои будутъ освобождены отъ сей зависимости отдѣльно отъ мѣръ общихъ, по частнымъ сдѣлкамъ между помѣщиками и крестьянами, признаетъ возможнымъ: согласно съ началами, какъ постановленными въ Высочайшихъ рескриптахъ 20-го ноября, 5-го и 24-го декабря 1857 года, такъ и утвержденными Вашимъ Императорскимъ Величествомъ по журналу комитета 18-го августа того-же года, крестьянамъ, кои будутъ уволены теперь-же по частнымъ сдѣлкамъ, дозволить учреждать мірское управленіе съ тѣмъ, чтобы они не были подчиняемы управленію государственными имуществами, которому такіе крестьяне не должны быть подвѣдомы, состоя, на общемъ основаніи, подъ наблюденіемъ мѣстной полиціи и общаго губернскаго управленія.

Вслѣдствіе такихъ соображеній комитетъ положилъ:

1) Помѣщикамъ, кои пожелаютъ уволить своихъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія съ отступленіемъ отъ правилъ,

въ дѣйствующихъ нынѣ законахъ по сему предмету постановленныхъ, разрѣшить заключать съ крестьянами сдѣлки или условія на такое увольненіе по взаимному между помѣщиками и крестьянами соглашенію.

2) При составленіи такихъ сдѣлокъ или условій должны быть принимаемы въ основаніе главныя начала, кои Высочайшими рескриптами, данными 20-го ноября, 5-го и 24-го декабря 1857 года, предписаны въ основаніе работъ, порученныхъ комитетамъ, учрежденнымъ по губерніямъ для составленія положеній объ улучшеніи устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ, съ тѣми токмо измѣненіями, которыя будутъ необходимы пр инадѣленіи ихъ не одною усадебною, но и частію пашенной и другой земли въ полную нынѣ-же собственность. Впрочемъ, отъ воли помѣщика будетъ зависѣть даровать увольняемымъ крестьянамъ выгоды, большія противу тѣхъ, кои указаны въ означенныхъ рескриптахъ, но онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть даны въ размѣрѣ меньшемъ противу того, какъ въ рескриптахъ постановлено.

3) Всѣмъ частнымъ, до сего времени поступившимъ въ секретный комитетъ или въ министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлкамъ и условіямъ, составленнымъ между помѣщиками и крестьянами, съ отступленіемъ отъ правилъ, въ дѣйствующихъ законахъ относительно увольненія помѣщичьихъ крестьянъ постановленныхъ, предоставить сему министерству дать движеніе слѣдующимъ порядкомъ:

а) Министерство прежде всего обязано сообразить: соотвѣтствуютъ-ли означенныя сдѣлки и условія тѣмъ главнымъ началамъ, кои изложены въ Высочайшихъ рескриптахъ 20-го ноября, 5 и 24-го декабря.

б) Если оно найдетъ, что сдѣлки и условія соотвѣтствуютъ симъ началамъ и потому могутъ быть утверждены, то представляетъ о семъ секретному комитету.

в) Если же оно найдетъ ихъ несоотвѣтствующими означеннымъ началамъ, то возвращаетъ помѣщикамъ, ихъ представившимъ, для измѣненія согласно съ изложенными во 2-мъ пунктѣ основаніями.

г) Впрочемъ, если министерство усмотритъ, что сдѣлки и условія, не вполнѣ соотвѣтствуя началамъ, изложеннымъ въ рескриптахъ, выгодны для увольняемыхъ крестьянъ, то, не возвращая такихъ сдѣлокъ или условій для передѣлки, представляетъ объ оныхъ секретному комитету.

4. Такимъ образомъ, дѣйствовать министерству и впо-

слѣдствіи, когда въ оное будутъ поступать новыя сдѣлки и условія между помѣщиками и крестьянами.

5. Утвержденныя окончательно Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, по разсмотрѣніи въ секретномъ комитетѣ, сдѣлки и условія между помѣщиками и крестьянами публиковать въ Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

6. Затѣмъ, до времени, такого распоряженія не объявлять въ общее свѣдѣніе, а предоставить министерству внутреннихъ дѣлъ принять оное къ своему руководству при разсмотрѣніи поступающихъ въ оное сдѣлокъ и условій между помѣщиками и крестьянами.

7. Всѣмъ крестьянамъ, кои на этомъ основаніи будутъ уволены изъ крѣпостного состоянія, предоставить имѣть свое собственное, общественное или мірское управленіе, съ тѣмъ, чтобы это управленіе и сами крестьяне не состояли въ вѣдѣніи управленія государственныхъ имуществъ, но были подчинены мѣстной полиціи и общему губернскому управленію. О семъ распоряженіи также не объявлять въ общее свѣдѣніе, предоставивъ министерству внутреннихъ дѣлъ, по утвержденіи правительствомъ каждой сдѣлки, о такомъ управленіи увольняемыми по этой сдѣлкѣ крестьянами сообщать губернскому начальству для зависящихъ распоряженій.

8. Впрочемъ, такой порядокъ управленія сими крестьянами считать временнымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ издано и приведено въ дѣйствіе общее положеніе о крестьянахъ, увольняемыхъ изъ крѣпостного состоянія. Правила, кои будутъ предписаны въ семъ общемъ положеніи для управленія всѣми крестьянами и по окончательномъ ихъ освобожденіи, должны быть распространены и на крестьянъ, кои будутъ уволены прежде того по сдѣлкамъ, заключеннымъ между ними и помѣщикомъ и утвержденнымъ правительствомъ.

Такія предположенія свои комитетъ имѣетъ счастіе всеподданнѣйше представить на Высочайшее благоусмотрѣніе и утвержденіе Вашего Императорскаго Величества.

Подписали: князь Орловъ, Константинъ, графъ Д. Блудовъ, графъ В. Адлербергъ, князь Павелъ Гагаринъ, Сергѣй Ланской, баронъ М. Корфъ, князь В. Долгоруковъ, Михаилъ Муравьевъ, Константинъ Чевкинъ, П. Брокъ, Іаковъ Ростовцевъ, государственный секретарь В. Бутковъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Исполнить. Но въ правилахъ для руководства цензуры, для большей ясности, слѣдуетъ дополнить: статьи, писанныя въ духѣ правительства, допускать къ печатанію во всѣхъ журналахъ».

Въ С.-Петербургѣ
12 Января 1858 г.

Секретный комитетъ, Высочайше учрежденный для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи, въ засѣданіи 3-го января 1858 года, слушалъ записку министра внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи печатать въ журналѣ министерства разныя статьи, относящіяся до мѣръ, нынѣ предпринятыхъ для освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія.

Въ этой запискѣ министръ внутреннихъ дѣлъ объяснилъ, что появленіе Высочайшихъ рескриптовъ на имя двухъ генералъ-губернаторовъ и его къ нимъ отношеній породило въ публикѣ много толковъ и неосновательныхъ опасеній, происходящихъ наиболѣе отъ того, что предметъ слишкомъ новъ и что лица, никогда имъ незанимавшіяся, не могутъ понять новыхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Для отвращенія такихъ толковъ и для разъясненія, по мнѣнію министра, было бы полезно помѣщать въ журналѣ сего министерства, не отъ имени правительства, но подъ непосредственнымъ его руководствомъ, статьи, могущія постепенно знакомить публику съ будущимъ новымъ порядкомъ вещей и отвѣчать на тѣ жалобы помѣщиковъ и на тѣ вопросы, которые будутъ заслуживать особеннаго вниманія. На статьи сіи, всегда писанныя отъ имени частныхъ лицъ, можно допускать возраженія, а на возраженія критику и антикритику,—но все въ размѣрѣ и направленіи, соотвѣтственныхъ видамъ правительства. Съ такою цѣлію составлена и съ Высочайшаго разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества представлена комитету статья, написанная въ видѣ образца: «О новыхъ постановленіяхъ правительства для постепеннаго освобожденія крестьянъ. Мысли безпристрастнаго помѣщика».

Комитетъ, выслушавъ эту статью во всей подробности и съ особымъ вниманіемъ, нашелъ, что она, по своей благонамѣренности, ясности изложенія, вѣрности фактовъ и вообще по своему духу и направленію, заслуживаетъ полной похвалы, кромѣ нѣкоторыхъ нѣсколько рѣзкихъ выраженій, кои при окончательной обработкѣ, могли бы быть измѣнены авторомъ. Тѣмъ не менѣе, напечатаніе сей статьи и особенно напечатаніе ея

въ Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ комитетъ находитъ во всѣхъ отношеніяхъ неудобнымъ. Статья сія объясняетъ, и объясняетъ весьма удовлетворительно, причины, побудившія правительство дѣйствовать въ дѣлѣ освобожденія крѣпостнаго сословія порядкомъ, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ указаннымъ, но объясненія сіи, по мнѣнію комитета, весьма полезныя и необходимыя, не должны быть сообщаемы публикѣ отъ имени частнаго лица, но должны быть сообщены отъ имени правительства, и при томъ въ формѣ акта правительственнаго. Только при такомъ порядкѣ сего объясненія, публика можетъ имѣть къ оному полное довѣріе; всякій же другой способъ объясненія и особенно въ формѣ журнальной статьи, отъ лица частнаго или вовсе неизвѣстнаго, будетъ неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что помѣщеніе этой статьи въ Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, журналѣ оффиціальномъ, дастъ поводъ думать, что она издается съ вѣдома, съ разрѣшенія и даже по указанію правительства. Въ такомъ важномъ дѣлѣ всего приличнѣе дѣйствовать прямо и открыто, не прибѣгая къ объясненіямъ путями косвенными, кои не могутъ принести ожидаемой пользы. Далѣе, въ статьѣ разбираются причины, почему правительство предписало къ непремѣнному руководству по настоящему дѣлу главныя начала, въ Высочайшихъ рескриптахъ Вашего Императорскаго Величества изложенныя. Начала сіи непреложны, неизмѣнны: даже губернскимъ комитетамъ не дозволено входить въ какія либо по онымъ разсужденія, а предписано принять ихъ къ руководству, примѣнивъ къ мѣстнымъ особенностямъ и обстоятельствамъ каждой губерніи. Печатать подобныя статьи съ тою цѣлію, чтобы допустить на нихъ возраженія, критику и антикритику, помѣщая сію полемику въ одномъ только Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, было бы, не говоря уже о несовмѣстности такихъ статей въ одномъ и томъ-же журналѣ, крайне неудобно, даже опасно, потому что, если будетъ дозволено печатать возраженія на положенія въ настоящей статьѣ, то можетъ возникнуть критика и весьма сильная противу самыхъ началъ, непреложныхъ и неизмѣнныхъ, въ Высочайшихъ рескриптахъ указанныхъ.

Находя по всему этому рѣшительно неудобнымъ печатать означенную выше статью при всѣхъ литературныхъ ея достоинствахъ въ Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, комитетъ не могъ не обратить вниманія на объясненія, изложенныя въ запискѣ сего министра, что изданные въ концѣ 1857 года Высочайшіе рескрипты и отношенія возродили

много разнаго рода толковъ и недоразумѣній, происходящихъ наиболѣе отъ того, что не всѣмъ извѣстны настоящіе виды и дѣйствительныя намѣренія правительства. Если не для отвращенія или прекращенія сихъ толковъ, кои всегда были и не могутъ не быть при подобныхъ важныхъ государственныхъ мѣропріятіяхъ,—то, по крайней мѣрѣ, для уразумѣнія и поясненія дѣйствительныхъ намѣреній правительства было бы полезно, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ, въ особомъ циркулярѣ къ начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ, разъяснило цѣль и основанія предначертаній правительства. По мнѣнію комитета, такой циркуляръ, хорошо составленный, принесетъ много пользы, если въ немъ будутъ разъяснены также разные недоумѣнія и вопросы, возникшіе при чтеніи и разборѣ Высочайшихъ рескриптовъ и прочихъ бумагъ, по настоящему дѣлу публикуемыхъ. Если такой циркуляръ будетъ напечатанъ, то онъ, конечно, болѣе всякой журнальной статьи, успокоитъ многихъ и можетъ принесть прямую пользу успѣху дѣла. Наконецъ, если и впослѣдствіи будутъ возникать новые толки и разсужденія, то въ этой же формѣ могутъ быть издаваемы дополнительные циркуляры министерства.

Обратясь засимъ къ вопросу о порядкѣ печатанія вообще въ періодическихъ изданіяхъ нашихъ статей, касающихся крѣпостного состоянія и отношеній онаго къ помѣщикамъ, комитетъ прежде всего призналъ необходимымъ имѣть свѣдѣнія о правилахъ и постановленіяхъ, коими по сему предмету руководствуются цензора. Изъ доставленныхъ вслѣдствіе сего министромъ народнаго просвѣщенія свѣдѣній оказалось, что въ цензурномъ уставѣ не заключается правилъ, прямо относящихся къ крѣпостному состоянію. Уставомъ симъ запрещено печатать разсужденія объ улучшеніи какой либо отрасли государственнаго хозяйства средствами, зависящими отъ правительства, и сужденія о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ. По высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 1850 году, не дозволено печатать статей, гдѣ изъявлялось сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описывались злоупотребленія помѣщиковъ или доказывалось, что перемѣна отношеній крестьянъ и помѣщиковъ принесетъ пользу. Въ октябрѣ 1856 года министерство сдѣлало распоряженіе о прекращеніи полемики, появившейся въ журналахъ объ отношеніяхъ крѣпостного состоянія въ Россіи. По доведеніи о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, въ мартѣ 1857 года послѣдовало Собственоручное повелѣніе Ваше: впредь разсу-

жденій сихъ не допускать вовсе. Въ ноябрѣ 1857 года послѣдовало новое Собственоручное Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе о недопущеніи впредь статей, гдѣ обсуживаются вопросы государственной и общественной нашей жизни, весьма часто несогласныхъ съ Вашими видами и кои, возбуждая только напрасно умы, могутъ насъ повести весьма далеко. Наконецъ, въ декабрѣ 1857 года, по случаю разрѣшенія печатать во всѣхъ журналахъ и газетахъ рескрипты, данные 20 ноября и 4 декабря, не допуская при этомъ никакихъ разсужденій и толкованій по сему предмету, министръ обратилъ вниманіе цензуры на всѣ тѣ статьи и стихотворенія, въ которыхъ могутъ проявляться рѣзкіе и язвительные отзывы объ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ.

Комитетъ, разсмотрѣвъ сіи свѣдѣнія, нашелъ, что по точному смыслу вышеприведенныхъ постановленій цензурнаго устава и особенно по содержанію Собственоручныхъ Высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества резолюцій, послѣдовавшихъ въ мартѣ и ноябрѣ 1857 года, не могутъ и не должны быть допускаемы къ печатанію сужденія и тѣмъ болѣе критика распоряженій правительства. На этомъ основаніи комитетъ находитъ рѣшительно неудобнымъ дозволить печатать сужденія, и въ особенности критику противъ распоряженій правительства по предпринятому имъ существенному и многотрудному государственному дѣлу, а тѣмъ болѣе сужденія о главныхъ неизмѣнныхъ началахъ, указанныхъ Вашимъ Величествомъ для работъ по сему дѣлу. Равнымъ образомъ комитетъ находитъ неудобнымъ дозволить печатать такія преимущественно литературныя статьи, которыя по содержанію своему могутъ вооружать одинъ классъ народный противу другого, такъ какъ сіи статьи, не объясняя существа дѣла, но раздражая только умы, приносятъ гораздо болѣе вреда чѣмъ пользы. Что же касается прочихъ затѣмъ статей, чисто ученыхъ, теоретическаго или историческаго содержанія, гдѣ будутъ разбираться и разсматриваться вопросы хозяйственные, касающіеся какъ теперешняго, такъ и будущаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ, то подобныя статьи могутъ быть разрѣшены къ печатанію во всѣхъ періодическихъ журналахъ и газетахъ, съ соблюденіемъ постановленныхъ цензурнымъ уставомъ общихъ правилъ и съ обращеніемъ должнаго вниманія на духъ и благонамѣренность сочиненія. Печатаніе такихъ статей и допущеніе на оныя критики и антикритики можетъ содѣйствовать разъясненію вопросовъ, повсюду возникающихъ.

Вслѣдствіе сихъ разсужденій комитетъ положилъ:

1) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ составить и представить комитету проектъ циркулярнаго отношенія его къ начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства, гдѣ были бы ясно высказаны цѣль и желанія правительства по предпринятому имъ освобожденію крѣпостного состоянія и были бы по возможности разъяснены возникшія недоумѣнія, составляющія предметъ разныхъ ошибочныхъ толковъ и сужденій. Циркуляръ сей, по одобреніи его комитетомъ, можно будетъ напечатать въ Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и въ другихъ журналахъ и газетахъ.

2) Если впослѣдствіи также встрѣтится необходимость въ поясненіи какихъ либо новыхъ недоразумѣній, кои по этому многосложному дѣлу легко могутъ возникнуть, то предоставить министру внутреннихъ дѣлъ издавать дополнительные циркуляры, проекты коихъ представлять также на предварительное разсмотрѣніе секретнаго комитета.

3) Затѣмъ представленную министромъ внутреннихъ дѣлъ статью: «О новыхъ распоряженіяхъ правительства для постепеннаго освобожденія крестьянъ. Мысли безпристрастнаго помѣщика», возвратить сему министру для замѣны ея вновь предположеннымъ циркуляромъ; и

4) для руководства внутренней цензуры при разсмотрѣніи и пропускѣ къ печатанію статей, относящихся до предпринятаго нынѣ освобожденія крѣпостного состоянія, предоставить министру народнаго просвѣщенія предписать слѣдующія правила:

а) Статей, гдѣ будутъ разбирать, осуждать и критиковать распоряженія правительства по этому дѣлу, къ напечатанію не допускать.

б) Не позволять также печатать тѣхъ статей, преимущественно литературнаго содержанія, гдѣ, въ формѣ разсказа или какой либо другой, помѣщаются событія и сужденія, могущія возбудить крестьянъ противу помѣщиковъ; и

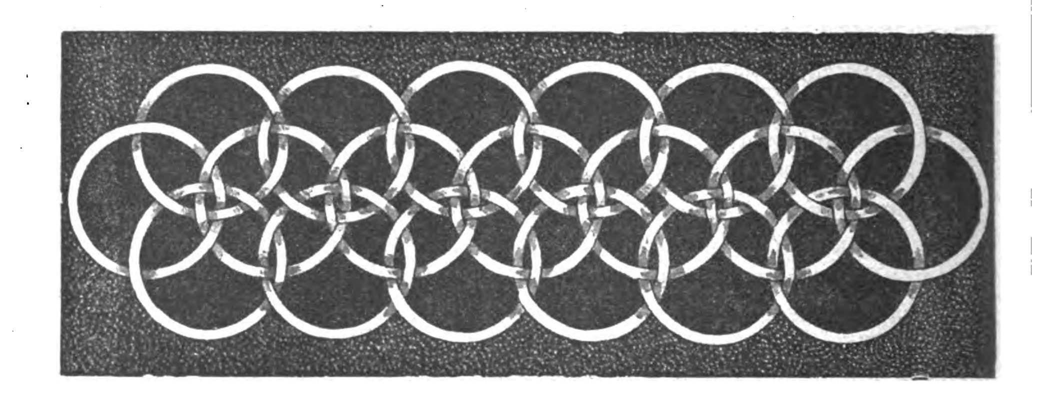
в) Затѣмъ всѣ сочиненія и статьи чисто ученыя теоретическія, историческія и статистическія, гдѣ будутъ разбираться и разсматриваться вопросы хозяйственные о теперешнемъ и будущемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, дозволить печатать, какъ отдѣльными книжками и во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ съ тѣмъ только, чтобы приэтомъ не было допускаемо разсужденій и толкованій о главныхъ началахъ, Высочайшими рескриптами предписанныхъ въ руководство коми-

тетамъ, по губерніямъ учреждаемымъ; чтобы при пропускѣ всѣхъ подобнаго рода статей и сочиненій въ точности соблюдались общія правила, цензурнымъ уставомъ предписанныя, и чтобы обращено было особое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія.

Такое мнѣніе комитетъ имѣетъ счастіе всеподданнѣйше представить на Высочайшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Подлинный подписали: князь Орловъ Константинъ. Графъ Д. Блудовъ. Графъ В. Адлербергъ. Князь Павелъ Гагаринъ. Сергій Ланской. Баронъ М. Корфъ. Князь В. Долгоруковъ. Михаилъ Муравьевъ. Константинъ Чевкинъ. П. Брокъ. Іаковъ Ростовцевъ. Государственный секретарь В. Бутковъ.

Сообщ. **П. А. Шафрановъ.**

Изъ дальнихъ лѣтъ.

(Очерки и воспоминанія студенчества).

I.

Видѣніе.

> «Говорятъ, солнце живитъ вселенную. Взойдетъ солнце и—посмотрите на него, развѣ оно не мертвецъ?
>
> Все мертво и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругомъ нихъ молчаніе — вотъ земля!» *Ѳ. Достоевскій.*

ванъ Зоринъ умиралъ.

Онъ сильно страдалъ, умирая: тяжело умирать молодымъ.

Нѣсколько человѣкъ товарищей студентовъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, безмолвно и осторожно передвигались по комнатѣ, въ полусумеркахъ туманнаго ранняго утра.

Болѣзнь Зорина—послѣдствіе роковой случайности, и быстрое его угасаніе не по днямъ, а по часамъ, когда человѣкъ какъ весенній снѣгъ таетъ—все это произвело на нашъ товарищескій кружокъ удручающее впечатлѣніе.

Еще нѣсколько недѣль тому назадъ, въ этой самой комнатѣ, чуть не до разсвѣта шелъ бурный споръ.

Зоринъ, какъ это часто бываетъ съ людьми сильно и глубоко убѣжденными, былъ плохимъ защитникомъ своей «платформы», своихъ основныхъ положеній—ему вѣдь казалось въ этихъ положеніяхъ все яснымъ и не подлежащимъ возраженію, да кромѣ того, Зоринъ не обладалъ ораторскимъ талантомъ.

Со всей язвительностью будущаго «украшенія» адвокатской трибуны ему возражалъ студентъ юристъ А., легкомысленный и безпринципный, «скользкій» юноша, котораго долгое время не хотѣли допустить въ «кружокъ», но который всетаки и сюда проникъ, какъ, впослѣдствіи, всюду и всегда проникалъ.

Зоринъ кричалъ, а его оппонентъ весьма спокойно его высмѣивалъ, какъ-бы играя словами, и, порой, вставляя иностранныя выраженія.

Наконецъ, когда на одну уже слишкомъ высокую нотку Зорина г. А. элегантно заявилъ: „parler bien fort—n'est pas parler fort bien“, Зоринъ не вытерпѣлъ, схватилъ въ руки шапку, по-мужицки бросилъ ее объ полъ, затѣмъ опять поднялъ и выбѣжалъ вонъ, раздѣтый, на морозъ въ одной кумачевой рубахѣ...

Кто-то изъ товарищей пошелъ за нимъ лишь черезъ четверть часа и нашелъ его на сугробѣ, лицомъ въ снѣгъ. Весь мокрый отъ растаявшаго кругомъ снѣга, онъ, рыдая, дрожалъ.

Какъ всякая сильная натура Зоринъ не могъ подчиниться тому, во что не вѣрилъ, и отказаться отъ того, во что скорѣй вѣрилъ, чѣмъ окончательно усвоилъ разумомъ; особый видъ «искусства для искусства» г. А., аргументація для аргументаціи, слишкомъ больно звучалъ въ его душѣ.

. . . .

Черезъ три недѣли Зоринъ кашлялъ кровью, затѣмъ слегъ въ постель, и теперь умиралъ.

Уставъ отъ безцѣльныхъ передвиженій по комнатѣ, я опустился въ единственное кресло около окна и сталъ перебирать всякія бумаги на подоконникѣ.

Среди разбросанныхъ листковъ лекцій здѣсь лежала небольшая тетрадка.

Странное заглавіе невольно заставило меня взять ее въ руки.

Заглавіе это было почти вырисовано Зоринымъ на корешкѣ, а затѣмъ, чрезвычайно отчетливо его-же твердымъ почеркомъ были написаны и послѣдующія строки.

Я прочелъ:

Сигналы съ Марса.

Сказка о будущемъ человѣчества и Земли.

Много, много вѣковъ въ безконечномъ движеніи вращалась Земля, постепенно холодѣя и тускнѣя. Солнце уходило, унося съ собой и свѣтъ и тепло, и люди постепенно погружались во мракъ холодныхъ сумерекъ.

Но еще раньше ухода Солнца радость жизни оставила людей.

Темной волной двинулись народы востока и поглотили старую культуру европейцевъ.

Эти новые для Европы, но безконечно старые для міра народы не имѣли представленія о личномъ счастьѣ, свободѣ и братской любви... Они даже не знали, что такое «нравственность», и на ихъ языкъ это понятіе переводилось словомъ «порядокъ».

Имъ было чуждо и слово «разумъ»: они переводили его словомъ «повиновеніе».

И эти народы водворили повсюду повиновеніе и порядокъ, на началахъ ненависти и подчиненія, подрѣзавъ всѣ тѣ человѣческія головы, которыя, какъ высокія колосья, поднимались надъ толпой.

Низвергнувъ старую культуру, новые европейцы сохранили, однако, всѣ техническія усовершенствованія производства, практическую полезность которыхъ они уже успѣли извѣдать...

Уничтоживъ просвѣщеніе всѣхъ, эти народы тщательно сохранили науку немногихъ.

И эта далекая отъ всѣхъ наука продолжала быстро идти впередъ; облегченная отъ груза совѣсти она пошла впередъ еще быстрѣе.

Люди, копошась въ холодномъ полумракѣ, голодали и умирали,—а наука, давъ множество техническихъ открытій, окончательно поработившихъ человѣчество, установила отчетливые способы сношеній съ окружающими мірами и порой устрашала толпу непонятными ей сигналами.

Земля, между тѣмъ, холодѣла и тускнѣла: свѣтомъ электричества не удалось замѣнить свѣта Солнца и даже ученые и правители стали впадать въ уныніе.

Нежданно — радостная вѣсть въ мгновеніе облетѣла всѣхъ: обитатели одного изъ міровъ сообщили, что свѣтъ и тепло должны возвратиться на землю и что сигналы послѣдуютъ съ Марса. Слухъ объ этомъ такъ потрясъ человѣчество, что даже господа не были въ состояніи выгнать въ эти дни свой скотъ и рабовъ на работу, и весь народъ, все человѣчество поспѣшило на возвышенности и на обширныя пустынныя пространства земли, образовавшіяся вслѣдствіе вымиранія и самоубійствъ цѣлыхъ городовъ и селеній.

Все человѣчество устремило взоры на Небо.

Но свинцовое Небо молчало.

Прошли часы, дни, мѣсяцы и годы. Небо продолжало молчать, Земля — холодѣть и тускнѣть, а человѣчество — жить надеждой...

Несмотря на самый строгій порядокъ, работали уже немногіе...

Страхъ перссталъ дѣйствовать на людей, не хотѣвшихъ жить.

Послѣдніе оставшіеся рабы, передвигаясь при свѣтѣ громадныхъ электрическихъ фонарей по холодной пустынѣ, быстро погибали и новые уже не приходили имъ на смѣну.

И скоро смерть сравняла всѣхъ и одичалые и одинокіе люди, обезумѣвъ, бродили по потемнѣвшему кладбищу — Землѣ.

Но и у этихъ одинокихъ дикарей еще таилась, по преданію, въ душѣ надежда и они продолжали смотрѣть на безмолвное, мрачное Небо.

Внезапно это мертвое Небо засверкало отъ мелькающихъ огней — звенящихъ сигналовъ съ Марса.

Багрянымъ румянцемъ загорѣлся востокъ и показалось восходящее Солнце.

Восходящее Солнце, отъ котораго уже давно отвыкло человѣчество...

И свѣтъ и тепло и радость жизни вернулись на Землю, засверкавшую вновь красотой и молодостью.

Сбылось предсказанье ученыхъ, но для новаго человѣчества — старое уже перестало существовать: послѣдніе его представители не были въ силахъ пережить своего счастія.

. . . .

«Кажется — конецъ. Подойдемъ къ нему поближе», тронувъ меня за плечо, сказалъ мнѣ товарищъ.

Мы всѣ окружили кровать Зорина.

Полумракъ въ комнатѣ какъ будто сталъ еще гуще, можетъ быть, вслѣдствіе столпившихся около кровати фигуръ.

Задыхаясь, съ кровавой пѣной на губахъ Зоринъ пытался подняться и что-то сказать.

«Сигналъ, сигналъ» послышалось мнѣ.

Голова Зорина опрокинулась на подушку и онъ умолкъ.

Мы опустились на колѣни.

Торжествующій лучъ солнца, прорѣзавъ туманъ сырого утра, ворвался въ комнату.

Поздно! Зоринъ его не увидѣлъ...

II.

Caput dolet.

Герой не всегда тотъ, кто геройствуетъ.

Весна. «Въ полномъ разгарѣ страда» учащейся молодежи. Неугомонный лучъ яркаго весенняго солнца проникъ даже въ полутемное окно маленькой студенческой комнаты третьяго этажа, въ которой ютились мы вдвоемъ съ товарищемъ, на секунду ослѣпилъ мои усталые глаза, утомленные всенощнымъ предэкзаменаціоннымъ бдѣніемъ, и упорно остановился, въ формѣ свѣтового «зайчика», на впалой щекѣ и носу моего спящаго коллеги.

По тому свѣтовому гипнозу, который производятъ яркія пятна, я на минуту уставился на спящаго...

Глубокая линія около рта Алеши Теплова, бросившаяся мнѣ вчера въ глаза во время нашего безконечнаго и безотраднаго спора, одна изъ тѣхъ бороздъ скорби, которыя почему-то такъ часто ложатся на лица нашей молодежи, еще рѣзче чѣмъ вчера выступила на этомъ мертвенномъ, истомленномъ лицѣ.

Между тѣмъ, еще недавно то-же лицо свѣтилось счастьемъ и радостью жизни.

Это было три недѣли тому назадъ у Маріи Николаевны Н.***—невѣсты Алеши.

Въ небольшую квартирку, въ которой жила Марія Николаевна съ полуглухой старушкой матерью, аккуратно ложившейся спать въ десять часовъ вечера, я попалъ на обычное собраніе почему-то поздно—часу въ первомъ ночи. Когда я вошелъ, человѣкъ пятнадцать товарищей въ темной отъ табачнаго дыма комнатѣ уже сильно жестикулировали и о чемъ-то всѣ вмѣстѣ гудѣли, какъ пчелы въ ульѣ, а Тепловъ—нервный и возбужденный, почти кричалъ.

— Это чортъ знаетъ что, это мистицизмъ какой-то! высокимъ теноркомъ возглашалъ одинъ изъ горячихъ противниковъ Теплова; Марія Николаевна смотрѣла на Алешу какъ-то странно вопросительно и тревожно, а горячій принципіальный противникъ Теплова, студентъ Воздвиженскій, большой поклонникъ Маріи Николаевны, насмѣшливо и вызывающе...

— Вѣдь вы утверждаете, что все опредѣляютъ въ конечномъ моментѣ производство и воспроизведеніе, разслышалъ я, наконецъ, слова Теплова,—такъ значитъ, все у васъ опредѣлено. Личности здѣсь нѣтъ мѣста, нравственности тоже... Способъ произ-

водства тысячи паръ новыхъ сапогъ важнѣй для будущаго человѣчества, чѣмъ всѣ писанія самого-же вашего философа — учителя... Вѣдь духовный факторъ ничто... Вы все «предопредѣлили»... Вы детерминисты и мистики безъ Бога, а не я... Да что тамъ вамъ дальше это доказывать,—главное, что изъ этого слѣдуетъ, что тогда и мы здѣсь не дѣло всѣ дѣлаемъ, а тунеядствуемъ... Личность не имѣетъ значенія—такъ гдѣ-же оправданіе для заботъ и хлопотъ нашихъ о культурѣ нашихъ собственныхъ личностей? Гдѣ?

Голосъ у Алеши оборвался, онъ замолчалъ и всѣ на минуту притихли.

— Что за умственная косолапость—все на себя воротить, началъ глубокій басъ студента изъ семинаристовъ Воздвиженскаго,—что за куриная слѣпота—міръ по своему аршину мѣрить! Отняли у господинчика утѣшеніе, что его личность весь міръ перевернетъ, такъ уже и культура—тунеядство. Вѣдь культура-то также потребность производства — въ этомъ и оправданіе. Да и словечко опять это «оправданіе». Совсѣмъ не нужно...

— Постой, постой, яростно закричалъ опять Тепловъ,— для человѣчества «оправданіе», конечно, не нужно, а для человѣка-то какъ?.. Для меня-то вѣдь оно нужно. Или, если все предопредѣлено, — все дозволено? А по моему, если я только одинъ изъ прохожихъ, да на троттуаръ влѣзъ, а другіе грязь по улицѣ мѣсятъ, а у меня для моего личнаго троттуарнаго-то положенія нѣтъ оправданія, такъ не долженъ-ли я сойдти?

— Такъ и сойди, опять перебилъ Теплова Воздвиженскій, а затѣмъ взялся демонстративно за шапку и пошелъ къ выходу, не обращая никакого вниманія на впечатлѣніе отъ своихъ словъ.

Кругомъ снова загудѣли голоса, одинъ Тепловъ какъ-то примолкъ.

Я подошелъ къ нему поздороваться, но онъ не сразу меня замѣтилъ.

Глухимъ голосомъ и странно глядя въ спину Воздвиженскому, онъ тихо сказалъ: «сойдти?» и затѣмъ вопросительно посмотрѣлъ на Марію Николаевну.

— Рано, другъ, рано! весело крикнулъ я ему, ударяя его по плечу, но Тепловъ какъ-то осунулся, оживленіе исчезло и я понялъ, что моей шуткой я не поправлю его настроенія.

За уходомъ главнаго оппонента, Воздвиженскаго, и вслѣдствіе молчанія, въ которое погрузился Тепловъ, спорящіе посте-

пенно разбились на группы и бесѣда перестала быть общей... Марія Николаевна, какъ всегда спокойная и сосредоточенная, принялась усердно разливать чай и часа черезъ полтора мы съ Алешей уже шли домой.

Послѣ этого вечера и произошелъ въ Тепловѣ переломъ.

Къ экзаменамъ онъ почему-то готовился мало, трудового утомленія, слѣдовательно, у него не могло быть, а между тѣмъ онъ все худѣлъ и хирѣлъ, томился какъ-то... Мы часто съ нимъ бесѣдовали на тему, затронутую въ спорѣ съ Воздвиженскимъ, толковали о томъ-же «безконечно и безплодно» даже и наканунѣ, утверждаясь лишь каждый въ своемъ «особомъ» мнѣніи, какъ это большею частію бываетъ, причемъ я замѣтилъ, что слово «сойди» произвело на Теплова сильное впечатлѣніе, такъ какъ онъ къ нему часто возвращался, и мнѣ казалось порой, что Тепловъ понялъ это слово въ смыслѣ вызова со стороны Воздвиженскаго, вызова на личной почвѣ.

И теперь, просыпаясь отъ яркаго солнечнаго луча, мнѣ почудилось—онъ шепчетъ это слово.

«За что-же сойдти», помѣчено на углу курса лекцій его рукой.

Какъ-бы отвѣчая на мои размышленія, поднявшись на одномъ локтѣ, смотритъ на меня Алеша и спрашиваетъ: «Не то важно, что сойдти, а *куда сойдти*, да и за что? Можетъ быть, это нужно, какъ ты думаешь?»

— Не сойди, братецъ мой, только съ ума, отвѣтилъ я ему кратко, усталый отъ безсонной ночи, и легъ спать.

По возвращеніи домой съ экзамена, на который, на слѣдующій день, Тепловъ почему-то не пошелъ, хотя и могъ-бы его сдать, я засталъ въ нашей комнатѣ его и Марію Николаевну и, что меня болѣе всего удивило, — Воздвиженскаго, вообще мало ходившаго къ товарищамъ.

Всѣ трое весьма мирно бесѣдовали, и вскорѣ Тепловъ съ невѣстой ушли, Воздвиженскій же остался.

— Хотите чаю? предложилъ я ему, принимаясь за свой стаканъ, и отчасти чтобы чѣмъ-нибудь нарушить молчаніе.

— Захочу — самъ спрошу, нечего приставать, любезно отвѣтилъ мой незваный гость.

Пожавъ плечами, я взялся за книгу и сталъ читать.

— Слушайте, баринъ, началъ Воздвиженскій, почему-то называя меня словцомъ, которое считалъ особенно обиднымъ. Вы—не того, не замѣтили, что вашъ-то камрадъ спятилъ, или около этой самой точки безпредѣльности...

— Слушайте, Воздвиженскій, срѣзалъ я его,—чего вы лѣзете въ чужую душу, что вы врачъ психіатръ, или апостолъ что-ли, или... слѣдователь... Не говорили бы глупыхъ словъ, такъ лучше было-бы!

Выпаливъ эти слова, я замолчалъ, глубоко возмущенный не обращеніемъ Воздвиженскаго ко мнѣ, отъ котораго меня претило лишь за его «манерность», а заявленіемъ о Тепловѣ.

— Вотъ потому-что сказалъ, хоть и неглупое слово, а «argumentum ad hominem»[1]) что-ли, потому и пришелъ, спокойно замѣтилъ Воздвиженскій.—Вижу, что очень это его къ стѣнѣ приперло, потому и зашелъ, хоть соврать, да отъ стѣны-то отвести, да хитеръ, боюсь, догадался, не повѣрилъ... Все твердитъ и Маріи Николаевнѣ и мнѣ — сами, говоритъ, сказали «сойди», и чувствую, что правда, и «caput», говоритъ, у меня отъ этой правды «dolet», а нужно мѣсто другимъ очистить. И понесъ опять: если личность, говоритъ, въ исторіи ничего не значитъ, такъ гдѣ-же право на счастіе и т. д. Проповѣдывалъ это здѣсь вашъ-то другъ съ часъ цѣлый до вашего прихода, а я молчалъ, да поддакивалъ... Понимаете, поддакивалъ, а не спорилъ, съ глазу-то на глазъ не опасно, незаразительно для другихъ. Какъ пришла Марія Николаевна—я было опять спорить, да она на меня такъ посмотрѣла, что я понялъ, что и для нея незаразительно, и замолчалъ. А жаль его... одна надежда на Машу, закончилъ Воздвиженскій.

— Почему «Машу», какая она вамъ «Маша», взбѣсился я опять, но, взглянувъ на добродушно и нѣсколько удивленно улыбающееся лицо Воздвиженскаго, засмѣялся такъ же неожиданно, какъ и началъ сердиться, сообразивъ, что у меня, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ экзамена, должно быть, и у самого голова не въ порядкѣ.

— Ну, прощайте, сердитый баринъ, заявилъ между тѣмъ Воздвиженскій, подымаясь со стула,—да не спорьте съ сожителемъ-то. Вѣдь это все у него «чувство»,—съ этимъ ничего не подѣлаешь.

Въ словахъ Воздвиженскаго меня больше всего поразило, что Тепловъ употребилъ выраженіе «caput dolet», а не сказалъ просто «голова болитъ».

Въ спорѣ съ нимъ я за два дня до этого указалъ на голову и заявилъ: «у тебя — «caput dolet». Теперь въ мозгу Теплова это выраженьице, очевидно, прилипло къ словечку «сойди».

---

[1]) Соображеніе, мнѣніе, относящееся къ личности говорящаго.

Я сталъ бояться, что и мое словечко не даетъ Теплову покоя, и твердо рѣшилъ не спорить болѣе съ «чувствомъ».

Уже приближалось время моего отъѣзда домой, а состояніе здоровья Теплова, именно состояніе здоровья, а не душевное настроеніе, не улучшалось.

Случайная болѣзнь — воспаленіе легкихъ, еще ухудшила положеніе Теплова. Въ больницѣ Теплова часто навѣщалъ Воздвиженскій, положительно къ нему тяготѣвшій за послѣднее время, и, конечно, Маша.

Мы стали видѣться рѣже и, наконецъ, вскорѣ, совсѣмъ разстались до осени. По возвращеніи я узналъ о бракѣ Маши съ продолжавшимъ болѣть Тепловымъ и о переводѣ Воздвиженскаго въ провинціальный университетъ, переводѣ, по моему мнѣнію, ничѣмъ не мотивированномъ.

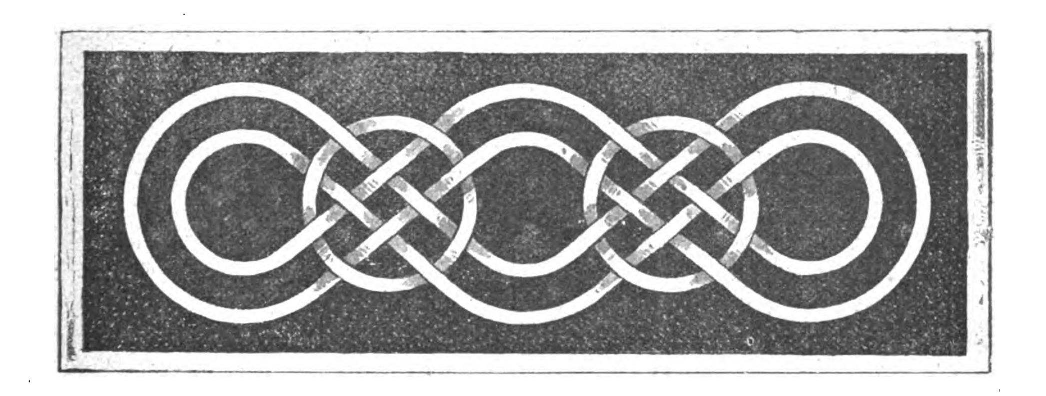
Послѣднее обстоятельство мнѣ пришлось, по порученію товарищей, выяснить, причемъ я получилъ отъ Воздвиженскаго слѣдующее краткое посланіе:

«Теперь, кажется, вы въ душу лѣзете, но, допускаю, впрочемъ, что и потому хотите знать, не по независящимъ-ли обстоятельствамъ? Успокойте свое «гражданское» негодованіе — самъ убрался, добровольно... Помните вы на меня за «Машу» разсвирѣпѣли, а вышло — хорошо что во время. Замѣтивъ въ себѣ сей «субъективный мотивъ», я припомнилъ словечко «сойди», ну и сошелъ. Вотъ и все. До свиданія когда-нибудь. Воздвиженскій».

Я больше никогда не упрекалъ Воздвиженскаго послѣ этого письма за его словечко «сойди». Теперь это уже все иначе: Воздвиженскій зоветъ Марію Николаевну—Машей, и я нисколько не сержусь на него за это: послѣ смерти Теплова они обвѣнчались.

Не грѣхъ, впрочемъ, и сказать «сойди», коль самъ сіе вмѣстить можешь.

М. Головинскій.

Страничкi прошлаго.

Династическiй вопросъ въ исторiи Смуты.

Прекращенiе династiи Рюрика въ концѣ XVI вѣка совпало съ глубокимъ разладомъ общественно-сословныхъ отношенiй въ московскомъ государствѣ. Изъ замѣчательной книги профессора Платонова, посвященной детальному изученiю этихъ отношенiй [1]), видно, что бурная борьба Грознаго съ московскимъ боярствомъ, сопровождавшаяся необыкновенно энергичной мобилизацiей землевладѣнiя, отразилась гибельно не только на боярствѣ, но и на крестьянскомъ населенiи государства. Боярство было разгромлено: часть его погибла въ борьбѣ, другая была разметана по русской землѣ — изъ края въ край и превратилась въ рядовыхъ служилыхъ людей. Это было горько и обидно, въ смыслѣ потери политическаго значенiя при дворѣ государя, и просто невыносимо, вслѣдствiе неизбѣжныхъ матерiальныхъ лишенiй: отсюда — боярскiй ропотъ и желанiе вернуть порядки прошлаго времени. Крестьянство, населявшее обширныя боярскiя помѣстья, сохраняло внутреннюю цѣлость своего мiрского устройства, при которомъ ему было сравнительно легче тянуть дани и оброки, а жить за богатыми вотчинниками было вообще спокойно и безопасно. Съ раздробленiемъ-же княжескихъ и боярскихъ латифундiй и съ раздачею ихъ мелкимъ служилымъ людямъ, положенiе этого крестьянства рѣзко измѣнилось. Прежде единый тяглый вотчинный мiръ дробился и исчезалъ; подати и розметы естественно возрастали, потому что теперь приходилось „пашня пахати, сѣно косити, издѣлье всякое дѣлати и оброкъ платити ежегодъ, чѣмъ помѣщикъ изоброчитъ“, уже не одному, а многимъ помѣщикамъ,

---

[1]) Очерки по исторiи Смуты въ москов. государствѣ XVI—XVII в. Спб. 1899 г. Стр. 139—186.

изъ которыхъ у каждаго были свои хозяйственныя потребности и свои личныя нужды. Въ особенности на первыхъ порахъ своего „испомѣщенія“ масса новыхъ помѣщиковъ должна была лечь тяжелымъ бременемъ на крестьянство. Оно, конечно, скоро ощутило эту тяготу и съ глухимъ недовольствомъ „побрело розно“ съ насиженныхъ мѣстъ на вольныя земли — на нижнюю и среднюю Волгу, Донъ и въ Сибирь. Это выселеніе шло такъ успѣшно, что правительство скоро вынуждено было обуздывать его, и принять рядъ мѣръ къ удержанію крестьянъ на землѣ, что, въ свою очередь, еще болѣе усилило ихъ неудовольствіе. Такимъ образомъ, „верхъ“ и „низъ“ московскаго государства были глубоко потрясены: тутъ и тамъ шло глухое броженіе, и на подготовленную почву падали первыя сѣмена будущей смуты...

А въ это время на московскомъ престолѣ догорала послѣдняя „свѣча воску ярова“: бездѣтный и болѣзненный царь Өеодоръ доживалъ свои дни.

Это *случайное* совпаденіе внутренняго кризиса съ прекращеніемъ древней династіи имѣло роковое и громадное вліяніе на развитіе нашей Смуты. Въ самомъ дѣлѣ, русской народной массѣ, для проявленія своего недовольства существующимъ порядкомъ, всегда нужно какое-нибудь *династическое* знамя. Въ Смуту онъ поднимался подъ знаменемъ царевича Димитрія; при Разинѣ— подъ знаменемъ царевича Алексѣя Алексѣевича [1]); при Екатеринѣ II—подъ знаменемъ Петра III-го. Замѣчательно приэтомъ, что такими знаменоносцами для массы являются лица яко-бы царскаго рода, права которыхъ она считаетъ несправедливо попранными или угнетенными. Олицетворяя въ нихъ собственное тяжелое положеніе, народъ поднимается на защиту ихъ правъ съ стихійной надеждой, что, страдая сами, они скорѣе другихъ поймутъ и облегчатъ его тяжелое положеніе. Разумѣется, при такомъ настроеніи народа совершенно невозможно критическое отношеніе съ его стороны къ явившимся знаменоносцамъ: онъ вѣритъ имъ слѣпо и упорно.

Г. Платоновъ замѣчаетъ [2]), что ослабленіе правительственной власти въ Москвѣ началось вслѣдъ за смертію Грознаго. Однако извѣстно, что въ это время правленіе перешло въ умѣлыя руки Годунова, обладавшаго крупнымъ политическимъ умомъ и необыкновенными способностями правителя, благодаря которымъ онъ сумѣлъ успокоить страну и поднять ея благосостояніе. Едва-ли бы онъ могъ достичь этого, обладая слабою властью. Поэтому представляется вѣроятнымъ, что подъ эгидою царя Өеодора власть Годунова могла быть сильна и крѣпка. Но какъ только не стало этого звена, слабаго по своей сущности, но важнаго съ народной точки зрѣнія, соединявшаго Годунова съ источникомъ власти законной и непререкаемой, положеніе его измѣнилось. Правда, затѣмъ онъ самъ сталъ царемъ со всѣми прерогативами этой власти, но царемъ избраннымъ, а не прирожден-

---

[1]) «Рус. Исторія въ жизнеоп.» Костомарова; т. 2-й, стр. 338.
[2]) Стр. 190 «Очерковъ».

нымъ. Если-бы Борисъ былъ прирожденнымъ властодержцемъ, положеніе его было-бы вполнѣ прочно, и внутренній кризисъ московской жизни не поколебалъ-бы его престола, тѣмъ болѣе, что избранный имъ путь борьбы съ кризисомъ (поддержка средняго пласта московскаго общества) былъ единственно-вѣрнымъ и надежнымъ. Дальнѣйшія событія вполнѣ подтвердили правильность взглядовъ Бориса, такъ какъ именно средніе общественные слои одолѣли Смуту. Руководители самозванческой интриги, принадлежавшіе безъ сомнѣнія къ верхамъ московскаго общества, очень хорошо понимали, что народъ поднимется противъ Годунова единственно подъ знаменемъ прирожденнаго наслѣдника угасшаго царскаго рода, и потому выдвинули вполнѣ надежнаго претендента. Разсчетъ ихъ былъ вѣренъ. Дѣйствительно, ни большія заслуги Бориса передъ страной въ качествѣ правителя и государя, ни личныя высокія достоинства, ни вполнѣ законное соборное избраніе—не могли обезпечить ему спокойное обладаніе престоломъ... Онъ рухнулъ подъ напоромъ стихійной силы—народной преданности къ прежнему царскому роду, и мѣсто Годунова занялъ названный царь Димитрій.

Кто бы ни былъ этотъ загадочный человѣкъ, несомнѣнно одно, что его положеніе на престолѣ, въ качествѣ прирожденнаго государя, было гораздо прочнѣе Годунова. Нелишенный дарованій, смѣлый и энергичный, названный царь Димитрій имѣлъ всѣ данныя для утвержденія себя и своего рода на московскомъ престолѣ. Несмотря на всѣ сдѣланныя имъ по воцареніи ошибки, народное довѣріе и любовь были ему обезпечены. Какъ показали послѣдующія событія, его можно было убить, но нельзя было искоренить народное расположеніе къ нему. Сколько разъ затѣмъ этотъ народъ приходилъ въ движеніе при вѣсти о его спасеніи и поднимался на его защиту! И это происходило въ то время, когда престолъ занималъ дѣйствительный, хотя и отдаленный, потомокъ Рюрика—Василій Шуйскій, который въ понятіи народа являлся уже простымъ бояриномъ, самовольно сѣвшимъ на высокое царское мѣсто.

Большою ошибкою было бы допускать, что заговоръ Шуйскаго противъ названнаго Димитрія былъ народнымъ дѣломъ. Напротивъ, онъ былъ дѣломъ очень ограниченнаго боярскаго кружка, группировавшагося вокругъ Шуйскаго, и удался, благодаря лишь крайней безпечности и самонадѣянности Димитрія—съ одной стороны, и искусному отвлеченію народа отъ Кремля—съ другой. Очевидецъ событія, Масса, прямо говоритъ, что народъ ничего не зналъ о заговорѣ и даже думалъ, что поляки посягаютъ на жизнь царя, а заговорщики спасаютъ его [1]. Самъ Димитрій хорошо зналъ, что народъ защитилъ бы его и не выдалъ убійцамъ, и потому передъ смертью просилъ окружившихъ его стрѣльцовъ — снести къ народу на площадь, обѣщая зато отдать имъ все имущество мятежныхъ бояръ. Послѣ кроваваго дня 17 мая 1606 г., народъ въ Москвѣ находился въ замѣтномъ

[1]) Сказаніе Массы, стр. 200, изд. Археогр. ком., изд. 1874 г.

смущеніи. Проявляя въ этотъ день худшія стороны своей природы, предаваясь пьянству и грабежу и совершая убійства, онъ тѣмъ не менѣе думалъ, что избиваетъ поляковъ для защиты царя... И вдругъ оказалось, что этотъ царь все-таки былъ убитъ, и притомъ не иноземцами, а своими—русскими боярами. Народъ молчалъ какъ бы въ оцѣпенѣніи, хотя догадывался, что съ нимъ сыграли злую шутку, что его подвели. Эта мысль мало-по-малу овладѣвала умами и поселяла въ народѣ недовольство противъ Шуйскаго. Народъ скоро почуялъ въ немъ ту ложь, которою было проникнуто все его существо, и тогда-же отвернулся отъ него. Потому-то ни грамоты Шуйскаго, ни устроенное имъ перенесеніе мощей царевича изъ Углича въ Москву — не могли искоренить въ народѣ вѣру въ двукратное спасеніе Димитрія: онъ продолжалъ гоняться за его тѣнью и становился подъ его знамя, поднимаемое разными проходимцами.

Г. Платоновъ говоритъ [1]), „что при царѣ Василіи борьба велась уже не столько за династическія права претендентовъ на его власть, сколько за торжество того общественнаго порядка, какого желали ихъ сторонники". Нельзя отрицать, конечно, народное недовольство существовавшимъ тогда въ московскомъ государствѣ порядкомъ; однако, весьма знаменательно, что народъ ждалъ измѣненія этого порядка къ лучшему единственно отъ потомка прежней династіи—своего прирожденнаго государя. Безъ сомнѣнія, онъ поднимался и шелъ за его знаменемъ въ силу историческаго обаянія цѣлаго ряда князей и царей изъ дома Калиты, много поработавшихъ для народа и государства и глубоко запавшихъ въ народную память, благодаря своей полезной дѣятельности. Это было своего рода внушеніе, дѣйствовавшее въ теченіе длиннаго ряда народныхъ поколѣній, и потому оказавшееся весьма могущественнымъ. Отрицать значеніе этого фактора въ событіяхъ смутнаго времени—едва-ли возможно.

Въ концѣ Смуты народъ также настойчиво искалъ потомковъ прежней династіи. На избирательномъ земскомъ соборѣ 1613 г. выборные люди возбудили вопросъ: „есть-ли у насъ царское прирожденіе?" [2]) Въ отвѣтъ на него были предложены выписи „о сродствѣ царевѣ", въ которыхъ значилось, „что М. Ѳ. Романовъ царю Ѳеодору Ивановичу, по матери его благовѣрной царицѣ Анастасіи Романовнѣ—племянникъ". Нельзя отрицать, что это родство имѣло извѣстное значеніе для членовъ собора: при наличности всѣхъ другихъ подходящихъ условій, намѣченный кандидатъ въ цари приходился еще и родственникомъ двумъ послѣднимъ государямъ прежней династіи. Возможно, что если-бы на виду у собора былъ другой кандидатъ съ такими-же условіями, но безъ „сродства царева", то народный выборъ все-таки скорѣе склонился-бы въ пользу Михаила Романова.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ смутную эпоху вся масса

---

[1]) Стр. 296 „Очерковъ".

[2]) Хронографъ кн. Оболенскаго—въ Архивѣ Калачова, 1850 г., кн. I, отд. VI, стр. 35—38.

русскаго народа приходила въ движеніе, но общепризнанныхъ вожаковъ у нея не было до 1611 года. Естественно, что движенія ея не могли направляться въ это время чьею-нибудь волею и идти по извѣстному плану. Она подчинялась лишь общему стимулу, для всѣхъ доступному и понятному. Безъ большой ошибки можно допустить, что такимъ стимуломъ было стихійное народное желаніе—имѣть царемъ прирожденнаго государя, который смогъ бы устранить всѣ народныя невзгоды и залѣчить всѣ раны. Окрыляемый этой испытанной вѣками вѣрой, народъ всталъ за Димитрія противъ Годунова и упорно стоялъ за него-же противъ Шуйскаго, пока не убѣдился, по словамъ народной пѣсни, что

Въ шестымъ году, въ восьмой тысящѣ
Въ нонѣшнемъ народѣ правда вывелась,
Вселилось въ народѣ лукавство великое...
Упало лукавство не на воду и не на землю,
Упало лукавство царю Дмитрію на бѣлу грудь:
Убили царя Дмитрія въ гуляньѣ, на игрищахъ... [1]).

Народъ понялъ, наконецъ, что Димитрія нѣтъ въ живыхъ; понялъ боярское лукавство и ополчился уже не за Димитрія, а за свою вѣру и національную самобытность подъ предводительствомъ Ляпунова съ товарищами и Пожарскаго съ Мининымъ.

А. Мерцаловъ.

Пѣсня о холерѣ.

«Охъ, ужъ эта мнѣ холера!»
Изъ письма Пушкина П. А. Плетневу, 22 іюля 1831 г.

Въ 1831 г. въ Россіи свирѣпствовала холера. Пушкинъ въ послѣднихъ числахъ мая поселился въ Царскомъ Селѣ и, находясь въ „оцѣпленіи" съ первыхъ чиселъ іюня, не могъ оттуда выѣхать даже въ Петербургъ.

„Вы знаете, что дѣлается у насъ въ Петербугѣ, писалъ онъ 6 іюня 1831 г. Чаадаеву, жившему тогда въ Москвѣ,—народъ вообразилъ, что его отравляютъ. Газеты истощаются въ увѣщаніяхъ и протестахъ; но, къ несчастью, народъ не умѣетъ читать, и кровавыя сцены готовы возобновиться. Мы окружены въ Царскомъ Селѣ и Павловскомъ и не имѣемъ никакого сообщенія съ Петербургомъ".

Для характеристики общаго настроенія интересно письмо поэта къ М. Л. Яковлеву, котораго онъ проситъ съѣздить къ Плетневу.

„Если онъ (Плетневъ) сидитъ на дачѣ, опасаясь холеры, и ни съ кѣмъ сношеній не имѣетъ, то напиши мнѣ объ немъ, здоровъ-ли онъ и всѣ-ли у него здоровы". „Что вы дѣлаете, друзья", спрашиваетъ Пушкинъ въ концѣ этого письма, написаннаго 19 іюля, „и кто изъ нашихъ пріятелей отправился туда, отколь никто не воротится?"

---

[1]) Рус. Старина 1874 г., кн. I, стр. 200.

На меланхолическое письмо Плетнева Пушкинъ отвѣчалъ 22 іюля: „Письмо твое отъ 19 крѣпко меня опечалило. Опять хандришь! Эй, смотри: хандра хуже холеры,—одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу... Вздоръ, душа моя; не хандри, холера на-дняхъ пройдетъ; были бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы... Я поручилъ... доставить тебѣ мои сказки; прочитай ихъ ради скуки холерной, а напечатать ихъ не къ спѣху... Когда-жъ мы, братъ, увидимся? Охъ, ужъ эта мнѣ холера! Прощай, кланяюсь всѣмъ твоимъ. Будьте здоровы. Христосъ съ вами". Въ письмѣ Пушкина отъ 29 іюля къ московскому пріятелю Нащокину читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „у насъ все, слава Богу, тихо; бунты петербургскіе прекратились; холера также".

Во время холерной эпидеміи въ Москвѣ дѣло, какъ извѣстно, не дошло до возмущенія черни.

„Не даромъ царь ставилъ Москву въ примѣръ Петербургу!" писалъ Пушкинъ Нащокину 21 іюля. Недовольство народное выражалось въ иной формѣ. „Ради скуки холерной", нѣкоторые остряки изъ народа, которому тогда не дано было еще восхищаться прекрасными сказками великаго поэта, сами принялись за сочинительство. Въ „Книгѣ Памятной"—рукописныхъ замѣткахъ, доставшихся мнѣ отъ моего дѣдушки, помѣщено одно изъ такихъ народныхъ произведеній, свидѣтельствующее о томъ, что авторъ его, типъ раёшника, „жилъ, не тужилъ, въ печаль не вдавался", согласно пѣснѣ народной: „А и въ горѣ жить—некручинну быть", не хандрилъ, шутилъ и подмѣчалъ людскіе недостатки.

„Стихотворенію", которое я ниже привожу цѣликомъ, только безъ соблюденія старинной орѳографіи, предпослана слѣдующая замѣтка составителя разнообразной по содержанію „Книги Памятной": „взято изъ молвы народной въ то время; я передаю это на память потомству для благоразсужденія".

Холера въ Москвѣ въ 1831 году.

„Потерянъ былъ въ Москвѣ народъ
Не отъ голоду, не отъ стужи,
Еще гораздо того хуже,
Изъ новаго манера.
Нѣмая, смертная холера
Пробралась какъ-то въ Москву,
Нагнала вездѣ тоску.
Взволновались у всѣхъ умы
Отъ пришедшей къ намъ чумы.
Барыни и кавалеры
Напугалися холеры:
Кто въ деревню удалился,
А кто въ домѣ затворился.
А ремесленный народъ
Изъ Москвы направилъ ходъ;
Опустѣла наша мать;
По ней некому гулять.
Лазареты учредили;

Докторовъ опредѣлили;
Попечители больницъ
Выбраны изъ знатныхъ лицъ;
А въ надеждѣ сей награды
И помощникомъ быть рады.
О холерѣ заговорили;
Купцы лавки затворили;
Опустѣлъ Кузнецкій мостъ;
Какъ теперь великій постъ.
Нанялись красны дѣвицы
Быть сидѣлками въ больницы,
Чтобъ достать на хлѣбъ муки
Или къ празднику на башмаки.
Строгій нашъ архимандритъ
Веселиться намъ не велитъ.
Для отчаянныхъ головъ
Нѣтъ театровъ и баловъ.
Но отвыкли отъ цѣны
Театральные чины;
Актрисы и актеры
Итти рады въ полотеры.
Но и тутъ не утерпѣли:
Аллилуія запѣли—
Не на духовный хотя стать,
Всякій слушать ихъ былъ радъ.
Филарета извѣстили:
Въ церквахъ пѣть имъ запретили.
Театральныя кареты
Были взяты въ лазареты.
Кто туда ни попадался,
Живымъ рѣдко оставался.
Доктора наврали вздору,
Чтобъ носить и нюхать хлору;
Но хлорная вода
Много сдѣлала вреда.
Пансіоны распустили
И присутствія закрыли.
Половину кабаковъ
Заперли отъ дураковъ.
Обѣднѣлъ весь народъ.
Всему пришелъ переводъ.
Ямщики пьютъ на мѣлокъ
Въ ресторацiяхъ чаёкъ.
Откупщикамъ вездѣ убытокъ:
Мало пьютъ ихъ нынь напитокъ.
По церквамъ народу много
На колѣняхъ молитъ Бога,
Чтобъ отъ нихъ гнѣвъ отвратить
И холеру прекратить.
Вотъ холера, слава Богу,

Исчезаетъ понемногу.
Оцѣпленія сняты,
И трактиры отперты.
Веселѣе сталъ народъ;
Запертыхъ нѣтъ теперь воротъ.
Но квартальны офицеры
Разжилися отъ холеры.
У иного ихъ артели
Не было теплой шинели;
А теперь, какъ на смѣхъ,
И подъ шинелью теплый мѣхъ.
Безсмѣнные солдаты
Стали кольцами и часами богаты.
Похвала тебѣ, народъ,
За призрѣніе сиротъ!
Они сыты, и одѣты,
И обуты, обогрѣты.
Ты все сдѣлалъ, что лишь могъ,
Наградитъ тебя самъ Богъ!"

Народъ, „къ сожалѣнію, не умѣлъ читать", но онъ умѣлъ передавать свои чувства и впечатлѣнія; „молва народная", подслушанная современникомъ „страшныхъ обстоятельствъ", не лишена интереса. Сообщ. **А. Суровцевъ.**

Похожденія одной авантюристки [1]).

Послѣ заключенія мира между Франціею и Испаніею въ 1795 г. въ Базелѣ, директоріею былъ посланъ въ Мадридъ представителемъ французскаго правительства 42-хъ-лѣтній маркизъ Периньонъ, человѣкъ заслуженный, но обладавшій совершенно неподходящими для дипломата качествами: довѣрчивостью и добродушіемъ. Въ то время въ Испаніи царствовалъ Карлъ IV, но дѣйствительная власть находилась въ рукахъ знаменитаго Годоя, герцога Алькудіа, прозваннаго „принцемъ мира", человѣка честолюбиваго и порочнаго. Хотя миръ съ французской республикой былъ заключенъ Годоемъ, но послѣдній продолжалъ сочувствовать французскимъ эмигрантамъ, проживавшимъ массами въ Испаніи, и старался поддерживать ихъ интриги противъ директоріи. Агентомъ претендента на французскій престолъ Людовика XVIII состоялъ въ Мадридѣ герцогъ д'Авре, человѣкъ ограниченный, но честный и преданный своему дѣлу. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и съ испанскимъ дворомъ и съ Годоемъ, такъ что положеніе представителя французской республики, Периньона, было очень затруднительное.

Однажды къ маркизу Периньону явилась незнакомая молоденькая, хорошенькая дама, г-жа Рифлонъ, француженка, какъ

---

[1]) Revue hebdomadaire. № 11. 1901 года. L'Odyssée d'une aventurière sous le Directoire et le Consulat (1796—1803). Par Ernest Daudet.

она назвала себя, и попросила визировать ея паспортъ. Эта элегантная, очень воспитанная и образованная особа совершенно обворожила французскаго посланника. Онъ предложилъ ей отобѣдать съ нимъ и затѣмъ сошелся съ ней очень близко. Г-жа Рифлонъ проводила въ посольствѣ дни и ночи и скоро стала полною хозяйкою въ домѣ; оставалась подолгу одна въ кабинетѣ посланника и, разумѣется, знала не только всѣ его дѣла, но и самыя секретныя бумаги. Въ то-же время она влюбила въ себя и герцога д'Авре, который настолько повѣрилъ въ ея искренность и въ желаніе служить дѣлу будущаго короля Франціи, что хотѣлъ непремѣнно добиться свиданія ея съ Людовикомъ XVIII. Удалось г-жѣ Рифлонъ познакомиться и съ Годоемъ, но обольстить его она не могла,—это былъ слишкомъ осторожный человѣкъ; правда, онъ ухаживалъ за ней и, можетъ быть, и обладалъ ею, но чарамъ ея не поддавался. Отъ него она воспользовалась лишь деньгами, бриллiантами, да получила его портретъ въ рамѣ, осыпанный драгоцѣнными камнями. Только оба француза вѣрили ей слѣпо: Периньонъ полагалъ, что она изъ любви къ нему дѣйствуетъ на пользу республики, а д'Авре былъ убѣжденъ, что изъ любви къ нему она предана дѣлу претендента.

Однако, во французскомъ посольствѣ нашелся одинъ человѣкъ—первый секретарь, Лабенъ, который сталъ относиться нѣсколько подозрительно къ г-жѣ Рифлонъ и писалъ по этому поводу неоднократно въ Парижъ министру иностранныхъ дѣлъ, Лаказу. Провѣдала-ли о томъ г-жа Рифлонъ—неизвѣстно, но въ одинъ прекрасный день она заявила маркизу Периньону, что ей необходимо ѣхать по дѣламъ на нѣкоторое время въ Парижъ. Оставленная ею въ Мадридѣ горничная разболтала во французскомъ посольствѣ о тайной связи своей госпожи съ герцогомъ д'Авре. Этимъ воспользовался Лабенъ, сталъ выпытывать у нея подробности, и представителю французской республики, Периньону, пришлось волею-неволею убѣдиться, какъ былъ онъ одураченъ г-жею Рифлонъ.

Противъ всякаго ожиданія г-жа Рифлонъ скоро дѣйствительно вернулась въ Мадридъ. Маркизъ Периньонъ, понятно, не только не принялъ ее, но постарался очернить ее въ глазахъ общества. Она-же, пользуясь покровительствомъ Годоя, не обращала никакого вниманія на Периньона и все время вела переговоры съ герцогомъ д'Авре относительно своей поѣздки въ Бланкенбергъ, гдѣ находился Людовикъ XVIII; послѣднему она намѣревалась будто бы поднести записку, въ которой выясняла планъ, какъ заставить испанское правительство объявить войну Франціи.

1-го сентября 1797 г. г-жа Рифлонъ выѣхала изъ Мадрида черезъ Лиссабонъ въ Лондонъ, а оттуда въ Бланкенбергъ. Въ Лондонѣ она увивалась около герцога д'Аркура, агента Людовика XVIII въ Англіи; отъ него ей удалось также достать рекомендательныя письма къ королю.

О похожденіяхъ г-жи Рифлонъ въ Бланкенбургѣ почти ничего неизвѣстно. Изъ сохранившихся въ архивахъ двухъ ея писемъ

за подписью. Ньебанъ видно лишь слѣдующее: въ первомъ письмѣ, къ любимцу претендента графу д'Авре, она проситъ прислать къ ней довѣренное лицо для врученія писемъ королю; а въ другомъ пишетъ: „разговоръ съ присланнымъ лицомъ убѣдилъ меня не откладывать свиданія съ вами, почему прошу васъ назначить таковое на сегодня-же вечеромъ. Такимъ образомъ, я исполню и желаніе его величества и не останусь здѣсь долго". Но видѣлась-ли она съ графомъ д'Авре, былъ-ли онъ такъ-же довѣрчивъ, какъ Периньонъ и д'Авре? Принялъ-ли ее король, или онъ догадался, что это за личность?—неизвѣстно.

Съ Бланкенберга слѣды г-жи Рифлонъ совершенно исчезли, и въ теченіе двухъ лѣтъ о ней ничего не было слышно. Лишь въ началѣ 1880 г. она снова появилась, но уже подъ другимъ именемъ—г-жи Бистонъ-Боннейль. Она явилась въ Берлинъ къ французскому посланнику генералу Бернонвилю для визированія паспорта. Ее сопровождала хорошенькая дѣвушка — ея племянница. Г-жа Боннейль откровенно разсказала посланнику о своемъ пребываніи въ Испаніи, о своихъ интимныхъ отношеніяхъ къ маркизу Периньону, о ссорѣ съ нимъ и заступничествѣ за нее Годоя. Бернонвиль былъ очарованъ ею и по ея просьбѣ отсрочилъ на мѣсяцъ паспортъ, такъ какъ ей нужно было, передъ отъѣздомъ во Францію, заѣхать въ Гамбургъ взять свои деньги отъ банкира Шрамма.

Черезъ полтора года Бернонвиль снова увидѣлся съ г-жею Боннейль и, узнавъ, что она еще не была во Франціи, высказалъ ей свое удивленіе; на это г-жа Боннейль отвѣтила, что все время пробыла въ Петербургѣ, и очень подробно разсказала посланнику о своихъ тамъ похожденіяхъ.

Что г-жа Боннейль дѣйствительно жила въ Россіи, подтверждается и въ мемуарахъ бывшаго директора императорскихъ театровъ въ Петербургѣ, Коцебу; вотъ что говоритъ онъ о ней: „Успѣвъ заручиться покровительствомъ петербургской аристократіи, она была терпима императоромъ не только въ столицѣ, но и въ Гатчинѣ. Эта женщина была для всѣхъ загадкой".

По поводу своихъ свиданій съ г-жею Боннейль, Бернонвиль очень подробно писалъ Талейрану отъ 23-го іюня 1801 г.: „Все, что разсказала эта госпожа,—сообщалъ онъ,—кажется мнѣ достойнымъ интереса. Въ Петербургѣ она близко сошлась съ любимцемъ императора Павла I, графомъ Ростопчинымъ, и оставалась бы тамъ дольше, но ненависть къ ней англійской партіи и боязнь быть сосланной въ Сибирь, заставили ее покинуть Россію.

Въ Петербургѣ предполагали, что она послана была первымъ консуломъ въ Россію, что ей поручено было передать графу Панину ваши письма и что она вообще должна была подготовить сближеніе между Россіею и Франціею. Вскорѣ послѣ ея пріѣзда прибыли и ваши два письма на имя Панина. Письма эти переданы были императору Павлу I, который отдалъ ихъ Ростопчину. Послѣдній показалъ ихъ г-жѣ Боннейль, а она, какъ истинная француженка, начала настаивать передъ Ростопчинымъ объ ускореніи примиренія между обоими правительствами. Ро-

стопчинъ, которому уже надоѣло англійское вліяніе, отнесс очень благожелательно къ мысли о сближеніи съ Франціею. Онъ часто говорилъ императору объ интересующемъ г-жу Боннейль дѣлѣ, и даже она сама неоднократно удостоивалась свиданія съ государемъ и съ гордостью говорила, что не разъ давала совѣты Ростопчину и императору Павлу I полезные для Россіи и небезвыгодные для Франціи.

Во время своего пребыванія въ Россіи, она вообще оказала будто бы много услугъ Франціи. Между прочимъ, разсказала о слѣдующемъ небезынтересномъ фактѣ. Когда она была еще въ близкихъ отношеніяхъ съ герцогомъ д'Авре, однажды тотъ получилъ шифрованное посланіе отъ д'Авре, перваго министра претендента, въ которомъ находилось описаніе въ юмористическомъ духѣ личности самого императора Павла I и петербургской знати: графа Ростопчина и другихъ. Какимъ-то образомъ ей удалось захватить это подлинное посланіе. Когда въ Петербургъ прибылъ агентъ Людовика XVIII, графъ Караманъ, съ порученіемъ просить государя объ увеличеніи содержанія для французскаго двора въ Митавѣ, онъ явился, между прочимъ, и къ г-жѣ Боннейль просить содѣйствія. Но такъ какъ Карамана поддерживалъ Панинъ, то естественно, что Ростопчинъ былъ противъ, и просьба Карамана не была уважена. Въ этотъ то моментъ г-жа Боннейль показала Ростопчину захваченное ею письмо д'Авре. Ростопчинъ упросилъ ее отдать ему это письмо для передачи императору Павлу I. Государь былъ страшно возмущенъ содержаніемъ и приказалъ захватить шифрованныя донесенія Карамана. Изъ этихъ донесеній выяснилось, что графъ Караманъ былъ въ сношеніяхъ съ Англіею, что сносился по тому-же дѣлу съ Митавой и графъ Панинъ. Результатомъ всего этого были высылка Карамана, отказъ въ дальнѣйшемъ пребываніи претендента въ Митавѣ и немилость къ Панину.

Захватъ шифрованной переписки Карамана повелъ къ дальнѣйшимъ разоблаченіямъ, и тогда то явилась у императора Павла I мысль о тѣсномъ союзѣ со Швеціею, Даніею и Пруссіею противъ Англіи. Во всемъ этомъ г-жа Боннейль принимала близкое участіе, имѣя въ виду лишь выгоды республики. Она сознается, что не забывала и себя, и ей и ея племянницѣ предстояла блестящая будущность, если бы не явилась вдругъ немилость государя къ Ростопчину.

Г-жа Боннейль оставалась еще нѣкоторое время въ Петербургѣ, чтобы наблюдать за всѣмъ происходящимъ и служить интересамъ своего друга, который даже изъ ссылки предупреждалъ императора о замыслахъ англійской партіи. Послѣ смерти императора Павла I ей уже было опасно оставаться въ Россіи, и она, испросивъ разрѣшеніе у Панина, удалилась изъ Петербурга.

Между прочимъ, г-жа Боннейль характеризовала Панина, какъ человѣка „лживаго, алчнаго и сообщника Англіи", и утверждала, что ей извѣстны были низкіе поступки вѣнскаго двора, жаждавшаго войти въ соглашеніе съ Россіею, и убѣждена, что Англіи удастся создать новую коалицію противъ Франціи.

Чтобы убѣдить Бернонвиля въ правдивости своего разсказа, г-жа Боннейль показала ему, подаренный ей Ростопчинымъ, портретъ и до 50 писемъ его къ ней очень интимнаго содержанія, а также и письма къ ней, правда, маловажныя, Панина.

Послѣ свиданья съ Бернонвилемъ г-жа Боннейль исчезла изъ Берлина, куда она уѣхала, съ какими цѣлями—неизвѣстно. По полицейскимъ отмѣткамъ за 1801-1802 г. видно лишь, что она успѣла перебывать за это время въ Парижѣ, Мадридѣ и Лондонѣ. 17-го ноября 1802 г. она прибыла въ Амстердамъ въ сопровожденіи лорда Спенсера [1]), съ которымъ познакомилась въ Лондонѣ и была его любовницей. При ней находились: ея племянница, личный секретарь и большой штатъ прислуги.

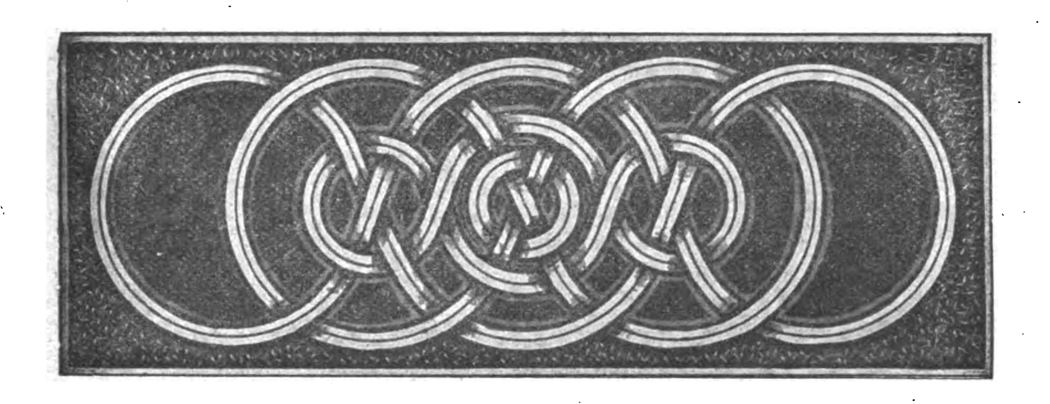
Въ декабрѣ того же года г-жа Боннейль отправилась въ Гаагу, откуда обратилась къ французскому посланнику въ Голландіи, Семонвилю, съ просьбою выслать ей паспортъ. Но одновременно онъ получилъ письмо отъ нѣкоего Реньо де Санъ Жакъ д'Анмели, въ которомъ тотъ сообщалъ: „Прочитавъ въ газетахъ о прибытіи въ Амстердамъ г-жи Бистонъ-Боннейль, спѣшу извѣстить васъ, что г-жа Боннейль, моя теща, уже два года, не оставляла Парижа. Поэтому другая г-жа Боннейль, прибывшая въ Амстердамъ, самозванка, и ее слѣдуетъ арестовать“.

Семонвиль, самъ относившійся подозрительно къ г-жѣ Боннейль, не рѣшился однако принять противъ нея серьезныя мѣры и ограничился тѣмъ, что не отвѣтилъ на ея просьбу. Г-жа Боннейль поняла это молчаніе и переселилась въ Бреду, гдѣ проживала тихо и смирно, не обращая на себя вниманія. Она распустила всю прислугу и уволила своего секретаря, Поля Валуа, который, по прибытіи во Францію, былъ арестованъ за прежнія дѣла. Черезъ него узнали, что эта элегантная, воспитанная и образованная, красивая г-жа Боннейль была Аделаида Рифлонъ, дочь мясника изъ Бурга, хорошо извѣстная парижской полиціи.

Похожденія г-жи Боннейль, однако, этимъ не кончились. Она влюбила въ себя генерала Монтришара и жила съ нимъ, затѣмъ обращалась письменно къ г-жѣ Бонапартъ съ предложеніемъ ознакомить ее съ тайными замыслами Англіи противъ Франціи и съ предупрежденіемъ о заговорѣ противъ перваго консула. Занималась и контрабандой. За ней усиленно стала слѣдить французская полиція. Проживая въ нѣмецкомъ курортѣ Пирмонтѣ, въ княжествѣ Вальдекъ, она влюбила въ себя самого принца, который помогъ ей бѣжать въ Пруссію отъ грозившей ей опасности быть арестованной агентами французскаго правительства. Нѣкоторое время г-жа Боннейль скрывалась въ Голландіи и затѣмъ исчезла, и на этотъ разъ безслѣдно.

---

[1]) Графъ Джорджъ Спенсеръ принадлежалъ къ партіи виговъ. Былъ нѣсколько разъ министромъ. Въ 1802 г. ему было 41 года: у него былъ сынъ 24 лѣтъ, политическій дѣятель, извѣстный подъ именемъ лорда Альтгорна.

Изъ области археологіи.

Древнѣйшіе документы Вавилонскихъ архивовъ. Въ послѣднемъ выпускѣ „Записокъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. А. О.“ помѣщена статья Б. А. Тураева, сообщающая о двухъ чрезвычайно интересныхъ памятникахъ глубокой древности, которыми обладаетъ музей Церковно-Археологическаго Общества при кіевской духовной академіи. Это — двѣ клинописныя глиняныя таблички изъ числа тѣхъ 30.000 своеобразныхъ документовъ, которые были открыты въ 1894 г. при раскопкахъ Де-Сарзеи, французскаго консула въ Бассорѣ. Раскопки производились неутомимымъ изслѣдователемъ, начиная съ 1877 года, въ теченіе 10 лѣтъ. Памятники, открытые при раскопкахъ холма „Телло“, находящагося въ $1^{1}/_{4}$ пути отъ берега древняго канала, соединяющаго Тигръ и Евфратъ, относятся къ эпохѣ древнѣйшей вавилонской цивилизаціи. „Памятники Телло“, по словамъ автора статьи, „древнѣе всего, что намъ пока извѣстно въ Азіи и вводятъ насъ по крайней мѣрѣ въ начало третьяго и даже въ четвертое тысячелѣтіе до Р. Х.“ Они являются образчиками древнихъ формъ письма, древнѣйшихъ произведеній искусства; надписи освѣтили прошлое „великой эпохи, бывшей свидѣтельницей постепеннаго образованія государства съ задатками универсальной монархіи и высокой культурой“. Помимо многочисленныхъ надписей, повѣствующихъ о военныхъ подвигахъ правителей Вавилоніи, еще большее число свидѣтельствуетъ о религіи и различныхъ сторонахъ жизни дѣятелей древнѣйшаго періода азіатской исторіи. Храмамъ того времени принадлежали крупные земельные участки, рабы, стада домашнихъ животныхъ. При храмахъ учреждались конторы и склады: „дома припасовъ“, „дома питанія“, „дома обилія земли“. Переписка и счетоводство и разные юридическіе документы хранились въ особыхъ архивахъ. Одинъ изъ такихъ архивовъ и былъ найденъ де-Сарзесомъ подъ холмомъ Телло; до 30.000 глиняныхъ

клинописныхъ табличекъ стройно расположены были рядами на полкахъ.

Изъ числа этихъ табличекъ до 20 пріобрѣтено для Императорскаго Эрмитажа, двѣ же находятся въ музеѣ при кіевской духовной академіи. По изслѣдованію Б. А. Тураева обѣ онѣ относятся къ эпохѣ династіи „Ура". Содержаніе первой — счетъ зерна. Зерномъ частью платили за наемъ рабочихъ; за наемъ помѣщеній и т. д. Цифры таблицы написаны по шестидесятичной системѣ счисленія. Второй изъ этихъ своеобразныхъ документовъ далекой древности представляетъ приходо-расходный счетъ храма на мѣсяцъ Өаммузъ. Расходы шли на жертвоприношенія и жалованья служащимъ. Упоминается въ таблицѣ богъ Дунги; по мнѣнію Б. А. Тураева, это не кто иной, какъ царь Ура, объединившій подъ своею властью всю область рѣкъ Тигра и Евфрата и причисленный затѣмъ къ сонму боговъ.

Раскопки въ Петергофскомъ уѣздѣ Спб. губерніи, въ маѣ 1900 г. Докладъ Н. А. Штоффе, сдѣланный имъ въ Археологическомъ институтѣ, представляетъ результатъ тщательнаго изученія предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ членами института въ маѣ 1900 г. С.-Петербургская губернія, входившая нѣкогда въ предѣлы Водской и Шелонской пятинъ Великаго Новгорода, насчитываетъ три вида погребальныхъ насыпей: сопки, курганы и жальники. Онѣ отличаются какъ обрядомъ погребенія, такъ и наружною формою. Наиболѣе древнія изъ нихъ — сопки, относятся къ IX вѣку и ранѣе, обрядъ погребенія — сожженіе. Постепенно сожженіе уступаетъ мѣсто погребенію трупа въ землѣ. Какъ-бы въ воспоминаніе объ исчезнувшемъ обычаѣ сожженія, покойникъ укладывался на подстилкѣ изъ золы и угля, въ сидячемъ положеніи. Впослѣдствіи перешли къ лежачему положенію трупа. X—XIV вѣкъ—эпоха погребеній въ курганахъ. Характерный признакъ кургана — кольцо изъ камней вокругъ насыпи; впрочемъ постепенно число валуновъ уменьшается и позднѣйшіе курганы иногда имѣютъ только два камня на вершинѣ. Третій типъ это могилы, низкія насыпи — „жальники". Каменная обкладка встрѣчается здѣсь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Майская экскурсія дала въ результатѣ изслѣдованіе кургановъ не ранѣе XI и не позже XIV вѣка, древнихъ сопокъ встрѣчено не было. Производились раскопки въ 22 верстахъ отъ Новаго Петергофа, въ окрестностяхъ мызы Гостилицы, Петергофскаго уѣзда, и близъ дер. Дятлицы. Изслѣдовано всего 26 кургановъ. Большинство ихъ обложено кругомъ валунами, иногда въ нѣсколько рядовъ и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ были покрыты камнями по всей поверхности. Замѣчены при детальномъ изученіи погребальныхъ обычаевъ отступленія отъ обычнаго типа славянскихъ погребеній. Рѣдкою особенностью явилась въ нѣкоторыхъ курганахъ подстилка изъ бѣлаго песка. Найдены совмѣстныя погребенія 2—3 костяковъ въ одномъ курганѣ. Впервые встрѣтился случай, что изголовьемъ покойника служило искусственное земляное возвышеніе. Наблюдалось погребеніе въ колодѣ.

Въ числѣ найденныхъ при раскопкахъ предметовъ обращаютъ на себя вниманіе: серпъ, топоръ, браслеты, пластинчатые и витые, перстни съ широкимъ щиткомъ, серьги, бубенчики, пряжки, ножи и пр.

Два кургана, стоявшіе совершенно отдѣльно отъ другихъ, дали, между прочимъ, въ числѣ находокъ довольно рѣдкіе типы: серебряной пряжки, относимой А. А. Спицинымъ къ XI—XII вѣкамъ, кольца изъ тонкой проволоки въ 1½ оборота, наконечникъ стрѣлы, остатокъ войлочной матеріи и, наконецъ, какъ наиболѣе важныя находки — двѣ монеты (по одной въ каждомъ курганѣ) XI вѣка—одна принадлежащая городу Наумбургу, другая Кельнскому епископу Пилизриму (по опредѣленію Императорской Археологической Коммиссіи).

Вообще раскопки 1900 года дали въ результатѣ нѣсколько совершенно новыхъ деталей въ обрядовой сторонѣ погребеній и значительное количество рѣдко встрѣчающихся предметовъ. Число послѣднихъ даже весьма значительно для земляныхъ памятниковъ С.-Петербургской губерніи, крайне бѣдныхъ предметами погребальнаго ритуала.

Къ XII археологическому съѣзду. 5 февраля, на засѣданіи предварительнаго комитета по устройству съѣзда, проф. А. С. Лебедевъ сообщилъ о своихъ занятіяхъ въ архивѣ курскаго Знаменскаго монастыря и отмѣтилъ, въ качествѣ интереснаго матеріала для иконографіи, опись имущества архіерейскаго дома, отъ 1770 года. Здѣсь, между прочимъ, описана одна интересная икона: „изображеніе на деревѣ Христа отрока, спящаго на крестѣ, вокругъ на марингахъ золотомъ писанный курпедиментъ, внизу слова: хочай тѣло восхотѣло, и прочая, высота 7 вершковъ, ширина двѣ четверти и два вершка“. По мнѣнію проф. Е. К. Рѣдина,—эта икона представляетъ собою краткій переводъ извѣстнаго въ христіанской иконографіи изображенія „недреманнаго ока“, нерѣдко встрѣчающагося въ росписяхъ аѳонскихъ церквей, а также русскихъ (напримѣръ, Іоанна Златоуста въ Ярославлѣ), равно на иконахъ, воздухахъ и въ иконописныхъ подлинникахъ. Судя по характеру работы, икона эта юго-западнаго происхожденія. XVIII вѣка.

Проф. Д. И. Багалѣй познакомилъ съ результатами изученія имъ свѣдѣній, полученныхъ харьковскомъ статистическимъ комитетомъ, о каменныхъ бабахъ Харьковской губерніи. По этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что количество каменныхъ бабъ, сравнительно съ данными 1880 года, уменьшилось: ихъ теперь пока зарегистровано 84; изъ нихъ на курганахъ стоятъ теперь всего 13 (въ Зміевскомъ уѣздѣ—1, въ Купянскомъ—2, въ Старобѣльскомъ—1, въ Изюмскомъ—9, изъ общаго числа 44). Нѣкоторыя изъ каменныхъ бабъ притомъ небольшой величины, грубой работы, служатъ межевыми знаками. Большая часть каменныхъ бабъ находится на мѣстахъ первоначальной ихъ установки, но часть привезена сюда изъ другихъ губерній: Херсонской, Воронежской, Екатеринославской, Новороссійскаго края. По отношенію къ нѣкоторымъ извѣстно, что онѣ выкопаны изъ

мѣстныхъ кургановъ (Зміевскаго уѣзда). Преданій, связанныхъ съ каменными бабами, сообщено немного: о происхожденіи ихъ: 1) каменные боги, 2) люди, окаменѣвшіе, когда ругали сильно пригрѣвавшее солнце или плевали на него; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ каменнымъ бабамъ привязывали конокрадовъ, зимой поливали водой.

М. А. Поповъ и М. Д. Линда, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о каменныхъ бабахъ въ г. Харьковѣ, сообщили, что таковыя имѣются: на Екатеринославской улицѣ, противъ церкви св. Димитрія, у дома бывшаго Ковальчукова—три; одна — въ оградѣ Каплуновской церкви; одна — на Мѣщанской улицѣ, въ домѣ Солнцева.

Постановлено обратиться къ губернаторамъ: херсонскому, таврическому, полтавскому, курскому, воронежскому и предварительнымъ комитетамъ: новочеркасскому, екатеринодарскому— съ просьбой о сообщеніи свѣдѣній о каменныхъ бабахъ чрезъ посредство гг. исправниковъ и земскихъ начальниковъ, по программамъ харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, и о доставленіи ихъ харьковскому комитету.

А. Мироновъ.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

Исторія, которую нельзя написать ни на какую премію. — Интеллектъ первобытнаго человѣка.—Вопросы высшаго порядка, рѣшаемые на основаніи данныхъ антропологіи.—Причины разложенія Грузіи.—Драматическій эпизодъ изъ жизни Сѣверной Африки IV столѣтія.—Новый библіологическій журналъ.

Въ 1896 г. редакціей „Кіевской Старины“ былъ объявленъ конкурсъ для представленія ей въ теченіе двухъ лѣтъ обработаннаго курса исторіи Малороссіи, за который назначена премія въ 1.000 рублей. Къ назначенному сроку не было представлено ни одного труда на этотъ конкурсъ. Только къ 1900 г. былъ доставленъ въ редакцію одинъ трудъ, но и тотъ не признанъ удовлетворяющимъ требованіямъ объявленной программы. Теперь редакція приступила къ печатанію отдѣльныхъ очерковъ по исторіи Малороссіи, и съ началомъ перваго такого очерка Ор. Левицкаго мы встрѣчаемся въ январской книжкѣ журнала.

Исторія Малороссіи весьма оригинальна. Это преимущественно исторія народная, а не политическая. Малороссія до присоединенія ея, 200 лѣтъ назадъ, къ Россіи, представляла изъ себя своеобразную мужицкую республику, въ родѣ бурскихъ республикъ въ Африкѣ. Народъ украинскій, въ собственномъ смыслѣ этого слова, самъ устроилъ свою жизнь, и это устройство поэтъ запечатлѣлъ въ образномъ выраженіи:

„Братерьская наша воля,
Безъ холопа и безъ пана,
Сама соби, у жупани,
Развернулася весела“.

Но эта веселая жизнь, безъ холопа и безъ пана, отразилась въ настоящее время тѣмъ невыгоднымъ образомъ, что объ этой

жизни мы не имѣемъ возможности составить себѣ мало-мальски яснаго представленія. Украинская жизнь не оставила почти никакихъ письменныхъ матеріаловъ: прессы не существовало, мемуаровъ вести было некому; лѣтописи, дипломатическія ноты, законодательные памятники оказываются до-нельзя скудными количественно; существовали судебные акты, но и тѣ во время народныхъ движеній погибли безъ остатка; даже о судопроизводствѣ старой Малороссіи нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Понятно, что какую премію ни объявляй, все равно—исторію Малороссіи, и притомъ въ самый интересный ея періодъ, за 200—300 лѣтъ до паденія ея самостоятельности, написать нельзя. Только остается всю исторію этой страны выразить приведенными словами поэта: „Сама соби развернулася весела". Но и въ этомъ позволительно сомнѣваться.

Первая глава очерка этой веселой исторіи обозначается такъ: „Убійство и грабежъ въ Самарскомъ монастырѣ" (близъ города Новомосковска Екатеринославской губерніи). Самарскій монастырь неразрывно связанъ съ исторіей Запорожья. Существованіе его было столь же эфемерно, какъ и существованіе Запорожья. Татарскій загонъ, саранча, моръ часто раззоряли Запорожье, а съ нимъ и Самарскій монастырь; разбѣгался народъ, разбѣгались и монахи. При монастырѣ оставались одинъ или два сторожа-послушника.

Къ одному такому моменту и относится разсказываемый авторомъ эпизодъ, крайне несложный. Двое послушниковъ Нехворощанскаго монастыря (Полтавской губерніи) покорыстовались на казну Самарскаго монастыря; пришли туда подъ тѣмъ видомъ, чтобы вступить въ число братіи. Оставшіеся въ монастырѣ два сторожа обрадовались имъ, пріютили ихъ, а они на четвертый день убили сторожей, ограбили монастырскую казну, возвратились къ себѣ въ Нехворощу—и были татчасъ арестованы. Засѣданію Полтавскаго полкового суда, записи котораго объ этомъ дѣлѣ сохранились, не трудно было разобрать столь простое дѣло. Весь интересъ суда заключается въ показаніяхъ обвиняемыхъ, записанныхъ, очевидно, съ буквальной точностью, какъ они совершили преступленіе, а также въ томъ, что, несмотря на очевидное и полное сознаніе и подробный разсказъ подсудимыхъ о своихъ дѣйствіяхъ, судъ велѣлъ ихъ пытать раскаленнымъ желѣзомъ и дыбою: „або товарыства зъ собою бильше чы не малы?" Не обошлось дѣло и безъ конфуза. На судѣ было отобрано отъ преступниковъ 300 золотыхъ, но настоятелю монастыря, явившемуся на судъ въ качествѣ гражданскаго истца, было возвращено только 200 золотыхъ и то еще «безъ пяти копъ». Судьи наивно объяснили этотъ недочетъ тѣмъ, «що тои гроши черезъ розніи руки ишли».

Слѣдующія главы очерковъ носятъ заглавіе: «Прибыши», т. е. разбойники «Нетяги»—бездомные бродяги, «Злодійская складка». Авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что, конечно, „нерабочимъ" и „гультяямъ" скромный повседневный трудъ пахаря или ремесленника казался тягостнымъ: имъ мерещилась легкая добыча,

которая доставляла бы неизсякаемыя средства для беззаботной и разгульной жизни.

Вообще, „веселая“ исторія Малороссіи пока судебными актами освѣщается односторонне.

Гораздо проще составить понятіе о жизни первобытнаго человѣчества, умственнымъ состояніемъ котораго въ послѣднее время сталъ усиленно интересоваться извѣстный писатель бытовыхъ очерковъ русской жизни, г. Засодимскій. Въ „Научномъ Обозрѣніи“ (январь) онъ старается нарисовать общую картину умственнаго и нравственнаго склада того *животнаго*, физически сильнаго, неразвитого, свирѣпаго, котораго, однако, приходилось строго различать отъ остальныхъ животныхъ и назвать человѣкомъ. Статья составлена по новѣйшимъ вполнѣ достовѣрнымъ изслѣдованіямъ извѣстныхъ ученыхъ. Антропологія—наука недавняго происхожденія, принявшая въ основу своихъ положеній наиболѣе въ настоящее время вѣрный для нея методъ—аналогію, на основаніи которой понятіе о жизни первобытнаго человѣчества получается посредствомъ изученія жизни нынѣшнихъ дикарей, какъ уцѣлѣвшихъ образчиковъ первобытнаго человѣка.

Умственное и нравственное состояніе многихъ современныхъ дикихъ племенъ таково, что у нихъ не существуетъ никакихъ намековъ на религіозное чувство. Они не имѣютъ на своемъ языкѣ даже слова „Богъ“ и „создавать“. Старики одного индѣйскаго племени разсказываютъ о происхожденіи человѣка такимъ образомъ. Въ началѣ былъ *сонъ*, вездѣ была пустота, не было ни земли, ни неба, ни берега, ни моря. Вдругъ появились семь воиновъ, сѣли на берегу озера и закурили трубки мира; появились женщины и начали работать въ хижинахъ. Рэклю отсюда заключаетъ, что человѣчество, дѣйствительно, провело свое дѣтство какъ во снѣ; въ первое время жизнь его была безсознательна. Негры Банту на вопросъ о *будущности* даютъ одинъ отвѣтъ: «Дыханіе кончается, насъ закапываютъ въ землю и черви насъ съѣдаютъ». Дикарь поклоняется крокодилу только до тѣхъ поръ, пока онъ не умѣетъ справляться съ этимъ чудовищемъ. Грозныя явленія природы прежде всего заставляютъ дикаря почтительно смиряться передъ какой-то неизвѣстной ему силой. А затѣмъ онъ начинаетъ благоговѣть передъ благодѣтельными явленіями природы. У дикарей болѣе развитыхъ являются мало-по-малу болѣе опредѣленныя представленія. Иные изъ нихъ почитаютъ небо отцомъ, а землю матерью. Зулусы, восходя отъ одного предка къ другому, наконецъ доходятъ до Стараго Старика, какъ создателя міра. Далѣе, сонъ приводилъ дикаря къ представленію о двойственности его природы, тѣлесной и духовной. Многіе современные дикари не умѣютъ различать изображеній: австралійцы въ рисункахъ, представляющихъ кенгуру и человѣка, не видятъ различія, африканскіе акка не знаютъ счета, восточно-африканскій негръ страшно утомляется послѣ десятиминутнаго разговора. Воображеніе дикарей воспроизводитъ только смутныя воспоминанія объ ощущеніяхъ. Ни анализъ, ни синтезъ

недоступны ихъ уму,—это общая черта дикарей, обезьянъ и дѣтей.

Если принять все это во вниманіе, то сдѣлается понятной причина жестокости, которая наблюдается и у дикарей, и у обезьянъ, и у дѣтей. Это—неумѣнье представить послѣдствія жестокости, отсутствіе понятія о *будущемъ:* если позволяютъ время и обстоятельства, они непремѣнно будутъ все портить и уничтожать.

Въ нравственномъ отношеніи первобытный человѣкъ былъ совсѣмъ жалокъ. Южно-американскіе индѣйцы лишены всякаго нравственнаго чувства; на ихъ языкѣ даже нѣтъ словъ „совѣсть", „добродѣтель", „порокъ", „справедливость", „жестокость". Женщина, заплакавшая при видѣ окровавленнаго трупа своего мужа, можетъ быть, первая пробудила понятіе о „страданіи другого человѣка". Принимая меньше участія въ активной свирѣпой борьбѣ, женщина усвоила себѣ и болѣе мягкій нравъ.

Такова въ общихъ и немногихъ чертахъ „исторія интеллектуальнаго развитія первобытнаго человѣчества", тянувшаяся на протяженіи, можетъ быть, трехсотъ тысячъ лѣтъ.

Надо замѣтить, что статья г. Засодимскаго написана очень живо.

Потребовалось громадное время, чтобы, наконецъ, человѣчество выработало тѣ два основныхъ принципа нравственности, при которыхъ оно только и могло прочно установить общежитіе. Во-первыхъ, нравственность человѣка состоитъ въ томъ, чтобы поступать вездѣ всегда и во что бы то ни стало сообразно своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ, сообразно тому, что онъ считаетъ *хорошимъ* или *дурнымъ*, что онъ считаетъ *долгомъ* совершить и чего избѣгать. Во-вторыхъ, нравственность человѣка, разсматриваемаго какъ *члена общества*, состоитъ въ томъ, чтобы поступать повсюду, всегда и во что бы то ни стало (даже цѣной самопожертвованія) сообразно тому, что онъ въ своей совѣсти считаетъ благопріятнымъ для другихъ, для цѣлей общества.

Эти два положенія извѣстный проф. Лозанскаго университета А. Герценъ (сынъ) въ статьѣ „Условія опредѣляющія наши дѣйствія" („Русская Мысль", январь) подкрѣпляетъ замѣчательно сильной аргументаціей. По сложности самаго вопроса эта аргументація, конечно, не можетъ быть краткой, и потому мы ее не приводимъ. Но вообще, мы хотѣли бы указать какъ на эту, такъ и на другія статьи этого извѣстнаго ученаго, появляющіяся въ послѣднее время нерѣдко въ нашихъ журналахъ и притомъ по вопросамъ, которые теперь вновь стали всѣхъ интересовать, именно: о „свободѣ воли", нравственности, развитіи ощущеній, образованіи понятій. Напримѣръ, Герценъ объясняетъ, какъ человѣкъ постепенно прошелъ всѣ антропологическія ступени, по которымъ умъ его гнался за объясненіями вопросовъ высшаго, міроваго порядка:

„Внизу, на низшей ступени—идолъ деревянный, наверху—онъ сдѣланъ изъ отвлеченностей, оторванныхъ отъ ихъ реальной

подпоры и обращенныхъ въ метафизическія сущности, между этими двумя ступенями вся миѳологія различныхъ народовъ, различныхъ эпохъ. Любопытно, что всѣ эти миѳологіи проникнуты одной и той же системой: приписать чему нибудь матеріальному или нематеріальному свои собственныя качества, сначала дурныя, затѣмъ хорошія и дурныя, наконецъ, только хорошія, а потомъ, дойдя до этой послѣдней фазы, утверждать, что ими обладаешь не благодаря себѣ самому, а что получаешь ихъ въ видѣ дара или откровенія, и забывать, что эти качества совершаютъ лишь обратное путешествіе, какъ нѣкоторые иноземные товары, которые вывозятъ, чтобы снова ввозить и выдавать ихъ за чужеземные".

А у насъ метафизическіе глаголы стали вновь выдавать за послѣднее слово науки.

Въ „Кавказскомъ Вѣстникѣ" (янв. кн.) г. Мдивани указываетъ на внутреннія причины разложенія Грузіи. Враги, соперничавшіе изъ за обладанія Грузіи, чтобы легче захватить несчастный край, старались сѣять въ немъ раздоры, обѣщаніями и подарками увлекали на свою сторону вліятельныхъ грузинъ и черезъ нихъ массу населенія, заставляя ихъ же самихъ опустошать свои владѣнія. Страна раззорялась. „Помимо этого политическаго разстройства приходится считаться и съ внутреннимъ экономическимъ упадкомъ. Поземельная собственность находилась почти въ исключительномъ владѣніи двухъ привиллегированныхъ классовъ: дворянства и духовенства. Эти классы сосредоточивали въ своихъ рукахъ управленіе страною, держа въ крѣпостной зависимости всю массу сельскаго люда. Финансовыя силы государства были жалки. Земледѣліе, которое составляетъ главный источникъ народнаго богатства, было немыслимо при тревожномъ состояніи. Платежныя силы истощились. Царь, князь, дворянинъ и крестьянинъ въ одинаковой степени были жалки". А въ концѣ концовъ проявилось неизбѣжное дѣйствіе закона, общаго для значительнаго политическаго тѣла (а Грузія была немаленькимъ государствомъ—территорія ея равна Бельгіи и Голландіи вмѣстѣ взятымъ): страна лишилась самостоятельности главнымъ образомъ вслѣдствіе своего плохого экономическаго устройства, политическія причины только дали толчокъ къ окончательному паденію.

Январская книжка „Вѣстникъ Европы" даетъ нѣсколько интересныхъ статей. Одна изъ нихъ принадлежитъ В. И. Герье: „Борьба за единство вѣры". Событіе развивается въ IV в. въ Римской Африкѣ. Намъ неизвѣстно, чтобы до сего времени кто-нибудь принимался за изслѣдованіе этого чрезвычайно оригинальнаго вопроса. Между тѣмъ, вообще вопросы, касающіеся этой страны, въ настоящее время нельзя обходить молчаніемъ.

Римская Африка возрождается на нашихъ глазахъ и въ своемъ прошломъ и въ своемъ настоящемъ. Страна какъ будто вновь ожила. Число европейскихъ туристовъ по сѣверной Африкѣ растетъ

съ каждымъ годомъ. Новые музеи Африки и старые—Европы пополняются множествомъ образцовъ и обломковъ римско-африканскаго искусства и домашняго быта. Возсоздается исторія страны; на карты занесена цѣлая сѣть римскихъ дорогъ; раскрылись могилы, въ которыхъ накопились древнѣйшіе обитатели страны: либійскіе туземцы, нумійскіе пришельцы, ветераны римскихъ легіоновъ, навербованные въ Сиріи или во Ѳракіи, и граждане римскихъ городовъ. Вся страна оказалась покрыта развалинами населенныхъ нѣкогда мѣстъ. Раскопки возстановили почти цѣликомъ нѣкоторые изъ городовъ и раскрыли передъ нами жизненную обстановку владѣльцевъ помѣстій. Среди полей были найдены высѣченныя на камнѣ уставныя грамоты, присланныя императороми мѣстнымъ крестьянамъ на ихъ ходатайства. Словомъ, всѣ классы населенія, всѣ формы жизни въ древней Африкѣ воскресаютъ передъ нами. Передъ нашими глазами развертывается еще одна исторія, которая до сего времени не была написана. Въ этой-то вновь открытой сторонѣ разыгрался въ IV вѣкѣ описываемый эпизодъ.

Виновникомъ этого эпизода были донатисты, крайне прямолинейная религіозная христіанская партія въ Африкѣ. Съ большимъ упорствомъ отстаивали они свои воззрѣнія. Эти, въ массѣ, большею частью некультурные люди всѣ стремленія свои полагали въ *принятіи мученичества*, — черта чуждая западному, римскому міру, но психологически вполнѣ возможная. Донатистская драма разыгралась на всемъ побережьѣ сѣверной Африки: въ Марокко, Алжирѣ, Тунисѣ и Триполисѣ; она протянулась по линіи въ три тысячи верстъ. Климатъ страны—жгучее солнце, лучезарность, рѣзкій и сухой воздухъ, неспокойныя линіи, ослѣпительныя краски — вполнѣ благопріятствовалъ развитію драмы. Солнце распаляетъ воображеніе человѣка, не истощая и не сокрушая его. Здѣсь человѣкъ готовъ ринуться съ одинаковымъ пыломъ и въ область мечтаній, и на поле брани. Все побережье было заселено однимъ племенемъ, разбившимся на множество народностей, изъ коихъ преобладали количественно и качественно мавры—осѣдлые и берберы — кочевые. Съ начала историческаго періода въ страну шелъ притокъ переселенцевъ изъ Азіи, а потомъ изъ Европы; одна культура смѣнялась другою: семиты уступали мѣсто египтянамъ, эти — грекамъ, потомъ утвердились римляне, а за ними вновь семиты въ лицѣ арабовъ. Образовалась до-нельзя расовая культурная смѣсь; однако, замѣтное преобладаніе осталось за пунійской культурой и языкомъ пуновъ даже послѣ разрушенія Карѳагена. Пунктами, влекущими къ себѣ все побережье, являлись города Тевесте и Тиздръ (оба въ Тунисѣ), которые при римскомъ владычествѣ служили для метрополіи военными наблюдательными постами. Отсюда, какъ изъ множества другихъ подобныхъ постовъ, при постоянной смѣнѣ солдатъ, отбывавшихъ короткій срокъ службы и обращавшихся въ ветерановъ, разливался по всей странѣ элементъ полноправныхъ римскихъ гражданъ, которые разселялись по городамъ, вносили туда новыя требованія и новую жизнь, устраивая ее по образцу

своего кумира — Рима, въ которомъ общественная дѣятельность поглощала всѣ другіе интересы. Къ концу римскаго владычества городскія поселенія побережья сѣверной Африки обратились въ муниципіи, а жители—въ гражданъ, изъ коихъ каждый добивался высокой чести быть избраннымъ въ управители города на годичный срокъ. Каждый городъ представлялъ изъ себя маленькій Римъ, имѣющій форумъ, водопроводъ, фонтаны, бани, залы, библіотеки, аудиторіи, театръ, циркъ. Словомъ, сѣверная Африка стала продолженіемъ Италіи, переброшенной черезъ Средиземное море.

Остается добавить, что къ описываему времени здѣсь уже прочно утвердилась греко-римская миѳологія, но со своеобразными чертами финикійскаго семитизма. Подъ именами Сатурна, Юпитера, Аполлона по прежнему поклонялись Ваалу. И вотъ въ этотъ міръ, раздвоенный во всѣхъ отношеніяхъ подъ вліяніемъ двухъ основныхъ и противоположныхъ культуръ, восточной и западной, стала пробиваться новая струя, обѣщавшая сплотить всѣ мѣстные элементы, и туземные и пришлые. Откуда она шла быстрѣе—изъ Азіи или изъ Европы—трудно сказать; вѣроятно, что изъ того же Рима. Во всякомъ случаѣ въ концѣ IV столѣтія она въ формѣ донатизма, идеи мученичества, желанія пострадать за вѣру, экзальтаціи въ ожиданіи смерти и при страданіяхъ, торжествовала свою побѣду и съ неудержимой силой разливалась по всей странѣ. Гибель христіанъ въ митрополіи по количеству жертвъ представляла тѣнь того, что дѣлалось въ Африкѣ. Въ Римѣ со стороны жертвъ эта гибель все таки являлась вынужденной, „свѣточи христіанства“ носили характеръ болѣе декоративный, Римъ любовался этимъ какъ зрѣлищемъ, жертвы хотѣли являть собою, какъ примѣръ собственной устойчивости въ вѣрѣ и для утвержденія въ той же устойчивости колеблющихся. Въ Африкѣ, наоборотъ, хотѣли только свидѣтельствовать свою вѣру, насладиться своими страданіями. Жажда къ этому не исключала ни возраста, ни положенія, ни класса, ни расы. Дѣти встрѣчали приговоръ о казни ихъ мечомъ радостнымъ крикомъ: „Слава Богу!“ Робость, замѣшательство, трепетъ при казни возбуждали въ фанатикахъ негодованіе, и они тотчасъ клеймили людей, испугавшихся принятія столь радостнаго мученическаго вѣнца „отрекшимися“ и „падшими“. Фанатики на всѣ предлагаемые имъ со стороны суда вопросы давали въ одинъ голосъ одинъ отвѣтъ: „Мы христіане и должны исполнять волю Господа до пролитія крови“. Уговоры со стороны высшихъ духовныхъ властей не только ни къ чему не вели, но наоборотъ разжигали страсти, а подобныя духовныя лица навсегда теряли уваженіе со стороны своей паствы и даже принуждены были слагать съ себя свой санъ. При такихъ обстоятельствахъ даже *благоразумные* люди принуждены были присоединяться къ толпѣ и вмѣстѣ съ ней подвергать себя мученичеству, восклицая при смерти вмѣстѣ съ толпой: „Слава Богу!“ Такъ жертвовали собой и простые священники, и епископы.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока существовалъ высшій

предлогъ къ мученичеству—гоненіе со стороны правящей римской власти. Но со временъ Константина Великаго гоненіе повсюду и окончательно прекратилось, слѣдовательно, прекратился и источникъ питанія для африканскихъ христіанъ ихъ идеи мученичества; но затишье съ этой стороны вновь воскресило давнюю, на время забытую вражду двухъ расъ въ Сѣверной Африкѣ—мѣстной и пришлой. Вражда, разумѣется, была теперь перенесена въ церковную жизнь. Африканская церковь въ свою очередь разбилась на двѣ партіи: нумидійскую, отчаяннымъ вожакомъ которой сталъ тотъ же Донатъ, главный виновникъ африканской схизмы, и латинскую, во главѣ которой сталъ впослѣдствіи извѣстный Августинъ. Поводомъ къ распрѣ послужило избраніе въ епископы Карѳагена, а слѣдовательно—митрополита всей Африки нѣкоего діакона Цициліана безъ участія нумидійскаго духовенства. Расколъ дошелъ до того, что донатисты перестали признавать своихъ противниковъ за христіанъ и требовали ихъ перекрещенія. Движеніе перешло въ революціонное, охватило все сельское населеніе, перепутало всѣ экономическія отношенія; толпы, вооруженныя дубинками, бродили по дорогамъ, разыскивали своихъ враговъ и, нападая на нихъ, побивали ихъ съ тѣмъ же крикомъ: „Слава Богу!". Ни умиротворяющія посольства изъ Рима, ни угрозы оттуда не могли остановить донатистскаго движенія, которое вновь стало переходить въ оргію мученичества, вызывая своимъ буйствомъ принятіе со стороны властей крайнихъ мѣръ. Множество донатистовъ гибло подъ топоромъ палача, съ своимъ характернымъ крикомъ: „Слава Богу!"

Къ этому времени относится вступленіе въ борьбу Августина. Для него стало тотчасъ очевидно, что воинскій мечъ не добьется умиротворенія страстей въ этой странѣ.

„Для донатистовъ христіанство было обрядомъ отцовъ, выстрадавшихъ и удержавшихъ его среди жестокихъ гоненій,—оно было имъ дорогою мѣстною святынею. Память о претерпѣнныхъ мученіяхъ, готовность идти на встрѣчу новымъ мученіямъ за вѣру породили въ ихъ умахъ представленія о божіихъ избранникахъ, о святыхъ среди запятнавшаго себя предательствомъ христіанскаго люда; и къ религіозному фанатизму присоединилось чувство враждебности и отчужденія некультурнаго человѣка къ людямъ высшей или иной культуры".

„Августинъ не могъ примириться съ такими воззрѣніями на христіанство; но помимо идейныхъ и догматическихъ мотивовъ, онъ и по другимъ причинамъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ раскола. Между донатистами и католиками нельзя было провести рѣзкой межи, хотя полюсы обоихъ враждебныхъ толковъ были очень удалены другъ отъ друга, но между ними враждующіе братья повсюду жили вперемежку. Приверженцы Доната превышали числомъ католиковъ и потому, несмотря на то, что законы государства были противъ нихъ, съ полной безнаказанностью тѣснили своихъ противниковъ. И молодой пресвитеръ вступилъ съ ними въ борьбу съ того дня, какъ оставилъ свою келью и согласился вступить въ міръ учителемъ и священникомъ. Авгу-

стинъ предался этой борьбѣ съ тою же страстью и пылкостью, съ какого прежде предавался созерцанію божественныхъ тайнъ,— и велъ ее неустанно въ теченіе тридцати лѣтъ до самаго ея конца. Эта борьба наполнила его жизнь, занимая первое мѣсто въ его перепискѣ и подчасъ въ его литературной дѣятельности; она повліяла на его воззрѣнія на церковь, на государство, на отношенія властей къ еретикамъ, на разрѣшеніе вопроса о принужденіи къ вѣрѣ и о сопротивленіи злу. Установленныя имъ тогда формулы получили рѣшающее вліяніе на средневѣковое міровоззрѣніе“. Вторая половина статьи (въ февр. книжкѣ) вся занята изложеніемъ проповѣднической дѣятельности Августина въ его борьбѣ съ донатистами. Пылкая сила краснорѣчія, діалектика римскаго юриста, страстная пламенность души, ясная постановка религіознаго идеала, вдохновенность пророка... сдѣлали свое дѣло: донатизмъ былъ побѣжденъ, и религіозная жизнь въ сѣверной Африкѣ потекла по ровному руслу. Августинъ умеръ въ 430 г. побѣдителемъ.

Такова интересная драма, развернувшаяся на огромномъ пространствѣ сѣвернаго побережья Африки: стихійно и неожиданно возникшая, съ безумной страстью разыгранная и по слову одного человѣка быстро и навсегда сошедшая со сцены! Во всей этой исторіи особенно ясно одно, что культъ христіанской религіи съ его смиреніемъ былъ чуждъ этой странѣ, прививался искуственно и неумѣлыми руками. Впослѣдствіи онъ легко и безъ борьбы уступилъ свое мѣсто другому культу, болѣе жизнерадостному.

Въ заключеніе нашего обзора русскихъ журналовъ, считаемъ необходимымъ указать на появленіе съ нынѣшняго года спеціальнаго періодическаго органа, поставившаго себѣ цѣлью содѣйствовать теоретической разработкѣ и практическому примѣненію мѣръ для облегченія обозрѣнія всѣхъ родовъ литературныхъ произведеній, а также изученію книжнаго дѣла въ его прошломъ и настоящемъ. Новый органъ, подъ названіемъ „Литературный Вѣстникъ“, издается Русскимъ Библіологическимъ Обществомъ и, судя по первому выпуску, будетъ представлять для читателей, слѣдящихъ за библіографіей, значительный интересъ.

Намъ, вѣроятно, придется нерѣдко останавливаться на этомъ журналѣ. Теперь же ограничимся указаніемъ на статью А. М. Ловягина „О содержаніи библіологіи или библіографіи“, являющуюся для журнала вступительной и, очевидно, руководящей. Авторъ устанавливаетъ наиболѣе точное опредѣленіе терминовъ *библіологія* и *библіографія*, представлявшихся до сего времени недостаточно ясными и точными. Прежде всего авторъ указываетъ на теоретическія и практическія неудобства въ проведеніи границы между этими понятіями. Перечисливъ нѣкоторыя болѣе выдающіяся опредѣленія, которыя давались въ разное время, авторъ приходитъ къ выводу, что библіографія и библіологія—понятія тождественныя, и останавливается на слѣдующемъ общемъ для нихъ опредѣленіи: „Эта наука или дисциплина занимается обсужденіемъ произвеній

писателей всѣхъ временъ и народовъ". Въ виду обширнаго содержанія библіологіи, а также неразрывной связи этой дисциплины съ другими науками, имѣющими съ нею тѣсное родство, авторъ приходитъ къ мысли о возможности составленія обширной энциклопедіи библіологіи и даетъ для этого схему. Схема эта настолько обширна, что остается только желать, чтобы „Литературный Вѣстникъ" заполнилъ ее хотя въ незначительной части.

Обзору русской современной печати удѣлено въ первой книжкѣ значительное мѣсто (45 страницъ).—Повидимому, журналъ намѣревается вести весьма обстоятельно этотъ отдѣлъ. Слѣдовало бы также печатать списокъ всѣхъ выходящихъ русскихъ книгъ за мѣсячный періодъ. **И. М.**

Новыя книги.

Полное собраніе сочиненій *А. Н. Майкова.* Изд. 7-е, исправленное и дополненное, съ 2 портретами автора. Въ 4 томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1901. Ц. 4 руб.

Высшей наградой поэту является то, если его произведенія попадутъ въ школьную христоматію. Это значитъ, что поэтъ достигъ въ нихъ той высшей простоты и ясности, которыя открываютъ доступъ его пѣснямъ въ цѣломудренную душу ребенка. У Аполона Майкова есть нѣсколько такихъ перловъ, которые мы заучивали на школьной скамьѣ на ряду съ первыми молитвами: „Колыбельная пѣсня", „Ласточка примчалась", „Картинка", „Весна! выставляется первая рама", „Лѣтній дождь", „Сѣнокосъ", „Нива" и др. Этотъ родъ поэзіи если и не можетъ претендовать на вѣчность, то во всякомъ случаѣ *домовѣченъ* и связываетъ воедино цѣлый родъ смѣняющихъ другъ друга поколѣній, безсознательно воспринимающихъ красоту поэзіи изъ однихъ и тѣхъже поэтическихъ произведеній.

Свою популярность Майковъ распространилъ и далѣе... Многія стихотворенія его помнятся наизусть уже не потому, что этого требуютъ учебныя программы, а потому, что они сохраняютъ обаятельную прелесть для насъ и въ зрѣломъ возрастѣ, ихъ постоянно перечитываютъ, декламируютъ на литературныхъ вечерахъ, перелагаютъ на музыку.

По своимъ симпатіямъ Майковъ—классикъ. Онъ началъ свою поэтическую дѣятельность съ античныхъ антологическихъ пьесъ и всю жизнь былъ занятъ драмой-поэмой изъ древнеримскаго міра, изображающей столкновеніе язычества съ христіанствомъ, причемъ язычники положительно гораздо болѣе удались поэту, чѣмъ христіане. Вообще Майковъ охотнѣе черпалъ мотивы для своихъ произведеній изъ прошлаго, болѣе или менѣе отдаленнаго. Этотъ вкусъ къ старинѣ несомнѣнно окутываетъ поэзію Майкова нѣкоторымъ холодомъ и сумракомъ. Такая поэзія не волнуетъ и не возмущаетъ душу; поэтъ умѣренъ въ проявленіи своего чувства,

которое всегда придерживается температуры остывающей золы, а не живого пламени. Поэтому-то особенно неудачны стихотворенія Майкова на „случай": видимо, не переживая своей поэтической душой того, что стремится воспѣть, Майковъ въ такихъ случаяхъ не вполнѣ удачно справляется даже и со стихомъ.

Несмотря на указанныя особенности, Майковъ пользуется широкимъ успѣхомъ. Нынѣшнее, седьмое уже изданіе его сочиненій дополнено цѣлымъ томомъ стихотвореній поэта, до сихъ поръ не включавшихся въ собранія его произведеній: частью они представляютъ самыя раннія попытки его творчества, частью—позднѣйшія; всѣ они были напечатаны въ различныхъ журналахъ или отдѣльно. Нужно сознаться, что эти произведенія не увеличатъ славы Майкова; значительное большинство ихъ слабо, и весь интересъ четвертаго тома—историко-литературный. Настоящее изданіе Майкова, какъ и всѣ прежнія, разсчитано на широкую публику; истиннаго цѣнителя и знатока литературы оно не удовлетворитъ. Въ первыхъ трехъ томахъ сохраненъ тотъ порядокъ, въ какомъ располагалъ свои стихотворенія самъ поэтъ, въ послѣднемъ—порядокъ хронологическій. Пояснительныя примѣчанія совершенно отсутствуютъ, а въ четвертомъ томѣ нѣтъ даже указаній на то, какія изъ стихотвореній—неоригинальныя. Повидимому, редактировалось собраніе сочиненій не вполнѣ опытнымъ въ литературѣ лицомъ: одно изъ стихотвореній озаглавлено „В. Т. Венедиктову"—такого поэта не было, былъ Бенедиктовъ. **М.**

Полное собраніе сочиненій *В. Г. Бѣлинскаго*. Подъ ред. и съ примѣч. *С. А. Венгерова*. Т. III. Спб. 1901.

Изданіе сочиненій Бѣлинскаго успѣшно подвигается впередъ. Впервые знаменитый критикъ является въ полномъ и неискаженномъ видѣ. Какъ можно судить по настоящему изданію, прежніе издатели не особенно церемонились съ священнымъ текстомъ и понадѣлали массу произвольныхъ купюръ въ статьяхъ Бѣлинскаго. Такъ изъ 88 статей, вошедшихъ въ третій томъ, 62 статьи или появляются въ первый разъ въ собраніи сочиненій Бѣлинскаго, или значительно дополнены. Интересной „новинкой" въ настоящемъ томѣ являются „Основанія русской грамматики" Бѣлинскаго, связавшаго грамматику съ логикою, что для того времени было немалой заслугой.

Примѣчанія редактора по-прежнему весьма обстоятельны. Это не обычныя объясненія нашихъ коментаторовъ, почерпнутыя изъ энциклопедическихъ словарей и ограничивающіяся сообщеніемъ формулярныхъ свѣдѣній объ упоминаемыхъ въ текстѣ лицахъ. Коментаріи г. Венгерова уясняютъ самый смыслъ произведеній Бѣлинскаго, всѣ непонятные для современнаго читателя намеки, всю обстановку, въ которой появилась та или иная статья. Это—цѣнный матеріалъ для литературной и журнальной исторіи той эпохи, въ которую дѣйствовалъ Бѣлинскій.

Къ настоящему тому приложенъ портретъ Бѣлинскаго, рисованный въ 1843 г. академикомъ К. А. Горбуновымъ. **М.**

Князь Эсперъ Ухтомскій. **Изъ китайскихъ писемъ.** СПБ. 1901 г.

Нельзя не присоединиться къ пожеланію, высказанному кн. Ухтомскимъ въ концѣ одного изъ „китайскихъ писемъ“: „Разумное рѣшеніе неразумной по существу китайской проблемы прежде всего должно быть поставлено въ зависимость отъ притока свѣжаго воздуха и дневного свѣта“. Дѣйствительно, густая тьма, окутывающая подвиги новыхъ вандаловъ, на правахъ хозяевъ распоряжающихся теперь въ Китаѣ, и отдаленность мѣста дѣйствія—не даютъ возможности правильно судить о томъ, къ чему приведетъ и чѣмъ разрѣшится эта едва начинающая разгораться расовая борьба запада и востока. Авторъ брошюры осенью 1900 г. засталъ полный разгромъ Пекина, былъ очевидцемъ „странной и гнусной картины, какую являетъ собою теперь опозоренная, загрязненная непріятельскимъ нашествіемъ, разрушенная въ своихъ главныхъ основаніяхъ столица Китая“. Въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ имперіи готова съ новой силой вспыхнуть народная месть, вызываемая дикой, незнающей границъ вакханаліей представителей великихъ державъ. Западныя начала внушаются просвѣщенными народами китайскимъ націоналистамъ путемъ разгрома, надругательства и безудержнаго произвола. Кн. Ухтомскій искренно возмущенъ этимъ издѣвательствомъ европейскихъ хищниковъ надъ азіатскимъ царствомъ. Проходятъ иные взгляды сквозь это несочувствіе крутымъ мѣрамъ союзниковъ. Онъ не сторонникъ активнаго участія Россіи въ дѣлежѣ Китая, онъ негодуетъ на захватившихъ въ свои руки палку нѣмцевъ и англичанъ, но въ то же время онъ скорбитъ о жалкой роли, доставшейся на долю Россіи въ усмиреніи возставшаго на защиту своей самобытности Китая: вся заслуга по усмиренію мятежныхъ боксеровъ приписывается имъ русскимъ войскамъ, лавры же и трофеи достались Англіи и Германіи. И снова выступаетъ высказанная ранѣе впередъ излюбленная кн. Ухтомскимъ теорія родства Россіи съ Азіей, что придаетъ негодованію автора нѣсколько пристрастный характеръ: патріотически-благодушно закрывая глаза хотя бы на „благовѣщенскія событія“, онъ участіе русскихъ въ „узаконенныхъ беззаконіяхъ“ сводитъ къ мелкому „добросовѣстному ребяческому разврату“ несчастнаго солдатика, который попользовался на грошъ добычей „по праву войны“.— Брошюра (въ 31 стр.) прочтется съ большимъ интересомъ какъ показаніе очевидца—свидѣтеля. **М. В**

Д-ръ Б. І. Сапиръ. **Исторія и сущность сіонизма.** Одесса 1901 г. Ц. 25 к.

Общеизвѣстный ходъ историческихъ событій заставилъ значительную часть еврейства очень рано (въ эпоху Діадоховъ, и даже раньше—въ эпоху ассиро-вавилонскую) покинуть родину; въ римскую эпоху еврейскій народъ окончательно теряетъ политическую самостоятельность.

Попытки свергнуть иго Рима выразились въ цѣломъ рядѣ возстаній, но повели лишь къ тому, что сотни тысячъ евреевъ

погибли, а уцѣлѣвшіе должны были почти цѣликомъ переселиться въ другія страны, и Палестина лишилась своего, еврейскаго населенія.

Что еврейство перенесло и переноситъ на чужбинѣ,—всѣмъ извѣстно. Это еще болѣе усиливало тоску объ утратѣ родины и свободы; съ другой-же стороны, о прошломъ ежеминутно напоминала еврею религія—пѣснями синагоги, днемъ печали о разрушеніи храма и пр. Тоска очень скоро переходитъ въ надежду, а надежда—въ стремленіе возвратить утраченныя родину и независимость. Это стремленіе и есть сіонизмъ. Стремленія эти выразились, какъ выше сказано, цѣлымъ рядомъ упорныхъ возстаній противъ римской власти; первое возстаніе началось въ 68 г. по Р. Х.; послѣднее произошло въ 352 г., т. е. уже въ христіанскую эпоху. Извѣстно, сколько жертвъ стоили эти попытки, и еврейство на опытѣ убѣдилось, что политическое возрожденіе путемъ вооруженнаго возстанія — вещь невозможная, духовенство даже объявило всякое вооруженное сопротивленіе грѣховнымъ, какъ желаніе насильственнымъ путемъ приблизить „часъ воли Божьей“ и пришествіе Мессіи. Такъ кончился древній періодъ сіонизма.

Когда естественныя средства оказались недостаточными, оставалось возложить надежду на сверхъ-естественныя, что было легко для евреевъ, съ ихъ повышеннымъ религіознымъ настроеніемъ и ихъ вѣрой въ грядущаго Мессію, позволяющей ожидать въ будущемъ наступленія золотого вѣка. Появляется *религіозный* сіонизмъ—вѣра въ возвращеніе родины и свободы сверхъ-естественнымъ путемъ, черезъ Мессію, котораго пошлетъ Богъ объединить разсѣянныхъ по лицу земли сыновъ Израиля и возвратить ихъ домой. Пришествія Мессіи ждутъ цѣлые вѣка; Мессіи являются очень часто, чуть не десятками, находятъ массу приверженцевъ и обыкновенно скоро погибаютъ вмѣстѣ съ ними или оказываются явными обманщиками. Это не разочаровываетъ вѣрующихъ, и новый Мессія опять встрѣчаетъ довѣріе. Такъ длилось 1200 лѣтъ (движеніе началось въ 5 вѣкѣ и кончилось въ половинѣ 17 вѣка дѣятельностью извѣстнаго Саббатая Цеви); впрочемъ, даже въ 1700 г. видимъ вспышку мессіанскаго движенія... Такъ кончился второй періодъ сіонизма—религіозный.

Итакъ, Мессію ждали 1200 лѣтъ и все безуспѣшно... Повидимому, еврейство устало ждать и начинаетъ подумывать, какъ-бы получше устроиться въ изгнаніи. Притомъ и гоненіе на евреевъ начинаютъ ослабѣвать и даже вовсе исчезаютъ съ прекращеніемъ религіозной нетерпимости. Наступаетъ 18 вѣкъ—„вѣкъ просвѣщенія“; общему теченію поддается и еврейство; являются попытки, исходящія изъ среды самого еврейства, пріобщить еврейскій народъ къ общечеловѣческой культурѣ. Лучшимъ и виднѣйшимъ представителемъ этого направленія является нѣмецкій ученый и философъ еврей—Моисей Мендельсонъ (р. 1729 г., у. 1786 г.). Движеніе нашло множество послѣдователей повсюду, у насъ въ Россіи возрожденіе еврейства въ духѣ идей Мендель-

сона началось въ пятидесятыхъ годахъ, съ наступленіемъ „эпохи реформъ", облегчившей между прочимъ и положеніе евреевъ.

Однако, ученики Мендельсона пошли дальше учителя. Тотъ всю жизнь былъ глубоко-вѣрующимъ евреемъ, чувствовалъ себя евреемъ и по религіи и по національности и, стараясь пріобщить свой народъ къ общеевропейской культурѣ, едва-ли имѣлъ въ виду полное сліяніе его съ окружающей средой. Ученики пошли дальше: проповѣдь необходимости принять культуру окружающей среды незамѣтно перешла въ проповѣдь полнаго сліянія со средой; идеаломъ было поставлено исчезновеніе еврейской національности и обращеніе евреевъ въ нѣмцевъ, поляковъ, русскихъ и пр. моисеева закона. Отдѣльныя личности шли еще дальше и крестились.

Съ другой стороны, стремленіе еврейства приблизиться къ окружающей средѣ не встрѣтило въ послѣдней сочувствія, среда эта наоборотъ отвѣтила появленіемъ антисемитизма.

По этимъ причинамъ идеи Мендельсона теперь уже потеряли господство надъ умами евреевъ, и сіонизмъ возрождается, но, конечно, въ новой формѣ.

Уже въ сороковыхъ годахъ появляется у западно-европейскихъ евреевъ мысль о возвращеніи въ Палестину; мысль эта получаетъ широкое распространеніе, находитъ адептовъ даже среди евреевъ Австраліи. Появляется палестинофильство, основываются колоніи въ Палестинѣ, еврейская интеллигенція заинтересовывается своимъ народомъ и ищетъ сближенія съ нимъ и пр. Это—третій фазисъ сіонистскаго движенія—палестинофильскій.

Палестинофильство оказалось недолговѣчнымъ и быстро выродилось: общества „Друзей Сіона", основанныя для пропаганды палестинофильства, постепенно незамѣтно превратились въ обыкновенныя благотворительныя общества, а цѣли ихъ съузились до оказанія помощи колонистамъ, уже переселившимся въ Палестину, и основанія новыхъ колоній. Идея измельчала и размѣнялась на мелкую монету, и вмѣсто возрожденія націи дала 10—15 земледѣльческихъ колоній, страшно дорогихъ и не особенно процвѣтающихъ.

Въ четвертый и послѣдній пока фазисъ движеніе вступило съ появленіемъ доктора Герцля. Докторъ Герцль (род. въ 1860 г. въ Будапештѣ), еврей по происхожденіи и религіи, а по профессіи вѣнскій журналистъ, сперва совершенно чуждый хотя-бы самаго слабаго интереса къ еврейству, неожиданно даже для себя выпустилъ въ 1896 г. брошюру Der Judenstaat.

Нѣтъ спасенія въ филантропической колонизаціи, говорилъ д-ръ Герцль. Мы должны заявить Европѣ, что мы существуемъ какъ народъ и имѣемъ право на самостоятельное существованіе. Мы должны добиться отъ державъ разрѣшенія основать въ Палестинѣ еврейское *государство* и переселить туда всѣхъ евреевъ, которые не могутъ или не хотятъ ассимилироваться въ Европѣ. Для этого надо пріобрѣсти отъ Турціи (покупкой) достаточно обширную территорію, которая однако останется подъ верховной властью султана. Для осуществленія этой цѣли слѣдуетъ создать

„Еврейскій союзъ“—органъ руководящій, на которомъ лежитъ дипломатическая сторона дѣла, и „Еврейское Общество“—исполнительный органъ „Союза“, которое организуетъ самое переселеніе. Финансовыя средства дастъ „Еврейскій Колоніальный Банкъ“ (мысль его явилась позднѣе), капиталъ котораго собирается по подпискѣ среди лицъ, сочувствующихъ движенію.

Послѣдователи д-ра Герцля назвали себя „сіонистами“, что, конечно, не совсѣмъ вѣрно, ибо „сіонистами“ были и Акиба и палестинофильцы, да и все вообще еврейство вотъ уже 2000 лѣтъ правильнѣе было-бы звать ихъ „неосіонистами“. Сіонизмъ пользуется громаднымъ успѣхомъ. Уже было 4 всемірныхъ конгресса сіонистовъ (въ Базелѣ, въ 1897, 1898 и 1899 г. и въ Лондонѣ въ 1900 г.) и ожидается (въ 1901 г.) пятый; число участниковъ 4-го конгресса дошло до 8000 чел. Сіонизмъ быстро распространился повсюду; въ настоящее время сіонистскіе кружки имѣются уже въ 2000 городовъ: въ Марокко, Трансваалѣ, Канадѣ, Россіи, Австраліи, Болгаріи. Имѣются сіонистскіе органы печати. Къ движенію примкнула почти вся еврейская интеллигенція, самыхъ разнообразныхъ спеціальностей: доктора, журналисты, инженеры, адвокаты, банкиры и пр. Особеннымъ успѣхомъ движеніе пользуется въ Россіи, гдѣ кружковъ уже больше 1000, а членовъ ихъ больше 100000; сіонисты есть даже въ Читѣ, въ Туркестанѣ, на Кавказѣ. Первое время еврейское духовенство отнеслось къ сіонизму очень враждебно, но и оно начинаетъ быстро переходить на его сторону, а въ Болгаріи даже въ главные раввины всѣхъ общинъ государства выбранъ сіонистъ.

Авторъ напоминаетъ слова Гиллеля: „Если не мы за себя, то кто-же? если не теперь, то когда-же?“ и въ заключеніе восклицаетъ: „Побѣда въ нашихъ рукахъ, если мы ея только пожелаемъ“.

Признаемся, что мы смотримъ на будущее сіонизма далеко не такъ свѣтло, какъ д-ръ Сапиръ.

Прежде всего, какая разница между палестинофильствомъ и сіонизмомъ? Только въ широтѣ цѣлей! Къ переселенію евреевъ въ Палестину стремится уже палестинофильство, а сіонизмъ лишь прибавляетъ къ этому возстановленіе государственности. Продастъ-ли Турція Палестину? Если даже и продастъ, то согласятся-ли европейскія (т. е. *христіанскія*) державы? Наконецъ для существованія государства необходимо, чтобы все населеніе или значительный процентъ его принадлежалъ къ еврейской національности. Между тѣмъ, опытъ прошлаго показываетъ, что напр. русское еврейство охотнѣе переселяется въ Соединенные Штаты и Аргентину, чѣмъ въ Палестину. Кто поручится, что единственной причиной этого предпочтенія была принадлежность Палестины Турціи?

Но допустимъ, что цѣль сіонистовъ достигнута; Палестина стала автономной провинціей Турціей или даже вассальнымъ государствомъ и густо заселена евреями. Развѣ это разрѣшитъ еврейскій вопросъ? Вѣдь Палестина слишкомъ мала для всей массы евреевъ. Указаніямъ-же на былое процвѣтаніе Палестины мы, откровенно говоря, не придаемъ никакого значенія, даже уди-

вляемся, какъ можно строить какія либо теоріи на обычныхъ преувеличеніяхъ поэтическихъ и историческихъ произведеній восточныхъ народовъ.

Если же Палестина пріютитъ только нѣкоторую долю еврейства, главная-же масса его останется, какъ теперь, жить между другими націями, то положеніе ея, этой оставшейся на мѣстѣ части еврейства, по нашему мнѣнію, не улучшится, а даже ухудшится. **Н. У.**

Графъ П. И. Капнистъ. **Сочиненія.** Томы I и II. Москва. 1901 г.

Литературныя наклонности автора „Ябеды" не исчезли въ его потомствѣ. Передъ нами два объемистыхъ тома сочиненій его внука графа Петра Ивановича (род. 1830 г., умеръ 1898 г.).

Въ I томѣ помѣщены обширная біографія поэта, составленная его дочерью, и мелкія лирическія стихотворенія.

Родъ Капнистовъ очень древній: графы Капниссисы упоминаются уже въ XV вѣкѣ среди дворянства Венеціи и острова Занте (изъ группы Іоническихъ острововъ), принадлежавшаго венеціанской республикѣ. Живутъ они на островѣ Занте; по національности — греки, по вѣроисповѣданію — православные. При Петрѣ, въ эпоху Прутскаго похода, графъ Петръ Капниссисъ, начавшій на свой страхъ военныя дѣйствія противъ турокъ, долженъ былъ оставить родину (Венеція была союзницей Турціи) и бѣжалъ въ Россію. Сына его Василія Петровича мы видимъ уже въ Малороссіи помѣщикомъ и миргородскимъ полковникомъ (убитъ въ 7-лѣтнюю войну въ сраженіи при Гроссъ-Егерсдорфѣ); внукъ его, Василій Васильевичъ — всѣмъ извѣстный авторъ „Ябеды".

Графъ Петръ Ивановичъ — внукъ Василія Васильевича, родился въ 1830 г. въ полтавскомъ имѣніи отца—Обуховкѣ, и росъ въ Москвѣ, гдѣ отецъ его состоялъ губернаторомъ. Въ 1848 г. онъ поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1852 г. Біографія его не богата событіями: желаніе поступить въ военную службу осталось неосуществленнымъ по слабости здоровья, и поэтъ служитъ чиновникомъ особыхъ порученій, сперва въ Одессѣ, при мѣстномъ генералъ-губернаторѣ, потомъ въ Москвѣ при попечителѣ учебнаго округа. Въ 1860 г. онъ переселяется въ Петербургъ и служитъ въ министерствахъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, занимаясь главнымъ образомъ составленіемъ отчетовъ о ходѣ текущей русской литературы, предназначавшихся для императора Александра II. Затѣмъ служитъ въ цензурѣ, гдѣ и завязалъ знакомство со многими современными ему писателями, а съ иными — и дружбу; затѣмъ около трехъ лѣтъ былъ редакторомъ „Правительственнаго Вѣстника" (съ 1871 по 1874 годъ). Но усиленный трудъ надорвалъ его здоровье, и Капнистъ оставилъ (фактически) службу. Онъ умеръ въ 1898 г. и погребенъ на родинѣ предковъ—островѣ Занте.

Писать онъ началъ очень рано: нѣкоторыя его стихотворенія помѣчены 1846 г., когда поэту было всего 16 лѣтъ. Кромѣ мел-

кихъ стихотвореній, отъ Капниста осталась большая трагедія „Сенъ-Марсъ", неоконченная трагедія „Стенька Разинъ" и нѣсколько прозаическихъ статей. Не чуждъ онъ былъ и публицистики и помѣщалъ статьи въ 60-хъ годахъ въ газетѣ „Вѣсть", а въ 80-хъ и 90-хъ — въ газетѣ „Южный Край". Кромѣ этого, Капнистъ при жизни ничего не напечаталъ, если не считать 2—3 мелкихъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ „Современникѣ" 60-хъ годовъ.

По убѣжденіямъ онъ былъ консерваторомъ, но не изъ самыхъ крайнихъ; высоко ставя напр. значеніе дворянства, онъ понималъ необходимость пополненія его притокомъ свѣжихъ силъ изъ другихъ слоевъ общества. Въ нравственномъ отношеніи Капнистъ отличался большой щепетильностью; напр. при всемъ консерватизмѣ своихъ убѣжденій, вовсе не сочувствуя полякамъ, онъ отказался „купить" какое-нибудь изъ конфискованныхъ послѣ мятежа имѣній въ Западномъ краѣ. „Онъ говорилъ, пишетъ дочь его, что правительство можетъ принимать суровыя мѣры, если признаетъ это необходимымъ, но чтобы частныя лица пользовались несчастіемъ семей, изгнанныхъ изъ родимыхъ помѣстій, этого онъ не понимаетъ".

Въ поэзіи Капнистъ былъ сторонникомъ теоріи „чистаго искусства": онъ напр. порицалъ Некрасова за „гражданское направленіе" его поэзіи; однако, какъ человѣкъ безпристрастный, за то-же порицалъ и славянофиловъ.

Біографія написана живо и интересно, хотя не безъ преувеличенія значенія покойнаго поэта и размѣровъ его дарованія.

На русскомъ Парнассѣ графъ Капнистъ займетъ весьма скромное мѣсто. Почти всѣ стихотворенія — лирическія, небольшого объема; общій тонъ ихъ—элегическій; часто проглядываетъ пессимизмъ, но небезотрадный. Стихъ не отличается силой; риѳма часто измѣняетъ автору или слишкомъ изысканна. Нѣкоторыя стихотворенія очевидно навѣяны поэзіей Гейне, а 9 стихотвореній—прямо переводъ Гейне, не лишенный достоинствъ. Вотъ одно изъ чисто лирическихъ стихотвореній (стр. 2):

Я помню тихій разговоръ
Въ тѣни березъ шумящихъ,
Я помню долго—нѣжный взоръ
Очей, огнемъ блестящихъ.

Но та минута далека,
Та вспышка жизни бурной
Давно прошла, какъ облака
Въ степи небесъ лазурной...

Березы высохли, и взоръ
Тотъ нѣжный и горючій
Давно угасъ, какъ метеоръ
Блестящій и нежгучій.

Второй томъ заключаетъ двѣ трагедіи: „Сенъ-Марсъ" и „Стенька Разинъ" (послѣдняя не окончена) и прозаическія статьи.

Трагедіи „Сенъ-Марсъ" много вредитъ, во-первыхъ, страшная загроможденность сюжета массой совершенно излишнихъ лицъ и событій, совершенно ненужныхъ для развитія драмы и только понапрасну ее удлиняющихъ (въ ней 250 страницъ!); во-вторыхъ—явная тенденціозность автора. Трагедія очевидно на-

писана съ цѣлью доказать необходимость дворянства, какъ опоры трона и руководителя простого народа. Во всякомъ случаѣ, для поэтическаго доказательства этого тезиза менѣе всего годится французское феодальное дворянство 17 вѣка.

Прозаическихъ статей дано семь. Одна изъ нихъ относится къ дѣлу о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ его Псковское имѣніе, составлена по матеріаламъ архива Одесскаго генералъ-губернатора, гдѣ въ молодости служилъ авторъ, и была уже напечатана въ „Русской Старинѣ". Столь-же невелики по объему статьи о женскомъ вопросѣ и объ историческихъ трудахъ проф. Б. Н. Чичерина.

Остальныя 4 статьи — оффиціознаго и даже оффиціальнаго характера („Записка о дворянствѣ"; „О министерствѣ земледѣлія" и двѣ статьи о русской современной литературѣ). Изъ статей литературнаго содержанія первая („Краткое обозрѣніе журналистики за 1862 г.") даетъ сводъ отзывовъ печати объ общественныхъ вопросахъ и правительственныхъ реформахъ того времени. Вторая („Очеркъ направленія русской лирической поэзіи съ 1854 до 1864 г.") любопытна по своей необычной точкѣ зрѣнія: представители русской поэзіи разсматриваются съ точки зрѣнія совпаденія ихъ направленія со взглядами тогдашнихъ правящихъ сферъ.

Зная міровоззрѣніе Капниста, можно впередъ ожидать, что онъ раздѣлитъ нашихъ лириковъ на представителей чистаго искусства и на представителей тенденціозной поэзіи. На самомъ дѣлѣ, онъ идетъ еще дальше и дѣлитъ лирическихъ поэтовъ на три категоріи. Къ первой категоріи (представители чистаго искусства) отнесены Фетъ, Полонскій, Майковъ, Тютчевъ, Алексѣй Толстой и др. Ко второй категоріи, которая опредѣляется, какъ „поэты, развивавшіе сперва туманные пріемы нѣмецкаго романтизма, а потомъ усвоившіе себѣ теоріи французскаго соціализма", относятся Огаревъ, Григорьевъ (критикъ) и Плещеевъ. Третья категорія характеризуется, какъ „поэты, предметъ пѣснопѣній которыхъ суть по преимуществу народъ и разные общественные вопросы"; поэты, принадлежащіе къ ней, раздѣлены въ свою очередь на четыре разряда, еще болѣе характерныхъ. Первый разрядъ — „славянофилы" — Хомяковъ, Иванъ и Константинъ Аксаковы; политическая благонадежность поэтовъ-славянофиловъ для Капниста весьма сомнительна; къ нимъ-же, по внутреннему сродству, онъ относитъ и Тараса Шевченку. Второй разрядъ — это „отрицатели и обличители". Знаете, кто отнесенъ къ этому разряду? Розенгеймъ и Бенедиктовъ! Третій разрядъ — „перелагатели соціализма и пауперизма на русскіе нравы" — представленъ Некрасовымъ, Михайловымъ, Курочкинымъ и... Никитинымъ. Въ четвертый разрядъ вошли „эпиграмматисты. нигилисты и пасквилисты" (sic!), т. е. Минаевъ, Добролюбовъ, Панаевъ и пр. Раздѣленіе это говоритъ само за себя и избавляетъ отъ необходимости коментаріевъ.

Справедливость, впрочемъ, заставляетъ прибавить, что статья написана приличнымъ тономъ и безъ передергиваній, свойствен-

ныхъ извѣстнаго сорта органамъ нашей печати; авторъ при этомъ не отрицаетъ талантливости даже у представителей несимпатичнаго ему направленія, говоритъ напр. о „громадномъ талантѣ“ Добролюбова и Некрасова.

Н. У.

Черный воронъ. Первая книжка разсказовъ *А. А. Измайлова*. Спб., 1901 г. 382 стр. Цѣна 1 рубль.

Книга г. Измайлова, содержащая въ себѣ 17 разсказовъ озаглавлена по имени перваго изъ нихъ, большинство которыхъ имѣютъ сюжетомъ бытъ мелкаго духовенства, повидимому очень хорошо извѣстный автору. Талантливо, яркими красками рисуетъ онъ картины этого быта и внутреннюю его сторону. Мастерски описано душевное состояніе маленькихъ людей, трагедіи, ими переживаемыя. Особенно производитъ впечатлѣніе разсказъ „Ночь“, гдѣ описывается душевное состояніе священника, вынужденнаго покинуть умирающую жену, чтобы ѣхать на требу. Невольно возбуждаетъ къ себѣ глубокое уваженіе главное дѣйствующее лицо этой маленькой повседневной, но страшной трагедіи. Съ большимъ интересомъ читаются разсказы „Горный воронъ“ „Геніальная идея“, „Праздничный гость“, „Самородокъ“, „Дамокловъ мечъ“, „Непредвидѣнный пунктъ“, „Капитальный трудъ“, недурны анекдотики, хотя съ довольно извѣстной темой: „Златыя уста“ и „Волкъ“, главное достоинство которыхъ—изложеніе. Всѣ поименованные разсказы изъ духовной жизни. Изъ свѣтской слѣдуетъ отмѣтить „Миражи“ и „Демокритъ“. Всѣ разсказы г. Измайлова написаны хорошимъ русскимъ языкомъ и читаются съ удовольствіемъ.

Календарь „Синяго Креста“ на 1901 г.

Въ широковѣщательномъ циркулярѣ коломенско-адмиралтейскаго отдѣла общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ отъ 29 октября 1900 г. заявляется, что „приступлено къ изданію календаря на 1901 г. который явится подробнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для каждаго“. Между тѣмъ содержаніе календаря, очень хорошо изданнаго, совсѣмъ не подтверждаетъ эту необходимость, которая могла бы явиться, если-бъ изданіе обладало требуемой отъ него полнотой свѣдѣній. Есть отдѣлы слишкомъ обширные и мало интересные для массы публики, какъ напр. „Благотворительный отдѣлъ“, занимающій 85 страницъ, снабженный большими портретами разныхъ лицъ „имена коихъ Ты, Господи, вѣси“, другіе же отдѣлы, какъ напр. „желѣзнодорожный“, далеко неполны, а XI-й отдѣлъ, подъ громкимъ названіемъ „Періодическія изданія“, содержитъ въ себѣ объявленія о пяти изданіяхъ. Неужели, г.г. составители, у васъ нѣтъ больше никакихъ свѣдѣній о періодическихъ изданіяхъ?! Главная же часть календаря, добрая его половина, посвящена объявленіямъ, всюду они въ началѣ, въ концѣ, въ рединѣ текста, мѣшаютъ разыскивать нужное и отпечатаны на такой же бумагѣ, что крайне неудобно при наведеніи справокъ. Настоящее изданіе даетъ убѣжденіе, что г.г. составители заботились исключительно о собираніи объявленій, эта забота достигнута ими блестяще, но не слѣдуетъ за-

бывать и о содержаніи календаря, на что въ слѣдующемъ изданіи слѣдуетъ обратить должное вниманіе.

Д. Лассаль. **Дневникъ.** Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. Б. И. Звонарева. Спб. 1901 г.

Заглавіе книги, быть можетъ, нѣсколько заманчиво-пышное. Это не „дневникъ“ Лассаля—вообще, а только записки, веденныя будущимъ знаменитымъ агитаторомъ—въ 1840 и 1841 г. г. „Онъ писалъ первую страницу, когда ему не было 15 лѣтъ, а послѣднюю,—когда ему едва исполнилось 16“. Нѣмецкій писатель прибавляетъ отъ себя: „а это—самый важный періодъ въ его развитіи“. Да и въ жизни почти каждаго мало-мальски одареннаго человѣка—15—16 лѣтъ—въ своемъ родѣ высшая точка расцвѣта, когда, хотя-бы въ загадочной неокрѣпшей формѣ, въ видѣ, что ли, нѣжной духовной куколки — завязываются всѣ основы личности, И все-же вышеназванная книга полезна и значительна по-преимуществу, какъ сырой автобіографическій матеріалъ; общаго интереса, особливо для неподготовленнаго читателя — въ ней мало. Лассаль отличался слишкомъ дѣятельной, жаждавшей практики натурой. Умственныя стремленія у этого энтузіаста проснулись рѣшительно только въ самые послѣдніе дни, отмѣченные дневникомъ, и въ данномъ „дневникѣ“ Лассаль волнуется въ узкомъ семейномъ и школьномъ кругу. Онъ сильно занятъ собственной особой, своими карточными выигрышами и неудачами, своей ничуть недоброжелательной борьбой съ отцомъ и педагогами—изъ за отмѣтокъ, свидѣтельствъ, денегъ и отпусковъ. Онъ правда, увлекается уже частью Бёрне, Гейне, Лаубе, объявляетъ себя защитникомъ обиженныхъ евреевъ, республиканцемъ, демократомъ и пр. Но и тутъ онъ скорѣе повторяетъ чужія слова, подражаетъ чему-то занесенному отвнѣ; подвига — завладѣть богатѣйшей эрудиціей — онъ на себя еще не поднялъ. Однако, и здѣсь, съ исходомъ дневника, все явственнѣе очерчивается психическая индивидуальность Лассаля. Онъ умѣетъ любить—напр. родныхъ—крѣпко, страстно. Къ цѣлямъ своимъ онъ идетъ смѣло и рѣшительно, ибо въ немъ—самоувѣренность необычайная. И какъ всѣ крупные таланты, онъ рано прозрѣваетъ свое призваніе. Повидимому, столь вспыльчивый и неудержно—порывистый, Лассаль вмѣстѣ съ тѣмъ крайне разсудочный человѣкъ. Струны собственнаго достоинства у него въ высшей степени легко задѣваются — и все же онъ постоянно твердитъ себѣ: „терпѣніе, терпѣніе—переждемъ“. 15—16 лѣтнимъ юношей, онъ зачастую клянется—послужить еврейскому народу. Но въ концѣ этого періода въ немъ загорается жажда широкихъ знаній— и, очевидно, онъ удовольствуется только самымъ виднымъ поприщемъ.

А. Налимовъ.

Гиббинсъ. **Исторія торговли Европы.** Переводъ съ англійскаго Е. Г. Съ картами. С.-Петербургъ. 1901. Стр. 213+VII.

Исторія торговли подъ перомъ талантливаго писателя могла бы превратиться въ интересное соціологическое изслѣдованіе. Къ несчастію, Гиббинсъ талантомъ не обладаетъ и его „Исторія торговли Европы“, написанная сухо, конспективно, раздѣленная

на маленькіе параграфы, имѣющіе отдѣльныя названія, можетъ принести пользу въ качествѣ справочнаго пособія, но для чтенія совершенно непригодна. Это мы отмѣчаемъ съ большимъ сожалѣніемъ. Вѣдь торговля Европы, главнымъ образомъ ея соціальная сторона, представляетъ огромный интересъ. Изслѣдуя ее, можно было бы стать на точку зрѣнія Дж. Ст. Милля и показать, что торговля обезпечиваетъ всеобщій миръ и является залогомъ постояннаго и непрерывнаго прогресса идей, учрежденій и нравственности. Пусть эта точка зрѣнія по существу не совсѣмъ вѣрна, но все же она внесла бы живую струю въ сухіе факты, одухотворила бы собранные авторомъ матеріалы и заставила бы работать мысль читателя. Вызвать такую работу не въ состояніи книжка Гиббинса, своимъ изложеніемъ напоминающая гимназическіе учебники. Мы привели взглядъ на роль торговли Милля, а теперь напомнимъ слова о ней Адама Смита. Онъ думаетъ, что торговля должна была бы служить узами единенія и дружбы, а въ дѣйствительности она стала „обильнымъ источникомъ всякой вражды и несогласій. Капризное честолюбіе королей и министровъ не было гибельнѣе для спокойствія Европы, чѣмъ наглая зависть купцовъ и фабрикантовъ". Историкъ торговли Европы, при разсмотрѣніи ея проявленій въ колоніальной политикѣ конца 19 вѣка, за исходную точку своихъ разсужденій могъ бы взять слѣдующія слова одного экономиста: „капиталъ боится отсутствія прибыли точно такъ же, какъ природа боится пустоты. Онъ робокъ, но за 10% его можно всюду пустить въ ходъ; за 20% онъ разгорячается; за 50% онъ безумно дерзокъ; за 100% онъ попираетъ всѣ человѣческіе законы, а за 300% онъ совершаетъ какія угодно преступленія, даже подъ страхомъ висѣлицы". Колоніальная политика Англіи въ значительной степени подтверждаетъ эти слова. Справедливо и замѣчаніе Гиббинса, которымъ онъ заканчиваетъ свою исторію: „Колоніальная политика и принципы торговли и промышленности Англіи, хотя и страдаютъ недостатками, но, тѣмъ не менѣе, всегда служили примѣромъ для другихъ государствъ Европы".

Въ заключеніе приведемъ краснорѣчивыя цифры, характеризующія современную торговлю Европы. Въ теченіе 1894—1895 г. въ главнѣйшія государства Европы было ввезено товаровъ и благородныхъ металловъ на 12.290.000.000 рублей, а вывезено на 9.161.000.000 рублей. Ввозъ въ Англію=3.861 милліону рублей, а вывозъ оттуда=2.042 милліономъ. Такимъ образомъ, на душу англійскаго населенія ввозъ=97 р. 70 коп., а вывозъ=51 р. 70 к. Въ Нидерландахъ на душу населенія ввозилось товаровъ и благородныхъ металловъ на 234 р. 40 коп., а вывозилось на 181 р. 40 коп. Полная противоположность Нидерландамъ—Турція. Тамъ ввозъ на душу населенія=9 р. 10 коп., а вывозъ 5 р. 80 коп.

Е. М. В

Проф. Александръ Трачевскій. **Учебникъ древней исторіи.** Третье, исправленное изданіе. **Учебникъ средней исторіи.** Третье, исправленное изданіе. **Новая исторія** т. I. (1500—1750 г.г.). Второе исправленное изданіе. С.-Петербургъ, 1900—1 г.

О лежащихъ передъ нами книгахъ проф. Трачевскаго много говорить не приходится. Онѣ выдержали уже по нѣсколько изданій и вполнѣ оцѣнены и критикой и публикой.

Главное достоинство учебниковъ исторіи проф. Трачевскаго состоитъ въ томъ, что авторъ, не въ примѣръ другимъ составителямъ, много вниманія удѣляетъ культурной исторіи. Изложеніе нашего автора тоже выдѣляется среди другихъ учебниковъ исторіи, большинство коихъ даетъ богатый матеріалъ для характеристики той „порчи русскаго языка", о которой у насъ такъ много говорили съ легкой руки А. Ѳ. Кони. Блестящее изложеніе проф. Трачевскаго знакомо читателямъ „Вѣстн. Всем. Исторіи".

Вообще каждый параграфъ разбираемыхъ учебниковъ говоритъ объ огромной работѣ, положенной на ихъ составленіе. За послѣдніе годы, когда многіе учебники исторіи сдѣлались каѳедрой, съ которой юношеству проповѣдуютъ человѣконенавистничество и забрасываютъ грязью свѣтлыя имена, пріятно прочитать слова проф. Трачевскаго, обращенныя къ „родному юношеству": „На ряду съ любовью къ труду и съ вѣрой въ человѣческое достоинство, воспитывайте въ себѣ гуманность къ людямъ, потому что малѣйшій успѣхъ достается имъ съ великими усиліями. Учитесь исторіи—и вы поймете, что нашъ совѣтъ исходитъ не только изъ сердца, но и изъ опыта. А кончите ее—и увидите, что труды человѣчества не безплодны: на свѣтѣ все прибавляется ума, честности и правды".

„Новая Исторія" проф. Трачевскаго служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ соотвѣтствующему учебнику исторіи. Благодаря огромному таланту автора эта „Новая Исторія" будетъ читаться съ огромнымъ интересомъ каждымъ учащимся, а учащему она дастъ урокъ того, какъ надо дѣлать изученіе исторіи интереснымъ и увлекательнымъ. **Е. М. В.**

Прогулка по Русскому Музею Императора Александра III въ С.-Петербургѣ. А. В. Половцова. Москва 1900.

По справедливому замѣчанію автора „исторія вообще и исторія искусства и литературы въ частности должны идти рука объ руку съ искусствомъ". Въ „Прогулкѣ" разбросано много новыхъ или хорошо забытыхъ свѣдѣній по исторіи русскаго искусства, имѣющихъ значеніе и внѣ стѣнъ Музея. Въ числѣ совершенно новыхъ данныхъ слѣдуетъ отмѣтить сообщаемыя г. Половцовымъ свѣдѣнія о художественныхъ работахъ Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ первой половинѣ главы „Скульптурная поэма" (стр. 103—108) высказаны задушевныя мысли автора о творчествѣ и будущности русскаго искусства.

Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos, by S. Lambros (Cambrige, University Press). 1901.

Каталогъ проф. Ламброса является гигантской работой, заключающей въ себѣ описаніе, — нерѣдко очень детальное, — 7,000 томовъ различныхъ рукописей, хранящихся въ монастырскихъ библіотекахъ Аѳона, причемъ иногда въ одномъ томѣ переплетено 15—20 рукописей, относящихся къ различнымъ эпохамъ.

Трудъ проф. Ламброса разрушаетъ надежды, которыя до сихъ поръ нерѣдко высказываются въ ученыхъ кругахъ, ожидающихъ найти въ монастырскихъ библіотекахъ Аѳонской горы рукописи, заключающія въ себѣ болѣе или менѣе значительные отрывки неизданныхъ твореній древнихъ классиковъ. Громадное большинство рукописей, какъ и слѣдовало ожидать, носятъ гагіологическій характеръ. Профессоръ каталогизировалъ библіотеки двухъ грузинскихъ монастырей, одного русскаго и нѣсколькихъ скитовъ. Въ предисловіи къ его работѣ имѣется, между прочимъ, любопытная оговорка, изъ которой видно, что монахи двухъ богатѣйшихъ греческихъ монастырей, обладающихъ самыми крупными библіотеками, (Лаврскаго и Ватопедскаго) отказали профессору Ламбросу въ дозволеніи каталогировать эти библіотеки подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что они сами намѣрены заняться подобной работой. Такимъ образомъ, нѣсколько тысячъ манускриптовъ остались незанесенными въ монументальный трудъ проф. Ламброса, хотя нѣкоторымъ утѣшеніемъ ученымъ можетъ служить то обстоятельство, что профессоръ все-таки видѣлъ и поверхностно осмотрѣлъ библіотеки этихъ монастырей, и, по его мнѣнію, онѣ по своему содержанію не отличаются ничѣмъ отъ описанныхъ имъ.

Описанныя проф. Ламбросомъ рукописи, тѣмъ не менѣе, представляютъ крупный палеографическій интересъ. Три изъ нихъ относятся къ X ст., четыре къ XI, девять къ XII. Странное впечатлѣніе производятъ манускрипты XVIII и XIX столѣтія: прилежные монахи, не взирая на давно изобрѣтенное книгопечатаніе, продолжаютъ благочестиво копировать „для спасенія души“ старинныя рукописи... **В. Б—скій.**

Facsimiles of the Fragment hitherto recovered of the Book of Ecclesiasticus in Hebrew. (Oxford, Clarendon Press; Cambrige, University Press).

Сдѣланная нѣсколько лѣтъ тому назадъ находка еврейскаго текста Екклезіаста вызвала въ свое время очень оживленную полемику относительно его подлинности. Настоящій трудъ является изданіемъ извѣстныхъ доселѣ отрывковъ еврейскаго текста, сдѣланнаго подъ редакціей спеціалистовъ профессоровъ двухъ вліятельнѣйшихъ университетовъ Англіи, Оксфордскаго и Кембриджскаго. Отрывки четырехъ различныхъ манускриптовъ этого текста были найдены среди еврейскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ въ Каирѣ: манускриптъ A заключаетъ въ себѣ главы III—XVI, манускриптъ B — наиболѣе обширный — почти цѣликомъ послѣднія двадцать двѣ главы, манускриптъ C—главы XVIII—XX и XXV — XXVI, наконецъ, манускриптъ D — представляетъ до извѣстной степени повтореніе манускрипта B. Прибавимъ, что эти манускрипты являются собственностью различныхъ лицъ и учрежденій (Британскаго музея, Еврейской консисторіи въ Парижѣ и т. д.), такъ что почтеннымъ ученымъ стоило немалаго труда собрать во-едино эти membra disjecta старинной рукописи. Манускрипты воспроизведены факсимиле, причемъ страницы не нумерованы и каждый листъ разрѣзанъ такъ, что, если удастся

разыскать недостающіе фрагменты, они могутъ быть вложены въ настоящее изданіе. Этотъ трудъ былъ встрѣченъ восторженными похвалами спеціальной критики. **В. Б—скій.**

Essai d'une Psychologie Politique du Peuple Anglais, par *M. Boutmy* (Librairie A. Cloin). Paris 1901.

Книга Бутми является довольно остроумной и мѣстами язвительной характеристикой англійскаго народа. Характеризуя современное увлеченіе англичанъ Чемберленомъ, Бутми замѣчаетъ, что англичане могутъ быть скептиками въ философіи, литературѣ и даже политикѣ, но непремѣнно должны имѣть какого-либо идола, „великаго мужа" страны, предъ которымъ они готовы преклонить колѣни; такимъ идоломъ въ данный моментъ является пресловутый Чемберленъ, открытый поклонникъ грубой силы. Надо, впрочемъ, признать, что національное пристрастіе часто заводитъ автора черезчуръ далеко, когда напр. онъ заявляетъ, что „такія чувства какія питала Франція къ угнетенной Италіи, неизвѣстны въ Англіи". Бутми, очевидно, забываетъ о томъ, что было сдѣлано Гладстономъ для привлеченія общественнаго сочувствія къ Италіи, забываетъ восторженный пріемъ Гарибальди населеніемъ Лондона, забываетъ сочувственное отношеніе Англіи къ Кошуту и венгерскому возстанію; забываетъ, что Англія въ теченіе всего XIX столѣтія служила пріютомъ для политическихъ изгнанниковъ всѣхъ странъ, не исключая и „свободолюбивой" Франціи. Вообще, при чтеніи книги Бутми не должно ни на минуту забывать, что имѣешь дѣло съ патріотически настроеннымъ французомъ.

The Life of Dante. By *Paget Toynbee*. With twelve illustrations. London. 1901. (Published by Metuen & C°).

Работа Тайнби о Данте—чисто компилятивнаго характера, о чемъ авторъ откровенно заявляетъ въ предисловіи, говоря, что онъ не претендуетъ на оригинальность. Тѣмъ не менѣе, книга довольно детально знакомитъ читателя съ жизнью великаго поэта и является очень полезнымъ пособіемъ для людей, не имѣющихъ ни времени, ни охоты копаться въ первоисточникахъ или произведеніяхъ спеціально научнаго характера, трактующихъ объ эпохѣ Данте.

Біографіи Данте предшествуютъ три главы, посвященныя исторіи борьбѣ Гвельфовъ и Гибеллиновъ. Переходя къ Данте, авторъ заявляетъ, что онъ вводитъ въ изложеніе не только строго провѣренные факты, но также и многочисленныя легенды, героемъ которыхъ является поэтъ.

„Легенды и преданія, которыми бываютъ окружены великія имена—говоритъ авторъ,—по нашему мнѣнію являются важнымъ біографическимъ элементомъ и часто болѣе служатъ для выясненія личности героя, чѣмъ самые достовѣрные факты; поэтому я счелъ необходимымъ ввести въ мою біографію нѣкоторыя легендарныя сказанія и анекдоты, которые очень рано начали группироваться вокругъ имени Данте".

Приводимъ изъ нихъ трогательную средневѣковую легенду, разсказывающую о томъ, какъ были найдены затерянныя

главы „Paradiso": „Однажды ночью, когда сынъ поэта Джакопо спалъ, отецъ его явился къ нему въ сонномъ видѣніи, одѣтый въ бѣлоснѣжную одежду; лицо его было окружено сіяніемъ. На вопросъ Джакопо: „Живъ-ли ты?" отецъ его отвѣтилъ: „Да, я живъ; но я живу теперь истинной жизнью, а не вашей призрачной". Тогда Джакопо спросилъ отца: окончилъ-ли онъ свой трудъ раньше, чѣмъ началъ жить истинной жизнью, и если окончилъ, то гдѣ находится манускриптъ, котораго никто не можетъ найти. Данте отвѣтилъ:—„Да, я окончилъ мой трудъ" и, взявъ Джакопо за руку, повелъ его въ комнату, служившую прежде спальней поэта. Прикоснувшись рукой къ одной изъ стѣнъ комнаты, онъ сказалъ: „То, что вы ищете, находится здѣсь". Услышавъ эти слова, Джакопо пробудился и немедленно отправился къ своему другу, Пьеру Джіардико, дабы онъ помогъ ему въ его розысканіяхъ, руководясь указаніемъ, полученнымъ Джакопо во снѣ. Несмотря на то, что была ночь, друзья отправились къ дому, въ которомъ жилъ Данте, разбудили хозяина дома и начали розыски. Джакопо тотчасъ распозналъ мѣсто, указанное ему во снѣ отцомъ, и поднявъ коверъ, висѣвшій на стѣнѣ, друзья нашли небольшое углубленіе, прикрытое окномъ, существованія котораго никто раньше не подозрѣвалъ. Въ углубленіи лежалъ свертокъ рукописей, довольно сильно поврежденныхъ сыростью; свертокъ этотъ заключалъ въ себѣ тринадцать заключительныхъ пѣсенъ Comedia Divina".

Книга Тойнби издана довольно изящно, хотя къ сожалѣнію иллюстраціи, приложенныя къ ней, не отличаются особенной художественностью исполненія. Лучшая изъ нихъ—фотографія маски, снятой съ мертваго Данте. **В. Б—скій.**

Modern Abyssinia, by *A. Wylde.* London. 1901. (Published by Methnen & C°).

Англичане настолько напуганы неудачной войной въ Южной Африкѣ, что теперь уже заранѣе отыскиваютъ и изучаютъ „грядущихъ враговъ" Великобританіи. Книга Вайльда въ сущности является предостереженіемъ по адресу англійскихъ джингоистовъ; авторъ ея указываетъ, что всякая попытка со стороны Англіи трактовать Абиссинію въ духѣ агрессивной иниціалистской политики можетъ закончиться такой катастрофой, предъ которой поблѣднѣютъ ужасы южно-африканской войны. Абиссинская армія можетъ съ успѣхомъ бороться съ любой европейской арміей, какъ это испытали на своей спинѣ итальянцы. Итальянская „политика захватовъ" сыграла для Абиссиніи ту-же роль, какую набѣгъ Джемсона сыгралъ относительно Трансвааля, т. е. заставила страну позаботиться о возможно лучшемъ обученіи войска и снаряженіи его усовершенствованнымъ оружіемъ. О вооруженіи абиссинцевъ особенно позаботились, по словамъ автора, французы, зная, что доставленныя ими ружья и пушки будутъ употреблены противъ Англіи и Италіи, такъ какъ сама Франція находится въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Абиссиніей и не останавливается предъ довольно крупными расходами для поддержанія этой полезной дружбы. Въ настоящее время Абис-

синія, по словамъ Вайльда, находится наканунѣ революціи; въ странѣ идетъ ожесточенная борьба между военной аристократіей и земледѣльческимъ населеніемъ и въ случаѣ смерти теперешняго правителя Абиссиніи, каждую минуту могутъ вспыхнуть серьезные внутренніе безпорядки, могущіе отразиться и на отношеніяхъ Абиссиніи къ ея колоніальнымъ сосѣдямъ: Англіи и Италіи. **В. Б—скій.**

No Room to Live, by *Scorge Haw*, with introduction by *Sir W. Besant*. Sceond edition. London. 1901. (Publiched by Wells, Gardner, Darton & C°).

The Hous ins Question in London. An Account prepared by *W. R"ssel and M. Cox*, under the direction of *C. Stewart*. London. 1901 (Published by Kins & C°).

Одной изъ язвъ Лондона является его перенаселенность, о которой трактуютъ двѣ вышеупомянутыя книжки. Одна изъ нихъ „Негдѣ жить" Гоу, вышедшая на дняхъ вторымъ изданіемъ, появилась прежде на страницахъ „Daily News" въ формѣ писемъ, вызвавшихъ оживленную полемику въ прессѣ, запросы въ парламентѣ, созваніе спеціальныхъ митинговъ для обсужденія поднятыхъ ею вопросовъ и т. д., словомъ, она коснулась одного изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ. Факты, приводимые въ книгѣ Гоу, дѣйствительно настолько ужасны, что могутъ заставить призадуматься всякого, мало-мальски заинтересованнаго соціальными вопросами. Оказывается, что болѣе чѣмъ 900.000 человѣкъ лондонскаго населенія не имѣютъ жилищъ, отвѣчающихъ самымъ скромнымъ требованіямъ гигіены и, благодаря этому, принуждены ютиться семьями въ 10 — 12 человѣкъ въ одной комнатѣ, причемъ имъ постоянно угрожаетъ опасность быть выброшенными на улицу санитарнымъ инспекторомъ, если до свѣдѣнія послѣдняго будетъ доведено о томъ, что въ данномъ помѣщеніи живетъ большее количество лицъ, чѣмъ разрѣшается санитарными правилами. Жизнь нѣкоторыхъ семей проходитъ въ постоянномъ переселеніи изъ одного участка въ другой, нѣкоторые переселяются чуть-ли не каждый мѣсяцъ, чтобы избѣжать столкновенія съ санитарнымъ надзоромъ. И несмотря на это, благодаря отсутствію квартиръ, рабочимъ приходится платить иногда отъ 8 до 10 шил. (4 — 5 р.) въ недѣлю за крошечную комнату, служащую спальней, столовой, дѣтской, прачешной и т. д. Понятно, что при такой обстановкѣ люди бѣгутъ изъ комнаты въ кабакъ, дѣти хвораютъ и т. д. А между тѣмъ, населеніе Лондона съ каждымъ годомъ растетъ и цѣна на квартиры повышается. Спекуляторы скупаютъ дома, разбиваютъ ихъ на маленькія квартиры и отдаютъ послѣднія по цѣнѣ, какой имъ вздумается. Скученность ведетъ, конечно, къ преступленіямъ противъ нравственности. Приводимъ для образца одинъ изъ оффиціальныхъ докладовъ санитарнаго инспектора, наглядно рисующихъ то положеніе, въ которое попадаютъ лондонскіе рабочіе вслѣдствіе недостатка квартиръ.

„Въ участкѣ Сентъ-Джорджъ,—говоритъ инспекторъ,—мужъ съ женой и восемью дѣтьми занимаютъ одну комнату. Семья со-

стоитъ изъ пяти дочерей, въ возрастѣ 20, 17, 8, 4 и 2-хъ лѣтъ и трехъ сыновей, въ возрастѣ 15, 13 и 12 лѣтъ. Въ Вайтчеплѣ мужъ съ женой, три дочери въ возрастѣ 16, 8 и 4 лѣтъ и два сына въ возрастѣ 12 и 10 лѣтъ помѣщаются въ одной комнатѣ. Въ Бетналъ-Гринъ мужъ съ женой, четверо сыновей, въ возрастѣ 23, 21, 19 и 16 лѣтъ и двѣ дочери, въ возрастѣ 14 и 7 лѣтъ ютятся въ одной маленькой комнатѣ".

Но приведенные нами примѣры еще не изъ самыхъ разительныхъ. Отсутствіе квартиръ доводитъ до того, что люди отдаютъ въ наемъ *кровати*. Рабочіе, работающіе по ночамъ, вродѣ булочниковъ или ночныхъ сторожей, отдаютъ въ наемъ кровати на ночь товарищамъ, работающимъ днемъ. Инспекторъ говорилъ въ своемъ отчетѣ, что въ Спитальфіельдскомъ участкѣ Лондона обратилось въ обычай отдавать кровати на 8 часовъ, так что одна и та-же кровать служитъ въ теченіе 24 часовъ тремъ постояльцамъ.

Гоу приводитъ въ своей книгѣ любопытный разговоръ, подслушанный на желѣзной дорогѣ. Дѣло было въ 6 часовъ вечера, когда рабочіе возвращаются съ работы.

„— Выйдемъ въ Вестминстерѣ,—сказалъ одинъ рабочій другому,—мнѣ еще рано возвращаться домой. Ты знаешь, комната, гдѣ я сплю, занята теперь служанкой отеля, гдѣ она работаетъ по ночамъ. Она встаетъ не раньше 7 час. вечера. Такъ что мы пока пойдемъ посидимъ въ кабакѣ".

Понятно, что при такихъ условіяхъ, взрослые спасаются отъ тѣсноты въ кабакахъ, а дѣти проводятъ все время на улицахъ. Это пребываніе на улицахъ выработало особенный лондонскій типъ подростковъ, извѣстныхъ подъ именемъ „гуллигановъ", получившихъ это наименованіе, благодаря нѣкоему Гуллигану, предводителю шайки подростковъ, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ безчинствовала на улицахъ Лондона. Гулліганы цѣлые дни шатаются по лондонскимъ улицамъ, приставая къ прохожимъ и совершая различныя безобразія. По вечерамъ шайки гуллигановъ вступаютъ въ единоборство другъ съ другомъ, причемъ дѣло нерѣдко оканчивается смертоубійствомъ. Постепенно увлекаясь молодечествомъ, гулліганы превращаются въ грабителей, воровъ и поставляютъ главный контингентъ для тюремъ.

Если въ книгѣ Гоу читатели найдутъ рядъ картинокъ съ натуры, результатъ наблюденій вдумчиваго журналиста, книга Стюарта „Квартирный вопросъ въ Лондонѣ" является солиднымъ статистическимъ изслѣдованіемъ, гдѣ вопросъ этотъ разслѣдованъ съ возможной полнотой и детальностью.

В. Б—скій.

Отъ редакціи.

Помѣщенная въ № 1 „Вѣстника Всемірной Исторіи" за 1901 г. статья Н. А. Гастфрейнда подъ заглавіемъ „Кюхельбекеръ и Пущинъ" является одной изъ главъ біографическаго очерка Кюхельбекера изъ составляемаго г. Гастфрейндомъ труда „Словарь

воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея и благороднаго лицейскаго пансіона". Это указаніе было нами опущено какъ неимѣющее особаго значенія; нынѣ, вслѣдствіе возникшей въ томъ необходимости для автора названной статьи, мы его возстановляемъ.

Письмо въ редакцію.

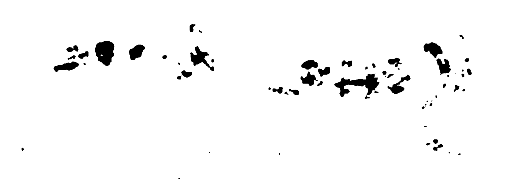
Въ послѣднее время обращено самое серьезное вниманіе на пчеловодство, какъ подспорное занятіе сельскаго хозяйства: цѣлый рядъ инструкторовъ пчеловодства, правительственныхъ и земскихъ, работаетъ надъ распространеніемъ этого полезнаго промысла. Техника пчеловожденія оказала огромные успѣхи и съ каждымъ годомъ замѣтно двигается впередъ. Но есть отрасль пчеловѣдѣнія, которая мало изслѣдована, а именно значеніе пчеловодства въ духовной жизни народа, взгляды народа на пчелу и пчеловодство. Между тѣмъ, у старыхъ пчелинцевъ сохранилось не мало различныхъ предразсудковъ, заговоровъ, повѣрій, примѣтъ и проч. Хотя разумное пчеловодство въ нихъ мало нуждается, но, тѣмъ не менѣе, въ виду значительнаго спеціально-историческаго и научно-этнографическаго интереса этихъ остатковъ древне-русской словесности и культуры, желательно собрать ихъ воедино. Руководствуясь этою мыслью, я рѣшился составить и издать книгу, посвященную всестороннему разсмотрѣнію пчеловодныхъ предразсудковъ. Въ настоящее время у меня собрано болѣе 1000 №№ разныхъ повѣрій и заклинаній по части пчеловодства, но я все еще нахожу это число слишкомъ недостаточнымъ, а поэтому обращаюсь черезъ посредство Вашего уважаемаго изданія ко всѣмъ сочувствующимъ разработкѣ разныхъ научныхъ вопросовъ съ покорнѣйшей просьбой оказать мнѣ свое содѣйствіе въ нелегкомъ, задуманномъ мною трудѣ. Содѣйствіе можетъ быть оказано присылкою какъ цѣлыхъ рукописей (въ оригиналѣ или въ копіяхъ), такъ и отдѣльныхъ №№ заговоровъ, предразсудковъ, примѣтъ, поговорокъ и загадокъ о пчелахъ, свѣдѣній о суевѣрныхъ обрядахъ и т. п.

Корреспонденцію прошу адресовать: г. Кострома, губернскому пчеловоду Г. А. Кузьмину.

Заранѣе приношу искреннюю благодарность откликнувшимся на мою просьбу и сообщаю, что всѣмъ, приславшимъ мнѣ еще ненапечатанныя нигдѣ свѣдѣнія, составляемая мною книга будетъ выслана безплатно тотчасъ послѣ появленія въ свѣтъ. Фамиліи *всѣхъ* корреспондентовъ будутъ помѣщены въ текстѣ книги. Во избѣжаніе расходовъ по пересылкѣ крупныхъ рукописей, прошу увѣдомлять меня открытымъ письмомъ: я вышлю конверты для безплатной пересылки по почтѣ.

Губернскій пчеловодъ **Г. А. Кузьминъ.**

Редакторъ-Издатель **С. С. Сухонинъ.**

Цена 2-00 к.

